35
T 94

Изъ книгъ Ѳ. Пушкина

Отдѣлъ I.

Общее ученіе о хозяйствѣ.

Глава I.

Предметъ политической экономіи.

I) Общая характеристика политической экономіи. Теорія и факты. Сцилла и Харибда политической экономіи. Задачи настоящаго курса политической экономіи. II) Хозяйство съ точки зрѣнія рода удовлетворяемыхъ имъ потребностей. Шмоллеръ, Энгельсъ, Чупровъ. Невозможность разграничить высшія и низшія потребности. Удовлетвореніе различныхъ потребностей тѣми же хозяйственными предметами. III) Хозяйственный принципъ, какъ отличительный признакъ хозяйства. Рошеръ, Вагнеръ, Исаевъ, Георгіевскій. Хозяйственный принципъ, какъ основа всякой разумной дѣятельности. Почему этотъ принципъ находитъ свое наиболѣе полное осуществленіе въ хозяйствѣ. IV. Опредѣленіе хозяйственной дѣятельности. Объективный отличительный признакъ хозяйственной дѣятельности. Какимъ потребностямъ удовлетворяетъ хозяйство. Субъективный отличительный признакъ хозяйства. Почему игра не составляетъ хозяйства. Является ли потребленіе хозяйственной дѣятельностью? V. Экономія и техника. Германъ. Несостоятельность его разграниченія экономіи и техники. Двусторонность хозяйственнаго процесса. Экономическая наука изучаетъ человѣка. Различіе точки зрѣнія біологическихъ наукъ и политической экономіи. VI. Единичное и народное хозяйство. Почему невозможна экономическая наука о единичномъ хозяйствѣ. Политическая экономія и психологія. Гетерогенія цѣлей. Народное хозяйство. VII. Народное хозяйство, какъ предметъ изученія политической экономіи. Стихійныя силы народнаго хозяйства и планомѣрное регулированіе его общественною властью. Почему политическая экономія возникла на почвѣ изученія силъ перваго рода. Общественныя отношенія хозяйства. Опредѣленіе политической экономіи. Дополнительныя замѣчанія. Опредѣленія хозяйства Дитцеля, Филипповича, Платтера, Штаммлера, Желѣзнова. Опредѣленіе хозяйства, какъ культурнаго единства. Гносеологическія причины изученія политической экономіей народнаго хозяйства.

I.

Политическая экономія изучаетъ народное хозяйство—въ какихъ отношеніяхъ, въ какомъ смыслѣ и съ какими цѣлями, это выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія.

Положеніе политической экономіи среди другихъ общественныхъ наукъ чрезвычайно своеобразно въ томъ отношеніи, что никакая другая общественная наука не вызываетъ къ себѣ такого живаго интереса среди людей нашего времени, и въ то же время не отрицается столь часто въ своемъ научномъ авторитетѣ и не встрѣчаетъ такой враждебной критики съ самыхъ различныхъ сторонъ, какъ политическая экономія. И то и другое, до извѣстной степени, вызывается общей причиной. Изучая отношенія хозяйства, политическая экономія вторгается въ сферу хозяйственныхъ интересовъ, являющихся, при господствующихъ условіяхъ общественной жизни, наиболѣе мощными и доминирующими интересами современности. Но при наличности глубокаго и неустранимаго антагонизма хозяйственныхъ интересовъ, характернаго для существующаго строя хозяйства, выводы политической экономіи не могутъ не вступать въ столкновеніе съ хозяйственными интересами тѣхъ или иныхъ группъ населенія. Благодаря этому положеніямъ нашей науки всего труднѣе завоевать общее признаніе—извѣстно, какое сопротивленіе оказываетъ враждебный интересъ даже самымъ яснымъ и, казалось бы, непререкаемымъ аргументамъ. Вотъ почему авторитетъ политической экономіи такъ шатокъ и неустойчивъ въ общественномъ мнѣніи—чѣмъ глубже захватываетъ эта наука природу общественно-экономическихъ отношеній, тѣмъ упорнѣе отвергаются ея выводы со стороны тѣхъ, интересамъ которыхъ эти выводы противорѣчатъ.

Другая причина и силы и слабости политической экономіи заключается въ томъ, что она является единственной среди всѣхъ общественныхъ наукъ, ставящей себѣ верховной цѣлью не описаніе конкретныхъ явленій и даже не причинное объясненіе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, но установленіе общихъ законовъ, общихъ формулъ причинныхъ соотношеній. Достигаетъ ли политическая экономія этихъ цѣлей или нѣтъ—во всякомъ случаѣ она ихъ себѣ ставитъ и этимъ существенно отличается какъ отъ наукъ права, содержаніе которыхъ слагается, главнымъ образомъ, изъ описанія дѣйствующаго права, исторіи развитія его и критики съ точки зрѣнія цѣлесообразности, такъ и отъ общей науки исторіи, которая описываетъ и объясняетъ историческую

смѣну общественныхъ явленій, но не доводитъ своихъ обобщеній до установленія общихъ законовъ причинныхъ соотношеній общественныхъ явленій. Послѣдняя задача выпадала бы на долю соціологіи—но таковой научной дисциплины пока, въ строгомъ смыслѣ, не существуетъ и мы все еще не вышли изъ малоуспѣшныхъ попытокъ создать эту отсутствующую науку. И только политическая экономія въ теченіе уже болѣе столѣтія представляетъ собою обширную систему знаній, слагающуюся въ своихъ самыхъ существенныхъ частяхъ изъ общихъ формулъ причинныхъ соотношеній изучаемаго этой наукой круга явленій. Можно спорить о томъ, удачно или неудачно формулируетъ политическая экономія причинные законы явленій хозяйства, но нельзя спорить о самомъ фактѣ существованія такихъ формулировокъ въ предѣлахъ нашей науки и о выдающемся мѣстѣ ихъ въ ея системѣ.

По своимъ цѣлямъ политическая экономія приближается такимъ образомъ, къ тому точному абстрактному познанію образцомъ котораго можетъ служить абстрактное естествознаніе. Но, конечно, современная экономическая наука по точности и общеобязательному значенію своихъ выводовъ стоитъ далеко позади естествознанія. И потому, ставя себѣ болѣе высокія и труднѣе достижимыя цѣли, она становится и болѣе уязвимой для критики, чѣмъ другія общественныя науки, въ большей или меньшей степени сводящіяся къ простому описанію конкретныхъ фактовъ.

Открытіе причинныхъ законовъ есть высшая задача науки. Но задача эта далеко не всегда, не при всякомъ уровнѣ знанія, разрѣшима. Въ частности, въ политической экономіи долгое время преобладало увлеченіе общими формулами, въ которыхъ современники видѣли выраженіе неизмѣнныхъ и вѣчныхъ законовъ хозяйства; впослѣдствіи, однако, многіе изъ этихъ якобы законовъ оказались поверхностными, а иногда и неправильными обобщеніями частныхъ и преходящихъ явленій. Изъ многочисленныхъ „законовъ“ политической экономіи начала XIX вѣка большая часть была развѣнчана въ своемъ величествѣ позднѣйшей критикой. Чрезмѣрная склонность къ широкимъ обобщеніямъ и абстракціи имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что экономическая теорія мало-по-малу потеряла связь съ реальной жизнью. Многія построенія экономической теоріи пріобрѣли схоластическій характеръ—чисто словесныхъ опредѣленій, которыя вращались въ кругу условныхъ терминовъ, не обогащая ни на іоту нашего знанія дѣйствительности.

Курсы политической экономіи, относящіеся къ тому времени (первой половинѣ XIX вѣка), отличались отвлеченностью изложенія и почти полнымъ отсутствіемъ конкретнаго фактическаго матеріала. Все вниманіе обращалось на выработку экономической теоріи, которая, согласно предположенію, должна была объяснять въ равной мѣрѣ хозяйственныя явленія всѣхъ историческихъ эпохъ. На самомъ же дѣлѣ, преподносившаяся въ этихъ курсахъ теорія нерѣдко ничего не объясняла, такъ какъ совершенно не задѣвала дѣйствительныхъ фактовъ и сводилась къ объясненію терминовъ, выдуманныхъ самими же экономистами.

Такое положеніе дѣла не могло не вызвать реакціи. И вотъ мы видимъ, что во второй половинѣ XIX вѣка увлеченіе теоріей смѣняется увлеченіемъ фактами. Разочаровавшись въ достижимости болѣе высокихъ цѣлей научнаго познанія, многіе экономисты проникаются презрѣніемъ къ теоріи. Мѣсто прежней отвлеченной теоріи занимаютъ обстоятельнѣйшія описанія фактовъ конкретной экономической дѣйствительности и исторіи хозяйства —и экономическая наука, въ трудахъ ученыхъ этого направленія, начинаетъ превращаться въ простое скопленіе огромной массы эмпирическаго матеріала съ крайне скуднымъ теоретическимъ освѣщеніемъ.

Палка была перегнута въ другую сторону и это скоро почувствовалось большинствомъ. Стало ясно, что страхъ передъ теоріей поклонниковъ фактовъ такъ же не соотвѣтствуетъ духу истинной науки, какъ чрезмѣрное увлеченіе теоріей болѣе раннихъ экономистовъ. Если теорія, оторванная отъ фактовъ, пуста, то и факты, не освѣщенные теоріей, слѣпы. Конечно, только такое теоретическое знаніе плодотворно, исходя изъ котораго можно дать объясненія конкретнымъ фактамъ; но факты сами по себѣ, какъ тщательно бы они ни изучались, не могутъ составить науки, ибо даже простое описаніе ихъ невозможно безъ извѣстныхъ общихъ теоретическихъ предпосылокъ, опредѣляющихъ, что именно въ наблюдаемыхъ фактахъ заслуживаетъ описанія, что слѣдуетъ признать въ нихъ важнымъ.

Такимъ образомъ, далекая отъ жизни теорія и чуждый всякихъ отвлеченностей эмпиризмъ представляютъ собой Сциллу и Харибду политической экономіи. Общіе курсы экономической науки, страдающіе первымъ недостаткомъ, оставляютъ читателя неудовлетвореннымъ внутренней безсодержательностью своихъ логическихъ построеній, которыя могутъ быть очень стройны и безупречны въ формальномъ отношеніи, но не имѣютъ практической цѣны, если ихъ нельзя примѣнить къ объясненію кон-

крктныхъ фактовъ. Напротивъ, курсы съ преобладаніемъ фактическаго матеріала, не переработаннаго теоретической мыслью, подавляютъ читателя обиліемъ фактическихъ свѣдѣній, не менѣе безполезныхъ, если изъ нихъ нельзя извлечь общихъ выводовъ для пониманія настоящаго и предвидѣнія будущаго.

Научный курсъ политической экономіи долженъ избѣжать обѣихъ указанныхъ крайностей. Онъ долженъ быть проникнутъ съ начала до конца стройной теоріей, которая должна укладывать въ систему и ставить на свое мѣсто каждый отдѣльный фактъ, находящій себѣ въ немъ мѣсто; но сама теорія должна излагаться въ непосредственной связи съ фактами. И теорія и факты должны быть органическимъ цѣлымъ, въ которомъ одна часть предполагаетъ другую. Одинаково вредно и опасно пренебрегать какъ теоріей, такъ и фактами. Необходимо стремиться къ тому, чтобы теорія была построена возможно совершеннѣе въ логическомъ отношеніи; каждое общее понятіе должно употребляться въ одномъ строго опредѣленномъ и неизмѣнномъ смыслѣ, каждый теоретическій выводъ долженъ быть поставленъ въ связь со своими логическими посылками, и все вмѣстѣ должно укладываться въ стройную систему. Но эта система должна быть приведена въ самую тѣсную связь со всей полнотой конкретнаго содержанія хозяйственной жизни, въ ея прошломъ и настоящемъ.

Итакъ, теорія, вытекающая изъ фактовъ, и факты, какъ основа теоріи—вотъ каково должно быть содержаніе общаго курса экономической науки.

II.

Политическая экономія изучаетъ народное хозяйство. Но этимъ еще сказано очень мало. Прежде всего, нужно точно опредѣлить самое понятіе народнаго хозяйства. Затѣмъ нужно установить, въ какомъ смыслѣ, въ какихъ отношеніяхъ, съ какой точки зрѣнія экономическая наука изслѣдуетъ народное хозяйство—ибо хозяйственная дѣятельность человѣка является предметомъ изученія многихъ другихъ наукъ, кромѣ политической экономіи. Полная методологическая ясность относительно предмета нашей науки безусловно необходима для удовлетворительнаго разрѣшенія тѣхъ чрезвычайно важныхъ проблемъ, которыми занята именно она въ отличіе отъ всѣхъ другихъ наукъ. Если же точки зрѣнія различныхъ наукъ, изслѣдующихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія хозяйственную дѣятельность человѣка, будутъ смѣшиваться другъ съ другомъ (что нынѣ является общимъ правиломъ), то въ резуль-

татѣ получится не научная система, а каша изъ разнородныхъ и даже взаимно исключающихъ элементовъ, цѣнность которой для цѣлей познанія будетъ крайне ничтожна.

Центральнымъ понятіемъ нашей науки является понятіе хозяйства. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ великій Кантъ иронически замѣтилъ относительно науки права, что юристы все еще спорятъ о томъ, что такое право. Споры эти продолжаются и до днесь. Экономисты мало спорятъ или вовсе не спорятъ относительно понятія хозяйства, но вовсе не потому, чтобы относительно него господствовало между ними полное согласіе. Большинство экономистовъ просто не чувствуетъ потребности въ точномъ опредѣленіи центральнаго понятія своей науки. Между тѣмъ, неясность въ этомъ исходномъ пунктѣ должна внести неясность во все послѣдующее. Чтобы точно установить предметъ изученія политической экономіи и этимъ сдѣлать невозможнымъ вторженіе въ ея область другихъ научныхъ дисциплинъ, равно какъ и безплодную охоту экономиста на чужихъ поляхъ, нужно самымъ строгимъ образомъ очертить границы той научной территоріи, которую экономистъ можетъ и долженъ считать своимъ законнымъ владѣніемъ. Только это можетъ обезпечить плодотворное мирное сотрудничество отдѣльныхъ наукъ, вмѣсто господствующей нынѣ между ними междоусобной брани, вызываемой неясностью ихъ взаимныхъ границъ.

Очень многіе экономисты, какъ сказано, совсѣмъ не даютъ опредѣленія понятія хозяйства. Другіе пытались дать требуемое опредѣленіе, но рѣшеніе ихъ было такъ неудачно, что не встрѣтило поддержки со стороны собратьевъ по наукѣ. Объ этихъ опредѣленіяхъ можно умолчать. Наибольшей популярностью среди экономистовъ пользуются двѣ группы опредѣленій понятія хозяйства: первая группа исходитъ изъ конечныхъ цѣлей хозяйственной дѣятельности, изъ *рода потребности*, которой эта дѣятельность служитъ, иначе говоря, изъ того, *что* дѣлается,—вторая—изъ характера хозяйственной дѣятельности, изъ внутреннихъ свойствъ самой хозяйственной дѣятельности, какъ таковой изъ того, *какъ* дѣлается то или иное.

Первая группа опредѣленій хозяйства имѣетъ, повидимому, всего болѣе сторонниковъ среди экономистовъ. Представители этого воззрѣнія на природу хозяйства различаютъ два рода потребностей — низшія, необходимыя, физіологическія потребности поддержанія жизни нашего организма (обычно называемыя *матеріальными* или внѣшними потребностями) и высшія потребности духовнаго или культурнаго характера. Хозяйствомъ является

по этому взгляду такая дѣятельность, которая направлена на удовлетвореніе первой группы потребностей. „Подъ понятіемъ хозяйствованія,—говоритъ напр. Шмоллеръ—мы прежде всего подразумѣваемъ дѣятельность, имѣющую цѣлью удовлетвореніе внѣшнихъ потребностей нашего организма, безъ чего невозможно наше существованіе. Добывать пищу у матери природы при помощи охоты или скотоводства, мотыки или плуга, защищать себя отъ холода путемъ постройки дома изъ дерева или камня, изготовлять одежду изъ луба, льна и шерсти, устраивать орудія и нужныя приспособленія для изготовленія всего этого — вотъ что такое хозяйствованіе“ [1]). Сходное опредѣленіе хозяйства даетъ и Энгельсъ. „Подъ экономическими отношеніями, которыя мы признаемъ опредѣляющей основой общества—писалъ онъ въ 1894 г., въ одномъ изъ впослѣдствіи опубликованныхъ писемъ—мы понимаемъ способъ, которымъ люди опредѣленнаго общества производятъ свои средства къ жизни и обмѣниваются ими“ [2]), а подъ средствами къ жизни Энгельсъ понималъ, какъ видно изъ его „Происхожденія семейства“ „пищу, одежду, жилище и необходимыя для этого орудія труда“ [3]). У насъ въ Россіи на той же точкѣ зрѣнія стоитъ Чупровъ. „Дѣйствія человѣка,—говоритъ онъ,—направленныя на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, могутъ быть названы хозяйственными, экономическими“ [4]), а подъ матеріальными потребностями Чупровъ понимаетъ насущныя потребности нашего организма.

Такое пониманіе сущности хозяйственной дѣятельности наталкивается, однако, на непреодолимыя трудности при его примѣненіи къ дѣлу. Прежде всего, совершенно невозможно точно разграничить такъ назыв. низшія, физіологическія, и высшія, культурныя потребности. Куда отнести, напр., потребности въ красивой одеждѣ, драгоцѣнностяхъ и т. п? Несомнѣнно, это не необходимыя потребности. Однако, приготовленіе одежды относится и Шмоллеромъ, и Энгельсомъ (какъ и всѣми другими экономистами) къ хозяйству. Далѣе, если бы и можно было строго разграничить „хозяйственныя потребности“ отъ „нехозяйственныхъ“, это еще не дало бы намъ точнаго критерія для различенія хозяйства отъ дѣятельности другого рода. Дѣло въ томъ, что почти каждый предметъ можетъ служить самымъ разнообразнымъ потребностямъ и, слѣдовательно, стоя на разсматриваемой точкѣ зрѣнія, совершенно невозможно установить, является ли данная дѣятельность хозяйственной или нѣтъ. Изъ кирпичей можно выстроить фабрику (служащую цѣлью хозяйства) и храмъ (не служащій хозяйственнымъ цѣлямъ); изъ полотна дѣлаютъ мѣшки

для хлѣба, но на полотнѣ рисуютъ и картины; изъ дерева дѣлаютъ стулья и столы, но также и музыкальные инструменты и т. д., и т. д. [5]).

Граница между хозяйствомъ и нехозяйствомъ, такимъ образомъ, совершенно стирается.

III.

Въ виду невозможности опредѣлить хозяйственную дѣятельность по ея конечнымъ цѣлямъ, многіе экономисты стали искать отличительныхъ признаковъ хозяйства въ характерѣ этой самой дѣятельности, не въ томъ, что дѣлается, а въ томъ, какъ дѣлается. „Каждое нормальное хозяйство,—говоритъ Рошеръ,—направлено къ достиженію наибольшей суммы личной пользы съ наименьшей затратой“ [6]). Всего точнѣе мысль эта выражена А. Вагнеромъ, согласно которому хозяйственный принципъ есть „стремленіе предпринимать лишь такую работу, при которой наслажденіе удовлетворенія потребности превосходитъ тягостное усиліе (жертву) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе къ возможно большей суммѣ (максимуму) удовлетворенія при наименьшей суммѣ (минимумѣ) усилія или жертвы“, а „хозяйство есть совокупность трудовыхъ дѣйствій человѣка, направленныхъ планомѣрно и въ соотвѣтствіи съ этимъ экономическимъ принципомъ на постоянное удовлетвореніе потребностей человѣка“ [7]). Въ Россіи на почвѣ этого пониманія хозяйства стоитъ напр., А. А. Исаевъ, признающій „разсчетъ отличительной чертой хозяйственной дѣятельности“ и опредѣляющій хозяйство какъ „совокупность основанныхъ на разсчетѣ дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію, умноженію и расходованію имущества“ [8]). Точно также и П. И. Георгіевскій въ своемъ опредѣленіи хозяйства выдвигаетъ на первый планъ экономическій принципъ [9]).

Такое опредѣленіе хозяйства кажется гораздо научнѣе и гораздо глубже проникающимъ въ природу хозяйственной дѣятельности, чѣмъ опредѣленія предыдущей группы. Оно совершенно отказывается отъ мысли, что хозяйственная дѣятельность удовлетворяетъ только одной группѣ потребностей. Какова бы ни была потребность человѣка, низшая или высшая, дѣятельность, направленная на ея удовлетвореніе, должна быть признана хозяйственной, если только она совершается въ согласіи съ хозяйственнымъ принципомъ. Самый же хозяйственный принципъ есть не что иное, какъ требованіе возможно болѣе бережливаго расходованія силъ.

Въ центрѣ этого опредѣленія хозяйства лежитъ понятіе хозяйственнаго принципа, вообще играющее очень большую роль въ экономической теоріи нашего времени. Итальянскіе экономисты называютъ этотъ принципъ „принципомъ наименьшихъ затратъ“, а Дитцель предложилъ назвать таковой „принципомъ бережливости“ (Sparprincip), усматривая въ немъ „стремленіе къ достиженію данной цѣли съ наименьшими средствами“ или, иначе говоря, стремленіе къ „наибольшей пользѣ съ наименьшими затратами“[10]). Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что принципъ этотъ, дѣйствительно, свойствененъ хозяйственной дѣятельности и что хозяйственная дѣятельность тѣмъ полнѣе достигаетъ своихъ цѣлей, чѣмъ болѣе она ему слѣдуетъ. Мы называемъ хозяйство хорошимъ или дурнымъ въ зависимости отъ того, насколько оно построено въ соотвѣтствіи съ этимъ принципомъ. На почвѣ такого пониманія природы хозяйства стоялъ Бюхеръ въ своихъ знаменитыхъ этюдахъ о происхожденіи народнаго хозяйства. Дикарь, не знакомый съ хозяйственнымъ разсчетомъ, не можетъ и вести, съ этой точки зрѣнія, хозяйства. Поэтому Бюхеръ былъ вполнѣ послѣдователенъ, утверждая, что хозяйство есть результатъ историческаго развитія и что болѣе первобытные народы совсѣмъ не знаютъ хозяйства, ибо дѣятельность дикаря по добыванію пищи и удовлетворенію своихъ потребностей почти лишена элемента разсчета и предвидѣнія [11]).

Однако, и хозяйственный принципъ столь же мало пригоденъ для выдѣленія специфически хозяйственной дѣятельности изъ ряда другихъ, какъ и родъ потребности, которой эта дѣятельность служитъ. Дитцель неопровержимо доказалъ, что такъ назыв. хозяйственный принципъ есть принципъ не только хозяйственной, но вообще всякой разумной дѣятельности [12]). Всякая цѣлесообразная дѣятельность должна слѣдовать этому принципу. Мы мыслимъ согласно хозяйственному принципу, стремясь съ наименьшей затратой своихъ умственныхъ силъ разрѣшить интересующій насъ вопросъ, и тѣмъ же принципомъ опредѣляетъ цѣнность продукта нашего умственнаго творчества. Абстрактное понятіе, закрѣпляющее въ общей формулѣ неограниченное число отдѣльныхъ конкретныхъ впечатлѣній, потому является такимъ необходимымъ орудіемъ нашего мышленія, что благодаря ему экономизируются силы нашего ума; эстетическая цѣнность произведеній искусства точно также зависитъ отъ способности ихъ съ наименьшей затратой внѣшнихъ средствъ достигать наибольшей суммы эстетическаго впечатлѣнія и т. д. и т. д. Наши потребности далеко превосходятъ средства ихъ удовлетворенія, находя-

щіяся въ нашемъ распоряженіи. Поэтому мы должны экономизировать свои силы и всякія иныя средства удовлетворенія нашихъ потребностей, чтобы обезпечить себѣ максимумъ удовлетворенія послѣднихъ.

Итакъ, желая установить отличительный признакъ хозяйства, экономисты натолкнулись на принципъ гораздо болѣе широкаго значенія—на основной принципъ всякой разумной дѣятельности вообще. Но именно поэтому принципъ этотъ не можетъ быть конститутивнымъ признакомъ понятія хозяйства. Хозяйство, не удовлетворяющее требованіямъ названнаго принципа, есть, конечно, плохое хозяйство; но плохое хозяйство есть все же хозяйство. Съ другой стороны, творческая дѣятельность истиннаго художника, совершающаяся съ величайшимъ соблюденіемъ принципа экономіи силъ, не принимаетъ въ силу этого характера хозяйства.

Но если этотъ принципъ имѣетъ всеобщій характеръ, то почему же значеніе его особенно ярко выступаетъ именно въ области хозяйства? Во-первыхъ потому, что только въ хозяйствѣ возможно строгое количественное сравненіе затраты и получки. Только въ области хозяйства практикуется точная расцѣнка всѣхъ элементовъ этой дѣятельности; а безъ такой расцѣнки невозможно подвести точный балансъ сдѣланныхъ затратъ и полученной пользы. Интеллектуальная или эстетическая цѣнность есть нѣчто весьма неопредѣленное и почти несоизмѣримое съ затратой творческаго труда художника или мыслителя. Только въ хозяйствѣ—и, въ особенности, въ современномъ денежномъ хозяйствѣ, гдѣ и полученный продуктъ и сдѣланная трудовая затрата расцѣниваются на деньги,—подведеніе баланса получки и затраты не представляетъ трудностей.

Во-вторыхъ, нарушеніе хозяйственнаго принципа ни въ какой области дѣятельности человѣка не чувствуется имъ такъ тяжело, какъ въ области хозяйства, ибо хозяйственный интересъ есть самый настоятельный и непререкаемый интересъ человѣка. Нерацiональное веденіе хозяйства въ корнѣ разрушаетъ возможность удовлетворенія всѣхъ разнообразныхъ потребностей человѣка, почему важность принципа экономіи силъ именно въ сферѣ хозяйства выступаетъ съ особой очевидностью. Поэтому то принципъ „наименьшихъ затратъ" и является принципомъ хозяйственной дѣятельности по преимуществу.

IV.

Итакъ, и та и другая группа опредѣленій хозяйства должна быть признана неустанавливающей конститутивныхъ признаковъ

хозяйственной дѣятельности. Разсмотрѣнныя опредѣленія ищутъ отличительные признаки хозяйства лишь въ субъективной сферѣ переживаній хозяйствующаго лица: опредѣленія первой группы—въ сферѣ потребностей индивида, опредѣленія второй группы—въ характерѣ дѣятельности индивида. Но хозяйство есть двусторонній актъ, актъ взаимодѣйствія между человѣкомъ и внѣшней природой. Именно въ этомъ и заключается объективный признакъ, самымъ рѣзкимъ образомъ отличающій хозяйственную дѣятельность отъ всякой иной. Всякая цѣлесообразная дѣятельность должна имѣть какой либо объектъ, на который она направлена. Объектомъ этимъ можетъ быть либо человѣкъ, либо внѣшняя природа. Дѣятельность, непосредственнымъ объектомъ которой служитъ человѣкъ, никогда не включается нами въ понятіе хозяйства. Такъ напр., врачъ не занимается хозяйствомъ, когда онъ лечитъ больного, какъ не является хозяиномъ и учитель, занятый обученіемъ, музыкантъ, исполняющій музыкальную пьесу или судья въ судебномъ засѣданіи. Напротивъ, обработка поля, результатомъ котораго является полученіе пищи, приготовленіе одежды или жилища, всѣми включается въ сферу хозяйства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ непосредственнымъ объектомъ дѣятельности человѣка является внѣшняя природа—видоизмѣненіе ея и приспособленіе къ нашимъ цѣлямъ. Но не нужно думать, что мы воздѣйствуемъ на природу только для удовлетворенія нашихъ необходимыхъ, физіологическихъ потребностей. Самыя высшія наши потребности, точно также какъ и низшія, требуютъ для своего удовлетворенія предварительнаго видоизмѣненія природы нашимъ трудомъ. Религіозная потребность ведетъ къ постройкѣ храмовъ и даже вся первоначальная архитектура возникла изъ постройки храмовъ. Эстетическія потребности вызываютъ самые разнообразные роды хозяйственной дѣятельности—приспособленія внѣшней природы къ нашимъ потребностямъ. Одежда служитъ не только для защиты нашего тѣла отъ холода, но и предметомъ украшенія, а производство одежды есть одна изъ важнѣйшихъ отраслей хозяйственнаго труда. Удовлетвореніе музыкальной потребности требуетъ производства музыкальныхъ инструментовъ. Для скульптуры нужны мраморъ и бронза, для живописи—полотно и краски. Быстро растущія въ современномъ обществѣ потребности познанія приводятъ къ тому, что все увеличивающаяся доля общественнаго труда затрачивается на производство книгъ, бумаги, чернилъ, перьевъ, научныхъ инструментовъ и т. д. и т. д. Стремленіе къ власти и господству надъ себѣ подобными есть одинъ изъ существенныхъ стимуловъ ми-

литаризма, приводящаго къ тому, что сотни тысячъ и милліоны людей заняты приготовленіемъ разнаго рода предметовъ вооруженія, одежды и продовольствія солдатъ. Словомъ, не существуетъ ни одной общественной потребности, отъ самой высшей до самой низшей, которая не требовала бы для своего удовлетворенія воздѣйствія человѣка на внѣшнюю природу, приспособленія ея къ нашимъ цѣлямъ, иначе говоря, хозяйственнаго труда.

Однако, хозяйственная дѣятельность не всегда состоитъ въ измѣненіи внѣшней природы. Обмѣнъ, торговля всѣми относятся къ области хозяйства. Въ этомъ случаѣ, однако, переходитъ отъ одного лица къ другому лишь владѣніе предметами внѣшняго міра—самые же предметы не испытываютъ перемѣнъ. Но, несомнѣнно, при обмѣнѣ измѣняется отношеніе человѣка къ внѣшней природѣ—пріобрѣтая нужный ему матеріальный предметъ вступающій въ обмѣнъ человѣкъ создаетъ для себя матеріальную возможность удовлетворенія своихъ потребностей. Значитъ, и въ случаѣ обмѣна хозяйственная дѣятельность направляется на созданіе матеріальной обстановки, необходимой для удовлетворенія потребностей хозяйствующаго лица—направляется на внѣшнюю природу, но не на видоизмѣненіе ея, а на завладѣніе ею въ интересахъ даннаго лица.

Итакъ, первый отличительный признакъ хозяйственной дѣятельности—это то, что непосредственнымъ объектомъ ея является внѣшняя природа, а не человѣкъ. Это внѣшній, объективный признакъ хозяйства. Но одного этого признака мало. Хозяйственная дѣятельность самымъ рѣзкимъ образомъ отличается отъ игры и вообще отъ всякой дѣятельности, которая является не средствомъ для чего либо иного, а цѣлью въ себѣ. Если даже внѣшніе результаты дѣятельности одни и тѣ же, дѣятельность является хозяйственной или нѣтъ въ зависимости отъ того, есть ли она средство или цѣль. Охотникъ-спортсменъ, рыболовъ-любитель не заняты хозяйствомъ, хотя они такъ же убиваютъ дичь и ловятъ рыбу, какъ и охотникъ-промышленникъ или обыкновенный рыбакъ, несомнѣнно занятые хозяйственнымъ трудомъ. Живописецъ вывѣсокъ занятъ хозяйственнымъ трудомъ, какъ и любой маляръ, но творчество истиннаго художника никогда не относится нами къ хозяйству. Почему же? Потому что эстетическое творчество есть самоцѣль, художникъ творитъ, повинуясь внутреннему влеченію къ этой дѣятельности, доставляющей ему высшее наслажденіе, а вовсе не ради увеличенія своего или чужого комфорта. И потому крайнимъ осужденіемъ труда художника является въ нашихъ глазахъ сближеніе его съ хозяйствен-

нымъ трудомъ—назвать поэта или живописца ремесленникомъ, значитъ признать отсутствіе въ немъ истиннаго художественнаго таланта.

По этой же причинѣ вся область потребленія выключается нами изъ сферы хозяйственнаго труда, ибо потребленіе есть цѣль нашей дѣятельности, а не средство для чего либо иного. Приготовленіе пищи есть хозяйство; но ѣда не есть хозяйство, заканчивающееся въ тотъ моментъ, когда мы приступаемъ къ потребленію. Задача хозяйства въ томъ именно и заключается, чтобы сдѣлать возможнымъ потребленіе, которое есть конечная цѣль хозяйства, а не само хозяйство. Если-же бы мы стали включать и потребленіе въ сферу хозяйства, то хозяйство охватило бы всю нашу жизнедѣятельность, которая сводится къ удовлетворенію нашихъ потребностей, иначе говоря къ потребленію.

Итакъ, хозяйственная дѣятельность характеризуется двумя отличительными признаками: объективнымъ, заключающимся въ томъ, что непосредственнымъ внѣшнимъ объектомъ хозяйственной дѣятельности всегда является не человѣкъ, а внѣшняя природа, и субъективнымъ, состоящимъ въ томъ, что хозяйственная дѣятельность всегда является средствомъ, а не цѣлью въ себѣ. Соединяя въ одно оба эти признака мы получаемъ слѣдующее опредѣленіе хозяйства, какъ дѣятельности: хозяйство есть совокупность дѣйствій человѣка, направленныхъ на внѣшнюю природу и имѣющихъ своей цѣлью не внутреннее удовлетвореніе самой дѣятельностью, а созданіе матеріальной обстановки, необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей.

V.

Опредѣливъ, что такое хозяйство, мы сдѣлали первый шагъ къ установленію предмета изученія политической экономіи. Но только первый. Дѣло въ томъ, что хозяйство изслѣдуется далеко не одной экономической наукой, но и значительной частью прикладнаго естествознанія. Промышленная технологія, инженерное искусство, агрономія, зоотехнія,—все это естественныя науки, близко соприкасающіяся по своему предмету изученія съ экономической наукой. И техникъ и экономистъ изслѣдуетъ ту же область хозяйственнаго производства, но съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія.

Это различіе точки зрѣнія экономіи и техники было впервые

отмѣчено Германомъ. Техника, по мнѣнію этого выдающагося теоретика, сосредоточиваетъ вниманіе на качественныхъ измѣненіяхъ обрабатываемаго матеріала. Техника указываетъ, какимъ образамъ придать матеріалу тѣ свойства, которыя дѣлаютъ его пригоднымъ для человѣческаго потребленія. Напротивъ, экономія есть количественный контроль производства, подведеніе баланса между величиной затраты и получки. Хозяйственный разсчетъ опредѣляетъ, сколько требуется изготовить продуктовъ, качество которыхъ устанавливается техникой. Итакъ, точка зрѣнія техники есть точка зрѣнія качества, экономіи—количества. [13]).

Разграниченіе экономіи и техники у Германа въ сущности воспроизводитъ идею хозяйственнаго принципа, какъ отличительнаго признака хозяйства. Но именно потому оно и должно быть признано несостоятельнымъ. На самомъ дѣлѣ, техника немыслима внѣ количественнаго учета. При устройствѣ машины техникъ не можетъ не принимать въ соображеніе затратъ механическихъ силъ при работѣ этой машины и полезнаго дѣйствія ея. Техника, которая не исходила бы въ своихъ разсчетахъ изъ принципа экономіи силъ, иначе говоря, изъ хозяйственнаго разсчета, была бы непригодна ни для какихъ практическихъ цѣлей—и, конечно, реальная технологія не характеризуется тѣми чертами, которыя ей приписываетъ Германъ.

Итакъ, хотя точка зрѣнія экономіи, дѣйствительно, глубоко отличается отъ точки зрѣнія техники, различіе коренится не тамъ, гдѣ указываетъ Германъ, который лишь сознадъ соотвѣтствующую теоретическую проблему, но отнюдь не разрѣшилъ ея. Между тѣмъ, разрѣшеніе ея не представляетъ никакихъ затрудненій. Хозяйственный процессъ, какъ выше указано, имѣетъ двусторонній характеръ—онъ совершаетъ между двумя полюсами, человѣкомъ и природой. Отсюда и вытекаетъ двойственный характеръ наукъ о хозяйствѣ: поскольку наше вниманіе сосредоточивается на одномъ полюсѣ хозяйственнаго процесса — на человѣкѣ,—мы стоимъ на точкѣ зрѣнія экономической науки; поскольку же мы обращаемся къ другому полюсу хозяйства, природѣ, мы переходимъ на точку зрѣнія технологіи. Для техники процессъ хозяйственнаго производства есть не что иное, какъ рядъ послѣдовательныхъ физикохимическихъ измѣненій въ опредѣленномъ матеріальномъ субстратѣ подъ вліяніемъ воздѣйствія опредѣленныхъ физикохимическихъ силъ. Самъ человѣкъ для техники есть не что иное, какъ механическая сила, ничѣмъ не отличающаяся принципіально отъ другихъ механическихъ силъ, участвую-

ныхъ въ процессѣ производства. Напротивъ, экономиста матеріальные процессы производства сами по себѣ нисколько не интересуютъ; они пріобрѣтаютъ для него значеніе лишь постольку, поскольку они вліяютъ на благополучіе человѣка, представляющаго для экономиста единственный предметъ интереса. Съ точки зрѣнія агронома поле, на которомъ плугъ проводитъ борозду, самый этотъ плугъ, лошадь, которая его тащитъ и рабочій, который ведетъ лошадь—въ равной мѣрѣ механическія силы, результатомъ взаимодѣйствія которыхъ является процессъ вспашки. Напротивъ, для экономиста и поле и плугъ и лошадь суть только средства, при помощи которыхъ человѣкъ достигаетъ своихъ цѣлей. Человѣкъ не средство производства, какъ поле, плугъ и лошадь, а цѣль всего процесса, получающаго свое значеніе лишь по отношенію къ интересамъ человѣка.

Итакъ, точка зрѣнія экономіи—это точка зрѣнія интересовъ человѣка, расцѣнка происходящихъ во внѣшней природѣ объективныхъ процессовъ со стороны ихъ вліянія на благополучіе человѣка. Этимъ политическая экономія вполнѣ опредѣленно отграничивается отъ технологіи, для которой человѣкъ не противостоитъ природѣ, а есть ея составная часть, одна изъ многихъ силъ, вліяющихъ на физикохимическіе и біологическіе процессы, изучаемые техническими науками.

Но не только экономическая наука изучаетъ человѣка въ процессѣ хозяйственнаго труда. Человѣка же изучаетъ и медицина; фабричная и вообще промышленная гигіена изслѣдуетъ вліяніе на человѣка именно условій хозяйственнаго труда. Различіе точки зрѣнія экономіи и гигіены заключается, однако, въ томъ, что гигіена, подобно технологіи, есть отрасль естествознанія. Для этой науки человѣкъ есть животный организмъ, подобно другимъ животнымъ организмамъ. Вниманіе медицины и гигіены обращено исключительно на біологическіе процессы человѣческаго организма. Напротивъ, экономическая наука такъ же мало интересуется этими послѣдними, какъ и физико-химическими процессами внѣшней природы; и то и другое для нея пріобрѣтаетъ значеніе лишь въ связи съ вліяніемъ этихъ процессовъ на благополучіе человѣка, на его психическія переживанія. Для экономической науки важенъ только человѣкъ, но, притомъ, не какъ животный организмъ, а какъ субъектъ психическихъ переживаній. Хозяйственный процессъ, изучаемый экономической наукой, сводится, такимъ образомъ, къ психическимъ переживаніямъ человѣка—вотъ та точка зрѣнія, съ которой политическая экономія изслѣдуетъ хозяйственный процессъ, и вотъ

какимъ образомъ политическая экономія можетъ быть отграничена отъ технологіи и гигіены.

VI.

Итакъ, экономическая наука изучаетъ хозяйственную дѣятельность человѣка съ точки зрѣнія ея вліянія на благополучіе человѣка, какъ субъекта психическихъ переживаній. Однако, удаливши изъ сферы экономической науки всю область техники и гигіены, мы оставили для нашей науки, повидимому, нѣчто весьма скудное. Возьмемъ изолированное единичное хозяйство—напр. хозяйство крестьянской семьи, которая ничего не продаетъ и не покупаетъ, а существуетъ исключительно продуктами собственнаго труда. Успѣхъ такого хозяйства самымъ существеннымъ образомъ зависитъ отъ того, насколько раціонально въ техническомъ отношеніи ведутся въ немъ операціи производства и насколько раціонально, въ отношеніи медицины и гигіены, исполняется трудъ. Совѣты агронома, техника и врача не только не безполезны для такого хозяйства, но лишь пользуясь выводами естественныхъ наукъ оно можетъ вполнѣ успѣшно развиваться и прогрессировать. Что можетъ, однако, прибавить къ этому существенно цѣннаго экономистъ? Иначе говоря, есть ли мѣсто въ предѣлахъ изолированнаго единичнаго хозяйства для особой экономической научной дисциплины? Весь хозяйственный процессъ, поскольку онъ выражается въ психическихъ переживаніяхъ человѣка, въ этомъ случаѣ въ высшей степени несложенъ. Потребности хозяина опредѣляютъ направленіе хозяйственнаго труда; успѣшность этого труда зависитъ отъ внѣшнихъ условій производства и отъ уровня техническаго знанія. Причинныя соотношенія хозяйства въ этомъ случаѣ относятся преимущественно къ сферѣ внѣшней природы и жизнедѣятельности организма—и, слѣдовательно, могутъ быть предметомъ изученія лишь естествознанія. Что же касается до хозяйственнаго процесса въ сферѣ психическихъ переживаній, то психическіе процессы, какъ таковые, являются предметомъ спеціальной науки—психологіи. Весь хозяйственный процессъ опредѣляется въ этомъ случаѣ сознательной волей и мыслью человѣка. Хозяйство требуетъ опредѣленнаго плана, опредѣленнаго распредѣленія хозяйственнаго труда между различными сферами его примѣненія. Планъ этотъ можетъ быть установленъ только на основаніи разсчета полезности каждаго отдѣльнаго продукта и трудовой стоимости ихъ производства. Составленіе такого плана необходимо для каждаго хозяйства, но это область не теоретической науки, а практиче-

БИБЛИОТЕКА
№ 3618
1953 г.

ского искусства. Поскольку же дѣло идетъ о теоретическомъ изученіи психическихъ процессовъ хозяйствующаго лица, изученіе это составляетъ законную область психологіи, въ прикладной ея части. Такимъ образомъ, для особой теоретической научной дисциплины, выходящей за предѣлы психологіи, мѣста въ этомъ случаѣ нѣтъ. Мы приходимъ, слѣдовательно, къ странному результату: устраняя изъ сферы экономической науки послѣдовательно, одно за другимъ, все, что является областью другихъ наукъ, мы какъ будто ничего не оставили для нашей науки и, такимъ образомъ, ее упразднили.

И, дѣйствительно, на основѣ изолированнаго единичнаго хозяйства не можетъ возникнуть особой хозяйственной науки—матеріалъ для этого слишкомъ скуденъ. Но сравнимъ съ изолированнымъ единичнымъ хозяйствомъ группу единичныхъ хозяйствъ, обладающихъ свободой своихъ хозяйственныхъ дѣйствій и юридически независимыхъ другъ отъ друга, но связанныхъ между собой обмѣномъ. Въ этомъ случаѣ каждый отдѣльный хозяинъ въ большей или меньшей степени работаетъ на другія хозяйства; хотя каждый формально вполнѣ свободенъ, на дѣлѣ всѣ зависятъ другъ отъ друга. Каждый производитъ, что хочетъ, но рынокъ принимаетъ не всякій продуктъ и не во всякомъ количествѣ, и если производитель желаетъ найти сбытъ для своего продукта, онъ долженъ подчиняться указаніямъ рынка. Отъ цѣны продукта зависитъ хозяйственное благополучіе производителя, цѣна же опредѣляется не усмотрѣніемъ производителя, а законами рынка. Она есть результатъ взаимодѣйствія всѣхъ хозяевъ, вступающихъ между собой въ мѣновыя сношенія, и притомъ результатъ, создаваемый не планомѣрными соглашеніями ихъ, а возникающій самъ собой, стихійно, какъ сама собой опредѣляется равнодѣйствующая нѣсколькихъ механическихъ силъ, прилагаемыхъ къ одной и той же точкѣ. Цѣна возникаетъ какъ результатъ столкновенія множества хозяйственныхъ интересовъ противоположнаго характера, благодаря чему каждый отдѣльный интересъ безсиленъ опредѣлить цѣну.

Передъ нами своеобразное явленіе въ сферѣ общественной жизни, которое Вундтъ назвалъ „гетерогоніей цѣлей“ [16]) и заключающееся въ томъ, что въ результатѣ взаимнаго смѣшенія цѣлесообразныхъ дѣйствій многихъ людей, преслѣдующихъ независимо другъ отъ друга свои особыя цѣли, возникаютъ результаты совершенно независимые отъ воли каждаго отдѣльнаго человѣка и не входящіе въ область его цѣлей. Весь ходъ историческаго процесса есть одинъ изъ примѣровъ такой гетерогоніи цѣлей.

3618

Въ исторіи, говоритъ Энгельсъ, „рѣдко случается то, чего желаютъ, въ большинствѣ же случаевъ многочисленныя цѣли, которыхъ желаютъ, сталкиваются между собой и противодѣйствуютъ другъ другу... Такимъ образомъ столкновеніе безчисленныхъ единичныхъ воль и единичныхъ дѣйствій создаетъ въ области исторіи состояніе, совершенно аналогичное состоянію безсознательной природы. Цѣли дѣйствій являются предметомъ желаній, но результаты, которые получаются отъ дѣйствій, не являются предметомъ желанія или же, поскольку они соотвѣтствуютъ желаемымъ цѣлямъ, они имѣютъ совершенно иныя, а не желаемыя послѣдствія“ [15]).

Итакъ, благодаря взаимной зависимости единичныхъ хозяйствъ, формально свободныхъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ, но фактически связанныхъ другъ съ другомъ узами обмѣна, результатъ хозяйственной дѣятельности начинаетъ опредѣляться не только хозяйственными разсчетами каждаго отдѣльнаго хозяина и не только физикохимическими и біологическими условіями хозяйственнаго труда, но и условіями о б щ е с т в е н н а г о порядка. Эти послѣднія условія суть нѣчто, выходящее за предѣлы какъ психическихъ переживаній отдѣльныхъ хозяевъ, такъ и матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. На почвѣ этихъ о б щ е с т в е н н ы х ъ условій свободнаго мѣнового хозяйства возникаютъ причинныя соотношенія своего особаго порядка, возникаетъ своя закономѣрность, имѣющая по отношенію къ единичному хозяйству, входящему въ составъ данной мѣновой группы, такой же принудительный характеръ, какъ и законы внѣшней природы. Хочетъ или не хочетъ отдѣльный хозяинъ, но онъ принужденъ подчиниться тѣмъ цѣнамъ, которыя диктуются ему рынкомъ. Цѣны эти могутъ быть прямо разорительны для отдѣльнаго хозяина—и даже для всѣхъ ихъ въ совокупности—и все же онѣ не могутъ быть измѣнены, пока не измѣнятся экономическія условія, вызывающія ихъ, какъ не могутъ быть измѣнены явленія природы, если дѣйствуютъ создающія ихъ силы.

Эта специфическая закономѣрность свободнаго мѣнового хозяйства и есть новая теоретическая проблема, требующая для своего разрѣшенія соотвѣтствующей особой науки. Ясное дѣло, что ни естествознаніе, ни психологія не могутъ открыть законовъ взаимодѣйствія единичныхъ хозяйствъ, связанныхъ между собою узами обмѣна. Благодаря наличности этихъ невидимыхъ, но вполнѣ реальныхъ узъ, единичныя хозяйства данной мѣновой группы становятся въ своей совокупности связнымъ цѣлымъ, общественнымъ организмомъ, въ которомъ каж-

дое единичное хозяйство играетъ роль опредѣляющаго и въ то же время опредѣляемаго элемента. Эта совокупность формально свободныхъ, но связанныхъ обмѣномъ, единичныхъ хозяйствъ образуетъ собой то, что называютъ народнымъ хозяйствомъ [17]).

VII.

Народное хозяйство тѣмъ существенно отличается отъ единичнаго хозяйства, что единичное хозяйство регулируется волей и сознаніемъ отдѣльнаго хозяина. Напротивъ, народное хозяйство не имѣетъ хозяина, оно есть стихійный и безсознательный продуктъ взаимодѣйствія всего множества регулируемыхъ индивидуальнымъ сознаніемъ единичныхъ хозяйствъ. Народное хозяйство не подчиняется въ своей жизнедѣятельности какому либо сознательному плану—и, тѣмъ не менѣе, оно функціонируетъ такъ, какъ будто бы такой планъ былъ. Никто, никакая общественная власть не опредѣляетъ, какъ долженъ быть распредѣленъ общественный трудъ, чтобы общественныя потребности были удовлетворяемы; никто не опредѣляетъ, сколько должно быть ежегодно производимо пшеницы, ржи, мяса, стекла, чугуна, кирпичей, шерсти, хлопка, шелка и т. д. и т. д. Однако, каждый годъ производится приблизительно столько продуктовъ каждаго рода, сколько требуется рынкомъ. Правда, соотвѣтствіе между общественнымъ спросомъ и предложеніемъ никогда не бываетъ полнымъ; но несоотвѣтствіе это все же не настолько велико, чтобы организмъ народнаго хозяйства не могъ жить и развиваться. Отъ времени до времени зданіе народнаго хозяйства потрясается жестокими бурями, вызываемыми несоотвѣтствіемъ между общественнымъ спросомъ и предложеніемъ. Но эти бури—хозяйственные кризисы—все же не разрушаютъ зданія, народное хозяйство и послѣ нихъ продолжаетъ функціонировать. Изслѣдованіе этой-то внутренней закономѣрности народнаго хозяйства, этого невидимаго механизма, который поддерживаетъ связь между всѣми единичными хозяйствами, опредѣляетъ ихъ взаимодѣйствіе, и есть важнѣйшая задача политической экономіи.

Во всякомъ реальномъ народномъ хозяйствѣ дѣйствуютъ силы двоякаго рода. Во первыхъ, безсознательныя, стихійныя силы взаимодѣйствія единичныхъ хозяйствъ, которыя, какъ сказано, и составляютъ важнѣйшій предметъ изученія политической экономіи. Во вторыхъ, сознательное, цѣлесообразное регулированіе хозяйственныхъ процессовъ общественной властью. Народное хозяйство

есть не только стихійный комплексъ единичныхъ хозяйствъ — въ немъ дѣйствуетъ и регулирующая сила органовъ общественной власти,—прежде всего, государства. Государство въ большей или меньшей степени ограничиваетъ свободу дѣйствій единичныхъ хозяйствъ, подчиняя ихъ дѣятельность опредѣленному плану, привносимому самимъ государствомъ. Тѣмъ не менѣе, наука политической экономіи возникла на основѣ изученія не этихъ сознательныхъ регулирующихъ силъ народнаго хозяйства, а именно безсознательной закономѣрности свободнаго обмѣна. Поскольку государство регулируетъ народохозяйственные процессы, оно уподобляется единичному хозяину. Въ основѣ государственнаго регулированія народнаго хозяйства лежитъ сознательная воля, сознательный разсчетъ, каковые дѣйствуютъ и въ единичномъ хозяйствѣ. На основѣ этого сознательнаго регулированія государствомъ народохозяйственныхъ процессовъ возникаетъ наука экономической политики, имѣющая, однако, совершенно иной гносеологическій характеръ, чѣмъ теоретическая политическая экономія. И подобно тому, какъ изъ государственной политики въ другихъ областяхъ народной жизни—уголовной политики, гражданской, международной и т. д.—не возникло особыхъ наукъ о не зависящихъ отъ воли человѣка причинныхъ зависимостяхъ соотвѣтствующихъ явленій, точно также и изъ экономической политики не могла бы возникнуть наука о не зависящихъ отъ человѣческой воли причинныхъ соотношеніяхъ экономическихъ явленій.

Эта послѣдняя наука начинаетъ развиваться сравнительно очень недавно—съ половины XVIII вѣка—вмѣстѣ съ развитіемъ предмета ея изученія, свободнаго мѣнового хозяйства, между тѣмъ какъ государство съ его вмѣшательствомъ въ экономическія отношенія существуетъ уже нѣсколько тысячелѣтій. Но пока свободный обмѣнъ былъ мало развитъ, для политической экономіи почвы не было—ни древній міръ, ни средніе вѣка съ характернымъ для нихъ подчиненіемъ дѣятельности единичнаго хозяйства общественному контролю (цеховая организація производства) не знали особой науки о народномъ хозяйствѣ. И это насъ нисколько не должно удивлять, такъ какъ лишь стихійные законы свободнаго мѣнового хозяйства образуютъ ту новую теоретическую проблему, которая вызвала къ жизни новую научную дисциплину—политическую экономію.

Сравнимъ, напр., строеніе цѣнъ при господствѣ общественной регламентаціи цѣнъ, (установленіе таксъ на продукты, какъ въ эпоху цеховъ) и при свободномъ обмѣнѣ. Въ первомъ случаѣ

цѣна продукта, поскольку она зависитъ отъ произвола общественной власти, устанавливается въ соотвѣтствіи съ тѣми интересами, которые желаетъ охранять общественная власть. Цѣна не возникаетъ сама собой, помимо воли заинтересованныхъ лицъ. Она есть созданіе сознательной дѣятельности человѣка, какъ и всякое правило или законъ, устанавливаемые общественной властью. Напротивъ, цѣна, создающаяся въ результатѣ свободнаго обмѣна, не установлена никакой отдѣльной волей, а возникла такъ же естественно и неизбѣжно, какъ естественно и неизбѣжно выпадаетъ дождь при извѣстномъ состояніи атмосферы. На почвѣ таксированія продуктовъ должно было выработаться соотвѣтствующее практическое искусство, какъ отрасль экономической политики. На почвѣ свободнаго строенія цѣнъ должна была возникнуть наука о независящихъ отъ воли человѣка причинныхъ законахъ, управляющихъ образованіемъ цѣнъ.

Такимъ образомъ, политическая экономія изучаетъ стихійную закономѣрность свободнаго мѣнового хозяйства не только потому, что эта система хозяйства господствуетъ въ наше время. Существуютъ глубокія, гносеологическія причины, почему политическая экономія должна была возникнуть на основѣ изученія именно этой хозяйственной системы [17]). Пока не было широкой свободы обмѣна и пока обмѣнъ вообще игралъ подчиненную роль, до тѣхъ поръ не было и почвы для политической экономіи. И только съ возникновеніемъ новыхъ хозяйственныхъ отношеній политическая экономія складывается въ особую, въ высшей степени своеобразную теоретическую дисциплину, рѣзко отличающуюся по своему гносеологическому характеру отъ всѣхъ другихъ общественныхъ наукъ.

Итакъ, политическая экономія изучаетъ по преимуществу стихійную закономѣрность свободнаго мѣнового хозяйства. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что наша наука признаетъ эту систему хозяйства необходимымъ или неизмѣннымъ условіемъ хозяйственной жизни общества. Наоборотъ, современная экономическая наука разсматриваетъ народное хозяйство, какъ находящееся въ процессѣ непрерывнаго измѣненія, историческаго развитія. Было время, когда мѣновое хозяйство еще не возникло, и будетъ время, когда этотъ хозяйственный строй, совершивъ свой кругъ развитія, отойдетъ въ прошлое.

Политическая экономія, какъ сказано, изучаетъ стихійныя силы народнаго хозяйства. Что же такое, однако, представляютъ собой эти силы? Не что иное, какъ общественныя отношенія людей, участвующихъ въ мѣновомъ хозяйствѣ. Благодаря усло-

віямъ этого хозяйства каждый участникъ его, достигая своихъ цѣлей, вступаетъ во взаимодѣйствіе съ другими участниками; эта взаимная зависимость однихъ членовъ мѣнового хозяйства отъ другихъ и образуетъ собой общественныя отношенія мѣнового хозяйства. Такимъ образомъ, мы можемъ опредѣлить политическую экономію, въ широкомъ смыслѣ, какъ науку объ общественныхъ отношеніяхъ людей въ предѣлахъ ихъ хозяйственной дѣятельности [18]) и въ болѣе узкомъ смыслѣ—современную политическую экономію—какъ науку объ общественныхъ отношеніяхъ людей въ предѣлахъ ихъ хозяйственной дѣятельности, совершающейся въ средѣ исторически развивающагося свободнаго мѣнового хозяйства.

Англійскіе экономисты обычно исходятъ не изъ понятія хозяйства, а богатства, опредѣляя политическую экономію, какъ „науку о богатствѣ" [20]). Французы въ большинствѣ случаевъ слѣдуютъ примѣру англичанъ и только нѣмцы выдвигаютъ на первый планъ понятіе хозяйства. Но понятіе богатства уже потому непригодно для такой центральной роли въ экономической наукѣ, что подъ нимъ подразумѣваютъ внѣшній результатъ хозяйственной дѣятельности — совокупность имѣющихъ цѣнность (хозяйственныхъ) предметовъ—между тѣмъ какъ политическая экономія изучаетъ самую эту дѣятельность и возникающія въ ея предѣлахъ общественныя отношенія. Опредѣляя политическую экономію, какъ науку о богатствѣ (иначе говоря, какъ науку о вещахъ), мы затушевываемъ различіе этой науки отъ техническихъ наукъ и не выдвигаемъ на первый планъ общественнаго характера нашей науки. Вотъ почему слѣдуетъ признать существеннымъ методологическимъ улучшеніемъ точку зрѣнія нѣмецкихъ экономистовъ, имѣющую всѣ шансы стать господствующей.

Однако, хотя почти у всѣхъ нѣмецкихъ теоретиковъ можно найти то или другое опредѣленіе хозяйства, нельзя сказать, чтобы задача дать научное опредѣленіе центральному понятію экономической науки была удачно разрѣшена нѣмцами. Кромѣ разобранныхъ выше опредѣленій, въ нѣмецкой литературѣ мы встрѣчаемъ очень много и другихъ. Весьма распространенный типъ представляетъ опредѣленіе Дитцеля. „Хозяйство — говоритъ этотъ выдающійся теоретикъ — есть совокупность дѣйствій, при помощи которыхъ субъектъ покрываетъ свою потребность въ матеріальныхъ благахъ" [21]). Сходное опредѣленіе мы находимъ у Филипповича [22]) („понятіе хозяйства охватываетъ всѣ тѣ дѣйствія и учрежденія, которыя направлены на постоянное снабженіе людей матеріальными благами"), Платтера [23]) („хозяйство есть забота объ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей матеріальными благами"), В. Я. Желѣзнова [24]) (опредѣляющаго хозяйственную дѣятельность, какъ „усилія, направленныя на удовлетвореніе разнаго рода потребностей матеріальными средствами"). Достоинствомъ этихъ опредѣленій является

подчеркиваніе объективнаго признака хозяйства — того, что хозяйственная дѣятельность всегда направлена на внѣшній матеріальный міръ. Недостатокъ ихъ въ упущеніи субъективнаго признака хозяйственной дѣятельности — того, что хозяйство всегда есть средство и никогда не цѣль. Согласно этимъ опредѣленіямъ потребленіе есть хозяйство — и, дѣйствительно, Дитцель называетъ даже дыханіе хозяйственнымъ актомъ. Но при такомъ пониманіи хозяйства вся жизнедѣятельность человѣка превращается въ хозяйство. Безусловно правъ Визеръ, утверждая, что „процессы удовлетворенія потребностей, во всѣхъ своихъ видахъ, отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ возвышенныхъ, такъ же какъ и всякая дѣятельность, которую мы предпринимаемъ не какъ хозяйственную работу, съ разсчетомъ на ея внѣшній результатъ, но въ которой развивается и открывается сама человѣческая личность, не имѣютъ хозяйственнаго характера“ [25]).

Штаммлеръ опредѣляетъ соціальное хозяйство, какъ всякое, внѣшнимъ образомъ урегулированное „взаимодѣйствіе, направленное на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей“ [26]). Всякая организованная соціальная дѣятельность есть, по Штаммлеру, соціальное хозяйство — матерія соціальной жизни — въ противоположность праву — формѣ соціальной жизни. Война, богослуженіе, театральное представленіе являются съ этой точки зрѣнія видами соціальнаго хозяйства, понятіе котораго охватываетъ въ соціальной жизни все, что не составляетъ права. Произвольность такой терминологіи очевидна. Штаммлеръ нуждается въ понятіи матеріи соціальной жизни и приписываетъ этому понятію названіе соціальнаго хозяйства. Каждый писатель воленъ создавать новую терминологію, но очевидно, что хозяйство въ смыслѣ Штаммлера есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что понимаетъ подъ этимъ словомъ и экономическая наука и обычное словоупотребленіе. Соціальное хозяйство, какъ его понимаютъ всѣ, есть только нѣкоторая часть матеріи соціальной жизни — какая именно часть, это ясно изъ опредѣленія хозяйства, даннаго въ текстѣ.

Это опредѣленіе относится къ хозяйству, какъ дѣятельности, а не къ хозяйству, какъ къ культурному единству. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мы можемъ опредѣлить хозяйство, какъ *совокупность приспособленій и учрежденій, служащихъ цѣлямъ хозяйственной дѣятельности, вмѣстѣ съ результатами послѣдней*. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о хозяйствѣ того или иного лица, какъ объ извѣстномъ культурномъ единствѣ и внѣшнемъ цѣломъ, независимомъ отъ личности своего хозяина. Хозяинъ умираетъ, но его хозяйство, какъ культурная организація, остается. Въ томъ же смыслѣ мы говоримъ о народномъ хозяйствѣ.

Единичное хозяйство противополагается народному не въ смыслѣ различныхъ другъ отъ друга хозяйственныхъ системъ, а какъ часть цѣлому. Это понятіе народнаго хозяйства, какъ „компликаціи единичныхъ хозяйствъ“ было введено въ науку, главнымъ образомъ, Карломъ Менгеромъ. „Явленія народнаго хозяйства — говоритъ онъ — отнюдь не суть непосредственныя жизненныя проявленія даннаго народа, непосредственные результаты хозяйствующаго народа, но результирующая (Resultante) всѣхъ безчисленныхъ единично-хозяйственныхъ стремленій въ народѣ“ [27]). Единичныя хозяйства Адольфъ Вагнеръ дѣлитъ 1) по лич-

ности хозяйствующаго субъекта и 2) по цѣлямъ хозяйства. Въ первомъ отношеніи единичныя хозяйства дѣлятся на 1) хозяйства физическихъ лицъ, 2) хозяйства юридическихъ лицъ и 3) хозяйства промежуточнаго типа. По цѣлямъ хозяйства, единичныя хозяйства дѣлятся на 1) частныя хозяйства, преслѣдующія только выгоды хозяйствующаго лица и 2) общественныя хозяйства, преслѣдующія общественные интересы. Эти послѣднія хозяйства дѣлятся, въ свою очередь, на 1) добровольныя хозяйства (напр. потребительное общество, кредитное товарищество рабочій союзъ) и 2) принудительныя, среди которыхъ важнѣйшимъ является государственное хозяйство[28]).

Народное (свободное мѣновое) хозяйство есть только одна изъ многихъ исторически бывшихъ хозяйственныхъ системъ. Какая же хозяйственная система должна лечь въ основу экономической теоріи? Вопросъ этотъ былъ поставленъ въ методологически ясной формѣ только въ новѣйшее время Дитцелемъ.

Менгеръ, обсуждая этотъ же вопросъ, рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что экономистъ-теоретикъ долженъ остановиться на изученіи какого-либо одного хозяйственнаго строя, и именно современнаго, по соображеніямъ практическаго интереса, — причемъ для объясненія явленій другихъ типовъ хозяйственнаго устройства должны вводиться въ общую теорію соотвѣтствующія поправки и ограниченія[29]). Рѣшеніе Менгера въ высшей степени неудовлетворительно: съ этой точки зрѣнія теоретически возможно столько же различныхъ экономическихъ наукъ, сколько типовъ хозяйственнаго строя знала исторія, а, между тѣмъ, политическая экономія сложилась въ науку только на основѣ изученія современнаго мѣнового хозяйства. Для этого должны были быть свои глубокія гносеологическія причины, совершенно не отмѣченныя Менгеромъ.

Уже Фурье, однако, почувствовалъ, что имѣются гносеологическія основанія для изученія именно мѣноваго хозяйства[30]). Вполнѣ ясно этотъ вопросъ, однако, былъ поставленъ и блестяще разрѣшенъ лишь въ новѣйшее время Дитцелемъ въ его работѣ „Beiträge zur Methodik der Wirtschaftswissenschaft", въ которой авторъ пришелъ къ тому выводу, что, по гносеологическимъ соображеніямъ, экономическая наука должна изучать не какое-либо иное, а именно свободное мѣновое хозяйство. Это хозяйство — говоритъ онъ — есть „абстракція, но посредствомъ этого метода наша наука можетъ анализировать причинныя зависимости между явленіями, которыя вызываются одной причиной, хозяйственнымъ интересомъ, и отдѣльными лицами и классами, слѣдующими внушеніямъ этого интереса". Цѣлымъ рядомъ соображеній Дитцель доказываетъ „невозможность (для экономической науки) устанавливать общіе законы иначе, какъ при предположеніи свободы обмѣна (Verkehrsfreiheit)"[31]).

Впослѣдствіи, однако, Дитцель нѣсколько измѣнилъ свою точку зрѣнія въ томъ отношеніи, что допустилъ возможность существованія двухъ различныхъ экономическихъ теорій—одной, изучающей „систему коллективности" (Collectivsystem) и другой, изучающей „систему конкуренціи" (Concurrenzsystem), причемъ, однако, онъ продолжалъ настаивать на томъ, что съ гносеологической точки зрѣнія наибольшій интересъ представляетъ именно эта послѣдняя система, какъ заключающая всего болѣе трудностей для своего пониманія. „Хозяйственное

устройство древности, какъ и среднихъ вѣковъ, характеризовавшееся лишь частичнымъ развитіемъ конкуренціи, препятствовало развитію экономической теоріи, благодаря тому, что тогда какъ число, такъ и трудность теоретическихъ хозяйственныхъ проблемъ, были существенно меньше, чѣмъ теперь. Было бы легко показать на фактахъ параллелизмъ между развитіемъ теоріи хозяйства и проникновеніемъ въ хозяйственный строй системы конкуренціи и, такимъ образомъ, обнаружить на опытѣ гносеологическое значеніе системы конкуренціи" [32]).

Трудно понять, почему Дитцель счелъ нужнымъ ввести ограниченіе въ свою предшествовавшую точку зрѣнія, сводившуюся къ признанію гносеологической невозможности возникновенія экономической науки каузальнаго типа на основѣ какой либо другой хозяйственной системы, кромѣ системы конкуренціи. Вѣдь если и возможна экономическая теорія на основѣ „системы коллективности"—системы подчиненія хозяйственныхъ процессовъ регулирующей власти общества—то теорія эта будетъ имѣть совершенно иной характеръ, чѣмъ теорія стихійныхъ процессовъ свободнаго мѣноваго хозяйства. Въ высшей степени сомнительно, чтобы экономическая теорія, изучающая „систему коллективности" могла достигнуть существенно высшаго научнаго уровня, чѣмъ какая нибудь другая отрасль теоріи политики. То, что отличаетъ экономическую науку отъ другихъ общественныхъ наукъ—установленіе ею системы причинныхъ законовъ экономическихъ явленій—вызывается именно характерными особенностями ея современнаго предмета изученія—свободнаго мѣноваго хозяйства, какъ явствуетъ изъ взглядовъ самого Дитцеля. Слѣдовательно, экономическая теорія, изучающая „систему коллективности", не можетъ сложиться въ точную науку о причинныхъ соотношеніяхъ хозяйства, какъ современная политическая экономія. И потому есть полное основаніе признавать судьбу политической экономіи, какъ своеобразной науки о причинныхъ соотношеніяхъ хозяйственныхъ явленій, тѣсно связанной съ современнымъ народнымъ хозяйствомъ. Вмѣстѣ съ нимъ она возникла и развилась и вмѣстѣ съ нимъ должна сойти со сцены. Въ соціалистическомъ строѣ для этой науки мѣста не будетъ—хотя именно въ этомъ строѣ практическія знанія, относящіяся къ области экономической политики, и всѣ необходимыя для этого вспомогательныя научныя дисциплины—напр. статистика—должны получить чрезвычайное развитіе. Политическая же экономія частью превратится въ теорію экономической политики, а частью войдетъ въ составъ болѣе общей науки объ обществѣ-соціологіи [33]).

ЛИТЕРАТУРА.

Hermann. Staatswirtschaftliche Untersuchungen. 2 изд. 1870 г. Adolf Wagner. Allgemeine oder theoretische Volkswirtschaftlehrei Grundlegung. 3 изд. 1893 г. Heinrich Dietzel. Beiträge zur Methodik der Wirtschaftswissenschaft. Jahrbücher für Nationalökonomie N. F. B. IX. Его же Theoretische Socialökonomik. 1895. Карлъ Менгеръ. Изслѣдованіе о методахъ соціальныхъ наукъ. Русск. пер. подъ редакціей А. Гурьева. 1897. Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства

Русскій переводъ подъ редакціей М. Кулишера. 1907 г. Штаммлеръ. Хозяйство и право согласно матеріалистическому пониманію исторіи. Русск. пер. 1907. Филипповичъ. Основы политической экономіи. Русск. пер. 1901. Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. 1901. А. Чупровъ. Политическая экономія. 3-е изд. 1908. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. 7-е изд. 1908 г. П. И. Георгіевскій. Политическая экономія. 4-ое изд. 1904. Л. Ходскій. Политическая экономія. 4-ое изд. 1908. А. Скворцовъ. Основанія политической экономіи. 1898. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. 6-е изд. 1908 г. Орженцкій. Ученіе о экономическомъ явленіи. 1903.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ 1-й ГЛАВѢ.

1) Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. 1901. Стр. 2. Шмоллеръ дополняетъ это опредѣленіе указаніемъ на то, что хозяйственной дѣятельностью является лишь такая, которая имѣетъ „цѣлесообразный характеръ, управляется извѣстными техническими познаніями, яснымъ разсчетомъ и моральными идеями". Такимъ образомъ, въ опредѣленіи Шмоллера сливаются въ одно цѣлое опредѣленія относимыя мною къ первой и второй группѣ. Но на первый планъ Шмоллеръ выдвигаетъ именно родъ потребности, которой служитъ хозяйственная дѣятельность.

2) Documente des Socialismus. 1902. Т. II. Стр. 73.

3) Engels. Der Urprung der Familie. 8 изд. Предисл. Стр. VIII. Правда, Энгельсъ не выдерживаетъ этого опредѣленія и нерѣдко сходитъ съ его почвы. Производство товаровъ слѣдуетъ считать, съ точки зрѣнія Маркса и Энгельса, безусловно хозяйственной дѣятельностью, но товарами являются предметы, удовлетворяющіе далеко не однимъ необходимымъ потребностямъ жизни. Библія въ извѣстномъ примѣрѣ Маркса въ I томѣ „Капитала" есть такой же товаръ, какъ и холстъ или водка. Однако, отъ этой непослѣдовательности опредѣленіе Энгельса не теряетъ своего важнаго значенія—оно ему нужно, какъ обоснованіе матеріалистическаго пониманія исторіи, являющагося, съ точки зрѣнія этого опредѣленія, доктриной, признающей рѣшающимъ моментомъ соціальнаго развитія дѣятельность людей, направленную на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей жизни.

4) А. Чупровъ. Политическая экономія. Изд. 1908 г. Стр. 7.

5) Ср. Stammler. Wirtschaft und Recht. 1896. Стр. 139.

6) Roscher. Grundlagen der Nationalökonomie. 18-е изд. 1886. Стр. 22.

7) A. Wagner. Allgemeine oder theoretische Volkswirtschaftslehre. Grundlegung. 1879. 2-е изданіе. Стр. 10. Въ новѣйшей работѣ Вагнера „Theoretische Socialökonomik". (1907) мы находимъ нѣсколько дополненное и видоизмѣненное опредѣленіе хозяйства, но основная мысль его осталась та же.

8) А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. Изд. 7-е. 1908 г. Стр. 42.

9) П. И. Георгіевскій. Политическая экономія. 2-е изд. 1896 г. Т. I. Стр. 30.

10) H. Dietzel. Theoretische Socialökonomik. 1895. Стр. 176.

11) „По отношенію къ такъ назыв. „низшимъ охотникамъ“ .. самое понятіе хозяйства непримѣнимо. Мы должны признать у нихъ предшествующую хозяйству ступень развитія, которая не есть еще хозяйство“. Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Пер. подъ ред. Г. М. Кулишера. 1907 г. Стр. 24.

12) Dietzel. Тамъ же. Книга 1 § 5.

13) Hermann. Staatswirtschaftliche Untersuchungen. 2 изд. Стр. 10—11. 67—68.

14) Wundt. Ethik. 3 изд. 1903. Стр. 274.

15) Engels. Ludwig Feuerbach. 2 изд. 1895. Стр. 44.

16) У насъ существуетъ даже народная пословица „Богъ цѣны строитъ“, ярко выражающая стихійную и не подчиняющуюся человѣческому воздѣйствію закономѣрность цѣнъ.

17) E. Philippovich. Grundriss der Politischen Oekonomie. 7 изд. 1908 Стр. 18.

18) „То, что составляетъ до сихъ поръ экономическую науку, ограничивается почти исключительно генезисомъ и развитіемъ капиталистическаго способа производства“. Engels. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. 3 изд. 1894. Стр. 153.

19) В. Я. Желѣзновъ опредѣляетъ предметъ политической экономіи какъ „изслѣдованіе общественныхъ отношеній людей, возникающихъ на почвѣ ихъ хозяйственной дѣятельности“. (Очерки политической экономіи. 5 изд. 1907. Стр. 6). Но вѣдь существуетъ взглядъ, что всѣ общественныя отношенія людей возникаютъ на почвѣ ихъ хозяйственной дѣятельности. Слѣдуетъ ли изъ этого, что политическая экономія изслѣдуетъ всѣ общественныя отношенія людей? В. Я. Желѣзновъ чрезмѣрно расширяетъ рамки экономической науки, предлагая ей изслѣдовать общественныя отношенія не въ предѣлахъ хозяйственной дѣятельности, а возникающія на почвѣ послѣдней.

20) См. напр. E. Cairnes. The Character and Logical Method of Political Economy. 1875. Стр. 25—26. Изъ новыхъ экономистовъ Сиджвикъ категорически заявляетъ: „политическая экономія, по крайней мѣрѣ въ Англіи, всѣми признается въ настоящее время наукой о производствѣ, распредѣленіи и обмѣнѣ богатства“. The Principles of Political Economy 1887. Стр. 12. Но уже Маршаль, подъ вліяніемъ германскихъ экономистовъ, менѣе рѣшителенъ и признаетъ, что политическая экономія „съ одной стороны наука о богатствѣ, съ другой же, и болѣе важной—часть науки о человѣкѣ“ Principles of Economics 1898 Стр. 1.

21) Dietzel. Theoretische Socialökonomik. Стр. 159.

22) Phillipovich. Тамъ же. Стр. 1.

23) Ю. Платтеръ. Основы ученія политической экономіи. Пер. съ нѣмецкаго. 1908. Стр. 17.

24) Желѣзновъ. Тамъ же, 6.

25) Wieser. Ueber den Ursprung des wirtschaftlichen Wertes. 1884. Стр. 77.

26) Stammler. Witschaft und Recht. 1896. Стр. 139.

27) Карлъ Менгеръ. Изслѣдованіе о методахъ соціальныхъ наукъ. Переводъ съ нѣм. 1894. Стр. 82.

28) A. Wagner. Allgemeine oder theoretische Volkswirtschaftslehre 2 изд. 1879 § 52, 121. 151, 154.

29) Менгеръ, 101.

30) „Механизмъ цивилизаціи — говоритъ онъ, подразумѣвая подъ „цивилизаціей" современный строй капиталистическаго хозяйства—есть самый любопытный изъ всѣхъ (le plus curieux de tous); ибо при немъ наблюдается наибольшее усложненіе дѣйствующихъ силъ" Charles Fourier. Theorie des quatre mouvements. Изд. 1841 г. Стр. 408.

31) Dietzel. Beiträge zur Methodik der Wirtschaftswissenschaft. Jahrbücher f. Nationalökonomie. N. F. IX. Стр. 237, 245.

32) Dietzel. Theoretische Socialökonomik, 91.

33) „При строго соціалистическомъ общественномъ устройствѣ политическая экономія, построенная на принципѣ причинности, была бы сущей нелѣпостью". Sombart. Der moderne Kapitalismus. I. 1902 г. Стр. XVI.

ГЛАВА II.

Методологія политической экономіи.

I. Характеръ научнаго описанія вообще. Преодолѣваніе экстенсивнаго и интенсивнаго разнообразія явленій. Классификація ихъ. II. Различіе естествознанія и общественныхъ наукъ по отношенію къ описанію явленій. Теоретическій и практическій интересъ. Прикладныя отрасли естествознанія. Извѣстная произвольность всякой классификаціи. III. Описаніе въ области общественныхъ наукъ. Практическій характеръ этихъ наукъ. Различіе практическихъ интересовъ въ сферѣ общественныхъ наукъ. Общеобязательная точка зрѣнія этики. Равноцѣнность человѣческой личности, какъ руководящая этическая идея политической экономіи. Классификація экономическихъ явленій съ точки зрѣнія этой идеи. IV. Построеніе системы экономическихъ понятій. Понятія научныя и понятія разговорнаго языка. Переработка экономической наукой этихъ послѣднихъ понятій. Можетъ ли считаться построеніе системы экономическихъ понятій конечной цѣлью политической экономіи. V. Объясненіе экономическихъ явленій. Что значитъ научно объяснить явленіе. Индукція и дедукція въ области экономической науки. Психологическія и соціальныя предпосылки экономической дедукціи. VI. Сравненіе политической экономіи въ методологическомъ отношеніи съ другими науками. Роль абстракціи во всѣхъ точныхъ наукахъ. Экономическіе силлогизмы. Необходимость опытной повѣрки. Причины меньшей научной цѣнности выводовъ экономической теоріи сравнительно съ выводами естествознанія. VII. Раздѣленіе политической экономіи на части. Теоретическая и практическая политическая экономія. Абстрактная и конкретная политическая экономія. Взаимоотношенія различныхъ экономическихъ дисциплинъ. Дополнительныя замѣчанія. Роль субъективныхъ элементовъ въ соціальныхъ наукахъ.

I.

Научное познаніе міра явленій, въ его различныхъ видахъ сводится къ двумъ задачамъ—описанія явленій и объясненія ихъ.

Описаніе есть первая ступень научнаго познанія; сущность описанія заключается въ закрѣпленіи въ научномъ познаніи всѣхъ тѣхъ фактическихъ особенностей изучаемаго круга явленій, кото-

рыя признаются имѣющими существенное значеніе для цѣлей даннаго познанія. Объясненіе явленій есть второй шагъ познанія—ибо раньше, чѣмъ приступить къ объясненію ихъ, самыя эти явленія, въ ихъ существенныхъ чертахъ, должны быть фиксированы сознаніемъ, въ чемъ и состоитъ цѣль описанія. Раньше, чѣмъ объяснять что либо, нужно знать, что именно подлежитъ объясненію.

Для обычнаго некритическаго мышленія описаніе явленій представляется дѣломъ весьма нетруднымъ: нужно только возможно полнѣе воспроизвести въ нашемъ сознаніи изучаемыя явленія, въ ихъ конкретной сложности, и передать словами полученное нами впечатлѣніе отъ этихъ явленій, чтобы достигнуть полнаго описанія ихъ. Научное описаніе міра явленій должно, съ этой точки зрѣнія, дать какъ бы слѣпокъ внѣшняго, объективнаго міра. Чѣмъ точнѣе этотъ слѣпокъ воспроизводитъ всю сложность міра, тѣмъ совершеннѣе научное описаніе, идеалъ котораго будетъ достигнутъ тогда, когда мы фиксируемъ въ нашемъ познаніи все эмпирическое богатство міра, во всей его сложности и всемъ его разнообразіи.

Однако, еслибы научное познаніе дѣйствительно стремилось познать природу такимъ образомъ, то совершенно ясно, что оно всегда оставалось бы чрезвычайно далеко отъ своей цѣли. Ибо природа безконечно разнообразна и, притомъ, въ двоякомъ смыслѣ: во первыхъ, она безконечно разнообразна, какъ цѣлое, въ безконечномъ пространствѣ и времени и, во вторыхъ, она безконечно разнообразна въ каждомъ отдѣльномъ своемъ проявленіи. Риккертъ называетъ первое разнообразіе экстенсивнымъ, второе—интенсивнымъ разнообразіемъ [1]). Что касается до экстенсивнаго разнообразія, то оно не требуетъ доказательствъ; интенсивное разнообразіе менѣе очевидно, но тѣмъ не менѣе ему присущъ такой же характеръ безконечности, какъ и разнообразію перваго рода. Пространство и время не только безконечны по своему протяженію, но и безконечно дѣлимы на все меньшія части. Каждая частица матеріи заключаетъ въ себѣ цѣлую безконечность разнообразныхъ свойствъ—каждая самая малая частица матеріи отличается въ безконечномъ множествѣ отношеній отъ другой частицы—микрокосмъ такъ же не можетъ быть нами исчерпанъ въ своей конкретной полнотѣ, какъ и макрокосмъ. Слѣдовательно, если бы научное описаніе стремилось дать слѣпокъ внѣшняго міра, то оно не было бы въ силахъ исполнить этого не только по отношенію къ природѣ въ ея цѣломъ,—въ силу ея экстенсивнаго разнообразія—но и по отношенію къ каждому от-

дѣльному конкретному явленію, въ силу его интенсивнаго разнообразія. Значитъ, стремленіе познать природу путемъ отраженія ея въ нашемъ сознаніи въ такомъ видѣ, въ какомъ она намъ является, заключаетъ въ себѣ внутреннюю невозможность.

Какимъ же образомъ преодолѣваетъ наше познаніе эту трудность—безконечное разнообразіе природы? Путемъ отбора изъ этого неисчерпаемаго разнообразія немногихъ признаковъ, при игнорированіи всего неисчислимаго множества другихъ, для построенія общихъ понятій, классовъ или типовъ явленій, которые охватываютъ собой не только немногочисленную группу реально наблюденныхъ явленій, но и потенціально-неограниченное множество другихъ, которыя не были предметомъ наблюденія, но принадлежатъ къ тому же типу. Путемъ игнорированія безконечнаго разнообразія признаковъ изучаемаго явленія и сосредоточенія вниманія на немногихъ, болѣе важныхъ, мы преодолѣваемъ интенсивное разнообразіе явленій; путемъ установленія, на основаніи этихъ признаковъ, общихъ типовъ явленій, мы преодолѣваемъ экстенсивное разнообразіе ихъ. Такимъ образомъ, упрощая задачу познанія міра, мы достигаемъ возможности разрѣшенія ея. Отказываясь отъ недостижимаго познанія природы въ ея конкретномъ безконечномъ разнообразіи, мы, при помощи указанныхъ пріемовъ, достигаемъ знанія, правда, крайне ограниченнаго, но твердаго и опредѣленнаго, достаточнаго для нашихъ цѣлей.

Итакъ, описаніе явленій, съ котораго начинается всякое изученіе ихъ, отнюдь не есть внутренне невозможная попытка закрѣпленія въ нашемъ познаніи всѣхъ безчисленныхъ признаковъ ихъ. Только нѣкоторые признаки, считаемые нами важными, удерживаются нашимъ познаніемъ, прочіе же совершенно игнорируются.

Научное описаніе явленій распадается на два процесса, тѣсно связанныхъ между собой. Во первыхъ, на установленіе—какими признаками и свойствами, изъ числа признаваемыхъ нами существенно важными, обладаютъ описываемыя явленія; во вторыхъ, на подведеніе описываемыхъ явленій подъ извѣстную логическую систему общихъ и частныхъ классовъ и подклассовъ, въ зависимости отъ обладанія тѣми или иными признаками. Эта вторая операція составляетъ то, что называютъ *классификаціей* явленій, которой и заканчивается научное описаніе. Благодаря классификаціи становится возможнымъ разсматривать потенціально безконечное множество изучаемыхъ явленій, какъ нѣчто цѣлое, въ которомъ каждое конкретное явленіе находитъ

свое должное мѣсто, ибо каждое частное явленіе есть въ такой системѣ только частный случай общаго правила.

Однако, не нужно думать, что первый шагъ описанія—установленіе признаковъ даннаго явленія—можетъ быть исполненъ независимо отъ второго—классификаціи явленія. Конечно, когда явленія извѣстнаго рода уже классифицированы, то отнесеніе новаго, еще не изученнаго явленія, къ тому или иному классу, отведеніе ему мѣста въ общей системѣ, есть второй шагъ, слѣдующій за первымъ шагомъ—установленіемъ признаковъ этого явленія. Такимъ образомъ, ботаникъ сначала устанавливаетъ признаки новаго неизвѣстнаго ему растенія и затѣмъ на основаніи этихъ признаковъ отводитъ ему то или иное мѣсто въ ботанической системѣ, классифицируетъ его. Но для такой раздѣльности обоихъ актовъ научнаго описанія требуется, чтобы самая-то система классификаціи имѣлась уже въ готовомъ видѣ. Если же ея еще нѣтъ, то первый актъ описанія не можетъ не предполагать классификаціи. Ибо первымъ актомъ описанія является установленіе того, какіе признаки заслуживаютъ закрѣпленія ихъ описаніемъ и какіе должны быть просто игнорированы, какъ несущественные; но отнесеніе признаковъ къ числу существенныхъ или несущественныхъ есть уже актъ классификаціи. Такимъ образомъ, всякое описаніе, даже въ самой своей грубой, примитивной формѣ, неизбѣжно является и классификаціей, которая сопутствуетъ каждому шагу описанія и только логически можетъ быть отдѣлена отъ установленія признаковъ описываемаго явленія [2]).

II.

Итакъ, самымъ важнымъ и рѣшающимъ актомъ всякаго научнаго описанія является рѣшеніе вопроса о томъ, съ какой точки зрѣнія мы будемъ описывать данное явленіе, какіе признаки его мы разсматриваемъ, какъ важные и какіе, какъ неважные. Какъ бы ни было объективно наше описаніе—а оно должно быть возможно болѣе объективнымъ въ томъ смыслѣ, что задачей его должно быть возможно точное воспроизведеніе признаковъ самого явленія, а отнюдь не описывающаго субъекта—все же этотъ-то первый шагъ описанія не можетъ не быть субъективнымъ. Ибо въ самомъ явленіи нѣтъ ничего болѣе или менѣе важнаго и существеннаго—все въ немъ одинаково важно и существенно въ томъ отношеніи, что все въ немъ одинаково необходимо, все въ равной мѣрѣ есть неустранимый результатъ мірового порядка.

И только для насъ, въ виду ограниченности нашихъ познавательныхъ способностей, повелительно предписывающей намъ ограничить свое познаніе ничтожной частью всего неисчислимаго богатства реальнаго міра, возникаетъ субъективная необходимость различать важное отъ неважнаго. Чѣмъ же мы руководствуемся въ этомъ разграниченіи, предопредѣляющемъ собою все реальное содержаніе нашего научнаго познанія?

Конечно, субъективными цѣлями нашего познанія, нашими субъективными интересами—и ничѣмъ инымъ. Но эти цѣли и интересы могутъ быть двоякаго рода. Въ однихъ случаяхъ нашъ интересъ коренится только въ нашей потребности познанія, имѣетъ всецѣло теоретическій характеръ; въ другихъ случаяхъ наша познавательная дѣятельность преслѣдуетъ цѣли практическаго характера, является слугой нашей воли. Соотвѣтственно этому и различныя науки дѣлятся на теоретическія и практическія научныя дисциплины.

Что касается до теоретическаго познанія, то таковое не имѣетъ вполнѣ опредѣленнаго критерія для разграниченія важнаго отъ неважнаго, ибо, строго говоря, все объективно существующее оно должно признавать одинаково важнымъ. Но за невозможностью познать все разнообразіе внѣшняго міра, теоретическое познаніе останавливается, какъ на болѣе важномъ, на тѣхъ признакахъ и свойствахъ изучаемыхъ явленій, которые вступаютъ въ болѣе тѣсныя, частыя и разнообразныя причинныя соотношенія съ другими признаками тѣхъ же явленій. Напротивъ, тѣ признаки, которые мало связаны въ причинномъ отношеніи съ другими признаками изучаемыхъ явленій, разсматриваются нами, какъ маловажные. Объясняется это тѣмъ, что верховная цѣль научнаго познанія заключается въ открытіи причинныхъ зависимостей между явленіями. Поэтому совершенно правильно критеріемъ для разграниченія болѣе важнаго и менѣе важнаго избрать именно богатство научныхъ выводовъ, вытекающихъ изъ сосредоточенія вниманія на тѣхъ или иныхъ признакахъ. Но, повторяемъ, критерій этотъ при часто теоретическомъ познаніи очень шатокъ и относителенъ.

Совсѣмъ иное положеніе научнаго познанія, вызываемаго опредѣленными практическими интересами. Въ этомъ случаѣ именно эти интересы и опредѣляютъ, что слѣдуетъ считать важнымъ и что неважнымъ. Практическій интересъ играетъ въ этомъ случаѣ рѣшающую роль—не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы интересъ этотъ вліялъ на логическую конструкцію нашихъ сужденій о внѣшнемъ мірѣ, но въ смыслѣ указанія направленія, цѣлей, задачъ

нашего теоретическаго познанія. Біологія, напр., не имѣетъ никакого основанія предпочитать изученіе одной группы организмовъ другой; напротивъ, медицина имѣетъ вполнѣ ясный критерій для рѣшенія труднаго вопроса, какое знаніе важно и какое неважно. Бактеріологія, напр., признается медициной чрезвычайно важной отраслью знанія потому, что бактеріи одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ болѣзней человѣка, и именно по этой причинѣ данная отрасль біологической науки получила въ наше время большее развитіе, чѣмъ многіе другіе отдѣлы біологіи, изучающіе организмы, стоящіе въ органической лѣстницѣ гораздо выше бактерій.

Итакъ, науки, тѣсно связанныя съ практическими интересами человѣка, и въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ исходятъ изъ этихъ интересовъ. Медицина, напр., исходитъ изъ понятія нормальнаго и болѣзненнаго состоянія человѣческаго организма и съ этой точки зрѣнія изучаетъ не только процессы, происходящіе въ организмѣ человѣка, но и внѣшнія условія его жизнедѣятельности. Агрономія, зоотехнія и другія практическія біологическія науки исходятъ изъ практическихъ интересовъ человѣческаго хозяйства, и т. д. Опредѣленный практическій интересъ даетъ руководящую нить этимъ наукамъ для такого классифицированія изучаемыхъ ими явленій, которое не имѣетъ ничего общаго съ классифицированіемъ тѣхъ же явленій чисто-теоретическими науками. Такъ, напр., энтомологія — теоретическая наука—дѣлитъ насѣкомыхъ на семейства бабочекъ, жуковъ, прямокрылыхъ, перепончатокрылыхъ, двукрылыхъ и т. д. и ничего не знаетъ о дѣленіи ихъ на вредныхъ и безвредныхъ въ хозяйствѣ человѣка, изъ чего исходитъ практическая энтомологія, какъ отрасль практической науки о сельскомъ хозяйствѣ.

Практическій интересъ кладется въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ основаніе описанія и классификаціи изучаемыхъ явленій. Этимъ нисколько не подрывается научность классификаціи, ибо всякая классификація, по необходимости, произвольна. Одно и то же явленіе можетъ быть предметомъ самыхъ различныхъ классификацій въ зависимости отъ точки зрѣнія изслѣдователя. Одинъ и тотъ же минералъ классифицируется кристаллографіей съ точки зрѣнія его геометрической формы, химикомъ — химическаго состава, физикомъ — физическихъ свойствъ, геологомъ — происхожденія въ земной корѣ, экономистомъ—полезныхъ свойствъ его въ хозяйствѣ человѣка, трудовой стоимости добычи и т. д. и т. д. Всѣ эти классификаціи одинаково законны, хотя каждая изъ нихъ исключаетъ другую; все дѣло въ

точкѣ зрѣнія, въ интересѣ, который является побудительнымъ стимуломъ къ классификаціи того или другого рода [3]).

III.

Однако, несмотря на субъективность, присущую, такимъ образомъ, всякой классификаціи, обстоятельство это не вызываетъ существенныхъ затрудненій въ области естествознанія, какъ въ томъ случаѣ, когда классификація основана на теоретическомъ интересѣ, такъ и въ томъ, когда въ основу ея положенъ интересъ практическій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ потому, что этотъ практическій интересъ настолько ясенъ и раздѣляемъ всѣми изслѣдователями, что никакихъ споровъ и недоразумѣній вызывать не можетъ. Всѣ медики согласны въ томъ, что практическая цѣль медицины заключается въ возможномъ уменьшеніи болѣзненности человѣческаго организма, агрономы и технологи согласны, что ихъ науки стремятся къ максимальному использованію въ цѣляхъ человѣческаго хозяйства силъ природы, и т. д. Поскольку человѣку противостоитъ внѣшняя природа, не можетъ возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія, что слѣдуетъ считать цѣлью и высшимъ практическимъ интересомъ.

Совсѣмъ инымъ представляется дѣло въ области общественныхъ наукъ. Эти науки имѣютъ дѣло съ чрезвычайно важными практическими интересами человѣка; но интересы эти не только не безспорны и не одинаковы для всѣхъ, а, наоборотъ, по необходимости противоположны для различныхъ группъ населенія. Эта противоположность интересовъ составляетъ самое существо, неустранимую природу того общественнаго строя, который господствуетъ въ настоящее время. Въ частности, политическая экономія, по гносеологическимъ основаніямъ, не можетъ не изучать свободно развивающееся мѣновое хозяйство. Но такое хозяйство неизбѣжно приводитъ, какъ показываетъ экономическая наука, къ столкновенію интересовъ различныхъ общественныхъ группъ. Съ точки зрѣнія какого же практическаго интереса должна изучать политическая экономія свой предметъ? Съ точки зрѣнія интересовъ всего общества, какъ цѣлаго? Но таковыхъ, въ большинствѣ случаевъ, нѣтъ, ибо современное общество распадается на группы съ противоположными интересами. Съ точки зрѣнія какой либо изъ этихъ группъ? Но въ такомъ случаѣ, какой именно? И не исчезнетъ ли всякое единство въ наукѣ, если каждая общественная группа будетъ заявлять требо-

ваніе построенія науки съ точки зрѣнія ея интересовъ? Не возникнетъ ли въ такомъ случаѣ столько же различныхъ наукъ, сколько различныхъ интересовъ въ современномъ обществѣ?

Все это чрезвычайно важные гносеологическіе вопросы, совершенно не возникающіе въ сферѣ естествознанія (какъ теоретическаго, такъ и прикладнаго) по той причинѣ, что только въ сферѣ общественной жизни наука имѣетъ дѣло не съ внѣшней природой и не съ человѣкомъ вообще, какъ организмомъ или даже субъектомъ хозяйства, а съ общественными группами, имѣющими противоположные интересы. При этомъ нужно имѣть въ виду, что эта противоположность интересовъ имѣетъ значеніе не только для практической части общественныхъ наукъ, но и для теоретической ихъ части, которая не можетъ быть отдѣлена отъ практической, подобно тому какъ терапія—практическая часть медицина—логически связана съ патологіей—теоретической частью медицины,— и притомъ не только такъ, что патологія опредѣляетъ терапію, но и, наоборотъ, терапія опредѣляетъ патологію: терапія есть конечная цѣль медицины, а, значитъ, и патологіи, которой она указываетъ задачи изслѣдованія.

Точно также, практическіе интересы, въ защиту которыхъ выступаетъ экономическая наука, опредѣляютъ собой и ея теоретическія построенія, классификацію описываемыхъ ею явленій. Такъ напр., стоя на точкѣ зрѣнія интересовъ капиталиста, нанимателя рабочаго, экономистъ долженъ относить заработную плату къ категоріи расхода, ибо, дѣйствительно, заработная плата есть для капиталиста расходъ капитала; наоборотъ, съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго заработная плата есть доходъ. Куда же экономистъ долженъ относить заработную плату—къ категоріи общественнаго дохода или расхода? Все зависитъ отъ тѣхъ практическихъ интересовъ, на почву которыхъ становится экономистъ—съ одинаковымъ правомъ онъ можетъ классифицировать заработную плату и какъ доходъ и какъ расходъ.

Итакъ, тѣмъ же самымъ экономическимъ явленіямъ экономистъ долженъ отводить различное мѣсто въ общей системѣ въ зависимости отъ того, на почву какихъ интересовъ онъ становится. Экономистъ, стоящій на точкѣ зрѣнія трудящихся классовъ, долженъ выдвигать на первый планъ совершенно иные признаки явленій, чѣмъ экономистъ, стоящій на точкѣ зрѣнія нетрудящихся классовъ. Возьмемъ, напр., самый фактъ трудовой затраты. Для рабочаго это фактъ самостоятельнаго и первенствующаго значенія совершенно независимо отъ другихъ его экономическихъ послѣдствій. Увеличеніе затраты труда знаменуетъ для рабочаго

само по себѣ ухудшеніе его экономическаго положенія, ибо затрата труда есть затрата личности рабочаго. Напротивъ, наниматель непосредственно совершенно не ощущаетъ трудовой затраты рабочаго, ибо трудъ исполняется не имъ, а другимъ лицомъ, нанятымъ имъ рабочимъ; затрата труда выступаетъ для нанимателя въ видѣ затратъ его имущества на оплату нанятаго рабочаго. И если увеличеніе затраты труда не сопровождается увеличеніемъ расходовъ по оплатѣ рабочаго, то добавочное бремя труда совершенно не замѣчается нанимателемъ. Поэтому политическая экономія, стоящая на точкѣ зрѣнія трудящихся, не можетъ не придавать чрезвычайнаго значенія категоріи трудовой затраты, какъ совершенно самостоятельной хозяйственной категоріи; напротивъ, политическая экономія, разсматривающая экономическіе процессы подъ угломъ зрѣнія нанимателей рабочихъ, должна видѣть въ трудовой затратѣ не самостоятельную экономическую категорію, а одинъ изъ видовъ затраты имущества нанимателя. Затрата труда человѣка съ этой точки зрѣнія ничѣмъ не отличается отъ затраты труда лошади или работы машины.

Итакъ, различіе интересовъ въ предѣлахъ современнаго хозяйственнаго строя не можетъ не отражаться и на соотвѣтствующихъ теоретическихъ построеніяхъ экономической науки. Приходится, повидимому, признать невозможность единой экономической науки—приходится признать необходимость распаденія ея на столько же различныхъ теоретическихъ построеній, сколько различныхъ хозяйственныхъ интересовъ имѣется въ современномъ обществѣ. Не можетъ быть политической экономіи вообще, а должна быть политическая экономія съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, землевладѣльческаго, капиталистическаго, крестьянъ и т. д.

Однако, этотъ послѣдній выводъ слишкомъ поспѣшенъ. Правда, интересы различныхъ общественныхъ классовъ различны и каждый изъ этихъ интересовъ м о ж е т ъ стать основаніемъ для соотвѣтствующихъ теоретическихъ построеній. М о ж е т ъ, но отнюдь не д о л ж е н ъ. Наоборотъ, наука стремится возвыситься надъ этимъ различіемъ интересовъ, стремится найти такую точку зрѣнія, съ которой ея выводы могли бы стать обязательными для всѣхъ общественныхъ группъ, независимо отъ ихъ частныхъ интересовъ.

И возможность найти такую точку зрѣнія станетъ для насъ ясной, если мы вспомнимъ, что въ сферѣ практической жизни есть точка зрѣнія, погашающая различія частныхъ интересовъ и смѣло выставляющая требованіе своей общеобязательности. Это—точка

зрѣнія этики. То, что мы признаемъ въ нравственномъ отношеніи хорошимъ или дурнымъ, признается нами таковымъ независимо отъ какого либо частнаго интереса.

У каждаго общественнаго класса есть свои особые экономическіе интересы, не совпадающіе съ интересами другихъ классовъ. Но нравственное сознаніе далеко не равнозначуще сознанію своихъ классовыхъ интересовъ. Сущность нравственнаго одобренія или порицанія въ томъ, именно, и заключается, что извѣстный волевой актъ признается хорошимъ или дурнымъ ради него самаго, независимо отъ результатовъ отъ него для дѣйствующаго лица. И какъ бы мы ни смотрѣли на происхожденіе морали, самый фактъ указанной ея природы не можетъ никѣмъ отвергаться.

Становясь на точку зрѣнія этики, мы получаемъ, слѣдовательно, возможность возвыситься надъ противоположностью интересовъ и пріобрѣтаемъ твердую почву для построенія общеобязательной экономической науки. Центральной идеей современнаго этическаго сознанія является формулированная Кантомъ идея верховной цѣнности и, какъ выводъ отсюда, равноцѣнности человѣческой личности [4]). Всякая человѣческая личность есть верховная цѣль въ себѣ, почему всѣ люди равны, какъ носители святыни человѣческой личности. Это и опредѣляетъ верховный практическій интересъ, съ точки зрѣнія котораго можетъ быть построена единая политическая экономія: интересъ не рабочаго, капиталиста, или землевладѣльца, а человѣка вообще, независимо отъ принадлежности его къ тому или иному классу. Съ этой точки зрѣнія мы скажемъ, что заработная плата есть не расходъ, а доходъ общества—ибо рабочій есть человѣкъ и, значитъ, не средство производства въ рукахъ капиталиста, но цѣль въ себѣ; мы скажемъ, что затрата труда есть самостоятельная и основная хозяйственная категорія, ибо, опять таки, рабочій есть человѣкъ и все, что касается интересовъ его личности, касается и того верховнаго интереса, изъ котораго исходитъ политическая экономія. Наоборотъ, мы рѣшительно отвергнемъ правомѣрность точки зрѣнія капиталиста, усматривающаго въ рабочемъ простое средство производства. Вообще, мы признаемъ единственно законной и пріемлемой точку зрѣнія трудящагося человѣка — не потому, что мы сходимъ съ почвы общеобязательной этики и становимся на почву опредѣленнаго частнаго интереса, а потому, что частный интересъ трудящагося человѣка совершенно совпадаетъ съ верховной этической идеей—абсолютной цѣнности человѣческой личности. А именно эта послѣдняя идея является единственно возможнымъ основаніемъ политической экономіи, по-

скольку эта наука становится на почву опредѣленныхъ практическихъ интересовъ.

IV.

Описаніе экономическихъ явленій завершается построеніемъ системы общихъ экономическихъ понятій. Обычный разговорный языкъ обладаетъ обширнымъ запасомъ экономическихъ понятій и наука не можетъ не считаться съ этимъ. Попытка создать научную экономическую терминологію, совершенно независимую отъ разговорнаго языка, была бы и нецѣлесообразна и неосуществима. Нецѣлесообразна потому, что, какъ справедливо указываетъ Визеръ [5]), въ обычномъ словоупотребленіи закрѣпляется весьма разнообразное экономическое познаніе, которымъ было бы весьма неразсчетливо пренебрегать. Такъ какъ общественный хозяйственный процессъ есть компликація разумной сознательной дѣятельности человѣка, то каждый обладаетъ знаніемъ весьма многихъ общественно-хозяйственныхъ явленій—безъ этого знанія былъ бы невозможенъ успѣхъ хозяйственной дѣятельности. Разговорный языкъ представляетъ собой въ сферѣ хозяйственныхъ познаній закрѣпленный хозяйственный опытъ многихъ поколѣній, который имѣетъ свою цѣнность, почему экономисты поступаютъ совершенно правильно, придавая большое значеніе объясненію и точному установленію смысла обычнаго разговорнаго языка въ области хозяйственныхъ понятій. Поэтому, нужно не отвергать экономическія понятія обычнаго языка, а стараться использовать въ научныхъ цѣляхъ эту богатую сокровищницу экономическаго знанія, открытую каждому. Но, кромѣ того, научная экономическая терминологія уже и потому не можетъ не опираться на разговорный языкъ, что экономическая наука слишкомъ тѣсно соприкасается съ общественной жизнью, чтобы отгораживать себя отъ нея новой терминологіей, понятной лишь спеціалистамъ. Экономистъ имѣетъ дѣло съ широкой публикой, стремится вліять на народныя массы — а для этого долженъ говорить языкомъ, по возможности, всѣмъ понятнымъ. Поэтому, всякая терминологія, значительно расходящаяся съ обычнымъ словоупотребленіемъ, совершенно законно не встрѣчаетъ сочувствія у большинства экономистовъ, не говоря уже о широкой публикѣ.

Однако, отсюда не слѣдуетъ, что экономическая наука должна просто заимствовать свои общія понятія у разговорнаго языка. Правда, она можетъ, въ большинствѣ случаевъ, пользоваться ими, но

сколько эта наука становится на почву опредѣленныхъ практическихъ интересовъ.

IV.

Описаніе экономическихъ явленій завершается построеніемъ системы общихъ экономическихъ понятій. Обычный разговорный языкъ обладаетъ обширнымъ запасомъ экономическихъ понятій и наука не можетъ не считаться съ этимъ. Попытка создать научную экономическую терминологію, совершенно независимую отъ разговорнаго языка, была бы и нецѣлесообразна и неосуществима. Нецѣлесообразна потому, что, какъ справедливо указываетъ Визеръ [5]), въ обычномъ словоупотребленіи закрѣпляется весьма разнообразное экономическое познаніе, которымъ было бы весьма неразсчетливо пренебрегать. Такъ какъ общественный хозяйственный процессъ есть компликація разумной сознательной дѣятельности человѣка, то каждый обладаетъ знаніемъ весьма многихъ общественно-хозяйственныхъ явленій—безъ этого знанія былъ бы невозможенъ успѣхъ хозяйственной дѣятельности. Разговорный языкъ представляетъ собой въ сферѣ хозяйственныхъ познаній закрѣпленный хозяйственный опытъ многихъ поколѣній, который имѣетъ свою цѣнность, почему экономисты поступаютъ совершенно правильно, придавая большое значеніе объясненію и точному установленію смысла обычнаго разговорнаго языка въ области хозяйственныхъ понятій. Поэтому, нужно не отвергать экономическія понятія обычнаго языка, а стараться использовать въ научныхъ цѣляхъ эту богатую сокровищницу экономическаго знанія, открытую каждому. Но, кромѣ того, научная экономическая терминологія уже и потому не можетъ не опираться на разговорный языкъ, что экономическая наука слишкомъ тѣсно соприкасается съ общественной жизнью, чтобы отгораживать себя отъ нея новой терминологіей, понятной лишь спеціалистамъ. Экономистъ имѣетъ дѣло съ широкой публикой, стремится вліять на народныя массы — а для этого долженъ говорить языкомъ, по возможности, всѣмъ понятнымъ. Поэтому, всякая терминологія, значительно расходящаяся съ обычнымъ словоупотребленіемъ, совершенно законно не встрѣчаетъ сочувствія у большинства экономистовъ, не говоря уже о широкой публикѣ.

Однако, отсюда не слѣдуетъ, что экономическая наука должна просто заимствовать свои общія понятія у разговорнаго языка. Правда, она можетъ, въ большинствѣ случаевъ, пользоваться ими, но

лишь послѣ предварительной переработки ихъ. Термины разговорнаго языка обычно страдаетъ неясностью и спутанностью своего содержанія. Задача науки по отношенію къ нимъ должна, слѣдовательно, заключаться: 1) въ устраненіи могущихъ заключаться въ нихъ внутреннихъ противорѣчій; 2) въ установленіи точныхъ границъ понятій, точномъ опредѣленія ихъ, и 3) въ установленіи логическихъ соотношеній этихъ понятій.

Подвергая такой переработкѣ понятія разговорнаго языка, наука иногда расширяетъ ихъ. Такъ, напримѣръ, въ обычномъ словоупотребленіи подъ капиталомъ понимаются денежныя суммы, являющіяся источникомъ нетрудоваго дохода; наука значительно расширяетъ это понятіе, понимая подъ капиталомъ, съ частно-хозяйственной точки зрѣнія, всякій, созданный трудомъ человѣка, запасъ хозяйственныхъ предметовъ, являющихся для своего владѣльца источникомъ нетрудового дохода. Въ другихъ случаяхъ экономическая наука суживаетъ обычныя понятія—такъ, напр., рабочимъ союзомъ экономистъ называетъ не всякій союзъ рабочихъ, а только такой союзъ, который ставитъ своей цѣлью защиту интересовъ рабочихъ, какъ продавцевъ рабочей силы; подъ общиннымъ землевладѣніемъ—не всякое землевладѣніе общины, а лишь такое, при которомъ земля находится въ трудовомъ пользованіи членовъ общины, и т. д. и т. д. Иногда наукѣ приходится конструировать новыя понятія, совершенно чуждыя обычному экономическому сознанію; такъ, напр., понятіе земельной ренты, которую Рикардо опредѣляетъ, какъ плату за „пользованіе первоначальными и неистощимыми свойствами почвы“ [6]). Обычное понятіе арендной платы не совпадаетъ съ понятіемъ земельной ренты, такъ какъ въ арендную плату можетъ входить плата не только за неистощимыя свойства земли. Такимъ же новымъ экономическимъ понятіемъ было построенное Марксомъ понятіе прибавочной цѣнности (Mehrwert), какъ избытка цѣнности, остающагося за покрытіемъ цѣнности возстановленнаго въ своей цѣнности капитала.

Построеніе системы общихъ экономическихъ понятій отнюдь не есть маловажное дѣло. Такіе выдающіеся методологи, какъ Вундтъ, видятъ въ этомъ даже верховную цѣль всей экономической науки, относясь отрицательно къ стремленію экономистовъ устанавливать причинные законы экономическихъ явленій [7]).

Однако, какъ ни важно созданіе логически стройной системы общихъ понятій, политическая экономія можетъ претендовать на нѣчто большее. Нельзя не согласиться со Шмоллеромъ, что „хорошія опредѣленія можно сравнить съ острыми клинками; ихъ нужно всегда острять, ковать изъ новаго металла новые клинки.

Но постоянно перековывать старые клинки, ковать клинки, когда нечего ими рубить, нечего ими раздѣлять, опредѣлять слова, которыя не находятъ себѣ въ наукѣ достаточнаго примѣненія—безплодное занятіе“ [8]).

V.

Построеніе системы общихъ понятій есть только логическое завершеніе первой стадіи научнаго изученія явленій хозяйства—о п и с а н і я явленій. Но своей конечной цѣли наука достигаетъ лишь тогда, когда ей удается о б ъ я с н и т ь описанныя, классифицированныя и подчиненныя общимъ понятіямъ явленія. Въ чемъ же заключается сущность научнаго о б ъ я с н е н і я явленій? Подъ объясненіемъ явленій можно понимать очень различные логическіе процессы. Но въ строгомъ смыслѣ подъ объясненіемъ явленія современная наука понимаетъ только одно—сведеніе этого явленія къ общимъ и неизмѣннымъ законамъ природы [9]). И политическая экономія тѣмъ именно и отличается отъ другихъ общественныхъ наукъ, что она съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ даетъ общія причинныя объясненія изучаемаго ею круга явленій.

Какъ выше указано, политическая экономія изучаетъ по преимуществу стихійную закономѣрность свободнаго мѣнового хозяйства. Закономѣрность эта есть результатъ взаимодѣйствія единичныхъ хозяйствъ, связанныхъ между собой узами обмѣна; на почвѣ этого взаимодѣйствія возникаютъ причинно-необходимыя слѣдствія, образующія собой явленія народнаго хозяйства, и задачей политической экономіи является установленіе причинныхъ законовъ, которымъ эти явленія подчиняются.

Поскольку дѣло идетъ объ о б ъ я с н е н і и явленій въ указанномъ смыслѣ слова, привнесеніе сюда какихъ бы то ни было субъективныхъ элементовъ совершенно недопустимо. Открывая причинные законы явленій, экономистъ не можетъ исходить изъ своихъ общественныхъ симпатій—въ противномъ случаѣ получилась бы не наука, а ея фальсификація, подмѣна сущаго должнымъ. Самое открытіе причинныхъ законовъ въ области хозяйственныхъ явленій происходитъ при помощи тѣхъ же двухъ основныхъ методовъ изслѣдованія, какъ и въ другихъ областяхъ знанія—индукціи (восхожденія отъ частнаго къ общему, анализа фактовъ) и дедукціи (объясненія частныхъ случаевъ на основѣ общей теоріи). Но индуктивное изслѣдованіе въ области соціальной жизни уже потому не можетъ имѣть такого значенія, какъ въ области естествознанія, что изслѣдователь соціаль-

ныхъ явленій не можетъ пользоваться самымъ могущественнымъ орудіемъ индукціи—опытомъ. Одно же наблюденіе, какъ это показано, между прочимъ, Миллемъ [19]), благодаря множественности причинъ, большей частью недостаточно для установленія причинъ наблюдаемаго явленія. Въ частности, по отношенію къ экономическимъ явленіямъ, совершенно ясно, что причины ихъ почти никогда не могутъ быть открыты путемъ одного наблюденія. Благодаря крайней сложности и измѣнчивости этихъ явленій, дѣйствіе каждой изучаемой причины маскируется дѣйствіемъ одновременно существующаго множества другихъ причинъ и индукція оказывается не въ силахъ отдѣлить дѣйствіе одного фактора отъ другого. Такъ напр., всѣ экономисты согласны въ томъ, что на цѣну продукта оказываетъ вліяніе количество труда, требующагося для производства этого продукта; однако, индуктивно установить причинную зависимость между трудовой затратой и цѣной совершенно невозможно потому, что на цѣны вліяетъ цѣлый рядъ другихъ факторовъ, помимо труда, и мы сплошь и рядомъ наблюдаемъ, что предметы, на которые затрачено меньше труда, расцѣниваются на рынкѣ выше, чѣмъ предметы съ высшей трудовой стоимостью (напр., въ случаѣ большого спроса на предметы перваго рода, болѣе высокой оплаты труда рабочихъ, производящихъ эти предметы и т. п.). Такимъ образомъ, причинная зависимость между трудовой затратой и цѣнами никоимъ образомъ не могла бы быть открыта индукціей.

И дѣйствительно, господствующимъ методомъ политической экономіи при открытіи ею причинныхъ законовъ изучаемаго ею круга явленій является противоположный методъ—дедукція. Экономистъ знакомъ съ тѣми силами, столкновеніе которыхъ обусловливаетъ явленія народнаго хозяйства: силами этими является взаимодѣйствіе людей, независимый отъ ихъ воли результатъ ихъ дѣятельности, совершающейся по опредѣленнымъ мотивамъ, на основѣ опредѣленныхъ потребностей. Психическая природа человѣка не составляетъ собой предмета изученія экономиста—послѣдній предполагаетъ ее извѣстной, пользуясь частью непосредственнымъ знаніемъ ея, которымъ обладаетъ каждый путемъ самонаблюденія, частью данными спеціальной науки, изучающей психическую жизнь человѣка — психологіи. Соціальная среда, въ которой дѣйствуютъ люди—господствующія соціальныя учрежденія, политическія формы общежитія, дѣйствующее право—также не входитъ въ область изученія экономиста (будучи предметомъ изслѣдованія другихъ соціальныхъ наукъ) и предполагается экономистомъ извѣстной. Наконецъ, матеріальная среда—

внѣшняя природа — изслѣдуется естествознаніемъ, выводами котораго пользуется экономистъ. Такимъ образомъ, задача экономиста сводится къ опредѣленію, какова будетъ равнодѣйствующая при взаимодѣйствіи многихъ силъ, законы дѣйствія каждой изъ которыхъ ему извѣстны—задача очень трудная, благодаря сложности этого взаимодѣйствія, но вполнѣ разрѣшимая при извѣстномъ упрощеніи задачи.

Упрощеніе это заключается въ томъ, что экономистъ отказывается отъ совершенно безнадежной попытки изучать народохозяйственныя явленія во всей ихъ сложности, какъ они наблюдаются въ эмпирической дѣйствительности. Вмѣсто этого онъ ставитъ себѣ болѣе скромную задачу. Онъ конструируетъ упрощеннаго человѣка, дѣйствующаго въ упрощенной соціальной средѣ. Такимъ образомъ создаются основныя посылки политической экономіи, исходя изъ которыхъ экономистъ приходитъ къ своимъ выводамъ.

Посылки эти распадаются на 1) психологическія и 2) соціальныя. Психологическія посылки слѣдующія: 1) „хозяйственнаго человѣка“—экономистъ предполагаетъ, что дѣятельность человѣка опредѣляется только хозяйственнымъ интересомъ и болѣе ничѣмъ; 2) полнаго знанія человѣкомъ всѣхъ обстоятельствъ, нужныхъ для выбора наиболѣе раціональнаго въ хозяйственномъ отношеніи образа дѣйствій; и 3) дѣйствія на основаніи „хозяйственнаго принципа“, какъ естественнаго результата двухъ первыхъ посылокъ[11]). Что касается до соціальныхъ предпосылокъ, то онѣ сводятся къ предположенію дѣйствія человѣка въ средѣ свободнаго мѣнового хозяйства т. е. такого хозяйства, въ которомъ средства производства и продукты хозяйственнаго труда находятся въ частной собственности отдѣльныхъ единичныхъ хозяевъ, свободно обмѣнивающихся по своему усмотрѣнію другъ съ другомъ принадлежащими имъ хозяйственными предметами.

Всѣ эти предпосылки отнюдь не произвольныя допущенія экономической теоріи, а необходимые отправные пункты экономической науки, предписываемые самымъ характеромъ ея. Что касается до первой изъ нихъ—„хозяйственнаго человѣка“, то она не равносильна признанію эгоизма единственнымъ руководящимъ мотивомъ человѣческаго поведенія. Какъ правильно указалъ Дитцель, эгоизмъ и хозяйственный интересъ далеко не тождественныя понятія. Эгоизмъ характеризуетъ конечныя цѣли дѣятельности человѣка,—хозяйственный интересъ—ближайшія. Хозяйство можетъ преслѣдовать и альтруистическія цѣли (напр., хозяйство благотворительнаго учрежденія). Съ другой стороны, эгоистическія

цѣли могутъ приводить къ нехозяйственному образу дѣйствій (напр., мотовство съ цѣлью возбудить преувеличенное представленіе о своемъ богатствѣ). Хозяйственный интересъ, слѣдовательно, лишенъ какой бы то ни было этической окраски—онъ можетъ вызываться какъ эгоистическими, такъ и альтруистическими цѣлями.

VI.

Предполагая человѣка дѣйствующимъ на основаніи только хозяйственнаго интереса, въ согласіи съ хозяйственнымъ принципомъ и при полномъ знаніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, экономистъ, конечно, расходится съ дѣйствительностью. Но безъ такого упрощенія задачи экономическая теорія обойтись не можетъ—ибо предположить, что человѣкъ дѣйствуетъ по инымъ, нехозяйственнымъ мотивамъ и т. д., значитъ выйти изъ предѣловъ экономической науки. Теоретическая дедукція возможна только отъ строго опредѣленныхъ посылокъ—и никакая точная наука не можетъ обходиться безъ такого упрощенія дѣйствительности.

Политическая экономія въ этомъ отношеніи лишь раздѣляетъ общую слабость всѣхъ точныхъ наукъ. Физика и химія всѣми признаются образцомъ точного изученія явленій природы. Изслѣдуютъ ли, однако, эти науки конкретныя явленія или же извѣстные упрощенные абстрактные типы послѣднихъ? Несомнѣнно послѣднее. Законы газообразныхъ тѣлъ—напр., законъ Бойля и Маріотта—не примѣнимы въ полной мѣрѣ ни къ одному реальному газу и характеризуютъ лишь нѣкоторыя идеальныя, представляемыя состоянія, къ которымъ реальныя явленія приближаются въ большей или меньшей степени. Точно также химія трактуетъ объ элементахъ, но абсолютно чистыхъ элементовъ, абсолютно чистаго кислорода, водорода, золота не существуетъ въ природѣ—всякое реальное тѣло есть смѣсь или соединеніе нѣсколькихъ элементовъ; слѣдовательно, и химія изучаетъ не реальныя явленія, а лишь абстрактные типы ихъ, почему и выводы химіи могутъ считаться точными лишь по отношенію къ этимъ идеальнымъ типамъ. Такимъ образомъ, абстракція, отвлеченіе отъ усложняющихъ обстоятельствъ, есть методъ всѣхъ точныхъ наукъ, выводы которыхъ абстрактно, въ примѣненіи къ представляемымъ явленіямъ, совершенно точны, но конкретно, въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ природы, точны лишь приблизительно [12]).

Итакъ, исходя изъ ограниченнаго числа точно установленныхъ

предпосылокъ, политическая экономія слѣдуетъ примѣру другихъ точныхъ наукъ. Самыя посылки ея отнюдь не случайны, но опредѣляются характеромъ предмета, изучаемаго экономистомъ. Такъ какъ этимъ предметомъ являются лишь хозяйственные процессы, то вполнѣ естественно, что экономистъ отвлекается отъ всѣхъ моментовъ нехозяйственнаго характера, вторгающихся въ сферу хозяйства; этимъ опредѣляются психологическія предпосылки экономиста. Что касается его соціальной предпосылки—свободнаго мѣнового хозяйства,—то гносеологическая необходимость ея была доказана въ предшествовавшей главѣ.

Къ своимъ выводамъ экономистъ-теоретикъ приходитъ путемъ построенія силлогизмовъ, въ которыхъ роль большихъ посылокъ играютъ указанныя предпосылки, а меньшихъ—частные случаи, подлежащіе изученію. Выводъ получается путемъ обычной дедукціи.

Для рѣшенія разнообразныхъ проблемъ народнаго хозяйства экономисту приходится строить длинныя цѣпи такихъ силлогизмовъ; главная трудность такихъ дедуктивныхъ умозаключеній заключается въ установленіи связи между частнымъ случаемъ, подлежащимъ объясненію, и общими посылками. Общія посылки могутъ считаться извѣстными; выводъ также не можетъ представлять затрудненій. Но установленіе меньшей посылки, при помощи которой общіе принципы экономической науки получаютъ частное примѣненіе и устанавливается опредѣленная причинная зависимость между тѣми или другими хозяйственными явленіями, представляетъ собой наиболѣе уязвимое мѣсто всего этого логическаго процесса.

Здѣсь нерѣдко дѣлаются ошибки, которыми изобилуетъ исторія экономическихъ ученій. Возьмемъ, напр., слѣдующій силлогизмъ, который казался неотразимымъ цѣлымъ поколѣніямъ экономистовъ. Большая посылка: все то, что не оказываетъ вліянія на общую сумму національнаго капитала, затрачиваемаго на заработную плату, и на число рабочихъ въ странѣ, не можетъ оказывать вліянія и на среднюю заработную плату въ странѣ. Меньшая посылка: союзы рабочихъ не оказываютъ вліянія на общую сумму національнаго капитала, затрачиваемаго на заработную плату, и на число рабочихъ въ странѣ. Выводъ. Союзы рабочихъ не могутъ оказывать вліянія на среднюю заработную плату въ странѣ.

Въ этомъ силлогизмѣ большая посылка совершенно несомнѣнна, — конечно, частное (средняя заработная плата) не можетъ быть измѣнено безъ измѣненія дѣлимаго (національ-

ціональнаго капитала, затрачиваемаго на заработную плату) или дѣлителя (числа рабочихъ въ странѣ). Выводъ также безусловно правиленъ. Но меньшая посылка ошибочна: хотя рабочіе союзы новаго богатства и не создаютъ, они могутъ, путемъ давленія на предпринимателей, увеличивать ту долю общественнаго богатства, которая переходитъ рабочимъ въ видѣ заработной платы. Такимъ образомъ рабочіе союзы могутъ оказывать вліяніе на общую сумму національнаго капитала, затрачиваемаго на заработную плату, а, значитъ, могутъ вліять и на среднюю заработную плату въ странѣ. Силлогизмъ не вѣренъ въ томъ отношеніи, что его меньшая посылка не соотвѣтствуетъ истинѣ, почему не соотвѣтствуетъ истинѣ и выводъ.

Какъ бы ни были правильно въ формальномъ отношеніи построены силлогизмы экономиста, выводы изъ нихъ могутъ быть невѣрны благодаря неправильности посылокъ. Вотъ почему, нельзя согласиться съ Кэрнсомъ, не придающимъ значенія опытной повѣркѣ выводовъ экономической теоріи [13]). Конечно, единственнымъ доказательствомъ неправильности этихъ выводовъ можетъ быть обнаруженная неправильность самого силлогизма; и самъ по себѣ выводъ абстрактной теоріи не можетъ быть опровергнутъ указаніемъ на несоотвѣтствіе его эмпирической дѣйствительности, ибо несоотвѣтствіе это можетъ быть обусловлено вліяніемъ факторовъ, не учитываемыхъ экономистомъ. Поэтому обычный пріемъ плохихъ экономистовъ—вмѣсто логическаго опроверженія той или иной теоріи, возражать на нее ссылкой на факты—является доказательствомъ убожества теоретической мысли этихъ экономистовъ. Однако, хотя доказательствомъ невѣрности экономической теоріи можетъ быть лишь неправильность логическихъ построеній, при помощи которыхъ она выведена, самъ по себѣ фактъ несоотвѣтствія теоріи дѣйствительности никоимъ образомъ не можетъ считаться обстоятельствомъ безразличнымъ для науки. Если бы экономисты стали на такую точку зрѣнія, то ихъ теорія совершенно оторвалась бы отъ жизни и лишилась бы практическаго значенія, даже если бы она и была правильна. Поэтому, выводы абстрактной экономической теоріи всегда должны быть повѣряемы фактами. Конечно, нельзя ожидать полнаго совпаденія ихъ съ фактами; но если несовпаденіе болѣе значительно, чѣмъ можно было бы ожидать въ силу абстрактнаго характера самой теоріи, то, должно быть указано, какіе факты вызываютъ отклоненіе конкретныхъ результатовъ отъ предвидимыхъ на основаніи теоріи. Экономистъ не можетъ считать свое дѣло поконченнымъ до тѣхъ поръ, пока имъ не показано, почему дѣйствительность

не соотвѣтствуетъ теоретическимъ предположеніямъ. Въ этомъ и заключается опытная повѣрка теоріи.

Итакъ, экономическая теорія, подобно другимъ точнымъ наукамъ, устанавливая причинные законы, имѣетъ всегда дѣло съ нѣкоторой абстракціей. Тѣмъ не менѣе, по своей научной цѣнности и обязательной силѣ, выводы экономической теоріи, конечно, не могутъ быть сравниваемы съ выводами естествознанія. Главнѣйшія основанія меньшей обязательности выводовъ экономической науки заключаются въ слѣдующемъ:

1) Механическія силы природы всегда оказываютъ свое дѣйствіе и если оно не проявляется благодаря тому, что какая нибудь другая сила дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи, то этимъ не уничтожается реальный характеръ первой силы. Такъ, напр., хотя камень, имѣющій опору, и не падаетъ и дѣйствіе силы тяжести не имѣетъ внѣшняго проявленія, тѣмъ не менѣе сила тяжести оказываетъ свое дѣйствіе и выражается въ давленіи камня на точку опоры. Напротивъ, въ области общественной жизни тѣ силы, изъ предположенія которыхъ исходитъ экономистъ, могутъ совершенно не дѣйствовать. Такъ, напр., вопреки предположенію экономиста человѣкъ можетъ подчинять свою хозяйственную дѣятельность вліянію нехозяйственныхъ мотивовъ и въ этомъ случаѣ выводы экономической теоріи не будутъ имѣть никакого примѣненія къ реальной дѣйствительности [14]). Выводы естествознанія имѣютъ, слѣдовательно, безусловно реальный характеръ, выводы экономической теоріи предположительный—они могутъ имѣть реальное значеніе, поскольку реально осуществляются тѣ предположенія, изъ которыхъ исходитъ экономистъ. Если бы предпосылки экономиста совсѣмъ не соотвѣтствовали дѣйствительности, то, конечно, не имѣла бы реальной цѣнности и вся экономическая теорія. Но это не такъ—предпосылки экономиста (хозяйственный интересъ, дѣйствіе согласно хозяйственному принципу и пр.) являются вполнѣ реальными условіями значительно большей части хозяйственныхъ дѣйствій человѣка—и, значитъ, и выводы экономической теоріи имѣютъ въ такой же мѣрѣ—но лишь постольку—реальное значеніе.

2) Силы, противодѣйствующія проявленію въ чистомъ видѣ результатовъ дѣйствія изучаемыхъ естествознаніемъ силъ, всегда относятся къ той же категоріи механическихъ силъ, какъ и силы перваго рода. Напримѣръ, пуля изъ ружья никогда не будетъ описывать при полетѣ той правильной кривой, какая выводится механикой изъ изученія дѣйствія силы полета пули и земного тяготѣнія. Сопротивленіе воздуха, вѣтеръ и множество

другихъ причинъ вызовутъ отклоненія отъ этой идеальной кривой. Но всѣ эти отклоняющія силы подчинены тѣмъ же законамъ механики. Напротивъ, силы, вызывающія отклоненія дѣйствительныхъ экономическихъ фактовъ отъ теоретически предвидимыхъ, относятся къ совершенно иной категоріи, чѣмъ изучаемыя экономистомъ. Механикъ могъ бы, оставаясь въ сферѣ своей науки опредѣлить реальный полетъ пули, если бы зналъ всѣ конкретныя условія этого полета: и вѣтеръ и сопротивленіе воздуха и все остальное дѣйствуетъ по тѣмъ же законамъ механики. Но то, что вызываетъ отклоненіе реальныхъ экономическихъ фактовъ отъ теоретически предвидимыхъ, не можетъ быть объяснено на основаніи экономической теоріи—напр., дѣйствіе нехозяйственныхъ мотивовъ на человѣческое поведеніе, незнаніе дѣйствующимъ лицемъ хозяйственныхъ условій даннаго случая и т. д. Экономистъ наталкивается въ данномъ случаѣ на границы своего знанія и долженъ признать свое безсиліе [15]).

VII.

Итакъ, экономическая теорія далеко отстаетъ по научному значенію своихъ выводовъ отъ естествознанія. Но каково бы ни было реальное значеніе этихъ выводовъ, они могутъ быть получены только путемъ дедукціи, отправляющейся отъ немногихъ точно установленныхъ посылокъ. Въ исторіи экономической науки, долгое время шелъ споръ о томъ, какой методъ—дедукція, носящая абстрактный характеръ, или индукція, исходящая изъ конкретныхъ фактовъ, долженъ быть положенъ въ основу науки. Представители такъ наз. исторической школы въ политической экономіи разсчитывали преобразовать науку путемъ отказа отъ абстрактной теоріи и замѣны ея эмпиризмомъ. Однако, никакого преобразованія экономической теоріи сторонники новаго направленія не произвели; первоначально ожесточенный споръ о преимуществахъ дедукціи и индукціи мало-по-малу затихъ и теперь уже не возбуждаетъ интереса. Точка зрѣнія Менгера, признававшаго равноправность обоихъ методовъ, каждаго въ своей сферѣ, стала болѣе или менѣе общепринятой, какъ показываетъ хотя бы глава о методологіи политической экономіи въ новѣйшемъ курсѣ признаннаго главы исторической школы Шмоллера [16]). Дѣло въ томъ, что наука политической экономіи охватываетъ собой нѣсколько научныхъ дисциплинъ, глубоко отличающихся другъ отъ друга по своимъ методологическимъ пріемамъ.

Политическая экономія распадается, прежде всего, на 1) абстрактную и 2) конкретную. Абстрактная политическая экономія, устанавливающая общіе причинные законы народнаго хозяйства, не можетъ не пользоваться по преимуществу выше охарактеризованнымъ дедуктивнымъ методомъ. Напротивъ, конкретная политическая экономія, ставящая себѣ цѣлью описаніе, классификацію и объясненіе конкретныхъ типовъ народохозяйственныхъ явленій, носитъ по необходимости индуктивный характеръ. Этотъ отдѣлъ экономической науки, пользуясь абстрактной теоріей хозяйства, изслѣдуетъ какъ существующіе типы хозяйственныхъ явленій, такъ, въ особенности, историческое развитіе ихъ. Установленіе направленій историческаго развитія хозяйства является одной изъ важнѣйшихъ задачъ этого отдѣла науки.

Абстрактная и конкретная политическая экономія образуетъ собой теоретическую экономическую науку, въ противоположность практической политической экономіи, иначе говоря, экономической политикѣ [12]). Чтобы стать дѣйствительно научной, экономическая политика должна вступить въ тѣсную связь съ этикой. Только этика можетъ дать политикѣ ея руководящія идеи; въ частности, центральной идеей политики должна стать этическая идея верховной и безконечной цѣнности человѣческой личности. Общественный строй, при которомъ каждая личность получитъ полную свободу для осуществленія своихъ высшихъ цѣлей, образуетъ для насъ соціальный идеалъ, съ точки зрѣнія котораго должны быть оцѣниваемы отдѣльныя нормы положительнаго права. Поэтому нельзя не привѣтствовать замѣчающагося въ новѣйшее время среди юристовъ стремленія къ возсозданію естественнаго права (конечно, въ новыхъ формахъ). Стремленіе это нашло наиболѣе яркое и цѣнное выраженіе въ трудахъ Л. І. Петражицкаго, научно обосновавшаго его и давшаго очень много для построенія будущей науки политики права, однимъ изъ отдѣловъ которой должна стать и экономическая политика [13]).

Не нужно, однако, думать, что названные отдѣлы политической экономіи могутъ быть строго раздѣлены и разграничены другъ отъ друга. Абстрактная и конкретная часть науки проникаютъ другъ друга и практически неотдѣлимы. Въ большей мѣрѣ можетъ быть разграничена теоретическая политическая экономія отъ практической, ибо изслѣдованія сущаго и должнаго представляютъ собой логически совершенно разныя проблемы. Однако и тутъ полное раздѣленіе невозможно. Выше уже было указано, что первый шагъ теоретическаго изслѣдованія — описаніе и классификація экономическихъ явленій—неизбѣжно предпола-

гаетъ привлеченіе субъективныхъ элементовъ. Только съ точки зрѣнія должнаго можно рѣшить, *что* изъ области сущаго заслуживаетъ разсмотрѣнія и *какъ* оно должно быть классифицировано. Поэтому и экономическая теорія не можетъ быть изучаема совершенно независимо отъ экономической политики.

Привлеченіе этическаго элемента не подрываетъ объективнаго значенія экономической теоріи, ибо этотъ элементъ занимаетъ въ экономической теоріи лишь строго опредѣленное мѣсто. Въ области *объясненія* экономическихъ явленій, сведенія ихъ къ причиннымъ отношеніямъ, для этого элемента, конечно, нѣтъ мѣста. Въ общемъ, этика, соціальный идеалъ не вредитъ научности экономической теоріи, но лишь въ томъ случаѣ, если въ научномъ разсужденіи строго различаются области сущаго и должнаго. Идеальные и объективные элементы могутъ идти рядомъ въ экономической теоріи, но, однако, такъ, чтобы всегда было ясно различіе природы тѣхъ и другихъ—подобно тому, какъ вода и масло въ одномъ сосудѣ не смѣшиваются другъ съ другомъ, хотя и находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ.

Въ русской литературѣ шелъ долгій споръ о роли этическаго элемента въ соціальной наукѣ. Лавровъ и Михайловскій высказали мысль, что соціальная наука должна прибѣгнуть къ другому методу изслѣдованія, чѣмъ естествознаніе, въ силу того, что соціальная наука изучаетъ соціальныя явленія съ точки зрѣнія интересовъ и цѣлей человѣка, почему и чисто объективное изслѣдованіе этихъ явленій становится невозможнымъ. Такъ, субъективно телеологическій характеръ имѣетъ центральное понятіе исторической науки—понятіе прогресса [19]). Исходя изъ этихъ соображеній, Михайловскій развилъ теорію субъективнаго метода въ соціологіи. Однако, несмотря на неоднократное возвращеніе къ этому вопросу, Михайловскій не пришелъ, повидимому, къ окончательному рѣшенію, въ чемъ именно долженъ заключаться этотъ методъ и въ разное время давая послѣднему разное истолкованіе. Теорія Михайловскаго встрѣтила рѣзкій отпоръ со стороны цѣлаго ряда писателей и особенно высмѣивалась въ 90-е годы, въ эпоху расцвѣта русскаго марксизма. Въ концѣ-концовъ, приходится, однако, признать, что, несмотря на незаконченность ученія Михайловскаго, оно заключало въ себѣ вѣрную и цѣнную мысль. Школа Виндельбанда-Риккерта подошла въ Германіи къ тому же вопросу съ другой стороны и точно также признала, что историческая наука не можетъ не привносить субъективно-этическихъ элементовъ въ свое изслѣдованіе, каковое обстоятельство, съ точки зрѣнія указанной школы, составляетъ существенное отличіе историческихъ наукъ отъ естествознанія. Эмпирическая дѣйствительность — говоритъ Риккертъ—является „природой, если мы ее разсматриваемъ по отношенію къ общему, и исторіей, если мы ее разсматриваемъ, какъ нѣчто единичное“ [20]). Областью исторіи является все индивидуальное, не повторяющееся, причемъ образованіе понятій съ инди-

видуальнымъ содержаніемъ становится возможнымъ лишь благодаря отнесенію этихъ понятій къ тѣмъ или инымъ ц ѣ н н о с т я м ъ. Такимъ образомъ, телеологическое понятіе ц ѣ н н о с т и лежитъ въ основѣ всякой исторической науки. „Многіе историки думаютъ, что они въ своемъ стремленіи къ научной объективности совершенно освободились отъ понятія цѣнности. Однако, фактически ни одинъ историкъ не сталъ бы интересоваться единичными и индивидуальными событіями, напр., именуемыми эпохой возрожденія или романтической школой, если бы эти событія въ своей индивидуальности не имѣли отношеній къ политическимъ, эстетическимъ или инымъ общимъ цѣнностямъ—и надежда когда либо достигнуть въ исторіи точки зрѣнія, совершенно чуждой отношенія къ цѣнности, освободиться не только отъ сужденій о цѣнности событій, но и отъ всякаго отношенія къ цѣнности таковыхъ, есть не что иное, какъ самообманъ“ [21]).

Однако, какъ указываетъ и Риккертъ, разграниченіе исторической и естественно-научной точки зрѣнія не нужно понимать въ томъ смыслѣ, что каждая отдѣльная научная дисциплина должна быть и л и исторіей, и л и естествознаніемъ. Наоборотъ, цѣлый рядъ наукъ представляетъ собой своеобразныя и самыя различныя сочетанія обѣихъ точекъ зрѣнія. „Историческое и естественно-научное образованіе понятій могутъ такъ тѣсно переплетаться между собой при изслѣдованіи нѣкоторыхъ культурныхъ событій, что только тщательный анализъ можетъ обнаруживать элементы того и другого порядка. Это имѣетъ мѣсто, напр., въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ національной экономіи. И конечно, логика отнюдь не оспариваетъ права существованія такихъ смѣшанныхъ научныхъ дисциплинъ“ [22]).

Методологическія воззрѣнія, развитыя въ текстѣ, являются о т ч а с т и примѣненіемъ взглядовъ Риккерта къ политической экономіи. Но Риккертъ не указываетъ, въ чемъ должна заключаться верховная цѣнность, къ которой должны быть отнесены телеологическія понятія политической экономіи—какъ и вообще онъ не касается методологіи отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ. Такой верховной цѣнностью является въ моемъ построеніи человѣческая личность, и я прихожу къ признанію равноцѣнности человѣческой личности основной телеологической идеей политической экономіи.

Стремленіе марксистовъ къ чисто объективному построенію соціальной науки находится въ очевидномъ противорѣчіи съ ихъ представленіемъ о господствѣ классовыхъ интересовъ въ области научнаго познанія. Съ ихъ точки зрѣнія, соціальная наука не можетъ не отражать классовыхъ интересовъ; но, въ такомъ случаѣ, она не можетъ быть и чисто объективной наукой. Примиреніемъ этого противорѣчія является обоснованіе телеологическихъ элементовъ соціальной науки, поскольку дѣло идетъ о сталкивающихся и противоположныхъ классовыхъ интересахъ, на общеобязательныхъ этическихъ нормахъ. Въ этомъ смыслѣ правильно, что политическая экономія есть этическая наука; это ей, конечно, нисколько не мѣшаетъ заключать въ себѣ и элементы естествознанія (въ смыслѣ Риккерта). Вообще, по справедливому замѣчанію Дитцеля, „только какъ слуга этики политика можетъ стать наукой. Безъ нормъ, даваемыхъ этикой, политика становится собраніемъ рецептовъ для осуществленія всевозможныхъ интересовъ, дѣйствующихъ въ соціальной жизни“ [23]).

ЛИТЕРАТУРА.

Общія сочиненія о методѣ. Дж. Ст. Миллъ. Система логики. Пер. подъ редакц. Ивановскаго. 1900. Sigwart. Logik. 2 т. 2 изд. 1893. Wundt. Logik. 3 т. 1893—95. П. Л. Лавровъ. Историческія письма Изд. 4. 1906. Simmel. Einleitung in die Moralwissenschaft. 1892. Его же. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. 1892. Windelband. Geschichte und Naturwissenschaft. 1894. Его же, Прелюдіи. Пер. съ нѣм. Франка. 1904. Риккертъ. О границахъ естественно научнаго образованія понятій. Пер. Водена. 1903. Его же. Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. 1903. Его же. Философія исторіи. Пер. С. Гессена. 1908. Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode. 3 изд. 1904.

Спеціальная литература. Cairnes. The Charakter and Logical Method of Political Economy. 2 изд. 1875 (сокращ. русскій переводъ въ книгѣ „Кэрисъ" Библіотека экономистовъ. 1897). Knies. Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. 2 изд. 1883. Gustav Schmoller. Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft. 1873. Его же. Zur Litteraturgeschichte der Staats—und Socialwissenshaften. 1888. Dieltey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. 1883. Менгеръ. Изслѣдованіе о методахъ соціальныхъ наукъ. Пер съ нѣм. 1894. Sax. Das Wesen und die Aufgabe der Nationaloekonomie. 1884 Philippovich. Ueber Aufgabe und Methode der Politischen. Oekonomie. 1886. Keynes. The Scope and Method of Political Economy. 1891. Левитскій. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. 1892. Dietzel. Ueber das Verhaltniss der Volkswirtschaftslehre zur Socialwirtschaftslehre. 1882. Его же. Beiträge zur Methodik der Wirtschaftswissenschaft. (Jahrbücher f. Nationalökonomie, N. F. IX). Его же. Theoretische Socialökonomik. 1895. Grabski. Sur Erkenntnislehre der volkswirtschaftlichen Erscheinungen. 1900. Spann. Wirtschaft and Gesellschaft. 1907. Stephinger. Zur Methode der Volkswirtschaftslehre. 1907. Б. Элькинъ. Понятіе хозяйства («Вопросы обществовѣдѣнія», I. 1908). Общіе курсы Вагнера, Шмоллера, Филипповича, Чупрова, Исаева, Георгіевскаго, Скворцова, Желѣзнова.

ПРИМѢЧАНІЯ КО 2-й ГЛАВѢ.

1) Rickert. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 1902. стр. 36.

2) „Каждое сужденіе уже предполагаетъ классификацію... Если понятіе описанія, какъ перваго шага естественно-научнаго познанія вещей, въ отличіе отъ второго шага, классификаціи, должно имѣть какой либо смыслъ, то лишь тотъ, что подъ описаніемъ нужно понимать такую классификацію, которая упрощаетъ явленія дѣйствительности только съ помощью понятій, возникшихъ безъ спеціальной логической цѣли". Rickert, 46.

3) Этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ біологіи различаютъ „естественныя" и „искусственныя" системы классификаціи. Естественныя системы ботаниковъ и зоологовъ преслѣдуютъ, строго говоря, цѣли не классификаціи, а установленія степени близости организмовъ по ихъ происхожденію—того, что Геккель называетъ филогенезисомъ.

4) „Человѣкъ и вообще всякое разумное существо существуетъ какъ цѣль въ себѣ, а не только какъ средство для какого либо употребленія той или иной волей, но долженъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ какъ на него самаго, такъ и на другія разумныя существа, всегда разсматриваться, какъ цѣль". Kant. Grundlegung zur Methaphysik der Sitten. Изд. Kirchmann'a. 1897. стр. 52.

5) Wieser. Ueber den Ursprung des wirtschaftlichen Wertes. 1884. Стр. 4 и слѣд.

6) Рикардо. Начала Политической Экономіи. Пер. Н. Зиберя. 1882. стр. 29.

7) „Абстрактная теорія хозяйства должна усматривать свою задачу не въ установленіи законовъ дѣйствительной хозяйственной жизни, но въ точномъ опредѣленіи хозяйственныхъ понятій и ихъ взаимныхъ отношеній". Wundt. Logik. Methodenlehre. II. стр. 518.

8) Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre I, 105.

9) «Если мы называемъ объясненіемъ... выводъ... частнаго тезиса... изъ извѣстнаго общеобязательнаго общаго тезиса... то каждая данная совокупность признаковъ и каждое событіе объяснены, когда они могутъ быть правильно выведены, какъ необходимое слѣдствіе дѣйствительно имѣющагося основанія». Sigwart. Logik. 2-е изд. 1893. Т. II. Стр. 574.

10) Миль. Система логики Пер. подъ ред. Ивановскаго. 1900. Книга III. Глава X.

11) Dietzel. Theoretische Socialökonomik, 79 и слѣд.

12) Менгеръ. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ. Глава III.

13) Cairnes. The Character and Logical Method of Political Economy. 110. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Менгеръ.

14) Dietzel, 20.

15) Ср. также Wundt. Logik, Methodenlehre II, 511 и слѣд.

16) Ср. Schmoller. Grundriss, Einleitung, глава III.

17) Ср. Wundt. Тамъ же, стр. 529—533.

18) „Значеніе науки естественнаго права, какъ самостоятельной систематической дисциплины на ряду съ позитивно-правовой юриспруденціей—говоритъ онъ—именно заключалось въ исполненіи той важной и высокой миссіи, которой должна служить будущая наука политики права, и которая оказывается не подъ силу практически-догматической юриспруденціи, посвященной толкованію и систематической обработки дѣйствующаго положительнаго права для потребностей практики" Л. Петражицкій. Введеніе въ изученіе права и нравственности. Изд. 2. 1907. Стр. V.

19) По мнѣнію Лаврова „прогрессъ самъ по себѣ есть не болѣе, какъ субъективный взглядъ на событія съ точки зрѣнія нашего нравственнаго идеала... Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости—вотъ краткая формула, обнимающая... все, что можно считать прогрессомъ". Историческія письма, 4 изд. 1906. Стр. 46, 51.

20) Rickert. 255.

21) Тамъ же, 367—368.

22) Тамъ же, 590.

23) Dietzel, Theoretische Socialökonomik, 6.

ГЛАВА III.

Логическія категоріи хозяйства. Цѣнность и стоимость.

. Общее ученіе о цѣнности. Цѣнность въ общефилософ-. скомъ значеніи. Волюнтаризмъ. Основныя и производныя цѣнности II. Хозяйственная цѣнность и попытки объясненія ея. Субъективная и объективная цѣнность. Болѣе раннія попытки объясненія цѣнности на основѣ полезности. Неудачи этихъ попытокъ. Трудовая теорія цѣнности. III. Теорія предѣльной полезности. Абстрактная и конкретная полезность. Законъ Госсена. Предѣльная полезность. Зависимость цѣнности отъ предѣльной полезности. Схема Менгера. Колебанія цѣнности предметовъ необходимости и предметовъ роскоши. IV. Цѣнность въ зависимости отъ условій производства. Чѣмъ опредѣляется цѣнность средствъ производства. Цѣнность средствъ производства, какъ регуляторъ цѣнности свободно воспроизводимыхъ предметовъ потребленія. Критика трудовой теоріи цѣнности сторонниками теоріи предѣльной полезности. V. Общая оцѣнка теоріи предѣльной полезности. Теорія предѣльной полезности, какъ монистическая теорія процесса оцѣнки. Субъективный характеръ этой теоріи. Ея границы. Регулирующая роль трудовыхъ затратъ при составленіи хозяйственнаго плана. Пропорціональность предѣльныхъ полезностей и трудовыхъ затратъ. Синтезъ теоріи предѣльной полезности съ трудовой теоріей. VI. Общее ученіе о стоимости. Различіе понятія стоимости отъ понятія цѣнности. Абсолютная стоимость. Почему только трудъ человѣка есть абсолютная стоимость. VII. Относительная стоимость. Различіе абсолютной и относительной стоимости. VIII. Трудовая стоимость какъ соціальная категорія по преимуществу. Категорія производительности труда. Исключительная производительность труда. Трудовая теорія богатства. Этическіе элементы категоріи трудовой стоимости. Дополнительныя замѣчанія. Несостоятельность обычной критики теоріи предѣльной полезности. Теорія предѣльной полезности и трудовая теорія. Неправильность русской экономической терминологіи. Ученія о трудовой стоимости Вагнера, Лексиса и Дитцеля.

I.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся экономистовъ закончившагося вѣка—Родбертусъ—предложилъ чрезвычайно важное дѣленіе экономическихъ понятій на 1) логическія и 2) историческія понятія (или категоріи) [1]). Подъ логическими понятіями хозяйства нужно

понимать въ этомъ смыслѣ такія, которыя присущи всякому хозяйственному строю, каковы бы ни были его историческія особенности. Напротивъ, историческія категоріи хозяйства характеризуютъ собой только опредѣленныя, преходящія историческія формы хозяйства.

Основныхъ логическихъ категорій хозяйства двѣ, и только двѣ—цѣнность и стоимость. Обѣ эти категоріи вытекаютъ изъ самой природы хозяйственнаго процесса, который, съ одной стороны, всегда преслѣдуетъ внѣшнюю цѣль—приспособленіе внѣшней природы къ нашимъ потребностямъ, съ другой же стороны достигаетъ этой цѣли лишь путемъ нѣкоторыхъ затратъ, составляющихъ средство для достиженія цѣли. Итакъ, средство и цѣль, затрата и получка являются тѣми двумя полюсами, между которыми заключена хозяйственная дѣятельность. Соотвѣтственно этому и такъ называемый хозяйственный принципъ имѣетъ двусторонній характеръ: при наименьшей затратѣ достигнуть наибольшей суммы хозяйственной пользы. Всякая хозяйственная дѣятельность стремится согласоваться съ обоими требованіями хозяйственнаго принципа, въ которомъ находятъ себѣ выраженіе двѣ основныхъ логическихъ категоріи хозяйства—стоимости (затраты) и цѣнности (получки). Вся хозяйственная жизнь, не смотря на ея чрезвычайную сложность, укладывается въ эти двѣ основныя категоріи хозяйства, подобно тому какъ операціи любого хозяйственнаго предпріятія, каковы бы онѣ ни были, укладываются бухгалтеріей въ двѣ рубрики—пассива и актива.

Разсмотрѣніе этихъ категорій удобнѣе начать съ категоріи цѣнности, потому что цѣнность располагается на томъ полюсѣ хозяйства, гдѣ лежитъ цѣль послѣдняго, стоимость же является всегда только средствомъ. А въ процессѣ разумной дѣятельности приматъ, естественно, принадлежитъ цѣли, которая опредѣляетъ все направленіе дѣятельности, а также и средства, которыя оказывается возможнымъ затратить для достиженія цѣли.

При построеніи теоріи хозяйственной цѣнности нельзя упускать изъ виду, что категорія цѣнности имѣетъ значеніе не только въ примѣненіи къ хозяйству. „Моментъ цѣнности—говоритъ Вундтъ — образуетъ важнѣйшій отличительный признакъ духовнаго отъ чистаго физическаго... Духовный міръ есть міръ цѣнностей, которыя имѣютъ самыя различныя качественныя особенности и самыя различныя степени. Въ духовномъ мірѣ все имѣетъ свою положительную или отрицательную, свою большую или меньшую цѣнность“ [2]). „Философія — опредѣляетъ Виндель-

бандъ—есть критическая наука объ общеобязательныхъ цѣнностяхъ" [3]). Значеніе категоріи цѣнности для всей области историческихъ наукъ всего лучше показалъ Риккертъ, который кладетъ понятіе цѣнности въ основу своего дѣленія наукъ на естествознаніе и исторію. Сужденія оцѣнки являются основаніемъ всякой исторической науки [4]).

Такое выдающееся значеніе, придаваемое современной философіей категоріи цѣнности, объясняется тѣмъ, что съ точки зрѣнія господствующей въ настоящее время психологической школы, основной и важнѣйшей духовной способностью человѣка является воля [5]). „Если среди трехъ элементовъ психической жизни (познанія, чувства и воли) — говоритъ, напр., извѣстный датскій философъ Гаральдъ Геффдингъ—какой либо одинъ слѣдуетъ признать основнымъ, то таковымъ, очевидно, является воля" [6]). По словамъ Вундта, „душевный міръ есть царство воли. Рѣшающее значеніе имѣетъ воля, а не представленіе или мысль" [7]).

Но категорія цѣнности и есть не что иное, какъ одна изъ формъ категоріи воли. Какъ можемъ мы отличить цѣнное отъ нецѣннаго? Только по реакціи нашей воли. Съ другой стороны, направленіе нашей воли опредѣляется категоріей цѣнности. Воля всегда къ чему либо стремится и отъ чего либо отталкивается, чего либо избѣгаетъ; то, къ чему она стремится, признается нами положительной цѣнностью, чего она избѣгаетъ, отрицательной цѣнностью. Внѣ воли нѣтъ цѣнности и внѣ цѣнности нѣтъ воли [8]). И потому съ общефилософской точки зрѣнія не можетъ быть другого опредѣленія цѣнности, кромѣ формулированнаго Эренфельсомъ: „Цѣнные предметы суть тѣ, которыхъ мы желаемъ" [9]).

При этомъ можно желать предмета или какъ цѣль или какъ средство къ какой либо другой цѣли. Соотвѣтственно этому можно дѣлить цѣнности на 1) основныя, самостоятельныя и 2) производныя, не самостоятельныя. Первыя желательны сами ради себя—напр. счастье, красота, моральное благородство, слава и т. п. Вторыя же являются средствами для достиженія какой либо основной цѣнности.

II.

Хозяйство имѣетъ дѣло лишь съ производными цѣнностями, ибо хозяйство не самоцѣль, а средство; продукты хозяйства цѣнны не сами по себѣ, а потому, что при ихъ помощи мы обезпечиваемъ себѣ полученіе какихъ либо основныхъ цѣнностей.

Хозяйственная цѣнность есть значеніе, которое мы придаемъ данному хозяйственному предмету въ силу нашего сознанія, что отъ обладанія имъ зависитъ большая или меньшая степень нашего благополучія [10]).

Хозяйственная цѣнность можетъ быть 1) субъективная— въ томъ случаѣ, когда мы относимъ цѣнность къ какому либо отдѣльному лицу и разсматриваемъ цѣнность, какъ категорію хозяйства, свойственную хозяйственной дѣятельности, какъ таковой и 2) объективная, когда мы отвлекаемся отъ психологіи отдѣльнаго лица и разсматриваемъ цѣнность съ точки зрѣнія ея объективныхъ результатовъ въ той или иной исторически измѣняющейся общественной средѣ.

Для экономиста, изучающаго мѣновое хозяйство, особенно важенъ одинъ видъ объективной цѣнности — мѣновая цѣнность предмета, его покупательная сила, цѣна. Объективная цѣнность возникаетъ на основѣ субъективной, ибо, въ концѣ концовъ, единственнымъ дѣятелемъ хозяйства является отдѣльный человѣкъ и изъ взаимодѣйствія отдѣльныхъ людей возникаютъ всѣ процессы народнаго хозяйства. Поэтому, чтобы познать законы строенія объективной цѣнности, цѣны (теорія цѣны будетъ дана дана позже, въ отдѣлѣ обмѣна), необходимо раньше изучить механизмъ строенія субъективной цѣнности. Субъективная цѣнность является, вмѣстѣ съ тѣмъ, логической категоріей хозяйства, между тѣмъ какъ объективная мѣновая цѣнность характеризуетъ лишь одну исторически преходящую форму хозяйства—мѣновое хозяйство— и, слѣдовательно, является исторической категоріей хозяйства.

Уже изъ самаго существа цѣнности слѣдуетъ, что категорія эта имѣетъ непосредственное отношеніе къ способности предметовъ удовлетворять нашимъ потребностямъ, иначе говоря, къ полезности предметовъ. Неудивительно, что уже издавна многіе экономисты стремились вывести понятіе цѣнности изъ понятія полезности. Однако, попытки эти долгое время оставались безуспѣшными. Общеизвѣстные факты находились, повидимому, въ непримиримомъ противорѣчіи съ теоріей, признающей основой цѣнности хозяйственнаго предмета его полезность: наиболѣе полезные предметы, напр. вода и воздухъ, не обладаютъ никакой цѣнностью и, наоборотъ, предметы, имѣющіе незначительную полезность — напр. драгоцѣнные камни или золото — цѣнятся очень высоко. Хлѣбъ полезнѣе алмаза и желѣзо полезнѣе золота — однако, хлѣбъ и желѣзо цѣнятся несравненно ниже, чѣмъ золото

и алмазъ. Эти факты доказываютъ, повидимому, что цѣнность не только не пропорціональна полезности хозяйственныхъ предметовъ, а, скорѣе, измѣняется въ обратномъ отношеніи къ послѣдней.

И, дѣйствительно, одинъ изъ замѣчательныхъ экономистовъ, Прудонъ, провозгласилъ это противорѣчіе основнымъ противорѣчіемъ существующей системы хозяйства. При существующихъ условіяхъ, говорилъ онъ, увеличеніе предложенія продукта (напр., хорошій урожай хлѣба) а, значитъ, и увеличеніе полезности его, ведетъ не къ повышенію, а къ пониженію цѣнности продукта; задачу новаго соціальнаго строя Прудонъ видѣлъ въ уничтоженіи этого противорѣчія [11]).

Не трудно было замѣтить ошибку въ разсужденіи Прудона. Какъ совершенно правильно указалъ его критикъ Бруно Гильдебрандъ, разсужденіе Прудона было основано на смѣшеніи двухъ совершенно различныхъ понятій — говоря объ увеличеніи полезности хлѣба при урожаѣ, Прудонъ имѣлъ въ виду полезность всего запаса хлѣба, а говоря о паденіи цѣнности хлѣба, онъ имѣлъ въ виду паденіе цѣнности единицы продукта, а не всего запаса. Взамѣнъ этого, Гильдебрандъ выдвинулъ теорію, согласно которой цѣнность единицы каждаго продукта опредѣляется, какъ частное отъ дѣленія общей полезности всего запаса предметовъ этого рода на число единицъ въ этомъ запасѣ. Увеличеніе предложенія увеличиваетъ дѣлитель, полезность единицы продукта падаетъ, и вмѣстѣ падаетъ его цѣнность. Иными словами, цѣнность измѣняется не въ обратномъ, а въ прямомъ отношеніи къ полезности [12]).

Однако, теорія Гильдебранда столь же несостоятельна, какъ и теорія Прудона. Съ точки зрѣнія Гильдебранда вода и воздухъ, находящіеся въ огромномъ количествѣ, должны были бы все таки имѣть хоть минимальную цѣнность, а они ея совсѣмъ не имѣютъ. Кромѣ того, факты показываютъ, что строгой пропорціональности между увеличеніемъ предложенія и уменьшеніемъ цѣнности единицы продукта не существуетъ. Предметы необходимости — какъ напр. хлѣбъ—обычно колеблются во своей цѣнѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ колеблется предложеніе. При уменьшеніи урожая хлѣба напр. на 10% цѣна его повышается обычно гораздо сильнѣе — напр. на 20, 30 или даже болѣе процентовъ. Напротивъ, цѣна предметовъ роскоши колеблется гораздо меньше. Этотъ эмпирическій законъ движенія цѣнъ совершенно опровергаетъ теорію Гильдебранда.

Въ виду трудности объяснить цѣнность съ точки зрѣнія полезности, въ наукѣ утвердилась на долгое время такъ назыв.

трудовая теорія цѣнности, въ томъ видѣ, какъ она была развита Рикардо. Съ точки зрѣнія этой теоріи, всѣ хозяйственные предметы по отношенію къ условіямъ образованія ихъ цѣнности могутъ быть раздѣлены на двѣ группы—свободно воспроизводимыхъ и не воспроизводимыхъ свободно. Цѣнность первыхъ опредѣляется, главнымъ образомъ, среднимъ трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство, а цѣнность вторыхъ—напр. рѣдкихъ статуй, картинъ и т. п.—ихъ относительной рѣдкостью—отношеніемъ между спросомъ на нихъ и ихъ предложеніемъ. Такимъ образомъ, теорія эта указываетъ два различныхъ принципа цѣнности. Той же двойственностью отличается, съ точки зрѣнія этой теоріи, и объясненіе товарныхъ цѣнъ: среднія цѣны товаровъ регулируются, согласно трудовой теоріи цѣнности, трудомъ, но рыночныя товарныя цѣны колеблются подъ вліяніемъ спроса и предложенія.

Такимъ образомъ, трудовая теорія цѣнности (въ томъ видѣ, какъ ее развивалъ Рикардо) не въ силахъ объяснить всѣ явленія цѣнности, во всемъ ихъ объемѣ, и принуждена признавать на ряду съ трудомъ дѣйствіе совершенно иного начала, чѣмъ трудъ—спроса и предложенія. Между тѣмъ, процессъ оцѣнки воспроизводимыхъ и невоспроизводимыхъ предметовъ по существу одинъ и тотъ же; точно также среднія товарныя цѣны слагаются изъ рыночныхъ цѣнъ, почему и нельзя исходить при объясненіи цѣнъ того и другого рода изъ различныхъ принциповъ.

Обѣ названныхъ теоріи цѣнности—теорія полезности, или, что одно и то же, спроса и предложенія, и трудовая теорія—были недостаточны для полнаго объясненія основного экономическаго явленія—цѣнности. Это вело къ нескончаемымъ спорамъ между экономистами и можно было думать, что наука совсѣмъ должна отказаться отъ законченной монистической теоріи цѣнности и что единственнымъ исходомъ остается эклектизмъ.

Однако, въ 70-хъ годахъ закончившагося столѣтія начинаетъ быстро пріобрѣтать сторонниковъ новая теорія цѣнности, которая въ настоящее время можетъ считаться если не общепринятой, то безусловно господствующей (по крайней мѣрѣ, на Западѣ). Основателемъ этой теоріи—такъ назыв. теоріи предѣльной полезности — былъ нѣмецкій экономистъ Госсенъ, книга котораго, „Entwickelung der Gesetze des menschlichen Verkehrs“, вышедшая въ 1854 г., прошла совершенно незамѣченной современниками. Только много времени спустя нѣсколько экономистовъ разныхъ странъ (Менгеръ, Джевонсъ и Вальрасъ) пришли независимо другъ отъ друга къ тому же объясненію цѣнности, которое далъ и Госсенъ. Великая заслуга новой теоріи заключается

въ томъ, что она обѣщаетъ навсегда покончить споры о цѣнности, давъ полное и исчерпывающее объясненіе всѣмъ явленіямъ процесса оцѣнки, исходя изъ одного основного принципа.

III.

Отправнымъ пунктомъ новой теоріи является точное опредѣленіе понятія полезности хозяйственнаго предмета. Неудача всѣхъ предшествовавшихъ попытокъ установить зависимость цѣнности отъ полезности проистекала изъ того, что не различали общей, абстрактной полезности того или иного рода вещей отъ дѣйствительной пользы, приносимой даннымъ конкретнымъ предметомъ. Поясникъ примѣромъ. Вода намъ вообще полезна, она обладаетъ абстрактной полезностью, но не каждый стаканъ воды намъ полезенъ, обладаетъ конкретной полезностью—конкретно полезна только небольшая часть воды. Памятуя о различеніи абстрактной и конкретной полезности, мы поймемъ, что отсутствіе цѣнности воды не стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что цѣнность опредѣляется полезностью, ибо, если вопросъ возникаетъ объ абстрактной полезности воды или о полезности всего запаса воды, то мы должны признать воду полезной; но если дѣло идетъ о полезности той или иной конкретной части общаго запаса воды, то не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть воды намъ совершенно не нужна и для насъ безполезна.

Всѣ предметы даннаго рода обладаютъ одинаковой абстрактной полезностью. Но конкретная полезность каждой единицы запаса этихъ предметовъ различна. Пусть я располагаю четырьмя кувшинами воды. Безъ перваго я умру отъ жажды—полезность перваго кувшина максимальна. Второй служитъ мнѣ для умыванія—полезность его уже несравненно меньше. Третій кувшинъ я, можетъ быть, употреблю на поливку цвѣтовъ: полезность его еще меньше. Наконецъ, четвертый мнѣ, можетъ быть, совершенно не нуженъ. И это всеобщій экономическій законъ. Какой бы продуктъ мы ни взяли, всегда мы увидимъ, что при увеличеніи запаса этихъ продуктовъ въ нашемъ распоряженіи, они начинаютъ удовлетворять менѣе важнымъ потребностямъ, полезность ихъ падаетъ. Такъ, первая пара сапогъ есть предметъ необходимости, вторая пара уже менѣе нужна, третья еще менѣе. Первый экземпляръ книги мнѣ можетъ быть необходимъ, во второмъ я могу совершенно не нуждаться. Первое золотое кольцо

мнѣ болѣе нужно, чѣмъ второе, второе нужнѣе третьяго и т. д. и т. д.

И такъ, мы видимъ, что съ увеличеніемъ запаса уменьшается конкретная полезность единицы предмета. Явленіе это аналогично и, до извѣстной степени, есть выраженіе психофизическаго закона Вебера и Фехнера. Согласно этому закону ощущенія растутъ, какъ логарифмы раздраженій. Если мы будемъ увеличивать раздраженія, какъ 1, 10, 100 и т. д., то ощущенія будутъ расти, какъ 1, 2, 3 и т. д. Если же мы будемъ равномѣрно увеличивать раздраженіе, то наростаніе ощущеній образуетъ собой быстро понижающійся рядъ.

Нѣчто аналогичное наблюдается и въ хозяйственной жизни [13]). Всякая послѣдующая единица хозяйственныхъ предметовъ доставляетъ намъ все менѣе значительное удовлетвореніе—конкретная полезность каждой единицы даннаго предмета убываетъ по мѣрѣ увеличенія запаса предметовъ этого рода въ нашемъ распоряженіи. Это соотношеніе было впервые точно установлено Госсеномъ, почему и можетъ быть, по справедливости, названо закономъ Госсена [14]).

Чѣмъ же будетъ опредѣляться цѣнность предмета—наибольшей его полезностью, наименьшей или средней? Разберемъ это на примѣрѣ. Человѣкъ, утративъ одинъ кувшинъ воды изъ трехъ, которыми располагаетъ, откажется въ вышеприведенномъ примѣрѣ отъ поливки цвѣтовъ, но не отъ питья: слѣдовательно, останется неудовлетворенной наименьшая потребность. Противоположный образъ дѣйствій былъ бы экономически безсмысленнымъ, противорѣчилъ бы хозяйственному принципу, требующему, чтобы мы извлекали максимумъ наслажденія изъ имѣющихся у насъ хозяйственныхъ средствъ. И такъ, значитъ, не наибольшая и не средняя полезность, но наименьшая, предѣльная полезность единицы даннаго предмета опредѣляетъ важность потребности, остающейся неудовлетворенной въ случаѣ утраты единицы этого предмета. А такъ какъ мы оцѣниваемъ предметъ съ точки зрѣнія удовлетворенія нашихъ потребностей, то, слѣдовательно, цѣнность предмета должна опредѣляться его предѣльной полезностью, понимая подъ предѣльной полезностью предмета наименѣе важную потребность изъ числа всѣхъ, удовлетворяемыхъ при помощи запаса предметовъ этого рода въ нашемъ распоряженіи.

Разсужденіе это представляетъ собой единственно возможный логическій выводъ изъ слѣдующихъ посылокъ. Большей посылкой является тезисъ, что степень благополучія, связаннаго съ обла-

даніемъ единицей предметовъ извѣстнаго рода, опредѣляется наименьшей потребностью изъ числа всѣхъ, удовлетворяемыхъ при помощи запаса предметовъ этого рода въ нашемъ распоряженіи. Этотъ тезисъ вытекаетъ, съ одной стороны, изъ хозяйственнаго принципа, съ другой—изъ упомянутаго основного закона нашей психической жизни.

Меньшей посылкой является тезисъ, что наша оцѣнка хозяйственнаго предмета опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ наше благополучіе зависитъ отъ обладанія оцѣниваемымъ предметомъ. Этотъ тезисъ есть естественный выводъ изъ самого понятія оцѣнки. (Цѣнить что либо, значитъ признавать желаемымъ, иначе говоря, содѣйствующимъ нашему благополучію).

Выводъ изъ большей и меньшей посылки—наша оцѣнка хозяйственнаго предмета опредѣляется наименьшей потребностью изъ числа всѣхъ, удовлетворяемыхъ при помощи запаса предметовъ этого рода въ нашемъ распоряженіи—иначе говоря, предѣльной полезностью предмета [15]).

Чтобы уяснить значеніе конкретныхъ полезностей различныхъ предметовъ при установленіи ихъ цѣнностей Менгеръ далъ слѣдующую схему общественныхъ потребностей и степени ихъ удовлетворенія [16]).

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
9	8	7	6	5	4	3	2	1	0
8	7	6	5	4	3	2	1	0	
7	6	5	4	3	2	1	0		
6	5	4	3	2	1	0			
5	4	3	2	1	0				
4	3	2	1	0					
3	2	1	0						
2	1	0							
1	0								
0									

Въ этой схемѣ римскія цифры обозначаютъ различныя абстрактныя общественныя потребности, расположенныя по ихъ относительной важности, а арабскія—степени удовлетворенія каждой изъ этихъ потребностей. Подъ цифрой I можно понимать, напр., потребность въ питаніи, подъ цифрой II—потребность въ жилищѣ, подъ цифрой III—потребность въ одеждѣ и т. д. Каждая изъ этихъ потребностей можетъ быть удовлетворяема въ большей или

меньшей степени и арабскія цифры показываютъ, какъ падаетъ конкретная полезность предметовъ каждаго рода по мѣрѣ увеличенія ихъ запаса въ нашемъ распоряженіи. Предѣльныя полезности предметовъ, удовлетворяющихъ менѣе важнымъ потребностямъ, могутъ быть выше предѣльныхъ полезностей предметовъ, удовлетворяющихъ болѣе важнымъ потребностямъ — если болѣе важныя потребности удовлетворяются полнѣе. Если, напр., предметовъ, удовлетворяющихъ потребность подъ римской цифрой I, имѣется въ нашемъ распоряженіи 10 единицъ, то предѣльная полезность ихъ равна 1; если же предметовъ, удовлетворяющихъ потребность подъ цифрой V, имѣется 2, то предѣльная полезность ихъ равна 5. Если мы предположимъ, что потребность подъ рубрикой I есть потребность въ хлѣбѣ, а потребность подъ рубрикой V есть потребность въ золотѣ, то безъ труда поймемъ, почему золото цѣнится выше хлѣба: правда, абстрактная потребность въ золотѣ меньше, чѣмъ въ хлѣбѣ, но вѣдь и общій запасъ золота еще гораздо меньше общаго хлѣбнаго запаса. Значитъ, хотя абстрактная полезность хлѣба гораздо выше, чѣмъ золота, предѣльная полезность золота (т. е. конкретная полезность послѣдней единицы золота) выше, чѣмъ хлѣба. Потребность въ хлѣбѣ насыщается для большинства населенія очень полно—большинство населенія не голодаетъ—но потребность въ золотыхъ украшеніяхъ чрезвычайно далека отъ полнаго насыщенія: очень мало найдется людей, которые отказались бы отъ лишняго золотого украшенія.

Если запасъ хлѣба сократится съ 10 единицъ до 5 (т. е. вдвое), то предѣльная полезность его, согласно схемѣ, повысится съ 1 до 6, т. е. въ 6 разъ. Если же запасъ золота сократится съ двухъ единицъ до одной единицы, то предѣльная полезность золота повысится съ 5 до 6—т. е. только на $^1/_5$. Это объясняетъ, почему цѣнность предметовъ необходимости колеблется сильнѣе колебанія предложенія этихъ предметовъ, а цѣнность предметовъ роскоши слабѣе—потому, что потребность въ предметахъ необходимости насыщена гораздо болѣе, чѣмъ потребность въ предметахъ роскоши и всякое колебаніе въ предложеніи предметовъ необходимости вызываетъ очень рѣзкія колебанія ихъ предѣльной полезности.

IV.

Что касается до соотношенія между цѣнностью предметовъ потребленія и средствъ производствъ, то вопросъ этотъ разрѣ-

шается сторонниками теоріи предѣльной полезности слѣдующимъ образомъ.

Средства производства имѣютъ для насъ цѣнность лишь въ силу того, что при помощи ихъ мы можемъ получить предметы потребленія. Поэтому между цѣнностью предметовъ потребленія и цѣнностью средствъ производства, необходимыхъ для полученія данныхъ предметовъ потребленія, должно существовать строгое соотвѣтствіе: цѣнность предметовъ потребленія опредѣляетъ собой цѣнность средствъ производства. Такъ, напр., цѣнность виноградника опредѣляется цѣнностью вина, цѣнность желѣза опредѣляется цѣнностью тѣхъ продуктовъ, которые выдѣлываются изъ желѣза, и т. д.

Но, какъ общее правило, при помощи однихъ и тѣхъ же средствъ производства можно произвести предметы потребленія самаго различнаго рода. Такъ, напр., изъ желѣза можно устроить печку, полезность которой въ холодное время можетъ считаться максимальной, такъ какъ безъ печки человѣкъ въ холодное время существовать не можетъ; но изъ того же желѣза изготавляются и тысячи предметовъ другого рода, — напр., разнаго рода машины, орудія, инструменты, служащіе для приготовленія разнообразныхъ предметовъ потребленія, удовлетворяющихъ не только такимъ необходимымъ потребностямъ, какъ печка. Спрашивается, какъ же высоко я долженъ цѣнить желѣзо, изъ котораго изготовлена печка? Если изъ желѣза я изготовляю печку и другіе предметы, удовлетворяющіе менѣе важнымъ потребностямъ, то въ случаѣ утраты опредѣленнаго количества желѣза, я не откажусь отъ устройства печки, а перестану изготовлять менѣе необходимыя для меня желѣзныя издѣлія. Значитъ, отъ обладанія даннымъ средствомъ производства, служащимъ для изготовленія предметовъ различной полезности, зависитъ возможность изготовленія наименѣе полезнаго предмета изъ числа всѣхъ, изготовляемыхъ при помощи этого средства производства. Отсюда слѣдуетъ, что *цѣнность средства производства опредѣляется предѣльной полезностью того предмета изъ числа всѣхъ изготовляемыхъ при помощи даннаго средства производства, предѣльная полезность котораго является наименьшей.*

Благодаря тому, что одни и тѣ же средства производства служатъ для изготовленія предметовъ различнаго рода и различной полезности, между цѣнностями всѣхъ ихъ устанавли-

вается тѣсная связь. Вернемся къ прежнему примѣру желѣзной печки. Первая печка въ зимнее время необходима мнѣ для жизни. Вторая же печка можетъ быть мнѣ совсѣмъ не нужна. Какъ я долженъ цѣнить первую печку, предѣльная полезность которой максимальна?

Отвѣтъ дается тѣмъ же методомъ разсмотрѣнія, какая потребность останется неудовлетворенной въ случаѣ утраты оцѣниваемаго хозяйственнаго предмета. Если я утрачу печку, имѣя запасъ желѣза для устройства новой, то я, очевидно, откажусь отъ изготовленія изъ своего желѣза менѣе необходимыхъ для меня предметовъ и затрачу желѣзо на печку. Но желѣзо имѣетъ свою цѣнность, опредѣляемую цѣнностью наименѣе полезнаго предмета, изготовляемаго изъ желѣза. Значитъ, въ случаѣ утраты печки я утрачу лишь цѣнность желѣза, но отнюдь не цѣнность равную полезности самой печки — въ случаѣ утраты печки я не рискую замерзнуть, такъ какъ устрою изъ желѣза себѣ новую. Итакъ, значитъ, цѣнность свободно воспроизводимаго предмета опредѣляется не его собственной предѣльной полезностью, а цѣнностью средствъ производства, опредѣляемой, согласно сказанному, въ свою очередь, предѣльной полезностью тѣхъ изъ числа изготовляемыхъ изъ этихъ средствъ производства предметовъ, которые обладаютъ наименьшей предѣльной полезностью.

Именно въ этомъ смыслѣ и правильно обычное утвержденіе, что цѣнность продукта устанавливается издержками его производства. Но трудовая теорія цѣнности неправильно понимаетъ роль средствъ производства въ процессѣ возникновенія цѣнности—не средства производства являются источникомъ цѣнности предметовъ потребленія, а цѣнность предметовъ потребленія является, въ окончательномъ итогѣ, источникомъ цѣнности средства производства. Вообще, сторонники теоріи предѣльной полезности самымъ рѣзкимъ образомъ противопоставляютъ ее трудовой теоріи. Такъ, напр., Визеръ усматриваетъ въ теоріи Рикардо „одно изъ удивительныхъ научныхъ заблужденій“. Теорія эта, по его мнѣнію, „такъ полна противорѣчій, что безпристрастному уму она рѣшительно непонятна“ [17]). Не менѣе суровы отзывы о трудовой теоріи цѣнности Бемъ-Баверка и другихъ выдающихся представителей школы предѣльной полезности. Новые теоретики признали старую теорію собраніемъ нелѣпостей, въ которомъ нѣтъ ни крупицы истины.

V.

Такова сущность новой теоріи цѣнности, развитіе которой составляетъ заслугу, главнымъ образомъ, школы Менгера. Мы могли намѣтить только основную идею теоріи предѣльной полезности, оставляя въ сторонѣ подробности и не показавъ примѣненія этой теоріи къ разрѣшенію разнообразныхъ трудныхъ и запутанныхъ случаевъ возникновенія цѣнности въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ. Но уже и сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить великое значеніе теоріи предѣльной полезности. Она впервые дала исчерпывающее объясненіе механизму оцѣнки, выяснила психическіе процессы, результатомъ которыхъ является цѣна. Давно было извѣстно, что чѣмъ больше запасъ хозяйственныхъ предметовъ извѣстнаго рода, тѣмъ ниже мы цѣнимъ каждый изъ нихъ, но п о ч е м у мы расцѣниваемъ предметы именно такъ, а не иначе, п о ч е м у увеличеніе предложенія понижаетъ, а не повышаетъ расцѣнку—это оставалось невыясненнымъ. Существовалъ нѣкоторый перерывъ въ объясненіи механизма строенія цѣнъ—между объективнымъ моментомъ предложенія продуктовъ на рынкѣ и субъективнымъ моментомъ расцѣнки была ничѣмъ не заполненная пустота. Теорія предѣльной полезности заполнила эту пустоту—она показала передаточные ремни, которые связываютъ въ субъектѣ объективные факторы цѣны съ цѣнами. А такъ какъ, при огромной сложности соціальной жизни, пониманіе ея законовъ немыслимо безъ пониманія психическихъ процессовъ, опредѣляющихъ поведеніе индивида, его мотивацію, то выясненіе субъективнаго, психическаго процесса оцѣнки не могло не пролить новаго свѣта и на объективный механизмъ строенія цѣнъ.

Какъ и всѣ дѣйствительно новыя и глубокія идеи, теорія предѣльной полезности долгое время оставалась непонятой. И теперь возраженія противъ нея обыкновенно основываются на грубѣйшемъ ея непониманіи. Но, въ концѣ концовъ, она проложила себѣ путь и въ настоящее время является, какъ сказано, почти общепринятой среди всѣхъ тѣхъ экономистовъ, которые не стоятъ на почвѣ теоріи цѣнности Маркса (изложеніе и разборъ этой послѣдней теоріи даны въ слѣдующей главѣ).

Но нужно хорошо понять область примѣненія теоріи предѣльной полезности. Теорія эта дала исчерпывающее объясненіе п р о ц е с с у о ц ѣ н к и—но и только; она является всецѣло

субъективной теоріей цѣнности. Все свое вниманіе теорія эта сосредоточиваетъ на анализѣ субъективныхъ процессовъ, изъ которыхъ слагаются процессы оцѣнки. Анализъ этотъ, представляющій собой образецъ логической силы и остроумія, можно признать вполнѣ правильнымъ: но слѣдуетъ ли отсюда, что только этой задачей и ограничивается сфера изслѣдованія экономической науки по отношенію къ явленіямъ цѣнности?

Конечно, нѣтъ. Для того, чтобы изслѣдованіе проблемы цѣнности было доведено до конца, необходимо выяснить, какіе объективные факторы регулируютъ производство хозяйственныхъ предметовъ, почему однихъ предметовъ производится мало, а другихъ много. Можно согласиться, что цѣнность хозяйственныхъ предметовъ зависитъ отъ потребности въ нихъ и ихъ количества. Но отчего же зависитъ это послѣднее?

Вопросъ этотъ, съ точки зрѣнія объективныхъ факторовъ цѣнности, нельзя не считать самымъ основнымъ. Однако, читатель напрасно сталъ бы искать у теоретиковъ предѣльной полезности яснаго отвѣта на него. Въ большинствѣ случаевъ указанный вопросъ совершенно обходится ими, или же получаетъ рѣшеніе далеко неудовлетворительное.

Правда, теоретики предѣльной полезности признаютъ вліяніе условій производства на цѣнность продуктовъ. Но и тутъ изслѣдованіе не доводится ими до конца. Остается все же неяснымъ, какой объективный моментъ, въ концѣ концовъ, регулируетъ количество воспроизводимыхъ продуктовъ, а, значитъ, и ихъ цѣнность. Дѣло запутывается еще болѣе рѣзко-отрицательнымъ отношеніемъ представителей новой школы къ господствовавшей раньше трудовой теоріи цѣнности. Съ точки зрѣнія теоретиковъ предѣльной полезности, ихъ теорія совершенно опрокидываетъ воззрѣніе, по которому основнымъ объективнымъ факторомъ цѣнности является трудъ производства. Нужно выбирать между обѣими теоріями—и, признавши одну, отвергнуть другую. Такъ понимаютъ дѣло представители новой школы.

Однако, тутъ коренится крупное недоразумѣніе. Теоріи предѣльной полезности и трудовая, несомнѣнно, противоположны, но отнюдь не противорѣчивы. Рикардо и Менгеръ сосредоточиваютъ свое вниманіе на различныхъ сторонахъ одного и того же процесса. Теорія Рикардо подчеркиваетъ объективные факторы цѣнности; теорія Менгера—субъективные моменты оцѣнки. Но подобно тому, какъ объективное физіологическое наблюденіе, въ извѣстномъ смыслѣ противоположное субъективному, психологическому, отнюдь не исключаетъ послѣдняго, а лишь дополняетъ

его, точно также теорія Рикардо не исключаетъ, а лишь дополняетъ теорію предѣльной полезности.

Теорія предѣльной полезности не указала никакого новаго объективнаго фактора цѣнности, да и не могла указать, такъ какъ эти факторы давно извѣстны. Что же это за факторы? Рикардо признаетъ трудъ производства важнѣйшимъ объективнымъ факторомъ, регулирующимъ цѣнность свободно воспроизводимыхъ продуктовъ. Попробуемъ же испытать правильность этого положенія съ точки зрѣнія теоріи предѣльной полезности.

Производство есть цѣлесообразный хозяйственный процессъ, руководимый основнымъ хозяйственнымъ принципомъ—стремленіемъ къ достиженію съ наименьшей затратой наибольшей суммы хозяйственной пользы. При составленіи общаго плана хозяйства первымъ дѣломъ является выясненіе того, что именно, какого рода продукты должны быть произведены. Человѣческія потребности крайне разнообразны. Удовлетворяются онѣ при помощи продуктовъ, требующихъ самой различной затраты человѣческой рабочей силы. Трудовая стоимость продукта не можетъ не быть однимъ изъ условій, опредѣляющихъ хозяйственный планъ—распредѣленіе человѣческаго труда между различными отраслями производства. И мы сейчасъ покажемъ, что трудовая стоимость играетъ рѣшающую роль въ составленіи хозяйственнаго плана.

Будемъ исходить изъ теоріи предѣльной полезности, объяснившей намъ процессъ оцѣнки. Мы знаемъ, что конкретная полезность хозяйственнаго предмета падаетъ, по мѣрѣ увеличенія его производства. Для удовлетворенія нашихъ потребностей мы нуждаемся въ продуктахъ различной трудовой стоимости. Въ какой пропорціи мы должны распредѣлять трудъ между производствомъ этихъ продуктовъ для достиженія максимума пользы?

Предѣльная полезность — полезность послѣднихъ единицъ каждаго рода продуктовъ — измѣняется въ зависимости отъ размѣра производства. Мы можемъ понижать и повышать предѣльную полезность путемъ расширенія или сокращенія производства. Напротивъ, трудовая стоимость единицы продукта есть нѣчто объективно данное, не зависящее отъ нашей воли. Отсюда слѣдуетъ, что при составленіи хозяйственнаго плана опредѣляющимъ моментомъ должна быть трудовая стоимость, а опредѣляемымъ—предѣльная полезность. Говоря математическимъ языкомъ, предѣльная полезность должна быть функціей трудовой стоимости.

Если мы одновременно производимъ нѣсколько продуктовъ съ различной трудовой стоимостью, то хозяйственный принципъ требуетъ, чтобы польза, извлекаемая нами изъ труда въ послѣд-

нюю единицу времени, была въ предѣлѣ для каждаго рода производства равна. Ибо если этого нѣтъ, если послѣдняя единица труда въ производствѣ A даетъ больше пользы, чѣмъ въ производствѣ B, то выгоднѣе расширить производство A и сократить производство B. Наибольшая сумма пользы будетъ достигнута тогда, когда послѣдняя единица труда въ производствѣ каждаго рода продуктовъ будетъ давать въ предѣлѣ равную пользу.

Мы знаемъ, что трудовая стоимость продуктовъ различна. Иными словами, въ единицу времени производится различное количество продуктовъ разнаго рода; но польза, извлекаемая въ послѣднюю единицу рабочаго времени, должна быть, какъ мы видѣли, одна и та же во всѣхъ родахъ производства. Отсюда слѣдуетъ, что полезность послѣднихъ единицъ продуктовъ каждаго рода—ихъ предѣльная полезность—должна быть обратно-пропорціональна относительному количеству этихъ продуктовъ, производимому въ единицу рабочаго времени, иначе говоря, должна быть прямо-пропорціональна трудовой стоимости тѣхъ же продуктовъ. Только при соблюденіи этого условія распредѣленіе производства будетъ соотвѣтствовать хозяйственному принципу наибольшей пользы.

Эта теорема можетъ быть математически точно доказана въ общей формѣ лишь при помощи высшаго математическаго анализа [18]). Мы ограничимся простой ариѳметической иллюстраціей, которая достаточно разъяснитъ разсматриваемое экономическое отношеніе.

Пусть мы имѣемъ дѣло съ двумя продуктами A и B, изъ которыхъ A требуетъ для своего производства вдвое больше рабочаго времени, чѣмъ B. Потребность въ продуктахъ обоего рода мы принимаемъ одинаково сильной, причемъ понижающійся рядъ цифръ 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3 и т. д. выражаетъ собой паденіе конкретныхъ полезностей продуктовъ каждаго рода по мѣрѣ увеличенія ихъ производства.

Если мы располагаемъ только двумя часами рабочаго времени, то хозяйственный принципъ требуетъ, чтобы мы совсѣмъ отказались отъ изготовленія труднѣе производимаго продукта A, ибо въ два часа мы изготовимъ только одну единицу A, полезность которой равна 10, между тѣмъ какъ за то же время мы могли бы изготовить двѣ единицы B съ полезностью 19 (10 + 9). Наша выгода требуетъ затратить все рабочее время на производство B.

Но чѣмъ больше рабочаго времени въ нашемъ распоряженіи и чѣмъ больше мы производимъ B, тѣмъ ниже падаетъ полезность послѣднихъ единицъ продуктовъ этого рода. Допустимъ, что мы

произвели 6 единицъ В. Въ такомъ случаѣ, конкретная полезность двухъ послѣднихъ—пятой и шестой—единицъ В выразится цифрами 6 и 5 (весь рядъ В въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ цифрамъ 10, 9, 8, 7, 6, 5). За то же время, за которое мы производимъ пятую и шестую единицы В, полезность которыхъ въ суммѣ равна 11, мы могли бы изготовить первую единицу продукта А съ полезностью 10. Производство продуктовъ В все еще оказывается выгоднѣе.

Но пусть мы имѣемъ возможность еще больше расширить производство: пусть мы располагаемъ еще двумя часами рабочаго времени,—на производство какихъ продуктовъ мы должны ихъ употребить? Если мы приложимъ ихъ къ дальнѣйшему расширенію производства В, то въ два новыхъ часа времени мы изготовимъ седьмую и восьмую единицы В съ полезностью 4 и 3 (весь рядъ В выразится цифрами 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3). За тѣ же два часа мы могли бы произвести первую единицу А съ полезностью 10. Производя продукты В, мы извлекаемъ изъ двухъ послѣднихъ часовъ работы пользу, выражаемую цифрой 7 (4 + 3); производя же единицу А, мы извлекаемъ пользу 10. Производство единицы А оказывается выгоднѣе.

Итакъ, самымъ выгоднымъ распредѣленіемъ труда при этихъ условіяхъ слѣдуетъ признать такое, при которомъ изготовляется 6 единицъ В и одна единица А. Всякое иное распредѣленіе труда даетъ меньшую сумму хозяйственной пользы.

Какова же, при этомъ распредѣленіи труда, предѣльная полезность продуктовъ А и В? Продуктовъ перваго рода произведена одна единица съ полезностью 10; продуктовъ второго рода произведено 6 единицъ, съ предѣльной полезностью 5 (напомнимъ, что весь рядъ В выражается цифрами 10, 9, 8, 7, 6, 5). Предѣльная полезность А—10; предѣльная полезность В—5. Въ то же время А требуетъ для своего производства 2-хъ часовъ труда, а В—одного часа труда. Предѣльныя полезности произведенныхъ продуктовъ пропорціональны ихъ трудовымъ стоимостямъ [19]).

Исходя изъ теоріи предѣльной полезности, мы пришли къ выводу, что хозяйственный принципъ достиженія наибольшей пользы требуетъ такъ распредѣлять производство, чтобы предѣльныя полезности производимыхъ продуктовъ относились между собой, какъ трудовыя стоимости послѣднихъ. Трудовыя стоимости продуктовъ играютъ рѣшающую роль въ установленіи хозяйственнаго плана—распредѣленія производства между различными отраслями. При раціональномъ распредѣленіи производства, предѣльныя

полезности продуктовъ должны быть пропорціональны трудовымъ стоимостямъ послѣднихъ.

Предѣльная полезность опредѣляетъ, въ первой инстанціи, расцѣнку хозяйственнаго предмета. Но сама предѣльная полезность—по отношенію къ свободно воспроизводимымъ продуктамъ—опредѣляется, во второй инстанціи, трудовой стоимостью послѣднихъ. Поэтому, расцѣнка товаровъ по предѣльной полезности должна совпадать, при раціональномъ, т. е. соотвѣтствующемъ хозяйственному принципу, распредѣленіи производства, съ расцѣнкой ихъ по стоимости производства и труду. Но такъ какъ такое распредѣленіе производства есть лишь хозяйственный идеалъ, къ которому стремится, но котораго никогда не можетъ достигнуть хозяйство, то и полное совпаденіе трудовой расцѣнки съ расцѣнкой по предѣльной полезности возможно лишь въ идеалѣ.

Такимъ образомъ, обѣ теоріи цѣнности, по обычному мнѣнію взаимно исключающія другъ друга, находятся въ дѣйствительности въ полной гармоніи другъ съ другомъ. Обѣ теоріи изслѣдуютъ различныя стороны одного и того же хозяйственнаго процесса оцѣнки. Теорія предѣльной полезности выяснила субъективные, трудовая теорія—объективные факторы цѣнности. Трудовую теорію, какъ объективную теорію цѣнности, обычно противопоставляютъ теоріи предѣльной полезности, какъ субъективной теоріи—и на этомъ основаніи считаютъ ихъ взаимно исключающими. На самомъ же дѣлѣ именно отсюда и слѣдуетъ, что одна теорія предполагаетъ другую. Хозяйственный процессъ не исключительно объективенъ и не исключительно субъективенъ, но имѣетъ и ту и другую стороны, ибо онъ есть не что иное, какъ взаимодѣйствіе субъекта (хозяина) и объекта (внѣшней природы). Всякое экономическое построеніе, которое только субъективистично или только объективистично, тѣмъ самымъ является односторонникъ и, значитъ, неполнымъ. Теорія предѣльной полезности только субъективистична, теорія трудовая только объективистична. Истинная теорія цѣнности должна отъ субъективныхъ элементовъ хозяйства возвыситься до объективныхъ элементовъ—исходя изъ субъективной предѣльной полезности, перейти къ труду, какъ объективному фактору цѣнности.

Усвоивши все это, мы безъ труда разрѣшимъ споръ между сторонниками теоріи предѣльной полезности и старой теоріей цѣнности по вопросу о роли цѣнности средствъ производства при установленіи цѣнности продукта. Рикардо утверждалъ, что цѣнность продукта опредѣляется общей цѣнностью затратъ производства, которая, въ свою очередь, опредѣляется трудомъ, затраченнымъ на производство; напротивъ, представители новой

школы говорятъ, что цѣнность средствъ производства, а, значитъ, и общая цѣнность затратъ производства, опредѣляется цѣнностью произведеннаго продукта. Съ перваго взгляда одно утвержденіе кажется находящимся въ самомъ непримиримомъ противорѣчіи со вторымъ. На самомъ же дѣлѣ оба они легко приводятся къ органическому синтезу. Рикардо имѣлъ въ виду объективные факторы цѣнности, теоретики предѣльной полезности—субъективные. Если имѣть въ виду только психическіе факторы цѣнности, то точка зрѣнія теоретиковъ предѣльной полезности должна быть признана совершенно правильной. Конечно, средства производства лишь потому цѣнятся нами, что при ихъ помощи мы получаемъ нужные намъ предметы потребленія; виноградникъ цѣнится нами лишь постольку, поскольку мы цѣнимъ добываемое на немъ вино, молотильная машина лишь постольку, поскольку имѣетъ для насъ цѣнность вымолачиваемый хлѣбъ, и т. д. Все это совершенно безспорно. Но совершенно безспорно и то, что количество производимыхъ продуктовъ находится въ зависимости отъ трудовой стоимости ихъ производства. Какъ только что показано, трудовая стоимость производства регулируетъ предѣльную полезность производимыхъ продуктовъ; величина же трудовой стоимости производства даннаго продукта зависитъ не отъ нашей воли, а опредѣляется объективными условіями производства. А такъ какъ о б щ а я ц ѣ н н о с т ь затраченныхъ средствъ производства даннаго продукта не можетъ не зависѣть отъ к о л и ч е с т в а затраченныхъ средствъ производства, количество же это опредѣляется объективными условіями, а не нашими субъективными расцѣнками, то, въ концѣ концовъ, объективныя условія производства опредѣляютъ нашу расцѣнку производимыхъ продуктовъ, какъ предметовъ потребленія, такъ и средствъ производства.

VI.

Другой основной логической категоріей хозяйства является на ряду съ цѣнностью стоимость. „Цѣнность есть человѣческій интересъ, мыслимый какъ состояніе внѣшняго предмета“—удачно опредѣляетъ цѣнность Визеръ [20]). Стоимость же есть самъ человѣкъ, мыслимый какъ дѣятельный элементъ хозяйства. Обѣ категоріи не только не тождественны, но, въ извѣстномъ смыслѣ, противоположны, какъ получка противоположна затратѣ.

Итакъ, подъ с т о и м о с т ь ю какого либо хозяйственнаго предмета нужно понимать х о з я й с т в е н н у ю з а т р а т у, совершенную для пріобрѣтенія этого хозяйственнаго предмета. Подъ

трудовой стоимостью нужно понимать трудъ, затраченный на производство хозяйственнаго предмета. И именно трудовая стоимость есть, на ряду съ цѣнностью, основная логическая категорія хозяйства, почему трудовую стоимость можно признать абсолютной стоимостью. „Продукты — говоритъ Родбертусъ—стоятъ только труда, или, говоря иначе, трудъ есть единственный элементъ въ процессѣ возникновенія продуктовъ, который можетъ считаться ихъ стоимостью... Продуктъ, несомнѣнно, стоитъ человѣку затраченнаго труда, но, кромѣ труда, нѣтъ ничего, относительно чего можно было бы сказать, что оно тоже входитъ въ составъ стоимости продукта... Правда, нельзя отрицать, что для производства продукта требуется еще многое другое, кромѣ труда. Такъ, требуется матеріалъ, доставляемый природой... Но если бы на этомъ основаніи называть матеріалъ стоимостью, то это было бы равносильно признанію личности за природой. Матеріалъ не есть затрата, дѣлаемая человѣкомъ при производствѣ—а мы можемъ считать стоимостью только затрату человѣка“ [21]).

Хозяйственный процессъ есть человѣческая дѣятельность направленная на пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія нашихъ потребностей. Категорія хозяйственной цѣнности имѣетъ отношеніе къ этимъ послѣднимъ; но сама хозяйственная дѣятельность человѣка не захватывается категоріей цѣнности. Поэтому научное пониманіе хозяйственнаго процесса предполагаетъ рядомъ съ категоріей цѣнности также и самостоятельную категорію трудовой затраты, абсолютной стоимости. Обѣ категоріи взаимно восполняютъ другъ друга и образуютъ собой двѣ основныя категоріи экономической науки, причемъ въ категоріи стоимости человѣкъ является дѣятельнымъ элементомъ хозяйства, а въ категоріи цѣнности—элементомъ пассивнымъ, воспринимающимъ извѣстныя ощущенія.

Однако, въ процессѣ производства участвуетъ не только человѣкъ, но и силы природы. Работа лошади, напр., такъ же необходима для земледѣльца, какъ и его собственный трудъ. Почему же не признавать абсолютной стоимостью также и лошадиную работу? Потому, что субъектомъ хозяйства въ человѣческомъ хозяйствѣ является человѣкъ, а не лошадь—наша собственная работа есть трата силъ нашего организма, затрата насъ самихъ, свою работу мы чувствуемъ, какъ усиліе или даже положительное страданіе, а работа лошади не есть затрата нашего организма и столь же мало ощущается нами, какъ и паденіе воды, двигающей мельничныя колеса. Въ обществѣ лошадей единствен-

ной стоимостью была бы работа лошадей, а человѣческій трудъ не былъ бы стоимостью. Точно также въ обществѣ людей единственной абсолютной стоимостью можно считать человѣческій трудъ—и ничего больше [22]).

Противъ этой точки зрѣнія можно сдѣлать слѣдующее возраженіе. Человѣкъ долженъ относиться хозяйственнымъ образомъ не только къ своему труду и продуктамъ своего труда, но и ко многимъ предметамъ, которые не стоили ему никакого труда. Возьмемъ, напр., землю тамъ, гдѣ ея мало. Земля можетъ пріобрѣтать въ этомъ случаѣ очень высокую цѣну, и хозяинъ принужденъ очень бережливо расходовать естественныя производительныя силы земли, хотя бы въ созданіи ихъ его трудъ не принималъ ровно никакого участія. Или, напр., возьмемъ дико растущій лѣсъ. Развѣ при пользованіи имъ (если лѣса мало) человѣкъ не соблюдаетъ такой же экономіи, какъ и при пользованіи лѣсомъ, выращеннымъ его собственнымъ трудомъ? Родбертусъ признаетъ „хозяйственными“ предметами только предметы, созданные человѣческимъ трудомъ [23]). Но развѣ дикій лѣсъ въ нашемъ примѣрѣ не есть хозяйственный предметъ (т. е. предметъ, къ которому мы относимся хозяйственнымъ образомъ) совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ и лѣсъ, искусственно разведенный?

Конечно, Родбертусъ неправъ, и хозяйственными предметами являются далеко не одни продукты нашего труда. Хозяйственными предметами являются всѣ предметы, имѣющіе хозяйственную цѣнность. Для того, чтобы предметъ имѣлъ такую цѣнность, требуется чтобы онъ обладалъ относительной рѣдкостью. Поэтому, предметы не созданные трудомъ (какъ лѣсъ и земля) могутъ быть хозяйственными предметами. Но такіе предметы, обладая цѣнностью, не имѣютъ никакой абсолютной стоимости—они являются дарами природы и этимъ существенно отличаются отъ предметовъ, имѣющихъ не только цѣнность, но и стоимость.

Сравнимъ, напр., въ экономическомъ отношеніи метеоритъ, упавшій изъ небесныхъ пространствъ и заключающій въ себѣ желѣзо, и желѣзную руду, добытую въ шахтѣ.

Метеоритъ есть въ полномъ смыслѣ слова даръ природы—его стоимость равна нулю. Желѣзная же руда стоила труда человѣка—она обладаетъ абсолютной трудовой стоимостью. Метеоритъ только съ одной стороны входитъ въ составъ нашего хозяйства—онъ есть хозяйственный предметъ и, слѣдовательно, увеличиваетъ сумму хозяйственныхъ предметовъ въ нашемъ распоряженіи, увеличиваетъ сумму пользы, извлекаемой нами изъ хозяйства. Желѣзная же руда, кромѣ этого, входитъ въ составъ

нашего хозяйства и съ совершенно иной стороны: она выражаетъ собой извѣстное лишеніе, пожертвованіе своими силами, своимъ благосостояніемъ и досугомъ, которое требуется отъ работника для того, чтобы своимъ трудомъ добыть изъ рудника руду. Метеоритъ обладаетъ только цѣнностью, а желѣзная руда какъ цѣнностью, такъ и стоимостью. Точно также, дѣвственная почва обладаетъ только цѣнностью, а хлѣбъ—кромѣ того и стоимостью.

Итакъ, мы видимъ, что хозяйственные (цѣнные) предметы распадаются на двѣ группы: имѣющіе стоимость (продукты человѣческаго труда) и не имѣющіе ея, дары природы (предметы, не произведенные трудомъ человѣка). Ошибка Родбертуса заключалась въ томъ, что онъ отождествилъ понятіе даровъ природы съ понятіемъ предметовъ, не имѣющихъ цѣности; на самомъ же дѣлѣ дары природы могутъ обладать цѣнностью и требовать къ себѣ хозяйственнаго отношенія съ нашей стороны.

VII.

Человѣческій трудъ является, такимъ образомъ, единственной субстанціей абсолютной стоимости. Но отъ этой абсолютной стоимости нужно отличать относительную стоимость. Абсолютная стоимость есть экономическая категорія, противоположная цѣнности, подобно тому, какъ человѣкъ, какъ субъектъ хозяйства, противоположенъ объектамъ хозяйства. Напротивъ, относительной стоимостью является всякая цѣнность, разсматриваемая не какъ цѣль, а какъ средство для пріобрѣтенія другой цѣнности. Возьмемъ, напр., процессъ производства; въ чемъ заключается для общества абсолютная стоимость произведеннаго продукта (т. е. какого абсолютнаго пожертвованія данное производство требуетъ отъ общества)? Изъ предыдущаго видно, что только затраченный на производство общественный трудъ образуетъ искомую абсолютную стоимость продукта. Но относительная стоимость продукта можетъ выражаться также и въ матеріалахъ, затраченныхъ на изготовленіе продукта. Такъ, мы можемъ разсчитывать (и, дѣйствительно, разсчитываемъ), сколько пудовъ руды, каменнаго угля, вспомогательныхъ матеріаловъ необходимо израсходовать для выплавки одного пуда желѣза. Стоимость пуда желѣза можетъ быть выражена въ пудахъ руды, каменнаго угля и пр. Но, очевидно, категорія стоимости имѣетъ въ этомъ случаѣ совершенно иной смыслъ, чѣмъ тогда, когда она выражаетъ собой затрату рабочей силы человѣка. Затрата труда есть абсолютное

пожертвованіе силами человѣческаго организма; человѣческая работа—это расходованіе самого человѣка, т. е. субъекта хозяйства. Напротивъ, расходованіе руды, каменнаго угля и пр., (поскольку мы отвлекаемся отъ того, что все это—продуктъ человѣческаго труда), отнюдь не составляетъ, само по себѣ, расходованія человѣческихъ силъ. Каменный уголь или руда—это объекты, а не субъектъ хозяйства. Правда, уголь и руда обладаютъ цѣнностью, и, слѣдовательно, непроизводительное уничтоженіе этихъ полезныхъ предметовъ должно уменьшить благосостояніе общества. Именно по этой причинѣ мы относимся бережливо къ объективнымъ средствамъ производства. Но все же средства производства не представляютъ собой части человѣка, и, расходуя ихъ, человѣкъ не расходуетъ самого себя.

Мы выражаемъ стоимость продукта въ средствахъ производства лишь постольку, поскольку послѣднія обладаютъ ц ѣ н н о с т ь ю. Вода или воздухъ не обладаютъ цѣнностью, и потому они игнорируются при разсчетѣ стоимости продукта. Слѣдовательно, при выраженіи стоимости одного продукта въ другихъ продуктахъ, понятіе стоимости разсматривается нами не какъ самостоятельная экономическая категорія, противоположная категоріи цѣнности, а какъ производная категорія цѣнности. Относительная стоимость (т. е. стоимость, выражаемая въ продуктахъ, а не въ человѣческой рабочей силѣ) есть, такимъ образомъ, не что иное, какъ та же категорія цѣнности, разсматриваемой не какъ цѣль, а какъ средство.

Напротивъ, при выраженіи стоимости продукта въ трудѣ, мы совершенно отвлекаемся отъ категоріи цѣнности. Продуктъ труда можетъ не имѣть никакой цѣнности—напр., вода, добытая путемъ химическаго синтеза изъ водорода и кислорода—но трудовую стоимость онъ все же будетъ имѣть, онъ с т о и лъ намъ труда и усилій, фактъ трудовой затраты остается. Выстрѣлъ изъ пушки не создаетъ никакой новой цѣнности; однако, мы разсчитываемъ его трудовую с т о и м о с т ь. Мы цѣнимъ свой трудъ не потому, (или не только потому), что при его помощи мы можемъ пріобрѣсти хозяйственные предметы. Нѣтъ, нашъ трудъ—это мы сами, наша бережливость по отношенію къ своему труду имѣетъ такой же первичный, а не производный характеръ, какъ и наша бережливость по отношенію къ предметамъ нашего удовольствія и удобства. Трудовая стоимость есть такой же важный и самостоятельный моментъ нашего хозяйства, какъ и цѣнность.

Поэтому, необходимо строго различать абсолютную (трудовую) стоимость отъ относительной стоимости (выраженія стоимости одного цѣннаго предмета въ цѣнности другихъ цѣнныхъ предме-

товъ). Различіе этихъ обѣихъ категорій выступаетъ особенно ярко въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ. При господствѣ обмѣна всякая цѣнность можетъ быть средствомъ для пріобрѣтенія другой цѣнности. На деньги можно все купить; и мы видимъ, что въ современномъ хозяйствѣ стоимость любого предмета обычно выражается въ деньгахъ, которыя расходуются при покупкѣ этого предмета.

Дико растущій лѣсъ или дѣвственная почва не заключаютъ въ себѣ ни атома человѣческаго труда. Человѣчество и то и другое получаетъ отъ природы даромъ. Но и земля и лѣсъ могутъ имѣть цѣнность—слѣдовательно, могутъ быть и проданы за опредѣленную цѣну. Для лица, купившаго лѣсъ или землю, эти цѣнные объекты отнюдь не являются дарами природы: онъ заплатилъ за нихъ деньги, пожертвовалъ для нихъ пріобрѣтенія вполнѣ реальными цѣнностями. Денежная сумма, заплаченная за землю, есть с т о и м о с т ь послѣдней въ глазахъ пріобрѣтателя земли. Такимъ образомъ, съ частнохозяйственной точки зрѣнія, дары природы пріобрѣтаютъ въ мѣновомъ оборотѣ стоимость, подобно предметамъ, созданнымъ трудомъ. Но эта стоимость есть относительная, частнохозяйственная, а не абсолютная, общественная стоимость, она имѣетъ условный и производный характеръ, представляя собою лишь иное выраженіе категоріи цѣнности. Съ точки зрѣнія всего общества земля остается и въ мѣновомъ хозяйствѣ даромъ природы, лишеннымъ стоимости, ибо общество, какъ цѣлое, ничего не затратило на пріобрѣтеніе земли. И только съ частнохозяйственной точки зрѣнія можно приписывать стоимость земли, какъ только съ частнохозяйственной точки зрѣнія вексель есть богатство.

VIII.

Въ господствующей политической экономіи категорія трудовой стоимости совершенно игнорируется въ своемъ чистомъ видѣ. Однако, и современная наука знаетъ эту категорію подъ названіемъ категоріи п р о и з в о д и т е л ь н о с т и т р у д а. Если мы обозначимъ черезъ a количество труда, а черезъ b количество вырабатываемаго при помощи этой затраты труда продукта, то трудовая стоимость будетъ выражаться $\frac{a}{b}$, а производительность труда—$\frac{b}{a}$. Иными словами, производительность труда и трудовая стоимость суть одно и то же экономическое понятіе, выражаемое различнымъ образомъ—въ первомъ понятіи выражается отношеніе

количества произведеннаго продукта къ затраченному труду, во второмъ — отношеніе затраченнаго труда къ количеству произведеннаго продукта.

Стоя на точкѣ зрѣнія интересовъ трудящагося человѣка нельзя подвергать сомнѣнію важность расцѣнки всего хозяйственнаго процесса, въ частностяхъ и въ цѣломъ, по затраченному въ процессѣ хозяйства труду. Наоборотъ, стоя на точкѣ зрѣнія человѣка не работающаго, но получающаго доходъ, вытекающій изъ владѣнія имуществомъ, можно приравнивать трудъ человѣка къ дѣятельности силъ внѣшней природы. Этимъ и объясняется, почему то направленіе политической экономіи, которое стоитъ на сторонѣ трудящихся классовъ, выдвигаетъ на первый планъ трудовую расцѣнку, а противоположное направленіе—игнорируетъ эту расцѣнку и отрицаетъ ея самостоятельное значеніе.

Признавши трудъ единственной субстанціей абсолютной стоимости, мы тѣмъ самымъ признали трудъ единственнымъ активнымъ дѣятелемъ производства, признали, что весь продуктъ производства является созданіемъ только труда. Конечно, съ точки зрѣнія технической, съ точки зрѣнія матеріальныхъ перемѣнъ въ процессѣ производства, человѣкъ есть такая же механическая сила, какъ и всякая другая; съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакого различія между человѣческимъ трудомъ и трудомъ животнаго или работой машины. Но для экономиста, разсматривающаго хозяйственный процессъ съ точки зрѣнія интересовъ человѣка, человѣческій трудъ не можетъ быть приравненъ къ другимъ механическимъ процессамъ, ибо только затрата человѣческаго труда есть затрата личности человѣка. Поэтому, съ этой точки зрѣнія мы должны признавать производительнымъ только трудъ человѣка, иными словами, относить полезное дѣйствіе всѣхъ другихъ факторовъ производства на счетъ единственнаго активнаго фактора производства—человѣческаго труда.

Понятіе трудовой стоимости тѣмъ существенно отличается отъ понятія цѣнности, что въ немъ фигурируетъ не предметъ дѣятельности человѣка, а самъ человѣкъ, своей собственной личностью, со своимъ трудомъ и своими страданіями, со своей борьбой съ природой и своими общественными отношеніями, возникающими на фонѣ этой борьбы. Поэтому категорія трудовой стоимости есть соціальная категорія по преимуществу—она образуетъ собой мостъ, связывающій политическую экономію съ соціальной наукой вообще, ибо соціальный прогрессъ совершается на основѣ роста производительности общественнаго труда.

Но несмотря на свое огромное значеніе для чисто объектив-

наго построенія науки, категорія трудовой стоимости заключаетъ въ себѣ неустранимое этическое содержаніе, ибо, стоя на чисто объективной точкѣ зрѣнія, мы должны признать, что въ процессѣ производства принимаетъ участіе не только человѣкъ, но и средства производства. Почему же мы разсматриваемъ весь продуктъ, какъ созданіе только человѣческаго труда? Почему мы признаемъ только трудъ человѣка активнымъ дѣятелемъ производства? И почему, съ другой стороны, мы приравниваемъ въ этомъ отношеніи между собой всѣ виды человѣческаго труда безъ различія, почему мы считаемъ всѣ виды труда человѣка сравнимыми между собой и соединяемъ ихъ въ одну общую массу, въ одно общее понятіе общественнаго труда?

Безъ сомнѣнія, потому, что мы молчаливо исходимъ изъ руководящей этической идеи политическей экономіи—верховной цѣнности и потому равноцѣнности человѣческой личности. Только эта идея даетъ намъ право, съ одной стороны, отрицать производительность работы лошади или паровой машины, а съ другой стороны, разсматривать всѣ виды человѣческаго труда, какъ одно цѣлое общественнаго труда. Стоя на почвѣ античнаго міросозерцанія, чуждаго идеѣ равноцѣнности человѣческой личности, нельзя было бы проводить никакого различія между работой раба или лошади и слѣдовало бы, съ другой стороны, принципіально отличать трудъ свободнаго человѣка, эллина, господина и трудъ раба или варвара. Этическая основа понятія трудовой стоимости нисколько не подрываетъ научнаго значенія этого понятія, но доказываетъ, въ то же время, какъ тѣсно переплетаются въ политической экономіи объективные и субъективные элементы, категоріи сущаго и должнаго.

Въ своемъ извѣстномъ курсѣ политической экономіи Д. С. Миль сдѣлалъ замѣчаніе, что въ области теоріи цѣнности наука сказала свое послѣднее слово и будущимъ ученымъ не прійдется прибавить ничего существенно новаго къ уже сказанному [24]). Какъ извѣстно, Миль оказался плохимъ пророкомъ и именно ученіе о цѣнности было совершенно преобразовано позднѣйшими наслѣдователями. Теперь можно, однако, повторить пророчество Милля съ большей надеждой на успѣхъ. Теорія предѣльной полезности навсегда останется основаніемъ ученія о цѣнности—она можетъ быть дополнена и измѣнена въ частностяхъ въ будущемъ, но основныя идеи ея составляютъ κτῆμα ἐς ἀεί (вѣчное сокровище) экономической науки. Попытки критики этой теоріи въ большинствѣ случаевъ такъ слабы, что не заслуживаютъ серьезнаго опроверженія. Главное возраженіе противъ нея—утвержденіе, что величина удовлетворенія, получаемаго нами отъ хозяйственныхъ предметовъ, не допускаетъ

по своей природѣ точнаго количественнаго измѣренія—опровергнуто еще Кантомъ: „Какъ бы ни были разнообразны наши представленія о предметахъ,—говоритъ онъ,—чувство удовольствія... по существу одинакаго рода... Ибо въ противномъ случаѣ, какъ было бы возможно количественное сравненіе мотивовъ, совершенно различныхъ по представленіямъ, лежащихъ въ ихъ основаніи, и предпочтеніе того мотива, который сильнѣе дѣйствуетъ на нашу волю? Человѣкъ можетъ вернуть непрочтенной поучительную книгу, которая попала ему въ руки, чтобы не пропустить охоты, можетъ уйти во время интересной рѣчи, чтобы не опоздать къ обѣду, оставить пріятный разговоръ, который вообще онъ очень цѣнитъ, чтобы засѣсть за игорный столъ, даже оставить безъ поддержки бѣдняка, которому въ другомъ случаѣ помогъ бы отъ чистаго сердца, потому что у него едва хватаетъ денегъ, чтобы заплатить за театральный билетъ“ [25]). Кантъ совершенно правильно указалъ, какимъ образомъ совершается количественное сравненіе нашихъ влеченій различнаго рода: мы слѣдуемъ всегда сильнѣйшему мотиву и, значитъ, сравниваемъ между собой различные мотивы по ихъ относительной силѣ. Иными словами, возможность количественнаго сравненія различныхъ нашихъ влеченій вытекаетъ изъ самой природы нашей воли.

Недавно вышедшая книга г. Шоура „Основныя теоретическія проблемы политической экономіи“, относящаяся отрицательно къ теоріи предѣльной полезности, не содержитъ въ себѣ новыхъ аргументовъ, заслуживающихъ разсмотрѣнія. Но, быть можетъ, успѣху этой теоріи всего болѣе помѣшали ея собственные сторонники, почему она и завоевала такъ не скоро общее признаніе. А именно, они рѣзко противопоставили ее теоріи цѣнности Рикардо, что было совершенно неосновательно. Благодаря такой постановкѣ вопроса сторонники теоріи Рикардо высказались противъ новой теоріи цѣнности и только въ новѣйшее время стало распространяться сознаніе, что споръ старой и новой теоріи основанъ на чистомъ недоразумѣніи. Сторонники теоріи предѣльной полезности нападаютъ, собственно говоря, не на теорію цѣнности Рикардо, но на совсѣмъ иную теорію Родбертуса и Маркса (о которой будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ). Эта послѣдняя теорія, дѣйствительно, непримирима съ теоріей предѣльной полезности, такъ какъ цѣнность не можетъ быть въ одно и то же время „кристалломъ труда“ и предѣльной полезностью. Иное слѣдуетъ сказать о теоріи Рикардо. Ученіе о предѣльной полезности не только не находится въ противорѣчіи съ этой теоріей, но наоборотъ, обѣ теоріи, какъ указано въ текстѣ, дополняютъ другъ друга и образуютъ собой логическіе коррелаты.

Тотъ же Джевонсъ, выступающій такимъ рѣзкимъ критикомъ Рикардо, показалъ полное согласіе обѣихъ теорій. „Цѣна предмета,—говоритъ онъ,—зависитъ исключительно отъ его полезности. А какимъ образомъ возможно измѣнять предѣльную полезность? Увеличеніемъ или уменьшеніемъ предложенія предмета. А какимъ образомъ можно достигнуть этого увеличенія или уменьшенія? Увеличеніемъ или уменьшеніемъ затраты труда на производство этихъ предметовъ. Съ этой точки зрѣнія между трудомъ и цѣнностью есть двѣ ступени. Трудъ опредѣляетъ размѣры предложенія, а размѣры предложенія опредѣляютъ предѣльную полезность, устанавливающую цѣнность или мѣновое

отношеніе предмета" [36]). У Джевонса не хватаетъ лишь заключенія этого силлогизма—слѣдовательно, трудъ опредѣляетъ цѣнность.

Къ числу экономистовъ, не усматривающихъ противорѣчія между теоріей Рикардо и теоріей предѣльной полезности принадлежатъ, на западѣ, между прочимъ, Маршалль [37]) и Дитцель [38]). Напротивъ, Дильвъ новѣйшее время пытался противопоставить одну теорію другой, какъ логически исключающія другъ друга конструкціи. Аргументація Диля сводилась къ указанію на субъективистическій характеръ теоріи предѣльной полезности и объективистическій—трудовой теоріи [39]). Однако, какъ указано въ текстѣ, изъ этого не только не слѣдуетъ, что обѣ теоріи взаимно исключаютъ другъ друга, а слѣдуетъ какъ разъ противоположное—что обѣ теоріи другъ друга дополняютъ. Въ Россіи развитая въ текстѣ точка зрѣнія была впервые высказана въ статьѣ „Ученіе о предѣльной полезности хозяйственныхъ благъ" („Юридическій Вѣстникъ", 1890 г.)—первой печатной работѣ автора этой книги. Сходные взгляды высказывали впослѣдствіи П. Б. Струве (въ нѣмецкомъ журналѣ „Archiv für sociale Gesetzgebung") и г. Дмитріевъ въ своей интересной книгѣ „Экономическіе очерки".

Но если пониманіе категоріи цѣнности, благодаря трудамъ, главнымъ образомъ, школы Менгера, значительно подвинуто впередъ, то этого отнюдь нельзя сказать о другой основной категоріи хозяйства—стоимости. Русскому экономисту приходится даже доказывать—какъ это ни комично—самое логическое право такого понятія на существованіе. Нашъ разговорный языкъ обладаетъ двумя словами „цѣнность" и „стоимость" съ существенно различнымъ значеніемъ. Я могу, напр., сказать „эта картина стоила мнѣ очень мало, но цѣню я ее очень высоко" и всякій пойметъ, о чемъ идетъ рѣчь. Но благодаря низкому уровню у насъ теоретическаго знанія, произошла поистинѣ курьезная вещь: научная экономическая терминологія не только не усовершенствовала терминологіи разговорнаго языка, а существенно ухудшила ее и внесла въ нее путаницу, которой разговорный языкъ лишенъ. Среди многихъ русскихъ экономистовъ (особенно, среди марксистовъ) вошло въ обычай употреблять понятія „стоимости" и „цѣнности" не какъ противоположныя, а какъ тождественныя понятія, синонимы. Эта пагубная привычка была, по видимому, введена и закрѣплена, главнымъ образомъ, первымъ русскимъ переводомъ „Капитала" Маркса, гдѣ нѣмецкое слово Wert было ошибочно переведено словомъ „стоимость", а не „цѣнность". Между тѣмъ, нѣмецкій языкъ знаетъ на ряду съ терминомъ Wert (цѣнность) другой терминъ Kosten (стоимость), точно также, какъ и по-англійски слово value (цѣнность) никоимъ образомъ не можетъ быть смѣшиваемо со словомъ cost (стоимость). Благодаря указанной неправильности русской ученой терминологіи, нѣкоторыя нѣмецкія и англійскія фразы совсѣмъ не могли быть, съ сохраненіемъ смысла оригинала, переведены на русскій языкъ—напр. фраза Маркса въ началѣ III тома „Капитала" „die kapitalistische Kost der Ware misst sich an der Ausgabe in Kapital, die wirkliche Kost an der Ausgabe in Arbeit", которая теряетъ всякій смыслъ, если слово Kost переводить тѣмъ же терминомъ, что и слово Wert [40]). Точно также получилась безсмыслица въ извѣстномъ упрекѣ Мальтуса Рикардо, заключавшемся въ томъ, что Рикардо не принялъ во вниманіе „the very important distinction between c o s t and v a-

lue“ [31]) („очень важное различіе между стоимостью и цѣнностью“ —какъ нужно правильно перевести на русскій языкъ; по распространенной же терминологіи нужно перевести „очень важное различіе между стоимостью и стоимостью“—т. е. построить фразу безъ всякаго смысла). По всѣмъ этимъ причинамъ русскій теоретикъ, развивающій теорію стоимости, долженъ употреблять большія усилія, чтобы его читатели понимали, о какомъ экономическомъ явленіи идетъ рѣчь и чтобы послѣдніе не смѣшивали „стоимости“ съ „цѣнностью“. При такомъ положеніи дѣла—когда приходится бороться съ неправильнымъ пониманіемъ терминовъ читателемъ—очень трудно достигнуть полной ясности изложенія, ибо каковы бы ни были логическія свойства послѣдняго, оно не можетъ быть усвоено безъ пониманія языка.

Изложенная въ текстѣ теорія трудовой стоимости есть только иное выраженіе такъ называемой трудовой теоріи богатства — теоріи, смыслъ которой заключается въ признаніи исключительной производительности человѣческаго труда, отнесеніи всего продукта производства на счетъ труда, затраченнаго на производство. Теорія эта очень стара, высказывалась задолго до Адама Смита разными авторами, но была особенно отчетливо формулирована авторомъ „Богатства народовъ“ [32]). Затѣмъ это ученіе было отодвинуто на задній планъ столь популярной въ настоящее время теоріей трехъ факторовъ производства — земли, труда и капитала (формулированной впервые Ж. Б. Сэ). Большого распространенія трудовая теорія богатства не получила отчасти потому, что оставалось неяснымъ методологическое основаніе этой теоріи — было неясно, почему экономистъ долженъ разсматривать продуктъ производства, какъ продуктъ только труда, хотя въ производствѣ участвуютъ кромѣ труда земля и средства производства. Въ текстѣ сдѣлана попытка дать такое методологическое обоснованіе указанной теоріи.

Другой причиной неразработанности теоріи трудовой стоимости явилось то, что Марксъ совершенно неправильно связалъ въ одно цѣлое ученіе объ исключительной производительности труда съ ученіемъ объ исключительной способности труда создавать цѣнность. Вмѣсто теоріи абсолютной трудовой стоимости Марксъ далъ теорію абсолютной трудовой цѣнности. Получилось методологически совершенно незаконное смѣшеніе двухъ различныхъ теорій: къ вѣрной мысли, что продуктъ можно разсматривать, какъ произведеніе только труда человѣка, была присоединена совершенно невѣрная мысль, что только трудъ создаетъ цѣнность продукта. Разборъ этой теоріи абсолютной трудовой цѣнности данъ въ слѣдующей главѣ.

Въ своей извѣстной критикѣ III тома „Капитала“ Зомбартъ попытался защитить трудовую теорію цѣнности Маркса, истолковавши ее, какъ теорію трудовой стоимости. Подъ трудовой цѣнностью онъ понимаетъ „степень общественной производительности труда“ [33]). Но если такъ, то зачѣмъ именовать трудовую затрату „цѣнностью“ и этимъ возбуждать представленіе, что трудовая затрата есть основа цѣны, мѣновыхъ отношеній продуктовъ (что завѣдомо невѣрно), а не признать самостоятельное право на существованіе двухъ различныхъ категорій— цѣнности и стоимости?

Очень немного экономистовъ понимаютъ самостоятельное право на существованіе въ экономической наукѣ категоріи трудовой стоимости.

Къ числу таковыхъ нужно отнести Ад. Вагнера. Онъ даетъ тщательно разработанную теорію стоимости съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія — съ точки зрѣнія 1) человѣчества, 2) народнаго хозяйства и 3) единичнаго хозяйства. Съ точки зрѣнія человѣчества стоимость (Kosten) есть „исключительно количество человѣческаго труда всякаго рода, затрачиваемаго на пріобрѣтеніе благъ“ [34]), съ точки зрѣнія народнаго хозяйства стоимостью являются цѣнности, затрачиваемыя на преодолѣніе сопротивленія природы; и, наконецъ, съ точки зрѣнія единичнаго хозяйства въ составъ стоимости входитъ кромѣ стоимости съ народохозяйственной точки зрѣнія также и оплата разнаго рода услугъ третьихъ лицъ (заработная плата, наемная, арендная плата, ссудный процентъ и т. п. Такимъ образомъ, то, что названо въ текстѣ „абсолютной стоимостью“ совпадаетъ со „стоимостью съ точки зрѣнія человѣчества“ въ смыслѣ Вагнера, а „относительная стоимость“ совпадаетъ со стоимостью съ точки зрѣнія народнаго и единичнаго хозяйства въ смыслѣ Вагнера. Вагнеръ, такимъ образомъ, вполнѣ признаетъ, что съ общечеловѣческой точки зрѣнія единственной стоимостью является человѣческій трудъ и что категорія стоимости имѣетъ свое самостоятельное значеніе рядомъ съ категоріей цѣнности (которая, по его представленію, опредѣляется моментами другого порядка).

Точно также и Лексисъ, не раздѣляя трудовой теоріи цѣнности, является сторонникомъ трудовой теоріи стоимости. „Земля и капиталъ — говоритъ онъ — не могутъ быть координированы труду, какъ факторы производства, ибо они подчинены ему. Трудъ есть единственный активный факторъ производства, природа же доставляетъ только матеріалы для приложенія труда или первоначально свободныя силы, использованіе которыхъ становится возможнымъ только благодаря труду. Капиталъ же вообще не можетъ быть первичнымъ факторомъ производства, такъ какъ онъ самъ является продуктомъ“ [35]).

Что касается до Дитцеля, то онъ вполнѣ признаетъ важность построенія наряду съ теоріей цѣнности также и теоріи стоимости, отводитъ очень много мѣста этой послѣдней теоріи, но разрѣшаетъ задачу построенія ея крайне неудачно. А именно, онъ признаетъ только одну категорію стоимости — ту, которую я называю „относительной стоимостью“. „Понятіе стоимости — говоритъ онъ — равнозначуще съ понятіемъ пожертвованія цѣнностью; только то стоитъ, отъ существованія чего зависитъ какая либо польза, съ потерей чего утрачивается какая либо полезность“ [36]).

Трудовая затрата, по мнѣнію Дитцеля, есть основной элементъ стоимости лишь въ силу того, что трудъ, будучи всеобщимъ средствомъ производства, въ то же время, какъ и всякое другое средство производства, спросъ на которое превышаетъ предложеніе, обладаетъ цѣнностью. Никакого принципіальнаго различія въ этомъ отношеніи между трудомъ человѣка и трудомъ лошади нѣтъ.

Съ точки зрѣнія неработающаго предпринимателя это, конечно, такъ. Для капиталиста нѣтъ никакого различія между рабочимъ и любымъ орудіемъ производства. Но съ точки зрѣнія рабочаго между его трудомъ и работой лошади какъ будто бы и существуетъ нѣкоторое различіе. Какъ это выяснено въ текстѣ, рабочій цѣнитъ свой трудъ совершенно независимо отъ внѣшняго результата труда, ибо затрата его труда есть

затрата его личности. Точка зрѣнія Дитцеля есть отрицаніе верховной цѣнности человѣческой личности, ибо Дитцель разсматриваетъ человѣка, какъ простое средство производства, а не какъ самоцѣль. Эта основная ошибка лишаетъ значенія и всѣ послѣдующія разсужденія Дитцеля о соотношеніи между цѣнностью и стоимостью.

ЛИТЕРАТУРА.

Литература о цѣнности громадна; всѣ важнѣйшіе экономическіе теоретики такъ или иначе касались этого вопроса. См. особенно Ад. Смитъ. О богатствѣ народовъ. Русск. пер. Бибикова. 1866. Д. Рикардо. Начала политической экономіи. Русск. пер. Зибера. 1882. Д. С. Миллъ. Основанія политической экономіи. Новѣйшій русск. перев. подъ ред. Остроградскаго. 1897. Марксъ. „Капиталъ", т. I, II и III (нѣсколько русскихъ переводовъ). Критическая литература о теоріи цѣнности Маркса приведена въ слѣдующей главѣ.

Историческіе обзоры ученія о цѣнности. W. Liebknecht, Zur Geschichte der Werttheorie in England. R. Kaulla. Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien. 1906. В. Залѣскій. Ученіе о цѣнности, 1893. Р. Орженцкій. Ученіе о цѣнности у классиковъ и каноинстовъ. 1896. Э. Денъ. Къ ученію о цѣнности. 1896. А. Мануиловъ. Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы. 1901.

Литература о теоріи предѣльной полезности. Gossen. Entwicklung der Gezetze des menschlichen Verkehrs. 1854 г. (2-е изд. 1889). L. Walras. Elements d'économie politique pure. 1874. Jevons. Theory of Political Economy. 1871 (3-е изд. 1888). Менгеръ. Основанія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Р. М. Орженцкаго. 1903. Wieser. Ueber den Ursprung des wirtschaftlichen Wertes. 1884. Его же. Der natürliche Wert 1889. Бемъ Баверкъ. Основы теоріи цѣнности хозяйственныхъ благъ. Пер. съ нѣм. 1904. Его же. Positive Theorie des Kapitals. 2 изд. 1900. Komorzynski. Der Wert in der isolierten Wirtschaft. 1889. Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises. 1889. В. Войтинскій. Рынокъ и цѣны. 1906.

Критика теоріи предѣльной полезности. Marshall. Principles of Economics. 3 изд. 1898. Dietzel. Theoretische Sociolökonomik. 1895. Stolzmann. Sociale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre. 1896. Hilferding. Böhm-Bawerks Marx-Kritik, Marx-Studien. I. 1904. Diehl. David Ricardos Grundgezetze der Volkswirtschaft. 1905. М. Туганъ-Барановскій. Ученіе о предѣльной полезности. „Юридическій Вѣстникъ". 1890. Его же. Теоретическія основы марксизма 3-е изд. 1906. П. Б. Струве. Статьи о цѣнности въ „Archiv für sociale Gesetzgebung" и въ русскихъ журналахъ „Научномъ Обозрѣніи" и „Жизни". С. Франкъ. Трудовая теорія цѣнности Маркса. 1900. А. Мануиловъ. Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы. 1901. Столяровъ. Аналитическое доказательство формулы Туганъ-Барановскаго. 1902. В. Дмитріевъ. Экономическіе очерки. 1904.

Литература по теоріи стоимости. Wagner. Grundlegung der Politischen Oekonomie. 3 изд. 1893. Lexis. Produktion (Handwörterbuch der Staatswissenschaften). Dietzel. Theoretische Socialökonomik. 1895. М Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма. Л. Бухъ. Основные элементы политической экономіи. 2 изд. 1902.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ III.

1) Rodbertus. Zur Beleuchtung der socialen Frage. Изд. 1875. Предисловіе.

2) Wundt. Logik. Methodenlehre 2 изд. II стр. 16.

3) Windelband. Präludien. Стр. 30.

4) „Образованіе понятій съ индивидуальнымъ содержаніемъ происходитъ лишь посредствомъ отнесенія ихъ... къ цѣнностямъ и постольку должно быть признано телеологическимъ образованіемъ понятій". Rickert. Ueber die Grenzen der Naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 307.

5) Л. І. Петражицкій предлагаетъ вмѣсто обычнаго тройственнаго дѣленія элементовъ психической жизни (воля, разумъ и чувство) дѣленіе ихъ на двѣ группы: 1) двусторонніе, пассивно-активные, эмоціи (импульсіи) и 2) односторонніе, распадающіеся, въ свою очередь, на: a) односторонне-пассивныя — познавательныя и чувственныя переживанія и b) односторонне-активныя, волевыя переживанія (Введеніе въ изученіе права и нравственности. 2 изд. 1907. Стр. 276—277). Быть можетъ, дѣленіе это и глубже захватываетъ природу психической жизни, чѣмъ обычное тройственное дѣленіе. Но, по существу, оно не противорѣчитъ волюнтаризму, если подъ волей понимать вообще активную сторону нашей психики, хотя бы активные элементы и ассоціировались съ пассивными переживаніями (какъ въ приводимыхъ авторомъ примѣрахъ голода, полового чувства и т. д.).

6) Höffding. Psychologie. 3-е изд. 1901. Стр. 134.

7) Wundt. Logik. Methodenlehre II. Стр. 17.

8) Л. І. Петражицкій протестуетъ противъ распространенія понятія цѣнности за предѣлы чисто экономическихъ явленій и спрашиваетъ, «зачѣмъ портить соотвѣтственную установившуюся терминологію путемъ распространенія имени цѣнности на разныя иныя явленія?» (Введеніе въ изученіе права и нравственности. Стр. 205). На это нужно, прежде всего, отвѣтить, что введеніе понятія цѣнности въ обиходъ философіи принадлежитъ вовсе не новѣйшему времени. Понятіемъ цѣнности въ общефилософскомъ смыслѣ оперируетъ уже Кантъ. (См. его Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Изд. Kirchmann'a. 1887. Стр. 20, 22, 60 и др.). «Въ царствѣ цѣлей, — говоритъ онъ, — все имѣетъ или цѣну или верховное достоинство (Würde). Что имѣетъ цѣну, то можетъ быть замѣнено чѣмъ-либо другимъ, какъ своимъ эквивалентомъ; но что стоитъ выше всякой цѣны и, слѣдовательно, не допускаетъ никакого эквивалента, то обладаетъ верховнымъ достоинствомъ... то, что образуетъ условіе, при которомъ что-либо становится цѣлью въ себѣ, имѣетъ не только относительную цѣнность (relativen Wert), т. е. цѣну, но и внутреннюю цѣнность, т. е. верховное достоинство (einen inneren Wert, d. i. Würde)». И эту верховную цѣнность имѣетъ, по Канту, единственно «нравственность и человѣчество, поскольку оно способно къ таковой». (Тамъ же, стр. 60—61). Идея верховной цѣнности человѣческой личности есть основная идея всей Кантовской этики. Какъ же можно послѣ этого утверждать, что понятіе цѣнности свойственно только экономической наукѣ?

9) Ehrenfels. System der Werttheorie. 1897. Стр. 53.

10) Ср. Менгеръ, Основанія политической экономіи. Перев. подъ редакціей Р. М. Орженцкаго 1903. Стр. 77. Въ этомъ опредѣленіи важно указаніе на то, что въ основѣ хозяйственной цѣнности лежитъ представленіе о зависимости нашего благополучія отъ обладанія предметомъ, какъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ Дитцель (Theoretische Socialökonomik, 220).

11) Proudhon. Système des Contradictions économiques. Глава II.

12) Бруно Гильдебрандъ. Политическая экономія настоящаго и будущаго. Пер. М. Щепкина 1860. Стр. 265 и сл.

13) Максъ Веберъ въ интересной статьѣ „Die Grenznutzenlehre und das psycho-physiche Grundgesetz" высказывается противъ всякаго обоснованія теоріи предѣльной полезности психофизическимъ закономъ. Однако, при всей справедливости многихъ его соображеній, онъ заходитъ въ этомъ направленіи слишкомъ далеко. См. Archiv für Socialwissenschaft, XXVII. Heft II.

14) См. Wieser. Der natürliche Wert. Стр. 6.

15) Не нужно забывать, что во всемъ этомъ разсужденіи мы исходимъ изъ предположенія, что въ нашемъ распоряженіи находится опредѣленное количество предметовъ, которое не можетъ быть нами увеличено путемъ ли производства новыхъ продуктовъ, пріобрѣтенія ихъ посредствомъ обмѣна, или какимъ либо другимъ способомъ.

16) Менгеръ. Тамъ же, стр. 91.

17) Wieser. Ueber den Ursprung des Wertes. Стр. 119.

18) Г. Столяровъ далъ при помощи высшаго математическаго анализа общее доказательство моего тезиса. (См. его брошюру «Аналитическое доказательство предложенной г. М. Туганъ-Барановскимъ политико-экономической формулы: предѣльныя полезности свободно произведенныхъ продуктовъ пропорціональны ихъ трудовымъ стоимостямъ». 1902). Доказательство г. Столярова ведется при помощи дифференціальнаго исчисленія. Но разсматриваемое отношеніе можетъ быть доказано вполнѣ точно и въ общей формѣ безъ всякой математики, одними логическими соображеніями, что и исполнено въ текстѣ.

19) Если бы въ этомъ числовомъ примѣрѣ взять другія цифры, то строгой пропорціональности могло бы не получиться. Объясняется это тѣмъ, что строгая пропорціональность необходимо должна быть лишь въ предѣлѣ—при предположеніи возможности безконечно малаго увеличенія производства каждаго продукта — а въ конкретныхъ случаяхъ должно быть лишь большее или меньшее приближеніе къ этой пропорціональности. Этимъ же объясняется и то, почему въ дѣйствительной жизни въ послѣднюю единицу времени создаются предметы не равной, а различной предѣльной полезности. Напр., въ вышеприведенномъ примѣрѣ съ печкой производство останавливается на первой печкѣ, съ максимальной полезностью, вторая же печка совсѣмъ не производится, такъ какъ она совсѣмъ не нужна. Именно благодаря этому производство останавливается въ послѣднюю единицу времени въ разныхъ отрасляхъ труда на различныхъ ступеняхъ полезности, хотя это и противорѣчитъ принципу наибольшей пользы. Все это нужно имѣть въ виду, чтобы понять условное и чисто абстрактное значеніе установленнаго въ текстѣ принципа тяготѣнія предѣльной полезности къ пропорціональности трудовымъ затратамъ.

20) Wieser. Ueber den Ursprung des Wertes. Стр. 79.

21) Rodbertus. Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände. 1842. Стр. 6—8.

22) „Когда Рошеръ утверждаетъ, что корова и быкъ производятъ теленка и когда Смитъ утверждаетъ, что въ земледѣльческомъ производствѣ работаетъ не только рабочій, но и рабочій скотъ... то эти писатели признаютъ скотъ личностью, ибо только личность активна, дѣятельна... Почему же мы признаемъ личностью только человѣка? быть можетъ потому, что человѣкъ есть единственное разумное существо, вѣнецъ созданія и т. д.? Отнюдь нѣтъ. Это все фантазія. Дѣйствительная причина гораздо проще. Человѣкъ есть личность потому, что мы желаемъ изучать человѣческое хозяйство. Если бы мы хотѣли изучать хозяйство пчелъ, то личностями были бы пчелы, если бы мы хотѣли изучать хозяйство быковъ, то быки были бы личностями. Люди въ обоихъ случаяхъ не были бы личностями" Otto Effertz. Arbeit und Boden 1897. стр. 46—47.

23) „Только блага, стоящія труда, суть хозяйственныя блага„ Rodbertus. Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände. 1842. стр. 6.

24) Милль. Основанія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Островградскаго. Стр. 390.

25) Kant. Kritik der praktischen Verkunft. Рекламовское изд. Стр. 26.

26) Jevons. The Theory of Political Economy. 3-е изд. стр. 164—165.

27) Marshall. Principles of Economics. 1898. стр. 429 и слѣд.

28) Dietzel. Theoretische Socialökonomik. стр. 230 и слѣд.

29) Diehl. David Ricardos Grundgesetze der Volkswirtschaft. Стр. 63 и слѣд. Взгляды Диля критически разобраны мною въ статьѣ «Subjektivismus und Objektivismus in der Wertlehre» (Archiv für Socialwissenschaft. 1907).

30) Das Kapital, III стр. 2. Въ русскомъ переводѣ г. Николая—она это мѣсто переведено такъ: „капиталистическая стоимость (Kost) товара измѣряется затратой капитала, дѣйствительная стоимость товара—затратой труда". (Капиталъ т. III., Спб. 1896. стр. 2). Прибавленіемъ въ скобкахъ нѣмецкаго слова Kost переводчикъ призналъ трудность перевода его, со своей точки зрѣнія, на русскій языкъ. И дѣйствительно, переводя тѣмъ же словомъ „стоимость" два совершенно различныхъ нѣмецкихъ термина Wert и Kost (у Маркса это англицизмъ—по нѣмецки обычно говорятъ не Kost, а Kosten), переводчикъ совершенно исказилъ теорію Маркса—Wert по Марксу никогда не измѣряется затратой капитала. Другіе русскіе переводчики были хитрѣе, но вмѣстѣ и менѣе добросовѣстны, чѣмъ почтенный г. Николай—онъ. Г—нъ—онъ точно перевелъ это мѣсто—и этимъ самымъ обнаружилъ несостоятельность своей терминологіи. Новѣйшіе же переводчики Маркса, понявъ невозможность точнаго перевода этого мѣста, съ точки зрѣнія усвоенной ими терминологіи перваго русскаго перевода Маркса, предпочли вмѣсто перевода дать перефразировку, и оно гласитъ у нихъ такъ: „То, чего стоитъ товаръ капиталистамъ, измѣряется затратой капитала, то, чего товаръ дѣйствительно стоитъ—затратой труда" (Капиталъ т. III. Пер. подъ редакціей В. Базарова и В. Степанова 1907. стр. 2). Итакъ, они признали, что слово „Kost" не

можетъ имѣть на русскомъ языкѣ соотвѣтствующаго существительнаго и замѣнили его глаголомъ „стоитъ". Нонѣсколькими строками выше и эта перефразировка оказалась невозможной и фразу Маркса „so erscheint nothwendig der Kostpreis der Ware für ihn als die wirkliche Kost der Ware selbst" пришлось перевести такъ: „то издержки производства товара для него (капиталиста) представляются дѣйствительной стоимостью товара". Здѣсь опять слово Kost передается тѣмъ же терминомъ „стоимость", что и слово Wert т. е. совершенно искажена теорія цѣнности Маркса—Марксу подсовывается утвержденіе, будто издержки производства совпадаютъ для капиталиста съ цѣнностью. Вотъ къ какимъ трагикомическимъ злоключеніямъ приводитъ неправильная терминологія!

31) Ricardo. The Works. Изд. 1876. Стр. 30.

32) „Богатство народовъ" начинается съ утвержденія, что общественный продуктъ создается общественнымъ трудомъ. Въ другихъ случаяхъ Смитъ говоритъ не только о трудѣ, но о трудѣ и з е м л ѣ, какъ основныхъ источникахъ общественнаго богатства. См. „Богатство народовъ". Пер. Бибикова. Т. I. Стр. 91, 477 и др.

33) Sombart. Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx. Archiv für sociale Gesetsgebung. VII стр. 577.

34) Adolph Wagner. Theoretische Socialökonomik. 1907 стр. 42.

35) Lexis. Production (Handwörterbuch der Staatswissenschaften).

36) Dietzel. Theoretische Socialökonomik, 193.

ГЛАВА IV.

Историческія категоріи простаго товарнаго й капиталическаго хозяйства.

I. Товаръ и мѣновая цѣнность. Характеръ общественнаго сотрудничества въ товарномъ хозяйствѣ. Мѣновая цѣнность и цѣна. II. Фетишизмъ товарнаго хозяйства.—Природа этого явленія. Независимость товарной цѣны отъ воли товарныхъ производителей. Денежный фетишъ. Исчезновеніе товарнаго фетишизма. III. Капиталъ и прибавочная цѣнность.—Капиталъ, какъ логическая и историческая категорія хозяйства. Прибавочная цѣнность. Капиталъ—фетишъ. IV. Разгадка тайны капитала-фетиша.—Различные виды капитала. Производственный капиталъ. Что такое прибавочный продуктъ. Присвоеніе чужаго труда капиталистомъ. Опредѣленіе капиталистическаго хозяйства. Дополнительныя замѣчанія. — Теорія цѣнности Маркса. Что такое цѣнность по Марксу. Абстрактный и конкретный человѣческій трудъ. Цѣнность, какъ историческая категорія товарнаго хозяйства. Что такое цѣна? Соотношеніе между цѣнностью и цѣной. Внутреннее противорѣчіе понятія цѣнности у Маркса. Примиреніе этого противорѣчія признаніемъ самостоятельности категорій цѣнности и стоимости.

I.

По вышеуказаннымъ гносеологическимъ основаніямъ политическая экономія изучаетъ по преимуществу мѣновое хозяйство. Въ мѣновомъ хозяйствѣ отдѣльные хозяева работаютъ другъ на друга, производя продукты, которые поступаютъ въ обмѣнъ. Продуктъ, изготавливаемый для сбыта и достигающій потребителя лишь черезъ посредство обмѣна, называется товаромъ.[1]). Хозяйство, въ которомъ главная масса продуктовъ является товарами, называется товарнымъ хозяйствомъ. Въ товарномъ хозяйствѣ, какъ и въ хозяйствѣ, не знающемъ мѣновыхъ отношеній, одни производители работаютъ на другихъ.

Если мы возьмемъ, напр., первобытную индусскую общину, то мы увидимъ въ ней извѣстное раздѣленіе труда—община сла-

гается не изъ однихъ земледѣльцевъ, но въ составъ ея входитъ также цѣлый рядъ должностныхъ лицъ общины, занятыхъ трудомъ другого рода—напр., кузнецъ, гончаръ, плотникъ, пастухъ и т. д. [2]). Если мы представимъ себѣ соціалистическій строй общественнаго хозяйства, то мы точно также будемъ имѣть передъ собой группы рабочихъ, занятыхъ разнообразнымъ трудомъ и работающихъ другъ на друга. Но въ товарномъ хозяйствѣ связь между отдѣльными производителями устанавливается при посредствѣ обмѣна, почему фактъ общественнаго сотрудничества выступаетъ подъ видомъ купли-продажи продуктовъ труда—товаровъ.

Отношеніе, въ которомъ одинъ товаръ обмѣнивается на другой, опредѣляется мѣновой цѣнностью товара, подъ которой нужно понимать абстрактную возможность получить въ обмѣнъ на данный товаръ опредѣленное количество другихъ товаровъ. Конкретнымъ выраженіемъ мѣновой цѣнности является цѣна товара—опредѣленное количество какого-либо другого товара, требующагося (или дѣйствительно отданнаго) для пріобрѣтенія опредѣленнаго количества даннаго товара. Такъ, напр., мѣновая цѣнность 1 пуда хлѣба есть абстрактная возможность получить за 1 пудъ хлѣба опредѣленное количество ситца, чугуна, серебра, мяса, молока и т. д. Цѣной же пуда хлѣба является, напр., 5 аршинъ ситца (если 5 аршинъ ситца отдано для пріобрѣтенія 1 пуда хлѣба) или 1 пудъ чугуна (если хлѣбъ пріобрѣтенъ въ обмѣнъ на это количество чугуна) и т. д. и т. д. Обычно обозначаютъ цѣну товара въ томъ товарѣ, который является господствующимъ орудіемъ обмѣна—въ деньгахъ. Такимъ образомъ, мы получаемъ обычную формулу—цѣна товара есть денежное выраженіе его цѣнности [3]).

II.

При господствѣ товарнаго хозяйства общественныя отношенія хозяйства, работа однихъ производителей на другихъ, скрываются отношеніями обмѣна, иначе говоря, отношеніями товаровъ. На этой почвѣ возникаетъ то явленіе товарохозяйственнаго строя, которое Марксъ объяснилъ и назвалъ фетишизмомъ товарнаго хозяйства. Фетишизмъ товарнаго хозяйства заключается въ томъ, что при этомъ строѣ въ хозяйствѣ создается обманчивая видимость, будто не люди управляютъ отношеніями товаровъ, а товары управляютъ отношеніями людей. Эта иллюзія настолько сильна, что весь нашъ разговорный языкъ—нерѣдко

и мышленіе экономиста-теоретика—проникнуты ею. Мы постоянно говоримъ о товарѣ, какъ о живомъ существѣ; мы говоримъ, напр., о товарныхъ цѣнахъ, что онѣ растутъ, падаютъ, колеблются—какъ будто ихъ измѣненія суть результатъ дѣйствія какихъ-то внутреннихъ силъ самого товара. И это не только простая неточность терминологіи. Нѣтъ, въ самой природѣ товарной цѣны имѣются такія особенности, которыя неизбѣжно вызываютъ иллюзію независимости товарной цѣны отъ человѣка.

Дѣло въ томъ, что движеніе цѣны товара не зависитъ отъ воли отдѣльнаго товаропроизводчтеля. Цѣна устанавливается на рынкѣ по своимъ особымъ законамъ, совершенно не считаясь съ интересами товаропроизводителей или иныхъ группъ населенія. Нерѣдко бываетъ, что, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, цѣна устанавливается на уровнѣ, крайне невыгодномъ для всей данной группы товаропроизводителей—и все же она не можетъ быть измѣнена ихъ усиліями. Такъ, напр., наблюдающееся у насъ уже много лѣтъ паденіе цѣнъ продуктовъ кустарнаго производства является источникомъ тяжелыхъ лишеній для кустарей. Но ни они, ни какая другая общественная группа или общественная власть не въ силахъ помѣшать этому паденію или хотя бы замедлить его темпъ.

Въ подобныхъ случаяхъ выступаетъ съ полной очевидностью неспособность современнаго общества управлять движеніемъ товарной цѣны. Отсюда и возникаетъ представленіе, что товаръ самъ въ себѣ заключаетъ силы, опредѣляющія его цѣну.

Но, конечно, такое представленіе не что иное, какъ обманчивая иллюзія. Товаръ самъ по себѣ никакой цѣны не имѣетъ. Вещи самой по себѣ такъ же чужда цѣна, какъ чужды божескія свойства сдѣланному дикаремъ деревянному идолу. И если для товаропроизводителя вещь является цѣнностью, а деревянный идолъ для дикаря богомъ, то это лишь потому, что въ средѣ самихъ товаропроизводителей (а отнюдь не вещей) существуютъ отношенія, выражаемыя категоріей цѣнности, а среди дикарей (а не деревянныхъ идоловъ) имѣются условія, заставляющія ихъ обоготворять деревянные чурбаны. Именно это сближеніе одухотворенія товара сознаніемъ товаропроизводителя съ одухотвореніемъ мертвой матеріи дикаремъ и побудило Маркса говорить о ф е т и ш и з м ѣ товарнаго хозяйства.

Цѣна товара складывается на основѣ общественныхъ отношеній товарнаго хозяйства. Но такъ какъ эти отношенія являются результатомъ не сознательнаго, планомѣрнаго регулированія общественнаго хозяйства общественной властью, а стихійнаго и безсознательнаго взаимодѣйствія единичныхъ хозяйствъ, то и фети-

шизмъ товарнаго хозяйства отражаетъ въ себѣ глубочайшую особенность этой системы хозяйства—а именно, независимость товарохозяйственныхъ явленій отъ воли отдѣльныхъ товаропроизводителей и всѣхъ ихъ въ совокупности. При товарномъ хозяйствѣ общество теряетъ власть надъ хозяйственными процессами, происходящими въ немъ самомъ; одухотворяя товаръ, общество совершенно правильно характеризуетъ свою слабость и безпомощность управлять движеніемъ товаровъ. Поэтому товарный фетишизмъ хотя и является иллюзіей, но необходимой иллюзіей товарнаго хозяйства.

Экономическая наука вскрываетъ тайну товара, какъ фетиша, показываетъ иллюзію, которая лежитъ въ его основаніи, но самой иллюзіи убить не можетъ. Такъ, луна на горизонтѣ кажется намъ большаго діаметра, чѣмъ посреди неба. Мы знаемъ, что это иллюзія, не поддаемся обману чувствъ, но все наше знаніе безсильно разсѣять иллюзію и измѣнить обманчивыя зрительныя впечатлѣнія. Подобнымъ образомъ, даже поняпши природу товара, мы продолжаемъ говорить о движеніи товарной цѣны, какъ о самостоятельномъ процессѣ, независимомъ отъ насъ.

Товарный фетишизмъ выступаетъ съ наибольшей ясностью въ господствующемъ товарѣ товарнаго міра—въ деньгахъ. Золотой телецъ кажется истиннымъ владыкой товарнаго міра. Неудивительно, что первые теоретики товарнаго хозяйства — меркантилисты—признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чемъ основана цѣнность денегъ? Это кажется рѣшительной загадкой, но фактъ возможности пріобрѣсть на деньги все, что угодно, стоитъ у всѣхъ передъ глазами. Отсюда вытекаетъ ненасытная жажда денегъ, характеризующая психологію товаропроизводителя. „Загадка денежнаго фетиша есть та же загадка товарнаго фетиша, которая лишь стала вполнѣ видимой и ослѣпляетъ взоръ своимъ металлическимъ блескомъ“ [4]).

Итакъ, товарный фетишизмъ неизбѣженъ, пока сохраняются тѣ формы общественныхъ отношеній, которыя его порождаютъ.

„Общественный процессъ жизни, т.-е. матеріальный процессъ производства, лишь тогда сброситъ съ себя мистическое покрывало, когда онъ, какъ продуктъ свободно соединившихся людей, станетъ подъ ихъ сознательный и планомѣрный контроль. Но для этого требуется такая матеріальная основа общества или такой рядъ матеріальныхъ условій его существованія, которыя, въ свою очередь, являются лишь естественнымъ продуктомъ долгаго и мучительнаго историческаго развитія“ [5]).

III.

Завершеніемъ товарнаго хозяйства является капиталистическое хозяйство. При простомъ товарномъ хозяйствѣ товарами являются разнаго рода хозяйственные предметы. При капиталистическомъ хозяйствѣ товаромъ становится рабочая сила самого человѣка. Характерными категоріями этого хозяйственнаго строя являются категоріи капитала и прибавочной цѣнности.

Понятіе капитала принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ понятій политической экономіи, которыя употребляются въ нѣсколькихъ различныхъ смыслахъ. Въ одномъ смыслѣ подъ капиталомъ понимаютъ нѣкоторую логическую, а въ другомъ—историческую категорію хозяйства. Капиталомъ, въ первомъ смыслѣ, называютъ созданные трудомъ продукты, служащіе для дальнѣйшаго производства. Продукты эти частью цѣликомъ перерабатываются въ каждомъ процессѣ производства, образуя собой то, что называютъ оборотнымъ капиталомъ (напр., поступающій въ обработку сырой матеріалъ, вспомогательные матеріалы, какъ то, топливо, смазочныя масла, краски, и вообще всѣ предметы, которые могутъ быть только однажды использованы въ процессѣ производства), частью снашиваются въ процессѣ производства лишь по частямъ, въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ актовъ производства и образуютъ въ этомъ случаѣ такъ назыв. основной капиталъ (постройки, машины, инструменты, рабочій скотъ и т. п. предметы, полезность которыхъ не уничтожается цѣликомъ въ одномъ актѣ производства).

Какъ историческая категорія хозяйства капиталъ характеризуетъ собой лишь опредѣленныя исторически преходящія системы хозяйства. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о капиталистическомъ и некапиталистическомъ хозяйствѣ, хотя и въ томъ и въ другомъ хозяйственный трудъ невозможенъ безъ орудій труда, иначе говоря, безъ капитала въ смыслѣ логической категоріи хозяйства.

Что же такое капиталъ, какъ характерная категорія исторически преходящаго капиталистическаго хозяйства?

Въ простомъ товарномъ хозяйствѣ продукты обмѣниваются другъ на друга, но мѣновая цѣнность ихъ отнюдь не возвышается въ процессѣ этого обмѣна. Капиталомъ же (въ смыслѣ исторической категоріи хозяйства) продуктъ становится тогда, когда онъ пріобрѣтаетъ способность какъ бы самостоятельно создавать новую цѣнность. Иными словами, капиталомъ въ этомъ смыслѣ

является продуктъ, цѣнность котораго въ силу извѣстныхъ общественныхъ отношеній пріобрѣтаетъ способность къ самовозрастанію. Эта вновь возникающая добавочная цѣнность названа Марксомъ прибавочной цѣнностью (Mehrwert), по отношенію къ которой основная цѣнность, порождающая эту цѣнность, и является капиталомъ.

Существованіе такой прибавочной цѣнности наиболѣе очевидно выступаетъ въ ссудномъ процентѣ, въ процентѣ, который должникъ платитъ своему кредитору. Кредиторъ бросаетъ въ обращеніе извѣстную сумму денегъ—и она не только возвращается черезъ нѣкоторое время къ нему обратно, но еще въ возросшемъ видѣ, съ добавленіемъ процента.

Откуда же берется этотъ процентъ? Не порождаетъ ли его самъ капиталъ, какъ курица несетъ яйца или какъ яблоки растутъ на яблонѣ?

Какъ цѣнность кажется естественнымъ свойствомъ денежнаго металла, такъ и способность создавать процентъ кажется свойствомъ ссуднаго капитала. Мистическая оболочка совершенно скрываетъ въ ссудномъ капиталѣ его общественное содержаніе. Ослѣпленные чудесной способностью ссуднаго капитала порождать процентъ, экономисты доходили иногда въ своихъ разсчетахъ самовозрастающей силы капитала до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Достаточно указать, напр., на экономиста XVIII вѣка Ричарда Прайса, утверждавшаго, что стоитъ положить на продолжительный срокъ ничтожный капиталъ для возрастанія по сложнымъ процентамъ, и капиталъ достигнетъ чудовищныхъ размѣровъ. „Пенни, выданный въ ссуду при рожденіи Спасителя и возрастающій по сложнымъ процентамъ изъ 5%,—разсуждаетъ Прайсъ,—превратился бы къ настоящему времени въ сумму денегъ, превосходящую по своимъ размѣрамъ 150 милліоновъ земныхъ шаровъ, состоящихъ изъ чистаго золота“ [6]). На этихъ соображеніяхъ Прайсъ построилъ свой планъ погашенія государственнаго долга Англіи. Нужно только предоставить полный просторъ самовозрастающей силѣ капитала—и труднѣйшіе финансовые вопросы будутъ разрѣшены шутя.

Капиталъ-фетишъ, капиталъ, несущій золотыя яйца, рождающій самъ изъ себя процентъ, находитъ свое наиболѣе яркое и наглядное выраженіе въ ссудномъ капиталѣ. Но чтобы понять тайну процента, чтобы разгадать капиталистическій миражъ, нужно обратиться къ другимъ формамъ капитала.

IV.

Ссудный или ростовщическій капиталъ является исторически одной изъ самыхъ старинныхъ формъ капитала. Такъ же древенъ или даже еще древнѣе торговый капиталъ. И торговецъ, какъ и ростовщикъ, получаетъ прибавочную цѣнность—цѣнность его капитала какимъ-то образомъ увеличивается. Однако, пока капиталъ является лишь въ видѣ торговаго или ростовщическаго капитала, до тѣхъ поръ онъ не играетъ господствующей роли въ общественномъ хозяйствѣ, все общественное хозяйство не является капиталистическимъ. И только, когда капиталистическія отношенія охватываютъ собой и сферу производства продуктовъ, когда капиталъ выступаетъ въ видѣ производственнаго капитала, мы имѣемъ передъ собой капиталистическую систему хозяйства.

Въ этомъ случаѣ капиталъ является въ видѣ опредѣленной суммы продуктовъ—средствъ производства и предметовъ потребленія рабочихъ,—принадлежащихъ лицу, руководящему процессомъ производства, капиталисту. Продукты эти, будучи затрачены на производство, превращаются въ новые продукты, цѣнность которыхъ превышаетъ цѣнность затраты. Такимъ образомъ возникаетъ доходъ капиталиста, руководящаго производствомъ, и доходъ этотъ является такой же прибавочной цѣнностью, какъ и доходъ ростовщика или торговца.

Откуда же берется прибавочная цѣнность, поступающая въ распоряженіе капиталиста? Отвѣтъ не труденъ. Прибавочная цѣнность есть извѣстная часть цѣнности продукта, продуктъ же, какъ было выяснено въ предыдущей главѣ, производится только трудомъ человѣка—и больше ничѣмъ, ибо орудія труда, равно какъ и матеріалы, поступающіе въ обработку, являются лишь пассивными матеріальными условіями труда, а отнюдь не самостоятельными активными дѣятелями производства. Слѣдовательно, и прибавочный продуктъ—иначе говоря, та часть продукта, цѣнность которой образуетъ прибавочную цѣнность—создается чьимъ либо трудомъ. Чьимъ же трудомъ? Самъ капиталистъ не принимаетъ участія въ трудѣ производства; значитъ, прибавочный продуктъ создается трудомъ рабочаго, занятаго въ производствѣ. Слѣдовательно, полученіе прибавочной цѣнности капиталистомъ есть не что иное, какъ присвоеніе имъ продукта чужого труда.

Но для возможности присвоенія капиталистомъ продуктовъ

чужого труда требуется, чтобы работающій человѣкъ былъ поставленъ въ необходимость уступать капиталисту свой прибавочный продуктъ. Съ другой стороны, для наличности капиталистическаго производства требуется также и то, чтобы это присвоеніе продуктовъ чужого труда выступало не въ голомъ видѣ—какъ напр. присвоеніе продуктовъ рабскаго труда рабовладѣльцемъ или труда крѣпостного помѣщикомъ,—но подъ вещной маской, подъ маской капитала, который какъ бы самъ создаетъ свою прибавочную цѣнность. Пока рабочій не свободенъ, пока онъ является собственностью другого лица, до тѣхъ поръ прибавочная цѣнность, получаемая хозяиномъ рабочаго, не имѣетъ внѣшней видимости продукта капитала. Отсюда слѣдуетъ, что капиталистическое производство появляется при наличности двухъ условій—1) личной свободы рабочаго, благодаря чему онъ можетъ продавать свою рабочую силу владѣльцу капитала, и 2) отсутствія у рабочаго средствъ производства, что дѣлаетъ такую продажу для рабочаго условіемъ существованія.

Въ противоположность рабовладѣльцу или феодалу капиталистъ юридически совершенно равноправенъ рабочему. Рабочій отнюдь не обязанъ работать въ пользу капиталиста. На рабочемъ рынкѣ рабочій и капиталистъ встрѣчаются, какъ два юридически равноправныхъ контрагента, и рабочій такъ же свободно продаетъ свой товаръ—рабочую силу,—какъ и всякій другой товаровладѣлецъ. Но за этой юридической равноправностью скрывается экономическое неравенство владѣльца средствъ производства—капиталиста—и не имѣющаго таковыхъ—рабочаго. За юридической свободой рабочаго продавать, что ему угодно, скрывается экономическая необходимость для рабочаго продавать себя капиталисту.

Капиталистическое хозяйство есть, слѣдовательно, *такое хозяйство, при которомъ общественное отношеніе присвоенія одними членами общества прибавочнаго продукта, созданнаго трудомъ другихъ членовъ общества, скрывается подъ вещной товарной маской созданія прибавочной цѣнности капиталомъ*. Присвоеніе продукта чужого труда является скрытой основой всякаго капиталистическаго дохода—будетъ ли этотъ доходъ выступать въ видѣ ссуднаго процента (какъ при ростовщическомъ капиталѣ), въ видѣ торговой прибыли (какъ при торговомъ капиталѣ) или въ видѣ промышленной прибыли (какъ при производственномъ капиталѣ).

При простомъ товарномъ хозяйствѣ товаръ, вещь, продуктъ

человѣка, какъ бы одухотворяется и начинаетъ жить самостоятельной жизнью. При капиталистическомъ хозяйствѣ обмѣнъ ролями между человѣкомъ и вещью идетъ еще дальше: не только вещь освобождается изъ подъ власти человѣка, но и работающій человѣкъ обращается въ простой товаръ, въ вещь, въ одушевленное средство производства въ рукахъ капиталиста. Вещь, мертвый капиталъ, окончательно торжествуетъ надъ человѣкомъ, деградируя его до роли своего слуги.

Среди различныхъ теорій цѣнности особаго вниманія заслуживаетъ теорія Маркса. Особенностью этой теоріи, отличающей ее отъ всѣхъ другихъ теорій цѣнности, является то, что въ основу ея положено рѣзкое противопоставленіе понятія цѣнности и цѣны.

Величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно необходимаго труда или общественно необходимаго для ея производства рабочаго времени, говоритъ Марксъ. «Общественно же необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или иной полезной вещи... Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества труда, или которые могутъ быть произведены въ одинаковые промежутки рабочаго времени, имѣютъ, поэтому, одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени» [7]). Итакъ, цѣнность товара—это застывшее въ немъ рабочее время. Человѣческій трудъ есть не главнѣйшій изъ факторовъ, вліяющихъ на высоту цѣнности, какъ училъ Рикардо, нѣтъ, трудъ образуетъ собой самое существо, самую субстанцію цѣнности.

Но вѣдь конкретный человѣческій трудъ такъ же различенъ, какъ различны и продукты труда. Трудъ сапожника, въ своей конкретной формѣ, есть нѣчто иное, чѣмъ трудъ земледѣльца. Различные конкретные виды труда столь же несоизмѣримы между собой, какъ и продукты труда въ своей потребительной формѣ. Всѣ разнообразные виды труда становятся, однако, вполнѣ соизмѣримыми другъ съ другомъ, если мы отвлекаемся отъ ихъ конкретной формы и разсматриваемъ ихъ, какъ простое выраженіе абстрактнаго человѣческаго труда, какъ затрату человѣческой рабочей силы вообще.

Сложный, искусный трудъ, требующій обученія со стороны рабочаго, содержитъ въ себѣ, какъ бы въ сжатомъ видѣ, умноженное количество простого труда. Въ этомъ смыслѣ всѣ виды труда соизмѣримы между собой и могутъ быть выражены въ однѣхъ и тѣхъ же единицахъ человѣческаго труда въ его абстрактной формѣ. Именно этотъ абстрактный человѣческій трудъ, освобожденный отъ конкретныхъ формъ своего обнаруженія, и образуетъ субстанцію цѣнности.

Итакъ, цѣнность—это кристаллизованный въ товарѣ человѣческій трудъ. Понятно, что, съ точки зрѣнія Маркса, ничего не могло быть нелѣпѣе вопроса о томъ, какое участіе принимаетъ природа въ созданіи цѣнности. «Такъ какъ мѣновая цѣнность есть только опредѣленный общественный способъ выражать потраченный на какую-нибудь вещь трудъ, то въ мѣновой цѣнности можетъ содержаться столько же даннаго самой природой вещества, сколько, напр., въ вексельномъкурсѣ» [8].

Но цѣнность есть не просто человѣческій трудъ. Хозяйственный трудъ есть необходимая основа хозяйства, независимо отъ исторической формы его. Цѣнность же есть историческая, преходящая экономическая категорія, свойственная только опредѣленной исторической формѣ хозяйства—товарному хозяйству.

Экономическая категорія цѣнности предполагаетъ два момента: 1) затрату человѣческаго труда на производство даннаго хозяйственнаго продукта и 2) выраженіе этой затраты не непосредственно въ рабочемъ времени, а посредственно, въ другомъ трудовомъ продуктѣ, обмѣниваемомъ на данный трудовой продуктъ. Представимъ себѣ, напр., что общество слагается не изъ товаропроизводителей, обмѣнивающихся продуктами своего или чужого труда, а образуетъ собой соціалистическую общину, владѣющую сообща средствами производства и всѣми предметами своего потребленія. Въ такомъ обществѣ «количество труда, заключеннаго въ продуктѣ, вовсе не потребовало бы для своего опредѣленія окольнаго пути (обмѣна); ежедневный опытъ непосредственно указывалъ бы такому обществу, сколько труда заключено въ продуктѣ. Общество могло бы просто вычислить, сколько рабочихъ часовъ стоила данная паровая машина, гектолитръ пшеницы, сто квадратныхъ метровъ сукна. Никому не могло бы придти въ голову выражать непосредственно извѣстное количество труда, заключенное въ продуктѣ, въ относительномъ, колеблющемся и недостаточномъ мѣрилѣ,—въ другомъ продуктѣ, а не въ естественномъ, адэкватномъ, и абсолютномъ мѣрилѣ труда—времени... Правда, обществу было бы необходимо знать, сколько труда требуется для производства того или иного предмета потребленія. Оно должно было бы установить общій планъ производства, принимая въ соображеніе полезность разныхъ нужныхъ предметовъ и потребное для ихъ производства количество труда. Но люди могли бы достигнуть всего этого очень просто безъ посредства знаменитой цѣнности. Понятіе цѣнности есть, такимъ образомъ, самое общее и всеобъемлющее выраженіе экономическихъ условій товарнаго производства» [9].

Итакъ, обмѣнъ продуктовъ труда есть необходимое условіе для возникновенія экономической категоріи цѣнности. Теперь намъ ясно, чѣмъ отличается категорія цѣнности отъ категоріи трудовой затраты. Трудовая затрата есть фактъ всеобщій, не связанный съ историческими особенностями данной формы хозяйства; цѣнность же есть историческій фактъ. Для превращенія трудовой затраты въ цѣнность требуется, чтобы устройство общества не давало возможности людямъ выражать трудовую затрату иначе, какъ окольнымъ путемъ, сравненіемъ одного трудового продукта съ другимъ трудовымъ продуктомъ.

Возьмемъ, напр., натуральное хозяйство, потребляющее свои собственные продукты; въ этомъ случаѣ всякій хозяинъ непосредственно знаетъ, сколько труда онъ потратилъ на изготовленіе потребляемаго имъ

продукта. То же слѣдуетъ сказать и о соціалистической общинѣ, сообща владѣющей средствами производства. Но въ товарномъ хозяйствѣ производитель потребляетъ продуктъ не своего, а чужого труда, и потому не можетъ непосредственно знать, сколько труда заключено въ этомъ продуктѣ. Трудовая затрата остается, однако, по прежнему, основаніемъ всякаго хозяйства. Но выражается она въ товарномъ хозяйствѣ не прямо, въ приравниваніи одного количества труда другому количеству труда, а косвенно, въ приравниваніи одного трудового продукта другому трудовому продукту, въ объективированіи труда въ ц ѣ н н о с т и товара. Поэтому, хотя субстанцію цѣнности образуетъ человѣческій трудъ, но онъ становится цѣнностью лишь тогда, когда застываетъ въ вещной формѣ товара. «Человѣческій трудъ, правда, образуетъ цѣнность, но не является самъ цѣнностью. Онъ становится цѣнностью лишь въ застывшемъ состояніи, въ вещной формѣ» [10]).

Итакъ, вотъ что такое цѣнность. Что же такое цѣна? Въ одномъ мѣстѣ I тома „Капитала" Марксъ опредѣляетъ цѣну, какъ денежное выраженіе цѣнности [11]), т. е. принимаетъ обычный взглядъ на соотношеніе цѣнности и цѣны. Однако, во всемъ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи и, въ особенности, въ III томѣ „Капитала" Марксъ стоитъ на почвѣ совершенно иного пониманія цѣны.

Такъ, уже въ I томѣ „Капитала" Марксъ указываетъ на то, что предметы могутъ имѣть цѣну, не имѣя цѣнности — напр. земля, дѣвственный лѣсъ. Такія цѣны Марксъ называетъ „мнимыми", „ирраціональными", такъ какъ имъ не соотвѣтствуетъ никакой цѣнности. Въ III томѣ „Капитала" Марксъ подробно развиваетъ свою теорію цѣны, которая во всѣхъ существенныхъ пунктахъ сходится съ теоріей цѣны Рикардо и его школы. Центральное мѣсто этой теоріи занимаетъ тезисъ, что среднія цѣны товаровъ (называемыя Марксомъ „цѣнами производства" — Produktionspreise) регулируются не трудовыми затратами, а затратами капитала, издержками производства (роль издержекъ производства при установленіи цѣны будетъ разъяснена ниже, въ главѣ о цѣнѣ). Теорія Рикардо, согласно которой трудовая затрата есть лишь важнѣйшій, но отнюдь не единственный объективный факторъ цѣны, вполнѣ принимается и Марксомъ.

Итакъ, цѣнность есть не что иное, какъ трудъ, застывшій въ товарѣ, а цѣна опредѣляется и другими моментами, кромѣ труда. Цѣнность и цѣна составляютъ, слѣдовательно, съ точки зрѣнія Маркса, категоріи совершенно различнаго порядка — цѣна н е е с т ь конкретное выраженіе абстрактнаго понятія цѣнности. Въ этомъ и заключается указанная выше особенность теоріи цѣнности Маркса — полное раздѣленіе понятій цѣнности и цѣны, которыя всѣми другими экономистами понимаются, какъ тѣсно связанныя между собой.

Именно поэтому обычная критика теоріи цѣнности Маркса, состоящая въ указаніи на несоотвѣтствіе товарныхъ цѣнъ трудовымъ затратамъ, бьетъ мимо цѣли. Марксъ вовсе не утверждаетъ, что среднія цѣны товаровъ пропорціональны трудовымъ затратамъ или хотя бы тяготѣютъ къ такой пропорціональности. И потому никакого противорѣчія его трудовой теоріи ц ѣ н н о с т и нельзя усмотрѣть въ томъ, что ц ѣ н ы часто не соотвѣтствуютъ трудовымъ затратамъ.

Доказать несостоятельность теоріи цѣнности Маркса можно лишь обнаруживши внутреннюю противорѣчивость или безсодержательность

конструированнаго имъ понятія мѣновой цѣнности, независимой отъ цѣны. И дѣйствительно, построивши двѣ независимыхъ и несогласованныхъ другъ съ другомъ теоріи мѣновой цѣнности и цѣны, Марксъ очутился передъ губительной для него дилеммой. Что нибудь изъ двухъ—или товарныя цѣны опредѣляются тѣми же факторами, которыми опредѣляется и мѣновая цѣнность—и въ такомъ случаѣ субстанціей мѣновой цѣнности не можетъ быть трудъ, ибо трудъ не есть субстанція цѣны. Или же товарныя цѣны опредѣляются другими факторами, чѣмъ мѣновая цѣнность—и въ такомъ случаѣ понятіе мѣновой цѣнности теряетъ всякое опредѣленное содержаніе, такъ какъ мѣновую цѣнность нельзя мыслить иначе, какъ основаніе цѣны.

Въ первомъ случаѣ, ученіе о цѣнности Маркса оказывается невѣрнымъ; во второмъ случаѣ, оно утрачиваетъ какое бы то ни было соотношеніе съ реальными фактами товарнаго обмѣна, оно становится безсодержательнымъ. Въ обоихъ случаяхъ оно оказывается непригоднымъ въ качествѣ орудія научнаго изслѣдованія. Марксъ смутно понималъ это и его постоянныя противорѣчія объясняются невозможностью найти удовлетворительный для его системы выходъ изъ этой дилеммы. Во всѣхъ трехъ томахъ „Капитала" Марксъ колеблется между двумя взаимно исключающими точками зрѣнія—между признаніемъ и отрицаніемъ свойства труда опредѣлять товарныя цѣны. Смотря по потребностямъ аргументаціи, онъ становится то на первую, то на вторую точку зрѣнія. Въ I-мъ томѣ „Капитала" онъ представляетъ дѣло, по большей части, такимъ образомъ, какъ будто бы цѣны непосредственно управлялись трудовыми затратами; въ III-мъ томѣ, гдѣ дѣло идетъ объ образованіи товарныхъ цѣнъ, онъ это отрицаетъ. Такимъ образомъ, можетъ казаться, что ученіе о цѣнности III-го тома находится въ противорѣчіи съ таковымъ же ученіемъ I-го тома; на самомъ же дѣлѣ противорѣчіе заложено глубже—въ самомъ понятіи трудовой мѣновой цѣнности, которая не опредѣляетъ товарныхъ цѣнъ и все же находитъ себѣ выраженіе въ мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ.

Все это придаетъ печать фантастичности многимъ экономическимъ построеніямъ „Капитала". Категорически заявляя, что цѣны не тяготѣютъ къ трудовымъ затратамъ, Марксъ съ неутомимымъ усердіемъ нанизываетъ одну формулу на другую, вводитъ новыя и новыя усложненія въ свою систему, строитъ одну запутанную теорему на другой, дѣлаетъ все болѣе темной свою хитроумную и крайне искусственную теоретическую конструкцію, въ основѣ которой лежитъ молчаливое допущеніе, что... цѣны тяготѣютъ къ трудовымъ затратамъ! Весь II томъ „Капитала" (кромѣ III отдѣла) представляетъ собой удивительнѣйшій образчикъ экономической схоластики, въ которой чисто словесныя построенія разрастаются до чудовищныхъ размѣровъ; понятіе трудовой цѣнности переворачиваются Марксомъ на всѣ лады, изъ него извлекаются самые замысловатые выводы, а изслѣдованіе объективныхъ фактовъ не подвигается ни на шагъ. Мысль вращается все время въ кругу понятій, заключающихъ въ себѣ внутреннія противорѣчія.

Въ концѣ концовъ, противорѣчивое понятіе трудовой цѣнности, которая выражается какимъ-то образомъ въ мѣновыхъ отношеніяхъ и потому является мѣновой цѣнностью и въ то же время не совпадаетъ сосредней цѣной понадобилось Марксу лишь потому, что онъ хотѣлъ

обнять однимъ общимъ понятіемъ два различныхъ и въ извѣстномъ смыслѣ противоположныхъ экономическихъ понятія—цѣнности и стоимости. Въ предшествующей главѣ указано, какимъ образомъ можно строго разграничить оба эти понятія. Трудовая цѣнность Маркса, несовпадающая со средней цѣной, въ сущности есть не что иное, какъ трудовая стоимость. Но ошибка Маркса была не терминологическаго свойства. Марксъ не только называлъ общественно-необходимый трудъ производства мѣновой ц ѣ н н о с т ь ю товара, но и постоянно стремился свести мѣновыя отношенія товаровъ къ труду. Только признавши, что трудовая затрата имѣетъ свое самостоятельное значеніе въ ряду экономическихъ категорій, независимо отъ того, чѣмъ опредѣляются мѣновыя отношенія, иначе говоря, цѣны товаровъ, мы дѣлаемъ неуязвимой трудовую точку зрѣнія въ экономической наукѣ. Только совершенно разорвавши понятія цѣнности и стоимости, мы можемъ построить логически правильную и согласующуюся съ фактами теорію цѣнности и стоимости. Сферой цѣнности являются мѣновыя отношенія товаровъ; въ цѣнности (понимая подъ цѣнностью абстрактную основу цѣны) объективируются не только трудовыя затраты, но и всѣ многообразныя отношенія власти и зависимости, которымъ подчиняется мѣновой актъ. Стоя на точкѣ зрѣнія теоріи цѣнности, развитой въ предыдущей главѣ, мы скажемъ, что земля имѣетъ цѣнность, какъ и предметы человѣческаго труда и что цѣна земли, вопреки утвержденію Маркса, отнюдь не представляетъ собой чего-то „минмаго" или „ирраціональнаго". Цѣна земли есть такое же реальное и закономѣрное экономическое явленіе, какъ и цѣна любого продукта человѣческаго труда, хотя въ цѣнѣ земли объективируется не трудовая затрата, а иныя экономическія отношенія. Напротивъ, сферой трудовой стоимости является міръ непосредственнаго производства, гдѣ рабочій противостоитъ природѣ и гдѣ на фонѣ борьбы человѣка съ природой возникаютъ многообразныя соціальныя отношенія между рабочими и владѣльцами средствъ производства. А такъ какъ главной задачей Маркса было вскрыть соціальныя отношенія, лежащія въ основѣ капиталистическаго хозяйства, сорвать съ нихъ вещную маску, то вполнѣ понятно, что Марксъ избралъ исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія категорію трудовой затраты. Ошибка Маркса заключалась лишь въ томъ, что онъ не понялъ самостоятельнаго значенія этой категоріи и пытался связать ее съ теоріей цѣны, почему и назвалъ трудовую затрату цѣнностью, а не стоимостью. Развитая въ этой книгѣ теорія стоимости и цѣнности, какъ двухъ независимыхъ категорій, даетъ возможность сохранить соціальное содержаніе теоріи цѣнности Маркса, отбросивъ въ то же время тѣ неправильные экономическіе выводы, къ которымъ Марксъ былъ приведенъ неправильнымъ отождествленіемъ цѣнности и стоимости.

И самъ Марксъ и его послѣдователи думали, что созданная имъ трудовая теорія цѣнности лишена этическихъ элементовъ. Однако, какъ правильно замѣчаетъ Дитцель, Марксъ однажды вполнѣ ясно обнаружилъ этическую основу своей теоріи. Это именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что нежеланіе Аристотеля признать трудъ субстанціей цѣнности объяснялось строемъ греческаго общества „основой котораго было неравенство людей" [12]). Иными словами, идея равноцѣнности человѣческой личности и для Маркса была этической предпосылкой для

возможности расцѣнки предметовъ хозяйства по затраченному на ихъ производство общественно-необходимому труду производства.

ЛИТЕРАТУРА.

Экономическое ученіе Маркса. Марксъ. Капиталъ I—III томы Нѣсколько русскихъ переводовъ. Его же: „Lohnarbeit und Kapital" (русск. перев.). Его же: Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Пер. подъ редакціей А. Мануилова. 1896. F. Engels. Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft (1-е изд. 1878. Есть русск. пер.). Kautsky. Karl Marx ökonomische Lehren. 8-е изд. 1903. (нѣсколько русск. перев.) H. Deutsch. Qualifizierte Arbeit und Kapitalismus. 1904.

Критика экономическаго ученія Маркса. G. Adler. Die Grundlagen der Marx'schen Kritik der bestehenden Volkwirtschaft 1887. E. Bernstein. Die Voraussetsungen des Socialismus. (1 изд. 1899; нѣсколько русскихъ переводовъ). Бемъ-Баверкъ. Капиталъ и прибыль. Т. I Перев. подъ ред. Туганъ-Барановскаго. 1908. Его же: Теорія Маркса и ея критика. Перев. подъ ред. П. И. Георгіевскаго. 1897. W. Sombart. Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx (Archiv für sociale Gesetzgebung VII. 1894). A. Wenckstern. Marx. 1896. Слонимскій. Экономическое ученіе Карла Маркса. 1898. С. Франкъ. Теорія цѣнности Маркса. 1900. С. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса 1901. М. Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. 4-е изд. 1907. Его же. Теоретическія основы марксизма. 3-е изд. 1907. L. V. Bortkiewicz. Wertrechnung und Preisrechnung im Marx'schen System. Archiv für Socialwissenschaft. 1907 Его-же. Zur Berichtigung der grundlegenden theoretishen Konstruktion von Marx. Jahrbücher f. Nationalökonomie III F. B. 34 III Heft.

Возраженія на критику марксизма. Kautsky. Bernstein und das socialdemokratische Programm. 1900. R. Hilferding. Böhm-Bawerks Marx-Kritik. Marx-Studien. I. 1904 Н. Бельтовъ. Критика нашихъ критиковъ. 1906. Л. Б. Будинъ. Теоретическая система Карла Маркса въ свѣтѣ новѣйшей критики. Пер. съ англійскаго, подъ редакціей В. И. Засуличъ. 1908.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ IV.

1) Бюхеръ понимаетъ подъ товаромъ не всякій продуктъ, поступающій въ обмѣнъ, но лишь такой, который перепродается торговымъ посредникомъ. Ср. его «Возникновеніе народнаго хозяйства». Вып. I. Стр. 82. Поэтому съ точки зрѣнія Бюхера продуктъ, продаваемый ремесленникомъ потребителю, не есть товаръ, ибо продуктъ не проходитъ въ данномъ случаѣ черезъ каналы торговли. Въ текстѣ я слѣдую пониманію товара, данному Марксомъ. «Чтобы стать товаромъ—читаемъ въ «Капиталѣ»—продуктъ долженъ быть путемъ обмѣна переданъ тому лицу, для котораго онъ является потребительной цѣнностью» (Капиталъ. Т. I. Перев. подъ ред. П. Струве. Стр. 6).

2) По словамъ Н. Зибера, у нѣкоторыхъ индусскихъ общинъ было по нѣскольку десятковъ должностныхъ лицъ разнаго рода. См. его «Очерки первобытной экономической культуры». Изд. 2. 1899. Стр. 540—541.

3) Ср. предисловіе П. Струве къ русскому переводу I тома «Капитала» Маркса. О различныхъ смыслахъ терминовъ «цѣнность» и «цѣна» см. Fr. Neumann. Wirtschaftliche Grundbegriffe (Schönberg. Handbuch der Politischen Oekonomie. 4 изд. 1896). Нейманъ даетъ иное опредѣленіе понятія цѣны, чѣмъ то, которое приводится въ текстѣ. Къ сказанному въ текстѣ можно прибавить, что, говоря о *цѣнности* товара, мы обыкновенно разсматриваемъ данный товаръ, какъ средство пріобрѣтенія другого товара, а говоря о *цѣнѣ* товара, имѣемъ въ виду другой товаръ, требующійся для пріобрѣтенія перваго. Мы говоримъ о *цѣнности* продаваемой земли и о *цѣнѣ*, уплоченной за купленную землю. (Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ «цѣною жизни онъ пріобрѣлъ себѣ славу»). Иными словами, говоря о *цѣнности*, мы становимся на точку зрѣнія продавца, говоря о *цѣнѣ*—на точку зрѣнія покупателя.

4) Марксъ. Капиталъ. I. Стр. 53.

5) Тамъ же. Стр. 41.

6) Marx. Das Kapital. III¹, 381.

7) Марксъ. Капиталъ. Т. I, 5.

8) Тамъ же, 44.

9) Engels. Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. 3 изд. 1894. Стр. 335—336.

10) Марксъ. Капиталъ. I. Стр. 16.

11) «Цѣна есть денежное названіе овеществленнаго въ товарѣ труда». Капиталъ. I, 60.

12) «Что въ формѣ цѣнности товаровъ всякіе виды труда выражаются, какъ одинаковый и потому равноцѣнный человѣческій трудъ, этого Аристотель не могъ усмотрѣть изъ самой формы цѣнности, такъ какъ греческое общество покоилось на рабскомъ трудѣ, а потому естественнымъ основаніемъ его было неравенство людей и ихъ рабочей силы». Капиталъ. I. Стр. 24.

ГЛАВА V.

Развитіе народнаго хозяйства.

I. Различныя попытки установить законъ хозяйственнаго развитія. Возможенъ ли единый законъ хозяйственнаго развитія? Классификація ступеней народнаго хозяйства по роду производимыхъ продуктовъ. Предшествуетъ ли скотоводство земледѣлію? Классификація ступеней народнаго хозяйства Бруно Гильдебранда. II. Бюхеровская схема развитія народнаго хозяйства. Замкнутое хозяйство. Большая семья. Рабство. Городское хозяйство. Обмѣнъ продуктовъ города и деревни. Народное хозяйство. Критическая оцѣнка схемы Бюхера. Устраненіе торговаго посредничества благодаря ассоціаціямъ капитала и потребителей. III. Классификація хозяйственныхъ системъ. Гармоническія и антагонистическія хозяйственныя системы. Первобытный коммунизмъ. Хозяйство мелкихъ товаропроизводителей. Соціалистическое хозяйство. Рабское хозяйство. Крѣпостное хозяйство. Капиталистическое хозяйство. IV. Хозяйственное развитіе Россіи. Отсутствіе въ Россіи западно-европейскаго города. Роль торговаго посредника. Устойчивость принудительнаго труда. Эволюція крѣпостного права. Барщина и оброкъ. Отношеніе къ крѣпостному праву различныхъ классовъ населенія. Причины паденія крѣпостного права. Дополнительныя замѣчанія. Споры въ русской литературѣ объ экономическомъ развитіи Россіи и о причинахъ паденія крѣпостного права.

I.

Капиталистическое хозяйство явилось результатомъ многовѣковаго историческаго развитія и притомъ развитія, далеко не носившаго одинъ и тотъ же характеръ у различныхъ народовъ. Историки долгое время пытались найти единый и обязательный въ равной мѣрѣ для всѣхъ народовъ законъ историческаго развитія. Попытки этого рода находили, повидимому, извѣстную опору въ томъ, что въ развитіи организмовъ, несомнѣнно, наблюдается правильная и неизмѣнная послѣдовательность—одни и тѣ же фазисы развитія повторяются съ совершенной одинаковостью въ развитіи каждаго организма того же вида. Ни одна бабочка не можетъ достигнуть зрѣлаго состоянія, минуя стадіи гусеницы и куколки, ни

одна лягушка не можетъ миновать стадіи головастика и т. д. Можно было думать, что нѣчто подобное имѣетъ мѣсто и по отношенію къ человѣческому обществу — каждое человѣческое общество, каковы бы ни были естественныя и соціальныя особенности его жизненной обстановки, должно пройти черезъ одни и тѣ же фазисы развитія и каждый послѣдующій фазисъ развитія можетъ быть достигнутъ человѣческимъ обществомъ лишь послѣ прохожденія имъ однихъ и тѣхъ же предшествующихъ фазисовъ развитія.

Открытіе такого единаго закона историческаго развитія человѣческаго общества было мечтой многихъ историковъ и соціологовъ. Однако, до сихъ поръ попытки такого рода не приводили къ положительнымъ результатамъ. A priori можно было бы признать возможнымъ, что и человѣческія общества, подобно отдѣльнымъ организмамъ, проходятъ одинъ и тотъ же кругъ развитія. Но такое предположеніе мало вѣроятно — или даже совсѣмъ невѣроятно — въ виду глубокихъ отличій человѣческаго общества отъ недѣлимаго. Уже одно то обстоятельство, что въ развитіи общества по мѣрѣ поступательнаго хода исторіи все возрастающее значеніе пріобрѣтаетъ элементъ сознательнаго предвидѣнія, уменьшаетъ обязательность повтореній каждымъ народомъ одного и того же круга развитія. Примѣръ болѣе раннихъ народовъ можетъ служить поученіемъ для болѣе позднихъ.

Но и помимо этого, самый характеръ коллективнаго цѣлаго, представляемаго человѣческимъ обществомъ, такого рода, что повтореніе однихъ и тѣхъ же фазисовъ развитія различными народами является мало вѣроятнымъ. Дѣло въ томъ, что человѣческое общество представляетъ собой аггрегатъ въ высшей степени пластичный и приспособляющійся къ внѣшнимъ условіямъ жизни. Недѣлимое можетъ существовать лишь въ строго опредѣленныхъ, какъ бы застывшихъ въ каждый данный моментъ формахъ, представляющихъ собой нѣчто неизмѣнно данное самой природой недѣлимаго. Напротивъ, формы человѣческаго общежитія крайне текучи, измѣнчивы и могутъ складываться въ самыя различныя сочетанія въ зависимости отъ условій среды. А такъ какъ эти условія для каждаго общества суть нѣчто индивидуальное и неповторяющееся, то и формы общежитія каждаго народа имѣютъ такія же индивидуальныя, неповторяющіяся черты. Каждый народъ живетъ въ большей или меньшей степени въ своихъ особыхъ условіяхъ и соотвѣтственно этому обладаетъ своимъ особымъ строемъ общественности, что, разумѣется, отнюдь не

исключаетъ сходства общественнаго строя различныхъ народовъ, поскольку сходны ихъ условія жизни. Но такъ какъ, въ цѣломъ, историческое развитіе человѣчества есть неповторяющійся процессъ и каждый послѣдующій моментъ историческаго развитія существенно отличается по своимъ условіямъ отъ предыдущаго—то трудно ожидать, чтобы при такой исторической смѣнѣ условій среды различные народы въ разныя историческія эпохи повторяли, хотя бы въ значительной части, одинъ и тотъ же кругъ развитія.

Поэтому a priori представляется мало вѣроятнымъ, чтобы въ какой бы то ни было области общественной жизни можно было установить единый, неизмѣнный и обязательный для всѣхъ народовъ законъ историческаго развитія. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ всѣ попытки устанавливать подобные законы были безуспѣшны.

Что касается до исторіи хозяйства, то самая старая изъ попытокъ подобнаго рода восходитъ еще къ 18 вѣку (а въ зачаткахъ своихъ къ еще болѣе раннему времени). Несмотря на свой столь почтенный возрастъ, она до сихъ поръ еще находитъ сторонниковъ и защитниковъ [1]). Эта схема хозяйственнаго развитія предполагаетъ, что каждый народъ обязательно проходитъ стадію 1) охотничьяго, 2) пастушескаго, 3) земледѣльческаго и 4) промышленнаго хозяйства. Наиболѣе научную форму придалъ этой схемѣ германскій экономистъ Листъ, вложившій въ нее нѣсколько новое содержаніе [2]).

Однако, несмотря на распространенность этой схемы, научное значеніе ея крайне ограничено. Уже прежде всего бросается въ глаза, что она дѣлитъ историческія эпохи лишь по р о д у добываемыхъ продуктовъ, а не по тому, к а к ъ, въ к а к и х ъ о б щ е с т в е н н ы х ъ ф о р м а х ъ добываются эти продукты. Кромѣ того, она построена вполнѣ апріорно, и не будучи результатомъ фактическаго изслѣдованія, не соотвѣтствуетъ фактамъ. Апріорное разсужденіе было таково: земледѣліе совершается при помощи плуга, для котораго нуженъ рабочій скотъ—что предполагаетъ предварительное прирученіе скота; слѣдовательно, земледѣлію предшествовало скотоводство. А послѣднее вполнѣ естественно должно предполагать существованіе болѣе ранняго охотничьяго періода. Но это апріорное построеніе не знало, что первобытное земледѣліе обходилось безъ помощи рабочаго скота—обработка земли производилась мотыгой, ручнымъ трудомъ. Поэтому, пастушескій періодъ отнюдь не долженъ былъ неизбѣжно предшествовать

земледѣлію. Въ нѣкоторыхъ же странахъ скотоводство было фактически невозможнымъ въ силу естественныхъ условій, напр. въ Полинезіи. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что у многихъ народовъ земледѣліе (въ формѣ ручной обработки земли) предшествовало пастушескому періоду. Это вполнѣ понятно, потому что гораздо легче культивировать растенія, чѣмъ животныхъ. Поэтому-то земледѣліе являлось областью женскаго труда, а болѣе трудное занятіе—охота—предоставлялось мужчинамъ. Многіе охотничьи народы въ то же время были и земледѣльческими, напр. индѣйскія племена Сѣв. Америки и многіе народы Африки. Въ такой формѣ земледѣліе существовало много тысячелѣтій.

Скотоводство возникло первоначально изъ такихъ потребностей, которыя намъ кажутся совершенно пустыми и ничтожными. Хижины многихъ дикарей представляютъ собой настоящій звѣринецъ. Самъ владѣлецъ затруднился бы сказать, зачѣмъ онъ держитъ своихъ животныхъ, такъ какъ пользы ему они никакой не приносятъ. Иногда они удовлетворяютъ его эстетическимъ потребностямъ, иногда служатъ товарищемъ игръ его дѣтей или его самого [3]). И вотъ изъ этой-то первоначальной забавы и возникло сначала прирученіе животныхъ, а потомъ и скотоводство. Иногда животныя приручались по соображеніямъ религіознаго культа, а потомъ уже постепенно употреблялись для хозяйственныхъ цѣлей (собака, быкъ).

Наконецъ, стремленіе къ господству надъ себѣ подобными было, безъ сомнѣнія, весьма сильнымъ побудительнымъ мотивомъ къ приручению животныхъ; вожди многихъ дикихъ народовъ придерживаются до настоящаго времени обычая держать при себѣ прирученныхъ львовъ, леопардовъ, волковъ и другихъ опасныхъ животныхъ — появленіе прирученнаго опаснаго хищника рядомъ съ вождемъ должно было увеличивать обаяніе силы и власти вождя.

Появленіе скотоводства было огромнымъ шагомъ впередъ въ области хозяйства. Скотоводство, какъ господствующая форма хозяйства, сравнительно рѣдкое явленіе въ исторіи, потому что для него необходимы особыя не часто встрѣчающіяся естественныя условія—широкія степи (какъ напр. въ центральной Азіи и южной Африкѣ). Скотоводческіе народы предполагаютъ существованіе земледѣльческихъ народовъ, съ которыми они вступаютъ въ мѣновыя сношенія. Такимъ образомъ, не только тезисъ, что скотоводство предшествуетъ земледѣлію, не можетъ быть принятъ за неизмѣнное правило—а вѣрно скорѣе обратное—что земледѣліе

(ручное) предшествуетъ скотоводству. Въ результатѣ, вся разсматриваемая схема хозяйственнаго развитія оказывается несостоятельной.

Бруно Гильдебрандъ далъ другую схему хозяйственнаго развитія. Онъ дѣлитъ хозяйственное развитіе на три фазиса: 1) натуральное, 2) денежное и 3) кредитное хозяйство. При господствѣ натуральнаго хозяйства деньги не участвуютъ въ обмѣнѣ, а продукты или совсѣмъ не обмѣниваются, или же обмѣниваются другъ на друга непосредственно, безъ помощи денегъ; при господствѣ денежнаго хозяйства деньги становятся мѣновымъ посредникомъ, возникаетъ покупка и продажа; при господствѣ кредитнаго хозяйства обмѣнъ происходитъ въ кредитъ безъ посредства денегъ [1]).

Эта схема гораздо содержательнѣе предыдущей, но и она не можетъ быть признана вполнѣ удачной. Ея главная оригинальность въ конструируемомъ ею третьемъ фазисѣ хозяйства, фазисѣ кредитнаго хозяйства, но тутъ то она и оказывается всего слабѣе. Кредитное хозяйство не можетъ быть противопоставлено денежному, такъ какъ кредитъ основанъ на деньгахъ. Развитіе кредита не устраняетъ потребности въ деньгахъ, а напротивъ, въ общемъ, увеличиваетъ спросъ на нихъ, какъ показываютъ факты хозяйственнаго развитія передовыхъ странъ нашего времени. Кредитное хозяйство есть то же денежное хозяйство, только осложненное или видоизмѣненное.

II.

Схемой, наиболѣе распространенной въ настоящее время, является схема Бюхера, изложенная имъ въ его знаменитыхъ очеркахъ о возникновеніи народнаго хозяйства. Привлекая своей логической стройностью, она проливаетъ много свѣта на реальные факты историческаго развитія. Въ основу своей схемы Бюхеръ кладетъ одинъ опредѣленный признакъ—длину пути, который проходитъ продуктъ отъ производителя къ потребителю. Сначала длина этого пути равняется нулю—производитель потребляетъ самъ свой продуктъ. Затѣмъ путь удлиняется. Продуктъ начинаетъ переходить отъ производителя къ потребителю, но непосредственно, изъ рукъ въ руки (обмѣнъ двухъ производителей). Это стадія средневѣковаго, городского хозяйства. Затѣмъ наступаетъ третій періодъ: продуктъ переходитъ отъ производителя не непосредственно къ потребителю, а къ торговцу, и лишь послѣдній продаетъ его потребителю. Продуктъ можетъ пройти черезъ руки нѣсколькихъ

торговцевъ — онъ циркулируетъ, иногда проходитъ десятки рукъ прежде, чѣмъ попасть къ потребителю.

Такимъ образомъ Бюхеръ дѣлитъ процессъ хозяйственнаго развитія на 3 стадіи: 1) замкнутое хозяйство (производство для собственнаго потребленія); 2) городское хозяйство (производство мелкихъ самостоятельныхъ производителей другъ для друга); 3) народное хозяйство (циркуляція продукта).

Замкнутое хозяйство господствуетъ втеченіе всей древней исторіи человѣчества. Каждая отдѣльная семья сама изготовляетъ при этой системѣ хозяйства всѣ нужные ей предметы потребленія. Но если бы семья древности походила на современную семью, состоящую изъ немногихъ лицъ, родителей и дѣтей, въ которой взрослыхъ работниковъ рѣдко насчитывается болѣе двухъ-трехъ, то она никоимъ образомъ не могла бы удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Поэтому экономическая необходимость требуетъ на этой ступени хозяйственнаго развитія большой семьи, состоящей не изъ одной только брачной пары, но изъ нѣсколькихъ поколѣній, живущихъ вмѣстѣ и составляющихъ собой одно крупное хозяйственное цѣлое. Такая большая семья и господствуетъ у первобытныхъ народовъ.

Обмѣнъ первоначально совсѣмъ неизвѣстенъ, первобытный человѣкъ питаетъ къ нему даже отвращеніе, на языкѣ многихъ народовъ обмѣнивать и обманывать значитъ одно и то же. Продуктъ труда разсматривается, какъ часть того человѣка, который его произвелъ, и кто уступаетъ его другому, тотъ отчуждаетъ, по вѣрованіямъ многихъ первобытныхъ народовъ, часть самого себя, отдаетъ себя во власть злыхъ силъ.

По мѣрѣ роста потребностей возникаетъ необходимость все въ большемъ раздѣленіи труда внутри семьи. Но какъ бы ни было велико число ея членовъ, все же семья представляется производительной единицей, довольно ограниченной по своимъ размѣрамъ. Чтобы увеличить производительность труда, раздвинуть тѣсныя рамки семьи, представляется два способа:

1) Или нѣсколько семей соединяются вмѣстѣ для удовлетворенія общихъ нуждъ общимъ трудомъ (напр., общими силами строятъ домъ, судно, расчищаютъ лѣсъ и т. п.) или 2) въ семью вводятся постороннія лица, въ качествѣ несвободныхъ членовъ— появляется рабство. Первый способъ расширенія числа работающихъ встрѣчается и теперь у народовъ, не вышедшихъ изъ періода замкнутаго хозяйства; такъ, у русскихъ мы встрѣчаемъ артель, у болгаръ—чету и т. п. Но не вездѣ и не всегда зам-

нутое хозяйство развивается въ этомъ направленіи; въ античномъ хозяйствѣ грековъ и римлянъ, какъ необходимый коррективъ замкнутаго хозяйства, явилось рабство. Оно было вызвано экономической необходимостью поднять производительность труда, какъ средство раздвинуть рамки замкнутаго хозяйства за предѣлы группы кровныхъ родственниковъ. Типомъ высоко развитаго рабскаго хозяйства можетъ служить хозяйство римскаго патриція, располагавшаго цѣлыми сотнями рабовъ.

Размолъ хлѣбныхъ зеренъ, печенье, пряденье волокна, тканье ткани, приготовленіе разнаго рода орудій, обработка поля, уходъ за скотомъ—все это предоставлялось различнымъ группамъ рабовъ, спеціализировавшихся въ одной и той же работѣ. Такимъ образомъ было найдено средство сохранить въ неприкосновенности замкнутое домашнее хозяйство и ввести въ него въ то же время значительное раздѣленіе труда. Самыя изысканныя потребности римскаго патриція удовлетворялись трудомъ его рабовъ, что указываетъ на сравнительно высокій уровень производительности рабскаго труда.

Сходными чертами характеризуется и хозяйство германскихъ и романскихъ народовъ начала среднихъ вѣковъ. Возникаютъ огромныя хозяйства королей, дворянъ и монастырей которыя ведутся на обширныхъ земельныхъ владѣніяхъ при посредствѣ труда крѣпостныхъ крестьянъ

Но мало по малу на смѣну періода замкнутаго хозяйства, какъ непосредственный результатъ его развитія, явился періодъ городского хозяйства. Средневѣковый городъ есть прежде всего укрѣпленное мѣсто, куда въ случаѣ опасности могли укрыться сосѣдніе деревенскіе жители. Для защиты города требовались люди; оторванные отъ полей, но располагая своими трудовыми силами, горожане естественно должны были обратиться къ промышленному труду—они изготовляли разнаго рода издѣлія, которыя обмѣнивали на сырье и съѣстные припасы, производимые въ деревнѣ.

Если мы взглянемъ на карту средневѣковой Германіи, то нашимъ глазамъ представится слѣдующая картина. Вся страна настолько густо усѣяна городами, что крестьянинъ самой отдаленной деревни могъ въ одинъ день достигнуть городского базара и въ тотъ же день возвратиться домой. Каждый городъ съ прилегавшими къ нему деревнями составлялъ одно хозяйственное цѣлое, самостоятельно удовлетворявшее всѣмъ своимъ важнѣйшимъ потребностямъ. Торговля хотя и существовала, но

была развита очень мало. Она состояла, главнымъ образомъ, изъ мелочной торговли предметами, нужными горожанамъ. Базары, на которыхъ крестьяне продавали свои издѣлія, происходили обыкновенно разъ въ недѣлю, а ярмарки и того рѣже, и бѣдный человѣкъ не всегда могъ закупить сразу достаточное количество продуктовъ, чтобы просуществовать отъ одного базара до другого. Ему-то на помощь и приходилъ купецъ, закупавшій продукты на базарахъ, а потомъ распродававшій ихъ по мелочамъ бѣдной части населенія. Кромѣ того, велась болѣе крупная торговля тѣми продуктами, которые не производились въ данномъ районѣ, но эта торговля не играла большой роли въ хозяйствѣ средневѣковаго города.

Что касается до городскаго ремесленника, то онъ не нуждался въ услугахъ торговца, чтобы сбывать свои продукты—онъ непосредственно работалъ или по заказамъ потребителя или на продажу тому же потребителю, съ которымъ встрѣчался на базарѣ.

Распаденіе городского строя ведетъ въ 15 и 16 вѣкѣ къ развитію *народнаго* хозяйства, характеризующагося тѣмъ, что продуктъ начинаетъ *циркулировать*, переходить изъ рукъ въ руки раньше, чѣмъ достигнуть потребителя. Между производителемъ и потребителемъ становится торговецъ, управляющій всѣмъ процессомъ обмѣна. Отдѣльные районы, а затѣмъ и цѣлыя страны спеціализируются въ производствѣ тѣхъ или иныхъ товаровъ и между всѣми ими устанавливается тѣсная связь путемъ торговли. Такимъ образомъ развивается народное хозяйство, охватывающее своими петлями мало по малу весь міръ, образующій собой въ настоящее время одно колоссальное хозяйственное цѣлое міроваго хозяйства.

Въ стадіи замкнутаго хозяйства каждый продуктъ потребляется въ томъ же хозяйствѣ, въ которомъ онъ произведенъ; въ стадіи городского хозяйства онъ непосредственно переходитъ отъ производителя къ потребителю; въ народномъ же хозяйствѣ, какъ въ процессѣ своего производства, такъ и въ готовомъ видѣ, продуктъ проходитъ черезъ нѣсколько хозяйствъ. Такъ, напр., въ Америкѣ выдѣлывается хлопокъ, покупаемый англійскимъ купцомъ, который продаетъ его хотя бы въ Россію на бумагопрядильную фабрику; изготовленная пряжа продается фабриканту миткаля, затѣмъ изготовленный продуктъ вновь перепродается — на ситцепечатную фабрику; готовый ситецъ продается опять купцу, который уже самъ, или перепродавъ его еще нѣсколькимъ купцамъ, наконецъ доставляетъ потребителю. Такимъ образомъ, продуктъ постоянно циркулируетъ въ каналахъ торговли и совершаетъ чрезвычайно

длинный путь раньше, чѣмъ достигаетъ своего окончательнаго назначенія—потребителя.

Такова знаменитая схема развитія народнаго хозяйства, данная Бюхеромъ, и въ короткое время получившая чрезвычайное распространеніе. Успѣхъ этой схемы былъ вызванъ ея крупными достоинствами. Она не апріорное построеніе, но обобщеніе реальныхъ историческихъ фактовъ, сгруппированныхъ Бюхеромъ съ удивительнымъ мастерствомъ вокругъ одной центральной идеи, долженствующей представлять собой, по мысли автора, аріаднину нить въ запутанномъ лабиринтѣ исторіи.

Однако, несмотря на всѣ свои достоинства, схема эта отнюдь не можетъ быть признана искомымъ всеобщимъ закономъ хозяйственнаго развитія. Прежде всего, она чрезвычайно упрощаетъ историческую дѣйствительность, объединяя подъ одной рубрикой самые различные хозяйственные типы. Такъ, напр., въ рубрику „замкнутаго хозяйства“ Бюхеръ включаетъ столь мало общаго имѣющія между собой хозяйственныя системы, какъ первобытный строй полукоммунистическаго хозяйства и рабское хозяйство Греціи и Рима. Между тѣмъ, эти системы представляютъ собой въ самыхъ важныхъ соціальныхъ отношеніяхъ величайшія противоположности. Крѣпостное хозяйство среднихъ вѣковъ, входящее, по схемѣ Бюхера, въ ту же рубрику замкнутаго хозяйства, опять таки существенно отличается отъ рабскаго хозяйства.

Историки отвеслись, въ большинствѣ, къ схематизаціи всемірной исторіи, предложенной Бюхеромъ, неблагопріятно. Такъ, Эдуардъ Майеръ рѣшительно отвергъ, чтобы древняя исторія могла, въ ея цѣломъ, быть охарактеризована, какъ періодъ замкнутаго хозяйства. Древній міръ совершилъ длинный циклъ развитія, въ которомъ было свое средневѣковье и свое новое время, своя эпоха подъема и своя эпоха паденія, характеризовавшіяся совершенно различными чертами. Вообще невѣрно представлять себѣ всемірную исторію, какъ прогрессивное развитіе, въ которомъ каждый послѣдующій фазисъ стоитъ выше предыдущаго. Въ частности, древній міръ, въ эпоху своего высшаго подъема, стоялъ гораздо выше средневѣковья и обладалъ гораздо болѣе развитымъ обмѣномъ [5]).

Точно также и картина средневѣковаго хозяйства встрѣтила возраженіе со стороны извѣстнаго знатока средневѣковой исторіи Белова, находящаго, что въ средневѣковомъ городѣ торговля играла большую роль, чѣмъ это предполагаетъ Бюхеръ. Но, въ общемъ, Беловъ все же признаетъ возможнымъ разсматривать средневѣ-

ковое хозяйство, какъ городское хозяйство въ смыслѣ Бюхера [6]).

Однако, и основная мысль Бюхера, усматривающаго въ удлиненіи пути отъ производителя къ потребителю основной признакъ хозяйственнаго прогресса, возбуждаетъ серьезныя сомнѣнія. Какъ совершенно вѣрно отмѣтилъ Зомбартъ [7]), новѣйшее хозяйственное развитіе характеризуется именно стремленіемъ къ сокращенію этого пути. Подобно тому, какъ въ средневѣковомъ городѣ господствовала работа непосредственно на потребителя съ устраненіемъ торговца, такъ и въ новѣйшемъ фазисѣ развитія капиталистическаго хозяйства наблюдается развитіе работы на заказъ съ устраненіемъ капиталистическаго посредника. Продукты самаго крупнаго капиталистическаго производства — суда, желѣзнодорожныя принадлежности, крупныя машины и т. д. выдѣлываются на заказъ. Гигантскія ассоціаціи капитала, возникающія въ послѣднее время—такъ назыв. картели и тресты капиталистовъ—стремятся сами изготовлять всѣ нужные для нихъ продукты, присоединяя къ основному производству цѣлый рядъ вспомогательныхъ (напр. американскій нефтяной трестъ выдѣлываетъ почти всѣ разнообразные предметы, нужные для добычи, переработки и перевозки нефти). Продуктъ въ этомъ случаѣ не переходитъ изъ одного промышленнаго предпріятія въ другое черезъ посредство торговца, а производится съ начала до конца въ одномъ предпріятіи, которое, нерѣдко, непосредственно сбываетъ его и потребителю.

На ряду съ ассоціаціями капитала къ той же цѣли (и съ тѣмъ же успѣхомъ) стремятся и ассоціаціи потребителей, такъ назыв. потребительныя общества. Въ результатѣ возникаетъ тенденція къ устраненію торговаго посредничества, характерная именно для наиболѣе быстро развивающихся капиталистическихъ странъ.

Наконецъ,—и это самое главное—не нужно забывать, что схема Бюхера всего менѣе можетъ претендовать на всемірное значеніе: она есть не что иное, какъ обобщеніе хозяйственной исторіи западной Европы. Для этой схемы наиболѣе характеренъ средній членъ—городского хозяйства. Но городское хозяйство, въ его типичномъ видѣ, существовало только въ западной Европѣ—и больше нигдѣ. Не говоря уже о неевропейскихъ странахъ, вся восточная Европа—Россія—не знала ничего похожаго на городское хозяйство Бюхера, и, значитъ, эта схема, даже если бы она не обладала указанными недостатками, не можетъ ни въ какомъ случаѣ счи-

таться закономъ хозяйственнаго развитія, обязательнымъ для всѣхъ народовъ.

III.

Итакъ, нужно отказаться отъ мысли дать общую схему хозяйственнаго развитія и ограничиться классификаціей различныхъ хозяйственныхъ системъ. Въ этомъ отношеніи можно раздѣлить хозяйственныя системы на 1) гармоническія и 2) антагонистическія. Въ гармоническихъ хозяйственныхъ системахъ интересы единичныхъ хозяйствъ не находятся въ неизбѣжномъ противорѣчіи другъ къ другу, что характеризуетъ собой антагонистическія системы.

Группа гармоническихъ хозяйственныхъ системъ слагается изъ трехъ слѣдующихъ:

1) первобытнаго хозяйства, еще почти не знающаго частной собственности на средства производства;

2) мѣнового (товарнаго) хозяйства мелкихъ самостоятельныхъ производителей;

3) пока не существующаго соціалистическаго хозяйства, при которомъ средства производства будутъ принадлежать обширнымъ группамъ производителей.

Группа антагонистическихъ хозяйственныхъ системъ также состоитъ изъ трехъ системъ:

1) рабскаго хозяйства, при которомъ рабочій является собственностью собственника средствъ производства;

2) крѣпостнаго, при которомъ собственникъ средствъ производства имѣетъ право собственности на трудъ рабочаго;

3) капиталистическаго, при которомъ рабочій формально свободенъ, но будучи лишенъ средствъ производства, экономически вынужденъ работать въ пользу собственника средствъ производства.

Для гармоническихъ хозяйственныхъ системъ характерно то, что непосредственные производители владѣютъ средствами производства. Частная собственность есть продуктъ историческаго развитія и у самыхъ первобытныхъ народовъ только немногіе хозяйственные предметы принадлежатъ отдѣльнымъ владѣльцамъ. Весь строй жизни первобытнаго племени, жившаго въ условіяхъ родового быта, характеризовался удивительной согласованностью интересовъ отдѣльныхъ лицъ, образовывавшихъ племя. „Хотя при родовой организаціи,—говоритъ Энгельсъ—было гораздо больше общественныхъ дѣлъ, чѣмъ у насъ теперь—такъ какъ домашнее хозяйство было общимъ и коммунистическимъ для цѣлаго ряда

семействъ, а земля составляла собственность племени и только садики временно предоставлялись въ распоряженіе отдѣльныхъ хозяйствъ—тѣмъ не менѣе не чувствовалось ни малѣйшей нужды въ чемъ-нибудь подобномъ нашему мелочному и запутанному правительственному аппарату. Дѣла рѣшались заинтересованными лицами и въ большинствѣ случаевъ все уже было установлено многовѣковымъ порядкомъ. Бѣдныхъ и нуждающихся не могло существовать—коммунистическое хозяйство и родъ хорошо знали свои обязанности по отношенію къ старымъ, больнымъ и пострадавшимъ на войнѣ. Всѣ были равны и свободны, въ томъ числѣ и женщины. Рабамъ еще нѣтъ мѣста въ этой организаціи" [8]).

Если и признать эту характеристику хозяйственнаго строя первобытнаго племени сильно идеализированной, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что первобытное племя не распадалось на группы лицъ съ противоположными хозяйственными интересами, какъ общество позднѣйшаго времени.

Второй гармонической системой хозяйства является хозяйство мелкихъ самостоятельныхъ товаропроизводителей, какъ напр. средневѣковое городское хозяйство въ цвѣтущую пору цеховъ. Задачей цеха въ это время было обезпеченіе всѣмъ своимъ сочленамъ достаточнаго заработка, потребителямъ—продуктовъ хорошаго качества по умѣренной цѣнѣ. Ученики и подмастерья не составляли вначалѣ особаго общественнаго класса, враждебнаго цеховымъ мастерамъ, ибо сами становились по достиженіи извѣстнаго возраста мастерами. Въ цеховой организаціи ремесла мы имѣемъ передъ собой гармоническое хозяйство на основѣ мелкаго производства и владѣнія отдѣльными производителями средствами производства [9]).

Наконецъ, социалистическое хозяйство, пока не существующее, было бы такой гармонической системой хозяйства, при которой согласованность интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ достигалась бы признаніемъ реальной равноправности всѣхъ членовъ общества, равнымъ участіемъ въ общественномъ трудѣ и равнымъ правомъ пользованія плодами этого труда, на основѣ общественнаго владѣнія средствами производства.

Что касается до хозяйственныхъ системъ другого типа—антагонистическихъ—то онѣ характеризуются прямо противоположными чертами. Всѣ онѣ основаны на неравенствѣ, подчиненіи однѣхъ общественныхъ группъ другимъ общественнымъ группамъ. Каждая изъ нихъ предполагаетъ наличность по крайней мѣрѣ двухъ общественныхъ группъ, изъ которыхъ одна обладаетъ силой и властью сдѣлать изъ другой простое орудіе хозяйства. Но

такъ какъ эта послѣдняя группа, функціонирующая какъ средство производства, остается для себя цѣлью, то на этой почвѣ возникаетъ неизбѣжный антагонизмъ интересовъ обѣихъ группъ.

Рабское хозяйство характеризуется тѣмъ, что рабочій является на ряду со средствами производства собственностью главы хозяйства. Въ своемъ историческомъ развитіи рабство прошло два фазиса. Въ первомъ фазисѣ рабъ еще мало отличается отъ младшихъ членовъ семьи хозяина. Возникаетъ рабство лишь на извѣстной ступени развитія производительности труда, ибо пока трудъ не могъ производить никакого избытка, сверхъ необходимаго для поддержанія жизни самого рабочаго, не могло быть и выгоды отъ порабощенія человѣка. Но когда трудъ начинаетъ давать такой избытокъ, является мотивъ къ использованію въ своихъ интересахъ чужой рабочей силы, которая привлекается къ производству путемъ непосредственнаго физическаго принужденія. Среди охотничьихъ народовъ рабство распространено очень мало. Только у земледѣльческихъ или пастушескихъ народовъ—и притомъ почти исключительно воинственныхъ народовъ, такъ какъ первоначальнымъ источникомъ пріобрѣтенія рабовъ была почти исключительно война—прочно укореняется институтъ рабства. Первоначальными рабами были почти исключительно люди другого племени.

На первой ступени положеніе раба мало отличается отъ положенія младшаго члена семьи. Еще и теперь въ Африкѣ рабы нерѣдко женятся на дочеряхъ своихъ хозяевъ. Но съ теченіемъ времени характеръ рабства мѣняется и рабство вступаетъ во второй фазисъ. По мѣрѣ культурнаго возвышенія господствующаго класса, разстояніе между господиномъ и рабомъ увеличивается, пока, наконецъ, рабъ не деградируется до уровня домашняго животнаго, лишеннаго всякихъ человѣческихъ правъ. Въ особенности ухудшается положеніе раба въ томъ случаѣ, когда рабскій трудъ становится для хозяина источникомъ наживы. При натуральномъ хозяйствѣ потребности господина легко могутъ достигнуть удовлетворенія и господинъ не имѣетъ сильныхъ стимуловъ особенно угнетать работою своихъ рабовъ. Но если на основѣ рабскаго труда возникаетъ производство для сбыта, то жажда наживы и обогащенія, никогда не достигающая удовлетворенія, можетъ доводить до крайнихъ предѣловъ эксплоатацію рабскаго труда. Въ этомъ случаѣ рабы воспитываются и разводятся, какъ домашнія животныя, и съ ними обращаются хуже, чѣмъ съ домашними животными, такъ какъ животныя обладаютъ меньшей приспособляемостью, чѣмъ человѣкъ.

Въ античномъ мірѣ особенно тяжело было положеніе рабовъ, занятыхъ въ рудникахъ и другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Точно также крайняя эксплоатація рабскаго труда наблюдалась въ плантаторскомъ хозяйствѣ Америки, гдѣ среди высокой капиталистической культуры рабство упорно держалось въ разныхъ отрасляхъ хозяйства, связанныхъ съ обработкой земли, благодаря, съ одной стороны, примитивности техники такого хозяйства въ условіяхъ тропическаго климата, а, съ другой стороны, благодаря возможности доводить эксплоатацію рабскаго труда до предѣловъ, немыслимыхъ при употребленіи вольнонаемныхъ рабочихъ. По этой причинѣ, несмотря на вообще низкую производительность рабскаго труда (только при особыхъ условіяхъ, какъ напр., въ патриціанскомъ хозяйствѣ Рима, удавалось поднять технику рабскаго труда до сравнительно высокаго уровня), рабство продержалось въ Америкѣ вплоть до новѣйшаго времени и исчезло не путемъ постепеннаго отмиранія, а было уничтожено законодательнымъ актомъ послѣ кровопролитной войны сѣверныхъ и южныхъ штатовъ.

Второй системой антагонистическаго хозяйства является крѣпостное хозяйство. Въ этомъ случаѣ рабочій не является уже просто собственностью хозяина, но послѣдній имѣетъ большія или меньшія юридическія права на трудъ рабочаго (крестьянинъ, напр. долженъ три дня въ недѣлю работать въ пользу помѣщика). Крѣпостное право возникаетъ тремя способами: или 1) цѣлыя племена покоряются другими и обращаются въ крѣпостное состояніе, причемъ побѣдители становятся помѣщиками (феодалами)—такимъ образомъ возникло крѣпостное право въ эпоху завоеванія германскими племенами римской имперіи; или 2) рабы возвышаются до относительной свободы и превращаются въ крѣпостныхъ (римской колонатъ); или же 3) первоначально свободные земледѣльцы мало по малу закрѣпляются за помѣщиками и спускаются до уровня крѣпостныхъ (крѣпостное право въ Россіи)[10].

Крѣпостное хозяйство повсемѣстно господствовало въ западноевропейской деревнѣ въ раннемъ средневѣковьѣ. Такимъ образомъ, въ это время въ западной Европѣ бокъ-о-бокъ существовали двѣ совершенно различныхъ системы хозяйства. Въ городѣ господствовало гармоническое хозяйство цеха; въ деревнѣ—антагонистическое крѣпостное хозяйство. Число закрѣпощенныхъ крестьянъ было громадно и нерѣдко достигало $^4/_5$ и больше всего населенія. Затѣмъ крѣпостное право на Западѣ начинаетъ мало по малу отмирать. Обязанность принудительнаго труда въ пользу помѣщика превращается въ обязательство уплаты помѣщику

опредѣленныхъ денежныхъ взносовъ. Крестьянство постепенно достигаетъ личной свободы и превращается частью въ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, частью въ безземельныхъ наемныхъ рабочихъ. Но процессъ этотъ шелъ чрезвычайно медленно и растянулся на нѣсколько вѣковъ. Послѣдніе остатки крѣпостного состоянія уничтожаются во Франціи въ эпоху Великой революціи, въ большинствѣ странъ западной Европы—въ эпоху революціи 1848 г.

Современное антагонистическое хозяйство—капиталистическое—характеризуется тѣмъ, что рабочіе юридически свободны и равноправны съ другими классами населенія, но, благодаря отсутствію у нихъ средствъ производства, принадлежащихъ землевладѣльцамъ и капиталистамъ, поставлены въ экономическую необходимость работать въ пользу владѣльцевъ средствъ производства, какъ въ прежнее время рабы и крѣпостные. Экономическій гнетъ замѣняетъ собой прежнее политическое и юридическое насиліе.

Таковы основныя хозяйственныя системы, послѣдовательно смѣнявшія другъ друга. Однако, эти системы не образуютъ собой неизбѣжныхъ ступеней хозяйственнаго развитія. Во многихъ случаяхъ наблюдалась слѣдующая послѣдовательность смѣны хозяйственныхъ системъ:

1) натуральное гармоническое хозяйство; 2) антагонистическое рабское хозяйство; 3) антагонистическое крѣпостное хозяйство въ деревнѣ и одновременно гармоническое хозяйство мелкихъ производителей въ городѣ; 4) антагонистическое капиталистическое хозяйство.

Но эта послѣдовательность отнюдь не можетъ считаться общимъ закономъ хозяйственнаго развитія всѣхъ народовъ. Стадія гармоническаго городского хозяйства характерна, какъ сказано, лишь для западной, а отнюдь не для восточной Европы. Стадія рабскаго хозяйства точно также далеко не у всѣхъ народовъ наблюдается въ той же послѣдовательности и въ одинаковой степени развитія. Въ Россіи, напр., эта стадія отчасти сливается со стадіей крѣпостного хозяйства, а отчасти слѣдуетъ за ней; въ той же Россіи и Сѣверной Америкѣ рабское хозяйство развивается рядомъ съ капиталистическимъ.

IV.

Переходя къ хозяйственному развитію Россіи приходится, прежде всего, констатировать наличность глубокихъ отличій условій русскаго хозяйственнаго развитія отъ западноевропейскихъ. Самымъ важнымъ и основнымъ изъ нихъ является отсутствіе въ исторіи Россіи стадіи городского хозяйства.

Въ Россіи прежняго времени не было города въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ былъ въ средніе вѣка въ западной Европѣ. Прежде всего, городовъ въ Россіи было такъ мало, что они тонули въ общей сѣрой массѣ деревень. Но и тѣ города, которые были, имѣли иной характеръ, чѣмъ города на Западѣ. Городъ на Западѣ былъ центромъ мелкой промышленности, работавшей не на торговаго посредника, а непосредственно на потребителя. Въ Россіи же городъ былъ административнымъ и торговымъ центромъ, а промышленность, какая существовала, была раскинута по деревнямъ. Путешественники 17 и 18 вѣка, описывая центральную Россію, рисуютъ ее приблизительно такъ, какъ Стэнли рисовалъ центральную Африку: безконечная лѣсная пустыня и отдѣльные островки — деревни и поселки. Во многихъ мѣстахъ Россіи издавна была развита кустарная промышленность—преимущественно тамъ, гдѣ почва была мало пригодна для земледѣлія и населенію приходилось прибѣгать къ подсобнымъ заработкамъ. Но между западноевропейскимъ городскимъ ремесленникомъ и русскимъ деревенскимъ кустаремъ было существенное различіе: первый работалъ на мѣстнаго жителя, на мѣстный рынокъ, а второму приходилось работать на отдаленный рынокъ (ибо мѣстнаго рынка не было), почему являлась необходимость въ торговомъ посредникѣ. Такимъ образомъ, изъ отсутствія городовъ вытекала необходимость торговаго капитала и торговый капиталъ подчинялъ себѣ мелкаго производителя. Купецъ былъ необходимъ для русскаго кустаря потому, что потребители кустарныхъ издѣлій были разсѣяны по всей огромной территоріи Россіи и прямыя сношенія съ ними были невозможны для кустарей [11]).

Отсутствіе городскаго ремесла имѣло своимъ естественнымъ слѣдствіемъ особенно вліятельное положеніе въ экономическомъ и соціальномъ строѣ Московской Руси капиталиста-торговца.

Политическое преобладаніе Москвы основывалось, между про-

чимъ, и на томъ, что Москва была торговымъ центромъ громаднаго края, промышленность котораго находилась въ непосредственномъ подчиненіи торговому капиталу, сосредоточенному, преимущественно, въ Москвѣ. Торговый классъ былъ, вслѣдъ за земельнымъ дворянствомъ, самымъ вліятельнымъ классомъ старинной Руси.

Въ то же время, Московское государство совершенно не знало того соціальнаго класса, который сыгралъ такую огромную роль въ исторіи западной Европы—класса свободныхъ городскихъ ремесленниковъ. Новѣйшіе изслѣдователи—напр. недавно скончавшійся Н. П. Павловъ-Сильванскій—находятъ въ древней Руси элементы феодальнаго строя[12]). Но цеха, городскаго ремесла,—въ томъ видѣ, какъ это сложилось на Западѣ — Россія ни древняя, ни новая никогда не знала. Россія не знала той стройной и законченной организаціи мелкихъ промышленниковъ, на почвѣ которой возникла вся цивилизація и культура Запада; городскія общины Запада завоевали не только свою свободу отъ власти феодаловъ, но и привели, въ концѣ концевъ, къ крушенію абсолютной монархіи. „Die städtische Luft macht frei" („городской воздухъ даетъ свободу")—говорили въ средніе вѣка—и эта поговорка полна глубокаго смысла. У насъ не вѣялъ этотъ воздухъ промышленнаго города—и потому не было почвы и для свободы.

И дѣйствительно, другимъ кореннымъ отличіемъ историческихъ условій развитія Россіи, сравнительно съ Западомъ, отличіемъ, непосредственно вытекавшимъ изъ перваго, была необычная сила и устойчивость въ Россіи принудительнаго труда. Нигдѣ рабство не пустило такихъ глубокихъ корней въ народную жизнь, какъ въ Россіи. И, что всего замѣчательнѣе, рабство у насъ не отмирало по мѣрѣ поступательнаго хода исторіи, а все тѣснѣе и тѣснѣе сплетались съ нашимъ хозяйственнымъ и соціальнымъ строемъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерна исторія нашего крѣпостнаго права. Въ 14 и 15 вѣкахъ оно еще не сложилось въ опредѣленный соціальный институтъ. Въ 16 и 17 вѣкѣ закрѣпощеніе крестьянина заканчивается[13])—но крѣпостной крестьянинъ все же остается крѣпостнымъ своего помѣщика, а не его рабомъ—онъ все же не совершенно безправное существо. Россійское государство развиваетъ дальше и дальше свое политическое могущество, превращается въ колоссальную имперію—и все ниже и ниже падаетъ крестьянинъ.

При Екатеринѣ II крѣпостной крестьянинъ становится въ полномъ смыслѣ слова собственностью помѣщика, который распоря-

жается имъ, какъ вещью. Въ то время какъ на Западѣ крѣпостное право медленно отмирало въ 16, 17 и 18 вѣкахъ, у насъ оно за это же время эволюціонировало въ противоположномъ направленіи и, наконецъ, превратилось въ чистое рабство—ибо только по имени крѣпостной крестьянинъ въ Россіи въ послѣднемъ фазисѣ развитія крѣпостного права не былъ рабомъ. Крѣпостное право (какъ оно существовало, напр., на Западѣ) было правомъ помѣщика на извѣстныя трудовыя услуги со стороны крестьянина; крѣпостной крестьянинъ Запада имѣлъ извѣстныя права и не былъ вещью въ рукахъ своего помѣщика. Напротивъ, въ Россіи въ концѣ 18 вѣка помѣщикъ могъ по своему усмотрѣнію продавать крестьянина, съ землею и безъ земли, какъ любой товаръ, и совершенно свободно распоряжаться всѣмъ его трудомъ. И потому наше крѣпостное право было фактически рабствомъ.

Но весьма любопытно, что несмотря на такую огромную власть помѣщика, положеніе русскаго крѣпостного крестьянина въ концѣ 18 вѣка было, сравнительно, сноснымъ. Иностранные путешественники того времени, посѣщавшіе Россію, отмѣчаютъ, что русскому крестьянину жилось, въ общемъ, гораздо лучше, чѣмъ польскому, литовскому или остзейскому. Можно даже думать, что экономическое положеніе крѣпостного крестьянина въ Россіи того времени было лучше, чѣмъ такового же крестьянина въ Пруссіи или Австріи, хотя крѣпостной крестьянинъ Запада отнюдь не былъ такимъ безправнымъ существомъ, какъ русскій. Чѣмъ же объясняется этотъ, казалось бы, странный фактъ?

Одинъ нѣмецкій путешественникъ, Беригарди, даетъ ему слѣдующее остроумное объясненіе. Русскій помѣщикъ 18 вѣка не работалъ для сбыта и потому не былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы доводить до высшихъ предѣловъ эксплоатацію труда крѣпостныхъ. „Если бы вестъ-индскій плантаторъ—говоритъ Беригарди,—изготовлялъ не сахаръ, а хлѣбъ или ленъ, и если бы сбытъ этихъ продуктовъ былъ затруднителенъ и давалъ небольшой доходъ, какъ въ Россіи, то я не думаю, чтобы при всемъ жестокосердіи колонистовъ рабы были бы истязаемы и дурно содержимы“ [14]). Именно въ условіяхъ сбыта и слѣдуетъ искать причины сравнительно сноснаго положенія русскаго крѣпостного мужика въ 18 вѣкѣ и послѣдующаго ухудшенія его положенія въ 19 вѣкѣ.

Какъ только русскій помѣщикъ сталъ работать для сбыта, что произошло въ первой половинѣ 19 вѣка, когда въ Россіи быстро развилась хлѣбная торговля и значительно увеличился вывозъ хлѣба заграницу, положеніе крѣпостного мужика ухудшилось.

Помѣщикъ сталъ усиленно расширять свою запашку, пользуясь для этого трудомъ крѣпостныхъ. Выраженіемъ этихъ новыхъ условій нашего помѣщичьяго хозяйства явился замѣчавшійся во многихъ земледѣльческихъ губерніяхъ Россіи во второй половинѣ 19 вѣка переводъ крестьянъ съ такъ назыв. оброка на барщину. Крѣпостныя отношенія крестьянина къ помѣщику выражались, при существованіи оброка, въ платежѣ опредѣленныхъ (преимущественно денежныхъ) сборовъ; при господствѣ барщины—въ исполненіи личной работы въ пользу помѣщика. Такимъ образомъ, барщина была гораздо болѣе тяжелой формой личной зависимости, чѣмъ оброкъ. А, значитъ, и распространеніе барщины насчетъ оброка указывало на то, что крѣпостное право не отмирало, а наоборотъ, принимало все болѣе тяжелыя формы.

Своего крайняго развитія принудительный трудъ достигалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне совершенно лишались своего хозяйства и переходили на „мѣсячину" — мѣсячное содержаніе отъ помѣщика, на поляхъ котораго они работали круглый годъ. „Мѣсячина" была исключительнымъ явленіемъ въ 18 вѣкѣ. Въ 19 же вѣкѣ въ Малороссіи обезземеливаніе крестьянъ и переводъ ихъ на мѣсячину практиковался въ широкихъ размѣрахъ [15]).

Совершенно иначе развивалось крѣпостное право въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были развиты отхожіе промыслы и кустарная промышленность. Въ нихъ мы замѣчаемъ втеченіе первой половины 19 вѣка постепенное вытѣсненіе барщины оброкомъ: путемъ обложенія крестьянъ оброкомъ помѣщики могли въ этомъ случаѣ получить больше выгоды, чѣмъ эксплоатируя ихъ рабочую силу въ собственномъ хозяйствѣ.

Итакъ, въ промышленныхъ губерніяхъ центра Россіи крѣпостное право въ первой половинѣ 19 вѣка принимало болѣе мягкія формы. Наоборотъ, въ земледѣльческихъ губерніяхъ оно не только не отмирало, но все тѣснѣе связывалось съ помѣщичьимъ предпринимательскимъ хозяйствомъ. Только благодаря даровому труду крѣпостныхъ помѣщичье предпринимательское хозяйство половины 19 вѣка могло достигнуть значительнаго развитія.

Крѣпостное право пустило глубокіе корни въ русское хозяйство и нисколько не удивительно, что оно держалось такъ упорно. Во всякомъ случаѣ, мы не наблюдаемъ ничего похожаго на то постепенное отмираніе этого соціальнаго института, которое привело къ паденію его на Западѣ. Возникаетъ вопросъ—почему же крѣпостное право у насъ, въ концѣ концовъ, все же пало?

Прежде всего потому, что сами крестьяне не мирились со своимъ порабощеніемъ и упорно стремились къ свободѣ. Крестьян-

скія волненія не прекращались втеченіе всего царствованія Николая I и, что особенно характерно, число случаевъ такихъ волненій все увеличивалось и увеличивалось. Кромѣ массовыхъ волненій крестьяне протестовали противъ крѣпостного права многочисленными убійствами помѣщиковъ поджогами ихъ строеній, массовыми побѣгами, и т. п. [16]).

Но правительство, равно какъ и помѣщики, не могли забыть и тѣхъ двухъ великихъ возстаній крестьянства въ 17 и 18 вѣкахъ, которыя до самаго основанія поколебали русское государство. „Призракъ пугачевщины—говоритъ В. И. Семевскій—вѣчно стоялъ въ глазахъ нашего дворянства и, какъ грозное memento mori, напоминалъ о необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ въ интересвхъ самихъ помѣщиковъ“ [17]). На опасность крестьянскаго возстанія неоднократно указывали и Екатерина, и Александръ I, и Николай I. Въ знаменитой рѣчи московскому дворянству Александръ II повторилъ старую мысль, сказавъ, что „лучше, чтобы освобожденіе произошло сверху, нежели снизу“. Это соображеніе и было всегда главнымъ и самымъ неотразимымъ аргументомъ въ пользу уничтоженія крѣпостного права.

Затѣмъ, далеко не всѣ помѣщики были одинаково заинтересованы въ сохраненіи крѣпостного права. Жизненно заинтересованы въ этомъ были только пользовавшіеся барщиннымъ трудомъ. Это были, главнымъ образомъ, средніе и мелкіе помѣщики. Въ Новороссіи и отчасти въ Юго-Западномъ краѣ уже до освобожденія былъ распространенъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ вольнонаемный трудъ; помѣщики этихъ районовъ могли даже выиграть отъ освобожденія, такъ какъ оно должно было понизить заработную плату, увеличивъ предложеніе рабочихъ рукъ. Богатые помѣщики имѣли своихъ крестьянъ большей частью на оброкѣ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ вести барщинное хозяйство въ очень крупныхъ размѣрахъ было не легко. Богатое дворянство образовывало дворъ и занимало самыя вліятельныя мѣста и должности въ государствѣ. Мало заинтересованные въ крѣпостной зависимости крестьянъ и хорошо понимая, что крѣпостное право держится только благодаря силѣ, крупное дворянство, окружавшее царя, легко склонялось къ мысли о ликвидаціи крѣпостного права на выгодныхъ для себя условіяхъ.

Торговцы и промышленники — капиталистическій классъ, достигшій къ половинѣ 19 вѣка въ Россіи уже значительнаго развитія—были рѣшительными противниками крѣпостного права. Фабриканты испытывали очень значительныя стѣсненія отъ недостатка свободныхъ вольнонаемныхъ рабочихъ, которыхъ крѣ-

постныя стѣсненія прикрѣпляли къ деревнѣ. Въ то же время фабричная работа при помощи принудительнаго труда въ это время уже оказывалась рѣшительно невыгодной (какъ это будетъ выяснено въ главѣ о русской фабричной промышленности). Если крупное предпринимательское земледѣліе могло пользоваться принудительнымъ трудомъ — несмотря на его малую производительность, — то фабрика требовала болѣе производительнаго труда, каковымъ могъ быть трудъ только свободнаго рабочаго. Къ тому же, сами фабриканты и торговцы въ это время нерѣдко выходили изъ среды крѣпостныхъ крестьянъ, и даже нѣкоторые изъ нихъ, давая занятія тысячамъ рабочихъ, оставались сами крѣпостными своихъ помѣщиковъ, не желавшихъ отпускать ихъ на волю. Такъ какъ владѣніе крѣпостными крестьянами было привилегіей дворянства, то естественно, что ростъ промышленной и торговой буржуазіи подрывалъ соціальный институтъ принудительнаго труда.

Въ этомъ отношеніи существуетъ извѣстная аналогія между освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи и освобожденіемъ негровъ въ Сѣверной Америкѣ. И здѣсь и тамъ рабство оказалось чрезвычайно живучимъ экономическимъ учрежденіемъ, легшимъ въ основу предпринимательскаго земледѣлія. И здѣсь и тамъ не наблюдалось ничего похожаго, въ сферѣ земледѣльческаго хозяйства, на постепенное отмираніе этого института. И потому и въ Россіи, какъ и въ Америкѣ, рабство исчезло какъ результатъ законодательнаго акта, осуществленнаго лишь послѣ упорнаго сопротивленія класса, пользовавшагося принудительнымъ трудомъ.

Итакъ, на сторонѣ сохраненія крѣпостного права были средніе и мелкіе помѣщики, ведшіе барщинное хозяйство. Противникомъ крѣпостного права являлась буржуазія. Крупное дворянство склонялось къ ликвидаціи крѣпостного права на выгодныхъ для себя условіяхъ. Наконецъ, чиновничество, хотя и состоявшее въ своихъ высшихъ слояхъ преимущественно изъ земельнаго дворянства, но, благодаря службѣ, не ведшее барщиннаго хозяйства, занимало по отношенію къ крѣпостному праву то же положеніе, что и крупное дворянство, съ тѣмъ существеннымъ добавленіемъ, что къ классовому помѣщичьему интересу въ средѣ бюрократіи присоединялись и важные профессіональные интересы, сближавшіе ихъ съ противниками крѣпостного права. Эти профессіональные интересы заключались, прежде всего, въ сознававшейся нашими правительственными кругами опасности крѣпостного права для спокойствія государства. Съ государственной точки зрѣнія слѣдовало стремиться къ уничтоженію крѣпостного права, постоянно угрожав-

шаго народнымъ возстаніемъ,—и это прекрасно сознавалось правительственными кругами тогдашней Россіи.

Затѣмъ, крѣпостное право тормозило экономическое развитіе Россіи и, въ частности, развитіе русской промышленности. Правительство со временъ Петра усиленно стремилось къ развитію промышленности, понимая, что безъ роста производительныхъ силъ страны невозможно и увеличеніе ея политическаго могущества,—а это послѣднее было главной цѣлью нашей политики. Поэтому наша бюрократія не могла не сознавать необходимости упраздненія крѣпостного права, сохраненіе котораго являлось вопіющимъ противорѣчіемъ съ постоянными заботами правительства о развитіи промышленности. Это послѣднее соображеніе являлось однимъ изъ самыхъ сильныхъ доводовъ въ пользу освобожденія — интересы государственнаго могущества не могли не имѣть вѣса въ глазахъ правительства [18]).

Итакъ, въ Россіи первой половины 19 вѣка были могущественные интересы за и противъ сохраненія крѣпостного права— и вотъ почему вопросъ объ его уничтоженіи стоялъ на очереди въ теченіе болѣе полувѣка и все не получалъ окончательнаго рѣшенія. Но чѣмъ дальше подвигалось наше общественное развитіе, тѣмъ болѣе возрастала сила противниковъ рабства. Съ двадцатыхъ годовъ закончившагося вѣка пріобрѣтаетъ значеніе и чисто идейное, неклассовое движеніе, направленное противъ крѣпостного права. Со времени декабристовъ вся лучшая часть русскаго общества стала стремиться къ освобожденію Россіи отъ позорнаго клейма рабства. И это неклассовое движеніе, вдохновлявшееся отвращеніемъ къ крайней соціальной несправедливости и крайнему угнетенію человѣческой личности, наростало по мѣрѣ культурнаго роста русскаго общества.

Все это вмѣстѣ подрывало устои крѣпостного права. Но, опираясь на могущественные классовые интересы, оно продолжало держаться, пока, наконецъ, не пало подъ вліяніемъ разгрома, испытаннаго Россіей въ эпоху Крымской войны. Война эта доказала необходимость обновленія нашего соціальнаго строя, приведшаго къ политическому ослабленію государства. Оказалось, что и помимо угрозы народнымъ возстаніемъ, старый строй, краеугольнымъ камнемъ котораго являлось крѣпостное право, опасенъ государству уже тѣмъ, что онъ разрушаетъ основы политической силы государства. Этотъ аргументъ былъ всего понятнѣе правящимъ сферамъ и онъ явился тѣмъ послѣднимъ ударомъ, который привелъ къ крушенію института принудительнаго труда. Мужикъ

получилъ свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ получила свободу развитія въ Россіи новая хозяйственная система — капитализмъ.

Еще очень недавно споры объ условіяхъ и направленіи хозяйственнаго развитія Россіи были въ центрѣ общественнаго вниманія. Въ 90-хъ годахъ закончившагося столѣтія русская интеллигенція была особенно заинтересована этими спорами, которые, несмотря на свой, казалось бы теоретическій характеръ, соприкасались съ чрезвычайно важными вопросами практической политики. Такъ назыв. народники доказывали, что русское хозяйственное развитіе, равно какъ и хозяйственный строй Россіи, глубоко отличаются отъ того, что мы видѣли и видимъ въ западной Европѣ. Напротивъ, марксисты были склонны умалять значеніе особенностей русскаго хозяйственнаго развитія въ прошломъ и, во всякомъ случаѣ, не ожидали уклоненія Россіи отъ общаго направленія хозяйственнаго развитія капиталистическихъ странъ въ будущемъ.

Стоя на той точкѣ зрѣнія, которая развита въ текстѣ, слѣдуетъ признать наличность глубокихъ особенностей въ прошломъ русскаго хозяйственнаго развитія: но эти особенности заключаются не въ томъ, въ чемъ ихъ усматривали народники, и, что всего важнѣе, особенности эти — отсутствіе въ Россіи западно-европейскаго городского строя и чрезвычайная живучесть въ ней принудительнаго труда — относятся къ прошлому нашей исторіи. Новѣйшая Россія не можетъ быть принципіально противопоставляема капиталистическимъ странамъ Запада, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, что современная Россія ничѣмъ существенно не отличается въ хозяйственномъ отношеніи отъ другихъ европейскихъ странъ. Хозяйственный и соціальный строй каждой страны имѣетъ свои индивидуальныя, не повторяющіяся черты, а что касается Россіи, то глубокія различія въ прошлой ея хозяйственной и соціальной исторіи не могли, конечно, пройти безслѣдно и не наложить соотвѣтствующаго отпечатка на все послѣдующее развитіе.

Вопросъ о причинахъ паденія у насъ крѣпостного права былъ предметомъ за послѣдніе годы весьма любопытной полемики. П. Б. Струве въ статьѣ „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи XIX вѣка“ („Міръ Божій“, 1899, X—XII) высказалъ мысль, что предпринимательское хозяйство нашихъ помѣщиковъ въ эпоху, предшествующую отмѣнѣ крѣпостного хозяйства, отнюдь не находилось въ упадкѣ, какъ это думали раньше, и что съ чисто экономической точки зрѣнія оно отнюдь не требовало вольнонаемнаго труда. Взгляды П. Б. Струве оспаривались въ печати многими авторами. Н. А. Рожковъ настаиваетъ напр. въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ, что барщинное хозяйство было невыгодно помѣщикамъ и что вольнонаемный трудъ имѣлъ широкое распространеніе въ помѣщичьемъ хозяйствѣ и до освобожденія [19]). Точно также и П. И. Ляшенко приходитъ къ заключенію, что ликвидація крѣпостнаго права требовалась хозяйственными интересами самихъ помѣщиковъ [20]). Но всѣ эти утвержденія не находятъ себѣ опоры въ фактахъ и точка зрѣнія П. Б. Струве осталась непоколебленной. Вообще означенная работа автора „Критическихъ замѣтокъ“ является

одной изъ наиболѣе удачныхъ попытокъ теоретическаго освѣщенія условій развитія нашего крѣпостного хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА.

Общая литература о развитіи народнаго хозяйства. Schönberg. Handbuch der Politischen Oekonomie. 4 изд. 1896. Volkswirtschaftslehre. Ст. Schönberg'a Die Volkswirtschaft. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства (нѣсколько русскихъ переводовъ). Липпертъ. Исторія культуры. Пер. съ нѣм. 7 изд. 1908. Bruno Hildebrand. Naturalwirtschaft, Geldwirtschaft, Kreditwirtschaft (Jahrbücher für Nationalökonomie, B. II). Ф. Листъ. Національная система политической экономіи. Пер. подъ ред. Трубникова. 1891. Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Пер. подъ редакціей І. Кулишера. 1907. Зомбартъ. Организація труда и трудящихся. Пер. Кириллова. 1901. Общіе курсы Рошера, Шмоллера, Фвлипповича, Желѣзнова.

Хозяйство древняго міра. Морганъ. Первобытное общество. Пер. съ англ. 1900. Гроссе. Формы семьи и хозяйства. Пер. съ нѣм. 1898. Н. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. 2 изд. 1899. М. Ковалевскій. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности 1895. Г. І. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Пер. съ англ. 2 изд. 1907. Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Пер. съ нѣм. 1898. Его же. Рабство въ древности. Пер. съ нѣм. 1899.

Экономическое развитіе Россіи. В. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. 2 т. 2 изд. 1903. П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. т. І. 5 изд. 1906. Его же. Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII вѣка. 2 изд. 1905. В. Н. Рожковъ. Сельское хозяйство въ Московской Руси въ XVI вѣкѣ. 1899. Его же. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія 1903. Его же. Городъ и деревня въ русской исторіи. 2 изд. 1904. Его же. Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка (Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. Гранатъ Вып. І. 1907). Н. Волконскій. Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. 1898. П. Б. Струве. Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ («Міръ Божій» 1898, № 10—12). Его же. Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности (Сборникъ «На разныя темы». 1902). М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. І. 3-е изд. 1907. И. И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. 1902. П. П. Лященко. Очерки аграрной эвомаціи Россіи. 1908.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ V.

1) Листъ различаетъ 5 ступеней хозяйственнаго развитія: 1) дикое состояніе; 2) пастушеское; 3) земледѣльческое; 4) земледѣльческо-мануфактурное; 5) земледѣльческо-мануфактурно-торговое. См. его «Das nationale System der Politischen Oekonomie». 7-е изд. 1883. Стр. 11 и слѣд.

2) «Вообще можно думать, что естественное чувство общительности

человѣка играло, при началѣ приученія животныхъ, бо́льшую роль, чѣмъ какія бы то ни было соображенія хозяйственной пользы; соображенія послѣдняго рода возникли гораздо позже. Человѣкъ, стоящій на низшихъ ступеняхъ культуры, вообще дѣлаетъ то, что его забавляетъ, и думаетъ о пользѣ лишь подъ давленіемъ крайней необходимости». (Ratzel. Anthropogeographie. I. 1899. Стр. 494). По мнѣнію Моргана, «началомъ приученія животныхъ явилось, вѣроятно, приученіе собаки, какъ спутника при охотѣ, причемъ затѣмъ послѣдовало воспитаніе дѣтенышей другихъ животныхъ, просто для забавы» (Morgan. Die Urgesellschaft. 1891. Стр. 35—36). «Нельзя прослѣдить происхожденія склонности человѣка держать съ собой животныхъ,—замѣчаетъ Липпертъ.—Она смѣшивается въ своихъ первыхъ зачаткахъ съ дѣтскою любовью къ играмъ; такъ и теперь охотникъ часто приноситъ домой дѣтямъ молодую лисицу, просто для того, чтобы дать имъ товарища въ игрѣ» (Lippert. Die Kulturgeschichte. 1885. T. I. Стр. 128—129).

3) Bruno Hildebrand. Naturalwirtschaft, Geldwirtschaft und Kreditwirtschaft. (Jahrbücher für Nationalökonomie. B. II. 1864. Стр. 1 и слѣд.).

4) Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Очеркъ III.

5) Eduard Meyer. Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums.

6) G. v. Below. Ueber Theorien der wirtschaftlichen Entwicklung der Völker (Historische Zeitschrift. B. 86).

7) Энгельсъ. Происхожденіе семьи и частной собственности. Пер. Е. Бошнякъ. 1899. Стр. 110.

8) Иногда высказывается мнѣніе, что у первобытныхъ народовъ господствовалъ полный коммунизмъ. Такъ, напр., І. М. Кулишеръ утверждаетъ въ своей книгѣ «Эволюція прибыли съ капитала» (Т. I. Спб. 1906), что у первобытныхъ народовъ не только земля и плоды земли, но и «другіе предметы—жилище, орудія, домашняя утварь—составляютъ общую собственность» (стр. 3). Съ этимъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться. Даже та школа, которая особенно склонна находить коммунистическіе элементы въ хозяйственномъ строѣ первобытнаго племени—школа Моргана-Энгельса—далека отъ подобныхъ утвержденій. По словамъ Моргана, «область собственности въ періодѣ дикости и низшей ступени варварства была невелика. Въ первомъ періодѣ собственность слагалась изъ предметовъ личнаго потребленія, къ каковымъ во второмъ періодѣ присоединялись права владѣнія на общіе дома и сады. Самые цѣнные предметы личнаго потребленія клались въ могилу вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго собственника» (Morgan. Die Urgesellschaft, 1891 г., стр. 63). Итакъ, хотя область собственности и была невелика, но все же собственность на предметы личнаго потребленія существовала. На то же указываетъ и Энгельсъ. «Каждый,—говоритъ онъ по отношенію къ членамъ первобытнаго племени,—является собственникомъ имъ самимъ изготовленныхъ и употребляемыхъ орудій: мужчина владѣетъ оружіемъ, охотничьими и рыболовными снарядами; женщина—домашней утварью» («Происхожденіе семьи», стр. 185). Однако, не подлежитъ сомнѣнію и то, что у первобытнаго племени область распространенія частной собственности была гораздо у̀же, чѣмъ въ наше время.

9) І. М. Кулишеръ пытался въ своей цитированной книгѣ доказать обратное, но его попытка не можетъ считаться удавшейся.

10) Ср. Schmoller, Grundriss, 340.

11) Лучшій знатокъ хозяйственнаго строя Россіи начала XIX вѣка, Шторхъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ эту выдающую особенность русской промышленности того времени. «Небрежность, съ которою работаютъ (русскіе) ремесленники,—говоритъ онъ,—отчасти зависитъ отъ крайне страннаго устройства, не наблюдаемаго, быть можетъ, въ такомъ же родѣ ни въ какой другой странѣ. Русскіе ремесленники, за исключеніемъ большихъ городовъ, ничего не принимаютъ на заказъ, но все изготовляютъ для продажи—башмаки, туфли, сапоги, кафтаны и другіе предметы одѣянія, шубы, постели, одѣяла, столы, стулья—короче всевозможные предметы. Всѣ эти вещи ремесленники поставляютъ за опредѣленную плату купцамъ, которые ихъ и продаютъ въ своихъ магазинахъ. Внутри Россіи очень рѣдко можно что-нибудь сдѣлать на заказъ; въ случаѣ какой-нибудь надобности, нужно идти въ лавку или въ магазинъ, помѣщающіеся, обыкновенно, въ одномъ мѣстѣ. Но зато въ этихъ лавкахъ можно купить все, что угодно и къ тому же на треть дешевле, чѣмъ у ремесленниковъ, берущихъ работу на заказъ». Heinrich Storch. Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs. 1799. T. III. Стр. 178—179.

12) См. его книгу „Феодализмъ въ древней Руси". 1908.

13) „Постепенное пониженіе крестьянской личности въ области хозяйства и права—говоритъ М. А. Дьяконовъ—неудержимо влекло крестьянина къ сближенію и слитію съ холопомъ. Смѣшеніе крестьянъ и холоповъ сначала на практикѣ, въ области хозяйства, мало по малу находило отраженіе и въ указахъ. Во второй половинѣ 17 вѣка наступилъ моментъ, когда это направленіе практики бытовой и указной завершились почти полнымъ юридическимъ сліяніемъ двухъ нѣкогда столь различныхъ группъ населенія: свободнаго крестьянства и холопства". Очерки государственнаго и общественнаго строя древней Руси. 1907. Стр. 371.

14) Bernhardi. Züge zu einem Gemälde des russischen Reichs. T. II. 154.

15) И. И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. 1902. Стр. 100.

16) См. тамъ же, 171.

17) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. 1888. т. II. Стр. 571.

18) „Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ торговли и промышленности" говорилъ Николай I смоленскимъ депутатамъ отъ дворянства. Игнатовичъ. 196.

19) Н. А. Рожковъ. Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. Граната. 1907. Вып. I. Стр. 150 и слѣд.

20) П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи. 1908. Стр. 212.

Отдѣлъ II.

Производство.

Глава 1.

Процессъ хозяйственнаго труда въ абстрактной формѣ.

I. Хозяйственный трудъ вообще. Общее понятіе хозяйственнаго труда. Кривая труда. Трудъ дикарей. Трудъ въ современномъ обществѣ. II. Хозяйственный трудъ въ зависимости отъ внѣшней природы. Измѣненіе характера этой зависимости по мѣрѣ развитія цивилизаціи. III. Развитіе орудій труда. Важность исторіи орудій труда. Чѣмъ вызываются изобрѣтенія на различныхъ ступеняхъ исторіи. IV. Машина. Что такое машина. Исторія машины. Дополнительныя замѣчанія. Раздѣленія политической экономіи на отдѣлы. Потребленіе. Ученіе о трехъ факторахъ производства. Дѣленіе труда на производительный и непроизводительный.

I.

Хозяйственная дѣятельность имѣетъ своею цѣлью, какъ выше указано, созданіе матеріальной обстановки, необходимой для удовлетворенія нашихъ потребностей. Дѣятельность эта въ современномъ обществѣ распадается на двѣ ступени. На первой преодолѣвается сопротивленіе внѣшней природы, послѣдняя приспособляется къ нашимъ цѣлямъ; этотъ процессъ называется производствомъ. На второй, послѣ того какъ человѣкъ преобразовалъ природу въ соотвѣтствіи со своими потребностями, происходитъ обмѣнъ между различными собственниками произведенныхъ продуктовъ.

Единственнымъ активнымъ дѣятелемъ въ процессѣ производства, является, какъ сказано, человѣкъ. Но, конечно, человѣкъ производитъ не голыми руками и не изъ ничего. Хозяйственная дѣятельность уже сама по себѣ предполагаетъ всегда два полюса, человѣка и внѣшнюю природу. Въ частности, производство есть непосред-

ственный процессъ между человѣкомъ и природой. То, на что человѣкъ направляетъ свою дѣятельность, называется предметомъ труда; если предметъ труда подвергся предварительной переработкѣ, то онъ называется сырымъ матеріаломъ. Матеріальные предметы, которые человѣкъ ставитъ между собой и предметомъ труда, чтобы при помощи ихъ воздѣйствовать на предметъ труда, образуютъ собою то, что называютъ орудіями труда. Предметъ труда и орудія труда вмѣстѣ со вспомогательными матеріалами—матеріальными предметами, не составляющими непосредственно орудій труда, но необходимыми для того, чтобы процессъ труда имѣлъ мѣсто, какъ то топливо, смазочныя масла, освѣтительные матеріалы и т. п.—образуетъ собой въ своей совокупности средства производства. Самая же дѣятельность человѣка, при помощи которой онъ достигаетъ своихъ хозяйственныхъ цѣлей, является хозяйственнымъ трудомъ.

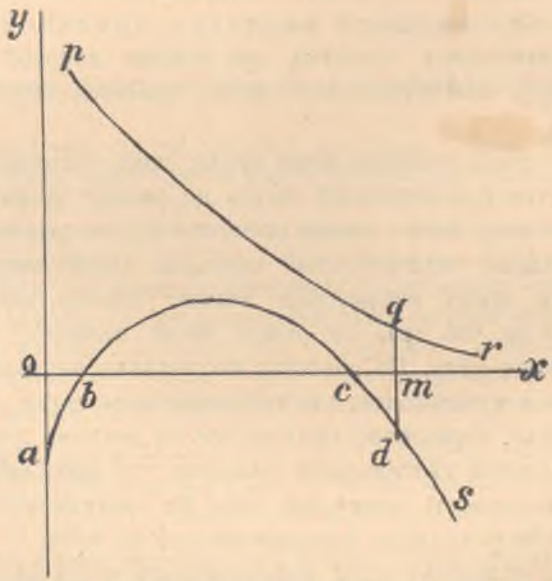
Что же такое хозяйственный трудъ, какъ таковой? Нерѣдко думаютъ, что хозяйственный трудъ по самому своему существу есть нѣчто непріятное; многіе экономисты усматриваютъ въ элементѣ страданія отличительный признакъ хозяйственнаго труда. Однако, съ этимъ согласиться нельзя. Правда, для хозяйства характерно то, что оно, по самой своей природѣ, всегда есть средство, а не цѣль. Но средство не значитъ непремѣнно нѣчто непріятное и мучительное: для хозяйственнаго труда, какъ и для всякаго труда, характерно лишь то, что въ данномъ случаѣ цѣлью соотвѣтствующей дѣятельности является что либо внѣшнее, а не данная дѣятельность сама ради себя. Въ противномъ случаѣ она перестаетъ быть трудомъ и превращается въ игру.

Правда, нѣкоторые роды хозяйственнаго труда ни при какихъ условіяхъ не могутъ быть пріятными. Напримѣръ, работа въ рудникахъ подъ землею, трудъ мясника, очистка нечистотъ и многое другое не можетъ доставлять нормальному человѣку удовольствія. Но это вѣрно только относительно нѣкоторыхъ родовъ хозяйственнаго труда. Въ большинствѣ же случаевъ хозяйственный трудъ бываетъ пріятенъ или нѣтъ въ зависимости отъ того, при какихъ условіяхъ онъ производится, и, прежде всего, въ зависимости отъ его продолжительности.

Какъ общее правило, нужно признать, что всякая работа вначалѣ бываетъ болѣе или менѣе непріятна для работающаго: работающій еще не успѣлъ приспособиться къ своей дѣятельности, его органы еще плохо повинуются его волѣ и работа идетъ вяло, не доставляя удовольствія. Затѣмъ, когда работающій втя-

нется въ работу, она начинаетъ доставлять ему извѣстное удовольствіе, какъ нормальное упражненіе его органовъ, требующихъ работы. Проходитъ нѣкоторое время и работа становится непріятной, причемъ непріятность эта быстро возрастаетъ, пока, наконецъ, трудъ даже самый пріятный не обращается въ рабочую пытку.

Экономическій принципъ — стремленіе къ максимуму наслажденія и минимуму страданія — опредѣляетъ собой нормальную продолжительность работы. Нижеслѣдующій графикъ показываетъ, какъ велика должна быть, при обычныхъ условіяхъ хозяйства, нормальная продолжительность труда подъ вліяніемъ дѣйствія названнаго принципа.



Въ этомъ графикѣ точки ниже горизонтальной линіи ox обозначаютъ собою область непріятныхъ ощущеній, а точки выше линіи ox—область пріятныхъ ощущеній. Продолжительность труда отсчитывается по линіи ox. Вначалѣ трудъ доставляетъ рабочему непріятныя ощущенія, что и выражается кривой ab. По достиженіи извѣстной продолжительности работы трудъ перестаетъ быть непріятнымъ — въ точкѣ b непріятныя ощущенія равны нолю; но затѣмъ трудъ начинаетъ давать пріятныя ощущенія, выражаемыя кривой bc, которыя быстро достигаютъ максимальнаго предѣла и затѣмъ начинаютъ падать. Въ точкѣ c трудъ не даетъ ни пріятныхъ, ни непріятныхъ ощущеній, затѣмъ начинаетъ давать уже непріятныя ощущенія, которыя быстро возрастаютъ. Кривая as и выражаетъ собой, такимъ образомъ, непо-

средственныя пріятныя и непріятныя ощущенія процесса труда въ зависимости отъ его продолжительности.

Полезность продуктовъ труда выражается линіей pr. Полезность единицы продукта, какъ извѣстно, падаетъ по мѣрѣ увеличенія его количества. Это паденіе полезности единицы продукта и выражается линіей pr.

Такимъ образомъ, при увеличеніи продолжительности труда за точку c, непріятное ощущеніе самого процесса труда должно все возрастать, а пріятное ощущеніе, получаемое отъ потребленія единицы продукта (его полезность) должна падать; на извѣстномъ пунктѣ полезность единицы продукта должна, очевидно, сравняться по своей величинѣ съ непріятнымъ ощущеніемъ процесса труда и тогда хозяйственный принципъ требуетъ прекращенія труда: дальнѣйшее продолженіе труда повело бы къ тому, что непріятныя ощущенія стали бы превышать пріятныя.

Итакъ, трудъ долженъ остановиться тамъ, гдѣ непріятныя ощущенія труда будутъ какъ разъ равны полезности трудового продукта т. е. на точкѣ d, въ которой линія dm (непріятныя ощущенія труда) равна линіи mq (пріятныя ощущенія отъ трудового продукта) [1]).

Такова была бы продолжительность рабочаго дня, если бы рабочему принадлежалъ трудовой продуктъ и отъ его воли зависѣло установленіе момента окончанія работы; но, конечно, при условіяхъ капиталистическаго производства рабочій отнюдь не является господиномъ своего времени, почему рабочій день можетъ углубляться въ область страданія—и, дѣйствительно, углубляется—гораздо дальше, чѣмъ это слѣдовало бы въ интересахъ рабочаго.

Съ другой стороны, хозяйственный трудъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ и не углубляться въ область непріятныхъ ощущеній. Если мы предположимъ, напр., что производительность труда очень высока, благодаря чему потребности въ трудовыхъ продуктахъ легко достигаютъ насыщенія, то человѣкъ можетъ имѣть основаніе прекратить хозяйственный трудъ на томъ пунктѣ, когда трудъ еще самъ по себѣ ему доставляетъ удовольствіе. Продолженіе труда доставило бы ему удовольствіе, но человѣкъ можетъ получить еще больше удовольствія отъ другого употребленія своего времени — и пріостановить свою пріятную хозяйственную дѣятельность для другой еще больше пріятной. Однако, возможность эта предполагаетъ или очень высокій уровень производительности труда или очень низкій уровень потребностей. Ни то ни другое не соотвѣтствуетъ хозяйственнымъ условіямъ нашего времени, почему для нашего времени нормальная про-

должительность труда опредѣляется вышеприведенными соображеніями.

Но было время, когда хозяйственный трудъ не углублялся неизбѣжно въ область непріятныхъ ощущеній. Первобытный человѣкъ по самой своей природѣ не способенъ ни къ какимъ продолжительнымъ непріятнымъ усиліямъ; поэтому на зарѣ исторіи мы видимъ, что хозяйственная дѣятельность не разграничивается строго отъ дѣятельности, носящей характеръ игры. Въ связи съ этимъ находится и то отмѣчаемое Бюхеромъ обстоятельство, что въ жизни первобытнаго человѣка чрезвычайную роль играетъ дѣятельность такого рода, которая никакого хозяйственнаго значенія не имѣетъ, какъ напримѣръ, танцы, самоукрашеніе и т. п. Дикарь живетъ не будущимъ, какъ человѣкъ нашего времени, а исключительно настоящимъ, чѣмъ и объясняются всѣ особенности строя жизни дикарей. Потребности дикаря очень ограничены, а изобиліе даровъ тропической природы легко допускаетъ удовлетвореніе этихъ потребностей.

Однако, и дикарю приходится во многихъ случаяхъ прибѣгать для удовлетворенія своихъ потребностей къ дѣятельности такого рода, которая сама по себѣ не можетъ доставлять удовольствія. При примитивности орудій труда процессы производства у дикарей совершаются съ чрезвычайной медленностью, вызывавшей у путешественниковъ сравненіе съ естественными процессами природы, вродѣ роста растеній и т. п. Чтобы приготовить какое нибудь несложное орудіе, дикарь принужденъ затрачивать цѣлыя недѣли и мѣсяцы труда. Обработка пищевыхъ веществъ, приготовленіе одежды, посуды требуетъ отъ дикаря, благодаря примитивности техники, огромныхъ усилій. Средствомъ преодолѣнія тягостности труда у дикаря является привнесеніе въ работу ритма, благодаря чему она становится автоматичной и болѣе или менѣе безсознательной. Изъ ритма мало-по-малу выростаетъ пѣсня и музыка. Какъ показалъ Бюхеръ, дикарь обычно сопровождаетъ свою работу пѣніемъ пѣсенъ и нерѣдко исполняетъ при этомъ разныя ритмическія тѣлодвиженія, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа дикарей—напримѣръ, при обработкѣ поля — напоминаетъ собой танцы. Все это является средствомъ придать работѣ непосредственно пріятный характеръ—придать ей какъ бы видъ игры.

Послѣдующая исторія человѣчества характеризуется все дальше и дальше идущимъ раздѣленіемъ области хозяйства и игры. Съ одной стороны, рѣзко обособляется отъ хозяйства вся область искусства, которая, однако, первоначально, по изслѣдованіемъ Бю-

хера, была самымъ тѣснымъ образомъ соединена съ хозяйствомъ: музыка и поэзія возникли изъ рабочей пѣсни, которая пѣлась для того, чтобы скрасить часы труда [2]). Съ другой стороны,—хозяйственный трудъ обособился въ дѣятельность, лишенную какого бы то ни было эстетическаго элемента. На современной фабрикѣ, при шумѣ и грохотѣ сотенъ машинъ, не можетъ быть, конечно, и рѣчи о рабочей пѣсни и вообще объ эстетикѣ.

Но это еще не значитъ, что такъ будетъ и впредь. Пока руководство хозяйственнымъ предпріятіемъ принадлежитъ капиталисту, не принимающему непосредственнаго участія въ трудѣ производства, до тѣхъ поръ, конечно, привнесеніе въ хозяйственный трудъ элементовъ эстетическихъ должно казаться дѣломъ совершенно безцѣльнымъ. Но положеніе станетъ инымъ, когда самъ рабочій станетъ руководить процессомъ производства: обстановка и условія труда суть условія жизни рабочаго, и рабочій не можетъ не стремиться къ тому, чтобы сдѣлать эту обстановку возможно болѣе пріятной и привлекательной. И потому для будущаго общества выступитъ опять на первый планъ та же задача внести эстетическій элементъ въ хозяйственную работу, сдѣлать трудъ непосредственно пріятнымъ, которая стояла передъ человѣчествомъ и въ эпоху его ранняго дѣтства. Средствомъ для этого должно явиться: 1) сокращеніе времени труда—пока трудъ чрезмѣрно продолжителенъ, онъ не можетъ быть пріятенъ; 2) разнообразіе труда—самый пріятный трудъ, въ концѣ концовъ, надоѣдаетъ и разнообразіе его есть лучшее средство сдѣлать его всегда привлекательнымъ; 3) соотвѣтствіе труда влеченіямъ и способностямъ каждаго работника—трудъ выбранный по собственному вкусу, по внутреннему влеченію, обычно доставляетъ непосредственное наслажденіе; 4) созданіе соотвѣтствующей эстетической обстановки труда, имѣющей своей непосредственной цѣлью возможно скрасить и облагородить хозяйственную работу. Въ настоящее время изобрѣтательность человѣческаго генія совсѣмъ не работаетъ въ этомъ направленіи по той простой причинѣ, что изобрѣтенія такого рода не нашли бы сбыта—капиталистамъ они не нужны, а вѣдь капиталисты держатъ въ рукахъ современный хозяйственный міръ; но когда рабочій самъ возьметъ въ свои руки свою судьбу, онъ сумѣетъ не хуже дикаря разрѣшить задачу—сдѣлать хозяйственный трудъ не тяжелымъ бременемъ, какъ теперь, а свободной и радостной дѣятельностью нашихъ физическихъ и психическихъ силъ [3]).

II.

Основнымъ предметомъ труда является внѣшняя природа. Она же даетъ и тѣ силы, приводя въ дѣйствія которыя человѣкъ достигаетъ своихъ цѣлей.

Географическое положеніе страны, характеръ ея рельефа, ея горы и низменности, геологическое строеніе, распредѣленіе воды и суши, степень близости къ морю, длина и свойства морского побережья, климатъ, его теплота и влажность, почва и качество ея верхняго слоя, богатство полезными минералами, все это самымъ могущественнымъ образомъ вліяетъ на весь строй хозяйства соотвѣтствующаго народа и на успѣшность хозяйственнаго труда. Чѣмъ ниже стоитъ народъ по своему культурному развитію, тѣмъ болѣе непосредственно его хозяйственный строй опредѣляется условіями внѣшней среды, среди которой ему приходится жить и работать. Но такъ какъ какъ хозяйственный прогрессъ заключается въ расширеніи власти человѣка надъ внѣшней природой, то и общественное развитіе должно вести къ относительному освобожденію человѣка отъ подчиненія внѣшней природѣ. Въ поступательномъ ходѣ исторіи измѣняются всѣ соціальные моменты, включая сюда и хозяйство; на той же природной основѣ смѣняются самыя различныя формы хозяйства, не имѣющія ничего общаго другъ съ другомъ. Природа предоставляетъ общественной жизни широкій кругъ возможнаго въ предѣлахъ этого круга—но чѣмъ заполняется этотъ кругъ, это зависитъ лишь на первыхъ ступеняхъ развитія непосредственно отъ внѣшнихъ условій природы.

Чѣмъ ниже ступень развитія, тѣмъ тѣснѣе связь между внѣшней природой и жизнью общества. Такъ, на первыхъ ступеняхъ развитія пути сообщенія опредѣляются почти исключительно условіями внѣшней природы. Морское побережье, рѣки, горные перевалы и долины образуютъ собой первые естественные пути сообщенія, въ узловыхъ пунктахъ которыхъ возникаютъ города. Но хозяйственное развитіе создаетъ, съ теченіемъ времени, новые, искусственные пути сообщенія, которые, особенно со времени постройки желѣзныхъ дорогъ, все болѣе и болѣе уклоняются отъ первоначальныхъ естественныхъ линій сообщенія. Горы прорываются туннелями, проводятся каналы и для передвиженія создаются совершенно новые пути. Такъ, напр., Суэцкій каналъ придалъ новое направленіе міровой торговлѣ. Сравненіе карты путей сообщенія Римской Имперіи съ современной

показываетъ, что, хотя нѣкоторые узловые пункты не измѣнили положенія, общее направленіе торговыхъ путей стало иное.

„Рѣки, какъ пути сообщенія, имѣютъ всего больше значенія въ началѣ развитія каждой страны. Сообщеніе первоначально опредѣляется направленіемъ рѣкъ, слѣдуя или по самимъ рѣкамъ, или по рѣчнымъ долинамъ. Въ низменностяхъ около рѣкъ прежде всего скопляется населеніе. Впослѣдствіи зависимость отъ рѣкъ ослабѣваетъ. Населеніе, возростая по своей численности, покидаетъ долины, дороги уклоняются отъ извилистыхъ поворотовъ рѣкъ и идутъ напрямикъ“ [4]).

Такимъ образомъ, общество постепенно освобождается отъ своей первоначальной тѣсной зависимости отъ внѣшней природы. Конечно, исчезнуть эта зависимость не можетъ никогда. Природа всегда ограничиваетъ кругъ возможнаго для человѣка—но кругъ этотъ становится шире. Цѣпь, связывающая общество съ внѣшней природой, никогда не разрывается, но цѣпь эта удлиняется, и общественное развитіе становится свободнѣе въ томъ смыслѣ, что оно все болѣе опредѣляется своими собственными, внутренними, духовными, а не внѣшними, посторонними, матеріальными силами. „Первобытный народъ не есть народъ, живущій въ самой прочной связи съ природой, но живущій подъ гнетомъ природы. Поэтому, когда этнографы утверждаютъ, что развитіе культуры состоитъ во все болѣе всестороннемъ освобожденіи человѣка отъ власти природы, то слѣдуетъ замѣтить, что различіе первобытнаго и культурнаго народа въ этомъ отношеніи заключается не въ степени, а въ родѣ зависимости отъ природы. Культура есть свобода отъ власти природы не въ смыслѣ полнаго освобожденія, но въ смыслѣ болѣе многообразной, сложной и широкой зависимости“ [5]).

III

Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ поднятія производительности труда является усовершенствованіе орудій труда. „Употребленіе и созданіе орудій труда,—говоритъ Марксъ,—хотя и свойственное въ зародышѣ нѣкоторымъ животнымъ видамъ, характеризуетъ спеціально человѣческій процессъ труда и Франклинъ поэтому опредѣляетъ человѣка, какъ животное, дѣлающее орудія. Остатки древнихъ орудій труда имѣютъ для изученія исчезнувшихъ общественно экономическихъ формацій такое же важное значеніе, какъ строеніе ископаемыхъ костей для изученія организаціи исчезнувшихъ животныхъ видовъ. Экономиче-

скія эпохи различаются между собою не тѣмъ, что производится, но тѣмъ, какъ производится, какимъ орудіями труда. Орудія труда являются не только мѣриломъ развитія человѣческой рабочей силы, но также и показателемъ общественныхъ отношеній, при которыхъ производится работа“ [6]).

Въ виду этого исторія развитія орудій труда представляетъ огромный интересъ не только съ экономической, но и съ общей соціологической точки зрѣнія. Даже если и не раздѣлять исторической философіи Маркса—такъ называемаго матеріалистическаго пониманія исторіи,—все же нельзя отрицать, что переходъ къ новымъ орудіямъ труда является историческимъ факторомъ огромной важности. Но мы до сихъ поръ не имѣемъ научно разработанной исторіи развитія орудій труда.

На первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія изобрѣтенія новыхъ орудій труда происходятъ болѣе или менѣе случайно. Дикарь слишкомъ поглощенъ настоящимъ, чтобы думать объ изобрѣтеніяхъ, нужныхъ для будущаго; хозяйство для него тѣсно переплетается съ игрой и хозяйственный интересъ дѣйствуетъ слабо и непостоянно, осложненный другими мотивами. Поэтому нисколько неудивительно, что усовершенствованіе техники производства, поднятіе производительности труда происходитъ на зарѣ исторіи подъ вліяніемъ разнообразныхъ мотивовъ нехозяйственнаго характера. Чисто хозяйственныя задачи не выступаютъ во всемъ своемъ значеніи передъ младенческимъ умомъ дикаря, лишь попутно наталкивающагося на новые пріемы производства. Поэтому, какъ общее правило, введеніе новыхъ пріемовъ производства является у дикаря случайнымъ результатомъ дѣятельности нехозяйственнаго характера. Изъ украшенія тѣла возникла одежда, которая нерѣдко служила также отличительнымъ признакомъ вождей и вообще лицъ господствующаго класса [7]). Употребленіе огня, которое имѣетъ такое большое значеніе въ хозяйственной жизни человѣка, возникло также не подъ вліяніемъ хозяйственныхъ мотивовъ, а, повидимому, изъ потребностей религіознаго культа. [8]). Скотоводство, составившее эпоху въ исторіи хозяйства, выросло, какъ было выше указано, изъ приученія животныхъ ради забавы (а также по соображеніямъ религіознаго культа).

Вообще, техническія изобрѣтенія на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія носятъ въ большей или меньшей степени случайный характеръ и возникаютъ независимо отъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Однако, мало-по малу, положеніе мѣняется и изобрѣтенія эти становятся все больше и больше результатами чисто хозяйственныхъ мотивовъ. Въ этомъ смыслѣ особенно

характеренъ конецъ 18 вѣка—эпоха великой промышленной революціи, которая ознаменовалась цѣлымъ рядомъ техническихъ изобрѣтеній, главнымъ образомъ, въ текстильной промышленности. Изобрѣтенія эти всего менѣе были дѣломъ случая. Такъ напр. прядильная машина возникла, какъ результатъ цѣлаго ряда изобрѣтеній, каждое изъ которыхъ вызывалось настоятельными потребностями хозяйственной жизни. Цѣлыя поколѣнія изобрѣтателей работали надъ усовершенствованіемъ этой машины, пока она не стала тѣмъ, тѣмъ является теперь. Задолго до того времени, когда она нашла себѣ примѣненіе въ производствѣ она изобрѣталась отдѣльными талантливыми людьми, стремившимися разрѣшить задачу—придумать способъ прясть безъ помощи пальцевъ. До Аркрайта, основателя первой успѣшно дѣйствовавшей бумагопрядильной фабрики, было нѣсколько изобрѣтателей, пришедшихъ къ тому же рѣшенію этой технической задачи, которое составило славу Аркрайта. Вслѣдъ за послѣднимъ простые ткачи Гаргривсъ и Кромптонъ—не говоря уже о множествѣ болѣе второстепенныхъ дѣятелей—дѣлаютъ новыя важныя изобрѣтенія въ области примѣненія машины къ пряденію хлопчатобумажнаго волокна. Все вмѣстѣ является вполнѣ закономѣрнымъ процессомъ, движущей силой котораго была чрезвычайно сильно чувствовавшаяся въ Англіи того времени потребность въ ускореніи процесса пряденія: развитіе спроса на бумажныя ткани создало въ странѣ усиленный спросъ на бумажную пряжу, но ручная прялка не могла угнаться за ткацкимъ станкомъ—и вотъ что заставило тысячи людей ломать себѣ голову, какъ придумать способъ работать одновременно на нѣсколькихъ прялкахъ [9]). Сходныя причины вызвали изобрѣтеніе ткацкой и паровой машины. Исторія всѣхъ этихъ изобрѣтеній обнаруживаетъ полную зависимость ихъ отъ условій развитія промышленности. Промышленность требовала новаго орудія—и оно изобрѣталось заинтересованными людьми.

Наше время, однако, глубоко отличается отъ 18 вѣка въ томъ отношеніи, что теперь хозяйственныя изобрѣтенія становятся попутнымъ результатомъ развитія теоретическаго знанія.

Теоретическій интересъ вызываетъ извѣстное научное изслѣдованіе и оно проводитъ изслѣдователя совершенно неожиданно для него самого къ рѣшенію той или этой важной практической задачи. Изобрѣтенія этого типа такъ же характерны для нашего времени, какъ изобрѣтенія перваго типа для 18 вѣка. Такъ, одна половина электротехники возникла изъ теоретическихъ изслѣдованій Вольты, а другая изъ столь же теоретическихъ работъ Фарадэя. Рядъ теоретическихъ работъ по изученію строенія бензола привелъ

Зинина къ открытію новаго органическаго основанія—бензидама (анилина), что повело къ открытію Гоффманомъ искусственнаго синтеза анилиновыхъ красокъ, которыя раньше добывались изъ марены. Новѣйшее крупное изобрѣтеніе—безпроволочнаго телеграфа—находится въ самой тѣсной связи съ опытами Герца, посвященными рѣшенію совершенно теоретическаго вопроса объ электрической природѣ свѣта. Теоретическія работы Крукса повели къ открытію Рентгеномъ x-лучей—открытію, немедленно получившему важныя примѣненія и на практикѣ.

„Всѣ практическіе успѣхи,—говоритъ Гельмгольцъ,—выросли совсѣмъ неожиданно изъ изслѣдованій, которыя могли казаться самыми безполезными пустяками для непосвященныхъ, тогда какъ посвященный хотя и видѣлъ тамъ еще скрытое отношеніе причины и дѣйствія, но могъ слѣдить за нимъ только изъ чисто теоретическаго интереса“ [10]).

Конечно, и теперь множество изобрѣтеній возникаетъ на почвѣ практическихъ интересовъ хозяйства—и число такихъ изобрѣтеній въ наше время абсолютно несравненно больше, чѣмъ когда-либо раньше. Но на ряду съ этими изобрѣтеніями для нашего времени особенно характерна чрезвычайно быстро растущая группа изобрѣтеній другого типа, которыхъ прошлыя эпохи почти не знали—изобрѣтеній, создаваемыхъ ростомъ теоретическаго знанія.

Исторію техническихъ изобрѣтеній можно, такимъ образомъ, раздѣлить на три періода. Первый періодъ—человѣческое сознаніе еще такъ слабо, что человѣкъ не стремится сознательно къ поднятію производительности своего труда и изобрѣтенія дѣлаются случайно. Второй періодъ—изобрѣтеніе новыхъ орудій труда становится результатомъ сознательныхъ и планомѣрныхъ усилій человѣка поднять производительность своего труда; изобрѣтенія вызываются хозяйственными мотивами. Третій періодъ—человѣческій разумъ достигаетъ такого развитія, что теоретическое знаніе становится самоцѣлью и техническія изобрѣтенія возникаютъ попутно, какъ результатъ теоретическихъ изслѣдованій, руководимыхъ чисто теоретическими интересами.

IV

Среди разнообразныхъ орудій труда, которыя создалъ человѣкъ для увеличенія производительности своего труда, особое значеніе имѣетъ машина. Съ чисто технической точки зрѣнія Рёло опредѣляетъ машину, какъ „соединеніе способныхъ къ сопротивленію тѣлъ такимъ образомъ, чтобы съ помощью ихъ можно было заставить силы природы приводить тѣла въ опредѣленныя движенія“ [11]). Ту же самую мысль авторъ этого опредѣленія выразилъ иначе слѣдующимъ образомъ: „общій принципъ машины есть вынужденіе къ движенію. Подъ машиной разумѣютъ механизмъ, способный сообщать движеніе тѣламъ, но это движеніе должно совершаться по извѣстному плану, имъ должны быть пройдены извѣстные пути съ опредѣленной скоростью и въ извѣстной послѣдовательности въ соотвѣтствіи съ имѣющейся въ виду цѣлью“). Съ экономической точки зрѣнія характернымъ признакомъ машины является —какъ указалъ Марксъ—то, что машина, въ отличіе отъ простого орудія труда, не просто усиливаетъ и дополняетъ рабочую силу человѣка, а замѣняетъ ее.

Каждая машина состоитъ изъ трехъ частей: двигательнаго механизма, передаточнаго механизма и исполнительнаго механизма или собственно рабочей машины. Двигательный механизмъ приводитъ машину въ движеніе, причемъ движущая сила можетъ или заключаться въ самой машинѣ, какъ напримѣръ, въ паровой машинѣ, или же получать движущую силу извнѣ, какъ напр., при движеніи водой колеса водяной мельницы. Передаточный механизмъ есть сложная система для передачи движенія и измѣненія, если нужно, его направленія, превращая его, напр., изъ перпендикулярнаго въ круговое и т. п. Что же касается до рабочей машины, то эта часть машины исполняетъ ту непосредственную производственную операцію, ради которой машина и приводится въ дѣйствіе.

Такимъ образомъ, рабочая машина есть важнѣйшая часть машины. Рабочая машина производитъ тѣ же операціи, которыя при ручномъ способѣ производства исполняетъ рабочій. Это достигается благодаря тому, что машина, какъ сказано, дѣлаетъ возможнымъ движеніе только въ одномъ опредѣленомъ направленіи; при этомъ условіи работа всего механизма машины опредѣляется не направляющей силой человѣка, а устройствомъ самаго механизма. Механизмъ дѣйствуетъ автоматически, а человѣку остается только слѣдить за его дѣйствіемъ и исправлять неиз-

бѣжные недостатки механизма. Чѣмъ совершеннѣе машина, тѣмъ меньше мѣста въ ея работѣ для человѣка, и идеальной машиной была бы такая, которая работала бы совсѣмъ безъ помощи человѣка. Конечно, такихъ машинъ, совершенно замѣняющихъ человѣка, не существуетъ, но именно въ этомъ направленіи движется техника, стремящаяся все больше и больше освобождать человѣка отъ механической работы и передавать ее мертвому механизму машины.

Хотя только въ наше время машина получила большое примѣненіе въ производствѣ, исторія машины начинается съ очень древняго времени. Быть можетъ, первой машиной было сверло для добыванія огня. Лукъ и стрѣла, веретено, гончарный станокъ, явившійся прототипомъ для токарнаго станка, плугъ, разныя механическія приспособленія для меленія хлѣбныхъ зеренъ, являются примѣрами очень древнихъ машинъ. Однако, вплоть до половины 18 вѣка машины играли совершенно ничтожную роль въ производствѣ. Изобрѣтенія прядильной и ткацкой машинъ, вскорѣ вслѣдъ за изобрѣтеніемъ паровой машины, доставившей новымъ рабочимъ машинамъ могучую двигательную силу пара, явились началомъ современной эры машиннаго производства. Безъ пара было бы невозможно широкое пользованіе рабочими машинами, такъ какъ всѣ другія двигательныя силы, приводившія въ движеніе машины въ прежнее время (какъ напр., рабочая сила лошади, человѣка, сила движущейся воды, вѣтра) далеко не обладаютъ такими удобствами въ смыслѣ техническаго примѣненія, какъ паръ.

Введеніе машины составило величайшую эпоху въ исторіи техники. Благодаря машинѣ, человѣческая рабочая сила перестала быть необходимой для исполненія чисто механическихъ операцій производства. Человѣкъ, какъ механическая сила, лишился своего прежняго значенія. Съ другой стороны, чрезвычайно возросло значеніе человѣка, какъ носителя духовной энергіи. Человѣкъ сталъ повелѣвать матеріи своей волей и мыслью, уже не становясь, какъ прежде, въ одинъ рядъ съ механическими силами природы. Результаты производства стали преимущественно опредѣляться совершенствомъ примѣняющихся къ дѣлу механизмовъ, а устройство этихъ послѣднихъ стало дѣломъ систематической науки. Такимъ образомъ, техника вступила въ непосредственную связь съ наукой и дальнѣйшее ея развитіе стало опредѣляться развитіемъ теоретической научной мысли.

Но въ силу антагонистическаго характера, присущаго капиталистическому строю, именно техническое совершенство машины, сравнительно съ ручными орудіями труда, приводитъ къ

приниженію того, кто непосредственно производитъ продуктъ—рабочаго. Чѣмъ совершеннѣе машина, тѣмъ въ большей мѣрѣ она можетъ замѣнить рабочаго въ процессѣ производства; а такъ какъ руководителемъ процесса производства является, при современныхъ условіяхъ, не рабочій, а капиталистъ, которому принадлежитъ машина, то послѣдній и обращаетъ ея техническую мощь противъ рабочаго. Машина становится не слугой, а торжествующимъ соперникомъ работающаго человѣка; продуктъ труда послѣдняго, машина, служитъ въ рукахъ капиталиста лучшимъ средствомъ борьбы съ рабочимъ. Введеніе новыхъ машинъ нерѣдко происходило и происходитъ послѣ крупныхъ стачекъ рабочихъ—убѣдившись въ непокорности живого орудія труда капиталистъ обращается къ помощи мертваго. И потому рабочій привыкаетъ видѣть въ машинѣ своего самаго опаснаго врага. Еще въ двадцатыхъ годахъ 19 вѣка англійскіе ткачи нападали на ткацкія фабрики и уничтожали ткацкія машины, которыя лишали ихъ заработка и передавали связанными по рукамъ и по ногамъ въ распоряженіе капиталиста.

Но, конечно, не въ машинѣ лежитъ причина того, что ея распространеніе чувствуется рабочимъ классомъ, какъ тяжелое бѣдствіе. Сама по себѣ, машина, чрезвычайно повышая производительность общественнаго труда, является источникомъ небывалаго роста общественнаго богатства, характеризующаго наше время. И если этотъ ростъ общественнаго богатства лишь очень незначительно улучшаетъ положеніе рабочаго класса, то причиной этого являются общественныя условія производства, антагонистическая система капитализма.

Настоящій курсъ подраздѣляется на пять отдѣловъ: общее ученіе о хозяйствѣ, производство, обмѣнъ, распредѣленіе и ученіе о капиталистическомъ хозяйствѣ въ его цѣломъ. Въ отдѣлѣ производства изслѣдуются общественныя отношенія, возникающія на основѣ производства продуктовъ, въ отдѣлѣ обмѣна—на основѣ обмѣна изготовленныхъ продуктовъ, въ отдѣлѣ распредѣленія—распредѣленія ихъ между различными общественными классами и въ послѣднемъ отдѣлѣ разсматривается цѣлое капиталистическаго хозяйства, какъ результатъ взаимодѣйствія всѣхъ его частныхъ процессовъ. Со времени французскаго систематика политической экономіи—Ж. Б. Сэ—общіе курсы политической экономіи обычно дѣлятся на отдѣлы производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія. Однако, какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ курсѣ П. И. Георгіевскій [13]), отдѣлу потребленія не посчастливилось въ политической экономіи. Въ то время какъ другіе отдѣлы отнюдь не страдаютъ недостаткомъ содержанія, отдѣлъ потребленія, несмотря на свое многолѣт-

нее существованіе, все еще не можетъ занять опредѣленнаго мѣста въ общей системѣ. Почти каждый экономистъ наполняетъ его инымъ содержаніемъ. Обыкновенно въ этотъ отдѣлъ помѣщаются ученія о хозяйственныхъ кризисахъ, о страхованіи, объ обществахъ потребителей, иногда о бюджетахъ рабочихъ и пр. Но каждый изъ этихъ подотдѣловъ можетъ найти себѣ мѣсто въ другихъ отдѣлахъ: ученіе же о потребленіи въ собственномъ смыслѣ слова представляетъ собой, какъ общее правило, нѣчто въ высокой степени незаконченное и скудное.

Проф. Георгіевскій признаетъ въ виду этого важной очередной задачей политической экономіи созданіе систематически разработаннаго ученія о потребленіи и пробуетъ разрѣшить въ своемъ курсѣ эту трудную задачу. Я стою на принципіально противоположной точкѣ зрѣнія и думаю вмѣстѣ съ Дюрингомъ[14]), что отдѣлъ потребленія потому такъ мало разработанъ въ экономической наукѣ, что онъ неправильно включенъ въ эту науку. Дѣло въ томъ, что потребленіе, какъ было объяснено выше, отнюдь не является хозяйственной дѣятельностью; значитъ, для потребленія и нѣтъ мѣста въ наукѣ о хозяйствѣ. Вѣдь вся человѣческая жизнь есть не что иное, какъ потребленіе, и если потребленіе должно быть особымъ предметомъ изученія политической экономіи, то послѣдняя должна охватить всѣ науки о человѣкѣ. Фортепіанная игра есть потребленіе фортепіано и, значитъ, теорія фортепіанной игры съ этой точки зрѣнія тоже отчасти входитъ въ составъ политической экономіи. Именно невозможность втиснуть потребленіе въ рамки хозяйства и привела къ безсодержательности отдѣла о потребленіи въ курсахъ политической экономіи[15]). То, что обычно помѣщаютъ въ отдѣлъ потребленія, включается въ него лишь потому, что нужно же чѣмъ-нибудь его заполнить.

Напримѣръ, хозяйственные кризисы самымъ очевиднымъ образомъ соприкасаются со всѣми сторонами хозяйственной жизни современнаго общества и отнюдь не представляютъ собой явленія потребленія. Не существуетъ ни одной теоріи кризисовъ, которая усматривала бы конечную причину кризисовъ въ области потребленія, ибо такъ называемыя теоріи «недостаточнаго потребленія» видятъ конечную причину кризисовъ не въ области потребленія, а въ области распредѣленія. Что касается до страхованія, то оно является, съ теоретической точки зрѣнія, актомъ обмѣна, какъ это будетъ обосновано въ соотвѣтствующей главѣ настоящаго курса. Общества потребителей только по случайному созвучію своего названія могли быть включены въ отдѣлъ потребленія—они представляютъ собой организаціи закупокъ, т. е. обмѣна и развились на почвѣ борьбы съ торговыми предпріятіями; ихъ естественное мѣсто въ отдѣлѣ обмѣна. Наконецъ, рабочіе бюджеты не могутъ не быть изучаемы въ связи съ заработной платой и, значитъ, входятъ въ отдѣлъ распредѣленія.

Въ большинствѣ курсовъ политической экономіи отдѣлъ производства начинается ученіемъ о трехъ такъ наз. факторахъ производства, каковыми признаются земля, трудъ и капиталъ. Я не считалъ возможнымъ слѣдовать этому обычаю по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего, самое ученіе о факторахъ производства кажется мнѣ неправильнымъ. Конечно, стоя на точкѣ зрѣнія техники, противъ такой классификаціи силъ, дѣйствующихъ въ производствѣ, возражать нечего. Но эта классификація, удобная для техника, весьма неудобна для экономиста. Какъ

было указано въ главѣ о методологіи политической экономіи, экономистъ въ своихъ классификаціяхъ долженъ исходить изъ представленія о самоцѣльности человѣческой личности. Между тѣмъ, приравнивая рабочаго орудію его труда и землѣ, мы, очевидно, разсматриваемъ рабочаго какъ простое средство производства, а не какъ цѣль. Опасность такой классификаціи въ томъ, что она затемняетъ ту основную точку зрѣнія, которая должна быть господствующей въ политической экономіи. На практикѣ эта классификація причинила очень много вреда политической экономіи и совершенно спутала многія ея ученія. Достаточно указать хотя бы на ученіе о распредѣленіи автора этой классификаціи Сэ. Приравниваніе рабочаго капиталу и землѣ явилось для Сэ средствомъ оправданія нетрудового дохода. Вообще, это ученіе окрашено интересами капиталистическаго класса, для котораго рабочій, дѣйствительно, только средство производства, и потому не должно имѣть мѣста въ политической экономіи, признающей рабочаго такой же самоцѣлью, какъ и всякаго другого человѣка.

Но и помимо этого принципіальнаго соображенія, ученіе о трехъ факторахъ производства отнюдь не пригодно для того, чтобы играть роль краеугольнаго камня всего ученія о производствѣ. Оно сопоставляетъ три момента совершенно различнаго порядка и дѣлаетъ невозможнымъ правильное освѣщеніе каждаго изъ нихъ. Вотъ почему ученіе это неудобно и въ той переработкѣ, которой оно подверглось хотя бы въ весьма тщательно продуманномъ курсѣ Чупрова. Чупровъ настаиваетъ на томъ, что продукты создаются трудомъ и больше ничѣмъ. «Съ экономической точки зрѣнія,—совершенно правильно говоритъ онъ,—содѣйствіе силъ природы и капитала является лишь условіемъ большей или меньшей производительности труда, единственнаго творца хозяйственныхъ благъ» [16]). Тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ возможнымъ свести условія производительности труда къ слѣдующимъ «тремъ главнымъ категоріямъ: во-первыхъ, къ условіямъ, связаннымъ съ самимъ трудомъ, во-вторыхъ, къ условіямъ связаннымъ со свойствами матеріаловъ и силъ внѣшней природы и, въ третьихъ, къ условіямъ, связаннымъ съ капиталомъ» [17]), и послѣдовательно разсматриваетъ одну категорію условій за другой. Въ результатѣ получается слѣдующее. При разсмотрѣніи условій внѣшней природы рѣчь идетъ о такихъ моментахъ, которые, строго говоря, выходятъ за предѣлы политической экономіи и относятся къ естествознанію (географіи). При разсмотрѣніи условій, связанныхъ съ трудомъ, приходится говорить частью опять объ условіяхъ внѣшняго характера, также выходящихъ за предѣлы политической экономіи, какъ напр., о распредѣленіи населенія по возрастамъ, по поламъ, и т. п., что является областью статистики населенія, частью же объ условіяхъ чисто соціальныхъ, напр., о распредѣленіи населенія по занятіямъ, и даже о фабричномъ законодательствѣ и т. п., чему мѣсто, казалось бы, вовсе не въ началѣ отдѣла о производствѣ. Затѣмъ слѣдуетъ ученіе о капиталѣ, причемъ капиталъ разсматривается одновременно и какъ логическая и какъ историческая категорія хозяйства. Развивается все трудное ученіе о воспроизведеніи общественнаго капитала, совершающемся, какъ извѣстно, путемъ ряда обмѣновъ на основѣ сложныхъ соціальныхъ отношеній капиталистическаго общества. Все вмѣстѣ образуетъ нѣчто въ высокой степени хаотичное и незаконченное,

ибо, напр., пониманіе условій воспроизводства общественнаго капитала предполагаетъ предварительное знаніе законовъ реализаціи продуктовъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Вообще, ученіе о круговоротѣ общественнаго капитала, будучи однимъ изъ труднѣйшихъ отдѣловъ политической экономіи, можетъ быть излагаемо лишь въ концѣ курса послѣ выясненія болѣе элементарныхъ явленій капиталистическаго хозяйства, но никоимъ образомъ не въ началѣ.

Въ текстѣ сдѣлана попытка совершенно порвать съ традиціоннымъ ученіемъ о трехъ факторахъ производства. Въ настоящей главѣ разсматривается процессъ производства преимущественно въ абстрактной формѣ, какъ логическая категорія хозяйства. Въ слѣдующихъ главахъ будутъ разсмотрѣны исторически преходящія соціальныя формы, въ которыхъ совершается производственный процессъ.

Въ современныхъ курсахъ политической экономіи до настоящаго времени находятъ себѣ мѣсто разсужденія о такъ наз. производительномъ и непроизводительномъ трудѣ. Эта классификація играла въ свое время очень большую роль въ политической экономіи. Она ведетъ свое начало преимущественно отъ физіократовъ, которые признавали производительнымъ трудомъ только трудъ земледѣльца, на томъ основаніи, что, по ихъ взгляду, только земледѣльческій трудъ создаетъ новое богатство. Отъ физіократовъ это дѣленіе перенялъ Адамъ Смитъ, признавшій производительнымъ всякій трудъ, создающій матеріальное богатство. Затѣмъ между экономистами послѣдовали продолжительные споры по вопросу объ отличительныхъ признакахъ производительнаго и непроизводительнаго труда, причемъ французскіе экономисты были склонны расширять понятіе производительнаго труда такъ, чтобы оно охватывало всякій полезный трудъ, а англійскіе экономисты (школа Рикардо) остались вѣрны пониманію Смита. Споръ этотъ продолжается и до настоящаго времени. Мнѣ кажется онъ однимъ изъ яркихъ примѣровъ тѣхъ чисто схоластическихъ словопреній, въ склонности къ которымъ Контъ упрекалъ экономистовъ [18]). Дѣйствительно, для чего нужно экономической наукѣ дѣленіе труда на производительный и непроизводительный? Для физіократовъ дѣленіе это имѣло вполнѣ опредѣленный и очень важный смыслъ: съ ихъ точки зрѣнія производительный трудъ былъ наиболѣе полезнымъ трудомъ для народнаго хозяйства. Но уже Смитъ совершенно порвалъ съ этимъ пониманіемъ и усиленно настаивалъ на томъ, что названная классификація не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ большей или меньшей полезности различныхъ видовъ общественнаго труда. Но если такъ, то все это дѣленіе лишается всякаго научнаго значенія. Въ сущности, за нимъ скрывается дѣйствительно очень важное для политической экономіи дѣленіе труда на хозяйственный и нехозяйственный трудъ. Это послѣднее дѣленіе необходимо экономической наукѣ для точнаго установленія области своего изслѣдованія и доказывать важность его нѣтъ надобности. Оно и дано въ настоящемъ курсѣ. Но рядомъ съ нимъ для традиціоннаго дѣленія труда на производительный и непроизводительный рѣшительно не остается мѣста [19]).

ЛИТЕРАТУРА.

Общая литература. Марксъ. Капиталъ. T. I. Jevons. The Theory of Political Economy. 3-е изд. 1888. Бюхеръ. Работа и ритмъ (нѣсколько русскихъ переводовъ). Зомбартъ Организація труда и трудящихся. Пер. съ нѣм. 1901. Reuleaux. Theoretische Kinematik. Grundzüge einer Theorie des Maschinenwesens. 1875. L. Noiré. Das Werkzeug. 1880. Ernst Kapp. Grundlinien einer Philosophie der Technik. 1877. Geiger. Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit. 1878.

Техника первобытныхъ народовъ. Морганъ. Первобытное общество. Липпертъ. Исторія культуры. E. Hahn. Die Haustiere in ihren Beziehungen zur Wirtschaft der Menschen. 1896. Bücher. Die Wirtschaft der Naturvölker. 1898.

Новѣйшая исторія техники и техническихъ изобрѣтеній. Baines. History of the cotton manufacture in Great-Britain. 1837. James. History of the worsted manufacture. 1857. Felkin. History of the machine wrought hosiery and laces manufacture. 1867. Cooke Taylor. Introduction to a history of the factory system. 1886. Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Пер. съ англ. 1898. Karmarsch. Geschichte der Technologie. 1872. Bucher. Geschichte der technischen Künste. 1875. Reuleaux. Kurzgefasste Geschichte der Dampfmaschine. 1891. Его же. Vorträge über Geschichte der technischen Mechanik. 1885.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ I.

1) Jevons. The Theory of Political Economy. 3-е изд. Стр. 172.

2) Bücher. Arbeit und Rythmus. 3-е изд. Стр. 342 и слѣд.

3) Вопросъ о приданіи хозяйственному труду пріятнаго характера былъ однимъ изъ центральныхъ вопросовъ системы Фурье. И безъ сомнѣнія, Фурье въ этой области высказалъ много глубоко вѣрнаго, хотя его основной тезисъ—что при «гармоническомъ» устройствѣ общества всякій трудъ будетъ пріятенъ и исчезнетъ необходимость какого бы то ни было внѣшняго побужденія къ труду—заходитъ въ этомъ направленіи слишкомъ далеко. См. критическій разборъ этого тезиса въ моей книгѣ «Современный соціализмъ». 1906. Стр. 187—190.

4) Ratzel. Anthropogeographie. T. II. Стр. 535.

5) Тамъ же. T. I. Стр. 65.

6) Марксъ. Капиталъ. T. I. Стр. 128.

7) «Человѣкъ создалъ предметы украшенія раньше, чѣмъ одежду; одежда, въ нѣкоторой своей части, есть не что иное, какъ преобразованные предметы украшенія». Lippert. Die Kulturgeschichte. 1885. T. I. Стр. 175. «То, что австралійскіе дикари носятъ, представляетъ собой скорѣе украшеніе, чѣмъ одежду». Ratzel. Völkerkunde. T. II. 1886. Стр. 38. «Корень происхожденія знака отличія и одежды одинъ и тотъ же... Платье, подобно знаку отличія, первоначально носится изъ желанія возбудить удивленіе». Спенсеръ. Основанія соціологіи. 1898. § 412. Стр. 210.

8) Зомбартъ. Организація труда. Стр. 36.

9) Исторія изобрѣтенія прядильной машины хорошо извѣстна и описывалась много разъ. Движущія силы этого изобрѣтенія были вполнѣ понятны по своей очевидности уже болѣе старымъ изслѣдователямъ

См. хотя-бы E. Baines, History of the Cotton Manufacture in Great Britain 1835. Стр. 117 и др.

10) См. Д. Гольдгаммеръ. Столѣтіе физики. (Русская Мысль. 1902. II).

11) Зомбартъ. Организація труда. Стр. 61.

12) Тамъ же, стр. 62—63.

13) См. его предисловіе къ 4-му изданію «Политической Экономіи».

14) „Такъ назыв. теорія потребленія,—говоритъ Дюрингъ,—оказалась вынужденной свестись къ скуднымъ замѣчаніямъ относительно роскоши и непроизводительнаго потребленія и по необходимости стала повсемѣстно играть роль въ высшей степени излишняго придатка или одиноко стоящаго дополненія". Dühring. Kursus der National und Social Ökonomie. Изд. 3. 1892. Стр. 9.

15) „Потребленіе—правильно замѣчаетъ г. Базаровъ—только по недоразумѣнію можетъ быть включено въ область политической экономіи" Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность. 1899. Стр. 6.

16) Чупровъ. Политическая Экономія. Стр. 74.

17) Тамъ же, стр. 80.

18) Я смѣю утверждать это, несмотря на то, что вопросу о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ посвящено чуть не 200 страницъ въ работѣ Маркса „Theorien über den Mehrwert". Но именно эти разсужденія Маркса и убѣждаютъ меня въ полной безплодности всего соотвѣтствующаго спора. Изъ такой сухой смоковницы даже Марксъ не могъ извлечь никакихъ плодовъ. Въ результатѣ своего обширнаго изслѣдованія Марксъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „производительный трудъ,—въ системѣ капиталистическаго производства—есть такой, который создаетъ прибавочную цѣнность для лица, примѣняющаго этотъ трудъ, или такой, который превращаетъ объективныя условія труда въ капиталъ и собственника этихъ общественныхъ условій въ капиталиста, слѣдовательно, такой трудъ, который производитъ свой собственный продуктъ, какъ капиталъ". (Theorien über den Mehrwert. I. Стр. 411). Такихъ опредѣленій можно создать сколько угодно, но для чего онѣ нужны? Согласно этому опредѣленію, трудъ крестьянина, работающаго на своемъ полѣ, непроизводителенъ (такъ какъ онъ не создаетъ прибавочной цѣнности) и производителенъ, когда крестьянинъ работаетъ на полѣ сельскохозяйственнаго предпринимателя-капиталиста. Но, будучи непроизводительнымъ, трудъ крестьянина, работающаго на себя, все же создаетъ продуктъ и обладаетъ, по Марксу, производительной силой и производительностью. Итакъ, непроизводительный трудъ, производящій продуктъ и обладающій производительностью!

19) Подвергнувъ остроумной критикѣ различныя пониманія раздѣленія труда на производительный и непроизводительный, А. А. Исаевъ приходитъ къ тому выводу, что производительнымъ трудомъ долженъ считаться всякій полезный, а непроизводительнымъ—безполезный трудъ. «Непроизводительнымъ (трудомъ),— говоритъ онъ,— мы считаемъ всякій безполезный трудъ» (Начала Политической экономіи. Стр. 57). Если такъ, то проще и говорить о полезномъ и безполезномъ трудѣ и не плодить безъ пользы новыхъ терминовъ, тѣмъ болѣе, что можно усомниться въ научной важности такого глубокаго дѣленія, какъ дѣленіе труда на полезный и безполезный.

Глава II.

Простое и сложное сотрудничество.

I. Простое сотрудничество. Его формы. Товарищескій трудъ. Скопленіе труда. Сцѣпленіе труда. II. Законъ большей производительности крупнаго производства сравнительно съ мелкимъ. Математическія основанія этого закона. Его хозяйственные предѣлы. III. Сложное сотрудничество. Общественное и техническое раздѣленіе труда. Выгоды раздѣленія труда. Оцѣнка ихъ относительнаго значенія. IV. Распаденіе общества на обособленныя группы. Возникновеніе господствующихъ группъ. Жрецы. Воины. Торговцы. Ремесленники. V. Дифференціація общества, какъ законъ общественнаго прогресса. Теорія Спенсера. Раздѣленіе труда и распредѣленіе въ обществѣ богатства и власти. Различіе общества и организма. Границы общественной дифференціаціи. Дополнительныя замѣчанія. Критическая оцѣнка Смитовскаго ученія о раздѣленіи труда. Соображенія Маркса и Бюхера. Теорія Михайловскаго о противоположности дифференціаціи общества и дифференціаціи индивида. Критика этой теоріи.

I.

Индивидуальный, единоличный хозяйственный трудъ является въ человѣческомъ обществѣ исключеніемъ, а господствующей формой труда является совмѣстный трудъ болѣе или менѣе обширныхъ группъ людей. Трудъ нѣсколькихъ людей, находящихся въ извѣстномъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ, называется сотрудничествомъ. Оно бываетъ простымъ и сложнымъ. Простымъ сотрудничествомъ называется совмѣстная работа нѣсколькихъ людей, исполняющихъ одну и ту же работу. Если же работа ихъ различна, то это будетъ сложное сотрудничество.

Можно различать три вида простого сотрудничества: 1) товарищескій трудъ, 2) скопленіе труда и 3) сцѣпленіе труда. Товарищескимъ трудомъ называется такой трудъ, при

которомъ каждый работаетъ независимо отъ другого, значеніе же товарищества состоитъ лишь въ непосредственномъ сосѣдствѣ одного работника съ другими. На первый взглядъ можетъ показаться, что здѣсь нѣтъ никакого сотрудничества; однако, это близкое сосѣдство работающихъ людей оказываетъ на самомъ дѣлѣ значительное косвенное вліяніе на производительность труда. У первобытныхъ народовъ существовали даже особыя зданія, предназначенныя для общественнаго труда, раздѣленныя пополамъ: въ одномъ отдѣленіи работали мужчины, въ другомъ женщины. И въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ обычай совмѣстныхъ работъ—напр. крестьянскія дѣвушки собираются въ одну избу для совмѣстнаго пряденія. Точно также ткачи-кустари центральной Россіи еще недавно работали преимущественно въ такъ называемыхъ свѣтелкахъ—общественныхъ зданіяхъ, выстроенныхъ или на средства отдѣльныхъ предпринимателей, или же въ складчину самими кустарями, причемъ каждый изъ участниковъ оплачивалъ свое мѣсто. Значеніе товарищескаго труда заключается, прежде всего, въ томъ, что совмѣстный трудъ даетъ возможность сообща пользоваться средствами производства, сберегать расходы по отопленію, помѣщенію, освѣщенію и т. п. Съ другой стороны, товарищескій трудъ имѣетъ и чисто психическое вліяніе на работу, дѣлая ее болѣе производительной благодаря соревнованію работающихъ, болѣе пріятной внѣшней обстановкѣ, меньшей монотонности труда и т. п.

Вторая форма простого сотрудничества—скопленіе труда—имѣетъ мѣсто тогда, когда нѣсколько работающихъ соединяютъ свои усилія вмѣстѣ для исполненія работы, которая превышаетъ силы каждаго изъ нихъ — напр., при поднятіи большой тяжести. Вообще, когда хозяйственная жизнь требуетъ какого-нибудь очень обширнаго сооруженія, то таковое можетъ быть исполнено только при помощи скопленія труда. Обычными примѣрами скопленія труда является устройство дорогъ, проведеніе каналовъ и т. п. Всѣ подобныя сооруженія безусловно превышаютъ силы единичнаго человѣка и могутъ быть осуществлены лишь при помощи силы массъ — соединенія въ одно трудовыхъ усилій множества людей.

Временное скопленіе труда наблюдается въ производствахъ, имѣющихъ такъ наз. критическіе періоды—такіе періоды, въ теченіе которыхъ за короткій срокъ требуется исполнить работу, превышающую силу отдѣльнаго человѣка, какъ, напримѣръ, въ земледѣліи косьба или уборка хлѣба на обширныхъ пространствахъ и т. п.

Третья форма простого сотрудничества — сцѣпленіе труда — характеризуется тѣмъ, что въ этомъ случаѣ рабочіе, хотя и могли бы исполнить данную работу своими единичными силами, но, помогая другъ другу, увеличиваютъ производительность общаго труда. Работа могла бы быть исполнена и отдѣльнымъ рабочимъ (и въ этомъ отличіе сцѣпленія труда отъ скопленія труда), но не такъ успѣшно. Характерными примѣрами сцѣпленія труда у первобытныхъ народовъ являются общественныя охоты и рыбныя ловли. Въ этомъ случаѣ благодаря сотрудничеству обширныхъ массъ людей становится возможнымъ убить и поймать значительно большее количество дичи, чѣмъ это было бы доступно при охотѣ единоличными силами. Въ книгѣ Н. Зибера „Очерки первобытной экономической культуры“ приводятся многочисленные примѣры такихъ общинныхъ охотъ и рыбныхъ ловель [1]). Во всѣхъ ихъ примѣняется то, что можно назвать принципомъ цѣпи. Охотники образуютъ собой цѣпь, облаву, и благодаря этому ни одно животное, охваченное цѣпью, облавой, не можетъ уйти отъ охотника.

Сцѣпленіе труда наблюдается также при постройкѣ нѣсколькими рабочими дома. Рабочіе, одновременно работая надъ постройкой дома, работаютъ болѣе производительно, чѣмъ могъ бы работать отдѣльный рабочій: если бы каждый рабочій работалъ одинъ, то ему пришлось бы непроизводительно тратить время на переходъ съ одного мѣста къ другому, при совмѣстной же работѣ нѣсколькихъ плотниковъ или каменьщиковъ домъ равномѣрно растетъ со всѣхъ сторонъ — коллективный рабочій охватываетъ домъ со всѣхъ сторонъ и непроизводительная трата труда на перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто устраняется. Принципъ цѣпи выступаетъ съ еще большей ясностью, когда рабочіе при постройкѣ дома, чтобы поднять наверхъ грузъ кирпичей, становятся въ рядъ и вмѣсто того, чтобы спускаться и подыматься по одиночкѣ съ этимъ грузомъ, передаютъ его изъ рукъ въ руки и, такимъ образомъ, переносятъ его на верхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ каждый отдѣльный рабочій непосредственно помогаетъ другому, благодаря чему трудъ всѣхъ соединяется въ одно общее цѣлое и становится производительнѣе. Вмѣсто одного рабочаго съ двумя руками является коллективный рабочій, обладающій десятками и сотнями рукъ. Въ другихъ случаяхъ сцѣпленія труда работа каждаго рабочаго сохраняетъ свой индивидуальный, обособленный характеръ, но благодаря одновременнымъ или послѣдовательнымъ трудовымъ дѣйствіямъ нѣсколькихъ рабочихъ, становится возможнымъ для каждаго рабочаго

болѣе правильное регулированіе его личнаго труда. Возьмемъ, напр., ручную молотьбу. Молотить можетъ и одинъ рабочій. Но если въ молотьбѣ участвуетъ нѣсколько рабочихъ, причемъ каждый изъ нихъ ударяетъ цѣпомъ вслѣдъ за другимъ, то работа идетъ гораздо спорнѣе потому, что взмахи цѣпомъ становятся правильнѣе и ритмичнѣе, поднятіе и опусканіе цѣпа совершаются черезъ одни и тѣ же промежутки времени. Благодаря этой ритмичности, регулируемой внѣшнимъ образомъ самимъ процессомъ совмѣстной работы, становится возможнымъ достиженіе автоматизма работы—а это очень существенно повышаетъ ея производительность. Чѣмъ автоматичнѣе трудъ, тѣмъ меньше приходится рабочему тратить своего вниманія, а, значитъ, и нервной силы, на исполненіе ея наилучшимъ образомъ. Автоматизмъ работы экономизируетъ нервную силу человѣка и въ то же время даетъ возможность работнику исполнять работу съ быстротой и отчетливостью, присущей чисто рефлекторнымъ процессамъ нашего организма.

Простое сотрудничество было очень распространено на первыхъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія. Но было бы грубой ошибкой думать, что простое сотрудничество свойственно только первоначальнымъ ступенямъ хозяйственнаго развитія. Наоборотъ, теперь совмѣстно трудятся гораздо большія массы рабочихъ, чѣмъ прежде, соотвѣтственно большей обширности хозяйственныхъ задачъ. Современная фабрика представляетъ собой комбинацію простого и сложнаго сотрудничества, причемъ множество рабочихъ исполняютъ одну и ту же работу. Гигантскія предпріятія нашего времени—напримѣръ, постройки желѣзныхъ дорогъ,—требуютъ сотрудничества десятковъ и сотенъ тысячъ людей, занятыхъ одной и той же работой.

II.

Помимо указанныхъ обстоятельствъ, повышающихъ производительность труда рабочихъ, работающихъ сообща, всѣмъ видамъ совмѣстной работы болѣе или менѣе обширныхъ группъ людей присущи въ большей или меньшей степени тѣ выгоды, которыя свойственны, съ чисто технической стороны, *крупному* производству сравнительно съ *мелкимъ*. Постройка дома вдвое большей вмѣстимости стоитъ, какъ общее правило, не вдвое большихъ, а нѣсколько меньшихъ затратъ; устройство котла вдвое большихъ размѣровъ обходится не вдвое дороже, а нѣсколько меньше; одинаковое освѣщеніе вдвое большаго помѣщенія требуетъ не двойного, а нѣсколько меньшаго увеличенія освѣтительныхъ средствъ: для

отопленія вдвое большаго дома требуется менѣе, чѣмъ вдвое топлива и точно также машина вдвое большей силы требуетъ менѣе, чѣмъ вдвое большаго количества топлива для исполненія двойной работы, и т. д. и т. д. Вообще, въ извѣстныхъ предѣлахъ, всякое увеличеніе размѣровъ производства приводитъ къ тому, что на достиженіе того же полезнаго эффекта приходится затрачивать меньше и меньше силы. По нѣкоторымъ американскимъ вычисленіямъ годовой расходъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ на одну конную силу при пятисильныхъ паровыхъ машинахъ равенъ, въ переводѣ на русскія деньги, 354 р., при пятидесятисильныхъ машинахъ—105 р. и при машинахъ въ 3.000 силъ—36 р. Газовый двигатель въ одну конную силу стоитъ фабрикѣ 470 р., а въ десять силъ—1.690 р.[2]). На петербургскомъ машиностроительномъ заводѣ Г. А. Лесснера паровой котелъ въ 100 квадр. метровъ площади нагрѣва продается за 4.500—5.000 руб., а котелъ съ площадью нагрѣва въ 200 кв. метровъ (т. е. съ вмѣстимостью, приблизительно, въ четыре раза большей) продается за 7.000—8.000 руб. На томъ же заводѣ паровая машина компаундъ съ конденсаціей въ 100 силъ продается, приблизительно, за 12 тыс. руб., а такая же машина въ 200 силъ—за 17—18 тыс. руб. Чѣмъ крупнѣе машина, постройка или какое-либо сооруженіе, тѣмъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, меньше стоитъ единица полезнаго эффекта.

Эта зависимость имѣетъ такой всеобщій характеръ, что она не можетъ не вытекать изъ какихъ-либо общихъ законовъ природы. И дѣйствительно, зависимость эта есть не что иное, какъ необходимое послѣдствіе геометрическаго закона соотношенія объема и поверхности: объемы шаровъ растутъ, какъ кубы радіусовъ, а поверхности, какъ квадраты радіусовъ—чѣмъ больше тѣло, тѣмъ меньше приходится поверхности на единицу объема, откуда слѣдуетъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда полезное дѣйствіе тѣла находится въ соотношеніи съ его объемомъ, а стоимость производства — съ его поверхностью (что является наиболѣе частымъ случаемъ въ хозяйствѣ), увеличеніе объема производимыхъ тѣлъ должно, при прочихъ равныхъ условіяхъ, уменьшать стоимость достиженія даннаго полезнаго эффекта. Поэтому, при прочихъ равныхъ условіяхъ, чѣмъ больше домъ, тѣмъ дешевле обходится единица его объема. Машина вдвое большаго объема и вдвое больше принимающая топлива, менѣе чѣмъ вдвое больше непроизводительно теряетъ тепла черезъ свою поверхность; точно также непроизводительное треніе, при увеличеніи вдвое объема машины, увеличивается менѣе чѣмъ

вдвое, ибо поверхность машины увеличивается при этомъ менѣе чѣмъ вдвое, и т. д. и т. д. Благодаря всему этому, полезное дѣйствіе машины растетъ по мѣрѣ увеличенія ея объема. Чтобы отопить вдвое большее помѣщеніе требуется менѣе, чѣмъ вдвое топлива потому, что при увеличеніи вдвое помѣщенія уменьшается, по отношенію къ его вмѣстимости, площадь его поверхности, а всякое помѣщеніе непроизводительно теряетъ теплоту черезъ свою поверхность. Если вынуть стѣну, раздѣляющую двѣ освѣщенныя комнаты, то сила свѣта въ каждой изъ нихъ увеличится, такъ какъ свѣтъ въ одной комнатѣ будетъ освѣщать и другую и т. д. и т. д.

Поэтому при крупномъ производствѣ, имѣющемъ возможность пользоваться болѣе крупными постройками, машинами и вообще средствами производства, пользованіе ими по отношенію къ ихъ полезному эффекту обходится дешевле, единица полезнаго дѣйствія стоитъ меньше, чѣмъ при мелкомъ — и въ этомъ заключается основное техническое преимущество крупнаго производства надъ мелкимъ [3]).

Но преимущество это не имѣетъ абсолютнаго значенія: оно имѣетъ силу лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такъ, напр., постройка двухэтажнаго дома обходится относительно дешевле, чѣмъ одноэтажнаго, потому что сберегаются расходы на крышу и фундаментъ — то и другое приходится дѣлать въ обоихъ случаяхъ въ равномъ размѣрѣ. Но, напримѣръ, постройка двадцатиэтажнаго дома обошлась бы не въ двадцать, а въ гораздо большее число разъ дороже, чѣмъ постройка обычнаго одноэтажнаго дома. Въ этомъ случаѣ пришлось бы прибѣгнуть къ совершенно инымъ строительнымъ матеріаламъ и пріемамъ постройки, такъ какъ обычные строительные матеріалы не обладаютъ для такой постройки достаточной прочностью. Такимъ образомъ, за извѣстнымъ предѣломъ, увеличеніе объема производимаго продукта ведетъ къ относительно болѣе быстрому возрастанію расходовъ производства, благодаря все большему сопротивленію, которое приходится при этомъ преодолѣвать.

Итакъ, законъ относительной выгодности крупнаго и мелкаго производства можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ. Крупное производство требуетъ, до извѣстнаго предѣла, при прочихъ равныхъ условіяхъ, для достиженія единицы полезнаго эффекта меньшей затраты труда, чѣмъ мелкое; по достиженіи же этого предѣла дальнѣйшее увеличеніе размѣра производства ведетъ къ росту стоимости единицы полезнаго эффекта. Иначе говоря, для каждаго рода производства существуетъ свой optimum—

такой размѣръ производства, при которомъ производительность труда достигаетъ своей наибольшей величины. До достиженія этого оптимума всякое увеличеніе размѣра производства увеличиваетъ производительность труда; когда оптимумъ достигнутъ, то дальнѣйшее увеличеніе размѣра производства ведетъ къ паденію производительности труда.

На какомъ пунктѣ находится тотъ предѣлъ, за которымъ дальнѣйшее расширеніе производства технически нерацiонально, ибо оно сопровождается не повышеніемъ, а пониженіемъ производительности труда—это въ общей формѣ установлено быть не можетъ и зависитъ отъ сложныхъ техническихъ и экономическихъ условій каждаго отдѣльнаго рода производства.

III.

Въ основѣ сложнаго сотрудничества лежитъ раздѣленіе труда, которое бываетъ двоякаго рода: 1) техническое и 2) общественное раздѣленіе труда. Техническимъ раздѣленіемъ труда называется разложеніе какой либо трудовой операціи на ея различныя составныя части, причемъ каждая часть работы выполняется особымъ рабочимъ. Общественное же раздѣленіе труда заключается въ томъ, что каждый рабочій спеціализируется на исполненіи той или иной различной частичной работы, входящей въ составъ всего общественнаго труда.

Общественное раздѣленіе труда можетъ не сопровождаться техническимъ и обратно. Такъ, напр. если мужчины занимаются охотой, а женщины земледѣліемъ (какъ въ первобытномъ племени), то въ данномъ случаѣ имѣется общественное раздѣленіе труда. Но техническаго раздѣленія труда нѣтъ, такъ какъ охота и земледѣліе не представляютъ собой одной трудовой операціи, которая впослѣдствіи подраздѣлилась бы на составныя части; передъ нами двѣ совершенно независимыя другъ отъ друга производственныя операціи и, значитъ, спеціализація отдѣльныхъ членовъ общества на исполненіи одной изъ нихъ не означаетъ собой техническаго раздѣленія труда. Съ другой стороны, если одна трудовая операція раздѣляется на свои различающіяся другъ отъ друга составныя части (напр., въ классическомъ примѣрѣ Адама Смита булавочной мануфактуры, гдѣ одинъ рабочій тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ булавку, пятый приготовляетъ головку и т. д.), то мы имѣемъ несомнѣнно техническое раздѣленіе труда; но если отдѣль-

ные рабочіе не спеціализируются на выполненіи одной и той же операціи—если, напр., сегодня данный рабочій тянетъ проволоку, завтра ее рѣжетъ, послѣ завтра ее выпрямляетъ и т. д., то всѣ рабочіе, по истеченіи извѣстнаго періода времени, оказываются исполнявшими тѣ же разнообразныя трудовыя операціи, и, значитъ, спеціализаціи труда въ ихъ средѣ не было. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ не было и общественнаго раздѣленія труда, несмотря на наличность его техническаго раздѣленія. Въ нашей кустарной промышленности нерѣдко наблюдается весьма детальное техническое раздѣленіе труда при отсутствіи общественнаго; одинъ и тотъ же кустарь можетъ исполнять и фактически послѣдовательно исполняетъ всѣ разнообразныя частичныя операціи (одновременно исполняемыя разными кустарями), изъ которыхъ слагается полная производственная операція.

Общественное раздѣленіе труда исторически предшествуетъ техническому. Вначалѣ оно основывалось преимущественно на естественныхъ различіяхъ людей по полу и возрасту. „Принципъ, лежащій въ основѣ старинnаго раздѣленія труда,—говоритъ Бюхеръ,—заключается по преимуществу въ томъ, что на женщину падаетъ вся работа, связанная съ обработкой и добываніемъ растительныхъ веществъ и также приготовленіе необходимыхъ для этого орудій и сосудовъ, а на долю мужчины выпадаетъ охота, рыбная ловля, уходъ за скотомъ и точно также приготовленіе необходимыхъ для этого оружій и орудій. Въ область женскаго труда входили такимъ образомъ многія очень тяжелыя и утомительныя рабочія операціи, какъ напр., молотьба и размолъ хлѣбныхъ зеренъ, печенье хлѣба, приготовленіе пищи и напитковъ, гончарничество и обработка растительныхъ волоконъ“ [4]).

Сложное сотрудничество еще больше повышаетъ производительность труда, чѣмъ простое сотрудничество. Ко всѣмъ выгодамъ простого сотрудничества въ сложномъ сотрудничествѣ присоединяется, благодаря раздѣленію труда, рядъ чрезвычайно существенныхъ новыхъ выгодъ. Адамъ Смитъ отмѣтилъ слѣдующія выгоды раздѣленія труда: 1) благодаря спеціализаціи человѣка на одномъ занятіи увеличивается легкость обученія этому занятію, ловкость и искусство рабочаго въ данной отрасли труда, большая приспособленность его къ исполненію данной работы; 2) при занятіи человѣка все время однимъ и тѣмъ же трудомъ исчезаютъ перерывы работы, требующіеся для перехода отъ одного труда къ другому, и 3) при упрощеніи производственныхъ операцій облегчается возможность техническихъ усовершенствованій и изобрѣтеній, которыя, при значительномъ раздѣленіи труда, могутъ дѣ-

латься даже необразованными рабочими, занятыми этими упрощенными операціями [5]).

Первая выгода раздѣленія труда, указанная Смитомъ, не можетъ быть оспариваема, но ей противостоитъ та невыгода, что человѣкъ, занимаясь исключительно однимъ занятіемъ, становится узкимъ спеціалистомъ, — что влечетъ за собой для него разнообразныя невыгодныя послѣдствія. Неравномѣрное упражненіе органовъ нашего тѣла неблагопріятно дѣйствуетъ на общее состояніе нашего организма; одностороннее упражненіе нашихъ способностей разстраиваетъ наше общее здоровье. Поэтому, какъ ни велики ловкость и искусство, достигаемыя спеціализаціей на одномъ родѣ труда, но они часто покупаются дорогой цѣной ослабленія организма. Сколько профессіональныхъ болѣзней возникаетъ на почвѣ чрезмѣрной спеціализаціи! Чрезмѣрная спеціализація, въ концѣ концовъ, вредитъ и успѣху самой спеціализированной работы, такъ какъ извѣстная разносторонность, полнота развитія нашихъ способностей, требуется и для успѣшнаго дѣйствія каждой изъ нихъ. Это вѣрно какъ по отношенію къ физическому, такъ и умственному труду. Конечно, нельзя съ успѣхомъ заниматься многими различными работами. Но сосредоточить всѣ свои силы на исполненіи какой-либо одной изъ нихъ, въ ущербъ всесторонности развитія нашего психофизическаго организма — это значитъ подорвать свою собственную работоспособность и понизить производительность своего труда.

Вторая выгода раздѣленія труда, указанная Смитомъ, не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ на переходъ отъ одного занятія къ другому требуется незначительное время, или даже на это не требуется никакой затраты времени, если работникъ сегодня занимается однимъ дѣломъ, завтра другимъ и т. д., а между тѣмъ разнообразіе занятій, дѣлая трудъ болѣе пріятнымъ и менѣе утомительнымъ, повышаетъ производительность работы.

Значеніе третьей указанной Смитомъ выгоды раздѣленія труда крайне имъ преувеличено: въ 18 вѣкѣ техническія изобрѣтенія могли дѣлаться простыми рабочими, вслѣдствіе простоты производственныхъ операцій, но теперь изобрѣтенія дѣлаются людьми науки, какъ результатъ развитія научной теоріи, и упрощеніе производственныхъ операцій не играетъ при этомъ большой роли.

Однако, сдѣланный Смитомъ перечень выгодъ раздѣленія труда далеко не полонъ. Такъ, имъ не отмѣчена самая существенная изъ этихъ выгодъ, указанная еще Платономъ, а именно то, что при раздѣленіи труда возможно приспособленіе труда къ естественнымъ склонностямъ, способностямъ и силамъ каждаго,

Такъ какъ способности, склонности и силы различныхъ людей различны, то лишь при раздѣленіи общественнаго труда является возможность для каждаго человѣка исполнять то именно дѣло, которое онъ можетъ дѣлать наилучшимъ образомъ [6]). Благодаря этому становится возможнымъ утилизировать въ интересахъ увеличенія производства такія слабыя силы, какъ напр. силы дѣтей, и вообще получать отъ каждаго члена общества максимумъ полезной работы, къ которой онъ способенъ.

Весьма существенной выгодой раздѣленія труда является далѣе, какъ указали Торренсъ и Джемсъ Милль, также и то, что благодаря раздѣленію труда становится возможнымъ наилучшее использованіе силъ внѣшней природы. Матеріальная среда, въ которой приходится дѣйствовать человѣку, въ высшей степени дифференцирована. Почвенныя, климатическія, геологическія и пр. условія въ каждомъ пунктѣ любой территоріи различны. Благодаря территоріальному и международному раздѣленію труда становится возможнымъ наилучшее приспособленіе общественнаго труда въ каждомъ пунктѣ территоріи къ естественнымъ условіямъ окружающей человѣка внѣшней среды. Въ мѣстностяхъ, богатыхъ полезными ископаемыми, господствующей отраслью хозяйства становится горное дѣло, въ мѣстностяхъ съ плодородной почвой земледѣліе, въ удобныхъ бухтахъ—морская торговля и т. д. и т. д. Именно въ силу этого принципа мы наблюдаемъ такое разнообразіе въ хозяйственномъ строѣ различныхъ странъ: различія хозяйственнаго строя въ большей или меньшей степени суть результатъ приспособленія населенія къ различію естественныхъ условій, въ которыхъ ему приходится жить (но, конечно, кромѣ этого обстоятельства, различія эти составляютъ слѣдствіе и другихъ причинъ соціальнаго характера).

Наконецъ, послѣдняя выгода раздѣленія труда, также не отмѣченная Смитомъ, а впервые указанная американцемъ Джономъ Рэ, заключается въ томъ, что при раздѣленіи труда возможно наибольшее использованіе средствъ производства, капитала. Если рабочій исполняетъ разновременно нѣсколько разныхъ работъ, то часть его инструментовъ должна лежать праздно. Такъ, напримѣръ, орудія труда кустаря остаются безъ употребленія, когда онъ занятъ въ полѣ. Однако, эта выгода обусловливается лишь существованіемъ частной собственности на средства производства—съ переходомъ же средствъ производства въ общественную собственность эта выгода отпала бы, ибо въ этомъ случаѣ орудія, которыми не пользуется въ данное время одинъ рабочій, могли бы употребляться другимъ рабочимъ.

Введеніе машины, замѣняющей человѣка въ процессѣ производства, полагаетъ границы и для раздѣленія труда въ процессѣ производства. Для руководительства машиной требуется не столько физическая ловкость, сколько интеллигентность и извѣстныя психическія свойства—въ особенности, способность къ непрерывному напряженному вниманію. Раздѣленіе труда между работающими людьми замѣняется раздѣленіемъ работы между машинами; каждая машина приспособляется для извѣстной спеціальной производственной операціи, а за рабочимъ остается лишь надзоръ за работой машины. Но, конечно, это вѣрно лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Идеальныхъ машинъ, совершенно замѣняющихъ человѣка, не существуетъ, и потому спеціализація машинъ не можетъ устранить необходимости спеціализаціи и работающихъ при помощи ихъ людей.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ выгодъ раздѣленія труда, указанныхъ разными авторами, сохраняютъ свое значеніе при всякомъ общественномъ строѣ лишь слѣдующія: 1) легкость обученія спеціализированному труду и увеличеніе ловкости рабочаго, 2) возможность большаго приспособленія даннаго спеціализированнаго труда къ индивидуальнымъ способностямъ и силамъ отдѣльнаго человѣка и 3) возможность большаго приспособленія спеціализированнаго труда къ особенностямъ внѣшней среды, въ которой человѣку приходится работать. Эти выгоды несомнѣнно очень важны и существенны, но все же не настолько, чтобы на основаніи ихъ можно было признать все большее и большее раздѣленіе труда закономъ общественнаго прогресса. Наоборотъ, конечный общественный идеалъ требуетъ гармоническаго развитія личности, что кладетъ извѣстныя преграды раздѣленію труда.

IV.

Вмѣстѣ съ ростомъ общественнаго раздѣленія труда общество дифференцируется—распадается на обособленныя общественныя группы. Уже очень рано обособляется группа жрецовъ, кудесниковъ или знахарей. Религія возникла подъ вліяніемъ страха смерти и убѣжденія дикаря, что души умершихъ людей живутъ въ тѣхъ или иныхъ предметахъ и обладаютъ властью надъ живыми людьми. Мало-по малу возникаетъ группа лицъ, которая является представительницей религіознаго культа. Вначалѣ въ большинствѣ случаевъ кудесниками и жрецами были люди, страдавшіе нервными болѣзнями: ихъ ненормальность поражала окружающихъ, въ гла-

захъ которыхъ они обладали сверхъестественнымъ могуществомъ. На почвѣ этого религіознаго страха создалось господство жрецовъ, вліяніе которыхъ достигало такихъ размѣровъ, что возникали цѣлыя теократическія монархіи (Мексика, Перу, Египетъ). И въ новѣйшее время представители религіознаго культа умѣли подчинять себѣ цѣлые народы, какъ напр., могущественнѣйшая религіозная организація новаго времени—римско-католическая церковь. Духовенство обычно пользовалось своей соціальной властью въ своихъ интересахъ, но самая то его власть основывалась на томъ, что оно было носителемъ духовной культуры, сосредоточивало въ себѣ знаніе и науку своего времени. Въ качествѣ представителя знанія духовенство, какъ указалъ еще Сенъ Симонъ, исполняло въ прежнее время чрезвычайно важную соціальную функцію, ту самую, которую въ настоящее время выполняютъ люди умственнаго труда — такъ называемая интеллигенція.

Второй группой, выдѣлившейся въ первобытномъ обществѣ, была группа воиновъ и правителей. Изъ среды ихъ наряду съ духовной аристократіей возникаетъ свѣтская аристократія. Съ развитіемъ частной земельной собственности духовенство и аристократія становятся первыми крупными землевладѣльцами, и ихъ господство упрочивается на экономической основѣ, но возникаетъ оно первоначально на основѣ общественнаго раздѣленія труда [7]).

Третьей господствующей группой ранняго общества является группа торговцевъ. На первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія торговцевъ не существовало—обмѣнъ, если и производился, то безъ особыхъ торговыхъ посредниковъ. И теперь въ Африкѣ еще встрѣчаются племена, которыя, хотя и устраиваютъ ярмарки, но обходятся безъ торговцевъ. Первыми торговцами явились вожди племенъ. Въ древней Руси князь тоже былъ самымъ крупнымъ торговцемъ своего княжества. Понемногу торговцы обособляются и дифференцируются—появляются цѣлые торговые народы (малайцы, финикіяне, арабы). Первобытныя племена вообще мало склонны къ торговлѣ: въ силу этого торговые народы становятся монополистами. Мало-по-малу торговля развивается и у тѣхъ племенъ, которыя первоначально ея не вели. Такимъ образомъ совершается дифференціація господствующихъ общественныхъ группъ—жрецовъ (духовенства), свѣтской аристократіи и торговцевъ [8]).

Остальная масса населенія также мало-по-малу дифференцируется. Прежде всего выдѣлилась группа ремесленниковъ. Самымъ древнимъ ремесломъ было кузнечное, причемъ среди кузнецовъ встрѣчались какъ представители господствующихъ со-

ловій, такъ и рабы. Объясняется это тѣмъ, что всякій свободный человѣкъ, знавшій это важное и трудное ремесло—приготовленіе оружія—легко выдѣлялся изъ среды себѣ подобныхъ и занималъ болѣе видное положеніе, а, съ другой стороны, вожди охотно пріобрѣтали себѣ рабовъ, знавшихъ кузнечное ремесло. Въ гомеровскую эпоху мы уже видимъ, кромѣ кузнецовъ, также плотниковъ, горшечниковъ, кожевниковъ и др. ремесленниковъ. Въ новѣйшее время число отдѣльныхъ профессій все возрастаетъ. Въ 1882 г. промышленная перепись насчитала въ Германіи уже около 6000 отдѣльныхъ профессій, въ 1895 г.—даже болѣе 10.000.

V.

Раздѣленіе труда составляетъ чрезвычайно распространенное явленіе, далеко выходящее за предѣлы хозяйственныхъ отношеній. Принципъ все растущаго раздѣленія функцій Спенсеръ попытался распространить не только на все развитіе человѣческаго общества, но и на всю міровую эволюцію. Сущность міровой эволюціи—какъ неорганической, такъ и органической природы, въ томъ числѣ и человѣческаго общества—Спенсеръ усматриваетъ въ томъ, что первоначальный безсвязный, однородный аггрегатъ распадается на все болѣе разнородную и все тѣснѣе связанную въ своихъ частяхъ массу. Такой путь развитія проходитъ туманная масса, превращаясь въ планетную систему, и каждая отдѣльная планета, становясь все болѣе и болѣе разнородной по мѣрѣ своего охлажденія, такъ же развивается животное и растительное царство со своимъ чрезвычайномъ разнообразіемъ формъ, возникшимъ изъ первоначальной почти не дифференцированной массы протоплазмы, равно какъ и каждый отдѣльный организмъ, развившійся со всей сложностью своей структуры изъ материнской слабо дифференцированной клѣтки. Тотъ же самый законъ развитія имѣетъ силу, по мнѣнію Спенсера, и относительно человѣческаго общества: и человѣческое общество первоначально знаетъ лишь слабые зачатки раздѣленія труда, но чѣмъ дальше идетъ общественное развитіе, тѣмъ болѣе дифференцированнымъ оказывается общество, тѣмъ глубже и детальнѣе въ немъ подраздѣляется трудъ, тѣмъ болѣе спеціализируются отдѣльные рабочіе, каждый въ своемъ родѣ труда, и тѣмъ менѣе способнымъ оказывается каждый изъ нихъ исполнять работу другого [9]).

Аналогія, проводимая Спенсеромъ между развитіемъ человѣческаго общества и развитіемъ всего міросозданія, показалась многимъ

чрезвычайно соблазнительной. Дѣйствительно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что общественный прогрессъ до сихъ поръ, въ общемъ, сопровождался все далѣе и далѣе идущимъ раздѣленіемъ труда и дифференціаціей общества. Поэтому казалось весьма правдоподобнымъ, что въ этомъ и заключается законъ общественнаго прогресса. Съ другой стороны, этотъ установленный Спенсеромъ законъ являлся и какъ бы научной санкціей существующаго строя, тѣсно связаннаго съ характеромъ господствующаго раздѣленія труда. Въ настоящее время мы видимъ, что общество раздѣлено на группы, рѣзко спеціализировавшіяся въ исполненіи опредѣленныхъ родовъ труда: умственный трудъ является достояніемъ немногочисленной группы лицъ, стоящихъ во главѣ современнаго общества, а остальная, несравненно болѣе многочисленная часть общества, играющая подчиненную роль, занята исключительно разными родами физическаго труда. При этомъ, какъ общее правило, замѣчается, что чѣмъ болѣе подчиненное положеніе занимаетъ та или иная общественная группа, тѣмъ болѣе тягостный, непріятный и непроизводительный трудъ выпадаетъ ей на долю Въ современномъ обществѣ раздѣленіе труда несомнѣнно соотносительно распредѣленію между различными общественными группами политическаго и экономическаго могущества. Законъ Спенсера какъ бы санкціонировалъ не только существующее раздѣленіе труда, но и тѣсно связанное съ нимъ распредѣленіе въ обществѣ богатства и власти.

Однако, что касается послѣдняго обстоятельства, то возникаетъ прежде всего вопросъ—какое изъ этихъ двухъ соотносительныхъ явленій представляетъ собой причину и какое слѣдствіе? Является ли существующее распредѣленіе богатства и власти между различными общественными группами слѣдствіемъ существующаго между ними раздѣленія труда или, наоборотъ, существующее раздѣленіе труда есть не болѣе, какъ одно изъ вторичныхъ послѣдствій болѣе основной и глубокой причины—существующаго распаденія общества на группы различнаго политическаго и экономическаго могущества?

Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ. Если принять первое, то слѣдуетъ признать существующее глубокое соціальное неравенство естественнымъ и неустранимымъ послѣдствіемъ того, что различныя общественныя группы исполняютъ общественныя функціи далеко не одинаковаго значенія для общества. Кто станетъ, напримѣръ, оспаривать, что мыслители, ученые, политическіе вожди, художники, дѣлаютъ для общества болѣе важное дѣло, чѣмъ люди простого чернорабочаго труда? Что же удивительнаго,

что этимъ группамъ выпадаетъ и львиная доля общественнаго богатства и что въ ихъ рукахъ находится политическая власть? Люди умственнаго труда господствуютъ по праву преимущественной важности исполняемаго ими рода общественнаго труда. Но если такъ, то экономическое неравенство неустранимо, ибо оно коренится въ самой природѣ вещей—въ различной производительности умственнаго и физическаго труда.

Все это было бы такъ, если бы вѣрна была посылка, на которой построенъ этотъ выводъ. Но посылка эта невѣрна. Господствующее раздѣленіе труда есть не причина, а одно изъ многочисленныхъ послѣдствій существующаго экономическаго и политическаго неравенства. Дѣйствительно, на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія классовое сложеніе общества опредѣляется раздѣленіемъ общественнаго труда. Группы, выполняющія болѣе важныя общественныя функціи, становятся господствующими общественными классами и пользуются своимъ преобладающимъ положеніемъ прежде всего для того, чтобы поставить подчиненныя общественныя группы въ экономическую зависимость отъ себя. Но чѣмъ дальше идетъ общественное развитіе, тѣмъ больше и больше измѣняется это положеніе дѣла. Пріобрѣтенные навыки и познанія разнаго рода не могутъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству. Напротивъ, богатство съ величайшей легкостью передается по наслѣдству, точно также какъ и политическая власть. Люди, вышедшіе изъ среды господствующихъ и богатыхъ классовъ, втеченіе длиннаго ряда поколѣній занимавшихся преимущественно умственнымъ трудомъ разнаго рода, сплошь и рядомъ, какъ показываетъ ежедневный опытъ, обладаютъ отнюдь не большими способностями къ исполненію труда этого рода, чѣмъ люди, вышедшіе изъ среды классовъ, удѣломъ которыхъ по преимуществу физическій трудъ. Напротивъ, рожденіе въ средѣ господствующаго класса совершенно достаточно, какъ общее правило, для того, чтобы человѣкъ, совершенно независимо отъ своихъ личныхъ качествъ, получилъ доступъ къ высшимъ общественнымъ функціямъ. Какъ легко человѣку совершенно бездарному занимать вліятельное общественное положеніе, если только онъ имѣлъ счастье имѣть вліятельныхъ и богатыхъ родителей!

Именно благодаря этой невозможности закрѣпить въ средѣ извѣстной общественной группы преимущественныя способности и умѣніе выполнять болѣе важныя общественныя функціи и большой легкости закрѣпить въ средѣ той же группы, путемъ наслѣдственной передачи, богатство и политическое вліяніе, раздѣленіе

общественнаго труда все болѣе и болѣе становится изъ причины соціальнаго неравенства слѣдствіемъ этого послѣдняго. Что касается современнаго общества, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ немъ рѣшающую роль играетъ характеръ распредѣленія между различными общественными группами богатства, а характеръ общественной функціи, исполняемой каждой группой, опредѣляется прежде всего экономическими условіями существованія этой группы [10]).

Итакъ, ростъ раздѣленія труда въ современномъ обществѣ отнюдь не можетъ считаться первичнымъ факторомъ; наоборотъ, этотъ ростъ является слѣдствіемъ другихъ гораздо болѣе могущественныхъ факторовъ, приводящихъ къ распаденію общества на классы различной имущественной состоятельности. Уменьшеніе соціальнаго неравенства должно, слѣдовательно, устранить одну изъ наиболѣе могущественныхъ причинъ, вызывающихъ въ настоящее время столь далеко идущее раздѣленіе труда. Уже одно это соображеніе значительно ослабляетъ убѣдительную силу доводовъ Спенсера относительно неизбѣжности все большей и большей дифференціаціи общества.

Но и принципіально аналогія Спенсера между развитіемъ человѣческаго общества и развитіемъ организма не выдерживаетъ критики. Между животнымъ организмомъ и обществомъ существуетъ одно чрезвычайно важное различіе: въ животномъ организмѣ сознаніе сосредоточено въ нервныхъ клѣткахъ, а въ человѣческомъ обществѣ носителемъ сознанія является каждый человѣкъ. Въ организмѣ нѣтъ и не можетъ быть конфликта между интересами отдѣльныхъ частей организма и интересами цѣлаго, тогда какъ въ обществѣ постоянно наблюдается несогласованность интересовъ общества и личности. Человѣческая личность защищаетъ свои права и интересы и не поступается ими ради цѣлаго—она есть самоцѣль. И именно поэтому общественная дифференціація можетъ считаться прогрессомъ лишь до извѣстныхъ предѣловъ — пока она согласуется съ интересами личности. А нельзя сомнѣваться, что общественная дифференціація можетъ противорѣчить интересамъ личности.

Гармоническое развитіе личности требуетъ всесторонняго развитія ея способностей. Общественная же дифференціація стремится превратить личность въ простой органъ общества, развить нѣкоторыя ея способности за счетъ сокращенія другихъ. Если признавать человѣческую личность верховной цѣнностью жизни, то такое уродованіе личности не можетъ не разсматриваться, какъ нѣчто такое, съ чѣмъ человѣкъ и можетъ и долженъ бороться. Поэтому

вполнѣ понятенъ и законенъ протестъ противъ чрезмѣрнаго раздѣленія труда. Цѣлый рядъ мыслителей выступалъ съ этимъ протестомъ, противопоставляя идеалу дифференцированнаго общества идеалъ возможно болѣе широкаго всесторонняго гармоническаго развитія личности.

Существующее раздѣленіе труда основано, прежде всего, на имущественной дифференціаціи общества. Если только признавать возможнымъ уменьшеніе или уничтоженіе этой дифференціаціи (къ чему стремится соціализмъ), то слѣдуетъ признать возможнымъ и уничтоженіе общественнаго раздѣленія труда въ современной его формѣ. Конечно, нельзя ожидать полнаго уничтоженія общественнаго раздѣленія труда. Раздѣленіе труда, въ извѣстныхъ предѣлахъ, составляетъ необходимое условіе его производительности. Раздѣленіе труда никогда не исчезнетъ уже потому, что оно въ интересахъ личности: люди различаются другъ отъ друга по своимъ способностямъ, наклонностямъ и вкусамъ и эти естественныя различія не могутъ исчезнуть ни при какомъ общественномъ строѣ. Человѣческая личность заинтересована, прежде всего, въ томъ, чтобы возможно полнѣе, съ возможно большей свободой, развивать всѣ свои способности и особенности, откуда слѣдуетъ, что естественныя различія людей должны, при полной свободѣ развитія личности, приводить къ соотвѣтствующимъ различіямъ въ родѣ дѣятельности каждаго. Какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и общество въ цѣломъ, чрезвычайно проиграли бы, если бы каждый его членъ исполнялъ одну и ту же работу. Съ точки зрѣнія работающаго человѣка проигрышъ заключался бы въ томъ, что исполнялась бы не та работа, къ которой данная личность чувствуетъ всего болѣе склонности, съ точки же зрѣнія всего общества, проигрышъ заключался бы въ уменьшеніи общественнаго продукта, благодаря меньшей производительности работы. Поэтому то раздѣленіе труда, которое вытекаетъ изъ естественныхъ различій людей, требуется интересами какъ отдѣльной личности, такъ и всего общества. Не менѣе необходимо и раздѣленіе общественнаго труда, вытекающее изъ различія естественной среды, въ которой живетъ общество. Однако, раздѣленіе труда въ будущемъ должно существенно отличаться отъ современнаго тѣмъ, что теперь въ основѣ общественнаго раздѣленія труда лежитъ распаденіе общества на группы лицъ различной имущественной состоятельности, въ будущемъ же раздѣленіе труда должно пріурочиваться къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго человѣка и къ различіямъ внѣшней среды. Гармоничное развитіе каждой личности должно въ будущемъ сдѣлать невоз-

можной чрезмѣрную спеціализацію труда, характерную для нашего времени, и повести, такимъ образомъ, къ согласованію интересовъ каждаго съ интересами всѣхъ.

Принципъ раздѣленія труда является одной изъ тѣхъ научныхъ идей, которыя, будучи установлены въ предѣлахъ одной науки, впослѣдствіи пріобрѣли гораздо болѣе широкое значеніе и стали одной изъ господствующихъ идей научнаго познанія вообще. Современная біологія стоитъ на почвѣ этой идеи, разсматривая организмъ, какъ сложный комплексъ дифференцированныхъ органовъ, изъ которыхъ каждый приспособленъ къ исполненію одной строго спеціализированной работы. Спенсеръ, какъ указано, попытался еще болѣе обобщить этотъ принципъ и увидѣлъ въ немъ основной законъ міровой эволюціи. Съ теоріей Спенсера нельзя согласиться, но уже одна возможность ея возникновенія и широкой популярности въ кругахъ ученыхъ показываетъ, какое широкое значеніе придается въ разныхъ сферахъ знанія принципу раздѣленія труда.

Твердое и опредѣленное установленіе его является научной заслугой того, кого обыкновенно (хотя и неправильно) называютъ отцомъ политической экономіи—Адама Смита. Въ раздѣленіи труда Смитъ усматривалъ важнѣйшее средство повышенія производительности труда. При этомъ, однако, Смитъ отождествлялъ хозяйство, основанное на раздѣленіи труда, съ мѣновымъ хозяйствомъ. «На раздѣленіе труда—говоритъ онъ—доставившее такія громадныя выгоды, не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на результатъ человѣческой мудрости, предвидѣвшей то общее благосостояніе, которое будетъ имъ вызвано: оно было необходимымъ, хотя и весьма медленнымъ, послѣдствіемъ извѣстнаго стремленія, свойственнаго всѣмъ людямъ помимо какой бы то ни было заранѣе разсчитанной общей выгоды, стремленія, побуждающаго ихъ къ торгу, къ обмѣну одной вещи на другую» [11]). Въ этомъ разсужденіи Смитъ, очевидно, имѣетъ въ виду такую форму раздѣленія труда, при которой каждый отдѣльный спеціализированный рабочій является собственникомъ производимаго имъ продукта, благодаря чему удовлетвореніе общественныхъ потребностей становится возможнымъ лишь при посредствѣ обмѣна этими рабочими ихъ продуктовъ. Какъ непосредственный выводъ изъ этого сближенія раздѣленія труда и обмѣна явилось ученіе Адама Смита, что границы возможнаго въ обществѣ раздѣленія труда опредѣляются размѣромъ рынка: чѣмъ шире рынокъ, тѣмъ обширнѣе область сбыта, тѣмъ дальше можетъ быть проведено раздѣленіе труда. При отсутствіи обмѣна каждый долженъ изготовлять въ своемъ хозяйствѣ всѣ нужные ему продукты, при наличности же широкаго рынка товаропроизводитель можетъ спеціализироваться на изготовленіи продуктовъ, удовлетворяющихъ самой ничтожной долѣ потребностей отдѣльнаго человѣка, благодаря тому, что число людей, на которыхъ работаетъ данный товаропроизводитель, велико.

Однако, какъ показалъ Марксъ, ученіе Адама Смита о связи между обмѣномъ и раздѣленіемъ труда страдаетъ смѣшеніемъ двухъ различныхъ формъ раздѣленія труда. Одну изъ этихъ формъ Марксъ называетъ «раздѣленіемъ труда внутри мануфактуры» другую «раздѣленіемъ

труда внутри общества» [12]). Первая заключается въ томъ, что въ предѣлахъ капиталистическаго предпріятія — мануфактуры — отдѣльные рабочіе исполняютъ различныя операціи, причемъ продуктъ ихъ труда не принадлежитъ ни на какой стадіи самимъ производителямъ, а всегда хозяину предпріятія—капиталисту. Никакого обмѣна внутри мануфактуры не происходитъ. Напротивъ, при общественномъ раздѣленіи труда продуктъ принадлежитъ непосредственнымъ производителямъ, являющимся въ этомъ случаѣ мелкими товарными производителями, и связь между ними устанавливается путемъ обмѣна.

Въ своей критикѣ Смита Марксъ совершенно правъ. Но его разграниченіе раздѣленія труда въ мануфактурѣ и обществѣ, прежде всего, слишкомъ узко. Мануфактура только одна изъ многихъ формъ хозяйственныхъ организацій, внутри которыхъ наблюдается раздѣленіе труда. Трудъ былъ подраздѣленъ очень детально и въ рабскомъ хозяйствѣ римскаго патриція и еще болѣе подраздѣленъ въ современномъ фабрикѣ. Кромѣ того, очень странно противопоставлять раздѣленіе труда внутри предпріятія таковому же внутри общества—вѣдь рабочіе въ предпріятіи суть члены того же общества. Если рабочіе на мануфактурѣ специализируются на исполненіи только опредѣленныхъ работъ, то на основѣ мануфактурнаго раздѣленія труда возникаетъ несомнѣнно и общественное раздѣленіе труда. Поэтому проводимое въ текстѣ настоящаго курса разграниченіе общественнаго и техническаго раздѣленія труда построено на совершенно другомъ основаніи.

Однако, исходя изъ соображеній Маркса, можно прійти къ разграниченію раздѣленія труда на раздѣленіе труда внутри предпріятія и раздѣленіе труда между отдѣльными предпріятіями, связанными между собой обмѣномъ. Это разграниченіе имѣетъ свое значеніе, но оно построено на иномъ логическомъ основаніи, чѣмъ разграниченіе общественнаго и техническаго раздѣленія труда и не имѣетъ съ нимъ ничего общаго, классифицируя явленіе раздѣленія труда съ совершенно иной точки зрѣнія. Между тѣмъ, въ русскихъ курсахъ политической экономіи объ эти совершенно некоординированныя классификаціи обычно объединяются въ одну и напр. В. Я. Желѣзновъ говоритъ о техническомъ и общественномъ раздѣленіи труда, подразумѣвая подъ этимъ раздѣленіе труда внутри предпріятія и между отдѣльными предпріятіями. Получается логическая путаница, которая можетъ быть устранена лишь тогда, когда мы будемъ строго различать объ названныхъ классификаціи явленій раздѣленія труда.

Смитъ видѣлъ въ раздѣленіи труда самое могущественное средство поднятія производительности труда, которымъ только располагаетъ человѣчество. Въ этомъ опять-таки Смитъ совершенно неправъ. Какъ правильно указалъ Дюрингъ [13]), раздѣленіе труда имѣетъ въ этомъ отношеніи гораздо меньшее значеніе, чѣмъ примѣненіе къ производству машины. Точка зрѣнія Смита объясняется тѣмъ, что онъ жилъ въ то время, когда эра машиннаго еще не начиналась.

Въ новѣйшее время попытался реформировать ученіе о раздѣленіи труда Бюхеръ. Этотъ выдающійся изслѣдователь различаетъ пять видовъ раздѣленія труда. Первымъ изъ нихъ является «расчлененіе труда». Оно заключается въ томъ, что «весь трудъ по производству продукта разложенъ на возможно большее число простыхъ функцій, вы-

полняемыхъ различными лицами одновременно въ одномъ и томъ же хозяйствѣ». Если же продуктъ проходитъ при посредствѣ обмѣна въ процессѣ производства нѣсколько различныхъ хозяйствъ, (какъ напр. шерсть, которая раньше, чѣмъ превратиться въ сукно, должна пройти черезъ руки овцевода, прядильщика, ткача и красильщика, каждый изъ которыхъ является самостоятельнымъ хозяиномъ), то такое раздѣленіе труда Бюхеръ называетъ «раздѣленіемъ производства». Третьимъ видомъ раздѣленія труда является то, что Бюхеръ называетъ «спеціализаціей труда». Первоначально одинъ кузнецъ выдѣлывалъ всевозможныя желѣзныя издѣлія, затѣмъ одинъ кузнецъ спеціализируется на изготовленіи гвоздей, другой—ножей, третій—замковъ и т. д. Это и есть спеціализація труда, тѣмъ отличающаяся отъ раздѣленія производства, что «въ первомъ случаѣ все производство раздѣлено какъ бы поперечными разрѣзами на нѣсколько отдѣловъ; во второмъ—вдоль одной замкнутой области проведены продольныя линіи раздѣляющія ее на нѣсколько спеціальностей... Чтобы представить себѣ образно оба эти явленія, можно раздѣленіе производства сравнить съ огромнымъ потокомъ, который по пути запруженъ нѣсколькими плотинами, а спеціализацію—съ такимъ же потокомъ искусственно разведеннымъ на множество небольшихъ каналовъ и ручьевъ». «Образованіе профессій» есть четвертый видъ раздѣленія труда. Оно заключается въ томъ, что изъ первоначальнаго сложнаго домашняго хозяйства отщепляются все новыя и новыя самостоятельныя хозяйства. Такъ, обособляется въ особую самостоятельную профессію печенье хлѣба, которое первоначально было составной частью домашняго хозяйства, стирка бѣлья, шитье одежды и т. д. и т. д. Наконецъ, послѣднимъ, пятымъ видомъ раздѣленія труда является «перемѣщеніе труда». Оно имѣетъ мѣсто при изобрѣтеніи новыхъ машинъ и вообще новыхъ орудій труда. Новое орудіе труда должно быть произведено и производство его является новой отраслью общественнаго труда [14]).

Классификація различныхъ видовъ раздѣленія труда, данная Бюхеромъ, кажется мнѣ очень искусственной и потому мало удобной для цѣлей изслѣдованія. По этой причинѣ я и не пользовался ею въ текстѣ.

Принципъ раздѣленія труда усиленно обсуждался въ общей философской и соціологической литературѣ. Въ частности, у насъ въ Россіи Михайловскій и его школа выступили противъ ученія о прогрессивности все большаго и большаго раздѣленія труда. Подвергнувъ сильной и убѣдительной критикѣ такъ наз. органическую теорію общества (т. е. теорію, проводящую аналогію между человѣческимъ обществомъ и организмомъ), самымъ выдающимся представителемъ которой можетъ считаться Спенсеръ, Михайловскій развилъ свою собственную соціологическую теорію борьбы личности съ обществомъ за полноту своей индивидуальности. Такимъ образомъ Михайловскій пришелъ къ своей знаменитой «формулѣ прогресса»: «прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ» [15]).

Чѣмъ дифференцированнѣе общество, тѣмъ менѣе дифференцировано недѣлимое. А такъ какъ личность, а не общество, есть верховная цѣнность, то во имя интересовъ личности Михайловскій высказался противъ всякаго общественнаго раздѣленія труда.

Взгляды Михайловскаго были подвергнуты критикѣ П. Б. Струве. Опираясь на нѣкоторыя соображенія Зиммеля, высказанныя этимъ мыслителемъ въ одной изъ его первыхъ работъ, П. Б. Струве пришелъ къ тому выводу, что дифференціація общества не только не является препятствіемъ для полнаго развитія человѣческой индивидуальности, а, наоборотъ, составляетъ необходимое условіе такого развитія. Чѣмъ менѣе дифференцирована общественная среда, въ которой живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ, тѣмъ менѣе индивидуальна человѣческая личность.[16]).

Въ этомъ спорѣ мнѣ кажутся неправыми обѣ стороны. Конечно, нельзя согласиться съ Михайловскимъ, что всякое увеличеніе дифференцированности общества равносильно уменьшенію дифференцированности личности. Полное уничтоженіе какихъ бы то ни было различій между людьми, въ чемъ Михайловскій усматриваетъ общественный идеалъ, было бы равносильно господству всеобщей посредственности и пошлости. И, конечно, такой порядокъ вещей, съ чисто субъективной точки зрѣнія, на которой стоитъ Михайловскій, никоимъ образомъ не можетъ считаться идеаломъ. Но неправъ и П. Б. Струве, конструируя обратную зависимость и утверждая, что степень развитія личности пропорціональна росту общественнаго раздѣленія труда. Раздѣленіе труда въ существующемъ его видѣ несомнѣнно заключаетъ въ себѣ моменты, принижающіе личность.[17]). Идеалъ гармонически развитой личности не мирится съ тѣмъ, чтобы человѣкъ превращался, по выраженію Михайловскаго, въ палецъ отъ ноги. И потому протестъ Михайловскаго противъ такого раздѣленія труда совершенно законенъ. Однако, Михайловскій пошелъ въ своемъ протестѣ слишкомъ далеко. Отъ раздѣленія общественнаго труда человѣчество не можетъ отказаться, ибо такой отказъ былъ бы равносиленъ огромному пониженію производительной силы общественнаго труда, но человѣчество можетъ и должно стремиться къ тому, чтобы увеличеніе производительности труда не покупалось цѣной уродованія личности.

ЛИТЕРАТУРА.

Адамъ Смитъ. Богатство народовъ. Миллъ. Основанія политической экономіи. Марксъ. Капиталъ. Т. I. Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Спенсеръ. Основныя начала. Пер. Алексѣева. 1886. Его же. Основанія соціологіи. Пер. съ англ. 1898. Н. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. 2-е изд. 1899. Durkheim. De la division du travail social. 1893. Михайловскій. Сочиненія. 1897. (Особенно статьи «Что такое прогрессъ» и «Борьба за индивидуальность»). Simmel. Ueber die sociale Differenzierung. 1890. Струве. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. 1894. Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ II.

1) «Въ широкихъ рѣкахъ Австраліи,— говоритъ Зиберъ,— гдѣ вода чиста и низка, партіи туземцевъ, отъ 40 до 50 человѣкъ каждая, ловятъ рыбу острыми копьями изъ твердаго дерева около шести футовъ длиной и съ острыми наконечниками. Образуя изъ себя широкій полукругъ, они погружаются одновременно въ воду со своимъ оружіемъ и остаются подъ нею довольно долго. Если ловъ былъ неуспѣшенъ, они отплываютъ на нѣсколько ярдовъ далѣе и снова ныряютъ съ оружіемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ они часто перемѣщаются на протяженіи одной или двухъ миль, пока не поймаютъ рыбы сколько нужно». Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Изд. 2-е. Стр. 10. «Въ охотѣ за кенгуру принимаетъ участіе цѣлое племя или нѣсколько соединенныхъ племенъ. Избравши мѣсто для охоты, мужчины ложатся въ траву на близкомъ разстояніи другъ отъ друга вдоль долинъ, а женщины и дѣти, образуя длинную линію, всходятъ на холмы, стараясь гнать кенгуру въ долины, на которыхъ размѣщаются мужчины. Животныя инстинктивно избираютъ это направленіе, потому что сюда легче бѣжать. По мѣрѣ того, какъ стадо съ шумомъ пробѣгаетъ мимо охотниковъ, каждый изъ нихъ по очереди поднимается изъ засады и наноситъ ударъ копьемъ одному или двумъ животнымъ. Такимъ образомъ они поддерживаютъ другъ друга, пока стадо не пройдетъ мимо послѣдняго охотника, и тогда они начинаютъ собирать свою добычу». Тамъ же. Стр. 12.

2) Ср. Исаевъ. Начала политической экономіи. Изд. 7-е. Стр. 132.

3) Любопытно, что приводимое въ текстѣ объясненіе общей причины большей выгодности крупнаго производства сравнительно съ мелкимъ, (законъ соотношенія объемовъ и поверхностей) совершенно неизвѣстно не только современной экономической наукѣ, но, насколько я могу судить, не будучи технологомъ, и современной технологіи. Во всякомъ случаѣ, въ новѣйшемъ спеціальномъ трудѣ, посвященномъ вопросу о стоимости машинъ—книгѣ инженеръ-технолога Н. Г. Серговскаго «Стоимость и оцѣнка машинъ» (1907) не содержится ничего похожаго на общую формулировку означеннаго принципа. Но въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ г. Серговскій подходитъ къ обобщенію, устанавливаемому мною въ настоящемъ курсѣ. Такъ, говоря о попудной стоимости машинъ онъ приходитъ къ слѣдующему соображенію: «Сравнимъ... попудныя стоимости двухъ стальныхъ цилиндровъ высокой обработки, изъ которыхъ первый имѣетъ діаметръ 4″, а второй $^1/_4$″. Пусть сырой матеріалъ стоитъ 500 коп. за пудъ въ обоихъ случаяхъ, продуктивная плата—2 к. за 1 □″ и коэфф. накл. расх. = 1.5 к. Пудъ перваго цилиндра имѣетъ 130 □″ боковой поверхности, а пудъ втораго—2.080 □″. При этихъ данныхъ калькуляція цилиндра даетъ, что пудъ перваго цилиндра будетъ стоить 11 р. 50 к., а втораго—109... Такимъ образомъ, слѣдя за измѣненіемъ попудной стоимости какой либо машинной части, мы наблюдаемъ увеличеніе этой стоимости съ уменьшеніемъ размѣровъ... части″. (Назв. соч. Стр. 198—199). Этотъ выводъ есть частный случай устанавливаемаго мною общаго правила.

4) Bücher. Arbeit und Rythmus. 3-е изд. Стр. 379—380.

5) Адамъ Смитъ. Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Пер. Бибикова. 1866. Т. I. Стр. 103 и сл.

6) «Каждый изъ насъ рождается не слишкомъ похожимъ на всякаго другого, но отличнымъ по своей природѣ, и назначается для совершенія извѣстной работы... Многія частныя дѣла совершаются лучше и легче, когда одинъ, дѣлая одно, дѣлаетъ сообразно съ природою, въ благопріятное время, оставивъ всѣ другія занятія». Сочиненія Платона. Пер. Карпова. 1863. Ч. III. Политика. Стр. 117.

7) Вотъ, напр., какъ обрисовываетъ происхожденіе общественныхъ классовъ Энгельсъ. «Въ каждомъ первобытномъ общежитіи имѣются вначалѣ извѣстныя общіе интересы, защита которыхъ должна быть передана отдѣльнымъ лицамъ подъ контролемъ всего общества: напримѣръ, разрѣшеніе споровъ, подавленіе попытокъ отдѣльныхъ лицъ нарушать права другихъ лицъ, надзоръ за водами, въ особенности въ жаркихъ странахъ, наконецъ, при первобытности строя, религіозныя функціи. Подобныя общественныя функціи имѣются всегда въ первобытной общинѣ: такъ, напр., въ древнѣйшей германской маркѣ и еще въ настоящее время въ Индіи; носители этихъ функцій естественно облекаются извѣстной властью, и, такимъ образомъ, возникаютъ начатки государственной власти. Мало-по-малу растутъ производительныя силы. Болѣе густое населеніе создаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ общіе, въ другихъ противоположные интересы между отдѣльными общинами, группированіе которыхъ въ болѣе крупныя общежитія создаетъ опять-таки новое раздѣленіе труда, новые органы для защиты общихъ и отраженія сталкивающихся интересовъ... Въ основѣ политической власти всегда лежало исполненіе опредѣленной общественной функціи, и политическая власть только тогда могла пріобрѣтать устойчивость на болѣе продолжительное время, когда она исполняла соотвѣтствующія общественныя функціи». Engels. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. 3-е изд. Стр. 187—188.

8) Ср. Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Кн. II. Гл. 4. Глава о раздѣленіи труда принадлежитъ къ числу одной изъ наиболѣе интересныхъ и богатыхъ содержаніемъ въ этомъ вообще чрезвычайно богатомъ фактическимъ содержаніемъ курсѣ.

9) «Развитіе есть интеграція матеріи, сопровождаемое разсѣяніемъ движенія, во время которой матерія переходитъ отъ состоянія несвязной и неопредѣленной однородности къ состоянію опредѣленной и связной разнородности, а неизрасходованное движеніе претерпѣваетъ аналогичное же превращеніе». Спенсеръ. Пер. Алексѣева. 1866. Стр. 278.

10) Ср. весьма любопытную полемику по этому вопросу между Бюхеромъ и Шмоллеромъ. Шмоллеръ выступилъ съ болѣе, чѣмъ смѣлымъ, утвержденіемъ, что «касты, аристократія, въ видѣ духовенства, военачальниковъ, купцовъ, цеховой строй, вся современная организація труда являются лишь измѣняющимися по времени формами, созданными въ обществѣ раздѣленіемъ труда и дифференціаціей... Различія же въ соціальномъ положеніи, имуществѣ, почетѣ и доходѣ являются лишь вторичными послѣдствіями соціальной дифференціаціи». Этому утвержденію Бюхеръ противопоставилъ обратное: «различіе въ имуществѣ и доходѣ есть не слѣдствіе, а главная причина раздѣленія труда». «Поскольку наши имущіе классы представляютъ собой и соціально профессіональные классы, они являются таковыми не въ силу того, что профессія создаетъ имущество, а вслѣдствіе того, что выборъ профессіи обусловливается имущественнымъ состояніемъ, и приносимый ею доходъ обыкновенно по-

вышается и понижается подобнымъ же образомъ, какъ и размѣры имущества, на которомъ основывается данная профессія». («Возникновеніе народнаго хозяйства». Вып. II. Стр. 105—108). Въ своемъ курсѣ Шмоллеръ значительно ослабилъ рѣзкость и опредѣленность своего первоначальнаго утвержденія. «Я считаю возможнымъ,—говоритъ Шмоллеръ въ этомъ своемъ новѣйшемъ трудѣ,—утверждать, несмотря на заслуживающія вниманія возраженія мнѣ Бюхера относительно вліянія распредѣленія имущества, что распредѣленіе профессій часто — и особенно въ прежнее время — предшествовало различіямъ имущества и что различіе имущества и въ настоящее время часто является слѣдствіемъ, а не причиной классовыхъ и индивидуальныхъ различій» (Grundriss, I. Стр. 398). Противъ послѣдняго, конечно, не сталъ бы возражать и Бюхеръ. Вопросъ заключается не въ отдѣльныхъ случаяхъ, а въ общемъ правилѣ— и тутъ тезисъ Бюхера остается вполнѣ вѣрнымъ.

11) Адамъ Смитъ. Богатство народовъ. Т. I. Стр. 111—112.

12) Марксъ. Капиталъ. Т. I. Стр. 281—289.

13) Dühring. Kursus der Nationalökonomie. Изд. 3-е. Стр. 66 и слѣд.

14) Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Очеркъ VIII.

15) Михайловскій. Сочиненія. Т. I. Стр. 150.

16) «Чѣмъ однороднѣе (и индивидуальнѣе) соціальная группа, тѣмъ менѣе индивидуальны ея члены; чѣмъ болѣе дифференцирована группа, тѣмъ болѣе индивидуальны ея члены». П. Струве. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Стр. 36.

17) Это прекрасно сознаетъ и Зиммель, на котораго пробуетъ опереться авторъ „Критическихъ Замѣтокъ". „Правда, — говоритъ Зиммель—сила, затрачивающаяся на извѣстную спеціальную дѣятельность, въ началѣ чрезвычайно вырастаетъ благодаря отказу отъ дѣятельности другого рода, но при значительной настойчивости и продолжительности такого состоянія опять падаетъ. Ибо недостатокъ упражненія приводитъ къ ослабленію и атрофіи другихъ мускульныхъ группъ или группъ представленій, что, естественно, равносильно ущербу для всего организма. А такъ какъ единственно функціонирующая часть, извлекаетъ, въ концѣ концовъ, свои питательные соки и силы изъ этого цѣлаго, то и ея собственная исправность должна пострадать, если страдаетъ цѣлое. Одностороннее усиліе приводитъ такимъ образомъ, окольнымъ путемъ, благодаря взаимной зависимости частей организма... къ ослабленію того органа, усиленію котораго оно первоначально содѣйствовало" (Ueber die sociale Differenzierung. 1890. Стр. 128). Зиммель вполнѣ признаетъ антагонизмъ между дифференцированностью общества и личности и рѣшаетъ проблему относительно границъ общественнаго раздѣленія труда приблизительно такъ же, какъ она рѣшена и въ текстѣ (см. стр. 137—139 его книги).

Глава III.

Формы промышленности. Производство для собственныхъ нуждъ. Ремесло.

I. Формы промышленности. Классификація Бюхера. Ея разборъ. II. Производство для собственныхъ нуждъ. Два фазиса развитія этой формы промышленности. III. Ремесло. Различные виды ремесла. Ремесленникъ и торговый посредникъ. IV. Ремесло въ Россіи. Ремесло въ деревнѣ. Растущія и падающія деревенскія ремесла. Дополнительныя замѣчанія. Зомбартовское разграниченіе формъ производительныхъ предпріятій и формъ хозяйства. Классификація формъ производительныхъ предпріятій. Классификація системъ и ступеней хозяйства.

I.

Двумя основными отдѣлами производства являются промышленность и земледѣліе. Въ промышленности человѣкъ воздѣйствуетъ на мертвую природу, на ея неорганическіе процессы, въ земледѣліи (съ его вспомогательными отраслями—скотоводствомъ и лѣсоводствомъ)—на живые организмы, на ихъ біологическіе процессы. Правда, существуютъ и нѣкоторые отдѣлы промышленности, гдѣ человѣкъ имѣетъ дѣло съ жизненными процессами (какъ напр., при винокуреніи съ процессами броженія). Однако, въ этомъ случаѣ біологическіе процессы такъ просты, что экономистъ можетъ приравнивать ихъ къ физико-химическимъ. Для экономиста всего важнѣе та обстановка, въ которой совершается процессъ производства; промышленный трудъ совершается въ искусственной обстановкѣ, созданной человѣкомъ, а земледѣліе совершается въ естественной обстановкѣ внѣшней природы. Винокуреніе же происходитъ въ искусственной обстановкѣ и винокуренный заводъ въ экономическомъ отношеніи не отличается отъ всякаго другого, напр. химическаго завода.

Хотя земледѣліе имѣетъ болѣе основной характеръ, чѣмъ промышленность, удобнѣе раньше разсматривать промышленную

а затѣмъ уже аграрную эволюцію—промышленная эволюція, благодаря искусственной обстановкѣ промышленнаго труда, имѣетъ гораздо болѣе однообразный и закономѣрный характеръ, менѣе зависитъ отъ естественныхъ различій внѣшней природы, чѣмъ эволюція земледѣлія, и потому легче допускаетъ обобщеніе и сведеніе къ извѣстнымъ общимъ формуламъ.

Наиболѣе распространенной классификаціей формъ промышленности является въ настоящее время классификація Бюхера, различающаго 5 слѣдующихъ формъ промышленности [1]):

1) производство для собственныхъ нуждъ (Hauswerk);
2) работа по найму (Lohnwerk);
3) ремесло;
4) мелкое производство на посредника (Verlagsystem);
5) фабрика.

Эта классификація формъ промышленности, въ общемъ, удачна и ею можно пользоваться. Но она требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій. Прежде всего, Бюхеръ совершенно не упоминаетъ объ одной формѣ промышленности, имѣющей особое значеніе въ Россіи — такъ называемой артели, производительной ассоціаціи, крупнаго некапиталистическаго производства для сбыта. Затѣмъ, Бюхеръ различаетъ работу по найму отъ ремесла, между тѣмъ какъ эти два рода промышленнаго труда очень близки другъ къ другу и ихъ удобнѣе объединитъ подъ общимъ понятіемъ ремесла. Далѣе, Бюхеръ объединяетъ подъ общимъ понятіемъ фабрики какъ фабрику въ собственномъ смыслѣ, такъ и мануфактуру, хотя между этими формами промышленности существуетъ глубокое принципіальное различіе (фабрика основана на машинномъ трудѣ, мануфактура на ручномъ, откуда вытекаютъ очень важныя и разнообразныя различія въ общемъ строѣ того и другого предпріятія). Такимъ образомъ, мы приходимъ къ слѣдующей классификаціи формъ промышленности:

1) производство для собственныхъ нуждъ;
2) ремесло;
3) мелкое производство на посредника;
4) производительная артель;
5) мануфактура;
6) фабрика.

II.

Производствомъ для собственныхъ нуждъ называется изготовленіе промышленныхъ издѣлій для собственныхъ нуждъ даннаго хозяйства и притомъ, какъ общее правило, изъ сырья, добытаго въ предѣлахъ даннаго хозяйства. Въ этой формѣ промышленность значительно древнѣе земледѣлія. Даже народы, стоящіе очень низко по уровню своего развитія, знакомы съ разнообразнымъ промышленнымъ мастерствомъ—изготовленіемъ луковъ и стрѣлъ, плетеніемъ цыновокъ, сосудовъ изъ лыка и корней, гончарничествомъ, дубленіемъ кожъ и т. п. Съ возникновеніемъ земледѣлія эта форма промышленности получаетъ дальнѣйшее развитіе. Вплоть до настоящаго времени большая часть потребностей крестьянской семьи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обмѣнъ слабо развитъ, удовлетворяется трудомъ самого семейства. И теперь крестьянское семейство въ глухихъ мѣстностяхъ Россіи само изготовляетъ себѣ одежду изъ льна или пеньки, выросшихъ на полѣ, обработанномъ тѣмъ же крестьяниномъ, живетъ въ домѣ, построенномъ изъ своего же лѣса своими же руками, ходитъ въ лаптяхъ собственнаго приготовленія и т. д. и т. д.

Въ своемъ постепенномъ развитіи производство для собственныхъ нуждъ проходитъ два фазиса. Первоначально продуктъ совершенно не продается и потребляется безъ остатка самимъ производителемъ. Во второмъ фазисѣ извѣстная часть продукта, излишекъ, ненужный для собственнаго потребленія, поступаетъ въ продажу, происходитъ обмѣнъ. Переходъ отъ перваго ко второму фазису вызывается, главнымъ образомъ, разслоеніемъ крестьянскаго хозяйства. Чтобы удовлетворить всѣмъ своимъ хозяйственнымъ потребностямъ, крестьянинъ долженъ располагать извѣстнымъ минимумомъ количества земли; пока этотъ минимумъ имѣется, нѣтъ необходимости въ покупкѣ предметовъ потребленія со стороны. Но крестьянское населеніе разслаивается, выдѣляются семьи съ большимъ количествомъ земли, производящія избыточные продукты, и другія семьи малоземельныя, которымъ не хватаетъ производимыхъ ими продуктовъ. Многоземельныя хозяйства начинаютъ продавать свои излишки продуктовъ семьямъ, не обладающимъ достаточнымъ количествомъ земли. Продуктъ начинаетъ обмѣниваться. Такимъ образомъ, продуктъ крестьянскаго труда поступаетъ на мѣстный рынокъ, а затѣмъ попадаетъ и въ каналы торговли.

На базарахъ русской деревни обыкновенно можно встрѣтить разнообразные продукты крестьянскаго домашняго производства—холсты, пряжу, сукна, издѣлія изъ дерева и пр., производимое не спеціально для сбыта, а для собственнаго потребленія, и продаваемое по излишеству въ собственномъ хозяйствѣ или по случайной нуждѣ въ деньгахъ. Именно поэтому передъ нами въ данномъ случаѣ не ремесло или мелкое производство на посредника, а то же производство для собственныхъ нуждъ, лишь случайно и отчасти работающее для сбыта.

Процессъ разложенія первоначальнаго производства для собственныхъ нуждъ идетъ впередъ соотвѣтственно росту мѣноваго хозяйства, но не слѣдуетъ думать, что процессъ этотъ хотя бы въ современномъ городѣ уже достигъ своего завершенія. Еще на нашихъ глазахъ одна отрасль производства за другой отщепляется отъ домашняго хозяйства и пріобрѣтаетъ характеръ самостоятельнаго предпріятія. Такъ напр., еще очень недавно мытье бѣлья было отраслью домашняго хозяйства, также какъ и шитье платья, вязанье чулокъ, вышиванье, печенье хлѣба и т. д. У насъ въ Россіи до настоящаго времени приготовленіе пищи остается даже въ городѣ прочной составной частью домашняго хозяйства. Но въ западной Европѣ и Америкѣ развитіе ресторанной жизни приводитъ къ тому, что и эта функція домашняго хозяйства отмираетъ.

Тѣмъ не менѣе, существуютъ извѣстныя условія, поддерживающія въ деревнѣ эту форму промышленности, равно какъ и другія формы мелкой крестьянской промышленности. Дѣло въ томъ, что въ земледѣліи процессъ производства прерывается на зимніе мѣсяцы. Въ Россіи, въ силу ея холоднаго климата, перерывы эти особенно продолжительны и охватываютъ большую часть года. Въ зимнее время работа земледѣльца, если не совсѣмъ прекращается, то очень значительно сокращается и сводится преимущественно къ уходу за скотомъ. Наличность свободнаго зимняго времени и поддерживаетъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ разнообразную домашнюю промышленность [2]). Крестьянинъ можетъ находить для себя удобнымъ обрабатывать въ зимнее время продукты своего хозяйства даже и въ томъ случаѣ, если его работа вознаграждается самымъ ничтожнымъ образомъ. Такъ напр., въ нашей деревнѣ еще до настоящаго времени широко распространено домашнее пряденье и ткачество для собственныхъ нуждъ. Пряденье конопли и льна есть одно изъ главныхъ занятій крестьянской дѣвушки въ зимнее время; если оцѣнить работу пряденья на деньги, то получится до смѣшного ничтожная сумма—

за недѣлю дѣвушка выпрядаетъ пряжи не болѣе, чѣмъ на 60—70 к. Однако, домашнее пряденье держится чрезвычайно упорно—безъ него рабочая сила крестьянской дѣвушки могла бы совсѣмъ не получить примѣненія, и крестьянинъ находитъ, что лучше ничтожный заработокъ, чѣмъ никакого.

III.

Разложеніе домашняго хозяйства приводитъ къ тому, что обособляющіяся отрасли промышленнаго труда принимаютъ характеръ ремесла. Подъ ремесломъ понимаютъ такую форму промышленности, при которой мелкій производитель работаетъ не на себя, а на потребителя, безъ какихъ бы то ни было торговыхъ посредниковъ. Можно различать два вида ремесла—наемное ремесло (то, что Бюхеръ называетъ работой по найму) и продажное ремесло (то, что Бюхеръ признаетъ ремесломъ въ собственномъ смыслѣ). Въ первомъ случаѣ ремесленникъ обрабатываетъ по заказу потребителя сырой матеріалъ, принадлежащій потребителю же. Ремесленникъ не является собственникомъ изготовляемаго продукта, который на всѣхъ стадіяхъ производства принадлежитъ заказчику. Во второмъ случаѣ ремесленникъ обрабатываетъ сырой матеріалъ, принадлежащій ему самому, добытый въ его собственномъ хозяйствѣ или купленный имъ за свой счетъ. Продуктъ принадлежитъ въ этомъ случаѣ первоначально ремесленнику.

Первая форма ремесла является болѣе ранней. Ремесленникъ, владѣющій орудіями крайне примитивнаго характера, ходитъ по домамъ потребителей и ищетъ работы, которую и исполняетъ въ домѣ заказчика. Этотъ видъ наемнаго ремесла, который можно назвать отхожимъ ремесломъ, до сихъ поръ очень распространенъ въ русской деревнѣ—такими отхожими ремесленниками являются, напр., шерстобиты, плотники, каменщики, точильщики, шубники, стекольщики и т. д. и т. д. Отличительной чертой отхожаго ремесла является то, что ремесленникъ работаетъ въ помѣщеніи хозяина. Такое ремесло возможно лишь въ томъ случаѣ, если орудія производства очень просты и удобопереносимы. Но есть цѣлый рядъ ремеслъ, которыя требуютъ весьма громоздкихъ орудій производства; ремесленникъ беретъ въ этомъ случаѣ работу себѣ на домъ—передъ нами домашнее наемное ремесло. При отхожемъ ремеслѣ главная сила ремесленника заключается въ его трудѣ,

а не во владѣніи орудіями производства; въ домашнемъ же ремеслѣ большую роль начинаютъ играть средства производства. Домашнимъ ремесломъ является, напр., ткачество, мукомольное дѣло, кузнечный промыселъ и т. п.

Обѣ эти формы отхожаго и домашняго наемнаго ремесла были первоначально очень широко распространены.

Первые ремесленники въ средневѣковомъ городѣ обладали самыми ничтожными имущественными средствами и могли поэтому работать только по найму; по мѣрѣ роста ремесленнаго производства увеличивалась зажиточность ремесленниковъ и они получили возможность покупать матеріалъ за свой счетъ, что представляло извѣстныя выгоды и для заказчиковъ, такъ какъ ремесленники могли лучше знать качество матеріала. Такимъ образомъ ремесленникъ сталъ обрабатывать свой собственный матеріалъ,—возникло продажное ремесло, причемъ продуктъ или поступалъ въ продажу, или же изготовлялся по заказу потребителя. Но, во всякомъ случаѣ, продуктъ непосредственно переходилъ отъ производителя къ потребителю, безъ участія торговаго посредника.

Правда, нѣкоторые изслѣдователи— напр. Зомбартъ [3])—указываютъ на то, что многіе средневѣковые ремесленники (напр. въ суконномъ производствѣ) работали не на потребителя, а на торговца. Во многихъ средневѣковыхъ германскихъ городахъ цеховой мастеръ-суконщикъ не имѣлъ даже права продавать свой продуктъ непосредственно потребителю—онъ былъ обязанъ продавать его только купцамъ, обладавшимъ монополіей закупки сукна. Потребитель могъ купить сукно только у суконнаго торговца. Но эти примѣры не опровергаютъ положенія, что ремесло невозможно при существованіи торговаго посредничества. Цеховые суконщики, работавшіе на суконныхъ торговцевъ, хотя и были членами цеха, но экономически не были ремесленниками—такое суконное производство было не ремесломъ, а мелкимъ производствомъ на посредника. Достаточно торговому капиталу стать между ремесленникомъ и потребителемъ, чтобы ремесло измѣнило свою природу, перестало быть самостоятельнымъ производствомъ и приблизилось къ капиталистической промышленности. Именно ростъ торговаго капитала и вызвалъ упадокъ цехового ремесла.

Распаденіе цехового строя было вызвано ростомъ торговли—чѣмъ шире становился рынокъ для произведеній промышленнаго труда, тѣмъ большаго преобладанія достигалъ торговецъ и тѣмъ приниженнѣе становилась роль цехового мастера. Ремесло, мало

по малу, перерождается въ домашнюю систему крупной промышленности.

Новѣйшее время характеризуется сильнымъ упадкомъ самостоятельнаго ремесла. Однако, это не значитъ, что оно окончательно сходитъ со сцены. Напротивъ, численность ремесленниковъ даже растетъ. Такъ, хозяевъ-ремесленниковъ въ Германіи въ 1816 г. считалось $^1/_2$ милліона, въ 1861 г.—1 милліонъ, а въ 1895 г. 1,3 милл. [4])—съ 1816 по 1861 г. число ремесленниковъ удвоилось, затѣмъ ростъ числа ремесленниковъ замедлился, но все же не прекратился. Однако, если сравнить ростъ числа ремесленниковъ съ ростомъ числа фабричныхъ рабочихъ, то окажется, что ростъ первыхъ идетъ гораздо слабѣе.

Упадокъ ремесла выражается, главнымъ образомъ, въ паденіи ихъ заработковъ, подъ вліяніемъ чего происходитъ слѣдующая многозначительная перемѣна: ремесло, бывшее первоначально на Западѣ специфически городскимъ производствомъ, въ новѣйшее время переходитъ въ деревню или изъ крупныхъ городовъ въ мелкіе города. Такъ, въ Германіи болѣе половины ремесленниковъ живетъ теперь въ деревнѣ или маленькихъ городахъ. Въ большомъ городѣ ремесленнику становится все труднѣе выдерживать конкуренцію новыхъ формъ промышленности. Ремесленникъ или попадаетъ на фабрику, или же превращается въ домашняго рабочаго, работающаго на магазинъ или по заказамъ промышленнаго капиталиста.

Но этотъ упадокъ ремесла въ большихъ городахъ объясняется не столько тѣмъ, что ремеслу приходится конкуррировать съ машиной, сколько развитіемъ въ городѣ торговли. Городское населеніе все болѣе и болѣе привыкаетъ удовлетворять свои потребности путемъ покупки всего необходимаго въ магазинахъ. Даже починка вещей, которая раньше поручалась ремесленникамъ, теперь все больше сосредоточивается въ томъ же магазинѣ, гдѣ была куплена данная вещь. Именно магазины, а не фабрика, являются главнымъ врагомъ ремесла, превращая ремесленника въ наемнаго домашняго рабочаго капиталиста.

IV.

Въ Россіи городское ремесло никогда не играло такой роли, какъ на Западѣ. Наши русскіе города были не промышленными, а частью административными, частью торговыми центрами. Правда, Петръ Великій и Екатерина II хотѣли создать у насъ городское ремесло, но всѣ эти попытки остались на бумагѣ. Цеховое ремесло не могло развиться у насъ потому, что для этого не было соотвѣтствующихъ экономическихъ условій.

Но это не значитъ, что для Россіи ремесло является совершенно чуждой формой производства. Наоборотъ, въ настоящее время въ Россіи ремесло развито относительно больше, чѣмъ на Западѣ—но не въ городѣ, а въ деревнѣ. Если въ центральной Россіи господствующей деревенской промышленностью является кустарное производство, то въ черноземной и южной Россіи преобладаетъ деревенское ремесло. Объясняется это тѣмъ, что на земледѣльческомъ югѣ крестьянское хозяйство производитъ много разнаго рода сырья, которое и перерабатывается на мѣстѣ. Первоначально эта переработка производилась въ предѣлахъ той же крестьянской семьи—господствующей формой промышленности было производство для собственныхъ нуждъ. Но мало-помалу, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, разложенія первобытной большой семьи, а, съ другой стороны, разслоенія крестьянскаго хозяйства, производство для собственныхъ нуждъ превращается въ ремесло. Процессъ этотъ нерѣдко происходитъ еще и теперь, на нашихъ глазахъ.

Возьмемъ, напр., очень широко распространенное на нашемъ земледѣльческомъ югѣ домашнее ткачество. Первоначально домашнее ткачество было принадлежностью каждой крестьянской семьи. И теперь еще на югѣ нерѣдко встрѣчаются деревни, гдѣ почти въ каждомъ дворѣ имѣется ткацкій станъ, на которомъ ткутъ въ зимнее время разнаго рода ткани для нуждъ той же семьи. Тканью подвергается преимущественно пеньковая пряжа, выпряденная изъ своей же пеньки. Но деревни, сохранившія старинное домашнее ткачество, обыкновенно принадлежатъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ большинство крестьянъ хорошо обезпечено землей. Въ малоземельныхъ же деревняхъ появляются спеціалисты-ткачи, которые начинаютъ заниматься ткачествомъ, какъ своимъ спеціальнымъ промысломъ, обрабатывая за деньги пряжу, приносимую имъ другими крестьянами. Обыкновенно—даже почти исключительно — ткачи выходятъ изъ среды беззе-

мельныхъ или малоземельныхъ крестьянъ, принужденныхъ искать себѣ для существованія какихъ либо неземледѣльческихъ заработковъ. Становясь спеціалистами ткачества, они достигаютъ извѣстнаго искусства, недоступнаго для домашней ткачихи, почему для тѣхъ крестьянскихъ дворовъ, которые сѣютъ коноплю и прядутъ ее дома, становится выгоднымъ, вмѣсто того, чтобы ткать ее самимъ, отдавать ткать за небольшую плату на сторону—ткачу-спеціалисту. Такимъ образомъ изъ первоначальнаго домашняго ткачества для собственныхъ нуждъ возникаетъ ткацкое ремесло.

Ткацкое ремесло является самымъ распространеннымъ ремесломъ на югѣ Россіи. Почти въ каждой деревнѣ есть нѣсколько ткачей, а въ малоземельныхъ деревняхъ число ткачей достигаетъ значительной части всего деревенскаго населенія. Въ этомъ случаѣ ткачи берутъ пряжу не только отъ своихъ односельчанъ, но и отъ крестьянъ сосѣднихъ деревень, причемъ промыселъ все же остается ремесломъ, такъ какъ работа производится непосредственно на потребителя.

Ткачество грубаго пеньковаго полотна представляетъ собою типичное наемное домашнее ремесло, которое, хотя и не развивается, но и не сокращается замѣтнымъ образомъ. Несмотря на крайнюю примитивность техники, ручное ткачество держится въ деревнѣ, опираясь, съ одной стороны, на нищенскую оплату труда ткача, съ другой стороны—на то, что крестьянинъ производитъ пеньку въ собственномъ хозяйствѣ и не долженъ ея покупать. Другіе виды ткацкаго ремесла находятся въ худшемъ положеніи. Такъ, напр., къ числу падающихъ промысловъ въ малорусской деревнѣ относится тканье шерстяныхъ матерій, суконъ, такъ называемыхъ запасокъ, плахтъ, и пр. Матеріи этого рода имѣютъ уже болѣе высокую цѣнность и при примитивности техники ручнаго ткачества не могутъ выдержать конкуренціи съ фабричными издѣліями, которыя ихъ быстро вытѣсняютъ. Не меньшее значеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи имѣетъ также и паденіе крестьянскаго овцеводства, благодаря чему крестьянинъ лишается необходимаго сырья.

Примѣромъ отхожаго наемнаго ремесла, которое недавно еще было очень распространено въ нашей деревнѣ, можетъ служить шерстобитье. Шерстобиты ходятъ по селамъ, нерѣдко заходя при этомъ за сотни верстъ и дальше отъ своего села, и бьютъ шерсть на дому у заказчика. Иногда шерстобиты отправляются въ отходъ цѣлыми группами, иногда по одиночкѣ. Этотъ промыселъ также падаетъ, отчасти благодаря конкуренціи машины для битья

шерсти, но, главнымъ образомъ, благодаря упадку крестьянскаго овцеводства.

Портняжій промыселъ представляетъ собою видъ наемнаго ремесла, которое имѣетъ частью отхожій, частью домашній характеръ. Портные иногда берутъ работу на домъ, иногда же они ходятъ по селамъ въ поискахъ работы и работаютъ на дому заказчика. Такъ какъ употребленіе готоваго платья въ нашей деревнѣ мало распространено, а шитье его дома, силами самой крестьянской семьи, съ разложеніемъ большой семьи и вообще упадкомъ домашняго хозяйства сокращается, то портняжій промыселъ принадлежитъ къ числу быстро развивающихся. Въ этой области замѣтенъ и прогрессъ техники: портные и швеи обыкновенно работаютъ на швейныхъ машинахъ.

Развивающимся промысломъ является и сапожный промыселъ, который по своей экономической структурѣ представляетъ собой частью домашнее наемное, частью продажное ремесло: иногда сапожники шьютъ сапоги изъ кожи, которую имъ приносятъ заказчики, но чаще они сами покупаютъ кожу за свой счетъ и продаютъ сапоги своимъ односельчанамъ или на базарахъ крестьянамъ сосѣднихъ деревень. Еще больше они занимаются починкой старыхъ сапогъ.

Къ числу развивающихся промысловъ относятся во многихъ мѣстахъ бондарный промыселъ (частью домашнее наемное, частью продажное ремесло), плотничный промыселъ (отхожее наемное ремесло), кузнечный промыселъ (частью домашнее наемное, частью продажное ремесло). Гончарный промыселъ представляетъ собой частью ремесло (продажное), но, главнымъ образомъ, кустарную промышленность. Гончаръ иногда сбываетъ свои продукты непосредственно потребителямъ — навариваетъ на возъ посуду и ѣздитъ по сосѣднимъ деревнямъ, продавая посуду бабамъ, а въ прежнее время нерѣдко обмѣнивая ее на рожь и другой хлѣбъ — и въ этомъ случаѣ онъ является деревенскимъ ремесленникомъ. Но гораздо чаще гончаръ, за трудностью найти такимъ образомъ сбытъ для своего продукта, долженъ продавать его скупщику—и въ этомъ случаѣ промыселъ пріобрѣтаетъ характеръ кустарнаго производства [5]).

Въ общемъ, наше деревенское ремесло, какъ надо думать, не только не падаетъ по числу занимаемыхъ рукъ, а быстро растетъ. Многіе промыслы падаютъ, но на смѣну имъ выдвигаются другіе, и замѣняютъ ихъ мѣсто. Распаденіе домашняго хозяйства крестьянской семьи приводятъ къ тому, что, несмотря на обѣднѣніе крестьянства, спросъ на продукты чужого труда

возрастаетъ. Этотъ растущій спросъ частью удовлетворяется продуктами капиталистической промышленности, но за всѣмъ тѣмъ остается мѣсто и для роста ремесла, особенно на нашемъ югѣ съ его болѣе зажиточнымъ земледѣльческимъ населеніемъ.

Характерной особенностью русской деревни является широкое распространеніе въ ней разнаго рода отхожихъ промысловъ. Въ центральной Россіи нерѣдко цѣлые обширные районы живутъ отхожими промыслами; почти все взрослое мужское населеніе такихъ районовъ уходитъ лѣтомъ на разнообразные заработки и въ деревнѣ остаются только женщины, дѣти и старики. За послѣднія десятилѣтія отходъ чрезвычайно усилился; крестьянинъ не можетъ прокормиться у себя дома и принужденъ уходить изъ него въ поискахъ работы на большее или меньшее время. Въ такихъ губерніяхъ, какъ костромская, калужская, тверская, ярославская, уходитъ на промыслы около $^1/_5$ всего крестьянскаго населенія. Промыслы уходящихъ крестьянъ крайне разнообразны: всего болѣе рабочихъ рукъ привлекаютъ разнообразные строительные промыслы, затѣмъ большую роль въ промышленномъ отходѣ играютъ разнообразныя деревенскія ремесла, работа на фабрикахъ и заводахъ, въ торговыхъ заведеніяхъ и т. п. [6]). Отходъ накладываетъ своеобразный отпечатокъ на весь строй жизни нашей деревни. Благодаря постояннымъ передвиженіямъ крестьянскаго населенія, наша деревня живетъ болѣе общей жизнью съ городомъ и вообще со всей страной, чѣмъ напр. деревня Запада, гдѣ крестьянинъ нерѣдко никогда не покидаетъ того клочка земли, гдѣ онъ родился и гдѣ сосредоточены всѣ его интересы. Нашъ крестьянинъ отчасти благодаря отходу, отчасти же въ силу другихъ причинъ, представляетъ собой вообще совсѣмъ иной соціальный типъ, чѣмъ крестьянинъ Запада.

Въ основу принятой въ текстѣ классификаціи формъ промышленности положена нѣсколько преобразованная классификація Бюхера. Классификація эта была подвергнута серьезной критикѣ со стороны Зомбарта, выступившаго съ предложеніемъ построить классификацію промышленныхъ явленій на совершенно новыхъ основахъ. Прежде всего Зомбартъ строго отличаетъ понятія Wirtschaft (хозяйство) и Betrieb (на русскомъ языкѣ соотвѣтствующаго термина нѣтъ; его можно, пожалуй, передать выраженіемъ «производительное предпріятіе»). «Betrieb, — говоритъ Зомбартъ,—ist Arbeitsgemeinschaft; Wirtschaft ist Verwertungsgemeinschaft» («Производительное предпріятіе есть общность труда; хозяйство есть общность реализаціи цѣнностей») [7]). Когда мы говоримъ о формахъ производительныхъ предпріятій, мы имѣемъ въ виду способъ соединенія рабочихъ силъ въ процессѣ труда; когда же мы говоримъ о формахъ хо-

зяйства, мы думаемъ о конечныхъ цѣляхъ хозяйства — о томъ, какимъ образомъ достигаются конечныя цѣли хозяйства — удовлетвореніе потребностей. Формы производительныхъ предпріятій суть, такимъ образомъ, формы средства, а формы хозяйства — формы цѣля. Формы производительныхъ предпріятій Зомбартъ классифицируетъ слѣдующимъ образомъ [8]):

Таблица формъ производительныхъ предпріятій.

Индивидуальный трудъ.	Переходная форма труда		Общественный трудъ.
1) Одиночн. трудъ. 2) Семейн. трудъ. 3) Трудъ съ помощниками.	4) Расширенный трудъ съ помощниками. 5) Общественный трудъ въ мелк. размѣрахъ.	6) Индивидуальный трудъ въ крупныхъ размѣрахъ.	7) Мануфактура. 8) Фабрика.
такъ наз. мелкое производство.	такъ наз. среднее производство.	такъ наз. крупное производство.	

Индивидуальному труду, характеризующемуся тѣмъ, что при этой формѣ труда продуктъ является дѣломъ рукъ одного рабочаго, Зомбартъ противопоставляетъ общественный трудъ. При общественномъ трудѣ продуктъ является произведеніемъ нѣсколькихъ рабочихъ, такъ что невозможно установить, въ чемъ заключается трудовой продуктъ каждаго отдѣльнаго рабочаго. Между индивидуальнымъ и общественнымъ трудомъ помѣщаются промежуточныя, переходныя формы труда.

Что такое одиночный трудъ—это ясно само собой. Семейный трудъ и трудъ съ помощниками Зомбартъ относитъ къ категоріи индивидуальнаго труда на томъ основаніи, что въ этихъ случаяхъ глава семьи или главный рабочій опредѣляетъ все направленіе производства, а прочіе участники производства играютъ роль лишь вспомогательныхъ органовъ руководителя производства. Всѣ эти три формы производительныхъ предпріятій представляютъ собою то, что обычно называется мелкимъ производствомъ.

Переходныхъ формъ труда Зомбартъ насчитываетъ три. Изъ числа ихъ требуетъ объясненія шестая форма — индивидуальный трудъ въ крупныхъ размѣрахъ. Въ данномъ случаѣ Зомбартъ имѣетъ въ виду слѣдующее. Въ нѣкоторыхъ родахъ труда наблюдается, что, несмотря на крупный характеръ производства, трудъ каждаго отдѣльнаго рабочаго совершается совершенно независимо отъ труда другихъ рабочихъ. Примѣромъ можетъ служить малярное дѣло, организованное въ крупныхъ размѣрахъ. Въ этомъ случаѣ хозяинъ можетъ имѣть хоть сотню рабочихъ, но каждый рабочій работаетъ независимо отъ другихъ, такъ же, какъ онъ работалъ бы, если бы работалъ совершенно въ одиночку: онъ исполняетъ свою опредѣленную индивидуальную работу и его трудовой продуктъ можетъ быть вполнѣ опредѣленно отграниченъ отъ трудового продукта другихъ рабочихъ.

Формъ общественнаго труда двѣ, природа которыхъ ясна и не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій.

Такова классификація формъ производительныхъ предпріятій. Наряду съ этой классификаціей Зомбартъ даетъ слѣдующую классификацію ступеней и системъ хозяйства[2]):

Ступени хозяйства:	Индивидуальное хозяйство.			Переходное хозяйство.			Общественное хозяйство.		
Системы хозяйства:	1) Первобытное родовое хозяйство.	2) Семейная община — «хозяйство крупныхъ семей».	3) Расширенное хозяйство для собственнаго потребленія, съ объединеніемъ хозяйства.	4) Расширенное хозяйство для собственнаго потребленія, съ раздѣленіемъ хозяйств. единицъ (крѣпостное хозяйство).	5) Деревенское хозяйство.	6) Мѣновое и въ особенности городское хозяйство.	7) Соціалистическое хозяйство.	8) Рабовладѣльческое хозяйство древности.	9) Рабовладѣльческое хозяйство современныхъ колоній.	10) Капиталистическое мѣновое хозяйство съ свободнымъ наемнымъ трудомъ.
Группы системъ хозяйства съ единымъ хозяйств. принципомъ:	Хозяйства, производящія для непосредственнаго потребленія.						Хозяйства съ цѣлью наживы.			

Въ поясненіе этой классификаціи можно сказать слѣдующее. Основной противоположностью въ области системъ хозяйства Зомбартъ признаетъ противоположность хозяйствъ, преслѣдующихъ цѣли удовлетворенія потребностей хозяина или какого-либо другого лица, и хозяйствъ цѣлью которыхъ является нажива. Первыя семь хозяйственныхъ системъ относятся къ первому типу и три послѣднія—ко второму типу. Три первыя системы хозяйства характеризуются тѣмъ, что въ нихъ совершенно отсутствуетъ обмѣнъ—въ двухъ первыхъ системахъ потребности хозяевъ удовлетворяются ихъ собственнымъ трудомъ, въ третьей системѣ потребности удовлетворяются при помощи принудительнаго (рабскаго) труда. Три послѣдующихъ системы хозяйства уже предполагаютъ связь между отдѣльными хозяйственными единицами. Но связь эта еще не имѣетъ рѣшающаго характера и многія потребности удовлетворяются по прежнему въ предѣлахъ того же хозяйства. Въ четырехъ послѣднихъ хозяйственныхъ системахъ связь между отдѣльными хозяйствами уже охватываетъ каждую хозяйственную единицу со всѣхъ сторонъ и всѣ онѣ вмѣстѣ сливаются въ одно недѣлимое цѣлое общественнаго хозяйства.

Такова классификація формъ производительныхъ предпріятій и системъ хозяйства, которой авторъ ея придаетъ настолько большое значеніе, что разсчитываетъ съ ея помощью преобразовать всю современную экономическую науку. Съ моей точки зрѣнія, единственное, въ чемъ можно безусловно согласиться съ Зомбартомъ, это то, что формы произ-

водительныхъ предпріятій — иначе говоря, формы организаціи труда— слѣдуетъ строго различать отъ формъ реализаціи трудовыхъ продуктовъ и что въ раціональной классификаціи эти два различныхъ основанія классификаціи не должны быть смѣшиваемы. Не нужно, напр., забывать, что крупное машинное производство отнюдь не равнозначуще капиталистической фабрикѣ, ибо крупное машинное производство можетъ быть организовано и на началахъ некапиталистическихъ (напр., въ формѣ производительной ассоціаціи). До нѣкоторой степени разграниченіе понятія Betrieb (формы труда) и Wirtschaft (хозяйства), которому Зомбартъ придаетъ такое огромное значеніе, совпадаетъ съ обычнымъ, но весьма часто забываемымъ разграниченіемъ технической и экономической точки зрѣнія. И классификація формъ промышленности, которая строго разграничила бы обѣ эти точки зрѣнія, конечно, заслуживала бы полнаго вниманія.

Но то положительное, что далъ Зомбартъ, къ сожалѣнію, далеко не соотвѣтствуетъ силѣ его критическихъ соображеній. Зомбартъ даетъ двѣ таблицы: одна является классификаціей формъ труда, другая — классификаціей системъ хозяйства. Но вторая таблица классифицируетъ не тѣ же явленія, которыя были съ другой точки зрѣнія предметомъ классификаціи въ первой таблицѣ, а явленія совершенно другого порядка. Такимъ образомъ, давши классификацію промышленныхъ организаціи съ технической точки зрѣнія, какъ формъ труда, Зомбартъ совсѣмъ не далъ классификаціи тѣхъ же организаціи со второй точки зрѣнія, которой онъ придаетъ такое значеніе — съ хозяйственной точки зрѣнія. Поэтому его классификація промышленныхъ организаціи является, очевидно, незаконченной. Иными словами, какъ бы мы ни смотрѣли на достоинства обѣихъ его таблицъ, совершенно ясно, что въ нихъ не содержится того, что требуется экономисту, изучающему различныя формы промышленной дѣятельности человѣка — въ нихъ нѣтъ классификаціи этой дѣятельности съ хозяйственной точки зрѣнія. Однако, въ продолженіи своего изслѣдованія Зомбартъ говоритъ и о ремеслѣ, и о домашней капиталистической промышленности, и о капиталистической фабрикѣ,— словомъ, о цѣломъ рядѣ формъ промышленныхъ организаціи, различаемыхъ въ данномъ случаѣ не какъ формы труда, а какъ формы хозяйства. Зомбартъ, такимъ образомъ, пользуется классификаціей, основы которой имъ самимъ совершенно не выяснены и которая имъ отнюдь не сведена въ систему.

Итакъ, классификаціи формъ промышленности съ хозяйственной точки зрѣнія (т. е. съ той точки зрѣнія, которая для экономиста естественно выдвигается на первый планъ) у Зомбарта мы совсѣмъ не находимъ. Что же касается данныхъ имъ двухъ классификаціонныхъ таблицъ, то ихъ положительная цѣнность также не можетъ считаться значительной. Первая таблица, въ сущности, сводится къ тому, что производительныя предпріятія могутъ быть мелкія, среднія и крупныя. Это, конечно, вѣрно, но нельзя сказать, чтобы было очень ново. Что же касается до оригинальныхъ добавленій Зомбарта, то они не могутъ быть признаны удачными. Такъ, его разграниченіе крупнаго индивидуальнаго и крупнаго общественнаго производства не оправдывается никакими серьезными соображеніями. Вторая же таблица, которая, по мысли автора, должна одновременно классифицировать и системы хозяйства

и ступени хозяйственнаго развитія, производитъ впечатлѣніе чего-то очень страннаго и незаконченнаго. Чего стоитъ хотя бы помѣщеніе соціалистическаго хозяйства въ одну группу «общественнаго хозяйства» вмѣстѣ съ рабскимъ и капиталистическимъ хозяйствомъ! Или рѣзкое противопоставленіе рабскаго хозяйства для собственнаго потребленія и рабскаго же хозяйства для сбыта, благодаря чему двѣ формы хозяйства, исторически тѣсно связанныя между собой и обыкновенно составлявшія одно цѣлое, попали въ двѣ совершенно различныя рубрики классификаціонной таблицы!

Никогда не слѣдуетъ забывать, что всякая классификація, по необходимости, субъективна и, какъ таковая, должна оцѣниваться съ точки зрѣнія ея удобства въ качествѣ орудія изслѣдованія. И вотъ, именно съ этой-то рѣшающей точки зрѣнія, классификація формъ промышленности, данная Бюхеромъ, должна быть признана, при всѣхъ своихъ частныхъ недостаткахъ, очень удобной, и Зомбарту, конечно, ничего не удалось предложить взамѣнъ ея.

ЛИТЕРАТУРА.

Кореакъ. Формы промышленности. 1861. Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Его же. Gewerbe. Статья въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». (Русск. перев. Изд. М. Водовозовой «Промышленность». 1898). Зомбартъ. Организація труда. Его же. Современный капитализмъ. Русск. пер. 1903—905. Schmoller. Die Strassburger Tucher- und Weberzunft. 1879. Его же. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Stieda. Die Lebensfähigneit des Handwerks. 1897. В. В. Очерки кустарной промышленности въ Россіи. 1886. С. Лисенко. Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи. 1900 Вып. 2-й. В. Ильинъ. Экономическіе этюды и статьи. 1899. Статьи «Пермская кустарная перепись». Л. Кирилловъ. Отхожіе промыслы (Энциклопедическій словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. 54 полутомъ).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ III.

1) Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Очеркъ IV.

2) Ср. Н. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Изд. 2-е. 1908. Стр. 31 и слѣд.

3) Sombart. Der moderne Kapitalismus. T. I. Стр. 98 и слѣд. Многочисленные примѣры Зомбарта отнюдь не доказываютъ, что цеховые мастера, работавшіе на торговцевъ, были ремесленниками. Несостоятельность его точки зрѣнія лучше всего видна изъ неудачности даваемаго имъ опредѣленія ремесла, къ которому онъ былъ приведенъ своимъ нежеланіемъ искать характеристическихъ признаковъ ремесла въ условіяхъ сбыта. По опредѣленію Зомбарта, «ремесло есть та форма хозяйства, которая выростаетъ изъ стремленія промышленнаго рабочаго примѣнять свою дѣятельность, занимающую средину между искусствомъ и обыкновенной ручной работой, къ изготовленію или обработкѣ про-

мышленныхъ предметовъ потребленія такимъ образомъ, чтобы обезпечивать себѣ существованіе путемъ обмѣна своихъ продуктовъ или полезныхъ дѣйствій на соотвѣтствующіе эквиваленты». (Тамъ же, стр. 76—77). Такое неуклюжее и безсодержательное опредѣленіе указываетъ на затруднительное положеніе, въ которомъ очутился обычно столь ловкій и остроумный Зомбартъ, отвергнувъ общепринятое опредѣленіе ремесла.

4) Schmoller, Grundriss. Стр. 420.

5) О различныхъ видахъ нашего деревенскаго ремесла см. любой статистическій сборникъ какой-либо изъ нашихъ южныхъ губерній, посвященный описанію промысловъ этой губерніи, хотя бы, напр., С. И. Лисенко: «Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи». Вып. 2-й. (Изд. Полтавскаго Губернскаго Земства). Стр. 149, 203 374, 393, 366, 382, 413, 486 и др.

6) См. работу Л. Кириллова „Отхожіе промыслы" (Энциклопедическій словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. 54 полутомъ).

7) Sombart. Der moderne Kapitalismus. I. Стр. 5.

8) Тамъ же. Стр. 26.

9) Тамъ же. Стр. 67.

Глава IV.

Мелкое производство на посредника.

I. Виды мелкаго производства на посредника. Свободная и зависимая форма. Примѣры свободной формы. II. Домашняя система крупной промышленности. Историческое возникновеніе этой системы въ Англіи и другихъ странахъ. Причины живучести этой формы промышленности въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ. III. Кустарная промышленность въ Россіи. Опредѣленіе кустарной промышленности. Виды кустарной промышленности. Положеніе кустаря по отношенію къ скупщику. IV. Происхожденіе и новѣйшая эволюція нашей кустарной промышленности. Промыслы стариннаго и болѣе новаго происхожденія. Роль фабрики. Борьба фабрики съ кустаремъ въ новѣйшее время. Раздробленіе кустарной мастерской и превращеніе ея въ крупную мастерскую. V. Экономическое положеніе кустарей. Скупщикъ и его эволюція. Кустарь, работающіе на скупщика и работающіе на вольный рынокъ. Значеніе связи съ землей. VI. Мѣры помощи кустарной промышленности. Организація сбыта. Доставка сырья. Поднятіе техники. Кредитъ. Законодательство по охранѣ труда кустарей. Дополнительныя замѣчанія. Взгляды на кустарную промышленность въ нашей литературѣ. Опредѣленія кустарной промышленности.

I.

Мелкое производство на посредника тѣмъ существенно отличается отъ ремесла, что между производителемъ и потребителемъ въ этомъ случаѣ всегда стоитъ раздѣляющій ихъ посредникъ. По условіямъ техники производства эта форма промышленности не отличается существенно отъ ремесла, но она рѣзко отличается отъ послѣдняго по своей экономической природѣ, такъ какъ необходимость капиталистическаго посредника болѣе или менѣе стѣсняетъ свободу и самостоятельность мелкаго производителя. Тѣмъ не менѣе, должно различать два основныхъ типа мелкаго производства на посредника. Въ одномъ типѣ замѣчается полное подчиненіе производителя капиталисту. Этотъ типъ можно назвать зави-

симой формой мелкаго производства на посредника. Второй типъ можно назвать свободной формой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ подчиненіе мелкаго производителя капиталисту выступаетъ не такъ очевидно—мелкій товарный производитель относительно (но лишь относительно, а не вполнѣ) свободенъ.

Зависимая форма (называемая въ Германіи Hausindustrie—домашняя система крупной промышленности или, какъ ее называетъ Бюхеръ—Verlagsystem), въ свою очередь, существуетъ въ двухъ видахъ, подобно двумъ формамъ ремесла—въ видѣ продажной (Kaufsystem) и наемной (Lohnsystem) домашней промышленности. Оба вида характеризуются тѣмъ, что мелкій производитель работаетъ постоянно на одного и того же торговаго или промышленнаго капиталиста, съ которымъ экономически связанъ настолько тѣсно, что составляетъ органическую составную часть того или иного капиталистическаго предпріятія. Различаются же эти два вида домашней системы по слѣдующему признаку. При продажномъ видѣ мелкій производитель является, съ формальной стороны, собственникомъ своего продукта. Съ внѣшней стороны отношенія между капиталистомъ и мелкимъ производителемъ имѣютъ въ этомъ случаѣ свободный характеръ, но такъ какъ производитель фактически принужденъ продавать свой товаръ именно данному капиталисту—торговцу, отъ котораго онъ находится въ экономической зависимости (напр. состоитъ его неоплатнымъ должникомъ, покупая у него сырье), то фактически мы имѣемъ въ данномъ случаѣ наемный трудъ, работу по заказу капиталиста.

Во второмъ же видѣ зависимаго производства на посредника мелкій производитель не только по существу, но и формально, юридически, является наемнымъ рабочимъ капиталиста. При этомъ видѣ домашней промышленности домашній производитель работаетъ непосредственно по найму капиталиста, получая отъ него сырье, а иногда и орудія труда. Въ этомъ случаѣ мелкій производитель только тѣмъ отличается отъ рабочаго, работающаго по найму въ мастерской капиталиста, что работаетъ у себя на дому. Такимъ образомъ, этотъ видъ зависимой домашней системы тѣмъ отличается отъ перваго, что въ немъ хозяинъ выступаетъ въ роли промышленнаго капиталиста, въ первомъ же видѣ – въ роли торговаго капиталиста, скупщика.

Однако, два вида зависимой домашней системы не исчерпываютъ всѣхъ формъ мелкаго производства на посредника: послѣднее можетъ проявляться и въ болѣе свободной формѣ. Возьмемъ, напр., мелкихъ англійскихъ суконщиковъ начала 19 вѣка.

Мастеръ-суконщикъ самъ покупалъ шерсть, превращалъ ее въ грубое сукно, но это сукно продавалъ не непосредственно потребителю, а на особо устроенныхъ суконныхъ биржахъ, которыя были во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Іоркшира, сбывалъ его торговцамъ сукномъ. Каждый мастеръ имѣлъ свое особое мѣсто на биржѣ и продавалъ сукно по вольной цѣнѣ. Такой мастеръ не былъ ремесленникомъ, потому что отличительной чертой ремесла является работа на потребителя, а не на торговца. Съ другой стороны, это и не капиталистическое домашнее производство, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы видимъ свободу мелкаго производителя продавать свой товаръ, кому угодно. Торговецъ сукномъ не былъ, слѣдовательно, хозяиномъ мелкаго суконщика. Правда, отсюда не слѣдуетъ, что мелкій производитель былъ совершенно независимъ отъ торговца. Такъ какъ торговецъ владѣлъ капиталомъ и въ его рукахъ былъ суконный рынокъ, то мелкій производитель неизбѣжно попадалъ въ болѣе или менѣе подчиненное положеніе по отношенію къ торговцу, свобода его была лишь относительной, и лишь въ этомъ относительномъ смыслѣ можно говорить о свободной формѣ мелкаго товарнаго производства [1]).

Итакъ, мы наблюдаемъ два типа мелкаго производства на посредника. Въ одномъ случаѣ (зависимая форма) продуктъ вырабатывается для какого либо опредѣленнаго капиталиста — промышленника (наемная система) или торговца (продажная система). Во второмъ же случаѣ (свободная форма) мелкій производитель имѣетъ свободу выбора, онъ можетъ продавать свой продуктъ тому или другому торговцу по своему усмотрѣнію. Эти формы слѣдуетъ строго различать. Въ общемъ наблюдается, что свободная форма превращается по мѣрѣ развитія капиталистическаго хозяйства въ зависимую форму — капиталъ все болѣе и болѣе подчиняетъ себѣ мелкаго производителя.

II.

Домашняя система крупной промышленности играла въ исторіи развитія капитализма очень большую роль—только черезъ посредство этой системы капиталъ мало-по-малу завладѣлъ производствомъ. Именно эта система была господствующимъ типомъ капиталистическаго производства въ 18 вѣкѣ. Этотъ фактъ можно считать прочно установленнымъ, хотя привести точныя статистическія доказательства его нѣтъ возможности по-

тому, что въ 18 вѣкѣ существовали лишь зачатки промышленной статистики. Ростъ домашней системы въ 18 вѣкѣ въ Англіи доказывается цѣлымъ рядомъ косвенныхъ признаковъ— напр. изданіемъ англійскимъ парламентомъ цѣлаго ряда строгихъ законовъ, карающихъ за порчу хозяйскаго матеріала и т. п. [2]). Хлопчатобумажное производство первоначально возникло въ Англіи въ формѣ продажной домашней системы, затѣмъ очень скоро перешло въ наемную форму. Вначалѣ 18 вѣка ткачи въ окрестностяхъ Манчестера покупали бумажную пряжу у крупныхъ торговцевъ, ткали и продавали продукть тѣмъ же самымъ торговцамъ, а затѣмъ, приблизительно въ половинѣ 18 вѣка, отношенія между предпринимателемъ и производителемъ становятся еще болѣе зависимыми: капиталистъ самъ раздаетъ рабочимъ пряжу, а рабочій ткетъ на капиталиста-заказчика за опредѣленную задѣльную плату [3]).

Домашняя система крупной промышленности развивается въ 18 вѣкѣ во всѣхъ странахъ западной Европы [4]); возникла она частью изъ цехового ремесла, причемъ трудно, однако, установить, гдѣ кончалось цеховое ремесло и гдѣ начиналась домашняя система. Цеховое ремесло цѣлымъ рядомъ незамѣтныхъ переходовъ превращалось въ домашнюю систему: ремесло мало-по-малу принимало все болѣе капиталистическій характеръ и подчинялось торговому капиталу. Затѣмъ, домашняя система возникла изъ крестьянскаго производства для собственныхъ нуждъ— крестьяне, продававшіе первоначально свои избытки на рынкѣ, стали, наконецъ, работать спеціально для сбыта и продавать свои издѣлія опредѣленнымъ торговцамъ, т. е. превратились въ домашнихъ рабочихъ. Деревня являлась уже потому самымъ благопріятнымъ полемъ для развитія домашней системы, что деревенская промышленность была внѣ власти цеха и была свободна отъ стѣснительныхъ цеховыхъ правилъ. Поэтому нерѣдко торговцы, чтобы избѣжать контроля цеха, раздавали по деревнямъ сырой матеріалъ для обработки и, такимъ образомъ, создавали въ деревнѣ совершенно новые промыслы, что и явилось третьимъ источникомъ происхожденія домашней системы.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что въ наше время домашняя система отжила свой вѣкъ и не можетъ болѣе конкурировать съ капиталистической фабрикой. Наоборотъ, именно новѣйшія условія капиталистическаго развитія ведутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ распространенію этой формы капиталистической промышленности. Такъ, она очень распространена въ Лондонѣ, Берлинѣ и другихъ

крупныхъ городахъ. Въ Англіи эту систему называютъ „sweating system"—„системой выжиманія пота".

Сила домашней системы въ современномъ хозяйственномъ строѣ заключается въ томъ, что она даетъ возможность капиталисту доводить до максимума эксплоатацію рабочаго. Рабочій въ домашней системѣ совершенно безпомощенъ по отношенію къ капиталисту. Работая на дому, рабочіе не могутъ организоваться для защиты своихъ общихъ интересовъ, такъ какъ они не встрѣчаются и не знаютъ другъ друга. Эта дезорганизованность рабочихъ идетъ на руку капиталисту,—она даетъ ему возможность доводить заработную плату до минимума, а рабочій день до максимума. Затѣмъ, при домашней системѣ капиталистъ не нуждается въ расходахъ по устройству рабочаго помѣщенія и снабженію рабочихъ орудіями производства—его расходы производства слагаются только изъ заработной платы и сырого матеріала. Далѣе, при домашней системѣ капиталистъ можетъ при всякомъ сокращеніи спроса на товаръ быстро сокращать производство, оставляя безъ работы своихъ рабочихъ, между тѣмъ какъ фабрикантъ теряетъ въ этомъ случаѣ проценты по праздностоящимъ фабричному помѣщенію и машинамъ. Вся тяжесть промышленнаго застоя переносится, такимъ образомъ, при домашней системѣ на рабочихъ. Наконецъ, при домашней системѣ для капиталиста является возможность избѣгать стѣснительныхъ для него требованій фабричнаго законодательства. Словомъ, выгоды домашней системы, съ точки зрѣнія капиталиста, сводятся къ возможности повышать до высшаго предѣла эксплоатацію рабочаго и именно поэтому система эта такъ живуча, несмотря на то, что при ней производство остается, по необходимости, мелкимъ и крайне примитивнымъ въ техническомъ отношеніи. Невыгодой этой системы, съ точки зрѣнія капиталиста, является, однако, возможность порчи или продажи рабочимъ сырого матеріала, полученнаго отъ хозяина, а также и невозможность для капиталиста поднимать производительность труда путемъ введенія улучшенныхъ пріемовъ и орудій производства.

Какъ бы то ни было, домашняя система оказалась чрезвычайно живучей формой промышленности и свила себѣ гнѣздо особенно въ міровыхъ столицахъ, гдѣ скопляется масса безработнаго пролетаріата, который и становится жертвой „системы выжиманія пота" [5]).

Усиленіе строгости требованій закона по части санитарныхъ условій труда на фабрикахъ и пр. повело въ Англіи къ тому, что въ цѣломъ рядѣ отраслей стала развиваться работа на дому

—фабрикантъ находилъ для себя выгоднымъ закрывать фабрику и переходить къ домашней системѣ [6]).

Въ Германіи наблюдается, что въ однѣхъ отрасляхъ труда домашняя система падаетъ, въ другихъ растетъ:

	Число рабочихъ въ домашней промышленности.		
	Обработка дерева.	Приготовленіе одежды.	Текстильное производство.
1882 г. . . .	19 тыс.	132 тыс.	285 тыс.
1895 „ . . .	37 „	160 „	197 „

Въ текстильномъ производствѣ домашняя система падаетъ потому, что въ этой области машинный трудъ имѣетъ огромныя преимущества передъ ручнымъ и успѣшная конкуренція ручного ткача съ паровымъ ткацкимъ станкомъ невозможна. Напротивъ, въ приготовленіи одежды, обработкѣ дерева и другихъ отрасляхъ труда, домашняя система не падаетъ, а растетъ. Несмотря на примитивныя условія техники, домашняя система съ успѣхомъ борется съ фабрикой, замѣняя повышеніе производительности труда (доставляемое машиной) усиленіемъ эксплоатаціи рабочаго. Такимъ образомъ, капитализмъ задерживаетъ въ данномъ случаѣ технический прогрессъ, поддерживая формы промышленности, основанныя на ручномъ трудѣ и мелкомъ производствѣ.

III.

Въ Россіи мелкое производство на посредника существуетъ, главнымъ образомъ, въ видѣ, такъ назыв., кустарнаго производства—типичной деревенской промышленности значительной части Россіи. Правда, далеко не всѣ кустари земледѣльцы. Даже болѣе—кустарная промышленность вообще развивается тамъ, гдѣ земледѣліе по тѣмъ или инымъ причинамъ не удовлетворяетъ потребностямъ населенія—малоземелье является однимъ изъ важныхъ условій возникновенія кустарной промышленности. Но все же кустарная промышленность остается деревенской промышленностью, и, въ большинствѣ случаевъ, сочетается съ земледѣліемъ. Уже одна обстановка деревенской жизни, сама по себѣ, создаетъ совершенно особыя условія работы кустаря по сравненію, напр., съ городскимъ домашнимъ рабочимъ. Такъ, въ силу условій работы въ деревнѣ, вся семья кустаря обычно принимаетъ участіе въ работѣ (семейная кооперація), тогда какъ городской домашній рабочій работаетъ обычно одинъ. Объясняется это тѣмъ, что въ

городѣ семья ремесленника можетъ найти себѣ и другія заработки, въ деревнѣ же это гораздо затруднительнѣе.

Если извѣстная часть кустарей и не владѣетъ землей, имъ приходится конкурировать съ кустарями, владѣющими землей—и, такимъ образомъ, связь съ землей послѣднихъ оказываетъ вліяніе на условія заработка первыхъ. Но не нужно и преувеличивать значенія этой связи—совершенно неправильно мнѣніе тѣхъ, кто, какъ напр. В. Г. Яроцкій, видитъ въ кустарной промышленности промыселъ только подсобный при земледѣліи [7]), ибо сплошь и рядомъ, наоборотъ, земледѣліе является подсобнымъ занятіемъ для кустаря. Поэтому можно опредѣлить кустарную промышленность, какъ мелкое деревенское промышленное производство на посредника, обычно сочетающееся съ земледѣліемъ. Кустарная промышленность должна быть, во всякомъ случаѣ, рѣзко отличаема отъ ремесла, ибо ремесленникъ работаетъ на потребителя, а между кустаремъ и потребителемъ всегда стоитъ капиталистическій посредникъ.

Наша кустарная промышленность проявляется въ обоихъ основныхъ формахъ мелкаго производства на посредника — свободной и зависимой. Трудно сказать, какая форма преобладаетъ. Нѣкоторое представленіе о различныхъ видахъ нашей деревенской промышленности даетъ пермская кустарная перепись начала 90-хъ годовъ закончившагося вѣка. Перепись эта раздѣлила деревенскихъ промышленниковъ на 3 группы—ремесленниковъ, кустарей, работающихъ „на вольную продажу" (свободная форма) и кустарей, работающихъ на скупщиковъ (зависимая форма). Получилась слѣдующая картина [8]):

	Занимающихся земледѣліемъ (въ тысячахъ).	Незанимающихся земледѣліемъ (въ тысячахъ).
Число ремесленниковъ	4,8	1,1
„ кустарей, работающихъ на вольную продажу	5,9	2,3
„ кустарей, работающихъ на скупщиковъ	2,5	3,0

Какъ видимъ, въ пермской губерніи среди неземледѣльцевъ преобладаетъ зависимая форма кустарной промышленности, а среди земледѣльцевъ свободная форма. Точно также ремесленниковъ болѣе среди земледѣльцевъ. Въ промышленныхъ районахъ Россіи значительно преобладаетъ зависимая форма; въ московской губерніи Харизоменовъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ

закончившагося вѣка относилъ къ этой формѣ 72% кустарей, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ владимірской губерніи — еще больше [9]). Напротивъ, въ земледѣльческихъ губерніяхъ преобладаютъ свободныя формы кустарной промышленности.

Переходя къ классификаціи различныхъ видовъ кустарной промышленности, мы должны замѣтить, что самая свободная форма кустарной промышленности бываетъ тогда, когда кустарь или самъ добываетъ сырой матеріалъ, или покупаетъ его на сторонѣ (не у скупщика своихъ издѣлій), а выработанный продуктъ продаетъ торговцу по своему выбору. Здѣсь кустарь не является рабочимъ опредѣленнаго капиталиста, такъ какъ онъ не находится въ постоянныхъ отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ нихъ. Капиталъ не регулируетъ въ этомъ случаѣ производства, а охватываетъ лишь область сбыта. Такая болѣе свободная форма кустарной промышленности наблюдается только въ тѣхъ отрасляхъ кустарнаго труда, гдѣ матеріалъ легко доступенъ для кустаря— напримѣръ, дерево, глина, шкуры и мѣхъ животныхъ и т. п. Поэтому сюда относятся такіе промыслы, какъ гончарничество, производство многихъ издѣлій изъ дерева, плетенье корзинъ, лаптейскорняжный промыселъ и т. п. Однако, и въ этихъ промыслахъ кустарь нерѣдко попадаетъ въ зависимость отъ скупщика.

Слѣдующей формой кустарной промышленности, въ которой вліяніе капитала сказывается сильнѣе, является та, при которой кустарь покупаетъ за свой счетъ сырые матеріалы на сторонѣ, но поставляетъ свой товаръ уже всегда одному и тому же опредѣленному капиталисту (переходъ къ зависимой формѣ). Такой характеръ имѣетъ, напр., шляпный промыселъ въ московской губерніи, щеточный, игрушечный и многіе другіе. Надо замѣтить, однако, что увеличеніе зависимости отъ капиталиста не всегда ухудшаетъ положеніе кустарей. Напримѣръ, тѣ московскіе игрушечники, которые не находятся въ зависимости отъ капиталиста-предпринимателя и сбываютъ товаръ различнымъ торговцамъ, находятся въ худшемъ экономическомъ положеніи, чѣмъ работающіе на опредѣленнаго капиталиста-заказчика; объясняется это тѣмъ, что кустари, не имѣющіе хозяина, терпятъ большія затрудненія по сбыту своихъ продуктовъ, почему и стремятся сами войти въ постоянныя отношенія съ тѣмъ или инымъ капиталистомъ-торговцемъ [10]).

Слѣдующая ступень подчиненія кустарной промышленности капиталу заключается въ томъ, что кустарь покупаетъ сырой матеріалъ у того же торговца, которому онъ продаетъ свои продукты (продажная система зависимой формы). Такой кустарь номинально свободенъ, офактическиже находится въ полной зависимости

отъ скупщика, у котораго покупаетъ матеріалъ и у котораго, обыкновенно, находится въ неоплатномъ долгу. Зависимость эта тѣмъ больше, чѣмъ большей цѣнностью обладаетъ сырой матеріалъ. Сюда относятся гвоздари уломскаго района, бурмакинскіе слесаря, павловскіе замочники, валенщики семеновскаго уѣзда и пр. и пр.

Послѣдняя ступень подчиненія капиталу кустарной промышленности наблюдается, когда кустарь получаетъ отъ капиталиста-заказчика сырой матеріалъ и обрабатываетъ его за сдѣльную плату (наемная система зависимой формы). Тутъ уже нѣтъ и тѣни свободы кустаря—кустарь такой же наемный рабочій капиталиста, какъ и любой фабричный рабочій. Такими наемными рабочими являются тверскіе гвоздари, кимрскіе сапожники, павловскіе ножевщики, макарьевскіе рогожники и др.

Но нерѣдко между капиталистомъ—собственникомъ сырого матеріала и—кустаремъ стоитъ еще цѣлый рядъ посредниковъ и коммиссіонеровъ. Возьмемъ, напр., хлопчато-бумажное ткачество. Во главѣ предпріятія стоитъ крупный капиталистъ, хотя бы владѣлецъ миткалевой фабрики. Онъ имѣетъ дѣло съ крупнымъ коммиссіонеромъ—конторщикомъ, который получаетъ пряжу отъ фабриканта и снуетъ ее въ своемъ заведеніи. Конторщикъ раздаетъ основанную пряжу мелкимъ коммиссіонерамъ—мастеркамъ (заглодамъ), которые передаютъ пряжу хозяевамъ ткацкихъ свѣтелокъ (хозяйчикамъ), а эти послѣдніе уже передаютъ пряжу ткачамъ-кустарямъ. Подобное сложное посредничество наблюдается во многихъ кустарныхъ промыслахъ. Такъ, напр., въ патронномъ промыслѣ московской губ. (изготовленіе папиросныхъ гильзъ) между фабрикантомъ гильзъ и деревенской работницей стоитъ еще коммиссіонеръ, снабжающій работницу не только сырымъ матеріаломъ, но и всѣми орудіями производства. Въ перчаточномъ промыслѣ московской губерніи между фабрикантомъ и работницей стоитъ еще даточникъ, раздающій по деревнямъ сырой матеріалъ и т. д. и т. д. Каждый посредникъ долженъ получить свою прибыль, которая вычитается изъ заработка кустаря. Такимъ образомъ, это сложное посредничество особенно ухудшаетъ экономическое положеніе кустаря.

IV.

Въ русской наукѣ долго господствовало мнѣніе, что наша кустарная промышленность всецѣло возникла изъ крестьянскаго производства для собственныхъ нуждъ. Предполагалось, что домашнее производство крестьянъ постепенно превращалось въ ремесло, а это послѣднее въ кустарную промышленность, сначала въ болѣе свободной, а потомъ въ болѣе зависимой формѣ. Въ концѣ концевъ, вся эта эволюція завершается, какъ предполагалось, фабрикой. И дѣйствительно, эта схема промышленнаго развитія вполнѣ примѣнима ко многимъ промысламъ стариннаго происхожденія. Но существуетъ цѣлый рядъ другихъ промысловъ, къ которымъ эта схема совсѣмъ неприменима, въ которыхъ наблюдается даже обратный процесъ: не кустарная промышленность, путемъ долгой эволюціи, превращается въ мануфактуру и фабрику, а, наоборотъ, мануфактура порождаетъ кустарную промышленность. Множество кустарныхъ промысловъ уже по самому своему характеру не могло возникнуть изъ крестьянскаго производства для собственныхъ нуждъ; такими промыслами является, напримѣръ, шитье лайковыхъ перчатокъ, позументовъ, гильзовый промыселъ, ткачество шелковыхъ матерій и т. д. и т. д. Всѣ такіе промыслы возникли, очевидно, совершенно инымъ путемъ. Въ возникновеніи ихъ огромную роль сыграла мануфактура—промышленный капиталъ.

Возьмемъ, напр., чрезвычайно важный и распространенный бумаготкацкій промыселъ. Бумаготкацкая промышленность, которая вплоть до середины 18 вѣка не была извѣстна въ Россіи, возникла на крупныхъ фабрикахъ (вѣрнѣе, мануфактурахъ, такъ какъ производство на нихъ было ручное, а не машинное). Первоначально все производство было сосредоточено въ стѣнахъ самой фабрики, но такъ какъ производство было ручное, то мелкій деревенскій производитель могъ съ успѣхомъ конкурировать съ фабричнымъ производителемъ и фабрикантъ сообразилъ, что ему гораздо выгоднѣе отдавать пряжу на домъ рабочимъ, чѣмъ собирать этихъ самыхъ рабочихъ въ фабричное помѣщеніе. Такимъ образомъ, изъ фабрики (мануфактуры) возникло кустарное ткачество, въ видѣ наемной системы домашней капиталистической промышленности. Но такъ какъ, далѣе, въ началѣ 19 вѣка условія для кустарной промышленности были, сравнительно, благопріятны, и кустарные ткачи извѣстнаго района часто являлись почти монополистами въ своей области труда, то

ихъ заработокъ былъ довольно высокъ, и они мало-по-малу превращались въ самостоятельныхъ ткачей. Такіе самостоятельные ткачи продавали купцамъ на базарахъ изготовленныя ими ткани. Такимъ образомъ изъ зависимой формы производства на посредника возникла свободная форма. Во второй четверти 19 вѣка происходитъ быстрый процессъ раздробленія нашей фабрики (мануфактуры) и превращенія ея въ фабричную контору. Прежній фабрикантъ превращается постепенно въ раздатчика работы по домамъ. Насколько энергично происходилъ этотъ процессъ, видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ.

	Число рабочихъ на хлопчатобумажныхъ ткацкихъ фабрикахъ (въ тысячахъ).	Ввозъ въ Россію хлопка и хлопчатобумажной пряжи (въ тысячахъ пудовъ).
1836 г.	95	865
1852 „	81	1960
1857 „	76	2765

Сокращеніе числа рабочихъ на бумаготкацкихъ фабрикахъ не могло зависѣть отъ замѣщенія ихъ машинами, такъ какъ механическое ткачество начинаетъ у насъ распространяться лишь съ 60-хъ годовъ. Очевидно, происходило раздробленіе фабрики—работа на дому вытѣсняла работу въ фабричномъ зданіи. Тотъ же процессъ наблюдался въ 30-е, 40-е и 50-е годы и въ другихъ отрасляхъ труда. Фабрикантъ не могъ устоять противъ натиска кустарей. Наша промышленность, которая, благодаря стараніямъ нашего правительства, возникла въ формѣ крупнаго производства, стала въ первой половинѣ 19 вѣка принимать кустарный характеръ — благодаря тому, что и на нашихъ такъ называемыхъ фабрикахъ производство было ручное, а не машинное, почему населеніе, ознакомившись съ пріемами работы, стало съ успѣхомъ конкурировать съ фабрикой, работая у себя на дому. Фабриканты пытались противодѣйствовать этому разложенію фабрики, добивались отъ правительства мѣръ, направленныхъ къ ограниченію кустарной промышленности, напр., запрещенія кустарямъ продавать свои продукты на базарахъ, ограниченія числа становъ у кустарей и т. п. Но правительство оставалось глухо ко всѣмъ этимъ стремленіямъ подорвать кустарную промышленность, потому что оно признавало необходимость развитія промышленности, а такъ какъ наша промышленность развивалась въ это время преимущественно въ формѣ кустарной промышленности, то правительство и предоставляло этому развитію свободу.

Промышленный капиталъ—фабрика (точнѣе мануфактура)—явился у насъ школой промышленнаго искусства. Въ то время, какъ на Западѣ капитализмъ разрушилъ цеховую культуру, у насъ въ Россіи онъ принесъ съ собой промышленную культуру—познакомилъ населеніе съ самыми пріемами промышленной техники. Нашъ хозяйственный бытъ въ 18 и первой половинѣ 19 вѣка былъ еще очень примитивенъ, и кустарь не могъ бы познакомиться съ западноевропейской техникой иначе, какъ черезъ посредство фабрики. Въ этомъ заключаются положительныя черты развитія капитализма въ Россіи.

Мы видѣли, что въ первой половинѣ 19 вѣка кустарная промышленность въ бумаготкацкомъ производствѣ поглощала фаарику. Напротивъ, со второй половины 19 вѣка домашнее бумажное ткачество стало уступать мѣсто фабричному:

Число рабочихъ въ бумаготкацкой промышленности, занятыхъ фабрикантомъ:

ГОДЪ.	на фабрикѣ. (въ тысячахъ).	на дому.
1866	95	66
1879	163	50
1894—95	242	20

Число рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ, быстро растетъ, число рабочихъ, занятыхъ на дому, быстро падаетъ. Въ концѣ 19 вѣка положеніе кустаря рѣзко ухудшается, особенно въ ткацкихъ промыслахъ и цѣломъ рядѣ другихъ—фабрика начинаетъ энергично вытѣснять кустаря. Однако, во многихъ промыслахъ мы замѣчаемъ, что кустарное производство не концентрируется, а напротивъ, все болѣе и болѣе раздробляется. Возьмемъ, наприм., кустарное замочное производство въ с. Павловѣ. Изслѣдованія показали, что въ Павловѣ число замочныхъ мастерскихъ съ наемными рабочими за послѣднія десятилѣтія уменьшилось, а одновременно съ этимъ возросло число замочниковъ-одиночекъ. То же наблюдается и во многихъ другихъ кустарныхъ промыслахъ—кустари все больше и больше переходятъ къ единичному труду и все меньше и меньше пользуются наемной рабочей силой. Не доказываетъ-ли это, что кустарное производство прогрессируетъ и принимаетъ менѣе капиталистическій видъ? Отнюдь нѣтъ. Раздробленіе кустарной мастерской есть вмѣстѣ умираніе кустарнаго промысла. Въ замочномъ промыслѣ наблюдается рѣзкое пониженіе заработковъ подъ вліяніемъ конкуренціи машиннаго замка. Нѣсколько крупныхъ замочныхъ фабрикъ, возникшихъ въ разныхъ районахъ Россіи, привели къ паденію цѣны замка. Возвращеніе

кустаря къ работѣ безъ помощи наемныхъ рабочихъ объясняется пониженіемъ предпринимательской прибыли кустаря, благодаря конкуренціи съ фабрикой, до такой степени, что содержаніе наемныхъ рабочихъ становится кустарю не подъ силу. Такимъ образомъ, исчезновеніе мелкаго капиталистическаго производства указываетъ въ данномъ случаѣ на ростъ крупнаго капиталистическаго производства; кустарное производство, такъ сказать, распыляется раньше, чѣмъ окончательно исчезнуть.

Съ другой стороны, мы наблюдаемъ и иной ходъ разложенія кустарной промышленности. Напримѣръ, въ гуслицкомъ и загарскомъ районахъ московской губ., гдѣ развиты разнаго рода кустарные промыслы по обработкѣ мѣди, замѣчается ростъ числа кустарныхъ мастерскихъ съ наемными рабочими. Здѣсь кустарь-одиночка вытѣсняется мелкимъ капиталистомъ, работающимъ при помощи наемныхъ рабочихъ. Почему же разложеніе кустарной промышленности идетъ такими различными путями? Потому, что когда фабрика обладаетъ огромными преимуществами надъ кустарнымъ производствомъ, какъ въ замочномъ производствѣ, она раздробляетъ кустарную мастерскую и не даетъ ей разростаться. Металлическіе же промыслы Загарья и Гуслицъ не страдаютъ отъ конкуренціи машиннаго производства; въ нихъ возможенъ, поэтому, ростъ мелкой мастерской—и вотъ мелкая мастерская разростается и мало-по-малу превращается въ крупную. Такимъ образомъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ крупное производство растетъ на счетъ мелкаго, но разными путями.

Далеко не всегда упадокъ кустарнаго промысла вызывается конкуренціей машины. Падаютъ и такіе промыслы, гдѣ машина примѣняется очень мало—такъ, напр., различные промыслы по обработкѣ дерева, древесныхъ продуктовъ, кожи, глины и т. п. Нерѣдкой причиной паденія этихъ промысловъ является вздорожаніе сырья и топлива, что находится, въ свою очередь, въ связи съ развитіемъ капиталистическаго производства. Иногда кустарный промыселъ падаетъ потому, что съ нимъ конкурируютъ продукты другого рода, производимые на фабрикахъ и заводахъ. Такъ напримѣръ, смоло-дегтярный промыселъ падаетъ благодаря вытѣсненію смолы нефтью, глиняная посуда вытѣсняется металлической, рогожные кули вытѣсняются джутовыми мѣшками. Нужно имѣть въ виду, однако, что капиталистическое крупное производство не только дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на кустарное производство, но продолжаетъ и теперь вызывать цѣлый рядъ новыхъ кустарныхъ промысловъ. Вокругъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ обыкновенно возникаютъ кустарные промыслы по обработкѣ желѣза,

крупное заводское кожевенное производство удешевляетъ кожу, что облегчаетъ кустарное сапожное производство и т. п. Въ общемъ, если одни кустарные промыслы падаютъ, то другіе растутъ и весьма возможно, что общая численность кустарей увеличивается [11]).

V.

Характернымъ признакомъ кустарной промышленности является ея зависимость отъ капитала—торговаго, когда кустарь работаетъ на продажу, и промышленнаго, когда кустарь является наемнымъ рабочимъ промышленнаго капиталиста, работаетъ по его заказу и изъ его матеріала. Многіе изслѣдователи считаютъ скупщика-капиталиста совершенно постороннимъ элементомъ въ кустарномъ производствѣ, какъ бы піявкой, присосавшейся къ кустарю. Но это не вѣрно: хотя скупщикъ, дѣйствительно, эксплоатируетъ кустаря, но онъ въ то же время является необходимымъ колесомъ въ организаціи сбыта произведеній кустарной промышленности.

Скупщикъ возникаетъ различными путями. Возьмемъ хотя бы кружевную промышленность московской губерніи. Первоначально, въ эпоху крѣпостного права, кружевницы работали на ближайшаго потребителя—помѣщицъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права мѣстный спросъ исчезаетъ и кружевницамъ пришлось работать на отдаленный рынокъ. Нужно было установить какъ-либо связь съ этимъ рынкомъ. И вотъ онѣ начинаютъ выбирать кого-либо изъ своей среды для посылки въ Москву продавать кружева и покупать для плетенія кружевъ необходимый матеріалъ. Такая кружевница, пріѣзжающая отъ времени до времени въ Москву, очень скоро выдѣляется среди своихъ товарокъ и начинаетъ пользоваться своей экономической властью въ личныхъ интересахъ. Она начинаетъ продавать въ Москвѣ кружева по болѣе высокой цѣнѣ, чѣмъ та, по которой принимаетъ ихъ въ деревнѣ отъ кружевницъ для продажи, получаетъ прибыль, на эти деньги покупаетъ матеріалъ и уже отъ себя продаетъ его другимъ кружевницамъ, становится скупщицей. Мало по-малу она становится мелкимъ капиталистомъ, эксплоатируетъ своихъ прежнихъ товарищей и совершенно утрачиваетъ первоначальный трудовой типъ.

Таковъ одинъ путь естественнаго возникновенія скупщика изъ среды самихъ кустарей. Иногда же скупщикомъ становится

болѣе состоятельный кустарь, который вмѣстѣ со своими продуктами продаетъ и продукты, купленные у другихъ кустарей—или же скупщикъ является со стороны, въ видѣ торговца-капиталиста, который продаетъ кустарямъ сырье и скупаетъ ихъ продукты. Вообще, скупщикъ не посторонній, чуждый элементъ кустарнаго производства, а естественное его дополненіе. Всякій кустарный промыселъ, достигшій извѣстной степени развитія, необходимо предполагаетъ и требуетъ скупщика [12]).

Обыкновенно считаютъ положеніе самостоятельнаго кустаря лучшимъ, чѣмъ положеніе кустаря, зависящаго отъ капиталиста, но на самомъ дѣлѣ это далеко не всегда такъ. Нерѣдко именно положеніе самостоятельнаго кустаря всего хуже. Такъ, въ павловскомъ районѣ, по словамъ земскихъ статистиковъ, „въ экономическомъ отношеніи положеніе кустарей, работающихъ на хозяевъ, вообще лучше, нежели положеніе самостоятельныхъ кустарей, заработокъ которыхъ находится въ зависимости отъ всѣхъ колебаній рыночной цѣны на ихъ издѣлія. Кустари, работающіе на домахъ на крупныхъ фабрикантовъ, принадлежатъ, по большей части, къ числу лучшихъ мастеровъ“ [13]). Отсутствіе непосредственной зависимости отъ опредѣленнаго капиталиста равносильно отсутствію обезпеченности сбыта, отсутствію постояннаго покупателя. Вообще, кустарная промышленность не можетъ быть противопоставляема капиталистической промышленности, такъ какъ всѣ кустари, хотя и въ различной степени, находятся въ зависимости отъ капитала. „Народнымъ“ производствомъ кустарная промышленность не можетъ быть названа также и потому, что она пользуется наемнымъ трудомъ; такъ, въ московской губерніи въ 54 изслѣдованныхъ промыслахъ изъ 29 тыс. кустарей наемныхъ рабочихъ насчитывалось 17 тыс.—около 60% [14]).

Если сравнить положеніе кустаря и фабричнаго рабочаго, то нельзя не признать положенія второго гораздо лучшимъ. Московскіе земскіе статистики, характеризируя положеніе ткачей-кустарей и ткачей-фабричныхъ, указывали въ началѣ 90-хъ годовъ закончившагося вѣка на то, что средній дневной заработокъ первыхъ не превышаетъ 25—30 коп. въ сутки, на фабрикѣ же мѣсячный заработокъ не ниже 12—14 рублей. Рабочій день кустаря обычно продолжается до 14 часовъ, въ горячую пору доходитъ и до 16—18 часовъ; на фабрикахъ же рабочій день не превышаетъ 12 часовъ. Дѣти въ кустарномъ производствѣ привлекаются къ работѣ съ самаго ранняго возраста и работаютъ такъ же долго, какъ и взрослые. Расплата съ домашними ткачами часто производится товарами. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе фаб-

ричнаго рабочаго гораздо лучше. Единственнымъ преимуществомъ кустаря является то, что онъ работаетъ дома и не порываетъ связи съ землей [15]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда кустарная промышленность является вполнѣ подсобнымъ заработкомъ, оплата труда кустаря бываетъ еще ниже и спускается иногда до невѣроятно низкаго уровня— напр., до нѣсколькихъ копеекъ въ день [16]). Одной изъ причинъ угнетеннаго положенія кустарной промышленности является конкуренція фабричныхъ издѣлій съ кустарными продуктами. Однако, мы наблюдаемъ паденіе заработка кустаря и въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ фабрика не конкурируетъ непосредственно съ кустаремъ, напр. въ ложкарномъ, токарномъ, игрушечномъ, щеточномъ и т. п. промыслахъ. Вообще, сокращеніе заработковъ кустарей есть общее явленіе и, значитъ, должно имѣть общую причину. Такой общей причиной является упадокъ крестьянскаго хозяйства и образованіе въ деревнѣ избыточнаго населенія, переполняющаго рабочій рынокъ. Кустарю приходится продавать на рынкѣ свои издѣлія за такую сумму, которая бы обезпечивала ему лишь минимумъ средствъ существованія, по той причинѣ, что кустарные промыслы легко доступны каждому и вся масса избыточнаго деревенскаго люда сосредоточивается въ кустарномъ производствѣ. Въ то же время, въ силу своей разобщенности, кустари не могутъ бороться съ капиталистомъ, не могутъ повысить своей заработной платы путемъ организованнаго сопротивленія, какъ фабричные рабочіе.

Какъ же вліяетъ связь съ землей на положеніе кустаря? Можно привести, повидимому, доводы какъ въ пользу того, что связь съ землей повышаетъ заработокъ кустаря, такъ и въ пользу обратнаго утвержденія. Если, съ одной стороны, кустарь-земледѣлецъ находится въ менѣе безпомощномъ положеніи, чѣмъ кустарь, не имѣющій земли, то, съ другой стороны, кустарь-земледѣлецъ можетъ понижать заработокъ до такого уровня, до котораго его не можетъ понизить производитель, не имѣющій земли.

Необходимо строго различать вопросъ о томъ, какъ вліяетъ связь съ землей на заработокъ кустаря отъ кустарнаго производства, отъ совершенно иного вопроса о вліяніи этой связи на общую сумму дохода кустаря — какъ отъ земли, такъ и отъ кустарнаго производства. На первый вопросъ нужно отвѣтить, что связь съ землей можетъ понижать заработную плату кустаря ниже того уровня, на которомъ неизбѣжно останавливается паденіе заработной платы, напр., городского ремесленника: кустарь можетъ продавать свои продукты дешевле

городского ремесленника потому что кустарная промышленность является не единственнымъ средствомъ его существованія. Однако, въ отвѣтъ на второй вопросъ, нужно сказать, что благодаря связи съ землей, общій доходъ кустаря долженъ быть больше, чѣмъ онъ бы былъ, если бы кустарь совсѣмъ не имѣлъ земли. Доходъ отъ земли играетъ вообще большую роль въ кустарномъ производствѣ; только въ центральномъ промышленномъ районѣ,— напр., въ московской и владимірской губерніяхъ доходъ этотъ падаетъ до 30—40% общаго дохода кустаря [17]), въ другихъ же губерніяхъ обыкновенно большая часть дохода кустаря основывается на земледѣліи, почему кустарь и дорожитъ, какъ общее правило, своей землей. Въ этой возможности пополнять скудный заработокъ отъ промышленнаго труда доходами земледѣльческаго хозяйства и заключается существенное отличіе нашей кустарной промышленности отъ городской капиталистической домашней промышленности Запада.

VI.

Каково же должно быть соціально-политическое отношеніе къ кустарному производству? На Западѣ, гдѣ деревенское кустарное производство развито гораздо меньше, чѣмъ у насъ, вопросъ этотъ иногда получаетъ очень простое и категорическое рѣшеніе: въ Англіи, напр., многіе склонны стремиться, путемъ соотвѣтствующихъ мѣръ, къ совершенному уничтоженію домашней промышленности [18]). У насъ подобная политика, очевидно, невозможна. Наша фабричная промышленность можетъ дать занятіе сравнительно небольшой долѣ населенія, и кустарная промышленность необходима для очень значительной части крестьянства; уничтожить кустарную промышленность значило бы увеличить голоданіе мужика и поэтому наше отношеніе къ кустарной промышленности должно быть совершенно инымъ. Мы должны помнить, что кустарная промышленность еще долгое время будетъ характерной чертой нашего экономическаго быта, и, значитъ, задача общественной власти должна заключаться въ улучшеніи условій заработка кустаря. Необходимъ рядъ систематическихъ мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли. Правда, очень многаго здѣсь сдѣлать нельзя, по той причинѣ, что бѣдствія кустаря проистекаютъ, въ значительной мѣрѣ изъ самого существа этой формы промышленности. Намъ никогда не удастся поднять кустаря до уровня фабричнаго рабочаго, но мы можемъ сдѣлать положеніе кустаря нѣсколько болѣе сноснымъ, устранить хотя бы наиболѣе вопіющія проявленія эксплоатаціи

кустаря капиталистомъ. Можно, напр., усовершенствовать технику кустарнаго производства,—и хотя это усовершенствованіе будетъ приносить пользу кустарю только нѣкоторое время, а затѣмъ, вслѣдствіе пониженія цѣны кустарнаго продукта, пойдетъ на пользу торговому посреднику или потребителю—все же и временная помощь есть помощь, которая почувствуется кустаремъ очень ощутительно. Затѣмъ, чрезвычайно важна организація сбыта кустарныхъ издѣлій, доставка имъ сырья по дешевымъ цѣнамъ, устройство дешеваго кредита. Во всѣхъ этихъ областяхъ можно достигнуть существенныхъ успѣховъ. Московское земство организовало сложную систему мѣръ помощи кустарной промышленности—создало организацію для поднятія техники кустарнаго труда, для снабженія кустаря сырымъ матеріаломъ, для сбыта кустарныхъ издѣлій, и въ этой области достигло извѣстныхъ успѣховъ. Былъ основанъ „Кустарный музей", который въ нѣкоторыхъ отрасляхъ кустарнаго труда вытѣснилъ скупщика. Сходныя учрежденія возникли и въ другихъ губерніяхъ. Въ Вятской губерніи въ мебельномъ промыслѣ большинство кустарей стало сбывать мебель безъ помощи скупщика, черезъ земскій складъ. Благодаря продажѣ изъ земскаго склада, цѣна отдѣлочнаго дерева понизилась, по словамъ земскихъ отчетовъ, на 10—25%[19]). Въ области кредита также возможна вполнѣ успѣшная помощь кустарному производству. Примѣромъ можетъ служить хотя бы Пермскій (земскій) кустарный банкъ, уже много лѣтъ дѣйствующій съ полнымъ успѣхомъ; обороты банка достигаютъ сотенъ тысячъ руб., кредитуетъ онъ рядового кустаря изъ невысокаго процента. По словамъ земскихъ отчетовъ, дѣятельность банка привела къ возрожденію совсѣмъ было упавшаго бисертскаго гвоздарнаго промысла и нѣкоторыхъ другихъ.

Вообще было бы въ высшей степени нерацiонально ничего не предпринимать въ интересахъ кустарей на томъ основаніи, что въ концѣ концовъ фабрика поглотитъ кустарную промышленность. Пока этого еще нѣтъ, нужно дѣятельно помогать кустарямъ отстаивать себѣ болѣе сносныя условія существованія. По отношенію къ зависимой формѣ кустарной промышленности однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ къ этому должно быть распространеніе на кустарную промышленность фабричнаго законодательства по охранѣ труда, регулированіе продолжительности рабочаго дня и пр. Что же касается свободной формы кустарной промышленности, то тутъ необходима самопомощь кустарей, необходимо развитіе кооперацій, что должно быть задачей будущихъ демократическихъ земствъ.

Въ германской литературѣ домашняя промышленность на посредника (Hausindustrie) разсматривается обыкновенно, какъ одинъ изъ видовъ капиталистической промышленности. Напротивъ, у насъ въ Россіи еще очень недавно господствовалъ совершенно противоположный взглядъ на кустарную промышленность, въ которой у насъ видѣли „народную" промышленность, долженствующую спасти русскаго крестьянина отъ „язвы капитализма". Какъ естественная реакція противъ этой ни на чемъ не основанной идеализаціи нашего хозяйственнаго быта явилось перенесеніе къ намъ германскихъ воззрѣній на кустарную промышленность. Это было исполнено П. Б. Струве въ его «Критическихъ замѣткахъ». Однако, если народническія воззрѣнія на кустарную промышленность никоимъ образомъ не находятъ себѣ опоры въ фактахъ, то и противоположная точка зрѣнія Бюхера и другихъ германскихъ экономистовъ (съ которой я соглашался въ «Русской фабрикѣ») не можетъ быть признана вполнѣ правильной. Въ настоящей работѣ я различаю двѣ формы кустарной промышленности, одна изъ которыхъ (зависимая форма) является въ полномъ смыслѣ слова капиталистической промышленностью, а другая (свободная форма) не можетъ быть признана таковой, причемъ, однако, подъ вліяніемъ естественной эволюціи вторая стремится превратиться въ первую. Во всякомъ случаѣ, я пришелъ къ тому выводу, что въ извѣстныхъ случаяхъ кустарная промышленность не можетъ быть приравниваема къ капиталистической промышленности. Чтобы сдѣлать это вполнѣ безспорнымъ, возьмемъ тотъ случай, когда кустарь работаетъ на земскій складъ. Въ этомъ случаѣ кустарная промышленность не измѣняетъ своей природы, такъ какъ она остается работой на посредника, и, слѣдовательно, не становится ремесломъ, но она, очевидно, не является капиталистической промышленностью, такъ какъ никакого капиталистическаго посредника нѣтъ. Вообще, если кустарь продаетъ свои издѣлія хотя и торговцу, но не одному и тому же, а разнымъ по своему выбору, то онъ не можетъ быть приравниваемъ къ наемнымъ рабочимъ въ капиталистическомъ предпріятіи, ибо, какъ бы ни было плохо его экономическое положеніе, онъ все же не имѣетъ опредѣленнаго хозяина.

Правда, въ силу своей экономической слабости, кустарь чрезвычайно легко попадаетъ въ зависимость отъ торговаго или промышленнаго капитала. Для сохраненія экономической самостоятельности кустаря нужны совершенно особыя условія, которыя противодѣйствовали бы этой естественной тенденціи кустарнаго производства. Въ особенности важна въ этомъ отношеніи организація сбыта. Іоркширскіе суконщики начала 19 вѣка пользовались извѣстной самостоятельностью лишь потому, что они обладали такой организаціей сбыта. Только планомѣрная работа въ этомъ направленіи общественныхъ учрежденій можетъ обезпечить самостоятельность кустаря; но предоставленный своимъ собственнымъ силамъ разъединенный кустарь слишкомъ слабъ, чтобы оградить свою свободу—да это нерѣдко и не въ его интересахъ, такъ какъ болѣе тѣсная связь съ капиталистомъ избавляетъ кустаря отъ заботы о пріисканіи рынка для своихъ издѣлій, почему кустарь сплошь и рядомъ только и мечтаетъ о томъ, чтобы получить постояннаго хозяина.

Если всякое производство на посредника считать капиталистиче

скимъ, то это должно быть вѣрно какъ относительно промышленности, такъ и земледѣлія. Не слѣдуетъ ли, поэтому, признавать капиталистическимъ производствомъ и крестьянское земледѣліе? Вѣдь крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ торговцу и, слѣдовательно, съ такимъ же правомъ, какъ и кустарь, долженъ быть зачисленъ въ ряды капиталистическихъ производителей. Именно къ этому выводу приходитъ В. Э. Денъ. «Поскольку,—говоритъ онъ,—наше крестьянское (земледѣльческое М. Т.-Б.) хозяйство, работая на скупщиковъ, въ то же время впало въ экономическую зависимость отъ послѣднихъ,—а это имѣетъ мѣсто, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ—оно представляетъ собою такое же капиталистическое предпріятіе, какъ и домашняя промышленность» [19]).

Итакъ, мелкій земледѣлецъ есть наемный рабочій торговца хлѣбомъ. Но вѣдь такого положенія вещей, при которомъ земледѣлецъ работалъ бы обязательно на одного и того же хлѣбнаго торговца, мы не знаемъ—крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ кому угодно—и очень понятно, почему—потому, что онъ не получаетъ отъ торговца хлѣбомъ сырья или орудій обработки. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія В. Э. Дена крестьянинъ является наемнымъ рабочимъ постоянно смѣняющихся капиталистовъ, которыхъ онъ свободно выбираетъ по своему усмотрѣнію. Въ чемъ же выражается постоянная связь крестьянина съ тѣмъ или инымъ капиталистическимъ предпріятіемъ, если отъ самого крестьянина зависитъ вступить въ сношенія съ любымъ изъ нихъ?

Примѣръ этотъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, къ какимъ неразрѣшимымъ затрудненіямъ приводитъ стремленіе втиснуть всякое производство на посредника въ рамки капиталистическаго производства, чѣмъ грѣшатъ очень многіе экономисты, какъ у насъ, такъ и въ Германіи. Со стороны В. Э. Дена тѣмъ болѣе странно относить крестьянское производство къ капиталистическому, что онъ самъ признаетъ возможность некапиталистическаго производства на широкій рынокъ.

Установившійся у насъ терминъ «кустарная промышленность» страдаетъ большой неопредѣленностью. Онъ входитъ въ употребленіе въ нашу экономическую литературу, примѣрно, съ 30-ыхъ годовъ XIX вѣка. „Кустарная коммиссія", учрежденная въ 1874 г. для изслѣдованія кустарной промышленности, естественно начала свою работу съ выясненія того, что такое кустарная промышленность и что ей, слѣдовательно, предстоитъ изслѣдовать. Послѣдовали чрезвычайно курьезныя пренія, ярко показавшія, какъ мало члены коммиссіи понимали природу того явленія, которое они желали изслѣдовать. Одинъ изъ членовъ коммиссіи предлагалъ при опредѣленіи понятія „кустарная промышленность" основываться исключительно на юридической сторонѣ дѣла и называть кустарной промышленность такую, на которую не распространяется ни ремесленное, ни фабричное законодательство. Такимъ образомъ, предлагалось для опредѣленія природы извѣстнаго экономическаго явленія руководствоваться сводомъ законовъ. Почти также опредѣляло, однако, кустарную промышленность и такое солидное учрежденіе, какъ географическое общество; статистическое отдѣленіе общества признало, что „кустарная промышленность есть тотъ видъ обрабатывающей промышленности, который въ противоположность чисто ремесленнымъ занятіямъ

городскихъ мѣщанъ и фабрикъ, поставленнымъ въ извѣстныя законодательныя нормы, является занятіемъ жителей преимущественно сельскихъ поселеній и болѣе или менѣе дополнительнымъ при сельскохозяйственныхъ занятіяхъ".

Въ концѣ концовъ Кустарная коммиссія оказалась совершенно не въ силахъ дать такое опредѣленіе кустарной промышленности, которое удовлетворяло бы большинство ея членовъ и остановилось на опредѣленіи, признанномъ ей самой неудовлетворительнымъ, но обставивъ его взаимнымъ обязательствомъ со стороны членовъ коммиссіи никогда не возвращаться къ этому неразрѣшимому вопросу. Вотъ это опредѣленіе „кустарная промышленность есть тотъ видъ обрабатывающей промышленности, который является домашнимъ занятіемъ преимущественно сельскаго населенія и служитъ болѣе или менѣе дополнительнымъ при сельскохозяйственныхъ занятіяхъ" [21]).

Для этого опредѣленія характерно, что имъ совершенно не разграничивается кустарная промышленность отъ деревенскаго ремесла Между тѣмъ, уже въ 1861 г. Корсакъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства" далъ образцовый анализъ кустарнаго производства, какъ формы промышленности, рѣзко отличной отъ самостоятельнаго ремесла Подъ кустарной промышленностью Корсакъ понималъ крупную капиталистическую промышленность, при которой продуктъ изготовляется для капиталиста мелкимъ производителемъ на дому [22]).

На ту же точку зрѣнія сталъ въ новѣйшее время и П. Б. Струве, опредѣляющій кустарную промышленность, какъ „технически-ремесленное производство на широкій и неопредѣленный рынокъ" [23]). Въ этомъ опредѣленіи, не совсѣмъ удачномъ по формѣ (оно предполагаетъ опредѣленіе ремесла), совершенно устраняется тотъ признакъ кустарной промышленности, который другими изслѣдователями обыкновенно выдвигается на первый планъ,—а именно, связь этой формы промышленности съ земледѣліемъ. Тутъ П. Б. Струве, какъ и вообще въ своемъ пониманіи кустарной промышленности, перегнулъ палку въ другую сторону и отождествилъ кустарную промышленность съ Hausindustrie нѣмцевъ, что представляется мнѣ, какъ видно изъ вышесказаннаго, неправильнымъ. Кустарная промышленность есть лишь одинъ изъ видовъ мелкаго производства на посредника—и нѣтъ никакой надобности затушевывать ея видовыя отличія.

ЛИТЕРАТУРА.

Производство на посредника и домашняя система крупной промышленности на Западѣ. A. Thun. Die Industrie am Niederrhein. 2 т. 1879. A. Held. Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. 1881. E. Sax. Die Hausindustrie in Thüringen. 2 т. 1882—1884. L. Bein. Die Industrie des sächsischen Voightlandes. 2 т. 1884. Schanz. Zur Geschichte der Kolonisation und Industrie in Franken. 1884. Zimmermann. Blüte und Verfall des Leinegewerbes in Schlesien. 1885. Stieda. Litteratur, heutige Zustände und Entstehung der deutschen Hausindustrie. 1885

Schwiedland. Kleingewerbe und Hausindustrie in Oesterreich. 2 т. 1894. Sombart. Hausindustrie (Handwörterbuch der Staatswissenschaften). Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Его же: Gewerbe (Handwört. des Staatswissenschaften). Hausindustrie und Heimarbeit in Deutschland u. Oesterreich. (Schriften des Vereins für Socialpolitik. 84—88). Schwiedland. Ziele u. Wege einer Heimarbeitgesetzgebung. 1903. Report as to the Conditions of Nail-makers and Chain-makers in South Staffordschire and South Worcestershire. 1886. Reports from the select Committee of the House of Lords on the Sweating System. 1889. Second Report of the Royal Commission of Labour. 1892 Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала. Т. I. 1906.

Русская кустарная промышленность. Корсакъ. О формахъ промышленности. 1861. Мещерскій и Модзалевскій. Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности въ Россіи. 1874. Земскіе статистическіе сборники, особенно по московской губерніи. Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. 17 выпусковъ 1879—90. Обзоры дѣятельности земствъ по кустарной промышленности. Изд. м-ва земл. и госуд. имущ. 1897 и 1899. Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи. Изд. м-ва земл. и госуд. имущ. 5 томовъ. 1892—1898. Обзоръ дѣятельности правительства на пользу кустарной промышленности. Изд. м-ва земл. и госуд. имуществъ. 1902. А. Исаевъ. Промыслы московской губерніи. 3 вып. 1876—77. Харизоменовъ. Промыслы владимірской губерніи. 1882—1884. Пругавинъ. Сельская община и кустарные промыслы юрьевскаго у. 1884. Красноперовъ. Кустарная промышленность пермской губ. 1888—89. Прилежаевъ. Что такое кустарное производство? 1882. В. В. Очерки кустарной промышленности въ Россіи. 1886. Н. Езерскій. Кустарная промышленность. 1894. Плотниковъ. Кустарные промыслы нижегородской губ 1894. Очеркъ состоянія кустарной промышленности въ пермской губ. 1896. П. Б. Струве. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. 1894. Его же. Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности. Сборникъ „На разныя темы". 1902. М. Туганъ-Барановскій Русская фабрика. 3-е изд. 1907. В. Ильинъ. Экономическіе этюды и статьи. 1899. Его же. Развитіе капитализма въ Россіи. 1899. Погрузовъ. Кустарная промышленность въ Россіи. 1901. Труды съѣзда по кустарной промышленности. 2 т. 1902.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ IV.

1) Ср. М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи. 1894. Стр. 9—15.

2) Held. Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. Стр. 550 и слѣд. Гельдъ одинъ изъ первыхъ понялъ значеніе домашней системы въ исторіи капиталистической промышленности.

3) Тамъ же, стр. 562.

4) Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала. Т. I. Глава VIII

Въ этой книгѣ содержится наиболѣе широкая сводка данныхъ о развитіи домашней системы въ разныхъ странахъ Европы.

5) Ср. статью Зомбарта «Hausindustrie» въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften».

6) Кустарная промышленность, говоритъ В. Г. Яроцкій, есть „мелкая семейная организація производства продуктовъ на сбытъ, свойственная крестьянскому населенію Россіи, въ качествѣ подспорнаго при земледѣліи промысла" (Энциклопедическій словарь. 33 полутомъ. Стр. 121). Съ точки зрѣнія этого опредѣленія нельзя разграничить деревенское ремесло отъ кустарной промышленности—вѣдь ремесленникъ также работаетъ на сбытъ (продажная форма ремесла).

7) Ср. М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика. Изд. 3-е Стр. 495.

8) В. Ильинъ. Экономическіе этюды и статьи. Стр. 117.

9) «Юридическій Вѣстникъ» 1883. № XI. Стр. 437—438.

10) Промыслы Московской губерніи. Т. I. Стр. 75—78.

11) Ко всему этому отдѣлу см. М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. 3-е изд. I часть. Глава VII и II часть. Глава IV.

12) Ср. В. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи. 1899. Стр. 273—280.

13) Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Горбатовскій уѣздъ. Стр. 64—65.

14) В. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи. Стр. 263.

15) Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1890 г. Кустарные промыслы Богородскаго уѣзда. Стр. 42—43.

16) Какъ крайній минимумъ заработка кустаря, г. Езерскій указываетъ на случай, когда одна крестьянка за недѣльную работу получила всего 8 коп. См. Езерскій. Кустарная промышленность. 63.

17) В. В. Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Стр. 211—213.

18) «Сотни тысячъ семействъ, занятыхъ въ домашней промышленности, — читаемъ, напр., въ отчетѣ радикальнаго меньшинства Королевской коммиссіи по вопросамъ труда, — образуютъ одну изъ самыхъ подавленныхъ и деморализованныхъ общественныхъ группъ. Основная причина исключительной придавленности рабочихъ въ этихъ промыслахъ заключается, по нашему убѣжденію, въ господствѣ въ нихъ раздачи работы на домъ. Не рекомендуя фактическаго запрещенія домашней работы, мы считаемъ дѣломъ высочайшей важности, чтобы всѣ практически осуществимыя средства были примѣнены для предупрежденія распространенія такихъ работъ». М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика. Стр. 508.

19) Обзоръ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности. Изд. М-ва Земл. и Госуд. Имущ. 1897. Стр. 71.

20) В. Э. Денъ. Очерки по экономической географіи. Часть I. 1908. Стр. 94.

21) Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Вып. I. Стр. 10—11. Сравн. также Л. Прилежаевъ. Что такое кустарное производство. 1882. Стр. 21.

22) Корсакъ. Стр. 16—17.

23) На разныя темы. Стр. 430.

ГЛАВА V.

Производительная артель или производительное товарищество.

I. Русская бытовая артель. Общая характеристика артелей. Охотничьи и рыболовныя артели. Артель въ строительномъ промыслѣ, въ добывающей и обрабатывающей промышленности. II. Производительныя товарищества на Западѣ. Исторія производительныхъ товариществъ. Причины ихъ неуспѣха. Производительныя товарищества въ новѣйшее время. III. Артельное движеніе въ Россіи. Артельныя начинанія русскаго общества. Ихъ неуспѣхъ. Артельныя предпріятія по иниціативѣ рабочихъ. Новѣйшее артельное движеніе. Дополнительныя замѣчанія. Споры объ артеляхъ среди нашей интеллигенціи.

I.

Производительной артелью называется союзъ нѣсколькихъ рабочихъ для совмѣстнаго, за общій счетъ, хозяйственнаго труда или совмѣстнаго пользованія средствами производства. Для производительной артели характерно, что рабочіе образуютъ собой самоуправляющуюся группу, связанную между собой въ процессѣ хозяйственнаго труда въ одно хозяйственное цѣлое. Производительныя артели (или производительныя ассоціаціи, производительныя товарищества) бываютъ трехъ основныхъ видовъ, изъ которыхъ первый распадается на два подвида:

1) артели, производящія продукты: а) для собственнаго потребленія и б) на сбытъ;

2) артели, сообща пользующіяся средствами производства;

3) артели, сообща исполняющія различныя хозяйственныя работы и продающія свои трудовыя услуги.

Артелями, производящими продукты для собственнаго потребленія, могутъ быть только сельскохозяйственныя артели. Общими условіями для возникновенія артели въ томъ или иномъ промыслѣ являются, съ одной стороны, выгодность сое-

диненія въ данномъ промыслѣ трудовыхъ усилій нѣсколькихъ рабочихъ, съ другой стороны—незначительность необходимыхъ затратъ на средства производства. Если каждый отдѣльный рабочій въ одиночку можетъ такъ же или почти такъ же успѣшно справляться со своей хозяйственной задачей, какъ и нѣсколько, то нѣтъ и стимула нѣсколькимъ рабочимъ соединяться въ одно хозяйственное цѣлое; съ другой стороны, если средства производства требуютъ большихъ затратъ, то возникновеніе артели затрудняется невозможностью для рабочихъ пріобрѣсти эти средства производства и крупное предпріятіе осуществляется въ капиталистической формѣ.

Но чѣмъ примитивнѣе техника промысла, чѣмъ менѣе развита въ данномъ промыслѣ капиталистическая промышленность и чѣмъ необходимѣе въ немъ соединенія трудовыхъ усилій нѣсколькихъ рабочихъ, тѣмъ легче возникаетъ артель. Въ странахъ съ развитой капиталистической промышленностью капиталистическое предпріятіе оставляетъ очень мало мѣста для артели. Напротивъ, въ странахъ менѣе культурныхъ артелей можетъ достигать широкаго распространенія. Къ числу такихъ странъ принадлежитъ Россія.

Такъ, въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи въ охотничьемъ промыслѣ артель до сихъ поръ играетъ весьма большую роль. Въ охотничьей артели въ сѣверныхъ губерніяхъ обычно участвуетъ отъ 4 до 10 человѣкъ, изъ которыхъ каждый долженъ доставить въ артель опредѣленное количество съѣстныхъ и огнестрѣльныхъ припасовъ; добытая дичь дѣлится между охотниками поровну. Въ рыболовномъ промыслѣ точно также сильно распространены артели. Охотничьи и рыболовныя артели представляютъ собой иногда просто временное соединеніе группы лицъ для опредѣленной хозяйственной цѣли, распадающееся, когда эта цѣль достигнута, иногда же прочную и устойчивую постоянную хозяйственную организацію. Обыкновенно въ рыболовныхъ артеляхъ имѣется выборный руководитель—староста, получающій обычно изъ добычи бо́льшую долю, чѣмъ другіе члены артели. Иногда такія артели совсѣмъ не имѣютъ наемныхъ рабочихъ, въ другихъ же случаяхъ онѣ по временамъ нанимаютъ рабочихъ со стороны. Особый типъ представляютъ собой рыболовныя артели такъ назыв. покрученниковъ на промыслахъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Онѣ не имѣютъ своихъ собственныхъ рыболовныхъ принадлежностей, получаемыхъ ими отъ предпринимателей, которымъ онѣ и отдаютъ въ вознагражденіе за капиталъ извѣстную долю добычи.

Весьма интересны рыболовныя артели на Псковскомъ озерѣ,

недавно описанныя А. А. Николаевымъ. Въ каждой изъ такихъ артелей (число обслѣдованныхъ артелей доходило до 100) участвуетъ 4—5 семействъ съ числомъ рабочихъ до 12 человѣкъ и больше, въ неравныхъ доляхъ участвующихъ въ доставленіи капитала, необходимаго для артели (главнымъ образомъ, невода). Изъ полученной добычи часть идетъ на вознагражденіе капитала, пропорціонально паямъ каждаго члена артели, часть идетъ на вознагражденіе труда и распредѣляется въ равныхъ доляхъ между членами артели. Староста артели—жердникъ—является ея выборнымъ руководителемъ и никакой самостоятельной властью не обладаетъ; его авторитетъ всецѣло основанъ на его большей опытности и знаньи дѣла [1]).

Затѣмъ, артель имѣетъ очень широкое распространеніе въ строительномъ промыслѣ—и по понятнымъ причинамъ. Выгоды сотрудничества въ этомъ промыслѣ очень велики, а орудія производства крайне просты—производитель не долженъ дѣлать затраты на сырье, строительный матеріалъ, доставляемый заказчикомъ. Насколько распространена артельная форма труда въ крестьянскомъ строительствѣ, сказать трудно; можно думать, что значительная часть,—напр., около $^1/_3$ — крестьянскихъ домовъ строится плотничьими артелями. Такія артели имѣютъ опредѣленную организацію. Во главѣ ихъ стоитъ руководитель артели, рядчикъ, на обязанности котораго лежитъ организовать артель и пріискивать работу. Онъ является главой артели, но не ея хозяиномъ. Иногда же на этой почвѣ вырабатывается капиталистическій рядчикъ, который уже становится нанимателемъ рабочихъ и артель превращается въ капиталистическое предпріятіе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда рядчикъ выборный, артель сохраняетъ свой трудовой типъ. Что касается численнаго состава плотничьей артели, то онъ колеблется очень сильно; обыкновенно въ артели участвуютъ 4, 5, много 10 человѣкъ. Нѣкоторыя отдѣльныя артели смоленской губерніи доходятъ до 75 человѣкъ, но это уже исключеніе. Артели каменщиковъ бываютъ изъ 5—7 человѣкъ и вообще преобладаютъ небольшія артели. Рабочіе въ артеляхъ зарабатываютъ, какъ полагаютъ, нѣсколько больше, чѣмъ рабочіе въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Но это вѣрно лишь по отношенію къ среднимъ рабочимъ: рабочимъ болѣе искуснымъ нѣтъ выгоды участвовать въ артели, такъ какъ трудъ ихъ оплачивается лучше капиталистомъ. Точно также, и малоискусные работники не участвуютъ въ артели, такъ какъ послѣдней нѣтъ разсчета принимать ихъ въ свою среду.

Въ маленькихъ артеляхъ всѣ члены получаютъ поровну. Въ

болѣе крупныхъ оплата производится соотвѣтственно искусству труда; заработки артельщиковъ, напр., дѣлятся „на три руки", на три разряда, въ пропорціи 6, 5, 4 или 6, 4, 3; къ этому присоединяется иногда и четвертый разрядъ рабочихъ—перволѣтокъ. Староста иногда не вознаграждается особо, иногда же получаетъ небольшое добавочное вознагражденіе.

Кромѣ строительнаго промысла, артель очень распространена въ разнообразныхъ землекопныхъ промыслахъ, работахъ по проведенію каналовъ, дорогъ и т. п., въ промыслахъ по рубкѣ и сплаву лѣса. Артели по разгрузкѣ и выгрузки разнаго рода товаровъ представляютъ собой артели третьяго изъ установленныхъ выше видовъ — артель работаетъ по найму и артельное начало выражается въ томъ, что съ нанимателемъ имѣетъ дѣло не отдѣльный рабочій, а цѣлая группа ихъ, которая разверстываетъ между собой, по своему усмотрѣнію, полученный заработокъ. Промыслы этого рода точно также легко допускаютъ форму артельнаго труда.

Къ добывающей промышленности артель также имѣетъ значительное распространеніе благодаря тому, что въ добывающей промышленности отсутствуютъ затраты на сырье, и, въ то же время, требуется, для успѣха дѣла, сотрудничество многихъ лицъ. На Уралѣ имѣются артели золотоискателей, во многихъ мѣстностяхъ Россіи существуютъ артели камнеломовъ, артели по добычѣ разнаго рода руды, въ донецкомъ краѣ наблюдаются артели углекоповъ, въ лѣсныхъ губерніяхъ артели смолокуровъ и т. д., и т. д.

Если мы перейдемъ къ обрабатывающей промышленности, то увидимъ, что здѣсь производительная артель перваго типа, при которой рабочіе сообща вырабатываютъ продуктъ, является рѣдкимъ исключеніемъ. Объясняется это тѣмъ, что обрабатывающая промышленность съ одной стороны, возможна въ мелкой формѣ, съ другой же—требуетъ большихъ затратъ на сырье. Капиталъ тутъ играетъ уже большую роль. Поэтому въ обрабатывающей промышленности встрѣчаются лишь артели второго вида—рабочіе работаютъ врозь, но сообща пользуются нѣкоторыми средствами производства. Такъ, напр., въ гончарномъ производствѣ гончары нерѣдко имѣютъ общій горнъ, въ которомъ обжигаютъ глину. Одно время въ нижегородской губерніи были распространены, такъ называемыя, шиповки — артельныя гвоздарныя кузни. Отъ 12—15 кузнецовъ устраивали на общій счетъ такую шиповку для ковки гвоздя; уголь былъ общій, но каждый гвоздарь имѣлъ въ кузнѣ свое особое мѣсто и ковалъ гвозди за свой счетъ. Теперь, съ упад-

комъ гвоздарнаго промысла, артельныя шиповки исчезаютъ, такъ же, какъ ткацкія свѣтелки артельнаго типа. Затѣмъ у колесниковъ нерѣдко имѣются артельныя „парни“, у валяльщиковъ шерсти — артельныя „стирни“. Вообще же въ обрабатывающей промышленности область примѣненія артели не велика [2]).

II.

Что касается до „производительныхъ ассоціацій“ или „производительныхъ товариществъ“ Запада, то они возникли совершенно инымъ путемъ — они были всецѣло созданіемъ творческой воли человѣка. Классической страной ихъ является Франція, гдѣ проповѣдникомъ идеи устройства производительныхъ ассоціацій былъ геніальный Фурье. Фурье стремился къ глубочайшему преобразованію всего строя общественной жизни человѣка, но практическимъ результатомъ его пропаганды явилось, главнымъ образомъ, движеніе въ пользу устройства производительныхъ товариществъ. Въ эпоху 48-го года, когда рабочій классъ овладѣлъ во Франціи политической властью и идеи соціализма получили широкое распространеніе среди французскаго пролетаріата, была сдѣлана самая грандіозная попытка устройства широкой сѣти производительныхъ товариществъ. Было ассигновано 3 милл. франковъ на устройство производительныхъ товариществъ. За нѣсколько лѣтъ возникло нѣсколько сотъ такихъ товариществъ, изъ которыхъ получило правительственную ссуду 56 товариществъ. Но уже въ началѣ 50-хъ годовъ остается во всей Франціи не болѣе нѣсколькихъ десятковъ производительныхъ товариществъ— всѣ остальныя распались. Къ началу нашего вѣка во Франціи считалось около 250 производительныхъ товариществъ, изготовлявшихъ продукты для сбыта (въ этотъ итогъ, впрочемъ, вошли и нѣкоторыя товарищества, продающія не продукты, а свои трудовыя услуги). Но все это—кромѣ немногихъ исключеній—товарищества очень мелкія, въ которыхъ трудовое начало проведено лишь въ ограниченной степени.

Изъ крупныхъ производительныхъ ассоціацій Франціи можно указать только на знаменитый „Фамилистеръ“ въ Гизѣ, крупный заводъ, изготовляющій различныя металлическія издѣлія. Въ 1846 Годэнъ—горячій послѣдователь Фурье—основалъ близъ города Гиза желѣзный заводъ; въ 60-хъ годахъ онъ построилъ для рабочихъ зданіе, по образцу „соціальнаго дворца“ Фурье—Фаланстера—и назвалъ это зданіе „Фамилистеромъ“. Въ 1880 г.

онъ организовалъ свой заводъ на началахъ производительнаго товарищества, передавши его рабочимъ—пайщикамъ предпріятія, принявшимъ заводъ съ обязательствомъ уплачивать извѣстный процентъ на капиталъ, внесенный Годэномъ. Заводъ существуетъ до настоящего времени и ведетъ свои дѣла очень успѣшно. Хозяевами его являются нѣсколько сотъ рабочихъ, состоящихъ полноправными членами товарищества; еще большее количество рабочихъ работаетъ въ немъ по найму, не будучи членами товарищества. Такимъ образомъ, Фамилистеръ не представляетъ собой производительной ассоціаціи чистаго типа, такъ какъ въ немъ практикуется и наемный трудъ. Но все же значительная часть работающихъ на немъ рабочихъ является членами товарищества.

Въ другихъ странахъ производительныхъ товариществъ, производящихъ продукты на сбытъ, еще меньше. Въ Англіи таковыхъ насчитывается всего нѣсколько десятковъ и то мелкихъ и не чисто трудового типа, въ Германіи и того меньше. Причины этой неудачи производительныхъ товариществъ этого рода коренятся въ самомъ существѣ дѣла.

Чаще всего дѣла товарищества идутъ плохо вслѣдствіе трудности согласовать интересы ихъ участниковъ, недостатка капитала, неумѣнья найти сбытъ для продуктовъ и т. п. Товарищества же преуспѣвающія обычно обращаются въ капиталистическія предпріятія. Почти всякой производительной ассоціаціи, изготавливающей продукты на сбытъ, у которой дѣла идутъ хорошо, приходилось до сихъ поръ съ теченіемъ времени или отступиться отъ трудовыхъ принциповъ во всей ихъ чистотѣ, или же отказаться отъ дальнѣйшаго развитія. Каждое предпріятіе съ расширеніемъ дѣла неизбѣжно должно привлекать къ себѣ новыхъ рабочихъ; но на какихъ основаніяхъ производительное товарищество можетъ включить въ себя новыхъ рабочихъ? Если путемъ принятія ихъ въ число полноправныхъ товарищей, то это нерѣдко можетъ привести къ крушенію предпріятія, такъ какъ новые члены могутъ не стоять по своему моральному и интеллектуальному уровню на высотѣ старыхъ; если же путемъ найма, то предпріятіе утрачиваетъ свой чистый трудовой типъ,—товарищество раскалывается на нанимателей труда и наемныхъ рабочихъ.

И дѣйствительно, нѣкоторыя производительныя товарищества, возникшія въ сороковые годы, мало-по-малу превратились въ огромныя предпріятія съ милліонными оборотами и сотнями рабочихъ—но, увы, рабочихъ по найму. Производительное товарищество переродилось въ капиталистическое предпріятіе.

Причины этой обычной эволюціи преуспѣвающихъ производительныхъ товариществъ (которыхъ, естественно, бываетъ очень немного сравнительно съ гибнущими отъ тѣхъ или иныхъ внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ) коренятся, какъ справедливо указываетъ Оппенгеймеръ [3]), въ томъ, что изолированное товарищество, продающее продуктъ, подчиняется общимъ законамъ предпріятій въ капиталистическомъ мірѣ. Оно принуждено вести ожесточенную борьбу за существованіе на товарномъ рынкѣ и употреблять въ этой борьбѣ обычные пріемы борьбы въ капиталистическомъ мірѣ. Стремясь, подобно капиталистическимъ предпріятіямъ, получить въ свою пользу наибольшую прибыль, и вытѣснить своими товарами товары другихъ соперничающихъ предпріятій, оно не можетъ не проникаться и обычной капиталистической моралью и капиталистическимъ духомъ, а при этомъ невозможно сохранить чистоту трудоваго типа. И вотъ мы видимъ, какъ прежніе полные энтузіазма піонеры ассоціаціи превращаются въ обычныхъ капиталистовъ...

Однако, это вѣрно лишь по отношенію къ тѣмъ товариществамъ, которыя существуютъ и дѣйствуютъ подобно капиталистическимъ предпріятіямъ, совершенно независимо отъ какихъ-либо общественныхъ организацій. Положеніе мѣняется, если данное товарищество находится въ связи съ какой-либо общественной организаціей, могущей контролировать и регулировать дѣятельность товарищества. Если напр. товарищество получаетъ средства на устройство своего дѣла отъ профессіональнаго союза рабочихъ или отъ политическій партіи рабочихъ, то союзъ или партія могутъ обставить свою помощь условіемъ, чтобы данное товарищество сохраняло трудовой типъ. Въ этомъ случаѣ вліяніе рабочаго класса можетъ противодѣйствовать вліянію капиталистической среды, въ которой приходится дѣйствовать товариществу. И потому по мѣрѣ роста рабочаго движенія слѣдуетъ ожидать, что будутъ учащаться и случаи удачной дѣятельности чисто трудовыхъ ассоціацій, изготавливающихъ продукты на сбытъ. Не нужно забывать, что производительная ассоціація есть единственный типъ хозяйственнаго предпріятія, совершенно устраняющаго наемную форму труда. Въ этомъ ея огромное преимущество передъ всѣми другими формами предпріятій, съ точки зрѣнія рабочаго человѣка. И вотъ почему рабочій не можетъ не стремиться къ производительной ассоціаціи, какъ бы ни трудно было достиженіе въ этой области успѣха.

Производительныя ассоціаціи, продающія не продуктъ, а свои трудовыя услуги, уже гораздо легче могутъ разсчитывать на

успѣхъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ и капиталъ требуется въ гораздо меньшей степени и связь съ рынкомъ менѣе непосредственна. И дѣйствительно, мы видимъ, что этой области за послѣднее время замѣчается весьма энергичное движеніе. Въ Италіи самая старая артель землекоповъ была основана въ 1883 г. Въ 1889 г. она насчитывала 2.127 членовъ, а въ настоящее время въ ней участвуетъ уже до 3.000 членовъ. Артель каменьщиковъ въ Миланѣ, учрежденная въ 1887 г., теперь насчитывается 869 членовъ. Она работаетъ преимущественно по заказамъ казны и муниципальныхъ учрежденій. Общее число артелей этого типа въ Италіи (каменьщиковъ, землекоповъ, носильщиковъ, возчиковъ, тачечниковъ и т. д.) за 1902 г. равнялась 454, число членовъ ихъ превышало 63 тысячи [4]).

Точно также и во Франціи все болѣе и болѣе распространяется обычай сдавать муниципальные подряды самостоятельнымъ артелямъ рабочихъ. Товарищества каменьщиковъ, мостильщиковъ улицъ, землекоповъ, исполняютъ въ Парижѣ и другихъ городахъ Франціи обширныя работы по подряду.

Но всего болѣе эта система усвоена въ Новой Зеландіи, гдѣ „съ 1891 г. большая часть желѣзныхъ дорогъ, шоссе, мостовъ, зданій и т. д. исполнялась государствомъ посредствомъ подобныхъ артелей. Эта же система, хотя и въ нѣсколько меньшей степени, усвоена также Викторіей и нѣкоторыми другими государствами Австраліи“ [5]).

Любопытный образчикъ новаго усиленнаго размаха движенія въ пользу производительныхъ ассоціацій представляетъ собой недавно открытая въ итальянской провинціи Реджіо-Эмиліи первая въ мірѣ желѣзнодорожная вѣтвь въ 30 километровъ, выстроенная самостоятельно 39-ю артелями земельныхъ и строительныхъ рабочихъ [6]).

У насъ въ Россіи точно также были попытки насажденія производительныхъ товариществъ. На первый взглядъ казалось бы, что въ Россіи условія особенно благопріятствуютъ созданію производительныхъ товариществъ, такъ какъ у насъ существуютъ многочисленныя артели въ народной средѣ; однако исторія нашихъ ассоціацій, возникшихъ по почину интеллигенціи, еще богаче неудачами, чѣмъ на Западѣ. Въ шестидесятые годы, когда русское общество особенно увлекалось идеей устройства артелей, нѣсколько земствъ занялись организаціей артелей. Тверское земство основало цѣлый рядъ артелей гвоздарей, сапожниковъ, смолокуровъ и др., которыя всѣ очень скоро распались, не имѣвъ даже относительнаго успѣха: онѣ служили для ихъ членовъ

простымъ средствомъ полученія ссудъ отъ земства [7]). 90-е годы явились новой эпохой нашихъ „артельныхъ начинаній". Возникаютъ земледѣльческія артели разнаго типа—шадринскія артели, артели Н. В. Левитскаго, на которыя возлагались большія надежды. Всѣ эти попытки были неудачны, и неудивительно: народная масса еще была слишкомъ мало сознательна, чтобы поддержать новыя хозяйственныя организаціи, возникшія по иниціативѣ интеллигенціи. Однако, изъ этого не нужно заключать, что наша народная среда неспособна къ созданію производительныхъ товариществъ болѣе сложнаго типа, чѣмъ наши обычныя бытовыя артели. Напротивъ, можно думать, что нашъ рабочій не менѣе, а скорѣе болѣе своего западно-европейскаго собрата пригоденъ для артельнаго труда. Мы знаемъ примѣры очень сложныхъ производительныхъ организацій, возникшихъ въ рабочей средѣ безъ всякаго вліянія интеллигенціи и успѣшно дѣйствовавшихъ втеченіе ряда лѣтъ.

Любопытнымъ примѣромъ такой организаціи, дѣйствовавшей еще въ эпоху крѣпостнаго права, является красносельская писчебумажная поссессіонная фабрика, которой рабочіе совершенно самостоятельно управляли съ 1803 по 1825 г. Фабрика эта принадлежала, вмѣстѣ съ рабочими, нѣкоему Хлѣбникову, который въ 1803 г. заключилъ съ рабочими, для прекращенія столкновеній съ ними, договоръ, утвержденный софійскимъ окружнымъ судомъ. Согласно этому договору рабочіе (которыхъ было при фабрикѣ 181 д. м. п.) получили фабрику въ свое полное завѣдываніе, обязавшись платить хозяину $^4/_5$ цѣны всей продаваемой бумаги. Хозяинъ обязался доставлять на фабрику топливо и тряпье, рабочіе же обязались выдѣлывать изъ тряпья не менѣе опредѣленнаго количества бумаги опредѣленнаго качества. Цѣна бумаги устанавливалась разъ въ годъ представителями хозяина и рабочихъ. На основаніи этого договора фабрика успѣшно дѣйствовала втеченіе 22 лѣтъ и дѣло прекратилось лишь вслѣдствіе перехода фабрики въ казну и закрытія фабрики [8]).

И въ позднѣйшее время попытки устройства артелей, исходившія изъ среды самихъ рабочихъ, нерѣдко бывали успѣшны. Примѣромъ могутъ служить артели, устроенныя рабочими Мальцевскихъ заводовъ. Когда эти заводы были закрыты, у рабочихъ явилась идея утилизировать заводскія помѣщенія. Рабочіе ихъ арендовали и организовали производство на артельныхъ началахъ. Эти артели нѣкоторое время работали съ полнымъ успѣхомъ, и если потомъ должны были прекратить производство, то лишь въ силу внѣшнихъ причинъ, отъ нихъ не зависѣвшихъ.

Изъ артелей, возникшихъ по иниціативѣ интеллигенціи, един-

ственнымъ примѣромъ крупнаго и продолжительнаго успѣха является павловская артель ножевщиковъ, основанная г. Штанге въ 1890 г. Въ 1907 г. въ ней числилось 144 членовъ и, кромѣ того, работало по найму 133 рабочихъ. Но рабочіе-нечлены получаютъ такое же содержаніе, какъ и члены, и, такимъ образомъ, наличность рабочихъ по найму не мѣшаетъ чистотѣ трудоваго начала въ артели—рабочіе по найму сами предпочитаютъ откладывать свое поступленіе въ члены артели, такъ какъ съ этимъ сопряжено внесеніе опредѣленнаго пая. Артель имѣетъ свою превосходно оборудованную мастерскую съ многочисленными машинами и ведетъ свои дѣла съ полнымъ успѣхомъ. Правда, успѣхъ этотъ былъ возможенъ лишь благодаря тому, что артель получала помощь ссудами отъ частныхъ лицъ и кромѣ того получила въ ссуду отъ правительства 50 т. р. [9]).

Причина неуспѣха попытокъ устройства производительныхъ ассоціацій въ Россіи заключается, прежде всего, въ общемъ строѣ нашей политической жизни, сдавливающей общественную иниціативу, а затѣмъ, вмѣстѣ съ этимъ, въ недостаткѣ самодѣятельности населенія. Измѣненіе этихъ условій создало почву для новаго артельнаго движенія послѣ 1905 г., но уже движенія, исходившаго не изъ среды интеллигенціи, а самихъ народныхъ массъ. За послѣдніе 2—3 года по почину рабочихъ было организовано въ разныхъ городахъ и деревняхъ Россіи множество разнообразныхъ артелей, пока еще мало описанныхъ въ литературѣ. Въ одномъ Петербургѣ возникло нѣсколько десятковъ артелей, нѣкоторыя изъ которыхъ являются весьма обширными предпріятіями, имѣющими свыше ста рабочихъ-артельщиковъ, съ большимъ успѣхомъ руководящихъ сложнымъ промышленнымъ дѣломъ—какъ, напр., артель производителей металлическихъ кроватей, въ которой было въ началѣ 1908 г. 135 членовъ. Въ Ригѣ существуетъ нѣсколько выдающихся артельныхъ предпріятій. Артельная булочная „Амплусъ“ имѣетъ 383 полноправныхъ члена, наемныхъ рабочихъ нѣтъ. Въ Одессѣ, Баку, на Уралѣ имѣются значительные артельные заводы; артель грузчиковъ въ Николаевѣ состоитъ изъ 124 лицъ. Г. Ковалевскій собралъ для Всероссійскаго Кооперативнаго съѣзда 1908 г. свѣдѣнія о 15 московскихъ артеляхъ. Полноправныхъ членовъ въ нихъ было 453, учениковъ и наемныхъ рабочихъ — 33. Въ самой большой артели портныхъ было 253 члена. Артель эта организовалась въ началѣ 1907 г. изъ безработныхъ портныхъ и имѣетъ обширную, хорошо оборудованную мастерскую; дѣла ея идутъ, по словамъ г. Ковалевскаго, успѣшно [10]).

Лѣтъ десять тому назадъ у насъ велись ожесточенные споры на тему о судьбахъ капитализма въ Россіи. Вопросъ объ артеляхъ горячо дебатировался народниками и марксистами, причемъ первые видѣли въ артеляхъ одно изъ нашихъ существенныхъ преимуществъ передъ Западомъ, а вторые не только отрицали значеніе артелей, какъ средства борьбы съ капитализмомъ, но подвергали сомнѣнію даже самый фактъ существованія у насъ артелей. Въ это время въ Вольно-экономическомъ Обществѣ П. Б. Струве сказалъ, что у насъ „больше артельной миѳологіи, нежели артелей“ [11]). Что у насъ имѣлась артельная миѳологія, это, конечно, вѣрно, но также вѣрно, что кромѣ того у насъ имѣлось и имѣется не мало и артелей. Въ настоящее время и среди марксистовъ имѣется не мало искреннихъ друзей коопераціи въ разныхъ ея видахъ, въ томъ числѣ и трудовыхъ артелей. По этому вопросу, какъ и по многимъ другимъ, старыя разногласія русской интеллигенціи въ значительной степени потеряли свой прежній смыслъ, главнымъ образомъ потому, что на сцену выступила народная масса, для которой вопросы подобнаго рода были вопросами не отвлеченной теоріи, а самаго близкаго практическаго интереса. Перейдя на почву практическаго дѣла интеллигенты должны были признать, что возможно болѣе широкое распространеніе артелей безусловно желательно, но что разсчитывать на таковое въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ въ ближайшемъ будущемъ нельзя. Для того же, чтобы артели могли существовать и развиваться, не перераждаясь въ капиталистическія предпріятія, требуется, чтобы артель не теряла связи съ рабочимъ движеніемъ. Поэтому крайне желательно, чтобы члены артели были членами и профессіональныхъ союзовъ рабочихъ. Съ другой стороны, для большей экономической прочности артелей крайне важна ихъ тѣсная связь съ другими кооперативными организаціями: потребительныя общества могутъ облегчить артелямъ сбытъ продуктовъ ихъ труда, а кредитныя товарищества могутъ облегчить полученіе капиталовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждая отдѣльная артель будетъ чувствовать себя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она будетъ имѣть возможность опереться на другія артели. Потому крайне желательно объединеніе артелей въ возможно болѣе широкіе союзы [12]).

ЛИТЕРАТУРА.

Производительныя ассоціаціи на Западѣ. Engländer. Geschichte der französischen Arbeiterassociationen. 4 т. 1864. А. Исаевъ. Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. 1879. Crüger. Die Ewerbs-und Wirtschaftsgenossenschaften in den einzelnen Ländern. 1892. Häntschke. Die gewerblichen Produktivgenossen schaften in Deutschland. 1894. Oppenheimer. Die Siedelungsgenossenschaft. 1896. Б. Веббъ, Кооперативное движеніе въ Англіи. Пер. съ англ. 1905. В. Тотоміанцъ Артели въ Италіи (Союзъ потребителей. 1907. № 16—17).

Артель въ Россіи. Калачовъ. Артели въ древней и нынѣшней Россіи. 1864. Щербина. Очерки южно-русскихъ артелей. 1880. А. Исаевъ. Артели въ Россіи. 1881. Его же. О мѣрахъ къ развитію артельнаго производства. 1882. Staehr. Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen u. Bedeutung des russischen Artels. 2 т. 1890—91. В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. 1895. Его же. Артельныя начинанія русскаго

общества. 1895. Д—въ. Кустарныя артели. 1896. А. Потресовъ (Старовѣръ). Артельная эпопея. (Сборникъ его статей. „Этюды о русской интеллигенціи“ 1906). Земледѣльческія артели Херсонской губерніи. Изд. В. Э. О. 1896. Справочная книга для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей. 1896. С. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. 1903. Майоровъ. Трудовое товарищество. А. А. Николаевъ. Теорія и практика кооперацiи. 1908. Л. Ковалевскій. Кооперація и артель. 1908. Труды перваго всероссійскаго съѣзда представителей кооперативныхъ учрежденій. 1908. В. Слобожанинъ. Смотръ кооперативнымъ силамъ. 1909. Обширный матеріалъ по артельному дѣлу содержится въ «Сообщеніяхъ с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществахъ».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ V.

1) А. А. Николаевъ. Теорія и практика кооперацiи. Стр. 150 и слѣд.

2) Данныя объ артеляхъ въ Россіи сгруппированы въ книгѣ В. В. «Артель въ кустарномъ промыслѣ» 1895, откуда и заимствованы фактическія свѣдѣнія, приведенныя въ текстѣ.

3) Oppenheimer. Die Siedelungsgenossenschaft. Стр. 127 и слѣд.

4) В. Тотоміанцъ. Артели въ Италіи. (Союзъ потребителей. 1907. № 16—17).

5) А. А. Николаевъ. Теорія и практика кооперацiи. Стр. 177.

6) В. Ф. Тотоміанцъ. Сельскохозяйственная кооперація. 1908. Стр. 183.

7) Описаніе этихъ попытокъ въ статьѣ В. В. «Промышленныя артели въ Россіи» (Сообщенія с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Вып. 10. Статья эта вышла также особой книжкой подъ заглавіемъ «Артельныя начинанія русскаго общества»). Ср. также интересную статью объ артеляхъ А. Потресова, Артельная эпопея (Этюды о русской интеллигенціи).

8) М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Изд. 3. Стр. 160 и слѣд.

9) Труды перваго всероссійскаго кооперативнаго съѣзда 1908. Стр. 441 и слѣд.

10) Л. Т. Ковалевскій. Кооперація и артель. Стр. 19—31.

11) Земледѣльческія артели Херсонской губерніи. Изд. В. Э. О. 1896. Стр. 73.

12) Въ этомъ смыслѣ состоялись и резолюціи перваго всероссійскаго кооперативнаго съѣзда. Съѣздъ рекомендовалъ также устройство артелей, какъ мѣру помощи безработнымъ. Дѣйствительно, многія артели послѣдняго времени возникли на почвѣ борьбы съ безработицей, какъ средство борьбы съ ней. См. Труды съѣзда Стр. 14.

ГЛАВА VI.

Мануфактура и фабрика.

I. Мануфактура. Происхожденіе мануфактуры. Слабое развитіе ея въ западной Европѣ. Три способа возникновенія мануфактуры. Экономическія и соціальныя препятствія развитію мануфактуры на Западѣ. II. Фабрика. Возникновеніе фабрики. Новѣйшее развитіе фабрики въ Германіи. Новый средній классъ. III. Законы развитія капиталистической промышленности. Аккумуляція капитала. Централизація капитала. Концентрація капитала. IV. Дореформенная фабрика въ Россіи. Мѣропріятія Петра. Поссессіонныя фабрики. Дворянская фабрика въ 18 вѣкѣ. Капиталистическая фабрика. Отмираніе поссессіонной фабрики. V. Пореформенная фабрика въ Россіи. Развитіе нашей фабрики послѣ крестьянской реформы. Факторы этого развитія. Что задерживаетъ это развитіе. Большая концентрированность въ Россіи фабричнаго производства, чѣмъ на Западѣ. Дополнительныя замѣчанія. Народническія воззрѣнія на фабрику. Аргументація В. П. Воронцова.

I.

Домашняя система крупной промышленности представляетъ собой капиталистическое производство, такъ какъ домашній рабочій работаетъ по найму капиталиста, но самый процессъ производства не происходитъ подъ контролемъ капиталиста—рабочій работаетъ у себя дома, а не въ мастерской своего хозяина. Высшей формой капиталистическаго производства является, однако, такое, при которомъ капиталистъ контролируетъ и весь процессъ производства, для чего требуется, въ свою очередь, чтобы производство происходило въ мастерской капиталиста. При домашней системѣ производство остается мелкимъ (хотя капиталистическое предпріятіе можетъ быть въ этомъ случаѣ очень крупнымъ—капиталистъ можетъ давать работу сотнямъ и тысячамъ домашнихъ рабочихъ), при сосредоточеніи же рабочихъ въ мастерской пред-

принимателя производство становится по необходимости крупнымъ. Крупное капиталистическое производство существуетъ въ двухъ формахъ—мануфактуры и фабрики.

Мануфактурой называется такое крупное капиталистическое производство, въ которомъ существенныя части процесса производства выполняются руками. Капиталистическая мануфактура возникаетъ въ Италіи въ 14 и 15 вѣкахъ. Затѣмъ она постепенно, но очень медленно, распространяется въ различныхъ странахъ западной Европы. Въ 16, 17 и 18 вѣкахъ капиталистическое производство довольно быстро развивалось въ западной Европѣ, но не въ формѣ мануфактуры, а домашней системы крупной промышленности.

Даже въ 18 вѣкѣ мануфактура, хотя и встрѣчается во всѣхъ передовыхъ странахъ Запада, но всегда какъ крайне рѣдкая форма промышленности. Въ 1764 г. въ предѣлахъ теперешней Бельгіи была произведена спеціальная анкета о мануфактурахъ. Оказалось, что въ этой промышленной странѣ къ этому времени было не болѣе 12 мануфактуръ, обрабатывавшихъ волокнистыя вещества, причемъ, однако, эти мануфактуры въ самыхъ широкихъ размѣрахъ занимались раздачей работы на домъ. Самая крупная изъ этихъ мануфактуръ (полотняная въ Турнэ) имѣла лишь 277 рабочихъ. Еще одна мануфактура имѣла 175 рабочихъ, на прочихъ же число рабочихъ не достигало 100. Въ другихъ отрасляхъ труда число мануфактуръ было больше, но и тутъ мануфактуры имѣли крайне небольшіе размѣры—съ 15—30 рабочими. Всего въ Бельгіи насчитывалось, кромѣ двухъ болѣе крупныхъ текстильныхъ мануфактуръ, еще всего три мануфактуры съ числомъ рабочихъ болѣе 100, а именно, фарфоровая мануфактура съ 200 рабочими, табачная со 151 рабочимъ и одна лѣсопильня со 102 рабочими.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ такими же подробными данными относительно распространенія мануфактуръ въ другихъ странахъ западной Европы. Однако, все заставляетъ думать, что и въ другихъ странахъ мануфактуры были такой же рѣдкой формой промышленности, какъ и въ Бельгіи. Очевидно, въ западной Европѣ имѣлись какія-то условія, препятствовавшія распространенію крупнаго капиталистическаго производства. Не трудно догадаться, что это были за условія. Для средневѣковой западной Европы характерно мощное развитіе мелкаго производства въ формѣ цехового ремесла. Цеховая регламентація промышленности сохранилась на Западѣ вплоть до 19-го вѣка. Именно эта свое-

образная культура, выросшая на почвѣ цехового строя, и воспрепятствовала развитію на Западѣ такой, совершенно чуждой цеховому ремеслу формы промышленности, какъ мануфактура. Домашняя система крупной промышленности, при которой рабочій работаетъ дома, была гораздо ближе къ ремеслу, и потому капиталистическое производство возникло на Западѣ преимущественно въ этой формѣ.

Мануфактуры возникаютъ на Западѣ тремя путями. 1) Въ центральной Европѣ съ сильнымъ правительствомъ важную роль въ этомъ отношеніи сыграла политика правительства, планомѣрно стремившагося къ освобожденію промышленности отъ власти цеховъ. Такъ, напр., во Франціи мануфактуры возникаютъ въ 17 и 18 вѣкахъ при дѣятельной поддержкѣ правительства. Происхожденіе крупной луврской мануфактуры, напр., таково. Въ началѣ 17-го вѣка французскіе короли приглашаютъ во Францію разнаго рода иностранныхъ ремесленниковъ, изготовлявшихъ различные предметы роскоши, и для того, чтобы избавить ихъ отъ власти французскихъ цеховъ, отводятъ имъ особое помѣщеніе въ принадлежавшихъ коронѣ зданіяхъ Лувра. Живя въ Луврѣ, иностранные ремесленники не были подвластны цехамъ; общая жизнь и общіе интересы среди враждебнаго населенія естественно приводили ихъ къ взаимной поддержкѣ; мало-по-малу болѣе бѣдные ремесленники попадаютъ въ зависимость отъ болѣе богатыхъ и, наконецъ, мастерскія отдѣльныхъ ремесленниковъ сливаются въ одно крупное предпріятіе съ капиталистомъ изъ собственной среды во главѣ. Совершенно сходнымъ образомъ возникаетъ во Франціи крупная мануфактура гобеленовъ и многія другія. Точно также и въ Австріи, Пруссіи, Нидерландахъ и другихъ странахъ центральной Европы мануфактуры возникали изъ среды привлекаемыхъ въ страну иностранныхъ ремесленниковъ при непосредственной поддержкѣ правительства.

2) Другой способъ возникновенія мануфактуръ основывался на пользованіи принудительнымъ трудомъ. Общественная власть всегда располагала обширнымъ контингентомъ несвободнаго населенія въ тюрьмахъ, сиротскихъ домахъ, исправительныхъ заведеніяхъ и т. п. Въ 17 и 18 вѣкахъ въ этихъ заведеніяхъ власть начинаетъ устраивать мануфактуры, предоставляя частнымъ предпринимателямъ пользоваться за извѣстную плату трудомъ несвободнаго населенія. Такимъ образомъ для частныхъ предпринимателей являлась возможность избѣгнуть власти цеха и получить въ нужныхъ размѣрахъ дешевую рабочую силу. Великій Курфюрстъ, напр., издаетъ въ 1686 г. особый эдиктъ относи-

тельно устройства „исправительныхъ прядильныхъ и мануфактурныхъ заведеній", куда должны были помѣщаться, если нужно силой, безработные и ихъ дѣти. Какъ указываютъ нѣмецкіе изслѣдователи, рабочій персоналъ германскихъ мануфактуръ того времени состоялъ преимущественно изъ разнаго рода несвободныхъ людей—нищихъ, бродягъ, преступниковъ, сиротъ и т. п.

Объясняется это тѣмъ, что свободные люди не шли на мануфактуры. Домашняя капиталистическая промышленность безъ труда находила нужный рабочій персоналъ, такъ какъ рабочій работалъ въ этомъ случаѣ въ привычной обстановкѣ у себя на дому. Но на мануфактуру рабочій шелъ только подъ вліяніемъ крайней необходимости и вотъ, чтобы загнать его туда, правительство предоставляло въ распоряженіе предпринимателей несвободный трудъ.

3) Наконецъ, третьимъ видомъ мануфактуръ были органически выросшія изъ домашней системы крупной промышленности. Ремесло не могло непосредственно превратиться въ мануфактуру, такъ какъ ремесленникъ не имѣлъ хозяина. Въ другомъ положеніи былъ рабочій домашней промышленности. Онъ уже утратилъ свою самостоятельность, привыкъ находиться въ зависимости отъ предпринимателя, и послѣдній могъ, когда это настоятельно требовалось его интересами, загнать рабочаго на мануфактуру. Труднѣе было справиться съ сопротивленіемъ цеховъ но и это препятствіе было не непреодолимо. Въ общемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что наряду съ мануфактурами, возникшими изъ среды иностранныхъ ремесленниковъ и основавшимися на принудительномъ трудѣ, существовала и третья группа мануфактуръ, органически выросшихъ изъ домашней промышленности [1]).

Но крайне характерно, какъ доказательство огромнаго сопротивленія, которое въ западной Европѣ приходилось преодолѣвать возникавшему крупному капиталистическому производству, что эта послѣдняя группа мануфактуръ была, повидимому, наименѣе многочисленной, во всякомъ случаѣ въ центральной Европѣ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи число такихъ мануфактуръ было болѣе значительно, хотя и въ Англіи вообще мануфактуръ было очень немного, а, какія были, не были крупными.

Итакъ, крупное капиталистическое производство, не смотря на техническія выгоды крупнаго производства, не могло вплоть до послѣдней четверти 18 вѣка сколько-нибудь быстро развиваться въ западной Европѣ, благодаря соціальнымъ препятствіямъ для такого развитія, создававшимся цеховой организаціей про-

мышленности. Препятствія эти были преодолены капитализмомъ лишь тогда, когда капиталъ получилъ въ свои руки самое могучее орудіе современной техники—машину.

II.

Фабрикой называется такое крупное капиталистическое производство, въ которомъ существенныя части процесса производства выполняются машинами. Исторія фабрики начинается съ изобрѣтеніемъ въ Англіи во второй половинѣ 18 вѣка цѣлаго ряда прядильныхъ машинъ. Машины эти въ области бумагопряденья вызвали такое огромное увеличеніе производительности труда, что никакая конкуренція съ ними ручного труда была немыслима. Хотя по прежнему привлекать рабочихъ въ мастерскую капиталиста было очень трудно, почему на первыхъ англійскихъ и шотландскихъ фабрикахъ рабочій персоналъ такъ же, какъ и на прежнихъ мануфактурахъ, принадлежалъ въ значительной мѣрѣ къ несвободному населенію (напр. дѣти пауперовъ) или вербовался изъ преступниковъ, бродягъ и т. п. элементовъ, тѣмъ не менѣе, въ силу техническихъ преимуществъ машиннаго труда, въ бумагопряденьѣ фабрика съ чрезвычайной быстротой завоевала полное господство. Уже къ началу 19 вѣка ручное пряденье бумажной пряжи въ Англіи исчезаетъ. Въ другихъ отрасляхъ производства побѣда фабрики была далеко не столь рѣшительна. Такъ, напр., борьба ручного и машиннаго бумаготкачества даже въ Англіи растянулась на цѣлыя десятилѣтія—а въ другихъ странахъ не закончилась и теперь. Объясняется это тѣмъ, что механическій ткацкій станокъ далеко не такъ повышаетъ производительность труда, какъ прядильная машина.

Благодаря машинѣ крупное производство стало быстро распространяться насчетъ мелкаго. Правда, еще и теперь фабрика ни въ одной странѣ не вытѣснила другихъ формъ промышленности. Вездѣ мы видимъ рядомъ съ фабрикой мануфактуру, домашнюю систему крупной промышленности, ремесло—и только въ очень немногихъ отрасляхъ труда крупное машинное производство достигло полнаго преобладанія. Однако, по мѣрѣ прогресса техники, все новыя и новыя отрасли труда втягиваются въ сферу машиннаго производства, въ чемъ и заключается основная причина побѣдоноснаго шествія крупнаго производства, характернаго для новѣйшей эволюціи мірового хозяйства, особенно со времени половины прошлаго столѣтія.

Иллюстраціей этого могутъ служить данныя послѣднихъ германскихъ промышленныхъ переписей, согласно которымъ общая численность рабочаго персонала въ торговопромышленныхъ предпріятіяхъ Германіи измѣнялась въ 1882 и 1895 г.г. слѣдующимъ образомъ:

	1882 г.	1895 г.
	въ тысячахъ.	
Число рабочихъ въ мелкихъ предпріятіяхъ (до 5 рабочихъ въ предпріятіи) . . .	4.335	4.770
Число рабочихъ въ среднихъ предпріятіяхъ (отъ 6 до 50 рабочихъ въ предпріятіи).	1.391	2.454
Число рабочихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ (свыше 50 рабочихъ въ предпріятіи). .	1.613	3.044

Данныя эти относятся къ обрабатывающей и добывающей промышленности, торговлѣ, транспорту (кромѣ желѣзныхъ дорогъ, почты и телеграфа), садоводству и рыболовству. Они показываютъ, что новѣйшая эволюція капиталистической промышленности характеризуется не исчезновеніемъ мелкихъ предпріятій и мелкаго производства, а болѣе медленнымъ ростомъ ихъ, сравнительно съ крупными. По числу рабочихъ мелкія предпріятія за 1882—95 г. не только не уменьшились, а возросли на 10%. Среднія предпріятія возросли за то же время по числу рабочихъ на 76%, а крупныя—на 89%. Только въ той сферѣ мелкаго труда, гдѣ отсутствуетъ наемный трудъ и примѣненіе механической силы, въ Германіи наблюдается абсолютное сокращеніе числа рабочихъ, каковое понизилось въ этихъ отрасляхъ труда за 1882—95 г. съ 1.077 тыс. до 1.014 тыс.

О примѣненіи въ Германіи въ 1895 г. механическихъ силъ въ промышленномъ производствѣ (и, слѣдовательно, о распространеніи собственно фабрики) даетъ представленіе слѣдующая таблица:

Предпріятія съ числомъ рабочихъ.	Число механическихъ лошадиныхъ силъ на 100 рабочихъ.
до 5 человѣкъ	8,4
6— 20 „	23,5
21— 100 „	40,4
101—1000 „	69,5
свыше 1000 „	118,2

Въ мелкихъ предпріятіяхъ механическая сила имѣетъ незначительное примѣненіе, но въ болѣе крупныхъ роль машины возрастаетъ и въ самыхъ крупныхъ машина уже совершенно оттѣсняетъ на задній

планъ мускульную силу человѣка. Всего болѣе развито крупное производство въ горномъ дѣлѣ, химической, машинной, текстильной и писчебумажной промышленностяхъ, въ которыхъ въ совокупности было занято въ Германіи въ 1895 г. свыше 60% всего числа рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ предпріятіяхъ. Тѣмъ не менѣе, даже въ этихъ отрасляхъ промышленности мелкое производство не совершенно исчезло. Только въ горномъ дѣлѣ число рабочихъ въ мелкихъ предпріятіяхъ, занимающихъ не свыше 5 рабочихъ на предпріятіе, достигало всего 0,6% всего числа рабочихъ, занятыхъ въ горномъ же дѣлѣ, но въ химической промышленности на мелкія предпріятія приходилось уже 15,2% всего числа рабочихъ, въ машинной промышленности—21%, въ текстильной и писчебумажной—по 17,1% [2]).

По своему соціальному сложенію населеніе, занятое въ торговлѣ и промышленности, распадалось въ Германіи на слѣдующіе классы:

	1882 г. абсолютныя цифры (въ тысячахъ).	1895 г.	1882 г. въ процентахъ.	1895 г.
Предприниматели	2.910	2.949	39,6	28,7
Высшіе служащіе	205	449	2,8	4,4
Рабочіе	4.226	6.872	57,6	66,9
Всего	7.341	10.270	100	100

Абсолютно увеличились за 1882—95 гг. всѣ три класса; но число предпринимателей—самостоятельныхъ хозяевъ—увеличилось очень незначительно, почему въ % ко всему торгово-промышленному персоналу самостоятельные хозяева значительно упали—съ 39,6 до 28,7. Соотвѣтственно возросъ классъ торгово-промышленныхъ рабочихъ—пролетаріата—съ 57,6 до 66,9% всего торгово-промышленнаго персонала и, въ особенности, классъ высшихъ служащихъ—съ 2,8 до 4,4%. Эти послѣдніе являются быстро растущимъ новымъ среднимъ классомъ, замѣщающимъ собой прежній средній классъ—мелкихъ предпринимателей. Но въ отличіе отъ прежняго средняго класса новый средній классъ—представители умственнаго труда, интеллигенція—живутъ продажей своей рабочей силы, какъ и пролетаріатъ въ собственномъ смыслѣ слова. Соціальная физіономія этого новаго средняго класса, такимъ образомъ, совершенно иная, чѣмъ прежнихъ мелкихъ капиталистовъ.

III.

Въ общемъ, промышленная эволюція капитализма выражается въ томъ, что крупное производство охватываетъ все большую и большую долю общественнаго труда. Каждое капиталистическое предпріятіе ведетъ упорную борьбу съ другими предпріятіями, стремящимися вытѣснить его съ рынка. Для побѣды въ этой борьбѣ предпріятіе должно повышать производительность труда, а средствомъ для этого является примѣненіе машинъ и расширеніе размѣра предпріятія. Такимъ образомъ происходитъ то, что Марксъ называлъ аккумуляціей капитала—увеличеніе размѣра капиталистическаго предпріятія путемъ накопленія доставляемой имъ прибыли.

Крупное производство въ области промышленности имѣетъ огромныя преимущества передъ мелкими. Первымъ и самымъ главнымъ преимуществомъ является возможность пользоваться болѣе крупными средствами производства, постройками, помѣщеніями, орудіями, и, прежде всего, машинами. По причинамъ, указаннымъ въ главѣ о сотрудничествѣ, пользованіе машинами доступно преимущественно крупному производству: машины небольшихъ размѣровъ гораздо менѣе производительны, чѣмъ крупныя. Но къ этой основной выгодѣ фабричнаго производства присоединяется цѣлый рядъ другихъ. Болѣе крупныя промышленныя предпріятія могутъ въ большей мѣрѣ пользоваться выгодами раздѣленія труда; они могутъ также привлекать къ руководительству процессомъ производства болѣе цѣнныя рабочія силы—образованныхъ техниковъ-спеціалистовъ,—что недоступно для мелкихъ. Покупки въ большихъ размѣрахъ всего нужнаго для предпріятія обходятся дешевле, чѣмъ покупки малыми партіями. Крупное предпріятіе можетъ непосредственно сноситься съ производителями, минуя посредниковъ, и покупать все нужное на самомъ дешевомъ, хотя бы и отдаленномъ рынкѣ. Точно также и въ продажѣ изготовленныхъ продуктовъ крупное предпріятіе имѣетъ существенныя выгоды—оно можетъ продавать ихъ на самомъ выгодномъ, хотя бы отдаленномъ, рынкѣ. Вообще крупное предпріятіе можетъ въ своихъ мѣновыхъ сношеніяхъ менѣе пользоваться услугами торговаго посредника (минуя, напр., розничнаго торговца при покупкахъ и оптоваго при продажѣ) и сберегать, такимъ образомъ, плату за эти услуги. Располагая крупнымъ капиталомъ, оно, далѣе, легче привлекаетъ чужой капиталъ, болѣе кредитоспособно, чѣмъ мелкое предпріятіе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда должна быть исполнена крупная работа, необходимость крупнаго предпріятія диктуется самымъ существомъ дѣла. Броненосецъ можетъ быть построенъ только крупнымъ предпріятіемъ; точно также для постройки большого дома требуется соотвѣтствующее количество объединенныхъ въ одно предпріятіе рабочихъ. Правда, въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно себѣ представить, что крупная работа могла бы быть выполнена и нѣсколькими мелкими предпріятіями, соединившими свои силы для данной спеціальной цѣли. Но соединеніе нѣсколькихъ предпріятій вмѣстѣ для разрѣшенія той или иной спеціальной задачи есть процессъ трудно выполнимый—а въ крупномъ предпріятіи это соединеніе трудовыхъ силъ уже исполнено самымъ фактомъ его существованія.

Конечно, увеличеніе размѣровъ производства не можетъ идти безпредѣльно и наталкивается на свои естественныя границы, указанныя выше (въ главѣ о сотрудничествѣ). Но не нужно забывать, что увеличеніе размѣра промышленнаго предпріятія не должно непремѣнно сопровождаться увеличеніемъ размѣра производства. Когда нѣсколько фабрикъ сливаются въ одно предпріятіе, принадлежащее той же капиталистической компаніи, размѣры производства на каждой фабрикѣ не измѣняются.

Экономическія границы для увеличенія размѣра производства полагаются размѣрами рынка. Товары ограниченнаго и мѣстнаго спроса не могутъ производиться въ крупныхъ размѣрахъ. Поэтому крупное производство охватываетъ изготовленіе товаровъ массоваго потребленія или такихъ продуктовъ, которыя сами по себѣ требуютъ для своего производства большой затраты труда (крупныя машины, суда, крупныя постройки и т. п.).

Отъ аккумуляціи капитала слѣдуетъ отличать его централизацію—сліяніе нѣсколькихъ капиталовъ въ одинъ капиталъ. Въ первомъ случаѣ каждый капиталъ растетъ собственными средствами—одинъ капиталъ не поглощаетъ другой. Во второмъ случаѣ происходитъ уничтоженіе индивидуальной самостоятельности капиталовъ—превращеніе многихъ мелкихъ капиталовъ въ небольшое число крупныхъ. Этотъ процессъ тѣмъ отличается отъ перваго, что онъ предполагаетъ лишь измѣненіе въ распредѣленіи имѣющихся уже и функціонирующихъ капиталовъ, и что его поле дѣйствія не ограничено, слѣдовательно, абсолютнымъ ростомъ общественнаго богатства или абсолютными границами накопленія. Капиталъ наростаетъ въ однѣхъ рукахъ здѣсь, потому что тамъ онъ исчезъ изъ многихъ рукъ [3]).

Централизація капиталовъ, какъ и ихъ аккумуляція, есть необходимое послѣдствіе конкуренціи капиталистическихъ предпріятій между собой. Капиталистическій міръ не знаетъ мира—въ немъ кипитъ неустанная ожесточенная борьба, въ которой сильный побѣждаетъ слабаго и капиталъ побѣдителя становится побѣднымъ трофеемъ побѣдителя. „Централизація довершаетъ дѣло накопленія, давая возможность промышленнымъ капиталистамъ расширить размѣры своихъ операцій. Будетъ ли этотъ послѣдній результатъ слѣдствіемъ накопленія или централизаціи, произойдетъ ли централизація насильственнымъ путемъ присоединенія, при которомъ нѣкоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяженія для другихъ, что побѣждаютъ ихъ индивидуальное сцѣпленіе и притягиваютъ къ себѣ ихъ разрозненные куски, или же слiяніе массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталовъ произойдетъ болѣе гладкимъ путемъ, посредствомъ образованія акціонерныхъ обществъ,—экономическое дѣйствіе отъ этого не измѣнится. Разростаніе размѣровъ промышленныхъ заведеній составляетъ вездѣ исходную точку для болѣе широкой организаціи совмѣстнаго труда многихъ, для болѣе широкаго развитія его матеріальныхъ движущихъ силъ, т. е. для прогрессивнаго превращенія разрозненныхъ и рутинныхъ процессовъ производства въ комбинированные общественные и научно ведомые процессы производства“ [4]).

Аккумуляція и централизація капиталовъ ведетъ къ концентраціи капитала, т. е. къ тому, что капиталистическое предпріятіе становится все болѣе крупнымъ, въ чемъ и заключается основная тенденція развитія капиталистической промышленности [5]).

IV.

Переходя къ Россіи, нужно, прежде всего, отмѣтить, что крупное производство у насъ развивалось въ очень своеобразныхъ условіяхъ, весьма отличныхъ въ западно-европейскихъ. Исторія нашей крупной промышленности начинается съ Петра Великаго, которому удалось ее насадить путемъ разнаго рода мѣръ поощренія и понужденія. Къ концу царствованія Петра въ Россіи насчитывалось уже 233 фабрики. Надо, однако, оговориться, что на этихъ, такъ назыв., фабрикахъ работа производилась, конечно, не машинами, а руками.

Многія фабрики петровской эпохи были очень крупными; такъ, напримѣръ, на шелковой фабрикѣ Евреиновыхъ было около

полутора тысячи рабочихъ, на казенной парусной фабрикѣ въ Москвѣ было 1.162 рабочихъ, на полотняной фабрикѣ Тамеса—841 раб., на суконной фабрикѣ Микляева въ Казани 742 рабочихъ и т. д. Такихъ крупныхъ мануфактуръ не было въ западной Европѣ, вѣроятно, даже значительно позже. Вообще страной, гдѣ крупное промышленное производство получило въ 18 вѣкѣ наибольшее развитіе, можно считать, какъ это ни расходится съ обычными взглядами, именно Россію.

Петръ принималъ разнообразныя мѣры для насажденія у насъ крупной промышленности. Мѣры эти заключались въ установленіи высокихъ пошлинъ на заграничные товары, въ разрѣшеніи безпошлиннаго привоза изъ-за границы сырья и инструментовъ для фабрикъ, въ выпискѣ для фабрикъ на казенный счетъ искусныхъ мастеровъ изъ-за границы, въ освобожденіи фабрикантовъ отъ различныхъ повинностей и т. д., и т. д. Но все это болѣе или менѣе практиковалось и на Западѣ—однако, тамъ крупное производство не получило такого распространенія, какъ въ Россіи, хотя по своему промышленному развитію Россія стояла далеко позади Запада.

Этотъ, на первый взглядъ, непонятный фактъ, объясняется слѣдующимъ образомъ. И въ Россіи и на Западѣ только крайняя необходимость могла побудить свободнаго рабочаго пойти на фабрику. На Западѣ это воспрепятствовало росту крупнаго производства вплоть до эпохи машинъ; у насъ же дѣло рѣшилось иначе. Петръ сталъ просто приписывать рабочихъ къ фабрикамъ и заводамъ сотнями и тысячами и такимъ образомъ у насъ создалась фабрика (мануфактура), основанная на принудительномъ трудѣ [*]). Этимъ способомъ фабрики были снабжены рабочими руками. Что же касается до фабрикантовъ петровской эпохи, то большей частью они принадлежали къ капиталистамъ, созданнымъ торговымъ развитіемъ Московскаго княжества. Иностранцы и дворяне составляли ничтожное количество петровскихъ фабрикантовъ.

Классъ нашихъ крупныхъ торговыхъ капиталистовъ, обороты которыхъ достигали, въ переводѣ на современныя деньги, милліоновъ рублей, и былъ тѣмъ соціальнымъ базисомъ, на которомъ утвердилась русская промышленность. Было бы большой ошибкой думать, что петровская промышленность всецѣло основывалась на казенныхъ субсидіяхъ. Правительство само очень нуждалось въ деньгахъ и не могло оказывать большой помощи фабрикантамъ денежными ссудами—всего такихъ ссудъ было сдѣлано казной при Петрѣ приблизительно на 100 тыс. рублей, тогда какъ многія фабрики требовали огромныхъ капиталовъ.

Такимъ образомъ, наша фабрика возникла на почвѣ, подготовленной предшествовавшимъ развитіемъ Россіи.

При Петрѣ и послѣ него возникаетъ цѣлый рядъ крупныхъ фабрикъ, принадлежавшихъ купцамъ, которые получали привилегію, обычно принадлежавшую только дворянамъ—право пользованія принудительнымъ трудомъ. Такія фабрики назывались посессіонными—рабочіе на нихъ были, по терминологіи того времени, крѣпки фабрикѣ, а не владѣльцу—они составляли нераздѣльное цѣлое фабрики—фабрикантъ могъ пользоваться ихъ трудомъ, но не имѣлъ права измѣнять производства. Посессіонныя фабрики скоро явились мѣстомъ убѣжища бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, что, естественно, вызывало недовольство помѣщиковъ. Помѣщики стали обращаться къ правительству съ требованіемъ возвращенія фабрикантами бѣглыхъ крѣпостныхъ. Правительство очутилось передъ альтернативой: или вернуть помѣщикамъ ихъ бѣглыхъ крѣпостныхъ и тѣмъ самымъ лишить фабрики нужныхъ имъ рабочихъ, или же, нарушивъ интересы помѣщиковъ, оставить бѣглыхъ крѣпостныхъ на фабрикахъ и тѣмъ дать возможность фабричной промышленности развиваться. Нуждаясь въ продуктахъ фабричной промышленности правительство предпочло послѣднее.

Начинается соціальная борьба между классомъ дворянъ и классомъ купцовъ—фабрикантовъ. Сначала фабриканты побѣдили и въ 1736 году при Аннѣ Іоанновнѣ всѣ обученные рабочіе, которые въ моментъ изданія закона работали на фабрикахъ, были прикрѣплены къ фабрикамъ. Однако, съ половины 18 вѣка утверждается рѣшительное преобладаніе въ русскомъ государствѣ помѣстнаго дворянства, становящагося безусловно господствующимъ классомъ; соотвѣтственно этому замѣчается рѣзкій поворотъ въ отношеніяхъ правительства къ купцамъ фабрикантамъ. Въ 1762 году былъ изданъ указъ о запрещеніи покупки крестьянъ къ фабрикамъ. Побѣда была на сторонѣ дворянства и купеческая фабрика стала быстро замѣщаться дворянской фабрикой, на которой работа производилась крѣпостными (вотчинная фабрика). Такъ, въ 1773 году изъ 40 суконныхъ фабрикъ 19 принадлежали дворянамъ. Сумма оборотовъ дворянскихъ фабрикъ составляла около трети оборотовъ всѣхъ фабрикъ.

Въ 1809 году изъ 98 крупныхъ суконныхъ фабрикъ, поставлявшихъ сукно въ казну, дворянамъ принадлежало 74. Такимъ образомъ, въ первую половину 18 вѣка преобладаетъ купеческая фабрика, а во вторую—дворянская.

Въ началѣ 19 вѣка у насъ начинаетъ развиваться новая

отрасль производства—хлопчатобумажная промышленность, которая работаетъ уже не на нужды казны, какъ первые фабрики и заводы, производившіе пушки, оружіе, сукно, полотно и прочіе предметы, необходимые для государства, а на народныя нужды, на широкій рынокъ. Эта промышленность не пользуется такой поддержкой правительства, какъ напр. суконное или чугуноплавильное производство, но несмотря на это скоро пріобрѣтаетъ доминирующее значеніе. Хлопчатобумажная промышленность возникаетъ на основѣ свободнаго, вольнонаемнаго труда и знаменуетъ собой новую эру нашего промышленнаго развитія. Съ этого времени новая купеческая капиталистическая фабрика (мануфактура) начинаетъ быстро вытѣснять старую, основанную на принудительномъ трудѣ. Въ 1804 году изъ 95 тыс. фабричныхъ рабочихъ 45 тысячъ было вольнонаемныхъ; въ 1825 году изъ 210 тыс. фабричныхъ рабочихъ 114 тыс. было рабочихъ вольнонаемныхъ. Во второй четверти 19 вѣка окончательно побѣждаетъ капиталистическая фабрика съ вольнонаемнымъ трудомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ составъ нашего фабрикантскаго класса пополняется новымъ элементомъ—фабрикантами изъ крестьянской среды, изъ среды кустарей, разбогатѣвшихъ и возвысившихся до положенія фабрикантовъ.

Поссессіонная фабрика была господствующей въ 18 вѣкѣ; въ 19 вѣкѣ происходитъ постепенное, сначала медленное, затѣмъ быстрое разложеніе ея. Во второй четверти этого вѣка сами фабриканты начинаютъ просить правительство освободить ихъ отъ „тягостей поссессіоннаго владѣнія“: благодаря измѣненію условій техники работа поссессіонными рабочими стала менѣе выгодной, чѣмъ работа вольнонаемными рабочими. Право пользованія принудительнымъ трудомъ, бывшее въ 18 вѣкѣ самой заманчивой привилегіей для фабриканта, теперь стало для него же бременемъ и обузой. Подъ вліяніемъ волненій поссессіонныхъ рабочихъ и просьбъ фабрикантовъ о разрѣшеніи имъ ликвидировать поссессіонное владѣніе, правительство издало въ 1840-мъ г. законъ, которымъ разрѣшалось фабрикантамъ увольнять поссессіонныхъ рабочихъ въ свободное состояніе. За 1840—55 г., не смотря на то, что увольненіе рабочихъ нерѣдко сопровождалось извѣстной матеріальной затратой для фабриканта, получило такимъ образомъ свободу болѣе половины всѣхъ поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ. Принудительный трудъ на фабрикѣ во второй четверти 19 вѣка самъ собой отмиралъ[7]).

V.

Освобожденіе крестьянъ не произвело такого потрясенія въ нашей фабричной промышленности, какъ въ земледѣліи, благодаря тому, что на большинствѣ фабрикъ къ тому времени уже господствовалъ наемный трудъ. Въ общемъ, наша промышленность развивалась довольно медленно до 90-хъ годовъ закончившагося вѣка, когда послѣдовалъ значительный подъемъ, охватившій, преимущественно, тѣ отрасли промышленности, которыя изготовляютъ средства производства. Въ особенности выросло чугуноплавильное производство: въ 1886 году у насъ выплавлялось 32 мил. пудовъ чугуна, а въ 1900 г. уже 177 м. [8]). Въ 80-е годы по количеству выплавки чугуна Россія стояла позади Франціи, Бельгіи, Австро Венгріи (не говоря уже объ Англіи, Америки и Германіи), а въ концѣ девяностыхъ годовъ она занимаетъ уже четвертое мѣсто: впереди ея стоятъ только Америка, Англія и Германія. Въ меньшей пропорціи, но все же значительно, расширилось производство и въ другихъ отрасляхъ русской промышленности. Подъемъ этотъ отчасти былъ вызванъ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ въ 80-е годы, но, главнымъ образомъ, причиной совершенно другого рода—постройкой цѣлой сѣти новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Именно по этой причинѣ такъ быстро развилось наше чугуноплавильное производство. Екатерининская дорога, соединившая криворожскую руду съ донецкимъ углемъ, сдѣлала возможнымъ быстрый ростъ нашихъ южныхъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Съ другой стороны, самая постройка желѣзныхъ дорогъ создала огромный спросъ на чугунъ и желѣзо. Наконецъ (что касается уже всей нашей промышленности въ совокупности), расширеніе желѣзнодорожной сѣти вовлекло въ торговый обмѣнъ новыя области и новые круги населенія. Возникли новые рынки для продуктовъ нашего капиталистическаго производства. Результатомъ всего этого и явился общій подъемъ нашей промышленности въ 90-е годы, за которымъ послѣдовалъ тяжелый промышленный кризисъ, отъ котораго наша промышленность не оправилась еще и теперь.

Нѣкоторые русскіе экономисты утверждали, что капитализмъ не можетъ развиваться въ Россіи по недостатку рынка: внѣшній рынокъ для насъ почти закрытъ, благодаря превосходству западноевропейской промышленности, а внутренній рынокъ слишкомъ узокъ для того, чтобы на его основѣ могла возникнуть значительная капиталистическая промышленность. Однако, это утвержденіе опровергается уже фактомъ усиленнаго притока ино-

странныхъ капиталовъ въ Россію: если къ намъ притекаетъ капиталъ съ Запада, значитъ у насъ рынокъ для капитала шире, чѣмъ на Западѣ. Россія является страной съ огромной территоріей, огромными естественными богатствами, обширнымъ населеніемъ, еще живущимъ въ значительной мѣрѣ натуральнымъ хозяйствомъ, что создаетъ особо благопріятную почву для развитія капитализма, такъ какъ при наличности еще натуральнаго хозяйства крупное капиталистическое производство можетъ расширяться за счетъ вытѣсняемыхъ имъ формъ мелкаго производства, напр., при замѣщеніи продуктами капиталистическаго производства продуктовъ производства для собственныхъ нуждъ (ситецъ вытѣсняетъ пеньковую ткань). Поэтому, казалось бы, именно въ Россіи фабрика должна расти особенно быстро—казалось бы, у насъ капиталистическая промышленность должна была бы развиваться такъ же энергично, какъ, напр., въ Америкѣ. Между тѣмъ этого, несомнѣнно, нѣтъ. Что же мѣшаетъ успѣху нашего промышленнаго капитализма?

Не недостатокъ рынковъ, а общій укладъ нашей общественности и, прежде всего, формы нашей политической жизни, сковывающія всякую предпріимчивость и свободу. Именно благодаря условіямъ нашей общественной жизни производительность труда нашего рабочаго такъ ничтожна, что продукты нашей капиталистической промышленности оказываются, несмотря на нищенскую оплату труда, очень дороги. Считаютъ, напр., что въ Англіи на 1000 прядильныхъ веретенъ въ хлопчатобумажной промышленности требуется три рабочихъ, тогда какъ у насъ на то же количество нужно 16 рабочихъ [9]). Нижеслѣдующее сравненіе условій фабричной промышленности въ Россіи и С.-А. Соединенныхъ Штатовъ съ наглядностью выясняетъ истинныя причины слабости развитія нашего промышленнаго капитализма.

Сравнительныя данныя фабричнозаводской промышленности въ Россіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ за 1900 г. [10]).

	Цѣна произв. продуктовъ (въ милліонахъ рублей).	Число рабочихъ (въ тысячахъ).	Средній годичный заработокъ на 1 раб. (въ рубляхъ).	1 рабочій производитъ въ годъ продуктовъ на сумму (въ рубляхъ).
Россія	3.005	2.373	200	1.266
Соед. Штаты . .	25.296	5.321	850	4.754

Въ два слишкомъ раза большее число фабричныхъ рабочихъ въ Америкѣ производитъ продуктовъ на сумму болѣе,

чѣмъ въ 8 разъ большую. Производительность труда американскаго рабочаго, въ среднемъ, почти въ четыре раза выше, чѣмъ русскаго, если опредѣлять эту производительность по цѣнности изготавливаемаго продукта. Если же взять количество изготавливаемаго продукта, то превосходство американскаго рабочаго надъ русскимъ окажется еще болѣе значительнымъ. Почему же нашъ рабочій производитъ такъ ничтожно мало? Потому, что наши фабрики плохо оборудованы въ техническомъ отношеніи, потому что нашему рабочему (равно какъ и капиталисту) не хватаетъ знанія и интеллигентности его американскаго собрата, потому что при ничтожной платѣ и чрезмѣрно продолжительномъ рабочемъ днѣ работоспособность рабочаго не можетъ быть велика, потому, словомъ, что по своему культурному уровню мы стоимъ чрезвычайно далеко позади Запада. А наша культурная отсталость находится въ непосредственной связи съ общими условіями нашей политической и общественной жизни. Поэтому въ этихъ условіяхъ слѣдуетъ искать основную причину низкой производительности у насъ хозяйственнаго труда, что, въ свою очередь, составляетъ главнѣйшее препятствіе для успѣховъ нашей промышленности, откуда слѣдуетъ, что съ измѣненіемъ общественныхъ и политическихъ формъ нашей жизни слѣдуетъ ожидать и усиленнаго развитія нашей капиталистической промышленности.

Особенностью нашей капиталистической промышленности является чрезвычайно сильная концентрація производства. Какъ выше указано, въ 18 вѣкѣ Россія была той страной, въ которой крупное промышленное производство было развито сильнѣе, чѣмъ въ странахъ западной Европы. И въ настоящее время въ нашей капиталистической промышленности крупныя предпріятія играютъ большую роль, чѣмъ въ западной Европѣ — Россія и теперь остается страной крупнаго промышленнаго капитала по преимуществу. Правда, капиталистическая фабрика въ общемъ строѣ нашего хозяйства играетъ гораздо меньшую роль, чѣмъ въ такихъ передовыхъ странахъ капиталистическаго міра, какъ, напр., Германія. Но зато въ предѣлахъ фабричной промышленности у насъ наблюдается большая концентрированность производства, чѣмъ въ той же Германіи.

Въ Германіи въ 1895 г. считалось въ среднихъ и крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ около $5^1/_2$ мил. рабочихъ, причемъ въ очень крупныхъ предпріятіяхъ (имѣющихъ каждое свыше 1000 рабоч.) было занято 563 тыс. раб. Въ Россіи же въ 1902 г. на среднихъ и крупныхъ фабрикахъ и заводахъ считалось всего 1,8 мил. раб., но въ томъ числѣ на фабрикахъ и заводахъ, имѣющихъ свыше 1000 раб.—710 тыс. Далеко отставши отъ

Германіи по общей численности фабричнаго пролетаріата, Россія стоитъ, такимъ образомъ, впереди ея по числу рабочихъ на очень крупныхъ фабрикахъ.

Точно также въ Бельгіи рабочіе, занятые на фабрикахъ, имѣющихъ каждая не менѣе 500 раб., составляли въ 1896 г. 28% всего числа рабочихъ, числящихся на крупныхъ и среднихъ фабрикахъ, въ Россіи—53% [11]).

Огромное экономическое и соціальное значеніе этого факта очевидно. Хотя фабрикъ въ Россіи, сравнительно съ другими болѣе передовыми странами, и мало, но зато въ ней преобладаютъ значительно болѣе крупныя фабрики. Объясняется это, на первый взглядъ, странное и непонятное обстоятельство тѣмъ, что западная Европа знала другую промышленную культуру, кромѣ капиталистической—на Западѣ существовала и существуетъ стойкая и жизнеспособная средняя и мелкая промышленность, имѣвшая славное прошлое, и лишь шагъ за шагомъ уступающая свои позиціи крупному капиталу. На Западѣ имѣется многочисленный средній классъ—мелкіе предприниматели, промышленники и торговцы, энергичные, предпріимчивые и зажиточные, умѣющіе отстаивать въ борьбѣ съ крупнымъ капиталомъ свои интересы. У насъ же не было никакой другой промышленной культуры, кромѣ капиталистической, и нѣтъ зажиточнаго и многочисленнаго класса мелкихъ предпринимателей—капитализмъ, вопреки обычному мнѣнію, игралъ у насъ гораздо болѣе положительную роль, чѣмъ на Западѣ, ему не приходилось разрушать высокую экономическую культуру другого типа; вотъ почему нашъ капитализмъ, не встрѣчая никакого сопротивленія, легко складывается въ формы, еще не достигнутыя странами, стоящими по своему хозяйственному развитію далеко впереди насъ. Россія страна соціальныхъ контрастовъ—мелкаго примитивнаго производства и очень крупной промышленности, полунищей народной массы и малочисленныхъ, но очень богатыхъ и вліятельныхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ.

Вопросъ о судьбахъ нашей капиталистической промышленности былъ долгое время самымъ боевымъ вопросомъ въ нашей экономической литературѣ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ В. П. Воронцовъ въ своей извѣстной книгѣ „Судьбы капитализма въ Россіи" попытался доказать, что въ Россіи капиталистическое производство не можетъ развиваться по той причинѣ, что для капитализма требуется внѣшній рынокъ, внѣшній же рынокъ недоступенъ для продуктовъ русской промышленности, такъ какъ русская промышленность не можетъ конкурировать

благодаря своей технической отсталости, на свободномъ рынкѣ съ капиталистической промышленностью болѣе передовыхъ странъ Запада. Только подъ охраной таможенныхъ пошлинъ русская фабрика можетъ влачить свое жалкое существованіе. Но таможенная охрана не въ силахъ доставить нашей капиталистической промышленности необходимаго условія ея дальнѣйшаго роста—внѣшняго рынка.

По мнѣнію В. П. Воронцова, характерной особенностью русскаго капитализма, сравнительно съ западно-европейскимъ, является то, что нашъ капитализмъ охватываетъ, главнымъ образомъ, область сбыта, а не производства продуктовъ. Производство остается мелкимъ и сила капитала сказывается лишь въ томъ, что этотъ мелкій производитель попадаетъ въ полную зависимость отъ капиталиста-торговца. Поэтому нашъ капитализмъ не выполняетъ той исторической миссіи, которую онъ уже отчасти выполнилъ на Западѣ—воспитанія рабочей массы, пріученія рабочихъ къ коллективному труду, выработки ихъ классоваго самосознанія. Не имѣя положительныхъ сторонъ своего западно-европейскаго собрата, русскій капитализмъ съ избыткомъ обладаетъ его отрицательными сторонами—не создавая новыхъ формъ производства, онъ вызываетъ обѣдненіе массы мелкихъ производителей, продолжающихъ, по прежнему, работать въ своей избѣ.

Доказательства, приводимыя авторомъ „Судебъ капитализма" въ пользу выставленныхъ имъ положеній, двоякаго рода. Съ одной стороны, онъ приводитъ разнообразную статистику, долженствующую доказать, что капиталистическое производство въ Россіи по числу занимаемыхъ имъ рабочихъ почти не растетъ. Съ другой стороны, онъ развиваетъ своеобразную теорію рынковъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, согласно которой капитализмъ требуетъ для своего развитія внѣшняго рынка. Что касается до доказательствъ перваго рода, то, какъ я старался показать въ «Русской фабрикѣ», онѣ крайне неубѣдительны, ибо основаны на неправильномъ пользованіи статистическими данными. Теоретическое же основаніе всѣхъ разсужденій В. П. Воронцова—его теорія рынковъ — безусловно ложно, какъ это будетъ выяснено въ послѣдней части настоящаго курса. Такимъ образомъ, отъ всей этой весьма остроумной и продуманной аргументаціи, представляющей собой, несомнѣнно, выдающееся произведеніе нашей экономической мысли, и долженствовавшей доказать невозможность дальнѣйшаго развитія въ Россіи капиталистическаго производства, не остается, въ концѣ концовъ, ровно ничего.

Новѣйшіе факты промышленнаго развитія Россіи заставили и автора „Судебъ капитализма" измѣнить своимъ первоначальнымъ взглядамъ. Въ 1882 г. онъ писалъ: „Не имѣя возможности развиваться такъ, какъ требуетъ этого природа капитализма, послѣдній, какъ появился, такъ и остается (въ Россіи) гостемъ, привлеченнымъ почти насильно, чувствующимъ себя не дома и потому не могущимъ оказывать здѣсь того громаднаго вліянія на всѣ сферы жизни, какое онъ имѣлъ въ странѣ своего естественнаго зарожденія и процвѣтанія. Бокъ о бокъ съ нимъ будетъ существовать мелкое производство, будетъ продолжаться національный процессъ развитія общественной формы труда, тихое, естественное теченіе котораго было лишь слегка взволновано вмѣшательствомъ крупнаго капитала... А если капитализація туземнаго производства пойдетъ

такимъ черепашьимъ шагомъ, то есть надежда повернуть весь процессъ развитія общественной формы труда на народный путь, на путь артелей" [12]). Въ 1907 г. изъ-подъ пера того же автора выливаются такія строки: „Въ Россіи, дѣйствительно, наблюдаются всѣ признаки водворенія западныхъ экономическихъ порядковъ. Масса населенія отдѣлилась отъ земли; обрабатывающая промышленность болѣе и болѣе отдѣляется отъ сельскаго хозяйства; натуральное хозяйство превращается въ денежное; чистый доходъ національнаго производства экспропріируется капиталистами: въ земледѣльческой промышленности—преимущественно ростовщикомъ, сдатчикомъ земли и торговцемъ, въ индустріи—предпринимателемъ-фабрикантомъ, въ городѣ—банкомъ; домашняя мастерская ремесленника и кустаря больше и больше замѣщается заводомъ и фабрикой, которые становятся все крупнѣе и совершеннѣе; страна изрѣзывается желѣзными дорогами, испещряется кредитными учрежденіями, биржами и т. д. Предсказаніе Маркса осуществилось: Россія подчинилась „неумолимымъ законамъ" экономической эволюціи, и въ ней водворяется форма хозяйственнаго быта, извѣстная подъ именемъ капиталистической" [13]). Сопоставленіе этихъ двухъ цитатъ ярче всего показываетъ, какому глубокому преобразованію подверглись, подъ вліяніемъ непререкаемаго доказательства фактовъ, взгляды даже наиболѣе убѣжденныхъ и стойкихъ изъ нашихъ народниковъ. Очевидно, старый споръ нашей интеллигенціи о судьбахъ нашего промышленнаго капитализма окончательно рѣшенъ жизнью.

За самые послѣдніе годы наша капиталистическая промышленность пережила тяжелый кризисъ, усиленный вліяніемъ пережитой Россіей политической революціи. Всякій промышленный кризисъ всегда и неизмѣнно вызываетъ толки о невозможности новаго промышленнаго подъема. То же самое не могло не повториться и у насъ. Г. Закъ, напр., выражаетъ въ своей интересной и содержательной, хотя и совершенно неправильной по своимъ конечнымъ заключеніямъ, книгѣ «Промышленный капитализмъ въ Россіи» убѣжденіе, что нашъ кризисъ есть нѣчто исключительное и что наша капиталистическая промышленность оправиться отъ него не можетъ [14]). Но кризисы не только не могутъ считаться доказательствомъ слабости въ странѣ капиталистической промышленности, а, наоборотъ, являются лучшимъ доказательствомъ зрѣлости капитализма, ибо кризисы составляютъ, какъ это будетъ выяснено въ своемъ мѣстѣ, характернѣйшую и неустранимую особенность капиталистическаго хозяйства. Политическая же революція, пережитая нами, при выдающейся роли, которую сыгралъ въ ней промышленный пролетаріатъ, точно также не можетъ быть признана доказательствомъ слабости нашего промышленнаго капитализма. Пріостановка нашего промышленнаго развитія, немыслимаго ни въ какихъ другихъ формахъ, кромѣ капитализма, имѣетъ, такимъ образомъ, вполнѣ временный характеръ и должна смѣниться новымъ и гораздо болѣе значительнымъ подъемомъ, до котораго намъ осталось ждать очень недолго. Затяжной же характеръ нашего кризиса объясняется тѣмъ, что для промышленнаго подъема необходимъ приливъ къ промышленности новыхъ капиталовъ, у насъ же собственныхъ капиталовъ скапливается ежегодно очень немного; поэтому промышленный подъемъ у насъ невозможенъ безъ прилива иностраннаго капитала. Иностранный же капиталъ, испу-

ганный нашей революціей, притекаетъ къ намъ въ недостаточномъ количествѣ. Но за послѣднее время капиталъ начинаетъ оправляться отъ своего страха передъ революціей, и такимъ образомъ, создается почва для новаго промышленнаго подъема.

ЛИТЕРАТУРА.

О мануфактурѣ и фабрикѣ на Западѣ. Марксъ. Капиталъ. Т. I. Шульце-Геверницъ. Крупное производство. Пер. подъ редакціей П. Б. Струве. 1897. Losch. Nationale Produktion und nationale Berufsgliederung. 1892. Sinzheimer. Ueber die Grenzen der Weiterbildung des fabrikmässigen Grossbetriebs in Deutschland. 1893. Rauchberg. Die Berufs—und Gewerbezählung im Deutschen Reich. 1901. Baines. History of the Cotton Manufacture in Great Britain. 1835. Babbage. On the Economy of machinery and manufactures. 1832. Ure. Philosophy of manufactures. 3 изд. 1861. Ellison. The Cotton Trade of Great Britain. 1886. Cooke Taylor. The Modern Factory System. 1891. (Русск. пер.). Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Пер. съ англ. 1898. Зомбартъ. Организація труда и трудящихся. Кулишеръ. Очерки по исторіи формъ промышленности въ Западной Европѣ. 1907.

Фабрика въ Россіи. В. В. Судьба капитализма въ Россіи. 88 Его же. Судьба капиталистической Россіи. 1907. Н. —онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. 1893. Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она беретъ. 2 изд. 1897. М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. 3-е изд. 1908. И. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи. 1899. Шульце-Геверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. Пер. съ нѣм. Подъ ред. Авилова и Румянцева. 1901. Погожевъ. Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи. 1906. С. Закъ. Промышленный капитализмъ въ Россіи. 1907. В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Наше экономическое положеніе и задачи будущаго. 1908. М. Балабановъ. Промышленность въ Россіи въ началѣ XX вѣка. („Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка". Т. I. 1909).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ VI.

1) Данныя о развитіи мануфактуръ, приводимыя въ текстѣ, взяты изъ книги І. М. Кулишера „Очерки изъ исторіи формъ промышленности въ Западной Европѣ". Отдѣлъ IV.

2) Данныя о германской промышленности заимствованы изъ книги Rauchberg'a „Die Berufs-und Gewerbezählung im Deutschen Reich". 1901.

3) Марксъ. Капиталъ. I. Стр. 526.

4) Тамъ же, стр. 527.

5) Отъ концентраціи капитала нужно отличать концентрацію производства. Въ первомъ случаѣ увеличиваются размѣры пред-

пріятія, но производство можетъ оставаться прежнимъ, во второмъ увеличиваются размѣры самаго производства. Марксъ не проводилъ строгаго различія между явленіями того и другого рода, что, конечно, совершенно неправильно. Для концентраціи капитала нельзя указать опредѣленныхъ границъ — всѣ предпріятія извѣстнаго рода въ странѣ могутъ слиться въ одно, что мы и видимъ въ американскихъ трестахъ — но расширеніе производства наталкивается на опредѣленныя естественныя и экономическія границы.

6) Строго говоря, петровскія фабрики не были ни фабриками, ни мануфактурами въ смыслѣ даннаго въ текстѣ опредѣленія, ибо и тѣ и другія суть капиталистическія предпріятія, иначе говоря, пользующіяся свободнымъ наемнымъ трудомъ, а петровскія фабрики были основаны на рабскомъ трудѣ. Только въ техническомъ отношеніи онѣ были мануфактурами.

7) Ср. М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Ч. I. Глава I, II, III и ч. II. Глава I.

8) Послѣ 1900 г. наша выплавка чугуна стала сильно колебаться и, подъ вліяніемъ кризиса, падать. Вотъ напр. данныя о выплавкѣ у насъ чугуна за 1900—1906 г.

Годы.	Милл. пуд.	Годы.	Милл. пуд.
1901	173	1904	174
1902	157	1905	166
1903	150	1906	163

Ср. В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Наше экономическое положеніе и задачи будущаго. 1908. Стр. 82.

9) Ср. Шульце-Геверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. 1901. Стр. 97. Тотъ же авторъ заявляетъ, что «всѣ компетентные люди считаютъ главной причиной медленной эксплоатаціи выдающихся естественныхъ богатствъ Россіи невысокое качество русскаго труда». Крупное производство въ Россіи. Стр. 93.

10) Серговскій. Стоимость и оцѣнка машинъ. Стр. 9.

11) Погожевъ. Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи. 1906. Стр. 46.

12) В. В. Судьбы капитализма въ Россіи. 1882. Стр. 73.

13) Его же. Судьба капиталистической Россіи. 1907. Стр. 20.

14) С. Зякъ Промышленный капитализмъ въ Россіи. 1908. Стр. 96 и слѣд.

ГЛАВА VII.

Капиталистическое предпріятіе и его формы.

I. Формы предпріятій. Предпріятіе вообще. Капиталистическое предпріятіе. Единоличное предпріятіе. Товарищество полное. Товарищество на вѣрѣ. Акціонерное товарищество. II. Союзы предпринимателей. Союзы предпринимателей въ прежнее время. Современные союзы предпринимателей. Классификація ихъ. Характеристика отдѣльныхъ видовъ союзовъ. III. Экономическая оцѣнка союзовъ предпринимателей. Условія, вызывающія въ новѣйшее время образованіе такихъ союзовъ. Вліяніе ихъ на интересы различныхъ классовъ населенія. Союзы предпринимателей и покровительственная таможенная политика. Тресты въ Соединенныхъ Штатахъ. Германскія картели. Союзы предпринимателей въ Россіи. Государственная политика по отношенію къ предпринимательскимъ союзамъ. Общая оцѣнка ихъ

I.

Хозяйственнымъ предпріятіемъ въ широкомъ смыслѣ слова называется хозяйственная организація, преслѣдующая частнохозяйственныя цѣли и достигающая ихъ при посредствѣ обмѣна. Продаваемые товары могутъ или изготовляться въ предѣлахъ даннаго предпріятія—и тогда оно имѣетъ характеръ опредѣленной организаціи производства. Или же продаваемые товары пріобрѣтаются предпріятіемъ путемъ закупки ихъ на сторонѣ—и въ такомъ случаѣ предпріятіе носитъ характеръ торговаго. И въ томъ и въ другомъ случаѣ характернымъ для предпріятія является, съ одной стороны, цѣль этой организаціи—цѣлью всегда является достиженіе наибольшаго дохода, почему, напримѣръ, благотворительное учрежденіе не является хозяйственнымъ предпріятіемъ, хотя оно и ведетъ свое хозяйство,—а, съ другой стороны, способъ, которымъ

предпріятіе достигаетъ своихъ цѣлей, именно, продажа товаровъ на рынкѣ. По этой послѣдней причинѣ не является предпріятіемъ хозяйственная организація, какъ бы сложна она ни была, если только она не связана со сбытомъ товаровъ: натуральное хозяйство римскаго патриція или вашего помѣщика временъ крѣпостного права, поскольку хозяйства этого рода не были связаны съ рынкомъ, не могутъ считаться предпріятіями.

Капиталистическимъ предпріятіемъ называется такое, которое ведется при помощи наемнаго труда и стремится къ достиженію наибольшей прибыли на затраченный капиталъ. Самостоятельный ремесленникъ имѣетъ, напримѣръ, свое предпріятіе, но такъ какъ онъ работаетъ лично, а не при помощи наемныхъ рабочихъ, то предпріятіе его не есть капиталистическое. Точно также рабочая артель имѣетъ свое предпріятіе, но не капиталистическое. Для современнаго хозяйственнаго строя характерно именно капиталистическое предпріятіе, почему этотъ строй и называется капиталистическимъ.

По составу лицъ, являющихся хозяевами предпріятія, капиталистическія предпріятія дѣлятся на 1) единоличныя и 2) многоличныя. Эти послѣднія, въ свою очередь, раздѣляются на 1) полныя товарищества, 2) товарищества на вѣрѣ и 3) акціонерныя компаніи.

Во главѣ единоличнаго предпріятія стоитъ одно опредѣленное лицо, которое и является полнымъ хозяиномъ предпріятія и въ то же время несетъ полную отвѣтственность по нему. Въ этомъ объединеніи въ рукахъ одного человѣка всего руководительства дѣломъ является существенное преимущество этой формы предпріятія передъ всѣми другими. Личность руководителя въ этомъ случаѣ наиболѣе полно сливается съ руководимымъ имъ дѣломъ. Съ другой стороны, именно въ этой тѣсной связи предпріятія съ личностью предпринимателя коренится и слабая сторона единоличнаго предпріятія: оно подвержено всѣмъ случайностямъ личнаго существованія владѣльца. Болѣзнь и смерть владѣльца могутъ во всякое время погубить его. Размѣръ его по необходимости ограничивается капиталомъ, которымъ можетъ располагать владѣлецъ, а также и физической возможностью для владѣльца наблюдать за ходомъ дѣла во всѣхъ частяхъ его предпріятія. Поэтому единоличныя предпріятія рѣдко достигаютъ очень крупныхъ размѣровъ.

Полнымъ товариществомъ называется такое, въ которомъ владѣльцами предпріятія является нѣсколько лицъ, на

каждаго изъ которыхъ падаетъ и вся отвѣтственность по предпріятію. Каждое изъ нихъ отвѣчаетъ по обязательствамъ предпріятія всѣмъ своимъ имуществомъ. Эта форма предпріятія представляетъ то удобство, что она даетъ возможность привлекать къ предпріятію нѣсколько одинаково заинтересованныхъ лицъ, участвующихъ въ немъ какъ своимъ личнымъ трудомъ и руководительствомъ, такъ и капиталомъ. Но, съ другой стороны, въ полномъ товариществѣ для каждаго рѣшенія требуется согласіе всѣхъ членовъ товарищества, а достиженіе этого возможно только при небольшомъ числѣ товарищей, относящихся къ тому же съ большимъ довѣріемъ другъ къ другу. Это послѣднее условіе особенно затрудняетъ распространеніе полнаго товарищества, которое по этой причинѣ большого значенія въ современномъ хозяйственномъ строѣ не имѣетъ.

Въ товариществѣ на вѣрѣ или коммандитномъ товариществѣ имѣются товарищи двухъ категорій: одинъ или одни изъ нихъ несутъ полную отвѣтственность по предпріятію, а другіе участвуютъ въ предпріятіи только своими взносами и отвѣчаютъ лишь въ размѣрѣ этихъ взносовъ. Первый или первые являются руководителями предпріятія, а вторые (коммандитисты) лишь участвуютъ въ прибыляхъ и обладаютъ извѣстнымъ правомъ контроля. Передавая почти всю власть въ руки главныхъ участниковъ, эта форма товарищества требуетъ особаго довѣрія коммандитистовъ къ полнымъ товарищамъ и потому можетъ имѣть успѣхъ только при наличности особыхъ не часто встрѣчающихся условій.

Несравненно болѣе важной формой капиталистическаго товарищества, чѣмъ всѣ перечисленныя, является акціонерная компанія. Въ этомъ видѣ товарищества собственный капиталъ предпріятія слагается изъ одинаковыхъ паевъ—акцій,—владѣльцы которыхъ отвѣчаютъ по обязательствамъ предпріятія только своими взносами по акціямъ. Каждый владѣлецъ акціи (акціонеръ) получаетъ на свою акцію соотвѣтственную долю прибыли—дивидендъ. Акціи могутъ быть какъ именныя, такъ и на предъявителя (обыкновенно послѣднія). Акціи на предъявителя могутъ свободно переходить путемъ продажи изъ рукъ въ руки и обращаются на рынкѣ, какъ всякій товаръ. Общее собраніе акціонеровъ является хозяиномъ всего дѣла, но непосредственное управленіе и руководительство имъ возлагается на особо избираемый органъ — правленіе, которое дѣйствуетъ подъ контролемъ избираемаго общимъ собраніемъ повѣрочнаго совѣта.

Акціонерная компанія является юридическимъ лицемъ и въ качествѣ таковаго входитъ отъ своего имени во всевозможныя имущественныя сдѣлки. Она можетъ совершать кредитныя операціи, какъ и всякое другое лице, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, получаетъ возможность привлекать заемный капиталъ и тѣми способами, которые недоступны частному лицу. Такъ, она можетъ получать капиталъ путемъ выпуска такъ назыв. облигацій—свидѣтельствъ, дающихъ право держателямъ ихъ получать отъ акціонернаго общества ежегодно опредѣленный, заранѣе фиксированный, доходъ—процентъ. Владѣльцы облигацій являются кредиторами акціонернаго общества и этимъ существенно отличаются отъ акціонеровъ.

Акціонерная компанія обладаетъ цѣлымъ рядомъ существенныхъ преимуществъ передъ всѣми другими формами капиталистическихъ товариществъ. Важнѣйшія изъ этихъ преимуществъ заключаются въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, акціонерная компанія не связана съ личностью того или иного отдѣльнаго лица—хозяевами акціонернаго предпріятія является неопредѣленное число акціонеровъ. Каждый капиталистъ можетъ легко сдѣлаться участникомъ акціонернаго предпріятія—для этого нужно лишь пріобрѣсть соотвѣтствующія акціи, которыя обыкновенно свободно продаются на рынкѣ. Во-вторыхъ, въ акціонерной компаніи отвѣтственность каждаго участника предпріятія ограничивается суммою, которая уплачена даннымъ лицомъ за акцію или акціи, принадлежащія ему. Благодаря этому значительно уменьшается рискъ, связанный съ участіемъ въ предпріятіи. Въ третьихъ, благодаря тому, что акціи выставляются обыкновенно на небольшія суммы, становится возможнымъ участіе въ предпріятіи даже для мелкихъ капиталистовъ. Въ четвертыхъ, благодаря возможности во всякое время перепродать акцію, чрезвычайно облегчается выходъ изъ предпріятія. Въ пятыхъ, благодаря безличности предпріятія и возникающей отсюда необходимости строгой его отчетности, облегчается для предпріятія полученіе кредита.

Въ силу всѣхъ этихъ преимуществъ акціонерное общество съ гораздо большей легкостью, чѣмъ какая либо другая форма капиталистическихъ предпріятій, можетъ собирать крупные капиталы, которые въ этомъ случаѣ поступаютъ не только отъ крупныхъ, но и отъ мелкихъ капиталистовъ. А такъ какъ при капиталистической системѣ хозяйства успѣхъ предпріятія зависитъ въ чрезвычайной степени отъ размѣра капитала, которымъ оно можетъ располагать, то нисколько не удивительно, что

акціонерныя компаніи пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе господствующее значеніе въ современномъ хозяйственномъ строѣ.

Правда, акціонернымъ компаніямъ присущи и спецафически имъ свойственныя невыгодныя стороны, вытекающія изъ того же ихъ основнаго свойства, что онѣ безличны—не связаны съ личностью опредѣленнаго владѣльца. Отдѣльный акціонеръ, если только число акцій, находящихся въ его владѣніи, не очень велико, сравнительно мало заинтересованъ въ успѣхѣ дѣла. Общія собранія акціонеровъ поэтому неохотно посѣщаются акціонерами и нерѣдко имѣютъ характеръ просто условной формальности. Всѣми дѣлами въ акціонерномъ обществѣ руководитъ, какъ общее правило, небольшая группа крупныхъ акціонеровъ, а непосредственное управленіе всѣми дѣлами принадлежитъ наемнымъ должностнымъ лицамъ. Поэтому хозяйство акціонернаго общества обыкновенно не отличается бережливостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря легкой возможности продажи акцій на рынкѣ, руководящіе акціонеры, въ ущербъ остальнымъ, получаютъ возможность извлекать доходъ не изъ прибылей предпріятія, а изъ разницы курса (цѣны) акцій въ разное время—покупая акціи по низкой цѣнѣ и продавая по высокой, — причемъ эти колебанія курса могутъ умышленно вызываться заинтересованными лицами. Сплошь и рядомъ акціонерныя компаніи возникали и возникаютъ единственно по соображеніямъ такого рода. Исторія промышленныхъ кризисовъ сохранила многочисленные примѣры крайне фантастичныхъ предпріятій, устроители которыхъ прекрасно знали всю безнадежность ихъ, но разсчитывали путемъ умѣлой рекламы найти помѣщеніе для акцій этихъ предпріятій среди довѣрчивой публики и нерѣдко достигали въ этомъ полнаго успѣха.

Но всѣ эти невыгодныя стороны далеко не могутъ перевѣсить основного преимущества акціонерной компаніи, заключающагося въ легкости привлеченія капитала. Поэтому, чѣмъ дальше идетъ концентрація капитала, тѣмъ большую роль пріобрѣтаетъ акціонерная компанія. Самыя крупныя предпріятія нашего времени осуществляются или въ формѣ акціонерныхъ компаній или въ формѣ государственныхъ предпріятій—такъ, напр., желѣзныя дороги, каналы и т. п.

Быстрое развитіе акціонерныхъ компаній начинается особенно со второй половины 19-го вѣка. Въ промышленности наиболѣе передовыхъ капиталистическихъ странъ онѣ уже стали господствующей формой предпріятія. Такъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ по цензу 1900 г. число акціонерныхъ компаній, заня-

тыхъ производствомъ, достигало 40.743, при цѣнности производства въ 7.733 мил. долл., причемъ акціонерныя компаніи составляли 8% всего числа регистрированныхъ промышленныхъ предпріятій, а цѣнность ихъ производства составляла 59% всей цѣнности производства тѣхъ же предпріятій. Въ Англіи еще въ концѣ 80-хъ годовъ закончившагося вѣка считали, что не менѣе одной трети всего капитала, помѣщеннаго въ промышленности, принадлежитъ акціонернымъ компаніямъ; теперь эта доля должна значительно превысить половину. Въ Германіи дѣйствовало въ 1906 г. въ торговлѣ и промышленности 5.060 акціонерныхъ компаній, съ капиталомъ въ 13.849 милл. марокъ. Но не нужно забывать, что, кромѣ того, акціонерная форма предпріятій является господствующей въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ нашего времени,—желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Значительно большая часть міровой желѣзнодорожной сѣти принадлежитъ акціонернымъ компаніямъ.

II.

Однако, какъ ни быстро идетъ концентрація капитала путемъ роста отдѣльныхъ предпріятій и поглощенія мелкихъ предпріятій крупными, условія капиталистической эволюціи выдвинули за послѣднее время еще новыя формы сліянія капитала во все большія и большія массы. До недавняго времени отдѣльныя капиталистическія предпріятія вели между собою ожесточенную борьбу, въ которой сильный побѣждалъ слабѣйшаго, но нерѣдко цѣной ослабленія собственнаго предпріятія, такъ какъ паденіе цѣны продуктовъ, которое сопровождало эту борьбу, было разорительно всѣмъ конкурентамъ. 80-е годы прошлаго столѣтія были эпохой особенно значительнаго паденія цѣнъ цѣлаго ряда важнѣйшихъ произведеній капиталистической промышленности. Возникъ затяжной кризисъ капиталистической промышленности, на который капитализмъ отвѣтилъ созданіемъ новой формы организаціи капитала—такъ наз. картелей, синдикатовъ или трестовъ.

Разнаго рода союзы и соглашенія предпринимателей съ цѣлью уменьшенія взаимной конкурренціи и повышенія цѣнъ не составляютъ, конечно, явленія только новаго времени. Законодательство Римской имперіи, равно какъ и послѣдующее средневѣковое законодательство, знало цѣлый рядъ строгихъ постановленій, спеціально направленныхъ противъ стачекъ предпринимателей для повышенія цѣнъ. Особенно опасались, по понятнымъ причинамъ,

стачекъ хлѣботорговцевъ. Что такія стачки практиковались нерѣдко, доказываетъ общая вѣра, съ которой общественное мнѣніе Франціи 18-го вѣка относилось къ легендѣ о такъ назыв. „Pacte de famine“ — „обществѣ голодовки“, которое якобы возникло во Франціи при участіи короля въ половинѣ 18 вѣка для искусственнаго повышенія цѣнъ хлѣба [1]).

Но всѣ соглашенія такого рода имѣли мало общаго съ новѣйшими соглашеніями предпринимателей, отличаясь отъ нихъ уже тѣмъ, что они касались сбыта продуктовъ, но не производства, и имѣли обычно временный и переходящій характеръ. При господствѣ мелкаго производства, когда производствомъ даннаго продукта заняты тысячи самостоятельныхъ производителей, соглашенія между ними въ высшей степени затруднительны. Но чѣмъ въ меньшемъ числѣ предпріятій производится тотъ или иной продуктъ, тѣмъ легче предпринимателямъ придти къ соглашенію и вмѣсто борьбы другъ съ другомъ общими силами защищать свои общіе интересы.

Особенно облегчаются соглашенія такого рода акціонерной формой предпріятія, благодаря тому, что акціонерныя компаніи безличны и акціонеръ каждаго предпріятія можетъ стать одновременно и акціонеромъ любого другого акціонернаго предпріятія, купивши соотвѣтствующія акціи. Это облегчаетъ фактическое сліяніе нѣсколькихъ акціонерныхъ предпріятій въ одно даже въ томъ случаѣ, если каждое изъ нихъ номинально сохраняетъ свою полную независимость. Кромѣ того, акціонеръ, будучи мало заинтересованъ въ дѣлѣ, болѣе расположенъ къ ограниченію свободы дѣйствій даннаго предпріятія, чѣмъ индивидуальный предприниматель, который вкладываетъ въ данное дѣло весь свой капиталъ.

Союзы предпринимателей новѣйшаго времени могутъ быть подраздѣлены по степени прочности связи между отдѣльными предпріятіями на слѣдующія четыре группы:

1) конвенціи;
2) корнеры или ринги;
3) картели или синдикаты;
4) тресты.

Конвенціями называются такія соглашенія предпринимателей, которыя регулируютъ лишь немногія и менѣе важныя стороны дѣятельности предпріятій, вступившихъ въ союзъ, напр., сроки кредитованія при продажѣ товаровъ въ кредитъ, размѣры скидокъ при сдѣлкахъ наличностью и т. п.

Подъ корнерами или рингами понимаютъ временныя

соглашенія предпринимателей—обыкновенно торговцевъ—для повышенія цѣны товара путемъ монополизированія его продажи. Именно эта форма соглашенія — иначе говоря, стачки торговцевъ—является самой старинной формой предпринимательскихъ союзовъ. Въ новѣйшее время она получила наряду съ другими видами предпринимательскихъ союзовъ значительное развитіе, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ. Примѣрами могутъ служить хотя бы неоднократныя попытки монополизировать міровой мѣдный рынокъ; нерѣдки корнеры въ области торговли пшеницей, хлопкомъ и многими другими продуктами.

Подъ картелемъ или синдикатомъ понимаютъ болѣе или менѣе продолжительный и прочный союзъ самостоятельныхъ предпринимателей для регулированія существенныхъ условій дѣятельности ихъ предпріятій—преимущественно условій производства или продажи продуктовъ. Именно эта форма предпринимательскихъ союзовъ (наряду съ трестомъ) характерна для новѣйшаго времени. Картель отнюдь не является временной стачкой торговцевъ; онъ преслѣдуетъ постоянныя, длительныя цѣли и является поэтому новымъ типомъ капиталистическаго предпріятія знаменующимъ поднятіе капиталистическаго хозяйства на болѣе высокую ступень. Для картеля характерны двѣ черты: съ одной стороны, въ картелѣ отдѣльныя предпріятія еще не утрачиваютъ своей самостоятельности, картелированныя предпріятія не являются однимъ предпріятіемъ, а лишь союзомъ нѣсколькихъ предпріятій; съ другой стороны, самостоятельность отдѣльныхъ предпріятій въ картелѣ настолько ограничивается, что каждое предпріятіе можетъ достигать своихъ цѣлей лишь какъ часть цѣлаго. Первой своей особенностью картель отличается отъ треста, второй—отъ двухъ предшествующихъ типовъ предпринимательскихъ союзовъ.

Предметомъ регулированія со стороны картелей могутъ быть всѣ тѣ хозяйственныя условія, которыя имѣютъ значеніе для дѣятельности предпріятія. Соглашенія входящихъ въ картель предпріятій могутъ касаться:

1) цѣнъ покупаемыхъ и продаваемыхъ товаровъ, причемъ картель принимаетъ мѣры къ тому, чтобы цѣны эти дѣйствительно соблюдались картелированными предпріятіями;

2) размѣра производства, въ видахъ поднятія путемъ сокращенія производства товарной цѣны;

3) распредѣленія между отдѣльными картелированными предпріятіями областей сбыта для устраненія между ними конкуренціи;

4) регулированія цѣны, размѣра производства и областей сбыта;

5) регулированіе цѣны, размѣра производства, областей сбыта вмѣстѣ съ распредѣленіемъ между картелированными предпріятіями согласно общему соглашенію всѣхъ заказовъ. Въ этомъ случаѣ самостоятельность отдѣльнаго предпріятія сокращается до минимума и выражается лишь въ томъ, что отдѣльное предпріятіе сохраняетъ свободу въ организаціи самого производства и можетъ повышать свою прибыль путемъ сокращенія расходовъ производства.

Высшей формой объединенія предпріятій является трестъ, своеобразная форма предпринимательскаго союза, возникшая въ Соединенныхъ Штатахъ на почвѣ особенностей американскаго гражданскаго права. Отдѣльныя предпріятія, входящія въ составъ треста, совершенно утрачиваютъ свою самостоятельность и только номинально сохраняютъ таковую. Акціи предпріятій, образовавшихъ трестъ, передаются нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ, полновластно управляющимъ дѣломъ, акціонеры же получаютъ взамѣнъ акцій сертификаты треста, на которые и начисляется прибыль. Въ настоящее время тресты этого вида почти исчезли благодаря запрещенію ихъ законодательствомъ и замѣнились объединеніемъ предпріятій, входившихъ въ составъ трестовъ, въ гигантскія акціонерныя компаніи. Отдѣльныя предпріятія утратили и ту формальную самостоятельность, которую онѣ сохраняли въ трестѣ, и превратились просто въ одно объединенное акціонерное капиталистическое предпріятіе. Тѣмъ не менѣе за ними сохранилось названіе треста.

III.

Основной причиной, вызывающей образованіе картелей и другихъ формъ капиталистическихъ союзовъ, является то, что концентрація капитала увеличиваетъ его экономическую мощь. Картели являются новой формой объединенія капитала и представляютъ собою новую ступень на томъ пути, который прошло промышленное развитіе, постепенно замѣняя мелкое предпріятіе крупнымъ. Благодаря союзамъ капиталистовъ этотъ процессъ концентраціи капитала принялъ несравненно болѣе быстрый характеръ, ибо въ этомъ случаѣ происходитъ не вытѣсненіе болѣе мелкихъ предпріятій болѣе крупными, что не можетъ произойти безъ продолжительной борьбы, но слияніе и тѣхъ и другихъ, въ

ихъ общихъ интересахъ, въ одну общую массу, для чего требуется только согласіе заинтересованныхъ сторонъ.

Какъ и всякое капиталистическое предпріятіе, картель пользуется своей экономической мощью въ своихъ интересахъ. Единственной цѣлью картеля является поднятіе до максимума прибыли организованныхъ предпріятій. Съ этой цѣлью картель стремится поднять цѣны продаваемыхъ имъ товаровъ, поскольку это допускается условіями рынка, и въ то же время понизить заработную плату (а также и пріобрѣтаемаго имъ сырья и другихъ средствъ производства), поскольку это содѣйствуетъ повышенію прибыли. Поэтому нисколько не удивительно, что картели вообще не пользуются популярностью ни въ широкихъ массахъ потребителей, ни въ средѣ рабочихъ. И тѣмъ и другимъ приходится вести борьбу съ картелями за свои интересы, которымъ картели могутъ очень существенно угрожать.

Однако, не слѣдуетъ думать, что вліяніе картелей всегда выражается въ поднятіи цѣны товаровъ, производимыхъ картелированными предпріятіями, и въ ухудшеніи условій труда. Нерѣдко, и даже, какъ можно думать, въ странахъ съ наибольшимъ развитіемъ картелей, по большей части—картель оказываетъ совершенно противоположное вліяніе на то и другое. Дѣло въ томъ, что хотя картель, увеличивая мощь капиталистовъ, тѣмъ самымъ облегчаетъ для нихъ эксплоатацію потребителя и рабочаго, но, въ то же самое время, картель повышаетъ производительность общественнаго труда, и можетъ, въ концѣ концевъ, вести къ удешевленію продуктовъ и улучшенію условій труда. Чѣмъ тѣснѣе организованъ картель, чѣмъ больше онъ приближается къ объединенному предпріятію, тѣмъ большее вліяніе онъ можетъ оказывать на технику производства. Американскіе тресты, несомнѣнно, чрезвычайно содѣйствовали прогрессу техники производства. Такъ какъ при образованіи треста всѣ предпріятія сливаются въ одно, то трестъ непосредственно заинтересованъ въ томъ, чтобы техника производства во всѣхъ предпріятіяхъ была поставлена одинаково высоко. Съ этой цѣлью трестъ прекращаетъ производство на тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, которые оборудованы въ техническомъ отношеніи неудовлетворительно и сосредоточиваетъ производство въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ оно технически можетъ быть поставлено всего выше. Въ результатѣ получается значительное сокращеніе издержекъ производства, благодаря чему трестъ, продавая товаръ по низшей цѣнѣ, можетъ выручать большую прибыль. Но и помимо этого не нужно упускать изъ виду, что высокая цѣна товара ограничиваетъ возможность его сбыта,

почему картель нерѣдко можетъ больше выиграть, продавая большее количество товара по низшей цѣнѣ, чѣмъ меньшее количество по высшей.

Что касается рабочихъ, то концентрація производства, увеличивая производительность труда, тѣмъ самымъ облегчаетъ повышеніе заработной платы. Вмѣстѣ съ тѣмъ объединеніе капитала механически содѣйствуетъ объединенію рабочихъ, группируя ихъ большими массами на фабрикахъ и заводахъ. Это увеличиваетъ соціальную мощь рабочихъ классовъ. Такимъ образомъ и въ этой области конечные результаты картелей капиталистовъ могутъ быть благопріятны интересамъ большинства населенія.

Однимъ изъ чрезвычайно важныхъ условій, благопріятствующихъ возникновенію картелей, является система покровительственныхъ пошлинъ. Если въ странѣ господствуетъ такъ наз. покровительственная таможенная политика т. е. если туземная промышленность ограждена высокими таможенными пошлинами отъ иностранной конкурренціи, то картели встрѣчаютъ для своего развитія несравненно болѣе благопріятную почву, чѣмъ въ противоположномъ случаѣ— при господствѣ системы свободной торговли. Объясняется это тѣмъ, что въ первомъ случаѣ промышленность данной страны имѣетъ передъ собой замкнутый рынокъ и картели легко могутъ стать монополистами внутри страны; напротивъ, при существованіи энергичнаго иностраннаго соперничества, объединеніе предпріятій внутри страны не устраняетъ конкурренціи иностранныхъ предпріятій и картель можетъ оказаться безсильнымъ регулировать условія сбыта. По этой причинѣ картели получили наибольшее развитіе въ странахъ покровительственной таможенной политики—напр. въ Соединенныхъ Штатахъ и Германіи. Напротивъ, въ Англіи картели развиты сравнительно очень слабо. Причиной этого послѣдняго является, помимо свободы торговли также и то, что англійская промышленность болѣе, чѣмъ промышленность какой либо другой страны, работаетъ для экспорта и притомъ для экспорта, разсѣяннаго по всему міру. Слѣдствіемъ этого является крайняя затруднительность для національныхъ организацій англійской промышленности регулировать условія сбыта производимыхъ продуктовъ [2]).

Наиболѣе широкое распространеніе союзы предпринимателей (и при томъ, преимущественно, въ формѣ полнаго слѣянія многихъ предпріятій въ одно) получили, какъ сказано, въ Соединенныхъ Штатахъ. О значеніи этихъ организацій можно судить по тому, что напр. такъ наз. стальной трестъ, возникшій въ 1901 г., располагаетъ капиталомъ въ 1200 милліоновъ долларовъ, нефтяной

трестъ имѣетъ капиталъ въ 97 милліоновъ дол., мѣдный трестъ—капиталъ въ 75 милліоновъ долл. и т. д. Эти гигантскія организаціи капитала захватываютъ почти все національное производство соотвѣтствующихъ продуктовъ. Такъ напримѣръ, въ рукахъ нефтянаго треста была сосредоточена въ началѣ этого вѣка добыча около 82% всей нефти, добываемой въ Соединенныхъ Штатахъ, стальной трестъ производилъ около 70% всей стали въ Соединенныхъ Штатахъ, сахарный трестъ—около 90% всего сахара и т. д.; нѣкоторые тресты охватывали даже все національное производство безъ остатка—напр. антрацитный трестъ и борный трестъ [3]). Къ 1899 г. общій капиталъ промышленныхъ трестовъ опредѣлялся въ 8 милліардовъ долларовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя общій капиталъ трестовъ, включая сюда и объединенныя желѣзныя дороги, опредѣляли уже въ 20 милліардовъ долларовъ, причемъ тресты объединили до 8664 прежде самостоятельныхъ предпріятій, а въ рукахъ 7 болѣе крупныхъ промышленныхъ трестовъ было сосредоточено до 1528 прежде самостоятельныхъ предпріятій [4]).

Располагая такими колоссальными капиталами, тресты имѣютъ полную возможность поднять до высшаго уровня технику производства. И дѣйствительно, даже злѣйшіе противники трестовъ не отрицаютъ, что въ этомъ отношеніи американскіе тресты достигли чрезвычайно многаго. Если американская промышленность стоитъ въ техническомъ отношеніи такъ высоко и представляетъ такую серьезную опасность для Европы, то въ значительной мѣрѣ благодаря трестамъ. Тресты закрываютъ менѣе производительныя предпріятія и сосредоточиваютъ производство только на лучшихъ изъ нихъ; такъ, напр., водочный трестъ, послѣ своего образованія, немедленно закрылъ 68 заводовъ изъ 80, и оставилъ въ дѣйствіи только 12 изъ нихъ, сходнымъ образомъ поступилъ сахарный трестъ и многіе другіе [5]).

Въ Германіи картели также играютъ огромную роль. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ число ихъ въ 1901—1902 г. опредѣлялось въ 450, причемъ около 50 картелей охватывали не одну Германію, но имѣли международный характеръ [6]). Вообще картели стремятся захватить въ свои руки не только національное производство, но и регулировать весь міровой рынокъ. За объединеніемъ капитала внутри страны естественно идетъ международное объединеніе его.

Что касается до Россіи, то у насъ картели развиты гораздо слабѣе, чѣмъ въ Америкѣ или Германіи, хотя господствующая у насъ система крайняго покровительства промышленности со-

здаетъ весьма благопріятную почву для картелей. Слабое развитіе въ Россіи картелей объясняется, повидимому, тѣмъ, что въ западной Европѣ и Америкѣ союзы предпринимателей явились результатомъ ожесточенной конкуренціи между отдѣльными предпріятіями; въ Россіи же конкуренція между капиталистическими предпріятіями такъ слаба, что они чувствуютъ себя монополистами помимо какихъ бы то ни было картелей. Гдѣ же конкуренція обострялась, тамъ и у насъ возникали картели, причемъ соотвѣтственно общему строю нашей экономической и общественной жизни, слабости общественной иниціативы и предпріимчивости, наши картели обнаружили только отрицательныя свойства, свойственныя этой формѣ капиталистическихъ организацій, и почти никакихъ положительныхъ ея сторонъ. Наибольшую извѣстность получилъ организованный въ 1887 г. картель нашихъ сахарозаводчиковъ, имѣвшій въ виду регулировать цѣны сахара путемъ вывоза большей или меньшей части его за границу. Картель этотъ скоро получилъ оффиціальную санкцію и въ общемъ, достигъ того, что цѣна столь важнаго предмета потребленія, какъ сахаръ, стояла и стоитъ втеченіе длиннаго ряда лѣтъ на значительно болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ это было бы безъ картеля. Сахарная „нормировка“ крайне дискредитировала въ нашемъ общественномъ мнѣніи картели; дѣйствительно этотъ картель задержалъ развитіе нашей свеклосахарной промышленности и въ интересахъ нѣсколькихъ крупныхъ заводчиковъ обложилъ тяжелою данью потребителя.

Наступившій съ конца 1899 г. тяжелый промышленный кризисъ далъ и у насъ толчекъ къ образованію картелей. Въ особенности много картелей возникло въ желѣзодѣлательной и машиностроительной промышленности, наиболѣе пострадавшей отъ кризиса. Наконецъ, въ самое послѣднее время русское общество было взволновано слухами о готовящемся гигантскомъ трестѣ донецкихъ металлургическихъ заводовъ; самый трестъ, судя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, еще не образовался, но весьма возможно, что онъ все же образуется или даже уже образовался, но въ такой формѣ, что фактъ его существованія не доходитъ до свѣдѣнія публики (вообще наши картели имѣютъ всѣ основанія бояться гласности, почему свѣдѣнія о нихъ мало проникаютъ въ печать).

Въ общемъ, современное хозяйственное развитіе ведетъ съ силой стихійнаго процесса къ объединенію капитала во все болѣе крупныя хозяйственныя организаціи. Безъ сомнѣнія, процессъ этотъ сопровождается многими болѣзненными явленіями, къ ко-

торымъ не должна оставаться равнодушна общественная власть. Современное государство не боится дѣятельно вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь и оно имѣетъ полную возможность противодѣйствовать вредному вліянію капиталистическихъ организацій всякаго рода: уже одно то, что картели принимаютъ особо опасный характеръ подъ охраной таможеннаго покровительства, показываетъ, какъ существенно государство можетъ вліять на картели путемъ соотвѣтствующей таможенной политики—допустивши иностранную конкуренцію государство можетъ легко сломить стремленіе картелей къ повышенію цѣны продукта. Но ставить себѣ задачей не допускать самаго возникновенія картелей—это значитъ не понимать законовъ капиталистическаго развитія. Борьба съ трестами правительства Соединенныхъ Штатовъ привела не къ уничтоженію капиталистическихъ союзовъ, а къ тому, что они приняли еще болѣе тѣсный характеръ и изъ трестовъ превратились въ гигантскія акціонерныя компаніи, въ которыхъ уже всякій слѣдъ самостоятельности отдѣльныхъ предпріятій совершенно исчезъ. Противъ такихъ сліяній множества отдѣльныхъ предпріятій въ одно государство нашего времени совершенно безсильно, такъ какъ не можетъ же оно препятствовавъ росту капиталистическаго предпріятія свыше извѣстныхъ предѣловъ. И потому здравая политика государства по отношенію къ трестамъ и картелямъ должна заключаться не въ стремленіи къ ихъ уничтоженію, а въ борьбѣ съ вредными, для широкихъ круговъ населенія, послѣдствіями ихъ дѣятельности. Въ частности, по отношенію къ рабочему классу, которому эти новыя организаціи капитала угрожаютъ очень существенно, государство должно предоставить полную свободу самозащиты, свободу профессіональной организаціи, которую рабочій долженъ противопоставить организаціямъ капитала. Объединенному капиталу долженъ противостоять и объединенный трудъ.

Союзы предпринимателей явились естественнымъ результатамъ анархическаго состоянія быстро развивающейся капиталистической промышленности. Посредствомъ этихъ союзовъ капитализмъ стремится ввести организацію въ общественное производство, но специфически капиталистическимъ способомъ—не въ интересахъ общества, а въ интересахъ капиталистовъ. Возникши на почвѣ борьбы съ пониженіемъ цѣнъ продуктовъ, вызываемымъ перепроизводствомъ, тенденція къ чему заложена въ самой сущности капиталистическаго хозяйства, картель всегда стремится ограничить производство тѣми предѣлами, въ которыхъ оно даетъ наибольшую прибыль на вложенный капиталъ. Сокращая производство, картели

имѣютъ тенденцію усиливать безработицу. Отрицать вредныя стороны картелей невозможно, но, все же, картели должны быть признаны необходимой стадіей капиталистическаго развитія и, въ качествѣ таковой, явленіемъ прогрессивнымъ, подобно фабрикѣ, которая, несмотря на тяжелыя страданія народныхъ массъ, вызванныя ея развитіемъ, была, несомнѣнно, прогрессивнымъ явленіемъ. Во всякомъ случаѣ, прогрессъ, выраженіемъ котораго являются картели, есть специфически капиталистическій прогрессъ, заключающій въ себѣ неустранимые соціальные антагонизмы, и потому всякій шагъ впередъ картелей не можетъ не вызывать противодѣйствія со стороны тѣхъ общественныхъ классовъ, интересы которыхъ отъ этого страдаютъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Акціонерныя компаніи. Тернеръ. Акціонерныя общества. Сборникъ госуд. знаній. II. 1875. Л. Петражицкій. Акціонерная компанія. Акціонерныя злоупотребленія и роль акціонерныхъ компаній въ народномъ хозяйствѣ. 1898. W. Auerbach. Aktienwesen. 1873. Oechelhäuser. Die Nachteile des Aktienwesens und die Reform der Aktiengesetsgebung. 1878. L. Goldschmitd. Alte und neue Formen der Handelsgesellschaft. 1892. R. Lehman. Die geschichtliche Entwickelung des Aktienrechts bis zum Code de Commerce. 1895. Его же. Recht der Aktiengesellschaften. 2 т. 1898 и 1904.

Союзы предпринимателей. Пихно. Торгово-промышленныя стачки. 1885. И. Янжулъ. Промысловые синдикаты. 1895. А. Гурьевъ. Промышленные синдикаты. 1898. Курчинскій. Союзы предпринимателей. 1898. А. Весниныъ. Сѣверо-американскіе тресты. 1906. А. Раффаловичъ. Промышленные синдикаты. І. Гольдштейнъ. Синдикаты и тресты. 1907. Его же. Союзы предпринимателей. Исторія и теорія. 1908. Kleinwächter. Kartelle. 1883. Baker. Monopolies and the People. 1889. Liefmann. Die Unternehmerverbände. 1897. Его же. Schutzzoll und Kartelle. 1903. Его же. Kartelle und Trusts. 1905. Steinmann-Bucher. Ausbau des Kartellwesens. 1902. Tschiersky. Kartell u. Trust. 1903. Grunzel. Ueber Kartelle. 1902. Harmening. Die notwenige Enwickelung der Industrie zum Trust. 1904. Hirsch. Zur Kartellfrage. 1904. Rousier. Les syndicats industriels de producteurs. 1901. Jenks. The Trust problem. 1900. Günton. Trusts and the public. 1900. Clark. The control of trusts. 1902. Его же. The problem of monopoly. 1904. Ely. Monopolies and Trusts. 1902. Montague. Trusts of to-day. Levy. Die Stahlindustrie der Vereinigten Staaten von Amerika. 1905.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ VII.

1) Несостоятельность легенды объ „обществѣ голодовки" доказана г. Афанасьевымъ въ его книгѣ „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ". 1892. Стр. 249 и слѣд.

2) І. Гольдштейнъ. Союзы предпринимателей. Исторія и теорія. 1908. Лекціи 7 и 8.

3) Macrosty. Die Trusts in Amerika. Archiv für sociale Gesetzgebung. XVII. Стр. 290.

4) Werner Sombart. Socialismus und Sociale Bewegung. 5 изд. 1905. Стр. 77.

5) Jenks. Die Trusts in den Vereinigten Staaten von Amerika. Jahrbücher für Nationalökonomie. 1891. I. Стр. 3.

6) Гольдштейнъ. Синдикаты и тресты. 1907. Стр. 12.

ГЛАВА VIII.

Земельная община.

I. Первоначальныя земельныя отношенія. Существуютъ ли передѣлы у первобытнаго племени? Первоначальный захватъ. Большая семья. II. Земельная община въ западной Европѣ и на Востокѣ. Долевая община. Марка. Альменда. Судьба долевой общины на Западѣ. Община на Востокѣ. Какимъ образомъ она превратилась въ передѣльную общину. III. Происхожденіе русской общины. Сибирская община и ея формы. Чѣмъ объясняется возникновеніе передѣловъ. Развитіе уравнительной общины въ другихъ частяхъ Россіи. IV. Современная русская община. Качественные и количественные передѣлы. Нормы передѣловъ. Община послѣ освобожденія крестьянъ. Община бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Община бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. V. Оцѣнка общины съ агрономической точки зрѣнія. Черезполосица. Способы борьбы съ черезполосицей въ Германіи. Принудительный сѣвооборотъ. Травосѣяніе на общинныхъ земляхъ. Временность владѣнія. Измѣненіе размѣра владѣнія. Выгоды общиннаго хозяйства. VI. Община и хуторъ. Хуторъ съ агрономической и общекультурной точки зрѣнія. Неудача попытокъ распространенія хуторскаго хозяйства въ Германіи. VII. Наше законодательство объ общинѣ. Законодательство эпохи освобожденія крестьянъ. Законы 90-хъ годовъ. Новѣйшій законъ объ общинѣ и его вѣроятное вліяніе на судьбу общины. Дополнительныя замѣчанія. Отношеніе къ общинѣ русскаго общественнаго мнѣнія. Гакстгаузенъ. Чернышевскій. Отношеніе къ общинѣ народниковъ и марксистовъ. Разногласія по вопросу о происхожденіи общины. „Естественная" и „государственная" теорія происхожденія общины. Новѣйшія работы по этому вопросу.

I.

Частная земельная собственность можетъ возникнуть лишь послѣ того, какъ появилось земледѣліе: пока не было земледѣлія, не могло быть и мотива къ захвату земли въ частную собственность, хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, что до возникновенія земледѣлія вообще не существовало никакого опредѣленнаго

отношенія данной общественной группы къ занимаемой ею территоріи. Напротивъ, уже на самыхъ раннихъ ступенькахъ историческаго развитія мы видимъ, что данная территорія находится подъ верховнымъ владычествомъ того или другого племени, причемъ каждое племя не допускаетъ другое вторгаться въ принадлежащую ему территорію.

Съ развитіемъ земледѣлія связь между человѣкомъ и землей пріобрѣтаетъ гораздо болѣе тѣсный характеръ. Вопросъ о томъ, частная или общественная собственность на землю исторически предшествовала, и теперь еще рѣшается различными изслѣдователями различно. Сначала думали, что исходнымъ пунктомъ развитія земельныхъ отношеній является частная собственность на землю, но потомъ, подъ значительнымъ вліяніемъ изученія русскихъ земельныхъ отношеній, и у насъ и на Западѣ стало складываться противоположное воззрѣніе. Стали думать, что первоначально господствовало коллективное владѣніе землей. Эта точка зрѣнія получила большое распространеніе не только въ Россіи, но и въ Германіи подъ вліяніемъ работъ Маурера и Гансена. Предполагалось, что первоначальной формой землевладѣнія въ западной Европѣ была та форма, которая сохранилась и до настоящаго времени въ Россіи, т.-е. земельная община, при которой земля принадлежитъ не отдѣльной семьѣ, а цѣлой группѣ такихъ семействъ, образующей деревню. Дѣло рисовалось въ такомъ видѣ. Изъ первоначальной общей обработки земли развиваются формы коллективнаго пользованія ею: каждая отдѣльная семья пользуется нѣкоторое время опредѣленнымъ участкомъ и обрабатываетъ его своими собственными силами, но отъ времени до времени участки эти уравнительно передѣляются между всѣми семьями. Такимъ образомъ, каждый ведетъ отдѣльное хозяйство, но земля находится въ коллективномъ владѣніи. Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, путемъ разложенія коллективнаго землевладѣнія, возникаетъ частное землевладѣніе.

Убѣжденіе въ томъ, что у древнихъ германцевъ практиковались уравнительные передѣлы земли, покоилось преимущественно на нѣсколькихъ цитатахъ изъ Цезаря и Тацита. Однако, это воззрѣніе на характеръ эволюціи земельныхъ отношеній никогда не былъ господствующимъ и, напр., во Франціи Фюстель-де-Куланжъ и его школа рѣшительно отрицали существованіе когда либо въ западной Европѣ свободной уравнительно-передѣльной общины. И въ Германіи за послѣднее время проявляется реакція противъ названнаго взгляда. Такъ, Рихардъ Гильдебрандъ не такъ давно выступилъ съ утвержденіемъ, что у древнихъ германцевъ не

существовало ничего подобнаго уравнительно-передѣльной общинѣ, а что противоположное воззрѣніе основывается на неправильномъ пониманіи текста Цезаря и Тацита [1]).

Нельзя не согласиться съ Рихардомъ Гильдебрандомъ, что территоріальное господство племени въ предѣлахъ той или иной области далеко не равнозначуще коллективной собственности членовъ племени на эту область. Правильнѣе сказать, что первобытные народы не знаютъ никакой собственности на незанятую землю, ни коллективной, ни индивидуальной. Верховное же владычество племени въ предѣлахъ извѣстной территоріи не есть право собственности, ибо не имѣетъ частноправоваго характера. Земля считалась не коллективной собственностью, а ничьей, какъ это наблюдается и теперь въ Сибири, и каждый свободно захватывалъ землю по мѣрѣ своихъ надобностей. Первоначальныя земельныя отношенія у всѣхъ земледѣльческихъ народовъ сводятся къ такъ называемой заимкѣ—захвату извѣстнаго участка земли опредѣленной семьей, которая свободно и пользуется захваченнымъ участкомъ.

Что же касается до вопроса, существовала ли когда либо коллективная обработка земли, какъ общее явленіе, то и на него приходится дать отрицательный отвѣтъ. Правда, намъ извѣстны нѣкоторые случаи, когда цѣлая деревня сообща обрабатываетъ землю [2]), но это рѣдкіе случаи, относящіеся къ эпохѣ мотыжнаго земледѣлія, еще до употребленія рабочаго скота, и обобщаемы никоимъ образомъ быть не могутъ. Первобытное земледѣліе, дѣйствительно, требовало большого количества рабочихъ рукъ, но такъ какъ первобытная семья включала въ себя много членовъ, то она вполнѣ справлялась съ земледѣльческими работами, и не было надобности въ болѣе крупныхъ общественныхъ ассоціаціяхъ.

Первоначальная форма земледѣлія—хозяйство большой семьи; оно можетъ быть названо семейной общиной. Семейная община, которую надо строго отличать отъ современной русской передѣльной общины, основана на кровной связи. Семейная община несомнѣнно, существовала повсюду: у древнихъ индусовъ, кабиловъ, на Кавказѣ, въ Центральной Африкѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ Европы. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ первобытная большая семья сохранилась въ очень сложной формѣ вплоть до нашего времени. Примѣромъ можетъ служить южнославянская задруга, включающая въ себя цѣлый рядъ поколѣній. Въ такой задругѣ (число членовъ которой доходитъ до 100 и болѣе) наблюдается полная общность собственности, какъ движимой, такъ и недвижимой. Организація задруги имѣетъ вполнѣ

демократическій характеръ: во главѣ ея стоитъ выборное лицо—домачинъ, завѣдующій мужскими работами и домачица, завѣдующая женскими работами. Задруга вообще основана на кровномъ родствѣ, но вступать въ нее могутъ, съ согласія остальныхъ, и посторонніе. У насъ на сѣверѣ Россіи также нерѣдко встрѣчается большая семья, состоящая иногда изъ трехъ поколѣній, которыя живутъ вмѣстѣ.

II.

Такая большая семья, семейная община, владѣвшая захваченнымъ ею земельнымъ участкомъ, несомнѣнно была отправнымъ пунктомъ послѣдующаго развитія земельныхъ отношеній, какъ у насъ, такъ и на Западѣ. Мало-по-малу на основѣ этой семейной общины на Западѣ создалась новая форма землевладѣнія. Семейная община разросталась, отдѣльныя семьи обособлялись, и начинали вести самостоятельное хозяйство; создается форма землевладѣнія аналогичная той, которая до сихъ поръ сохранилась въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи и которую А. Я. Ефименко называетъ долевой общинной [3]); сущность этой формы землевладѣнія заключается въ томъ, что всѣ члены, принадлежащіе къ данной общественной группѣ, признаются имѣющими право на извѣстную (и притомъ весьма неравную) долю земли, но только на идеальную долю, ибо реально земля не подѣлена въ собственность между отдѣльными хозяйствами. Одно семейство имѣетъ, напр., три доли земли, другое двѣ, третье даже часть доли и т. д. Каждое семейство можетъ требовать своей доли, но не больше ея, какъ бы мала эта доля ни была. Такая долевая община (нерѣдко смѣшиваемая съ уравнительно-передѣльной) имѣетъ много общаго съ частнымъ землевладѣніемъ, отличаясь отъ него существенно тѣмъ, что при ней могутъ существовать (и существуютъ) передѣлы земли, обмѣнъ участками, но для уравненія не количества земли во владѣніи каждой семьи (которое остается неравнымъ), а качества земельныхъ участковъ, обрабатываемыхъ отдѣльными семьями. Такая долевая община была, повидимому, высшимъ предѣломъ общиннаго развитія въ западной Европѣ. Дальше ея западно-европейская община въ своемъ развитіи не пошла, не достигла типа русской общины, при которой отдѣльные участки выравниваются по количеству и за членами общины признается право получать равное количество земли [4]).

Въ долевой общинѣ имѣются элементы какъ частной, такъ и

общественной собственности, такъ что изъ нея могла возникнуть какъ частная земельная собственность, такъ и уравнительно-общинная. Въ западной Европѣ мы наблюдаемъ первое: первоначальное право на идеальную долю земли превращается въ право частной собственности на данный опредѣленный участокъ земли. Примѣромъ сложной долевой общины можетъ служить такъ называемая германская марка—типичная земельная организація средневѣковой Германіи. Въ составъ такой марки, которую многіе изслѣдователи ошибочно разсматриваютъ, какъ уравнительно-передѣльную общину, входили какъ помѣщики, такъ и крестьяне. Помѣщикъ владѣлъ извѣстными земельными участками на правахъ частной собственности; на ряду съ этимъ извѣстная часть земли марки — луга, пустоши, лѣса — находилась въ нераздѣльномъ общинномъ пользованіи всѣхъ членовъ марки; пахатная же земля находилась въ долевомъ владѣніи крестьянъ—членовъ марки. Такимъ образомъ, въ германской маркѣ мы наблюдаемъ сочетаніе частнаго владѣнія, долеваго и общаго, причемъ въ общемъ пользованіи находились пустоши, сѣнокосы и лѣса. Общинное пользованіе сѣнокосомъ, лѣсами и лугами сохранилось и до настоящаго времени въ Швейцаріи и южной Германіи и составляетъ собой такъ называемую альменду.

Нужны были совершенно особыя условія, чтобы долевое владѣніе превратилось въ уравнительно-передѣльное. При долевомъ владѣніи имущественнаго равенства не существуетъ, богатые владѣютъ большимъ количествомъ земли, чѣмъ бѣдные, и естественно стремятся закрѣпить за собой свои участки земли; происходитъ борьба, въ которой верхъ одерживается, конечно, богатыми. Поэтому долевая община легко превращается въ частное землевладѣніе и нужна извѣстная внѣшняя сила, чтобы изъ долевой общины возникла уравнительно-передѣльная. Такой внѣшней силы не оказалось въ наличности въ западной Европѣ; изъ долевой общины на Западѣ возникло частное землевладѣніе. Прежде всего свободная, незанятая земля была захвачена въ частную собственность господствующими лицами—короли, герцоги являются первыми землевладѣльцами. Затѣмъ къ нимъ присоединяется дворянство, съ одной стороны, и духовенство—съ другой. Мало по малу всѣ эти общественныя группы захватываютъ въ свою собственность не только свободныя земли, но и земли, находившіяся раньше во владѣніи свободныхъ крестьянъ, а этихъ послѣднихъ превращаютъ въ своихъ крѣпостныхъ. Но крестьяне, хотя и утративъ свою сво-

боду, продолжаютъ обрабатывать тѣ же земельные участки, что и раньше—долевая община у нихъ сохраняется—и лишь значительно позже, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне избѣжали окончательнаго обезземеливанія, долевая община разлагается съ освобожденіемъ крестьянъ на отдѣльные земельные участки, принадлежащіе на правахъ частной собственности отдѣльнымъ крестьянамъ.

Только на Востокѣ—и преимущественно въ Индіи—наблюдаются земельныя отношенія, вполнѣ аналогичныя нашей уравнительно-передѣльной общинѣ. Почему же въ Индіи возникла передѣльная община?

Рѣшающую роль сыграла въ этомъ случаѣ деспотическая государственная власть, непосредственно заинтересованная въ превращеніи долевой общины въ передѣльную. При долевомъ владѣніи неизбѣжно возникаетъ имущественное неравенство между крестьянскими дворами, что затрудняетъ исправное внесеніе податей. Лучшимъ средствомъ для государства, при примитивности государственнаго механизма, обезпечить исправное внесеніе податей является круговая порука плательщиковъ, при которой государство не знаетъ отдѣльныхъ плательщиковъ, такъ какъ передъ нимъ отвѣчаетъ другъ за друга коллективно вся группа плательщиковъ. Подати при этомъ обычно разверстываютъ подушно. Разъ вся деревня коллективно отвѣчаетъ за правильное внесеніе податей, то, естественно, она заинтересована и въ томъ, чтобы каждый отдѣльный плательщикъ могъ выплатить свою часть, а для этого необходимо, чтобы каждый получалъ равное количество земли соотвѣтственно равной подати, которая на него налагается. Это и было той движущей силой, которая превратила долевую общину въ общину передѣльную[5]). А такъ какъ такое деспотическое государство характерно только для Востока, то этимъ и объясняется, почему на Западѣ мы видимъ совершенно другія земельныя отношенія: на Западѣ государство не было такъ сильно, чтобы уравнять населеніе въ имущественномъ отношеніи.

На Западѣ крестьянское землевладѣніе очень пострадало отъ роста дворянскаго частнаго землевладѣнія. Въ Англіи большая часть общинныхъ земель была просто захвачена дворянствомъ, причемъ захватъ этотъ шелъ особенно энергично въ двѣ эпохи — въ 16 вѣкѣ и въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣка. Въ первую эпоху побудительнымъ толчкомъ къ этимъ захватамъ явилось распространеніе крупнаго овцеводства, вызваннаго, въ свою очередь, вздорожаніемъ шерсти. Дворянство, для увеличенія своихъ пастбищъ, захватывало крестьянскія земли,

и, такимъ образомъ, исчезла значительная часть общинныхъ земель. Затѣмъ этотъ процессъ пріостановился на два столѣтія и возобновился въ концѣ 18 вѣка, когда повышеніе цѣнъ на хлѣбъ создало новый сильный мотивъ для захвата земель. Права крестьянъ на ихъ землю были очень неопредѣленны и грабежъ крестьянской земли могъ совершаться на законномъ основаніи. Такимъ образомъ, англійская община пала не столько путемъ раздѣла земли между прежними общинниками, сколько путемъ прямого захвата общинныхъ земель дворянствомъ.

Въ Англіи наблюдается наиболѣе полнѣе исчезновеніе не только общинныхъ земель, но и вообще крестьянскаго землевладѣнія, и наибольшее развитіе крупнаго частнаго землевладѣнія. Въ другихъ странахъ этотъ процессъ не зашелъ такъ далеко благодаря тому, что только въ Англіи классъ дворянъ имѣлъ такое преобладающее значеніе въ политическомъ строѣ страны. Почти повсемѣстно въ западной Европѣ сохранилось крестьянское землевладѣніе и существуетъ въ настоящее время рядомъ съ крупнымъ. Сохранились, въ большей или меньшей мѣрѣ, и общинныя земли (т. е. земли, принадлежащія отдѣльнымъ общинамъ, какъ муниципальнымъ учрежденіямъ, публичноправовымъ союзамъ). Однако, эти общинныя земли (кромѣ такъ назыв. альменды) не находятся въ пользованіи членовъ общины и эксплоатируются общинами обычнымъ капиталистическимъ образомъ—путемъ отдачи ихъ въ аренду.

III.

Только въ Россіи, изъ всѣхъ европейскихъ странъ, мы замѣчаемъ широкое развитіе общиннаго землепользованія, понимая подъ общиннымъ землепользованіемъ такое, при которомъ земля, принадлежащая извѣстному трудовому союзу, какъ цѣлому, находится въ трудовомъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ этого союза.

Такая система составляетъ характерную особенность аграрнаго строя Россіи. О происхожденіи русской общины велось много споровъ. Чичеринъ высказалъ взглядъ, что русская община сравнительно недавняго происхожденія и представляетъ собой продуктъ податной организаціи Московскаго государства. Статья Чичерина вызвала цѣлый рядъ возраженій, между прочимъ Бѣляева, который держался того мнѣнія, что община есть

исконное учрежденіе славянскаго родового быта. Общественное мнѣніе признало Чичерина разбитымъ и подъ вліяніемъ Чернышевскаго у насъ утвердилось мнѣніе, что община есть отправный пунктъ аграрнаго развитія Россіи, какъ и другихъ странъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что говоря объ общинѣ Чернышевскій, какъ и другіе, имѣлъ въ виду именно уравнительно-передѣльную общину, свойственную, по этому мнѣнію, всѣмъ народамъ на первыхъ ступеняхъ ихъ развитія.

Теперь мы знаемъ, что это не такъ. Если долевая община, дѣйствительно, была въ прежнее время широко распространена у различныхъ народовъ, то этого отнюдь нельзя сказать о передѣльной общинѣ. Передѣльная община, несомнѣнно, возникла гораздо позже. На происхожденіе передѣльной общины пролили много свѣта новѣйшія работы по исторіи общины въ Сибири.

Сибирская община интересна, въ особенности, потому, что она является, по выраженію ея изслѣдователя А. А. Кауфмана, какъ бы застывшей исторіей общины—въ томъ смыслѣ, что въ Сибири мы одновременно наблюдаемъ общину во всѣхъ послѣдовательныхъ стадіяхъ ея развитія.

Можно различить три формы сибирской общины—*захватное* землепользованіе, *общинно-захватное* и *общинно-передѣльное*. Первая форма—*захватное* землепользованіе наблюдается тамъ, гдѣ земельный просторъ такъ великъ, что необработанная земля совсѣмъ или почти совсѣмъ не имѣетъ цѣнности. Каждый, по своему усмотрѣнію, захватываетъ участокъ земли для своего пользованія; такой захваченный участокъ образуетъ заимку. Захватъ признается состоявшимся, если напр., захваченное мѣсто отмѣчено знаками на корѣ деревьевъ или на камняхъ. Эта захватная форма землепользованія съ внѣшней стороны похожа на частную земельную собственность, такъ какъ заимщикъ можетъ дѣлать съ захваченной землей все, что угодно—можетъ ее продавать, перепродавать по наслѣдству и т. п. Однако, сходство это больше внѣшнее. Прежде всего, заимка уже потому не есть собственность, что она больше фактъ, чѣмъ право: она не есть сложившійся юридическій институтъ, ибо на этой стадіи аграрнаго развитія выработанные правовые институты по отношенію къ землѣ отсутствуютъ. Заимку членъ общины можетъ дѣлать только въ предѣлахъ территоріи, принадлежащей данной общинѣ; уже въ этомъ сказывается право общины на данную территорію. Правда, до поры до времени община не пользуется своимъ правомъ и ея мѣсто заступаютъ отдѣльные заимщики; но это объ-

ясняется лишь тѣмъ, что при земельномъ просторѣ интересы отдѣльныхъ заимщиковъ не сталкиваются другъ съ другомъ.

Рѣшающую роль во всей дальнѣйшей земельной эволюціи играетъ проведеніе границъ между отдѣльными поселками. Каждый поселокъ представляетъ собой солидарную группу лицъ, старающихся оградить территорію своего поселка отъ вторженія постороннихъ элементовъ. Съ возникновеніемъ границъ между отдѣльными поселками создается представленіе о томъ, что земля принадлежитъ данной группѣ лицъ, членамъ даннаго поселка. На ряду съ *твоей и моей* землей, возникаетъ уже представленіе о *нашей* землѣ.

Почему же, однако, границы проводятся между цѣлыми поселками, а не между отдѣльными заимками? Потому, что первоначальное земледѣліе носитъ подвижной характеръ. Отдѣльные заимщики мѣняютъ свои участки земли, часто переносятъ свои жилища, заимщикъ не прикрѣпленъ ни къ какому опредѣленному участку земли. Неподвижна лишь та территорія, въ предѣлахъ которой совершаются заимки, почему и границы проводятся между извѣстными болѣе или менѣе обширными районами, между общинами. Въ народномъ правосознаніи, такимъ образомъ, мало-по-малу складывается идея о коллективномъ владѣніи.

Второй періодъ развитія общины—*захватно-общинное* землепользованіе—вызывается увеличеніемъ земельной тѣсноты. Возникаютъ столкновенія экономическихъ интересовъ, заимщики мѣшаютъ другъ другу; столкновенія эти разрѣшаются переходомъ общины въ слѣдующую фазу своего развитія, захватно-общинную: община подвергаетъ ограниченіямъ право захвата. При первоначальномъ захватѣ не требуется затраты труда, чтобы обезпечить за собой право пользованія захваченнымъ участкомъ. Теперь же создается болѣе сложное трудовое право на землю, состоящее въ томъ, что заимщикъ признается имѣющимъ право распоряжаться заимкой только до тѣхъ поръ, пока онъ вкладываетъ въ землю свой трудъ; когда же онъ перестаетъ пользоваться своимъ участкомъ (напримѣръ, перестаетъ его обрабатывать), то участокъ признается свободнымъ и каждый можетъ захватить его для приложенія къ нему своего труда. Такія формы захвата, какъ нанесеніе знаковъ на корѣ деревьевъ и т. п. признаются недѣйствительными. Чтобы права захвата уважались, требуется, чтобы захватчикъ приложилъ свой *трудъ* къ землѣ—расчистилъ лѣсъ, обработалъ почву. Община принимаетъ различныя мѣры, чтобы ни одинъ заимщикъ не нарушалъ трудовыхъ правъ другихъ заимщиковъ.

Однако, при захватно-общинной формѣ остается въ полной силѣ значительное неравенство въ пользованіи: кто богаче, у кого больше скота, кто сильнѣе рабочими руками, кто захватилъ раньше больше земли, тотъ и владѣетъ большимъ количествомъ ея. Мало-по-малу община начинаетъ склоняться къ признанію права каждаго человѣка на существованіе, начинаетъ признавать, что и безземельные имѣютъ право на землю, если они желаютъ прилагать къ ней свой трудъ. На этой стадіи община еще не трогаетъ земель, находящихся въ пользованіи отдѣльныхъ ея членовъ, но уже начинаетъ распоряжаться нѣкоторыми земельными участками, напр., выморочными, или принадлежащими недоимщикамъ, которые она и передаетъ безземельнымъ. Такимъ образомъ, возникаютъ первые, но еще частичные, не общіе и не уравнительные передѣлы.

Съ возникновеніемъ уравнительныхъ передѣловъ—равнаго распредѣленія земли между общинниками—община вступаетъ въ третью фазу своего развитія, уравнительно-передѣльную. Рѣшающую роль въ возникновеніи передѣловъ въ Сибири сыграли факторы двоякаго рода—съ одной стороны, уменьшеніе земельнаго простора благодаря росту населенія, съ другой, фискальная политика правительства—подушная подать въ связи съ круговой порукой [6]). При существованіи круговой поруки и недостаткѣ земли у части общественниковъ крестьянскій міръ стоялъ передъ альтернативой: или разверстать платежи по землямъ, или же всю землю разверстать поровну по душамъ. При тяжести платежей первый способъ разверстки можетъ быть невыгоденъ именно многоземельнымъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, единственнымъ практическимъ выходомъ являлась разверстка земли по душамъ—земля распредѣлялась между плательщиками податей такъ же равномѣрно, какъ и сама подать.

Такъ создалась уравнительно-передѣльная община, которую мы наблюдаемъ въ Сибири, гдѣ она возникаетъ еще на нашихъ глазахъ при наступленіи извѣстной степени земельной тѣсноты. Въ другихъ же мѣстахъ Россіи, напримѣръ, въ архангельской, вологодской, херсонской, харьковской, екатеринославской губ.—передѣльная община возникла въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣка [7]). Въ старинныхъ малороссійскихъ губерніяхъ въ 18 вѣкѣ совсѣмъ не существовало передѣльной общины и противоположныя утвержденія И. В. Лучицкаго основаны, какъ убѣдительно доказываетъ А. Я. Ефименко, на чистомъ недоразумѣніи. Проф. Лучицкій, подобно многимъ другимъ историкамъ общины, не проводитъ различія между общиннымъ землепользованіемъ, какъ своеобразнымъ

способомъ пользованія воздѣланной землей, и общимъ владѣніемъ свободными, незанятыми землями. Но вѣдь общее владѣніе далеко не одно и то же, что общинное землепользованіе. Общинныя земли (т. е. земли, принадлежащія общинамъ, какъ публичноправовымъ союзамъ) существуютъ и въ настоящее время повсемѣстно въ западной Европѣ, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что на Западѣ повсемѣстно существуетъ общинное землепользованіе. И такого землепользованія Украйна 18 вѣка совсѣмъ не знала [8]). Въ центральной Россіи уравнительно-передѣльная община сложилась, вѣроятно, не ранѣе конца 17 вѣка.

IV.

Высшимъ типомъ общины является община передѣльная. Общинные передѣлы бываютъ двухъ родовъ—количественные и качественные. Количественные передѣлы состоятъ въ количественномъ уравненіи землепользованія каждаго отдѣльнаго члена общины, въ уравниваніи его доли въ общинной землѣ. При качественномъ же передѣлѣ доля каждаго въ общинной землѣ остается неизмѣнной, а происходитъ лишь обмѣнъ участками въ зависимости отъ ихъ качества—уравнивается качество земли. Передѣлы того и другого рода не слѣдуетъ смѣшивать другъ съ другомъ. Для передѣльной общины типиченъ именно количественный передѣлъ.

Обыкновенно подъ словомъ „передѣлъ“ подразумѣваютъ количественный передѣлъ; качественный же передѣлъ крестьяне обычно называютъ переверсткой или же жеребьевкой. Періодическіе количественные передѣлы вызываются тѣмъ, что благодаря неодинаковому разростанію семействъ отдѣльныхъ членовъ общины установленная предшествующимъ передѣломъ уравнительность землепользованія исчезаетъ, слѣдствіемъ чего является необходимость новаго передѣла земель.

Нормы количественныхъ передѣловъ, т. е. единицы, примѣнительно къ которымъ происходитъ выравниваніе земли, бываютъ разнообразны. Самой примитивной единицей, примѣнительно къ которой совершается передѣлъ, является отдѣльный крестьянскій дворъ: земля дѣлится поровну между всѣми крестьянскими дворами. Такіе передѣлы по дворамъ по отношенію къ пашнямъ практикуются очень рѣдко, а по отношенію къ усадебнымъ землямъ (поскольку таковыя вообще передѣляются) они являются общимъ правиломъ, потому что потребности отдѣльныхъ семействъ въ уса-

дебной землѣ почти не зависятъ отъ числа членовъ въ семействѣ, почему дѣленіе усадебной земли поровну на дворъ является наиболѣе равномѣрнымъ.

Другой нормой передѣловъ является рабочая сила каждаго двора,—обыкновенно число мужчинъ рабочаго возраста. Земля въ этомъ случаѣ развертывается пропорціонально числу мужчинъ рабочаго возраста въ каждомъ дворѣ. Однако, при передѣлѣ по рабочимъ силамъ нерѣдко принимается въ разсчетъ не только количество работниковъ, но и хозяйственная сила даннаго двора (количество скота, построекъ). Чѣмъ дворъ сильнѣе экономически, тѣмъ больше дается ему земли.

Третьимъ, высшимъ типомъ передѣла является передѣлъ по потребительнымъ нормамъ (по „ѣдокамъ“). Въ этомъ случаѣ община стремится возможно точнѣе учесть потребительныя нужды семьи и соотвѣтственно этому распредѣляетъ землю между отдѣльными дворами; на несовершеннолѣтнихъ и дѣтей земли начисляется обычно меньше, чѣмъ на взрослыхъ, причемъ иногда устанавливается весьма детальная градація между возрастомъ и долей надѣляемой земли.

Два послѣдніе типа распредѣленія земли—по рабочимъ и по потребительнымъ нормамъ — являются наиболѣе распространенными. Передѣлъ по рабочимъ нормамъ обычно имѣетъ мѣсто тогда, когда или земля имѣетъ малую цѣнность—ея много—или платежи за нее такъ высоки, что надѣлъ для крестьянина „не кормитель, а разоритель“. Первое наблюдается, напр., въ сибирской общинѣ. При наличности земельнаго избытка самымъ уравнительнымъ распредѣленіемъ земли является такое, при которомъ каждый получаетъ столько земли, сколько способенъ обработать. Съ другой стороны, распредѣленіе земли по рабочимъ нормамъ встрѣчается и въ совершенно иной экономической обстановкѣ. Примѣромъ можетъ служить община бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ центральномъ районѣ Россіи. Первыя десятилѣтія послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права платежи, лежавшіе на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ, были очень высоки и доходы съ земли (въ нечерноземномъ районѣ) не покрывали платежей. Надѣлъ являлся большой тяжестью для крестьянъ, и такъ какъ существовала круговая порука, то иной развертки земли, какъ по рабочимъ силамъ каждаго двора, не могло и быть—въ противномъ случаѣ кретьянинъ не могъ бы справиться съ лежавшими на немъ платежами.

Напротивъ, передѣлы по потребительнымъ нормамъ получаютъ большее распространеніе тамъ, гдѣ земли мало, она имѣетъ

высокую цѣнность, и лежащія на ней платежи далеко не достигаютъ ея доходности.

Передѣлъ называется общимъ (кореннымъ)—когда передѣлу подвергаются всѣ земли общины; частнымъ—когда передѣлу подвергается лишь часть земель общины, напр., выморочныя земли, земли недоимщиковъ и т. п. Частные передѣлы были особенно распространены въ первыя десятилѣтія послѣ реформы у тѣхъ группъ крестьянъ, надѣльныя земли которыхъ были обременены платежами, превышавшими чистую доходность земли. При наличности круговой поруки община была въ этомъ случаѣ заинтересована въ томъ, чтобы немедленно передавать свободные надѣлы такому крестьянину, который былъ бы въ состояніи платить подати. Такимъ образомъ возникали въ московской и другихъ центральныхъ губерніяхъ частые частные передѣлы—такъ назыв. свалка-навалка душъ, бывшая раньше типичной для общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ центральнаго района.

Качественный передѣлъ вызывается тѣмъ, что не вся земля общины одинаковаго качества; при этомъ надо имѣть въ виду не только различія естественнаго плодородія почвы, но и цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ, вліяющихъ на удобство пользованія землей, напримѣръ, разстояніе даннаго участка отъ мѣста поселенія, неодинаковая геометрическая фигура участка, неодинаковая поверхность (склонъ) и т. п. Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно важны для земледѣльца и община стремится къ тому, чтобы каждый получалъ землю возможно болѣе одинаковаго качества. Для этой цѣли крестьяне разбиваютъ землю на коны, участки одинаковаго качества, и въ каждомъ конѣ каждый дворъ получаетъ по опредѣленной полосѣ. Такимъ образомъ дворъ получаетъ свою землю не въ одномъ отрубномъ участкѣ, а въ видѣ цѣлаго ряда полосъ, разбросанныхъ по всей площади земли, принадлежащей общинѣ. Коренной передѣлъ обязательно сопровождается качественнымъ, но качественный передѣлъ производится не только въ связи съ кореннымъ, но и въ промежуткахъ между коренными передѣлами, по слѣдующей причинѣ. При коренномъ передѣлѣ крестьянинъ, какъ сказано, получаетъ цѣлый рядъ полосъ въ различныхъ участкахъ—образуется черезполосица. Число этихъ полосъ бываетъ нерѣдко очень велико (до нѣсколькихъ десятковъ); съ теченіемъ времени черезполосица еще увеличивается, въ силу того, что земля, напр., дѣлится по наслѣдству между отдѣльными крестьянами—и въ то же время образуются выморочные участки. Черезполосица эта очень неудобна для крестьянъ, и средствомъ уменьшенія ея являются

качественные передѣлы—производится новая разверстка земли, при которой каждому отводятся возможно болѣе смежныя полосы.

Въ то время какъ количественный передѣлъ является характерной особенностью русской уравнительной общины, качественный передѣлъ свойствененъ и другимъ типамъ общины, напр. долевой общинѣ, которая существовала раньше на Западѣ и теперь существуетъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи.

Усадебныя и пріусадебныя крестьянскія земли обыкновенно совсѣмъ не передѣляются, или передѣляются очень рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, пахатныя земли въ функціонирующей общинѣ подвергаются періодическимъ передѣламъ обычно черезъ довольно значительные промежутки времени (напр., черезъ 12—15 лѣтъ), лѣса и луга передѣляются болѣе часто (луга, обыкновенно, ежегодно), а выгонъ находится въ постоянномъ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общины.

Весь характеръ общиннаго строя находится въ тѣсной связи съ количествомъ и цѣнностью земли, которой владѣютъ крестьяне, а также съ тяжестью лэжащихъ на ней платежей. Въ этомъ отношеніи рѣзко различается община бывшихъ государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Первые получили гораздо большій надѣлъ, на которомъ лежали меньшіе платежи. Надѣлъ вторыхъ былъ гораздо меньше и, въ то же время, гораздо больше обремененъ платежами. Неудивительно, что жизнеспособнѣе оказалась община бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Правда, въ первыя десятилѣтія послѣ крестьянской реформы въ этой общинѣ почти не наблюдалось общихъ передѣловъ, но объяснялось это тѣмъ, что крестьяне еще не знали своего права дѣлить землю независимо отъ ревизіи (періодической переписи мужского населенія, обложеннаго подушной податью—къ этимъ ревизіямъ государственные крестьяне въ дореформенное время обычно пріурочивали свои передѣлы) и ждали ревизіи. Такъ какъ ревизіи не послѣдовало, то крестьяне сами приступили къ передѣламъ и со второй половины 80-хъ годовъ общіе передѣлы среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ широкой волной прошли по всей Россіи.

Напротивъ, общины помѣщичьихъ крестьянъ въ центральномъ районѣ первое время послѣ освобожденія практиковали очень частые передѣлы—свалку-навалку душъ, благодаря непосильнымъ платежамъ. На югѣ же и въ средней черноземной полосѣ среди помѣщичьихъ крестьянъ количественныхъ передѣловъ совсѣмъ почти не было и нѣтъ по той причинѣ, что земля здѣсь является большой цѣнностью и каждый крестьянинъ цѣпко за нее держится,

тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ платить за нее высокій выкупъ. Такимъ образомъ, общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ средняго и южнаго районовъ, гдѣ количественные передѣлы почти не практикуются, являются только юридически уравнительными общинами. Благодаря высокимъ выкупнымъ платежамъ крестьяне стали здѣсь разсматривать свою надѣльную землю, какъ бы выкупленную ими въ частную собственность. Значительная часть общинъ этого типа приближается къ типу долевой общины. Количественныхъ передѣловъ въ этихъ общинахъ, какъ сказано, нѣтъ, а практикуются только качественные передѣлы, что и отличаетъ эту общину отъ семейно-участковаго владѣнія.

Семейно-участковое владѣніе характерно для Малороссіи, гдѣ во многихъ губерніяхъ уже и качественнаго передѣла нѣтъ, но сохранились кое-какіе остатки общиннаго права на землю, въ видѣ, напримѣръ, принудительнаго сѣвооборота (о которомъ ниже). Семейно-участковое владѣніе есть уже подворное владѣніе, но только не отрубное подворное, при которомъ каждый крестьянинъ имѣетъ свою землю въ отдѣльномъ отрубномъ участкѣ [9]).

Около $^4/_5$ всей надѣльной крестьянской земли въ Европейской Россіи принадлежитъ крестьянамъ на общинномъ правѣ. Но жизнеспособна ли община или же она постепенно разлагается и превращается въ подворное владѣніе? По этому вопросу много важныхъ данныхъ мы находимъ въ работахъ г. Качоровскаго, который собралъ огромный фактическій матеріалъ о современномъ положеніи русской общины. Изслѣдованіе г. Качоровскаго охватило 87 тыс. земельныхъ общинъ, съ населеніемъ около 25 милліоновъ душъ.

Согласно его даннымъ, общинъ, въ которыхъ въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ совсѣмъ не было количественныхъ коренныхъ передѣловъ, имѣется изъ общаго числа изслѣдованныхъ имъ общинъ 44% (при чемъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ такихъ общинъ имѣется 54%); но на долю этихъ не функціонирующихъ общинъ приходится лишь 29% крестьянскихъ дворовъ (бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—48%), а земли въ тѣхъ же не функціонирующихъ общинахъ имѣется лишь 26% (въ общинахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—47%) всей земли изслѣдованныхъ общинъ [10]). Такимъ образомъ, не функціонирующія крестьянскія общины по числу составляютъ почти половину, а у бывшихъ помѣщичьихъ и болѣе половины всѣхъ общинъ; но по численности въ нихъ населенія и по размѣру владѣемой ими земли онѣ спускаются значительно ниже, что указываетъ на то, что не функціонирующія общины

принадлежать къ числу малолюдныхъ и малоземельныхъ. Только у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ разложеніе общины, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, подвинулось очень значительно.

V.

Общинное землевладѣніе связано съ извѣстными особенностями землепользованія и надо рѣшить вопросъ, являются ли эти особенности тормозами или двигателями хозяйственнаго прогресса. Такими особенностями общиннаго землепользованія обычно являются: 1) *черезполосица*; 2) *принудительный сѣвооборотъ*; 3) *временность владѣнія*; 4) *перемѣны въ размѣрѣ владѣнія*.

Принудительный сѣвооборотъ есть неизбѣжный результатъ, съ одной стороны, черезполосицы, а съ другой стороны—обычая пасти скотъ на паровомъ полѣ и по жнивью. При наличности трехъ этихъ условій всѣ крестьяне той же общины должны придерживаться одной и той же системы полеводства, такъ какъ если бы кто либо изъ нихъ пожелалъ перейти къ новой системѣ полеводства, это помѣшало бы пастьбѣ скота. Черезполосица и принудительный сѣвооборотъ характерны не только для общиннаго, но и для большей части подворнаго землевладѣнія крестьянъ. Такъ, напримѣръ, въ нашихъ малороссійскихъ губерніяхъ, при семейно-участковомъ владѣніи, крестьянинъ обычно имѣетъ нѣсколько полосъ въ разныхъ поляхъ, откуда возникаетъ (въ связи съ пастьбой скота на пару и по жнивью) необходимость всѣмъ придерживаться одной и той же системы полеводства. Сходныя отношенія наблюдаются и въ очень многихъ крестьянскихъ хозяйствахъ Запада.

Несомнѣнно, что *черезполосица* представляетъ въ агрономическомъ отношеніи много весьма важныхъ неудобствъ: такъ какъ при этомъ каждая полоса очень узка (*мелкополосица*), то невозможна поперечная вспашка; сорныя травы на межникахъ засоряютъ поля, при сѣяніи пропадаетъ значительная часть зерна, происходитъ непроизводительная потеря земли на дорогахъ, приходится затрачивать много лишняго труда на передвиженія и т. д. Но не нужно упускать изъ виду, что зло черезполосицы не есть характерное отличіе именно общины, ибо черезполосица наблюдается и при подворномъ владѣніи. Даже можно сказать, что община, до нѣкоторой степени, даетъ средства къ борьбѣ съ черезполосицей путемъ переверстки, качественнаго передѣла, чего лишено подворное владѣніе.

Черезполосица естественно возникаетъ при всякой формѣ землевладѣнія благодаря раздѣленію земли между наслѣдниками, покупкамъ и продажамъ земли и т. п. Черезполосица характеризуетъ, напр., въ сильнѣйшей степени крестьянское хозяйство Германіи. По словамъ А. И. Чупрова, въ Баваріи иногда одинъ крестьянскій участокъ въ 5 гектаровъ состоитъ изъ многихъ десятковъ (до 90) полосъ. Въ Баденѣ на 1 крестьянскій участокъ приходится иногда по 200 и даже по 300 полосъ [11]). Для борьбы съ черезполосицей въ Германіи прибѣгаютъ къ особымъ пріемамъ, причемъ различаютъ два способа борьбы съ черезполосицей — прусскій и нассаускій типы. Прусскій типъ былъ вызванъ политикой прусскаго правительства, стремившагося, главнымъ образомъ, къ округленію помѣщичьихъ владѣній. Согласно закону 1872 г. право требовать размежеванія черезполосной земли въ отрубные участки предоставлено въ Пруссіи владѣльцамъ, имѣющимъ болѣе половины всей площади черезполосной земли. По ихъ заявленію правительственная власть производитъ размежеваніе черезполосной земли, причемъ законъ требуетъ, чтобы каждый владѣлецъ получалъ землю, по возможности, въ одной отрубной межѣ. Интересы крестьянъ при этомъ могутъ сильно страдать, такъ какъ крестьяне могутъ получить землю другого качества и даже другого рода угодье (напр., пашню вмѣсто луга).

Въ южной Германіи господствующимъ является нассаускій типъ размежеванія; въ этомъ случаѣ размежеваніе допускается лишь тогда, когда на таковое согласно большинство всѣхъ владѣльцевъ черезполосной земли, владѣющихъ, при томъ, въ совокупности не менѣе, чѣмъ половиной всей черезполосной земли. Нассаускій типъ стремится не къ уничтоженію, а лишь къ уменьшенію черезполосицы, безъ нарушенія интересовъ крестьянскаго хозяйства, и сохраняя въ распоряженіи каждаго тѣ же угодья, какими онъ владѣлъ и раньше.

Но даже и прусское законодательство на практикѣ далеко не достигаетъ той цѣли, которую ставитъ—полнаго уничтоженія черезполосицы: приходится и въ этомъ случаѣ мириться съ тѣмъ, что черезполосица остается, хотя и въ менѣе сильной степени. Даже и прусское законодательство предвидитъ возобновленіе черезполосицы, допуская черезъ 30 лѣтъ новое размежеваніе, ибо, въ силу вышеуказанныхъ причинъ, черезполосица черезъ извѣстный промежутокъ времени неизбѣжно должна возникнуть [12]).

Что же такое представляетъ собой періодическое размежеваніе земли, практикующееся въ Германіи? Не что иное, какъ ка-

чественный передѣлъ земли, совершенно аналогичный таковому же въ предѣлахъ общины. Значитъ, качественные передѣлы земли требуются самой природой индивидуальнаго землепользованія—и гдѣ такихъ передѣловъ нѣтъ, тамъ они вводятся спеціальнымъ законодательствомъ (германское законодательство о размежеваніи). Законъ въ этомъ случаѣ создаетъ нѣчто аналогичное исчезнувшему общинному механизму. Въ большинствѣ государствъ западной Европы существуетъ спеціальное законодательство о размежеваніи черезполосныхъ земель, построенное на различныхъ основаніяхъ, но во всякомъ случаѣ признающее за отдѣльными частными владѣльцами черезполосной земли право требовать уничтоженія или уменьшенія черезполосицы даже если этому и противится тотъ или иной владѣлецъ. Такимъ образомъ, право частной собственности на земли испытываетъ въ этомъ случаѣ, во имя общихъ интересовъ, существенное ограниченіе.

Гдѣ же этого спеціальнаго законодательства не существуетъ, тамъ борьба съ черезполосицей представляетъ огромныя трудности. Возьмемъ, напр., наше малороссійское семейно-участковое черезполосное владѣніе. Въ этомъ случаѣ необходимо единогласіе всѣхъ владѣльцевъ черезполосной земли, чтобы уменьшить черезполосицу или уничтожить принудительный сѣвооборотъ. Одного несогласнаго владѣльца достаточно, чтобы все осталось по старому. Неудивительно, что многіе комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности настаивали въ 1903 г., въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ господствуетъ подворное землевладѣніе, на предоставленіи большинству владѣльцевъ черезполосной земли права требовать размежеванія и т. п. — иными словами, настаивали на возсозданіи общиннаго механизма.

Принудительный сѣвооборотъ есть слѣдствіе черезполосицы. Несомнѣнно, принудительный сѣвооборотъ имѣетъ свои очень важныя отрицательныя черты, препятствуя отдѣльному хозяину переходить къ болѣе совершеннымъ системамъ полеводства. Съ другой стороны, если при принудительномъ сѣвооборотѣ невозможенъ для отдѣльнаго крестьянина самостоятельный переходъ къ новой системѣ полеводства, зато, если община рѣшитъ перейти къ такой системѣ, переходъ такой совершается быстро и охватываетъ собой сразу всѣ хозяйства. Именно въ силу этого такъ быстро распространилось въ 90-е годы закончившагося вѣка въ московской губерніи травосѣяніе. Къ концу 1905 г. уже 1.170 общинъ въ этой губерніи перешли къ травосѣянію. Такой быстрый агрономическій прогрессъ обусловливался именно принудительнымъ началомъ общиннаго землепользованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, если принудительный сѣвооборотъ препятствуетъ повышенію техники отдѣльными хозяевами, то онъ препятствуетъ и пониженію техники отдѣльными хозяевами. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ полтавской губерніи нѣтъ черезполосицы и принудительнаго сѣвооборота въ крестьянскомъ хозяйствѣ. И въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ не болѣе совершенную, а самую несовершенную систему полеводства. Здѣсь, какъ слѣдствіе крайней нужды крестьянъ въ землѣ, господствуетъ самая хищническая культура земли, такъ назыв. пестрополье: земля не оставляется подъ паромъ черезъ два года въ третій (какъ при трехпольѣ), а засѣвается много лѣтъ подрядъ однимъ и тѣмъ же хлѣбомъ, слѣдствіемъ чего является крайнее истощеніе почвы.

Затѣмъ, не нужно забывать, что если и признавать закрѣпленіе одной и той-же системы полеводства большимъ зломъ, то при общинномъ землевладѣніи все же существуютъ способы борьбы съ этимъ зломъ: община можетъ по большинству голосовъ измѣнить систему полеводства и фактически ее измѣняетъ, переходя къ болѣе интенсивнымъ системамъ, какъ показалъ примѣръ введенія травосѣянія на надѣльныхъ поляхъ въ московской, тверской и другихъ губерніяхъ. Но при существованіи института пастьбы скота по пару и по жнивью при черезполосномъ подворномъ владѣніи измѣненіе системы полеводства становится совершенно невозможнымъ, такъ какъ для того требуется единодушное согласіе всѣхъ владѣльцевъ черезполосныхъ участковъ—а такое единодушіе, при различіи интересовъ, недостижимо. Поэтому нѣкоторые комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ губерніяхъ съ подворнымъ владѣніемъ признали желательнымъ предоставить владѣльцамъ подворныхъ черезполосныхъ участковъ право требовать по большинству $^2/_3$ голосовъ измѣненія господствующей системы полеводства—т. е. опять-таки воссозданіе общиннаго механизма.

Что касается до временности владѣнія (вытекающей изъ передѣловъ), то она также имѣетъ очень существенныя отрицательныя стороны. Крестьянинъ лишается того участка земли, который онъ обрабатывалъ втеченіе ряда лѣтъ и получаетъ другой—плоды труда одного достаются другому, что не можетъ не препятствовать тщательности ухода за землей. Однако, жалобъ на качественные передѣлы не слышится изъ тѣхъ районовъ, гдѣ земля совершенно не унаваживается, равно какъ и изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ вся земля унаваживается. Качественный передѣлъ оказывается существеннымъ препятствіемъ для агрономическаго прогресса крестьянскаго хозяйства лишь въ тѣхъ районахъ, ко-

торые только переходятъ къ удобренію земли. И это совершенно понятно: гдѣ не практикуется удобреніе земли, тамъ крестьянинъ взамѣнъ одного неунавоженнаго участка получаетъ другой такой же и, значитъ, ничего не теряетъ. Точно такъ же, если всѣ унаваживаютъ свои участки, обмѣнъ ими не представляетъ значительныхъ неудобствъ. Но гдѣ часть крестьянъ унаваживаетъ землю, а часть нѣтъ, тамъ качественный передѣлъ становится затруднителенъ. Однако, и съ этой трудностью община можетъ справиться, допуская обмѣнъ унавоженныхъ земель лишь на унавоженныя же, или же установивъ извѣстное вознагражденіе тѣмъ хозяевамъ, которые при передѣлѣ теряютъ свои унавоженныя полосы.

Неудобства перемѣны размѣра владѣнія (при количественномъ передѣлѣ) заключаются въ томъ, что у крестьянина можетъ не хватить инвентаря для обработки своего участка, если размѣры этого участка при передѣлѣ значительно увеличатся, а въ противномъ случаѣ можетъ оказаться излишній инвентарь. Однако, на практикѣ неудобство это обычно разрѣшается тѣмъ, что въ первомъ случаѣ крестьянинъ уменьшаетъ размѣры своей аренды (къ которой онъ обычно прибѣгаетъ), во второмъ—увеличиваетъ эти размѣры. Кромѣ того, крестьянскій инвентарь служитъ не только для земледѣльческихъ цѣлей и крестьянинъ можетъ использовать его для подсобныхъ заработковъ (напр., для извоза).

Невыгодамъ общиннаго землепользованія противостоятъ извѣстныя выгоды его, сравнительно съ подворнымъ, сводящіяся, преимущественно, къ тому, что община, объединяя въ хозяйственномъ отношеніи обширный кругъ лицъ, даетъ имъ возможность соединять свои силы для достиженія тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ цѣлей, недостижимыхъ для одиночнаго рабочаго. Такъ, напр., община нерѣдко совершаетъ обширныя работы по осушенію полей и луговъ, устройству плотинъ, прудовъ и т. п. Иногда, какъ напр. въ самарской и саратовской губерніяхъ, община борется съ сухостью климата путемъ очень сложныхъ оросительныхъ сооруженій [13]). Вообще община, содѣйствуя развитію взаимопомощи крестьянскаго населенія, имѣетъ огромное воспитательное значеніе для всей массы общиннаго крестьянства.

VI.

Обычной ошибкой при изслѣдованіи нашей общины является то, что реальную русскую общину сравниваютъ не съ реальнымъ, а съ идеальнымъ подворнымъ владѣніемъ въ одномъ отрубномъ участкѣ, и приходятъ, въ результатѣ такого сравненія, къ кате-

горическому осужденію общины [14]). На самомъ же дѣлѣ, причина бѣдности крестьянина коренится не въ формѣ землевладѣнія—общинной или подворной,—а въ недостаткѣ у крестьянина земли и низкомъ уровнѣ его агрономической техники. И при подворномъ и при общинномъ землевладѣніи крестьянинъ одинаково бѣденъ. Техника его земледѣлія примитивна какъ тамъ, гдѣ онъ владѣетъ землей на общинномъ, такъ и тамъ, гдѣ онъ владѣетъ ею на подворномъ правѣ. И если уже сравнивать въ этомъ отношеніи общинное землевладѣніе съ реальнымъ же черезполоснымъ подворнымъ крестьянскимъ владѣніемъ (а другого у насъ почти и нѣтъ, если оставить въ сторонѣ остзейскія губерніи и Польшу, гдѣ общія условія крестьянскаго хозяйства совершенно иныя, чѣмъ въ Россіи), то преимущество, въ отношеніи агрономической техники, придется отдать, если стоять на почвѣ фактовъ, во всякомъ случаѣ, не подворному владѣнію. Въ исторіи нашего крестьянскаго хозяйства единственный крупный шагъ въ дѣлѣ измѣненія устарѣлаго трехполья сдѣланъ за послѣднее время именно общиннымъ крестьянскимъ хозяйствомъ—введеніемъ травосѣянія. Но какъ могутъ измѣнить систему полеводства крестьяне-подворники, пасущіе свой скотъ на поляхъ другъ друга? Вообще, какъ ни примитивно хозяйство какого-нибудь московскаго или ярославскаго общинника, но хозяйство полтавскаго или черниговскаго подворнаго крестьянина еще примитивнѣе. Значитъ, не въ уничтоженіи общины и вообще не въ измѣненіи формы крестьянскаго землевладѣнія нужно видѣть средство для поднятія техники крестьянскаго земледѣлія.

За послѣднее время аграрная политика нашего правительства направилась къ распространенію среди крестьянскаго населенія „хуторнаго хозяйства“ — хозяйства на отдѣльныхъ отрубныхъ участкахъ въ одной межѣ. Предварительнымъ условіемъ для этого является размежеваніе черезполосныхъ крестьянскихъ земель въ отрубные участки и перенесеніе на нихъ крестьянскихъ усадебъ, что представляетъ собой весьма трудную и сложную задачу. Съ точки зрѣнія чисто агрономической хуторное хозяйство имѣетъ, несомнѣнно, огромныя преимущества передъ хозяйствомъ на множествѣ разбросанныхъ мелкихъ полосъ. Но, прежде всего, для возможности хуторнаго хозяйства требуется, чтобы хуторъ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для сельскаго хозяйства и имѣлъ достаточные размѣры. Правильное хуторное хозяйство требуетъ извѣстнаго минимума земледѣльческой площади, на которой ведется хозяйство; точно также невозможно хуторное хозяйство, если на хуторѣ не имѣется достаточнаго количества воды. Между

тѣмъ, на нашемъ земледѣльческомъ югѣ недостатокъ воды чувствуется очень сильно и одно уже это обстоятельство можетъ явиться серьезнымъ препятствіемъ для распространенія въ этомъ районѣ хуторнаго хозяйства.

Кромѣ того, нужно принять во вниманіе и общекультурныя послѣдствія уничтоженія деревни и замѣны ея отдѣльными хуторами. Посѣщеніе школы, церкви, врачебная помощь, всевозможные виды взаимопомощи чрезвычайно затрудняются разбросанностью населенія, въ особенности при существующихъ у насъ дорогахъ или, вѣрнѣе, бездорожьи. И потому только одни агрономическія соображенія не могутъ играть рѣшающей роли въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ измѣненіе привычныхъ съ незапамятныхъ временъ условій разселенія народа.

Именно по этой причинѣ въ Германіи многочисленныя попытки распространить среди крестьянъ хуторное хозяйство не повели къ значительнымъ результатамъ, особенно въ южной Германіи, странѣ развитаго крестьянскаго хозяйства. Нѣмецкій крестьянинъ предпочелъ общественную жизнь въ деревнѣ всѣмъ экономическимъ выгодамъ одинокой жизни на хуторѣ. Только въ немногихъ странахъ—напр. въ Швеціи, Даніи, Финляндіи, нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ Германіи, въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ хуторъ сталъ господствующей формой крестьянскаго хозяйства. Вообще, какъ показалъ опытъ, разселеніе на хутора удается лишь тамъ, гдѣ и раньше населеніе не жило обширными деревнями. Но разрушить деревню крайне трудно—уже по одному тому, что переносъ усадьбы на новое мѣсто потребуетъ огромныхъ расходовъ.

Что касается Россіи, то правительство послѣднее время настойчиво стремится къ насажденію у насъ хуторнаго хозяйства. И нельзя сказать, чтобы эти стремленія оставались безрезультатными. По оффиціальнымъ сообщеніямъ отъ начала іюля 1908 г., въ землеустроительныя коммиссіи, образованныя спеціально для того, чтобы проводить въ жизнь новѣйшую земельную политику правительства, поступили заявленія почти отъ 70 тысячъ домохозяевъ, владѣющихъ 774 тысячами десят. надѣльной и покупной земли, о желаніи разверстать свои земли и перейти на хуторное владѣніе. Всего больше такихъ заявленій поступило изъ самарской губ., гдѣ въ одномъ новоузенскомъ уѣздѣ болѣе 154 тыс. дес. должны быть разверстаны на хутора, затѣмъ въ уманскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, гдѣ большая часть крестьянскихъ обществъ выразила желаніе пе-

рейти къ хуторному владѣнію. Средній размѣръ образуемыхъ хуторныхъ владѣній равняется 11 дес.

Каковъ бы ни былъ дальнѣйшій ходъ хуторнаго разселенія нашего крестьянства, совершенно ясно, что хуторное хозяйство осуществимо только для лучше обезпеченной землей части крестьянства. Для малоземельнаго же крестьянства раздѣленіе земли на хутора равносильно прекращенію самостоятельнаго хозяйства, такъ какъ крестьянинъ не можетъ на ничтожномъ клочкѣ земли вести правильное земледѣліе, а подсобные заработки (напр., наемная работа или аренда земли въ помѣщичьихъ экономіяхъ) сильно затрудняются переселеніемъ крестьянина на хуторъ. Въ результатѣ, хуторное разселеніе крестьянства должно повести къ обезземеливанію болѣе слабой части крестьянства, земли которыхъ перейдутъ въ руки болѣе сильныхъ въ экономическомъ отношеніи крестьянскихъ группъ [15]).

И, во всякомъ случаѣ, хуторъ не можетъ у насъ стать господствующей формой крестьянскаго хозяйства — крестьянская масса останется при своихъ разбросанныхъ мелкихъ полосахъ, а хуторъ будетъ счастливымъ удѣломъ немногихъ избранныхъ, которые будутъ обладать достаточнымъ капиталомъ, чтобы завести хозяйство полукапиталистическаго типа.

Но уже самая техника разверстанія представляетъ собой процессъ очень медленный. По оффиціальнымъ даннымъ, къ іюлю 1908 г. поступили требованія о разверстаніи 774 тыс. десятинъ; къ тому же времени было разверстано, по тѣмъ же даннымъ, 57 тыс. дес. Если разверстаніе на хутора будетъ идти и впредь тѣмъ же темпомъ, то на разверстаніе всей крестьянской земли потребуется около 2000 лѣтъ — срокъ, нельзя сказать, чтобы очень короткій. Но будетъ-ли человѣчество нуждаться черезъ двѣ тысячи лѣтъ въ хуторахъ? Это позволительно подвергнуть сомнѣнію.

VII.

Отношеніе нашего законодательства къ общинѣ опредѣлялось очень сложными и нерѣдко противоположными вліяніями. Въ эпоху освобожденія крестьянъ въ нашихъ правящихъ сферахъ господствовало недовѣрчивое отношеніе къ общинѣ. Правда, интеллигенція относилась къ общинѣ съ величайшимъ сочувствіемъ. Но правительство было склонно думать, что община при новыхъ формахъ жизни должна разложиться; именно съ цѣлью содѣйствовать такому разложенію и былъ разрѣшенъ

переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному по большинству двухъ третей голосовъ и было предоставлено членамъ общины, выкупившимъ свой надѣлъ, право требовать выдѣла его въ частную собственность.

Несмотря, однако, на свое недовѣріе къ общинѣ, правительство не рѣшалось принять рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію общины. Дѣло въ томъ, что община была въ глазахъ правительства тѣсно связана съ круговой порукой—съ отвѣтственностью крестьянъ въ платежѣ податей другъ за друга,—а круговая порука казалась правительству единственнымъ средствомъ обезпечить исправное внесеніе крестьянами лежавшихъ на нихъ налоговъ и выкупныхъ платежей по погашенію выкупной ссуды—ссуды, оказанной крестьянамъ государствомъ для выкупа у помѣщиковъ земель, отошедшихъ крестьянамъ по положенію 19 февраля. Поэтому, ради круговой поруки, правительство соглашалось терпѣть и общину.

Послѣдующія десятилѣтія отмѣчены чрезвычайно любопытной эволюціей во взглядахъ нашихъ правящихъ сферъ. Вначалѣ община признавалась правительствомъ необходимой въ виду необходимости круговой поруки. Но въ 80-е годы закончившагося вѣка обнаружилось, что круговая порука уже отжила свое время и оказывается совершенно недѣйствительнымъ средствомъ для уничтоженія податныхъ недоимокъ. Несмотря на круговую поруку, крестьянскія недоимки все росли да росли. Даже, когда въ 80-хъ годахъ послѣдовали значительныя сокращенія платежей, лежащихъ на крестьянахъ, недоимки продолжали неуклонно накопляться.

Это убѣдило правительство въ несовершенствѣ нашей податной системы. Было произведено спеціальное разслѣдованіе, которое показало, что значительная часть недоимки падаетъ на богатыхъ крестьянъ, которые, несмотря на круговую поруку или, вѣрнѣе, именно благодаря ей, уклонялись отъ взноса лежавшихъ на нихъ податей. Объяснялось это тѣмъ, что въ то время какъ дореформенная община являлась болѣе или менѣе однороднымъ собраніемъ лицъ, для понужденія къ платежу которыхъ круговая порука была вполнѣ дѣйствительнымъ средствомъ, община пореформенная рѣзко дифференцирована по своему внутреннему составу и фактически находится подъ преобладающимъ вліяніемъ своихъ богатѣйшихъ членовъ. Держа въ своей зависимости крестьянскій міръ, богатые крестьяне пользовались имъ, какъ щитомъ, чтобы не платить податей; именно благодаря круговой порукѣ состоятельные крестьяне нерѣдко оказывались недоступными фиску. Такимъ образомъ, круго-

вая порука оказалась, въ концѣ-концовъ, очень неудобной формой податной системы, тѣмъ болѣе, что въ восьмидесятыхъ годахъ закончившагося вѣка правительство получило въ лицѣ податныхъ инспекторовъ тотъ административный механизмъ, который могъ удовлетворительно справляться съ дѣломъ взысканія податей съ населенія; въ результатѣ всего этого послѣдовало уничтоженіе круговой поруки [16]).

Но уничтоженіе круговой поруки не было равносильно уничтоженію общины. Въ 60-е годы правительство относилось къ общинѣ очень недовѣрчиво. Извѣстная Валуевская коммиссія 70-хъ годовъ выступила съ рѣзкой критикой общины и пришла къ признанію желательности разрѣшенія свободнаго выхода крестьянъ изъ общины. Въ 80-е годы отношеніе нашего правителества къ общинѣ значительно измѣнилось. Появилось сильное теченіе, сочувственное общинѣ; представителями этого послѣдняго теченія были такіе столпы нашего консерватизма, какъ Побѣдоносцевъ, Толстой, Дурново. Они признали нашу общину консервативнымъ учрежденіемъ, такъ какъ община препятствуетъ пролетаризаціи крестьянства и проникновенію къ намъ западноевропейскихъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній.

Напротивъ, другіе члены правительства были по политическимъ же соображеніямъ противъ общины, усматривая въ ней извѣстныя коммунистическія начала и опасаясь вліянія общиннаго духа на соціальные идеалы нашего крестьянства. Борьба этихъ направленій и опредѣлила собой всю послѣдующую политику нашего правительства по отношенію къ общинѣ.

Политика эта носила двойственный характеръ. Въ 1893 г. издаются два закона. Первымъ закономъ—о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и отмѣнѣ выдѣла надѣла при досрочномъ выкупѣ его—право продажи надѣльной земли подвергается очень существеннымъ ограниченіямъ и отмѣняется право отдѣльныхъ членовъ общины требовать выдѣла надѣла въ частную собственность при выкупѣ его за свой счетъ до срока окончательнаго погашенія выкупной ссуды. Другимъ же закономъ того же года, направленнымъ противъ свободы общины, крайне затрудняются частные передѣлы, а для коренныхъ передѣловъ назначается срокъ не менѣе 12 лѣтъ, причемъ утвержденіе приговоровъ о передѣлахъ предоставляется административней власти (уѣзднымъ съѣздамъ).

Такимъ образомъ, одинъ законъ былъ благопріятенъ, другой рѣзко неблагопріятенъ общинѣ.

За новѣйшее время, благодаря крестьянскому движенію по-

слѣднихъ лѣтъ, теченіе, враждебное общинѣ, получило въ нашихъ правящихъ кругахъ рѣшательный перевѣсъ. Выраженіемъ этого явился законъ 9 Ноября 1906 г., изданный въ порядкѣ временныхъ правилъ и разсматривающійся въ настоящее время въ Государственной Думѣ *).

Законъ этотъ предоставляетъ каждому члену сельскаго общества право требовать отъ общества выдѣла въ частную собственность той части общинной земли, которой онъ въ данное время владѣетъ. При этомъ, если общаго передѣла не было въ теченіе 24 лѣтъ, то за выдѣляющимся членомъ общины причитающаяся ему земля укрѣпляется въ собственность безъ всякаго платежа съ его стороны обществу. Если же втеченіе послѣднихъ 24 лѣтъ въ общинѣ были общіе передѣлы, то за выдѣляющимся общинникомъ укрѣпляется безъ всякаго платежа общинѣ та часть земли, которая соотвѣтствуетъ его долѣ въ общинной землѣ согласно нормамъ послѣдняго передѣла; вся же излишняя сверхъ этого земля укрѣпляется въ частную собственность за выдѣляющимся общинникомъ только по уплатѣ имъ общинѣ денежной суммы, соотвѣтствующей цѣнности этой земли, причемъ эта цѣнность опредѣляется по первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину угодій, которыя были отведены обществу въ надѣлъ и облагались выкупными платежами. Выдѣляющійся общинникъ сохраняетъ право пользованія всѣми тѣми угодьями, которыя находятся въ нераздѣльномъ пользованіи всей общины или передѣляются на особомъ основаніи, напр. выгонами, лугами, лѣсами и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣляющійся членъ общества можетъ требовать выдѣла себѣ укрѣпляемой за нимъ земли, по возможности, въ одномъ отрубномъ участкѣ; при общихъ передѣлахъ такія требованія обязательно удовлетворяются обществомъ, до наступленія же передѣла, если общество находитъ для себя неудобнымъ исполнить требованіе своего выдѣляющагося сочлена, оно должно, по его требованію, выкупить у него землю по цѣнѣ, опредѣляемой взаимнымъ соглашеніемъ, а при недостижимости таковаго, волостнымъ судомъ. Всѣ дѣла этого рода рѣшаются, въ случаѣ неудовлетворенія требованій выдѣляющихся членовъ общины самимъ обществомъ, земскими начальниками.

Законъ 9 ноября долженъ сыграть огромную роль въ исторіи нашей общины. Если онъ сохранится въ силѣ болѣе продолжительное время, то нельзя сомнѣваться, что наша община должна

*) Написано въ ноябрѣ 1908 г.

рухнуть. При существованіи этого закона непосредственно заинтересованы въ выходѣ изъ общины слѣдующія группы общинниковъ: во первыхъ, „многодушники"—всѣ тѣ крестьяне, которые владѣютъ бо́льшимъ количествомъ земли, чѣмъ причиталось бы имъ при новомъ передѣлѣ, и въ пользу которыхъ законъ экспропріируетъ остальную крестьянскую массу, предоставляя имъ, за ничтожную цѣну (ибо со времени крестьянской реформы земельныя цѣны чрезвычайно возросли, а законъ, при расцѣнки выкупаемой земли, исходитъ изъ выкупныхъ цѣнъ 1861 г.) землю, на которую они не имѣютъ никакого юридическаго права; во вторыхъ крестьянская бѣднота, не ведущая или почти не ведущая своего земледѣльческаго хозяйства и получающая возможность, путемъ закрѣпленія въ частную собственность своей земли, продать ее и выручить такимъ образомъ хотя бы незначительную денежную сумму; въ третьихъ, богатые крестьяне, получающіе возможность, путемъ скупки надѣловъ своихъ односельчанъ, существенно расширить на выгодныхъ условіяхъ свое землевладѣніе.

Съ другой стороны, средніе слои крестьянства должны существенно потерять отъ растаскиванія на клочки общинной земли особенно въ той формѣ, какъ это опредѣляется закономъ, предоставляющимъ право каждому общиннику закрѣплять за собой по своему усмотрѣнію землю, находящуюся въ его временномъ пользованіи и расположенную черезполосно съ землями другихъ общинниковъ, какъ бы это ни было неудобно для остальныхъ членовъ общины. Эти средніе слои крестьянства должны оказывать упорное сопротивленіе попыткамъ выдѣла; хотя законъ и предоставляетъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ этого рода земскимъ начальникамъ, но крестьянское общество имѣетъ, конечно, въ своемъ распоряженіи много способовъ воспрепятствовать своимъ сочленамъ идти противъ желанія большинства.

Такимъ образомъ, внутри общины подъ вліяніемъ закона 9 ноября должна возгорѣться ожесточеннѣйшая борьба, которая сама по себѣ должна дѣйствовать чрезвычайно разлагающимъ образомъ на общину. При такой борьбѣ правильное функціонированіе общиннаго механизма будетъ чрезвычайно затруднено и даже средніе слои крестьянства станутъ склоняться къ выходу изъ общины.

Законъ 9 ноября стремится водворить во всей чистотѣ принципъ частной собственности на землю, но, въ то же время, онъ попираетъ этотъ принципъ, игнорируя права общины въ пользу случайныхъ владѣльцевъ того или иного надѣла. Лицо, пользующееся въ данный моментъ надѣломъ, пре-

вышающимъ уравнительную норму, получаетъ возможность закрѣпить этотъ надѣлъ за собой и этимъ нарушить права своихъ однообщинниковъ. Во имя интересовъ немногихъ попираются несомнѣнныя законныя права большинства.

Далѣе, законъ 9 ноября ставитъ своей цѣлью поднятіе техники крестьянскаго хозяйства путемъ уничтоженія черезполосицы. Но закрѣпляя за отдѣльными лицами ихъ черезполосные участки, онъ закрѣпляетъ и черезполосицу. Правда, законъ предвидитъ возникновеніе хуторовъ. Но выше было указано, какъ химерична эта надежда. Хуторъ будетъ удѣломъ немногихъ единицъ крестьянскаго міра, а масса крестьянства, благодаря этому закону, получитъ закрѣпленные въ частную собственность черезполосные участки, черезполосицу которыхъ уже нельзя будетъ уменьшать тѣмъ способомъ, которымъ борется съ черезполосицей община—путемъ качественнаго передѣла.

Итакъ, тѣхъ цѣлей, которыми законъ мотивируется, онъ не достигаетъ; но зато онъ вполнѣ достигаетъ иныхъ—внесенія раскола въ крестьянскій міръ, разъединенія его на два враждующихъ лагеря...

Та форма крестьянскаго землевладѣнія, которая создается закономъ, не обладая достоинствами общиннаго, обладаетъ въ усиленной степени его недостатками. Черезполосица останется, но безъ способовъ ея уменьшенія; останется принудительный сѣвооборотъ—ибо при черезполосицѣ онъ не можетъ не остаться. Водворится, по справедливому замѣчанію А. А. Кауфмана, „самая худшая изъ всѣхъ возможныхъ формъ землевладѣнія“, ибо мечтать о хуторѣ, какъ о господствующей формѣ крестьянскаго землевладѣнія въ Россіи, можно лишь по недоразумѣнію.

Въ настоящее время законъ дѣйствуетъ уже два года. Судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются, онъ уже успѣлъ оказать то дѣйствіе, которое можно было отъ него ожидать. Только въ сѣверныхъ и нѣкоторыхъ восточныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ земельный просторъ великъ и земля имѣетъ незначительную цѣнность, законъ почти не имѣлъ до сихъ поръ практическаго примѣненія. Но чѣмъ большую цѣнность земля имѣетъ для крестьянина, тѣмъ больше мы видимъ случаевъ примѣненія закона, причемъ нерѣдко на его почвѣ возникаютъ ожесточенныя столкновенія между крестьянами. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дѣло доходило даже до кровопролитій. Изъ многихъ мѣстностей сообщаютъ о массовыхъ выходахъ изъ общины. По даннымъ, сообщеннымъ Государственной Думѣ правительствомъ, число домохозяевъ, за которыми уже укрѣплены ихъ надѣлы согласно указу 9 ноября, по 15 октя-

бря 1908 г. достигало 422 тысячъ, причемъ площадь укрѣпленной за ними земли превышала 3.200 тыс. десят.—цифра весьма значительная, если принять во вниманіе, съ какой медленностью идутъ вообще соціально-экономическіе процессы такого рода, какъ разрушеніе исторически сложившаго строя землевладѣнія. Всего болѣе укрѣплено общинной земли за отдѣльными владѣльцами въ самарской губ.—370 тыс. десятинъ, затѣмъ въ могилевской—300 тыс. дес., таврической—273 тыс. дес., херсонской—238 тыс. дес., курской—126 тыс. дес. и т. д. Очевидно, законъ 9 ноября острымъ клиномъ врѣзался въ народную жизнь и вызвалъ въ ней глубокое измѣненіе, послѣдствіемъ котораго можетъ быть полное разрушеніе общины въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ земля имѣетъ высокую цѣнность, и обезземеленіе значительной части нашего крестьянства.

Крестьянская община представляетъ собой такую выдающуюся особенность аграрнаго строя Россіи, что она уже много лѣтъ привлекаетъ исключительное вниманіе русскихъ экономистовъ. Она описывается впервые уже въ концѣ 18 вѣка; къ 20-ымъ годамъ 19 вѣка было уже не мало работъ, посвященныхъ русской общинѣ. Однако, болѣе точное научное описаніе ея появилось значительно позже (въ 1847 г.) и принадлежало не русскому изслѣдователю, а нѣмцу Гакстгаузену, сыгравшему совершенно исключительную роль въ развитіи нашей общественной мысли. Гакстгаузена можно, въ значительной мѣрѣ, считать научнымъ отцомъ многихъ изъ тѣхъ положеній, которыя впослѣдствіи были восприняты нашимъ такъ наз. народничествомъ.

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Гакстгаузенъ былъ консерваторомъ, но въ то же время находился подъ извѣстнымъ вліяніемъ соціалистическихъ доктринъ Фурье и Сенъ-Симона. По его мнѣнію, въ Россіи онъ нашелъ то, чего напрасно искалъ на Западѣ: чрезвычайно своеобразное соединеніе твердой монархической власти съ экономическимъ строемъ, обезпечивающимъ интересы трудовой массы. При этомъ Гакстгаузенъ значительно прикрашивалъ картину Россіи. Онъ считалъ, напр., что наша кустарная промышленность организована въ артели и представляетъ собой рядъ производительныхъ ассоціацій, въ которыхъ продуктъ дѣлится между всѣми участниками производства. По отношенію къ земледѣлію онъ полагалъ, что наша община, описанная имъ, въ общемъ, очень правильно, легко допускаетъ превращеніе въ земледѣльческую производительную ассоціацію. Съ точки зрѣнія Гакстгаузена, Россія ближе къ конечнымъ цѣлямъ соціализма, чѣмъ какая-либо страна Европы, такъ какъ община гарантируетъ равное право всѣхъ на землю, и обезпечиваетъ Россію отъ безземельнаго пролетаріата. Царская власть, по его мнѣнію, имѣетъ въ Россіи демократическій характеръ, и царь является отцомъ народа [18].

Взгляды Гакстгаузена оказали глубочайшее вліяніе на различныя направленія нашей общественной мысли. Всего больше соотвѣтствовали

они міровоззрѣнію славянофиловъ, но и западники заимствовали у Гакстгаузена очень много. Гакстгаузенъ впервые отмѣтилъ огромное значеніе въ нашемъ соціальномъ строѣ земельной общины. Правда, славянофилы и до Гакстгаузена много говорили объ общинномъ началѣ русской жизни. Но подъ общиннымъ началомъ они разумѣли нѣчто весьма неопредѣленное—какъ бы принципъ общественности, такія напр., организаціи, какъ вѣче, земскій соборъ. Русской же земельной общины славянофилы почти не знали и только Гакстгаузенъ открылъ русскому обществу глаза на этотъ своеобразный экономическій институтъ Россіи. Познакомившись съ русской земельной общиной, славянофилы стали горячими защитниками ея.

Что же касается западниковъ, то ихъ отношенія къ земельной общинѣ были довольно неопредѣленны. Многіе изъ нихъ относились весьма недовѣрчиво къ общинѣ и артели и вообще къ такъ назыв. русскому соціализму и считали, что наша община исчезнетъ такъ же, какъ исчезла на Западѣ, являясь не преимуществомъ нашего соціальнаго строя, а лишь доказательствомъ его отсталости. Но столь видный западникъ, какъ Герценъ, пришелъ къ почти такой же оцѣнкѣ общины, какъ и Гакстгаузенъ.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ экономистовъ является Чернышевскій, основоположникъ русскаго соціализма. Какъ и Гакстгаузенъ онъ относился съ горячимъ сочувствіемъ къ общинѣ, но по другимъ мотивамъ: въ общинѣ онъ усматривалъ не опору самодержавія, а, наоборотъ, рычагъ для его ниспроверженія и ядро будущаго свободнаго соціалистическаго строя Россіи. Чернышевскій не отрицалъ, что наша община примыкаетъ къ первобытному коммунизму, но не видѣлъ въ этомъ ничего дурного. Согласно діалектическому методу Гегеля, Чернышевскій всю исторію развитія землевладѣнія дѣлитъ на три фазиса. Въ первомъ фазисѣ земля находится въ общемъ пользованіи всего племени и не закрѣплена за отдѣльными лицами. Вторымъ фазисомъ является закрѣпленіе земли за отдѣльными членами общества, благодаря приложенію къ культивированію земли индивидуальнаго труда. Возникаетъ частная собственность, которая является въ этомъ фазисѣ необходимымъ условіемъ прогресса техники. Мало-по-малу возникаетъ крупное землевладѣніе. Земля сосредоточивается въ рукахъ немногихъ крупныхъ владѣльцевъ, которые отдаютъ ее въ аренду фермерамъ. Тогда частное землевладѣніе становится тормозомъ техническаго прогресса, ибо фермеръ ведетъ свое хозяйство на чужой землѣ. Отсюда необходимость третьяго фазиса, представляющаго, до нѣкоторой степени, возвращеніе къ первому: земля переходитъ во владѣніе общественныхъ группъ, ведущихъ земледѣліе въ крупныхъ размѣрахъ на общей землѣ. Наша община не есть, такимъ образомъ, продуктъ особенной природы славянскаго племени (какъ думали славянофилы), а лишь слѣдствіе нашей культурной отсталости; но, въ то же время, эта отсталость является нашимъ огромнымъ преимуществомъ передъ западной Европой, такъ какъ благодаря ей мы можемъ сразу перешагнуть изъ перваго фазиса въ третій, минуя фазисъ частнаго землевладѣнія [19]). Поэтому мы ближе къ соціализму, чѣмъ западная Европа.

Чернышевскій создалъ цѣлую плеяду публицистовъ и экономистовъ, которые пошли по его стопамъ. Возникло такъ назыв. народничество.

самымъ блестящимъ представителемъ котораго былъ Михайловскій. Народническое направленіе достигло своего высшаго развитія въ семидесятые годы, бывшіе временемъ идейнаго единства русской соціалистической интеллигенціи, боровшейся подъ однимъ знаменемъ за одинъ и тотъ же идеалъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ появляется новое теченіе—марксизмъ, относящійся къ общинѣ болѣе или менѣе враждебно. Съ точки зрѣнія марксизма соціалистическій строй явится результатомъ развитія капиталистической системы хозяйства, которая должна разрушить общину, ничего цѣннаго въ себѣ не заключающую, но въ то же время задерживающую технической прогрессъ.

Разногласія относительно оцѣнки экономическаго и соціальнаго значенія общины продолжаются и до настоящаго времени. Даже по вопросу о происхожденіи общины продолжается прежній споръ, хотя, казалось бы, въ этой области существуетъ почва для соглашенія. В. И. Сергѣевичъ и П. Н. Милюковъ [20]) примкнули по данному вопросу всецѣло къ точкѣ зрѣнія Чичерина. Въ недавней работѣ В. И. Сергѣевича возникновеніе общины въ Россіи ставится въ непосредственную связь съ введеніемъ Петромъ подушной подати [21]). Напротивъ, А. А. Кауфманъ, какъ въ своей извѣстной книгѣ о сибирской общинѣ, такъ и въ своей новой книгѣ о происхожденіи общины настаиваетъ на „естественномъ", а не „государственномъ" происхожденіи общины.

Какъ мнѣ кажется, разногласіе между сторонниками „естественной" и „государственной" теоріи (употребляя терминологію А. А. Кауфмана) въ дѣйствительности далеко не такъ велико, какъ склоненъ думать онъ самъ, равно какъ и его единомышленники. Возьмемъ, напр., г. Качоровскаго. Ужъ онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, склоненъ признавать общину естественнымъ и необходимымъ результатомъ историческаго развитія крестьянскаго хозяйства. Однако, говоря о возникновеніи передѣловъ, онъ никакъ не можетъ обойти выдающейся роли въ этомъ процессѣ государственнаго момента—податныхъ тягостей, лежащихъ на крестьянинѣ. Такъ, онъ неоднократно отмѣчаетъ, что признаніе крестьянскимъ міромъ права каждаго общинника на землю получаетъ перевѣсъ надъ противоположнымъ воззрѣніемъ, знающимъ лишь право вложеннаго труда, благодаря необходимости для крестьянскаго міра нести лежащія на немъ обязанности по отношенію къ государству. „Наложенныя на крестьянство обязанности, податныя и личныя, которыя были бы безусловно невыполнимы безъ пользованія извѣстнымъ количествомъ земли", онъ называетъ „крайне конкретнымъ и глубокимъ корнемъ права на трудъ". „Малоземельные,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—опираются на то исконное и общее крестьянское воззрѣніе, что, во-первыхъ, вообще земля — „Божья", „ничья", „мірская" и, значитъ, каждый на нее имѣетъ право и что, во-вторыхъ, исполненіе обязанностей передъ государствомъ (главнымъ образомъ, податей и солдатской службы) уже во всякомъ случаѣ даетъ каждому крестьянину то неотъемлемое право на землю, которое въ данномъ случаѣ нельзя иначе осуществить, какъ ограниченіемъ захвата" [22]).

Съ точки зрѣнія г. Качоровскаго, передѣлы возникаютъ благодаря росту земельной тѣсноты среди крестьянскаго населенія, обложеннаго извѣстными повинностями въ пользу государства подъ условіемъ круговой поруки. Иными словами, земельная тѣснота и податныя отноше-

нія являются двумя независимыми и необходимыми причинами передѣловъ. „Я вполнѣ признаю фискально-политическую систему однимъ изъ условій развитія передѣловъ", — категорически заявляетъ онъ. Однако, нѣсколькими страницами позже онъ уже говоритъ, что „развитіе земельной тѣсноты—есть не только необходимая, но и сама по себѣ достаточная причина передѣловъ" [23]). Вмѣсто двухъ причинъ осталась только одна и собственное признаніе какъ бы позабыто...

То же самое нужно сказать и о А. А. Кауфманѣ. Въ своемъ детальномъ анализѣ условій возникновенія передѣловъ онъ отнюдь не отрицаетъ выдающейся роли податныхъ отношеній. Сознаніе права на землю получаетъ, по его выраженію, „особенно острый характеръ" благодаря податнымъ отношеніямъ. Но въ заключительныхъ выводахъ и у А. А. Кауфмана рѣчь идетъ уже только о земельной тѣснотѣ.

Въ своей новой работѣ объ общинѣ А. А. Кауфманъ подробно останавливается на развитіи общинныхъ отношеній у кочевыхъ и полукочевыхъ инородцевъ и старается на ихъ примѣрѣ показать возможность возникновенія уравнительныхъ передѣловъ при отсутствіи какихъ бы то ни было вліяній со стороны администраціи и фиска. Но, во-первыхъ, если наша администрація непосредственно и не оказывала значительнаго вліянія на порядки землепользованія инородцевъ, то все же они обложены извѣстными сборами въ пользу государства, раскладываемыми ими же самими между отдѣльными хозяевами, и соображенія податнаго характера могли, слѣдовательно, вліять на ихъ готовность уравнивать пользованіе угодьями. Во-вторыхъ, на земельные порядки инородцевъ не могли не оказывать вліяніе земельные порядки сосѣднихъ русскихъ земледѣльцевъ, практикующихъ передѣлы. Въ третьихъ, условія пользованія земельными угодьями у кочевниковъ или у недавнихъ кочевниковъ врядъ ли могутъ быть основаніемъ для заключенія объ условіяхъ землепользованія осѣдлаго земледѣльческаго населенія, каковымъ исторія застаетъ русскаго крестьянина. Если бы даже уравнительно-передѣльный механизмъ и могъ возникнуть у кочевниковъ совершенно независимо отъ моментовъ государственнаго порядка, то это не значитъ, что то же самое возможно при несравненно большей связи съ землей у осѣдлаго земледѣльческаго населенія.

А. А. Кауфманъ рѣзко противопоставляетъ одинъ другому два взгляда на происхожденіе общины. Согласно одному взгляду община у насъ возникла, какъ естественный результатъ роста земельной тѣсноты („естественная теорія происхожденія общины"). Согласно другому взгляду „община создана правительственными распоряженіями и произволомъ помѣщиковъ-душевладѣльцевъ" (государственно-фискальная теорія происхожденія общины). Самъ авторъ рѣшительно становится на сторону перваго взгляда. Но развѣ не можетъ быть еще третьяго взгляда, примиряющаго оба ихъ и избѣгающаго ихъ односторонности? Развѣ нельзя признать, что наша уравнительная община явилась результатомъ факторовъ двоякаго порядка: съ одной стороны, сокращенія земельнаго простора, который въ центральной Россіи сталъ чувствоваться уже очень давно, а въ Сибири не чувствуется во многихъ мѣстностяхъ и теперь, съ другой же стороны, нашей фискально-политической системой, съ характернымъ для нея пренебреженіемъ къ правамъ личности? Каждая изъ этихъ причинъ, сама по себѣ, была недостаточна

нія являются двумя независимыми и необходимыми причинами передѣловъ. „Я вполнѣ признаю фискально-политическую систему однимъ изъ условій развитія передѣловъ", — категорически заявляетъ онъ. Однако, нѣсколькими страницами позже онъ уже говоритъ, что „развитіе земельной тѣсноты—есть не только необходимая, но и сама по себѣ достаточная причина передѣловъ" [23]). Вмѣсто двухъ причинъ осталась только одна и собственное признаніе какъ бы позабыто...

То же самое нужно сказать и о А. А. Кауфманѣ. Въ своемъ детальномъ анализѣ условій возникновенія передѣловъ онъ отнюдь не отрицаетъ выдающейся роли податныхъ отношеній. Сознаніе права на землю получаетъ, по его выраженію, „особенно острый характеръ" благодаря податнымъ отношеніямъ. Но въ заключительныхъ выводахъ и у А. А. Кауфмана рѣчь идетъ уже только о земельной тѣснотѣ.

Въ своей новой работѣ объ общинѣ А. А. Кауфманъ подробно останавливается на развитіи общинныхъ отношеній у кочевыхъ и полукочевыхъ инородцевъ и старается на ихъ примѣрѣ показать возможность возникновенія уравнительныхъ передѣловъ при отсутствіи какихъ бы то ни было вліяній со стороны администраціи и фиска. Но, во-первыхъ, если наша администрація непосредственно и не оказывала значительнаго вліянія на порядки землепользованія инородцевъ, то все же они обложены извѣстными сборами въ пользу государства, раскладываемыми ими же самими между отдѣльными хозяевами, и соображенія податнаго характера могли, слѣдовательно, вліять на ихъ готовность уравнивать пользованіе угодьями. Во-вторыхъ, на земельные порядки инородцевъ не могли не оказывать вліяніе земельные порядки сосѣднихъ русскихъ земледѣльцевъ, практикующихъ передѣлы. Въ третьихъ, условія пользованія земельными угодьями у кочевниковъ или у недавнихъ кочевниковъ врядъ ли могутъ быть основаніемъ для заключенія объ условіяхъ землепользованія осѣдлаго земледѣльческаго населенія, каковымъ исторія застаетъ русскаго крестьянина. Если бы даже уравнительно-передѣльный механизмъ и могъ возникнуть у кочевниковъ совершенно независимо отъ моментовъ государственнаго порядка, то это не значитъ, что то же самое возможно при несравненно большей связи съ землей у осѣдлаго земледѣльческаго населенія.

А. А. Кауфманъ рѣзко противопоставляетъ одинъ другому два взгляда на происхожденіе общины. Согласно одному взгляду община у насъ возникла, какъ естественный результатъ роста земельной тѣсноты („естественная теорія происхожденія общины"). Согласно другому взгляду „община создана правительственными распоряженіями и произволомъ помѣщиковъ-душевладѣльцевъ" (государственно-фискальная теорія происхожденія общины). Самъ авторъ рѣшительно становится на сторону перваго взгляда. Но развѣ не можетъ быть еще третьяго взгляда, примиряющаго оба ихъ и избѣгающаго ихъ односторонности? Развѣ нельзя признать, что наша уравнительная община явилась результатомъ факторовъ двоякаго порядка: съ одной стороны, сокращенія земельнаго простора, который въ центральной Россіи сталъ чувствоваться уже очень давно, а въ Сибири не чувствуется во многихъ мѣстностяхъ и теперь, съ другой же стороны, нашей фискально-политической системой, съ характернымъ для нея пренебреженіемъ къ правамъ личности? Каждая изъ этихъ причинъ, сама по себѣ, была недостаточна

для того, чтобы создать уравнительно-передѣльную общину. Вотъ почему до конца 17 вѣка у насъ уравнительныхъ передѣловъ не было: хотя земельное утѣсненіе въ это время во многихъ мѣстностяхъ Россіи и чувствовалось достаточно сильно, но наша фискально-политическая система еще не успѣла къ этому времени достигнуть своего полнаго развитія; съ другой стороны, отсутствіе уравнительныхъ передѣловъ и по сіе время во многихъ мѣстностяхъ Сибири показываетъ, что только при наличности извѣстной степени земельной тѣсноты могутъ возникнуть уравнительные передѣлы [24]).

ЛИТЕРАТУРА.

Община на Западѣ. Maurer. Einleitung zur Geschichte der Mark-Dorf—Hof—und—Stadtverfassung. 1854. Его же. Geschichte der Dorfverfassung. 1865—66. Hanssen. Agrarhistorische Abhandlungen. 1880—84. Laveleye-Bücher. Das Ureigentum. 1879. Seebohm. English Village Community. 1883. Fustel de Coulanges. Les problèmes des origines de la propriété fonciere (Revue des questions historiques. 1889). М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. I. 1898. R. Hildebrand. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. 1896.

Община на востокѣ. Maine. Village community in East and West. 1876. М. Ковалевскій. Общинное землевладѣніе. 1878. Baden-Powell. The Land Systems of British-India. 1892.

Русская община. Haxthausen. Studien über die inneren Zustände Russlands. 1847. Б. Чичеринъ. Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи. („Русскій Вѣстникъ" 1856). Н. Чернышевскій. Статьи объ общинѣ въ „Современникѣ" (томы III и IV собранія его сочиненій). Орловъ. Формы крестьянскаго землевладѣнія въ московской губерніи. 1879. А. Посниковъ. Общинное землевладѣніе. 2 т. 1875—78 г. А. Ефименко. Изслѣдованія народной жизни. 1884. Ея же. Южная Русь. Т. I. 1905. Keussler. Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. 1882—1887. В. В. Крестьянская община. 1892. Его же. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. 1892. Его же. Къ исторіи общины въ Россіи (Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія. 1902). А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. 1897. Его же. Къ вопросу о происхожденіи русской общины. 1907. Его же. Русская община въ „процессѣ ея зарожденія и роста. 1908. Н. Бржесскій. Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ 1897. К. Качоровскій. Русская община. 1900. Его же. Народное право. 1906. A. Tschuprow. Die Feldgemeinschaft. 1902. Его же. Общинное землевладѣніе. (Сборникъ „Нужды деревни". Т. II. 1904). Вениаминовъ. Крестьянская община. 1907.

Хуторное хозяйство. А. А. Кофодъ. Борьба съ черезполосицей въ Россіи и заграницей. 2-ое изд. 1907. А. И. Чупровъ. По поводу указа 9 ноября 1906 г. 1908.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ VIII.

1) Richard Hildebrand. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. 1896. III. Primitivster Acherbau. Die Germanen des Caesar und Tacitus.

2) „На сѣверо-восточномъ берегу Новой Гвинеи обработка почвы производится сообща, посредствомъ заостренныхъ кольевъ и деревянныхъ же лопатокъ: мужчины, двигаясь шеренгою, кольями подымаютъ большія глыбы земли, расчищенной изъ-подъ обгорѣлаго лѣса; по мѣрѣ того, какъ они идутъ впередъ, за ними двигаются женщины и разбиваютъ землю на меньшіе комы; за женщинами слѣдуетъ рядъ дѣтей, окончательно разрыхляющихъ ее. Обработанная земля дѣлится на участки по семьямъ". Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Стр. 85.

3) А. Ефименко. Изслѣдованія народной жизни. Т. I. Стр. 223 и слѣд.

4) По словамъ М. М. Ковалевскаго, англо-саксонское землевладѣніе вполнѣ совпадало съ долевой общиной сѣвера Россіи, описанной г-жей Ефименко. „Сходство обѣихъ (формъ землевладѣнія)—говоритъ онъ—доходитъ до тождества". Экономическій ростъ Европы. 1898. Т. I. Стр. 363.

5) Ср. Hildebrand. Recht und Sitte. Стр. 185—186.

6) Ср. А. А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. 1897 Стр. 47—48 и слѣд. Эта книга является лучшимъ источникомъ для изученія различныхъ формъ сибирской общины.

7) Вотъ какъ обрисовываетъ причины возникновенія уравнительныхъ передѣловъ въ сибирской общинѣ А. А. Кауфманъ. «Каждый безхозяйный или хозяйственно-слабый общественникъ прекрасно знаетъ, что онъ имѣетъ столько же права на участіе въ пользованіи землей, какъ богатѣйшій заимочникъ; это сознаніе получаетъ особенно острый характеръ благодаря тому, что общественникъ, кромѣ пользованія правами, несетъ и обязанности, именно участвуетъ въ общинныхъ платежахъ и повинностяхъ и въ правильно организованной общинѣ права должны быть соразмѣрны обязанностямъ. Этой-то соразмѣрности при захватномъ владѣніи землею нѣтъ: въ то время какъ земля распредѣляется соразмѣрно благосостоянію и фактической рабочей способности отдѣльныхъ дворовъ, платежи обыкновенно разверстываются по душамъ рабочаго возраста, а то и по ревизскимъ душамъ, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительной силѣ каждаго двора». (Крестьянская община въ Сибири, 64).

При такомъ положеніи дѣла, когда земельный просторъ сокращается подъ вліяніемъ роста населенія, и значительная часть общественниковъ начинаетъ испытывать острую нужду въ землѣ, уравнительный передѣлъ земли становится необходимымъ. «Не малое вліяніе — говоритъ далѣе А. А. Кауфманъ—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оказало и прямое воздѣйствіе администраціи и въ частности введенныхъ въ западной Сибири въ 1888 г. крестьянскихъ учрежденій. Случаи административнаго давленія бывали и прежде, но рѣдко, лишь въ видѣ исключенія... Напротивъ, въ 80-хъ годахъ цѣлый рядъ случаевъ окончательнаго перехода къ душевому пользованію былъ вызванъ прямыми распоряженіями

крестьянскихъ чиновниковъ; распоряженія эти, послѣдовавшія въ 1884 и 1885 годахъ, имѣли въ виду, главнымъ образомъ, содѣйствовать упорядоченію податнаго дѣла, установить соотвѣтствіе платежныхъ раскладокъ съ распредѣленіемъ земельныхъ угодій и этимъ устранить одну изъ важнѣйшихъ причинъ накопленія недоимокъ и результатомъ ихъ явился раздѣлъ по душамъ состоявшихъ до тѣхъ поръ въ захватномъ пользованіи угодій, совершенный въ періодъ съ 1885 по 1888 годъ въ восьми различныхъ волостяхъ Ишимскаго округа». (Тамъ же, стр. 68).

8) Въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи крестьяне въ концѣ 18 вѣка совершенно не были знакомы съ практикой уравнительныхъ передѣловъ. Но вотъ въ 1785 г. архангельскій директоръ экономіи предписываетъ крестьянамъ по всѣмъ волостямъ своего округа «дабы они всѣ тяглыя земли между собой уравняли безобиднымъ раздѣломъ», ибо—поясняетъ онъ въ слѣдующемъ году—«справедливость требуетъ, чтобы поселяне, платя одинаковую всѣ подать, равное имѣли участіе и въ угодьяхъ земляныхъ, съ коихъ платежъ податей производится». Однако, крестьяне продолжали неуравнительно пользоваться землей—богатые и многоземельные крестьяне, пользуясь своимъ вліяніемъ въ сельскомъ обществѣ, упорно удерживали въ своихъ рукахъ захваченныя земли. Правительство же продолжаетъ настаивать на томъ, чтобы крестьяне уравнительно распредѣляли землю. Такъ, напр., Архангельская казенная палата въ циркулярѣ отъ 6 марта 1830 г. удостовѣряетъ, что въ районѣ ея вѣдѣнія «поселяне имѣютъ владѣніе почти повсюду неуравнительное, т. е. въ одномъ и томъ же селеніи одинъ болѣе, а другіе менѣе», предписываетъ о немедленномъ уравнительномъ передѣлѣ земель. Это распоряженіе казенной палаты находитъ себѣ поддержку въ Государственномъ Совѣтѣ, который въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи въ 1831 г. повелѣваетъ «уравнять по архангельской губерніи земли между крестьянами».

Подобная же картина введенія передѣловъ подъ давленіемъ администраціи развертывается и на югѣ Россіи. Въ 1829 и 1830 гг. харьковскую губернію ревизовалъ сенаторъ Горголій. Замѣтивъ «весьма неуравнительное казенными поселянами владѣніе принадлежащими имъ землями, такъ что одни имѣютъ ея весьма много, тогда какъ у другихъ вовсе таковой нѣтъ» и полагая, что «все сіе имѣетъ величайшее вліяніе на накопленіе недоимки», онъ строго предписалъ казенной палатѣ, чтобы она «по случаю наступленія весенняго времени поспѣшила предписать всѣмъ волостнымъ правленіямъ, чтобы произвели между собою уравненіе землями». И казенная палата, исполняя предписаніе сенатора, разсылаетъ циркуляръ о томъ, чтобы «всѣмъ селеніямъ и городамъ, изъ владѣемыхъ ими земель по числу ревизскихъ душъ, поскольку на каждую причитаться будетъ, сдѣлать раздѣленіе». (Эти данныя заимствованы изъ книги Н. Брженскаго. Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. 1897. Стр. 104—109).

9) «Можно встрѣтить въ статьяхъ даже замѣтныхъ публицистовъ—говоритъ А. Я. Ефименко.—фразы вродѣ: „Теперь, когда уже выяснено наукой, что общинная форма землевладѣнія такъ же присуща малорусскому народу“ и т. д. Въ разговорномъ обиходѣ нашей интеллигенціи такія мысли высказываются сплошь и рядомъ съ тою же категоричностью. При этомъ дѣлаютъ обыкновенно ссылки на имя и труды г. Лучицкаго. Изъ всего сказаннаго выше ясно, какъ мало основанія имѣетъ

такое или подобное утвержденіе». (А. Ефименко. Дворищное землевладѣніе въ южной Руси. Южная Русь. 1905. Стр. 409). Собранные г. Лучицкимъ факты не только не доказываютъ наличности въ Украйнѣ 18 вѣка земельной общины, „но если они что-либо доказываютъ, то только то, что въ эпоху Румянцевской описи въ Малороссіи, и даже въ степной ея части, уже почти не было владѣнія не только общиннаго, о которомъ можетъ быть рѣчь только по недоразумѣнію, но и общаго, а прочно водворилась подворная и лично-семейная форма собственности". (Тамъ же, 410).

10) Лучшая сводная работа по общинному землепользованію принадлежитъ, безспорно, К. Качоровскому, книга котораго «Русская община» (1900) является весьма цѣннымъ изслѣдованіемъ. Приводимыя въ текстѣ данныя относительно современнаго состоянія русской общины взяты преимущественно изъ этой книги.

11) Веніаминовъ. Крестьянская община. По матеріаламъ К. Качоровскаго. Въ приводимыхъ въ текстѣ данныхъ суммированы 1, 2, 3 и 4 группа общинъ въ таблицахъ г. Веніаминова.

12) А. И. Чупровъ. По поводу указа 9 ноября 1905 г. Стр. 181.

13) А. А. Чупровъ. Общинное землевладѣніе. Стр. 158 и слѣд. Сборникъ „Нужды деревни" т. II, 1904.

14) Веніаминовъ, 208—210. Многочисленные примѣры подобнаго рода общинныхъ работъ приведены въ извѣстной книгѣ В. В. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. 1897. Глава III.

15) Въ русской литературѣ впервые далъ вполнѣ научный анализъ экономическихъ выгодъ и невыгодъ общины А. С. Посниковъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Общинное землевладѣніе" (1875—1878.

16) Довольно объективную оцѣнку доводовъ за и противъ хуторнаго хозяйства, а также условій примѣнимости этого типа крестьянскаго хозяйства мы находимъ у Кофода. Борьба съ черезполосицей въ Россіи и заграницей. 1907. 2-е изд.

17) См. описаніе этого крайне интереснаго процесса введенія въ нашъ податной механизмъ круговой поруки и уничтоженіе ея въ цитированной книгѣ Н. Бржесскаго.

18) Ср. Haxthausen. Studien über die inneren Zustände Russlands. 1847.

19) Изъ многочисленныхъ статей Чернышевскаго, посвященныхъ общинѣ, см. особенно „Критику философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія". Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго. Т. IV.

20) „Посуществусвоему—говоритъ П. Н. Милюковъ—русская община есть принудительная организація, связывающая своихъ членовъ круговымъ обязательствомъ въ исправности отбыванія лежащихъ на нихъ платежей и повинностей и обезпечивающая себѣ эту исправность уравненіемъ повинностей съ платежными средствами каждаго члена". Очерки по исторіи русской культуры. 1896. Стр. 188.

21) В. Сергѣевичъ. Крестьянскія права и общинное землевладѣніе въ Архангельской губерніи. («Журналъ Министерства Юстиціи». 1907. Февраль).

22) Качоровскій. Русская община, стр. 217, 169.

23) Тамъ же, 239, 247.

24) А. А. Кауфманъ заканчиваетъ свою новѣйшую книгу объ общинѣ слѣдующими словами. „Я лично думаю, что при полномъ тождествѣ условій, эволюція крестьянскаго землевладѣнія и земленользованія въ Европейской Россіи должна была идти, въ общихъ чертахъ, тѣмъ же путемъ, какимъ она еще и въ настоящее время идетъ на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ. Но я не могу не сознавать, что такого рода основанное на аналогіи заключеніе будетъ убѣдительно только для того, кто такъ или иначе предрасположенъ къ теоріи самопроизвольнаго зарожденія и развитія формъ общиннаго землевладѣнія и земленользованія" (Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста. 1908. Стр. 440). Послѣднее совершенно вѣрно, но доказалъ ли уважаемый авторъ, что на нашихъ окраинахъ община развивается „самопроизвольно"? Его новѣйшая работа отнюдь не убѣждаетъ меня въ этомъ. А если такъ, то заключеніе по аналогіи оказывается неубѣдительнымъ вдвойнѣ.

ГЛАВА IX.

Крупное и мелкое производство въ сельскомъ хозяйствѣ.

I. Специфическія особенности сельскохозяйственнаго производства. II. Сравнительныя выгоды крупнаго и мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Интенсификація хозяйства. Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Возможность крестьянину довольствоваться меньшимъ чистымъ доходомъ, чѣмъ капиталистическому сельскому хозяину III. Положеніе крупнаго и мелкаго сельскаго хозяйства въ разныхъ странахъ. Связь крупнаго сельскаго хозяйства съ крупнымъ землевладѣніемъ. Разнообразіе аграрныхъ отношеній въ разныхъ странахъ. Устойчивость крестьянскаго хозяйства. IV. Сельскохозяйственная кооперація на Западѣ. Сущность кооперативныхъ предпріятій. Сельскохозяйственные кооперативы. Товарищество производителей. Молочные кооперативы. Товарищества закупокъ и продажъ. Товарищества пользованія машинами. Арендныя товарищества. V. Сельско-хозяйственная кооперація въ Россіи. Неудачи первыхъ попытокъ устройства у насъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ. Новѣйшее кооперативное движеніе. Дополнительныя замѣчанія. Отношеніе къ аграрному вопросу Маркса и его школы. Каутскій. Отношеніе къ крестьянству соціалъ-демократіи разныхъ странъ. Классификація кооперативовъ.

I.

Специфической особенностью сельскаго хозяйства является то, что въ сельскомъ хозяйствѣ воздѣйствію человѣка подпадаютъ біологическіе процессы, совершающіеся въ естественной средѣ. Поэтому въ сельскомъ хозяйствѣ человѣкъ непосредственно противостоитъ внѣшней природѣ, подчиняющейся своимъ законамъ, измѣненіе въ которыхъ не въ силахъ человѣка. Такъ, въ земледѣліи нѣтъ непрерывнаго труда—зимой работа по необходимости прекращается. Время, темпъ, быстрота, обстановка работы диктуются внѣшними условіями.

Результатъ земледѣльческаго труда зависитъ въ чрезвычайно большой мѣрѣ отъ такихъ естественныхъ условій, надъ которыми человѣкъ совершенно не властенъ, въ томъ числѣ и отъ колеблющихся стихійныхъ силъ, дѣйствіе которыхъ предвидѣть невозможно (погода).

Важной особенностью земледѣлія является и то, что условія земледѣлія требуютъ измѣненія характера труда въ зависимости отъ времени года—за обработкой поля весной слѣдуетъ весной же посѣвъ, затѣмъ лѣтомъ жатва. Такъ какъ эта смѣна различныхъ работъ вызывается приспособленіемъ къ біологическимъ процессамъ развитія растенія, то она не можетъ быть измѣнена, ускорена или перемѣщена въ другое время года. Правда, и въ промышленности существуетъ послѣдовательная смѣна процессовъ производства во времени, но эта послѣдовательность во времени не мѣшаетъ тому, чтобы всѣ эти процессы происходили и одновременно. Можно одновременно и прясть, и ткать, и красить ткань. Въ земледѣліи же разные роды труда послѣдовательно смѣняютъ другъ друга.

Въ то время какъ въ промышленности человѣкъ можетъ неограниченно совершенствовать и улучшать свои средства производства, въ земледѣліи онъ только въ очень ограниченныхъ предѣлахъ можетъ вліять на свое важнѣйшее средство производства—землю съ ея естественной обстановкой. Въ промышленности расширеніе производства отнюдь не сопровождается паденіемъ производительности труда. Напротивъ, въ земледѣліи дѣйствуетъ специфическій естественный законъ *падающей производительности почвы*. Законъ этотъ заключается въ томъ, что увеличеніе затраты труда на обработку почвы, за извѣстнымъ предѣломъ, сопровождается паденіемъ производительности труда; увеличивая тщательность обработки почвы, нельзя соотвѣтственно увеличивать количество добываемаго продукта.

II.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ специфическихъ особенностей сельскохозяйственнаго производства, сравнительно съ промышленнымъ, является то, что крупное производство въ сельскомъ хозяйствѣ не представляетъ такихъ рѣшительныхъ выгодъ сравнительное мелкимъ, какъ въ промышленности. Несомнѣнно, и въ сельскомъ хозяйствѣ крупному производству свойственны многія весьма существенныя выгоды. Сельскохозяйственное предпріятіе, напр. нуждается въ постройкахъ, а въ крупномъ предпріятіи (въ которомъ постройки могутъ быть большихъ размѣровъ) постройки обходятся дешевле (на единицу вмѣстимости), чѣмъ въ мелкомъ. Вообще, выгоды крупнаго производства, какъ таковаго, сохраняютъ свое значеніе, конечно, и въ сельскомъ хозяйствѣ. Крупное.

земледѣльческое производство выигрываетъ, напр., на средствахъ производства. По нѣкоторымъ германскимъ разсчетамъ 1 плугъ можетъ быть вполнѣ использованъ въ хозяйствѣ площадью не менѣе 30 гектаровъ, сѣялка и жатвенная машина—въ хозяйствѣ площадью не менѣе 70 гектаровъ, паровая молотилка—250 гект., паровой плугъ — 1000 гектаровъ. Точно также, крупное земледѣльческое предпріятіе можетъ болѣе использовать рабочую силу рабочаго скота и т. д.

Однако, перечисленнымъ выгодамъ крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ противостоятъ и извѣстныя невыгоды: крупное капиталистическое производство (другого пока мы почти не знаемъ) требуетъ наемнаго труда, а наемный рабочій не такъ бережно и тщательно относится къ машинамъ и къ рабочему скоту, какъ самъ заинтересованный мелкій сельскій хозяинъ; точно также и въ постройкахъ мелкій сельскій хозяинъ можетъ участвовать своимъ личнымъ трудомъ и, такимъ образомъ, понижать для себя ихъ стоимость. Правда, и въ промышленности наемный рабочій не заинтересованъ въ томъ, чтобы беречь средства производства. Но въ сельскомъ хозяйствѣ это обстоятельство имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ въ промышленности потому, что въ сельскомъ хозяйствѣ процессъ труда совершается на обширной площади и потому менѣе допускаетъ надзоръ хозяина, а, съ другой стороны, живой рабочій инвентарь—скотъ—требуетъ особо тщательнаго ухода.

Самая важная выгода крупнаго производства въ промышленности, благодаря которой фабрика побѣдила кустаря—огромное повышеніе производительности труда при замѣщеніи ручного труда машиннымъ — не имѣетъ въ области сельскаго хозяйства такого значенія потому, что сущность всякой машины сводится къ замѣщенію ею человѣческаго труда, а въ сельскомъ хозяйствѣ результатъ производства опредѣляется въ гораздо большей степени природой, которую замѣстить машиной нельзя. Самый лучшій плугъ не превратитъ неплодородной земли въ плодородную. Далѣе, въ области сельскаго хозяйства машина работаетъ въ естественной обстановкѣ и совершенное приспособленіе машины къ этой обстановкѣ невозможно въ силу сложности, многообразія и измѣнчивости послѣдней (неправильности поверхности, случайности погоды и т. п.). Поэтому въ области сельскаго хозяйства машина далеко не сыграла такой революціонизирующей роли, какъ въ области промышленности. Такъ, напримѣръ, паровой плугъ, отъ котораго Марксъ и Либкнехтъ ожидали такого же переворота въ земледѣліи, какой былъ произведенъ въ

промышленности изобрѣтеніемъ механическаго ткацкаго станка, большого значенія въ земледѣліи не получилъ. Въ Германіи, напр., въ 1895 г. былъ всего 1696 хозяйствъ съ паровымъ плугомъ. Употребленіе парового плуга вообще требуетъ извѣстныхъ естественныхъ условій, которыя встрѣчаются не часто; онъ не можетъ примѣняться на песчаной почвѣ и въ неровной, пересѣченной мѣстности.

Затѣмъ, въ то время, какъ на фабрикѣ машины стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ онѣ должны, по необходимости перемѣщаться. Поэтому, машины въ сельскомъ хозяйствѣ должны быть небольшими, и, значитъ, малопроизводительными. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ (благодаря временности пользованія машинами) легко можетъ быть организовано кооперативное пользованіе машинами, когда нѣсколько мелкихъ хозяевъ соединяются для покупки и пользованія машиной.

Вообще, сбереженіе труда, достигаемое въ земледѣліи при помощи машины, очень невелико по сравненію съ промышленностью. По разсчетамъ Г. Фишера, косьба машинами одного гектара въ Германіи обходится всего на 8 марокъ дешевле, чѣмъ косьба руками. Обработка и снятіе пшеницы машинами уменьшаетъ расходы на 17 марокъ на 1 гектаръ—цифры, сравнительно, ничтожныя.

Однимъ изъ очень важныхъ способовъ повышенія производительности труда въ промышленности является раздѣленіе труда. Но въ земледѣліи раздѣленіе труда поставлено въ очень узкія границы потому, что смѣна временъ года требуетъ измѣненія и характера труда. Земледѣльческій рабочій не можетъ спеціализироваться напр. на косьбѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ ему пришлось бы работать въ году лишь нѣсколько недѣль. Поэтому въ земледѣліи мы замѣчаемъ крайне слабое раздѣленіе труда—и, значитъ, крупное земледѣльческое хозяйство, пользующееся трудомъ значительнаго числа рабочихъ, не можетъ увеличивать производительность ихъ труда путемъ сложнаго сотрудничества.

Несомнѣнной выгодой крупнаго земледѣльческаго хозяйства является то, что оно менѣе теряетъ земли на дорогахъ, на межахъ, меньше требуетъ затратъ на огораживаніе земель. Но эти выгоды, все же, не такъ значительны. Что же касается до такихъ выгодъ крупнаго хозяйства, какъ возможность производить въ крупныхъ размѣрахъ продажи и покупки, пользоваться кредитомъ и т. п.—то онѣ могутъ быть использованы и мелкимъ хозяйствомъ посредствомъ кооперації.

Важнымъ преимуществомъ крупнаго производства въ про-

мышленности является возможность привлеченія научныхъ силъ для руководительства предпріятіемъ, при возможности, вмѣстѣ съ тѣмъ, хранить секреты производства. Въ земледѣліи это преимущество крупнаго хозяйства большого значенія не имѣетъ, такъ какъ поле открыто для всѣхъ и не можетъ скрыть въ себѣ секретовъ; земледѣльческое производство имѣетъ по самому своему существу демонстративный характеръ и каждый интеллигентный крестьянинъ можетъ учиться у сосѣда—крупнаго владѣльца. Что же касается до научнаго руководительства, то тутъ приходитъ крестьянину на помощь общественная агрономія [1]).

Итакъ, балансъ выгодъ и невыгодъ крупнаго и мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ далеко не такъ ясенъ и очевиденъ, какъ въ промышленности. За мелкимъ сельскимъ хозяйствомъ остается одно несомнѣнное преимущество—большая заинтересованность производителя въ процессѣ труда, преимущество, потому пріобрѣтающее особое значеніе, что сельское хозяйство требуетъ особенно тщательнаго труда—оно имѣетъ дѣло съ живыми организмами. Поэтому, нисколько не удивительно, что лучшія породы скота—швейцарскій, баварскій, голландскій, джерсейскій скотъ—созданы мелкимъ хозяйствомъ [2]).

Вообще, чѣмъ земледѣльческое производство интенсивнѣе, чѣмъ болѣе въ него вкладывается, на ту же земельную площадь, труда, тѣмъ больше преимуществъ имѣетъ мелкое хозяйство сравнительно съ крупнымъ. Всякое земледѣльческое хозяйство пріурочивается къ извѣстной земельной площади; въ процессѣ земледѣльческаго производства приходится перевозить съ одного мѣста на другое большія тажести (удобреніе, земледѣльческія машины, собранный продуктъ), и разстояніе усадьбы отъ обрабатываемой земли пріобрѣтаетъ большое значеніе. Чѣмъ больше это разстояніе, тѣмъ больше труда приходится затрачивать на передвиженіе тяжестей. Германскій экономистъ Тюненъ попробовалъ высчитать, какъ вліяетъ на высоту земельной ренты (т. е. чистаго дохода съ земельнаго участка, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ и отчисленіемъ прибыли на затраченый капиталъ) разстояніе обрабатываемаго участка земли отъ хозяйственнаго центра, усадьбы. По его разсчетамъ (переводя ихъ на современныя мѣры), если разстояніе это равно нолю, то земельная рента при сборѣ въ 25 гектоліторовъ ржи равна съ гектара 23 маркамъ. Если обрабатываемый участокъ удаленъ на 1000 метровъ отъ усадьбы, рента равняется 17-ти маркамъ, если на 2000 метровъ — 14-ти маркамъ, на 3000 метровъ —10-ти маркамъ, на 4000 метровъ—5-ти маркамъ, и на 5000 метровъ—рента равна нолю. Итакъ, чѣмъ дальше

обрабатываемый участокъ отъ усадьбы, тѣмъ меньше становится рента землевладѣльца, и при большомъ разстояніи вся рента поглащается расходами на передвиженіе. Но чѣмъ интенсивнѣе хозяйство, тѣмъ больше тяжестей приходятся перевозить на ту же земельную площадь и, значитъ, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ расходы по перевозкѣ—иначе говоря, моментъ разстоянія. Тюненъ даже категорически утверждалъ, что самое интенсивное земледѣліе—плодоперемѣнное—возможно лишь въ мелкихъ размѣрахъ.

И факты показываютъ, что крупное капиталистическое хозяйство встрѣчается, преимущественно, при экстенсивныхъ системахъ сельскаго хозяйства. Такъ, экстенсивное лѣсное хозяйство—сводящееся къ вырубкѣ дикорастущаго лѣса—допускаетъ самыя крупныя предпріятія: и, дѣйствительно, въ колоніяхъ и малонаселенныхъ странахъ предпріятія по вырубкѣ лѣсовъ нерѣдко достигаютъ огромныхъ размѣровъ.

То же нужно сказать и объ экстенсивномъ пастбищномъ скотоводствѣ. Въ Австраліи нѣкоторые крупные скотоводы имѣютъ по нѣскольку сотъ тысячъ овецъ.

Собственно земледѣліе предполагаетъ уже меньшіе размѣры предпріятія. Наибольшихъ размѣровъ достигали американскія пшеничныя фермы Дальняго Запада, ведшія крайне экстенсивное хищническое хозяйство на обширныхъ площадяхъ при помощи самыхъ усовершенствованныхъ машинъ. Нѣкоторыя изъ такихъ фермъ достигали 10.000 гект. и даже больше и являлись настоящими пшеничными фабриками.

Но при интенсивномъ земледѣліи такія крупныя фермы становятся невозможны. Въ Англіи, напр., фермы площадью свыше 500 гект. составляютъ рѣдкое исключеніе. Въ 1880 г. въ Англіи средній размѣръ зерновой фермы равнялся 74 акрамъ (около 25 десятинъ), а размѣръ интенсивной скотоводческой фермы — всего 52 акрамъ (около 18 десятинъ) [3]). Такимъ образомъ, по мѣрѣ интенсификаціи сельскаго хозяйства становится болѣе выгоднымъ именно мелкое хозяйство.

Помимо естественныхъ препятствій, крупное капиталистическое производство въ сельскомъ хозяйствѣ наталкивается и на извѣстныя соціальныя преграды для своего роста. А именно, капиталистическое сельское хозяйство встрѣчаетъ значительныя трудности въ пріисканіи рабочихъ рукъ. Такимъ образомъ возникаетъ то, что называютъ рабочимъ вопросомъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ данномъ случаѣ разумѣется не вопросъ объ улучшеніи положенія рабочаго, а вопросъ о снабженіи крупнаго сель-

скаго хозяина рабочими руками. Такъ какъ сельскохозяйственному предпринимателю невыгодно постоянно содержать большое число наемныхъ рабочихъ (они нужны ему только временно), а, съ другой стороны, онъ не можетъ пользоваться городскими рабочими, то, крупное сельское хозяйство заинтересовано въ томъ, чтобы, наряду съ нимъ, существовало и мелкое крестьянское хозяйство, которое поставляло бы сельскихъ рабочихъ крупному хозяйству. Во всѣхъ передовыхъ капиталистическихъ странахъ наблюдается сокращеніе числа сельскохозяйственныхъ рабочихъ (уходъ въ города). Такъ, напр., въ Германіи за время 1882 — 1895 г. число промышленныхъ рабочихъ увеличилось на 2.215 тыс., а число наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ уменьшилось за то же время на 254 тыс. Притомъ изъ деревни уходятъ именно наиболѣе интеллигентные и предпріимчивые рабочіе. Въ Германіи процентъ людей въ возрастѣ до 14-ти лѣтъ и свыше 40 лѣтъ,— дѣтей и стариковъ—въ деревнѣ значительно выше, чѣмъ въ городѣ. Трудъ падаетъ, значитъ, въ деревнѣ не только количественно, но и качественно.

Но главной основой устойчивости мелкаго сельскаго хозяйства являются не его экономическія преимущества передъ крупнымъ, а то существенное обстоятельство, что крупное хозяйство ведется ради прибыли и ренты, а мелкое для обезпеченія существованіе самого производителя. Крестьянинъ продолжаетъ вести хозяйство и въ томъ случаѣ, когда хозяйство не даетъ ему ничего, кромѣ средней заработной платы, въ то время какъ крупное хозяйство, доходы съ котораго покрывали бы только заработную плату, должно было бы, по необходимости, прекратиться. Поэтому мелкое сельское хозяйство можетъ существовать и развиваться при значительно меньшемъ валовомъ и чистомъ доходѣ, чѣмъ крупное. Къ этому присоединяется и то, что мелкое земледѣліе, служа потребительнымъ нуждамъ земледѣльца, гораздо менѣе зависитъ отъ рыночныхъ колебаній цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, чѣмъ крупное капиталистическое хозяйство, работающее исключительно для сбыта. Паденіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты, разоряющее крупное земледѣліе, переносится мелкимъ земледѣльцемъ сравнительно легко, такъ какъ мелкій земледѣлецъ значительную — и нерѣдко большую—часть своихъ продуктовъ потребляетъ въ собственномъ хозяйствѣ.

III.

Итакъ, подводя балансъ сравнительной силы и устойчивости крупнаго и мелкаго сельскаго хозяйства въ ихъ взаимной борьбѣ, приходится признать, что балансъ этотъ склоняется скорѣе въ пользу мелкаго хозяйства. Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что капиталистическое сельское хозяйство — хозяйство при помощи наемнаго труда — во многихъ странахъ пользуется широкимъ распространеніемъ, а въ нѣкоторыхъ является и почти единственной формой сельскаго хозяйства (какъ, напр., въ Англіи). Дѣло въ томъ, что развитіе капиталистическаго земледѣлія явилось не результатомъ экономической силы послѣдняго, сравнительно съ крестьянскимъ, трудовымъ земледѣліемъ, а естественнымъ послѣдствіемъ крупнаго землевладѣнія, возникшаго, въ свою очередь, на основѣ политическаго насилія. Земля перешла въ руки немногочисленной группы правящихъ классовъ вовсе не потому, что крупное земледѣльческое производство оказалось экономически сильнѣе мелкаго. Земля была захвачена силой господствующими классами, вмѣстѣ съ самимъ земледѣльцемъ, обращеннаго въ раба или крѣпостнаго. Затѣмъ земледѣлецъ получилъ свободу, но значительная часть земли осталась въ рукахъ помѣщика. Такъ возникло во всѣхъ странахъ Европы крупное землевладѣніе, и, какъ естественное послѣдствіе его — и крупное капиталистическое земледѣліе.

Крупное землевладѣніе возникло очень давно путемъ захвата земли господствующими классами во время господства очень экстенсивныхъ формъ хозяйства. Въ наше же время, когда интенсивное хозяйство вытѣсняетъ экстенсивное, условія для развитія крупнаго сельскаго хозяйства становятся менѣе благопріятными. Однако, быстраго замѣщенія одной формы сельскохозяйственнаго предпріятія другой не наблюдается потому, что вообще аграрныя отношенія отличаются большимъ консерватизмомъ. Для того, чтобы расширить сельскохозяйственное предпріятіе, нужно, какъ общее правило, увеличить площадь земли въ распоряженіи даннаго предпріятія, а для этого требуется, въ свою очередь, или взять въ аренду нужную землю, или купить ее. Но получить землю въ аренду не вездѣ возможно, а купля-продажа земли повсемѣстно обставлена значительными затрудненіями. Земля, находящаяся въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ, благодаря майоратамъ и другимъ юридическимъ ограниченіямъ, нерѣдко совсѣмъ не можетъ быть продаваема (такъ, въ Англіи, около $^3/_4$

частновладѣльческой земли закрѣплено такимъ образомъ за одними и тѣми же владѣльцами); съ другой стороны, и мелкое крестьянское землевладѣніе часто закрѣплено за владѣльцами. Самая продажа земли облагается повсемѣстно тяжелыми пошлинами въ пользу государства. Все это вмѣстѣ (и многое другое) приводитъ къ значительной устойчивости аграрныхъ отношеній, измѣняющихся вообще съ значительной медленностью. Вотъ напр. статистика распредѣленія земледѣльческихъ предпріятій въ разныхъ странахъ.

Германія.

Размѣръ одного хозяйства.	Занятая площадь (въ тысяч. гектар.). 1882 г.	1895 г.	Увеличеніе или уменьшеніе въ тыс. гектаровъ.
до 2 гектаровъ . .	1826	1808	— 17
отъ 2 — 5 » . .	3190	3286	+ 96
» 5 — 20 » . .	9158	9722	+ 563
» 20 — 100 » . .	9908	9870	— 38
свыше 100 » . .	7786	7832	+ 46

Франція.

	1882 г.	1892 г.	
до 1 гектаровъ . .	1084	1327	+ 248
отъ 1 — 5 » . .	5598	5489	— 108
» 5 — 10 » . .	5769	5756	— 13
» 10 — 40 » . .	14846	14313	— 532
свыше 40 » . .	22296	22493	+ 197

Великобританія.

Размѣръ одного хозяйства.	Занятая площадь (въ тысяч. акровъ). 1885 г.	1895 г.	Увеличеніе или уменьшеніе въ тыс. акровъ.
отъ 1 — 5 акровъ . .	390	367	— 23
» 5 — 20 » . . .	1657	1668	+ 11
» 20 — 50 » . . .	2825	2865	+ 40
» 50 — 100 » . . .	4747	4885	+ 139
» 100 — 300 » . . .	13659	13876	+ 217
свыше 300	9271	8917	— 354

Средніе размѣры культивируемой площади фермы въ Сѣв. Амер. Соедин. Штатахъ.

	1850 г.	60 г.	70 г.	80 г.	90 г.	900 г.
акры . .	61,5	51,9	53,7	53,1	57,4	49,4

Эти данныя показываютъ, что не существуетъ законовъ развитія сельскохозяйственнаго предпріятія, обязательныхъ для всѣхъ странъ, подобно законамъ развитія промышленности, въ которой крупное предпріятіе повсемѣстно растетъ быстрѣе мелкаго. Напротивъ, въ области сельскаго хозяйства мы скорѣе замѣчаемъ ростъ мелкаго сельско-хозяйственнаго предпріятія насчетъ крупнаго. Въ общемъ, аграрныя отношенія и аграрное развитіе не укладываются ни въ какой единый типъ и въ высшей степени индивидуальны и своеобразны. Въ различныхъ странахъ наблюдаются самыя разнообразныя сочетанія всевозможныхъ формъ сельскаго хозяйства. Невозможность подчинить какой бы то ни было общей схемѣ аграрное развитіе различныхъ странъ признается въ настоящее время всѣми серьезными экономистами.

Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того факта, что крестьянское хозяйство, въ общемъ, не отступаетъ передъ капиталистическимъ, а, наоборотъ, имѣетъ во многихъ случаяхъ тенденцію вытѣснять послѣднее. Это очень ярко выражается въ томъ, что, въ противность ходу развитія промышленности, въ сельскомъ хозяйствѣ процентъ наемныхъ рабочихъ, по отношенію къ общей численности населенія, занятаго въ сельскомъ хозяйствѣ, обычно не растетъ, а падаетъ, а процентъ самостоятельныхъ хозяевъ растетъ. Вотъ, напр., данныя для Германіи:

Распредѣленіе населенія, занятаго въ сельскомъ хозяйствѣ (въ процентахъ).

	Хозяева.	Высшіе служащіе.	Рабочіе.
1882 г.	27,94	0,61	71,45
1895 г.	31,25	0,96	67,79

Въ германской промышленности и торговлѣ процентъ самостоятельныхъ хозяевъ за то же время значительно упалъ, а наемныхъ рабочихъ возросъ (ср. стр. 230) — наблюдалась, иначе говоря, пролетаризація населенія. Въ сельскомъ хозяйствѣ наблюдалось обратное измѣненіе соціальнаго сложенія занятаго персонала—не пролетаризація, а замѣщеніе сельскохозяйственнаго пролетарія крестьяниномъ.

То же самое замѣчается и въ другихъ странахъ. Напр. въ Соединенныхъ Штатахъ процентъ служащихъ и рабочихъ въ общей суммѣ населенія, занятаго сельскимъ хозяйствомъ, измѣнялся слѣдующимъ образомъ:

1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.
52	43,3	41,4	34,6

Еще въ 1870 г. число пролетаріевъ въ сельскомъ хозяйствѣ Америки превосходило число самостоятельныхъ хозяевъ. Теперь же послѣдніе составляютъ около $^2/_3$ всего сельскохозяйственнаго населенія Америки.

IV.

Не оправдалась и знаменитая фраза Маркса объ „идіотизмѣ сельской жизни“ и хозяйственномъ консерватизмѣ крестьянина. Напротивъ, за послѣднее время мы видимъ именно въ деревнѣ мощное развитіе совершенно новыхъ формъ хозяйства—такъ наз. кооперативныхъ предпріятій.

Кооперативныя предпріятія характеризуются слѣдующими чертами. Прежде всего, это предпріятія не единоличныя, а многоличныя—во главѣ ихъ стоитъ не одинъ хозяинъ, а болѣе или менѣе обширная общественная группа. Вторымъ отличительнымъ признакомъ ихъ является то, что по способу своего составленія онѣ представляютъ собой всегда добровольныя, а отнюдь не принудительныя организаціи—этимъ онѣ отличаются отъ всѣхъ принудительныхъ общественныхъ организацій, какъ напр. хозяйственныя предпріятія [государства, земства и т. п. Третьимъ отличительнымъ признакомъ ихъ является цѣль, заключающаяся не въ полученіи наибольшаго барыша, какъ у капиталистическихъ предпріятій, а въ обезпеченіи сочленамъ, путемъ соотвѣтствующей организаціи, возможно болѣе полнаго, неурѣзаннаго капиталистомъ, ихъ собственнаго трудового продукта.

Такимъ образомъ, кооперативныя предпріятія, не смотря на крайнее разнообразіе своихъ формъ, рѣзко отличаются отъ предпріятій капиталистическаго типа. Для кооперативныхъ предпріятій характерно, что они ведутъ борьбу съ капиталистической эксплоатаціей и при томъ борьбу на непосредственно хозяйственной почвѣ, организуя хозяйство на новыхъ основахъ [4]).

Наиболѣе полно эта противоположность кооперативнаго и капиталистическаго предпріятія выражена въ производительномъ товариществѣ или артели. Производительное товарищество въ чистомъ видѣ не заключаетъ въ себѣ никакихъ капиталистическихъ элементовъ. Однако, именно поэтому оно является наибо-

лѣе рѣдкимъ видомъ кооперативнаго предпріятія. Гораздо большее значеніе имѣютъ другіе виды кооперативныхъ предпріятій, въ которыхъ мы наблюдаемъ разнообразныя сочетанія капиталистическихъ и некапиталистическихъ элементовъ; именно такія двойственныя, компромиссныя кооперативныя предпріятія оказались наиболѣе жизнеспособными, что нисколько не удивительно, ибо хозяйственная жизнь вообще слагается изъ компромиссовъ.

Сельскохозяйственныя кооперативныя предпріятія обычно имѣютъ слѣдующую организацію. Самое предпріятіе принадлежитъ группѣ сельскохозяйственныхъ производителей, трудовыхъ земледѣльцевъ-крестьянъ, а также и болѣе крупныхъ хозяевъ; работа въ предпріятіи совершается наемными рабочими. Такимъ образомъ, кооперативное начало въ сельско-хозяйственныхъ кооперацiяхъ обычнаго типа выражается въ принадлежности ихъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, трудящимся производителямъ, стремящимся, путемъ кооперацiи, избавить себя отъ капиталистической эксплоатацiи; но по отношенію къ рабочимъ, занятымъ въ такомъ кооперативномъ предпріятіи, послѣднее мало отличается отъ обычнаго капиталистическаго.

Существуетъ много разныхъ формъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ. Наиболѣе важны слѣдующія: 1) кооперативныя учрежденія мелкаго кредита; 1) товарищества производителей; 3) товарищества закупокъ и продажъ; 4) товарищества пользованія машинами и 5) арендныя товарищества.

Кооперативныя учрежденія мелкаго кредита будутъ разсмотрѣны ниже въ главѣ о кредитѣ. Что касается до товариществъ производителей, то ихъ нужно строго отличать отъ производительныхъ товариществъ. Подъ послѣдними понимаютъ такіе кооперативы, въ которыхъ кооперативное предпріятіе принадлежитъ рабочимъ, занятымъ въ этомъ предпріятіи. Напротивъ, въ товариществѣ производителей производство ведется наемнымъ трудомъ, а собственникомъ его является группа производителей, учреждающихъ предпріятіе для переработки за общій счетъ тѣхъ или иныхъ продуктовъ своего производства. Типомъ учрежденій этого рода и вмѣстѣ наиболѣе распространенной формой ихъ можетъ считаться маслодѣльное товарищество.

Классической страной маслодѣльныхъ товариществъ современнаго типа является Данія. Первая товарищеская маслодѣльня въ Даніи была устроена въ 1882 г. Штиллингомъ-Андерсеномъ; она сразу обратила на себя общее вниманіе, и въ слѣдующемъ году

было устроено нѣсколько новыхъ товарищескихъ маслодѣленъ. Затѣмъ развитіе новой формы предпріятія пошло необыкновенно быстрымъ темпомъ—ежегодно возикало по нѣскольку десятковъ, а вскорѣ затѣмъ и сотенъ предпріятій этого рода. Въ 1906 г. въ Даніи считалось 1076 товарищескихъ малодѣленъ со 157 тысячами членовъ; общая цѣнность масла, проданнаго этими товариществами въ томъ же году, достигала 170 милліоновъ кронъ.

Товарищеская маслодѣльня организовывается слѣдующимъ образомъ. Маслодѣльня принадлежитъ группѣ крестьянъ, а также и болѣе крупныхъ хозяевъ. Деньги для устройства маслодѣльни получаются тамъ, гдѣ развиты кооперативныя учрежденія мелкаго кредита, обыкновенно изъ этихъ послѣднихъ. Хозяева маслодѣльни обязуются поставлять въ маслодѣльню молоко изъ своего хозяйства. При этомъ молоко, принимаемое маслодѣльней, тщательно расцѣнивается по своему качеству. Собранное такимъ образомъ молоко перерабатывается на маслодѣльнѣ подъ руководствомъ опытнаго мастера, при помощи другихъ наемныхъ рабочихъ, въ масло, которое затѣмъ и поступаетъ въ продажу. Вырученная сумма распредѣляется между хозяевами кооператива (за покрытіемъ, конечно, всѣхъ расходовъ) пропорціонально количеству молока, доставленнаго каждымъ.

Каждая отдѣльная маслодѣльня, будучи совершенно автономной, связана въ то же время въ Даніи, путемъ цѣлаго ряда организацій, съ другими маслодѣльнями страны; все вмѣстѣ образуетъ одно стройное и связное національное цѣлое.

Результатомъ развитія маслодѣльныхъ кооперативовъ въ Даніи явилось чрезвычайное повышеніе техники производства. Весь процессъ приготовленія масла былъ поставленъ на вполнѣ раціональную ногу и качество масла настолько улучшилось, что датское масло стало считаться по своимъ достоинствамъ первымъ на міровомъ рынкѣ. Частнохозяйственное производство масла оказалось совершенно не въ силахъ конкурировать съ кооперативнымъ и въ настоящее время болѣе 90% масла, изготовляемаго въ Даніи, вырабатывается въ кооперативныхъ маслодѣльняхъ, огромное большинство участниковъ которыхъ принадлежатъ къ числу среднихъ и мелкихъ крестьянъ.

Съ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка начинается быстрое развитіе молочныхъ товариществъ и въ другихъ странахъ. Такъ, напр., въ Германіи въ 1892 г. было всего 288 молочныхъ товариществъ, а въ 1906 г. уже 2880 съ 288 тысячами членовъ. По новѣйшимъ подсчетамъ около 40% всего масла, выдѣлываемаго въ Германіи, приготовляется въ товарищескихъ маслодѣльняхъ.

Другимъ образчикомъ товарищества производителей являются товарищества винодѣловъ. Первый современный кооперативъ этого рода былъ устроенъ въ прирейнской деревнѣ Майшоссѣ въ 1868 г. по иниціативѣ двухъ крестьянъ-винодѣловъ Коссмана и Іостена. Въ настоящее время этотъ кооперативъ охватываетъ почти всѣхъ винодѣловъ деревни. Товарищество перерабатываетъ въ вино весь виноградъ своихъ сочленовъ, причемъ подвергаетъ тщательному контролю и весь процессъ культуры винограда, стремясь сдѣлать его возможно болѣе раціональнымъ съ технической стороны. Кооперативы этого рода распространяются за послѣднее время въ прирейнскихъ провинціяхъ [5]).

Товарищества закупокъ и продажъ имѣютъ своей цѣлью избавить сельскохозяйственныхъ производителей отъ эксплоатаціи со стороны торговцевъ. Особенно развита операція закупки, какъ значительно болѣе простая. Такихъ товариществъ въ Германіи считалось въ 1904 г. 2222 съ числомъ членовъ свыше 200 тыс. Закупочными операціями занимаются и многія кредитныя товарищества. Всего было закуплено разными сельскохозяйственными кооперативами въ Германіи въ 1904 г. свыше, чѣмъ на 140 милліоновъ марокъ—преимущественно предметовъ, нужныхъ для сельскаго хозяйства, какъ искусственныя удобренія, кормовыя средства, сѣмена, машины и орудія, а также угля и др. товаровъ. И эти товарищества связаны между собой въ мѣстные и національные союзы.

Товарищества по продажѣ имѣютъ въ Германіи менѣе значенія, чѣмъ въ Даніи, гдѣ имѣется цѣлый рядъ крупныхъ національныхъ организацій по продажѣ разнаго рода сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Такъ, „Кооперація датскихъ хозяевъ по вывозу масла“ продаетъ въ годъ масла на 9 милл. кронъ, „Датская кооперація для вывоза яицъ“ экспортировала въ 1906 г. яицъ болѣе, чѣмъ на 4 милліона кронъ и т. д.

Въ южной Германіи (а также и въ другихъ странахъ—напр въ Швейцаріи) за послѣдніе годы получили значительное распространеніе среди крестьянъ товарищества по совмѣстному пользованію сельскохозяйственными машинами. Группа крестьянъ сообща покупаетъ машину и послѣдовательно пользуется ею. Такимъ образомъ крестьяне получаютъ возможность пользоваться такими машинами, которыя слишкомъ дороги для небольшого хозяйства, какъ напр. паровая молотилка, а также сѣялки, жатвенныя машины и т. п. Въ Баваріи въ 1902 г. было 683 товарищества для пользованія молотилками съ 16 тыс. членовъ.

Во Франціи сельскохозяйственная кооперація развита вообще

значительно меньше, чѣмъ въ Германіи. Тѣмъ не менѣе, и во Франціи считается болѣе 4 тысячъ такъ наз. сельскохозяйственныхъ синдикатовъ—кооперативныхъ организацій самаго разнообразнаго характера. Синдикаты винодѣловъ, садоводовъ, огородниковъ, табаководовъ и др. преслѣдуютъ цѣли совмѣстной покупки нужныхъ средствъ производства, продажи продуктовъ, пріобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній, пользованія кредитомъ и т. п. За послѣдніе годы во Франціи энергично развиваются товарищества производителей—винодѣльческія товарищества, производителей оливковаго масла, кооперативные сахарные, крахмальные и винокуренные заводы и т. п.

Весьма любопытно кооперативное движеніе въ итальянской деревнѣ. Интересно оно не своими размѣрами, а тѣмъ, что пытается создать такія формы кооперативовъ, которыя на практикѣ удаются всего рѣже. Оно стремится—и не безуспѣшно—разрѣшить крайне трудную задачу артельнаго производства. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи разнообразные кооперативы итальянской провинціи Реджіи-Эмиліи. Кооперативное движеніе Реджіи Эмиліи развивалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ соціалистовъ и этимъ объясняется его своеобразный характеръ. Среди сельскохозяйственныхъ кооперативныхъ организацій этой провинціи обращаютъ на себя особенное вниманіе арендныя товарищества, возникшія за самые послѣдніе годы. Товарищества эти стали образовываться послѣ неудачи широкаго стачечнаго движенія въ итальянской деревнѣ въ 1900—1901 г.г. Стачки повели къ массовой безработицѣ и вотъ крестьянскія соціалистическія организаціи, чтобы найти своимъ членамъ работу, рѣшили приняться за коллективную обработку земли. Въ 1901 г. въ Фабрико возникаетъ первое такое товарищество, число членовъ котораго въ 1906 г. достигало 471; оно арендуетъ четыре имѣнія и ведетъ свои дѣла очень успѣшно. Всѣми земледѣльческими работами руководитъ избранное правленіе; товарищество доказало на опытѣ возможность крупнаго артельнаго земледѣлія. Всего въ Италіи въ 1906 г. было 108 арендныхъ товариществъ, но большая часть ихъ не ведетъ коллективной обработки земли, а распредѣляетъ арендуемую землю для индивидуальной обработки между своими сочленами [6]).

V.

Сельскохозяйственная кооперація распространяется за послѣднее время и у насъ. Первыя попытки устройства въ Россіи товарищескихъ сыроварень относятся еще къ 60-мъ и началу

70-хъ годовъ, когда Н. Верещагинъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, при поддержкѣ нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій и земствъ, создалъ цѣлую сѣть такихъ товариществъ (такъ наз. артельныхъ сыроваренъ, хотя это названіе и не точно, ибо это были не артели, не производительныя товарищества, а товарищества производителей, организованныя совершенно также, какъ и молочныя товарищества западной Европы) въ тверской, ярославской, новгородской и др. губерніяхъ. Однако, эти попытки успѣха не имѣли и содѣйствовали только развитію у насъ крупнаго капиталистическаго маслодѣлія и сыроваренія, причемъ нѣкоторые изъ руководителей этого дѣла превратились, въ концѣ концовъ, въ крупныхъ капиталистическихъ предпринимателей [7]). Неудача эта крайне характерна въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какъ необходима для успѣха всякой коопераціи самодѣятельность населенія. Наше крестьянство къ тому времени еще не было способно поддержать новыя хозяйственныя организаціи, предлагавшіяся ему интеллигенціей, и никакія усилія интеллигенціи оказались не способными восполнить этотъ существенный недостатокъ.

Можно было думать, что русская деревня почему-то совершенно невоспріимчива къ новымъ формамъ кооперацiи. Интеллигенція и земства охладѣли къ кооперацiи, а отдѣльныя попытки въ этомъ направленіи, которыя дѣлались друзьями кооперативнаго дѣла изъ среды интеллигенціи (напр. попытки устройства Н. В. Левицкимъ земледѣльческихъ артелей) по прежнему приводили къ неудачамъ. Но наша деревня понемногу пробуждалась и мало-по-малу въ ней возникло сильное кооперативное движеніе такого же типа, какъ и въ западной Европѣ.

Особенно интересно быстрое развитіе въ Сибири маслодѣльныхъ товариществъ такого же рода, какъ въ Даніи. Къ 1908 г ихъ считалось въ Сибири уже около 800 съ 120 тысячами членовъ, обладающихъ около 700 тыс. коровъ. И въ Сибири, какъ и въ другихъ странахъ, развитіе кооперативнаго производства имѣло своимъ слѣдствіемъ значительное поднятіе техники—хотя сибирскому маслу все еще очень далеко до датскаго, но оно уже не то, какимъ было еще очень недавно, и благодаря кооперацiи заняло прочное мѣсто на міровомъ рынкѣ.

По приблизительному подчету, уже около 40% сибирскаго масла производится въ кооперативныхъ маслодѣльняхъ. Послѣднія выдержали ожесточенную борьбу съ частными капиталистическими маслодѣльнями и вышли изъ этой борьбы побѣдителями. Процессъ вытѣсненія частныхъ заводовъ кооперативными во мно-

гихъ районахъ Сибири „почти законченъ и почти всѣ частно-владѣльческія маслодѣльни, не выдержавши могучаго натиска кооперативной волны, или ликвидировали дѣла, или перешли въ руки кооперации“ [8]). Успѣхи сибирскаго кооперативнаго маслодѣлія въ значительной мѣрѣ зависѣли отъ того, что маслодѣльныя товарищества Сибири получали помощь отъ особой „Организации по устройству кооперативныхъ маслодѣльныхъ товариществъ въ западной Сибири“, возникшей въ 1902 г.

Судьба перемѣнчива: еще очень недавно кооперативныя маслодѣльни превращались у насъ въ капиталистическія маслодѣльни, теперь же капиталистическія маслодѣльни не могутъ выдержать конкуренціи кооперативныхъ.

Но ростъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ замѣчается не только въ Сибири. И въ другихъ мѣстностяхъ Россіи послѣ 1905 г., всколыхнувшаго до основанія нашу деревню, стали возникать сельскохозяйственные кооперативы самыхъ различныхъ видовъ—маслодѣльныя товарищества (въ сѣверныхъ губерніяхъ), потребительныя общества (см. отдѣлъ III главу V), кредитныя товарищества, мелкія сельскохозяйственныя общества, исполняющія функціи закупочныхъ и продажныхъ товариществъ, а иногда и арендныхъ товариществъ и др. Что касается до маслодѣльныхъ товариществъ, то, напр., въ вологодской губ. къ концу 1908 г. ихъ считалось уже не менѣе 40. Въ ярославской губ. земство рѣшило осенью 1907 г. ассигновать особый капиталъ на развитіе кооперативнаго маслодѣлія и создать для этого особую организацію по образцу сибирской [9]). Вообще, не можетъ быть сомнѣнія, что не смотря на неблагопріятныя политическія условія для развитія нашего кооперативнаго движенія, благодаря чему наши кооперативныя учрежденія даже одинаковаго характера совершенно не объединены другъ съ другомъ и въ этомъ отношеніи представляютъ собой разительный контрастъ съ кооперативными учрежденіями Запада, которыя связаны между собой національными союзами, кооперація и у насъ суждено сыграть такую же огромную творческую роль, какую она уже сыграла на Западѣ.

Итакъ, сельскохозяйственная кооперація, несмотря на свое недавнее происхожденіе, уже теперь представляетъ собой чрезвычайно важную хозяйственную организацію нашего времени. И все заставляетъ ожидать, что въ будущемъ крестьянское хозяйство будетъ неразрывно соединено съ кооперативной организаціей, при помощи которой мелкое крестьянское производство можетъ использовать выгоды крупнаго хозяйства. Такимъ обра-

зомъ, кооперація вырабатываетъ новый типъ сельскаго хозяйства, основу котораго составляютъ мелкіе деревенскіе производители, но не изолированные, а связанные въ мощныя общественныя организаціи кооперацією.

Общественныя отношенія, возникающія на основѣ сельскохозяйственнаго производства, въ высшей степени индивидуальны и не допускаютъ такихъ обобщеній, какъ въ области промышленности. Объясняется это тѣмъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ человѣкъ гораздо болѣе зависитъ отъ внѣшней природы, почему во всей этой хозяйственной сферѣ замѣчается гораздо менѣе своей собственной самостоятельной закономѣрности, стоящей внѣ закономѣрности внѣшней матеріальной среды, чѣмъ въ промышленности. Поэтому нисколько неудивительно, что, именно промышленность, а не сельское хозяйство, по преимуществу изучалась экономической наукой—въ сферѣ промышленности экономистъ чувствуетъ себя гораздо болѣе у себя дома, чѣмъ въ сферѣ сельскаго хозяйства, гдѣ царитъ не подлежащая изслѣдованію экономиста закономѣрность внѣшней природы.

Результатомъ этого положенія дѣлъ явилась склонность экономистовъ замѣнять самостоятельное изученіе аграрныхъ отношеній распространеніемъ на нихъ закономѣрностей, выведенныхъ изъ изученія отношеній промышленности. И къ этому были наиболѣе склонны именно тѣ экономисты, которые всего болѣе сдѣлали для превращенія политической экономіи въ точную науку—ибо только на основѣ изученія отношеній промышленности такая наука и могла возникнуть. Въ частности, Марксъ никогда не изучалъ сколько-нибудь внимательно аграрныхъ отношеній. Онъ былъ близко и хорошо знакомъ съ англійской промышленностью и притомъ, преимущественно, съ хлопчатобумажной. Зомбартъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что когда Марксъ говоритъ о фабрикѣ вообще, онъ обычно имѣетъ въ виду, собственно говоря, одинъ опредѣленный видъ фабрики, а, именно, бумагопрядильную фабрику. Но аграрныя отношенія его мало интересовали; размѣръ его фактическихъ знаній въ этой области былъ очень ограниченъ, какъ показываетъ, между прочимъ, третій томъ „Капитала“, гдѣ аграрному вопросу отведено наиболѣе мѣста.

Тѣмъ не менѣе, аграрныя отношенія играютъ слишкомъ важную роль въ современной общественной жизни, чтобы ихъ можно было просто игнорировать. И вотъ мы видимъ, что Марксъ распространяетъ на область сельскаго хозяйства свои выводы относительно промышленности. Подобно тому, какъ въ сферѣ промышленности наблюдается концентрація производства и капиталистическая фабрика замѣщаетъ ремесло, точно то же происходитъ и въ земледѣліи: крестьянское хозяйство падаетъ и замѣщается крупнымъ капиталистическимъ земледѣліемъ [10]).

Что, именно такова была основная точка зрѣнія Маркса, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія [11]), хотя это и отрицается за по-

слѣднее время нѣкоторыми его послѣдователями [12]). Вслѣдъ за своимъ учителемъ и марксисты до послѣдняго времени были проникнуты тѣмъ же убѣжденіемъ. И Эккаріусъ въ своей книгѣ „Eines Arbeiters Widerlegung der nationalökonomischen Lehren von J. S. Mill“ (1869), прочитанной Марксомъ до напечатанія и, до извѣстной степени, редактированной имъ, и Либкнехтъ въ своей интересной работѣ „Zur Grund— und Bodenfrage“ (1870), и Каутскій въ своемъ извѣстномъ комментаріи къ Эрфуртской программѣ—всѣ они одинаково твердо вѣрятъ въ неизбѣжное торжество капиталистическаго земледѣлія надъ крестьянскимъ. Это же убѣжденіе выражено и въ программѣ нѣмецкой соціалдемократіи, принятой на Эрфуртскомъ конгрессѣ 1891 г. и до сихъ поръ остающейся оффиціальной программой партіи [13]).

Факты, однако, показали, что земледѣліе развивается совершенно иначе, чѣмъ промышленность. Это должны были, въ большей или меньшей степени, признать и марксисты, и выраженіемъ новой точки зрѣнія марксизма на аграрный вопросъ явилась извѣстная работа Каутскаго на эту тему. Въ ней Каутскій уже отказывается отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и вполнѣ признаетъ устойчивость при современныхъ условіяхъ хозяйства мелкаго земледѣлія, но объясняетъ эту устойчивость приниженнымъ положеніемъ крестьянина и его готовностью скорѣе выносить самое нищенское существованіе на своемъ клочкѣ земли, чѣмъ отказаться отъ послѣдняго. Однако, и въ этой работѣ Каутскій не вѣритъ въ возможность для крестьянскаго хозяйства достигнуть техническаго уровня капиталистическаго земледѣлія и считаетъ технически раціональнымъ только крупное земледѣліе.

Книга Каутскаго вызвала обширную полемику, въ которой побѣда осталась, во всякомъ случаѣ, не за марксистами. Германская соціалдемократія формально удержалась на той непримиримой позиціи, которую она заняла на Бреславльскомъ конгрессѣ 1895 г., отвергнувъ проектъ аграрной программы, относившійся сочувственно къ поднятію крестьянскаго хозяйства. Однако, на практикѣ соціалдемократы южныхъ германскихъ государствъ продолжали дѣятельно поддерживать всѣ мѣропріятія, направленныя къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, и резолюція Бреславльскаго конгресса осталась на бумагѣ.

Въ другихъ странахъ соціалдемократія принуждена болѣе дорожить крестьянскими голосами и потому обнаруживаетъ болѣе сочувственное отношеніе къ крестьянству. Сельскохозяйственная кооперація, какъ средство поднятія крестьянскаго хозяйства, упоминается въ цѣломъ рядѣ соціалдемократическихъ программъ—такъ напр. въ программахъ французской, итальянской, датской, бельгійской, австрійской, швейцарской, финляндской и другихъ соціалдемократическихъ партій.

Быстрый ростъ кооперацій, какъ въ области сельскаго хозяйства, такъ и другихъ отрасляхъ хозяйственнаго труда, составляетъ одну изъ наиболѣе яркихъ особенностей новѣйшаго фазиса хозяйственной эволюціи. Литература о коопераціи громадна. Однако, теорія кооперацій, какъ своеобразной формы хозяйственной организаціи, существуетъ лишь въ слабыхъ зачаткахъ. Не имѣется даже общепринятой классификаціи кооперативовъ; тѣ же классификаціи, которыя фигурируютъ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ вопросамъ кооперацій, обычно построены въ логическомъ отношеніи крайне неудовлетворительно.

По моему мнѣнію, различныя формы кооперативовъ, могли бы быть классифицированы слѣдующимъ образомъ:

1) Кооперативы въ сферѣ производства (производительныя артели).
- а) Кооперативы совмѣстнаго производства продуктовъ
  - α) для собственнаго потребленія;
  - β) на сбытъ.
- б) Кооперативы совмѣстнаго пользованія средствами производства.
- в) Кооперативы совмѣстной продажи своихъ совмѣстныхъ трудовыхъ услугъ.

2) Кооперативы въ сферѣ обмѣна продуктами.
- а) Кооперативы по покупкѣ продуктовъ
  - α) производимыхъ на сторонѣ.
    - I) Потребительныя общества безъ собственнаго производства.
    - II) Сырьевыя закупочныя товарищества безъ собственнаго производства.
  - β) производимыхъ самимъ кооперативомъ.
    - I) Потребительныя общества съ собственнымъ производствомъ.
    - II) Сырьевыя закупочныя товарищества съ собственнымъ производствомъ.
    - III) Строительныя общества (для устройства и пріобрѣтенія жилыхъ домовъ).
- б) Кооперативы по продажѣ продуктовъ
  - α) продающіе продукты индивидуальнаго производства своихъ членовъ.
  - β) продающіе продукты своихъ членовъ, подвергаемые переработкѣ самимъ кооперативомъ (товарищества производителей).

3) Кооперативы въ сферѣ кредита.
- а) Кредитные кооперативы типа Шульце-Делича.
- б) Кредитные кооперативы типа Райффензена.

Въ виду невѣроятной путаницы, царящей въ области классификаціи кооперативныхъ предпріятій, эта таблица, охватывающая всѣ типы кооперативовъ, можетъ оказаться, какъ мнѣ кажется, небезполезной. Всѣ кооперативы находятъ себѣ въ ней мѣсто. Куда нужно, напр., отнести арендныя товарищества? Отвѣтъ не труденъ. Арендныя товарищества, въ которыхъ ведется коллективная обработка земли, должны быть отнесены къ числу производительныхъ артелей, производящихъ продукты для собственнаго потребленія или на сбытъ (типы I аα или I аβ); такія же арендныя товарищества, въ которыхъ земля обрабатывается отдѣльными членами товарищества за свой счетъ—къ производительнымъ артелямъ для совмѣстнаго пользованія средствами производства (типъ I б). Сюда же относятся и товарищества совмѣстнаго пользованія сельскохозяйственными машинами.

ЛИТЕРАТУРА.

Аграрный вопросъ вообще. Ходскій. Земля и земледѣлецъ. 2 т. 1895. Бухенбергеръ. Основные вопросы сельскохозяйственной экономіи и политики. Пер. Гурьева. 1901. Фонъ-деръ-Гольцъ. Аграрный вопросъ. Пер. Флексора. 1902. А. Скворцевъ. Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство. 1894. Его-же. Основы экономики земледѣлія. 2 т. 1900 и 1905. Соболевъ. Мобилизація земельной собственности и новѣйшія теченія аграрной политики въ Германіи. 1899. Левитскій. Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи. 1899 Каутскій. Аграрный вопросъ (нѣсколько русск. переводовъ). Ф. Гертцъ. Аграрные вопросы. Пер. съ нѣм. 1900. С. Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе. 2 т. 1900. Н. Каблуковъ. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. 1884. Его-же. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. 2 изд. 1908. Давидъ. Соціализмъ и сельское хозяйство. Пер. съ нѣм. 2-е изд. 1908. Вандервельдъ. Соціализмъ и земледѣліе. Пер. съ франц. 1907. Кржижицкій. Аграрный вопросъ. 1906. Косинскій. Къ аграрному вопросу. 1906. Гатти. Соціализмъ и аграрный вопросъ. Пер. съ итальянск. 1906. А. Чупровъ. Мелкое земледѣліе и его нужды. 1907. В. Ильинъ. Аграрный вопросъ. 1908. Борьба за землю. Сборникъ. 1908.

Аграрный вопросъ и марксизмъ. Конштедъ. Аграрный вопросъ въ германской соціалъ-демократіи. Пер. съ нѣмецк. 1907. Черновъ. Марксизмъ и аграрный вопросъ. 1906. Шишко. Рабочее движеніе и аграрная программа въ Германіи. 1906. Аграрныя программы соціалистическихъ партій въ западной Европѣ и Россіи. 1906.

Сельскохозяйственная кооперація. Рокиньи. Союзы въ сельскомъ хозяйствѣ. Пер. Анзимірова. 1907. Анцыферовъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. 1906. Тотоміанцъ. Сельскохозяйственная кооперація. 1908. Бородаевскій. Сельскохозяйственная кооперація въ Германіи. В. В. Артельныя начинанія русскаго общества. 1895 г. Потресовъ. Артельная эпопея (Этюды о русской интеллигенціи. 1906). Флоренскій. Артельные маслодѣльные заводы. 1907. Труды I кооперативнаго съѣзда. 1908. Меркуловъ. Очеркъ развитія и современнаго положенія маслодѣльныхъ артелей. Вѣстникъ кооперація. 1909.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ VIII.

1) См. очеркъ организаціи общественной агрономіи у А. Чупрова. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. 1907. Глава IV.

2) Лучшій анализъ особенностей земледѣльческаго производства и сравнительныхъ преимуществъ въ немъ крупнаго и мелкаго хозяйства данъ въ извѣстной книгѣ David'a „Socialismus und Landwirtschaft" 1903. (Есть русскій переводъ). См. также С. Булгаковъ. Капиталисты и земледѣліе. 1900. Hertz. Agrarische Fragen. 1899. Быховскій. Предѣлы капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ. (Сборникъ «Борьба за землю». 1908).

3) См. Kautsky. Die Agrarfrage. 1899 (Нѣсколько русскихъ переводовъ). Глава VII. Въ этой главѣ содержится весьма содержательный анализъ естественныхъ и соціальныхъ препятствій къ развитію въ земледѣліи крупнаго капиталистическаго хозяйства, хотя авторъ въ силу своей общей точки зрѣнія склоненъ ослаблять ихъ значеніе.

4) Г. Николаевъ—авторъ одной изъ лучшихъ работъ на русскомъ языкѣ по вопросамъ кооперація—опредѣляетъ кооперацію, какъ «добровольный и самоуправляющійся союзъ лицъ, основанный для достиженія общихъ хозяйственныхъ цѣлей и построенный на демократическомъ и трудовомъ началѣ». (Теорія и практика кооперація. Стр. 14). Это опредѣленіе, которое имѣетъ значительные пункты соприкосновенія съ даваемымъ въ текстѣ, страдаетъ нѣкоторой неясностью и расплывчатостью: что нужно разумѣть подъ «демократическимъ началомъ» и подъ «трудовымъ началомъ»? Кооперативная маслодѣльня напр. вовсе не построена на трудовомъ началѣ по отношенію къ занятымъ въ ней рабочимъ—такъ какъ эти рабочіе работаютъ въ ней по найму, подобно рабочимъ во всякомъ капиталистическомъ предпріятіи. Или въ чемъ «трудовое начало» въ кредитномъ товариществѣ? Если же понимать «трудовое начало» въ такомъ смыслѣ, какъ это предлагается въ текстѣ, т. е. какъ обезпеченіе члену кооперативнаго предпріятія возможно болѣе полнаго продукта его труда (хотя бы при этомъ кооператоръ выступалъ въ роли нанимателя труда другого производителя), то это нужно опредѣленно и указать. Опредѣленіе г. Николаева, въ сущности, соотвѣтствуетъ лишь одному виду кооперативовъ—производительнымъ артелямъ.

Классификація различныхъ кооперативовъ, даваемая г. Николаевымъ, страдаетъ тѣмъ, что онъ рѣзко противопоставляетъ производительные кооперативы (производительныя артели) въ обрабатывающей промышленности производительнымъ кооперативамъ въ другихъ отрасляхъ труда. Я считаю, наоборотъ, правильнымъ объединять въ общее понятіе производительнаго кооператива (производительной артели) какъ кооперативы, производящіе продукты, такъ и продающіе свои коллективныя трудовыя услуги. Возьмемъ напр. артель плотниковъ, строящую по подряду домъ. По г. Николаеву, это не производительный кооперативъ, а кооперативъ по сбыту труда. Но вѣдь въ данномъ случаѣ весь процессъ производства самостоятельно ведется артелью — артель не только сообща продаетъ свой трудъ, но и сообща трудится. Съ точки зрѣнія г. Николаева, артель плотниковъ станетъ производительнымъ кооперативомъ лишь тогда, когда ей будетъ принадлежать строительный матеріалъ; г. Нико-

лаевъ не считаетъ производительнымъ кооперативомъ и артель рабочихъ, производящихъ сообща земляныя работы. Все это мало мотивировано. Но уже совершенно неправильно относить кооперативное пользованіе средствами производства къ кооперативамъ по закупкѣ товаровъ: крестьяне, сообща пользующіеся молотилкой, связаны другъ съ другомъ не только какъ покупатели, но и какъ производители.

5) Анцыферовъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. 1906. Глава XIV.

6. В. Ф. Тотоміанцъ. Сельскохозяйственная кооперація. 1908. Глава 6.

7) См. объ этомъ В. В. Артельныя начинанія русскаго общества и А. Потресовъ. Артельная эпопея. (Этюды о русской интеллигенціи).

8) А. А. Балакшинъ. Маслодѣльная кооперація въ Сибири. Труды I кооперативнаго съѣзда. Стр. 401.

9) Меркуловъ. Очеркъ развитія и современнаго положенія маслодѣльныхъ артелей. Вѣстникъ кооперацін. 1909. I.

10) См. напр. «Коммунистическій Манифестъ»: «существующія мелкія среднія сословія, мелкіе промышленники, купцы, рантьеры, ремесленники и крестьяне—всѣ эти классы низвергаются въ ряды пролетаріата» (Manifest, изд. 5-е 1891. Стр. 15). Въ III томѣ «Капитала» Марксъ высказываетъ въ томъ же смыслѣ «Причины, по которымъ оно (мелкое крестьянское землевладѣніе) погибаетъ, указываютъ на его предѣлы Вотъ онѣ: уничтоженіе сельской домашней промышленности, являющейся нормальнымъ его дополненіямъ, вслѣдствіе развитія крупной промышленности; постепенное обѣдѣніе и истощеніе почвы, подвергающейся такой культурѣ; захватъ крупными землевладѣльцами общинной земли, образующей собой повсемѣстно второе дополненіе мелкаго хозяйства и дающей ему единственную возможность содержать скотъ; конкуренція крупнаго земледѣльческаго хозяйства, все равно плантаторскаго или капиталистическаго» (Das Kapital III ч. II. 1894 г. Стр. 341).

11) Конштедтъ, авторъ книги „Agrarfrage und Socialdemokratie", историческое изложеніе которой Каутскій призналъ «въ общемъ и цѣломъ безупречнымъ», указываетъ, что въ глазахъ Маркса «крестьянская собственность и крестьянское хозяйство были пережиткомъ прошлаго... Въ представленіи Маркса капиталистическому крупному производству принадлежитъ не только будущее земледѣлія, но даже въ существенныхъ частяхъ уже и его настоящее, т. е. середина XIX столѣтія». Аграрный вопросъ и соціалъ-демократія. Пер. съ нѣмецкаго. 1906. Стр. 60.

12) Такъ, напр., Г. В. Плехановъ утверждаетъ, что хотя «автору «Капитала» приписываютъ ту мысль, что въ капиталистическомъ обществѣ концентрація поземельной собственности неизбѣжна по самой природѣ капиталистическаго развитія, но Марксъ нигдѣ не высказывалъ такой мысли». (См. предисловіе Г. Плеханова къ русскому переводу книги Энгельса: „Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи". 1905. Стр. 4). И въ доказательство этого Г. В. Плехановъ ссылается на одну малоизвѣстную рецензію Маркса, относящуюся къ 1850 г. Въ этой рецензіи Марксъ допускаетъ возможность какъ концентраціи, такъ и раздробленія земельной собственности. Однако, отсюда вовсе не слѣдуетъ, что Марксъ нигдѣ не высказывалъ противоположныхъ взглядовъ—напротивъ, какъ видно

изъ приведенныхъ цитатъ, Марксъ самымъ категорическимъ образомъ утверждалъ, что въ капиталистическомъ обществѣ капиталистическое земледѣліе должно вытѣснить крестьянское, а, слѣдовательно, и крестьянская собственность должна вытѣсняться капиталистической (иначе говоря должна происходить концентрація земельной собственности). Выводъ же изъ всего этого можно сдѣлать одинъ—что въ данномъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, Марксъ самъ себѣ противорѣчилъ. Основнымъ его возарѣніемъ былъ взглядъ, изложенный въ текстѣ и развитый имъ въ главныхъ его трудахъ; но отъ этого взгляда онъ иногда отступалъ въ своихъ мелкихъ замѣткахъ, которымъ не придавалъ значенія.

13) Чтобы не умножать цитатъ, ограничимся Эрфуртской программой. Программа начинается слѣдующими словами: «Экономическое развитіе буржуазнаго общества съ необходимостью естественнаго закона ведетъ къ гибели мелкое производство... Оно отдѣляетъ рабочаго отъ его средствъ производства и превращаетъ его въ неимущаго пролетарія, между тѣмъ какъ средства производства становятся монополіей относительно небольшаго числа капиталистовъ и крупныхъ з е м л е в л а д ѣ л ь ц е в ъ. Для пролетаріата и погибающихъ среднихъ слоевъ общества—мелкой буржуазіи к р е с т ь я н ъ—этотъ переворотъ означаетъ постоянный ростъ необезпеченности ихъ существованія, нищеты, гнета, порабощенія, униженія, эксплоатаціи». (Курсивы мои. М. Т.—Б.). Цитир. по книгѣ Конштедта, 136.

ГЛАВА X.

Крестьянское хозяйство и земельный вопросъ въ Россіи.

I. Раздѣленіе земли между различными категоріями землевладѣльцевъ и распространеніе крестьянскаго хозяйства. Частное землевладѣніе. Его концентрированность. Площадь крестьянскаго и капиталистическаго земледѣлія. Направленіе мобилизаціи земельной собственности. Агрономическій уровень крестьянскаго земледѣлія. II. Дифференціація крестьянства. Распаденіе крестьянства на группы различной имущественной состоятельности. Процессъ дифференціаціи крестьянства во времени. Данныя по полтавской губерніи. III. Крестьянское малоземелье. Условія освобожденія крестьянъ. Въ чемъ сущность кризиса крестьянскаго хозяйства. Абсолютное и относительное малоземелье. IV. Переселеніе. Переселенческая политика нашего правительства. Ростъ переселенія въ Сибирь. Новѣйшій переселенческій законъ. Будущность нашего переселенія. V. Крестьянскій банкъ. Причины, вызвавшія учрежденіе банка. Характеръ его дѣятельности въ разное время. Клиенты банка. Дополнительныя замѣчанія. Аграрныя программы нашихъ соціалистическихъ партій.

I.

Подъ крестьянскимъ хозяйствомъ, въ отличіе отъ капиталистическаго, понимаютъ сельское хозяйство, въ которомъ хозяинъ принимаетъ личное участіе въ трудѣ производства. Мы говоримъ о мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, когда крестьянинъ не можетъ обезпечить себѣ существованія своимъ собственнымъ хозяйствомъ и долженъ дополнять работу въ своемъ хозяйствѣ наемнымъ трудомъ на сторонѣ; среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ, когда крестьянинъ не работаетъ по найму, но и не нанимаетъ самъ рабочихъ, и крупномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, когда крестьянинъ, работая въ своемъ хозяйствѣ, въ то же время пользуется и наемнымъ трудомъ. Мелкій крестьянинъ отчасти пролетарій, крупный—отчасти капиталистъ.

Землевладѣніе распредѣлялось въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи въ 1905 г. слѣдующимъ образомъ:

Земель крестьянскихъ надѣльныхъ . 139 мил. десятинъ
„ въ частномъ владѣніи . . . 102 „ „
„ государства, церкви и учрежденій . . . . . 155 „ „

Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, нужно, прежде всего, не упускать изъ виду, что далеко не всѣ эти земли служатъ въ равной мѣрѣ сельскохозяйственнымъ цѣлямъ. Такъ, огромная площадь государственной земли совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ размѣрамъ земельнаго фонда, пригоднаго для хлѣбопашества и находящагося въ распоряженіи казны, ибо значительно большая часть этой площади занята лѣсомъ и совершенно непригодна для обработки. Большая часть государственной земли сосредоточена въ трехъ сѣверныхъ губерніяхъ и по своему характеру не отличается отъ сибирской тайги. Пахотныхъ земель казенныхъ и удѣльныхъ насчитывается всего около 6 мил. десятинъ; кромѣ того, небольшая часть казенной и удѣльной лѣсной земли можетъ быть непосредственно обращена на нужды земледѣлія—но всего такихъ земель наберется врядъ ли болѣе нѣсколькихъ мил. десятинъ.

Что касается до частновладѣльческой земли, то значительная часть ея находится въ рукахъ крестьянскихъ обществъ и товариществъ — такихъ земель всего до 11½ мил. десятинъ; всѣ эти земли перешли въ руки крестьянъ путемъ покупки. Кромѣ того, болѣе 4-хъ мил. дес. принадлежитъ не крестьянскимъ (преимущественно торгово-промышленнымъ) товариществамъ. Земель въ личной собственности имѣется, такимъ образомъ, всего около 86 мил. десят. Эти 86 мил. десятинъ слѣдующимъ образомъ распредѣлены между различными категоріями владѣльцевъ:

Размѣръ владѣнія.	Число владѣній (тысячи).	Общая площадь (милліоны дес.).	Въ % ко всей площади.
до 50 десятинъ . .	619	6,5	7,6
„ 50— 500 „ . .	106	17,3	20,2
„ 500—1000 „ . .	14	9,8	11,4
свыше 1000 „ . .	14	52,1	60,8
Всего . . .	753	85,8	100

Эти данныя указываютъ на чрезвычайную концентрированность нашего частнаго землевладѣнія—немногимъ менѣе ²/₃ всей

земли въ личномъ владѣніи находится въ рукахъ очень крупныхъ собственниковъ, имѣнія которыхъ превышаютъ 1000 дес. Ничтожная кучка собственниковъ — менѣе 14 тыс. человѣкъ — владѣетъ 52 мил. десят. земли.

Въ распоряженіи крестьянскаго хозяйства въ его различныхъ видахъ находилось, такимъ образомъ, въ 1905 г. около 157 мил. десятинъ земли (139 мил. дес. надѣльной земли, 11½ мил. дес. земли, купленной крестьянскими обществами и товариществами, и 6,5 мил. дес. земли, принадлежащей мелкимъ владѣльцамъ, имѣющимъ не болѣе 50 десят. на владѣніе и ведущихъ, въ большинствѣ, хозяйство крестьянскаго типа, т. е. участвуя личнымъ трудомъ въ производствѣ).

Эти данныя относятся къ 1905 г. Съ тѣхъ поръ крестьянское землевладѣніе значительно расширилось. Такъ, съ 3 ноября 1905 г. по 15 октября 1908 г. при помощи Крестьянскаго поземельнаго банка крестьянами пріобрѣтено у частныхъ владѣльцевъ 1,7 милліоновъ десятинъ, а самимъ банкомъ куплено за свой счетъ за то же время свыше 3,1 мил. десят. Эти почти 5 милліоновъ десятинъ соотвѣтственно увеличиваютъ фондъ крестьянскаго хозяйства.

Затѣмъ, на основаніи указовъ 12 и 27 августа 1906 года, казенныя и удѣльныя земли, находящіяся въ сельскохозяйственной эксплоатаціи, должны быть (за нѣкоторыми незначительными исключеніями), по мѣрѣ истеченія сроковъ дѣйствующихъ арендныхъ договоровъ, перепроданы крестьянамъ. Кромѣ того, крестьянамъ должны быть перепроданы и нѣкоторыя лѣсныя угодья, принадлежащія теперь казнѣ и пригодныя для сельскохозяйственной культуры.

Но все это еще далеко не полно характеризуетъ истинное значеніе въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ крестьянскаго хозяйства. Крестьяне ведутъ хозяйство не только на своей землѣ, но и на землѣ, арендуемой у частныхъ владѣльцевъ. Точное количество земли, арендуемой крестьянами у частныхъ владѣльцевъ, неизвѣстно, но обыкновенно считаютъ, что такой земли не менѣе 20—25 мил. десятинъ. Казенныя и удѣльныя земли арендуютъ преимущественно также крестьяне.

Такимъ образомъ, въ сферу крестьянскаго хозяйства входитъ никакъ не менѣе 185 мил. десятинъ земли. Что касается до капиталистическаго земледѣлія, то для опредѣленія его возможнаго распространенія въ Россіи нужно, прежде всего, имѣть въ виду то важное обстоятельство, что весьма значительная часть частновладѣльческой земли—именно по даннымъ 1887 г. свыше 41%—находится подъ лѣсомъ, а на пашню приходится только 37% (на

крестьянской надѣльной землѣ пашня составляетъ 60,5% всей земли).

По подсчетамъ г. Огановскаго, на частновладѣльческой землѣ засѣвается около 18 мил. десятинъ, изъ которыхъ 11 милліоновъ сдается въ аренду крестьянамъ и только 7 милліоновъ десятинъ находится въ экономической обработкѣ [1]). На долю капиталистическаго земледѣлія въ Россіи приходится, слѣдовательно, совершенно ничтожная площадь земли сравнительно съ размѣрами крестьянскаго земледѣлія.

При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ ведетъ хозяйство за собственный счетъ, онъ нерѣдко ведетъ его при помощи инвентаря крестьянина (отработочная система, испольная система и т. п.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ земледѣльческое производство носитъ еще въ значительной степени крестьянскій характеръ—капиталистическаго земледѣлія въ его полномъ развитіи еще нѣтъ, такъ какъ орудія труда еще принадлежатъ рабочему.

Итакъ, въ Россіи безусловно господствуетъ въ земледѣліи крестьянское хозяйство. Въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ находится еще обширная площадь земли; но эта площадь не только не растетъ, а правильно сокращается подъ напоромъ крестьянскаго земледѣлія. Вся исторія мобилизаціи земли послѣ освобожденія крестьянъ есть исторія убыли крупнаго землевладѣнія.

При освобожденіи крестьянъ въ 1861 г. дворяне, по даннымъ А. А. Рихтера, имѣли въ 44 губерніяхъ 79,1 мил. дес. [2]) Въ 1905 г. въ тѣхъ же губерніяхъ въ рукахъ дворянъ оставалось лишь 47,8 мил. дес.—дворяне утратили 31,3 мил. дес., изъ которыхъ около 15 мил. дес. перешло трудовому крестьянскому земледѣлію, а остальные 16 мил. достались купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ-капиталистамъ.

При этомъ крайне характерно, что земля, попадающая въ руки капиталистовъ, не имѣетъ характера прочной собственности и легко возвращается опять на рынокъ, являясь для своихъ владѣльцевъ предметомъ спекуляціи, въ противность землѣ, переходящей въ распоряженіе мелкихъ землевладѣльцевъ, разстающихся съ нею только подъ вліяніемъ крайней необходимости.

По своимъ агрономическимъ свойствамъ наше крестьянское земледѣліе стоитъ чрезвычайно низко—ниже даже нашего капиталистическаго земледѣлія, хотя послѣднее, въ свою очередь, далеко отстаетъ отъ земледѣлія Запада. По оффиціальнымъ даннымъ урожайность ржи на владѣльческихъ земляхъ была въ среднемъ за 18 лѣтъ на 20,9% выше, чѣмъ на крестьянскихъ,

пшеницы—на 16,3%, овса—на 17,6%, ячменя—на 14,3%, гречихи — на 12,6%. Однако, техническій уровень крестьянскаго земледѣлія повышается и притомъ за послѣднее время, повидимому, быстрѣе, чѣмъ капиталистическаго. Вотъ оффиціальныя данныя о движеніи урожайности у частныхъ владѣльцевъ и крестьянъ за 40 лѣтъ:

Въ среднемъ	Урожайность всѣхъ хлѣбовъ съ десятины въ пудахъ.	
	У частныхъ владѣльцевъ.	У крестьянъ.
за 1861—1870 г.	33	29
„ 1871—1880 „	37	31
„ 1881—1890 „	42	34
„ 1891—1900 „	47	39

Если вѣрить этимъ даннымъ, то за первыя 30 лѣтъ послѣ реформы урожайность на крестьянскихъ земляхъ повышалась медленнѣе, чѣмъ на владѣльческихъ. За послѣднее десятилѣтіе картина измѣнилась и крестьянская урожайность повысилась на большій процентъ, чѣмъ владѣльческая. Но все же она остается очень низкой. Въ Германіи, напр., средній годовой сборъ ржи съ десятины за 1899—1904 г. равнялся 101 пуд., пшеницы—125 пуд., овса—113 пуд., ячменя—121 п.

II.

Что же такое представляетъ собой обширная масса нашего земледѣльческаго крестьянства, охватывающая собой около $^4/_5$ русскаго населенія?

Хотя въ большей части Россіи господствуетъ общинное землевладѣніе, было бы величайшей ошибкой думать, что уравнительное землепользованіе привело къ равномѣрному распредѣленію земли между всѣми крестьянами. Община не въ силахъ воспрепятствовать дифференціаціи крестьянъ—тому, что деревня разслаивается на богатыхъ и бѣдныхъ, на зажиточныхъ крестьянъ и безземельныхъ пролетаріевъ. Во-первыхъ, община уравнительно распредѣляетъ только землю, а не всѣ средства производства—безлошадный же крестьянинъ не можетъ вести земледѣльческаго хозяйства. Во-вторыхъ, уравнительные передѣлы происходятъ не часто, и земля въ промежуткахъ между передѣлами можетъ сосредоточиваться въ рукахъ нѣкоторой части крестьянъ. Въ третьихъ, только нѣкоторая часть общинъ практикуетъ правиль-

мые уравнительные передѣлы. Въ четвертыхъ, передѣламъ подвергается надѣльная земля, а крестьяне ведутъ хозяйство также на покупной и арендуемой землѣ. Въ пятыхъ, отдѣльныя общины имѣютъ далеко не равные надѣлы—есть многоземельныя и малоземельныя общины и т. д. и т. д.

Въ общемъ, наше крестьянство далеко не представляетъ собой однородной экономической массы. Оно распадается на группы различной зажиточности и различнаго соціальнаго характера. Къ сожалѣнію, данныя, которыми мы располагаемъ по этому вопросу, очень ограничены. Мы знаемъ распредѣленіе надѣльной крестьянской земли между отдѣльными крестьянскими обществами. Но эти цифры мало характерны, такъ какъ дифференціація крестьянства происходитъ внутри самого крестьянскаго общества и поэтому для правильнаго пониманія ея необходимо проникнуть во внутреннія взаимоотношенія въ общинѣ. Детальныя же свѣдѣнія по этому вопросу имѣются у насъ только относительно нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ, въ работахъ земскихъ статистиковъ.

Всего рѣзче выражена дифференціація крестьянства тамъ, гдѣ условія крестьянскаго хозяйства болѣе благопріятны и гдѣ могла, поэтому, выдѣлиться группа зажиточнаго и даже богатаго крестьянства, напр., въ Новороссіи и восточныхъ окраинахъ Россіи. Напротивъ, въ центрѣ, при большой степени земельной тѣсноты, разслоеніе крестьянства меньше благодаря почти полному исчезновенію группы болѣе зажиточнаго крестьянства.

О разслоеніи всего русскаго крестьянства могутъ дать представленіе данныя военно-конскихъ переписей. Такъ, по переписямъ 1888—1891 гг., лошади распредѣлялись между крестьянскимъ населеніемъ слѣдующимъ образомъ [3]):

По 49 губерніямъ Евр. Россіи.	Процентъ дворовъ.	У нихъ процентъ лошадей.
Безлошадные	27,3	—
Съ 1 лошадью	28,6	17,2
„ 2 лошадьми	22,1	26,5
„ 3 „ и болѣе .	22,0	56,3

Болѣе четверти русскаго крестьянства оказывается по этимъ даннымъ безлошаднымъ и, слѣдовательно, неспособнымъ къ самостоятельному веденію сельскаго хозяйства. Наряду съ этимъ немного менѣе многочисленная группа крестьянъ владѣетъ тремя и болѣе лошадьми на дворъ и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ болѣе половины всего количества лошадей. Первая группа

относится (въ значительной мѣрѣ) къ сельскому пролетаріату, вторая—къ зажиточному и крупному крестьянству, которое въ нѣкоторой части пользуется уже и наемнымъ трудомъ и такимъ образомъ сближается съ мелкой буржуазіей. Однолошадные крестьяне относятся къ мелкому крестьянству и также отчасти являются пролетаріями, такъ какъ принуждены заполнять дефициты своего бюджета наемнымъ трудомъ въ разнообразныхъ видахъ (отхожіе промыслы, кустарная промышленность, работа въ помѣщичьихъ экономіяхъ и т. п.). И только крестьяне съ двумя лошадьми, составляющіе менѣе четверти всего крестьянства, могутъ быть отнесены къ среднему трудовому крестьянству, не работающему по найму, но и не эксплоатирующему чужого труда [4]).

Огромный интересъ представляетъ вопросъ, въ какомъ направленіи развивается наше крестьянство — увеличивается или уменьшается его дифференцированность. Фактическихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса пока еще недостаточно, но все же кое что имѣется. Вотъ, напр., данныя объ измѣненіи распредѣленія лошадей у крестьянскаго населенія 31 губ. Евр. Россіи (на основаніи военно-конскихъ переписей) за двѣнадцать лѣтъ [5]).

Отношеніе числа хозяевъ въ 1899—1901 г. къ числу хозяевъ въ 1888 г. принимая число хозяевъ въ 1888 г. за 100.

Безлошадные.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 лошадьми.	Съ 4 лошадьми.	Съ 5 лошадьми.	Съ 6 лош. и болѣе.
125	122	96	65	77	45	41

Эти данныя указываютъ на ростъ группы безлошадныхъ и однолошадныхъ крестьянъ и значительное сокращеніе численности крестьянъ, владѣющихъ большимъ количествомъ лошадей, причемъ сокращеніе это тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе многолошадной является данная крестьянская группа. Судя по этому можно думать, что у насъ происходитъ не дифференціація крестьянства, а выравниваніе его подъ вліяніемъ растущаго обѣднѣнія—исчезновеніе болѣе зажиточныхъ группъ его приводитъ ко всеобщему равенству нищеты.

Однако, такое заключеніе было бы преждевременно. Количество лошадей въ крестьянскомъ хозяйствѣ отнюдь не можетъ считаться безошибочнымъ показателемъ состоянія послѣдняго. Лошадь служитъ у крестьянина не только цѣлямъ земледѣлія, но также и источникомъ полученія добавочныхъ доходовъ отъ извоза. Вообще считаютъ, что наше крестьянское хозяйство

имѣетъ болѣе лошадей, чѣмъ это необходимо для чисто земледѣльческихъ цѣлей. Кромѣ того, уменьшеніе количества лошадей можетъ компенсироваться улучшеніемъ ихъ качества, что, повидимому, и происходитъ въ дѣйствительности.

Поэтому ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, чтобы, одновременно съ сокращеніемъ числа лошадей у болѣе состоятельныхъ группъ крестьянъ, эти группы повышались по своему хозяйственному благосостоянію.

Весьма вѣроятно, что дифференціація крестьянства идетъ неодинаково въ различныхъ районахъ Россіи и что тамъ, гдѣ условія крестьянскаго хозяйства складываются благопріятнѣе, наблюдается ростъ дифференцированности крестьянства—растутъ группы болѣе зажиточныхъ крестьянъ, что можетъ сопровождаться одновременнымъ ростомъ и сельскаго пролетаріата—а тамъ, гдѣ крестьянское хозяйство не развивается, происходитъ выравниваніе крестьянства на почвѣ общей нищеты [6]).

Иллюстраціей процесса перваго рода можетъ служить полтавская губернія, въ которой были произведены двѣ земскихъ сплошныхъ подворныхъ переписи—одна въ 1882—89 г., другая въ 1900 г. За послѣднее десятилѣтіе доходность посѣвной десятины крестьянской земли полтавской губерніи повысилась, благодаря повышенію урожайности и хлѣбныхъ цѣнъ, по подсчетамъ земскихъ статистиковъ на 38%. Это имѣло своимъ слѣдствіемъ усиленную тягу крестьянскаго населенія къ землѣ—процентъ самостоятельно занимающихся земледѣліемъ въ губерніи не только не понизился, какъ это наблюдается обычно, а значительно возросъ: въ концѣ 80-хъ годовъ около 73% всѣхъ хозяйствъ губерніи самостоятельно занималось земледѣліемъ, а въ 1900 г. уже 79,3%. О характерѣ происшедшихъ измѣненій въ разслоеніи крестьянскаго населенія даетъ представленіе слѣдующая таблица, относящаяся къ 9-ти уѣздамъ губерніи [7]).

Число (въ тысячахъ) хозяйствъ (сельскихъ сословій), засѣвающихъ главными хлѣбами:

	до 1 дес.	отъ 1—2 дес.	отъ 2—3 дес.	отъ 3—6 дес.	отъ 6—9 дес.	отъ 9—15 д.	отъ 15—50 д.	50 и болѣе д.
Въ 1882—1889 г.	6,8	19,4	25,5	66,1	33,5	19,0	6,9	0,3
„ 1900 г. . . .	15,2	30,6	32,0	71,7	30,6	18,5	8,9	0,65
Увеличеніе или уменьшеніе въ %% . . .	+124	+60	+25	+8	—9	—3	+29	+117

Общій смыслъ происшедшихъ измѣненій бросается въ глаза. Крайнія группы значительно увеличились въ своей численности и притомъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе онѣ удалены отъ среднихъ группъ; напротивъ, сократились среднія группы крестьянъ, засѣвающія отъ 6 до 15 десятинъ на дворъ [8]). Судя по этимъ даннымъ нужно думать, что наиболѣе сильнымъ и жизнеспособнымъ является у насъ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянское хозяйство вообще можетъ развиваться, крупное крестьянское хозяйство, переходящее въ капиталистическое. Хозяйства такого типа, стоящія на границѣ трудового и капиталистическаго сельскаго хозяйства, въ которыхъ хозяинъ еще самъ, своимъ личнымъ трудомъ, участвуетъ въ производствѣ, но уже стоитъ значительно выше зауряднаго крестьянина и обычно прибѣгаетъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, къ помощи наемнаго труда, всего лучше умѣютъ пользоваться благопріятными условіями сельскаго хозяйства и энергично разростаются въ такихъ случаяхъ насчетъ другихъ хозяйствъ. Хозяйства этого рода, при ограниченности потребностей хозяевъ, легко накапливаютъ избытки, которые и обращаются на расширеніе предпріятія. Именно этимъ хозяйствамъ, если бы наше земледѣліе было предоставлено своему естественному развитію, безъ всякаго воздѣйствія извнѣ, и принадлежало бы, повидимому, будущее. Но въ томъ же направленіи толкаетъ крестьянскій міръ и новѣйшая аграрная политика правительства, стремящаяся сдѣлать сильныхъ еще сильнѣе, а слабыхъ еще слабѣе. Все это должно усиливать дифференціацію крестьянскаго населенія.

III.

Итакъ, наше крестьянство далеко не является однородной массой: въ немъ имѣются группы крупнаго, средняго и мелкаго крестьянства, постепенно переходящаго въ сельскій пролетаріатъ. Значительное большинство крестьянства, однако, не принадлежитъ ни къ чистому сельскому пролетаріату, ни къ крупному крестьянству и ведетъ болѣе или менѣе самостоятельное хозяйство безъ помощи наемнаго труда. И именно въ средѣ этой, наиболѣе многочисленной части крестьянства рѣзко почувствовался за послѣднее время тотъ кризисъ крестьянскаго хозяйства, который у насъ носитъ названіе крестьянскаго малоземелья.

Исходнымъ пунктомъ развитія современныхъ аграрныхъ отношеній въ Россіи является крестьянская реформа. При освобожденіи крестьянъ имѣлось въ виду сохранить за ними ту землю, которой они пользовались раньше. Однако, благодаря сопроти-

вленію помѣщиковъ, принципъ этотъ не былъ осуществленъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне получили, приблизительно, на 1/5 меньше земли, чѣмъ имѣли раньше; полученная ими земля была обложена очень высокими платежами, въ большинствѣ случаевъ значительно превышавшими ея чистую доходность.

Условія поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ были гораздо благопріятнѣе. Платежи ихъ были значительно ниже, а земельные надѣлы значительно больше: въ среднемъ по всей Россіи бывшіе помѣщичьи крестьяне получили по 3,2 десятины на ревизскую душу, бывшіе государственные — по 6,7 дес., бывшіе удѣльные по 4, 9 дес. Но нѣкоторая часть помѣщичьихъ крестьянъ—такъ наз. „дарственники", крестьяне, согласившіеся получить безъ выкупа дарственный надѣлъ, равный 1/4 нормальнаго надѣла — получила земли гораздо менѣе средняго надѣла. Такихъ дарственниковъ было около 6% всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, распредѣленныхъ, однако, очень неравномѣрно по территоріи Россіи и составившихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весьма значительную часть крестьянскаго населенія. Такъ, въ воронежской, симбирской, казанской, екатеринославской губерніяхъ „дарственники" составили около четверти бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ пермской, саратовской, таврической, вятской—около трети, въ уфимской и самарской—около двухъ пятыхъ, въ оренбургской даже около трехъ четвертей. Всѣ эти „дарственники" получили ничтожный надѣлъ, совершенно недостаточный для прокормленія. Наконецъ, бывшіе дворовые, которыхъ считалось передъ освобожденіемъ болѣе 720 тыс. душъ мужского пола, и многочисленные крестьяне, перечислившіеся передъ освобожденіемъ въ мѣщане, не получили никакого надѣла и явились въ нашей деревнѣ элементомъ безземельнаго пролетаріата.

Такимъ образомъ, бывшіе крѣпостные крестьяне получили земли при освобожденіи значительно меньше, чѣмъ имѣли раньше. Между тѣмъ, сельское населеніе Россіи со времени крестьянской реформы увеличилось приблизительно вдвое и соотвѣтственно уменьшилось количество надѣльной земли на душу крестьянскаго населенія.

Въ 1905 г. средній надѣлъ крестьянскаго двора для всей Европейской Россіи былъ равенъ 11,1 десятины, но при этомъ размѣры средняго надѣла въ различныхъ районахъ были очень различны, начиная съ 3,8 десят. въ подольской губ., и кончая 65,1 (въ олонецкой губ.). Крестьянъ, имѣющихъ до 5 десятинъ надѣльной земли на дворъ, въ 1905 г. считалось, по оффиціальному подсчету, 2.856 тысячъ дворовъ, или около 24% всего числа

крестьянскихъ дворовъ. Дворовъ съ надѣломъ не болѣе 10 десятинъ на дворъ, считалось во всей Россіи 5.072 тыс. или 42% крестьянскаго населенія. Но, напр., въ заднѣпровскомъ районѣ (волынская, кіевская, подольская, бессарабская, херсонская губерніи) процентъ крестьянскихъ дворовъ съ надѣломъ до 5 десятинъ на дворъ достигалъ 52 по отношенію ко всему крестьянскому населенію, въ днѣпровско-донскомъ (черниговская, полтавская, орловская, курская, харьковская, воронежская губ.)—34.

Вопросъ крестьянскаго малоземелья является, по общему признанію, самымъ острымъ соціальнымъ вопросомъ современной Россіи. Хотя средній размѣръ крестьянскаго надѣла для всей Россіи и превышаетъ 10 десятинъ, но, въ виду неравномѣрнаго распредѣленія надѣльной земли между различными районами и между отдѣльными крестьянскими группами, у очень значительной части крестьянъ надѣлъ гораздо меньше.

При этомъ бросается въ глаза, что на малоземелье жалуются крестьяне съ самымъ различнымъ земельнымъ обезпеченіемъ. Крестьянское движеніе 1905 г., выставившее требованіе увеличенія земельнаго обезпеченія, широко разлилось по всей Россіи и охватило собою не только центральный и юго-западный районъ, гдѣ земельная тѣснота чувствуется очень сильно, но и Поволжье, гдѣ крестьянскіе надѣлы, сравнительно, велики. Земли требуютъ не только тѣ группы крестьянскаго населенія, которыя имѣютъ ея значительно меньше средняго земельнаго обезпеченія крестьянскаго двора въ данномъ районѣ, но и вся масса средняго крестьянства. Именно въ этомъ и заключалась сила крестьянскаго движенія.

Этотъ болѣе или менѣе всеобщій характеръ требованія земли, несмотря на крайне различную степень фактическаго земельнаго обезпеченія, доказываетъ, что малоземелье, отъ котораго страдаетъ наше крестьянское хозяйство, коренится, прежде всего, въ несоотвѣтствіи техники крестьянскаго хозяйства размѣру земельнаго обезпеченія. Чѣмъ интенсивнѣе система земледѣлія, тѣмъ меньше требуется земли для полученія такого же количества земледѣльческаго продукта. Размноженіе населенія, въ связи съ процессомъ разслоенія крестьянскаго населенія, значительно уменьшили площадь земли въ распоряженіи средняго крестьянскаго двора. Между тѣмъ, продовольственныя потребности крестьянина остались тѣ же; для того, чтобы съ уменьшеннаго количества земли получать прежнее количество продукта, крестьянинъ долженъ бы былъ перейти къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія и такимъ образомъ повысить урожайность земли; нѣкоторое повышеніе урожайности, дѣйствительно, произошло, но

весьма недостаточное. Въ результатѣ земли стало не хватать для обезпеченія существованія крестьянина и повсемѣстно раздалось требованіе земли.

Это объясняетъ намъ, почему малоземелье можетъ одинаково остро чувствоваться при самомъ различномъ количествѣ земли въ распоряженіи земледѣльца. И нѣсколькихъ десятковъ десятинъ на дворъ являются недостаточнымъ земельнымъ обезпеченіемъ крестьянина, если онъ, какъ напр. въ Сибири, до сихъ поръ придерживается самой первобытной системы земледѣлія—переложной, при которой земля распахивается нѣсколько лѣтъ подрядъ, пока не истощатся ея производительныя силы, послѣ чего она забрасывается, пока естественные процессы природы не возстановятъ пригодности ея для земледѣлія. Съ другой стороны, при интенсивныхъ системахъ земледѣлія, которыхъ придерживается крестьянинъ Запада, земельный участокъ даже только въ 3—4 десятины, который соотвѣтствуетъ нашему среднему крестьянскому надѣлу въ районахъ наибольшей земельной тѣсноты, былъ бы достаточенъ для обезпеченія существованія.

Итакъ, наше крестьянское малоземелье является, по своей экономической природѣ, въ большинствѣ случаевъ не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ кризиса крестьянскаго земледѣльческаго производства; этотъ кризисъ, обусловленный отсталостью техники крестьянскаго земледѣлія, можетъ быть разрѣшенъ только поднятіемъ техники послѣдняго. Переходъ отъ трехполья, господствующаго въ большей части Россіи (гдѣ не практикуются еще болѣе экстенсивныя системы земледѣлія), къ плодопеременной системѣ земледѣлія съ минеральными удобреніями является неотложной потребностью для крестьянскаго хозяйства Россіи. Теперь урожайность десятины крестьянской земли опредѣляется, приблизительно, въ 40 пудовъ хлѣба. Въ Германіи сборъ въ 110—120 пудовъ съ десятины считается среднимъ. Нѣтъ никакихъ естественныхъ препятствій для того, чтобы и нашимъ крестьяниномъ была достигнута такая же урожайность [9]).

Вообще, внѣ коренного измѣненія господствующихъ у насъ экстенсивныхъ системъ земледѣлія нѣтъ выхода изъ кризиса, угнетающаго наше крестьянское хозяйство. Однако, не нужно упускать изъ виду, что если наше среднее крестьянское хозяйство и страдаетъ лишь относительнымъ, а не абсолютнымъ малоземельемъ т. е. малоземельемъ, вытекающимъ не изъ абсолютной недостаточности земли, а изъ низкаго уровня земледѣльческой техники, приводящаго къ недостаточности продукта, собираемаго съ земельнаго участка, который при другой системѣ

обработки могъ бы обезпечить существованіе крестьянина [10]), то значительная часть нашего крестьянства такъ мало обезпечена землей, что ни при какомъ практически достижимомъ повышеніи агрономической техники не можетъ существовать со своего надѣла. Въ такомъ положеніи находятся, напр. владѣльцы дарственныхъ надѣловъ и многія другія категоріи крестьянъ. Для всѣхъ крайне малоземельныхъ крестьянъ нужно раньше получить землю, а потомъ уже думать объ улучшеніи техники ея обработки.

Затѣмъ, нужно помнить, что поднятіе агрономической техники есть процессъ очень долгій, а крестьянская нужда не ждетъ и требуетъ помощи немедленно. Кромѣ того, для поднятія агрономической техники недостаточно одного желанія—для этого необходимы, прежде всего, средства производства. Пока же крестьянинъ находится въ полуголодномъ состояніи, онъ не можетъ имѣть избытковъ для пріобрѣтенія новыхъ средствъ производства. Даже для собственнаго прокормленія надѣлъ его оказывается слишкомъ малымъ. Переходъ же къ новымъ системамъ сѣвооборота обыкновенно сопровождается сокращеніемъ площади подъ зерновымъ хлѣбомъ, почему для возможности такого перехода обычно требуется расширеніе культивируемой площади. Такъ, напр. въ московской губерніи, гдѣ значительная часть крестьянъ перешла къ травосѣянію, этотъ прогрессъ агрономической техники сопровождался обыкновенно прирендовываніемъ крестьянами земли (для травянаго поля) на сторонѣ.

Вообще, неправильно противопоставлять поднятіе агрономической техники расширенію крестьянскаго землепользованія. Необходимо и то и другое и даже первое невозможно въ широкихъ размѣрахъ безъ второго; нужно сдвинуть крестьянское земледѣліе съ мертвой точки—и необходимымъ средствомъ для этого является расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Требуя земли, крестьянинъ обнаруживаетъ совершенно правильное пониманіе своего положенія, ибо поднятіе агрономической техники не можетъ дать ему немедленной помощи въ его крайней нуждѣ: непосредственное чувство, подсказывающее нашему народу, что въ данный моментъ ему нужна прежде всего земля, и что ничто ему этой земли замѣнить не можетъ, въ своей основѣ совершенно вѣрно.

IV.

Земельная тѣснота гонитъ крестьянина въ переселеніе. Переселенческое движеніе существовало у насъ издавна, причемъ первоначально оно выражалось въ стихійномъ бѣгствѣ крестьянъ, подавленныхъ гнетомъ государства и крѣпостнаго права, на

окраины, бѣгствѣ, которое правительство было не въ силахъ подавить. Такимъ путемъ заселялся въ первую половину 19 вѣка весь югъ Россіи. Правительство относилось очень недоброжелательно къ самовольному выселенію крестьянъ, но принуждено было, въ концѣ концовъ, смотрѣть на него сквозь пальцы такъ какъ благодаря ему заселялись окраины. Наряду съ этимъ, въ дореформенную эпоху существовало и правильно организованное переселеніе государственныхъ крестьянъ, согласно стройной системѣ, созданной въ 1837 г. министромъ государственныхъ имуществъ Киселевымъ. По этому плану, выселенію подлежали государственные крестьяне, средній надѣлъ которыхъ не достигалъ 5 десятинъ на душу мужского пола, въ мѣста со значительнымъ избыткомъ земли. Переселеніе совершалось за счетъ казны. Мѣстами вселенія служили сначала нѣкоторыя губерніи центральной Россіи, напр. тамбовская, воронежская, затѣмъ, по мѣрѣ заселенія этихъ губерній, переселеніе направилось въ приволжскія и заволжскія губерніи, въ самарскую, саратовскую, уфимскую и оренбургскую губерніи, затѣмъ въ Предкавказье и, наконецъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, и въ Сибирь. Въ результатѣ, за время 1837—59 г. было переселено около 400 тыс. крестьянъ и переселенцы, какъ показали послѣдующія обслѣдованія, достигли значительной степени зажиточности.

Послѣ освобожденія крестьянъ отношеніе правительства къ переселенію значительно измѣнилось и стало рѣшительно враждебнымъ. Правительство стало усматривать въ переселенческомъ движеніи опасность для интересовъ помѣщиковъ, — переселеніе грозило лишить помѣщиковъ рабочихъ рукъ и арендаторовъ. Тѣмъ не менѣе, переселеніе послѣ освобожденія крестьянъ не только не прекратилось, а усилилось, благодаря кризису крестьянскаго хозяйства. Переселеніе шло со стихійной силой и преодолѣвало всѣ преграды, главной изъ которыхъ являлось фактическое прикрѣпленіе крестьянъ къ своему обществу, безъ увольнительнаго свидѣтельства котораго крестьяне не могли выселяться. Крестьянское же общество было заинтересовано въ томъ, чтобы не выдавать переселенцу увольнительнаго свидѣтельства въ виду того, что при его уходѣ изъ общества на послѣднее переходили и лежавшія на переселенцѣ платежи и повинности. Благодаря этому, почти все переселенческое движеніе въ это время имѣло самовольный характеръ.

До 80-хъ годовъ это переселеніе направлялось сначала на юговостокъ Россіи, затѣмъ въ Предкавказье и на Кавказъ. Со времени 80-хъ годовъ главнымъ мѣстомъ вселенія становится

Сибирь. Переселенческое движеніе все усиливалось и правительство должно было уступить. Въ 1881 г. издаются первыя „временныя правила“, предоставляющія министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ разрѣшать переселеніе, а 13-го іюля 1889 года издается законъ, который, хотя и не далъ полной свободы переселенію, но все таки представлялъ собою крупный шагъ впередъ въ этомъ направленіи. Законъ этотъ опредѣляетъ, между прочимъ, размѣръ ссудъ переселенцамъ на обзаведеніе хозяйства и продовольствіе на мѣстѣ вселенія, устанавливаетъ выдачу путевыхъ пособій, разнаго рода льготы для переселенцевъ и т. д. Все же, полной свободы переселенческому движенію законъ, какъ сказано, не далъ и „самовольное“ переселеніе продолжало преобладать. Даже въ Сибири въ 90-хъ годахъ самовольные переселенцы составляли 60—80% общаго числа переселенцевъ, не говоря уже о переселеніи на Кавказъ или Тургайскія степи, которое все было „самовольнымъ“.

Новая эпоха для переселенія наступаетъ съ постройкой Сибирской желѣзной дороги. Въ 1893 году былъ учрежденъ „Комитетъ Сибирской ж. д.“ и переселеніе двинулось широкой волной въ Сибирь. Этотъ новый поворотъ нашей правительственной политики объясняется соображеніями чисто политическаго характера—стремленіемъ колонизовать Сибирь въ виду надвигавшейся „желтой опасности“. Комитетъ Сибирской ж. д., созданный по образцу правленій сѣверо-американскихъ желѣзныхъ дорогъ, преслѣдовать широкія колонизаціонныя цѣли. На „вспомогательныя предпріятія Сибирской ж. д.“ (главнымъ образомъ, на переселенческое дѣло) было ассигновано 30 милліоновъ р., на работы по образованію переселенческихъ участковъ было отпущено около 6 мил. руб. Все это не осталось безъ результатовъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ можно было думать, что въ Сибири уже почти нѣтъ свободныхъ земельныхъ участковъ, пригодныхъ для заселенія. Теперь же открылись новые источники колонизаціоннаго фонда—разработка тайги, среди которой оказались обширныя пространства, пригодныя для заселенія.

Наконецъ, въ послѣдніе годы наступаетъ новый переломъ въ нашей переселенческой политикѣ. Крестьянскія волненія въ полтавской и харьковской губерніяхъ въ 1902 г., сыграли въ этомъ переломѣ рѣшающую роль. Ихъ непосредственнымъ результатомъ былъ новый переселенческій законъ 6-го іюня 1904 года, основные пункты котораго были намѣчены на совѣщаніяхъ помѣщиковъ и администраціи въ полтавской губерніи.

Крестьянскія волненія воочію показали политическую опас-

ность чрезмѣрной земельной тѣсноты. Поэтому, именно среди помѣщиковъ и мѣстной бюрократіи стала очень популярна мысль о выселеніи избыточнаго крестьянскаго населенія куда нибудь подальше и правительство, изъ опасенія революціоннаго движенія крестьянства, признало необходимость выселенія малоземельныхъ крестьянъ изъ центральной Россіи. Закономъ 1904 г. переселеніе признается, въ принципѣ, свободнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно подраздѣляется на два разряда—поощряемое и непоощряемое—и по отношенію къ первому дается цѣлый рядъ льготъ. Законъ имѣлъ въ виду содѣйствовать переселенію преимущественно безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, но слабой стороной его являлось то, что „непоощряемое“ переселеніе могло фактически превратиться въ запрещаемое. Указомъ 10 марта 1906 г. переселеніе сдѣлано, наконецъ, совершенно свободнымъ.

Въ общемъ, переселеніе далеко не можетъ разрѣшить нашего земельнаго вопроса, такъ какъ Сибирь и другія окраины Россіи могутъ дать мѣсто только ничтожной части русскаго малоземельнаго крестьянства. Ежегодный приростъ населенія въ Россіи около двухъ милліоновъ душъ, а наибольшее, когда-либо достигнутое число переселенцевъ за Уралъ — въ текущемъ 1908 г.—достигло, согласно даннымъ переселенческаго управленія, по 1 сентября 546 тыс. душъ. Очень неблагопріятнымъ признакомъ для будущности сибирскаго переселенія является то, что наряду съ переселеніемъ въ Сибирь существуетъ и обратное теченіе—возвращеніе на родину неудачныхъ переселенцевъ. Таковыхъ въ 1894—1898 гг. было 13,8% всего числа переселенцевъ, въ 1899—1903 гг. 18,8%. Положеніе переселенцевъ, оставшихся въ Сибири, также далеко не блестяще. Первые переселенцы довольно скоро достигли сравнительнаго благосостоянія, теперь же переселенцы иногда бѣдствуютъ на новыхъ мѣстахъ больше, чѣмъ бѣдствовали на родинѣ 11).

V.

Итакъ, переселеніе не является дѣйствительнымъ средствомъ для уменьшенія земельной тѣсноты въ Россіи. Но не можетъ ли крестьянинъ получить нужную ему землю тутъ же на мѣстѣ, путемъ покупки ея у помѣщика? Уже съ 70-хъ годовъ закончившагося вѣка вопросъ объ организаціи земельнаго кредита для крестьянъ усиленно обсуждался въ нашемъ обществѣ и въ печати. Нѣкоторыя земства пытались разрѣшить эту задачу собствен-

ными средствами и ассигновывали для этой цѣли болѣе или менѣе крупныя суммы. Въ концѣ 70-хъ годовъ петербургское и московское отдѣленія Комитета о нуждахъ ссудосберегательныхъ товариществъ составляютъ нѣсколько проектовъ организаціи крестьянскаго земельнаго кредита, проектовъ, обратившихъ на себя общее вниманіе. 24 земства выразили сочувствіе этимъ проектамъ. Между тѣмъ, революціонное движеніе конца 70-хъ годовъ продолжало нарастать. Правительство признало необходимость дать извѣстное удовлетвореніе крестьянскимъ требованіямъ земли и въ 1881 г. министерство финансовъ (при Бунге) выработало проектъ Крестьянскаго земельнаго банка.

Учрежденіе банка министерство мотивировало необходимостью разсѣять надежды крестьянъ на даровое полученіе земли. Меньшинство Государственнаго Совѣта, при обсужденіи проекта министерства финансовъ, рѣшительно высказалось противъ него, хотя изъ проекта были исключены всѣ статьи, которыя могли бы подать крестьянамъ надежду на новое надѣленіе землей; меньшинство опасалось, по его словамъ, что „банкъ силой неумолимой превратится въ орудіе понудительной продажи крестьянамъ значительнаго пространства земли". Большинство же Государственнаго Совѣта высказалось за проектъ по соображеніямъ также чисто политическаго свойства — усматривая въ банкѣ лучшее средство ослабить революціонное настроеніе крестьянъ: частная земельная собственность, по мнѣнію большинства, явится лучшимъ средствомъ для разрушенія коммунистическихъ воззрѣній крестьянства.

По проекту предполагалось нормировать количество покупаемой каждымъ крестьяниномъ земли такимъ образомъ, чтобы купленная земля вмѣстѣ съ той, которая имѣлась у крестьянина достигала высшей нормы надѣла 61-го года; Государственнымъ Совѣтомъ пунктъ этотъ былъ исключенъ и взамѣнъ его былъ установленъ высшій размѣръ ссуды на покупку земли крестьянами въ 500 рублей на одну душу м. п. при подворномъ владѣніи, и въ 125 рублей на душу м. п. при общинномъ владѣніи. Въ этомъ предпочтеніи подворнаго владѣнія общинному ясно подчеркивалась тенденція правительства покровительствовать частной крестьянской земельной собственности. Банку разрѣшалось содѣйствовать покупкѣ земли крестьянами только по добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками; покупка же помѣщичьей земли съ публичнаго торга не была допущена. Банкъ открывалъ крестьянамъ долгосрочный кредитъ для покупки земли, но изъ очень высокаго процента (впослѣдствіи этотъ процентъ былъ пониженъ до 4½ съ погашеніемъ долга)—изъ 7½% (съ по-

гашеніемъ долга). Покупная сумма выдавалась не вся цѣликомъ, а лишь большая часть ея — остальная же часть должна была вноситься крестьянами изъ своихъ средствъ (доплаты).

Въ первые годы послѣ своего учрежденія банкъ преслѣдовалъ цѣли помощи въ земельной нуждѣ болѣе нуждающейся части крестьянства. Въ 1883 г. 55½% крестьянъ, получившихъ ссуду для похупки земли, принадлежало къ числу безземельныхъ и малоземельныхъ. Доплаты были, сравнительно, не велики. Но съ уходомъ съ министерскаго поста Бунге дѣятельность банка получила другое направленіе. Получила перевѣсъ коммерческая точка зрѣнія и банкъ сталъ больше всего опасаться подвергнуть финансовому риску свои операціи. Стоя на коммерческой точкѣ зрѣнія, банкъ сталъ требовать большихъ доплатъ и предпочиталъ имѣть дѣло съ зажиточной частью крестьянства. Число безземельныхъ и малоземельныхъ должниковъ банка спустилось за 1889—1892 г. до 28,5%. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась продажа за недоимки банку купленныхъ крестьянами земель. Такъ, напр., въ уфимской губерніи около 11% земли, купленной ранѣе крестьянами, было затѣмъ продано банкомъ съ публичнаго торга. Всего въ 1891—1892 году банкомъ было продано 21 тыс. десятинъ крестьянской земли, причемъ почти половина этой земли перешла въ руки купцовъ и дворянъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ Крестьянскій банкъ какъ бы отмираетъ, въ качествѣ орудія земельной политики, и превращается въ обычное учрежденіе земельнаго кредита.

Въ 90-е годы слѣдуетъ новая эпоха въ дѣятельности банка. Это было время расцвѣта политики министра финансовъ Витте, не боявшагося смѣлыхъ экспериментовъ. Въ 1895 г. банкъ получаетъ новый уставъ, по которому онъ пріобрѣтаетъ право покупать на опредѣленную сумму частновладѣльческія земли за свой счетъ для послѣдующей перепродажи ихъ крестьянамъ. Для этихъ покупокъ былъ образованъ особый капиталъ банка, частью изъ отчисленій изъ выкупныхъ платежей крестьянъ въ размѣрѣ 2—3 мил. р. въ годъ, частью изъ другихъ суммъ. Витте предполагалъ предоставить банку право отдавать земли крестьянамъ въ вѣчно-наслѣдственную аренду, но затѣмъ отказался отъ этого плана. Проектъ Витте прошелъ въ Государственномъ Совѣтѣ блестяще, почти безъ оппозиціи.

Послѣ проведенія новаго устава банка закупки имъ частновладѣльческой земли значительно увеличились. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стали быстро расти и цѣны на землю. Крестьянскій банкъ оказалъ огромныя услуги дворянству, давъ ему возможность сбывать

по высокой цѣнѣ свои земли крестьянамъ. Всего было куплено до 1 января 1904 г. при посредствѣ банка 7,3 мил. десятинъ земли 1.093 тыс. домохозяевъ. Главными покупателями являлись товарищества крестьянъ, затѣмъ отдѣльные крестьяне и, наконецъ, сельскія общества. Такъ, за 1896—1903 г. куплено:

Сельскими обществами	6,9%	всей купленной при посредствѣ банка земли.
Товариществами	68,1 „	
Отдѣльными домохозяевами	25 „	

О степени земельной обезпеченности покупщиковъ даютъ представленіе слѣдующія цифры, относящіяся къ 657 тыс. подвергнутыхъ обслѣдованію домохозяевъ, купившихъ землю при помощи банка:

среди покупщиковъ безземельныхъ	10,9%
имѣющихъ до 1½ десятинъ на душу м. п.	28,7 „
отъ 1½ до 3 „ „ „ „ „	32,8 „
больше 3 „ „ „ „ „	27,6 „

Доплаты со стороны покупщиковъ (сверхъ ссуды банка) сначала были не велики и не превышали 10% покупной суммы; затѣмъ онѣ стали повышаться и къ началу 90-хъ годовъ превышали 30%. Въ началѣ 1900-хъ годовъ доплаты составляли около 25% покупной суммы [12]).

Наконецъ, съ указомъ 3 ноября 1905 г., Крестьянскій банкъ вступилъ въ новый фазисъ своей дѣятельности. Этимъ указомъ были сняты всякія ограниченія съ самостоятельныхъ закупокъ банка за свой собственный счетъ. Банкъ совершенно порываетъ со всякими принятыми правилами коммерческой осторожности и начинаетъ съ возможной быстротой закупать помѣщичьи земли вовсе не сообразуясь съ тѣмъ, существуетъ ли спросъ на эти земли со стороны крестьянъ. Его единственной цѣлью становится помощь помѣщикамъ, доставленіе имъ возможности продать свои земли по возможно высокой цѣнѣ. Предложеніе помѣщичьихъ земель, подъ вліяніемъ вспыхнувшаго крестьянскаго движенія, достигаетъ огромныхъ размѣровъ—за время отъ 3-го ноября 1905 г. по 1 октября 1908 г Крестьянскимъ банкомъ разрѣшено купить за собственный счетъ 5.751 тыс. дес. земли; изъ этого числа совершены купчія крѣпости на 3.105 тыс. дес. земли. При посредствѣ банкѣ разрѣшено за то же время крестьянамъ купить земли у частныхъ владѣльцевъ 2.528 тыс. дес.;

изъ этого числа совершены купчія крѣпости на 1.752 тыс. дес. Земля покупалась по цѣнамъ, превышавшимъ цѣны всѣхъ предшествующихъ лѣтъ.

Въ концѣ-концовъ, несмотря на все желаніе, банкъ могъ закупить до настоящаго времени только незначительную долю частновладѣльческой земли. Но нужно имѣть въ виду, что въ будущемъ закупки банка должны сократиться, такъ какъ прекращеніе крестьянскаго движенія не можетъ не сократить и предложеніе къ продажѣ помѣщичьей земли. Кромѣ того, банкъ испытываетъ большія затрудненія по сбыту закупленной имъ за свой счетъ земли и терпитъ отъ нея огромныя убытки; до 10 октября 1908 г. ему удалось распродать крестьянамъ только небольшую часть купленной имъ земли—а именно, имъ совершены купчія крѣпости лишь на 359 тыс. дес.

Итакъ, и Крестьянскій банкъ не можетъ существенно повліять на уменьшеніе столь остро чувствуемаго крестьянскимъ хозяйствомъ малоземелья. Единственнымъ средствомъ разрѣшенія нашего крестьянскаго земельнаго вопроса является, такимъ образомъ, принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель.

На бреславльскомъ конгрессѣ 1895 г. германская соціалъ-демократія отвергла выработанный ея лучшими силами проектъ аграрной программы и рѣшительно признала, что соціалъ-демократія не можетъ брать на себя защиты интересовъ крестьянства. Такая позиція возможна была для германской соціалъ-демократіи лишь потому, что Германія давно уже стала вполнѣ промышленной страной и крестьянство составляетъ въ ней, лишь меньшинство населенія. Россія же и теперь остается по преимуществу земледѣльческой страной и около трехъ четвертей ея населенія относится къ крестьянству. Поэтому, для русской соціалъ-демократіи вопросъ объ аграрной программѣ имѣетъ совершенно иное значеніе и, какъ показала жизнь, не допускаетъ такого упрощеннаго рѣшенія, которымъ удовлетворилась германская соціалъ-демократія.

Послѣ цѣлаго ряда колебаній русская соціалъ-демократія приняла аграрную программу, самымъ существеннымъ пунктомъ которой является требованіе „муниципализаціи земли"—конфискаціи частновладѣльческихъ земель, кромѣ мелкаго землевладѣнія, и передачи ихъ въ распоряженіе выбранныхъ на демократическихъ началахъ крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Какое употребленіе должны получить конфискованныя земли, программа не предрѣшаетъ, но такъ какъ распоряженіе ими должно принадлежать мѣстнымъ органамъ самоуправленія, большинство въ которыхъ не можетъ не принадлежать крестьянству, то, значитъ, земли должны получить такое назначеніе, которое пожелаютъ крестьяне. Чего же желаютъ крестьяне, относительно этого, конечно, не можетъ быть ни малѣйшаго спора: крестьяне желаютъ получить землю для веденія на ней своего самостоятельнаго хозяйства.

Такимъ образомъ, аграрная программа, принятая русской соціалъ-демократіей, на практикѣ сводится къ требованію передачи крестьянамъ тѣхъ земель, на которыхъ теперь ведется, цѣликомъ или отчасти, капиталистическое хозяйство.

Другая наша соціалистическая партія выставила требованіе „соціализаціи" земли. Партія требуетъ изъятія земли изъ товарнаго оборота и обращенія ея изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общенародное достояніе на слѣдующихъ началахъ: всѣ земли поступаютъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія, начиная отъ демократически-организованныхъ безсословныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая областными и центральными учрежденіями (разселеніе и переселеніе, завѣдываніе резервнымъ земельнымъ фондомъ и т. п.); пользованіе землей должно быть уравнительно-трудовымъ, т.-е. обезпечивать трудовую норму на основаніи приложенія собственнаго труда, единоличнаго или въ товариществѣ.

Несмотря на ожесточенную полемику соціалъ-демократовъ съ представителями нашего народническаго соціализма, аграрная программа соціалъ-демократовъ весьма близка къ народническимъ программамъ. Главными пунктами обѣихъ программъ являются: требованіе уничтоженія крупнаго землевладѣнія, а, значитъ, и крупнаго капиталистическаго земледѣлія, ибо послѣднее предполагаетъ первое, и передача распоряженія землей въ руки крестьянства. Такимъ образомъ, жизнь принудила даже такихъ правовѣрныхъ марксистовъ, каковыми являются наши соціалъ-демократы, отказаться отъ своей враждебности къ крестьянскому хозяйству и выступить въ защиту его интересовъ противъ крупнаго землевладѣнія [18]). Этимъ самымъ былъ устраненъ важнѣйшій пунктъ разногласія между марксистами и такъ наз. народниками и самый споръ въ значительной степени, утратилъ почву. Жизнь показала, что спорить о возможности развитія капиталистической промышленности въ Россіи не имѣетъ смысла потому, что наличность у насъ этой промышленности и ея быстраго роста составляетъ очевидный, непререкаемый фактъ. Съ другой стороны, та же жизнь доказала, что въ области земледѣлія ничего похожаго на вытѣсненіе крестьянскаго хозяйства капиталистическимъ помѣщичьимъ хозяйствомъ не наблюдается; наоборотъ, капиталистическое помѣщичье хозяйство большей частью вытѣсняется крестьянскимъ. Ошибка обѣихъ сторонъ была въ томъ, что онѣ предполагали одинаковость направленія развитія какъ промышленности, такъ и сельскаго хозяйства. На самомъ же дѣлѣ промышленность и сельское хозяйство развиваются не только по особымъ, но даже, до извѣстной степени, и по противоположнымъ законамъ: въ промышленности крупное производство вытѣсняетъ мелкое, въ сельскомъ же хозяйствѣ большей частью наблюдается обратное.

ЛИТЕРАТУРА.

Янсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. 2-е изд. 1881. Васильчиковъ. Земледѣліе и земледѣліе въ Россіи. 2 т. 2-е изд. 1881. Ходскій. Земля и земледѣлецъ. 2 т. 1891. Постниковъ. Южно-русское крестьянское хозяйство. 1891. Фортунатовъ. Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства. 1892. Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. 1893. А. Скворцовъ. Экономическія причины голодовокъ въ Россіи. 1894. Его же. Аграрный вопросъ и Государственная Дума. 1906. Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Сборникъ статей подъ редакціей Чупрова и Посникова. 2 т. 1897. В. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи. 1898. П. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. 2 изд. 1908. П. Лохтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. 1901. П. Вихляевъ. Очерки по русской сельско-хозяйственной дѣйствительности. 1901. Его же. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. 1906. Нужды деревни. Сборникъ статей, изд. Львова и Стаховича. 2 т. 1904. Аграрный вопросъ Сборникъ статей. Изданіе Долгорукова и Петрункевича. 1905. Очерки по крестьянскому вопросу. Сборникъ статей подъ редакц. Манулова. 2 т. 1904. С. Прокоповичъ. Аграрный вопросъ. 1905. П. Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. 2 т. (изд. 4) 1908. Его же. Развитіе народнаго хозяйства и аграрная программа. 1906. Его ж Критика аграрныхъ программъ. 1906. Косинскій. Къ аграрному вопросу. 1906. М. Туганъ-Барановскій. Націонализація земли. 2-е изд. 1906. Пѣшехоновъ. Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. 1906. Его же. Земельныя нужды деревни. 1906 Его же. Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. 3 изд. 1906. Его же. Націонализація земли. 1907. Черновъ. Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категоріи. 3 изд. 1906. Его же. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. 1907. Его же. Къ вопросу о выкупѣ земли. 1906. Л. Бухъ. Земля — народу. 1905. Веселовскій. Крестьянскій вопросъ и крестьянское движеніе въ Россіи. 1907. Къ аграрному вопросу. Сборникъ статей. 1906. Громанъ. Земельный вопросъ и земельные проекты. 1906. И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. 1906. Р. Новоторжскій. Соціализація земли. Изд. 2-е. 1906. С. Закъ. Крестьянство и соціализація земли. 1906. Его же. Соціализмъ и аграрный вопросъ. 1907. Соціализація земли. Сборникъ статей изд. „Сотрудничество“. Огановскій. Земельный переворотъ въ Россіи. 1907. Станиславъ (Вольскій). Къ вопросу о націонализаціи земли. 1906. Н. Ленинъ. Пересмотръ аграрной программы. 1906. А. Кауфманъ. Переселеніе и колонизація. 1905. Его же. Аграрный вопросъ. 1908. Герценштейнъ Аграрный вопросъ. 1905. Его же. Земля и культура. 1906. Его же. Аграрный вопросъ въ программахъ разныхъ партій. 1906. Его же. Конфискація или выкупъ. 1906. Его же. Земельная реформа. 1906.

Манунловъ. Поземельный вопросъ въ Россіи. 1905. Обзоръ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за 1883—1904 г. Скалонъ. Крестьянскій банкъ. (Очерки крестьянскаго хозяйства надъ редакціей А. Манунлова. 1906) 1906. М. Горемыкинъ. Аграрный вопросъ. 1907. В. Святловскій. Къ вопросу о судьбахъ землевладѣнія въ Россіи. 1907. Борьба за землю. Сборникъ статей подъ ред. Качоровскаго. 1908.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ X.

1) Борьба за землю. Стр. 143.

2) См. А. А. Рихтеръ. Цифровыя данныя о поземельной собственности. 1897. Стр. 18. Данныя Рихтера, несомнѣнно умевьшаютъ площадь дворянскаго землевладѣнія; дѣйствительная потеря дворянской земли больше—но насколько больше, сказать нельзя по отсутствію болѣе точныхъ данныхъ.

3) В. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи. Стр. 92.

4) Само собою разумѣется, что раздѣленіе сельскаго населенія на сельскій пролетаріатъ, мелкое, среднее и крупное крестьянство можетъ имѣть лишь приблизительный характеръ и, въ частности, не можетъ быть построено только на количествѣ лошадей.

5) Огановскій. Значеніе муниципализаціи земли. Трудовой Путь 1907. № 3.

6) Эта точка зрѣнія была развита П. П. Масловымъ въ его извѣстной книгѣ „Аграрный вопросъ въ Россіи". Однако, при всей ея вѣроятности, нельзя не признать, что фактическія доказательства ея, приводимыя авторомъ, далеко недостаточны. Г. Огановскій совершенно правъ въ своей критикѣ фактическаго матеріала П. П. Маслова, сводящагося къ даннымъ военноконскихъ переписей за 1891, 1894 и 1896 гг.—данныя эти относятся къ слишкомъ незначительному періоду времени, къ тому же носящему исключительный характеръ благодаря нѣсколькимъ голоднымъ годамъ.

7) См. „Матеріалы подворной переписи Полтавской губерніи". 1907. Изд. Статистическаго бюро Полтавской губ. земства. Также „Полтавскій Земскій Календарь на 1908 г." Изд. Полтавской Губернскаго Земства.

8) Убѣдительность этихъ данныхъ можетъ быть подвергнута сомнѣнію на томъ основаніи, что они относятся лишь къ числу хозяйствъ, а не къ посѣвной площади въ распоряженіи каждой группы. Къ сожалѣнію, данныхъ этого послѣдняго рода не имѣется. Однако, измѣненіе посѣвной площади дало бы, несомнѣнно, сходную картину: посѣвная площадь мелкихъ и крупныхъ хозяйствъ сельскихъ сословій увеличилась, а среднихъ уменьшилась—и даже, вѣроятно, еще въ большей степени, чѣмъ число хозяйствъ того и другого рода. Въ пользу послѣдняго говоритъ то, что по даннымъ земской полтавской статистики, среднее землевладѣніе (на одно хозяйство) въ той группѣ хозяйствъ сельскихъ сословій, которыя располагаютъ свыше 50 дес. на хозяйство, возросло за разсматриваемый періодъ съ 84 дес. до 90 дес. (см.

„Полтавскій Земскій Календарь на 1908 г." стр. 51), т. е. произошло не только увеличеніе числа хозяйствъ сельскихъ сословій, имѣющихъ свыше 50 дес. на хозяйство, но и еще болѣе значительное увеличеніе принадлежащей этой группѣ земельной площади.

9) Ср. А. Чупровъ. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Глава VIII и IX.

10) Противопоставленіе абсолютнаго и относительнаго малоземелья принадлежитъ, главнымъ образомъ А. А. Кауфману. См. его превосходную работу „Переселеніе и колонизація". 1905. Часть 2. Глава I.

11) Фактическія свѣдѣнія о современномъ положеніи переселенческаго движенія и исторіи его заимствованы изъ указанной работы А. А. Кауфмана о переселеніи.

12) Объ исторіи Крестьянскаго банка см. оффиціальное изданіе Обзоръ дѣятельности Крестьянскаго Поземельнаго банка за 1883 — 904 гг., (1906), откуда и заимствованы приведенныя данныя.

13) Но это только на практикѣ; въ теоріи же наши марксисты по прежнему держатся прежней непримиримой точки зрѣнія. Еще совсѣмъ недавно одинъ изъ наиболѣе видныхъ вожаковъ нашихъ соціалъ-демократовъ пытался извлечь изъ данныхъ германской статистики, неопровержимо доказывающихъ ростъ самостоятельнаго крестьянства, доказательство пролетаризаціи сельскаго населенія Германіи. (См. этотъ любопытный образчикъ насилованія статистическихъ цифръ у В. Ильина Аграрный вопросъ. 1908. Стр. 244 и слѣд.).

Отдѣлъ III.

Обмѣнъ.

ГЛАВА I.

Цѣна.

I. Обмѣнъ и цѣна въ современномъ хозяйствѣ. Колебанія товарныхъ цѣнъ, какъ регуляторъ современнаго хозяйства. II. Законъ спроса и предложенія. Методологическія предпосылки теоріи цѣны. Сущность закона спроса и предложенія. Цѣны предметовъ роскоши и предметовъ необходимости. III. Строеніе среднихъ цѣнъ. Издержки производства, какъ регуляторъ среднихъ цѣнъ свободно воспроизводимыхъ товаровъ. Монопольныя цѣны. Издержки производства и воспроизводства. Когда цѣна товара регулируется низшими, высшими и средними издержками производства. IV. Издержки производства, какъ характерная категорія капиталистическаго способа производства. Особенности этой категоріи. Рабочій и средства производства. Трудовая стоимость въ капиталистическомъ хозяйствѣ. V. Издержки производства и трудъ. Трудъ, какъ важнѣйшій опредѣляющій моментъ издержекъ производства. Моменты, ограничивающіе соотвѣтствіе издержекъ производства съ трудомъ. VI. Моменты, ограничивающіе значеніе абстрактной теоріи цѣны. Оптовыя и розничныя цѣны. Соціальныя отношенія власти и зависимости. Дополнительныя замѣчанія. Зависимость цѣнъ отъ колебаній предложенія. Насыщенность спроса, какъ характерная особенность современнаго хозяйственнаго строя.

I.

Характерной особенностью хозяйственнаго строя, изучаемаго политической экономіей, является обмѣнъ, связывающій единичныя хозяйства въ одно цѣлое народнаго хозяйства. Только въ силу этой связи единичныхъ хозяйствъ экономическая наука могла пріобрѣсти характеръ точной научной дисциплины, сбли-

жающій ее съ точными науками. Именно въ области обмѣна наша наука устанавливаетъ общіе причинные законы, открытіе которыхъ составляетъ гордость политической экономіи, законы, напоминающіе по своей точности и необходимости законы внѣшней природы.

Одинъ извѣстный англійскій экономистъ—Уэтли—даже предлагалъ, въ виду особой важности обмѣна среди явленій, изучаемыхъ политической экономіей, назвать политическую экономію каталлактикой (отъ греческихъ словъ κατ'αλλα). И дѣйствительно, классическая политическая экономія была, по преимуществу, наукой объ обмѣнѣ. Правда, Рикардо въ предисловіи къ своему главному труду „Начала политической экономіи" говоритъ, что самымъ важнымъ предметомъ изученія политической экономіи нужно признать явленія распредѣленія [1]); но дѣло въ томъ, что явленія распредѣленія могутъ быть разсматриваемы и, дѣйствительно, нерѣдко разсматриваются (правильно это въ методологическомъ отношеніи или неправильно—вопросъ другой), какъ явленія обмѣна, ибо продуктъ распредѣляется въ современномъ обществѣ между отдѣльными классами путемъ цѣлаго ряда обмѣновъ. Заработная плата является, при такомъ разсмотрѣніи, однимъ изъ видовъ цѣны — цѣной товара рабочей силы, прибыль—цѣной, платимой за пользованіе капиталомъ, земельная рента — цѣной, уплачиваемой за пользованіе землей. Такъ разсматриваются явленія распредѣленія большинствомъ экономистовъ, благодаря чему отдѣлъ распредѣленія становится простымъ подраздѣленіемъ отдѣла обмѣна [2]).

Обмѣнъ совершается при посредствѣ цѣны, цѣна же есть не что иное, какъ конкретное выраженіе цѣнности. Когда мы говоримъ о цѣнности того или иного хозяйственнаго предмета, то мы имѣемъ въ виду признаніе за нимъ того или иного хозяйственнаго значенія. А говоря о цѣнѣ этого предмета, мы разумѣемъ, въ широкомъ смыслѣ, опредѣленное количество какого-либо хозяйственнаго предмета, которое нужно дать (или которое уже дано) для полученія даннаго предмета. Въ узкомъ смыслѣ слова, мы можемъ опредѣлить цѣну, какъ денежное выраженіе цѣнности.

Какова же роль цѣны въ современномъ народномъ хозяйствѣ? Нерѣдко думаютъ, что для экономиста важны и интересны лишь среднія товарныя цѣны и что рыночныя колебанія товарныхъ цѣнъ составляютъ преходящее и потому маловажное явленіе въ народномъ хозяйствѣ. Однако, такое мнѣніе основано на глубочайшемъ непониманіи роли цѣны въ товарномъ хозяйствѣ. Колебанія цѣны представляютъ собой чрезвычайно важный механизмъ

товарнаго хозяйства, безусловно необходимый для самого существованія этой хозяйственной системы.

Для возможности существованія товарнаго хозяйства требуется извѣстная пропорціональность всѣхъ его частей. Для общества нужно извѣстное количество хлѣба, тканей, кирпичей, желѣза, стекла и т. д., и если каждый товаръ не будетъ производиться въ требуемомъ количествѣ, то хозяйственная жизнь остановится. Гдѣ же тотъ механизмъ, который устанавливаетъ въ современномъ хозяйствѣ пропорціональность въ распредѣленіи общественнаго труда? Вѣдь каждый товаропроизводитель дѣйствуетъ на свой страхъ и рискъ, безъ соглашенія съ другими товаропроизводителями. И, однако, въ результатѣ такого анархическаго, непланомѣрнаго производства получается извѣстная, хотя и грубая пропорціональность, достаточная для того, чтобы общество могло жить и развиваться. Очевидно, есть какая-то скрытая сила, которая удерживаетъ пропорціональность общественнаго труда, приводитъ къ тому, что товары производятся въ требуемыхъ количествахъ.

Этой силой, этимъ механизмомъ и являются колебанія товарныхъ цѣнъ. Товарная цѣна является какъ бы барометромъ, показывающимъ, мало или много товаровъ на рынкѣ по отношенію къ общественному спросу. Если товаровъ слишкомъ много, то цѣны понижаются, если слишкомъ мало, то повышаются — уровень товарной цѣны, какъ высота столба ртути въ барометрѣ, показываетъ, высоко или низко товарное давленіе, нужно ли сократить или расширить общественное производство товаровъ, чтобы распредѣленіе общественнаго труда стало пропорціональнымъ. Всякій товаропроизводитель тщательно слѣдитъ за показаніями этого крайне чувствительнаго барометра и руководствуется въ своей хозяйственной дѣятельности его показаніями. Колебанія товарныхъ цѣнъ необходимы, слѣдовательно, для самого существованія товарнаго хозяйства, для того, чтобы была хотя грубая пропорціональность между общественнымъ спросомъ и предложеніемъ. Разстройство этой пропорціональности приводитъ къ хозяйственнымъ кризисамъ и къ временному параличу хозяйственной жизни.

II.

Какими же факторами опредѣляется высота товарной цѣны? Въ главѣ о цѣнности было установлено, что оцѣнка хозяйственнаго предмета опредѣляется тѣмъ хозяйственнымъ значеніемъ, которое данный предметъ имѣетъ для оцѣнивающаго лица, т. е. опредѣляется, ближайшимъ образомъ, предѣльной полезностью предмета. Каждая конкретная единица хозяйственныхъ предметовъ извѣстнаго рода удовлетворяетъ различнымъ конкретнымъ потребностямъ въ зависимости отъ количества предметовъ этого рода въ нашемъ распоряженіи: чѣмъ больше запасъ предметовъ этого рода, тѣмъ меньше хозяйственное значеніе послѣдней его единицы, тѣмъ менѣе важной конкретной потребности она удовлетворяетъ, тѣмъ меньше предѣльная полезность предмета, а вмѣстѣ и цѣнность. Но все это еще не объясняетъ образованія товарной цѣны. Цѣна складывается на основѣ оцѣнокъ каждаго отдѣльнаго лица, а такія субъективныя оцѣнки крайне различны, и не могутъ не быть различны уже по одному тому, что субъективная оцѣнка опредѣляется запасомъ предметовъ даннаго рода у даннаго лица, запасы же эти у различныхъ лицъ различны. Чѣмъ больше, напр., денегъ у даннаго лица, тѣмъ меньшей предѣльной полезности соотвѣтствуетъ для него каждая единица его денегъ. Субъективная оцѣнка одного рубля у лицъ различнаго имущественнаго достатка должна быть, слѣдовательно, совершенно различна, и также различна субъективная оцѣнка предметовъ, пріобрѣтаемыхъ на деньги. Однако, цѣна товаровъ того же рода на томъ же рынкѣ, болѣе или менѣе, одинакова, въ особенности въ оптовой торговлѣ. Цѣна одна, а оцѣнокъ много. Спрашивается, какъ же возникаетъ на основѣ различныхъ субъективныхъ оцѣнокъ единая объективная цѣна?

Чтобы дать на этотъ вопросъ правильный отвѣтъ, мы должны держаться тѣхъ реальныхъ хозяйственныхъ отношеній, въ которыхъ строятся цѣны въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ. Мы не должны предполагать, какъ это дѣлаетъ, напр., Бемъ-Баверкъ, что продавецъ извѣстнаго товара нуждается самъ въ своемъ товарѣ и готовъ сохранить его у себя для собственнаго потребленія, если ему предложатъ слишкомъ низкую цѣну за товаръ[3]). Въ современномъ хозяйствѣ товары изготовляются для сбыта и не являются предметомъ потребленія для продавцовъ товаровъ. Товаръ, если онъ не будетъ проданъ, не имѣетъ никакой цѣны для продавца — на что нужны, напр., локомотивы

для выдѣлывающаго ихъ завода или иголки для фабрики, гдѣ онѣ произведены? Изъ этого предположенія мы и должны исходить въ своемъ анализѣ процесса строенія цѣны. Второе необходимое условіе, которое нужно имѣть въ виду при этомъ анализѣ, заключается въ томъ, что деньги разсматриваются современными покупателями при покупкѣ не какъ самостоятельная потребительная цѣнность, а какъ покупательное средство. Деньги цѣнятся въ повседневномъ обиходѣ не ради нихъ самихъ, не какъ предметъ, удовлетворяющій извѣстнымъ самостоятельнымъ потребностямъ, а какъ средство купить какіе-либо другіе предметы. Въ золотой монетѣ современный человѣкъ видитъ не предметъ украшенія, который можно, хотя бы, повѣсить на шнуркѣ на шею, а только покупательное средство—и больше ничего. Только какъ покупательное средство мы носимъ монеты въ своихъ кошелькахъ. Вотъ на этихъ-то двухъ условіяхъ—отсутствіи хозяйственнаго значенія продаваемыхъ продуктовъ для ихъ продавцовъ и отсутствіи самостоятельной цѣнности денегъ, какъ предмета потребленія для покупателей, и должна быть построена истинная теорія цѣны.

Субъективныя оцѣнки продаваемаго товара у различныхъ покупателей, какъ сказано, различны. Допустимъ, что каждый покупатель обладаетъ полной свободой выбора покупаемаго товара. Чѣмъ же опредѣлится этотъ выборъ?

Я хочу, напр., купить зонтикъ, за который продавецъ спрашиваетъ 5 рублей; я нахожусь въ нерѣшительности, стоитъ ли заплатить за зонтикъ 5 рублей, или нѣтъ. Рѣшая этотъ вопросъ я, конечно, не стану сравнивать цѣнности для себя зонтика и цѣнности для себя же пятирублевой золотой монеты, какъ предмета украшенія; я буду сравнивать нѣчто иное—цѣнность для меня зонтика и цѣнность для меня же тѣхъ разнообразныхъ предметовъ, которые я могу пріобрѣсти на 5 рублей [4]). Я могу на эти деньги, допустимъ, купить билетъ въ театръ, 2 фунта чаю, книгу и т. п. И только сравнивъ цѣнность для себя зонтика съ цѣнностью того, что я могу пріобрѣсти за тѣ же пять рублей, и увидѣвъ, что за пять рублей я не могу пріобрѣсти болѣе цѣнныхъ для меня предметовъ, я куплю зонтикъ. Въ противномъ же случаѣ, я зонтика не куплю. Такимъ образомъ, оцѣнивая предметъ на деньги, я сравниваю предѣльную полезность различныхъ предметовъ, которые могутъ быть куплены на то же количество денегъ. Это сравненіе и опредѣляетъ, какую цѣну я могу дать за данный товаръ.

Теперь можно сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ анализѣ процесса

сложенія цѣны. Денежная расцѣнка того же товара со стороны различныхъ покупателей неизбѣжно должна быть различна, благодаря различію ихъ денежныхъ средствъ. Чѣмъ больше у покупателя денегъ, тѣмъ больше онъ можетъ заплатить за товаръ, въ случаѣ надобности. Оцѣнка милліонера будетъ, конечно, гораздо выше, чѣмъ оцѣнка бѣдняка; но дѣйствительная цѣна товара будетъ одна и та же и для милліонера и для бѣдняка. Допустимъ, что нижеслѣдующая схема изображаетъ различныя оцѣнки одного и того же товара покупателями съ различными денежными средствами.

I.	II.	III.	IV.	V.
5	4	3	2	1
4	3	2	1	0
3	2	1	0	
2	1	0		
1	0			

Римскія цифры означаютъ классы покупателей различной состоятельности—I классъ—самые богатые покупатели, II классъ—менѣе богатые и т. д. Арабскія цифры означаютъ расцѣнку единицы товара со стороны покупателей соотвѣтствующаго класса. Первая единица товара будетъ расцѣниваться покупателемъ I-го класса въ 5 р. вторая единица товара—въ 4 р., третья—въ 3 р. и т. д. За одну единицу товара покупатель I-го класса можетъ заплатить 5 р., за 2 единицы товара по 4 р. (ибо вторая единица будетъ расцѣниваться въ 4 р., а обѣ единицы товара должны имѣть одинаковую цѣну), за 3 единицы по 3 р., за 4 единицы—по 2 р. и за 5 единицъ—по 1 р. Напротивъ, покупатель IV класса за первую единицу товара можетъ заплатить лишь 2 р. за двѣ единицы лишь по 1 руб. Покупатель V-го класса можетъ купить лишь одну единицу товара за 1 р.

Теперь допустимъ, что на рынкѣ предложено къ продажѣ 10 единицъ товара и что продавцы согласны продать этотъ товаръ за любую сумму, лишь бы товары эти не остались у нихъ на рукахъ. Какова должна быть цѣна этого товара? Легко понять, что цѣна эта не можетъ быть не больше, не меньше 2-хъ р. Ибо если бы она была больше 2 р.—напр. 3 р., то могло бы быть куплено только 7 единицъ товара (покупатели I класса купили бы три единицы, II-го класса—двѣ единицы и III-го класса—одну единицу). Часть товаровъ осталась бы непроданной (три единицы товара) и единственнымъ средствомъ для продавцевъ

побудить покупателей купить все предложенное къ продажѣ количество товара является пониженіе его цѣны. Но цѣна не можетъ быть и ниже 2-хъ р.—напр. 1 р., такъ какъ по этой цѣнѣ могли бы быть куплены 15 единицъ товара, въ то время какъ ихъ предлагается къ продажѣ только 10 и, значитъ, часть покупателей не получила бы товара, несмотря на готовность уплатить за него цѣну, спрашиваемую продавцемъ. Это побудило бы покупателей повысить цѣну, которая дошла бы, слѣдовательно, до 2 р. Такимъ образомъ, при предложеніи 10 единицъ товара и при наличности 5 покупателей, расцѣнивающихъ товаръ согласно схемѣ, цѣна товара должна быть 2 рубля.

Эта схема объясняетъ и иллюстрируетъ возникновеніе изъ многочисленныхъ и весьма различныхъ индивидуальныхъ расцѣнокъ единой рыночной цѣны. Устанавливающаяся окончательно на рынкѣ цѣна есть наивысшая, по которой можетъ быть закуплено покупателями все количество предлагаемыхъ въ продажу товаровъ, что зависитъ, въ свою очередь, отъ высоты расцѣнокъ товара со стороны покупателей, иначе говоря, размѣра общественнаго спроса, а, съ другой стороны, отъ количества предлагаемаго къ продажѣ товара, отъ размѣра общественнаго предложенія. Въ этомъ и заключается такъ назыв. законъ спроса и предложенія, о которомъ экономисты говорятъ уже сотни лѣтъ, но точная научная формулировка котораго стала возможна только на основѣ теоріи предѣльной полезности.

Приведенная схема показываетъ, что далеко не всѣ индивидуальныя расцѣнки реально вліяютъ на рыночную цѣну товара. Такъ, напр., если бы максимальная расцѣнка покупателя I-го класса была не 5, а 10 р., это нисколько не повліяло бы на цѣну товара, которая въ приведенномъ примѣрѣ оставалась бы 2 руб. Точно также, если бы пятую единицу товара покупатель I класса расцѣнивалъ не въ 1 рубль, а ниже, это не повліяло бы на уменьшеніе цѣны товара, которая оставалась бы 2 р. Цѣна опредѣляется, значитъ, лишь нѣкоторыми индивидуальными расцѣнками, а именно тѣми расцѣнками, которыя стоятъ на самой границѣ цѣны экономически возможной въ условіяхъ даннаго общественнаго спроса и даннаго общественнаго предложенія.

Итакъ, цѣна опредѣляется, ближайшимъ образомъ двумя факторами, однимъ объективнымъ—количествомъ товара, предлагаемаго къ продажѣ на рынкѣ—и другимъ субъективнымъ—индивидуальными расцѣнками покупателей (каковыя, въ свою очередь,

опредѣляются однимъ объективнымъ факторомъ—покупательными средствами покупателей—и другимъ субъективнымъ—относительной потребностью покупателей въ покупаемомъ предметѣ). Изъ первыхъ двухъ факторовъ (количества предлагаемаго товара и расцѣнокъ покупателей) второй (расцѣнки) самъ по себѣ малоподвиженъ, такъ какъ характеръ общественнаго спроса по самой своей природѣ представляетъ лишь медленно измѣняющееся явленіе. Напротивъ, первый факторъ—предложеніе—значительно колеблется и именно колебанія предложенія вызываютъ по преимуществу колебанія товарныхъ цѣнъ.

Колебанія предложенія неизмѣнно отражаются на цѣнахъ, но далеко не одинаково на цѣнахъ различныхъ товаровъ. Въ главѣ о цѣнности было уже указано, что подъ вліяніемъ различнаго характера спроса цѣнность предметовъ необходимости колеблется подъ вліяніемъ колебаній предложенія гораздо сильнѣе, чѣмъ цѣнность предметовъ роскоши. Статистика показываетъ, что размѣръ общественнаго потребленія предметовъ необходимости мало зависитъ отъ цѣны, между тѣмъ какъ общественное потребленіе предметовъ роскоши измѣняется очень сильно при измѣненіи цѣны. Такъ, напр., потребленіе хлѣба на 1 душу населенія въ Парижѣ почти не измѣняется за послѣднее время изъ года въ годъ, несмотря на значительныя колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, а потребленіе сахара колеблется очень сильно, въ зависимости отъ колебанія цѣнъ на сахаръ. Неподвижность потребительнаго спроса въ первомъ случаѣ и подвижность во второмъ благопріятствуетъ неодинаковому движенію цѣнъ товаровъ того и другого рода: при неподвижномъ спросѣ каждое колебаніе предложенія вызываетъ рѣзкій эффектъ въ области цѣны, между тѣмъ какъ при эластичномъ спросѣ расширеніе и сокращеніе спроса ослабляютъ вліяніе на цѣну колебаній предложенія.

Еще въ концѣ 17-го вѣка экономистъ Грегори Кингъ сдѣлалъ попытку выразить въ числовой формулѣ зависимость между колебаніями урожая и цѣной хлѣба. Но разсчеты подобнаго рода имѣютъ лишь примѣрный характеръ и не могутъ претендовать на какую бы то ни было точность и всеобщую примѣнимость. Экономическія соотношенія, которыя лежатъ въ основѣ этой зависимости, слишкомъ сложны и различны въ каждомъ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ, чтобы допускать общее математическое выраженіе.

III.

Все сказанное относится къ рыночнымъ торговымъ цѣнамъ, постоянно колеблющимся вверхъ и внизъ. Колебанія эти происходятъ вокругъ нѣкотораго центра—средней, обычной цѣны товара. Эти среднія цѣны для различныхъ товаровъ крайне различны. Чѣмъ же опредѣляются различія среднихъ цѣнъ—центровъ колебаній рыночной цѣны?

Въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ производство регулируется капиталистомъ, стремящимся къ полученію наибольшаго барыша на затраченный капиталъ. Если въ нѣсколькихъ отрасляхъ производства количество произведенныхъ продуктовъ таково, что ихъ цѣны не въ равной мѣрѣ соотвѣтствуютъ издержкамъ производства, иначе говоря, затратамъ капитала на производство продукта, и, такимъ образомъ, процентъ прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства различенъ, то это повлечетъ за собой переходъ капиталовъ изъ отраслей производства съ меньшей прибылью въ отрасли производства съ большей прибылью. Приливъ капиталовъ въ тѣ отрасли производства, гдѣ процентъ прибыли выше, вызоветъ увеличеніе предложенія соотвѣтствующихъ продуктовъ, а, значитъ, согласно общему закону спроса и предложенія, и пониженіе ихъ цѣнъ; пониженіе цѣнъ этихъ продуктовъ вызоветъ, въ свою очередь, паденіе процента прибыли въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ производства. Перемѣщеніе капитала будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока процентъ прибыли не выравняется во всѣхъ отрасляхъ производства, что, въ свою очередь, предполагаетъ, что среднія цѣны всѣхъ производимыхъ товаровъ будутъ находиться въ одинаковомъ отношеніи къ издержкамъ производства. Это и есть законъ строенія среднихъ цѣнъ, заключающійся въ томъ, что существуетъ тенденція къ пропорціональности среднихъ цѣнъ товаровъ издержкамъ производства послѣднихъ. Какъ видно изъ изложеннаго, законъ этотъ осуществляется на основѣ закона спроса и предложенія (являющагося всеобщимъ закономъ цѣнъ) и предполагаетъ для своего осуществленія свободу перехода капитала изъ одной отрасли промышленности въ другую; эта же свобода имѣется на самомъ дѣлѣ лишь въ очень ограниченной степени.

Пусть, напримѣръ, производство ситца прибыльнѣе производ-

ства шелка; тогда капиталисты, согласно сказанному, должны перейти отъ производства шелка къ производству ситца, иначе говоря, должны быть построены новыя или расширены старыя ситцевыя фабрики и соотвѣтственно уменьшено количество шелковыхъ фабрикъ или размѣры производства на нихъ; однако, на практикѣ это можетъ быть весьма трудно осуществимо и, во всякомъ случаѣ, для осуществленія этого процесса потребуется продолжительное время, втеченіе котораго цѣны шелка и ситца не будутъ соотвѣтствовать относительнымъ издержкамъ производства этихъ товаровъ. Поэтому, законъ равенства прибылей или, что то же, законъ соотвѣтствія среднихъ товарныхъ цѣнъ издержкамъ производства, имѣетъ значеніе лишь какъ опредѣленная и постоянно дѣйствующая тенденція, а не какъ выраженіе конкретной дѣйствительности.

Кромѣ того, совершенно очевидно, что законъ этотъ можетъ имѣть отношеніе лишь къ тѣмъ товарамъ, которые свободно воспроизводимы—количество которыхъ можетъ быть свободно увеличено обществомъ въ соотвѣтствіи со спросомъ. Цѣны тѣхъ товаровъ, которые не воспроизводимы свободно — напр. предметовъ рѣдкости—или товаровъ монопольныхъ т. е. такихъ, по отношенію къ производству которыхъ свободная конкуренція существенно ограничена, такъ что общественный капиталъ не можетъ свободно притекать въ соотвѣтствующія отрасли производства—не находятся ни въ какомъ соотношеніи съ издержками производства. Именно на этомъ основано характерное для нашего времени стремленіе капитала къ объединенію: монополизировавши извѣстную отрасль производства, компанія капиталистовъ (напр. картель или трестъ) можетъ поднять цѣны значительно выше нормальнаго уровня, опредѣляемаго относительными издержками производства, и, такимъ образомъ, увеличить свою прибыль.

Но не нужно думать, что монопольныя цѣны устанавливаются монополистомъ по своему усмотрѣнію. Монополистъ, въ качествѣ продавца, такъ же подчиненъ верховному закону цѣнъ—закону спроса и предложенія—какъ и всякій другой производитель. Его отличіе отъ производителей, изготовляющихъ товары при условіи свободной конкуренціи, въ томъ, что онъ можетъ по своему усмотрѣнію регулировать предложеніе, сокращать его, если это ему выгодно. Сокращеніе предложенія, по общему правилу, ведетъ къ повышенію цѣны, а, значитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, и къ повышенію прибыли на единицу товара. Но такъ какъ для пред-

принимателя важна не прибыль на единицу товара, а общая сумма всей выручаемой его предпріятіемъ прибыли, общая же сумма прибыли, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣмъ меньше, чѣмъ меньше обороты предпріятія, то не въ интересахъ предпринимателя доводить это сокращеніе предложенія дальше извѣстнаго предѣла, опредѣляемаго для каждаго предпріятія различно, въ зависимости отъ условій общественнаго спроса и характера самаго предпріятія.

Кромѣ того, почти всякій товаръ конкурируетъ въ большей или меньшей степени съ другими товарами, удовлетворяющими тѣмъ же потребностямъ, и можетъ быть замѣненъ ими въ общественномъ потребленіи; такъ, напр., почти всѣ хлѣба конкурируютъ другъ съ другомъ, кофе конкурируетъ съ чаемъ и шоколадомъ, керосинъ конкурируетъ съ другими освѣтительными средствами—электричествомъ, свѣчами, газомъ и т. д. Поэтому значительное повышеніе цѣны одного товара обычно отражается на увеличеніи потребленія другихъ, конкурирующихъ съ нимъ, товаровъ, что ставитъ преграду для дальнѣйшаго повышенія цѣны перваго товара въ случаѣ монополизированія его предложенія. Именно на этомъ и терпѣли крушеніе многія попытки монополизировать продажу тѣхъ или иныхъ товаровъ.

Что касается до свободно воспроизводимыхъ товаровъ, то нужно имѣть въ виду, что среднія цѣны ихъ регулируются не тѣми затратами, которыя были реально сдѣланы въ свое время въ самомъ процессѣ производства даннаго товара, а тѣми затратами, которыя въ данный моментъ, при данномъ состояніи техники, необходимы для воспроизводства этого товара. Иными словами, среднія цѣны опредѣляются издержками не (прошлаго) производства, а воспроизводства товаровъ. Именно въ этомъ смыслѣ Марксъ говоритъ о затратѣ общественно-необходимаго рабочаго времени (т. е. необходимаго для воспроизводства), какъ о рѣшающемъ моментѣ цѣнности. Если напр., подымается уровень техники производства даннаго товара, то измѣняется цѣна не только вновь произведенныхъ единицъ товара, но и тѣхъ единицъ его, которыя были произведены при старыхъ условіяхъ техники.

Итакъ, издержки воспроизводства опредѣляютъ среднюю цѣну. Но въ различныхъ предпріятіяхъ издержки воспроизводства даннаго товара могутъ быть различны. Въ однихъ предпріятіяхъ издержки производства даннаго товара могутъ быть выше, въ другихъ ниже. Возьмемъ, напр., товаръ, производимый и въ ку-

старной мастерской и на фабрикѣ—хотя бы замокъ. Замки выдѣлываются кустарями, но также замочными фабриками. На производство машиннаго замка требуются значительно меньшія затраты, чѣмъ на производство того же замка кустарями. Какія же издержки производства—перваго или второго рода—будутъ опредѣлять цѣну замка?

Пусть на замочной фабрикѣ сдѣланы какія-либо техническія улучшенія, удешевляющія стоимость производства замка. Опытъ показываетъ, что это вызываетъ паденіе цѣны замка какъ фабричнаго, такъ и кустарнаго. Значитъ, цѣна замка опредѣляется условіями производства его [на фабрикѣ, т. е. тамъ, гдѣ издержки производства продукта всего ниже. Объясняется это тѣмъ, что фабричный замокъ могъ бы вполнѣ покрыть потребность рынка въ замкахъ, почему кустарь и принужденъ понижать цѣну своего замка до уровня фабричнаго — въ противномъ случаѣ кустарный замокъ не нашелъ бы сбыта.

Напротивъ, въ другихъ случаяхъ мы видимъ, что цѣна товара опредѣляется наивысшими издержками его производства. Допустимъ, напр., что хлѣбъ производится на нѣсколькихъ участкахъ земли различнаго плодородія. На болѣе плодородныхъ участкахъ стоимость производства хлѣба значительно ниже, чѣмъ на менѣе плодородныхъ. Какими же издержками производства будетъ регулироваться цѣна хлѣба? Несомнѣнно, наивысшими издержками производства—и по слѣдующей причинѣ. Производство хлѣба на лучшихъ участкахъ не можетъ покрыть всей общественной потребности въ хлѣбѣ—для удовлетворенія общественной потребности необходимо его производить и на худшихъ участкахъ. Если же цѣна хлѣба не будетъ соотвѣтствовать издержкамъ его производства на самыхъ худшихъ изъ участковъ, обработка которыхъ необходима для удовлетворенія общественной потребности въ хлѣбѣ, то обработка этихъ участковъ прекратится и, значитъ, количество хлѣба сократится, что, въ свою очередь, вызоветъ повышеніе хлѣба. Такимъ образомъ, цѣна хлѣба неизбѣжно должна подняться до уровня, опредѣляемаго издержками производства хлѣба на самомъ худшемъ изъ обрабатываемыхъ участковъ. Иными словами, не низшія, а высшія издержки производства продукта регулируютъ въ данномъ случаѣ его цѣну.

Каждое отдѣльное предпріятіе имѣетъ свои индивидуальныя особенности и стоимость производства въ каждомъ изъ нихъ различна. Во всякомъ родѣ производства имѣются предпріятія

стоимость производства въ которыхъ значительно выше средней, и такія, въ которыхъ стоимость производства значительно ниже средней. Но если эти отклоненія отъ средней имѣютъ индивидуальный характеръ, то они обычно не оказываютъ никакого вліянія на цѣну товара, которая въ этомъ случаѣ опредѣляется не высшими и не низшими, а *средними издержками производства*. Тѣ же предпріятія, которыя въ силу своихъ индивидуальныхъ условій производятъ съ низшими издержками производства, извлекаютъ добавочную прибыль, а въ предпріятіяхъ съ высшими издержками производства прибыль соотвѣтственно понижается противъ средней нормы.

Общее правило, вытекающее изъ разсмотрѣнныхъ частныхъ случаевъ, можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: *цѣна товара регулируется тѣми издержками его производства, при которыхъ товаръ можетъ быть свободно воспроизводимъ въ количествѣ, требуемомъ рынкомъ*. Когда потребность рынка можетъ быть покрыта товарами, производимыми при низшихъ издержкахъ производства, то эти низшія издержки производства регулируютъ цѣну товара. Когда этого нѣтъ, когда для рынка необходимо производство товара при высшихъ издержкахъ производства, то цѣна регулируется этими послѣдними. Наконецъ, когда потребность въ товарѣ можетъ быть удовлетворена при производствѣ его на основѣ среднихъ издержекъ производства, то эти послѣднія регулируютъ его цѣну.

IV.

Издержки производства являются характерной для капиталистическаго способа производства формой выраженія относительной стоимости товаровъ. Въ главѣ о цѣнности и стоимости было указано, что единственной стоимостью въ абсолютномъ смыслѣ является трудъ, но что наряду съ этимъ стоимость можетъ выражаться во всякой цѣнности, которая служитъ средствомъ для полученія какой либо другой цѣнности. Стоимость въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можетъ быть названа относительной стоимостью въ отличіе отъ абсолютной (трудовой) стоимости.

Издержки производства представляютъ собой капиталистическій способъ опредѣлять относительную стоимость товара. Такъ какъ самъ капиталистъ не принимаетъ участія въ трудѣ производства, то, понятно, абсолютная, трудовая стоимость его ни-

сколько не интересуетъ. Для капиталиста совсѣмъ не важно знать, сколько труда заключено въ товарѣ, такъ какъ этотъ заключенный въ товарѣ трудъ есть трудъ не его, капиталиста, а чужой трудъ. Съ точки зрѣнія капиталиста, трудъ рабочаго ничѣмъ не отличается отъ работы лошади или машины.

Единственное, что близко знакомо капиталисту и что ему важно знать—это затрата капитала, которой потребовало производство, затрата, исходя изъ которой капиталистъ разсчитываетъ продажную цѣну товара. Категорія трудовой стоимости совершенно отсутствуетъ въ сознаніи капиталистическаго предпринимателя и подмѣняется въ этомъ сознаніи иной категоріей—издержекъ производства.

Остановимся на этой своеобразной категоріи капиталистическаго способа производства. Ея характерная особенность заключается въ томъ, что она совершенно скрываетъ основное и глубочайшее хозяйственное различіе—различіе субъекта и объекта хозяйства—человѣка и предметовъ его дѣятельности. Въ издержкахъ производства фигурируютъ рядомъ и безъ всякаго различія, какъ моменты одинаковаго порядка, стоимость рабочей силы (заработная плата) и стоимость сырого матеріала, инструментовъ, построекъ и прочихъ объективныхъ средствъ производства. Это приравниваніе человѣка вещи вытекаетъ изъ самаго существа капиталистическаго способа производства—изъ работы по найму. Трудъ (рабочая сила) въ капиталистическомъ хозяйствѣ товаръ, какъ и средства производства; поэтому, при подсчетѣ стоимости производства, капиталистическій предприниматель не имѣетъ никакого основанія проводить различіе между трудомъ и орудіемъ труда—субъективнымъ и объективными факторами производства. Для капиталиста рабочій есть такой же хозяйственный объектъ, какъ и машина. Выраженіемъ этого является столь ирраціональная, съ общественной точки зрѣнія, категорія издержекъ производства, въ которой трудящійся человѣкъ фигурируетъ рядомъ съ машиной и каменнымъ угломъ, въ которой координируются субъектъ и объектъ хозяйства.

Издержки производства представляютъ собой присущую капиталистическому сознанію форму стоимости производства. Именно по этой причинѣ современная экономическая мысль такъ отвращается отъ идеи, что только трудъ есть стоимость въ своей абсолютной формѣ. Но трудъ остается единственной абсолютной стоимостью и въ капиталистическомъ хозяйствѣ, какъ и во всякомъ иномъ, ибо капиталистическое хозяйство есть все же человѣческое хозяйство.

Отвлечемся отъ интересовъ частнаго хозяина-капиталиста и посмотримъ на дѣло съ точки зрѣнія всего общества въ его цѣломъ. Въ чемъ состоитъ затрата общества въ процессѣ общественнаго производства? Очевидно, она состоитъ не въ „издержкахъ производства“ — не въ суммахъ, уплачиваемыхъ одними членами общества другимъ членамъ того же общества за тѣ или иные товары. Вѣдь то, что есть для одного уплата, есть для другого получка—то, что составляетъ расходъ для однихъ, есть приходъ для другихъ. Вся сумма, образующая собой „издержки „производства“ и израсходованная предпринимателемъ, вошла въ чей-либо валовой или чистый приходъ. Слѣдовательно, издержки производства отнюдь не представляютъ собой чистой затраты общества.

Изъ чего же слагается эта затрата? Быть можетъ, изъ матеріальныхъ предметовъ, уничтоженныхъ въ процессѣ производства—изъ сожженныхъ дровъ, каменнаго угля, израсходованнаго сырья, потребленныхъ машинъ, инструментовъ, вспомогательныхъ матеріаловъ, производительныхъ силъ земли и пр.? Конечно, затрата матеріальныхъ средствъ производства есть составная часть стоимости производства—но лишь постольку, поскольку эти средства производства сами имѣютъ трудовую стоимость, суть продукты предшествующаго труда. Расходуя эти средства производства, мы расходуемъ общественный трудъ, который въ нихъ кристаллизованъ, по образному выраженію Маркса. Но дары природы не являются элементомъ абсолютной стоимости. Земля, напр., поскольку ея полезныя свойства не суть продуктъ труда, ничего не стоила обществу—не обладая стоимостью, она не можетъ быть, съ общественной точки зрѣнія, и элементомъ стоимости, не можетъ входить въ составъ стоимости затраты. Правда, земля обладаетъ для всего общества, какъ и для частнаго лица, цѣнностью. Но вѣдь цѣнность не есть стоимость. Даръ природы, войдя въ составъ другого хозяйственнаго предмета, все же остается даромъ природы. Если дико растущій лѣсъ не обладаетъ никакой стоимостью, то нѣтъ основанія приписывать этому даровому матеріалу стоимость въ томъ случаѣ, когда онъ пошелъ на постройку дома. Такимъ образомъ, мы должны придти къ заключенію, что единственной чистой затратой общества въ процессѣ общественнаго производства (будетъ ли это капиталистическое производство или какое-либо иное) является затраченный на производство общественный трудъ. Лишь въ относительномъ смыслѣ слова можно говорить о стоимости земли, какъ и другихъ предметовъ внѣшняго міра, не созданныхъ человѣкомъ. Но абсолютной стоимостью

является только самъ человѣкъ, а, слѣдовательно, и его трудъ, безъ котораго мы не можемъ себѣ представить хозяйства.

Итакъ, и при капиталистическомъ способѣ производства трудовая затрата есть единственная стоимость въ абсолютномъ смыслѣ. Эта абсолютная (трудовая) стоимость скрывается, однако, отъ капиталистическаго сознанія подъ совершенно иной специфически-капиталистической категоріей—издержекъ производства. Трудовая затрата столь же реальна въ капиталистическомъ обществѣ, какъ и во всякомъ иномъ: и при господствѣ капиталистическаго способа производства общество принуждено затрачивать трудъ для поддержанія своей жизни. Но, благодаря тому, что часть общества—капиталисты—ведетъ хозяйство не своимъ, а чужимъ трудомъ, абсолютная трудовая стоимость теряетъ для этой части общества всякое значеніе и замѣняется въ сознаніи капиталистовъ категоріей издержекъ производства. Если бы все общество состояло только изъ капиталистовъ, въ такомъ случаѣ капиталистическая точка зрѣнія была бы и общественной точкой зрѣнія. Но въ составъ общества входятъ, кромѣ капиталистовъ, также и рабочіе. Съ точки зрѣнія всего общества, какъ цѣлаго, рабочіе суть такіе же полноправные субъекты хозяйства, какъ и капиталисты. И съ этой общественной точки зрѣнія, человѣческій трудъ остается, при господствѣ капиталистическаго способа производства, какъ и при всякой другой формѣ хозяйства, единственной абсолютной формой стоимости.

Какая же изъ двухъ названныхъ категорій—абсолютная (трудовая) стоимость или же капиталистическая стоимость (затрата капитала—издержки производства) непосредственно регулируетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ товарную цѣну? Изъ вышесказаннаго ясно, что трудовая стоимость есть фактъ, стоящій внѣ капиталистическаго сознанія и, съ капиталистической точки зрѣнія, совершенно безразличный; а такъ какъ цѣны устанавливаются на основѣ сознательныхъ хозяйственныхъ разсчетовъ лицъ, руководящихъ производствомъ, въ данномъ случаѣ капиталистовъ, то, очевидно, трудовая стоимость не можетъ быть непосредственнымъ регуляторомъ товарныхъ цѣнъ. Такимъ непосредственнымъ регуляторомъ является въ капиталистическомъ хозяйствѣ капиталистическая стоимость—затрата капитала.

V.

Но издержки производства—затрата капитала—находятся въ извѣстномъ, хотя сложномъ и колеблющемся, соотношеніи съ трудовыми затратами. Издержки производства представляютъ собой ту форму, въ которую облекается трудовая стоимость при капиталистическомъ способѣ производства. Эта новая форма преобразовываетъ и измѣняетъ самое содержаніе капиталистической стоимости, но все же связь капиталистической стоимости съ трудовой стоимостью не можетъ быть совершенно порвана.

Въ числѣ многихъ факторовъ, опредѣляющихъ высоту издержекъ производства, первымъ по своему значенію факторомъ является трудовая затрата. Товары, производимые съ большими издержками производства, обычно имѣютъ болѣе высокую трудовую стоимость. Увеличеніе или уменьшеніе труда производства обычно сопровождается соотвѣтствующимъ измѣненіемъ затраты капитала—иначе говоря, издержекъ производства. Ибо что такое издержки производства? Не что иное, какъ сумма цѣнностей затраченныхъ средствъ производства. Величина этой суммы опредѣляется, очевидно, двумя моментами: съ одной стороны, количествомъ затраченныхъ средствъ производства, съ другой стороны, цѣнностью каждаго изъ нихъ. Но цѣнность каждаго средства производства, въ свою очередь, опредѣляется издержками его производства, иначе говоря, количествомъ и цѣнностью затраченныхъ на его изготовленіе средствъ производства и т. д. Такимъ образомъ моментъ цѣнности сводится, поскольку затрачиваютъ одни и тѣ же средства производства, къ моменту количества затраченныхъ средствъ производства. Основнымъ же и универсальнымъ средствомъ производства является человѣческій трудъ; слѣдовательно, количество затраченнаго на производство труда—иначе говоря—трудовая стоимость—является основнымъ опредѣляющимъ моментомъ затраты капитала—издержекъ производства.

Итакъ, издержки производства, непосредственно регулирующія среднія цѣны свободно воспроизводимыхъ товаровъ, въ концѣ концовъ, сводятся преимущественно къ труду производства. Но лишь преимущественно, а не исключительно. Существуетъ цѣлый рядъ моментовъ, ограничивающихъ правило о соотвѣтствіи издержекъ производства, а значитъ и цѣнъ, съ трудомъ.

Первымъ и самымъ главнымъ изъ этихъ моментовъ является то, что при капиталистическомъ способѣ производства затрата

труда получаетъ для капиталиста видъ затраты заработной платы. Капиталистъ ничего не знаетъ о затратѣ труда—онъ знаетъ лишь о затратѣ своего капитала на покупку рабочей силы, на заработную плату. Если бы заработная плата была пропорціональна количеству затрачиваемаго труда, въ такомъ случаѣ это обстоятельство нисколько не препятствовало бы соотвѣтствію между трудовой стоимостью и издержками производства. Но этого нѣтъ. Заработная плата въ разныхъ отрасляхъ труда чрезвычайно различна внѣ всякаго соотвѣтствія съ количествомъ затрачиваемаго труда. Сплошь и рядомъ трудъ болѣе тяжелый вознаграждается гораздо менѣе, чѣмъ трудъ болѣе легкій. Поэтому товары различнаго рода, на производство которыхъ затрачена одинаковая сумма заработной платы, нерѣдко заключаютъ въ себѣ весьма различныя количества общественно-необходимаго труда [5]).

Затѣмъ, затрачиваемый капиталъ слагается не только изъ заработной платы, но и изъ матеріальныхъ средствъ производства. Распаденіе капитала на заработную плату и матеріальныя средства производства Марксъ называетъ строеніемъ капитала. Строеніе капитала въ различныхъ отрасляхъ производства различно и это вызываетъ, какъ было впервые указано Рикардо [6]), а затѣмъ повторено Марксомъ [7]), отклоненія издержекъ производства отъ трудовыхъ стоимостей. Дѣло въ томъ, что рабочій, нанимаемый капиталистомъ, не только воспроизводитъ свою заработную плату, но и работаетъ сверхъ этого нѣкоторое добавочное время въ пользу капиталиста. Напротивъ, мертвый капиталъ, матеріальныя средства производства не увеличиваются въ процессѣ производства въ своей трудовой стоимости и только переносятъ ее на изготовленный продуктъ. Поэтому, трудовая стоимость продукта, произведеннаго при помощи того капитала, въ составъ котораго входила большая доля заработной платы, должна быть выше, чѣмъ продукта, произведеннаго при помощи капитала равной величины, но съ меньшей долей заработной платы. При равенствѣ въ этомъ случаѣ издержекъ производства трудовыя стоимости оказываются различны.

Наконецъ, скорости оборота капитала въ различныхъ отрасляхъ производства различны. Капиталистъ стремится выручить наибольшую сумму прибыли въ наименьшее время. Пусть для производства двухъ продуктовъ требуется одинаковая затрата капитала и одинаковая затрата труда, но капиталъ при производствѣ перваго продукта оборачивается быстрѣе, чѣмъ при производствѣ второго. Если бы цѣна обоихъ продуктовъ была одинакова, то въ такомъ случаѣ первый капиталистъ въ то же

время выручилъ бы большую прибыль, чѣмъ второй. Это несогласно съ закономъ равенства прибыли и, слѣдовательно, продуктъ второго капиталиста, для того, чтобы прибыли перваго и второго капиталиста въ одно и то же время были равны, долженъ расцѣниваться выше, чѣмъ продуктъ перваго капиталиста—иными словами, цѣны обоихъ продуктовъ, имѣющихъ согласно предположенію одинаковую трудовую стоимость, должны быть различны [8]).

Все это вмѣстѣ приводитъ къ тому, что трудъ только отдаленно и неполно регулируетъ издержки производства, которыя, въ свою очередь, лишь до извѣстной степени регулируютъ товарныя цѣны. Ни о какомъ совпаденіи между товарными цѣнами и трудовыми стоимостями тѣхъ же товаровъ не можетъ быть и рѣчи. Но въ числѣ объективныхъ факторовъ, регулирующихъ цѣны свободно воспроизводимыхъ товаровъ, в а ж н ѣ й ш и м ъ, несомнѣнно, является трудъ производства.

VI.

Не нужно, однако, упускать изъ виду, что изложенная теорія цѣны вѣрна лишь при извѣстныхъ молчаливыхъ предпосылкахъ, предполагаемыхъ при всѣхъ вообще построеніяхъ абстрактной политической экономіи—при предположеніи полной свободы дѣйствій покупателей и продавцевъ, полномъ знаніи ими рынка, полномъ слѣдованіи хозяйственному принципу и т. д. Конечно, эти предпосылки лишь отчасти осуществляются въ конкретной дѣйствительности. Чѣмъ больше онѣ осуществляются, тѣмъ болѣе реальная цѣна слѣдуетъ указаннымъ законамъ строенія цѣны.

Поэтому, о п т о в ы я цѣны, т. е. цѣны, платимыя торговцами при покупкахъ большихъ массъ товаровъ, носятъ болѣе закономѣрный характеръ, чѣмъ р о з н и ч н ы я цѣны, платимыя покупателями, пріобрѣтающими товаръ небольшими партіями для нуждъ своего потребленія. Розничныя цѣны часто даже лишены единства—разные покупатели платятъ въ томъ же магазинѣ разную цѣну за тотъ же товаръ (когда цѣны назначаются магазиномъ съ запросомъ). Люди вообще гораздо менѣе слѣдуютъ хозяйственному принципу, когда они являются въ роли потребителей, чѣмъ въ своей хозяйственной дѣятельности, доставляющей имъ средства къ жизни. Сплошь и рядомъ крайне разсчетливый въ своихъ хозяйственныхъ операціяхъ биржевой дѣлецъ безъ всякаго разсчета бросаетъ деньги, когда ему приходится выступать въ роли потребителя.

Каково же соотношеніе между оптовыми и розничными цѣнами? Оптовыя цѣны опредѣляются розничными или наоборотъ?

Розничныя цѣны отличаются большой устойчивостью и движеніе ихъ вверхъ и внизъ обычно слѣдуетъ съ большимъ замедленіемъ за измѣненіемъ оптовыхъ цѣнъ. Отсюда нужно, повидимому, заключить, что розничныя цѣны опредѣляются оптовыми. Но вѣдь цѣны зависятъ отъ расцѣнокъ потребителей, а потребитель покупаетъ по розничнымъ цѣнамъ; иными словами, оптовыя цѣны должны опредѣляться розничными. Получается, такимъ образомъ, кажущееся противорѣчіе, разрѣшаемое слѣдующимъ образомъ. Дѣйствительно, измѣненіе розничныхъ цѣнъ обычно слѣдуетъ за измѣненіемъ оптовыхъ; тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, оптовыя цѣны управляются розничными, а не наоборотъ, — оптовые торговцы, предвидя тотъ или иной уровень розничныхъ цѣнъ, устанавливаютъ въ соотвѣтствіи съ этимъ и оптовыя цѣны. Въ странѣ происходитъ, напр., неурожай хлѣба; оптовые торговцы предвидятъ, что розничныя цѣны на хлѣбъ должны повыситься, и соотвѣтственно повышаютъ оптовую цѣну муки. Затѣмъ слѣдуетъ повышеніе и розничной цѣны хлѣба. Такимъ образомъ, ожидаемый уровень розничныхъ цѣнъ опредѣляетъ реальную оптовую цѣну, а эта послѣдняя вліяетъ на реальную розничную цѣну. Въ концѣ концовъ, розничныя цѣны имѣютъ рѣшающее значеніе.

Нужно имѣть въ виду также и слѣдующее, очень важное, ограниченіе изложенной теоріи цѣны. Она построена на предположеніи, что покупатель и продавецъ одинаково успѣшно отстаиваютъ свои интересы, она отвлекаетъ отъ соціальнаго неравенства покупателей и продавцевъ. Поскольку дѣло идетъ объ оптовыхъ цѣнахъ товаровъ капиталистическаго производства, такое игнорированіе методологически вполнѣ допустимо: нѣтъ основанія признавать экономически сильнѣйшей стороной капиталистическихъ покупателей, чѣмъ продавцевъ, или обратно. Но когда на рынкѣ встрѣчаются представители общественныхъ классовъ различной соціальной силы, тогда это обстоятельство не можетъ не вліять на цѣну, устанавливающуюся въ результатѣ ихъ экономической борьбы. Возьмемъ, напр., продажу кустарями своихъ издѣлій скупщикамъ или продажу крестьянами своихъ продуктовъ крупнымъ торговцамъ. Такъ какъ кустари и крестьяне экономически слабѣйшій элементъ, то цѣна, по которой они вынуждены продавать свои продукты, будетъ ниже и нерѣдко значительно ниже той цѣны, которая диктуется соотношеніемъ спроса и предложенія. Все это необходимо имѣть въ виду и помнить, что абстрактная теорія только съ большими или меньшими ограниченіями можетъ примѣняться къ конкретной дѣйствительности.

Экономическая теорія предполагаетъ, что человѣкъ въ своихъ

расцѣнкахъ строго слѣдуетъ хозяйственному принципу предпочитать большее наслажденіе меньшему. Но человѣкъ далеко не всегда поступаетъ экономически раціонально. Рутина и твердый, почти неизмѣнный обычай опредѣляютъ строй жизни огромнаго большинства людей. Потребитель покупаетъ извѣстный товаръ за опредѣленную цѣну не потому, что онъ убѣжденъ въ невозможности пріобрѣсти за тѣ же деньги предметъ, доставляющій ему большее удовлетвореніе, но просто по примѣру другихъ, потому что всѣ покупаютъ этотъ товаръ за эту цѣну. Обычай является, слѣдовательно, той силой, которая самымъ существеннымъ образомъ вліяетъ на коллективный и частью безсознательный процессъ образованія цѣнъ.

Правда, основой товарной цѣны остаются индивидуальныя оцѣнки покупателей, но разъ цѣна образовалась, она, въ свою очередь, вліяетъ на эти послѣднія. Такимъ образомъ возникаетъ кажущаяся независимость товарныхъ цѣнъ отъ индивидуальныхъ расцѣнокъ.

Товарная цѣна, подобно праву и нравамъ, есть, такимъ образомъ, коллективный результатъ частью безсознательныхъ соціальныхъ процессовъ и тутъ экономическая теорія наталкивается на свою естественную границу—въ область безсознательнаго она проникнуть не можетъ.

Внимательный анализъ схемы индивидуальныхъ расцѣнокъ покупателей, приведенной на стр. 351, поможетъ намъ выяснить не только обычные, но и болѣе рѣдкіе случаи строенія цѣнъ. Въ текстѣ предположено, что на рынкѣ предлагается къ продажѣ 10 единицъ товара, причемъ цѣна товара должна быть 2 р. Допустимъ теперь, что предложеніе товара сокращается до 9 единицъ; исходя изъ соображеній, приведенныхъ въ текстѣ, слѣдуетъ заключить, что цѣна товара въ этомъ случаѣ останется прежней и будетъ по прежнему 2 р.—только эта цѣна экономически возможна при данномъ соотношеніи спроса и предложенія. При предложеніи 8 и 7 единицъ товара цѣна товара по прежнему будетъ 2 р. и только, когда предложеніе товара спустится до 6 единицъ, цѣна товара испытаетъ повышеніе и дойдетъ до 3 р. Точно также увеличеніе предложенія товара до 11 единицъ вызываетъ пониженіе его цѣны до 1 р., но дальнѣйшее увеличеніе предложенія до 12, 13, 15 единицъ не оказываетъ никакого вліянія на его цѣну, которая по прежнему остается 1 р.

Итакъ, въ результатѣ анализа нашей схемы мы приходимъ, по видимому, къ очень страннымъ выводамъ, находящимся въ полномъ противорѣчіи съ фактами. Увеличеніе и уменьшеніе предложенія товара въ извѣстныхъ предѣлахъ не оказываютъ ровно никакого вліянія на товарную цѣну и лишь перейдя за эти предѣлы измѣняютъ цѣну. При этомъ предѣлы эти очень широки. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ

цѣна оказывается одна и та же при предложеніи 10 и 7 единицъ товара или при предложеніи 11 и 15 единицъ. Иными словами, измѣненіе предложенія на 30 – 40% оказывается неспособнымъ измѣнить товарную цѣну.

Какъ ни страненъ этотъ выводъ и какъ онъ ни расходится съ обычнымъ пониманіемъ законовъ спроса и предложенія, это не можетъ ослабить силы приведеннаго абстрактнаго разсужденія. Оно кажется безупречнымъ и въ то же время приводящимъ къ абсурднымъ выводамъ.

Болѣе тщательное разсмотрѣніе реальныхъ фактовъ строенія цѣнъ покажетъ, однако, что нерѣдко и реальные факты говорятъ такимъ же страннымъ языкомъ, какъ и теорія. Допустимъ, напр., что на ярмаркѣ продается десять лошадей одинаковаго качества, а охотниковъ купить эти лошади по цѣнѣ въ 100 р. лошадь находится 15 человѣкъ, причемъ никто изъ нихъ не можетъ заплатить за лошадь выше 100 р. Въ такомъ случаѣ лошади будутъ проданы по 100 р. и 5 человѣкъ ничего не купятъ. Если бы на ярмарку было выведено не 10, а 15 лошадей такого же качества, то они были бы проданы по той же цѣнѣ въ 100 руб.—увеличеніе предложенія на 50% не оказало бы никакого вліянія на цѣну. Такимъ образомъ, передъ нами какъ разъ такой случай независимости цѣны товара отъ измѣненія предложенія, который слѣдуетъ какъ необходимый выводъ изъ нашей теоріи.

Изъ этого примѣра видно, между прочимъ, какъ неправильно формулируетъ законъ спроса и предложенія Бемъ-Баверкъ, говоря, что „высота рыночной цѣны устанавливается на томъ уровнѣ, на которомъ спросъ и предложеніе количественно уравновѣшиваютъ другъ друга“ [2]). Если мы, возвращаясь къ своей схемѣ, предположимъ, что на рынкѣ имѣется 7 единицъ товара, то, при цѣнѣ въ 2 р. за единицу товара, будетъ спрашиваться 10 единицъ товара, при цѣнѣ же въ 3 р. будетъ спрашиваться 6 единицъ товара. Съ точки зрѣнія Бемъ-Баверка слѣдовало бы ожидать, что цѣна товара установится на уровнѣ 3 р., такъ какъ при этой цѣнѣ количество спрашиваемаго товара всего ближе къ количеству предлагаемаго товара. На самомъ же дѣлѣ цѣна установится, какъ выяснено, на уровнѣ 2 р., при которой количество спрашиваемаго товара будетъ значительно превосходить количество предлагаемаго товара.

Итакъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы дѣйствительно наблюдаемъ, что даже значительныя измѣненія предложенія не оказываютъ никакого вліянія на товарную цѣну. Но, конечно, такіе случаи въ современномъ хозяйствѣ являются случаями исключительными. Какъ общее же правило, даже весьма незначительныя колебанія предложенія немедленно отражаются на товарныхъ цѣнахъ. Все это должно быть объяснено.

Легко замѣтить, что неподвижность цѣны при измѣненіи предложенія обусловливалась въ разсмотрѣнныхъ примѣрахъ ненасыщенностью спроса предложеніемъ—тѣмъ, что на рынкѣ, при данной цѣнѣ, имѣлся спросъ на большее количество продуктовъ, чѣмъ то, которое предлагалось въ продажу. Если спросъ, при единственно экономически возможной цѣнѣ, не насыщается предложеніемъ, то пока такое насыщеніе не наступитъ, увеличеніе предложенія не отражается на цѣнѣ. Но какъ только спросъ насыщенъ предложеніемъ, всякое, даже самое незначительное, увеличеніе предложенія немедленно вызываетъ измѣненіе цѣны.

При современныхъ же условіяхъ хозяйства ненасыщенность спроса

предложеніемъ есть рѣдкое исключеніе. Торговля располагаетъ всегда большими или меньшими запасами товаровъ, которые хранятся въ кладовыхъ и немедленно продаются, какъ только на нихъ является спросъ. Съ другой стороны, капиталистическое производство располагаетъ такими колоссальными средствами производства, что предложеніе товаровъ, какъ общее правило, идетъ впереди спроса и, такъ сказать, давитъ на него. Такого положенія вещей, при которомъ имѣется спросъ на товаръ по цѣнѣ, господствующей на рынкѣ, и этотъ спросъ остается неудовлетвореннымъ только по той причинѣ, что товаровъ не хватаетъ для удовлетворенія спроса, при обычныхъ условіяхъ рынка не бываетъ. Именно благодаря насыщенности спроса, наличности непроданныхъ запасовъ, товарныя цѣны въ современномъ хозяйствѣ крайне чувствительно реагируютъ на всякое измѣненіе предложенія.

Такимъ образомъ, развитая въ текстѣ теорія цѣны объясняетъ какъ тѣ случаи, когда цѣна товара измѣняется при самыхъ незначительныхъ измѣненіяхъ предложенія, что является въ современномъ хозяйствѣ общимъ правиломъ, такъ и тѣ сравнительно рѣдкіе случаи, когда значительныя измѣненія предложенія совсѣмъ не отражаются на цѣнѣ. И тѣ и другіе укладываются въ общую формулу закона спроса и предложенія (для товаровъ, изготавливаемыхъ для сбыта), заключающуюся въ томъ, что цѣна товара должна быть наивысшей, по которой можетъ быть продано все предлагаемое къ продажѣ количество товара. Обычная же формулировка закона спроса и предложенія, согласно которой цѣна, устанавливающаяся на основаніи закона спроса и предложенія, должна быть такова, чтобы количество спрашиваемаго товара равнялось количеству предлагаемаго товара, справедлива лишь по отношенію къ нѣкоторой части случаевъ строенія товарной цѣны—именно, при насыщенности спроса предложеніемъ—и совершенно непримѣнима къ другимъ случаямъ, когда такой насыщенности не наблюдается.

ЛИТЕРАТУРА.

Вся литература, приведенная въ главѣ о цѣнности, относится также и къ теоріи цѣны. Кромѣ того: Auspitz und Lieben. Untersuchungen über die Theorie des Preises. 1889. Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises. 1889. Его же. Статья «Preis» въ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Böhm-Bawerk. Positive Theorie des Kapitals. 2 изд. 1900. F. J. Neumann. Die Gestaltung des Preises. Статья въ «Handbuch der Politischen Oekonomie» Шёнберга. 4-е изд. 1894.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ I.

1) «Продуктъ почвы... раздѣляется между тремя классами общества... Опредѣлить законы, регулирующіе это распредѣленіе, составляетъ главную задачу политической экономіи» Д. Рикардо. Начала Политической экономіи. Пер. Н. Зибера. 1882 г. предисловіе.

2) Въ отдѣлѣ распредѣленія будетъ выяснена методологическая не-

правильность и недопустимость такого способа разсмотрѣнія явленій распредѣленія, представляющихъ собой совершенно самостоятельную экономическую категорію, не сводимую къ явленіямъ обмѣна.

3) Свою извѣстную теорію цѣны Бемъ-Баверкъ развиваетъ на примѣрѣ продажи лошадей, причемъ предполагаетъ, что продаваемыя лошади имѣютъ для продавца самостоятельную цѣнность потребленія. См. его «Основы теоріи цѣнности хозяйственныхъ благъ» 1904.

4) Здѣсь мы касаемся очень сложнаго и запутаннаго соотношенія, которое легко можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Даже выдающіеся теоретики, при построеніи теоріи цѣны представляютъ нерѣдко дѣло такимъ образомъ, какъ будто бы цѣна каждаго отдѣльнаго товара устанавливается сравненіемъ цѣнности даннаго товара и цѣнности, какъ товара же, денегъ, за которыя первый товаръ пріобрѣтается. Конечно, денежный металлъ имѣетъ свою самостоятельную цѣнность. Золотая монета, напр., имѣетъ свою самостоятельную цѣнность, опредѣляемую цѣнностью золота, изъ котораго она сдѣлана. Мѣновая цѣнность золота выражается въ общемъ уровнѣ цѣнъ товаровъ—въ количествѣ всевозможнаго рода товаровъ, которые можно пріобрѣсть въ обмѣнъ на данное количество золота. Это мѣновая цѣнность золота—иначе говоря, общій уровень товарныхъ цѣнъ—опредѣляется соотношеніемъ цѣнности золота и товаровъ, на которые оно обмѣнивается. Цѣнность же золота, какъ товара, опредѣляется, въ свою очередь, тѣми же условіями, которыми опредѣляется и цѣнность всякаго другого товара,—золото такъ высоко цѣнится нами въ силу, съ одной стороны, его способности въ лучшей степени, чѣмъ другіе металлы, удовлетворять нашимъ потребностямъ въ украшеніяхъ, а, съ другой стороны, въ силу ограниченности запаса его въ нашемъ распоряженіи сравнительно съ нашей потребностью въ немъ. Этимъ опредѣляется мѣновая цѣнность золота,—иначе говоря, общій уровень товарныхъ цѣнъ, поскольку этотъ уровень зависитъ отъ цѣнности золота. Когда изслѣдованію подвергается общій уровень цѣнъ, тогда, конечно, золото должно разсматриваться какъ товаръ, имѣющій свою самостоятельную цѣнность. Но если дѣло идетъ не объ общемъ уровнѣ товарныхъ цѣнъ, а о различіяхъ цѣнъ отдѣльныхъ товаровъ, въ предѣлахъ этого общаго уровня, тогда методологически совершенно неправильно разсматривать золото, какъ товаръ, имѣющій свою самостоятельную цѣнность. Ибо *различія* цѣнъ въ предѣлахъ того же уровня не могутъ зависѣть отъ условій, опредѣляющихъ самый уровень. Почему цѣна шелковой матеріи выше, чѣмъ ситцевой, а цѣна мяса выше, чѣмъ цѣна хлѣба,—это ни малѣйшимъ образомъ не можетъ зависѣть отъ факторовъ, опредѣляющихъ цѣнность золота. Въ каждомъ отдѣльномъ актѣ покупки золото является для насъ просто покупательнымъ средствомъ, а отнюдь не самостоятельнымъ предметомъ потребленія и потому при анализѣ условій, опредѣляющихъ различія товарныхъ цѣнъ, представляется совершенно излишнимъ осложненіемъ разсматривать золото, какъ предметъ, имѣющій свою самостоятельную цѣнность. Методологическій пріемъ, употребленный въ текстѣ—полнаго отвлеченія отъ моментовъ, опредѣляющихъ *общій уровень товарныхъ цѣнъ*, для того, чтобы можно было въ наиболѣе чистомъ видѣ изслѣдовать моменты, опредѣляющіе *различія товарныхъ цѣнъ*,—вытекаетъ,

такимъ образомъ, изъ самаго характера изслѣдуемой проблемы. На это слѣдуетъ указать, ибо обычно при изложеніи теоріи цѣны вносится величайшая путаница благодаря несоблюденію этого пріема.

5) Этотъ несомнѣнный фактъ Маркса пытался опровергнуть своимъ ученіемъ о квалифицированномъ и неквалифицированномъ трудѣ. Марксъ принимаетъ, что лучше оплачиваемые роды сложнаго, обученнаго труда заключаютъ въ себѣ, какъ бы въ сжатомъ видѣ, умноженное количество простого необученнаго труда. Законы конкуренціи опредѣляютъ, по словамъ Маркса, сколько дней простого труда содержится въ одномъ днѣ сложнаго труда, и выраженіемъ этихъ различій является различія оплаты труда. Однако, на самомъ дѣлѣ различія этого послѣдняго рода отнюдь не могутъ быть сведены къ различію обученности рабочаго, какъ признаетъ въ одномъ любопытномъ примѣчаніи и самъ Марксъ, опрокидывая, такимъ образомъ, свое ученіе о сложномъ и простомъ трудѣ. „Разница между сложнымъ и простымъ трудомъ,—говоритъ именно Марксъ,—частью основывается только на мнѣніяхъ или, по крайней мѣрѣ, на различіяхъ, которыя уже давно не представляютъ ничего реальнаго и, превратясь въ условности, держатся еще только на традиціи; частью же она основывается на болѣе безпомощномъ положеніи нѣкоторыхъ слоевъ рабочаго класса, вслѣдствіе чего послѣдніе менѣе другихъ могутъ заставлять предпринимателей оплачивать ихъ рабочую силу по ея цѣнности“ (См. „Капиталъ“, т. I, стр. 144). Но если такъ, то нельзя ссылаться на конкуренцію, какъ на моментъ, „опредѣляющій, сколько дней простого неквалифицированнаго труда содержится въ одномъ днѣ сложнаго квалифицированнаго“, ибо, по собственному признанію Маркса, конкуренція выполняетъ эту функцію весьма плохо. Одинъ день труда худше оплачиваемыхъ рабочихъ можетъ содержать нисколько не меньше общественнаго труда, чѣмъ день труда рабочихъ, получающихъ высшую плату; но продуктъ, производимый первыми, въ соотвѣтствіи съ низшими издержками производства, будетъ расцѣниваться на рынкѣ ниже. Слѣдовательно, неравенство оплаты труда въ капиталистическомъ обществѣ препятствуетъ соотвѣтствію цѣнъ трудовымъ стоимостямъ.

6) Д. Рикардо. Начала политической экономіи. Глава I. Отд. 4.

7) Въ этомъ заключается сущность ученія Маркса о „цѣнѣ производства“ (Produktionspreis), развитаго Марксомъ въ III-мъ томѣ „Капитала“. Согласно этому ученію, „цѣны производства“—иначе говоря, реальныя средніе цѣны товаровъ—отклоняются отъ трудовыхъ стоимостей въ силу необходимости соотвѣтствовать затратамъ капитала.

8) Всѣ эти отклоненія цѣнъ отъ трудовыхъ стоимостей были вполнѣ точно поняты и установлены Рикардо. См. его „Начала политической экономіи“. Глава I.

9) Böhm-Bawerk. Positive Theorie des Kapitals. Стр. 225.

ГЛАВА II.

Деньги.

I. Возникновеніе денегъ и ихъ функціи. Различные товары, бывшіе деньгами. Почему всемірными деньгами стали золото и серебро. Функціи денегъ. II. Природа денегъ. Деньги не товаръ. Почему только нѣкоторые товары становятся деньгами. III. Цѣнность денегъ. Причина высокой цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ. Общій уровень товарныхъ цѣнъ. Количественная теорія денегъ. Количество денегъ въ обращеніи и общій уровень товарныхъ цѣнъ. Періодическія колебанія общаго уровня товарныхъ цѣнъ. Измѣненія добычи драгоцѣнныхъ металловъ и цѣны. Великая революція цѣнъ. Была ли она вызвана приливомъ американскаго серебра? Развитіе денежнаго хозяйства и цѣны. Что регулируетъ передвиженіе денегъ въ международной торговлѣ. IV. Монета и денежныя системы. Денежная единица. Монометаллическая и биметаллическая денежныя системы. Законъ Грешама. V. Исторія денежныхъ системъ въ 19 вѣкѣ. Золотой монометаллизмъ въ Англіи. Биметаллическая денежная система Франціи. Латинскій монетный союзъ. Крушеніе биметаллизма. Система хромающей валюты. Агитація биметаллистовъ. VI. Природа бумажныхъ денегъ. Различіе бумажныхъ денегъ отъ кредитныхъ документовъ. VII. Цѣнность бумажныхъ денегъ. Лажъ. Теорія лажа. Возникновеніе лажа въ международномъ обмѣнѣ. Несостоятельность количественной теоріи лажа. Цѣнность бумажныхъ денегъ въ товарахъ. Денежная утопія—всемірныя бумажныя деньги. Вредныя стороны бумажноденежнаго обращенія. VIII. Способы возстановленія валюты. Консолидація. Девальвація. Два типа ея. Экономическое значеніе девальваціи и консолидаціи. IX. Бумажныя деньги въ Россіи. Исторія нашихъ бумажныхъ денегъ. Переходъ къ золотому монометаллизму. Дополнительныя замѣчанія. Попытки уничтоженія денегъ.

I.

Обмѣнъ одного товара на другой является процессомъ сравнительно простымъ. Иное дѣло обмѣнъ товара на деньги. Для чего, прежде всего, требуется такое усложненіе? Не проще ли непосредственно обмѣнивать товары на товары?

Въ древнее время и въ средніе вѣка думали, что деньги возникли какъ результатъ законодательнаго акта. Именно въ го-

сударственномъ происхожденіи денегъ видѣли причину наиболѣе бросающейся въ глаза ихъ особенности—ихъ свойства быть предметомъ всеобщаго спроса. Продать товаръ трудно, но купить за деньги легко, что угодно—всякій охотно беретъ деньги.

Это свойство денегъ и казалось результатомъ особаго законодательнаго акта. Однако, фактическое изученіе исторіи денегъ показало, что законодательныхъ актовъ, впервые создавшихъ деньги, не было, и деньги возникали всегда незамѣтно и постепенно, какъ многіе другіе стихійные соціальные продукты,—напр., языкъ, обычаи и т. д. [1]). Нельзя указать въ исторіи момента, когда впервые появились деньги; онѣ неизбѣжно появлялись у всѣхъ народовъ на извѣстныхъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія. Обмѣнъ самъ собою, помимо какого бы то ни было соглашенія людей, порождаетъ на извѣстной и, притомъ, очень ранней ступени своего развитія, деньги. Натуральный обмѣнъ, т.-е. обмѣнъ продукта на продуктъ безъ посредства денегъ, встрѣчаетъ огромныя неудобства и трудности. При натуральномъ обмѣнѣ обмѣнъ можетъ совершаться лишь въ томъ случаѣ, если обѣ обмѣнивающіяся стороны нуждаются въ продуктахъ другъ друга. И даже этого мало — нужно, чтобы каждый изъ обмѣнивающихся нуждался какъ разъ въ такомъ количествѣ продукта другого, въ какомъ этотъ продуктъ предлагается къ обмѣну. Такое совпаденіе взаимной потребности въ соотвѣтствующихъ количествахъ соотвѣтствующихъ продуктовъ возможно, очевидно, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Къ этимъ двумъ затрудненіямъ натуральнаго обмѣна присоединяется еще третье, заключающееся въ трудности опредѣлить цѣнность поступающихъ въ обмѣнъ продуктовъ—приходится опредѣлять эту цѣнность въ цѣнности цѣлаго ряда другихъ продуктовъ, обмѣниваемыхъ на данный. Приходится строить длинныя уравненія цѣнъ, что дѣлаетъ почти невозможнымъ сколько нибудь опредѣленное измѣреніе цѣнности продукта.

Всѣ эти неустранимыя трудности натуральнаго обмѣна и приводятъ къ тому, что при сколько нибудь развитомъ обмѣнѣ естественно возникаютъ, такъ сказать, выкристаллизовываются въ обмѣнѣ деньги—тотъ или иной товаръ принимается въ обмѣнъ даже въ такихъ случаяхъ, когда онъ непосредственно и не нуженъ данному лицу, берущему, однако, этотъ товаръ въ расчетѣ, что его можно затѣмъ сбыть другому лицу. Такой товаръ, сбытъ котораго всего менѣе затруднителенъ и который принимается всѣми охотно именно въ виду этого его свойства, и является зачаточными деньгами. При этомъ характерно, что на первой ступени обмѣна деньгами является не одинъ, а обычно цѣлый

рядъ товаровъ, между цѣнностями которыхъ обычаемъ фиксируются опредѣленныя отношенія. Возникаютъ цѣлыя уравненія цѣнъ. Такъ, въ древней Германіи принималось, что 6 свиней = 1 быку, взрослый рабъ = 1 лошади, 24 шеффеля ржи = 16 шеффелямъ пшеницы = 12 шеффелямъ бобовъ = 120 курамъ и т. п. [2]). Благодаря неизмѣнности этихъ отношеній, закрѣпленныхъ обычаемъ, каждый могъ легко принимать въ обмѣнъ любой изъ товаровъ, цѣнность котораго была фиксирована. Товары съ закрѣпленной обычаемъ цѣнностью и играли роль денегъ, точнѣе, были зачаткомъ денегъ, которыя, слѣдовательно, первоначально пріурочивались не къ какому-либо одному товару, а къ цѣлымъ группамъ товаровъ [3]).

Но среди этихъ товаровъ далеко не всѣ были одинаково пригодны для роли денегъ, не всѣ одинаково охотно принимались всѣми. Мало-по-малу выдѣляются тѣ или иные товары, которые для даннаго народа въ данное время всего болѣе пригодны для того, чтобы быть деньгами. Такъ, у охотничьихъ народовъ деньгами естественно становятся шкуры и мѣха; у пастушескихъ — различнаго рода скотъ; у земледѣльческихъ — земледѣльческіе продукты—пшеница, рисъ, маисъ, табакъ и т. п. Мало предметовъ, которые гдѣ-нибудь не служили бы деньгами. Въ Новой Гвинеѣ деньгами служили рабы; въ Норвегіи—сушеная треска; въ Абиссиніи—поваренная соль. Почти всѣ болѣе распространенные металлы (не говоря уже о драгоцѣнныхъ) играли въ той или другой странѣ роль денегъ — такъ, напримѣръ, желѣзо, олово, свинецъ и мѣдь [4]). Въ центральной Африкѣ деньгами служили различныя ткани. Нерѣдко деньгами у дикихъ народовъ являются бусы. Адамъ Смитъ указываетъ, что въ Шотландіи въ гвоздарныхъ районахъ гвозди играли роль денегъ и т. д., и т. д.

Среди этихъ разнообразныхъ денежныхъ товаровъ нѣкоторые оказываются особенно пригодными для роли денегъ и становятся деньгами въ обширныхъ районахъ и на очень долгое время. Чрезвычайно знаменательно, что такими международными деньгами становятся по преимуществу предметы украшенія. Такъ, въ обширномъ бассейнѣ Индійскаго океана вплоть до новѣйшаго времени деньгами являлись связки раковинъ каури. Объясняется это тѣмъ, что при господствѣ натуральнаго хозяйства, когда каждый удовлетворяетъ свои важнѣйшія потребности собственнымъ трудомъ, предметы украшенія являются важнѣйшимъ предметомъ торговли, а, значитъ, и предметомъ наиболѣе широкаго спроса.

Среди предметовъ украшенія существуетъ одна группа пред-

метовъ, которая, въ свою очередь, всего болѣе пригодна для роли международныхъ денегъ — это драгоцѣнные металлы. И, дѣйствительно, мы видимъ, что во всемъ мірѣ, мало-по-малу, путемъ естественнаго, стихійнаго процесса, помимо какихъ бы то ни было соглашеній отдѣльныхъ народовъ и государствъ, деньгами становятся благородные металлы — золото и серебро. Между самыми разнообразными товарами шла, такъ сказать, борьба за существованіе въ роли денегъ, и побѣдителями въ этой борьбѣ вышли золото и серебро, и даже, точнѣе, именно золото.

Почему же? Потому что золото и серебро, въ силу своихъ естественныхъ свойствъ, всего болѣе пригодны быть деньгами. Эти металлы всего лучше могутъ исполнять функціи денегъ.

Основныхъ функцій денегъ три. Во-первыхъ, деньги являются мѣриломъ цѣнности товаровъ; во-вторыхъ, онѣ являются орудіемъ обмѣна товаровъ; въ третьихъ, онѣ являются законнымъ платежнымъ средствомъ. Въ качествѣ мѣрила цѣнности деньги функціонируютъ идеально—чтобы измѣрить цѣнность товара нѣтъ необходимости держать деньги въ рукахъ, какъ мы держимъ аршинъ при измѣреніи длины предмета. Въ качествѣ же орудія обмѣна или законнаго платежнаго средства деньги уже функціонируютъ въ реальной формѣ—чтобы купить за деньги или уплатить ими долгъ, нужно эти деньги имѣть въ своемъ распоряженіи. Функціи денегъ, какъ мѣрила цѣнности и орудія обмѣна, находятся въ неразрывной связи другъ съ другомъ; одна функція предполагаетъ другую и обратно. Обмѣнъ невозможенъ безъ сравненія цѣнностей, а сравненіе цѣнностей совершается въ обмѣнѣ.

Объ эти функціи не требуютъ особыхъ поясненій. Иное слѣдуетъ сказать о функціи денегъ, какъ законнаго платежнаго средства. Эта послѣдняя функція устанавливаетъ связь денегъ съ существующей системой права и этимъ отличается отъ двухъ первыхъ функцій. Первыя двѣ функціи возникаютъ стихійно и не требуютъ санкціи государства. Напротивъ, функція денегъ, какъ законнаго платежнаго средства, создается государствомъ—законодатель рѣшаетъ, по своему усмотрѣнію, какими предметами должны погашаться долговыя обязательства, и эти предметы въ силу этого становятся деньгами. Георгъ Кнаппъ, сдѣлавшій въ недавнее время попытку преобразовать все ученіе о деньгахъ, усматриваетъ самый существенный признакъ денегъ въ томъ, что онѣ являются законнымъ платежнымъ средствомъ. Дѣйствительно, въ своей наиболѣе выработанной формѣ, въ современ-

номъ государствѣ, деньги являются, прежде всего, законнымъ платежнымъ средствомъ и уже въ силу этого всеобщимъ мѣриломъ цѣнности и всеобщимъ орудіемъ обмѣна. Государство своей суверенной властью постановляетъ, что всякій существующій долгъ можетъ быть погашенъ при помощи уплаты такихъ-то и такихъ то знаковъ, подобно тому, какъ то же государство свое суверенной властью постановляетъ, что для доставленія письма по почтѣ требуется приклеить къ нему такіе-то и такіе-то почтовые знаки. Съ момента провозглашенія извѣстныхъ знаковъ законнымъ платежнымъ средствомъ, они становятся единственнымъ средствомъ погашенія всевозможныхъ платежныхъ обязательствъ между гражданами государства. А такъ какъ взаимныя платежныя обязательства охватываютъ собой важнѣйшія имущественныя отношенія частныхъ лицъ, то законное платежное средство естественно становится предметомъ всеобщаго спроса и начинаетъ функціонировать какъ всеобщее орудіе обмѣна и всеобщее мѣрило цѣнности.

Однако, хотя формально-юридически государство вполнѣ свободно признать законнымъ платежнымъ средствомъ любой предметъ хозяйственнаго оборота или даже создать для этого новые знаки (бумажныя деньги), экономическая жизнь ставитъ эту свободу въ опредѣленныя и очень узкія границы. Не всѣ предметы одинаково пригодны функціонировать въ качествѣ денегъ и потому государство оказывается вынужденнымъ провозглашать законнымъ платежнымъ лишь тѣ хозяйственные предметы, которые по своимъ естественнымъ свойствамъ всего болѣе пригодны для исполненія двухъ другихъ основныхъ функцій денегъ—всеобщаго мѣрила цѣнности и всеобщаго орудія обмѣна. Экономическая жизнь можетъ не признать законнаго платежнаго средства, провозглашеннаго таковымъ государствомъ — и тогда всѣ усилія государства превратить то, что юридически является деньгами въ реальныя деньги окажутся тщетными. Даже угроза гильотиной была безсильна заставить французское общество признавать деньгами ассигнаціи, выпускавшіяся революціоннымъ правительствомъ [5]).

Съ формально-юридической точки зрѣнія (на которой стоитъ Кнапп) функція денегъ, какъ законнаго платежнаго средства, является первичной, а функціи денегъ, какъ мѣрила цѣнности и орудія обмѣна, вторичными: объявляя тѣ или иные предметы законнымъ платежнымъ средствомъ, государство побуждаетъ гражданъ пользоваться этими предметами, какъ мѣриломъ цѣнности и орудіемъ обмѣна. Наоборотъ, съ экономической точки

зрѣнія функціи денегъ, какъ мѣрила цѣнности и орудія обмѣна, являются первичными, а функція денегъ, какъ законнаго платежнаго средства, является вторичной: ибо для того, чтобы тотъ или иной предметъ могъ удачно исполнять функцію платежнаго средства, онъ долженъ быть пригоденъ, по своей природѣ, для исполненія двухъ первыхъ функцій. Исторически, эти функціи задолго предшествуютъ правовой функціи, которая постепенно возникла изъ нихъ путемъ медленнаго развитія.

Изъ названныхъ основныхъ функцій денегъ вытекаютъ производныя: 1) какъ средства сохраненія цѣнности (деньги, какъ сокровище); 2) какъ средства перемѣщенія цѣнности (при пересылкѣ денегъ); 3) какъ орудія кредита (при отдачѣ денегъ въ долгъ). Каждая изъ этихъ производныхъ функцій вытекаетъ изъ какой-либо изъ основныхъ, но логически различается отъ нихъ. Напр., деньги функціонируютъ, какъ сокровище лишь потому, что онѣ являются орудіемъ обмѣна и законнымъ платежнымъ средствомъ. Точно также и остальныя производныя функціи денегъ вытекаютъ изъ основныхъ.

Исполненіе предметомъ функцій денегъ (и, прежде всего, основныхъ ихъ функцій) и дѣлаетъ предметъ деньгами. Деньги, такимъ образомъ, могутъ быть опредѣлены, какъ предметъ, исполняющій въ хозяйствѣ даннаго общества функціи всеобщаго мѣрила цѣнности, всеобщаго орудія обмѣна и законнаго платежнаго средства.

Таковы функціи денегъ—и если золото и серебро стали міровыми деньгами, то лишь потому, что именно эти металлы, въ силу своихъ естественныхъ свойствъ, всего лучше могутъ выполнять указанныя функціи.

Прежде всего они (главнымъ образомъ, золото) всего болѣе пригодны быть мѣриломъ цѣнности. Единица мѣры не должна сама подвергаться измѣненіямъ въ своей величинѣ. Мѣрило цѣнности не должно колебаться въ своей цѣнности. И вотъ мы видимъ, что цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ хотя и колеблется, но гораздо меньше цѣнности другихъ товаровъ. Цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ отличается сравнительной устойчивостью. Уже какъ предметъ украшенія золото должно колебаться въ своей цѣнности не такъ сильно, какъ предметы необходимости (согласно общему закону колебаній цѣнъ). Затѣмъ, потребленіе, пользованіе золотой вещью заключается не въ уничтоженіи ея (какъ напр. хлѣба), а въ сохраненіи. Поэтому, запасы драгоцѣнныхъ металловъ накапливаются изъ года въ годъ (конечно, часть

этихъ запасовъ уничтожается въ процессѣ пользованія, но эта часть незначительна); и хотя ежегодное производство драгоцѣнныхъ металловъ колеблется очень сильно—сильнѣе, чѣмъ, напр., ежегодное производство хлѣба—эти колебанія ничтожны по сравненію съ запасомъ драгоцѣнныхъ металловъ въ распоряженіи общества. Считаютъ, напр., что общій запасъ золота во всемъ мірѣ достигалъ въ 1900 г. приблизительно 20 милліардовъ рублей. Производство же золота въ этомъ году не достигало и 500 милліоновъ р., т.-е. $^1/_{40}$ всего золотого запаса. Значитъ, если бы производство золота въ слѣдующемъ году даже удвоилось, это очень мало отразилось бы на общемъ запасѣ золота въ рукахъ общества; иными словами, общее предложеніе золота, какъ товара, несмотря, на колебанія его ежегоднаго производства, представляетъ собой весьма устойчивую величину; такъ же устойчива и цѣнность золота, какъ товара, по сравненію съ цѣнностями другихъ товаровъ, быстро уничтожаемыхъ въ процессѣ потребленія.

Какъ орудіе обмѣна, деньги должны быть въ экономическомъ смыслѣ д ѣ л и м ы—ихъ цѣнность должна быть пропорціональна количеству, не должна исчезать при ихъ раздѣленіи на части. Лошадь, напр., въ экономическомъ смыслѣ недѣлима. Драгоцѣнные же металлы могутъ быть подраздѣляемы на любыя части безъ всякаго уменьшенія цѣнности. Затѣмъ, опять таки какъ орудіе обмѣна, деньги должны быть п о р т а т и в н ы—легко перемѣщаемы, для чего онѣ должны обладать высокой цѣнностью, ибо чѣмъ выше ихъ цѣнность (при данномъ вѣсѣ), тѣмъ меньше расходы на перемѣщеніе той же суммы цѣнности. И въ этомъ отношеніи золото, съ его высокой цѣнность, стоитъ выше большинства другихъ товаровъ. Легко себѣ представить, напр., какъ затруднительно было бы перемѣщеніе желѣзныхъ денегъ, при низкой цѣнности желѣза. Затѣмъ, для функціи денегъ, какъ сокровища, очень важна н е и з м ѣ н я е м о с т ь самаго вещества денегъ при храненіи. Благородные металлы, не измѣняющіеся подъ вліяніемъ атмосферическихъ воздѣйствій, особенно пригодны для этой функціи денегъ. Драгоцѣнные металлы обладаютъ, далѣе, о д н о р о д н о с т ь ю, л е г к о й о т л и ч и м о с т ь ю (вѣсъ, звонъ, внѣшній видъ), что также необходимо для орудія обмѣна.

Вотъ тѣ основныя причины, по которымъ міровыми деньгами стали драгоцѣнные металлы. Только драгоцѣнные металлы обладаютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, тѣми свойствами, которыя требуются отъ товара, являющагося деньгами—и потому золото и серебро стали всемірными деньгами. Золото и серебро не пред-

ставляютъ собой идеальныхъ денегъ—но они наилучшія деньги, изъ всѣхъ испробованныхъ человѣчествомъ.

II.

Что же такое деньги по своей природѣ? Экономисты 16-17 вѣковъ—меркантилисты—видѣли все богатство страны въ деньгахъ. Конечно они не были такъ глупы, чтобы думать, будто кромѣ золота и серебра общество ни въ чемъ не нуждается. Но они были убѣждены, что количество золота и серебра, которымъ располагаетъ страна, опредѣляетъ ея экономическое могущество, и потому разсматривали драгоцѣнные металлы, какъ богатство по преимуществу. Реакціей противъ этой точки зрѣнія явилось ученіе Смита, что деньги суть товаръ, подобный всѣмъ остальнымъ. Что же такое деньги—товаръ или нѣчто иное?

Всякій товаръ только временно находится въ сферѣ обращенія; товаръ можетъ переходить изъ рукъ въ руки, перепродаваться много разъ, но его конечное назначеніе заключается въ томъ, чтобы выйти изъ сферы обращенія и перейти въ общественное потребленіе. Если такой переходъ не осуществится—товаръ не исполнилъ своего естественнаго назначенія, оказался плохимъ товаромъ.

Напротивъ, назначеніе денегъ именно въ томъ и заключается чтобы пребывать въ сферѣ обращенія, не уходить изъ нея. Въ числѣ функцій денегъ нѣтъ функціи, которая выражалась бы въ переходѣ денегъ въ общественное потребленіе. Естественное назначеніе денегъ заключается не въ томъ, чтобы уходить изъ обращенія, а чтобы въ немъ всегда оставаться.

Всякій товаръ долженъ обладать способностью удовлетворять тѣмъ или инымъ общественнымъ потребностямъ внѣ сферы обмѣна. Поэтому товаръ не можетъ не обладать своей собственной цѣнностью; предметъ, не обладающій своей самостоятельной цѣнностью, никогда не можетъ стать товаромъ и поступить въ обмѣнъ.

Напротивъ, деньги, какъ таковыя, не служатъ никакимъ потребностямъ внѣ сферы обращенія; поэтому нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы деньгами были предметы, не имѣющіе никакой собственной самостоятельной цѣнности. Предметъ, не удовлетворяющій никакой общественной потребности внѣ сферы обмѣна, можетъ быть деньгами; примѣръ—бумажныя деньги. Быть можетъ, это плохія деньги; но плохія деньги все же деньги. Никто

не назоветъ бумажныя деньги товаромъ; но всѣ признаютъ ихъ свойство быть деньгами.

Итакъ, деньги, по своей внутренней природѣ, отнюдь не являются товаромъ. Товаръ можетъ стать деньгами; но функціонируя въ качествѣ денегъ онъ не функціонируетъ въ качествѣ товара—а функціонируя въ качествѣ товара онъ не функціонируетъ въ качествѣ денегъ.

Глубокое различіе экономической природы денегъ и товара ярче всего обнаруживается въ бумажныхъ деньгахъ—клочкахъ бумаги, не имѣющихъ никакой внутренней цѣнности, и тѣмъ не менѣе исполняющихъ всѣ функціи денегъ (въ томъ числѣ и мѣрила цѣнности). Но различіе природы денегъ и товара остается во всей своей силѣ и въ томъ случаѣ, когда деньгами становится какой либо товаръ (напр. золото). Деньги—это предметъ, исполняющій функціи денегъ, и такимъ предметомъ можетъ быть или товаръ, наиболѣе для этого пригодный (какъ драгоцѣнные металлы), или условный знакъ, созданный спеціально для этой цѣли обществомъ.

На деньги существуетъ неограниченный спросъ, а на товары спросъ ограниченъ. Деньги нужны всѣмъ, а каждый отдѣльный товаръ—только нѣкоторымъ. Но нельзя ли и всѣмъ товарамъ сообщить способность быть предметомъ всеобщаго спроса?

Нѣкоторые экономисты—напр. Прудонъ—мечтали придумать такую общественную организацію, при которой всѣ товары такъ же легко находили бы сбытъ, какъ теперь деньги [6]). Однако, Прудонъ не понималъ очень простой вещи—того, что золото и серебро стали деньгами именно потому, что они являются предметомъ всеобщаго спроса, а не наоборотъ, не потому стали предметомъ всеобщаго спроса, что они признаны деньгами. Иными словами, чтобы какой-либо товаръ сталъ предметомъ всеобщаго спроса, для этого нужно, чтобы онъ обладалъ свойствами золота и серебра. Но такъ какъ придать другимъ товарамъ физико-химическія свойства золота и серебра мы не можемъ, то мы не можемъ придать имъ и свойства денегъ.

III.

Мѣновая цѣнность товаровъ выражается въ деньгахъ; въ свою очередь, мѣновая цѣнность денегъ выражается во всѣхъ товарахъ. Иначе говоря, выраженіемъ мѣновой цѣнности денегъ является общій уровень товарныхъ цѣнъ. Чѣмъ же опредѣляется общій уровень товарныхъ цѣнъ?

Вопросъ этотъ настолько же важенъ, насколько и труденъ. Конечно, золото есть товаръ, цѣна же всякаго товара непосредственно опредѣляется соотношеніемъ спроса и предложенія, а болѣе отдаленно регулируется издержками производства, зависящими, въ свою очередь, отъ трудовыхъ затратъ. Цѣна денежнаго товара должна опредѣляться тѣми же факторами, но со своеобразными усложненіями, соотвѣтственно особенностямъ денежнаго товара.

Высокая цѣнность золота есть слѣдствіе незначительности количества этого товара въ распоряженіи человѣчества сравнительно съ огромнымъ спросомъ на него. Этотъ огромный спросъ обусловливается, прежде всего, привлекательностью золота, какъ предмета украшенія. Даже въ настоящее время, когда золото стало денежнымъ металломъ всего цивилизованнаго міра, отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ ежегодной добычи золота идетъ на промышленныя нужды, а не на нужды денежнаго обращенія. Въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, по разсчетамъ Зетбера, на промышленныя нужды затрачивалось больше половины ежегодной добычи золота. Промышленный спросъ на золото всецѣло объясняется свойствами золота, какъ предмета потребленія.

Между тѣмъ, какъ сказано, запасъ золота въ распоряженіи общества незначителенъ сравнительно со спросомъ на него. Эта относительная незначительность золотого запаса объясняется высокими издержками производства золота, обусловливаемыми, въ свою очередь, техническими причинами—высокой трудовой стоимостью золота. Нужно промыть сотни пудовъ песку для того, чтобы добыть нѣсколько золотниковъ золота—въ трудности его полученія заключается, безъ сомнѣнія, основная причина высокой цѣнности золота.

Итакъ, очень легко объяснить, почему золото цѣнится вообще такъ высоко,—почему оно цѣнится въ десятки разъ выше серебра, въ сотни разъ выше мѣди и въ тысячи разъ выше желѣза. Трудная проблема мѣновой цѣнности денежнаго металла коренится не въ этомъ, а въ объясненіи измѣненій общаго уровня товарныхъ цѣнъ, иначе говоря, мѣновой цѣнности денегъ, которыя наблюдаются отъ времени до времени. Чѣмъ вызываются эти измѣненія—измѣненіемъ цѣнности самого денежнаго металла или цѣнности другихъ товаровъ, покупаемыхъ на деньги? И та и другая причина должна приводить къ измѣненію товарныхъ цѣнъ. Если цѣнность золота, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ, повышается, а цѣнность другихъ товаровъ не испытываетъ перемѣнъ, то это должно вызывать пониженіе товарныхъ

цѣнъ; но совершенно такое же пониженіе товарныхъ цѣнъ можетъ быть вызвано и совершенно другой причиной—пониженіемъ цѣнности товаровъ при неизмѣнной цѣнности золота. Результатъ, по отношенію къ товарной цѣнѣ, будетъ одинъ и тотъ же, хотя вызвавшія его причины не имѣютъ ничего общаго и по всему своему назначенію для народнаго хозяйства различаются глубочайшимъ образомъ.

Въ этой формѣ вопросъ о причинахъ измѣненій общаго уровня товарныхъ цѣнъ замѣчаемыхъ отъ времени до времени, является до настоящаго времени однимъ изъ наиболѣе спорныхъ въ наукѣ. Нѣкоторые экономисты склонны объяснять такія измѣненія преимущественно измѣненіями цѣнности денежныхъ металловъ, другіе ищутъ причинъ измѣненій общаго уровня товарныхъ цѣнъ въ условіяхъ производства и сбыта самихъ товаровъ.

Такъ наз. количественная теорія денегъ утверждаетъ, что уровень товарныхъ цѣнъ въ каждой отдѣльной странѣ и въ каждый данный моментъ опредѣляется, при прочихъ равныхъ условіяхъ, количествомъ денегъ, которымъ страна располагаетъ. Если, при прочихъ равныхъ условіяхъ, количество денегъ въ странѣ увеличивается, то общій уровень цѣнъ, согласно этой теоріи, соотвѣтственно повышается, въ противномъ случаѣ соотвѣтственно понижается. Всякое реальное измѣненіе общаго уровня товарныхъ цѣнъ теорія эта склонна разсматривать, какъ результатъ измѣненія количества денежнаго запаса въ странѣ.

Теорія эта принадлежитъ къ числу наиболѣе старинныхъ и распространенныхъ экономическихъ теорій. На почвѣ этой теоріи стоялъ уже въ 16 вѣкѣ Жанъ Боденъ, объясняя повышеніе цѣнъ приливомъ изъ Америки огромныхъ количествъ серебра и золота; свое полное научное развитіе она получила въ работахъ самаго выдающагося экономическаго теоретика первой половины прошлаго вѣка—Рикардо—и до настоящаго времени имѣетъ очень многихъ сторонниковъ среди экономистовъ. Въ сущности, на почвѣ этой теоріи стоитъ огромное большинство экономистовъ средней руки, не склонныхъ къ углубленію въ теорію, и къ нимъ примыкаетъ въ своихъ разсужденіяхъ о цѣнѣ и денежномъ обращеніи вся публика, чуждая наукѣ, но охотно разсуждающая объ этихъ вопросахъ съ точки такъ наз. „простаго здраваго смысла“. Очень мало экономистовъ, которые такъ или иначе не находятся подъ вліяніемъ этой теоріи [7]).

Причина этой популярности количественной теоріи денегъ заключается въ ея простотѣ и кажущемся соотвѣтствіи общепринятой теоріи цѣны. Никто не сомнѣвается, что рыночная цѣна

опредѣляется соотношеніемъ спроса и предложенія. Общій уровень цѣнъ долженъ точно также опредѣляться соотношеніемъ спроса и предложенія; но въ чемъ выражается спросъ на товары? Не въ чемъ иномъ, какъ въ деньгахъ предлагаемыхъ для покупки товаровъ. Предложеніемъ же является сумма продаваемыхъ товаровъ. Какъ выводъ отсюда, повидимому, и получается количественная теорія денегъ, утверждающая зависимость средней цѣны отъ количества предлагаемыхъ товаровъ и количества имѣющихся въ странѣ денегъ. „Цѣнность денегъ—говоритъ Д. С. Милль,—при неизмѣнности остальныхъ обстоятельствъ, измѣняется обратно пропорціонально ихъ количеству: извѣстное увеличеніе ихъ количества понижаетъ цѣнность ихъ ровно въ такой же пропорціи, а извѣстное уменьшеніе поднимаетъ ее ровно въ такой же пропорціи“ [8]).

Однако, несмотря на свою кажущуюся соблазнительную ясность, разсматриваемая теорія отнюдь не можетъ считаться правильнымъ рѣшеніемъ занимающей насъ проблемы. Она представляетъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто бы въ странѣ всѣ имѣющіяся деньги однажды, въ опредѣленный моментъ, затрачиваются безъ остатка на пріобрѣтеніе товаровъ, а товары точно также однажды, въ опредѣленный моментъ, безъ остатка продаются на наличныя деньги. Представимъ себѣ, напр., что въ страну прибылъ издалека купецъ съ извѣстной суммой денегъ, которую онъ твердо рѣшилъ истратить безъ остатка на пріобрѣтеніе въ этой странѣ ея товаровъ, а жители этой страны точно также твердо рѣшили всѣ безъ остатка свои товары продать этому купцу; въ этомъ случаѣ общій уровень цѣнъ продаваемыхъ товаровъ опредѣлится, конечно, какъ частное отъ дѣленія суммы денегъ у купца на сумму продаваемыхъ товаровъ и долженъ правильно измѣняться въ зависимости отъ измѣненія суммы денегъ или товаровъ. Но спрашивается, соотвѣтствуетъ ли предположенная картина хотя бы въ малѣйшей степени дѣйствительнымъ условіямъ народнаго хозяйства?

Дѣйствительно ли въ современномъ хозяйствѣ всѣ деньги единовременно затрачиваются на покупку товаровъ, а всѣ товары единовременно продаются на наличныя деньги? Ничего подобнаго въ дѣйствительности мы, конечно, не наблюдаемъ и соотвѣтственно этому не наблюдается ничего подобнаго тѣмъ причиннымъ соотношеніямъ между количествомъ денегъ въ странѣ и общимъ уровнемъ товарныхъ цѣнъ, которыя предполагаются количественной теоріей денегъ.

Дѣйствительность представляетъ совершенно иную картину.

Прежде всего, покупки и продажи совершаются не однажды, въ какой-либо одинъ опредѣленный моментъ въ году, а непрерывно въ теченіе всего года. Благодаря этому, одно и то же количество денегъ можетъ совершить покупокъ на значительно большую сумму, чѣмъ та, которой сами эти деньги соотвѣтствуютъ: чѣмъ быстрѣе оборачиваются деньги, тѣмъ на большую сумму то же количество денегъ закупаетъ товаровъ. Если сто рублей будутъ однажды затрачены на покупку товаровъ, если они въ годъ обернутся только одинъ разъ, то при помощи этой денежной суммы будетъ куплено товаровъ на сто рублей; но если тѣ же сто рублей въ теченіе года обернутся пять разъ, то при помощи того же количества денегъ будетъ куплено товаровъ на 500 руб.; если та же денежная сумма обернется въ годъ сто разъ, то товаровъ будетъ куплено уже на 10000 р. Ускореніе скорости оборота денегъ совершенно равнозначуще по своему вліянію на товарныя цѣны съ увеличеніемъ количества денегъ—а эта скорость оборота денегъ не только не представляетъ собой какой либо неизмѣнной или очень незначительно измѣняющейся величины, а, наоборотъ, представляетъ собой величину въ высшей степени измѣнчивую.

Итакъ, при помощи той же денежной суммы можетъ быть предъявленъ спросъ на самыя различныя количества товаровъ въ зависимости отъ скорости оборота денегъ: чѣмъ скорѣе обращаются деньги, тѣмъ больше создаваемый ими спросъ. Но этого мало—товары покупаются вовсе не только на наличныя деньги; сверхъ того они покупаются и въ кредитъ, причемъ покупки въ кредитъ совершенно такъ же вліяютъ на товарныя цѣны, какъ и покупки на наличныя. Въ каждый данный моментъ лицо, располагающее кредитомъ, можетъ купить товаровъ на значительно большую сумму, чѣмъ его наличныя деньги—на сколько именно большую, сказать нельзя, такъ какъ все зависитъ отъ кредита, которымъ данное лицо располагаетъ. Для того, чтобы опредѣлить реальные размѣры общественнаго спроса, мы должны прибавить ко всѣмъ покупкамъ на наличныя (не находящимся ни въ какомъ опредѣленномъ соотношеніи съ количествомъ денегъ въ странѣ) еще всю сумму покупокъ въ кредитъ—еще менѣе зависящимъ отъ денежныхъ запасовъ страны.

Съ другой стороны, далеко не всѣ деньги, имѣющіяся въ странѣ, затрачиваются на покупку товаровъ и, слѣдовательно, вліяютъ на товарныя цѣны; деньги исполняютъ не только функцію орудія обмѣна, но и цѣлый рядъ другихъ функцій—функціи платежнаго средства, средства перемѣщенія цѣнностей, средства

кредита; при исполненіи всѣхъ этихъ функцій деньги перемѣщаются въ народномъ хозяйствѣ, не вліяя непосредственно на товарныя цѣны. Но особенно важно то, что далеко не весь денежный запасъ страны находится въ обращеніи: помимо всѣхъ перечисленныхъ функцій, деньги еще выполняютъ функцію сохраненія цѣнности. Правда, въ капиталистическомъ хозяйствѣ деньги не хранятся отдѣльными лицами, какъ сокровище; но зато въ капиталистическомъ хозяйствѣ возникаетъ новая потребность сохраненія въ неподвижности огромныхъ запасовъ денегъ—въ видѣ резервовъ въ кассахъ банковъ и у частныхъ лицъ въ видѣ кассовой наличности. И частное лицо и особенно банкъ должны имѣть наготовѣ большія или меньшія суммы денегъ для того, чтобы имѣть возможность во всякое время исполнять свои обязательства. Такимъ образомъ, въ каждой странѣ имѣются громадныя суммы золота и серебра, праздно лежащаго въ кладовыхъ банковъ и кассахъ частныхъ лицъ и совершенно не циркулирующаго.

Эти не циркулирующія деньги, очевидно, не могутъ оказывать никакого вліянія на товарныя цѣны. Если торговля оживаетъ, производство увеличивается, товарныя цѣны растутъ и рынокъ требуетъ большаго количества денегъ въ обращеніи, то требуемое количество денегъ берется изъ денежныхъ резервовъ, которые сокращаются. Количество же звонкой монеты въ странѣ отъ этого не измѣняется. Наоборотъ, при сокращеніи торговли, количество денегъ въ обращеніи сокращается и соотвѣтственно увеличиваются кассовыя резервы. Если, по условіямъ международнаго обмѣна, въ страну приливаетъ звонкая монета, а общія условія рынка таковы, что увеличенія денегъ во внутреннемъ обращеніи страны не требуется, то эта вновь прибывающая въ страну звонкая монета скопляется въ кладовыхъ банковъ. Такимъ образомъ, не цѣны регулируются количествомъ звонкой монеты въ странѣ, а количество звонкой монеты въ обращеніи регулируется цѣнами товаровъ.

Основная ошибка количественной теоріи денегъ заключается въ томъ, что она сближаетъ или даже отождествляетъ общественный спросъ съ количествомъ денегъ въ странѣ. Но одно не имѣетъ никакого непосредственнаго соотношенія съ другимъ. Общая сумма покупокъ и продажъ въ странѣ въ теченіе хотя бы года обычно во много разъ превышаетъ сумму денегъ, которой страна располагаетъ. Такъ, напримѣръ, считаютъ, что общая сумма металлическихъ и непокрытыхъ металломъ бумажныхъ де-

негъ, которой располагаетъ Англія, не превышаетъ 150 милліоновъ ф. с. Между тѣмъ, сумма оборотовъ только лондонской расчетной палаты превышетъ въ годъ 10.000 милліоновъ фун. ст., т. е. обороты только лондонскихъ кредитныхъ учрежденій превышаютъ въ годъ почти въ семьдесятъ разъ общую сумму денегъ всякаго рода, которой располагаетъ вся страна.

Сторонники разсматриваемой теоріи предполагаютъ, что всякое увеличеніе суммы денегъ въ странѣ соотвѣтственно увеличиваетъ общественный спросъ. Такъ, напримѣръ, Милль разсматриваетъ воображаемый имъ случай, что у каждаго въ его кассѣ внезапно удвоилось количество денегъ и приходитъ къ заключенію, что такое удвоеніе денегъ было бы равносильно удвоенію спроса на товары и, слѣдовательно, не могло бы не вызвать соотвѣтствующаго повышенія товарныхъ цѣнъ. „Если бы все количество находящихся въ обращеніи денегъ удвоилось—говоритъ онъ—цѣны удвоились бы“ [9]).

Но легко понять, что въ этомъ разсужденіи Милль дѣлаетъ грубую ошибку, а именно смѣшиваетъ количество денегъ въ кассѣ съ размѣромъ покупательной силы въ распоряженіи даннаго лица. У какого-нибудь Ротшильда можетъ быть въ наличности въ его кассѣ лишь очень незначительная сумма денегъ, и если бы эта сумма внезапно удвоилась, то, конечно, это даже самымъ отдаленнымъ образомъ не было бы равносильно удвоенію богатства Ротшильда и удвоенію покупательной силы въ его распоряженіи. Покупательная сила каждаго лица опредѣляется его имуществомъ и его доходомъ, а вовсе не незначительной суммой наличныхъ денегъ, которыми это лицо въ данный моментъ располагаетъ. Поэтому удвоеніе количества наличныхъ денегъ въ кассахъ всѣхъ членовъ даннаго общества вовсе не равносильно удвоенію покупательной силы въ распоряженіи общества; для болѣе богатой части общества такое удвоеніе означаетъ лишь незначительное приращеніе ихъ богатства.

Затѣмъ непонятно, почему увеличеніе суммы денегъ въ распоряженіи даннаго лица должно непремѣнно вести къ увеличенію закупокъ съ его стороны; добавочныя деньги могутъ быть просто сбережены и совсѣмъ не поступить на товарный рынокъ, а деньги, не затрачиваемыя на покупки, не могутъ и вліять на товарныя цѣны.

Итакъ, мы должны рѣшительно отвергнуть количественную теорію денегъ—„прочія равныя условія“, предполагаемыя этой теоріей, въ дѣйствительности не равны и въ высшей степени измѣнчивы [10]). Количество денегъ въ странѣ не оказываетъ,

при тѣхъ условіяхъ, которыя наблюдаются въ дѣйствительности, непосредственнаго вліянія на общій уровень товарныхъ цѣнъ, ибо спросъ на товары можетъ испытывать очень значительныя колебанія при неизмѣнности денежнаго запаса и лучшимъ доказательствомъ этого являются огромныя періодическія колебанія уровня товарныхъ цѣнъ, которыя наблюдаются въ новѣйшее время и которыя, никоимъ образомъ, не могутъ быть въ связи съ количествомъ денегъ. Каждое десятилѣтіе въ 19 вѣкѣ наблюдается волна повышенія и пониженія товарныхъ цѣнъ подъ вліяніемъ фазисовъ капиталистическаго цикла (сущность котораго будетъ разъяснена въ концѣ курса). Въ повышательномъ фазисѣ цикла цѣны стоятъ очень высоко, затѣмъ слѣдуетъ кризисъ и цѣны падаютъ очень низко. Между тѣмъ, количество денегъ въ странѣ не испытываетъ существенныхъ измѣненій: въ первомъ фазисѣ въ обращеніе поступаютъ деньги изъ тѣхъ резервуаровъ, въ которыхъ онѣ раньше праздно лежали и, кромѣ того, чрезвычайно увеличиваются покупки въ кредитъ, во второмъ фазисѣ количество денегъ въ обращеніи сокращается, а праздно лежащіе металлическіе запасы увеличиваются и въ то же время сокращаются покупки въ кредитъ. Такимъ образомъ, количество денегъ въ обращеніи регулируется общимъ уровнемъ товарныхъ цѣнъ, а не этотъ послѣдній регулируется денежнымъ запасомъ.

Въ исторіи хозяйства мы знаемъ двѣ эпохи, когда количество драгоцѣнныхъ металловъ въ распоряженіи цивилизованнаго человѣчества увеличилось очень значительно — это, во-первыхъ, эпоха открытія Америки и, во-вторыхъ, эпоха открытія калифорнійскихъ и австралійскихъ рудниковъ въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ закончившагося вѣка.

Открытіе Америки привело къ полному преобразованію условій снабженія Европы драгоцѣнными металлами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдовала и такъ-называемая великая революція цѣнъ. И по обычному взгляду революція эта была непосредственно вызвана увеличеніемъ количества денегъ въ обращеніи. „Со времени Жана Бодена,—утверждаютъ, напримѣръ, столь компетентные авторы, какъ Нассе и Лексисъ,—никто не возбуждалъ серьезнаго и обоснованнаго сомнѣнія, что причина революціи цѣнъ 16 вѣка заключалась въ американскомъ производствѣ серебра“ [11]). Но если такъ, если, дѣйствительно, измѣненіе количества драгоцѣнныхъ металловъ въ Европѣ въ 16 вѣкѣ вызвало революцію товарныхъ цѣнъ, то, значитъ, количественная теорія подтверждается фактами.

Такъ ли это, мы сейчасъ увидимъ. Прежде всего, каковы раз-

мѣры этой революціи? Современники и, въ частности, Боденъ, думали, что въ 16 вѣкѣ произошло огромное общее повышеніе цѣнъ—по крайней мѣрѣ, въ десять разъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Затѣмъ стали говорить о повышеніи цѣнъ въ шесть разъ (Ортицъ). Смитъ предполагалъ, что цѣны повысились въ три или четыре раза. Новѣйшій изслѣдователь этого вопроса, располагавшій значительно большимъ фактическимъ матеріаломъ, чѣмъ его предшественники, Вибе, приходитъ къ тому выводу, что въ 16—17 вѣкѣ въ Эльзасѣ и Франціи товарныя цѣны повысились, въ среднемъ, приблизительно вдвое, въ Англіи въ два съ половиной раза, въ Испаніи, быть можетъ, такъ же, какъ и въ Англіи, а въ Италіи совсѣмъ не повысились или повысились очень незначительно. Вообще, по мнѣнію Вибе, „замѣчательно, что каждое новое изслѣдованіе приходитъ къ признанію меньшаго и меньшаго размѣра происшедшаго обезцѣненія денегъ“ [12]).

И такъ, размѣры „революціи цѣнъ“ 16 вѣка были далеко не такъ грандіозны, какъ это казалось современникамъ, привыкшимъ къ устойчивости общаго уровня товарныхъ цѣнъ въ средніе вѣка. Но все же фактъ значительнаго повышенія товарныхъ цѣнъ во многихъ странахъ 16 вѣка западной Европы и, особенно, Англіи, не можетъ подвергаться сомнѣнію. Чѣмъ же было вызвано это повышеніе?

Самъ Вибе приходитъ къ тому выводу, что единственной общей причиной, которая могла вызвать такое общее явленіе, какъ повышеніе цѣнъ большинства товаровъ сельскохозяйственнаго производства (именно эти товары преимущественно повысились въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ цѣны фабрикатовъ повысились гораздо менѣе) могло быть только увеличеніе производства драгоцѣнныхъ металловъ и, въ частности, серебра. Однако, заключеніе Вибе построено всецѣло на томъ, что никакой иной общей причины происшедшаго общаго измѣненія цѣнъ онъ указать не можетъ. Разсуждая по методу остатковъ, онъ признаетъ такой причиной приливъ серебра изъ Америки. Но заключенія по методу остатковъ всегда мало убѣдительны, такъ какъ крайне трудно установить, что никакая другая причина, кромѣ имѣющейся въ виду, не могла вызвать данное явленіе.

Въ частности, можно совершенно удовлетворительно объяснить повышеніе уровня цѣнъ въ 16 вѣкѣ и не становясь на почву количественной теоріи денегъ, какъ это дѣлаетъ Вибе, равно какъ и другіе изслѣдователи этой эпохи. Прежде всего, нужно отрѣшиться отъ мысли, что повышеніе цѣнъ земледѣльческихъ

продуктовъ втеченіе столѣтія на 100—150 % представляетъ собой нѣчто совершенно исключительное. Возьмемъ, напр. Россію. Цѣна важнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ поднялась за 19 вѣкъ въ Россіи во всякомъ случаѣ не въ меньшей пропорціи, мы пережили за это время нисколько не меньшую революцію цѣнъ, чѣмъ западная Европа въ 16 вѣкѣ и, однако, для объясненія этой революціи вовсе не приходится прибѣгать къ количественной теоріи денегъ. Причина повышенія цѣнъ въ Россіи объясняется, по общему мнѣнію, тѣмъ, что въ Россіи за это время происходило быстрое развитіе денежнаго хозяйства, а этотъ процессъ всегда сопровождается поднятіемъ товарныхъ цѣнъ. При господствѣ натуральнаго хозяйства правильный и постоянный денежный спросъ на продукты отсутствуетъ. Ростъ денежнаго хозяйства выражается прежде всего въ появленіи усиленнаго спроса на тѣ продукты домашняго производства, которые въ прежнее время производились и потреблялись въ предѣлахъ одного и того же хозяйства; именно этотъ усиленный денежный спросъ и разбиваетъ границы натуральнаго хозяйства. Продуктъ начинаетъ продаваться по повышеннымъ цѣнамъ и потому процессъ превращенія натуральнаго хозяйства въ денежное неизмѣнно сопровождается, какъ убѣждаетъ насъ повседневный опытъ, повышеніемъ общаго уровня цѣнъ продуктовъ, производившихся раньше для собственнаго потребленія. И теперь мы нерѣдко можемъ наблюдать этотъ процессъ при проведеніи напр. новой желѣзнодорожной линіи въ глухой мѣстности съ натуральнымъ хозяйствомъ. Въ результатѣ происходитъ общее повышеніе цѣнъ всякаго рода продуктовъ мѣстнаго производства, въ особенности продуктовъ сельскаго хозяйства и разнаго рода сырья.

Именно въ энергичномъ развитіи въ западной Европѣ 16 в. денежнаго хозяйства и слѣдуетъ видѣть основную причину связанной съ этой эпохой революціи цѣнъ. Въ 16 вѣкѣ въ западной Европѣ закладываются основы существующаго капиталистическаго строя — развиваются новыя формы промышленности, быстро растетъ торговля, измѣняются условія сельскаго хозяйства, растетъ городъ насчетъ деревни, и подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ перемѣнъ наблюдается въ важнѣйшихъ странахъ Европы приростъ населенія, долгое время передъ этимъ бывшаго въ стаціонарномъ состояніи—причемъ этотъ приростъ приходится преимущественно на города. Ростъ города былъ равносиленъ росту денежнаго спроса на сельскохозяйственные продукты. Все это совершенно достаточно для объясненія послѣдовавшаго повышенія цѣнъ. И только такое

объясненіе „великой революціи цѣнъ“ согласуется съ фактами, рѣшительно неукладывающимися въ рамки количественной теоріи, въ которыя ихъ желаютъ уложить сторонники послѣдней.

Такъ, прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію, что повышеніе цѣнъ началось задолго до того, какъ въ Европу стали прибывать значительныя количества американскаго серебра (что касается до золота, то увеличеніе его добычи было, сравнительно, очень незначительно и никакого вліянія на цѣны оказать не могло). Весьма значительное повышеніе цѣнъ произошло уже въ первой половинѣ 16 вѣка, а серебро стало прибывать въ Европу въ большихъ количествахъ только во второй половинѣ вѣка. Этотъ фактъ никакъ не согласуется съ мнѣніемъ, что великая революція цѣнъ была вызвана подвозомъ американскаго серебра; и потому многіе изслѣдователи, объясняющіе повышеніе цѣнъ во вторую половину вѣка приливомъ американскаго серебра, для первой половины принуждены искать другой причины. Гельферихъ, напр., видитъ важнѣйшую причину повышенія цѣнъ до 1560 г. „въ дѣйствіи происшедшихъ измѣненій въ обращеніи денегъ“ — въ томъ, что въ средніе вѣка драгоцѣнные металлы сохранялись въ видѣ сокровища, а съ наступленіемъ новаго времени стали поступать въ обращеніе, и что одновременно съ этимъ стали развиваться сдѣлки въ кредитъ [13]). Но именно въ этомъ и сказывалось развитіе денежнаго хозяйства.

Если же повышеніе цѣнъ въ первую половину 16 вѣка было вызвано другими причинами, а не приливомъ американскаго серебра, то почему продолженіе того же процесса повышенія цѣнъ слѣдуетъ приписывать измѣненію количества драгоцѣнныхъ металловъ? Почему развитіе денежнаго хозяйства не могло и во второй половинѣ вѣка создать повышательное движеніе цѣнъ?

Затѣмъ слѣдуетъ признать весьма характернымъ, что наибольшее повышеніе цѣнъ обнаружилось въ Англіи—странѣ, въ которую непосредственно не притекало американское серебро, но въ которой процессъ развитія новаго хозяйственнаго строя шелъ наиболѣе интенсивно и которая пережила въ 16 вѣкѣ цѣлую аграрную революцію.

Если бы общее повышеніе цѣнъ въ 16 вѣкѣ было вызвано приливомъ американскаго серебра, то слѣдовало бы ожидать такой картины. Повышеніе должно было бы начаться во второй половинѣ вѣка и наиболѣе рѣзко выразиться въ той странѣ, которая непосредственно получала это серебро—въ Испаніи. Затѣмъ, мало-по-малу, по мѣрѣ распространенія между отдѣльными стра-

нами міра испанскаго серебра при помощи торговли, повышеніе должно было бы захватывать и другія страны.

Дѣйствительность даетъ намъ картину совсѣмъ другого рода. По словамъ того же Вибе, „большая часть повышенія цѣнъ (въ Испаніи) приходится на время до 1560 г.“ [14]), т.-е. когда приливъ значительныхъ количествъ серебра изъ Америки едва начался. Наибольшее повышеніе цѣнъ въ 16 вѣкѣ обнаружилось, какъ признаетъ Вибе, въ Англіи, причемъ это повышеніе началось до 1560 г.—т.-е. до того времени, когда испанское серебро могло, путемъ торговли, притекать въ Англію [15]). Не доказываютъ ли это несостоятельность обычнаго объясненія „великой революціи цѣнъ“ приливомъ американскаго серебра?

Это чувствуетъ, по видимому, и самъ Вибе, упорствующій, тѣмъ не менѣе, на обычномъ объясненіи, ставшемъ, какъ видно изъ вышецитированныхъ словъ Нассе и Лексиса, какъ бы догматомъ вѣры современной экономической науки. Чтобы пойти противъ догмата, требуется извѣстное мужество, а Вибе имъ не обладаетъ. Тѣмъ не менѣе, изъ-подъ его пера выливаются слѣдующія строки: „Пока царила количественная теорія, не чувствовалось потребности искать другой причины революціи цѣнъ, такъ какъ очень значительное увеличеніе количества денегъ несомнѣнно имѣло мѣсто. Но... чѣмъ тщательнѣе изслѣдовалась хозяйственная исторія того времени, тѣмъ менѣе стала обнаруживаться наклонность признавать причиной такой значительной и глубокой революціи только увеличеніе количества денегъ“ [16]). Это совершенно вѣрно, и жаль, что самъ Вибе еще не освободился изъ-подъ власти количественной теоріи и потому остановился на полудорогѣ...

Конечно, приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки не былъ фактомъ безразличнымъ въ хозяйственной исторіи Европы; если бы этого прилива не было, то Европа въ 16 вѣкѣ, съ ея быстро развивавшимся денежнымъ хозяйствомъ, могла бы почувствовать извѣстный недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ, что должно было бы повести къ развитію сдѣлокъ въ кредитъ или ускоренію оборотовъ денегъ. Это могло бы сдѣлать темпъ развитія денежнаго хозяйства менѣе быстрымъ, но все же цѣны должны были бы подняться подъ вліяніемъ роста денежнаго хозяйства; приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки былъ обстоятельствомъ, лишь содѣйствовавшимъ развитію денежнаго хозяйства и росту товарныхъ цѣнъ, но отнюдь не конечной причиной, вызвавшей всѣ эти сложные процессы.

Другой эпохой, когда добыча драгоцѣнныхъ металловъ (золота)

внезапно увеличилась не менѣе значительно, были 50-е годы закончившагося вѣка, эпоха открытія калифорнійскихъ розсыпей и австралійскихъ рудниковъ. И въ это время многіе экономисты настаивали на обезцѣненіи золота подъ вліяніемъ увеличенія его добычи; но если въ это время и наблюдалось повышеніе товарныхъ цѣнъ, то такое незначительное, что самый фактъ его очень споренъ. Во всякомъ случаѣ, исторія цѣнъ этого времени не даетъ никакихъ основаній заключать о какомъ-либо непосредственномъ вліяніи австралійскаго и калифорнійскаго золота [17]).

Однимъ изъ главныхъ аргументовъ Рикардо въ пользу количественной теоріи денегъ являлось то соображеніе, что если бы товарныя цѣны не регулировались количествомъ денегъ въ странѣ, то деньги могли бы совершенно, безъ остатка, уйти изъ страны. Предположимъ, напр., что страна больше ввозитъ товаровъ, чѣмъ вывозитъ ихъ, и должна оплачивать свой избыточный ввозъ звонкой монетой. Если бы такое положеніе дѣла длилось долгое время, то страна, въ концѣ концовъ, должна была бы совершенно лишиться звонкой монеты. Но, несомнѣнно, ничего подобнаго въ дѣйствительности не наблюдается; очевидно, существуетъ какая-то скрытая сила, которая возвращаетъ деньги въ страну. [18]) Что же это за сила? По мнѣнію Рикардо, не что иное, какъ непосредственное вліяніе количества денегъ въ странѣ на общій уровень товарныхъ цѣнъ: чѣмъ меньше въ странѣ остается денегъ, тѣмъ выше подымается ихъ цѣнность и тѣмъ ниже падаютъ цѣны товаровъ; паденіе же товарныхъ цѣнъ содѣйствуетъ усиленію вывоза туземныхъ товаровъ за границу и задерживаетъ иностранный ввозъ въ страну—слѣдовательно, за усиленнымъ ввозомъ товаровъ не можетъ не послѣдовать усиленный вывозъ товаровъ и, такимъ образомъ, деньги вернутся въ страну.

Что въ наличности имѣются факторы, препятствующіе отливу изъ страны денегъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; въ противномъ случаѣ, каждая страна періодически испытывала бы, въ зависимости отъ колебаній своей иностранной торговли, то крайній недостатокъ, то избытокъ въ деньгахъ, которыя распредѣлялись бы между отдѣльными странами въ зависимости отъ случайностей внѣшней торговли. На самомъ же дѣлѣ, мы видимъ, что за каждымъ отливомъ денегъ изъ данной страны за границу неизмѣнно слѣдуетъ, какъ общее правило, обратный приливъ денегъ въ данную страну изъ-за границы. Значитъ есть какой то механизмъ, обезпечивающій каждый странѣ достаточное количество денегъ въ ея внутреннемъ обращеніи. Въ признаніи существованія такого механизма

Рикардо совершенно правъ; не правъ онъ только въ его объясненіи—механизмъ обратнаго прилива денегъ можетъ быть объясненъ и не прибѣгая къ количественной теоріи денегъ.

Дѣло въ томъ, что отливъ денегъ изъ страны обычно не что иное, какъ выраженіе прилива въ страну товаровъ: деньги уходятъ за границу не даромъ, а въ обмѣнъ на товары. Но увеличеніе предложенія товаровъ на рынкѣ данной страны имѣетъ тенденцію понижать въ ней товарныя цѣны—не потому, что количество денегъ въ странѣ сократилось, а потому, что предложеніе въ ней товаровъ увеличилось. Пониженіе же товарныхъ цѣнъ, поощряя вывозъ и задерживая ввозъ, непосредственно приводитъ къ тому, что направленіе потока драгоцѣнныхъ металловъ измѣняется и драгоцѣнные металлы начинаютъ возвращаться въ ту страну, откуда они раньше уходили. Ошибка Рикардо заключалась, слѣдовательно, въ томъ, что онъ искалъ причины измѣненія товарныхъ цѣнъ въ области предложенія денегъ, вмѣсто того, чтобы искать этой причины въ области предложенія товаровъ [19]).

Чѣмъ же опредѣляются, въ концѣ концовъ, измѣненія общаго уровня товарныхъ цѣнъ? Измѣненіями цѣнности товаровъ, измѣненіями условій спроса и предложенія по отношенію къ каждому отдѣльному роду товаровъ и всѣхъ ихъ въ совокупности. Самостоятельная же цѣнность денегъ представляетъ собой мало измѣняющую, устойчивую величину; въ силу разнообразія функцій денегъ, предложеніе денегъ на товарномъ рынкѣ автоматически приспособляется къ спросу на нихъ—чѣмъ и объясняется эта устойчивость.

Конечно, мы можемъ представить себѣ положеніе, при которомъ цѣнность денежнаго металла измѣнится подъ вліяніемъ своихъ собственныхъ причинъ и вызоветъ обратное измѣненіе общаго уровня товарныхъ цѣнъ. Если бы напр. золотой запасъ въ распоряженіи человѣчества увеличился въ нѣсколько лѣтъ во много разъ или если бы стоимость добыванія золота понизилась напр, до стоимости добыванія серебра, то это не могло бы не повліять на цѣнность золота и, слѣдовательно, на товарныя цѣны. Цѣны должны были бы повыситься. Какимъ же образомъ произошло бы это повышеніе цѣнъ, какимъ образомъ міровой товарный рынокъ учелъ бы пониженіе цѣнности золота? Очевидно, слѣдующимъ образомъ. Огромное увеличеніе добычи золота вызвало бы увеличеніе спроса на всевозможные товары со стороны населенія, занятаго добычей золота. Въ районахъ добычи золота произошло бы повышеніе общаго уровня товарныхъ цѣнъ; это

вызвало бы усиленный подвозъ къ этимъ районамъ товаровъ изъ другихъ мѣстъ. И такимъ образомъ, мало по малу, по концентрическимъ кругамъ, волна повышенія распространялась бы дальше и дальше, охватывала все большую и большую часть всего мірового хозяйства. Нѣчто подобное замѣчалось—но въ ничтожныхъ размѣрахъ—при открытіи золота въ Колифорніи и и Австраліи: товарныя цѣны въ этихъ мѣстностяхъ повысились въ нѣсколько разъ, что имѣло своимъ послѣдствіемъ огромное увеличеніе подвоза въ Калифорнію и Австралію товаровъ изъ другихъ мѣстъ. Но этотъ новый спросъ на товары, созданный увеличеніемъ добычи золота, составлялъ по отношенію ко всему міровому спросу на товары совершенно незначительную величину и потому не оказалъ замѣтнаго вліянія на міровой рынокъ. Чтобы существенно измѣнить міровую цѣнность денежныхъ металловъ, требуется такое огромное увеличеніе ихъ добычи, примѣровъ котораго исторія пока не представляла [20]).

IV.

Хотя деньги возникли какъ результатъ стихійнаго процесса обмѣна, тѣмъ не менѣе для своего полнаго развитія онѣ требуютъ санкціи государственной власти, признающей данный предметъ деньгами, т.-е. законнымъ платежнымъ средствомъ. Такая государственная санкція требуется самымъ существомъ денегъ, какъ законнаго платежнаго средства. Свою специфическую форму—форму монеты—деньги принимаютъ лишь благодаря государству. Монета есть слитокъ денежнаго металла, на которомъ отпечатаны извѣстные знаки, какъ удостовѣреніе того, что данному слитку государство присваиваетъ опредѣленную платежную силу. Первоначальная форма монетъ была весьма разнообразна: были овальныя монеты, восьмиугольныя, четыреугольныя и др. Но въ концѣ концовъ восторжествовала форма диска, на что имѣлись свои основанія. Чтобы монета удовлетворительно выполняла свои функціи, необходимо, чтобы ея дѣйствительный вѣсъ соотвѣтствовалъ удостовѣряемому чеканкой. Поэтому, необходимо придавать монетѣ такую форму, при которой она бы наименѣе стиралась при употребленіи, а такой формой и является форма диска. Всего болѣе соотвѣтствовала бы этой цѣли форма шара, но такія монеты были бы неудобны въ обращеніи.

Монеты изъ чистаго золота или серебра были бы слишкомъ мягки и скоро стирались; поэтому ихъ чеканятъ съ примѣсью неблагородныхъ металловъ (лигатурой). Лигатура обычно составляетъ $^1/_{10}$ вѣса

монеты (золотыя монеты Россіи, Латинскаго монетнаго союза, Германіи, Австро-Венгріи, Соединенныхъ Штатовъ; но въ Англіи лигатура составляетъ $^1/_{12}$ вѣса золотой монеты). Примѣсь лигатуры увеличиваетъ твердость монеты. Тѣмъ не менѣе монеты стираются. Границы допускаемыхъ уклоненій вѣса монеты отъ установленнаго образца опредѣляются закономъ, и монеты низшаго вѣса извлекаются изъ обращенія.

Денежной единицей (валютой) называется денежный знакъ, признаваемый государствомъ основаніемъ для измѣренія и погашенія платежныхъ обязательствъ. Металлъ денежной единицы является мѣриломъ цѣнности товаровъ. Билонной монетой называется мелкая размѣнная неполноцѣнная монета, которая чеканится изъ неблагородныхъ металловъ (или изъ серебра, но не полноцѣннаго, т. е. съ меньшимъ вѣсомъ, чѣмъ слѣдовало бы по цѣнности монеты). Она служитъ для мелкихъ сдѣлокъ и ея пріемъ ограниченъ лишь опредѣленной суммой. Билонная монета не является, слѣдовательно, законнымъ платежнымъ средствомъ въ неограниченномъ размѣрѣ (только государство принимаетъ ее въ неограниченномъ размѣрѣ при уплатѣ податей); не является она, по этой же причинѣ, и мѣриломъ цѣнности—ея собственная цѣнность опредѣляется количествомъ полноцѣнной монеты (денежной единицы), которое можно получить за нее въ обмѣнъ.

Денежной системой называется совокупность подраздѣленій денежной единицы. Для новѣйшаго времени можно различать (поскольку денежной единицей являются металлическія деньги) два основныхъ типа денежныхъ системъ: монометаллическую и биметаллическую денежныя системы, — денежной единицей является или монета изъ одного металла (монометаллическая система), или же денежной единицей являются монеты изъ двухъ металловъ въ установленномъ закономъ соотношеніи (биметаллическая система).

Монометаллическая система не представляетъ никакихъ трудностей для своего пониманія: при ней монета изъ одного какого либо металла (золота или серебра) признается денежной единицей, а, слѣдовательно, и законнымъ платежнымъ средствомъ. Это не значитъ, что при монометаллической системѣ монеты чеканятся лишь изъ одного металла—при золотомъ монометаллизмѣ чеканятся напр. не только золотыя, но и серебряныя и иныя (мѣдныя, никкелевыя) монеты. Но только золотыя монеты являются законнымъ платежнымъ средствомъ въ неограниченномъ размѣрѣ—пріемъ

другихъ монетъ ограниченъ болѣе или менѣе незначительными суммами. И только металлъ денежной единицы свободно чеканится по требованію частныхъ лицъ—государство принимаетъ на себя обязательство за небольшую плату, соотвѣтствующую расходамъ чеканки, (или даже безъ всякой платы) чеканить въ туземную монету любое количество слитковъ соотѣтствующаго металла, которое будетъ доставлено частными лицами.

При биметаллической же системѣ денежной единицей одновременно являются монеты изъ двухъ металловъ (золота и серебра), которыя свободно чеканятся, причемъ законъ устанавливаетъ соотношеніе цѣнностей монеты изъ того и другого металла. Законнымъ платежнымъ средствомъ (въ неограниченномъ размѣрѣ) являются монеты изъ обоихъ металловъ.

Биметаллическая система наталкивается на слѣдующее затрудненіе. Отношеніе цѣнности золота и серебра на міровомъ рынкѣ, какъ товаровъ, опредѣляется своими условіями, на которыя государственная власть можетъ вліять лишь въ ограниченной степени. Поэтому на міровомъ рынкѣ отношеніе цѣнности обоихъ металловъ въ слиткахъ легко можетъ разойтись съ установленнымъ въ данномъ государствѣ закономъ отношеніемъ цѣнности ихъ въ видѣ монеты. Допустимъ, напр., что законъ фиксируетъ отношеніе цѣнности золота къ серебру въ видѣ монеты, какъ 15,5 къ 1 (т. е., что золотая монета одинаковой цѣнности съ серебряной должна быть легче ея въ 15,5 разъ). Но на міровомъ рынкѣ цѣна слитковъ серебра падаетъ и слитки серебра начинаютъ расцѣниваться не въ $15^1/_2$ разъ, а напр., въ 17 разъ дешевле слитковъ золота того же вѣса. Что тогда произойдетъ?

Еще въ 16 вѣкѣ въ Англіи было замѣчено, что въ обращеніи не могутъ держаться монеты неодинаковаго достоинства. Монета въ Англіи была сильно испорчена и англійское правительство старалось улучшить ея качество, пуская въ обращеніе полноцѣнную монету. Но оказалось, что полноцѣнная монета не могла вытѣснить изъ обращенія неполноцѣнную—наоборотъ, полноцѣнная монета исчезала изъ обращенія и на рынкѣ оставалась лишь испорченная монета. Правительство боролось всѣми мѣрами противъ этого зла, но ничего подѣлать не могло. Механизмъ этого явленія былъ объясненъ Грэшамомъ, почему соотвѣтствующее объясненіе и называютъ „закономъ Грэшама“. Такъ какъ испорченныя монеты такъ же принимались къ платежу, какъ и не испорченныя, то никому не было разсчета и охоты платить хорошей монетой. Всякій стремился расплачиваться дурной монетой, хорошая же переплавлялась въ слитки и продавалась на

рынкѣ, какъ слитокъ, по болѣе высокой цѣнѣ. „Законъ Грэшама“ заключается, такимъ образомъ, въ томъ, что если въ обращеніи имѣются монеты неодинаковой внутренней цѣнности (т. е. неодинаково цѣнныя съ точки зрѣнія цѣнности содержащагося въ нихъ металла), но въ равной мѣрѣ являющіяся законнымъ платежнымъ средствомъ, и если притомъ менѣе цѣнныя монеты имѣются въ обращеніи въ количествѣ, достаточномъ для удовлетворенія потребностей обращенія, то монеты менѣе цѣнныя вытѣсняютъ изъ обращенія болѣе цѣнныя монеты [21]).

Этотъ „законъ Грэшама“ вполнѣ приложимъ и къ явленіямъ биметаллическаго обращенія. Мы предположили, что на міровомъ рынкѣ слитки серебра падаютъ ниже той нормы, которая принята въ данномъ государствѣ закономъ,—за 1 ф. золота въ слиткахъ даютъ на міровомъ рынкѣ не $15^1/_2$ ф. серебра, а 17 фунтовъ. Тогда, если существуетъ свобода чеканки серебряныхъ монетъ, т. е., если государство чеканитъ на любую сумму, и притомъ безвозмездно или почти безвозмездно, серебряные слитки, доставляемые частными лицами, всякій можетъ изъ слитка серебра въ $15^1/_2$ ф. начеканить серебряной монеты, которую обмѣняетъ въ данномъ государствѣ на фунтъ золотыхъ монетъ, и затѣмъ фунтъ золота въ слиткѣ продать заграницей не по номинальной цѣнѣ, а по рыночной—значитъ за 17 ф. серебра. Эта операція настолько выгодна, что, при наличности свободной чеканки серебра, она должна быстро извлечь золотую монету изъ обращенія данной страны. Золотая монета будетъ переплавлена въ слитки и уйдетъ изъ обращенія за границу, гдѣ существуетъ свободный рынокъ обоихъ металловъ, а мѣсто ея займетъ серебряная монета, которая будетъ чеканиться изъ слитковъ. Такимъ образомъ, монета выше расцѣненная закономъ останется въ обращеніи, а ниже расцѣненная уйдетъ.

Итакъ, при биметаллической системѣ, въ томъ случаѣ, когда на міровомъ рынкѣ цѣна одного изъ двухъ денежныхъ металловъ падаетъ ниже того, какъ онъ расцѣнивается въ данномъ государствѣ по закону, металлъ упавшій въ цѣнѣ остается въ обращеніи, а металлъ, цѣна котораго на міровомъ рынкѣ выше, уходитъ изъ обращенія. Оба металла могутъ одновременно существовать въ обращеніи, при биметаллической системѣ, лишь въ томъ случаѣ, когда они расцѣниваются на міровомъ рынкѣ такъ же, какъ они расцѣнены и въ данномъ государствѣ по

закону. Въ противномъ случаѣ металлъ, выше расцѣниваемый рынкомъ, уходитъ изъ обращенія и замѣщается ниже расцѣниваемымъ рынкомъ металломъ. Весь этотъ механизмъ предполагаетъ свободу чеканки монеты, такъ какъ только въ этомъ случаѣ возможно превращать въ монету слитки металла ниже расцѣниваемаго рынкомъ.

V.

Въ большинствѣ странъ Европы въ прежнее время обращались какъ золотыя, такъ и серебряныя монеты; и тѣ и другія признавались въ неограниченномъ размѣрѣ законнымъ платежнымъ средствомъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ свободы чеканки не было, одна монета не вытѣсняла другую. Свобода чеканки серебра впервые вводится въ Англіи въ 1666 г. Въ 1717 г. признается законнымъ платежнымъ средствомъ и золотая монета, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободно чекапится монетнымъ дворомъ. Такимъ образомъ, въ Англіи водворяется система биметаллизма. Однако, въ скоромъ времени цѣна золота въ слиткахъ падаетъ на міровомъ рынкѣ ниже отношенія золота къ серебру, принятаго въ Англіи закономъ, и Англія, мало по малу, теряетъ серебро. Въ 1774 году серебро перестаетъ быть законнымъ платежнымъ средствомъ въ неограниченномъ размѣрѣ—Англія переходитъ къ золотому монометаллизму [22]).

Напротивъ, во Франціи въ 1803 г. была установлена биметаллическая денежная система. Золотыя и серебряныя полноцѣнныя монеты признавались въ равной мѣрѣ законнымъ платежнымъ средствомъ (въ неограниченномъ размѣрѣ). Допускалась свободная чеканка и золота и серебра, причемъ отношеніе цѣнности золотой и серебряной монсты было установлено закономъ, какъ 1 : $15^1/_2$. Первоначально это отношеніе приблизительно соотвѣтствовало рыночному. Но очень скоро цѣна серебра въ слиткахъ понизилась на міровомъ рынкѣ на нѣсколько процентовъ. Подъ вліяніемъ этого, серебряная монета стала замѣщать золотую. Открытіе калифорнійскихъ розсыпей и австралійскихъ рудниковъ понизило въ 50-хъ годахъ также незначительно цѣнность золота по отношенію къ серебру, и золотая монета стала замѣнять во Франціи серебряную.

Во всякомъ случаѣ, биметаллическая система держалась, такъ какъ рыночныя отклоненія цѣнностей благородныхъ металловъ отъ принятаго во Франціи закономъ были не велики. Въ 1865 г.

Франція, Бельгія, Швейцарія и Италія заключили такъ называемый Латинскій монетный союзъ: каждое государство принимало ту же биметаллическую денежную систему и обязывалось чеканить золотую и серебряную полноцѣнную монету въ неограниченномъ количествѣ. Въ 1867 году къ этому союзу присоединились еще Греція и Румынія.

Въ 70-е годы въ исторіи денежнаго обращенія Европы наступаетъ новая эпоха. Въ теченіе 50-хъ и 60-хъ годовъ произошло огромное увеличеніе производства золота, благодаря чему цѣна серебра по отношенію къ золоту нѣсколько возрасла. Относительная дешевизна золота вызвала стремленіе нѣкоторыхъ государствъ перейти отъ серебряной къ золотой валютѣ. Такъ, въ 1872 г. къ золотой валютѣ перешли Скандинавскія государства, нѣсколько позже Голландія. Въ 1871—73 г. вводится золотая валюта (вмѣсто серебряной) и въ Германіи, которая ожидала произвести этотъ переходъ тѣмъ легче, что она получила послѣ войны съ Франціей 5-милліардную контрибуцію. Денежной единицей была признана золотая марка (вмѣсто прежняго серебрянаго талера). Планъ Германіи былъ очень простъ: въ Германіи былъ очень большой запасъ серебряныхъ монетъ (талеровъ), ихъ предполагалось извлечь изъ обращенія, обратить въ слитки и продать; покупатели же слитковъ могли бы отправить серебро во Францію для перечеканки въ серебряную французскую монету и обмѣну ея на золотую. Такимъ образомъ, Германія предполагала сбыть во Францію свое серебро, а взамѣнъ его получить золото. Операція эта началась въ Германіи съ 1873 года. Серебро хлынуло изъ Германіи во Францію и другія страны Латинскаго монетнаго союза (гдѣ производилась свободная чеканка серебра). Отчасти подъ вліяніемъ продажъ серебра Германіей, отчасти же подъ вліяніемъ увеличенія производства серебра въ Америкѣ, цѣна серебра на міровомъ рынкѣ стала быстро падать и скоро стала гораздо ниже отношенія $1 : 15^1/_2$, принятаго Латинскимъ монетнымъ союзомъ. Обнаружилось, что, если биметаллическая система въ Латинскомъ монетномъ союзѣ останется въ силѣ, то страны Латинскаго монетнаго союза должны потерять свое золото и перейти къ серебру. Это казалось нежелательнымъ и въ 1876 г. Франція прекратила свободную чеканку серебра (Бельгія прекратила чеканку еще раньше, другія страны Латинскаго монетнаго союза нѣсколько позже).

Такимъ образомъ, въ странахъ Латинскаго денежнаго союза фактически прекратилось существованіе биметаллической денежной системы и водворилась новая денежная система — система

такъ называемой хромающей валюты. Золото въ этихъ странахъ свободно чеканится, но серебро чеканится только въ ограниченномъ количествѣ по усмотрѣнію государственной власти для нуждъ денежнаго обращенія. Тѣмъ не менѣе, старыя 5-франковыя полноцѣнныя серебряныя монеты являются такимъ же законнымъ платежнымъ средствомъ, какъ и золото. Что же является въ этомъ случаѣ мѣриломъ цѣнности: золото или серебро? Такъ какъ серебряный слитокъ не можетъ быть превращенъ, по желанію его собственника, въ монету, то и исчезаетъ всякая связь цѣнности слитка серебра съ цѣнностью серебряной монеты. Цѣнность серебряныхъ монетъ регулируется въ этомъ случаѣ цѣнностью золотой монеты, которую можно получить въ обмѣнъ на серебряную монету (подобно тому, какъ цѣнность билонной монеты регулируется цѣнностью полноцѣнной монеты, которую можно получать въ обмѣнъ).

Если за каждыя четыре серебряныхъ 5-франковыхъ монеты даютъ одну золотую монету въ 20 франковъ, то, значитъ, и цѣнность 5 франковой серебряной монеты должна ровняться $^1/_4$ цѣнности 20 франковой золотой монеты. Мѣриломъ цѣнности, слѣдовательно, является въ этомъ случаѣ золото, а серебро аналогично билонной монетѣ, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ, что пріемъ билонной монеты ограниченъ, а пріемъ полноцѣнной серебряной монеты неограниченъ.

Система хромающей валюты отличается, такимъ образомъ, отъ биметаллизма тѣмъ, что въ ней мѣриломъ цѣнности является лишь одинъ металлъ—золото; отъ золотого же монометаллизма она отличается тѣмъ, что въ ней законнымъ платежнымъ средствомъ (въ неограниченномъ размѣрѣ) являются монеты изъ двухъ металловъ—какъ золотыя, такъ и полноцѣнныя серебряныя, каковыхъ въ странахъ Латинскаго монетнаго союза имѣется до 2 милліардовъ фр. (полноцѣннаго серебра).

Перейдемъ теперь къ Германіи. Какъ только Франція прекратила свободную чеканку серебра, Германія уже не имѣла возможности, безъ большихъ убытковъ, довести свою денежную реформу до конца. Въ Германіи осталось неизъятымъ значительное количество (на сумму около 400 милл. марокъ) старыхъ серебряныхъ талеровъ, но правительство прекратило продажу серебра, такъ какъ цѣна его сильно упала. Эта старая серебряная монета являлась въ Германіи такимъ же законнымъ платежнымъ средствомъ въ неограниченномъ размѣрѣ, какъ и золотая. Такимъ образомъ, въ Германіи установилась совершенно такая же си-

стема хромающей валюты, какъ и во Франціи: свободно чеканится только золото, которое является денежной единицей и мѣриломъ цѣнности, но законнымъ платежнымъ средствомъ является какъ золото, такъ и старое полноцѣнное серебро. Въ настоящее время Германія принимаетъ мѣры къ изъятію изъ обращенія старыхъ серебряныхъ талеровъ и къ переходу, такимъ образомъ, къ чистому золотому монометаллизму, который господствуетъ и въ Англіи. Въ большинствѣ же странъ западной Европы продолжаетъ существовать хромающая валюта.

Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, прекращенія свободной чеканки серебра, а съ другой—огромнаго увеличенія производства этого металла—цѣна серебра на міровомъ рынкѣ стала сильно падать и къ концу 90-хъ годовъ закончившагося вѣка была уже въ 35 разъ ниже цѣны золота. Міръ раздѣлился на страны золотой валюты (Европа, Сѣверная Америка, Австралія) и серебряной (Азія и Южная Америка). Пониженіе цѣны серебра повело къ тому, что продукты странъ съ серебряной валютой получили какъ бы вывозную премію, а продукты странъ съ золотой валютой какъ бы были обложены пошлиной при ввозѣ. Чѣмъ ниже была, напримѣръ, цѣна серебряной индійской рупіи, тѣмъ больше серебряныхъ рупій (при той же золотой цѣнѣ) выручалъ экспортеръ пшеницы, вывозившій пшеницу изъ Индіи въ Европу. Въ то же время, чѣмъ ниже была цѣна серебряной рупіи, тѣмъ меньше золотыхъ фунтовъ стерлинговъ выручалъ англійскій хлопчатобумажный фабрикантъ, продававшій свой ситецъ въ Индіи по той же серебряной цѣнѣ. Страны съ серебряной валютой получили, такимъ образомъ, по отношенію къ вывозу своихъ товаровъ, существенныя преимущества сравнительно со странами золотой валюты. На этой почвѣ возникла агитація въ Европѣ и Америкѣ въ пользу возстановленія биметаллизма. За биметаллизмъ высказывались всѣ тѣ, кто считалъ для себя невыгоднымъ паденіе цѣны серебра. Такъ, въ Америкѣ руководителями этой агитаціи были владѣльцы серебряныхъ рудниковъ, въ Европѣ—землевладѣльцы (разсчитывавшіе на повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ при возстановленіи биметаллизма), экспортеры разныхъ товаровъ на Востокъ. Въ Англіи за биметаллизмъ были, по тѣмъ же причинамъ, хлопчатобумажные фабриканты. Агитація эта особенно усилилась въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, когда европейская промышленность была въ сильномъ застоѣ и предприниматели жаловались на необыкновенно низкій уровень товарныхъ цѣнъ. Было устроено нѣсколько международныхъ кон-

ференцій по вопросу о биметаллизмѣ, не давшихъ, однако, никакихъ практическихъ результатовъ.

Однако, мало по малу, агитація въ пользу биметаллизма стала ослабѣвать и теперь почти прекратилась. Дѣло въ томъ, что золото окончательно побѣдило на міровомъ рынкѣ. Въ 1893 г. прекратила свободную чеканку серебра Индія: хотя паденіе цѣны серебра и благопріятствовало вывозу индійскихъ издѣлій въ Европу, но государственное казначейство Индіи испытывало благодаря этому паденію огромныя затрудненія, такъ какъ чѣмъ ниже была золотая цѣна рупій, тѣмъ больше рупій приходилось платить по иностраннымъ обязательствамъ государства. Кромѣ того, существованіе въ Индіи валюты, колеблющейся въ своей цѣнности по отношенію къ золоту—валютѣ всей Европы—затрудняло торговыя сношенія съ Европой и задерживало приливъ въ Индію европейскаго капитала, въ которомъ Индія, какъ страна, бѣдная капиталомъ, крайне нуждалась. Единственнымъ средствомъ прекратить паденіе курса рупіи было прекращеніе свободной чеканки серебра—послѣ этого цѣнность рупіи порвала всякую связь съ цѣнностью серебра. Японія прямо перешла отъ серебряной валюты къ золотой. Добыча золота (благодаря открытію трансваальскихъ розсыпей) чрезвычайно увеличилась и теперь можно думать, что мало по малу весь міръ перейдетъ къ золотой валютѣ, а, такимъ образомъ, естественно, исчезнутъ и затрудненія международной торговли, создаваемыя тѣмъ обстоятельствомъ, что въ разныхъ странахъ міра господствуютъ различныя валюты. Въ настоящее время серебряная валюта сохранилась только въ Китаѣ.

VI.

Деньги возникли, какъ естественный результатъ роста товарнаго обмѣна; и деньгами стали товары, имѣвшіе наиболѣе обезпеченный сбытъ. Но деньги въ видѣ металла суть сами продуктъ труда, и очень большого; пересылка ихъ также требуетъ труда. Металлическія деньги весьма дорогое орудіе обмѣна и общество должно затрачивать очень значительную часть своего труда на созданіе и поддержаніе въ годномъ видѣ этого орудія обмѣна, которое, какъ таковое, никакимъ другимъ общественнымъ потребностямъ не служитъ.

Для общества было бы очень выгодно, если бы было возможно создать такія деньги, которыя ничего не стоили бы обществу,

а представляли бы собой лишь просто условные знаки. Въ этомъ и заключается идея бумажныхъ денегъ, простыхъ бумажныхъ знаковъ—символическихъ изображеній денегъ, которыя должны замѣнять металлическія деньги въ обращеніи и исполнять всѣ ихъ функціи.

Бумажными деньгами въ строгомъ смыслѣ слова могутъ быть названы лишь такіе бумажные денежные знаки, которые исполняютъ всѣ три основныя функціи денегъ—орудія обмѣна, мѣрила цѣнности и законнаго платежнаго средства. Поэтому, размѣнные бумажные денежные знаки (т.-е обмѣниваемые выпускающимъ ихъ учрежденіемъ на металлическія деньги) не суть бумажныя деньги, ибо цѣнность размѣниваемыхъ денежныхъ знаковъ опредѣляется звонкой монетой, получаемой въ обмѣнъ. Только неразмѣнные бумажные денежные знаки, обязательные къ пріему и обладающіе принудительнымъ курсомъ, (т.-е признанные государствомъ законнымъ платежнымъ средствомъ въ неограниченномъ размѣрѣ согласно своей установленной закономъ цѣнности) суть бумажныя деньги въ собственномъ смыслѣ слова.

Чѣмъ же опредѣляется цѣнность бумажныхъ денегъ? По своей формѣ бумажныя деньги суть обязательства государства или выпускающаго ихъ учрежденія уплатить ихъ предъявителю опредѣленную сумму звонкой монеты. Формально, онѣ какъ бы безсрочный вексель, который соотвѣтствующее учрежденіе выдаетъ на себя. И подобно тому, какъ цѣна всякаго долгового документа опредѣляется, прежде всего, степенью увѣренности въ уплатѣ долга, такъ, можно было бы думать, и цѣнность бумажныхъ денегъ должна опредѣляться тѣми же соображеніями.

Можетъ, дѣйствительно, показаться, что цѣнность бумажныхъ денегъ основывается лишь на степени довѣрія общества къ готовности правительства выполнить свое обязательство размѣнять бумажныя деньги на звонкую монету; и если за рубль бумажный не даютъ полнаго золотого или серебрянаго рубля, то только-де потому, что общество не разсчитываетъ на исправную уплату правительствомъ своего долга. Однако, какъ ни убѣдительны эти соображенія, они отнюдь не подтверждаются исторіей бумажныхъ денегъ, доказывающей, наоборотъ, что цѣнность послѣднихъ не находится въ прямомъ соотношеніи со степенью готовности государства оплатить ихъ, а подчиняется своимъ особымъ законамъ, которые и нужно установить.

Цѣна долгового документа никогда не можетъ быть выше дол-

говой суммы, слѣдуемой по нему. А цѣна бумажныхъ денегъ можетъ быть какъ ниже, такъ и выше звонкой монеты, на которую онѣ обозначены. Такъ, напримѣръ, австрійскія бумажныя деньги обозначались прежде на серебряные гульдены; въ 1892 году австрійскій бумажный гульденъ цѣнился на золото въ Берлинѣ въ 170 пфениговъ, въ то время какъ цѣна серебрянаго слитка такого же вѣса, какъ и серебряный гульденъ, была въ Берлинѣ же 130 пфениговъ—бумажный гульденъ поднялся по своей цѣнѣ на 31% выше соотвѣтствующаго количества серебра [23]). Курсъ серебрянаго гульдена былъ такой же, какъ и бумажнаго—бумажный гульденъ, который раньше стоялъ по своему курсу ниже серебрянаго, мало-по-малу не только сравнялся съ серебрянымъ, но и поднялся значительно выше серебра, поднявъ вмѣстѣ съ собой и серебряный гульденъ, курсъ котораго также на 31% сталъ превышать цѣну серебрянаго слитка такого же вѣса (конечно, свободной чеканки серебра въ Австріи не производилось).

Этотъ примѣръ показываетъ совершенно ясно, что бумажныя деньги имѣютъ свою самостоятельную цѣнность, а не заимствуютъ ее отъ обязательства уплатить по нимъ опредѣленную сумму звонкой монеты [24]). Въ странѣ, въ которой бумажныя деньги существуютъ долгое время (какъ, напримѣръ, это было въ Россіи или Австріи), обязательство государства уплатить по своимъ бумажнымъ деньгамъ звонкой монетой утрачиваетъ всякое значеніе въ качествѣ фактора, опредѣляющаго цѣнность бумажныхъ денегъ, ибо обязательство это не исполняется и никакого реальнаго значенія не имѣетъ. Бумажныя деньги становятся самостоятельнымъ мѣриломъ цѣнности, такъ какъ населеніе привыкаетъ къ этимъ деньгамъ и ими измѣряетъ цѣнность всѣхъ товаровъ; даже звонкая монета становится въ этомъ случаѣ какъ бы товаромъ, цѣнность котораго измѣряется бумажными деньгами, а не наоборотъ.

VII.

Итакъ, цѣнность бумажныхъ денегъ опредѣляется своими особыми законами, которые и нужно разъяснить. Прежде всего, нужно строго различать цѣнность бумажныхъ денегъ въ звонкой монетѣ и цѣнность бумажныхъ денегъ въ товарахъ вообще.

Допустимъ, напр., что за золотой рубль на рынкѣ даютъ 1 р. 50 к. бумажныхъ; въ такомъ случаѣ 50 к., которыя нужно прибa-

вить къ бумажному рублю, чтобы пріобрѣсть золотой, называются лажемъ. Напротивъ, если бумажныя деньги цѣнятся выше металлическихъ, то мы имѣемъ передъ собой такъ назыв. дизажіо. Какъ общее правило (за рѣдкими исключеніями), на звонкую монету существуетъ, при бумажно-денежномъ обращеніи, (т. е. при господствѣ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ) лажъ, т. е. звонкая монета цѣнится выше бумажныхъ денегъ. Чѣмъ же опредѣляется лажъ?

Количественная теорія денегъ отвѣчала на это очень просто. По этой теоріи цѣны товаровъ опредѣляются количествомъ денегъ въ странѣ. Драгоцѣнные металлы (а значитъ и звонкая монета) суть товаръ. Поэтому и цѣна звонкой монеты въ бумажныхъ деньгахъ (иначе говоря, лажъ) опредѣляется количествомъ бумажныхъ денегъ въ странѣ: чѣмъ больше это количество, тѣмъ выше долженъ быть лажъ и обратно. Удвоеніе количества бумажныхъ денегъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, вдвое понижаетъ ихъ цѣнность по отношенію къ звонкой монетѣ—вообще, цѣнность бумажныхъ денегъ по отношенію къ металлу обратно пропорціональна ихъ количеству. Съ этой точки зрѣнія, лажъ опредѣляется просто тѣмъ, что увеличеніе количества бумажныхъ денегъ въ странѣ подымаетъ цѣну золота, какъ и всякаго другого товара.

Однако, такое объясненіе высоты лажа крайне поверхностно и противорѣчитъ фактамъ. Увеличеніе выпуска бумажныхъ денегъ правительствомъ отнюдь не должно непосредственно вести къ вздорожанію драгоцѣнныхъ металловъ, ибо деньги эти тратятся не на покупку этихъ металловъ. Исторія бумажныхъ денегъ показываетъ, что хотя увеличеніе выпусковъ бумажныхъ денегъ и имѣетъ тенденцію повышать лажъ, ни о какой строгой пропорціональности между тѣмъ и другимъ не можетъ быть и рѣчи.

Вотъ, напр., приводимыя А. Н. Миклашевскимъ данныя изъ исторіи русскихъ бумажныхъ денегъ [2]):

ГОДЫ.	Среднее ежегодное количество бумажныхъ денегъ въ обращеніи (въ миллионахъ рублей).	% увеличенія.	Средній ежегодный курсъ бумажнаго рубля въ копѣйкахъ золотомъ.	% повышенія или понижения.
1855—59	655		94	
1860—64	687	+ 5	90	— 4
1865—69	701	+ 2	82	— 9
1870—74	746	+ 6	86	+ 5
1875—79	923	+24	67	—22

Въ первой половинѣ 70-хъ годовъ увеличеніе количества бумажныхъ денегъ въ обращеніи сопровождалось не паденіемъ, а повышеніемъ ихъ курса—паденіемъ лажа; вообще изъ этой таблицы видно, что строгой пропорціональности между количествомъ бумажныхъ денегъ и лажемъ не существуетъ.

Попробуемъ выяснить процессъ возникновенія лажа на гипотетическомъ примѣрѣ. Допустимъ, что русское правительство выпускаетъ на 100 милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ для того, чтобы оплатить заказанныя имъ за границей суда, пушки и пр. Заграницей наши бумажныя деньги не могутъ служить платежнымъ средствомъ — заграничнымъ поставщикамъ необходимо золото. Но въ распоряженіи русскаго правительства золота нѣтъ—оно платитъ кредитными рублями; очевидно, его заграничные поставщики только для того примутъ бумажные рубли, чтобы немедленно обмѣнять ихъ на золото. Въ концѣ концовъ бумажные рубли вернутся обратно въ Россію, а изъ Россіи уйдетъ на тѣ же 100 мил. рублей звонкой монеты, иначе говоря, 100 милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ вытѣснятъ изъ Россіи на 100 милліоновъ звонкой монеты.

Пусть выпуски бумажныхъ денегъ продолжаются; звонкая монета все больше и больше будетъ замѣщаться въ Россіи бумажными деньгами. Наконецъ, въ Россіи совсѣмъ не останется въ обращеніи звонкой монеты—она вся будетъ замѣщена бумажными деньгами. Пока въ странѣ звонкая монета не вытѣснена изъ обращенія, нѣтъ необходимости для появленія лажа. Положеніе мѣняется, когда въ странѣ звонкой монеты уже нѣтъ, а выпуски бумажныхъ денегъ продолжаются; пусть пріобрѣтаются (хотя бы въ Англіи) еще на 100 мил. суда и пушки, для чего дѣлается новый выпускъ кредитныхъ рублей на ту же сумму. Чѣмъ можетъ уплатить Россія Англіи? Вѣдь золота у нея уже нѣтъ.

Возникаетъ трудная, даже какъ будто неразрѣшимая проблема. Единственными деньгами въ Россіи является бумажныя деньги, которыя Англіи совершенно ненужны. А уплату нужно все-таки произвести. Какъ же ее осуществить? Эта трудная задача разрѣшается появленіемъ лажа и благодаря лажу Россія расплачивается съ Англіей. 100 милліоновъ кредитныхъ рублей, полученныхъ въ Англіи, не могутъ быть обмѣнены на русское золото (котораго нѣтъ); заграничный собственникъ этихъ кредитныхъ рублей, которые ему ненужны, долженъ будетъ продать ихъ заграницей же, но по болѣе низкому курсу—иначе, онъ не получитъ

нужнаго ему золота: на золото, слѣдовательно, появится (въ кредитныхъ рубляхъ) лажъ. Этотъ лажъ дастъ возможность Россіи слѣдующимъ образомъ уплатить свой долгъ Англіи. Англійскій фунтъ стерлинговъ, равнявшійся раньше 6 р. 30 к. на русскія деньги, сталъ благодаря лажу расцѣниваться, положимъ, въ 7 кредитныхъ рублей. Вслѣдствіе этого цѣны всѣхъ товаровъ международнаго оборота въ Россіи, на русскіе кредитные рубли, повышаются. Такъ, напримѣръ, стоимость англійскаго сукна, за которое англійскій купецъ требуетъ 1 ф. стерл., выраженная въ русскихъ деньгахъ равнялась раньше 6 р. 30 к., а теперь стала въ тѣхъ же деньгахъ равняться 7 р. Точно также, если въ Англіи 1 четверть русской пшеницы цѣнится въ 1 фунтъ стерл., то въ переводѣ на русскія деньги цѣна эта равнялась раньше 6 р. 30 к., теперь же будетъ равняться 7 р. Такимъ образомъ, цѣны предметовъ какъ ввоза, такъ и вывоза въ Россіи (на бумажныя деньги) возрастутъ. Но повышеніе цѣнъ предметовъ ввоза уменьшаетъ спросъ на нихъ въ странѣ—иначе говоря, задерживаетъ ихъ ввозъ; а повышеніе заграницей цѣны предметовъ вывоза данной страны дѣлаетъ болѣе прибыльнымъ ихъ вывозъ заграницу. Значитъ, благодаря лажу сократится нашъ ввозъ изъ-за границы и увеличится нашъ вывозъ за границу. Этимъ избыткомъ вывозимыхъ товаровъ мы и оплотимъ нашъ заграничный долгъ, возникшій благодаря выпуску бумажныхъ денегъ, затраченныхъ на пріобрѣтеніе заграничныхъ товаровъ—за нихъ мы заплатимъ своими товарами. Только благодаря возникновенію лажа страна, не имѣя звонкой монеты, расплачивается за границей товарами по сдѣланнымъ покупкамъ.

Мы предположили, что выпускаемыя деньги затрачиваются на пріобрѣтеніе предметовъ, изготовляемыхъ за границей. Но если бы деньги шли на покупку товаровъ туземнаго производства, результатъ былъ бы сходный. Пусть, напримѣръ, на вновь выпускаемые 100 милл. рублей правительство покупаетъ внутри страны сукно, полотно, хлѣбъ для нуждъ арміи. Увеличеніе спроса на эти товары должно повысить ихъ цѣны. Но увеличеніе товарныхъ цѣнъ внутри страны должно сократить вывозъ туземныхъ товаровъ за границу и увеличить ввозъ въ страну заграничныхъ товаровъ. Увеличенный ввозъ при сократившемся вывозѣ долженъ быть оплаченъ звонкой монетой; такимъ образомъ, вновь выпущенныя бумажныя деньги вытѣснятъ извѣстную часть звонкой монеты изъ обращенія. Когда же вся звонкая монета уйдетъ изъ страны, тогда дальнѣйшіе выпуски бумажныхъ денегъ вызовутъ возникновеніе лажа, который

имѣетъ, согласно сказанному, тенденцію задерживать иностранный ввозъ и развивать вывозъ туземныхъ товаровъ за границу благодаря чему страна получитъ возможность оплачивать своими товарами свой ввозъ изъ-за границы. Словомъ, и при затратѣ выпускаемыхъ бумажныхъ денегъ внутри страны, какъ и при затратѣ ихъ на покупку предметовъ иностраннаго производства въ области денежнаго обращенія данной страны происходятъ сходныя явленія.

Итакъ, лажъ устанавливается въ процессѣ международнаго обмѣна, а отнюдь не внутри страны. Лажъ появляется вовсе не потому, что выпуски бумажныхъ денегъ непосредственно повышаютъ цѣну (въ бумажныхъ деньгахъ) золота, какъ товара,— такого непосредственнаго вліянія выпусковъ бумажныхъ денегъ на цѣну золота не бываетъ, такъ какъ выпускаемыя деньги затрачиваются на покупку не золота, а другихъ товаровъ. Но такъ какъ бумажныя деньги не всемірныя деньги, какъ драгоцѣнные металлы, а мѣстныя деньги одной страны, то онѣ неизбѣжно должны обмѣниваться въ международной торговлѣ на звонкую монету, драгоцѣнный металлъ, и если предложеніе этихъ денегъ заграничнымъ кредиторамъ со стороны данной страны больше, чѣмъ спросъ на эти деньги со стороны иностранныхъ должниковъ данной страны, то, при невозможности произвести уплату звонкой монетой, курсъ бумажныхъ денегъ на звонкую монету долженъ упасть, долженъ появиться лажъ. Увеличеніе выпусковъ бумажныхъ денегъ благопріятствуетъ увеличенію лажа, но никакой пропорціональности между количествомъ выпущенныхъ бумажныхъ денегъ и высотой лажа не существуетъ, такъ какъ процессъ установленія лажа при посредствѣ международной торговли есть процессъ чрезвычайно сложный—иногда незначительные выпуски могутъ оказать болѣе сильное вліяніе на международный рынокъ, чѣмъ выпуски гораздо болѣе значительные. Если напр., въ странѣ быстро развивается промышленность и торговля и, значитъ, соотвѣтственно растетъ спросъ на деньги, то вновь выпускаемыя бумажныя деньги могутъ поглощаться каналами внутренняго обращенія и совсѣмъ не попадать за границу; въ этомъ случаѣ новые выпуски бумажныхъ денегъ совсѣмъ не будутъ вліять на лажъ. Наоборотъ, если внутренняя торговля и промышленность находятся въ застоѣ, то и незначительные выпуски бумажныхъ денегъ могутъ значительно увеличивать предложеніе этихъ денегъ за границей и значительно подымать лажъ. Вообще лажъ устанавливается на томъ уровнѣ, при которомъ пла-

тежный балансъ данной страны—соотношеніе ея платежей другимъ странамъ и платежей другихъ странъ ей—приходитъ въ равновѣсіе[20]).

Переходимъ къ другому вопросу—чѣмъ опредѣляется покупательная сила бумажныхъ денегъ въ товарахъ? Новые выпуски бумажныхъ денегъ дѣйствуютъ на товарныя цѣны двумя способами—непосредственно и посредственно.

Съ одной стороны, благодаря имъ непосредственно увеличивается спросъ на товары, которые пріобрѣтаютъ на эти деньги, ибо бумажныя деньги поступаютъ въ обращеніе путемъ закупокъ опредѣленныхъ товаровъ казной и лицами, получающими содержаніе отъ казны, а всякая новая закупка есть новый спросъ на товары. А такъ какъ между цѣнами всѣхъ товаровъ существуетъ извѣстное взаимодѣйствіе, то повышеніе цѣнъ одной группы товаровъ имѣетъ тенденцію дѣлаться общимъ для всѣхъ товаровъ. Происходитъ это такимъ образомъ. Правительство покупаетъ, напр., на вновь выпускаемыя имъ деньги хлѣбъ, сапоги, сукно, полотно и т. п. товары для войскъ; это, въ свою очередь, увеличиваетъ покупательную силу тѣхъ классовъ населенія, которые производятъ и продаютъ эти товары, а вслѣдствіе увеличенія ихъ покупательной силы ихъ собственный спросъ на другіе товары увеличивается.

Поэтому за усиленными выпусками бумажныхъ денегъ наступаетъ обыкновенно общее повышеніе товарныхъ цѣнъ и вмѣстѣ оживленіе промышленности. Этимъ и объясняется, почему выпускъ бумажныхъ денегъ такъ популяренъ въ предпринимательской средѣ. Но промышленный подъемъ, вызываемый такими выпусками, отличается скоропроходящимъ характеромъ, такъ какъ причина его коренится во внѣшнихъ условіяхъ для промышленности: когда деньги израсходованы, онѣ перестаютъ оказывать вліяніе на цѣны, слѣдуетъ паденіе товарныхъ цѣнъ, застой промышленности, и выпущенныя деньги уходятъ изъ обращенія и скопляются въ кассахъ банковъ.

Гораздо устойчивѣе и прочнѣе посредственное вліяніе выпусковъ бумажныхъ денегъ на товарныя цѣны, черезъ посредство лажа. Благодаря лажу повышаются цѣны всѣхъ товаровъ, входящихъ въ составъ внѣшней торговли данной страны. Но косвеннымъ образомъ лажъ могущественно вліяетъ и на товары, обращающіеся лишь во внутренней торговлѣ (хотя для того, чтобы это вліяніе обнаружилось во всей своей силѣ, требуется болѣе или менѣе продолжительное время). Вздорожаніе предметовъ ввоза и вывоза ведетъ къ вздорожанію тѣхъ товаровъ внутрен-

няго производства, для которыхъ первые товары являются средствомъ производства. Далѣе, дорожаютъ всѣ товары внутренняго производства, конкурирующіе съ иностранными, и т. д. и т. д. Словомъ, въ концѣ концовъ, всѣ главнѣйшіе товары, благодаря лажу, повышаются, въ большей или меньше степени, въ цѣнѣ. Лажъ перелагается на цѣны самыхъ разнообразныхъ товаровъ—жизнь становится дороже, отчего особенно страдаютъ тѣ классы населенія, денежный доходъ которыхъ не успѣлъ возрасти пропорціонально вздорожанію жизни. Сюда относятся, прежде всего, рабочіе, заработная плата которыхъ встрѣчаетъ большія препятствія для своего повышенія.

Бумажныя деньги исполняютъ всѣ тѣ функціи денегъ, которыя исполняютъ и металлическія деньги—въ томъ числѣ и функцію мѣрила цѣнности. Ихъ собственная цѣнность основывается на томъ, что онѣ признаны государствомъ законнымъ платежнымъ средствомъ; тѣмъ не менѣе, государство не въ силахъ придать имъ закономъ любую цѣнность—цѣнность бумажныхъ денегъ устанавливается сложными хозяйственными процессами, сущность которыхъ только что была разъяснена.

Самая существенная слабость бумажныхъ денегъ, сравнительно съ металлическими, заключается не въ томъ, что бумажныя деньги не имѣютъ своей самостоятельной цѣнности, внѣ сферы денежнаго обращенія, а металлическія деньги ея имѣютъ. То обстоятельство, что бумажныя деньги ничего не стоили обществу, является, наоборотъ, ихъ огромнымъ преимуществомъ передъ металлическими. Слабость бумажныхъ денегъ въ томъ, что онѣ, по необходимости, не международныя, а узко мѣстныя деньги, деньги выпустившей ихъ страны. Покупательная сила звонкой монеты нисколько не страдаетъ отъ того, что монета переходитъ границу даннаго государства. Напротивъ, бумажныя деньги совершенно утрачиваютъ свою покупательную силу, разъ только ихъ связь съ выпустившимъ ихъ государствомъ порывается—будучи созданіемъ акта государственной власти, цѣнность ихъ ограничивается предѣлами власти государства. И потому только въ предѣлахъ даннаго государства бумажныя деньги суть деньги.

Переставая быть деньгами за предѣлами государства, бумажныя деньги утрачиваютъ за этими предѣлами устойчивость цѣнности; возникаютъ колебанія лажа. Но колебанія лажа перелагаются и на цѣны внутри государства. Такимъ образомъ, неустойчивость цѣнности бумажныхъ денегъ въ международной

торговлѣ приводитъ къ неустойчивости ихъ цѣнности и внутри государства—бумажныя деньги и внутри государства становятся плохими деньгами, плохо исполняющими основную функцію денегъ—мѣрила цѣнности.

Но если бумажныя деньги плохія деньги потому, что онѣ мѣстныя деньги, то, казалось бы, этому можно было бы помочь, превративъ ихъ въ международныя деньги. Предположимъ, что всѣ цивилизованныя государства заключаютъ между собой соглашеніе, согласно которому единственными всемірными деньгами становятся неразмѣнныя бумажныя деньги, выпускаемыя каждымъ государствомъ и являющіяся законнымъ платежнымъ средствомъ во всѣхъ остальныхъ. При этомъ выпускъ бумажныхъ денегъ въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ не можетъ, конечно, зависѣть отъ усмотрѣнія его самого, но долженъ регулироваться тѣмъ же международнымъ соглашеніемъ въ зависимости отъ нуждъ денежнаго обращенія въ каждой отдѣльной странѣ и во всѣхъ ихъ въ совокупности.

Были ли бы такія бумажныя деньги худшими деньгами, чѣмъ металлическія? Не только не были бы, но онѣ представляли бы огромныя преимущества передъ металлическими деньгами. Ихъ цѣнность была бы вполнѣ устойчива, такъ какъ выпускъ ихъ опредѣлялся бы исключительно нуждами денежнаго обращенія, а не случайными причинами, вліяющими на производство драгоцѣнныхъ металловъ. Онѣ ничего не стоили бы обществу, которое сберегло бы на другія свои нужды трудъ, затрачиваемый теперь на производство денежнаго металла. Ихъ пересылка требовала бы несравненно меньше затратъ и расходовъ, чѣмъ пересылка звонкой монеты. И теперь въ международной торговлѣ основнымъ орудіемъ обмѣна являются не металлическія деньги, а векселя—въ силу высокой стоимости пересылки монеты. Предполагаемыя бумажныя деньги могли бы вполнѣ замѣнить въ этомъ отношеніи векселя.

Итакъ, это были бы идеальныя деньги. Но международныя бумажныя деньги являются чистой утопіей—утопіей не потому, что онѣ были бы плохими деньгами, а потому, что такое международное соглашеніе неосуществимо. Реальныя же бумажныя деньги могутъ быть только мѣстными деньгами—и потому деньгами крайне плохими.

Самая вредная сторона бумажныхъ денегъ для народнаго хозяйства заключается въ постоянныхъ колебаніяхъ лажа, что придаетъ колеблющійся характеръ всему народному хозяйству. Подъ

вліяніемъ соотношенія международныхъ платежей, лажъ то повышается, то понижается, соотвѣтственно повышаются или понижаются товарныя цѣны, что глубоко разстраиваетъ промышленность и торговлю, а также и государственный бюджетъ, ибо государство собираетъ свои доходы въ бумажныхъ деньгахъ, платить же за границу (напр. проценты по иностраннымъ займамъ) металломъ. Чѣмъ выше лажъ, тѣмъ тяжелѣе ложатся эти платежи на государственный бюджетъ. По этой причинѣ, какъ ни заманчиво для правительства покрывать дефициты государственнаго бюджета новыми выпусками бумажныхъ денегъ, но господство бумажноденежнаго обращенія, становится, въ концѣ концовъ, въ тяжесть правительству и оно начинаетъ стремиться къ возвращенію къ металлической валютѣ.

VIII.

Переходъ этотъ можетъ совершиться двумя способами—путемъ консолидаціи или девальваціи. Консолидація состоитъ въ томъ, что рыночный курсъ бумажныхъ денегъ повышается до паритета, до уровня легальнаго курса, и возстановляется размѣнъ бумажныхъ денегъ по легальному курсу (al pari). Лажъ въ этомъ случаѣ уничтожается, средствомъ для чего является извлеченіе изъ обращенія и уничтоженіе чрезмѣрно выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, пока не исчезнетъ лажъ. Такъ переходили къ металлической валютѣ отъ бумажныхъ денегъ богатыя страны, какъ Англія и Соединенные Штаты.

При девальваціи же, наоборотъ, легальный курсъ понижается до рыночнаго курса. Законъ признаетъ рыночный курсъ легальнымъ и размѣнъ бумажныхъ денегъ возстанавливается по рыночному курсу. Существуютъ два способа девальваціи. Такъ, въ Россіи въ 1839 году при министрѣ финансовъ Канкринѣ девальвація была произведена слѣдующимъ образомъ. За металлическій рубль давали на рынкѣ болѣе 3 р. бумажными рублями—ассигнаціями. Правительство извлекло изъ обращенія ассигнаціи и замѣнило ихъ „государственными кредитными билетами“, причемъ рубль кредитными билетами размѣнивался полностью на металлическій рубль. Но одинъ рубль кредитными билетами выдавался лишь за 3 р. 50 к. ассигнаціями. Девальвація по этому типу, сопровождавшаяся выпускомъ новыхъ денежныхъ знаковъ (государственныхъ кредитныхъ билетовъ взамѣнъ прежнихъ ассигнацій), не могла не вызвать разстройства товарнаго рынка, такъ какъ всѣ цѣны должны были понизиться на новые кредит-

ные рубли въ $3^1/_2$ раза. Послѣдняя же наша девальвація при министрѣ финансовъ Витте была произведена въ 1897 г. иначе. При этомъ новыхъ денежныхъ знаковъ не было выпущено, но была измѣнена денежная единица. Курсъ кредитнаго рубля равнялся, приблизительно, $^2/_3$ золотого. Правительство понизило на $^1/_3$ вѣсъ золотого рубля и, такимъ образомъ, курсъ новаго золотого и кредитнаго рубля сравнялся и на этой основѣ былъ возстановленъ размѣнъ. Девальвація второго типа предпочтительнѣе, чѣмъ перваго, такъ какъ она не отражается на цѣнахъ товаровъ: при ней измѣняется лишь металлическая денежная единица и приводится въ соотвѣтствіе съ рыночнымъ курсомъ бумажныхъ денегъ, въ которыхъ фактически выражаются цѣны.

Чему же отдавать предпочтеніе—девальваціи или консолидаціи? Если стоять на строго юридической почвѣ, то консолидація разумѣется, предпочтительнѣе, ибо девальвація является государственнымъ банкротствомъ—государство, въ случаѣ девальваціи, отказывается исполнять свои обязательства и уплачиваетъ свой долгъ не полностью, а лишь въ извѣстной части. Но съ точки зрѣнія экономической дѣло рѣшается далеко не такъ просто. Если лажъ на металлъ не великъ, если населеніе не привыкло къ бумажнымъ деньгамъ, то слѣдуетъ предпочесть, конечно, консолидацію. Но въ странахъ, гдѣ долго господствовало бумажное обращеніе и гдѣ лажъ великъ, гдѣ товарныя цѣны уже испытали повышательное дѣйствіе лажа и построились на соотвѣтственно болѣе высокомъ уровнѣ, повышеніе курса бумажныхъ денегъ до уровня металлическихъ было бы равносильно соотвѣтствующему паденію цѣны товаровъ (ибо цѣнность денежной единицы повышается), что нарушило бы нормальный ходъ промышленной жизни. Искусственное пониженіе товарныхъ цѣнъ вызвало бы общее разстройство промышленности, почему въ странѣ, гдѣ долго существуетъ бумажное обращеніе, девальвація есть наиболѣе цѣлесообразный способъ возстановленія валюты. Поэтому Адольфъ Вагнеръ въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, когда въ Россіи лажъ на золото былъ невеликъ, совѣтовалъ прибѣгнуть къ консолидаціи; въ 80-хъ же годахъ, когда лажъ существенно увеличился, Вагнеръ рекомендовалъ девальвацію.

IX.

Бумажныя деньги появились въ Россіи при Екатеринѣ II. Въ 1768 г. были учреждены въ Москвѣ и Петербургѣ „ассигнаціонные размѣнные банки", задача которыхъ, согласно манифесту, должна была заключаться въ облегченіи функцій денегъ, какъ орудія обращенія: ассигнаціонные банки выпускали ассигнаціи въ количествѣ содержавшейся въ нихъ звонкой монеты и должны были выпущенныя ассигнаціи размѣнивать на металлъ. Предполагалось, что публика будетъ предпочитать ассигнаціи металлическимъ деньгамъ, такъ какъ эти послѣднія (особенно мѣдныя деньги, которыми въ это время было переполнено обращеніе) по своей тяжести менѣе удобны для обращенія. Надежды эти первое время оправдались и ассигнаціонные рубли охотно принимались населеніемъ, хотя фактически размѣна почти не производилось. Очень скоро, однако, правительство стало пользоваться выпусками ассигнацій для покрытія своихъ нуждъ, при полномъ игнорированіи обѣщанія манифеста, что выпускаемыя ассигнаціи будутъ полностью покрываться запасомъ звонкой монеты. До 1786 г. держался паритетъ ассигнацій съ серебромъ; количество выпущенныхъ ассигнацій достигало къ этому году 45 милліоновъ рублей. Въ скоромъ времени послѣдовали новые значительные выпуски ассигнацій на десятки, затѣмъ сотни милліоновъ рублей, курсъ ихъ сталъ падать и въ 1812 году, во время войны съ Наполеономъ, рубль ассигнаціями спустился до 23½ коп. серебромъ. Въ этомъ году правительство допустило пріемъ ассигнацій по рыночному курсу и этимъ создало металлическій рынокъ въ странѣ—обращеніе въ странѣ звонкой монеты наряду съ ассигнаціями. Вслѣдъ затѣмъ правительство приступило къ изъятію ассигнацій, пытаясь такимъ образомъ повысить ихъ курсъ, но вскорѣ оставило эту операцію, убѣдившись, что курсъ ассигнацій почти не подымается благодаря тому, что сокращеніе количества ассигнацій въ обращеніи компенсировалось увеличеніемъ въ обращеніи звонкой монеты. Въ 1839 году при Канкринѣ производится девальваціи и возстанавливается размѣнъ; ассигнаціи замѣняются кредитными билетами. Въ эпоху Крымской войны размѣнъ опять прекращается и опять появляется лажъ; въ 60-ые годы правительство дѣлаетъ попытку, но безуспѣшную, консолидаціи и возстановленія размѣна. Въ послѣднюю турецкую войну курсъ кредитнаго рубля падаетъ до 63 копѣекъ золотомъ; количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи достигаетъ почти 1.200 милл. рублей. Правительство принимаетъ подго-

готовительныя мѣры къ консолидаціи, но безъ успѣха. Въ концѣ 80-хъ годовъ мысль о консолидаціи оставляется и правительство склоняется къ девальваціи. Съ этой цѣлью принимаютъ мѣры къ поддержанію курса бумажнаго рубля на одной и той же высотѣ, что достигается затратой крупныхъ денежныхъ суммъ на покупку за границей кредитныхъ билетовъ въ случаѣ паденія ихъ курса ниже извѣстной нормы и продажей ихъ въ случаѣ повышенія ихъ курса выше нормы. Этими мѣрами удается поддерживать курсъ бумажнаго рубля въ первой половинѣ 90-хъ годовъ приблизительно на 67 коп. золотомъ.

Правительство—особенно при министрѣ финансовъ Витте—начинаетъ упорно стремиться къ переходу къ золотой валютѣ, несмотря на противодѣйствіе этой мѣрѣ со стороны значительной части общества. Прекращеніе режима бумажныхъ денегъ всегда наталкиваетъ на сопротивленіе тѣхъ общественныхъ круговъ, для которыхъ этотъ режимъ выгоденъ. Въ данномъ случаѣ, низкій курсъ нашего рубля былъ въ интересахъ землевладѣльцевъ, такъ какъ цѣна хлѣба (въ кредитныхъ рубляхъ) должна была быть тѣмъ выше, чѣмъ выше былъ лажъ на золото. Однако, это сопротивленіе не могло воспрепятствовать денежной реформѣ. Ея требовали другіе могущественные интересы—и, прежде всего, интересы промышленнаго развитія страны. Это промышленное развитіе, которое было главной цѣлью политики г. Витте, было возможно только на основѣ прилива иностраннаго капитала въ Россію,—а иностранный капиталистъ опасался помѣщать свои деньги въ странѣ съ колеблющейся денежной валютой. Въ обмѣнъ на свое золото онъ требовалъ такого же чистаго золота. Это и рѣшило судьбу реформы.

Чтобы не нарушать интересовъ землевладѣльцевъ, правительство умышленно произвело девальвацію по низкому курсу въ $66^2/_3$ к. золотомъ за кредитный рубль, имѣя возможность произвести возстановленіе валюты и по болѣе высокому курсу. Въ 1899 г. вышелъ новый монетный уставъ, согласно которому денежной единицей признанъ золотой рубль, содержащій 17,424 доли чистаго золота. Въ сдѣлкахъ между частными лицами сдѣланъ обязательнымъ пріемъ полноцѣнной серебряной монеты (въ 1 р., 50 к. и 25 к.) на сумму до 25 р., а неполноцѣнной и мѣдной монеты—до 3 р.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ нормированъ слѣдующимъ образомъ: при выпускѣ ихъ до 600 милліоновъ рублей они должны быть покрытыя золотомъ наполовину, все же количество кредит-

ныхъ билетовъ, выпущенныхъ сверхъ этой нормы, должно быть покрыто золотомъ полностью.

Теперь—черезъ 10 лѣтъ послѣ денежной реформы Витте—нельзя отрицать того, что она имѣла полный успѣхъ. Мы выдержали тяжелую войну и внутреннюю революцію безъ прекращенія размѣна. Причина устойчивости нашей денежной системы заключается въ той высокой нормѣ покрытія кредитныхъ билетовъ металломъ, которая у насъ принята закономъ и которая соблюдалась все это время. Заграничные займы давали правительству возможность сохранить въ цѣлости накопленный золотой запасъ. Но, очевидно, заграничные займы не составляютъ безпредѣльнаго источника для покрытія дефицитовъ нашего бюджета и потому поддержаніе у насъ и въ будущемъ металлическаго обращенія подвержено очень значительному риску.

Огромная роль денегъ въ современномъ хозяйствѣ всѣмъ бросается въ глаза, но объяснить, на чемъ основана эта роль не такъ-то легко. Первая попытка объясненія роли денегъ въ современномъ хозяйствѣ привела къ тому, что эта роль была крайне преувеличена. Меркантилисты видѣли въ деньгахъ главное или даже единственное богатство страны; съ ихъ точки зрѣнія, все экономическое могущество страны опредѣляется количествомъ денегъ, которымъ страна располагаетъ. Эта точка зрѣнія теперь никѣмъ не раздѣляется, но преувеличеніемъ роли денегъ въ хозяйственномъ строѣ современности страдаютъ теоріи далеко не однихъ меркантилистовъ. Если послѣдніе усматривали въ деньгахъ важнѣйшую форму національнаго богатства, то другіе были склонны видѣть въ деньгахъ причину всей бѣдности современнаго общества, главное и основное зло современной хозяйственной системы. Цѣлый рядъ представителей такъ называемаго утопическаго соціализма носился съ мыслью реформировать современный строй путемъ реформы денегъ—устранить изъ современнаго общества бѣдность путемъ организаціи безденежнаго (въ современномъ смыслѣ слова) обмѣна.

Такъ напримѣръ Оуэнъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ. Бѣдность въ современномъ обществѣ зависитъ не отъ недостатка продуктовъ на рынкѣ, а отъ недостатка покупательныхъ средствъ у населенія. Такими покупательными средствами въ настоящее время являются деньги. Если бы дать населенію возможность покупать безъ помощи денегъ, то исчезла бы и бѣдность. Но какъ организовать безденежный обмѣнъ? Съ этою цѣлью Оуэнъ проектировалъ устройство того, что онъ назвалъ рабочей биржей, т.-е. такого учрежденія, которому каждый производитель можетъ передать для сбыта свой продуктъ и въ обмѣнъ получить нужные ему продукты. У кого есть какіе либо товары для продажи, тотъ обращается съ ними къ рабочей биржѣ, которая беретъ на себя заботу объ ихъ сбытѣ. Товары должны расцѣниваться биржей по ихъ трудовой стоимости. Поставщику товара биржа выдаетъ квитанцію, на которой

обозначено, сколько рабочихъ часовъ заключено въ данномъ товарѣ. Въ обмѣнъ на эту квитанцію поставщикъ товара можетъ получить на биржѣ всякій нужный ему товаръ равной трудовой стоимости. Такимъ образомъ, рабочая биржа Оуэна должна была разрѣшить двоякую задачу—съ одной стороны организовать сбытъ товаровъ безъ посредства обычныхъ денегъ, а съ другой стороны привести къ соотвѣтствію цѣны товаровъ съ трудовыми стоимостями [27]).

Неудивительно, что биржи Оуэна не могли удержаться и скоро должны были рухнуть. Онѣ ставили себѣ задачи, абсолютно неразрѣшимыя въ товарномъ хозяйствѣ. Первая задача—дать возможность сбыта всѣхъ товаровъ—неразрѣшима потому, что товарное хозяйство есть хозяйство неорганизованное: каждый производитъ то, что ему вздумается, и въ томъ количествѣ, которое ему вздумается. Слѣдовательно, нѣтъ никакой гарантіи, что произведены именно тѣ товары и въ томъ количествѣ, какіе требуются обществомъ. Если же однихъ товаровъ произведено больше, а другихъ меньше, чѣмъ нужно, то нарушена пропорціональность общественнаго труда и часть продуктовъ не можетъ найти сбыта. Никакое учрежденіе не можетъ найти сбыта для этихъ избыточныхъ товаровъ. Чтобы былъ возможенъ сбытъ всѣхъ товаровъ, для этого нужна планомѣрная организація общественнаго производства, а отнюдь не обмѣна—корень зла не въ обмѣнѣ, а въ производствѣ.

Итакъ, Оуэнъ глубоко заблуждался, думая, что въ неорганизованномъ товарномъ хозяйствѣ возможенъ сбытъ всѣхъ товаровъ. Но къ первой ошибкѣ онъ присоединилъ еще и вторую: онъ считалъ возможнымъ въ неорганизованномъ товарномъ хозяйствѣ приведеніе цѣнъ товаровъ къ уровню ихъ трудовыхъ стоимостей. Оуэнъ не понималъ значенія колебаній рыночныхъ цѣнъ, которыя такъ необходимы въ товарномъ хозяйствѣ для возстановленія пропорціональности общественнаго труда. Стремясь уничтожить колебанія цѣнъ, Оуэнъ хотѣлъ разрушить механизмъ, безъ котораго товарное хозяйство существовать не можетъ, ибо, какъ было выше указано, въ товарномъ хозяйствѣ колебанія цѣнъ играютъ роль регулятора общественнаго производства: пониженіе цѣны товара ниже обычнаго уровня есть единственное средство для рынка вызвать сокращеніе производства товара, выдѣлываемаго въ количествѣ, превышающемъ спросъ.

Итакъ, рабочая биржа Оуэна показываетъ, къ какимъ несообразностямъ приводятъ попытки организовать безденежный обмѣнъ товаровъ. Денежный обмѣнъ есть необходимое дополненіе товарнаго производства.

Но и послѣ Оуэна было много соціалистовъ, которые точно также, не понимая законовъ капиталистическаго хозяйства, упорствовали въ тѣхъ же ошибкахъ и мечтали о помощи рабочему классу не путемъ измѣненія отношеній капиталиста къ рабочему, а путемъ реформы денежнаго обращенія. Подобно Оуэну, и Прудонъ хотѣлъ создать мѣновой банкъ, преслѣдующій тѣ же цѣли, что и рабочая биржа Оуэна, съ той, однако, разницей, что Прудонъ избѣгъ второй ошибки Оуэна: онъ не ставилъ фиксировать цѣны товаровъ на основѣ ихъ трудовой стоимости. Задача Прудона была скромнѣе: онъ хотѣлъ лишь организовать безденежный сбытъ всѣхъ товаровъ, по цѣнамъ, какія допускаются условіями рынка. Но и эта задача не осуществима, ибо неорганизованность

общественнаго производства дѣлаетъ невозможной безденежную организацію общественнаго обмѣна [28]).

Попытки организовать обмѣнъ безъ помощи денегъ интересны съ точки зрѣнія теоріи денегъ въ томъ отношеніи, что онѣ выясняютъ истинную роль денегъ въ современномъ хозяйствѣ. Деньги отнюдь не являются владыкой капиталистическаго міра и потому неправильно видѣть въ нихъ все зло этой системы. Не деньги, а капиталъ царитъ въ этомъ мірѣ—своеобразное соціальное отношеніе, сводящееся къ сосредоточенію средствъ производства въ рукахъ немногихъ лицъ и къ лишенію этихъ средствъ огромнаго большинства населенія. Необходимость же денежнаго обмѣна естественно вытекаетъ изъ системы анархіи, непланомѣрности общественнаго производства, свойственной товарному хозяйству, какъ такому.

ЛИТЕРАТУРА.

Общая литература о деньгахъ. Chevallier. La monnaie. 1850 Jevons. Money and the Mechanism of Exchange. 1876. Knies. Das Geld. 2-е изд. 1885. Hildebrand. Die Theorie des Geldes. 1883. А. Миклашевскій. Деньги. 1895. Его же. Денежный вопросъ въ литературѣ. 1896. Laughlin. Principles of Money. 1908. Helfferich. Das Geld. 1903 Knapp. Staatliche Theorie des Geldes. 1905. A. Spiethoff. Die Quantitätstheorie (Fesgaben für A. Wagner. 1905). De Foville. La monnaie. 1907.

Биметаллизмъ. Wolowsky. L'or et l'argent. 1868. Его же. La question monétaire. 1868. E. de Laveleye. La monnaie bimétallique. 1876. Arendt. Die vertragsmässige Doppelwährung. 1880. Schäffle. Die internationale Doppelwährung. 1881. Lexis. Untersuchungen über die Währungsfrage. 1881. Его же. Современное положеніе вопроса о валютѣ. Пер. Каневскаго. 1897. Hertzka. Das internationale Währungsproblem. 1892. Heyn. Kritik des Bimetallismus. 1897. Раффаловичъ. Что говорятъ противъ биметаллизма. 1896. Бутми. Къ вопросу о денежной реформѣ. 1897.

Бумажныя деньги и денежное обращеніе въ Россіи. A. Wagner. Russische Papierwährung. 1867 (русск. пер.). И. Кауфманъ. Обзоръ проектовъ, вышедшихъ въ 1861—78 г. по вопросу о преобразованіи кредитной денежной системы въ Россіи. 1878. Его же. Бумажноденежные проекты и экстраординарные финансы. 1879. Его же. Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе. 1888. Никольскій. Русскія бумажныя деньги. 1892. П. Шостакъ. Къ вопросу о вліяніи курса кредитнаго рубля на хлѣбныя цѣны. 1896. Реформа денежнаго обращенія въ Россіи. Доклады и пренія въ Вольномъ Эконом. О—вѣ. 1896. П. Мигулинъ. Регулированіе бумажной валюты въ Россіи. 1896. Его же. Наша банковая политика. 1904. Гурьевъ. Реформа денежнаго обращенія. 1896. Его же. Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX вѣкѣ. 1903. Шванебахъ. Денежное преобразованіе и народное хозяйство. 1901.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ II.

1) Эта точка зрѣнія нашла себѣ въ новѣйшее время сильнаго противника въ лицѣ Кнаппа. Въ своей крайне интересной книгѣ „Staatliche Theorie des Geldes“ онъ развиваетъ противоположную теорію денегъ, построенную на томъ, что „деньги суть созданіе правового строя“ („Staatliche Theorie des Geldes“. Стр. I). Однако, какъ ни остроумны и убѣдительны многія соображенія Кнаппа, въ общемъ, его теорія денегъ, называемая имъ „хартальной теоріей“ въ отличіе отъ господствующей въ наукѣ, по его терминологіи, „металлистической теоріи“, кажется мнѣ непріемлемой.

2) Schmoller. Grundriss, II. Стр. 66.

3) Знаменитыя „формы цѣнности“ Маркса соотвѣтствуютъ, такимъ образомъ, исторической дѣйствительности. Приведенныя въ текстѣ уравненія цѣнъ воспроизводятъ „развернутую форму цѣнности“ Маркса. См. Капиталъ. Т. I. Стр. 26 и слѣд.

4) Объ этомъ см., напр., Jevons. Geld und Geldverkehr. 1876. Стр. 44 и слѣд.

5) Кнаппъ опредѣляетъ деньги, какъ „хартальное платежное средство“ (Staatliche Theorie des Geldes, 31), что, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, означаетъ „законное платежное средство“. Однако, „хартальная“ теорія денегъ, признающая деньги всецѣло созданіемъ права, при всѣхъ своихъ сильныхъ сторонахъ, должна быть признана несостоятельной. Деньги созданы не разумнымъ правомъ, а стихійнымъ развитіемъ обмѣна.

6) Прудонъ указываетъ на то, что въ современномъ хозяйствѣ только деньги—предметъ постояннаго и неограниченнаго спроса. Деньги всегда имѣютъ сбытъ, рынокъ всегда открытъ для нихъ, ихъ всякій беретъ охотно, между тѣмъ какъ рынокъ для остальныхъ товаровъ ограниченъ; всѣ товары, кромѣ денегъ, подвергаются опасности не найти сбыта. Общество достигло того, что денежные металлы получили устойчивую цѣнность и всегда обезпеченный рынокъ. Но это только первый шагъ; дальнѣйшее хозяйственное развитіе должно повести къ тому, что и прочіе товары достигнутъ того же положенія, въ которомъ теперь находятся только денежные металлы: всѣ товары должны пріобрѣсти, благодаря соотвѣтствующей организаціи обмѣна, способность свободно циркулировать, находить сбытъ, какъ въ настоящее время золото и серебро. Теперь деньгами являются только названные металлы, впослѣдствіи всѣ товары безъ различія будутъ играть роль денегъ. См. его книги „Système des Contradictions économiques“ и „Solution du problème social“.

7) Перечисляя современныхъ сторонниковъ количественной теоріи денегъ, Лаугленъ, авторъ одного изъ новѣйшихъ трактатовъ о деньгахъ, указываетъ на Уокера, Никольсона, Гошена, Гиффена, Маршалля и д. Все это очень авторитетныя имена. Изъ нихъ Маршалль, пользующійся едва ли не наибольшимъ авторитетомъ среди современныхъ экономистовъ Англіи, категорически заявилъ одной парламентской коммиссіи о своемъ согласіи съ разсматриваемой теоріей. „Я принимаю, — сказалъ онъ, — ходячую доктрину, что цѣны обыкновенно повы-

шаются, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ пропорціи съ количествомъ металловъ, играющихъ роль денегъ". Laughlin. The Principles of Money. 1903. Стр. 293.

8) Д. С. Миллъ. Основанія политической экономіи. Изд. Пыпина. 1865. т. II. стр. 14.

9) Тамъ же, 13.

10) Количественная теорія денегъ вызвала въ Англіи продолжительную полемику въ 30-е и 40-е годы прошлаго вѣка въ связи съ измѣненіемъ устава Англійскаго банка въ 1844 г. подъ непосредственнымъ вліяніемъ сторонниковъ количественной теоріи—главнымъ образомъ С. Лойда (лорда Оверстона). Въ качествѣ противниковъ этой реформы, равно какъ и количественной теоріи денегъ, особенно выдѣлились Тукъ — авторъ многотомной „History of Prices"—и Фуллартонъ. Въ новѣйшее время количественная теорія также неоднократно была предметомъ научнаго разсмотрѣнія. Очень много мѣста ея критикѣ отводитъ Лаугленъ въ своей цитированной книгѣ о деньгахъ; но критика Лауглена не отличается силой. Гораздо успѣшнѣе и убѣдительнѣе критика Шпитгофа (см. Spiethoff. Die Quantitätstheorie. Festgaben für Adolph Wagner. 1905).

11) Schönberg. Handbuch der Politischen Oekonomie. 4-е изд. Т. I. Стр. 357.

12) Wiebe. Zur Geschiche der Preisrevolution des XVI und XVII Jahrhunderts. 1895. Стр. 180.

13) Тамъ же, 192.

14) Тамъ же, 162.

15) „Ввозъ (въ Англію) испанскаго серебра и золота могъ начаться только послѣ 1560 г.". Тамъ же, 304. Въ то же время Роджерсъ, на данныхъ котораго основывается Вибе, указываетъ, что „въ теченіе первыхъ сорока лѣтъ XVI столѣтія цѣны, хотя медленно и умѣренно, все-таки поднимались. Въ первомъ десятилѣтіи денежная стоимость главныхъ предметовъ необходимости, пшеницы и другого хлѣба, стояла, въ общемъ, на томъ же уровнѣ, что и два вѣка назадъ. Въ четвертомъ десятилѣтіи она поднялась отъ 20—40%; повышеніе это было замѣчено и вызвало удивленіе". Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи. Пер. В. Д. Каткова. 1899. Стр. 282.

16)Wiebe, 194.

17) Однимъ изъ главныхъ защитниковъ мнѣнія, что въ 50-е и 60-е годы произошло повышеніе товарныхъ цѣнъ благодаря обезцѣненію золота, былъ Джевонсъ. (См., напр., его Investigations in Currency and Finance. 1884. Глава The variation of Prices). Но аргументація Джевонса, какъ я старался показать въ своей книгѣ „Промышленные кризисы" (первое изданіе, стр. 191—196), неубѣдительна.

18) „Почему, — спрашиваетъ Рикардо, — въ томъ случаѣ, когда спросъ на ввозный товаръ продолжаетъ заявляться, ввозящая страна не можетъ быть окончательно лишена своей монеты и своихъ слитковъ"? и отвѣчаетъ на него въ смыслѣ количественной теоріи денегъ. См. Сочиненія Давида Рикардо. Пер. Зибера. Стр. 313.

19) При развитомъ кредитномъ хозяйствѣ передвиженіе денегъ между различными странами регулируется и инымъ, быстрѣе дѣйствующимъ способомъ—черезъ посредство дисконтнаго процента. Если деньги уходятъ изъ страны, то благодаря этому сокращается металлическая

наличность банковъ — запасы звонкой монеты въ кассахъ банковъ становятся меньше. Это приводитъ къ тому, что банки, ради огражденія своихъ металлическихъ запасовъ, начинаютъ сокращать свои кредиты и съ этой цѣлью подымаютъ дисконтный процентъ — процентъ, изъ котораго они дисконтируютъ векселя своихъ кліентовъ. Повышеніе дисконтнаго процента непосредственно понижаетъ цѣну всѣхъ долгосрочныхъ векселей, почему спросъ на эти векселя за границей повышается и иностранный капиталъ начинаетъ приливать въ страну для покупки этихъ векселей; именно благодаря этому повышенію дисконтнаго процента очень быстро возникаетъ, какъ общее правило, обратный приливъ звонкой монеты въ страну. Но, кромѣ того, затрудненіе въ полученіи кредита оказываетъ и косвенное дѣйствіе на товарныя цѣны: чѣмъ болѣе затрудненъ кредитъ, тѣмъ болѣе побудительныхъ мотивовъ для всѣхъ торговцевъ, нуждающихся въ кредитѣ, спѣшить съ продажей имѣющихся у нихъ запасовъ непроданныхъ товаровъ. Поэтому повышеніе дисконтнаго процента имѣетъ тенденцію вызывать паденіе товарныхъ цѣнъ и, значитъ, привлекать деньги изъ-за границы. Только черезъ посредство дисконтнаго процента количество денегъ въ странѣ фактически вліяетъ на товарныя цѣны. Но это вліяніе косвенное и скоропреходящее, такъ какъ обычный средній уровень дисконтнаго процента не вліяетъ на товарныя цѣны, да и самъ этотъ уровень не находится ни въ какомъ прямомъ соотношеніи съ количествомъ денегъ въ странѣ: лишь колебанія дисконтнаго процента, находящіяся въ связи съ колебаніями количества денегъ въ странѣ, вызываютъ соотвѣтствующія колебанія товарныхъ цѣнъ. Во всякомъ случаѣ, современное хозяйство обладаетъ силами, обезпечивающими страну отъ потери ея звонкой монеты. Непониманіе этого обстоятельства очень ярко сказалось въ Россіи въ эпоху подготовки нашей денежной реформы 1897 г. Въ нашей печати постоянно высказывались опасенія, что при возстановленіи размѣна нашихъ бумажныхъ денегъ на золото страна скоро лишится своего золотого фонда достаточно, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вывозъ нашего хлѣба за границу (напр., вслѣдствіе неурожаевъ) сократился, чтобы золото ушло отъ насъ за границу въ обмѣнъ на заграничные товары. Выражавшіе это опасеніе не понимали, что сокращеніе нашего вывоза должно было бы неизбѣжно привести и къ сокращенію ввоза и что вообще страхи передъ потерей страной денегъ призрачны.

20) Открытіе австралійскихъ и калифорнійскихъ рудниковъ повело къ очень значительному увеличенію добычи золота: за 1831—40 г. средняя ежегодная добыча золота во всемъ мірѣ составляла 20.289 килогр., а за 1851—55 г. ежегодная добыча золота достигала уже 199.388 кгр.— увеличеніе почти въ 10 разъ. Тѣмъ не менѣе, замѣтнаго вліянія это на цѣны не оказало. Отсюда видно, что для того, чтобы оказать вліяніе на цѣны, добыча золота должна была бы возрасти значительно больше, чѣмъ въ десять разъ. Въ эпоху великой революціи цѣнъ увеличеніе добычи драгоцѣнныхъ металловъ было вовсе не такъ значительно, какъ это иногда думаютъ: за 1493—1520 г. ежегодная добыча серебра равнялась 47 тыс. килогр., а золота — 5,8 тыс. килогр.; за 1581—1600 г. серебра—418 тыс. килогр., золота—7,4 тыс. килогр.

21) Чтобы „законъ Грэшама" могъ обнаружить все свое дѣйствіе, требуется свободная чеканка монеты того и другого рода. Если же сво-

бодной чеканки монеты нѣтъ, то менѣе цѣнная монета, если количество ея ограничено, можетъ обращаться рядомъ съ болѣе цѣнной, не вытѣсняя ее; невозможность задержать въ обращеніи англійскую полноцѣнную монету въ первой половинѣ XVI вѣка объяснялось значительнымъ количествомъ испорченной монеты, которой хватало для всѣхъ потребностей обращенія. Въ болѣе общей формѣ законъ Грэшама относится не только къ монетамъ разнаго качества, но и ко всякаго рода деньгамъ, какъ металлическимъ, такъ и бумажнымъ—менѣе цѣнныя деньги (если только количество ихъ для этого достаточно велико) имѣютъ тенденцію вытѣснять болѣе цѣнныя.

22) См. Knapp. Staatliche Theorie des Geldes, 295. Кнаппъ нѣсколько иначе освѣщаетъ исторію денежнаго обращенія въ Англіи, чѣмъ это дѣлается обыкновенно.

23) Lexis. Papierwährung. Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

24) „Государство не предлагаетъ въ обмѣнъ на бумажныя деньги какое-либо другое платежное средство; поэтому бумажныя деньги не являются долговымъ обязательствомъ государства, даже если бы на нихъ и было означено, что онѣ составляютъ долговое обязательство". Knapp. Staatliche Theorie des Geldes. 42.

25) А. Миклашевскій. Деньги. 1895. Стр. 625. Пользованіе этой интересной таблицей затруднено имѣющимися въ ней непонятными опечатками. Такъ, за 1850—59 г. сумма кредитныхъ билетовъ показана въ 488 м. р. вмѣсто 655 м. р. Имѣются въ ней и другія опечатки, исправленныя мною въ текстѣ.

26) Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ бумажнымъ деньгамъ количественная теорія имѣетъ больше значенія, чѣмъ по отношенію къ металлическимъ. Объясняется это тѣмъ, что бумажныя деньги мѣстныя деньги, а металлическія всемірныя. Бумажныя деньги за предѣлами выпустившаго ихъ государства перестаютъ быть деньгами—и потому на нихъ появляется лажъ—а золотая монета остается деньгами вездѣ Потому цѣнность ея и отличается такой устойчивостью.

27) Исторію рабочихъ биржъ Оуэна см. хотя бы у H. Simon. Robert Owen. 1905. Стр. 218—234.

28) Прудонъ называлъ проектируемый имъ банкъ сначала „мѣновымъ банкомъ", затѣмъ „народнымъ банкомъ". Планъ устройства такого банка онъ изложилъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій, особенно въ своихъ брошюрахъ: „Solution du problème social", „La Banque d'Echange" и „La Banque du Peuple" (1848). „Народный банкъ" Прудона, равно какъ и „рабочія биржи" Оуэна, имѣли въ виду мелкаго производителя, а не рабочаго въ крупномъ капиталистическомъ предпріятіи, который не является собственникомъ производимаго имъ продукта. Уже по одному этому учрежденія этого рода были непригодны для разрѣшенія соціальнаго вопроса нашего времени.

ГЛАВА III.

Кредитъ.

I. Сущность кредита и кредитные документы. Два рода кредитныхъ документовъ. Исторія векселя. II. Вексельный курсъ. Роль переводнаго векселя въ иностранной торговлѣ. Платежный балансъ. III. Исторія банковъ. Денежные и кредитные банки. IV. Операціи банковъ. Пріемъ вкладовъ. Чеки. Разсчетныя палаты. Банковые билеты. Системы покрытія банковыхъ билетовъ. Ипотечные банки. Банки движимаго кредита. Банки въ Россіи. V. Сберегательныя кассы. Исторія ихъ въ Англіи. Германскія сберегательныя кассы. VI. Кооперативныя учрежденія мелкаго кредита. Исторія ихъ. Райффейзеновскіе принципы. Имперскій союзъ сельскохозяйственныхъ кооперативовъ. Центральныя кассы. VII. Кооперативныя учрежденія мелкаго кредита въ Россіи. Ссудо-сберегательныя товарищества. Кредитныя товарищества. Условія дальнѣйшаго ихъ развитія. VIII. Народохозяйственное значеніе кредита. Кредитъ и капиталистическіе классы. Увеличеніе связи отдѣльныхъ частей народохозяйственнаго цѣлаго.

I.

Деньги даютъ возможность одному товаровладѣльцу обмѣнивать свои товары на другіе, товары. Деньги устраняютъ препятствія для обмѣна товаровъ, такъ сказать, въ пространствѣ. Но препятствія къ обмѣну существуютъ не только въ пространствѣ, (т. е. не только по отношенію къ товарамъ, одновременно существующимъ), но и во времени—товары, подлежащіе обмѣну, могутъ не существовать одновременно. Одинъ товаръ можетъ быть уже готовъ, а другой, подлежащій обмѣну на первый, можетъ быть готовъ лишь значительно позже. Обмѣнъ на наличныя деньги въ этомъ случаѣ невозможенъ, такъ какъ второму товаропроизводителю нечего продать, чтобы купить первый товаръ. Преодолѣнію этихъ препятствій, возникающихъ изъ разновременности производства товаровъ, и служитъ кредитъ. Кредитомъ называется такая возмездная передача хозяйственныхъ

предметовъ, при которой уплата эквивалента за полученный хозяйственный предметъ отсрочивается на нѣкоторое время, или, говоря иначе, такая сдѣлка, при которой моментъ полученія какой-либо цѣнности отдѣленъ отъ момента возвращенія ея эквивалента нѣкоторымъ промежуткомъ времени.

Слово кредитъ происходитъ отъ латинскаго слова credo, что означаетъ „вѣрю". Соотвѣтственно этому многіе экономисты выдвигаютъ на первый планъ моментъ довѣрія, какъ основу кредита. Но такое объясненіе кредита явно несостоятельно. Далеко не всякій кредитъ основывается на довѣріи. Существуютъ два рода кредита—личный кредитъ и реальный или вещный. Извѣстное довѣріе къ должнику предполагается лишь личнымъ кредитомъ, при которомъ кредиторъ не имѣетъ особаго вещнаго обезпеченія своей ссуды. Что же касается кредита вещнаго, то послѣдній обезпечивается какимъ-либо хозяйственнымъ предметомъ—при закладѣ движимаго имущества должникъ передаетъ кредитору закладываемую вещь, а при залогѣ недвижимаго имущества кредиторъ, хотя и не владѣетъ заложеннымъ имуществомъ, но имѣетъ на него опредѣленныя права и, прежде всего, право продать это имущество въ случаѣ неуплаты долга. Вещный кредитъ, очевидно, не основывается на личномъ довѣріи.

Но и личный кредитъ, въ концѣ-концовъ, основывается не на личномъ довѣріи, а на объективныхъ условіяхъ торговаго оборота. Въ русской торговлѣ, напримѣръ, издавна господствуетъ кредитъ на сравнительно долгіе сроки. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ наша торговля съ иностранцами велась въ кредитъ (срокомъ, обыкновенно, на годъ), но не потому, чтобы русскіе купцы пользовались особымъ довѣріемъ иностранцевъ. Наоборотъ, всѣ иностранцы въ одинъ голосъ жаловались на недобросовѣстность и нечестность русскихъ купцовъ. Тѣмъ не менѣе, иностранцы отпускали русскимъ купцамъ свои товары въ кредитъ, и на долгій срокъ, вынужденные необходимостью—наличныхъ денегъ у русскихъ купцовъ было мало и они могли заплатить за товаръ лишь послѣ продажи его внутри Россіи, причемъ долгосрочность кредита объяснялась тѣмъ, что оборотъ торговаго капитала требовалъ въ Россіи большого срока по причинѣ обширной территоріи и плохихъ путей сообщенія. Такимъ образомъ, субъективный моментъ довѣрія играетъ въ кредитныхъ сдѣлкахъ лишь совершенно подчиненную роль.

По сроку возвращенія ссуды кредитъ раздѣляется на краткосрочный и долгосрочный, по хозяйственнымъ цѣлямъ зай-

ма — на производительный и потребительный. Подъ производительнымъ кредитомъ понимаютъ кредитъ, служащій производительнымъ цѣлямъ—снабженію кредитующагося лица средствами производства; соотвѣтственно характеру производительныхъ цѣлей различаютъ кредитъ торговый, промышленный и сельскохозяйственный. Подъ потребительнымъ кредитомъ понимаютъ такой, который служитъ потребительнымъ цѣлямъ кредитующагося лица. При производительномъ кредитѣ полученная ссуда приводитъ къ созданію новой цѣнности, которая и является источникомъ для возвращенія ссуды; напротивъ, при потребительномъ кредитѣ новой цѣнности, изъ самой ссуды, не возникаетъ и возвращеніе ссуды становится возможнымъ лишь при привлеченіи для этого иныхъ хозяйственныхъ источниковъ въ распоряженіе кредитующагося лица. Потому при производительномъ кредитѣ возвращеніе ссуды при отсутствіи вещнаго обезпеченія болѣе обезпечено, чѣмъ при потребительномъ.

Кредитныя сдѣлки совершаются при помощи кредитныхъ документовъ, которые могутъ быть раздѣлены на два типа—приказъ платежа и обѣщаніе платежа 1). Къ первому типу относится переводный вексель и чекъ, ко второму—простой вексель, долговая расписка, банковый билетъ, облигація.

Самымъ важнымъ орудіемъ кредита является вексель и притомъ, преимущественно, переводный вексель. Переводный вексель тѣмъ отличается отъ простого, что въ немъ участвуетъ не менѣе 3-хъ лицъ; онъ является, по своей формѣ, приказомъ лица А, обращеннымъ къ лицу В, уплатить лицу С опредѣленную сумму денегъ. Лицо А является кредиторомъ лица В, лицо В его должникомъ; кредиторъ А приказываетъ, такимъ образомъ, своему должнику В уплатить третьему лицу С (являющемуся, въ свою очередь, кредиторомъ лица А) должную ему сумму.

Переводный вексель есть не только болѣе важная, но и болѣе старинная форма векселя. Первоначальный вексель былъ переводнымъ векселемъ, возникшимъ на почвѣ совершенно иныхъ потребностей, чѣмъ тѣ, которымъ онъ удовлетворяетъ теперь. Вексель возникъ въ 13 вѣкѣ въ Италіи. Италія конца среднихъ вѣковъ представляла собой конгломератъ государствъ, изъ которыхъ каждое обладало суверенным правомъ чеканить свою монету, такъ что въ Италіи циркулировали монеты самаго различнаго качества; это очень затрудняло торговый оборотъ. При отсутствіи организованной почты и нерѣдкихъ запрещеніяхъ вывоза монеты платежи между различными городами, пользовавшимися суверенными правами, были очень затруднены. На почвѣ этихъ затруд-

неній международныхъ платежей и возникъ вексель (переводный). Допустимъ, напримѣръ, что какой-нибудь флорентинскій купецъ ѣдетъ на миланскую ярмарку; вмѣсто того, чтобы везти съ собой деньги, что было и неудобно и не безопасно (рискъ быть ограбленнымъ), онъ отдаетъ ихъ флорентинскому банкиру. Послѣдній отдаетъ приказъ своей конторѣ или своему кліенту (должнику) въ Миланѣ уплатить соотвѣтствующую сумму въ миланской монетѣ флорентинскому купцу и выдаетъ послѣднему соотвѣтствующій документъ. Этотъ документъ и былъ переводнымъ векселемъ. Такимъ образомъ, первоначальный вексель былъ не столько кредитнымъ документомъ, сколько орудіемъ перевода денегъ. Но такъ какъ такой переводъ не совершается моментально, то въ немъ уже имѣются элементы кредитной сдѣлки: банкиръ получалъ денежную сумму раньше, чѣмъ отдавалъ ее своему вѣрителю черезъ посредство своихъ агентовъ. Благодаря этому, вся эта операція иногда была замаскированнымъ займомъ—средствомъ получить процентъ по ссудѣ, что въ то время запрещалось закономъ [2]). Переводы денегъ и являлись средствомъ обойти этотъ законъ—банкиръ получалъ возможность заплатить процентъ за полученную сумму денегъ, маскируя это переводомъ денегъ въ другое мѣсто и возвратомъ полученной суммы въ монетѣ другого наименованія.

II.

Главное значеніе переводный вексель имѣетъ въ международной торговлѣ, гдѣ онъ до настоящаго времени является господствующимъ орудіемъ кредита и господствующимъ средствомъ платежа. Фактически, международные платежи производятся слѣдующимъ образомъ. Всякая страна является одновременно и должникомъ и кредиторомъ по отношенію къ другимъ странамъ. Допустимъ, что русскій хлѣботорговецъ вывезъ въ Англію пшеницу, а русскій фабрикантъ ввезъ изъ Англіи машины. Взаимныя обязательства Россіи и Англіи могли бы быть ликвидированы слѣдующимъ образомъ: русскій фабрикантъ переслалъ бы звонкую монету въ Англію, а покупщикъ русской пшеницы въ Англіи переслалъ бы слѣдуемую сумму русскому хлѣботорговцу. Но пересылать звонкую монету изъ одной страны въ другую дорого — приходится оплачивать стоимость пересылки. Вмѣсто этого, русскій фабрикантъ можетъ купить вексель, который русскій экспортеръ пшеницы выставляетъ на англичанина, и переславши этотъ вексель въ Англію своему

кредитору, погасить свой долгъ. Такимъ образомъ, въ Россіи деньги перейдутъ отъ фабриканта (импортера) къ хлѣботорговцу (экспортеру), а въ Англіи отъ покупателя русской пшеницы (импортера) къ фабриканту машинъ (экспортеру). Вмѣсто того, чтобы переходить изъ одной страны въ другую, деньги совершатъ гораздо болѣе короткій путь внутри каждой страны. Но, очевидно, что русскій фабрикантъ только тогда купитъ вексель на Англію, когда этотъ вексель стоитъ дешевле, чѣмъ стоила бы уплата пересылкой монеты, т. е. цѣна векселя, на русскія деньги въ Россіи, выставленнаго въ англійскихъ деньгахъ на Англію, не можетъ превышать цѣнности соотвѣтствующаго количества звонкаго металла плюсъ стоимость его пересылки.

Цѣна иностраннаго векселя (т. е. векселя, выставленнаго на другую страну въ валютѣ этой послѣдней страны) въ туземной валютѣ называется вексельнымъ курсомъ. Изъ сказаннаго ясно, что вексельный курсъ можетъ колебаться лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Вексельный курсъ не можетъ отклонится отъ паритета (т. е. отъ цѣны, соотвѣтствующей относительной цѣнности денежной единицы каждой страны) въ ту или другую сторону больше, чѣмъ на стоимость пересылки металла изъ одной страны въ другую. Ибо если бы цѣна векселя отклонилась свыше этой нормы, то было бы выгоднѣе производить платежи просто пересылкой звонкой монеты.

Высота вексельнаго курса данной страны (т. е. то, стоитъ ли курсъ векселя выше или ниже и насколько именно pari) опредѣляется ея платежнымъ балансомъ т. е. соотношеніемъ денежныхъ платежей данной страны другимъ странамъ и другихъ странъ ей. Отъ платежнаго баланса слѣдуетъ отличать торговый балансъ—соотношеніе вывоза товаровъ изъ данной страны въ другія страны и ввоза товаровъ изъ другихъ странъ въ данную страну. Если мы обратимся къ статистикѣ ввоза и вывоза разныхъ странъ, то увидимъ, что страны съ избыткомъ капитала (напр. Англія, Франція, Германія), какъ общее правило, больше ввозятъ товаровъ, чѣмъ вывозятъ (имѣютъ неблагопріятный торговый балансъ), бѣдныя же страны (напр. Россія, Индія, Китай), наоборотъ, обычно больше вывозятъ, чѣмъ ввозятъ (имѣютъ благопріятный торговый балансъ). Фактъ этотъ противорѣчитъ прежней экономической теоріи (меркантилистовъ), полагавшей, что превышеніе вывоза товаровъ сравнительно съ ввозомъ есть признакъ богатства страны.

Объясняется это тѣмъ, что богатыя страны съ избыткомъ капитала являются по отношенію къ другимъ странамъ кредито-

рами; англійскій, напр., капиталъ находитъ себѣ помѣщеніе во всемъ мірѣ, и, такимъ образомъ, весь міръ является должникомъ Англіи. Должники должны выплачивать проценты на занятый капиталъ—своего рода дань Англіи. Этой-то данью—платежами другихъ странъ Англіи за англійскій капиталъ, помѣщенный въ нихъ,—Англія и оплачиваетъ избытокъ своего товарнаго ввоза. Иными словами, Англія собираетъ съ другихъ странъ дань товарами, за которые платитъ деньгами, притекающими къ ней изъ этихъ же странъ въ видѣ процентовъ и дивидендовъ по помѣщенному въ нихъ англійскому капиталу. Напротивъ, страны-должники, какъ напр. Россія, больше вывозятъ товаровъ, чѣмъ ввозятъ потому, что вывозомъ своихъ товаровъ онѣ платятъ проценты по занятому ими и помѣщенному въ нихъ иностранному капиталу.

Платежный балансъ страны опредѣляется слѣдующими факторами. Прежде всего ея торговымъ балансомъ; затѣмъ, размѣромъ взаимныхъ обязательствъ разныхъ странъ по уплатѣ процентовъ и дивидендовъ съ капиталовъ, помѣщенныхъ за границей, размѣромъ платы за провозъ товаровъ данной страны на корабляхъ другой страны и товаровъ другихъ странъ на корабляхъ данной страны, размѣромъ расходовъ путешественниковъ данной страны за границей и другихъ странъ въ ней, и вообще всякими перемѣщеніями денежныхъ суммъ изъ одной страны въ другую.

Платежный балансъ той или иной страны обычно сильно колеблется, причемъ за неблагопріятнымъ платежнымъ балансомъ слѣдуетъ благопріятный и обратно. Колебанія эти (отражающіяся на колебаніяхъ вексельнаго курса) приводятъ къ возстановленію равновѣсія въ международномъ денежномъ обращеніи, при помощи механизма, разъясненнаго въ предшествующей главѣ. Но, какъ справедливо указывалъ Герцка въ своей работѣ „Вексельный курсъ и лажъ“, это не мѣшаетъ нѣкоторымъ странамъ являться, въ окончательномъ итогѣ, экспортерами денежнаго металла, а другимъ импортерами металла: страны, добывающія драгоцѣнные металлы, экспортируютъ ихъ за границу и имѣютъ потому въ окончательномъ итогѣ неблагопріятный платежный балансъ (больше вывозятъ денегъ, чѣмъ ввозятъ), а страны, получающія драгоцѣнные металлы изъ-за границы, имѣютъ въ окончательномъ итогѣ благопріятный платежный балансъ (больше ввозятъ денегъ, чѣмъ вывозятъ).

III.

Учрежденіями, организующими кредитныя операціи, являются банки. Банки производятъ операціи чисто д е н е ж н ы я—въ которыхъ банкъ является лишь простымъ посредникомъ при денежныхъ платежахъ—и спеціально к р е д и т н ы я. Первоначальные общественные банки исполняли операціи только перваго рода. Они возникли въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени на почвѣ разнокачественности и испорченности монеты въ государствахъ того времени, что вызывало цѣлый рядъ затрудненій въ торговомъ оборотѣ. Нѣкоторыя правительства дѣлали попытки улучшить монету, но, въ силу закона Грэшама, хорошая монета быстро уходила изъ обращенія и оставалась одна дурная. Какъ и векселя, банки возникли прежде всего въ Италіи. Первоначальные итальянскіе общественные банки (напр. Генуэзскій банкъ св. Георгія, Венеціанскій банкъ) были учрежденіями, которыя принимали отъ своихъ кліентовъ вклады (на храненіе) звонкой монеты, которую они принимали по вѣсу. Взамѣнъ этого они брали на себя обязательство производить платежи за даннаго вкладчика. Вкладчиками обыкновенно являлись всѣ важнѣйшіе торговые дома данной республики. Когда нужно было производить платежи за данное лицо, банкъ переписывалъ извѣстную сумму денегъ со счета этого лица на счетъ другого. Эта операція называлась „жиро“ (отъ итальянскаго слова giro — кругъ), почему и соотвѣтствующіе банки назывались „жиро-банки“. Кредитныхъ операцій банки этого рода производить не имѣли права—они должны были хранить въ неприкосновенности въ своихъ подвалахъ переданную имъ ихъ кліентами звонкую монету. Само собою разумѣется, они не только не платили процентовъ по вкладамъ (которыми не имѣли права пользоваться), а, наоборотъ, требовали извѣстныхъ ежегодныхъ взносовъ со своихъ кліентовъ за исполненіе ихъ порученій по произведенію за ихъ счетъ платежей.

Таковъ же былъ и знаменитый Амстердамскій банкъ, основанный въ 1609 году. Довѣріе къ этому банку было такъ велико, что „банковыя деньги“ имѣли курсъ нѣсколько высшій, чѣмъ соотвѣтствующія количества металла. Если банкъ замѣчалъ, что въ обращеніи находится очень много денегъ и можно опасаться пониженія ихъ курса, то онъ начиналъ извлекать ихъ изъ обращенія и, такимъ образомъ, поддерживалъ на соотвѣтствующей высотѣ ихъ курсъ. Цѣнились же они выше звонкой

монеты потому, что были болѣе удобнымъ орудіемъ обращенія, чѣмъ звонкая монета.

Въ концѣ концовъ, почти всѣ эти первоначальные денежные банки рухнули потому, что не могли устоять отъ соблазна воспользоваться звонкой монетой, лежавшей въ ихъ кладовыхъ, для кредитныхъ операцій въ пользу государства, обнаруженіе чего вело къ потерѣ довѣрія къ банку и его крушенію. Первымъ банкомъ современнаго типа былъ Англійскій банкъ, основанный въ 1694 году по проекту Петерсона. Петерсонъ исходилъ изъ того соображенія, что бывшіе до того времени банки располагали огромнымъ количествомъ звонкой монеты, которая лежала у нихъ совершенно праздно, такъ какъ монета эта не требовалась обратно вкладчиками; между тѣмъ они могли бы пользоваться этой монетой, безъ ущерба для вкладчиковъ, для цѣлей кредита. Англійскій банкъ поставилъ себѣ, такимъ образомъ, кредитныя цѣли, въ противоположность прежнимъ денежнымъ банкамъ. Согласно утвержденному правительствомъ уставу, банкъ передалъ въ ссуду правительству свой капиталъ въ 1.200 тыс. ф. стерл., собранный по подпискѣ, а взамѣнъ этого получилъ право на ту же сумму выпустить для кредитныхъ операцій свои собственные билеты. Учрежденіе англійскаго банка знаменуетъ собой новую эпоху въ исторіи банковаго дѣла—замѣну денежныхъ банковъ кредитными банками.

IV.

Современные банки раздѣляются на банки краткосрочнаго кредита (кредитующіе, преимущественно, торговлю и промышленность) и долгосрочнаго кредита (ипотечные банки, кредитующіе подъ залогъ недвижимостей—земель и зданій). Кредитныя операціи банковъ раздѣляются на пассивныя и активныя. Пассивными операціями называются такія, посредствомъ которыхъ банкъ получаетъ капиталы, которыми онъ кредитуетъ своихъ кліентовъ. Пассивныя операціи банковъ краткосрочнаго кредита заключается преимущественно въ пріемѣ вкладовъ и въ выпускѣ банковыхъ билетовъ на предъявителя. Активными операціями банка называются различные способы помѣщенія его капиталовъ—разные способы кредита. Главнѣйшими активными операціями банковъ краткосрочнаго кредита являются учетъ коммерче-

скихъ векселей и ссуды подъ залогъ разнаго рода цѣнностей.

Учетъ векселей заключается въ томъ, что банкъ покупаетъ векселя до наступленія срока платежа по нимъ, учитывая процентъ за досрочный платежъ по векселю. Такъ напримѣръ, вексель въ 1000 руб., уплата по которому слѣдуетъ черезъ 3 мѣсяца, покупается банкомъ, скажемъ, за 980 рублей—20 руб. составляютъ учетъ, прибыль банка. При ссудѣ подъ залогъ цѣнностей банкъ выдаетъ ссуду подъ залогъ этихъ цѣнностей (цѣнныхъ бумагъ или товаровъ), въ размѣрѣ не полной цѣнности послѣднихъ, а лишь извѣстной болѣе или менѣе значительной части. Въ случаѣ неуплаты должникомъ долга въ срокъ, банкъ имѣетъ право продать цѣнности, обезпечивающія ссуду, и изъ вырученныхъ денегъ покрыть долгъ.

Значительная часть вкладовъ современныхъ банковъ суть вклады до востребованія—т. е. такіе, которые вкладчикъ можетъ во всякое время потребовать обратно. По этимъ вкладамъ банки платятъ, какъ общее правило, процентъ, хотя и меньшій, чѣмъ по срочнымъ вкладамъ. Какимъ же образомъ банкъ можетъ пользоваться этими вкладами для своихъ цѣлей, если они каждый день могутъ быть потребованы обратно? Возможно это потому, что только нѣкоторая часть вкладчиковъ фактически осуществляетъ одновременно свое право обратнаго истребованія вклада; большая же часть этихъ вкладовъ остается въ кассахъ банка, который и можетъ кредитовать ими своихъ кліентовъ.

Лицамъ, помѣстившимъ въ банкъ свои вклады до востребованія, банкъ открываетъ текущій счетъ, выдаетъ имъ чековую книжку и предоставляетъ право выставлять на банкъ чеки. Чекъ есть кредитный документъ опредѣленной формы, представляющій собою обращенный къ банку приказъ чекодателя уплатить предъявителю чека (особо поименованному или нѣтъ) опредѣленную сумму денегъ. Чеки не предназначены для обращенія и потому дѣйствительны только въ теченіе короткаго срока (не болѣе нѣсколькихъ дней).

При помощи чековъ становится возможнымъ производить уплаты безъ употребленія наличныхъ денегъ. Преимуществомъ же такого способа уплаты является то, что веденіе кассы даннаго лица перелагается на банкъ и въ то же время денежная сумма, лежащая въ банкѣ въ видѣ вклада, приноситъ своему владѣльцу опредѣленный доходъ въ видѣ процента по текущему счету.

Если лицо, получившее уплату чекомъ, состоитъ вкладчикомъ того же банка, то банкъ не нуждается для уплаты по чеку въ наличныхъ деньгахъ и просто переписываетъ соотвѣтствующую сумму со счета одного лица на счетъ другого лица. Если же лицо, получившее уплату чекомъ, состоитъ вкладчикомъ другого банка, то надобность въ наличныхъ деньгахъ со стороны банка устраняется путемъ соглашенія банковъ принимать чеки другъ за друга. Если, напр. вкладчикъ банка А получилъ въ уплату чекъ, выставленный другимъ лицомъ на банкъ В, то банкъ А оплачиваетъ этотъ чекъ своему вкладчику за счетъ банка В, путемъ увеличенія на соотвѣтствующую сумму счета своего вкладчика, причемъ банкъ А становится кредиторомъ на соотвѣтствующую сумму банка В. Такія же операціи производитъ и банкъ В по отношенію къ банку А, равно какъ и другіе банки по отношенію другъ къ другу. Для ликвидаціи взаимныхъ обязательствъ банковъ существуютъ особые учрежденія, разсчетныя палаты, въ которыхъ ежедневно подводится балансъ обязательствъ каждаго банка и разница уплачивается наличностью.

Чеки замѣняютъ наличныя деньги въ уплатахъ кліентовъ банковъ, а разсчетныя палаты устраняютъ наличныя деньги въ уплатахъ самихъ банковъ другъ другу. Все вмѣстѣ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что уплаты на огромныя суммы производятся при самомъ ничтожномъ употребленіи наличныхъ денегъ. При широкомъ распространеніи платежей чеками, почти вся кассовая наличность частныхъ лицъ скопляется въ банкахъ, а эти послѣдніе, точно также не нуждаясь благодаря разсчетнымъ палатамъ, въ значительной наличности, помѣщаютъ свои наличные резервы въ крупныхъ національныхъ банкахъ. Такъ, напр., въ Англіи металлическіе резервы страны хранятся преимущественно въ Англійскомъ банкѣ, играющемъ роль регулятора денежнаго обращенія всей страны.

Въ результатѣ такой организаціи получается значительное сокращеніе потребности въ звонкой монетѣ. Въ Англіи, гдѣ чекъ всего болѣе вошелъ въ употребленіи и гдѣ сколько нибудь состоятельные люди производятъ уплаты болѣе значительныхъ суммъ почти исключительно чеками, количество звонкой монеты, требующейся для огромныхъ оборотовъ англійской торговли, сравнительно, крайне незначительно. Общее количество золота (въ монетѣ и слиткахъ) въ Англіи опредѣляли къ 1 января 1905 г. въ 2.239 мил. марокъ, въ Германіи—въ 3.724 мил. марокъ, во Франціи — въ 3.891 мил. марокъ. Будучи самой богатой страной, Англія имѣетъ возможность довольствоваться, благодаря раз-

витію кредита, меньшимъ количествомъ золота, чѣмъ Франція и Германія.

Особый теоретическій интересъ представляетъ эмиссіонная операція банковъ—выпускъ банковыхъ билетовъ на предъявителя. Банковые билеты суть кредитные документы, содержащіе въ себѣ обязательство банка уплатить предъявителю билета обозначенную на билетѣ сумму денегъ. Банковые билеты выставляются на опредѣленныя круглыя суммы и предназначаются для замѣны въ обращеніи звонкой монеты; они служатъ для платежей, являются орудіемъ обмѣна и, вообще, такъ же обращаются въ торговомъ оборотѣ, какъ и деньги. Различіе ихъ отъ денегъ въ томъ, что они не являются самостоятельнымъ мѣриломъ цѣнности: такъ какъ они размѣниваются на деньги банкомъ, то ихъ собственная цѣнность опредѣляется деньгами.

Именно этимъ банковые билеты отличаются отъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Другимъ ихъ отличіемъ отъ обычныхъ бумажныхъ денегъ является способъ выпуска. Бумажныя деньги обычно выпускаются правительствомъ путемъ расходованія этихъ денегъ на нужды государства. Напротивъ, банковые билеты выпускаются въ обращеніе банкомъ путемъ кредита — преимущественно, путемъ учета векселей. Поэтому банкъ только на время можетъ втолкнуть въ обращеніе излишнее количество своихъ билетовъ — при платежѣ по векселю билеты возвращаются въ банкъ обратно. Словомъ, наряду съ отливомъ билетовъ изъ банка въ обращеніе, существуетъ обратный притокъ билетовъ изъ обращенія въ банкъ, что весьма важно въ томъ отношеніи, что препятствуетъ чрезмѣрному заполненію обращенія страны банковыми билетами.

Количество банковыхъ билетовъ въ обращеніи обычно правильно колеблется въ зависимости отъ состоянія торговли. Оживленіе торговли увеличиваетъ спросъ на банковые билеты, при паденіи торговли билеты возвращаются въ банкъ.

Банковые билеты размѣниваются на металлъ по предъявленію. Однако, фактически, только небольшая часть билетовъ въ каждый данный моментъ предъявляется къ размѣну — поэтому-то банкъ и можетъ пользоваться своими билетами для кредитованія своихъ кліентовъ.

Въ виду того, что банковые билеты широко обращаются на рынкѣ наряду съ деньгами, правительство принимаетъ особыя мѣры для обезпеченія размѣна банковыхъ билетовъ. Существуетъ три основныхъ системы обезпеченія банковыхъ билетовъ,

покрытія ихъ металломъ. Англійская система заключается въ томъ, что банковые билеты на извѣстную сумму остаются совершенно непокрытыми металломъ, а свыше этой суммы покрываются металломъ полностью. По закону Роберта Пиля 1844 г., Англійскому банку было предоставлено на 14 милліоновъ ф. ст. (впослѣдствіи эта цифра была нѣсколько увеличена) выпускать билетовъ безъ всякаго металлическаго покрытія, а все количество билетовъ, выпущенныхъ свыше этой нормы, должно было быть покрыто звонкой монетой полностью. Германская или континентальная система заключается въ покрытіи банковыхъ билетовъ на $^1/_3$ металломъ, а на остальныя $^2/_3$ краткосрочными векселями. Согласно сѣверо-американской системѣ, банкамъ предоставляется право выпускать билеты въ размѣрѣ 90% цѣнности принадлежащихъ имъ государственныхъ бумагъ, лежащихъ въ залогѣ въ государственномъ казначействѣ, причемъ билеты эти должны быть еще покрыты металломъ въ размѣрѣ 15 — 25%. Наиболѣе удачной системой слѣдуетъ признать германскую, при которой достигается и достаточная обезпеченность размѣнности билетовъ, и въ то же время банкамъ предоставляется широкая свобода въ развитіи ихъ операцій по выпуску билетовъ.

Банки краткосрочнаго кредита—такъ называемые коммерческіе банки—служатъ цѣлямъ преимущественно торговли и промышленности, которыя они снабжаютъ оборотнымъ капиталомъ. Однако, для предпріятія нуженъ не только оборотный, но и основной капиталъ. Кредитъ для снабженія предпріятія основнымъ капиталомъ долженъ быть, по самому существу дѣла, долгосрочнымъ кредитомъ, такъ какъ основной капиталъ оборачивается медленно. При долгосрочности кредита и формы обезпеченія кредитора должны быть иныя — личный кредитъ, преобладающій въ банкахъ краткосрочнаго кредита, становится невозможнымъ. Становится необходимымъ вещное обезпеченіе кредита. Въ такъ называемыхъ ипотечныхъ банкахъ обезпеченіемъ является недвижимость—въ городахъ городская земля и постройки, въ сельскомъ хозяйствѣ—земля (земельные банки). Банки этого рода выдаютъ подъ залогъ недвижимости долгосрочныя ссуды, которыя погашаются по частямъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Капиталы, выдаваемые въ ссуду, пріобрѣтаются ипотечными банками путемъ выпуска такъ называемыхъ закладныхъ листовъ—облигацій, обезпечиваемыхъ заложеннымъ имуществомъ.

Своеобразный типъ банковъ долгосрочнаго кредита представляютъ собою такъ называемые банки движимаго кре-

дита (credit mobilier), ставящіе своей спеціальной цѣлью снабженіе предпріятій основнымъ капиталомъ и учрежденіе новыхъ предпріятій. Эти банки, соединяющіе операціи долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита, имѣли одно время во Франціи, въ эпоху Третьей Имперіи, шумный успѣхъ, но оказались весьма ненадежными кредитными учрежденіями, благодаря необезпеченности помѣщаемыхъ въ нихъ капиталовъ. Фактически, снабженіе капиталами вновь учреждаемыхъ, а также и старыхъ предпріятій—такъ называемое финансированіе ихъ при посредствѣ сбыта на биржѣ ихъ акцій и облигацій и кредитованія ихъ подъ залогъ этихъ бумагъ—является постоянной операціей обычныхъ коммерческихъ банковъ, хотя этимъ и нарушается принципъ краткосрочности кредита.

Въ организаціи кредита въ Россіи выдающуюся роль играетъ государство. Частные коммерческіе банки стали возникать въ Россіи только въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка и хотя они съ тѣхъ поръ получили очень значительное развитіе, тѣмъ не менѣе, и до настоящаго времени руководящая роль среди нашихъ учрежденій краткосрочнаго кредита принадлежитъ Государственному банку, который исполняетъ обычныя операціи коммерческихъ банковъ, но въ то же время регулируетъ и денежное обращеніе страны—производитъ выпуски кредитныхъ билетовъ въ соотвѣтствіи съ нормами, установленными закономъ (о чемъ выше въ предшествовавшей главѣ). Въ настоящее время, при существованіи размѣна, наши кредитные билеты являются не бумажными деньгами, а банковыми билетами, обязательными къ пріему и снабженными принудительнымъ курсомъ, подобно билетамъ Англійскаго банка, отличаясь, однако, весьма существенно отъ этихъ послѣднихъ въ томъ отношеніи, что Англійскій банкъ является частнымъ учрежденіемъ, выпускающимъ свои билеты по коммерческимъ соображеніямъ, а нашъ Государственный банкъ есть органъ государства и вся дѣятельность его подчинена интересамъ казны. Ни одинъ другой банкъ въ Россіи не обладаетъ правомъ выпуска своихъ билетовъ—эмиссіонная операція есть монополія Государственнаго банка.

Еще болѣе преобладающую роль государство играетъ у насъ въ организаціи долгосрочнаго кредита. Учрежденный въ 1882 г. Государственный крестьянскій поземельный банкъ (о которомъ выше въ отдѣлѣ II главѣ XI) преслѣдовалъ въ началѣ только цѣли расширенія крестьянскаго землевладѣнія и только въ 1906 г. ему было предоставлено также право выдавать ссуды подъ залогъ крестьянской надѣльной земли. Въ 1885 г. учрежденъ Государственный дво-

рянскій земельный банкъ, спеціально съ цѣлью помощи дворянскому землевладѣнію путемъ предоставленія ему кредита на возможно болѣе льготныхъ условіяхъ. Для пониженія процента по ссудамъ дворянскаго банка былъ даже выпущенъ особый выигрышный заемъ, благодаря чему банкъ получилъ возможность держать проценть по ссудамъ ниже процента, платимаго имъ самимъ по своимъ закладнымъ листамъ. Благодаря такимъ выгоднымъ условіямъ кредита дворянскій банкъ быстро развилъ свои операціи. Въ то время какъ общая задолженность нашего частнаго землевладѣнія земельнымъ банкамъ къ 1 января 1908 г. выражалась 1.576 милліонами р. (за вычетомъ долговъ Крестьянскому банку), долги Дворянскому банку составляли въ этой суммѣ 788 мил. р.—т. е. какъ разъ половину.

V.

Обычные банки служатъ нуждамъ крупныхъ капиталистовъ. Но въ кредитѣ нуждаются какъ крупные, какъ и мелкіе производители и потребители. Самой ранней формой мелкаго кредита было ростовщичество, которое являлось, вмѣстѣ съ тѣмъ, системой крайней эксплоатаціи мелкаго люда денежнымъ капиталомъ. Еще въ средніе вѣка были попытки бороться съ ростовщичествомъ путемъ особыхъ учрежденій, такъ назыв. montes pietatis,—учрежденій, принимавшихъ подъ залогъ движимое имущество и выдававшихъ ссуды. Возникали эти учрежденія по иниціативѣ городскихъ общинъ и монастырскихъ орденовъ и имѣли первоначально благотворительный характеръ. Ссуды первоначально были безпроцентными, затѣмъ по нимъ стали взиматься, сравнительно, небольшіе проценты. Но всѣ такія учрежденія были мало дѣйствительными средствами борьбы съ ростовщичествомъ, которое почти безраздѣльно господствовало въ области мелкаго кредита вплоть до новѣйшаго времени.

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ привлеченія къ кредитнымъ операціямъ мелкихъ капиталовъ явились такъ называемыя сберегательныя кассы, возникшія въ Англіи въ концѣ 18 вѣка. Задачи этихъ кассъ заключались, главнымъ образомъ, въ доставленіи населенію возможности получить проценть съ самыхъ небольшихъ сбереженій, доступныхъ и бѣднымъ людямъ. Первоначальныя сберегательныя кассы въ Англіи были частными учрежденіями, во главѣ которыхъ стояли мѣстные вліятельные люди землевладѣльцы и духовенство. Операціи ихъ развивались мед-

ленно и только въ 1861 г., когда Гладстонъ организовалъ такъ называемыя почтовыя сберегательныя кассы—огромную сѣть правительственныхъ сберегательныхъ кассъ при почтовыхъ отдѣленіяхъ,—вклады въ сберегательныя кассы стали быстро возрастать. Всѣ эти вклады (какъ почтовыхъ сберегательныхъ кассъ, такъ и кассъ прежняго типа) въ Англіи помѣщаются почти исключительно въ государственныя процентныя бумаги, благодаря чему кассы явились насосомъ, который выкачивалъ сбереженія мелкаго люда и направлялъ ихъ государству.

Обороты сберегательныхъ кассъ, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, выражаются очень крупными цифрами. Такъ, въ Англіи въ 1903—4 г. число сберегательныхъ книжекъ достигало 11.378 тыс., общая сумма вкладовъ—4.093 милліоновъ марокъ. Во Франціи въ 1903 г. число сберегательныхъ книжекъ достигало 11.469 тыс., а сумма вкладовъ—3.444 милліоновъ марокъ. Въ Пруссіи въ 1905 году при 10.643 тыс. сберегательныхъ книжекъ сумма вкладовъ достигла 8.294 милліоновъ марокъ. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, достаточно указать, что въ 1900 г. въ Германіи всѣ коммерческіе банки краткосрочнаго кредита располагали лишь 6,9 милліардами марокъ своего и чужого капитала, т. е. меньшимъ капиталомъ, чѣмъ сберегательныя кассы, вклады которыхъ въ томъ же году во всей Германіи превышали 8 милліардовъ марокъ. Общая же сумма капиталовъ, выданныхъ въ ссуду въ томъ же году ипотечными банками Германіи достигала $6^1/_2$ милліард. марокъ, т. е. опять таки не достигала по своимъ размѣрамъ капиталовъ сберегательныхъ кассъ.

Германскія сберегательныя кассы (являющіяся, во многихъ отношеніяхъ, образцовыми) служатъ двумъ цѣлямъ: дать возможность мелкому люду получать процентъ со своихъ сбереженій, и, съ другой стороны, помочь мѣстному мелкому производителю получать дешевый кредитъ. Онѣ вполнѣ автономны и исполняютъ самыя разнообразныя операціи—дѣлаютъ долгосрочныя ссуды небольшими суммами, занимаются покупкой и продажей земли въ интересахъ мѣстнаго мелкаго крестьянства, оказываютъ помощь при постройкѣ жилищъ для рабочихъ, поддерживаютъ кооперативныя организаціи мелкаго кредита и т. д. и т. д. Свои капиталы онѣ стараются утилизировать въ интересахъ мѣстнаго крестьянства и мелкихъ промышленниковъ, приходя имъ въ разнообразномъ смыслѣ на помощь. Именно въ этихъ активныхъ операціяхъ германскихъ сберегательныхъ кассъ и заключается ихъ огромное преимущество передъ кассами англійскими и французскими. Во французской экономической литературѣ постоянно раздаются

жалобы на то, что французскія кассы, помѣщающія свои капиталы почти исключительно въ государственныя процентныя бумаги, оттягиваютъ капиталы отъ мѣстныхъ мелкихъ владѣльцевъ и, такимъ образомъ, обезкровливаютъ мѣстное мелкое производство. Этого избѣгаютъ германскія сберегательныя кассы, которыя своими капиталами оказываютъ помощь мѣстнымъ мелкимъ производителямъ, наиболѣе нуждающимся въ кредитѣ. Такія операціи германскихъ кассъ, какъ ссуды подъ залогъ недвижимостей на долгіе сроки, могутъ казаться несогласными съ принципами банковаго дѣла, требующими, чтобы активныя операціи были согласованы съ пассивными—чтобы при краткосрочности вкладовъ и ссуды были краткосрочными. Однако, такъ какъ операціи кассъ ограничены очень узкимъ райономъ, то кассы могутъ индивидуализировать свои операціи. Онѣ хорошо знаютъ своихъ вкладчиковъ, знаютъ, въ какой мѣрѣ возможно ожидать съ нхъ стороны обратнаго истребованія вкладовъ, и потому могутъ распоряжаться своими вкладами гораздо свободнѣе, чѣмъ какой-либо крупный банкъ. Опытъ показалъ, что указанныя отступленія отъ обычныхъ принциповъ банковаго дѣла не сопровождались никакими невыгодными послѣдствіями для состоятельности кассъ.

Въ Россіи сберегательныя кассы представляютъ собою чисто бюрократическія учрежденія, находящіяся въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Общее число сберегательныхъ книжекъ превышаетъ 5 милліоновъ, а сумма вкладовъ—1.100 милліоновъ рублей. Кассы эти помѣщаютъ свои капиталы въ государственныхъ займахъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ. Къ нимъ примѣнимы въ усиленной степени всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаютъ противъ англійскихъ и французскихъ кассъ.

VI.

Сберегательныя кассы ставятъ своей главной (или единственной) цѣлью поощреніе мелкихъ сбереженій. Онѣ являются учрежденіями мелкаго кредита по своимъ пассивнымъ, но далеко не всегда по своимъ активнымъ операціямъ. Учрежденія, ставящія своей цѣлью кредитованіе мелкихъ производителей, возникли еще позже, чѣмъ сберегательныя кассы. Родиной ихъ является Германія, гдѣ почти одновременно въ 50-хъ годахъ 19 вѣка возникаютъ два типа такихъ учрежденій, получившихъ впослѣдствіе огромное развитіе. Иниціаторомъ учрежденій одного типа

былъ Шульце-Деличъ, другого—Райффейзенъ. Шульце былъ плохимъ теоретикомъ, но его практическая дѣятельность, результатомъ которой было созданіе народныхъ банковъ, имѣла большое значеніе. Въ силу условій жизни, Шульце приходилось имѣть дѣло съ мелкой буржуазіей—ремесленниками, средними торговцами и т. п. Такіе мелкіе капиталисты не могутъ пользоваться кредитомъ въ обычныхъ банкахъ, и Шульце пришелъ къ мысли, что если каждый изъ мелкихъ капиталистовъ мало кредитоспособенъ, то болѣе или менѣе значительная группа ихъ, при солидарной отвѣтственности другъ за друга, является уже вполнѣ кредитоспособной. Такимъ образомъ, „народный банкъ“ Шульце представляетъ собой союзъ должниковъ—мелкихъ капиталистовъ, изъ которыхъ каждый ручается за другого и долженъ вносить опредѣленный пай. Съ 70-хъ годовъ банки эти начинаютъ быстро развиваться и въ 1904 году къ центральному союзу этихъ банковъ принадлежало уже 966 банковъ съ числомъ членовъ въ 523 тысячъ, капиталомъ въ 156 милліоновъ марокъ и общей суммой выданнаго втеченіе года кредита въ 2.702 милліоновъ марокъ.

Такъ какъ эти банки предполагаютъ внесеніе опредѣленнаго болѣе или менѣе значительнаго пая (на который начисляется дивидендъ) и потому доступны только людямъ съ извѣстнымъ (хотя бы и небольшимъ капиталомъ), то они подвергаются риску капиталистическаго перерожденія — при удачѣ, такой „народный“ банкъ легко превращается въ обычный капиталистическій банкъ, что и произошло со многими „народными банками“ Шульце въ послѣдніе годы. Но, во всякомъ случаѣ, главная масса этихъ банковъ сохраняетъ свой прежній типъ (вышеприведенныя цифры относятся, конечно, къ банкамъ послѣдняго рода).

Значительно уклоняющійся типъ учрежденій мелкаго кредита представляютъ собой возникшія тоже въ Германіи по иниціативѣ Райффейзена кредитныя товарищества, главной задачей которыхъ была организація кредита для крестьянскихъ массъ.

Кредитное товарищество Райффейзеновскаго типа является чрезвычайно своеобразнымъ учрежденіемъ, идущимъ какъ бы совершенно въ разрѣзъ съ современной хозяйственной системой. Создатель этихъ учрежденій Райффейзенъ выработалъ цѣлый рядъ принциповъ ихъ дѣятельности, представляющихъ для его послѣдователей своего рода святыню. Важнѣйшіе изъ этихъ принциповъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) неограниченной отвѣтственности членовъ по обязательствамъ товариществъ;

2) принципѣ „локализаціи“ т. е. ограниченіи дѣятельности товарищества узкими территоріальными предѣлами;

3) воспрещеніи членамъ товарищества одновременно участвовать въ нѣсколькихъ товариществахъ;

4) запрещеніи взимать вступныя деньги съ членовъ; товарищество должно быть организуемо, поскольку это допускается закономъ, по возможности безъ всякихъ паевъ;

5) запрещеніи назначать постоянное жалованіе должностнымъ лицамъ товариществъ, кромѣ бухгалтера.

Второй, четвертый и пятый изъ этихъ принциповъ кажутся чѣмъ то вродѣ экономическаго абсурда, каковымъ они и были объявлены Шульце и его единомышленниками, ожесточенно боровшимися съ райффейзеновскими организаціями. Такъ, принципъ локализаціи требуетъ, чтобы товарищество не выходило изъ тѣсныхъ рамокъ узкаго района—обыкновенно, данной деревни. Между тѣмъ, по общему правилу современной хозяйственной системы, расширеніе предпріятія увеличиваетъ его хозяйственную силу. Ограниченіе предпріятія небольшими размѣрами кажется ограниченіемъ и его хозяйственнаго значенія; почему не расширять размѣровъ предпріятія, если оно идетъ хорошо?

Принципіальное отрицаніе паевого капитала кажется еще менѣе понятнымъ. Какъ можетъ какое бы то ни было предпріятіе существовать безъ своего капитала, а тѣмъ болѣе, кредитное предпріятіе, задачей котораго является доставленіе капитала его сочленамъ; чѣмъ оно будетъ кредитовать послѣднихъ?

Наконецъ, отрицаніе оплаты услугъ кажется верхомъ нелѣпости. Все современное хозяйство основано на личномъ интересѣ—и вотъ является хозяйственная организація, ставящая во краю угла принципъ, что трудъ не долженъ получать вознагражденія. Могутъ ли учрежденія, основанныя на такихъ принципахъ, разсчитывать не только на успѣхъ, но хотя бы на самое эфемерное существованіе?

Жизнь показала, что не только могутъ, но что только именно такая организація и приспособлена къ условіямъ крестьянскаго хозяйства. Каждый изъ приведенныхъ принциповъ глубоко коренится въ особенностяхъ той соціальной среды, на которую разсчитаны райффейзеновскіе товарищества.

Принципъ неограниченной отвѣтственности есть необходимое послѣдствіе того, что данная организація охватываетъ людей,

не располагающихъ капиталомъ. Организація эта не можетъ гарантировать выполненіе своихъ обязательствъ своимъ капиталомъ, какъ обычное капиталистическое предпріятіе. Недостатокъ капитала оно восполняетъ круговой порукой членовъ другъ за друга.

Принципъ „локализаціи" вытекаетъ изъ того, что задачей товарищества является доставленіе кредита даже бѣднѣйшимъ членамъ—тѣмъ, кто съ точки зрѣнія обычнаго кредитнаго учрежденія является некредитоспособнымъ, такъ какъ не располагаетъ достаточными имущественными средствами. Что же можетъ замѣнить въ глазахъ кредитора недостатокъ имущественнаго обезпеченія должника? Только личное довѣріе къ должнику, основанное на самомъ близкомъ знакомствѣ съ его личностью и со всѣми деталями его хозяйственной дѣятельности. При такомъ близкомъ знакомствѣ съ личностью должника, кредиторъ можетъ быть такъ же спокоенъ за свои деньги, какъ если бы онѣ были обезпечены солиднымъ имуществомъ. Въ одной и той же деревнѣ каждый превосходно знаетъ другъ друга и знаетъ, какого довѣрія кто заслуживаетъ; кромѣ того, односельчанамъ не представляетъ никакого труда контролировать дѣятельность другъ друга. Поэтому, кредитное товарищество, охватывающее одну деревню, можетъ въ высшей степени индивидуализировать свои операціи; кредитъ, оказываемый такимъ товариществомъ каждому сочлену, можетъ быть всецѣло основанъ на личныхъ свойствахъ послѣдняго, а не на его имущественномъ обезпеченіи. Но если только товарищество перерастаетъ извѣстные предѣлы, оно теряетъ преимущество близкаго личнаго знакомства сочленовъ другъ съ другомъ и при открываніи кредита оказывается вынужденнымъ руководствоваться тѣми же принципами, какъ и всякое другое кредитное учрежденіе, т. е. исходитъ изъ имущественной состоятельности даннаго лица. Товарищество перестаетъ служить своей цѣли—доставлять кредитъ малосостоятельнымъ лицамъ.

Третій райффейзеновскій принципъ вытекаетъ изъ того же личнаго начала, на которомъ построена вся организація товарищества. Участвуя въ нѣсколькихъ товариществахъ, данное лицо ускользаетъ изъ-подъ контроля каждаго изъ нихъ.

Четвертый принципъ есть слѣдствіе основной особенности данной кредитной организаціи, какъ товарищества малосостоятельныхъ людей. Если бы товарищество имѣло паевой капиталъ, то оно было бы доступно только для лицъ, способныхъ внести пай, а не для болѣе бѣдной части населенія. Но чѣмъ же това-

рищество можетъ кредитовать своихъ сочленовъ, если оно не имѣетъ своего капитала? Чужимъ капиталомъ, какъ и всякое другое кредитное учрежденіе. Собственный капиталъ во всякомъ банкѣ составляетъ лишь ничтожную часть капитала, выдаваемаго имъ въ ссуду—банкъ кредитуетъ своихъ кліентовъ, главнымъ образомъ, при помощи вкладовъ, которые онъ привлекаетъ со стороны. Этотъ источникъ кредита открытъ и для кредитнаго товарищества—и оно принимаетъ вклады, которыми и кредитуетъ своихъ сочленовъ. Правда, для начала операцій, для того, чтобы была возможность привлекать вклады, все-таки нуженъ капиталъ, хотя бы и небольшой. Но это затрудненіе обходится въ кредитномъ товариществѣ путемъ займа этого капитала со стороны. Получивши заимообразно свой основной капиталъ, товарищество можетъ начать свою дѣятельность, привлекать вклады, а затѣмъ изъ прибылей товарищества погасить сдѣланный при началѣ дѣла долгъ. Такимъ образомъ, не имѣя при возникновеніи никакого своего капитала, товарищество можетъ быть такъ же прочно и устойчиво, какъ и любой капиталистическій банкъ.

Наконецъ, послѣдній райффейзеновскій принципъ вызывается все тѣми же особенностями кредитнаго товарищества. Въ немъ все основано на личномъ довѣріи. Лица, стоящія во главѣ такого дѣла, должны участвовать въ немъ не ради выгоды, а только изъ желанія принести пользу своимъ сотоварищамъ; не получая вознагражденія деньгами, они тѣмъ болѣе вознаграждаются уваженіемъ и почетомъ, которые соединены съ исполненіемъ такихъ общественныхъ должностей. А такъ какъ, при ничтожныхъ размѣрахъ товарищества и при полномъ отсутствіи бюрократизма въ его дѣятельности, руководительство имъ требуетъ самой незначительной затраты труда, то приносимая такимъ образомъ жертва не можетъ считаться значительной и непосильной для обыкновеннаго человѣка.

Кредитныя товарищества райффейзеновскаго типа оказались какъ нельзя болѣе приспособленными къ условіямъ жизни деревни. Какъ ни слабо въ хозяйственномъ отношеніи каждое отдѣльное товарищество, товарищества представляютъ собой огромную силу, будучи связаны въ одно цѣлое мѣстными и національными организаціями. Эти широкія организаціи, охватывающія собой отдѣльныя товарищества, являются естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ послѣднихъ. Благодаря имъ самое ничтожное кредитное товарищество, располагающее лишь нѣсколькими десятками членовъ, можетъ разсчитывать на мощную поддержку всей кооперативной организаціи страны.

Райффейзеновскія кредитныя товарищества занимаются далеко не однѣми кредитными операціями, но стремятся оказывать помощь своимъ сочленамъ почти во всѣхъ случаяхъ хозяйственной жизни. Такъ, они организуютъ совмѣстную закупку предметовъ, нужныхъ для сельскаго хозяйства, продажу продуктовъ труда членовъ товарищества, организовываютъ совмѣстное пользованіе машинами, принимаютъ мѣры для распространенія сельскохозяйственныхъ знаній и т. д. и т. д.

Къ 15 іюля 1907 г. въ Германіи считалось 20.973 сельскохозяйственныхъ товариществъ, причемъ на долю кредитныхъ товариществъ приходилось 14.054 товарищества. Число членовъ въ сельскохозяйственныхъ товариществахъ опредѣлялось еще въ 1905 г. въ 1.700 тысячъ. По неполнымъ даннымъ, относящимся къ 12.660 кредитнымъ товариществамъ, число членовъ въ нихъ достигало 1.134 тысячъ. Паевой и запасной капиталъ ихъ равнялся 57 милліонамъ марокъ, а общая сумма вкладовъ 1.194 милліоновъ марокъ.

Значительно большая часть сельскохозяйственныхъ кооперативовъ объединены въ „Имперскій союзъ сельскохозяйственныхъ кооперативныхъ товариществъ“, основанный въ 1883 г.; въ то же время отдѣльныя кредитныя товарищества входятъ въ составъ такъ назыв. „центральныхъ кассъ“. Каждое отдѣльное кредитное товарищество терпитъ неудобства отъ отсутствія въ немъ равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ капиталовъ. При узкомъ районѣ его дѣйствій оно въ извѣстное время года испытываетъ избытокъ прилива вкладовъ, не находящихъ на мѣстѣ достаточнаго помѣщенія, а въ другое время недостатокъ капиталовъ для удовлетворенія всего мѣстнаго спроса на кредитъ. Центральныя кассы, связывающія между собой сотни и тысячи товариществъ извѣстнаго района, и должны бороться съ этимъ недостаткомъ, естественно вытекающимъ изъ незначительности района дѣйствій кредитнаго товарищества. Центральныя кассы даютъ возможность направлять капиталы, избыточные въ однихъ товариществахъ, въ тѣ товарищества, гдѣ чувствуется недостатокъ капиталовъ. Въ то же время, являясь сравнительно крупными кредитными учрежденіями, кассы устанавливаютъ связь между кредитными товариществами и широкимъ денежнымъ рынкомъ. Въ свою очередь, центральныя кассы объединяются учрежденнымъ въ 1902 г. Имперскимъ сельскохозяйственнымъ кооперативнымъ банкомъ.

Всѣ эти организаціи, соединяющія въ одну тѣсно сплетенную сѣть отдѣльные сельскохозяйственные кооперативы во всей

имперіи, созданы всецѣло ими самими безъ всякой поддержки государства, которую большинство кооператоровъ принципіально отрицаетъ или, вѣрнѣе, отрицало. За послѣднее время въ этомъ отношеніи наблюдается перемѣна и кооперативныя учрежденія обнаруживаютъ все больше готовности принимать помощь отъ государства, которое въ Германіи идетъ имъ навстрѣчу. Въ 1895 г. прусское правительство учредило „Прусскую центральную кассу кооперативнаго кредита“ съ капиталомъ въ 50 милліоновъ марокъ. Дѣятельность кассы развернулась очень широко и въ настоящее время большинство кредитныхъ товариществъ находится въ сношеніяхъ съ кассой [3]).

VII.

Въ Россіи также существуютъ разнообразныя учрежденія мелкаго кредита. Учрежденіями типа „народныхъ банковъ“ Шульце являются до извѣстной степени наши „ссудосберегательныя товарищества“, исторія которыхъ начинается еще съ 60-хъ годовъ. „Ссудосберегательныя товарищества“, съ которыми у насъ связывались вначалѣ самыя радужныя надежды, далеко не оправдали этихъ надеждъ, что и не удивительно, такъ какъ ссудосберегательныя товарищества по самому своему типу мало приспособлены къ условіямъ крестьянскаго хозяйства. Благодаря требованію пая ссудосберегательныя товарищества недоступны для рядового крестьянина и потому большого распространенія у насъ, при общей бѣдности и маломъ значеніи мелкой буржуазіи, получить не могли. Впрочемъ, такъ какъ паи въ нихъ, сравнительно, невелики и могутъ быть уплачиваемы не единовременно, а по частямъ, то эти товарищества не такъ далеки отъ райффейзеновскаго типа.

Значительно позже у насъ возникаютъ „кредитныя товарищества“ (болѣе чистаго райффейзеновскаго типа), число которыхъ за послѣдніе годы стало быстро увеличиваться. Учрежденія этого типа стали возникать у насъ только послѣ новаго закона 1895 г. о кредитныхъ товариществахъ. Такія товарищества получаютъ капиталъ, необходимый для начала операцій, въ ссуду отъ Государственнаго банка, который контролируетъ ихъ дѣятельность. Товарищества принимаютъ вклады и выдаютъ краткосрочныя ссуды своимъ членамъ.

Отличаются они отъ чистаго райффейзеновскаго типа тѣмъ, что въ нихъ обычно не существуетъ неограниченной отвѣтствен-

ности членовъ (каждый членъ обычно отвѣчаетъ по обязательствамъ товарищества лишь въ нѣсколько разъ болѣе противъ максимальной суммы кредита, допускаемаго на одного члена) и не соблюдается на практикѣ принципъ безплатности труда выборныхъ должностныхъ лицъ. Кромѣ того, наши кредитныя товарищества не слѣдуютъ принципу „локализаціи“ и далеко перерастаютъ нормальные размѣры сельскаго товарищества. Въ Германіи на одно товарищество приходится, въ среднемъ менѣе 90 членовъ, а у насъ болѣе 450. Объясняется это тѣмъ, что при сравнительно незначительномъ числѣ у насъ товариществъ, каждое изъ нихъ естественно распространяетъ свою дѣятельность на болѣе обширный районъ и благодаря этому утрачиваетъ тѣ преимущества индивидуализаціи кредитныхъ сдѣлокъ, которыя отличаютъ германскія товарищества.

Въ нѣкоторыхъ районахъ Россіи кредитныя товарищества за послѣдніе годы получили широкое распространеніе и оказались вполнѣ дѣйствительнымъ средствомъ для борьбы съ деревенскимъ ростовщичествомъ. Открываемымъ ими кредитомъ пользуется средній крестьянинъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей—покупки скота, орудій производства, арендованія земли, покупки земли и т. д. Кредитныя товарищества, помимо своего прямого назначенія, важны также и какъ организаціи самопомощи крестьянства. Въ этомъ огромное воспитательное значеніе для русскаго крестьянина этихъ товариществъ, равно какъ и другихъ видовъ кооперативныхъ учрежденій.

Къ іюлю 1907 г. въ Россіи было 1555 кредитныхъ товариществъ, основной капиталъ которыхъ, полученный изъ Государственнаго банка, равнялся 2.422 т. р., а краткосрочный кредитъ Государственнаго банка достигалъ 6.686 тыс. руб. Сумма вкладовъ ихъ достигала 10.774 тыс. руб., сумма ссудъ—21.152 тыс. руб., а число членовъ—705 тыс. Къ 1 января 1908 г. было разрѣшено къ открытію уже 2.315 кредитныхъ товариществъ.

Кредитныя товарищества являются у насъ (какъ и на Западѣ) типомъ учрежденій мелкаго кредита, наиболѣе пригоднымъ для деревни. Но изолированныя кредитныя товарищества не могутъ вполнѣ развить своей дѣятельности; въ Германіи эти учрежденія связаны въ одно цѣлое центральными кассами и имперскимъ союзомъ. То же необходимо и у насъ. Возникающіе за послѣднее время союзы кредитныхъ товариществъ показываютъ, что потребность въ объединеніи отдѣльныхъ товариществъ начинаетъ осязательно чувствоваться уже и у насъ.

Союзы кредитныхъ товариществъ должны сложиться въ учрежденія, аналогичныя германскимъ центральнымъ кассамъ. Наряду съ этимъ крайне необходима и центральная организація, объединяющая всѣ кооперативныя учрежденія мелкаго кредита въ странѣ. Первый всероссійскій кооперативный съѣздъ высказался противъ проекта устройства центральнаго имперскаго кооперативнаго банка на средства государственнаго казначейства, опасаясь стѣсненія кооперативнаго кредита правительственнымъ контролемъ. Съ принципіальной стороны ничего нельзя имѣть противъ государственной помощи дѣлу кооперація; но имѣя въ виду бюрократическіе порядки, господствующіе у насъ, нельзя не раздѣлять опасеній съѣзда, что помощь государственнаго казначейства будетъ куплена дорогой цѣной сокращенія и той доли свободы дѣятельности нашихъ кооперативныхъ учрежденій, которой они пользуются теперь. И теперь Государственный банкъ обнаруживаетъ тенденцію превратить кредитныя товарищества въ одно изъ своихъ подчиненныхъ учрежденій; если бы эта тенденція побѣдила, то молодое у насъ дѣло кооперативнаго кредита, политое мертвой водой нашихъ канцелярій, должно было бы совершенно зачахнуть. И потому нельзя не сочувствовать рѣшенію съѣзда, подчеркивавшаго во всѣхъ своихъ резолюціяхъ, что наше кооперативное движеніе нуждается, прежде всего, въ одномъ—свободѣ отъ правительственной опеки.

VIII.

Одно время экономисты много спорили, является ли кредитъ капиталомъ [4]). Споръ этотъ являлся характернымъ образчикомъ тѣхъ чисто схоластическихъ словопреній, къ которымъ экономисты вообще такъ склонны. Какъ бы ни называть кредитъ, несомнѣнно кредитъ развиваетъ производительныя силы страны и представляетъ собой огромный шагъ впередъ въ смыслѣ организаціи товарнаго обмѣна. Кредитный обмѣнъ представляетъ собой такое же усовершенствованіе обмѣна, какъ и денежный обмѣнъ по отношенію къ натуральному обмѣну. Какъ извѣстно, Бруно Гильдебрандъ противопоставляетъ денежному кредитное хозяйство, считая это послѣднее высшимъ типомъ хозяйства. При этомъ Гильдебрандъ исходилъ изъ слѣдующихъ соображеній. При отсутствіи кредита предпринимателями могутъ быть лишь богатые люди, располагающіе капиталомъ, лица же, не имѣющія капитала, не могутъ быть

предпринимателями, каковы бы ни были ихъ предпринимательскіе таланты. Кредитъ, по мнѣнію Гильдебранда, и долженъ дать способнымъ и талантливымъ людямъ капиталъ — кредитное хозяйство есть какъ бы возстановленіе господства человѣка надъ капиталомъ. Эти мысли были, несомнѣнно, навѣяны Гильдебранду сенъ-симонизмомъ [5]). Но сенъ-симонисты были соціалистами и понимали, что для осуществленія чего либо подобнаго—распредѣленія средствъ производства между членами общества въ соотвѣтствіи съ ихъ способностями управлять этими средствами производства—требуется, какъ необходимое условіе, общественное владѣніе средствами производства. Гильдебрандъ же отбросилъ соціализмъ сенъ-симонистовъ и думалъ, что кредитъ самъ по себѣ, при господствѣ капиталистической системы, можетъ привести къ переходу средствъ производства въ руки наиболѣе способныхъ людей. Это несомнѣнная утопія. Крупный кредитъ не уничтожаетъ, а доводитъ до полнаго развитія господство капитала. Крупный кредитъ приводитъ къ тому, что капиталъ все болѣе скопляется въ рукахъ экономически сильнѣйшихъ, каковыми являются капиталисты, которые, благодаря кредиту, становятся повелителями не только своего, но и чужого капитала. И только въ новѣйшее время создаются организаціи, которыя даютъ возможность пользоваться кредитомъ и мелкимъ производителямъ.

Общее вліяніе кредита на современное хозяйство заключается въ томъ, что благодаря кредиту увеличивается связь между единичными хозяйствами, которыя все болѣе и болѣе сплетаются въ одно нераздѣльное цѣлое. При господствѣ обмѣна только на наличныя деньги мѣновыя отношенія непосредственно связываютъ отдѣльныя хозяйства лишь на время мѣноваго акта; при кредитномъ же обмѣнѣ отдѣльныя хозяйства оказываются связанными на все время дѣйствія кредита, т.-е въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Поэтому благодаря кредиту пріобрѣтаютъ особое развитіе всѣ тѣ явленія современнаго хозяйственнаго строя, которыя вытекаютъ изъ стихійной взаимной зависимости единичныхъ автономныхъ хозяйствъ другъ отъ друга,—какъ напр., хозяйственные кризисы (о которыхъ ниже въ концѣ курса).

ЛИТЕРАТУРА.

Кредитъ и банки вообще. A. Wagner. Beiträge zur Lehre von den Banken. 1857. Его же. Zettelbankpolitik. 2-е изд. 1873. Его же. Der Kredit u. das Bankwesen, въ курсѣ Шенберга. H. Macleod. The Theory and Practice of Banking. 4-е изд. 1886. И. Кауфманъ. Кредитъ, банки и денежное обращеніе. 1873. Bagehot. Lombardstreet. 1872. Knies. Der Kredit. 2 т. 1876 и 1879. Goschen. Theory of the foreign exchanges. 1866. Scharling. Bankpolitik. 1900. A History of banking in all leading nations. 4 т. 1896. Sayous. Les banques de dépot, les banques de crédit et les sociétés financières. 1901. Komorzynski. Die nationalökonomische Lehre vom Kredit. 1905. Weber. Depositenbanken und Speculationsbanken. 1902. Jaffé. Das englische Bankwesen. 1905. В. Судейкинъ. Государственный банкъ. 1891. Мигулинъ. Банковая политика въ Россіи. 1904.

Ипотечные банки и сельскохозяйственный кредитъ. Borrie. Étude sur le crédit agricole et le crédit foncier en France et à l'étrangèr. 1877. Goldschmidt. Die deutschen Hypothekenbanken. 1880. В. Ходскій. Поземельный кредитъ. 1883. Gamp. Der landwirtschaftliche Kredit. 1883. Hecht. Die Organisation des Bodenkredits in Deutschland. 2 т. 1891. Его же. Der europäische Bodenkredit. 1900.

Сберегательныя кассы и мелкій кредитъ. Seidel. Das deutsche Sparkassenwesen. 1896. Его же. Sparkasse въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". В. Косинскій. Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи. 1901. А. Анцыферовъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. 1906. С. Бородаевскій. Сборникъ по мелкому кредиту. 1907. Его же. Сельскохозяйственная кооперація въ Германіи. 1908. В. Тотоміанцъ. Сельскохозяйственная кооперація. 1908. Труды перваго всероссійскаго кооперативнаго съѣзда. 1908. М. Слобожанинъ. Смотръ кооперативнымъ силамъ 1909.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ III.

1) „Какъ бы ни были разнообразны формы кредита—говоритъ лучшій знатокъ у насъ вопросовъ денегъ и кредита, И. И. Кауфманъ—представленныя отдѣльными обязательствами, всѣ онѣ сводятся къ двумъ основнымъ типамъ. Всѣ обязательства суть или обѣщанія платежа или приказъ платежа" И. И. Кауфманъ. Кредитъ, банки, денежное обращеніе. 1873. Стр. 268.

2) Правда, это запрещеніе постоянно обходилось на практикѣ. Не только евреи, но и христіане-торговцы въ широкихъ размѣрахъ занимались ссудной операціей. См. Joseph Kulischer. Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. B. XVII.

3) Обстоятельный анализъ мелкихъ учрежденій кредита въ Германіи имѣется въ работахъ В. Косинскаго. „Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи", А. Анцыферова. „Кооперація въ сельскомъ

хозяйствѣ" и С. В. Бородаевскаго. „Сельскохозяйственная кооперація въ Германіи".

4) Особенно настаивалъ на томъ, что кредитъ есть капиталъ, Маклеодъ, не лишенный оригинальности англійскій экономистъ 60—70-хъ годовъ прошлаго вѣка. (См., напр., его „Elements of Political Economy" или „Theory and Practice of Banking"). Аргументація его заключалась въ томъ, что кредитъ исполняетъ тѣ же функціи обмѣна, что и деньги, и что кредитъ есть такая же покупательная сила, какъ и звонкая монета; лицо, располагающее кредитомъ, получаетъ, слѣдовательно въ свое распоряженіе добавочный капиталъ. Введеніе въ обращеніе орудій кредита не менѣе увеличиваетъ реальное богатство страны, чѣмъ и введеніе въ обращеніе добавочнаго количества денегъ. Все это въ значительной мѣрѣ вѣрно, хотя и не нужно упускать изъ виду, что кредитное обращеніе все же опирается на денежное и что, какъ бы ни былъ развитъ кредитъ, фундаментомъ его всегда остается звонкая монета. Однако, называть кредитъ капиталомъ неудобно въ томъ отношеніи, что при такомъ расширеніи термина „капиталъ" пришлось бы называть капиталомъ все то, что такъ или иначе увеличиваетъ производительныя силы общества. Въ этомъ смыслѣ и хорошую систему политическаго устройства слѣдовало бы называть капиталомъ и относить парламентъ къ категоріи невещественныхъ капиталовъ.

5) Знаменитая формула сенъ-симонистовъ — „каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ" — понималась ими въ томъ смыслѣ, что каждый долженъ получать средства производства въ соотвѣтствіи со своими способностями управлять ими. Для этого сенъ-симонисты проектировали сложную систему мѣстныхъ и центральныхъ банковъ, въ которыхъ должно быть сосредоточено распредѣленіе средствъ производства между согражданами. Сенъ-симонистскіе банки были бы аналогичны современнымъ банкамъ въ томъ отношеніи, что и современные банки распредѣляютъ національный капиталъ между лицами, нуждающимися въ капиталѣ. Но въ отличіе отъ современныхъ банковъ, сенъ-симонистскіе банки распредѣляли бы этотъ капиталъ не на основаніи богатства отдѣльныхъ лицъ, а на основаніи вышеназванной формулы распредѣленія. См. объ этомъ Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. т. 41. 1877. Стр. 247 и слѣд.

ГЛАВА IV.

Торговля.

I. Торговыя учрежденія. Ярмарка. Биржа. Биржевыя операціи. Народохозяйственное значеніе биржи. II. Виды торговли. Торговля распредѣлительная и спекулятивная. Оптовая и розничная торговля. Другія подраздѣленія торговли. III. Торговое предпріятіе и его развитіе. Ростъ торговаго предпріятія въ Германіи. Соціальный составъ торговаго персонала. Торговля въ Россіи. IV. Политика внѣшней торговли. Система свободной торговли. Протекціонизмъ. Торговая политика различныхъ государствъ. Англія. Германія. Франція. Соединенные Штаты. Россія. V. Народохозяйственное значеніе торговли. Критика торговли со стороны Фурье. Тенденціи къ устраненію торговаго посредничества въ современномъ хозяйствѣ.

I.

По мѣрѣ развитія обмѣна, обособляется торговля, какъ особый видъ хозяйственной дѣятельности, сводящейся къ перепродажѣ хозяйственныхъ предметовъ съ цѣлью полученія на этомъ барыша. На первыхъ ступеняхъ обмѣна торговля въ этомъ смыслѣ отсутствуетъ, какъ отсутствуетъ и классъ торговцевъ. Затѣмъ, когда возникаетъ правильная торговля, она еще долгое время захватываетъ лишь незначительную часть продуктовъ общественнаго труда. Главная масса общественныхъ потребностей продолжаетъ удовлетворяться натуральными способами и только немногіе продукты (преимущественно, предметы роскоши, удовлетворяющіе потребностямъ высшихъ классовъ населенія) становятся достояніемъ торговли. При слабомъ развитіи торговли неудивительно, что на этой стадіи она не совершается непрерывно въ теченіе всего года, а пріурочивается преимущественно къ опредѣленнымъ моментамъ времени (ярмарки, базары и т. п.). Чѣмъ болѣе развивается торговля, тѣмъ ея перерывы становятся меньше и наконецъ она охватываетъ весь годъ, теряетъ періо-

дическій характеръ и становится постоянной. Наше время характеризуется именно этой непрерывностью торговли и ярмарки прежняго времени все больше теряютъ свое значеніе.

Наряду съ упадкомъ ярмарокъ, мы замѣчаемъ ростъ и развитіе новой организаціи торговли, которая начинаетъ играть все большую роль. Такой организаціей торговли является б и р ж а, имѣющая нѣчто аналогичное съ ярмаркой, но по существу учрежденіе совершенно иного типа и характерное для совершенно иного строя хозяйства. Подобно тому, какъ ярмарка была мѣстомъ, гдѣ встрѣчались въ опредѣленное время покупатели и продавцы, такъ и биржа является организованнымъ собраніемъ торговцевъ—покупателей и продавцовъ. Отличается же биржа отъ ярмарки, во-первыхъ, тѣмъ, что ярмарка является временнымъ собраніемъ торговцевъ, а биржа постояннымъ; но это различіе не такъ существенно, какъ другое: на ярмарку подвозится товаръ, на биржѣ же торговые обороты производятся безъ предъявленія товара въ его натуральной формѣ. Мѣсто самаго товара заступаютъ его образцы или даже идеальные типы товара, извѣстное опредѣленіе свойствъ и качествъ, которымъ долженъ соотвѣтствовать реально поставляемый товаръ. На биржѣ реальное товарное обращеніе какъ бы отрывается отъ своей матеріальной основы—товаръ обращается не какъ реальный предметъ, а какъ идеальная цѣнность. Въ обычной торговлѣ переходъ товара отъ одного торговца къ другому сопровождается и матеріальнымъ перемѣщеніемъ его. На биржу же товары не поступаютъ. Именно поэтому биржевые обороты и могутъ достигать такихъ колоссальныхъ размѣровъ.

Но для возможности такого идеальнаго товарнаго обмѣна требуется, чтобы товаръ удовлетворялъ извѣстнымъ требованіямъ биржевого оборота, а именно, не обладалъ индивидуальными свойствами, былъ, такъ сказать, безличенъ, замѣнимъ: каждый другой экземпляръ даннаго товара долженъ свободно замѣнять данный. Далеко не всѣ товары обладаютъ такими свойствами. Такъ, напр., лошади или рогатый скотъ не могутъ быть предметомъ биржевого оборота, ибо каждый экземпляръ товаровъ этого рода обладаетъ индивидуальными свойствами. Но огромное большинство товаровъ (хлѣбъ, металлы, хлопокъ, каменный уголь, сахаръ, чай, кофе и т. п.), легко могутъ быть подраздѣлены по извѣстнымъ признакамъ на опредѣленные сорта и каждая опредѣленная партія такого товара того же сорта вполнѣ можетъ замѣнить другую. Продажа такого товара можетъ совершаться безъ непосредственнаго осмотра товара. Въ этомъ случаѣ, для возможности торговой

сдѣлки, даже не требуется, чтобы товаръ имѣлся въ рукахъ продавца. Товаръ можетъ даже еще не существовать въ природѣ и все же быть предметомъ биржевого оборота, напр. при продажѣ хлѣба будущаго урожая. Такимъ образомъ, благодаря биржѣ область обмѣна чрезвычайно расширяется.

Самымъ благодарнымъ матеріаломъ для биржевыхъ операцій являются цѣнныя бумаги—свидѣтельства государственныхъ займовъ, векселя, акціи, облигаціи, закладные листы—вообще разнаго рода документы, являющіеся носителями абстрактной цѣнности. Соотвѣтственно роду цѣнностей, обращающихся на биржѣ, различаютъ товарныя и фондовыя биржи. Иногда операціи съ товарами и фондами (цѣнными бумагами) сосредоточены на одной и той же биржѣ, иногда же фондовыя и товарныя биржи совершенно обособлены другъ отъ друга. Товарныя биржи, въ свою очередь, нерѣдко подраздѣляются по роду товаровъ—такъ напр. въ Лондонѣ и Нью Іоркѣ почти для каждой болѣе крупной отрасли торговли существуетъ и своя особая биржа.

Среди биржевыхъ операцій различаютъ сдѣлки на наличныя цѣнности и сдѣлки на срокъ. Эти послѣднія заключаются въ томъ, что одно лицо обязуется поставить другому за опредѣленную цѣну въ опредѣленный срокъ опредѣленную цѣнность — товаръ или цѣнную бумагу. Такъ какъ къ сроку поставки рыночная цѣна поставляемой цѣнной бумаги или товара можетъ измѣниться, то сдѣлки такого рода могутъ быть просто игрой на разницу—лицо, пріобрѣтающее товаръ или цѣнную бумагу, можетъ отнюдь не имѣть въ виду пріобрѣтеніе этихъ цѣнностей, а лишь расчитывать на выигрышъ отъ измѣненія цѣны. Сдѣлки такого рода нерѣдко заканчиваются безъ всякой поставки товара или цѣнной бумаги, а просто уплатой разницы въ цѣнѣ—если ко времени поставки цѣна повысилась, то продавецъ уплачиваетъ покупателю разницу въ цѣнѣ, въ противномъ случаѣ разницу платитъ покупатель продавцу. Въ этомъ случаѣ биржевая сдѣлка не приводитъ ни къ какому перемѣщенію товара или цѣнныхъ бумагъ отъ однихъ лицъ къ другимъ, а является только скрытой формой азартной игры. Но наряду съ такими фиктивными сдѣлками, на биржѣ совершаются на огромныя суммы и вполнѣ реальныя сдѣлки по поставкѣ различнаго рода цѣнностей и именно на такихъ реальныхъ сдѣлкахъ и основывается огромное народохозяйственное значеніе биржи.

Что касается въ частности товарной торговли, то въ этой области биржа исполняетъ ту функцію, что при ея помощи ста-

новится возможнымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ выравниваніе общественнаго предложенія и общественнаго спроса. Чѣмъ болѣе развивается современное мѣновое хозяйство, тѣмъ становится важнѣе, но вмѣстѣ и труднѣе установленіе правильнаго баланса общественнаго производства и потребленія. Каждый товаропроизводитель производитъ на свой страхъ и рискъ безъ всякаго контроля или помощи со стороны общественной власти. Но лишь при пропорціональномъ распредѣленіи общественнаго производства производимые товары могутъ находить сбытъ. Биржа и есть тотъ естественно развившійся въ капиталистическомъ хозяйствѣ механизмъ, который, за отсутствіемъ общественной организаціи производства, даетъ возможность отдѣльнымъ товаропроизводителямъ приспособлять, хотя и грубо, общественное производство къ общественному спросу. На биржѣ сталкивается въ широкихъ размѣрахъ общественный спросъ и общественное предложеніе и въ результатѣ такого столкновенія устанавливается товарная цѣна. Безъ помощи биржи цѣна товара была бы крайне колеблющимся показателемъ случайныхъ соотношеній спроса и предложенія во множествѣ отдѣльныхъ пунктовъ обмѣна.

Что касается до роли биржи въ области оборотовъ съ цѣнными бумагами, то и здѣсь функціи ея крайне важны. На биржѣ устанавливается вексельный курсъ и, значитъ, опредѣляется платежный балансъ страны. На биржѣ расцѣниваются цѣнныя бумаги—и, значитъ, опредѣляется кредито-и жизнеспособность соотвѣтствующихъ предпріятій. Наконецъ, лишь при помощи биржи становится возможнымъ быстрое привлеченіе общественнаго капитала къ вновь возникающимъ предпріятіямъ и вообще ко всякаго рода помѣщеніямъ капитала (напр. государственнымъ займамъ). Благодаря биржѣ огромные капиталы могутъ легко составляться изъ множества мелкихъ капиталовъ; такимъ образомъ могутъ возникать колоссальныя предпріятія нашего времени. Словомъ, биржа является верховнымъ регуляторомъ капиталистическаго хозяйства и въ качествѣ таковаго представляетъ собой его необходимую составную часть.

II.

По роли въ народномъ хозяйствѣ торговлю можно раздѣлить на распредѣлительную и спекулятивную. Торговля является распредѣлительной, поскольку задача торговца сводится къ распредѣленію извѣстныхъ товаровъ между различными группами населенія въ соотвѣтствіи съ ихъ спросомъ на эти товары. При распредѣлительной торговлѣ торговецъ закупаетъ товары тамъ, гдѣ данный товаръ цѣнится ниже, и продается тамъ, гдѣ онъ цѣнится выше. При этомъ происходитъ новое распредѣленіе товара въ пространствѣ — товаръ переходитъ къ лицамъ, предъявляющимъ на товаръ наибольшій спросъ, и барышъ торговца основывается на различіи оцѣнокъ того же товара въ разныхъ пунктахъ обмѣна. При распредѣлительной торговлѣ товаръ, въ концѣ концовъ, распредѣляется соотвѣтственно народному спросу, полезность чего несомнѣнна.

Спекулятивной торговлей называется такая торговля, при которой разница въ цѣнѣ, составляющая барышъ торговца, зависитъ не отъ различія цѣны товара, такъ сказать, въ пространствѣ — въ различныхъ пунктахъ обмѣна, — но во времени, отъ измѣненія цѣны товара. Дѣло въ томъ, что цѣны товара не остаются неизмѣнными во времени, но подвержены измѣненіямъ и колебаніямъ. Торговецъ, при спекулятивныхъ операціяхъ, купивъ товаръ, оставляетъ его нѣкоторое время непроданнымъ, предвидя, что въ будущемъ цѣны на этотъ товаръ повысятся и тогда онъ продастъ товаръ съ барышемъ. Элементъ спекулятивнаго разсчета присущъ всякой торговлѣ—и при распредѣлительной торговлѣ въ чистомъ видѣ торговая операція требуетъ для своего завершенія извѣстнаго времени, почему торговецъ не можетъ не считаться съ возможными колебаніями цѣны во времени; однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, эти разсчеты на измѣненіе цѣны составляютъ главное существо торговой сдѣлки—и тогда мы имѣемъ передъ собой спекулятивную торговлю въ чистомъ видѣ.

Нерѣдко думаютъ, что если распредѣлительная торговля полезна, то спекулятивная вредна. Но послѣднее вѣрно лишь отчасти. Нужно различать два рода спекулятивной торговли. Въ одномъ случаѣ спекулянтъ стремится заранѣе предвидѣть независящее отъ его операцій будущее измѣненіе товарныхъ цѣнъ и приспособить къ послѣднему свои операціи. Допустимъ, напр.,

что въ странѣ происходитъ неурожай. Хлѣбные торговцы, предвидя повышеніе цѣнъ хлѣба, увеличиваютъ свои закупки хлѣба ранѣе того времени, когда уже сильно сказывается нужда въ хлѣбѣ. Такая усиленная преждевременная закупка хлѣба вызываетъ преждевременное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ; но именно потому, что повышеніе цѣны происходитъ ранѣе, чѣмъ безъ спекулятивныхъ покупокъ, оно является болѣе постепеннымъ и равномѣрнымъ. Если бы не было спекулятивныхъ покупокъ, то цѣны на хлѣбъ повысились бы позже, но зато болѣе рѣзко. Слѣдовательно, торговая спекуляція заранѣе учитывая будущее и устраняя рѣзкіе скачки цѣнъ, выравниваетъ въ данномъ случаѣ движеніе товарныхъ цѣнъ. Общество въ цѣломъ отъ этого выигрываетъ, такъ какъ соотвѣтственно болѣе равномѣрному движенію цѣнъ, болѣе равномѣрно идетъ и общественное потребленіе.

Но существуютъ торговыя спекуляціи и другого рода. Въ этомъ случаѣ, спекуляція стремится не предвидѣть естественное движеніе товарныхъ цѣнъ въ будущемъ, а управлять имъ, создавая искусственный недостатокъ въ товарахъ, чтобы затѣмъ, пользуясь высокими цѣнами, сбывать по этимъ цѣнамъ товаръ, купленный по низкимъ цѣнамъ. Въ этомъ случаѣ спекулянтъ вызываетъ искусственныя колебанія цѣнъ — создаетъ искусственную нужду въ товарѣ, разстраиваетъ правильный ходъ общественнаго потребленія и наживается на общей нуждѣ. Но, понятно, такая спекуляція подъ силу только очень крупнымъ капиталистамъ, которые могутъ управлять товарнымъ рынкомъ. Союзы капиталистовъ съ цѣлью монополизированія торговли опредѣленными товарами даютъ многочисленные примѣры подобныхъ спекуляцій. Въ Америкѣ нѣтъ почти ни одного важнаго товара, который не становился бы отъ времени до времени предметомъ такихъ спекуляцій, нерѣдко дающихъ участникамъ ихъ колоссальные барыши, но являющихся съ точки зрѣнія интересовъ общества крайне нежелательной и вредной формой спекулятивной торговли.

По размѣру продажныхъ сдѣлокъ и роду покупателей торговлю раздѣляютъ на р о з н и ч н у ю и о п т о в у ю. Въ первомъ случаѣ торговецъ продаетъ товаръ небольшими партіями потребителямъ, во второмъ—крупными партіями торговцамъ же или производителямъ, перерабатывающимъ данный товаръ. Вся организація того и другого рода торговли имѣетъ существенно различный характеръ. Оптовая торговля имѣетъ дѣло съ людьми, пріобрѣтающими товаръ ради его послѣдующей перепродажи въ

готовомъ или переработанномъ видѣ. Поэтому оптовая торговля, какъ правильно замѣчаетъ Конъ, есть „торговля между спеціалистами", напротивъ, розничная торговля есть торговля „спеціалистовъ (или тѣхъ, кто долженъ бы быть таковыми) съ неспеціалистами" [1]). Дѣло въ томъ, что покупатели въ оптовой торговли относятся къ своимъ покупкамъ, какъ къ одной изъ своихъ хозяйственныхъ операцій, и болѣе или менѣе равносильны съ продавцами по знанію общаго положенія рынка и пр. Напротивъ, потребители, покупая товаръ для собственнаго потребленія, относятся къ своимъ покупкамъ съ меньшимъ хозяйственнымъ разсчетомъ и далеко не равносильны съ продавцами по знанію положенія рынка—стоятъ гораздо ниже ихъ въ этомъ отношеніи. Поэтому движеніе оптовыхъ цѣнъ имѣетъ иной характеръ, чѣмъ розничныхъ — оптовыя цѣны гораздо подвижнѣе розничныхъ, болѣе соотвѣтствуетъ общимъ условіямъ рынка, чѣмъ розничныя; вмѣстѣ съ тѣмъ, оптовыя цѣны болѣе однообразны въ пространствѣ, между тѣмъ какъ розничныя отличаются большими различіями въ разныхъ пунктахъ обмѣна и иногда различаются въ одной и той же лавкѣ для различныхъ покупателей.

По роду цѣнностей, обращающихся въ торговлѣ, различаютъ торговлю товарами и цѣнными бумагами; по хозяйственному и правовому положенію торговца въ торговой сдѣлкѣ торговлю за свой счетъ и коммиссіонную (въ послѣднемъ случаѣ торговая сдѣлка совершается по порученію и за счетъ третьяго лица, а самъ торговецъ является простымъ коммиссіонеромъ, не отвѣчающимъ своимъ имуществомъ по сдѣлкѣ); по отношенію къ покупателямъ торговлю неподвижную и странствующую (въ первомъ случаѣ торговецъ продаетъ покупателю въ своемъ торговомъ помѣщеніи, во второмъ самъ является къ нему на домъ со своими товарами); по сферѣ распространенія торговой дѣятельности торговлю внутреннюю (внутри даннаго государства) и внѣшнюю (торговлю между различными государствами). Внѣшняя торговля, въ свою очередь, подраздѣляется на экспортную (вывозъ продуктовъ за границу), импортную (ввозъ иностранныхъ продуктовъ въ страну) и транзитную (если иностранные товары перепродаются за границей и только проходятъ черезъ данную страну).

III.

Какъ же измѣняются въ процессѣ хозяйственнаго развитія размѣры торговаго предпріятія? Какъ мы видѣли, въ промышленности хозяйственное развитіе выражается въ увеличеніи размѣра предпріятія, въ концентраціи капитала; въ земледѣліи не только не наблюдается побѣды крупнаго предпріятія надъ мелкимъ, но наоборотъ, мелкое или отстаиваетъ свои позиціи, или же даже вытѣсняетъ крупное. Что касается торговли, то въ этой области развитіе идетъ по среднему пути. Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, выгоды крупнаго предпріятія въ торговлѣ далеко не такъ велики, какъ въ промышленности — достаточно указать на то, что въ торговлѣ не можетъ имѣть большого примѣненія машина. Съ другой же стороны, въ торговлѣ отсутствуютъ и тѣ условія, которыя дѣлаютъ столь жизнеспособнымъ въ земледѣліи мелкое предпріятіе: въ земледѣліи трудъ совершается въ естественной обстановкѣ и направленъ на біологическія процессы, чего нѣтъ въ торговлѣ. Такимъ образомъ, по характеру эволюціи предпріятія торговля занимаетъ среднее мѣсто между промышленностью и земледѣліемъ, что вполнѣ подтверждается данными германскихъ переписей. Такъ, за 1882—95 г. число лицъ, занятыхъ въ Германіи въ торговыхъ предпріятіяхъ, возросло съ 1,36 до 1,71 на одно предпріятіе, т. е. на 26%; въ промышленности за то же время занятый персоналъ возросъ съ 2,6 до 3,7 на одно предпріятіе, т. е. на 42%, а въ земледѣліи занятый персоналъ упалъ съ 1,56 до 1,49 на одно предпріятіе, т.-е. понизился на 5%.

По своему соціальному сложенію торговый персоналъ точно также занимаетъ середину между промышленнымъ и земледѣльческимъ персоналомъ. Такъ, по тѣмъ же даннымъ, торговый персоналъ Германіи распадался на слѣдующія группы:

	Самостоятельные хозяева.	Намные рабочіе.	Высшіе служащіе.
1882 г.	57%	33%	9%
1895 г.	48%	40%	12%

Такимъ образомъ, хотя относительно и абсолютно численность торговаго пролетаріата быстро растетъ, все же даже въ 1895 г. самостоятельные хозяева составляли почти половину всего торговаго персонала Германіи.

Однако, несмотря на эту относительную устойчивость мелкой

торговли, она сильно страдаетъ отъ конкуренціи крупныхъ торговыхъ предпріятій. Послѣднія десятилѣтія отмѣчены во всѣхъ крупныхъ европейскихъ центрахъ быстрымъ развитіемъ гигантскихъ магазиновъ—такъ назыв. базаровъ, въ которыхъ продаются всевозможные товары для широкой публики. Самые крупные изъ этихъ магазиновъ имѣютъ тысячи служащихъ и продаютъ товаровъ на многіе десятки милліоновъ рублей въ годъ. На ряду съ базарами, послѣднее время отмѣчено возникновеніемъ и крупныхъ предпріятій по торговлѣ отдѣльными родами товаровъ. Благодаря всему этому экономическое положеніе мелкаго торговца ухудшилось и мелкая торговля переживаетъ теперь такой же кризисъ, какъ и ремесло въ промышленности.

Въ Россіи торговля повидимому, болѣе концентрирована, чѣмъ на Западѣ, — вообще крупный капиталъ играетъ у насъ большую роль, чѣмъ на Западѣ [2]). На ряду съ этимъ, характерной особенностью нашего строя торговли являются многія архаическія формы ея, напр., огромная роль, которую до настоящаго времени сохраняютъ у насъ ярмарки; обороты ихъ въ 1904 г. достигали суммы около одного милліарда рублей. Правда, начиная съ 80-хъ годовъ 19 вѣка ярмарки наши падаютъ по своему значенію, благодаря развитію путей сообщенія, но все же онѣ еще далеко не сошли со сцены.

IV.

Вопросъ о той политикѣ, которой должны придерживаться государства въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, былъ и остается вызывающимъ наиболѣе споровъ въ экономической наукѣ. Творцы политической экономіи, какъ науки—Кенэ и Адамъ Смитъ съ ихъ ближайшими послѣдователями—были сторонниками такъ назыв. свободы торговли, полнаго отказа государства отъ какихъ бы то ни было стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ иностранной торговлѣ [3]). Съ ихъ точки зрѣнія международная торговля должна быть такъ же свободна, какъ свободна внутренняя торговля. Конечно, они не отрицали права государства облагать таможенными пошлинами предметы иностраннаго ввоза, но пошлины эти, съ ихъ точки зрѣнія, должны быть фискальными, а не покровительственными пошлинами—должны имѣть своей цѣлью увеличеніе дохода государственнаго казначейства, а отнюдь не созданіе искусственныхъ препятствій для ввоза тѣхъ или иныхъ продуктовъ въ страну

въ видахъ поощренія, такимъ образомъ, туземной промышленности.

Каждая страна, по мнѣнію школы свободной торговли, должна развивать тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ она имѣетъ существенныя преимущества передъ другими странами. Если какой-либо продуктъ производится въ другой странѣ съ меньшими издержками производства, чѣмъ въ данной странѣ, и въ силу этого продается на рынкѣ за меньшую цѣну, то прямая выгода послѣдней страны заключается въ томъ, чтобы ввозить къ себѣ болѣе дешевый иностранный продуктъ и прекратить у себя производство болѣе дорогого туземнаго продукта. Если національный трудъ направится въ тѣ отрасли производства, гдѣ преимущества данной страны всего больше, то такимъ образомъ создастся наибольшая сумма общественнаго богатства. Правило—продавать на наиболѣе дорогомъ рынкѣ и покупать на наиболѣе дешевомъ—составляетъ основу хозяйственнаго благополучія какъ любого коммерческаго предпріятія, такъ и всей страны. Лишь бы государство не вмѣшивалось, съ цѣлью направленія и опеки, въ хозяйственную дѣятельность частныхъ лицъ, и эта дѣятельность сама собою направится по тому пути, который обѣщаетъ наибольшую сумму хозяйственнаго благополучія какъ для частнаго лица, такъ и для всего общества. Вмѣшательство же государства, съ цѣлью поощренія нѣкоторыхъ отраслей промышленности, можетъ повести только къ уменьшенію суммы общественнаго богатства, такъ какъ помощь однимъ, путемъ затрудненія иностранной конкуренціи, равносильна ущербу для другихъ, потребляющихъ продукты иностраннаго производства.

Сторонники свободы торговли (фритредеры) признаютъ одинаково недопустимыми какъ покровительственныя пошлины, такъ и другія мѣры, которыми государство можетъ препятствовать свободѣ конкуренціи иностранной промышленности съ туземной, напр., вывозныя преміи (преміи за вывозъ туземныхъ продуктовъ за границу), желѣзнодорожные тарифы, преслѣдующіе тѣ же цѣли, и т. п. Государство должно совершенно отказаться отъ мысли, что оно лучше частнаго лица знаетъ его интересы и предоставить защиту этихъ интересовъ здравому смыслу каждаго. „Laissez faire, laissez passer"—такъ формулировалъ еще въ 18 вѣкѣ задачу государственной власти одинъ изъ первыхъ физіократовъ, Гурнэ. [1])

Это ученіе долгое время почти неограниченно царило въ наукѣ и общественное мнѣніе привыкло разсматривать его какъ

бы за самую сущность политической экономіи. Но мало-по-малу въ средѣ самихъ экономистовъ наростала оппозиція этой точкѣ зрѣнія, нашедшая всего раньше систематическое выраженіе въ работахъ Фридриха Листа.

Въ противоположность Смиту, расцѣнивавшему результаты той или иной торговой политики съ точки зрѣнія ея непосредственнаго вліянія на сумму народнаго богатства въ данный моментъ, Листъ выдвинулъ точку зрѣнія вліянія торговой политики на развитіе производительныхъ силъ въ странѣ. Государство можетъ сознательно жертвовать интересами настоящаго ради интересовъ будущаго. Покровительственная пошлина, которую государство налагаетъ на тотъ или иной товаръ, привозимый изъ за границы, но могущій также производиться и въ данной странѣ, въ первый моментъ никакого новаго богатства не создаетъ и, заставляя потребителя покупать болѣе дорогой товаръ туземнаго производства, является добавочнымъ бременемъ, ложащимся на потребителя. Но если, благодаря этимъ временнымъ жертвамъ, государство достигаетъ того, что въ странѣ развивается новая отрасль промышленности, которая впослѣдствіи получаетъ возможность производить продукты такъ же дешево или даже дешевле, чѣмъ они производятся за-границей, то страна, въ концѣ концовъ выигрываетъ: развитіе въ ней производительныхъ силъ вознаграждаетъ ее за временныя жертвы.

Листъ нисколько не отрицаетъ, что свободная торговля является идеаломъ международныхъ хозяйственныхъ отношеній. Точно также Листъ не отрицаетъ, что для страны, которая чувствуетъ себя сильнѣе своихъ международныхъ конкурентовъ, покровительственныя пошлины не имѣютъ смысла. Все это средства торговой политики странъ болѣе слабыхъ и отсталыхъ въ промышленномъ отношеніи. Но пока имѣются такія страны, отсталыя въ экономическомъ отношеніи, онѣ должны прибѣгать къ системѣ покровительственной торговой политики (протекціонизму), такъ какъ только такимъ путемъ онѣ могутъ развить свою собственную промышленность—при системѣ же свободной торговли онѣ были бы обречены навсегда оставаться въ роли поставщиковъ сырья для болѣе передовыхъ промышленныхъ странъ, что предполагаетъ и болѣе низкій уровень общей культуры.

Этотъ споръ фритредеровъ и протекціонистовъ продолжается и въ наше время, причемъ въ теоретическомъ отношеніи и та и другая сторона прибавила мало существенно новаго къ старымъ аргументамъ. Фритредеры отстаиваютъ возможно болѣе широкое

международное раздѣленіе труда; протекціонисты выставляютъ идеалъ возможно болѣе всесторонняго развитія національнаго хозяйства.

Теоретическая безплодность всего этого спора объясняется тѣмъ, что вопросы практической политики не могутъ рѣшаться абстрактными принципами. Въ сущности, разногласіе сторонниковъ и противниковъ свободной торговли далеко не такъ велико, какъ это можетъ казаться со стороны. Въ настоящее время очень мало найдется экономистовъ, которые защищали бы какой либо изъ этихъ принциповъ торговой политики во всей его чистотѣ. Современные сторонники свободной торговли признаютъ цѣлесообразность, при извѣстныхъ условіяхъ, системы протекціонизма, точно также, какъ и современные протекціонисты не отрицаютъ желательности свободной торговли, если это допускается условіями національной промышленности. Поэтому, разногласіе между тѣми и другими имѣетъ не столько принципіальный, сколько практическій характеръ. Но по вопросу о практической политикѣ въ томъ и иномъ отдѣльномъ случаѣ, по вопросу о томъ, какъ велики должны быть въ данномъ частномъ случаѣ изъятія изъ принципа свободной торговли или высота и размѣръ протекціонизма, мѣсто для спора всегда останется, такъ какъ оцѣнка конкретнаго индивидуальнаго случая всегда допускаетъ субъективныя разногласія.

Большое значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ также и неустранимое въ современномъ обществѣ различіе хозяйственныхъ интересовъ. Покровительственная пошлина (равно какъ и всякая иная мѣра протекціонизма) по самому своему существу не можетъ быть выгодна или невыгодна въ равной мѣрѣ всѣмъ классамъ населенія. Наоборотъ, она необходимо должна быть выгодна однимъ и невыгодна другимъ: повышая внутри страны цѣну продукта, она выгодна туземнымъ предпринимателямъ, производящимъ данный продуктъ, и невыгодна туземнымъ потребителямъ этого продукта. Отмѣна такой пошлины, понижая цѣну продукта, была бы невыгодна первымъ и выгодна вторымъ. При такомъ неустранимомъ антагонизмѣ хозяйственныхъ интересовъ по отношенію къ любой системѣ торговой политики и при извѣстной относительности доводовъ за и противъ каждой изъ нихъ нѣтъ ничего неудивительнаго, что споры о преимуществахъ фритредерства и протекціонизма въ томъ или иномъ отдѣльномъ случаѣ нисколько не прекращаются. Можно съ полной увѣренностью сказать, что пока останется указанный антагонизмъ интересовъ, иначе говоря, пока будетъ существовать современное общество,

до тѣхъ поръ экономисты будутъ продолжать спорить о преимуществахъ большей или меньшей свободы торговли.

Большинство современныхъ экономистовъ не отрицаетъ цѣлесообразности покровительственной системы для странъ болѣе отсталыхъ въ промышленномъ отношеніи. Но, конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что чѣмъ выше покровительственная пошлина, тѣмъ больше ея полезное дѣйствіе по отношенію къ развитію производительныхъ силъ страны. Нужно ясно понимать, въ чемъ заключается смыслъ покровительственной пошлины. Такая пошлина имѣетъ своей непосредственной цѣлью повышеніе внутри страны цѣны соотвѣтствующаго продукта и, благодаря этому, повышеніе прибыли соотвѣтствующаго предпринимателя; это повышеніе прибыли достигается въ ущербъ потребителю, котораго государство облагаетъ какъ бы данью въ пользу предпринимателя. Обложеніе однихъ гражданъ налогомъ въ пользу другихъ представляетъ собой нѣчто, несоотвѣтствующее современному правосознанію. Поэтому, подобныя дѣйствія не должны предприниматься государствомъ безъ крайней необходимости въ нихъ. Лишь въ томъ случаѣ, если не существуетъ никакихъ другихъ способовъ достиженія важной національной цѣли, государство можетъ и должно рѣшаться на пожертвованіе интересами однихъ въ пользу интересовъ другихъ.

Итакъ, государство должно всегда стремиться свести покровительственную систему къ наименьшимъ размѣромъ. Покровительственная пошлина должна быть устанавливаема на такомъ уровнѣ, который строго необходимъ для того, чтобы соотвѣтствующее производство было возможно въ странѣ. Повышеніе пошлины выше этого уровня не только приводитъ къ добавочному и уже неоправдываемому необходимостью обложенію потребителя въ интересахъ производителя, но и препятствуетъ достиженію конечной цѣли протекціонизма—развитію въ странѣ соотвѣтствующихъ отраслей производства,—такъ какъ высокій уровень прибыли можетъ непосредственно тормозить такое развитіе. Производитель, которому обезпеченъ таможенной охраной высокій уровень прибыли, не имѣетъ побудительныхъ мотивовъ подымать техническій уровень производства, и данная промышленность, вмѣсто развитія, легко можетъ прійти въ состояніе полнаго застоя. Кромѣ того, не нужно упускать изъ виду, что каждое производство пользуется, какъ средствами производства, продуктами другихъ отраслей промышленности; поэтому поощреніе одной отрасли промышленности покупается при системѣ протекціонизма всегда въ ущербъ другимъ отра-

до тѣхъ поръ экономисты будутъ продолжать спорить о преимуществахъ большей или меньшей свободы торговли.

Большинство современныхъ экономистовъ не отрицаетъ цѣлесообразности покровительственной системы для странъ болѣе отсталыхъ въ промышленномъ отношеніи. Но, конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что чѣмъ выше покровительственная пошлина, тѣмъ больше ея полезное дѣйствіе по отношенію къ развитію производительныхъ силъ страны. Нужно ясно понимать, въ чемъ заключается смыслъ покровительственной пошлины. Такая пошлина имѣетъ своей непосредственной цѣлью повышеніе внутри страны цѣны соотвѣтствующаго продукта и, благодаря этому, повышеніе прибыли соотвѣтствующаго предпринимателя; это повышеніе прибыли достигается въ ущербъ потребителю, котораго государство облагаетъ какъ бы данью въ пользу предпринимателя. Обложеніе однихъ гражданъ налогомъ въ пользу другихъ представляетъ собой нѣчто, несоотвѣтствующее современному правосознанію. Поэтому, подобныя дѣйствія не должны предприниматься государствомъ безъ крайней необходимости въ нихъ. Лишь въ томъ случаѣ, если не существуетъ никакихъ другихъ способовъ достиженія важной національной цѣли, государство можетъ и должно рѣшаться на пожертвованіе интересами однихъ въ пользу интересовъ другихъ.

Итакъ, государство должно всегда стремиться свести покровительственную систему къ наименьшимъ размѣромъ. Покровительственная пошлина должна быть устанавливаема на такомъ уровнѣ, который строго необходимъ для того, чтобы соотвѣтствующее производство было возможно въ странѣ. Повышеніе пошлины выше этого уровня не только приводитъ къ добавочному и уже неоправдываемому необходимостью обложенію потребителя въ интересахъ производителя, но и препятствуетъ достиженію конечной цѣли протекціонизма—развитію въ странѣ соотвѣтствующихъ отраслей производства,—такъ какъ высокій уровень прибыли можетъ непосредственно тормозить такое развитіе. Производитель, которому обезпеченъ таможенной охраной высокій уровень прибыли, не имѣетъ побудительныхъ мотивовъ подымать техническій уровень производства, и данная промышленность, вмѣсто развитія, легко можетъ прійти въ состояніе полнаго застоя. Кромѣ того, не нужно упускать изъ виду, что каждое производство пользуется, какъ средствами производства, продуктами другихъ отраслей промышленности; поэтому поощреніе одной отрасли промышленности покупается при системѣ протекціонизма всегда въ ущербъ другимъ отра-

слямъ промышленности. Такъ, напримѣръ, повышеніе цѣны желѣза, будучи выгодно производителямъ желѣза, въ то же время невыгодно всѣмъ обрабатывающимъ желѣзо. Повышеніе цѣны пряжи можетъ содѣйствовать развитію въ странѣ производства пряжи, но тормозитъ, повышая цѣну пряжи, развитіе ткачества и т. д. Поэтому, чрезмѣрное, неоправдываемое необходимостью повышеніе пошлины хотя бы на желѣзо оказываетъ сугубо неблагопріятное дѣйствіе на развитіе многочисленныхъ отраслей промышленности, обрабатывающихъ желѣзо, какъ напр. машиностроительная промышленность, судостроеніе и т. д. Протекціонизмъ—оружіе всегда обоюдоострое; съ нимъ нужно поэтому обращаться въ высшей степени осторожно, иначе протекціонизмъ можетъ вмѣсто средства развитія производительныхъ силъ въ странѣ оказаться рѣшительнымъ тормозомъ такого развитія.

Вотъ почему, даже признавая необходимость, при извѣстныхъ условіяхъ, протекціонизма, можно быть рѣшительнымъ противникомъ системы протекціонизма, господствующей въ той или иной странѣ. Съ точки зрѣнія заинтересованныхъ предпринимателей, покровительственная пошлина тѣмъ лучше, чѣмъ она выше; но совсѣмъ въ другомъ видѣ дѣло представляется экономисту, имѣющему въ виду не частные интересы данной группы предпринимателей, а всего общества. И потому экономистамъ, стоящимъ на стражѣ общенародныхъ интересовъ, приходится на практикѣ, какъ общее правило, выступать противниками чрезмѣрнаго протекціонизма, къ которому стремятся—и, нерѣдко, вполнѣ успѣшно, такъ какъ правительственная власть обычно находится въ ихъ рукахъ,—крупные предприниматели.

Во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, безъ исключенія, капиталистическая промышленность развилась подъ охраной покровительственной системы. Въ частности, въ Англіи господствовалъ вплоть до первыхъ десятилѣтій 19 вѣка не только покровительственный, но даже прямо запретительный таможенный тарифъ (т. е. такой, при которомъ внутренній рынокъ былъ совсѣмъ закрытъ для всѣхъ тѣхъ произведеній иностранной промышленности, конкуренціи которыхъ опасались мѣстные производители). Все экономическое могущество Англіи сложилось при дѣйствіи системы крайняго протекціонизма, къ которой общественное мнѣніе страны до такой степени привыкло, что Адамъ Смитъ признавалъ чистѣйшей утопіей надѣяться на осуществленіе въ Англіи когда либо свободной торговли.

Однако, именно въ Англіи—и больше ни въ какой другой капиталистической странѣ—свободная торговля одержала полную

побѣду. Начиная съ третьяго десятилѣтія 19 вѣка Англія приступаетъ къ коренному измѣненію своей торговой политики. Слѣдуетъ цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ тарифныхъ реформъ, въ концѣ концовъ приведшихъ, уже во второй половинѣ 19 вѣка, къ тому, что покровительственныя пошлины совершенно исчезли изъ англійскаго тарифа. Въ настоящее время англійскій тарифъ знаетъ только нѣсколько пошлинъ чисто фискальнаго характера—огромное большинство товаровъ ввозится совершенно свободно.

Не трудно понять, почему именно въ Англіи—и только въ Англіи—система свободной торговли получила свое полное осуществленіе. Англія стояла вплоть до послѣдняго времени въ экономическомъ отношеніи настолько впереди всего остального міра, что покровительственная система ей была совершенно ненужна. Въ иномъ положеніи были другія страны и потому надежды англійскихъ фитредеровъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, что примѣръ Англіи увлечетъ и ея сосѣдей и система свободной торговли водворится повсемѣстно, далеко не оправдались.

Правда, примѣръ Англіи не остался безъ извѣстнаго вліянія—50 и 60 годы прошлаго вѣка характеризуются въ области торговой политики повсемѣстнымъ ослабленіемъ протекціонизма. Можно было думать, что капиталистическій міръ, хотя и медленно, движется въ направленіи свободной торговли.

Однако, позднѣйшее время ознаменовалось рѣзкимъ поворотомъ въ сторону протекціонизма. Въ 1878 г. Германская имперія вводитъ у себя строго покровительственный тарифъ, въ которомъ особенно выдающуюся роль играютъ пошлины на разнаго рода сельскохозяйственные продукты. Франція слѣдуетъ примѣру Германіи и въ 80 годахъ, а еще больше въ 90 годахъ, значительно повышаетъ пошлины на цѣлый рядъ товаровъ, и, особенно, на продукты сельскаго хозяйства; въ томъ же направленіи перерабатываются тарифы и многихъ другихъ второстепенныхъ государствъ. Вообще, для новѣйшаго фазиса западноевропейскаго протекціонизма характерно, что это по преимуществу аграрный протекціонизмъ: не столько промышленность, сколько сельское хозяйство ограждается въ западной Европѣ новыми высокими таможенными ставками. Объясняется это общимъ сельскохозяйственнымъ кризисомъ, который западная Европа пережила въ послѣднія десятилѣтія 19 вѣка подъ вліяніемъ конкуренціи съ продуктами интенсивнаго западноевропейскаго сельскаго хозяйства продуктовъ экстенсивнаго сельскаго хозяйства

заокеанскихъ странъ и Россіи. Напротивъ, промышленность такихъ быстро развивающихся странъ, какъ Германія, уже почти не нуждается въ особомъ покровительствѣ.

Напротивъ, въ Соединенныхъ Штатахъ протекціонизмъ имѣлъ и имѣетъ промышленный характеръ. Тарифъ Макъ Кинли 1890 г. и еще больше тарифъ Дингли 1897 г. значительно повысили пошлины на важнѣйшіе продукты американской промышленности. Оплотомъ протекціонизма въ Соединенныхъ Штатахъ являются промышленные сѣверные штаты, въ то время какъ земледѣльческій югъ отстаиваетъ политику свободной торговли. Соотвѣтственно этому дѣлятся и обѣ важнѣйшія политическія партіи страны—республиканцы отстаиваютъ систему покровительственнаго тарифа, а демократы—свободной торговли.

Однако, и въ Англіи за послѣднее время появилось сильное теченіе въ пользу протекціонизма, находящееся въ связи съ тѣмъ, что Англія въ концѣ 19 вѣка утратила свою прежнюю промышленную супрематію и все болѣе и болѣе страдаетъ отъ конкуренціи Америки и Германіи. Новѣйшіе англійскіе протекціонисты противопоставляютъ принципу free trade (свободной торговли) принципъ fair trade (справедливой торговли). Англія является единственной капиталистической страной, позволяющей свободно ввозить къ себѣ всевозможные товары, въ то время, какъ ея конкуренты тщательно ограждаютъ свои внутренніе рынки отъ англійскихъ товаровъ. Сторонники „справедливой торговли“ полагаютъ, что введеніе покровительственныхъ пошлинъ, которыя могутъ быть понижены путемъ особыхъ договоровъ въ пользу государствъ, согласныхъ сдѣлать соотвѣтствующія уступки въ пользу англійской промышленности, дастъ возможность Англіи добиться пониженія пошлинъ на англійскіе товары. Другое теченіе англійскаго протекціонизма съ Чемберлэномъ во главѣ стремится къ хозяйственному объединенію съ метрополіей англійскихъ колоній, облагающихъ въ настоящее время англійскіе фабрикаты покровительственными пошлинами для развитія собственной промышленности. Для этого Англія должна ввести таможенныя пошлины на хлѣбъ и сырье, съ тѣмъ, чтобы продукты колоній облагались ниже, чѣмъ продукты другихъ странъ, взамѣнъ чего и колоніи будутъ облагать англійскіе продукты ниже, чѣмъ продукты другихъ странъ.

Побѣда либеральной партіи, отстаивающей систему свободной торговли, сняла съ очереди всѣ эти проекты. Но возвращеніе къ власти консерваторовъ опять заставитъ съ ними считаться. И можно думать, что не далеко то время, когда даже Англія усту-

нить протекціонистскому теченію, охватившему за послѣднія десятилѣтія 19 вѣка всѣ важнѣйшія страны капиталистическаго міра.

Что касается Россіи, то у насъ точно также за послѣднія десятилѣтія 19 вѣка наблюдается усиленіе протекціонизма (имѣющаго у насъ почти всецѣло промышленный характеръ). Таможеннымъ тарифомъ, опубликованнымъ въ 1903 г. и вошедшимъ въ дѣйствіе съ 1906 г., пошлины еще повышены. Чрезвычайно высокія ставки, характеризующія нашъ тарифъ, не только не содѣйствуютъ росту нашей промышленности, но приводятъ къ противоположному результату—къ крайней технической отсталости послѣдней. Не опасаясь иностранной конкуренціи, нашъ промышленникъ и не стремится къ повышенію производительности труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, высокая цѣна продуктовъ нашей промышленности затрудняетъ ихъ сбытъ среди населенія и тормозитъ развитіе другихъ отраслей нашего народнаго хозяйства Такъ напр. наше сельское хозяйство сильно страдаетъ отъ дороговизны у насъ желѣзныхъ издѣлій. Поэтому, пониженіе таможенныхъ пошлинъ настоятельно требуется у насъ интересами страны.

V.

Переходя къ оцѣнкѣ роли торговли въ современномъ хозяйственномъ строѣ, нельзя, прежде всего, не признать, что функціи торговли тѣмъ существенно отличаются отъ функцій промышленности и земледѣлія, что производство необходимо при всякомъ соціальномъ строѣ, торговля же необходима только при существующемъ капиталистическомъ, историческомъ преходящемъ строѣ. Поэтому неудивительно, что первые теоретики соціализма обрушили удары своей критики прежде всего на торговлю. Особенно замѣчательна критика торговли, данная школой Фурье.

Истинное назначеніе торговца, говоритъ Фурье, должно было бы заключаться въ томъ, чтобы сближать производителя съ потребителемъ. Но исполняетъ ли торговецъ это свое назначеніе? играетъ ли онъ роль подчиненнаго агента производителя и потребителя? Далеко нѣтъ. Торговецъ эксплоатируетъ въ своихъ интересахъ господствующую хозяйственную анархію, дезорганизованность производства, и подчиняетъ своему игу какъ производство, такъ и потребленіе. Торговецъ вредитъ обществу, облагая его въ свою пользу непомѣрной данью; онъ вредитъ обществу, отвлекая своихъ агентовъ отъ производительнаго труда;

онъ вредитъ обществу, фальсифицируя продукты производства, чтобы такимъ путемъ устоять въ ожесточенной борьбѣ со своими собратьями—конкурентами. Торговецъ непосредственно разрушаетъ общественное богатство, умышленно задерживая продажу продуктовъ, съ цѣлью повышенія ихъ цѣны, или даже просто уничтожая эти продукты, чтобы сдѣлать ихъ болѣе рѣдкими.

Торговецъ вредитъ обществу потерями, которыя общество несетъ вслѣдствіе раздробленія обращенія товаровъ на тысячи мелкихъ магазиновъ и лавокъ, благодаря чему обороты товаровъ чрезвычайно усложняются и запутываются безъ всякой пользы для общества. Вредитъ онъ обществу и своими банкротствами, такъ какъ всякое банкротство затрагиваетъ интересы и всей той массы людей, которые находились въ хозяйственныхъ отношеніяхъ съ обанкротившимся торговцемъ. Всѣ эти банкротства неудачныхъ спекулянтовъ-торговцевъ обрушиваются своей тяжестью на производительное населеніе, особенно на промышленниковъ и ихъ рабочихъ, страдающихъ отъ кризисовъ, вызываемыхъ торговцами.

Торговецъ вредитъ обществу, вызывая своими спекуляціями колебанія товарныхъ цѣнъ и пользуясь этими колебаніями въ своихъ интересахъ въ ущербъ интересамъ потребителей и производителей, закупая у производителей товаръ по слишкомъ низкой цѣнѣ и продавая потребителямъ по цѣнѣ ненормально высокой.

Столь же вредно для общества отвлеченіе торговлей капиталовъ отъ промышленности и земледѣлія. Въ крупныхъ торговыхъ центрахъ на биржахъ скопляются огромные капиталы, преслѣдующіе исключительную цѣль торговой спекуляціи, жіотажа.

Вообще же торговля чрезвычайно усложняетъ и запутываетъ процессъ производства и распредѣленія продуктовъ между различными классами общества. Одинъ и тотъ же продуктъ много разъ переходитъ изъ рукъ въ руки раньше, чѣмъ онъ достигаетъ потребителя. И при каждой такой передачѣ цѣна продукта возвышается, къ ней прибавляется новая и новая прибыль торговца, которую въ концѣ концовъ долженъ оплатить потребитель. Потребитель же платитъ и за всѣ расходы, которыхъ требуетъ излишнее передвиженіе продукта, его перемѣщеніе отъ одного торговца къ другому.

Историческая торговля выросла изъ грабежа и разбоя. Морской торговецъ древнихъ грековъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пи-

ратомъ. И до настоящаго времени ни у одного класса общества не существуетъ такихъ растяжимыхъ понятій о чести, дозволенномъ и недозволенномъ, какъ у торговцевъ. Обманъ составляетъ и понынѣ почти неизмѣнную принадлежность торговли, показывая, что цивилизованный коммерсантъ нашего времени сохранилъ многія черты духовнаго сродства со своимъ отдаленнымъ предкомъ [4]).

Въ этой картинѣ „пороковъ" торговли, данной Фурье, несомнѣнно содержится огромное преувеличеніе. По своему соціальному облику торговецъ ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого представителя капиталистическаго класса. Торговля исполняетъ въ механизмѣ капиталистическаго хозяйства такую же необходимую функцію, какъ и промышленность: безъ обмѣна продуктовъ было бы невозможно въ капиталистическомъ хозяйствѣ и ихъ производство [5]). А такъ какъ обмѣнъ совершается торговцами, то, значитъ, торговцы, какъ классъ, являются необходимымъ колесомъ современнаго хозяйственнаго механизма. Но гипертрофія торговли, чрезмѣрное развитіе ея на счетъ другихъ отраслей общественнаго хозяйства—а тенденція къ этому глубоко заложена въ капиталистической системѣ—есть несомнѣнное зло и въ этомъ Фурье совершенно правъ. Правъ онъ и въ томъ, что какія бы услуги обществу ни оказывала торговля, плата, которую она требуетъ за эти услуги, непомѣрно высока.

Новѣйшее промышленное развитіе характеризуется стремленіемъ къ созданію болѣе прямыхъ, непосредственныхъ сношеній производителей съ потребителями, минуя услуги торговца. Розничнаго, а отчасти и оптоваго торговца, стремятся вытѣснить—и весьма успѣшно—разнаго рода кооперативныя организаціи потребителей (о которыхъ въ слѣдующей главѣ); точно также и мелкіе производители стремятся создать собственныя организаціи, чтобы сбывать свои продукты потребителямъ помимо торговца. Въ литературѣ кооперативнаго движенія, непосредственно направленнаго противъ капиталистической торговли, и до настоящаго времени можно встрѣтить разсужденія и декламаціи, проникнутыя духомъ Фурье. Многимъ фанатикамъ кооперація торговецъ и нынѣ рисуется въ образѣ паука или вампира. Конечный идеалъ кооператоровъ—это установленіе прямыхъ сношеній между производителями и потребителями, при полномъ устраненіи торговца.

Въ томъ же направленіи идетъ промышленное развитіе новѣйшаго времени и независимо отъ кооперативныхъ организацій. Концентрація производства и слияніе отдѣльныхъ небольшихъ

предпріятій въ гигантскія ассоціаціи капитала приводитъ къ тому, что эти ассоціаціи капитала получаютъ возможность устранить торговое посредничество по пріобрѣтенію нужнаго для нихъ сырья, непосредственно получая его отъ производителей. Вообще, какъ уже указывалось раньше, въ сферѣ самаго крупнаго капиталистическаго производства, какъ напр., въ области приготовленія крупныхъ машинъ, рельсовъ, желѣзнодорожныхъ принадлежностей, кораблестроенія и т. д. и т. д. работа на заказъ является общимъ правиломъ.

Торговое посредничество утрачиваетъ, такимъ образомъ, свое прежнее значеніе—и это, конечно, большой выигрышъ для общества, большая экономія общественныхъ силъ. Но такъ какъ, на ряду съ этимъ, идетъ процессъ развитія мѣнового хозяйства, все большее и большее исчезновеніе натуральнаго хозяйства, то, въ обшемъ, роль торговли въ современномъ хозяйствѣ, несмотря на указанныя тенденціи, ограничивающія ея значеніе, не падаетъ, а быстро растетъ, что доказывается и быстрымъ ростомъ числа лицъ, занятыхъ въ различныхъ операціяхъ торговли. Въ Пруссіи число лавокъ и магазиновъ измѣнялось слѣдующимъ образомъ [6]):

	Число лавокъ (въ тысяч.).	На 10000 жителей приходилось лавокъ.
1837	47	33
1861	82	44
1895	200	77

Объ увеличеніи экономической роли торговли можно судить по слѣдующимъ даннымъ относящимся къ Германіи:

	Число лицъ (въ тысячахъ).		
занятыхъ:	1882 г.	1895 г.	Процентъ увеличенія.
въ земледѣліи.	8.236	8.293	0,7
» промышленности. .	6.396	8.281	29
» торговлѣ и средствахъ сообщенія . .	1.570	2-339	49

Какъ ни быстро растетъ промышленное населеніе, торговое населеніе растетъ еще быстрѣе.

ЛИТЕРАТУРА.

Торговля вообще. Lexis. Handel, въ курсѣ Шенберга. Sonndorfer. Technik des Welthandels. 1889. Ehrenberg. Der Handel, seine wirtschaftliche Bedeutung, seine nationale Pflichten und sein Verhältnis zum Staate. 1897. Mataja. Grossmagasine und Kleinhandel. 1891. Huber. Warenhaus und Kleinhandel. 1899. G. Cohn. Nationalökonomie des Handels und des Verkehrswesens. 1898. Van der Borght. Handel und Han-

delspolitik. 1900. М. Соболевъ. Очерки всемірной исторіи торговли 1899. Его же. Коммерческая географія Россіи. 1900.

Биржа. Struck. Börse (Handwörterbuch der Staatswissenschaften). Его же. Die Effektenbörse. 1881. Гаттенбергеръ. Законодательство и биржевая спекуляція. 1887. Courtois-fils. Des opérations de bourse. 10-е изд. 1888. Siegfried. Die Börse und die Börsengeschäfte. 1887. Товарныя биржи въ западной Европѣ и въ Америкѣ. Изд. д-та торговли и мануфактуръ. 1893. Студентскій. Биржа, спекуляція и игра. 1892.

Хлѣбная торговля. Касперовъ. Международный хлѣбный рынокъ. 1887. Клоповъ. Отчеты по изслѣдованію волжской хлѣбной торговли. 1887—90. Федоровъ. Хлѣбная торговля въ русскихъ портахъ. 1888. Его же. Обзоръ международной хлѣбной торговли. D. Cohn Getreideterminhandel. 1894.

Политика внѣшней торговли. F. List. Das nationale System der Politischen Oekonomie. Сомнеръ. Протекціонизмъ. Пер. съ англ. 1893 Менделѣевъ. Толковый тарифъ. 1891. Pohle. Deutschland am Scheidewege. 1902. Ashley. The Tariff problem. 1904. Low. Protection in the United States. 1904. Зивекингъ. Внѣшняя торговая политика. Пер. подъ ред. П. Струве. 1908.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ IV.

1) Gustav Cohn. Nationalökonomie des Handels und des Verkehrswesens. 1898. Стр. 222.

2) По офиціальнымъ даннымъ для 1889 г., обороты гильдейскихъ торговыхъ предпріятій достигали у насъ въ этомъ году почти 7-ми милліардовъ рублей, не гильдейскихъ—только 533 милліоновъ руб. Изъ почти 7-ми милліардовъ р. оборотовъ гильдейскихъ предпріятій около 4 милліардовъ руб. приходилось на предпріятія, въ которыхъ оборотъ каждаго превышалъ 1 милліонъ рублей, т.-е. обороты очень крупныхъ торговыхъ предпріятій составляли болѣе половины оборотовъ всѣхъ торговыхъ предпріятій. На гильдейскія предпріятія съ оборотами менѣе 10000 рублей падало въ общей сложности оборотовъ всего на 276 милліоновъ руб. (См. „Статистическіе результаты раскладочнаго и трехпроцентнаго сборовъ за 1889 г.". Изд. д-та торг. и мануфактуръ. 1892). Правда, наша офиціальная статистика очень неточна, но все же извѣстное значеніе она имѣетъ. Если приведенныя данныя и преувеличиваютъ роль у насъ крупной торговли, то все же преобладаніе у насъ крупной торговли не можетъ подвергаться сомнѣнію. Къ сожалѣнію, болѣе новыхъ данныхъ о распредѣленіи у насъ торговли по размѣрамъ оборотовъ не имѣется.

3) Относительно Смита это требуетъ извѣстныхъ ограниченій. Смитъ признавалъ, напр., навигаціонный актъ Кромвелля, представлявшій собой систему мѣръ покровительства англійскому мореходству, „самымъ мудрымъ изъ всѣхъ торговыхъ постановленій Англіи" (Богатство народовъ. Пер. Бибикова. Т. II. Стр. 280) и допускалъ и другія изъятія изъ общаго правила о свободной торговлѣ. Изъ его ближайшихъ послѣдователей Мальтусъ былъ сторонникомъ пошлинъ на хлѣбъ. Но, въ общемъ, школа Смита стояла въ принципѣ за полную свободу международной торговли.

4) По словамъ Консидерана, „можно съ полнымъ основаніемъ признать торговый классъ, въ его настоящемъ видѣ и сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ бы быть, не чѣмъ инымъ, какъ паразитомъ, котораго должны кормить производительные рабочіе, земледѣльцы и фабриканты и вообще потребители; торговля—это вампиръ, сосущій богатство и кровь общественнаго тѣла, подъ предлогомъ помощи обращенію этихъ богатствъ и этой крови. Съ точки зрѣнія производителя это паукъ, протягивающій свою паутину и высасывающій неосторожную муху. Сравненіе торговца съ паукомъ глубоко вѣрно: какъ въ домахъ и среди деревьевъ пауки раскидываютъ свою паутину, такъ и торговецъ выставляетъ свои товары на улицахъ и публичныхъ мѣстахъ; онъ раскидываетъ свою блестящую паутину и когда муха въ ней запуталась, когда прохожій захотѣлъ купить товаръ, торговецъ появляется у своего прилавка. Осенью можно видѣть пауковъ, которые носятся по вѣтру, прицѣпившись къ своимъ тонкимъ паутинкамъ; такъ и странствующій торговецъ ходитъ по городамъ и деревнямъ въ поискахъ покупателя". V. Considérant. Destinée sociale. 2-е изд. 1848. Стр. 52.

5) Въ своемъ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи" Марксъ указываетъ, что способы производства являются основнымъ моментомъ, опредѣляющимъ весь соціальный строй и его развитіе. Судя по этому, можно было бы думать, что Марксъ придаетъ торговлѣ второстепенное значеніе сравнительно съ производствомъ. Однако, въ другихъ случаяхъ Марксъ говоритъ совсѣмъ иное. Во многихъ мѣстахъ своего „Капитала" онъ указываетъ на огромное значеніе условій торговли: „Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, — говоритъ онъ, напр., въ III томѣ „Капитала",—что въ 16 и 17 столѣтіяхъ великія революціи торговли, созданныя географическими открытіями и вызвавшія быстрое развитіе торговаго капитала, являются рѣшающимъ моментомъ въ ряду причинъ, повлекшихъ за собой превращеніе феодальнаго способа производства въ капиталистическій". (Das Kapital. Т. III. Ч. I. Стр. 317). Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ III же тома Марксъ говоритъ, что „на первыхъ ступеняхъ развитія капиталистическаго общества торговля господствуетъ надъ промышленностью, въ современномъ же обществѣ наоборотъ. (Тамъ же. Стр. 314). И, конечно, Марксъ правъ не тогда, когда онъ придаетъ производству принципіально большее значеніе, чѣмъ обмѣну, а тогда, когда онъ признаетъ невозможность такого принципіальнаго рѣшенія въ общей формѣ. Вообще, такъ же ошибочно утверждать, какъ общее правило, примать производства надъ обмѣномъ, какъ и обмѣна надъ производствомъ. Правда, въ пользу первенства производства можно привести то соображеніе, что продуктъ раньше, чѣмъ поступить въ обмѣнъ, долженъ быть произведенъ. Но если бы этотъ аргументъ имѣлъ какое-либо значеніе, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы признавать примать земледѣлія и вообще добывающей промышленности надъ обрабатывающей, потому что прежде, чѣмъ обработать продуктъ, его нужно добыть. Однако, по общему мнѣнію, именно промышленность, а не земледѣліе, имѣетъ рѣшающее значеніе въ современномъ хозяйственномъ строѣ. Хозяйственный процессъ есть неразрывная цѣпь и потому нельзя сказать, въ общей формѣ, какой его отдѣлъ имѣетъ первенствующее значеніе.

6) Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, II, 38.

ГЛАВА V.

Общества потребителей.

I. Потребительныя общества въ Англіи. Первые шаги движенія. Рочдэльскіе піонеры. Рочдэльскіе принципы. Общества оптовыхъ покупокъ. Кооперативный союзъ. Производительныя отдѣленія потребительныхъ обществъ. Современное состояніе потребительной кооперацiи въ Англіи. II. Потребительныя общества въ другихъ странахъ. Потребительная кооперація въ Германіи. Потребительная кооперація въ Бельгіи. III. Потребительныя общества въ Россіи. Наше кооперативное движеніе до 1905 г. Новѣйшее кооперативное движеніе. Деревенскія потребительныя общества. Кооперативный съѣздъ 1908 г. IV. Значеніе и предѣлы развитія потребительныхъ обществъ. Потребительное общество, какъ принципіально новая организація обмѣна. Значеніе этой организаціи для интересовъ рабочаго класса и какъ фактора хозяйственной эволюціи. Потребительныя общества, какъ спеціально пролетарская форма кооперативовъ. Предѣлы развитія потребительныхъ обществъ. Почему они не могутъ устранить капитализмъ.

I.

Торговля, несомнѣнно, полезна, но торговецъ получаетъ ужъ слишкомъ высокую плату за свои услуги. Цѣна, по которой продуктъ поступаетъ потребителю, обыкновенно очень значительно превышаетъ ту цѣну, по которой тотъ же продуктъ продается торговцу производителемъ. Розничныя цѣны даже въ крупныхъ центрахъ торговаго оборота, обыкновенно, на 20—30 проц. превышаютъ оптовыя, а въ мѣстностяхъ съ меньшимъ развитіемъ торговли прибавка въ пользу розничнаго торговца еще значительнѣе. Вся эта прибавка оставалась бы въ рукахъ потребителя, если бы ему удалось избавиться отъ посредничества торговца. Отсюда—стремленіе къ устраненію торговаго посредничества. На этой почвѣ выросли такъ называемыя общества потребителей—важнѣйшій видъ кооперативныхъ организацій.

Исторія кооперативнаго движенія поучительна, помимо про-

чаго, также и въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какъ много значитъ въ историческомъ процессѣ мысль и воля человѣка. Если развитіе капитализма совершалось стихійно, безсознательно для общественныхъ массъ, то кооперативное движеніе, которое въ настоящее время представляетъ собой экономическій фактъ огромной важности, было продуктомъ сознательнаго общественнаго творчества человѣка. Отцомъ кооперативнаго движенія можно съ полнымъ правомъ считать Роберта Оуэна. Кооперативныя учрежденія возникли среди англійскихъ рабочихъ, какъ попытка путемъ организаціи потребителей добыть средства для устройства коммунистическихъ колоній, которыя пропагандировалъ Оуэнъ. Оуэнъ внушилъ сотнямъ тысячъ англійскихъ рабочихъ вѣру въ осуществимость коммунистическаго строя. Но англійскій рабочій—человѣкъ трезвый, не склонный откладывать на долгій срокъ осуществленіе своихъ желаній; онъ требовалъ немедленнаго практическаго дѣла. Такимъ практическимъ дѣломъ и явились общества потребителей [1]).

Основная мысль этихъ обществъ была слѣдующая.

Если каждый рабочій въ отдѣльности бѣденъ, то въ совокупности они достаточно богаты, чтобы содержать изъ своихъ ежедневныхъ расходовъ розничнаго и оптоваго торговца, продающихъ имъ свои товары. Соединившись вмѣстѣ и собравши по паямъ небольшой капиталъ для закупки за общій счетъ нужныхъ имъ товаровъ, рабочіе сберегутъ въ свою пользу всю прибыль торговца. Эта прибыль, накопленная за цѣлый рядъ лѣтъ, можетъ дать капиталъ для устройства коммунистической общины.

Такое общество потребителей возникло въ 1828 г. въ г. Брайтонѣ. Барыши его должны были идти въ общую кассу общества; изъ этихъ барышей долженъ былъ составиться капиталъ для покупки земли и устройства коммунистической общины. Въ скоромъ времени въ Англіи возникло нѣсколько сотъ подобныхъ обществъ потребителей, успѣхъ которыхъ, однако, былъ непродолжителенъ и къ половинѣ 30-хъ годовъ почти всѣ они распались. Причины этого быстраго крушенія коренились частью въ новизнѣ самого дѣла, а частью въ недостаткахъ внутренняго устройства первыхъ потребительныхъ обществъ. Барыши ихъ фактически разверстывались между членами пропорціонально сдѣланнымъ паямъ—если же и причислялись къ неприкосновенному капиталу предпріятія, то, въ концѣ концевъ, члены ихъ обыкновенно не могли устоять отъ искушенія воспользоваться этими капиталами для распредѣленія между собой. Это и вело въ крушенію предпріятія.

Новая эпоха кооперативнаго движенія начинается съ 1844 г.— съ образованія 28 фланелевыми ткачами маленькаго городка сѣверной Англіи, Рочдэля, потребительнаго общества на новыхъ началахъ. Общество это, названное его устроителями „Обществомъ честныхъ рочдэльскихъ піонеровъ" имѣло огромный успѣхъ и послужило образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ обществъ потребителей. Дѣло въ томъ, что рочдэльскіе піонеры натолкнулись на въ высшей степени плодотворную идею относительно распредѣленія прибылей потребительнаго общества. Первыя потребительныя общества распались въ значительной мѣрѣ именно вслѣдствіе неудачнаго распредѣленія прибыли.

Можно представить себѣ три способа распредѣленія прибыли потребительнаго общества: 1) прибыль можетъ распредѣляться между собственниками капитала общества, пайщиками; 2) прибыль можетъ распредѣляться между рабочими, занятыми въ обществѣ; 3) прибыль можетъ распредѣляться между покупателями общества. При первомъ способѣ распредѣленія прибыли общество принимаетъ характеръ капиталистическаго предпріятія, стремящагося къ полученію наибольшаго барыша на затраченный капиталъ. Чѣмъ лучше идутъ дѣла такого общества, тѣмъ большую цѣнность пріобрѣтаетъ пай и тѣмъ болѣе сглаживается различіе между потребительнымъ обществомъ и обычнымъ капиталистическимъ предпріятіемъ. При второмъ способѣ должно получиться, въ концѣ концовъ, тоже самое, ибо рабочіе, между которыми распредѣлялась бы прибыль, тѣмъ самымъ стали бы получать заработокъ значительно высшій, чѣмъ остальная масса рабочаго класса, и постепенно превратились бы въ мелкихъ капиталистовъ. И только послѣдній, третій способъ распредѣленія прибыли ведетъ не къ перерожденію и распаденію, а къ укрѣпленію и расширенію потребительнаго общества. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ прибыль распредѣляется между всѣми потребителями, состоящими членами и покупателями даннаго общества, причемъ на паи насчитывается небольшой процентъ, вся же остальная прибыль распредѣляется между покупателями пропорціонально сдѣланнымъ ими покупкамъ. При такомъ способѣ распредѣленія прибыли, каждый членъ общества заинтересованъ въ томъ, чтобы возможно больше покупать въ данномъ обществѣ, такъ какъ тѣмъ больше и его прибыль. Чѣмъ больше участниковъ общества, тѣмъ больше и прибыль каждаго, такъ что всѣ заинтересованы въ возможномъ увеличеніи числа членовъ общества; такая кооперативная организація имѣетъ тенденцію охватывать большее и большее число покупателей даннаго района. Получается полная гар-

монія интересовъ между всѣми участниками даннаго предпріятія.

Принятіе этого послѣдняго способа распредѣленія прибыли и явилось историческимъ дѣломъ „Рочдэльскихъ піонеровъ“. Такъ называемые „рочдэльскіе принципы“ заключаются преимущественно въ слѣдующемъ:

1) въ равноправности всѣхъ членовъ, независимо отъ количества находящихся въ обладаніи каждаго паевъ,—каждый членъ долженъ имѣть только одинъ голосъ;

2) въ незначительномъ размѣрѣ паевъ, для возможности пріобрѣтенія ихъ и бѣднѣйшимъ населеніемъ;

3) въ продажѣ товаровъ только на наличныя деньги, а не въ кредитъ;

4) въ установленіи цѣны продаваемыхъ товаровъ приблизительно на рыночномъ уровнѣ, т.-е. съ причисленіемъ къ закупочнымъ цѣнамъ средняго барыша;

5) въ распредѣленіи прибылей пропорціонально покупкамъ каждаго члена.

Два первые принципа придаютъ обществу демократическій характеръ; благодаря слѣдованію третьему и четвертому принципу общество имѣетъ въ концѣ года довольно значительную прибыль, которая и распредѣляется между членами пропорціонально закупкамъ. Члены общества выигрываютъ, слѣдовательно, не на дешевизнѣ товаровъ, пріобрѣтаемыхъ въ лавкахъ потребительнаго общества (товары въ немъ, какъ общее правило, продаются по тѣмъ же цѣнамъ, какъ и во всякомъ добросовѣстномъ магазинѣ), а на суммахъ, распредѣляемыхъ въ концѣ операціоннаго года. Такимъ образомъ, общество функціонируетъ не только какъ лавка, но и какъ сберегательная касса: такъ называемая прибыль общества, въ сущности, представляетъ собою ни что иное, какъ суммированныя сбереженія членовъ общества на мелочныхъ покупкахъ въ теченіе года. Сбереженія эти дѣлаются совершенно незамѣтно для членовъ общества, такъ какъ каждый изъ нихъ покупаетъ товары по обычнымъ рыночнымъ цѣнамъ и, значитъ, безъ всякаго убытка для себя.

Практичность такой организаціи потребительнаго общества очевидна. Каждый получаетъ возможность дѣлать безъ всякаго ущерба для удовлетворенія своихъ текущихъ нуждъ весьма значительныя сбереженія (въ Англіи членъ потребительнаго общества получаетъ, такимъ образомъ, въ среднемъ, около 4—5 ф. ст. въ годъ) и къ тому же избавляется отъ опасности фальсификаціи и недоброкачественности товаровъ, отъ чего въ столь сильной мѣрѣ страдаютъ покупатели въ обычныхъ лавкахъ (особенно пред-

назначенныхъ для бѣдныхъ покупателей). А такъ какъ въ интересахъ потребительныхъ обществъ возможно болѣе расширять кругъ своихъ членовъ (а, значитъ, и покупателей), то общества стремятся возможно облегчить условія пріема новыхъ членовъ.

Для того, чтобы стать членомъ даннаго потребительнаго общества, обычно требуется самый небольшой вступной взносъ (въ Англіи, обыкновенно, только одинъ шиллингъ). Въ нѣкоторыхъ обществахъ такой взносъ въ 1 шиллингъ даетъ внесшему право рѣшающаго голоса во всѣхъ дѣлахъ общества, въ другихъ — для рѣшающаго голоса требуется, чтобы членъ общества пріобрѣлъ полный пай (напр. въ 1 ф. ст.). Этотъ пай составляется слѣдующимъ образомъ: непосредственнаго взноса не требуется больше 1 шилл., вся же остальная сумма слагается изъ удержаній въ пай доли прибыли, слѣдуемой данному члену общества пропорціонально произведеннымъ имъ закупкамъ. Паи составляютъ основной капиталъ потребительнаго общества, который даетъ послѣднему возможность развивать свои операціи; общество уплачиваетъ по паямъ небольшой процентъ [2]).

Въ 1851 г. въ Англіи и Шотландіи считалось 130 потребительныхъ обществъ; большинство этихъ обществъ были, однако, очень мелкими, и только въ Рочдэльскомъ обществѣ было 670 членовъ. Въ 1861-мъ году число членовъ потребительныхъ обществъ Англіи и Шотландіи достигаетъ 48 тыс., а сумма ихъ продажъ—$1^1/_2$ мил. ф. ст.

По даннымъ, сообщеннымъ на послѣднемъ, Ньюпортскомъ, кооперативномъ конгрессѣ, число обществъ потребителей въ Великобританіи въ концѣ 1907 г. достигало 1566 съ 2.434.085 членовъ, 32 милліонами ф. с. паеваго капитала и 12 милліонами ф. с. чистой прибыли, распредѣленной между членами; товаровъ было продано потребительными обществами за тотъ же годъ на огромную сумму въ 105.717.699 ф. с. [3]). Болѣе четверти населенія Великобританіи пользуется, такимъ образомъ, выгодами участія въ потребительныхъ обществахъ, пріобрѣтая въ кооперативныхъ лавкахъ всевозможные предметы ежедневнаго потребленія—не только бакалею и мелочной товаръ, но и мясо, молоко, зелень, хлѣбъ, одежду, уголь, мебель, посуду и т. д.

Потребительныя общества Великобританіи группируются вокругъ двухъ центровъ. Экономическимъ центромъ ихъ являются два общества оптовыхъ закупокъ—одно для Англіи, одно для Шотландіи. Духовнымъ же центромъ является „Кооперативный союзъ“ (возникшій въ 1869 г.), преслѣдующій цѣли пропаганды кооперативныхъ идей. Союзъ этотъ устраиваетъ ежегодные конгрессы

представителей кооперативныхъ обществъ и стремится, чтобы кооперативное движеніе не измельчало и не теряло изъ виду своихъ болѣе отдаленныхъ высокихъ цѣлей. Что же касается обществъ оптовыхъ закупокъ, то они представляютъ собой мощную хозяйственную организацію, естественно дополняющую общества потребителей и устраняющую посредничество оптовыхъ торговцевъ, подобно тому, какъ потребительныя общества устраняютъ посредничество розничныхъ торговцевъ.

Но общества оптовыхъ закупокъ идутъ даже еще дальше. Они стремятся организовать на кооперативныхъ началахъ и самое производство. Имъ принадлежатъ огромныя хлѣбопекарни фабрики обуви, одежды, бѣлья, съѣстныхъ припасовъ, нѣсколько большихъ пароходовъ, типографіи и т. д. и т. д. Въ производительныхъ предпріятіяхъ этихъ обществъ (равно какъ и отдѣльныхъ мѣстныхъ кооперативовъ) участвуютъ тысячи рабочихъ, производящихъ на многіе милліоны ф. ст. разнообразныхъ товаровъ. Не нужно, однако, смѣшивать производительныхъ предпріятій кооперативныхъ обществъ съ организаціями совершенно другого типа—производительными товариществами. Въ послѣднихъ отсутствуетъ работа по найму и рабочіе являются собственниками средствъ производства. Фабрика же кооперативнаго общества представляетъ собой такое предпріятіе, въ которомъ работа совершается наемнымъ трудомъ, а прибыль идетъ въ пользу потребительнаго общества, являющагося ея хозяиномъ. Потребительное общество выступаетъ, такимъ образомъ, въ роли капиталиста—хозяина, съ тѣмъ, разумѣется, отличіемъ, что оно не злоупотребляетъ своимъ положеніемъ хозяина, какъ обычный капиталистъ и больше считается съ интересами рабочихъ. Производительныя предпріятія потребительныхъ обществъ вполнѣ жизнеспособны и быстро растутъ, въ то время какъ производительныя товарищества едва прозябаютъ.

II.

Характерной чертой англійскаго кооперативнаго движенія является его полное отчужденіе отъ политики, совершенный политическій нейтралитетъ. Въ Германіи потребительныя общества стали развиваться гораздо позже и первое время далеко не пользовались симпатіями соціалъ-демократіи. И Лассаль и Марксъ не придавали значенія потребительнымъ обществамъ, въ особенности первый, который, стоя на точкѣ зрѣнія формулированнаго имъ „желѣзнаго закона заработной платы", отрицалъ, чтобы потре-

бительныя общества могли улучшить экономическое положеніе рабочихъ. Что же касается до Маркса, то онъ придавалъ значеніе только производительнымъ товариществамъ т.-е. именно той кооперативной организаціи, которая, какъ показываетъ опытъ, всего менѣе жизнеспособна при существующихъ экономическихъ условіяхъ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Маркса Женевскій конгрессъ „Интернаціонала“ вынесъ слѣдующую резолюцію по вопросу о кооперативахъ:

„Мы совѣтуемъ рабочимъ обратить гораздо больше вниманія на кооперативное производство, чѣмъ на кооперативные лавки. Что касается послѣднихъ, то онѣ лишь поверхностно касаются современнаго хозяйственнаго строя, между тѣмъ какъ первые затрагиваютъ самое его основаніе“ [1]).

Въ развитіи германскихъ потребительныхъ обществъ выдающуюся роль сыгралъ Шульце-Деличъ, создатель народныхъ банковъ. Онъ же учредилъ и „Всеобщій союзъ германскихъ товариществъ“, который втеченіе долгаго времени былъ объединяющимъ центромъ для большей части германскаго кооперативнаго движенія.

Однако, хотя германскія потребительныя общества всегда держались принципа политическаго нейтралитета и не примыкали ни къ какой политической партіи, политика нашла себѣ мѣсто во „Всеобщемъ союзѣ“ и повела къ расколу въ его средѣ. Подобно тому, какъ самъ основатель его былъ дѣятельнымъ членомъ свободомыслящей партіи и велъ ожесточенную борьбу съ соціалъ-демократіей, точно также и преемники его по руководительству союзомъ были проникнуты тѣмъ же духомъ. На обще-германскомъ кооперативномъ съѣздѣ въ 1902 г. было рѣшено исключить изъ „Всеобщаго союза“ цѣлый рядъ потребительныхъ обществъ, въ томъ числѣ и основанное въ 1894 г. гамбургское „Общество оптовыхъ закупокъ германскихъ потребительныхъ обществъ“, за близость къ соціалъ-демократіи. Это имѣло своимъ слѣдствіемъ основаніе въ томъ же году новой центральной организаціи „Центральнаго союза германскихъ потребительныхъ обществъ“, принципіально безпартійнаго учрежденія но фактически объединившаго тѣ потребительныя общества, члены которыхъ относятся сочувственно къ соціалъ-демократіи.

Въ настоящее время число членовъ потребительныхъ обществъ Германіи достигаетъ 1.300 тыс., причемъ къ „Центральному союзу“ примыкаетъ 973 общества съ числомъ членовъ свыше 800 тысячъ, изъ которыхъ 80% принадлежатъ къ рабочимъ классамъ. Потребительныя общества, входящія въ составъ ста-

раго „Всеобщаго союза“, имѣютъ свыше 200 тысячъ членовъ, изъ которыхъ на долю рабочаго класса приходится не болѣе 50%.

Совершенно иной характеръ носитъ кооперативное движеніе въ Бельгіи, гдѣ оно тѣсно связано съ политическими партіями. Въ особенности соціалистическая партія находитъ себѣ могущественную поддержку въ своихъ экономическихъ организаціяхъ, среди которыхъ общества потребителей играютъ главную роль. Въ этомъ существенное отличіе бельгійскаго соціалистическаго движенія отъ германскаго. Въ то время какъ въ Германіи участіе въ соціалистической партіи выражается, для большинства, лишь подачей голоса за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ въ рейхстагъ, въ Бельгіи рядовой рабочій дѣйствуетъ въ соціалистическихъ кооперативахъ, которые не только экономически помогаютъ рабочему классу, но и являются незамѣнимой школой его общественнаго воспитанія, развивая его чувство солидарности и способность къ иниціативѣ, пріучая его къ трудному и отвѣтственному дѣлу руководительства хозяйственнымъ предпріятіемъ. На ряду съ соціалистическими кооперативами, въ Бельгіи существуютъ кооперативы и другихъ партій, хотя далеко не столь распространенные. Общее число членовъ во всѣхъ бельгійскихъ потребительныхъ обществахъ доходитъ до 250 тысячъ, причемъ на долю соціалистическихъ потребительныхъ обществъ приходится около 150 тыс. членовъ.

Бельгійскіе кооперативы характеризуются также и тѣмъ, что въ нихъ сильно развито кооперативное производство. Кооперативная булочная является важнѣйшимъ учрежденіемъ большинства такихъ кооперативовъ. Крупнѣйшіе изъ нихъ (напр. „Народный домъ“ въ Брюсселѣ, основанный въ 1881 г. и имѣющій теперь нѣсколько десятковъ тысячъ членовъ) соединяютъ съ кооперативной продажей товаровъ и производствомъ самую разнообразную дѣятельность по помощи своимъ членамъ въ различнѣйшихъ отношеніяхъ. Значительную часть своей прибыли они тратятъ на нужды соціалистической партіи. За 1889 — 1898 г. „Народный домъ“ въ Брюсселѣ затратилъ на дѣло соціалистической пропаганды 200 тыс. фр.

III.

Въ Россіи потребительныя общества появляются въ 60-хъ годахъ. Къ концу 90-хъ годовъ число членовъ потребительныхъ обществъ достигало у насъ уже 250 тысячъ; эта, сравнительно, значительная цифра отнюдь не доказывала, однако, силы нашего кооперативнаго движенія, такъ какъ среди нашихъ потребительныхъ обществъ преобладали въ это время общества при фабрикахъ и заводахъ, учреждавшіяся фабричной администраціей и почти не пользовавшіяся самоуправленіемъ. Въ сущности, это не были свободные кооперативы, а организаціи совершенно инаго типа — нѣсколько преобразованныя фабричныя лавки. И только послѣ 1905 г., вмѣстѣ съ общимъ подъемомъ нашей общественности, у насъ начинаетъ быстро развиваться и кооперативное движеніе во всѣхъ его формахъ — въ томъ числѣ и потребительные кооперативы, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Даже именно въ деревнѣ замѣчается за послѣднее время особенно быстрый ростъ разнаго рода кооперативовъ, въ томъ числѣ и потребительныхъ обществъ.

Объясняется это слѣдующимъ образомъ. Потребительныя общества возникаютъ какъ средство борьбы съ торговымъ капиталомъ. Чѣмъ выше прибыль торговаго посредника, тѣмъ настоятельнѣе потребность въ потребительномъ обществѣ. При очень высокомъ уровнѣ прибыли торговца даже плохо руководимое потребительное общество можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ торговцемъ. А такъ какъ въ нашу деревню товаръ поступаетъ, обложенный чрезвычайно высокимъ процентомъ прибыли—нерѣдко цѣна товара у деревенскаго лавочника вдвое и больше превосходитъ цѣну того же товара въ оптовой торговлѣ,—то нисколько не удивительно, что даже не имѣющіе никакого торговаго опыта крестьяне могутъ выручать въ потребительномъ обществѣ барыши, достаточные для развитія общества. Въ городѣ положеніе иное; торговая конкуренція здѣсь гораздо сильнѣе и потому отъ руководителей потребительныхъ обществъ требуется для успѣха дѣла гораздо болѣе высокій уровень торговаго умѣнья.

Подъемъ нашего кооперативнаго движенія послѣ 1905 г. выразился, во всякомъ случаѣ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Не только возникло нѣсколько сотъ новыхъ обществъ, но и старыя прониклись новымъ духомъ. На многихъ фабрикахъ и заводахъ рабочимъ удалось получить въ свои руки потребительскія лавки и такимъ образомъ превратить эти мнимые коопера-

тивы въ дѣйствительные кооперативы. Особенно усилилось кооперативное движеніе въ 1907 г., благодаря крайнему вздорожанію хлѣба и другихъ предметовъ потребленія, крайне болѣзненно отозвавшемуся на бюджетѣ нашего фабричнаго рабочаго, разстроенномъ продолжительнымъ промышленнымъ кризисомъ. „Московскій союзъ потребительныхъ обществъ," объединяющій до 200 обществъ, принялъ энергичное участіе въ этомъ движеніи и значительно содѣйствовалъ его росту. Въ 1907 г. достигъ быстраго, но, къ сожалѣнію, кратковременнаго успѣха и первый у насъ крупный кооперативъ западноевропейскаго типа—„Трудовой Союзъ." Кооперативъ этотъ возникъ въ Петербургѣ въ концѣ 1906 г. Благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ интеллигентныхъ лицъ—М. С. Ермолаева и В. А. Поссе—онъ получилъ въ свое распоряженіе превосходно устроенную хлѣбопекарню и началъ энергично развивать свои операціи. Въ скоромъ времени онъ охватилъ почти всѣ рабочіе районы Петербурга, число членовъ его дошло почти до 9 тысячъ человѣкъ, причемъ союзъ располагалъ 19 лавками. Полицейскія притѣсненія, а также и недостатки внутренняго устройства привели, однако, въ скоромъ времени къ его распаденію. Но дѣло не погибло, такъ какъ Союзъ распался на нѣсколько самостоятельныхъ потребительныхъ обществъ, продолжающихъ существовать и теперь.

Несмотря на эти частныя неудачи, кооперативное движеніе крѣпло и росло. Въ 1900 г. въ Россіи считалось 577 потребительныхъ обществъ; въ 1904 г.—уже 951, а въ 1908 г.—1448 съ 450 тыс. членовъ, паевымъ капиталомъ въ 10 милл. руб. и 100 милл. руб. годоваго оборота. По числу членовъ потребительныхъ обществъ, Россія стоитъ въ Европѣ позади только Англіи, Германіи и Франціи. При этомъ для нашего новѣйшаго кооперативнаго движенія крайне характеренъ быстрый ростъ потребительныхъ обществъ въ деревнѣ. Въ 1900 г. деревенскихъ обществъ считалось 133 и они составляли менѣе четверти всего числа потребительныхъ обществъ, а въ 1908 г.—уже 822, т.-е значительно болѣе половины всѣхъ обществъ [6]).

IV.

Важное значеніе потребительныхъ обществъ для рабочаго класса въ настоящее время почти никѣмъ не отрицается. Уже тѣ нѣсколько фунтовъ стерлинговъ въ годъ, которые въ Англіи въ среднемъ получаетъ членъ потребительныхъ обществъ, составляютъ далеко не маловажное увеличеніе обычнаго бюджета рабочаго, въ особенности, если къ этому прибавить, что благодаря потребительнымъ обществамъ рабочій получаетъ товаръ не фальсифицированный и хорошаго качества. Важно и косвенное вліяніе потребительныхъ обществъ на товарныя цѣны. Въ мѣстностяхъ со слабымъ развитіемъ торговой конкуренціи вліяніе это можетъ быть очень сильнымъ и приводить къ огромному пониженію розничныхъ цѣнъ—въ Россіи, напр. цѣны въ деревенскихъ лавкахъ иногда понижаются, послѣ открытія по близости потребительнаго общества, на много процентовъ. Такимъ образомъ, отъ потребительнаго общества получаютъ выгоду не только его члены, но и все населеніе—дань, платимая послѣднимъ торговцу, сокращается весьма значительно.

Затѣмъ, очень важно по отношенію къ общей эволюціи современнаго хозяйственнаго строя, что въ потребительныхъ обществахъ создается новая хозяйственная организація существенно иного типа, чѣмъ капиталистическое хозяйство. Потребительное общество непосредственно устраняетъ капиталистическій обмѣнъ, замѣняетъ стихійный механизмъ обмѣна, характерный для капиталистическаго хозяйства, планомѣрной организаціей обмѣна въ интересахъ потребителей. Это вводитъ въ современную систему хозяйства совершенно новый принципъ, принципъ сознательнаго руководительства процессомъ общественнаго хозяйства въ интересахъ населенія. Хозяиномъ потребительнаго общества являются не капиталисты, а обширная общественная группа, и цѣли потребительнаго общества заключаются не въ полученіи наибольшей прибыли на затраченный капиталъ, а въ возможно большемъ сбереженіи при расходованіи каждымъ членомъ общества своего дохода на нужды потребленія. Поэтому, доходы потребительнаго общества, въ строгомъ смыслѣ слова, не представляютъ собой прибыли—это накопленныя сбереженія потребителей, а не прибыль на затраченный капиталъ.

Преобразовывая обмѣнъ, потребительныя общества не довольствуются этимъ, но стремятся преобразовать и самое производство—они выступаютъ въ роли предпринимателей и устра-

нивши капиталиста-торговца, стремятся устранить и капиталиста-фабриканта. И хотя съ формальной стороны потребительное общество такой же хозяинъ наемнаго рабочаго, какъ и всякій другой предприниматель, но чрезвычайно существенно, что хозяиномъ въ данномъ случаѣ является не чуждый рабочему капиталистъ, а общество, членомъ котораго состоитъ этотъ же самый рабочій. Хозяиномъ отдѣльнаго рабочаго является, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ коллективный рабочій, подобно тому, какъ это было бы при соціалистическомъ строѣ.

И при всемъ этомъ нужно имѣть въ виду, что потребительныя общества являются чрезвычайно мощными организаціями, охватывающими хотя бы напр. въ Англіи четвертую часть населенія и ведущими въ той же Англіи обороты на многіе десятки милліоновъ ф. с. въ годъ. Передъ нами, слѣдовательно, новый хозяйственный міръ, выростающій съ неудержимой силой въ нѣдрахъ стараго капиталистическаго міра и міръ, основанный на діаметрально противоположныхъ началахъ, принципіально отрицающій этотъ старый міръ.

Въ этихъ новыхъ хозяйственныхъ организаціяхъ пролетарій получаетъ то хозяйственное воспитаніе, безъ котораго онъ никогда не смогъ бы удачно справиться съ великой задачей созданія строя будущаго. Въ будущемъ рабочему придется самостоятельно руководить чрезвычайно сложнымъ и грандіознымъ хозяйственнымъ механизмомъ; для этого онъ долженъ обладать въ высшей степени хозяйственнымъ умѣньемъ, хозяйственной предпріимчивостью и разсчетливостью. Работая по найму на капиталиста, онъ не имѣетъ никакой возможности пріобрѣсть всѣ эти качества. Кооперативное воспитаніе должно ихъ ему дать— въ чемъ и заключается великое историческое дѣло кооперації.

Потребительное общество тѣмъ существенно отличается отъ другихъ формъ кооперативовъ, что это единственная форма чисто пролетарскаго кооператива. Сельско-хозяйственные и кредитные кооперативы служатъ интересамъ мелкихъ производителей, доставляя имъ средства производства или организуя переработку и продажу продуктовъ мелкаго производства. Пролетарій лишенъ средствъ производства, не является собственникомъ своего трудового продукта и потому не нуждается въ кооперативахъ этого типа. Все его имущество заключается въ предметахъ потребленія. И потому только какъ потребитель, покупатель предметовъ потребленія, онъ можетъ быть членомъ кооперативной организаціи. И потому потребительныя общества представляютъ собой пролетарскую форму кооперативовъ.

Именно это и придаетъ потребительнымъ обществамъ особую важность. Развитіе капитализма ведетъ къ концентраціи производства и пролетаризаціи населенія. Соотвѣтственно этому растетъ значеніе и пролетарскихъ кооперативныхъ организацій. Поэтому нисколько не удивительно, что грандіозные успѣхи потребительныхъ обществъ привели многихъ соціалистовъ къ мысли, что потребительныя общества должны разрѣшить и весь великій соціальный вопросъ современности. Уже и теперь потребительныя общества являются огромной экономической и соціальной силой. Развѣ не можетъ ихъ дальнѣйшій ростъ повести къ тому, что мало по малу потребительныя общества охватятъ все народное хозяйство—въ ихъ рукахъ сосредоточатся всѣ средства производства общества и, такимъ образомъ, капиталистическій міръ, постепенно и незамѣтно, превратится въ новый міръ, кооперативный и соціалистическій, въ которомъ владыкой будетъ не капиталистъ, а рабочій?

Но какъ ни естественны такія мечты, онѣ совершенно иллюзорны. Потребительныя общества представляютъ собой огромную экономическую силу—но имѣющую свои совершенно опредѣленныя границы.

И границы эти вытекаютъ изъ самой природы потребительныхъ обществъ. Сила потребительнаго общества и его основное преимущество въ борьбѣ съ капиталистическимъ предпріятіемъ заключается въ томъ, что потребительное общество, какъ таковое, всегда имѣетъ обезпеченный рынокъ. Оно не должно искать покупателей, ибо именно изъ покупателей и состоитъ. Отсюда слѣдуетъ, что рабочіе могутъ сосредоточить въ своихъ рукахъ средства производства, при помощи потребительныхъ обществъ, лишь постольку, поскольку они выступаютъ покупателями на рынкѣ. Но предметы потребленія вообще и предметы потребленія рабочаго класса въ частности составляютъ лишь часть товаровъ на рынкѣ. Кромѣ предметовъ потребленія, общество производитъ и средства производства, которыя совсѣмъ не переходятъ въ народное потребленіе. Рельсы, желѣзнодорожныя принадлежности, корабли, строительные матеріалы и пр.—все это не покупается рабочими и, значитъ, производство всего этого не можетъ быть организовано потребительными обществами. А основнымъ закономъ развитія капиталистическаго хозяйства является постоянное увеличеніе доли общественнаго продукта, состоящей въ средствахъ производства и такое же сокращеніе доли, состоящей въ предметахъ потребленія.

Правда, другіе виды кооперативовъ создаютъ спросъ именно

на средства производства—это именно всѣ тѣ кооперативы, которые объединяютъ мелкихъ производителей, какъ напр. закупочныя товарищества крестьянъ и т. п. Но при современныхъ условіяхъ техники, мелкое производство можетъ успѣшно развиваться только въ сельскомъ хозяйствѣ—въ промышленности же торжествуетъ крупное капиталистическое производство. Такимъ образомъ, изъ сферы закупочной кооперації естественно исключается почти вся обширная и, главное, все растущая по своему значенію область производства средствъ производства промышленности. Руководящимъ производствомъ капиталистическаго міра является въ настоящее время желѣзодѣлательная промышленность (недавно еще была хлопчатобумажная промышленность). Въ этой области мы наблюдаемъ и крайнюю концентрацію капитала—предпріятія, владѣющія милліардами рублей капитала, какъ напр. американскій стальной трестъ. Потребительныя общества рабочихъ совершенно не въ силахъ овладѣть этими главными твердынями современнаго капитала. Сфера потребительныхъ обществъ совершенно иная и гораздо болѣе узкая по своему народохозяйственному значенію—а именно, сфера народнаго потребленія.

И притомъ потребленія не всего населенія, а только части его — преимущественно, болѣе достаточныхъ слоевъ рабочаго класса и менѣе достаточныхъ слоевъ буржуазіи. Низшіе слои пролетаріата не могутъ быть надежными кліентами потребительныхъ обществъ потому, что они не представляютъ собой надежнаго рынка. Плохо оплачиваемый пролетаріатъ долженъ вести полубродячее существованіе и не можетъ связывать себя съ потребительными обществами — для этого онъ слишкомъ безпомощенъ и бѣденъ; къ тому же потребительныя общества продаютъ на наличныя, а онъ привыкъ покупать въ кредитъ. Наоборотъ, высшіе имущіе классы общества слишкомъ богаты, чтобы нуждаться въ кооперації. Потребительное общество не можетъ удовлетворять изысканнымъ потребностямъ богатыхъ людей, такъ какъ оно разсчитываетъ на массоваго потребителя. Да богатымъ кооперація и не нужна. Итакъ, потребительная кооперація можетъ, даже при своемъ наибольшемъ развитіи, охватить только часть народнаго потребленія.

Наконецъ, значительная часть общественнаго труда затрачивается, при современныхъ условіяхъ хозяйства, на производство предметовъ вывоза. Такъ напр. значительно большая часть продуктовъ хлопчатобумажнаго производства Англіи уходитъ заграницу. Какъ бы ни были развиты потребительные кооперативы въ

Англіи, они не могутъ сами по себѣ найти сбытъ для той части англійскихъ товаровъ, рынкомъ для которыхъ является весь міръ.

Правда, это послѣднее препятствіе на извѣстной ступени развитія кооперація не является непреодолимымъ. Кооперація можетъ перерости границы отдѣльныхъ странъ и связывать между собой кооператоровъ различныхъ государствъ. Такъ, англійскія потребительныя общества находятся въ прямыхъ сношеніяхъ съ датскими маслодѣльными кооперативами и датскіе крестьяне безъ всякаго посредства капиталистической торговли доставляютъ масло англійскимъ рабочимъ, организованнымъ въ потребительныя общества. Но для этого требуется, чтобы какъ въ странѣ ввоза, такъ и вывоза, были сильно развитые кооперативы, — а это имѣетъ мѣсто лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Тѣ же продукты, которые вывозятся въ малокультурныя страны, не имѣющія кооперативовъ, естественно, совершенно изъемлются изъ сферы вліянія потребительной кооперація [8]).

Итакъ, совершенно ясно, что какъ бы ни развивалась потребительная кооперація, равно какъ и другія формы кооперація, твердыни капиталистическаго міра, сами по себѣ, онѣ сокрушить не могутъ. Но такъ же ясно, что кооперація даетъ средства и организуетъ силы для побѣды новаго строя и что безъ кооперація эта побѣда была бы въ высокой степени проблематична.

ЛИТЕРАТУРА.

Holyoake. The history of cooperation in England. 2 тома 1875 и 1885. Потеръ (Вебъ). Исторія кооперативнаго движенія въ Англіи. Пер. съ англійскаго. 1905. Krüger. Die Erwerbs- und Wirtschaftsgenossenschaften in den einzelnen Ländern. 1892. Озеровъ. Общества потребителей. 2 изд. 1900. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. 1903. Томіанцъ. Потребительныя общества. 2 изд. 1908. Слобожанинъ. Смотръ кооперативнымъ силамъ. 1909. Подробную библіографію потребительныхъ обществъ см. М. Хейсинъ. Обзоръ кооперативной литературы. Вѣстникъ кооперація. 1909. Книга I.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ V.

1) Правда, и до Оуэна въ Англіи и Шотландіи рабочіе дѣлали попытки создать производительныя предпріятія на кооперативныхъ началахъ. Такъ, рабочіе въ Гуллѣ еще въ 1801 г. устроили за общій счетъ мельницу, которая просуществовала до новѣйшаго времени. Подобныя же мельницы и пекарни устраивались рабочими и въ другихъ англійскихъ

и шотландскихъ городахъ. Но всѣ эти частныя попытки не вызвали никакого широкаго общественнаго движенія, почему и совершенно правильно начинать исторію кооперативнаго движенія съ Оуэна.

2) Классической книгой по кооперативному движенію въ Англіи по прежнему остается работа Беатрисы Поттеръ (Веббъ) „History of the cooperative Movement in Great Britain", откуда и заимствована большая часть приводимыхъ въ текстѣ данныхъ о британской кооперації

3) Тотоміанцъ. Кооперативное движеніе на Западѣ. Вѣстникъ. Кооперації. 1909. Книга I, стр. 35—36.

4) Точно также и въ III томѣ „Капитала" Марксъ выражаетъ сочувствіе только производительнымъ товариществамъ. „Кооперативныя фабрики—пишетъ онъ—представляютъ, въ предѣлахъ старой формы, первое измѣненіе этой формы. Онѣ показываютъ, какъ на извѣстной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ и соотвѣтствующихъ послѣднимъ общественныхъ формъ производства, естественно развивается и организуется изъ одного способа производства, новый способъ производства". (Das Kapital. T. III. Ч. I. Стр. 427).

5) См. Тотоміанцъ. Потребительныя общества. Изд. 2. Стр. 210. Изъ этой же книги заимствованы и другія данныя о современномъ состояніи потребительныхъ обществъ.

6) См. докладъ В. Н. Зельгейма на Первомъ всероссійскомъ кооперативномъ съѣздѣ (Труды съѣзда) и М. Слобожанинъ. Смотръ кооперативнымъ силамъ. Стр. 22—54.

7) Вопросъ о томъ, составляетъ ли доходъ потребительныхъ обществъ капиталистическую прибыль или нѣтъ, имѣетъ практическое значеніе по отношенію къ вопросу объ обложеніи налогами потребительныхъ обществъ. Совершенно неправильно приравнивать ихъ въ этомъ отношеніи къ обычнымъ торговопромышленнымъ предпріятіямъ, какъ это дѣлается у насъ. Потребительное общество можетъ совершенно уничтожить свой дивидендъ, соотвѣтственно понизивъ цѣны отпускаемыхъ имъ товаровъ, и если оно этого не дѣлаетъ, то потому, что предпочитаетъ, чтобы его члены вмѣсто мелкихъ сбереженій на каждой покупкѣ получали бы въ концѣ года суммированныя крупныя сбереженія. Отъ этого суммированія послѣднія не становятся, однако, по своей экономической природѣ, капиталистической прибылью. Потому первый всероссійскій кооперативный съѣздъ поступилъ совершенно правильно, признавъ желательнымъ чтобы „общества потребителей, отпускающія товары только своимъ членамъ, или такія, которыя реализованную прибыль распредѣляютъ на одинаковыхъ основаніяхъ между всѣми своими заборщиками пропорціонально закупкамъ, совершенно исключались изъ разряда торговопромышленныхъ предпріятій и не подлежали ни основному, ни дополнительному промысловому налогу, ни къ какому-либо иному сбору съ суммъ, распредѣляемыхъ по забору". Труды съѣзда. Стр. 1.

8) По расчетамъ Беатрисы Поттеръ, потребительная кооперація можетъ охватить въ Англіи, при своемъ наибольшемъ развитіи, не больше 1/4 національнаго дохода.

ГЛАВА VI.

Средства сообщенія.

Значеніе средствъ сообщенія въ народномъ хозяйствѣ. Вліяніе на условія сбыта товаровъ. Выравниваніе товарныхъ цѣнъ. Ростъ подъ вліяніемъ развитія средствъ сообщенія крупнаго капиталистическаго предпріятія. Международное раздѣленіе труда. Желѣзныя дороги. Особенности желѣзнодорожнаго предпріятія. Желѣзныя дороги и государство. Дополнительныя замѣчанія. Мѣсто ученія о средствахъ сообщенія въ общей системѣ политической экономіи.

Подъ средствами сообщенія понимаютъ хозяйственныя организаціи двоякаго рода: однѣ изъ нихъ служатъ для перемѣщенія людей и предметовъ хозяйства (транспортъ по сухопутнымъ и воднымъ путямъ сообщенія), другія для передачи извѣстій (почта телеграфъ, телефонъ). И тѣ и другія играютъ чрезвычайно важную роль въ народномъ хозяйствѣ.

Производство неотдѣлимо отъ перемѣщенія хозяйственныхъ предметовъ въ пространствѣ и даже, какъ показалъ Милль, оно въ концѣ концовъ только и состоитъ въ этомъ перемѣщеніи [1]). Но когда мы говоримъ о транспортѣ, то подразумѣваемъ не это перемѣщеніе хозяйственныхъ предметовъ въ процессѣ труда производства, а самостоятельную и обособленную хозяйственную операцію, заключающуюся въ передвиженіи хозяйственныхъ предметовъ на болѣе или менѣе значительныя разстоянія. И въ такомъ видѣ транспортъ обычно сопутствуетъ производству и слѣдуетъ за нимъ. Съ одной стороны, средства производства если только они не возникли въ хозяйствѣ самого производителя (что въ современномъ хозяйствѣ является рѣдкимъ случаемъ), должны быть доставлены къ данному производительному предпріятію извнѣ. Съ другой стороны, изготовленные продукты, если они производятся для сбыта, должны быть перемѣщены къ потребителю. Такимъ образомъ, расходы по оплатѣ стоимости транспорта входятъ составнымъ элементомъ цѣны всѣхъ

товаровъ, обращающихся на рынкѣ. Обмѣнъ (кромѣ, разумѣется, обмѣна недвижимостями) неизбѣжно сопровождается перемѣщеніемъ предметовъ хозяйства. Передача же извѣстій является необходимымъ условіемъ сколько-нибудь развитаго обмѣна и, такимъ образомъ, пользованіе средствами сообщенія въ ихъ различныхъ видахъ является необходимой составной частью всѣхъ родовъ хозяйственнаго труда, чѣмъ и объясняется исключительно важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ средствъ сообщенія.

Отсюда ясно, что пониженіе расходовъ по пользованію средствами сообщенія должно самымъ энергичнымъ образомъ вліять на развитіе народнаго хозяйства. Каждый товаръ можетъ имѣть сбытъ лишь въ томъ районѣ, въ которомъ его цѣна на мѣстѣ производства плюсъ стоимость транспорта не превышаетъ цѣны, которую могутъ платить за товаръ покупатели. Чѣмъ ниже стоимость транспорта, тѣмъ обширнѣе районъ сбыта товара. Если мы представимъ себѣ районъ сбыта товара въ видѣ площади круга, а линіи транспорта, какъ радіуса этого круга, то мы прійдемъ къ выводу, что районъ сбыта товара (иначе говоря рынокъ для него) обратно пропорціоналенъ квадратамъ стоимости его транспорта: такъ напр., при пониженіи вдвое стоимости транспорта вдвое увеличивается длина пути, на которую за одинаковую плату можно передвинуть товаръ, и, слѣдовательно, вчетверо увеличивается площадь круга, въ предѣлахъ котораго товаръ можетъ находить себѣ сбытъ [2]).

Благодаря неизбѣжнымъ различіямъ условій производства, цѣны товаровъ въ различныхъ мѣстностяхъ не могутъ не быть различны, причемъ различія эти нерѣдко бываютъ весьма велики. Развитіе средствъ сообщенія ведетъ къ уменьшенію этихъ различій, къ общему выравниванію цѣнъ, тѣмъ болѣе значительному, чѣмъ болѣе понижается стоимость транспорта. Выравниваніе это происходитъ такимъ образомъ, что на мѣстахъ производства, откуда товары вывозятся, цѣны соотвѣтствующихъ товаровъ повышаются, въ мѣстахъ ввоза понижаются, причемъ это вліяніе измѣненія условій транспорта на товарныя цѣны тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже цѣна товара при данномъ вѣсѣ и объемѣ. Стоимость транспорта составляетъ небольшую часть цѣны дорогихъ товаровъ и потому пониженіе этой стоимости мало отражается на ихъ цѣнѣ. Но чѣмъ дешевле товаръ, тѣмъ чувствительнѣе онъ къ стоимости транспорта. Поэтому удешевленіе транспорта всего больше отражается на цѣнахъ дешевыхъ

громоздкихъ товаровъ, какъ напр. разнаго рода сырье, топливо, хлѣбъ и т. п.

Въ общемъ, удешевленіе средствъ сообщенія является самымъ могущественнымъ стимуломъ развитія торговли и промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно содѣйствуетъ росту крупныхъ капиталистическихъ предпріятій насчетъ мелкихъ, такъ какъ размѣры предпріятія по необходимости ограничиваются размѣрами рынка, а рынокъ расширяется съ удешевленіемъ средствъ сообщенія. Только благодаря мощному развитію средствъ сообщенія, характерному для нашего времени, стали возможны такія гигантскія капиталистическія предпріятія, какъ напр. американскіе тресты, монополизирующіе не только внутренній рынокъ великой страны, но стремящіеся (и небезуспѣшно) стать господами и міроваго рынка.

Развитіе средствъ сообщенія чрезвычайно содѣйствуетъ росту общественнаго раздѣленія труда. Чѣмъ шире районъ сбыта каждаго товара, тѣмъ болѣе можетъ спеціализироваться опредѣленная мѣстность въ производствѣ только тѣхъ продуктовъ, по отношенію къ производству которыхъ она имѣетъ существенныя преимущества. Такимъ образомъ возникаетъ территоріальное раздѣленіе труда. При этомъ, по мѣрѣ развитія путей сообщенія, тѣ преимущества данной мѣстности, которыя заключаются въ близости къ мѣсту добыванія сырья, теряютъ свое значеніе сравнительно съ преимуществами чисто соціальнаго характера какъ большее искусство труда, богатство капиталомъ и т. п. Такъ, мы видимъ, что хлопчатобумажная промышленность преимущественно развивается не въ странахъ произростанія хлопка, а въ Европѣ. Весь хозяйственный міръ мало по малу связывается въ одно колоссальное цѣлое міроваго хозяйства.

Но средства сообщенія служатъ не только для хозяйственныхъ цѣлей. Они непосредственно вліяютъ на всѣ стороны общественной жизни. Могущество современнаго централизованнаго государства опирается весьма существенно на средства сообщенія, которыя находятся въ распоряженіи центральной государственной власти и даютъ ей возможность вліять во всякій моментъ во всякомъ пунктѣ территоріи страны въ желаемомъ направленіи. Пути сообщенія играютъ огромную роль и при военныхъ дѣйствіяхъ государства. Наконецъ, облегченіе сношеній между людьми вообще чрезвычайно содѣйствуютъ росту культуры и цивилизаціи.

Въ исторіи средствъ сообщенія рѣшающую роль сыграли паръ и электричество. До эпохи желѣзныхъ дорогъ водный

транспортъ былъ единственнымъ дешевымъ способомъ перемѣщенія тяжелыхъ грузовъ. Благодаря этому обмѣнъ сосредоточивался преимущественно по морскому побережью и вдоль судоходныхъ рѣкъ. Примѣненіе пара къ передвиженію вызвало великую революцію въ средствахъ сообщенія, которая была еще усилена изобрѣтеніемъ электрическаго телеграфа, до послѣдней степени ускорившаго передачу извѣстій.

Желѣзныя дороги впервые появляются въ Англіи, которая уже къ концу 40-хъ годовъ 19 го вѣка заканчиваетъ въ основныхъ чертахъ свою желѣзнодорожную сѣть. Затѣмъ, въ 50-ые 60-ые и 70-ые годы слѣдуетъ усиленное желѣзнодорожное строительство въ другихъ странахъ западной Европы и отчасти у насъ, хотя въ Россіи наибольшее желѣзнодорожное строительство приходится на 90-ые годы.

Какъ хозяйственныя предпріятія, желѣзныя дороги имѣютъ свои весьма существенныя особенности. Прежде всего, это предпріятія чрезвычайно крупныя, такъ какъ постройка желѣзныхъ дорогъ требуетъ огромныхъ капиталовъ. Благодаря этому, сколько нибудь значительныя желѣзныя дороги невозможны въ формѣ единоличныхъ предпріятій—только коллективный капиталъ многихъ лицъ можетъ достигать тѣхъ размѣровъ, которые требуются для постройки желѣзной дороги. Этотъ крупный размѣръ предпріятія естественно ведетъ къ тому, что желѣзнымъ дорогамъ присущъ въ большей или меньшей степени характеръ монопольныхъ предпріятій. Затѣмъ, желѣзныя дороги не могутъ возникать, какъ обычныя частнохозяйственныя предпріятія, безъ всякаго вмѣшательства государства, ибо они требуютъ отчужденія территоріи, на которой проводится желѣзнодорожная линія. Наконецъ, желѣзныя дороги такъ сильно затрогиваютъ интересы широкихъ круговъ населенія и всей страны въ совокупности, что естественно вызываютъ по отношенію себѣ регулирующую дѣятельность государства.

Правильное развитіе желѣзнодорожной сѣти, въ соотвѣтствіи съ потребностями страны, представляетъ огромное значеніе для всей хозяйственной жизни страны. Между тѣмъ, по необходимости, далеко не всѣ желѣзнодорожныя линіи этой сѣти могутъ давать одинаковый доходъ; нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть совсѣмъ мало доходными и тѣмъ не менѣе составлять необходимыя части общей сѣти. Поэтому, когда государство предоставляетъ исполненіе сѣти свободному частнохозяйственному предпринимательству, сѣть легко можетъ остаться незаконченной или развитой неравномѣрно.

Затѣмъ, государство заинтересовано въ томъ, чтобы пользованіе желѣзнодорожными линіями было согласовано съ общими интересами страны и чтобы желѣзнодорожныя общества не эксплоатировали въ ущербъ интересамъ населенія своего монопольнаго положенія. Отсюда возникаетъ требованіе, чтобы государство непосредственно регулировало и контролировало пользованіе желѣзнодорожными линіями и, въ частности, регулировало желѣзнодорожные т а р и ф ы—платы за провозъ людей и товаровъ.

Наиболѣе полно эти цѣли достигаются въ томъ случаѣ, когда государство является собственникомъ желѣзнодорожныхъ линій. Поэтому во многихъ государствахъ вся или почти вся желѣзнодорожная сѣть принадлежитъ государству и находится въ его управленіи. Сюда относится большая часть германскихъ государствъ, Венгрія, Норвегія, Сербія, Румынія, Болгарія, Австралія, Капская колонія, Египетъ. Напротивъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи, Швейцаріи, Испаніи, Греціи и другихъ странахъ желѣзнодорожныя линіи принадлежатъ частнымъ компаніямъ. Въ Россіи, Австріи, Франціи, Бельгіи и другихъ странахъ часть желѣзнодорожныхъ линій принадлежитъ государству, часть частнымъ компаніямъ. Въ общемъ, за послѣднее время замѣчается несомнѣнная тенденція къ росту государственныхъ желѣзныхъ дорогъ за счетъ частныхъ.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ большинствѣ государствъ правительственная власть подчиняетъ весьма тщательному контролю дѣятельность частныхъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ нерѣдко контроль этотъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что различіе въ этомъ отношеніи между частными и государственными дорогами почти сглаживается. Такъ напр. у насъ въ Россіи тарифы и общія правила управленія желѣзными дорогами устанавливаются государственной властью въ равной мѣрѣ какъ для казенныхъ, такъ и для частныхъ дорогъ.

По существу, транспортъ всякаго рода (передвиженіе людей и предметовъ хозяйства) долженъ быть признанъ одной изъ отраслей производства — л о к о м о т о р н о й промышленностью. По этому казалось бы, надлежащее мѣсто ученію о средствахъ сообщенія въ отдѣлѣ производства, а никакъ не обмѣна. Транспортъ, самъ по себѣ, не имѣетъ ничего общаго съ обмѣномъ; если бы обмѣнъ совершенно исчезъ — напр., при предположеніи соціалистическаго государства — то транспортъ остался бы по прежнему. Однако, по соображеніямъ цѣлесообразности, удобнѣе помѣщать ученіе о средствахъ сообщенія въ отдѣлѣ

обмѣна. При современныхъ условіяхъ обмѣнъ тѣсно соединяется съ транспортомъ и потому понять значеніе транспорта въ капиталистическомъ хозяйствѣ можно лишь въ связи съ изученіемъ явленій обмѣна.

ЛИТЕРАТУРА.

E. Sax. Transport- und Kommunikationswesen, въ курсѣ Schönberg'a. Его же. Die Verkehrsmittel in Volks- und Staatswirtschaft. 2 т. 1878—1879. Van der Borght. Das Verkehrswesen. 1894. Picard. Traité des chemins de fer. 1887. Huber. Die geschichtliche Entwicklung des modernen Verkehrs. 1893. Чупровъ. Желѣзнодорожное хозяйство. 2 т. 1875 и 1878. Головачевъ. Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. 1881. Витте. Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ. 1884. П. Георгіевскій. Финансовыя отношенія государства и частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ Россіи. 1887. Его же. Историческій очеркъ развитія путей сообщенія во XIX вѣкѣ. 1893. Гіацинтовъ. Основы организаціи тарифнаго дѣла на желѣзныхъ дорогахъ. 1887. Пихно. Желѣзнодорожные тарифы. 1888. Загорскій. Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ VI.

1) Человѣкъ можетъ вліять на внѣшнюю природу только посредствомъ передвиженія отдѣльныхъ предметовъ и, такимъ образомъ, все производство сводится къ такому передвиженію. См. Милль. Основанія Политической Экономіи. Т. I. Глава I.

2) Нѣсколько иначе формулируетъ тотъ же законъ Э. Сакс. См. его статью въ курсѣ Шёнберга. Изд. 4-е. Т. I. Стр. 553.

ГЛАВА VII.

Страхованіе.

I. Общая теорія страхованія. Сущность страхованія. Законъ большаго числа. Устраненіе элемента случайности. Системы страхованія. Сравненіе взаимнаго страхованія и страхованія у третьихъ лицъ. II. Виды страхованія по его объекту. Страхованіе отъ огня. Страхованіе при транспортѣ. Страхованіе посѣвовъ отъ градобитія и страхованіе отъ падежа скота. Страхованіе жизни. III. Общее экономическое значеніе страхованія. Дополнительныя замѣчанія. Мѣсто страхованія въ общей системѣ политической экономіи.

I.

Страхованіемъ называется хозяйственная операція, заключающаяся въ распредѣленіи между нѣсколькими единичными хозяйствами хозяйственнаго ущерба, происходящаго для даннаго единичнаго хозяйства отъ наступленія событія, время наступленія котораго предвидѣть невозможно. Страхованіе есть своеобразный методъ борьбы съ тѣми случайными несчастіями, которыя поражаютъ не одновременно обширныя группы хозяйствъ, а отдѣльныя единичныя хозяйства; въ этомъ случаѣ вся масса единичныхъ хозяйствъ остается незатронутой несчастнымъ событіемъ и, слѣдовательно, способной оказать помощь тому единичному хозяйству, которое пострадало отъ такого несчастья. Само по себѣ страхованіе не уменьшаетъ размѣра ущерба для всего народнаго хозяйства отъ даннаго несчастнаго событія; но распредѣляя этотъ ущербъ между многими, оно дѣлаетъ перенесеніе его гораздо болѣе легкимъ и, такимъ образомъ, весьма существенно уменьшаетъ чувствительность его для даннаго единичнаго хозяйства и для всѣхъ ихъ въ совокупности.

Страхованіе предполагаетъ объединеніе для цѣлей страхова-

нія болѣе или менѣе обширной группы единичныхъ хозяйствъ, которымъ угрожаетъ то же несчастное событіе и которыя распредѣляютъ между собой возникающій отсюда ущербъ. Взносы каждаго единичнаго хозяйства, входящаго въ составъ данной страховой группы, для покрытія этого ущерба называются страховыми преміями; лицо, уплачивающее страховую премію, называется страхователемъ, учрежденіе, получающее страховыя преміи и принимающее на себя обязательство возмѣщать страхователямъ въ опредѣленномъ размѣрѣ убытки отъ наступленія опредѣленно указаннаго несчастнаго событія, называется страховщикомъ, суммы, уплачиваемыя такимъ образомъ страховщиками—страховыми суммами.

Для того, чтобы операція страхованія могла имѣть мѣсто, требуется, чтобы предвидимое несчастное событіе поражало только нѣкоторыя единичныя хозяйства, а не всѣхъ ихъ въ совокупности. Поэтому въ случаѣ такихъ массовыхъ несчастій, какъ наводненіе, землетрясеніе, бомбардировка городовъ и т. п. страхованіе оказывается совершенно неосуществимымъ, такъ какъ слишкомъ мало остается непострадавшихъ единичныхъ хозяйствъ, на которыхъ могло бы быть распредѣлено бремя оказанія помощи пострадавшимъ хозяйствамъ.

Съ другой стороны, для того, чтобы страхованіе могло дѣйствовать болѣе или менѣе удовлетворительно, оно должно охватывать всегда очень обширную группу единичныхъ хозяйствъ. Страхованіе стремится къ тому, чтобы превратить для единичнаго хозяйства крупный ущербъ, изрѣдка возникающій отъ того или иного несчастнаго событія, въ правильные, регулярно повторяющіеся небольшіе денежные взносы. Оно стремится устранить изъ хозяйства элементъ случайности, риска. Но какимъ образомъ можно устранить элементъ случайности? Только такимъ, что берется достаточно значительное число случаевъ, когда случайное событіе можетъ имѣть мѣсто. Вѣроятность наступленія того или иного случайнаго событія можетъ быть выражена дробью, въ которой числителемъ будетъ число случаевъ дѣйствительнаго наступленія даннаго явленія, а знаменателемъ число всѣхъ случаевъ, когда данное явленіе могло наступить; такъ напр. если въ теченіе года изъ ста тысячъ домовъ сгораетъ ежегодно сто, то вѣроятность пожара въ теченіе года для каждаго дома равняется $^1/_{1000}$. Однако, дѣйствительное число случаевъ наступленія того или иного случайнаго событія никогда вполнѣ не совпадаетъ съ теоретической вѣроятностью его наступленія, а всегда болѣе или менѣе укло-

няется отъ послѣдней—но уклоняется согласно извѣстному математическому *закону большаго числа* въ извѣстной математической зависимости тѣмъ меньше, чѣмъ больше число возможныхъ случаевъ наступленія явленія. При безконечномъ числѣ случаевъ дѣйствительное число случаевъ наступленія случайнаго событія должно совпасть съ его математической вѣроятностью. Но чѣмъ меньше случаевъ возможнаго наступленія даннаго событія, тѣмъ больше дѣйствительное наступленіе этого событія уклоняется отъ его математической вѣроятности.

Благодаря этому, элементъ случайности и риска устраняется изъ страховой операціи тѣмъ полнѣе, чѣмъ большее количество единичныхъ хозяйствъ она охватываетъ. Если число застрахованныхъ домовъ достигаетъ, напримѣръ, только нѣсколькихъ тысячъ, то вполнѣ возможно, что убытки отъ случайныхъ, единичныхъ пожаровъ въ данномъ году будутъ въ нѣсколько разъ превышать убытки отъ пожаровъ въ будущемъ году и, значитъ, цѣли страхованія—устраненіе элемента случайности—будутъ достигнуты очень несовершенно. Напротивъ, если число застрахованныхъ домовъ опредѣляется сотнями тысячъ, то ежегодные убытки отъ случайныхъ пожаровъ представляютъ собой мало колеблющуюся величину и, слѣдовательно, для покрытія пожарныхъ убытковъ должна приходится на каждый застрахованный домъ точно также мало колеблющаяся сумма взноса. Вотъ почему страховая организація всегда должна имѣть и фактически имѣетъ очень крупные размѣры—страхованіе въ небольшихъ размѣрахъ не достигаетъ цѣли.

По своей организаціи страхованіе распадается на два основныхъ типа или системы—*взаимное* страхованіе и страхованіе *у третьихъ лицъ*. При взаимномъ страхованіи страхователи являются своими собственными страховщиками—группа лицъ образуетъ страховое общество для покрытія убытковъ отъ того или другаго случайнаго несчастія и достигаетъ своихъ цѣлей путемъ распредѣленія убытковъ въ своей собственной средѣ. Взаимное страхованіе, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣлено на *частное* взаимное страхованіе, когда страховое общество возникаетъ путемъ частной иниціативы, и *публичное* взаимное страхованіе, когда взаимная страховая организація создается на публично-правовыхъ основаніяхъ.

Страхованіе у третьихъ лицъ имѣетъ мѣсто тогда, когда страхователямъ противостоитъ, какъ независимое отъ нихъ третье лицо, страховщикъ, которому и поступаютъ страховыя преміи и который принимаетъ на себя обязанность уплачивать

страхователямъ, при наступленіи несчастнаго событія, страховую сумму, обусловленную договоромъ; хозяиномъ страховаго предпріятія въ этомъ случаѣ является страховщикъ, а страхователи только его кліентами. Въ свою очередь, и страхованіе у третьихъ лицъ, какъ и взаимное, распадается на частное, если страхователемъ является частное предпріятіе (акціонерная компанія) и публичное, если страхователемъ является государство или его органы.

Оба основныхъ типа страхованія сходны въ томъ отношеніи, что и при страхованіи у третьихъ лицъ, какъ и при взаимномъ, цѣли страхованія осуществляютъ путемъ распредѣленія ущерба отъ несчастнаго событія между страхователями. Хотя юридически при страхованіи у третьихъ лицъ обязанность возмѣщать страховую сумму ложится всецѣло на страховщика, тѣмъ не менѣе экономически эти суммы возмѣщаются страхователями, изъ страховыхъ премій которыхъ страховщики образуютъ фондъ для выполненія своихъ обязательствъ. Собственный капиталъ, которымъ располагаетъ страховщикъ, играетъ роль только дополнительной гарантіи, но дѣйствительная возможность для страховщика исполнить по отношенію къ страхователямъ свои обязательства всецѣло опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ страховыя преміи достаточны для покрытія слѣдуемыхъ къ уплатѣ страховыхъ суммъ—собственный капиталъ частнаго страховаго предпріятія составляетъ лишь ничтожную долю его обязательствъ по отношенію къ страхователямъ.

Существенное различіе двухъ названныхъ системъ страхованія заключается въ томъ, что взаимное страхованіе имѣетъ въ виду лишь интересы страхователей, а при страхованіи у третьихъ лицъ страховое предпріятіе непосредственно служитъ интересамъ страховщика. Различіе это особенно важно, когда мы имѣемъ дѣло съ частнымъ страхованіемъ. Взаимное страхованіе стремится къ возможному пониженію страховыхъ премій, поскольку этимъ не подвергается опасности достиженіе страховыхъ цѣлей. Напротивъ, частная страховая компанія, какъ и всякое капиталистическое предпріятіе, стремится лишь къ достиженію наибольшаго барыша и, слѣдовательно, къ возможному повышенію страховыхъ премій, поскольку это допускается условіями рынка.

Страховыя преміи при взаимномъ страхованіи въ принципѣ не представляютъ собой неизмѣнной величины, но эластичны и измѣняются въ зависимости отъ колебаній уплачиваемыхъ страховыхъ суммъ. На практикѣ, при наличности значительнаго ка-

питала, накопленнаго за предшествующіе годы, и при взаимномъ страхованіи преміи могутъ мало колебаться. Напротивъ, при страхованіи у третьихъ лицъ, страховыя преміи, какъ общее правило, неизмѣнны, такъ какъ въ этомъ случаѣ страховщикъ принимаетъ на себя обязательство, за уплату страхователемъ ежегодно опредѣленной страховой преміи, уплатить тому же страхователю, при наступленіи несчастнаго событія, опредѣленную сумму, совершено независимо отъ того, покрываются ли страховыми преміями слѣдуемыя къ уплатѣ страховыя суммы или нѣтъ. Это является другимъ побудительнымъ мотивомъ для частныхъ страховыхъ компаній держать страховыя преміи на такомъ высокомъ уровнѣ, при которомъ даже при самомъ неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ страховыя преміи покрываютъ всѣ обязательства страховаго предпріятія.

Въ виду всего этого, слѣдуетъ признать, съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, наименѣе цѣлесообразной формой страхованія частное страхованіе у третьихъ лицъ. Страхованіе должно быть дѣломъ публичныхъ учрежденій, которыя не преслѣдуютъ цѣли наибольшаго барыша и которыя, съ чисто технической стороны, имѣютъ полную возможность такъ же удачно справляться со страховыми операціями, какъ и частныя страховыя компаніи.

II.

Посвоему объекту страхованіе распадается на два основныхъ вида—страхованіе имущества и страхованіе жизни. Подъ страхованіемъ имущества понимаютъ такое, которое имѣетъ въ виду событія, угрожающія имуществу, подъ страхованіемъ жизни—угрожающія жизни или работоспособности человѣка.

Страхованіе имущества распадается на цѣлый рядъ подвидовъ соотвѣтственно различному роду несчастныхъ событій, угрожающихъ имуществу человѣка. Важнѣйшими изъ этихъ подвидовъ являются страхованіе отъ огня, отъ несчастныхъ случаевъ при транспортѣ, отъ градобитія, отъ падежа скота.

Страхованіе отъ огня возникаетъ въ западной Европѣ еще въ 15 вѣкѣ въ формѣ страхованія построекъ, но достигаетъ значительнаго развитія только въ 19 вѣкѣ, причемъ къ страхованію построекъ присоединяется въ 18 вѣкѣ и страхованіе движимаго имущества. Въ настоящее время страхованіе отъ огня является

наиболѣе распространеннымъ видомъ страхованія. Страховая премія при этомъ видѣ страхованія обычно различна въ зависимости отъ опасности пожара, угрожающей данному имуществу— страховыя преміи при страхованіи деревянныхъ зданій выше, чѣмъ при страхованіи каменныхъ зданій и т. п. Въ Россіи существуетъ принудительное страхованіе отъ огня по отношенію къ сельскимъ постройкамъ въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, если постройки эти не застрахованы въ какомъ-либо страховомъ обществѣ. Органами этого принудительнаго страхованія являются въ земскихъ губерніяхъ губернскія земства.

Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ при транспортѣ является самымъ старинным видомъ страхованія и въ формѣ страхованія при перевозкѣ по морю возникаетъ еще въ 13 вѣкѣ, достигая къ 16 вѣку уже значительнаго развитія въ большинствѣ морскихъ державъ западной Европы. Въ морскомъ страхованіи предметомъ его можетъ быть какъ судно, такъ и грузъ, и, вообще, всякій имущественный интересъ, связанный съ морской перевозкой. За послѣднее время значительно развилось страхованіе кладей при перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ.

Страхованіе посѣвовъ отъ градобитія и страхованіе отъ падежа скота являются видами сельскохозяйственнаго страхованія. Оба эти вида страхованія распространены, сравнительно, мало. Развитію страхованія посѣвовъ отъ градобитія препятствуетъ, съ одной стороны, то, что до сихъ поръ имѣется еще мало наблюденій относительно вѣроятности градобитія въ той или иной мѣстности и, слѣдовательно, нѣтъ достаточной основы для установленія раціональнаго размѣра страховой премія; съ другой же стороны, затруднительно установленіе и убытка, причиненнаго градобитіемъ, такъ какъ посѣвы могутъ, въ большей или меньшей степени, оправляться отъ вреда, причиненнаго имъ градомъ. Что касается страхованія отъ падежа скота, то оно складывается въ различныя формы въ зависимости отъ того, чѣмъ вызывается падежъ скота. При падежѣ отъ случайныхъ заболѣваній страхованіе можетъ быть организовано частнымъ порядкомъ, но при падежѣ отъ заразительныхъ болѣзней скота — эпизоотій — единственно раціональной формой является принудительное государственное страхованіе. Все общество заинтересовано въ томъ, чтобы эпизоотіи возможно скорѣе прекращались, что можетъ достигаться, въ случаѣ опасныхъ формъ эпизоотій, лишь немедленнымъ уничтоженіемъ заболѣвшаго животнаго; но такое уничтоженіе возможно только въ томъ случаѣ, если владѣлецъ животнаго не терпитъ отъ этого имущественнаго

убытка,—иначе говоря, если ему возмѣщается стоимость уничтожаемаго животнаго. Поэтому интересъ всего общества требуетъ этого вида страхованія, которое должно имѣть принудительный характеръ. Только на основѣ такого принудительнаго страхованія возможна раціональная борьба съ эпизоотіями.

Другимъ основнымъ видомъ страхованія является страхованіе жизни. Въ этомъ случаѣ страхователь за уплату опредѣленной страховой преміи пріобрѣтаетъ для себя или для какого-либо третьяго лица право получить, въ случаѣ наступленія опредѣленнаго предвидимаго въ будущемъ событія, связаннаго съ его собственной жизнью или жизнью третьяго лица, опредѣленную сумму денегъ или опредѣленный ежегодный доходъ. Самымъ распространеннымъ видомъ страхованія жизни является страхованіе на случай смерти: страховое учрежденіе беретъ на себя обязательство уплатить наслѣдникамъ страхователя или опредѣленно указаннымъ имъ третьимъ лицамъ, въ случаѣ смерти страхователя, опредѣленную денежную сумму. Или же, наоборотъ, страховщикъ беретъ на себя обязательство уплатить опредѣленному лицу опредѣленную денежную сумму по достиженіи этимъ лицомъ опредѣленнаго возраста (т.-е. если къ этому сроку данное лицо не умретъ). Вообще существуетъ весьма много различныхъ видовъ страхованія жизни, стремящихся путемъ самыхъ разнообразныхъ комбинацій сдѣлать такое страхованіе пріемлемымъ для страхователя.

При страхованіи на случай смерти, размѣръ страховой преміи измѣняется въ зависимости отъ вѣроятности смерти для даннаго лица, что, въ свою очередь, зависитъ отъ его возраста и состоянія здоровья. На основаніи статистическихъ данныхъ возможно вычислить, какова вѣроятная продолжительность жизни для человѣка опредѣленнаго возраста; соотвѣтственно этому и устанавливается высота страховой преміи — чѣмъ больше вѣроятная продолжительность жизни, тѣмъ страховая премія, естественно, ниже, и обратно. Поэтому страхованіе жизни предполагаетъ существованіе болѣе или менѣе точной статистики смертности и достигаетъ нѣкотораго развитія только послѣ того, какъ въ половинѣ 18 вѣка стало возможно составленіе, на основаніи статистическаго матеріала, болѣе или менѣе удовлетворительныхъ для практическихъ цѣлей таблицъ смертности, т.-е таблицъ вѣроятной продолжительности жизни для каждаго отдѣльнаго возраста.

Страхованіе на случай смерти имѣетъ въ виду обезпечить наслѣдникамъ полученіе опредѣленной денежной суммы. Та же цѣль

можетъ быть достигнута и другимъ путемъ—сбереженіемъ въ теченіе ряда лѣтъ желаемой суммы. Однако, страхованіе имѣетъ то несомнѣнное преимущество передъ сбереженіемъ, съ которымъ оно имѣетъ много общаго (уплата страховой преміи аналогична ежегодно дѣлаемому сбереженію), что въ случаѣ сбереженія успѣхъ не безусловно обезпеченъ (если данное лицо умретъ вскорѣ послѣ того, какъ оно начало сберегать, то оно не успѣетъ сберечь предположенной суммы для своихъ наслѣдниковъ), между тѣмъ какъ въ случаѣ страхованія достиженіе цѣли обезпечено,—если бы страхователь умеръ на другой же день послѣ внесенія первой страховой преміи, его наслѣдники полностью получили бы страховую сумму. Но, съ другой стороны, методъ страхованія имѣетъ тѣ невыгоды, сравнительно съ методомъ сбереженія, что при сбереженіи вся сбереженная сумма остается всегда въ распоряженіи владѣльца и всѣ его сбереженія входятъ въ составъ его имущества, между тѣмъ какъ при страхованіи страхователь передаетъ свои сбереженія въ распоряженіе третьяго лица и самъ утрачиваетъ возможность распоряжаться ими; кромѣ того, въ случаѣ, если бы страхователь прожилъ больше вѣроятной продолжительности его жизни, онъ можетъ уплатить въ видѣ страховой преміи за цѣлый рядъ лѣтъ значительно большую сумму, чѣмъ та, которую получатъ его наслѣдники.

III.

Страхованіе въ его различныхъ видахъ не создаетъ непосредственно никакого новаго имущества и только иначе распредѣляетъ его между заинтересованными лицами. Однако, благодаря тому, что при этомъ распредѣленіи имущественный ущербъ отъ того или иного несчастнаго событія, падающаго на одно единичное хозяйство, распредѣляется между многими единичными хозяйствами, тяжесть этого ущерба чрезвычайно ослабляется и народное хозяйство переноситъ соотвѣтствующія несчастныя событія съ большей легкостью. Что касается до самихъ несчастныхъ событій, то вліяніе операцій страхованія на наступленіе ихъ весьма сложно. На нѣкоторыя изъ этихъ событій страхованіе не можетъ оказывать ровно никакого вліянія, напримѣръ, на градобитіе, наступленіе котораго не находится ни въ какой связи съ дѣятельностью человѣка. Напротивъ, въ другихъ случаяхъ страхованіе косвеннымъ образомъ является самымъ дѣйствительнымъ средствомъ предупрежденія соотвѣтствующихъ несчастныхъ событій, — такъ, напри-

мѣръ, при страхованіи отъ эпизоотій; только на основѣ такого страхованія возможно предупрежденіе распространенія эпизоотій. Наконецъ, въ третьихъ случаяхъ, страхованіе частью благопріятствуетъ наступленію соотвѣтствующихъ несчастныхъ событій, частью противодѣйствуетъ таковому. Такъ, напримѣръ, страхованіе отъ огня создаетъ опасность умышленныхъ поджоговъ для полученія страховой суммы и, во всякомъ случаѣ, большей небрежности со стороны страхователя по отношенію къ предупрежденію опасности пожара; но, съ другой стороны, повышая страховую премію для имуществъ, болѣе подверженныхъ риску пожаровъ, страховыя учрежденія оказываютъ косвенное давленіе на населеніе, въ смыслѣ побужденія населенія прибѣгать къ постройкамъ, менѣе опаснымъ въ пожарномъ отношеніи. Если же страховое дѣло сосредоточено въ рукахъ публичнаго учрежденія, то оно имѣетъ возможность весьма дѣйствительнымъ образомъ содѣйствовать уменьшенію риска пожаровъ путемъ разнаго рода противопожарныхъ мѣръ. Такъ, наши земства, являющіяся органами принудительнаго страхованія отъ огня крестьянскихъ построекъ, принимаютъ разнообразныя мѣры для предупрежденія и уменьшенія вреда пожаровъ путемъ, напримѣръ, распространенія въ населеніи огнеупорныхъ построекъ, устройства водовмѣстилищъ для тушенія пожаровъ и т. п.

Мѣсто страхованія въ общей системѣ экономической науки не вполнѣ установилось. Обычно помѣщаютъ страхованіе въ отдѣлъ потребленія. Но для этого не существуетъ ровно никакихъ теоретическихъ основаній: наоборотъ, совершенно ясно, что чѣмъ бы ни было страхованіе, во всякомъ случаѣ оно не представляетъ собой потребленія. Борьба со случайными несчастіями, угрожающими имуществу и доходу человѣка, не имѣетъ ничего общаго, по своему экономическому значенію, съ затратой этого имущества и дохода на удовлетвореніе потребностей человѣка. Уничтоженіе запасовъ хлѣба огнемъ есть нѣчто противоположное, по своему экономическому значенію, сравнительно съ уничтоженіемъ тѣхъ же запасовъ въ процессѣ питанія человѣка. Что же касается до страхованія, то оно представляетъ собой своеобразный методъ борьбы съ этими случайными несчастіями и состоитъ не въ уничтоженіи имущества, а въ его возможномъ сохраненіи для даннаго единичнаго хозяйства путемъ извѣстныхъ правильныхъ пожертвованій. Потому помѣщеніе страхованія въ отдѣлъ потребленія объясняется, съ одной стороны, неясностью пониманія природы страховой сдѣлки, съ другой же стороны, и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что вообще отдѣлъ потребленія представляетъ собой пустое мѣсто экономической науки, которое нужно же чѣмъ нибудь заполнить.

На самомъ же дѣлѣ страховая сдѣлка, по своей сущности, предста-

вляетъ собой не что иное, какъ одинъ изъ видовъ мѣновой сдѣлки. Въ страховой сдѣлкѣ одно лицо (страхователь) уплачиваетъ другому лицу (страховщику) опредѣленную денежную сумму, а это второе лицо (страховщикъ) обязуется, взамѣнъ этого, уплатить въ будущемъ, въ случаѣ наступленія извѣстнаго событія, первому лицу (страхователю) другую и большую денежную сумму. Передъ нами несомнѣнный мѣновой актъ. И то обстоятельство, что оба участника сдѣлки обязываются уплачивать денежныя суммы, нисколько не препятствуетъ сдѣлкѣ имѣть мѣновой характеръ, подобно тому, какъ кредитъ есть несомнѣнно мѣновая сдѣлка, хотя возвращаемая ссуда состоитъ изъ предметовъ того же рода, какъ и выданная кредиторомъ. Что же составляетъ предметъ обмѣна при страховой сдѣлкѣ? Обмѣнивается страховая премія на право полученія въ будущемъ болѣе крупной страховой суммы—подобно тому, какъ при кредитѣ обмѣнивается извѣстный капиталъ на право полученія большаго капитала въ будущемъ. Страхователь аналогиченъ кредитору, страховщикъ—должнику. И потому истинное мѣсто общей теоріи страхованія въ отдѣлѣ обмѣна.

Однако, нѣкоторые виды страхованія жизни удобнѣе разсматривать въ отдѣлѣ распредѣленія — именно тѣ виды, которые непосредственно соприкасаются съ благосостояніемъ и доходомъ рабочаго класса, такъ назыв. рабочее страхованіе. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ они и будутъ разсмотрѣны.

ЛИТЕРАТУРА.

A. Wagner. Versicherunswesen, въ курсѣ Шенберга. H. и K. Brämer. Versicherungswesen. 1896. Reuling. Die Grundlagen der Lebensversicherung. 1901. Manes. Versicherungswesen. 1905. Его же. Grundzüge des Versicherungswesens. 1906. Его же. Moderne Versicherungsprobleme. 1906. Никольскій. Основные вопросы страхованія. 1895.

Отдѣлъ IV.

Распредѣленіе.

ГЛАВА I.

Ученіе объ общественномъ классѣ.

I. Что такое общественный классъ? Раздѣленіе общества на классы въ ученіяхъ физіократовъ и Адама Смита. Сенъ-симонисты. Марксъ. Опредѣленіе понятія общественнаго класса. Конституированный и неконституированный классъ. II. Основные классы капиталистическаго общества. Три главныхъ класса. Крестьяне. Составляютъ ли они одинъ классъ съ наемными рабочими? Мелкая буржуазія. Ея колеблющееся положеніе между другими классами. III. Вторичныя классовыя подраздѣленія. Классовыя подраздѣленія внутри главныхъ классовъ. Относительный характеръ понятія класса. Интеллигенція. Почему она не составляетъ класса? Дополнительныя замѣчанія. Классъ, какъ выраженіе антагонистическихъ интересовъ и имущественныхъ различій. Отношенія производства и распредѣленія, какъ основа классовыхъ различій. Классъ и политическая партія. Классовой составъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Политическія партіи въ Англіи. Разнообразіе интересовъ, опредѣляющихъ положеніе политическихъ партій.

I.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ понятій общественной науки является понятіе общественнаго класса; къ сожалѣнію, однако, оно принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыми всѣ пользуются, не заботясь объ ихъ точномъ опредѣленіи.

Представленіе о современномъ обществѣ, какъ распадающемся на нѣсколько опредѣленныхъ классовъ съ различнымъ положеніемъ въ процессѣ общественнаго хозяйства, впервые возникаетъ у того, кого съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Адама Смита, можно считать отцомъ экономической науки—геніальнаго француза Кенэ, главы школы физіократовъ. Кенэ различалъ въ

предѣлахъ современнаго общества три класса—производительный классъ (земледѣльцы), классъ собственниковъ (землевладѣльцы) и безплодный классъ (промышленники, торговцы и вообще все остальное населеніе) [1]. Признаніе промышленниковъ и торговцевъ безплоднымъ классомъ, а земледѣльцевъ единственно производительнымъ находилось въ связи съ основнымъ представленіемъ Кенэ объ исключительной производительности земледѣльческаго труда; несостоятельность этого представленія не требуетъ въ настоящее время доказательствъ. Важно лишь то, что Кенэ различалъ въ современномъ обществѣ нѣсколько классовъ, играющихъ различную роль въ процессѣ созданія общественнаго богатства.

Въ предѣлахъ населенія, извлекающаго свой доходъ изъ земледѣлія, Кенэ различалъ два класса—собственниковъ и непосредственныхъ земледѣльцевъ. Напротивъ, населеніе, извлекающее доходъ не изъ земледѣлія, разсматривалось Кенэ, какъ одинъ нераздѣльный классъ. Но не трудно было замѣтить, что промышленное населеніе не менѣе, чѣмъ земледѣльческое, распадается на двѣ группы, совершенно различныя по своему экономическому положенію и своимъ экономическимъ интересамъ—капиталистовъ-предпринимателей и рабочихъ. Этотъ шагъ впередъ въ развитіи ученія о классѣ и дѣлаетъ самый выдающійся послѣдователь Кенэ—знаменитый французскій общественный дѣятель предреволюціонной эпохи, Тюрго. Вмѣсто трехъ классовъ онъ различаетъ въ современномъ обществѣ четыре класса—землевладѣльцевъ и земледѣльческихъ рабочихъ, съ одной стороны, и промышленныхъ предпринимателей и промышленныхъ рабочихъ—съ другой, подчеркивая при этомъ сходство экономическаго положенія земледѣльческихъ и промышленныхъ рабочихъ [2]).

Послѣ этого для Адама Смита не представило никакого труда дать свое знаменитое дѣленіе капиталистическаго общества на три класса—землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ [3]). Чтобы прійти къ этому дѣленію, Смитъ долженъ былъ только суммировать земледѣльческихъ и промышленныхъ рабочихъ въ одинъ классъ, что по существу было уже сдѣлано Тюрго, и противопоставить этотъ классъ рабочихъ двумъ другимъ классамъ—собственникамъ земли и капитала.

Такимъ образомъ и получилось дѣленіе капиталистическаго общества на три класса, которое затѣмъ упрочилось въ наукѣ. Но какъ для Кенэ и Тюрго, такъ и для Смита въ понятіи класса самымъ существеннымъ было не различіе интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ, а различіе ихъ

роли въ процессѣ созданія общественнаго богатства. Физіократы и Смитъ почти игнорировали это различіе интересовъ. Кенэ совершенно не касался различія интересовъ между земледѣльческими рабочими и землевладѣльцами, а еще болѣе различія интересовъ между промышленными рабочими и капиталистами (которыхъ онъ объединялъ вмѣстѣ съ рабочими въ одинъ классъ), и только различіе хозяйственной роли земледѣльческаго и промышленнаго населенія отмѣчалось имъ и подчеркивалось въ рѣзкомъ противопоставленіи безплодныхъ промышленниковъ единственно производительнымъ земледѣльцамъ. Но вытекающее отсюда различіе интересовъ не казалось ему непреодолимымъ, такъ какъ предоставленіе всѣмъ классамъ населенія полной свободы въ ихъ хозяйственной дѣятельности казалось Кенэ вѣрнымъ средствомъ къ примиренію законныхъ интересовъ всѣхъ. Вѣра въ естественную гармонію интересовъ была основнымъ пунктомъ всего міросозерцанія Кенэ и потому для представленія о различіи интересовъ, какъ о характерной особенности современнаго общественнаго строя, въ этомъ міросозерцаніи мѣста не было.

Тюрго и Смитъ точно также стояли всецѣло на почвѣ этого міросозерцанія. Въ частности, Смитъ былъ не менѣе непоколебимо убѣжденъ въ возможности достиженія гармоніи интересовъ всѣхъ классовъ населенія, путемъ установленія системы естественной свободы. И потому общественные классы для Смита, какъ и для Кенэ, различались не столько по своимъ интересамъ, сколько по своему различному положенію въ процессѣ общественнаго хозяйства.

Дальнѣйшее развитіе ученія о классѣ выразилось въ крайне важной идеѣ, что различіе экономическаго положенія различныхъ классовъ въ процессѣ созданія общественнаго богатства неизбѣжно приводитъ и къ неустранимой противоположности, антагонизму ихъ экономическихъ интересовъ. Благодаря этой идеѣ, развитіе которой составляетъ огромную заслугу школы Сенъ-Симона, впервые выяснилось исключительное значеніе классового дѣленія общества для пониманія всей его внутренней исторіи. Сенъ-симонисты изображаютъ всю новѣйшую исторію западной Европы, какъ борьбу общественныхъ классовъ за свои противоположные интересы, и, такимъ образомъ, кладутъ основы научному пониманію исторіи [4]).

Дѣло сенъ-симонистовъ завершается Марксомъ. Самое глубокое, что до сихъ поръ дала наука въ области ученія объ общественномъ классѣ, содержится, безъ сомнѣнія, въ трудахъ Маркса и, отчасти, Энгельса. Однако, хотя въ многочисленныхъ ра-

ботахъ этихъ двухъ великихъ соціалистовъ содержится богатѣйшій матеріалъ для отвѣта на вопросъ о томъ, въ чемъ заключаются конститутивные признаки понятія класса, самаго опредѣленія этого понятія мы въ нихъ не встрѣчаемъ. Третій томъ „Капитала“ заканчивается главой о классахъ, гдѣ рукопись обрывается какъ разъ на этомъ вопросѣ. Мы узнаемъ лишь, что понятіе класса не нужно смѣшивать съ понятіемъ профессіональной группы. Если бы отличительнымъ признакомъ класса являлось сходство экономическаго положенія („тождество доходовъ и источниковъ доходовъ“), то „съ этой точки зрѣнія,—говоритъ Марксъ,—врачи напр. или чиновники точно также образовывали бы два класса, такъ какъ они принадлежатъ къ двумъ различнымъ общественнымъ группамъ, причемъ доходы каждой изъ нихъ получаются не изъ одного и того же источника. То же самое относилось бы и къ безконечно подраздѣляющимся группамъ съ различнымъ интересомъ и положеніемъ, на которыя, благодаря раздѣленію общественнаго труда, распадаются какъ рабочіе, такъ и капиталисты и землевладѣльцы,—послѣдніе, напр., какъ владѣльцы виноградниковъ, пахотныхъ земель, лѣсовъ, нѣдръ съ ископаемыми богатствами, рыбныхъ ловель“ [5]).

Къ этому нужно прибавить, что если бы принадлежность людей къ одному общественному классу опредѣлялась только сходствомъ ихъ экономическаго положенія, то классъ былъ бы не исторической, но логической категоріей соціальнаго строя, такъ какъ при всякомъ общественномъ строѣ должны быть общественныя группы, связанныя общностью экономическаго положенія. Но, съ точки зрѣнія научнаго ученія объ общественномъ классѣ, нужно строго различать понятіе класса и профессіональной группы. Такъ, напр., первобытное общество ирокезовъ, описанныхъ Морганомъ, не знало классовъ, но въ немъ существовало извѣстное раздѣленіе общественнаго труда и особыя профессіи. Точно также, въ соціалистическомъ обществѣ не можетъ быть классовъ, но въ немъ по необходимости останется общественное раздѣленіе труда и, слѣдовательно, сохранится различіе профессій и экономическаго положенія.

Стоя на почвѣ того ученія о классѣ, которое было развито сенъ-симонистами и Марксомъ, слѣдуетъ признать отличительнымъ признакомъ класса не общность, а именно противоположность экономическихъ интересовъ. Гдѣ этой противоположности интересовъ нѣтъ, тамъ нѣтъ и классовъ. Вотъ почему въ первобытномъ обществѣ не было классовъ, вотъ почему въ современномъ обществѣ врачи или чиновники не образуютъ особыхъ клас-

совъ—интересы этихъ общественныхъ группъ не находятся въ неизбѣжномъ антагонизмѣ съ интересами какихъ-либо другихъ общественныхъ группъ.

Классъ возникаетъ на опредѣленной ступени экономическаго развитія, когда возникаетъ антагонизмъ интересовъ. Основнымъ же антагонизмомъ хозяйственнаго строя настоящаго и прошлаго является присвоеніе однѣми общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ. Поэтому мы можемъ опредѣлить соціальный классъ, какъ общественную группу, члены которой находятся въ одинаковомъ экономическомъ положеніи по отношенію къ общественному процессу присвоенія однѣми общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ и вслѣдствіе этого имѣютъ общихъ антагонистовъ и общіе экономическіе интересы въ процессѣ общественнаго хозяйства. Классъ существуетъ лишь постольку, поскольку существуетъ присвоеніе прибавочнаго труда, и съ прекращеніемъ такого присвоенія долженъ исчезнуть. Въ этомъ заключается существенное отличіе понятія класса отъ понятія профессіональной группы, группы лицъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же трудомъ и въ силу этого имѣющихъ одни и тѣ же экономическіе интересы. Такія группы остались бы и при соціалистическомъ строѣ; но онѣ не были бы классами постольку, поскольку въ этомъ строѣ не было бы антагонизма интересовъ, ибо отличительнымъ признакомъ класса является не общность, а противоположность интересовъ.

Таковы объективные признаки, дѣлающіе извѣстную общественную группу классомъ. Но для того, чтобы эта группа стала классомъ, отнюдь не требуется отъ нея сознанія противоположности своихъ интересовъ интересамъ другихъ общественныхъ группъ. Классъ можетъ и не сознавать себя таковымъ—можетъ не сознавать своихъ классовыхъ интересовъ; такой классъ, лишенный, классового сознанія, Марксъ называетъ неконституированнымъ, такъ сказать недоразвившимся классомъ. Конституированнымъ же, вполнѣ развившимся классомъ является такой, который обладаетъ классовымъ сознаніемъ, т.-е. сознаніемъ противоположности своихъ интересовъ съ интересами другихъ классовъ.

II.

Современное капиталистическое общество распадается, прежде всего, на три основныхъ класса: крупныхъ землевладѣльцевъ (аристократію), промышленныхъ и торговыхъ капиталистовъ (буржуазію) и рабочихъ (пролетаріатъ). Эти три класса присущи капиталистичсекому обществу, какъ таковому—иначе говоря, наличность ихъ предполагается самой природой капиталистическаго хозяйства. Можетъ возникнуть вопросъ, почему землевладѣльцы составляютъ особый классъ, отличный отъ класса капиталистовъ, хотя и тѣ, и другіе имѣютъ однихъ и тѣхъ же антагонистовъ—наемныхъ рабочихъ. Объясняется это тѣмъ, что хотя у землевладѣльцевъ и капиталистовъ есть общіе антагонизмы, у нихъ имѣются и особые антагонизмы. Движеніе землевладѣльческаго дохода—земельной ренты—подчиняется совершенно инымъ законамъ, чѣмъ движеніе прибыли—дохода капиталистовъ; на почвѣ этого различія возникаетъ въ капиталистическомъ обществѣ противоположность интересовъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, почему совершенно правильно видѣть въ тѣхъ и другихъ особые общественные классы.

Но кромѣ этихъ трехъ основныхъ классовъ, всякое реальное капиталистическое общество включаетъ въ себя много другихъ общественныхъ классовъ. Такъ, напр., въ огромномъ большинствѣ капиталистическихъ обществъ имѣется весьма многочисленный классъ трудового крестьянства. Трудовое крестьянство (т.-е. среднее крестьянство, по нашей терминологіи,—крестьянство, не пользующееся наемнымъ трудомъ, но и не работающее по найму, а ведущее самостоятельное трудовое земледѣльческое хозяйство) не можетъ быть, очевидно, причислено къ землевладѣльческому классу, такъ какъ классъ землевладѣльцевъ живетъ трудомъ наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ, а трудовое крестьянство живетъ своимъ собственнымъ трудомъ. Но не составляетъ ли оно одного класса съ наемными рабочими (пролетаріатомъ)? Тоже нѣтъ. У крестьянъ и наемныхъ рабочихъ много совершенно различныхъ экономическихъ интересовъ, вытекающихъ изъ того, что хозяйственныя условія труда крестьянина и пролетарія совершенно различны: крестьянинъ владѣетъ средствами производства, ведетъ самостоятельное хозяйство, продаетъ на рынкѣ свои продукты, а рабочій лишенъ средствъ производства и продаетъ только свою рабочую силу. У рабочихъ есть цѣлый рядъ интересовъ, которые не имѣютъ значенія для крестьянъ; такъ,

напр., рабочій заинтересованъ въ сокращеніи рабочаго дня, повышеніи заработной платы, улучшеніи законодательства по охранѣ труда, свободѣ рабочихъ союзовъ и т. п. Во всемъ этомъ крестьянинъ не заинтересованъ непосредственно. Съ другой стороны, у крестьянина есть много своихъ крестьянскихъ интересовъ, чуждыхъ рабочему: крестьянинъ заинтересованъ въ расширеніи своего землевладѣнія, пониженіи процентовъ по ипотечнымъ долгамъ, пониженіи земельныхъ налоговъ, арендной платы и т. п. Эти различія интересовъ очень важны и на почвѣ ихъ возникаютъ различія соціальныхъ антагонизмовъ: рабочему приходится бороться съ капиталистомъ-предпринимателемъ, а крестьянину—преимущественно съ землевладѣльцемъ и денежнымъ капиталистомъ. Все это вполнѣ оправдываетъ отнесеніе крестьянства и пролетаріата къ особымъ общественнымъ классамъ.

Но изъ различія соціальныхъ антагонизмовъ крестьянъ и рабочихъ вовсе не слѣдуетъ, что сами крестьяне и рабочіе являются соціальными антагонистами. У нихъ имѣются разные интересы—это несомнѣнно; но противоположны ли ихъ интересы, сталкиваются ли ихъ интересы между собой? Отнюдь нѣтъ. Правда, крестьяне продаютъ хлѣбъ, а рабочіе его покупаютъ; тутъ есть извѣстная противоположность интересовъ, но легко разрѣшимая продажей продукта по нормальной рыночной цѣнѣ, т.-е. по цѣнѣ, соотвѣтствующей издержкамъ производства. Противоположность интересовъ продавцевъ и покупателей не есть неразрѣшимый антагонизмъ, ибо въ такомъ же положеніи находятся различныя группы промышленниковъ по отношенію другъ къ другу (напр. представители текстильной и машиностроительной или каменоугольной промышленности), что не мѣшаетъ имъ входить въ составъ того же широкаго класса капиталистовъ. Во всякомъ случаѣ, эта противоположность интересовъ крестьянства и пролетаріата совершенно ничтожна сравнительно съ общностью интересовъ того и другого класса. И крестьянство и пролетаріатъ суть трудящіеся классы, что создаетъ огромную солидарность ихъ интересовъ, дающую имъ возможность идти рука объ руку. Дѣти крестьянина работаютъ на фабрикѣ, почему крестьянское хозяйство выигрываетъ отъ улучшенія экономическаго положенія фабричнаго рабочаго; съ другой стороны, въ улучшеніи положенія крестьянина заинтересованъ и фабричный рабочій, такъ какъ крестьянинъ, уходящій на заработки въ городъ, съ нимъ конкурируетъ на фабрикѣ. Всякій существенный выигрышъ для рабочаго есть, въ концѣ концовъ, выигрышъ и для крестьянина и наоборотъ [6]).

Съ формальной стороны, трудовые крестьяне являются самостоятельными производителями и стоятъ какъ бы внѣ капиталистической эксплоатаціи. На самомъ же дѣлѣ крестьяне эксплоатируются имущими классами не менѣе наемныхъ рабочихъ.

Капиталистическая основа современнаго хозяйственнаго строя даетъ себя чувствовать тысячами способовъ въ хозяйствѣ мелкаго производителя. Крестьянинъ платитъ за свою заложенную землю проценты въ банкъ, съ его земли поступаютъ налоги въ пользу классового государства, онъ продаетъ свои продукты капиталисту-торговцу, арендуетъ землю крупнаго землевладѣльца и вноситъ послѣднему арендную плату и т. д., и т. д. Всѣ эти экономическія отношенія являются не чѣмъ инымъ, какъ различными формами присвоенія прибавочнаго труда крестьянина.

Точно также, мелкая буржуазія есть характерный для современнаго общества особый общественный классъ, образующій собой переходную ступень между противоположными полюсами капитала и труда. Но хотя этотъ классъ и имѣетъ промежуточный характеръ, все же это классъ, съ классовыми интересами и классовыми антагонизмами. Зажиточные ремесленники и мелкіе торговцы, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, состоитъ этотъ классъ, принадлежатъ къ числу предпринимателей, пользующихся наемнымъ трудомъ, и въ качествѣ таковыхъ должны быть противопоставлены наемнымъ рабочимъ; но ихъ экономическому благополучію наиболѣе угрожаютъ не рабочіе, а крупные капиталисты. Эксплоатируя рабочихъ, мелкіе буржуа сами становятся жертвой крупнаго капиталиста. Немногіе изъ среды этого класса подымаются вверхъ и переходятъ въ ряды крупной буржуазіи, другіе опускаются внизъ и пополняютъ массу пролетаріевъ. Это колеблющееся положеніе мелкой буржуазіи опредѣляетъ своеобразный соціальный характеръ этого класса, но не устраняетъ классовыхъ антагонизмовъ, въ рамки которыхъ заключена мелкая буржуазія, какъ и другіе классы.

Иногда стараются сблизить мелкую буржуазію съ трудовымъ крестьянствомъ. Дѣйствительно, оба эти класса владѣютъ средствами производства; тѣмъ не менѣе между, ними имѣются глубокія различія. Трудовое крестьянство является въ современномъ обществѣ эксплоатируемымъ, а мелкая буржуазія эксплоататорскимъ классомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то время какъ мелкая буржуазія подъ вліяніемъ хода экономической эволюціи гибнетъ и уступаетъ свое мѣсто другимъ классамъ, трудовое крестьянство упорно удерживаетъ свои позиціи, а иногда и растетъ на счетъ дру-

гихъ классовъ. Это создаетъ глубокое различіе всей соціальной физіономіи крестьянства и мелкой буржуазіи—крестьянство не имѣетъ основанія бояться экономическаго прогресса. Въ общемъ, антагонистическое экономическое отношеніе присвоенія общественнаго прибавочнаго труда неработающими группами, лежащее въ корнѣ капиталистическаго общества, придаетъ антагонистическій характеръ всѣмъ экономически обособленнымъ группамъ, изъ которыхъ это общество слагается, и дѣлаетъ изъ послѣднихъ не просто экономическія группы, но соціальные классы.

III.

Во всякомъ случаѣ, современное капиталистическое общество слагается не менѣе, чѣмъ изъ пяти крупныхъ классовъ—землевладѣльцевъ, капиталистовъ, мелкой буржуазіи, крестьянства и наемныхъ рабочихъ (только въ Англіи, въ силу особыхъ и исключительныхъ условій историческаго развитія, классъ крестьянъ отсутствуетъ). Однако, не нужно упускать изъ виду, что понятіе класса есть понятіе въ высокой степени относительное. Можно различать въ современномъ обществѣ болѣе или менѣе классовъ въ зависимости отъ того, какое значеніе придавать тѣмъ или инымъ антагонизмамъ интересовъ. Такъ, напр., Марксъ различалъ въ Германіи наканунѣ революціи 48-го г. не менѣе 8-ми классовъ: феодальное дворянство, буржуазію, мелкую буржуазію, крупное и среднее крестьянство, мелкое свободное крестьянство, несвободное крестьянство, находящееся въ феодальной зависимости отъ помѣщиковъ, земледѣльческихъ рабочихъ и промышленныхъ рабочихъ[7]).

Каждый классъ, въ свою очередь, не есть что либо совершенно однородное, но подраздѣляется на подклассы или классы второго порядка, эти послѣдніе на классы третьяго порядка и т. д. и т. д. Гдѣ имѣются устойчивые антагонизмы интересовъ, тамъ имѣются и различія классовъ; но такъ какъ при современномъ хозяйственномъ строѣ антагонизмы въ высшей степени многообразны и проникаютъ всю хозяйственную жизнь, то такъ же многообразны и классовыя различія. Возьмемъ, напр., классъ капиталистовъ или буржуазію. Классъ этотъ чрезвычайно далекъ отъ того, чтобы представлять собой въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи однородное цѣлое. Прежде всего, онъ рѣзкимъ образомъ распадается на два подкласса—денежныхъ и торговопромышленныхъ капиталистовъ. Между денежной и торговопромышленной буржуазіей существуетъ, при извѣстной общно-

сти интересовъ, также и значительный антагонизмъ интересовъ. Денежная буржуазія снабжаетъ деньгами торговопромышленную за извѣстный процентъ, который является вычетомъ изъ прибыли торговцевъ и промышленниковъ. Оба подкласса буржуазіи извлекаютъ свой доходъ изъ рабочаго населенія, но въ дѣлежѣ полученной добычи они являются противниками.

Интересы денежнаго капитала самымъ тѣснымъ образомъ сплетены съ существующимъ государственнымъ строемъ. Самыя крупныя учрежденія кредита обычно являются на половину или цѣликомъ государственными учрежденіями, извлекающими изъ своей связи съ правительствомъ разнообразныя выгоды. Затѣмъ, государственные займы представляютъ собой чрезвычайно важный способъ помѣщенія денежныхъ капиталовъ. Нуждаясь постоянно въ денежномъ капиталѣ, государство естественно попадаетъ въ зависимость отъ него. Все это вмѣстѣ приводитъ къ тому, что денежная буржуазія обычно является въ современномъ обществѣ консервативнымъ элементомъ, близкимъ къ землевладѣльческой аристократіи, и вмѣстѣ съ ней поддерживающимъ установившійся порядокъ.

Другой соціальный обликъ имѣетъ торговопромышленная буржуазія. Она заинтересована въ развитіи торговли и промышленности, а существующая государственная система можетъ препятствовать этому развитію. Правительство, находящееся подъ вліяніемъ землевладѣльческаго класса, можетъ приносить въ жертву интересамъ землевладѣльцевъ интересы торговопромышленныхъ классовъ. Въ исторіи Англіи землевладѣльцы и торговопромышленная буржуазія долгое время были соперничающими и борющимися классами, причемъ торговопромышленная буржуазія обычно выступала противникомъ землевладѣльческой аристократіи. Такую же роль она играла и во Франціи.

Но и внутри торговопромышленной буржуазіи существуютъ важные антагонизмы интересовъ. Въ нее входятъ какъ торговцы, такъ и промышленники; интересы же тѣхъ и другихъ во многихъ случаяхъ прямо противоположны. Промышленники обычно являются сторонниками покровительственной системы торговой политики—они заинтересованы въ уменьшеніи иностранной конкуренціи. Напротивъ, для торговцевъ безразлично, продавать ли товаръ туземнаго или иностраннаго производства—для нихъ важно лишь то, чтобы покупная цѣна товара была возможно ниже, ибо ихъ прибыль опредѣляется разницей продажной и покупной цѣны. Поэтому торговцы являются естественными сторонниками свободы торговли. Прибыль торговца есть вычетъ изъ прибыли промышленника, и потому между торговцами и промышленни-

ками не можетъ не существовать извѣстнаго антагонизма интересовъ.

Возьмемъ, наконецъ, болѣе узкую группу промышленныхъ капиталистовъ. И тутъ мы встрѣтимъ чрезвычайное разнообразіе интересовъ, нерѣдко находящихся въ конфликтѣ между собой. Промышленники, работающіе на внутренній рынокъ, гораздо болѣе нуждаются въ покровительственной торговой политикѣ, чѣмъ работающіе по преимуществу для экспорта. Промышленники, обрабатывающіе иностранное сырье, теряютъ отъ покровительственной пошлины на это сырье, а туземные производители сырья выигрываютъ; такъ, напр., высокая пошлина на чугунъ выгодна для владѣльцевъ чугуноплавильныхъ заводовъ, но повышая цѣну желѣза, препятствуетъ развитію машиностроенія и т. д. и т. д.

Словомъ, такъ какъ при капиталистическомъ строѣ антагонизмы интересовъ въ высшей степени многочисленны и разнообразны, то такъ же многочисленны и разнообразны и подраздѣленія общественныхъ классовъ, которыя можно доводить какъ угодно далеко. Этимъ, однако, отнюдь не уничтожается значеніе болѣе основныхъ классовыхъ подраздѣленій, такъ сказать, классовъ перваго порядка, ибо къ чѣмъ болѣе мелкимъ классовымъ подраздѣленіямъ мы переходимъ, тѣмъ меньше и ихъ соціальное значеніе.

Интересно остановиться на классовомъ характерѣ одной общественной группы, играющей въ современномъ обществѣ чрезвычайно важную роль—группы представителей умственнаго труда, того, что у насъ называютъ интеллигенціей. Къ какому классу слѣдуетъ ее причислить? Съ формальной стороны, представители умственнаго труда, живущіе продажей своей рабочей силы, являются наемными рабочими, какъ и представители физическаго труда. Но, фактически, умственный трудъ оплачивается настолько выше физическаго труда и люди умственнаго труда по происхожденію и условіямъ жизни такъ тѣсно примыкаютъ къ имущимъ классамъ, что присоединеніе ихъ безъ всякихъ оговорокъ къ классу наемныхъ рабочихъ было бы очевиднымъ насиліемъ надъ фактами.

Такъ, напр., было бы очевидной несообразностью утверждать, что, по всей совокупности своихъ интересовъ и своему соціальному и экономическому положенію, директоръ фабрики ближе къ чернорабочимъ, занятымъ на той же фабрикѣ, чѣмъ къ ея собственнику. Еще большей несообразностью представляется причи-

сленіе къ пролетаріату хорошо оплачиваемыхъ государственныхъ чиновниковъ.

Съ другой стороны, причисленіе представителей умственнаго труда къ классу капиталистовъ также встрѣчаетъ серьезныя затрудненія. Капиталисты живутъ присвоеніемъ прибавочнаго труда наемныхъ рабочихъ. Но люди умственнаго труда не только не извлекаютъ свой доходъ изъ этого источника, а, наоборотъ, сами продаютъ свою рабочую силу.

Такимъ образомъ, ни къ одному изъ существующихъ классевъ интеллигенцію причислить нельзя. Но, съ другой стороны, интеллигенція не можетъ составлять и самостоятельнаго класса sui generis, хотя бы уже потому, что значительная часть интеллигенціи занята трудомъ, не имѣющимъ хозяйственнаго характера (напр., адвокаты, судьи, врачи, писатели, ученые и т. д.). Для того, чтобы извѣстная общественная группа могла быть признана классомъ, требуется наличность извѣстнаго неустранимаго антагонизма между ея интересами и интересами какой либо другой общественной группы. Сходство экономическаго положенія отнюдь не достаточно для того, чтобы лица извѣстной общественной группы могли быть признаны классомъ. Капиталисты только потому образуютъ собой особый общественный классъ, что имъ противостоятъ рабочіе; рабочіе, въ свою очередь, являются классомъ лишь въ силу того, что имъ противостоятъ капиталисты. Кто же, какой общественный классъ противостоитъ адвокатамъ, врачамъ, духовенству и пр. и пр., съ какимъ классомъ они находятся въ антагонизмѣ по своему экономическому положенію? Ни съ какимъ, потому что ихъ дѣятельность, какъ нехозяйственная, стоитъ внѣ экономическаго процесса присвоенія прибавочнаго труда.

Итакъ, интеллигенція не образуетъ собой самостоятельнаго класса и въ то же время не входитъ въ составъ какого либо иного класса. Иначе говоря, интеллигенція представляетъ собой общественную группу безъ опредѣленной классовой окраски; извлекая свой доходъ изъ собственнаго труда, но оплачиваемаго гораздо выше, чѣмъ обычный физическій трудъ, люди умственнаго труда могутъ примыкать по своимъ интересамъ и стремленіямъ ко всѣмъ существующимъ въ современномъ обществѣ классамъ. Каждый общественный классъ имѣетъ своихъ вѣрныхъ слугъ, радѣтелей и вождей среди людей умственнаго труда, которые могутъ защищать самые различные экономическіе интересы, не вступая этимъ въ конфликтъ со своими собственными экономическими интересами, ибо послѣдніе не связаны непосред-

ственно съ той или другой системой общественнаго хозяйства. Поэтому мы видимъ, что часть интеллигенціи признаетъ своимъ дѣломъ дѣло трудящихся народныхъ массъ, а другая идетъ вмѣстѣ съ имущими классами.

Что слѣдуетъ признавать основой понятія класса—по этому вопросу въ современной литературѣ далеко не существуетъ единства взглядовъ. Согласно пониманію, изложенному въ текстѣ, классовой характеръ той или иной общественной группы опредѣляется ея ролью въ процессѣ присвоенія прибавочнаго общественнаго труда [8]). Критикуя мое опредѣленіе класса, Бернштейнъ признаетъ, что оно наиболѣе соотвѣтствуетъ духу ученія Маркса, но самъ выдвигаетъ другое пониманіе класса. Именно, съ его точки зрѣнія, отличительнымъ признакомъ для раздѣленія общества на классы должна быть признана степень имущественнаго обезпеченія различныхъ группъ населенія [9]). Лица одинаковаго имущественнаго обезпеченія образуютъ собой одинъ классъ; различія классовъ суть различія имущественнаго обезпеченія различныхъ общественныхъ группъ. [10])

Съ точки зрѣнія Бернштейна, нужно говорить не о классахъ капиталистовъ, землевладѣльцевъ, пролетаріевъ, а о богатыхъ и бѣдныхъ классахъ общества. Я считаю такое пониманіе природы класса совершенно непригоднымъ для цѣлей экономическаго и соціологическаго изслѣдованія, ибо оно скрадываетъ и затушевываетъ самыя существенныя различія общественныхъ группъ, оказывающія огромное вліяніе на направленіе историческаго развитія. Въ современномъ обществѣ идетъ борьба не только между богатыми и бѣдными классами, но и между классами одинаковой имущественной состоятельности. Борьба между землевладѣльческой аристократіей и буржуазіей сыграла чрезвычайно важную роль во всей новѣйшей исторіи западной Европы, хотя и землевладѣльцы и буржуазія принадлежатъ къ числу имущихъ классовъ. То пониманіе природы общественнаго класса, которое дано въ текстѣ, выдвигаетъ на первый планъ реальныя движущія силы общественнаго развитія—именно, неустранимые антагонизмы современнаго хозяйственнаго строя. Реальный процессъ общественнаго развитія, какъ результатъ (хотя и не исключительный) борьбы классовъ за свои противоположные экономическіе интересы, есть нѣчто несравненно болѣе сложное, чѣмъ простая борьба богатыхъ и бѣдныхъ, ибо, повторяю, не только богатые борются съ бѣдными, но и богатые борются съ богатыми и бѣдные борются съ бѣдными.

Въ русской литературѣ вопросъ о природѣ общественнаго класса обсуждался очень усиленно и явился поводомъ къ оживленной полемикѣ между представителями нашего народническаго и марксистскаго соціализма, причемъ народники настаивали на томъ, что въ основу понятія класса должны быть положены моменты распредѣленія, а марксисты—производства. Полемика эта, однако, осталась въ теоретическомъ отношеніи совершенно безплодной и не обогатила ни въ какомъ отношеніи ученіе о классѣ, благодаря совершенно неправильной постановкѣ вопроса, чѣмъ въ равной степени грѣшили обѣ стороны. А именно, обѣ

стороны предполагали, что моменты производства и распредѣленія представляютъ собой двѣ совершенно самостоятельныя и различныя по существу экономическія категоріи, почему, признавая опредѣляющимъ признакомъ класса моменты производства, нельзя признавать таковымъ моменты распредѣленія, и обратно. Но, какъ это выяснится въ слѣдующей главѣ, моменты распредѣленія отнюдь не представляютъ изъ себя самостоятельной экономической категоріи и, на самомъ дѣлѣ, суть не что иное, какъ та же категорія капиталистическаго производства, разсматриваемая съ иной точки зрѣнія. Поэтому весь названный споръ не могъ подвинуть впередъ ученія о классѣ [11]). По этой же причинѣ нельзя усмотрѣть внутренняго противорѣчія въ томъ, что Энгельсъ иногда объясняетъ классовыя различія различіями отношеній производства, иногда—различіями распредѣленія [12]). Нужно, однако, помнить (а марксисты упускаютъ это изъ виду очень часто), что не только отношенія капиталистическаго производства, но и отношенія капиталистическаго обмѣна ведутъ къ распаденію общества на классы. Торговцы или банкиры такіе же капиталисты, какъ и фабриканты. Опредѣленіе класса, данное въ текстѣ, имѣетъ въ виду какъ отношенія производства, такъ и обмѣна, ибо присвоеніе прибавочнаго труда происходитъ какъ въ сферѣ капиталистическаго производства, такъ и капиталистическаго обмѣна.

Вообще наши марксисты подчасъ обнаруживаютъ поразительное непониманіе духа ученія Маркса. Такъ напр. г. Суворовъ въ одномъ изъ новѣйшихъ марксистскихъ сборниковъ, долженствующемъ, по мысли авторовъ, углубить въ философскомъ отношеніи марксизмъ, даетъ слѣдующее опредѣленіе понятія общественнаго класса: «классъ—соціально-экономическая категорія людей, связанныхъ одинаковой ролью въ производствѣ и присвоеніи цѣнностей, а, слѣдовательно, и общностью экономическихъ интересовъ» [13]). Съ точки зрѣнія этого опредѣленія соціалистическое общество будетъ также классовое общество—и въ соціалистическомъ обществѣ будутъ люди, связанные общностью экономическихъ интересовъ и играющіе одинаковую роль въ процессѣ производства и присвоенія цѣнностей (ибо присвоеніе цѣнностей для личнаго потребленія не устраняется идеей соціалистическаго общества). Авторъ какъ бы и не подозрѣваетъ, что не сходство, а противоположность интересовъ ведетъ къ возникновенію классовъ.

Съ точки зрѣнія Маркса политическая борьба есть не что иное, какъ борьба классовъ за свои экономическіе интересы. Если бы это было такъ, то политическія партіи должны были бы быть не чѣмъ инымъ, какъ политическими организаціями классовъ—каждая политическая партія должна была бы защищать интересы того класса, выраженіемъ интересовъ котораго она является. Соотвѣтствуетъ ли, однако, это представленіе дѣйствительному положенію дѣлъ?

Изъ всѣхъ существующихъ партій наиболѣе рѣзко выраженный классовой характеръ имѣютъ соціалистическія партіи и, въ частности, германская соціалъ-демократическая партія. Поэтому большой интересъ представляетъ вопросъ, изъ какихъ классовыхъ элементовъ слагаются тѣ три слишкомъ милліона избирателей, которые за послѣдніе годы голосуютъ въ Германіи за соціалъ-демократическихъ депутатовъ?

Вопросъ этотъ былъ статистически освѣщенъ г. Бланкомъ [14]). Раз-

счеты г. Бланка, относившіяся къ выборамъ 1903 г., были впослѣдствіе частью подтверждены, частью исправлены другими авторами и въ результатѣ выяснилось, что даже германская соціалъ-демократія не можетъ считаться вполнѣ классовой партіей—партіей промышленнаго пролетаріата, какъ она себя считаетъ. Съ одной стороны, около трети торгово-промышленнаго пролетаріата Германіи голосуетъ не за соціалъ-демократовъ, а за кандидатовъ буржуазныхъ партій. Особенно много рабочихъ голосовъ (католиковъ) притягиваетъ къ себѣ католическая партія центра. Съ другой стороны, далеко не всѣ соціалъ-демократическіе избиратели принадлежатъ къ рабочему классу. По крайней мѣрѣ полмилліона голосовъ (а можетъ быть, и гораздо болѣе—методъ вычисленія въ данномъ случаѣ такого рода, что можетъ быть приблизительно установленъ лишь наиболѣе вѣроятный минимумъ, а никакъ не наиболѣе вѣроятное дѣйствительное число голосовъ), изъ числа поданныхъ за соціалъ-демократическихъ депутатовъ, принадлежитъ избирателямъ не рабочаго класса. По крайней мѣрѣ полмилліона буржуа голосуетъ за ту партію, которая объявляетъ себя классовой партіей пролетаріата.

Но германская соціалъ-демократія отличается наиболѣе однороднымъ классовымъ сложеніемъ. Другія соціалистическія партіи далеко отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ нѣмцевъ. Во многихъ странахъ соціалистическія партіи всего болѣе собираютъ голосовъ въ тѣхъ районахъ, гдѣ промышленный пролетаріатъ составляетъ совершенно ничтожную долю населенія. Такъ напр. въ Италіи въ нѣкоторыхъ районахъ число соціалистическихъ голосовъ въ нѣсколько разъ превышаетъ число пролетаріевъ-избирателей. Въ Болгаріи „въ организаціи партіи преобладали мелкобуржуазные элементы, составлявшіе двѣ трети всѣхъ членовъ. Партія наибольшую часть голосовъ получила въ деревняхъ и совершенно ничтожную часть въ городахъ“ [15]).

Но, во всякомъ случаѣ, соціалистическія партіи имѣютъ болѣе или менѣе классовой характеръ. Сторонники этихъ партій вербуются, если не только изъ числа рабочихъ, то въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ изъ числа угнетенныхъ и эксплоатируемыхъ классовъ. Другія же политическія партіи по своему классовому составу представляютъ нѣчто до того пестрое, что ни о какой однородности ихъ классового состава не можетъ быть и рѣчи.

И это ясно уже по огромнымъ колебаніямъ числа голосовъ, подаваемыхъ въ разное время за ту или иную политическую партію: значительнаго измѣненія классового сложенія населенія страны не происходитъ, а между тѣмъ избиратель всей массой переходитъ отъ одной партіи къ другой, чтобы на слѣдующихъ выборахъ опять вернуться къ своимъ прежнимъ политическимъ симпатіямъ. Возьмемъ напр. ту страну, которая, будучи въ Европѣ страной съ наиболѣе развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, должна была бы имѣть, согласно концепціи Маркса, политическія партіи съ наиболѣе рѣзко выраженнымъ классовымъ характеромъ—Англію. Въ Англіи борются за власть двѣ политическихъ партіи—консерваторы и либералы. При этомъ консерваторы оказываются въ новѣйшее время въ общемъ сильнѣе либераловъ и чаще бываютъ у власти: за послѣдніе тридцать лѣтъ либералы не были у власти и десять лѣтъ—все остальное время большинство голосовъ принадлежало консерваторамъ. Согласно традиціонному взгляду, кон-

сервативная партія признается партіей землевладѣльцевъ, а либеральная—партіей торговопромышленной буржуазіи. Но спрашивается, какъ согласовать съ этимъ тотъ фактъ, что либералы въ Англіи слабѣе консерваторовъ? Вѣдь въ Англіи уже давно не можетъ быть и вопроса о томъ, является ли она торговопромышленной или земледѣльческой страной. И вотъ мы видимъ, что именно эта страна съ падающимъ земледѣліемъ упорно подаетъ голоса за консерваторовъ. Очевидно, традиціонное представленіе объ англійскихъ консерваторахъ, какъ объ аграрной партіи по преимуществу, уже давно даже самымъ отдаленнымъ образомъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

При этомъ англійскій избиратель весьма неустойчивъ. Въ 1880 г. на выборахъ одерживаютъ блестящую побѣду либералы. Въ 1885 г. опять побѣждаютъ либералы. Въ 1886 г. либералы подвергаются совершенному разгрому—консерваторы получаютъ огромное большинство и ихъ владычество упрочивается на цѣлый рядъ лѣтъ. На послѣднихъ выборахъ побѣждаютъ не менѣе блестяще либералы. Между тѣмъ, никакого измѣненія классового состава англійскихъ избирателей, которое могло бы объяснить переходъ англійскихъ избирателей изъ одной партіи въ другую, за это время не произошло.

Затѣмъ, ни въ одной странѣ міра пролетаріатъ не составляетъ такого подавляющаго большинства населенія и въ то же время не обладаетъ такими мощными экономическими организаціями, какъ въ Англіи. По своему экономическому развитію Англія стоитъ далеко впереди остальной Европы и въ то же время она является классической страной парламентаризма и политической свободы. Суди по всему этому слѣдовало бы ожидать, съ точки зрѣнія Маркса, что именно въ Англіи пролетаріатъ создастъ особенно сильную и вліятельную политическую партію. И, однако, именно въ Англіи рабочій классъ обнаруживаетъ всего менѣе склонности къ самостоятельной политической роли. Независимая рабочая партія возникаетъ въ Англіи лишь за самые послѣдніе годы и до сихъ поръ ея политическое значеніе совершенно ничтожно.

Все это показываетъ, до какой степени невѣрно обычное у марксистовъ отождествленіе политическихъ партій съ конституированными классами. Строго классовыхъ политическихъ партій совершенно не существуетъ—всякая политическая партія по самому существу дѣла должна быть внѣклассовой организаціей, такъ какъ партія стремится включить въ себя возможно большее число лицъ, къ какому бы классу они не принадлежали. И даже германскіе соціалъ-демократы не могли этого избѣгнуть и заключаютъ, какъ мы видѣли, въ своихъ рядахъ сотни тысячъ буржуазныхъ избирателей.

И это объясняется тѣмъ, что классовой интересъ, какъ онъ ни могущественъ, есть лишь одинъ изъ многихъ интересовъ, волнующихъ современное общество. Люди соединяются въ одну партію не только на основаніи классового интереса, но и на основаніи всей совокупности другихъ интересовъ, которые защищаетъ данная партія. Сила консервативной партіи въ Англіи въ томъ, что консерваторы въ Англіи являются представителями имперіализма—смѣлой международной политики, направленной къ укрѣпленію могущества Британской имперіи. Либералы чрезвычайно ослабили себя поддержкой ирландскаго движенія,

которое въ глазахъ большинства англійскихъ избирателей угрожало распаденіемъ Британской имперіи.

Вообще, національное чувство представляетъ собой чрезвычайно важный политическій факторъ. На ряду съ національнымъ, религіозный интересъ является другимъ могущественнымъ внѣклассовымъ факторомъ, вліяющимъ на сложеніе политическихъ партій. Такъ напр. католическіе рабочіе въ Германіи, какъ было указано, гораздо мевѣе протестантовъ доступны соціалъ-демократической пропагандѣ—религіозный интересъ отталкиваетъ ихъ отъ соціалъ-демократіи. Самыя сложные и разнообразные чувства, интересы, традиціи, привычки и побужденія опредѣляютъ собой группировку населенія по политическимъ партіямъ и среди этихъ моментовъ классовые интересы далеко не всегда играютъ первенствующую роль. „Для уясненія политическихъ группировокъ, для пониманія законовъ прилива и отлива голосовъ избирателей къ тѣмъ или инымъ партійнымъ знаменамъ — справедливо говоритъ одинъ авторъ—необходимо еще принять во вниманіе, что огромная доля избирателей, при подачѣ своего голоса, руководствуется исключительно текущей, преходящей злобой политическаго дня и о завтрашнемъ политическомъ днѣ и не задумывается. При каждыхъ выборахъ всплываетъ какая нибудь злоба дня, которая довлѣетъ многому множеству избирателей. Всѣ политическія партіи это превосходно знаютъ и всѣ они при каждыхъ выборахъ наряду съ декларацією общихъ принциповъ стараются сосредоточить вниманіе избирателей на своемъ отношеніи къ злободневному вопросу“ [16]).

Итакъ, какъ ни важны классовые интересы, борьбой за нихъ далеко не исчерпывается политическая жизнь.

ЛИТЕРАТУРА.

Марксъ и Энгельсъ. Манифестъ коммунистической партіи. Къ нему обширное предисловіе Г. Плеханова съ историческимъ обзоромъ развитія ученія о классѣ и классовой борьбѣ. Марксъ. Нищета философіи. Его-же. 18-е брюмера Луи Бонапарта. Его-же. Революція и контръ-революція въ Германіи. Его-же. Капиталъ т. III (послѣдняя глава). Engels. Anti-Dühring. Его-же. Происхожденіе семьи. Каутскій. Классовые интересы. пер. А. Поссе. 1905. Бернштейнъ. Классы и классовая борьба. пер. нѣм. 1906. Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im Neunzehnten Jahrhundert. 1903. С. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. 1901. Черновъ. Крестьянинъ и рабочій. 1906. Его-же. Соціалистическіе этюды. 1908. А. Вольскій. Умственный рабочій. 1906. Е. Лозинскій. Что же такое, наконецъ, интеллигенція? 1907. Ивановъ-Разумникъ. Что такое махаевщина. 1908. Его-же. Исторія русской общественной мысли. Изд. 2. 1908. М. Туганъ-Барановскій. Теоретическіе основы марксизма. П. Берлинъ. Политическія партіи на Западѣ. 1907.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ I.

1) „Нація состоитъ изъ трехъ классовъ гражданъ: класса производительнаго, класса собственниковъ и безплоднаго класса". Quesnay. Analyse du tableau économique. Physiocrates. Изд. E. Daire. 1846. Ч. I. Стр. 58.

2) Правда, Тюрго, слѣдуя Кенэ, говоритъ только о трехъ классахъ въ обществѣ. Но въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ указываетъ, что послѣдній классъ «распадается на два порядка (ordres)—первый порядокъ предпринимателей—мануфактуристовъ, фабрикантовъ, имѣющихъ большіе капиталы, изъ которыхъ они извлекаютъ доходъ, побуждая работать при помощи затраты этихъ капиталовъ: и второй порядокъ, слагающійся изъ простыхъ ремесленниковъ (artisans), которые, имѣя только свои руки, затрачиваютъ лишь свой ежедневный трудъ и получаютъ лишь заработную плату». Turgot. Réflexions sur la formation et la distribution des richesses. Oeuvres de Turgot. Изд. E. Daire. 1844. Ч. I. Стр. 39.

3) „Общая масса годовой производительности земли и труда каждой страны... разбивается на три части: поземельную ренту, заработную плату и прибыль на капиталъ, и составляетъ доходъ трехъ различныхъ классовъ народа, изъ коихъ одинъ живетъ рентой, другой—заработной платой и третій—прибылью. Это три великія подраздѣленія составляютъ три первоначальные, основные класса каждаго просвѣщеннаго общества". Адамъ Смитъ. Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Пер. Бибикова, 1866. Т. I. Стр. 477.

4) „Эксплоатація человѣка человѣкомъ,—говоритъ ученикъ Сенъ-Симона, Базаръ,—причина и слѣдствіе состоянія антагонизма. А антагонизмъ... самый выдающійся фактъ всей прошлой исторіи". (Exposition de la doctrine Saint Simonienne. Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. T. 41. 1877. Стр. 190).

5) Das Kapital. Т. III. Ч. II. Стр. 422.

6) Ср. по этому вопросу интересную брошюру В. Чернова „Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категоріи". 1906.

7) Маркс. Revolution und Kontrerevolution in Deutschland. 1896. Стр. 7—11.

8) Сходное пониманіе природы общественнаго класса было дано Каутскимъ въ его статьѣ «Klasseninteresse—Sonderinteresse—Gemeininteresse». Die Neue Zeit. XXI. Т. II. Стр. 241 и слѣд.

9) „По мнѣнію Туганъ-Барановскаго, Марксъ кладетъ въ основу дѣленія на классы отношенія различныхъ общественныхъ группъ къ прибавочной цѣнности и эксплоатаціи труда. Многое говоритъ за такое именно пониманіе. Другой вопросъ, соотвѣтствуетъ ли данное Марксомъ опредѣленіе понятія класса дѣйствительному положенію вещей". Э. Бернштейнъ. Классы и классовая борьба. Изд. В. Карчагина. 1906. Стр. 14.

10) Тамъ же, стр. 16 и слѣд.

11) См. изложеніе этого спора у В. Чернова. Соціалистическіе этюды. 1908. Стр. 311 и слѣд.

12) Съ одной стороны, въ полемикѣ съ «теоріей насилія» Дюринга

Энгельсъ настаиваетъ на томъ, что производительныя отношенія лежатъ въ основѣ классового сложенія общества. Съ другой же стороны, онъ устанавливаетъ, что „съ различіями въ распредѣленіи выступаютъ и классовыя различія. Общество распадается на привилегированные и обдѣленные, эксплоатирующіе и эксплоатируемые, господствующіе и подчиненные классы". Engels. Anti - Dühring. Стр. 151.

13) Очерки по философіи марксизма. 1908. Стр. 305.

14) R. Blank. Die sociale Zusammensetzung der socialdemokratischen Wählerschaft Deutschlands. Archiv f. Socialwissenschaft. 1905. Книга III

15) П. А. Берлинъ. Политическія партіи на Западѣ. 1907. Стр. 101 Въ этой интересной книгѣ имѣется много тонкихъ и правильныхъ соображеній относительно классовъ и политическихъ партій.

16) Тамъ же, 103.

ГЛАВА II.

Проблема распредѣленія.

I. Общая характеристика явленій распредѣленія. Общее понятіе о валовомъ и чистомъ доходѣ. Специфическая природа явленій распредѣленія. Почему лишь нѣкоторые виды народнаго дохода входятъ въ проблему распредѣленія? II. Основное дѣленіе различныхъ видовъ народнаго дохода. Трудовые и нетрудовые доходы. Ученіе Сэ о производительныхъ услугахъ. Несостоятельность этого ученія. Эксплоатація трудящихся нетрудящимися, какъ основа нетрудовыхъ доходовъ. Анализъ понятія эксплоатаціи. Дополнительныя замѣчанія. Неправильность пониманія проблемы распредѣленія школой предѣльной полезности и школой Маркса.

I.

Категорія дохода есть одна изъ своеобразныхъ историческихъ категорій мѣноваго хозяйства. Доходъ всегда нѣкоторая мѣновая цѣнность; при господствѣ натуральнаго хозяйства категорія дохода отсутствуетъ. „То, что мы называемъ доходомъ,—говоритъ Бюхеръ,—при нормальныхъ условіяхъ является результатомъ обмѣна; въ замкнутомъ же домашнемъ хозяйствѣ это есть сумма потребительныхъ цѣнностей, произведенныхъ въ самомъ хозяйствѣ, весь продуктъ, полученный хозяиномъ. Его, однако, тѣмъ труднѣе отдѣлить отъ имущества, чѣмъ болѣе зависимость хозяйства отъ стихійныхъ случайностей дѣлаетъ необходимымъ накопленіе запасовъ. Доходъ и имущество составляютъ одну нераздѣльную массу“ [1]) Даже самое слово доходъ на этой стадіи развитія народнаго хозяйства отсутствуетъ, и, напр., латинское слово reditus обозначаетъ собой весь продуктъ, получаемый съ поля [2]).

При господствѣ мѣноваго хозяйства становится не только возможнымъ, но и необходимымъ количественный учетъ цѣнности прихода и расхода каждаго хозяйства. Именно этотъ учетъ выясняетъ экономическую раціональность даннаго хозяйства.

Подъ валовымъ доходомъ понимаютъ общую цѣнность всего регулярнаго, періодически возобновляющагося прихода даннаго хозяйства—всего того, что регулярно поступаетъ въ распоряженіе даннаго хозяйства, какъ результатъ соотвѣтствующаго хозяйственнаго процесса; подъ чистымъ же доходомъ понимаютъ ту часть этой цѣнности, которая остается въ распоряженіи хозяина за покрытіемъ всѣхъ расходовъ хозяйства, которая можетъ быть употреблена на нужды хозяина безъ ущерба для источника дохода. Цѣлью хозяйственной дѣятельности является полученіе возможно большаго не валоваго, но чистаго дохода, такъ какъ только чистый доходъ служитъ источникомъ для удовлетворенія потребностей хозяина.

Хозяйственная дѣятельность выражается въ производствѣ продуктовъ и ихъ обмѣнѣ. Этимъ исчерпывается все хозяйство, такъ какъ потребленіе продуктовъ не является хозяйственной дѣятельностью. Поэтому можетъ казаться, что для пониманія явленій дохода достаточно знать причинныя отношенія производства и обмѣна. И, дѣйствительно, во многихъ случаяхъ это несомнѣнно такъ. Доходъ крестьянина, ведущаго на своей собственной и притомъ незаложенной землѣ хозяйство безъ помощи наемнаго труда, вполнѣ опредѣляется условіями производства и сбыта изготовляемыхъ имъ продуктовъ. Ни для какого особаго ученія о доходѣ, рядомъ съ ученіемъ о производствѣ и обмѣнѣ, мѣста въ этомъ случаѣ нѣтъ.

И потому существованіе въ экономической наукѣ особаго отдѣла распредѣленія—иначе говоря, ученія о доходѣ различныхъ классовъ капиталистическаго общества—кажется непонятнымъ. Развѣ можетъ существовать самостоятельная проблема распредѣленія рядомъ съ проблемами производства и обмѣна? Таковъ чрезвычайно важный, но не сознаваемый современной наукой методологическій вопросъ, отвѣтъ на который долженъ выяснить методологическую природу явленій распредѣленія.

Прежде всего слѣдуетъ признать, что проблема распредѣленія охватываетъ собой далеко не всѣ роды общественнаго дохода. На примѣрѣ крестьянскаго дохода ясно, что категорія крестьянскаго дохода не представляетъ собой никакой новой проблемы, не укладывающейся въ рубрики производства и обмѣна. Вообще доходы всѣхъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей, поскольку эти доходы основываются на производствѣ и продажѣ продуктовъ

лишь личнаго труда этихъ производителей, не являются предметомъ ученія о распредѣленіи.

Это послѣднее ученіе, какъ оно исторически сложилось, охватываетъ только нѣкоторую, рѣзко отграниченную отъ другихъ группу общественныхъ доходовъ—а именно, группу доходовъ тѣхъ трехъ основныхъ классовъ капиталистическаго общества, которые предполагаются самымъ существомъ капиталистическаго процесса производства — доходовъ наемныхъ рабочихъ (заработная плата), капиталистовъ (прибыль) и землевладѣльцевъ (земельная рента).

Отдѣлъ распредѣленія представляетъ собой ученіе только объ этихъ трехъ видахъ общественнаго дохода. Доходы же другихъ общественныхъ классовъ совсѣмъ не выдѣляются политической экономіей въ особый предметъ изслѣдованія — условія образованія этихъ доходовъ изучаются экономической наукой попутно въ отдѣлахъ производства и обмѣна. Для такого выдѣленія одной группы общественныхъ доходовъ въ особый предметъ изученія должны быть, очевидно, свои методологическія основанія.

И, дѣйствительно, три названныхъ вида общественнаго дохода отличаются отъ всѣхъ остальныхъ, прежде всего, тѣмъ, что они находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ въ процессѣ своего возникновенія. Такъ, прибыль и заработная плата составляютъ, говоря языкомъ логики, логическіе коррелаты. Заработная плата предполагаетъ прибыль, а прибыль предполагаетъ заработную плату; точно также земельная рента предполагается условіями капиталистическаго производства. Всѣ эти три вида народнаго дохода суть лишь части, на которыя распадается производимый при извѣстныхъ условіяхъ общественный продуктъ.

На чемъ же основывается эта связь между тремя названными видами общественнаго дохода? На томъ, что капиталистическое производство предполагаетъ связь въ процессѣ производства трехъ общественныхъ классовъ—наемныхъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. При капиталистическомъ способѣ производства рабочій не владѣетъ средствами производства, которыя принадлежатъ двумъ особымъ классамъ—капиталистамъ и землевладѣльцамъ. Но такъ какъ безъ помощи средствъ производства, производство невозможно, то для возможности производства при этихъ условіяхъ требуется, чтобы рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы вступили въ процессѣ производства въ извѣстную связь другъ съ другомъ. Изъ этой связи естественно вытекаетъ и связь между собой соотвѣтствующихъ видовъ общественнаго дохода. Эти доходы условіями капиталистическаго производства

сплетены въ одинъ неразрывный узелъ и пониманіе законовъ образованія одного изъ этихъ доходовъ невозможно безъ пониманія законовъ образованія двухъ другихъ.

Въ объясненіи этой связи и заключается специфическая проблема распредѣленія политической экономіи—проблема sui generis, не сводимая ни къ какой другой. Доходы мелкихъ самостоятельныхъ производителей стоятъ внѣ указанной связи и потому въ ученіи о распредѣленіи для нихъ мѣста нѣтъ [3]).

Связь эта еще усложняется отношеніями капиталистическаго обмѣна. Капиталистъ принимаетъ участіе своимъ капиталомъ не только въ процессѣ производства, но и въ процессѣ обмѣна; торговый капиталъ есть такое же необходимое условіе полученія продукта потребителемъ, какъ и производственный капиталъ. Принимая это во вниманіе, можно опредѣлить проблему распредѣленія, какъ проблему объ отношеніяхъ зависимости между доходами тѣхъ общественныхъ классовъ, которые связаны между собой условіями капиталистическаго производства и обмѣна. [4])

Но отсюда же ясна и невозможность выдѣлить явленія распредѣленія изъ сферы капиталистическаго производства и обмѣна. Явленія распредѣленія не суть особые и самостоятельные экономическіе факты, а тотъ же процессъ капиталистическаго производства и обмѣна, разсматриваемый съ опредѣленной точки зрѣнія. Что такое капиталистическое производство? Производство при помощи наемнаго труда. А что такое наемъ труда? Договоръ о выдачѣ заработной платы рабочему, взамѣнъ исполняемой имъ работы—иначе говоря, извѣстное отношеніе распредѣленія. Слѣдовательно, капиталистическое производство немыслимо внѣ явленій распредѣленія; въ то же время, явленія распредѣленія, въ своемъ специфическомъ смыслѣ, немыслимы внѣ капиталистическаго хозяйства.

Явленія распредѣленія составляютъ, такимъ образомъ, только извѣстную сторону процессовъ капиталистическаго производства и обмѣна. Какую же сторону? Въ процессѣ капиталистическаго производства и обмѣна возникаютъ и перемѣщаются опредѣленныя цѣнности, причемъ участниками этого процесса въ различныхъ смыслахъ являются три общественныхъ класса—наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы. Говоря о явленіяхъ производства и обмѣна, мы имѣемъ въ виду самый процессъ, говоря о явленіяхъ распредѣленія—окончательный результатъ процесса по отношенію къ интересамъ его участниковъ—трехъ названныхъ классовъ.

II.

Итакъ, вотъ въ чемъ заключается сущность проблемы распредѣленія. Нужно путемъ научнаго анализа распутать узелъ, связывающій въ одно цѣлое доходы участниковъ капиталистическаго производства и обмѣна. Первымъ шагомъ этого анализа должно быть раздѣленіе этихъ доходовъ на двѣ глубочайшимъ образомъ различныя между собой группы—доходы, основанные на трудѣ (заработная плата), и доходы, основанные на владѣніи имуществомъ (прибыль и земельная рента), иначе говоря, трудовые и нетрудовые доходы.

Полученіе рабочимъ средствъ существованія является неустранимымъ условіемъ производства; по отношенію къ трудовымъ доходамъ не можетъ возникать и вопроса объ ихъ источникахъ. Совершенно ясно, что безъ оплаты труда хозяйственный процессъ невозможенъ. Другое нужно сказать о нетрудовыхъ доходахъ. Источникъ ихъ далеко не такъ очевиденъ.

Правда, можетъ показаться, что доходъ капиталиста и землевладѣльца такъ же необходимъ въ процессѣ производства, какъ и доходъ рабочаго. Для производства земля и средства производства—капиталъ—столь же необходимы, какъ и трудъ. Исходя изъ этого, Ж. Б. Сэ построилъ свою знаменитую теорію „производительныхъ услугъ“, долженствовавшую доказать экономическую необходимость нетрудовыхъ доходовъ. Доказательство Сэ было чрезвычайно просто, благодаря чему оно казалось еще убѣдительнѣе. Каждый изъ трехъ факторовъ производства, равно необходимыхъ для производства, находится въ обладаніи особаго общественнаго класса: рабочимъ принадлежитъ трудъ, капиталистамъ—капиталъ и землевладѣльцамъ—земля. Для возможности производства требуется, чтобы изъ общаго продукта производства были оплачены производительныя услуги всѣхъ трехъ факторовъ производства — какъ труда, такъ и капитала и земли. Оплата этихъ услугъ и составляетъ доходъ соотвѣтствующихъ общественныхъ классовъ: оплата услугъ труда—доходъ рабочихъ, капитала—прибыль капиталистовъ и земли—земельную ренту. Прибыль и земельная рента представляютъ собой такія же необходимыя оплаты производительныхъ услугъ факторовъ производства, какъ и заработная плата [5]).

Разсужденіе это представляетъ собой грубый софизмъ, основанный на томъ, что въ логикѣ называется quaternio terminorum—употребленіи въ посылкахъ и заключеніи одного и того же тер-

мина въ различныхъ смыслахъ. А именно, въ посылкахъ говорится о факторахъ производства—землѣ и капиталѣ, а въ выводѣ объ общественныхъ классахъ—землевладѣльцахъ и капиталистахъ. Сэ совершенно правъ, утверждая, что земля и капиталъ (какъ средства производства) столь же необходимы для производства, какъ и трудъ; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что такъ же необходимы для производства капиталисты и землевладѣльцы. Если бы и согласиться съ Сэ, что капиталъ и земля обладаютъ своей собственной производительной силой, то отсюда ни малѣйшимъ образомъ не слѣдовало бы, что доходы съ земли и капитала должны принадлежать не работающимъ людямъ. Вѣдь земля или машина, перейдя въ распоряженіе рабочаго, ни малѣйшимъ образомъ не утрачиваютъ своихъ производительныхъ свойствъ; какимъ же образомъ производительныя свойства земли и капитала могутъ доказывать необходимость нетрудовыхъ доходовъ? Нетрудовые доходы получаютъ не капиталъ и земля, а капиталисты и землевладѣльцы въ силу того, что они владѣютъ капиталомъ и землей; если бы рабочій владѣлъ средствами производства, то въ его пользу шли бы и „производительныя услуги“ земли и капитала. Слѣдовательно, вопросъ о „производительныхъ услугахъ“ средствъ производства не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о томъ, почему выгоды отъ пользованія средствами производства достаются не рабочимъ, которые непосредственно управляютъ этими средствами производства, а лицамъ, никакого непосредственнаго участія въ производствѣ не принимающимъ.

Вообще, какими бы причинами ни объяснять явленія прибыли и земельной ренты, нельзя не признать эти виды народнаго дохода существенно отличными отъ трудовыхъ доходовъ въ томъ отношеніи, что трудовые доходы вытекаютъ изъ самого существа процесса производства, а нетрудовые доходы соціальнаго происхожденія, могутъ быть или не быть въ зависимости отъ классоваго сложенія общества. Капиталистическая прибыль существуетъ, какъ особый видъ нетрудового дохода, лишь въ силу того, что рабочій не владѣетъ капиталомъ; земельная рента, опять таки какъ особый нетрудовой доходъ, возможна лишь потому, что рабочій лишенъ земли. Нетрудовые доходы возможны лишь благодаря тому, что имѣются въ наличности особыя соціальныя условія, обезпечивающія нетрудящимся классамъ долю общественнаго продукта наряду съ трудящимися классами.

Наличность въ современномъ обществѣ нетрудовыхъ доходовъ есть самое осязательное выраженіе соціальнаго неравенства, характеризующаго современный хозяйственный строй. Не-

равенство это заключается въ томъ, что одна часть общества для своего существованія должна отдавать другой части общества часть своего труда, не получая взамѣнъ трудового эквивалента. Рабочій отдаетъ капиталисту свою рабочую силу—т.-е. свою собственную личность, часть самого себя. Капиталистъ же отдаетъ рабочему часть своего капитала, т.-е. нѣчто, не составляющее его личности. Продавая свою личность, рабочій утверждаетъ свое рабство, капиталистъ же, покупая ее, утверждаетъ свою свободу—свободу отъ необходимости труда для поддержанія своего существованія. То же относится и къ нетрудовому доходу землевладѣльцевъ—земельной рентѣ.

Несмотря на полную противоположность, по своей юридической формѣ, наемнаго и рабскаго труда, по своей экономической природѣ эти соціальные факты существенно сходны въ томъ отношеніи, что и въ томъ и другомъ случаѣ внѣшняя необходимость заставляетъ одного человѣка трудиться въ пользу другого, а этого послѣдняго тѣ же внѣшнія условія избавляютъ отъ необходимости труда для поддержанія своего существованія. Доходъ капиталиста и землевладѣльца точно также, какъ и доходъ рабовладѣльца или помѣщика временъ крѣпостного права, основанъ на внѣшнемъ принужденіи, на насиліи. Правда, при рабовладѣніи это внѣшнее принужденіе является въ видѣ физическаго насилія—плети; а при капиталистическомъ наймѣ мѣсто физическаго насилія заступаетъ насиліе экономическое—угроза голодной смерти. Но насиліе отъ этого не перестаетъ быть насиліемъ.

Признавъ, что нетрудовые доходы являются выраженіемъ соціальнаго неравенства, мы тѣмъ самымъ признали, что классы, получающіе нетрудовые доходы, эксплоатируютъ трудящіеся классы. Представленіе объ эксплоатаціи трудящихся классовъ нетрудящимися лежитъ въ корнѣ всего современнаго соціализма. Поэтому чрезвычайно важно выяснить истинное содержаніе этого понятія.

Оно представляетъ собой характерный образчикъ тѣхъ свойственныхъ экономической наукѣ понятій, въ которыхъ элементы сущаго и должнаго такъ тѣсно сплетены другъ съ другомъ, что образуютъ собой одно нераздѣльное цѣлое. Съ одной стороны, понятіе эксплоатаціи труда заключаетъ въ себѣ чисто объективное признаніе экономическаго неравенства трудящихся и нетрудящихся классовъ; съ другой же стороны, въ него привходятъ и этическіе элементы и не могутъ не привходить, такъ какъ, характеризуя отношеніе одного человѣка къ другому, какъ отношеніе эксплоатаціи, мы всегда соединяемъ съ этимъ моральное

осужденіе этого отношенія. Даже болѣе, именно въ моральной оцѣнкѣ и заключается вся сила понятія эксплоатаціи.

Между тѣмъ, понятіе эксплоатаціи далеко не всегда употребляется нами съ этическимъ значеніемъ. Въ широкомъ смыслѣ слова понятіе эксплоатаціи совершенно равнозначуще съ понятіемъ использованія чего либо въ опредѣленныхъ внѣшнихъ цѣляхъ. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ объ эксплоатаціи желѣзной дороги, почвы, топлива и т. д. Перенося понятіе эксплоатаціи на человѣка, мы понимаемъ подъ эксплоатаціей человѣка человѣкомъ точно также использованіе однимъ человѣкомъ личности другого человѣка въ опредѣленныхъ внѣшнихъ для нея цѣляхъ и въ ущербъ ея интересамъ. Такое использованіе осуждается нашимъ моральнымъ сознаніемъ. Почему же? Очевидно потому, что мы признаемъ личность человѣка священной и верховной цѣлью въ себѣ; потому что человѣкъ никогда не долженъ служить въ чьихъ либо рукахъ средствомъ для чего-либо для себя посторонняго. Идея самоцѣльности и равноцѣнности человѣческой личности лежитъ, такимъ образомъ, въ основѣ понятія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ.

При современномъ устройствѣ общества цѣлые классы населенія — и притомъ составляющіе огромное большинство его — обречены постоянно служить средствомъ для увеличенія благосостоянія другихъ общественныхъ классовъ, несравненно менѣе многочисленныхъ. Такое положеніе вещей противорѣчитъ этической идеѣ равноцѣнности человѣческой личности и потому вызываетъ наше моральное осужденіе.

Идея равноцѣнности человѣческой личности составляетъ, слѣдовательно, неустранимый этическій элементъ ученія объ эксплоатаціи труда. Античному міру идея это была вообще чужда; и потому самые возвышенные философы древности не усматривали въ институтѣ рабства ничего позорнаго и морально неприемлемаго [5]).

Однако, наличность этическаго элемента въ ученіи объ эксплоатаціи труда отнюдь не уменьшаетъ силы и значенія этого ученія для политической экономіи. Ибо политическая экономія не только объясняетъ сущее, но и постулируетъ должное, не только анализируетъ существующую систему народнаго хозяйства, но и призываетъ къ соціальному творчеству, является не только сѣрой теоріей, но и живой практикой. Этотъ двойственный характеръ неизбѣженъ во всякомъ общественномъ ученіи, которое преслѣдуетъ практическія, а, слѣдовательно, и этическія цѣли и не замыкается въ кругъ

безстрастной объективной науки. Важно только то, чтобы этическія идеи, привносимыя нами въ соціальную науку, во-первыхъ, ясно сознавались нами, какъ таковыя (т.-е. чтобы мы не приписывали имъ несвойственнаго имъ значенія выраженія объективной дѣйствительности) и, во-вторыхъ, были бы общеобязательны, т.-е. представляли собой не наши субъективныя и произвольныя построенія, но неизбѣжный выводъ нормальнаго нравственнаго сознанія, обязательнаго для каждаго нормальнаго человѣка. И этимъ требованіямъ вполнѣ удовлетворяетъ основная этическая идея ученія объ эксплоатаціи труда, ибо идея равноцѣнности человѣческой личности представляетъ собой общеобязательный постулатъ нашего практическаго разума.

Въ текстѣ сдѣлана попытка методологически обосновать выдѣленіе ученія о распредѣленіи въ особую теоретическую проблему. Въ этомъ отношеніи я рѣшительно расхожусь съ обоими направленіями, которыя подѣлили между собой современную экономическую теорію—съ марксизмомъ и школой предѣльной полезности. Что касается до этого послѣдняго направленія, то я считаю ту постановку проблемы распредѣленія, которая типична для представителей этой школы, въ самомъ своемъ корнѣ неправильной; а именно, эта школа (за исключеніемъ, впрочемъ, Визера) принципіально отрицаетъ самостоятельное существованіе проблемы распредѣленія и разсматриваетъ ее, какъ подотдѣлъ ученія о цѣнности. „Проблема процента—говоритъ Бемъ-Баверкъ—есть въ концѣ концовъ проблема цѣнности“ [6]). Правда, съ этой точки зрѣнія есть нѣчто очень подкупающее своей кажущейся естественностью и простотой. Дѣйствительно, развѣ не является заработная плата цѣной рабочей силы, прибыль—цѣной пользованія капиталомъ и земельная рента—цѣной пользованія землей? И не представляютъ-ли собой, въ такомъ случаѣ, явленія распредѣленія не что иное, какъ явленія обмѣна извѣстныхъ категорій хозяйственныхъ предметовъ?

Неправильность этой послѣдней точки зрѣнія на явленія распредѣленія выяснится въ полномъ объемѣ изъ той теоріи распредѣленія, которая будетъ дана въ послѣдующихъ главахъ. Пока же достаточно указать, что отличіе явленій распредѣленія отъ явленій обмѣна заключается уже въ томъ, что три названныхъ вида народнаго дохода связаны между собой въ процессѣ капиталистическаго хозяйства и потому каждый изъ нихъ въ отдѣльности не можетъ быть понятъ самъ по себѣ, независимо отъ остальныхъ; между тѣмъ, методъ разсмотрѣнія заработной платы, какъ цѣны рабочей силы, процента, какъ цѣны пользованія капиталомъ и ренты, какъ цѣны пользованія землей, именно и сводится къ игнорированію связи между этими видами народнаго дохода.

Что касается марксизма, то тутъ мое разногласіе далеко не такъ глубоко, какъ кажется. Я считаю свою теорію распредѣленія въ значительной мѣрѣ только преобразованной и очищенной отъ всѣхъ ненаучныхъ

элементовъ теоріей Маркса. Правда, послѣдняя подвергнута такому глубокому преобразованію, что уже не можетъ уложиться въ систему Маркса, но связь новой теоріи со старой для меня очевидна. А именно, эта связь заключается въ томъ, что и моя теорія, какъ и теорія Маркса, разсматриваетъ доходы общественныхъ классовъ, какъ результатъ дѣленія между нѣсколькими общественными классами продукта, создаваемаго трудомъ одного класса рабочихъ. И съ моей точки зрѣнія нетрудовые доходы являются результатомъ эксплоатаціи имущими классами рабочаго класса, лишеннаго средствъ производства. Но Марксъ пытается доказать наличность такой эксплоатаціи крайне искуственнымъ путемъ, исходя изъ своей совершенно несостоятельной теоріи абсолютной трудовой цѣнности. Благодаря этому и для него, какъ и для Бемъ-Баверка, проблема распредѣленія является проблемой цѣнности (хотя и въ другомъ смыслѣ). Мое же доказательство не находится въ связи ни съ какой теоріей цѣнности и въ этомъ уже заключается (не говоря о другихъ) существенное различіе новой теоріи отъ старой.

Разсматривая проблему распредѣленія, какъ проблему совершенно независимую отъ проблемы цѣнности, я поступаю въ согласіи съ методологическимъ требованіемъ, формулированнымъ Рикардо въ одномъ изъ его писемъ къ Макъ-Куллоху. „Въ концѣ концевъ—писалъ Рикардо—всѣ великіе вопросы относительно земельной ренты, заработной платы и прибыли должны объясняться пропорціями, въ которыхъ продуктъ распредѣляется между землевладѣльцами, капиталистами и рабочими, и которыя не могутъ быть объяснены никакимъ ученіемъ о цѣнности“ [7]). Но самъ Рикардо въ своей теоріи распредѣленія не строго слѣдовалъ этому методологическому требованію.

Въ новѣйшее время усиленно настаивалъ на значеніи соціальныхъ моментовъ въ народномъ хозяйствѣ Штольцманъ [8]). Однако, данная имъ теорія распредѣленія, долженствующаяся, по мысли автора, выдвинуть на первый планъ соціальныя условія распредѣленія, кажется мнѣ очень неудачной и я ничѣмъ не могъ воспользоваться у Штольцмана, несмотря на близость нашихъ общихъ точекъ зрѣнія.

ЛИТЕРАТУРА.

М. Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма Его-же. Современный соціализмъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ II.

1) Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства, стр. 103.

2) Даже на порогѣ новаго времени категорія дохода такъ мало была ясна общественному сознанію, что когда въ 1451 г. въ Базелѣ былъ введенъ новый налогъ, его предписывали взимать: 1) съ покупной цѣны товаровъ, 2) съ капиталовъ, внесенныхъ за покупку ренты и доходовъ и 3) съ полученныхъ рентъ. «Въ первомъ случаѣ—говоритъ Бюхеръ—по нашей терминологіи рѣчь идетъ о валовомъ доходѣ, во вто-

ромъ—объ имуществѣ, въ третьемъ—о чистомъ доходѣ, и, однако, всѣ три случая трактуются одинаково». Тамъ-же, 118.

3) Конечно, доходъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей очень существенно зависитъ отъ распредѣленія между ними средствъ производства. Но распредѣленіе средствъ производства между различными общественными классами составляетъ проблему совершенно иного рода, чѣмъ проблема распредѣленія общественнаго дохода. Въ этой послѣдней проблемѣ распредѣленіе средствъ производства предполагается даннымъ.

4) Въ болѣе широкомъ смыслѣ проблема распредѣленія охватываетъ всѣ доходы, между которыми существуетъ, по условіямъ ихъ хозяйственнаго происхожденія, внутренняя связь. Такъ, въ докапиталистическомъ хозяйствѣ ростовщическій процентъ или прибыль торговца могутъ быть предметомъ ученія о распредѣленіи, ибо ростовщическій процентъ, равно какъ и прибыль торговца, не могутъ быть поняты внѣ связи съ доходами другихъ классовъ общества.

5) См. J. B. Say. Traité d'Économie politique. Изд. 7, 1861, стр. 67 и слѣд.; также Cours complet d'Économie politique pratique. 1828—29. Кн. IV. стр. 64.

6) Въ этомъ смыслѣ весьма поучительно сравненіе соціальнаго идеала Платона съ современнымъ соціалистическимъ идеаломъ. Нерѣдко считаютъ Платона первымъ провозвѣстникомъ соціализма нашихъ дней. Но это глубокая ошибка. Правда, великій философъ древности требовалъ въ своемъ государствѣ будущаго уничтоженія частной собственности; но лишь для одного правящаго класса общества. Въ этомъ отношеніи государство Платона представляетъ собою современное государство наоборотъ. Теперь правящіе классы богаты и обладаютъ собственностью, а подчиненные классы лишены ея; Платонъ же хотѣлъ, чтобы правящіе классы были бѣдны и лишены собственности, а подчиненные богаты и обладали собственностью. Уничтоженіе частной собственности было для творца идеалистической философіи средствомъ сдѣлать изъ правящаго класса, воиновъ, самыхъ совершенныхъ защитниковъ отечества: убить въ нихъ всѣ своекорыстные чувства, побужденія и интересы, превративъ ихъ въ подобіе «тощихъ, благородныхъ собакъ—оберегателей стада». Но всѣ остальные классы населенія, кромѣ воиновъ и правителей, сохраняютъ въ государствѣ Платона частную собственность; сохраняется въ немъ и эксплоатація человѣка человѣкомъ, вплоть до самой грубой ея формы—рабства: только эллины не должны быть обращаемы въ рабство, что же касается до варваровъ, то обращеніе ихъ въ рабство кажется Платону естественнымъ удѣломъ побѣжденныхъ. Государство Платона имѣетъ вполнѣ аристократическій характеръ и этимъ, какъ небо отъ земли, отличается отъ идеала современнаго соціализма См. Сочиненія Платона. Пер. Карпова, ч. III. Политика или государство. Особенно книга III, IV и V.

7) Böhm-Bawerk. Kritische Geschichte der Kapitalzinstheorien. Изд. 2 стр. 604.

8) David Ricardo. Letters of David Ricardo to John Ramsay Mac Culloch. 1895. Стр. 72.

9) См. Stolzmann. Die sociale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre 1896.

ГЛАВА III.

Заработная плата.

I. Основное различіе рабочей силы отъ другихъ товаровъ. Работа, какъ выраженіе жизнедѣятельности человѣка. Производство товаровъ и возникновеніе рабочей силы человѣка. Рабъ и наемный рабочій. II. Теоріи заработной платы, какъ цѣны товара-рабочей силы. Теорія минимума средствъ существованія. Физіологическій и культурный минимумъ. Безсодержательность этого послѣдняго понятія. Спросъ и предложеніе, какъ факторы заработной платы. Теорія фонда заработной платы. III. Теорія заработной платы, какъ цѣны рабочей силы—средства производства. Построеніе теоріи заработной платы на основѣ теоріи предѣльной полезности. Невозможность такого построенія. Невозможность понять заработную плату, какъ явленіе цѣны. IV. Соціальная теорія заработной платы. Почему спросъ и предложеніе не опредѣляютъ средняго уровня заработной платы. Проблема заработной платы не есть общая проблема цѣнности. Соціальноэкономическіе факторы, опредѣляющіе заработную плату. Экономическій факторъ. Соціальный факторъ. Движеніе заработной платы подъ вліяніемъ совмѣстнаго дѣйствія этихъ обоихъ факторовъ. V. Различія трудовыхъ доходовъ вообще и заработной платы въ частности въ различныхъ отрасляхъ труда. Доходы умственныхъ рабочихъ. Причины высокой оплаты умственнаго труда. Различія заработной платы наемныхъ рабочихъ. Большая продолжительность рабочаго дня въ хуже оплачиваемыхъ родахъ труда. V. Формы заработной платы. Денежная и натуральная плата. Срочная и сдѣльная плата. Поурочная плата. Прогрессивная плата. Система скользящей скалы. Коллективная и подрядная плата. Кооперативная плата. Участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія. VI. Исторія заработной платы въ Англіи. Заработная плата до 19 вѣка. Промышленная революція. Причины паденія заработной платы въ первый періодъ развитія крупнаго капиталистическаго производства. Движеніе заработной платы въ новѣйшее время. Современное положеніе рабочаго класса въ Англіи. Дополнительныя замѣчанія. Теорія бѣдности и народонаселенія Мальтуса и ея критическая оцѣнка.

I.

Заработной платой называется плата, получаемая рабочимъ отъ предпринимателя за предоставляемое послѣднему право пользоваться въ

своемъ предпріятіи рабочей силой рабочаго [1]). Заработная плата есть одинъ изъ трехъ видовъ общественныхъ доходовъ, предполагаемыхъ капиталистическимъ производствомъ. Подъ номинальной заработной платой понимаютъ денежное выраженіе ея, подъ реальной же заработной платой количество предметовъ потребленія, которое можетъ быть пріобрѣтено рабочимъ на данную номинальную плату.

Будучи для предпринимателя расходомъ, заработная плата является для рабочаго доходомъ, на который онъ существуетъ. Въ формальномъ отношеніи договоръ о наймѣ рабочаго не отличается принципіально отъ всякаго другого договора о наймѣ и является такимъ же мѣновымъ актомъ, какъ и купля-продажа любого товара. Этому нисколько не мѣшаетъ то обстоятельство, что въ рабочемъ договорѣ предметомъ купли-продажи является рабочая сила человѣка. Поэтому, заработную плату можно, повидимому, разсматривать, какъ цѣну извѣстнаго товара—рабочей силы человѣка.

Но если заработная плата есть одинъ изъ видовъ товарной цѣны, то она должна подчиняться тѣмъ же законамъ, которымъ вообще подчиняется товарная цѣна. Именно такова господствующая въ современной наукѣ точка зрѣнія на заработную плату: представители самыхъ различныхъ направленій въ экономической наукѣ настаиваютъ на необходимости объяснять явленія заработной платы, исходя изъ общихъ законовъ товарной цѣны.

Правда, многіе экономисты признаютъ различіе труда отъ другихъ товаровъ. Такъ, напр., Торнтонъ указываетъ слѣдующія различія. „Работа отличается отъ всѣхъ другихъ товаровъ, во-первыхъ, тѣмъ, что она не сохраняется“,—говоритъ онъ. Продажа всякаго матеріальнаго товара можетъ быть отсрочена на нѣкоторое время безъ того, чтобы цѣнность товара отъ отсрочки его продажи исчезла. Напротивъ, работа, не проданная сегодня, не можетъ быть продана завтра, такъ какъ завтра это будетъ уже не сегодняшняя работа, а иная. Сегодняшняя работа, въ случаѣ невозможности ее продать, исчезаетъ навсегда. Во-вторыхъ, продавцы другихъ товаровъ тѣмъ отличаются отъ продавцевъ работы, что этимъ послѣднимъ нечего продавать, кромѣ своей работы. Продавцы работы,—говоритъ Торнтонъ,—по необходимости являются людьми неимущими, продавцами, экономически болѣе слабыми, поставленными въ необходимость продавать свой товаръ по самой низкой цѣнѣ, чего нельзя сказать о продавцахъ другихъ товаровъ [2]).

Легко замѣтить, что указываемыя Торнтономъ различія ра-

бочей силы отъ другихъ товаровъ совершенно лишены принципіальнаго значенія. Что касается до перваго различія, то оно сводится къ тому, что рабочая сила предметъ длительнаго пользованія, въ отличіе отъ товаровъ, пользованіе которыми заключается въ ихъ уничтоженіи цѣликомъ. Въ этомъ отношеніи рабочая сила аналогична всѣмъ прочимъ предметамъ длительнаго пользованія и ничѣмъ отъ нихъ не отличается. И цѣнность сегодняшняго пользованія квартирой исчезаетъ, если пользованіе ею отсрочивается: пока квартира пустуетъ, она безполезна, и пользованіе ею въ будущемъ не можетъ вознаградить за утрату пользованія ею въ настоящемъ. Сегодняшнее пользованіе квартирой не можетъ быть перенесено на завтра. Аналогія въ этомъ отношеніи между пользованіемъ квартирой и рабочей силой полная. Точно также, экономическая слабость продавцевъ рабочей силы не есть исключительная особенность товара-рабочей силы. Кустари, продающіе свои товары, экономически нисколько не сильнѣе наемныхъ рабочихъ, продающихъ свою рабочую силу.

Такимъ образомъ, никакихъ принципіальныхъ различій рабочей силы отъ другихъ товаровъ Торнтонъ не указываетъ. Однако, принципіальное различіе между рабочей силой и всѣми другими товарами, несомнѣнно, существуетъ, различіе настолько глубокое, что, благодаря ему, законы строенія заработной платы оказываются совершенно несводимыми къ общимъ законамъ строенія товарной цѣны.

Дѣло въ томъ, что рабочая сила есть единственный предметъ продажи, который представляетъ собою не внѣшній объектъ хозяйственной дѣятельности человѣка, но самую человѣческую личность. Производство всѣхъ прочихъ товаровъ входитъ въ составъ хозяйственной дѣятельности человѣка и подчиняется общимъ законамъ хозяйственной дѣятельности; созданіе же рабочей силы человѣка не есть процессъ производства и вообще не есть хозяйственный процессъ какого бы то ни было рода. Рабочая сила человѣка возникаетъ въ процессѣ жизнедѣятельности человѣка, для котораго хозяйственный процессъ является средствомъ, а не наоборотъ, не человѣкъ является средствомъ для хозяйственнаго процесса. Всѣ прочіе товары суть лишь средства для достиженія тѣхъ или иныхъ цѣлей; рабочая же сила, хотя она и является для капиталиста такимъ же средствомъ производства, какъ и всѣ другія, для рабочаго, носителя и создателя этой силы, не средство, а самоцѣль [3]).

Итакъ, рабочая сила есть нѣчто такое, что продается на рынкѣ подобно всякому другому товару, но за предѣлами рынка

не производится, подобно остальнымъ товарамъ, а возникаетъ нехозяйственнымъ образомъ въ процессѣ жизнедѣятельности человѣка. Именно въ этомъ и заключается принципіальное и глубочайшее различіе рабочей силы отъ остальныхъ товаровъ. Различіе это коренится въ томъ, что рабочій, какъ бы онъ ни былъ приниженъ, все же не рабочій скотъ капиталиста—онъ свободенъ за предѣлами рынка и у себя дома живетъ не для того, чтобы создавать рабочую силу капиталисту, а для себя, для удовлетворенія своихъ потребностей. Гдѣ же этого нѣтъ, гдѣ рабочій превращается въ простое средство производства и за предѣлами рынка, тамъ рабочая сила человѣка принципіально ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ товаровъ. Это имѣетъ мѣсто въ рабскомъ хозяйствѣ. Рабовладѣлецъ разводитъ и воспитываетъ своихъ рабовъ, какъ и домашнихъ животныхъ, по чисто хозяйственнымъ соображеніямъ. Въ рабскомъ хозяйствѣ рабочая сила человѣка производится въ процессѣ хозяйства, а не возникаетъ въ процессѣ жизни рабочаго человѣка: рабовладѣлецъ разводитъ рабовъ въ нужномъ для него количествѣ, а капиталистъ долженъ ждать, когда явятся нужныя ему рабочія руки въ процессѣ естественнаго размноженія населенія.

Размноженіе же населенія далеко не представляетъ собой хозяйственнаго процесса, регулируемаго спросомъ со стороны капиталиста на рабочія руки. Увеличеніе спроса на рабочія руки и повышеніе заработной платы далеко не всегда сопровождается увеличеніемъ числа рожденій и, наоборотъ, паденіе заработной платы далеко не всегда вызываетъ уменьшеніе числа рожденій: въ Англіи, напр., рождаемость была всего выше въ первыя десятилѣтія 19 вѣка—въ эпоху наибольшаго паденія заработной платы—а послѣдовавшее затѣмъ повышеніе заработной платы не помѣшало паденію рождаемости, которое отмѣчается за послѣднее время.

И это нисколько неудивительно. Рабочіе—люди, живущіе всѣми сложными мотивами человѣческой жизни. Ростъ населенія управляется весьма сложными законами и находится въ зависимости не только отъ высоты заработной платы, но и отъ множества другихъ условій, на которыхъ останавливаться въ этомъ мѣстѣ, конечно, нельзя. Достаточно указать, что въ странахъ съ приблизительно одинаковымъ уровнемъ заработной платы размноженіе населенія можетъ представлять совершенно различную картину: въ Германіи населеніе, напр., быстро растетъ, а во Франціи оно уже давно почти стаціонарно.

Итакъ, производство этого своеобразнаго товара капитали-

стическаго общества—рабочей силы—совершенно не регулируется его цѣной. А именно на этомъ регулированіи и основанъ законъ строенія средней товарной цѣны. Если среднія товарныя цѣны въ капиталистическомъ хозяйствѣ тяготѣютъ къ соотвѣтствію съ издержками производства, то, какъ это было выяснено въ главѣ о цѣнѣ, лишь потому, что предложеніе всякаго свободно воспроизводимаго товара регулируется спросомъ на него. Здѣсь же мы видимъ полное отсутствіе связи между спросомъ на товаръ и предложеніемъ его; слѣдовательно, и цѣна разсматриваемаго товара не можетъ подчиняться общему закону строенія товарныхъ цѣнъ. [4])

II.

Между тѣмъ, различныя теоріи заработной платы обычно трактуютъ рабочую силу, какъ обыкновенный товаръ, и могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы. Первая группа теорій довольствуется признаніемъ, что рабочая сила товаръ, и объясняетъ заработную плату по аналогіи съ товарной цѣной вообще. Вторая группа усматриваетъ въ рабочей силѣ товаръ опредѣленнаго рода—средство производства—и объясняетъ заработную плату, какъ цѣну средства производства. Первая группа теорій распадается, въ свою очередь, на двѣ подгруппы, соотвѣтственно двумъ конкурирующимъ теоріямъ цѣнности: къ первой подгруппѣ принадлежатъ теоріи, объясняющія высоту заработной платы условіями производства рабочей силы, ко второй—условіями спроса и предложенія рабочей силы.

Къ первой подгруппѣ относится извѣстное ученіе о тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія. Впервые оно было формулировано уже Тюрго [5]) и заключалось въ утвержденіи, что заработная плата не можетъ превысить минимума средствъ существованія, необходимаго для того, чтобы рабочій существовалъ, работалъ и содержалъ свою семью. Затѣмъ эта доктрина была вновь развита и обоснована Мальтусомъ, принята съ нѣкоторыми существенными ограниченіями Рикардо и въ теченіе первой половины 19 вѣка пользовалась общимъ признаніемъ экономистовъ. Въ Германіи она была провозглашена Лассалемъ „желѣзнымъ закономъ заработной платы". „Желѣзный экономическій законъ.—писалъ Лассаль въ своемъ знаменитомъ „Открытомъ письмѣ", — опредѣляющій заработную

плату при условіяхъ нашего времени, при равенствѣ спроса и предложенія на трудъ, таковъ: средняя заработная плата остается всегда на уровнѣ необходимыхъ средствъ къ существованію, требующихся въ данномъ народѣ для поддержанія, согласно обычаю, существованія и продолженія рода. Таковъ пунктъ, вокругъ котораго постоянно колеблется, подобно маятнику, дѣйствительная ежедневная плата, не имѣя возможности, на долгое время, ни подняться выше, ни опуститься ниже его. Она не можетъ на долгое время подняться выше этой средней, ибо въ противномъ случаѣ, благодаря ...лучшему положенію рабочихъ наступило бы увеличеніе рабочаго населенія..., которое опять повизило бы заработную плату до прежняго уровня. Она не можетъ надолго упасть значительно ниже этого уровня, такъ какъ тогда наступитъ переселеніе рабочихъ, отказъ ихъ отъ заключенія браковъ, воздержаніе отъ размноженія и, наконецъ, вызываемое нищетой уменьшеніе ихъ числа, которое ...приведетъ ихъ плату къ прежнему уровню“ [6]).

Что касается Маркса, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ также стоялъ на почвѣ ученія о минимумѣ средствъ существованія. „Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ,—писалъ онъ,—есть въ то же время накопленіе нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т.-е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала“ [7]). Законы капиталистическаго производства вызываютъ, по мнѣнію Маркса, образованіе избыточнаго населенія, которое, какъ свинцовая гиря, все глубже и глубже затягиваетъ рабочаго въ безвыходную трясину нищеты.

Представленіе о тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія раздѣлялось, какъ сказано, почти всѣми экономистами первой половины 19 вѣка. Однако, какъ научная доктрина, теорія эта страдаетъ, прежде всего, уже тѣмъ чрезвычайно важнымъ недостаткомъ, что содержаніе ея весьма неясно и неопредѣленно. Дѣйствительно, что слѣдуетъ понимать въ данномъ случаѣ подъ „минимумомъ средствъ существованія“? Имѣется ли при этомъ въ виду физіологическій минимумъ средствъ существованія, т.-е. то, безъ чего человѣкъ физіологически не можетъ существовать, работать и размножаться, и что представляетъ собой болѣе или менѣе неизмѣнную величину у различныхъ народовъ и въ разное время, или же имѣется въ виду культурный минимумъ существованія, т.-е. извѣстный

минимумъ культурныхъ потребностей, въ высшей степени различный у различныхъ народовъ и измѣняющійся во времени?

Если принять первое, то доктрина минимума средствъ существованія получаетъ совершенно опредѣленный смыслъ, но зато и совершенно расходится со всѣми извѣстными фактами. Съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы ожидать, что заработная плата не только останется неизмѣнной во времени, но и въ данный моментъ будетъ болѣе или менѣе одна и та же для всѣхъ рабочихъ того же рода у всѣхъ народовъ (поскольку, разумѣется, физіологическій минимумъ не измѣняется въ зависимости отъ климатическихъ и т. п. различій). На самомъ же дѣлѣ заработная плата существенно измѣняется во времени и, въ особенности, обнаруживаетъ чрезвычайно большія и вполнѣ устойчивыя различія у разныхъ народовъ. Уровень жизни американскаго рабочаго (такъ назыв. standard of life) выше, чѣмъ англійскаго, а уровень жизни англійскаго рабочаго, въ свою очередь, гораздо выше, чѣмъ рабочаго континентальной Европы. Эти несомнѣнные факты дѣлаютъ совершенно непріемлемой доктрину физіологическаго минимума.

Въ виду этого, сторонники названной теоріи толкуютъ ее въ смыслѣ культурнаго минимума. По ихъ мнѣнію, заработная плата всегда тяготѣетъ къ минимуму средствъ существованія, но не къ тому минимуму, за которымъ наступаетъ вымираніе отъ неудовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни, а къ наименьшему уровню средствъ существованія, требующихся для того, чтобы рабочій могъ существовать согласно господствующимъ въ данномъ обществѣ культурнымъ привычкамъ и обычаямъ [8]).

Понимаемая такимъ образомъ разсматриваемая доктрина избѣгаетъ противорѣчія съ фактами, но путемъ отказа отъ опредѣленности содержанія. Она признаетъ, что уровень существованія, къ которому тяготѣетъ заработная плата, представляетъ собой измѣнчивую величину, измѣняющуюся какъ во времени, такъ и въ пространствѣ. Отчего же зависятъ эти измѣненія? Отчего культурный минимумъ существованія въ Америкѣ выше, чѣмъ въ Англіи и т. д.? Именно въ этомъ и заключается весь вопросъ, оставляемый названной доктриной совершенно безъ отвѣта.

Въ сущности, она представляетъ собой совершенное извращеніе истинныхъ причинныхъ соотношеній. На вопросъ о томъ, почему англійскій рабочій получаетъ высшую плату, чѣмъ русскій, она отвѣчаетъ ссылкой на болѣе высокій культурный уровень существованія англійскаго рабочаго, чѣмъ русскаго,—англійскій рабочій питается мясомъ, живетъ въ квартирѣ въ нѣсколько

комнатъ и т. д., въ то время какъ русскій рабочій довольствуется щами съ кашей и спитъ на нарахъ въ фабричной казармѣ; поэтому и заработная плата англійскаго рабочаго, которая должна оплатить всѣ эти удобства жизни, превышаетъ плату русскаго рабочаго. Но не ясно ли, что истинное причинное соотношеніе какъ разъ обратное? Не потому англійскій рабочій получаетъ высокую плату, что онъ ѣстъ бифштексъ, а потому онъ ѣстъ бифштексъ, что онъ получаетъ высокую плату. Было время, когда англійскій рабочій жилъ не лучше русскаго рабочаго и питался картофелемъ; если теперь его уровень жизни повысился, то лишь благодаря повышенію его заработной платы. Повышеніе уровня жизни англійскаго рабочаго было слѣдствіемъ повышенія его заработной платы, а не наоборотъ, не повышеніе платы явилось результатомъ повышенія его уровня жизни. Точно также причина, почему культурныя потребности русскаго рабочаго такъ ничтожны, почему онъ довольствуется такимъ нищенскимъ существованіемъ, вполнѣ ясна: получая ничтожную заработную плату, онъ не можетъ питаться бифштексомъ и жить въ квартирѣ въ нѣсколько комнатъ, хотя преимущества бифштекса передъ щами и кашей онъ можетъ оцѣнить не хуже своего англійскаго собрата.

Итакъ, понимая подъ минимумомъ средствъ существованія измѣнчивый культурный минимумъ, разсматриваемая доктрина избѣгаетъ, правда, противорѣчія съ несомнѣннымъ фактомъ измѣнчивости заработной платы во времени и пространствѣ, но зато лишается всякаго внутренняго содержанія. А, слѣдовательно, сказать, что размѣръ заработной платы опредѣляется необходимыми издержками производства рабочей силы, это значитъ ровно ничего не сказать, такъ какъ издержки эти могутъ быть въ высшей степени различны въ зависимости отъ уровня жизни рабочихъ, опредѣляемаго, въ свою очередь, заработной платой. Объясненіе вращается, слѣдовательно, въ кругу и ни на шагъ не подвигаетъ впередъ нашего пониманія истинныхъ факторовъ заработной платы.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ выводу, что цѣна рабочей силы не можетъ быть объяснена на основаніи издержекъ ея производства, что, наоборотъ, издержки производства рабочей силы опредѣляются ея цѣной. И это нисколько не удивительно, ибо рабочая сила, какъ было указано, въ сущности, вовсе и не производится, а возникаетъ въ процессѣ жизни человѣка; поэтому, категорія издержекъ производства къ рабочей силѣ совершенно непримѣнима и попытки такого примѣненія приводятъ лишь къ

внутренне безсодержательнымъ теоретическимъ построеніямъ. Первая попытка понять заработанную плату, какъ категорію цѣны, оказывается, такимъ образомъ, неудачной.

Столь же несостоятельна и другая группа теорій заработной платы, выдвигающая на первый планъ спросъ и предложеніе, какъ факторы цѣны этого своеобразнаго товара—рабочей силы. Самой разработанной и распространенной (даже въ настоящее время) изъ теорій этой группы является знаменитая въ свое время теорія фонда заработной платы, сложившаяся въ Англіи въ 30—40 годахъ прошлаго вѣка. На почвѣ этой теоріи стояла вся школа Рикардо, въ томъ числѣ и вліятельнѣйшій представитель школы—Милль.

Сущность этой теоріи очень проста. Рабочая сила есть товаръ, цѣна котораго опредѣляется тѣми же факторами, какъ и всякаго другого товара, т.-е. спросомъ и предложеніемъ. Вполнѣ ясно, чѣмъ опредѣляется предложеніе рабочей силы: оно опредѣляется числомъ рабочихъ рукъ на рабочемъ рынкѣ. Спросъ же на рабочую силу опредѣляется капиталомъ, который затрачивается капиталистами на покупку рабочей силы. Отсюда слѣдуетъ, что средняя заработная плата въ странѣ равняется частному отъ дѣленія всего національнаго капитала, предназначаемаго на покупку рабочей силы, на число рабочихъ въ странѣ [9]).

Такова была доктрина фонда заработной платы, сыгравшая крупную роль не только въ исторіи науки, но и въ соціальной исторіи Англіи благодаря тому, что она явилась духовнымъ оружіемъ англійской буржуазіи въ ея борьбѣ съ рабочими союзами: изъ этой доктрины естественно получался выводъ, что рабочіе союзы не могутъ улучшить положенія рабочихъ классовъ, такъ какъ рабочіе союзы безсильны увеличить національный капиталъ или уменьшить предложеніе рабочихъ рукъ въ странѣ.

Но несмотря на свою популярность въ наукѣ (не совсѣмъ утраченную и теперь), доктрина фонда заработной платы совершенно несостоятельна. Отъ нея отрекся въ 1869 г. и Д. С. Милль и послѣ этого доктрина быстро утратила свой прежній авторитетъ [10]). Основанія, побудившія Милля измѣнить свои взгляды, по его собственному объясненію, были слѣдующія.

Разсматриваемая доктрина исходитъ изъ предположенія существованія опредѣленнаго фонда, предназначеннаго на содержаніе рабочихъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ долженъ былъ признать Милль, такого фонда не существуетъ. Капиталистъ вовсе не имѣетъ въ составѣ своихъ средствъ двухъ неизмѣнно раздѣленныхъ частей—капитала и средствъ, предназначенныхъ для его

собственной жизни. И та и другая часть его средствъ сливается въ одну общую массу. Но если такъ, то фондъ заработной платы представляетъ собой измѣнчивую величину—онъ можетъ быть увеличенъ (при необходимости повысить заработную плату) за счетъ средствъ, предназначенныхъ на содержаніе самого капиталиста; при паденіи же заработной платы фондъ этотъ сокращается, а соотвѣтственно увеличиваются средства содержанія капиталиста. Слѣдовательно, „цѣна труда, вмѣсто того, чтобы опредѣляться раздѣленіемъ дохода между предпринимателемъ и рабочими, опредѣляетъ это раздѣленіе... Нѣтъ такого естественнаго закона, который дѣлалъ бы по существу невозможнымъ подъемъ заработной платы до поглощенія не только тѣхъ фондовъ, которые капиталистъ намѣревается посвятить на веденіе своего дѣла, но и сверхъ того, что онъ ассигнуетъ на свои частные расходы, сверхъ предметовъ необходимости". Слѣдовательно, и рабочіе союзы имѣютъ возможность вліять на средній уровень заработной платы въ странѣ[11]).

Эти соображенія побудили Милля отказаться отъ излюбленной доктрины его школы. Однако, какъ они ни справедливы, они идутъ недостаточно далеко, не захватываютъ самой сути разсматриваемаго ученія. Если бы ошибка ученія о фондѣ была только въ этомъ, то ошибка эта не была бы крупной. Вѣдь прибыль предпринимателя выражается немногими процентами по отношенію къ капиталу. Значитъ, увеличеніе заработной платы насчетъ прибыли поставлено также въ очень узкіе предѣлы и доктрина повинна въ упущеніи не очень значительномъ.

Если бы ошибка теоріи фонда коренилась тамъ, гдѣ находитъ ее Милль, то нужно было бы ожидать, что повышеніе заработной платы всегда будетъ сопровождаться паденіемъ прибыли и обратно. Періоды подъема заработной платы всегда должны были бы быть періодами упадка прибыли. Ту ли картину представляетъ намъ дѣйствительность? Капиталистическій міръ испытываетъ, въ связи съ фазисами капиталистическаго цикла, правильныя колебательныя движенія заработной платы. Въ повышательномъ фазисѣ цикла заработная плата повышается, въ понижательномъ падаетъ. Какъ же измѣняется прибыль? Падаетъ ли она въ повышательномъ фазисѣ и повышается ли она въ понижательномъ? Какъ разъ наоборотъ: прибыль колеблется не въ обратномъ отношеніи, а въ прямомъ отношеніи къ заработной платѣ. Періоды подъема заработной платы суть вмѣстѣ съ тѣмъ и періоды подъема прибыли; паденіе же заработной платы сопровождается и паденіемъ прибыли.

Для параллелизма движенія заработной платы и прибыли школа Рикардо не могла дать никакого теоретическаго объясненія. Но именно этотъ параллелизмъ и вскрываетъ основную ошибку теоріи фонда. Ошибка эта заключалась въ ученіи о капиталѣ классической школы—во мнѣніи, что размѣръ національнаго производства опредѣляется размѣромъ капитала, которымъ располагаетъ нація. На самомъ же дѣлѣ, фазисы капиталистическаго цикла, сопровождающіеся весьма значительными расширеніями и сокращеніями національнаго производства, вполнѣ доказываютъ, что національное производство можетъ расширяться и сокращаться независимо отъ измѣненія размѣровъ національнаго капитала. Въ восходящемъ фазисѣ капиталистическаго цикла производство значительно расширяется, спросъ на рабочія руки возрастаетъ и соотвѣтственно увеличивается заработная плата (а также и число занятыхъ рабочихъ); одновременно возрастаетъ и прибыль капиталистовъ. Всѣ эти перемѣны вызываются отнюдь не увеличеніемъ капитала, которымъ располагаетъ общество, а возрастаніемъ спроса на продукты общественнаго труда. Наоборотъ, въ нисходящемъ фазисѣ сокращаются размѣры производства, число занятыхъ рабочихъ, заработная плата и прибыль; но не вслѣдствіе сокращенія общественнаго капитала, а вслѣдствіе сокращенія спроса на продукты общественнаго труда [12]).

Отсюда видно, что возрастаніе и сокращеніе спроса на рабочія руки обусловливается другими причинами, а не измѣненіемъ размѣровъ общественнаго капитала. Поэтому, возрастаніе заработной платы не должно неизбѣжно покупаться на счетъ прибыли: увеличеніе производительности общественнаго труда можетъ одновременно повышать какъ заработную плату, такъ и прибыль.

Однако, трудно освободиться отъ мысли, что нѣкоторая доля истины все же присуща теоріи фонда заработной платы. Какъ бы то ни было, чтобы нанять рабочихъ, нужно располагать для этого соотвѣтствующимъ капиталомъ и, когда этого капитала нѣтъ, рабочіе не могутъ получить работы. Послѣднее, конечно, вѣрно, но это соображеніе нисколько не спасаетъ разсматриваемой доктрины. Дѣло въ томъ, что капиталъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ обычно имѣется въ избыткѣ. Такого положенія дѣла, что на извѣстный товаръ имѣется достаточный спросъ и все же товаръ этотъ не производится потому, что не имѣется для производства его достаточно капитала, въ капиталистическомъ хозяйствѣ обычно не бываетъ: капиталистическое хозяйство обычно располагаетъ свободными, не помѣщенными капиталами, которые къ услугамъ каждаго капиталиста,

лишь бы онъ заплатилъ за пользованіе этими капиталами соотвѣтствующую плату. Слѣдовательно, колебанія спроса на рабочія руки въ капиталистическомъ хозяйствѣ обусловливаются не колебаніями предложенія капитала, котораго обычно предлагается больше, чѣмъ нужно, а причинами совершенно другого порядка, которыя выяснятся въ ученіи о капиталистическомъ циклѣ.

Реальное положеніе дѣла въ капиталистическомъ хозяйствѣ таково. Капиталистическое хозяйство, въ силу присущихъ ему законовъ, обычно располагаетъ свободнымъ, избыточнымъ капиталомъ. Только нѣкоторая, большая или меньшая доля общественнаго капитала находитъ себѣ помѣщеніе въ производствѣ и торговлѣ; какъ велика эта доля—это зависитъ отъ общаго состоянія рынка, иначе говоря, отъ спроса на товары. Чѣмъ эта доля больше, тѣмъ больше и спросъ на рабочія руки; но колебанія доли занятаго капитала зависятъ не отъ размѣра общественнаго капитала, а отъ совершенно иныхъ причинъ. Значитъ, и средняя заработная плата въ странѣ зависитъ не отъ размѣра общественнаго капитала.

Затѣмъ, теорія фонда разсматриваетъ трудъ и капиталъ, какъ двѣ независимыя и опредѣленно данныя величины. На самомъ же дѣлѣ изъ этихъ двухъ величинъ одна—капиталъ—есть продуктъ другой, труда. Капиталъ есть продуктъ труда рабочихъ—вотъ что упускается изъ виду сторонниками теоріи фонда чѣмъ больше рабочихъ занято производствомъ, тѣмъ большую сумму средствъ производства и предметовъ своего потребленія они создаютъ. А такъ какъ производство капитала никогда не прекращается, то и величина общественнаго капитала не можетъ считаться въ каждый моментъ опредѣленно данной величиной—величина эта измѣняется въ зависимости отъ хода общественнаго производства. Рабочій самъ создаетъ фондъ для своего содержанія и этимъ фондомъ является его собственный трудовой продуктъ [13]).

III.

Третья группа теорій заработной платы пытается подойти къ вопросу съ другой стороны. Рабочая сила есть средство производства; но цѣнность средствъ производства опредѣляется создаваемыми при помощи этихъ средствъ производства продуктами. Точно также и цѣнность рабочей силы должна опредѣляться трудовымъ продуктомъ. Визеръ указываетъ очень остро-

умные пріемы, при помощи которыхъ возможно разграничить въ общемъ продуктѣ производства долю того или иного агента производства: такъ какъ возможно разнообразнымъ образомъ комбинировать въ процессѣ производство трудъ, землю и капиталъ, то такимъ образомъ можно и установить, какая доля продукта должна быть отнесена на счетъ труда, какая на счетъ капитала и какая на счетъ земли. Цѣнность труда непосредственно опредѣляется тѣмъ, какая доля продукта производства должна быть признаваема въ техническомъ смыслѣ продуктомъ труда.

Таково простое и, повидимому, радикальное разрѣшеніе Визеромъ трудной проблемы цѣнности рабочей силы. Однако, какое бы значеніе ни придавать теоріи отнесенія различныхъ долей продукта на счетъ различныхъ агентовъ производства, теорія эта не только не составляетъ требуемой теоріи заработной платы, но, въ сущности, не имѣетъ ничего общаго съ послѣдней. Дѣло въ томъ, что вопросъ о цѣнности рабочей силы, въ смыслѣ Визера, не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о заработной платѣ, получаемой рабочимъ. Не существуетъ ровно никакихъ экономическихъ основаній для того, чтобы заработная плата хотя бы тяготѣла къ производительной цѣнности рабочей силы какъ ее понимаетъ Визеръ. Такъ, совершенно ясно, что предприниматель предпочелъ бы заплатить за рабочую силу возможно меньше; почему, въ силу какихъ законовъ рынка предприниматель долженъ оплатить рабочимъ полностью всю ту долю продукта производства, которая должна быть технически разсматриваема, какъ продуктъ труда?

Впрочемъ, послѣдняго отнюдь не утверждаетъ и Визеръ. Напротивъ, онъ настаиваетъ на томъ, что его теорія отнесенія не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о распредѣленіи общественнаго дохода и что реальная заработная плата отнюдь не имѣетъ тенденціи совпадать съ производительной цѣнностью рабочей силы. Но если такъ, то именно съ точки зрѣнія теоріи Визера особенно очевидно, что заработная плата не можетъ быть понята на основѣ общей теоріи цѣны [14]).

Другіе сторонники предѣльной полезности посмотрѣли на дѣло иначе и попытались дать теорію заработной платы на основѣ теоріи предѣльной полезности. Особенно тщательно разработанную теорію далъ американскій экономистъ Кларкъ. Путемъ очень сложныхъ построеній онъ приходитъ къ тому выводу, что „заработная плата регулируется предѣльной произво-

дительностью", т.-е. производительностью того рабочаго, который производитъ всего меньше [15]). Этотъ послѣдній рабочій получаетъ полный продуктъ своего труда, а всѣ рабочіе, производящіе больше, принуждены довольствоваться, въ силу конкуренціи между ними, такой же платой, какъ и послѣдній рабочій.

Все это построеніе въ высшей степени произвольно и не соотвѣтствуетъ никакой экономической реальности. Непонятно, прежде всего, почему предѣльный рабочій долженъ получить свой полный трудовой продуктъ, почему предприниматель, отъ котораго зависитъ дать или не дать занятіе рабочему, предоставитъ въ распоряженіе послѣдняго весь его трудовой продуктъ и откажется, такимъ образомъ, ради прекрасныхъ глазъ рабочаго, отъ своей прибыли. Но этого мало. Самое представленіе о предѣльномъ рабочемъ до послѣдней степени нереалистично.

Кларкъ, какъ и многіе другіе, конструируетъ процессъ производства по аналогіи съ процессомъ потребленія. Въ процессѣ потребленія первая единица потребленія предмета даетъ большее удовлетвореніе, чѣмъ вторая, вторая—большее, чѣмъ третья и т. д. Точно также можно себѣ представить, что первый рабочій болѣе производитъ, чѣмъ второй, второй—болѣе, чѣмъ третій и т. д. Но такое представленіе совершенно неправильно. Количество рабочихъ, требующихся для наилучшаго использованія имѣющихся средствъ производства, опредѣляется техническими условіями производства; если рабочихъ меньше, чѣмъ сколько требуется, то производительность труда ихъ не больше, а меньше, чѣмъ при надлежащимъ числѣ рабочихъ. Если, напр., для надлежащаго управленія машиной требуется пять человѣкъ, а въ наличности имѣется лишь одинъ рабочій, то онъ можетъ оказаться совершенно не въ силахъ справиться съ машиной и его трудовой продуктъ будетъ равенъ нулю. Два рабочихъ будутъ въ силахъ работать на машинѣ, но съ рискомъ ея порчи и т. д. Съ другой стороны, шестому рабочему при такой машинѣ дѣлать, быть можетъ, совершенно нечего. Кто же изъ пяти рабочихъ, работающихъ на машинѣ, является предѣльнымъ рабочимъ, производящимъ всего менѣе? Очевидно, никто. Самое понятіе предѣльной производительности не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакого смысла.

Когда потребитель задумывается, какой именно предметъ потребленія, изъ имѣющихся на рынкѣ, ему купить, онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ на основаніи сравненія предѣльной полезности предлагаемыхъ къ продажѣ предметовъ потребленія. Отъ его выбора зависитъ, больше или меньше купить товара каждаго рода,

и онъ имѣетъ полную возможность, какъ угодно комбинировать количество предметовъ каждаго рода, пріобрѣтаемыхъ имъ на рынкѣ. Фабрикантъ, нанимающій рабочихъ, находится въ совершенно иномъ положеніи. У него имѣется фабрика, снабженная машинами опредѣленнаго рода и иными средствами производства; для того, чтобы наилучшимъ образомъ использовать эти средства производства, требуется строго опредѣленное количество рабочихъ—не больше и не меньше извѣстнаго числа рабочихъ каждаго рода. Фабриканту вовсе не приходится разсчитывать предѣльной полезности различныхъ категорій рабочихъ—онъ ихъ долженъ нанять въ опредѣленномъ числѣ, *какова бы ни была требуемая ими плата*, если только онъ не предпочитаетъ прекратить производство.

Это соображеніе имѣетъ особое значеніе. Спросъ на всякій предметъ потребленія находится въ зависимости отъ цѣны послѣдняго: чѣмъ ниже цѣна предмета, тѣмъ больше спросъ на этотъ предметъ. Именно благодаря этой зависимости измѣненіе предложенія товара отражается на товарной цѣнѣ—если бы размѣры спроса на товаръ не измѣнялись въ зависимости отъ цѣны, то не было бы причины для измѣненія цѣны товара въ случаѣ измѣненія размѣровъ его предложенія. Между тѣмъ, размѣры спроса на рабочую силу опредѣляются не ея цѣной, а техническими условіями производства. Если вслѣдствіе сокращенія предложенія цѣна хлѣба повышается напр., на 10%, то это приводитъ къ сокращенію спроса на хлѣбъ, благодаря чему и возстановляется нарушенное равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ хлѣба. Но если, благодаря, напр., удачной стачкѣ рабочихъ, фабрикантъ видитъ себя вынужденнымъ поднять на 10% заработную плату, то это вовсе не приводитъ къ сокращенію числа занятыхъ рабочихъ; какъ общее правило, число занятыхъ рабочихъ при этомъ не испытываетъ никакой перемѣны, и дѣло кончается тѣмъ, что фабрикантъ платитъ большую плату прежнему количеству рабочихъ. Зависитъ это отъ того, что рабочая сила представляетъ собой *незамѣнимое никакимъ другимъ средство производства, которымъ предприниматель принужденъ пользоваться въ одинаковомъ размѣрѣ, независимо отъ его цѣны; и, въ то же время, это средство производства тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ, что, будучи свободнымъ, живымъ человѣкомъ, оно стремится поднять свою цѣну возможно выше* [16]).

Если возрастаетъ цѣна какого либо другого средства произ-

водства, то капиталистическій міръ борется съ этимъ путемъ увеличенія производства соотвѣтствующаго средства производства; если, напр., возрасла цѣна желѣза, то увеличеніе производства желѣза быстро приводитъ къ пониженію его цѣны до нормальнаго уровня. Но если возрасла заработная плата, то капиталистическій міръ не въ силахъ отвѣтить на это такъ, какъ онъ отвѣчаетъ на возрастаніе цѣнъ всякаго другого товара: увеличеніе производства рабочей силы невозможно для капитала потому, что рабочая сила не воспроизводится капиталистомъ, а естественно возникаетъ въ процессѣ жизнедѣятельности рабочаго.

Такимъ образомъ, заработная плата не можетъ быть понята и какъ цѣна средства производства—рабочей силы. Свободный рабочій есть несомнѣнное средство производства, но еще и нѣчто сверхъ этого: сверхъ этого, онъ еще и свободный человѣкъ, стремящійся продать свою рабочую силу по возможно болѣе высокой цѣнѣ и работающій для того, чтобы жить, а не живущій для того, чтобы работать.

Для заработной платы существуетъ совершенно опредѣленный предѣлъ для повышенія вверхъ; предѣломъ этимъ является производимый рабочимъ продуктъ (за вычетомъ, конечно, доли, необходимой на возстановленіе израсходованныхъ въ процессѣ производства средствъ производства). На какомъ бы пунктѣ ниже этого предѣла ни остановилась заработная плата, предприниматель не сократитъ своего спроса на рабочую силу, такъ какъ не оплодотворенный трудомъ капиталъ совершенно безполезенъ для капиталиста; на каждомъ пунктѣ ниже этого предѣла спросъ и предложеніе рабочей силы будутъ въ равновѣсіи, ибо если капиталистъ предпочтетъ дать любую плату рабочему (въ указанныхъ предѣлахъ) прекращенію производства, то и рабочій, которому его рабочая сила совершенно не нужна, такъ какъ безъ средствъ производства она произвести ничего не можетъ, предпочтетъ продажу ея по любой цѣнѣ потерѣ работы. Поэтому, на какомъ бы конкретномъ пунктѣ ни установилась заработная плата, спросъ на рабочія руки будетъ уравновѣшиваться предложеніемъ; а, значитъ, и уровень заработной платы не можетъ зависѣть отъ соотношенія спроса и предложенія.

Колебанія спроса и предложенія рабочихъ рукъ вліяютъ на отклоненія заработной платы отъ обычнаго уровня, но самый-то уровень устанавливается на основѣ факторовъ другого порядка. Такъ, напр., колебанія заработной платы въ зависимости отъ фазисовъ капиталистическаго цикла находятся въ непосредствен-

ной связи съ расширеніемъ и сокращеніемъ спроса на рабочія руки; но устойчивыя различія уровня заработной платы въ разныхъ странахъ не могутъ быть объяснены различіями въ этихъ странахъ спроса на рабочія руки и предложенія послѣднихъ, ибо спросъ на рабочія руки во всѣхъ странахъ при всякой платѣ вполнѣ насыщенъ предложеніемъ.

Итакъ, цѣна рабочей силы (заработная плата) тѣмъ существенно отличается отъ цѣны всякаго иного товара, что рабочая сила не воспроизводится, какъ предметы хозяйства, а возникаетъ, какъ результатъ жизнедѣятельности человѣческаго организма. Поэтому, заработная плата, во-первыхъ, не подчиняется общему закону строенія среднихъ цѣнъ свободно воспроизводимыхъ товаровъ—закону издержекъ производства; во-вторыхъ, и законъ спроса и предложенія не можетъ опредѣлять средняго уровня заработной платы, такъ какъ средній уровень заработной платы всегда ниже того, который диктуется условіями спроса, и всегда выше того, который диктуется условіями предложенія. Въ концѣ концовъ, ни законъ издержекъ производства, ни законъ спроса и предложенія, въ силу особенностей рабочей силы, не оказываются пригодными для объясненія средняго уровня заработной платы; иначе говоря проблема заработной платы, какъ и вообще проблема распредѣленія, есть проблема sui generis, а не общая проблема цѣнности. [17])

IV

Какъ было указано въ предыдущей главѣ, распредѣленіе общественнаго продукта между различными классами, связанными между собой въ процессѣ капиталистическаго производства, есть сложный результатъ дѣлежа между соотвѣтствующими классами общественнаго продукта, производимаго трудомъ рабочаго. Изъ этого принципіальнаго основанія и исходитъ развиваемая въ настоящемъ курсѣ соціальная теорія распредѣленія, разсматривающая заработную плату, какъ долю рабочаго въ общественномъ продуктѣ.

Заработная плата, какъ доходъ рабочаго класса, есть часть общественнаго дохода. Отсюда слѣдуетъ, что заработная плата опредѣляется общей суммой общественнаго дохода и долей рабочаго класса въ этой суммѣ. Общая же сумма общественнаго дохода опредѣляется, въ свою очередь, уровнемъ производительности общественнаго труда. Чѣмъ производительнѣе общественный трудъ,

тѣмъ больше и общественный продуктъ, распредѣляющійся между различными общественными классами. Значитъ, средняя заработная плата, какъ доходъ рабочаго класса, опредѣляется двумя моментами — производительностью общественнаго труда и долей рабочаго класса въ общественномъ доходѣ.

Итакъ, высота заработной платы регулируется двумя независимыми моментами. Всякое измѣненіе производительности общественнаго труда (предполагая, что доля рабочаго класса остается неизмѣнной) должно отражаться на высотѣ реальной заработной платы. Чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ выше должно быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ, реальная заработная плата т. е. количество предметовъ потребленія, поступающихъ въ распоряженіе рабочихъ. Именно этотъ факторъ и является наиболѣе могущественнымъ при установленіи средняго уровня заработной платы въ разныхъ странахъ. Заработная плата гораздо выше въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ, и въ Европѣ выше въ Англіи, чѣмъ на континентѣ. Въ такой же послѣдовательности измѣняется и производительность общественнаго труда въ тѣхъ же странахъ. Точно также и во времени ростъ производительности труда сопровождается ростомъ заработной платы. Вотъ напр. американскія данныя за послѣднія 50 лѣтъ [18]).

	Средній годичный заработокъ фабричнаго рабочаго. (въ рублях ъ).	Цѣнность годового продукта на 1 рабочаго.
1850	480	2.065
1870	733	4.000
1900	850	4.754

За 50 лѣтъ въ Америкѣ значительно возросла какъ заработная плата, такъ и производительность труда, причемъ, однако, производительность труда возросла больше.

Зависимость между производительностью труда и высокой заработной платы наблюдается даже въ деталяхъ. Такъ напр. въ Англіи вообще заработная плата ниже, чѣмъ въ Америкѣ, но имѣются въ Англіи отрасли производства, въ которыхъ заработная плата выше. Къ числу ихъ принадлежитъ напр. бумагопрядильное производство. И въ тоже время, мы видимъ, что бумагопрядильщикъ въ Англіи вырабатываетъ большее количество пряжи, чѣмъ въ Америкѣ: [19])

	Стоимость оплаты труда прядильщика на 1 фунтъ пряжи.	Недѣльная заработная плата бумагопрядильщ.
Америка (Новая Англія) .	0,66 пенса	33—35 шил.
Англія (Ланкаширъ) . . .	0,47 „	35—40 „

Въ бумажномъ же ткачествѣ Англія стоитъ по производительности труда позади Америки—въ Англіи бумаготкачъ вырабатываетъ менѣе ткани, чѣмъ въ Америкѣ. И, соотвѣтственно этому, заработная плата бумаготкача въ Англіи ниже, чѣмъ въ Америкѣ:

	Стоимость оплаты труда ткача.	Недѣльная заработная плата ткача.
Америка (Новая Англія) .	1,60 пенса	25—37$^1/_2$ шил.
Англія (Ланкаширъ) . .	2,03 „	20—24 „

Въ Россіи крайне низкая заработная плата объясняется, въ числѣ прочаго, и низкой производительностью труда. Выше уже было указываемо, что число бумагопрядильныхъ рабочихъ на одно веретено въ Россіи болѣе, чѣмъ въ 5 разъ превышаетъ таковое же число въ Англіи. При такой низкой производительности труда заработная плата въ Россіи не можетъ быть высока.

Возможность одновременнаго повышенія заработной платы и прибыли при повышеніи производительности труда создаетъ извѣстную солидарность интересовъ капиталистовъ и рабочихъ. Поэтому неудивительно, что на зависимости высоты заработной платы отъ производительности труда особенно настаивали и настаиваютъ буржуазные экономисты—проповѣдники гармоніи интересовъ, якобы существующей въ капиталистическомъ обществѣ. Сюда относятся во Франціи Леруа Болье, въ Германіи Брентано и Шульце Геверницъ, въ Англіи Брэсси и Белль, въ Америкѣ Шенгофъ и др. Однако, эти экономисты упускаютъ изъ виду, что если производительность труда и является чрезвычайно важнымъ факторомъ, опредѣляющимъ высоту заработной платы, то это факторъ все же не единственный, и что на ряду съ нимъ другимъ опредѣляющимъ факторомъ заработной платы является высота доли рабочаго класса въ общественномъ доходѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи интересы рабочихъ и капиталистовъ прямо противоположны, ибо увеличеніе доли рабочихъ въ общественномъ доходѣ уменьшаетъ долю имущихъ классовъ и обратно. Соотношенія интересовъ различныхъ классовъ, слѣдовательно, сложнѣе, чѣмъ обычно думаютъ: существуетъ и солидарность

этихъ интересовъ въ одной области и противоположность въ другой.

Чѣмъ же опредѣляется высота заработной платы, какъ доли общественнаго дохода? Для движенія ея и вверхъ и внизъ существуютъ извѣстные предѣлы. Высшимъ предѣломъ является весь трудовой продуктъ рабочаго за вычетомъ средствъ производства. Но очевидно, что заработная плата не можетъ достигнуть этого предѣла, ибо достиженіе его было бы равносильно уничтоженію прибыли, иначе говоря капиталистической системы хозяйства, причемъ доходъ рабочаго пересталъ бы уже быть заработной платой, такъ какъ исчезъ бы наемный трудъ. Низшимъ предѣломъ является физіологически необходимый минимумъ средствъ существованія, безъ котораго рабочій физіологически не можетъ работать и поддерживать свою семью. И этого низшаго предѣла заработная плата почти никогда не достигаетъ, ибо рабочій все же не рабъ и можетъ отстоять себѣ лучшія условія существованія, чѣмъ условія существованія раба, простого средства производства. Однако, при особо неблагопріятномъ для рабочихъ соотношеніи общественныхъ силъ, заработная плата можетъ понижаться и до этого уровня, хотя и въ видѣ рѣдкаго случая. На какомъ же именно уровнѣ обычно устанавливается заработная плата, это опредѣляется борьбой рабочихъ съ предпринимателями, соціальной силой рабочаго класса. Чѣмъ относительно сильнѣе рабочій классъ, чѣмъ лучше онъ организованъ, чѣмъ болѣе развиты въ его средѣ профессіональные союзы, чѣмъ съ большей энергіей онъ ведетъ борьбу съ предпринимателями, тѣмъ большую долю общественнаго дохода онъ можетъ удержать за собой.

Все, что увеличиваетъ независимость рабочаго отъ капиталиста, увеличиваетъ и его силу въ борьбѣ съ капиталомъ, а, значитъ, и его долю въ общественномъ доходѣ. Такъ, напр., вмѣшательство государства въ рабочій договоръ въ интересахъ труда—такъ наз. законодательство по охранѣ труда—есть одинъ изъ факторовъ, благопріятствующій повышенію заработной платы такъ же благопріятно вліяютъ на заработную плату и мѣры государства для обезпеченія участи рабочаго при его болѣзни потерѣ трудоспособности, старости и т. п. Возможность для рабочаго зарабатывать себѣ средства къ жизни не продажей своей рабочей силы, а путемъ самостоятельнаго производства, точно также усиливаетъ позицію рабочаго въ борьбѣ съ капиталомъ. Наличность въ Америкѣ свободной государственной земли, доступной каждому для обработки за ничтожную плату, долгое время играла въ Америкѣ роль предохранительнаго клапана ка-

питализма — отвлекала отъ капиталистической промышленности избыточное рабочее населеніе и поддерживало, такимъ образомъ, на высокомъ уровнѣ заработную плату.

Наоборотъ, все то, что усиливаетъ соціальную мощь капиталистическаго класса, относительно ослабляетъ рабочаго и имѣетъ тенденцію понижать его долю въ общественномъ доходѣ. Такъ напр., союзы капиталистовъ, картели и тресты, несомнѣнно значительно усилили за послѣднее время капиталистическій классъ; организованный капиталъ противостоитъ въ настоящее время организованному рабочему и такъ какъ рабочіе располагаютъ лишь незначительными средствами для поддержанія своего существованія въ случаѣ прекращенія работы, то организованный капиталъ на чисто экономической почвѣ сильнѣе организованнаго рабочаго. Но не нужно упускать изъ виду, что всякая борьба труда и капитала, если только она принимаетъ широкіе размѣры, выходитъ за чисто экономическіе предѣлы и дѣло рѣшается факторами не только экономическаго порядка. Мы знаемъ примѣры стачекъ, въ которыхъ рабочіе вышли побѣдителями при огромномъ перевѣсѣ чисто-экономическихъ силъ капиталистовъ; дѣло рѣшалось въ этомъ случаѣ такими не экономическими факторами, какъ поддержка рабочихъ общественнымъ мнѣніемъ страны вмѣшательствомъ государственной власти, подъ опасеніемъ политическаго движенія рабочаго класса и т. п.

Техническій прогрессъ, сопровождающійся замѣщеніемъ рабочаго машиной, оказываетъ весьма сложное вліяніе на заработную плату. Съ одной стороны, всякое повышеніе производительности труда увеличиваетъ продуктъ, подлежащій раздѣленію между рабочими и капиталистомъ, и имѣетъ тенденцію повышать реальную заработную плату. Но, съ другой стороны, машина выступаетъ конкурентомъ рабочаго и уменьшаетъ зависимость капиталиста отъ рабочаго: чѣмъ большую роль въ производствѣ играетъ машина, тѣмъ меньше рабочихъ требуется для производства того же количества продукта. Это обстоятельство усиливаетъ позицію капиталиста въ его борьбѣ съ рабочими. Въ общемъ итогѣ, поднятіе техники производства обычно повышаетъ реальную заработную плату, но не въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ повысилась производительность труда.

V.

Все сказанное относится къ среднему уровню заработной платы; но заработная плата за различные роды труда въ высшей степени различна. Нѣкоторые трудовые доходы, не являющіеся въ строгомъ смыслѣ слова заработной платой, какъ напр. жалованье и гонорары представителей высшаго, умственнаго труда, могутъ во много разъ превосходить среднюю заработную плату обычныхъ наемныхъ рабочихъ, трудъ которыхъ имѣетъ преимущественно мускульный характеръ и не требуетъ особо продолжительнаго предварительнаго обученія. Трудовые доходы этихъ лицъ управляются совершенно иными законами, чѣмъ заработная плата наемныхъ рабочихъ, работающихъ своими руками, а не головой: умственные рабочіе не являются объектомъ капиталистической эксплоатаціи и рабочіе этого рода какъ по своему общественному положенію, такъ и по условіямъ полученія своего дохода, стоятъ гораздо ближе къ капиталистамъ-предпринимателямъ, чѣмъ къ рабочимъ въ собственномъ смыслѣ. Для того, чтобы имѣть возможность существовать умственнымъ трудомъ, нужно, какъ общее правило, принадлежать къ имущимъ классамъ, ибо подготовка къ умственному труду требуетъ продолжительнаго обученія, въ теченіе котораго обучающійся не можетъ зарабатывать себѣ средства къ жизни, да и самое обученіе стоитъ, сравнительно, очень дорого. Поэтому, умственный трудъ представляетъ собой, въ общемъ, монополію имущихъ классовъ.

Доходы представителей умственнаго труда получаются ими двоякимъ путемъ: или путемъ продажи продуктовъ своего труда, или путемъ продажи самого труда. Въ первомъ случаѣ умственный рабочій выступаетъ въ роли предпринимателя, продающаго на рынкѣ готовый товаръ; покупателями этого товара являются потребители въ широкомъ смыслѣ слова. Такъ, живописцы продаютъ свои картины, писатели — книги. Цѣна этихъ товаровъ управляется тѣмъ же закономъ спроса и предложенія, который управляетъ и цѣнами всѣхъ другихъ товаровъ. Что же касается до закона издержекъ производства, то онъ имѣетъ къ цѣнамъ товаровъ этого рода лишь самое ограниченное примѣненіе, такъ какъ товары эти обычно не воспроизводимы свободно, будучи продуктами индивидуальнаго творчества, и потому незамѣнимы.

Другимъ способомъ полученія дохода умственными рабочими

является продажа ими своего труда. При этомъ ихъ трудъ можетъ продаваться или непосредственно потребителямъ, или предпринимателямъ-капиталистамъ. Непосредственно потребителямъ продаютъ свой трудъ, напр., врачи, адвокаты, домашніе учителя. Оплата ихъ труда регулируется тѣмъ же закономъ спроса и предложенія, какъ и доходы умственныхъ рабочихъ, продающихъ товары своего производства. Лица, состоящія на государственной и общественной службѣ, точно также получаютъ доходъ изъ продажи своего труда; но плата имъ гораздо меньше регулируется спросомъ и предложеніемъ, чѣмъ обычаемъ и господствующимъ въ данномъ обществѣ представленіемъ объ уровнѣ жизни, приличествующимъ представителю той или иной должности. Такъ, напр., министръ получаетъ такое значительное содержаніе не потому, что не находится лицъ, которыя желали бы и могли за меньшее вознагражденіе съ успѣхомъ выполнять его обязанности, а потому, что меньшее вознагражденіе признается государствомъ несогласнымъ съ достоинствомъ лица, занимающаго столь важную должность.

Другая часть умственныхъ рабочихъ продаетъ свой трудъ предпринимателямъ. Инженеръ на службѣ желѣзной дороги, директоръ фабрики, управляющій имѣніемъ служатъ по найму предпринимателямъ, покупающимъ ихъ трудъ для полученія прибыли изъ своего предпріятія. Съ формальной стороны эти умственные рабочіе представляются такими же рабочими, какъ и представители физическаго труда. Однако, сходство между тѣми и другими чисто внѣшнее. По существу же доходъ умственныхъ рабочихъ и въ этомъ случаѣ строится на основаніи совершенно иныхъ условій, чѣмъ заработная плата простого труда.

Представители умственнаго труда занимаютъ въ предпріятіи крайне отвѣтственное положеніе и отъ ихъ доброй воли зависитъ весьма существенно прибыль предпріятія. Хозяинъ предпріятія непосредственно заинтересованъ въ томъ, чтобы его управляющій, по возможности, соединялъ его интересы со своими собственными, ибо это существенно нужно для успѣха самого дѣла. Поэтому наиболѣе отвѣтственные посты нерѣдко вознаграждаются въ частныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ чрезвычайно высоко и руководящія лица крупныхъ предпріятій вознаграждаются иногда лучше министровъ — прямой разсчетъ заставляетъ капиталиста не жалѣть десятковъ тысячъ для вознагражденія лица, отъ ловкости и энергіи котораго можетъ зависить увеличеніе на сотни тысячъ его барышей. Жалованіе такого лица является, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ частью

предпринимательской прибыли, которую предприниматель принужденъ уступать своимъ ближайшимъ помощникамъ по руководительству предпріятіемъ; такіе высшіе служащіе непосредственно сливаются съ предпринимательскимъ классомъ и тѣсно связаны съ нимъ всѣми своими интересами. Нерѣдко даже формально они не могутъ быть отдѣлены отъ предпринимателей, когда, какъ это, напр., обычно практикуется въ акціонерныхъ компаніяхъ, высшіе служащіе являются и акціонерами предпріятія.

Но и менѣе отвѣтственныя должностныя лица находятся въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ представители простого физическаго труда, благодаря тому, что вообще умственный трудъ, какъ сказано, является монополіей имущихъ классовъ. Пользуясь этой монополіей, умственные рабочіе во всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности обычно имѣютъ возможность отстоять себѣ такія условія оплаты своего труда, при которыхъ ихъ доходъ оказывается достаточнымъ, чтобы они вели обычную жизнь лицъ тѣхъ классовъ, къ которымъ они принадлежатъ по своему рожденію и воспитанію, т.-е. имущихъ классовъ.

Однако, и въ предѣлахъ рабочаго класса въ собственномъ смыслѣ слова заработная плата въ высшей степени различна. Какъ общее правило, заработная плата фабричныхъ рабочихъ значительно выше заработной платы кустарей и земледѣльческихъ рабочихъ, а среди фабричныхъ рабочихъ плата представителей искуснаго труда, трудъ которыхъ требуетъ особаго предварительнаго обученія или особой ловкости, выше, чѣмъ простыхъ рядовыхъ рабочихъ, чернорабочихъ. Затѣмъ, заработная плата обычно выше на большихъ фабрикахъ, чѣмъ на малыхъ, выше въ крупныхъ центрахъ промышленности, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ малоразвитой промышленностью, въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ, въ густо населенныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ въ слабонаселенныхъ. Различія эти относятся отчасти только къ номинальной платѣ; естественно, что чѣмъ выше въ данной мѣстности стоимость жизни рабочаго, тѣмъ болѣе высокую денежную плату онъ долженъ получать, чтобы обезпечить себѣ одинаковый уровень жизни. Но и реальная заработная плата очень различна въ зависимости отъ очень сложныхъ условій. Болѣе высокая реальная заработная плата на большихъ фабрикахъ, чѣмъ на малыхъ, и, особенно, чѣмъ у кустарей, объясняется отчасти большей производительностью труда на крупныхъ фабрикахъ, отчасти же тѣмъ, что на крупныхъ фабрикахъ рабочіе лучше организованы и потому могутъ обезпечить себѣ лучшія условія рабочаго договора. Домашніе рабочіе являются наиболѣе беззащитными жертвами капиталистической эксплo-

атаціи, такъ какъ домашнія условія работы чрезвычайно затрудняютъ всякія соглашенія между рабочими.

Въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ реальная заработная плата нерѣдко значительно повышается потому, что въ этихъ мѣстностяхъ не хватаетъ мѣстныхъ рабочихъ для нуждъ мѣстной капиталистической промышленности и капиталистическаго же земледѣлія, и недостающіе рабочіе привлекаются изъ другихъ мѣстъ путемъ соотвѣтствующаго повышенія платы. Такъ, напр., въ Россіи земледѣльческіе рабочіе изъ центральныхъ губерній уходятъ на заработки въ слабозаселенныя окраины, привлекаемые болѣе высокой платой. Въ петербургскомъ районѣ заработная плата значительно выше, чѣмъ въ московскомъ отчасти потому что Москва находится въ центрѣ густозаселеннаго промышленнаго района, а Петербургъ помѣщается на окраинѣ и долженъ привлекать къ себѣ рабочихъ изъ значительно удаленныхъ центральныхъ промышленныхъ губерній.

Всего ниже заработная плата въ тѣхъ промыслахъ и профессіяхъ, въ которыхъ производительность труда всего меньше, въ которыхъ требуется всего менѣе ловкости, искусства и времени для предварительнаго обученія и въ которыхъ рабочіе всего слабѣе по отношенію къ капиталу. Въ этихъ промыслахъ наблюдается одновременно и наинизшая заработная плата и наивысшій рабочій день — рабочій всего менѣе получаетъ за свой трудъ наибольшей продолжительности. Такъ, напр., на московскихъ фабрикахъ самую меньшую плату получали въ 80-хъ годахъ закончившагося вѣка рабочіе мелкихъ рогожныхъ фабрикъ на этихъ же фабрикахъ господствовалъ и чрезвычайно продолжительный рабочій день, доходившій до 16 и 18 часовъ въ сутки. За зиму (лѣтомъ работа на этихъ фабрикахъ прекращалась) рогожники такъ ослабѣвали отъ непосильной работы при нищенской оплатѣ труда, что ихъ, по выраженію одного хозяина рогожной фабрики, „вѣтромъ качало“ [2]). Столь неблагопріятныя условія труда на рогожныхъ фабрикахъ объяснялись тѣмъ, что фабрики эти были мелкими заведеніями, на которыхъ работа производилась исключительно руками, при самой ничтожной производительности труда, для работы не требовалось никакого предварительнаго обученія, благодаря чему она была доступна каждому деревенскому рабочему, и рабочіе набирались изъ окрестныхъ деревень, не будучи ничѣмъ связаны съ фабрикой; благодаря этому фабрикантъ могъ понижать до минимума заработную плату и повышать до максимума рабочій день—рабочіе не могли оказать ему никакого сопротивленія.

VI.

По характеру получаемыхъ цѣнностей различаютъ *денежную* (т.-е. выдаваемую деньгами) и *натуральную* (т.-е. выдаваемую продуктами—преимущественно, предметами потребленія рабочаго) заработную плату (это дѣленіе не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеуказаннымъ раздѣленіемъ заработной платы на *номинальную* и *реальную*). Натуральная заработная плата является естественнымъ спутникомъ натуральнаго хозяйства. Въ настоящее время преобладаетъ денежная плата, а натуральная сохранилась лишь въ небольшой мѣрѣ, преимущественно въ земледѣліи; послѣднее объясняется тѣмъ, что продукты земледѣлія непосредственно пригодны для потребленія, а также и меньшимъ развитіемъ денежнаго хозяйства въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ.

Въ промышленности же плата натурой является нерѣдко средствомъ добавочной эксплоатаціи рабочаго. Еще не очень давно во всѣхъ странахъ (особенно въ Россіи) процвѣтала такъ назыв., „truck system“ — система „фабричныхъ лавокъ“: плата за работу фабричному рабочему выдавалась не деньгами, а товарами изъ принадлежащей фабриканту фабричной лавки, въ которой всѣ цѣны были значительно выше рыночныхъ. Такимъ образомъ система „фабричныхъ лавокъ“ давала возможность фабриканту понижать реальную плату рабочимъ; иногда бывало, что прибыль фабриканта заключалась не столько въ доходахъ съ фабрики, сколько съ такой лавки [21]). Въ настоящее время уплата рабочимъ товарами, а не деньгами, повсемѣстно запрещается фабричнымъ законодательствомъ. Въ мелкой промышленности она, однако, держится очень упорно и расплата товарами является однимъ изъ средствъ эксплоатаціи кустарей скупщиками.

По основаніямъ расцѣнки труда заработная плата бываетъ *срочная* (или повременная), *сдѣльная* (или поштучная), *поурочная*, *прогрессивная*, *система скользящей скалы*. По участникамъ договора — *единичная*, *коллективная*, *подрядная* и *кооперативная*.

При *срочной* заработной платѣ плата пріурочивается ко времени, втеченіе котораго рабочій работалъ въ пользу предпринимателя. При *сдѣльной* же заработной платѣ плата пріурочивается къ трудовому продукту рабочаго. Казалось бы, что различіе между двумя этими формами заработной платы очень глубоко. На самомъ дѣлѣ это не такъ. На самомъ дѣлѣ при срочной заработной платѣ предприниматель отнюдь не относится безразлично къ тому, какое количество продукта будетъ выработано ра-

бочимъ. Правда, если рабочій не выработаетъ того трудоваго продукта, котораго требуетъ предприниматель, то при срочной платѣ предприниматель не имѣетъ права соотвѣтственно уменьшить плату рабочаго. Но такъ какъ предприниматель можетъ не возобновлять договора съ рабочимъ, то онъ и имѣетъ возможность принудить послѣдняго вырабатывать требуемое количество трудового продукта. Весьма часто, поэтому, срочная форма платы является чистой фикціей.

Что же касается сдѣльной, поштучной заработной платы, то она, фактически, также всегда имѣетъ повременное основаніе: она устанавливается на основѣ подсчета, какое количество продукта можетъ въ опредѣленное время выработать рабочій и назначается въ такомъ размѣрѣ, чтобы рабочій въ день могъ выработать опредѣленную плату. Такъ, напр., въ каменноугольной промышленности Доргэма сдѣльныя платы для разныхъ родовъ труда крайне разнообразны, но всѣ онѣ опредѣляются изъ того разсчета, чтобы рабочій могъ въдень вырабатывать одну и ту же нормальную плату.

Вообще говоря, различіе между срочной и сдѣльной оплатой труда далеко не такъ глубоко и не такъ принципіально, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. И лишь непониманіемъ этого обстоятельства объясняется то, что въ прежнее время экономисты признавали срочную плату соотвѣтствующей, какъ общее правило, интересамъ рабочаго, а сдѣльную—интересамъ предпринимателя.

На самомъ же дѣлѣ и та и другая форма оплаты труда можетъ быть въ однихъ случаяхъ выгодна рабочимъ, въ другихъ предпринимателямъ. Выгоды срочной заработной платы, съ точки зрѣнія рабочаго, заключаются въ томъ, что при ней рабочій получитъ назначенную плату даже и въ томъ случаѣ, если его работа будетъ менѣе интенсивна: срочная плата не вынуждаетъ рабочаго къ крайнему напряженію его силъ. Поэтому рабочіе нерѣдко предпочитаютъ срочную плату сдѣльной, опасаясь, что эта послѣдняя, при которой заработокъ рабочаго пропорціоналенъ его трудовому продукту, поведетъ къ общему увеличенію интенсивности труда. Сплошь и рядомъ наблюдается, что хозяева вводятъ сдѣльную плату, чтобы соблазномъ добавочнаго заработка побудить рабочихъ работать болѣе усердно, а потомъ понижаютъ сдѣльную расцѣнку, и рабочій, въ концѣ концевъ, исполняя большее количество труда, вырабатываетъ въ день столько же, сколько и раньше. Но въ другихъ случаяхъ рабочіе предпочитаютъ именно сдѣльную плату, находя ее для себя болѣе выгодной. Это имѣетъ мѣсто особенно тогда, когда интенсивность труда опредѣляется

не доброй волей рабочаго, а ходомъ самаго механизма, быстротой движенія центральнаго двигателя. Сообщая болѣе быстрое движеніе машинамъ, хозяинъ можетъ принудить рабочихъ увеличить энергію труда, результатомъ чего является выработка большаго количества продукта, выгода чего при срочной платѣ всецѣло доставалась бы хозяину, при сдѣльной же въ ней могутъ принять участіе и рабочіе. Этимъ и объясняется, что въ нѣкоторыхъ очень важныхъ отрасляхъ производства рабочіе настаиваютъ на сдѣльной платѣ. Такъ, въ хлопчатобумажномъ производствѣ Ланкашира господствуетъ сдѣльная плата, которую энергично поддерживаютъ рабочіе союзы. Мотивы рабочихъ заключаются въ томъ, что въ хлопчатобумажномъ производствѣ интенсивность труда рабочаго опредѣляется скоростью движенія машинъ, причемъ, благодаря техническимъ усовершенствованіемъ, наблюдается тенденція къ постоянному увеличенію этой скорости и, слѣдовательно, къ увеличенію напряженности труда рабочаго. Сдѣльная плата является, съ одной стороны, препятствіемъ къ чрезмѣрному увеличенію напряженности труда, а съ другой—даетъ возможность рабочимъ извлекать пользу изъ усовершенствованій машинъ.

Вообще, сдѣльная плата примѣнима лишь въ томъ случаѣ когда трудовой продуктъ отдѣльнаго рабочаго допускаютъ точный количественный учетъ, что возможно далеко не во всѣхъ родахъ труда. Поэтому, болѣе распространенной является срочная плата —даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобладаетъ машинное производство. Слабая сторона сдѣльной платы заключается въ томъ, что, обычно увеличивая напряженность труда рабочаго и количество вырабатываемаго имъ продукта, она неблагопріятно отражается на качествѣ продукта: рабочій, стремясь сдѣлать возможно больше, работаетъ менѣе тщательно.

Поурочная заработная плата представляетъ собой комбинацію срочной и сдѣльной заработной платы. Отъ сдѣльной платы она отличается тѣмъ, что при этой формѣ оплаты труда назначается опредѣленный урокъ, который долженъ быть исполненъ въ опредѣленное время (причемъ выработка рабочаго сверхъ урока не оплачивается предпринимателемъ). Отъ срочной же заработной платы поурочная отличается тѣмъ, что, если рабочій вырабатываетъ меньше положеннаго урока, то онъ получаетъ соотвѣтственно меньше. Такимъ образомъ, поурочная заработная плата заключаетъ въ себѣ, съ точки зрѣнія рабочаго, отрицательныя черты какъ срочной, такъ и сдѣльной заработной платы, почему рабочіе союзы энергично борются съ этой формой заработной платы.

Прогрессивная заработная плата также есть комбинація срочной и сдѣльной. Въ этомъ случаѣ рабочій получаетъ плату срочно, но если онъ сдѣлаетъ больше опредѣленнаго урока, то получаетъ соотвѣтственно большее вознагражденіе—премію. Премія эта можетъ принимать различныя формы. Напр. рабочій получаетъ премію пропорціонально добавочному количеству произведеннаго продукта, или же премія фиксируется, такъ что рабочій, сдѣлавшій болѣе назначеннаго урока, получаетъ одну и ту же премію, независимо отъ количества произведеннаго добавочнаго продукта; или же, наконецъ, премію получаетъ рабочій, сдѣлавшій больше, чѣмъ всѣ остальные, независимо отъ того, сколько именно онъ сдѣлалъ. Послѣдняя форма прогрессивной платы очень невыгодна для рабочихъ, такъ какъ заставляетъ каждаго рабочаго стремиться обогнать своихъ товарищей, что вызываетъ общее повышеніе интенсивности труда.

Система скользящей скалы заключается въ томъ, что плата рабочаго измѣняется въ зависимости отъ цѣны продукта: повышеніе цѣны продукта повышаетъ плату рабочаго и обратно. Эта система невыгодна для рабочихъ въ томъ отношеніи, что она переноситъ на нихъ всѣ колебанія рыночной цѣны товара; но при ней можетъ обезпечиваться и минимальная плата рабочаго, которую онъ получаетъ даже при наибольшемъ паденіи цѣны товара, и тогда эта система можетъ соотвѣтствовать интересамъ рабочаго.

По отношенію къ числу участниковъ рабочаго договора заработная плата можетъ быть, какъ сказано, единичной, если предприниматель расплачивается съ каждымъ рабочимъ порознь, коллективной, если заработную плату получаетъ извѣстная группа рабочихъ, затѣмъ подрядной и, наконецъ, кооперативной.

Необходимость въ коллективной формѣ оплаты труда возникаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, при сдѣльной формѣ платы, принимаетъ участіе въ извѣстномъ производствѣ, какъ нѣчто цѣлое, опредѣленная группа разнородныхъ рабочихъ. Такъ напр., въ Англіи при производствѣ бутылокъ сдѣльную плату получаетъ группа рабочихъ изъ 4-хъ человѣкъ, которые сообща участвуютъ въ производствѣ; полученная плата разверстывается между участниками группы въ пропорціяхъ устанавливаемыхъ рабочимъ договоромъ. Коллективная плата сама по себѣ ничего невыгоднаго для рабочихъ не представляетъ; вызывается она чисто техническими условіями, такъ какъ часто бываетъ невозможно индивидуализировать продуктъ каждаго отдѣльнаго рабо-

чаго. Эту форму оплаты нужно, однако, строго отличать отъ подрядной платы, которая характеризуется тѣмъ, что плата отдѣльныхъ рабочихъ, входящихъ въ составъ данной рабочей группы, регулируется различнымъ образомъ: второстепенные рабочіе получаютъ плату срочно, а руководитель группы—подрядчикъ—получаетъ сдѣльно. Вся группа въ совокупности оплачивается сдѣльно, въ пользу же руководителя ея—подрядчика—остается разница между сдѣльной платой всей группы и суммой срочныхъ платъ ея второстепенныхъ членовъ. Въ этомъ случаѣ рабочая группа раскалывается на двѣ части съ совершенно различными интересами: съ одной стороны низшіе рабочіе, съ другой—главный рабочій, который заинтересованъ въ томъ, чтобы было произведено возможно большее количество работы, такъ какъ его заработокъ опредѣляется именно этимъ. При этомъ иногда второстепенные рабочіе получаютъ, въ добавленіе къ своей срочной платѣ, извѣстную премію, пропорціонально количеству выработаннаго продукта. Благодаря разобщенности интересовъ рабочихъ при этой формѣ оплаты, она легко превращается въ то, что англичане называютъ „sweating system“ „систему выжиманія пота“, при чемъ „выжимателемъ пота“ становится главный рабочій.

Подрядная плата выгодна для предпринимателя, который избавляется благодаря ей отъ обязанности слѣдить за работой, такъ какъ эта обязанность переносится на подрядчика. Рабочіе союзы относятся къ ней очень отрицательно.

Кооперативной платой называется такая, при которой плату получаетъ группа рабочихъ, разверстывающихъ ее между собой по своему собственному усмотрѣнію. Рабочіе въ этомъ случаѣ образуютъ производительную артель, продающую свои трудовыя услуги. Объ этой формѣ заработной платы было сказано въ главѣ объ артеляхъ.

Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ экономисты придавали чрезвычайное значеніе одной формѣ оплаты труда, о которой еще не было упомянуто—участію рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія. Многимъ экономистамъ казалось, что такая оплата труда дастъ возможность примирить интересы рабочихъ и капиталистовъ. Иниціаторомъ ея явился французскій предприниматель Леклеръ, собственникъ малярнаго заведенія въ Парижѣ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что, такъ какъ доходы предпріятія зависятъ отъ труда рабочихъ, то, если сами рабочіе будутъ заинтересованы въ этихъ доходахъ, они будутъ работать болѣе усердно и этимъ увеличатъ какъ свой заработокъ,

такъ и прибыль хозяина. Въ 1842 г. онъ предоставилъ рабочимъ участіе въ прибыляхъ своего предпріятія; опытъ оказался удачнымъ и возбудилъ всеобщій интересъ. Казалось въ высшей степени заманчивымъ одновременно увеличить прибыль капиталиста и улучшить положеніе рабочихъ.

Однако, послѣдующій опытъ не оправдалъ этихъ ожиданій. Участіе рабочихъ въ прибыляхъ не получило ни въ одной странѣ сколько-нибудь значительнаго распространенія. Иногда хозяева прибѣгали къ этой формѣ оплаты труда, чтобы отвлечь рабочихъ отъ участія въ профессіональныхъ союзахъ и даже ставили такое неучастіе условіемъ полученія доли въ барышахъ предпріятія. Рабочимъ приходилось сравнивать выгоды, которыя они получаютъ отъ своихъ союзовъ, съ выгодами отъ участія въ прибыляхъ предпріятія—и почти всегда выгоды перваго рода оказывались значительно большими.

Въ тѣхъ немногихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ рабочіе участвуютъ въ прибыляхъ, они получаютъ, благодаря этому участію, весьма незначительную прибавку къ своей заработной платѣ. Возможно даже, что эта прибавка фиктивна, такъ какъ если бы ея не было, то рабочіе могли бы настоять на соотвѣтствующемъ повышеніи своей основной платы. Вообще, съ точки зрѣнія рабочаго класса, эта система не представляетъ никакихъ существенныхъ выгодъ сравнительно съ другими формами заработной платы. Неблагопріятной же стороной ея является то, что она стремится тѣсно связать рабочаго съ даннымъ предпріятіемъ и тѣмъ ослабить его энергію въ борьбѣ съ капиталистомъ. Затѣмъ, она разобщаетъ рабочій классъ и стремится обособить рабочихъ, занятыхъ въ данномъ предпріятіи, отъ ихъ товарищей на сторонѣ.

Выгоды этой формы оплаты труда тѣ же, что и прогрессивной платы, выгоды, главнымъ образомъ, для капиталиста. Съ точки зрѣнія рабочихъ, прогрессивная плата является даже болѣе предпочтительной, такъ какъ въ этомъ случаѣ, при особой напряженности и производительности труда, за рабочими обезпечено добавочное вознагражденіе, между тѣмъ, какъ при участіи рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія, рабочій можетъ утратить плоды своихъ усилій вслѣдствіе плохого веденія дѣла предпринимателемъ. Поэтому участіе въ прибыляхъ предпріятія, какъ добавочное вознагражденіе, получило значительное распространеніе только по отношенію къ высшимъ служащимъ. Въ этомъ случаѣ оно вполнѣ цѣлесообразно и соотвѣтствуетъ интересамъ какъ хозяевъ, такъ и самихъ служащихъ: успѣхъ предпріятія и вели-

чина его барышей весьма существенно зависятъ отъ образа дѣйствій его высшихъ служащихъ и лучшимъ средствомъ заинтересовать ихъ въ дѣлѣ является предоставленіе имъ доли прибыли. Высшіе служащіе и безъ того тѣсно связаны съ предпріятіемъ, а предоставленіе имъ участія въ прибыли еще болѣе приближаетъ ихъ къ предпринимателямъ, къ очевидной выгодѣ этихъ послѣднихъ [22]).

VI.

Исторія заработной платы до сихъ поръ статистически разработана очень мало, вслѣдствіе огромныхъ трудностей такой разработки. Даже относительно номинальной платы очень трудно собрать за длинный рядъ лѣтъ вполнѣ надежныя и сравнимыя статистическія данныя. Вполнѣ сравнимы были бы данныя, относящіяся къ тѣмъ же родамъ труда въ одномъ и томъ же предпріятіи, но это, обыкновенно, невозможно и приходится сравнивать данныя о заработной платѣ за разные годы въ различныхъ предпріятіяхъ, при чемъ можно принять за измѣненіе заработной платы во времени то, что составляетъ на самомъ дѣлѣ только различіе платы въ разныхъ предпріятіяхъ. Что же касается реальной заработной платы, то здѣсь сравненіе данныхъ за разные годы еще труднѣе, такъ какъ приходится принимать въ соображеніе цѣны предметовъ потребленія рабочаго класса.

Точная исторія заработной платы требуетъ огромнаго матеріала, которымъ современная наука не располагаетъ. Всего лучше изучена исторія заработной платы въ Англіи. Денежная заработная плата въ Англіи повышалась съ 16-го вѣка вплоть до 19-го вѣка, но реальная заработная плата измѣнялась совершенно иначе и къ первой половинѣ 17 вѣка значительно понизилось благодаря, главнымъ образомъ, аграрной революціи, обезземелившей значительную часть англійскаго крестьянства. Во второй половинѣ 17 вѣка послѣдовало повышеніе реальной заработной платы: аграрная революція пріостановилась, и, въ то же время, въ Англіи стала быстро развиваться промышленность и торговля. Стало расти капиталистическое производство, но пока всецѣло на основѣ ручного домашняго труда. Въ теченіе первыхъ трехъ четвертей 18 вѣка продолжалось движеніе въ томъ же направленіи; реальная заработная плата не падала, а медленно росла. Въ это время сложилось мнѣніе (нашедшее себѣ выраженіе и у Смита), что ростъ національнаго богатства неизбѣжно приводитъ къ улучшенію положенія рабочаго.

Дальнѣйшая исторія заработной платы не подтвердила, однако, этого мнѣнія. Конецъ 18-го и начало 19-го вѣковъ были временемъ самыхъ тяжелыхъ страданій англійскаго рабочаго класса. Существуетъ огромная литература по данному вопросу, показывающая, что въ экономическомъ положеніи массы англійскаго народа въ это время произошла рѣзкая перемѣна къ худшему. Чрезвычайно увеличилось число пауперовъ—лицъ, получавшихъ, по бѣдности, пособія отъ приходовъ, заработная плата въ важнѣйшихъ отрасляхъ труда понизилась и, въ общемъ, послѣдовало обѣднѣніе рабочаго класса одновременно съ чрезвычайнымъ ростомъ народнаго богатства.

Все это было послѣдствіемъ промышленной и аграрной революціи, ознаменовавшей собой наступленіе новой эпохи всемірной исторіи—полнаго расцвѣта капиталистической системы. Крестьянинъ былъ окончательно лишенъ своей земли, а мелкій производитель въ промышленности чрезвычайно пострадалъ отъ конкуренціи фабрики. На первой ступени своего развитія фабричное производство неизбѣжно приводитъ къ пониженію экономическаго уровня всего того населенія, которое не вовлечено еще въ фабричное производство. На этой стадіи фабрика даетъ занятіе еще только ничтожной части населенія; но такъ какъ фабричные продукты конкурируютъ съ продуктами мелкаго производства, то паденіе цѣны фабричныхъ продуктовъ вызываетъ паденіе цѣнъ и продуктовъ мелкаго производства, а, значитъ, и сокращеніе заработковъ мелкихъ производителей. Поэтому, первые шаги фабрики всегда сопровождаются ухудшеніемъ положенія массы населенія, состоящей въ этой стадіи хозяйства изъ мелкихъ производителей. А такъ какъ фабричные рабочіе не представляютъ собой замкнутаго класса, изолированнаго отъ остальной массы трудящихся, то пониженіе заработковъ въ мелкой промышленности ведетъ за собой нѣкоторое пониженіе платы и въ фабричной промышленности.

Все это испытали рабочіе классы Англіи въ теченіе первой половины 19 вѣка. Особенно тяжело было положеніе ручныхъ ткачей, которыхъ считалось въ Англіи въ началѣ 19 вѣка болѣе 1-го милліона. Если въ области бумагопряденія борьба ручного труда съ машиной закончилась очень скоро, то въ области ткачества (какъ уже было указано въ главѣ VI отдѣла II) борьба эта растянулась на много десятилѣтій; ручное ткачество упорно боролось за существованіе, конкурируя съ фабрикой пониженіемъ заработковъ ручныхъ ткачей. Только съ 50-хъ годовъ закончившагося вѣка фабрика въ Англіи окончательно побѣждаетъ и руч-

ные ткачи въ важнѣйшей отрасли текстильной промышленности — хлопчатобумажной — сходятъ со сцены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этого времени наблюдается общій подъемъ экономическаго положенія англійскаго рабочаго класса. Усовершенствованіе техники фабричнаго производства перестало вызывать паденіе заработковъ обширныхъ массъ мелкихъ производителей, такъ какъ численность послѣднихъ относительно сократилась и фабричный пролетаріатъ сталъ доминирующимъ элементомъ промышленнаго населенія.

Наиболѣе точныя данныя относительно измѣненія заработной платы въ Англіи собраны Боули. Согласно Боули, заработная плата въ Англіи измѣнялась съ 1860 г. слѣдующимъ образомъ [23]):

	Средняя годовая заработная плата въ Соединенномъ Королевствѣ.	Измѣненіе въ процентахъ (плата за 1860=100).
1860 . . .	38 ф. 4 ш.	100
1866 . . .	43 „ 4 „	113
1870 . . .	43 „ 4 „	113
1874 . . .	53 „ 0 „	138
1877 . . .	50 „ 7 „	132
1878 . . .	47 „ 6 „	124
1883 . . .	49 „ 9 „	130
1886 . . .	48 „ — „	125
1891 . . .	53 „ 8 „	140

Денежная плата за 1860—91 г. повысилась, такимъ образомъ, очень значительно. Что касается до реальной платы, то она повысилась гораздо меньше, такъ какъ стоимость жизни (преимущественно, вслѣдствіе повышенія квартирной платы) за это время значительно возрасла. Главной же причиной значительнаго повышенія благосостоянія массы англійскаго населенія было не столько поднятіе реальной заработной платы въ различныхъ отрасляхъ труда, сколько значительное увеличеніе въ составѣ рабочаго класса тѣхъ группъ рабочихъ, которыя оплачиваются лучше: процентъ хуже оплачиваемыхъ рабочихъ, несомнѣнно, очень упалъ. [24]) Можно согласиться съ слѣдующей характеристикой измѣненія положенія англійскаго рабочаго класса, принадлежащей Сиднею Веббу: „Если мы возьмемъ различныя условія жизни и работы и установимъ уровень, ниже котораго невозможно сносное существованіе, то мы увидимъ, что по отношенію къ заработной платѣ, рабочему времени, жилищу и общей культурѣ, доля

живущихъ ниже этого уровня теперь меньше, чѣмъ была въ 1837 г. Но мы также найдемъ, что самый низшій уровень такъ же низокъ, какъ и раньше, и что общее число тѣхъ, кто живетъ ниже установленнаго нами уровня, въ настоящее время, вѣроятно, выше по своей абсолютной величинѣ, чѣмъ въ 1837 году“ [25]).

Тщательное изслѣдованіе условій жизни лондонскаго населенія въ концѣ 19 вѣка, произведенное Чарльзомъ Бутсомъ, раскрыло, въ общемъ, весьма мрачную картину. По подсчетамъ Бутса, въ Лондонѣ около 10% населенія должно быть отнесено къ группѣ крайней бѣдности. Часть этой группы состоитъ изъ нищихъ, воровъ, преступниковъ и вообще того, что называютъ „подонками общества“, часть изъ хронически безработныхъ, живущихъ случайными доходами. Затѣмъ идетъ группа бѣдности, которая охватываетъ около 22% лондонскаго населенія. Эта группа имѣетъ непостоянный доходъ и сильно страдаетъ отъ безработицы при сокращеніяхъ промышленности и торговли. И только остальныя $^2/_3$ лондонскаго населенія стоятъ выше линіи бѣдности. [26])

Бутсу принадлежитъ также другое любопытное изслѣдованіе, проливающее новый свѣтъ на англійскій пауперизмъ. Процентъ лицъ, получающихъ, въ качествѣ пауперовъ, пособіе отъ государства, въ Англіи невеликъ и обнаруживаетъ наклонность къ паденію. Но Бутсъ изслѣдовалъ распредѣленіе пауперовъ по возрастамъ и сравнилъ ихъ съ соотвѣтствующими возрастными группами всего населенія. Оказалось, что процентъ пауперовъ среди стариковъ очень значителенъ и въ 1897 г. достигалъ для лицъ старше 65 лѣтъ почти 30. Такимъ образомъ, въ богатѣйшей странѣ міра почти треть стариковъ были пауперами, не могущими существовать безъ помощи государства. Таково положеніе рабочаго класса въ капиталистическомъ обществѣ, закономъ котораго является борьба за существованіе, приводящая къ тому, что болѣе слабые элементы населенія, менѣе работоспособные, безжалостно раздавливаются обществомъ и попадаютъ въ ряды нищихъ. [27])

Чѣмъ вызывается сравнительно низкій уровень заработной платы даже въ наиболѣе передовыхъ странахъ современнаго міра? Согласно теоріи заработной платы, развитой въ текстѣ, основную причину этого печальнаго факта нужно искать въ неблагопріятномъ соотношеніи силъ рабочаго и капиталистическаго классовъ: благодаря своей соціальной слабости, рабочій классъ получаетъ сравнительно незначительную долю вырабатываемаго имъ продукта. Однако, въ экономической наукѣ

существуетъ точка зрѣнія, пользующаяся до настоящаго времени широкой популярностью, которая рѣшительно отрицаетъ, чтобы бѣдность массы населенія обусловливалась условіями распредѣленія общественнаго продукта. Основная и неустранимая причина бѣдности коренится, согласно этому воззрѣнію, совсѣмъ въ другой области: въ области естественныхъ условій, регулирующихъ, съ одной стороны, размноженіе народонаселенія, а съ другой, ростъ средствъ существованія человѣка.

Это ученіе было впервые формулировано въ 1798 году Мальтусомъ въ его знаменитой книгѣ: „Опытъ о принципѣ народонаселенія". По мнѣнію Мальтуса, народонаселеніе стремится размножаться въ геометрической прогрессіи, между тѣмъ какъ ростъ средствъ существованія человѣка даже въ самомъ лучшемъ случаѣ не можетъ идти иначе, какъ въ прогрессіи ариѳметической. Иными словами, народонаселеніе всегда стремится обогнать ростъ средствъ существованія; какъ бы благопріятно ни складывались условія даннаго народнаго хозяйства, все равно ростъ народнаго богатства не можетъ угнаться за ростомъ населенія, если только силѣ размноженія человѣчества будетъ предоставленъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени полный просторъ. Размножаясь по геометрической прогрессіи съ той быстротой, которая допускается физіологическими условіями организма, человѣчество въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій увеличилось бы во многія тысячи разъ; можно ли сомнѣваться, что ни при какихъ условіяхъ ростъ средствъ существованія не могъ бы идти столь же быстрымъ темпомъ?

Конечно, нѣтъ. И вотъ Мальтусъ приходитъ на основаніи этихъ, казалось бы, совершенно безспорныхъ посылокъ къ тому выводу, что существующая повсемѣстно бѣдность вызывается не чѣмъ инымъ, какъ чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія. Если только заработная плата повышается выше своего обычнаго очень низкаго уровня, это немедленно дѣйствуетъ, какъ стимулъ къ усиленному размноженію населенія: рабочій раньше времени женится и заводитъ большую семью. Увеличенное предложеніе рабочихъ рукъ приводитъ къ пониженію заработной платы, и она возвращается къ прежнему уровню. Такимъ образомъ, благодаря постоянной тенденціи народонаселенія къ размноженію, превышающему ростъ средствъ къ существованію, бѣдность и низкая заработная плата становятся неизбѣжнымъ удѣломъ населенія.

Однако, если и согласиться съ Мальтусомъ, что при полной свободѣ дѣйствія воспроизводительной способности человѣка ростъ населенія неизбѣжно долженъ бы былъ въ скоромъ времени обогнать ростъ средствъ существованія, отсюда еще не слѣдуетъ, что его теорія бѣдности сколько-нибудь справедлива. Съ его точки зрѣнія, существующая бѣдность объясняется тѣмъ, что средства существованія растутъ медленнѣе народонаселенія. Между тѣмъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ передовыхъ странахъ современнаго міра средства существованія уже много десятилѣтій растутъ гораздо быстрѣе населенія. Это очень наглядно выражается и въ томъ, что цѣна хлѣба, вмѣсто того, чтобы постоянно расти, какъ это предполагается теоріей Мальтуса (ростъ цѣны хлѣба и долженъ указывать на все возрастающій недостатокъ хлѣба для потребительныхъ нуждъ населенія), за послѣднія десятилѣтія 19 вѣка

значительно понизилась. Конецъ прошлаго вѣка характеризовался не недостаткомъ средствъ существованія въ распоряженіи человѣчества, а огромнымъ избыткомъ ихъ, наплывомъ въ Европу дешевыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ изъ странъ экстенсивной земледѣльческой культуры, что имѣло своимъ послѣдствіемъ тяжелый сельскохозяйственный кризисъ, отъ котораго сильно пострадало капиталистическое сельское хозяйство западной Европы. Вообще, для капиталистическаго хозяйства характеренъ не недостатокъ, а избытокъ производительныхъ силъ. Капиталистическое хозяйство страдаетъ не отъ недопроизводства, а отъ перепроизводства товаровъ,—и при такомъ положеніи дѣла признавать причиной бѣдности недостаточное производство средствъ существованія значитъ совсѣмъ не понимать природы современной проблемы бѣдности, парадоксальность которой въ томъ и заключается, что бѣдность нашего времени непосредственно вызывается избыткомъ богатства.

Итакъ, существующая бѣдность, бѣдность въ капиталистическомъ обществѣ, ни малѣйшимъ образомъ не вызывается недостаточностью средствъ существованія въ распоряженіи общества. Правда, если бы населеніе въ теченіе продолжительнаго времени размножалось со всей силой своего ничѣмъ не сдерживаемаго воспроизводительнаго инстинкта, то это неизбѣжно должно было бы привести къ недостаточности средствъ существованія и общей бѣдности; но такъ какъ ничего подобнаго такому быстрому размноженію мы до сихъ поръ не видали, то и существующая бѣдность никакъ не можетъ объясниться чрезмѣрнымъ размноженіемъ человѣчества. Чрезмѣрное размноженіе есть лишь одна изъ *возможныхъ* причинъ бѣдности; чтобы стать *дѣйствительной* причиной реально существующей бѣдности, чрезмѣрное размноженіе должно было бы имѣть мѣсто, а дѣйствительность показываетъ, что вплоть до новѣйшаго времени человѣчество размножалось вообще очень медленно. Вплоть до 19 вѣка ростъ населенія Европы былъ такъ невеликъ, что писатели первой половины 18 вѣка (и даже такіе, какъ Монтескье) были убѣждены въ значительно большей населенности Европы въ эпоху древняго міра [28]). Закончившійся вѣкъ былъ единственнымъ въ исторіи Европы, когда населеніе довольно быстро размножалось въ теченіе продолжительнаго времени; и этотъ ростъ населенія не только не привелъ къ недостаточности средствъ существованія, но, наоборотъ, несомнѣнно, сопровождался еще болѣе значительнымъ ростомъ средствъ существованія и вообще общественнаго богатства. Послѣднія десятилѣтія 19 вѣка характеризуются во всѣхъ капиталистическихъ странахъ паденіемъ рождаемости одновременно съ повышеніемъ благосостоянія широкихъ народныхъ массъ; оказалось, что ростъ благосостоянія дѣйствуетъ на народную массу не какъ стимулъ къ усиленному размноженію, а, наоборотъ, какъ стимулъ къ замедленію размноженія. Народная масса все болѣе и болѣе усваиваетъ нравы и привычки буржуазныхъ круговъ общества, избѣгающихъ большой семьи, какъ лишняго бремени жизни. Прекращеніе прироста населенія приняло во Франціи характеръ настоящей національной опасности, и французскіе ученые озабочены въ настоящее время не тѣмъ, какимъ образомъ можно замедлить, а какъ можно ускорить ростъ населенія. И если въ Германіи, Англіи и другихъ странахъ наблюдается *пока* быстрый ростъ населенія, то уменьшеніе въ нихъ рождаемости (что, до извѣстной степени, компенсируется со-

кращеніемъ смертности) показываетъ, что въ недалекомъ будущемъ и онѣ придутъ въ состояніе, подобное Франціи. Такимъ образомъ, страхи передъ чрезмѣрнымъ размноженіемъ человѣчества лишены, во всякомъ случаѣ для нашего времени, какого бы то ни было фактическаго основанія.

ЛИТЕРАТУРА.

Общая теорія заработной платы. Марксъ. Капиталъ. T. I. Thornton. On Labour. 1868 (русск. пер.). Brentano. Die Arbeitergilden der Gegenwart. 1871—72. Его же. Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht. 1877. Его же. Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn u. Arbeitszeit zur Arbeitsleistung. 1893 (русск. перев.). Walker. The Wages Question. 1876. Taussig. Wages and Capital. 1896. Герценштейнъ. Ученіе о фондѣ заработной платы. („Русск. Мысль". 1890. VI). Zwiedinek-Südenhorst. Lohnpolitik u. Lohntheorie, mit besonderer Berücksichtigung des Minimallohns. 1900 (русск. пер.). Гобсонъ. Экономика распредѣленія. Пер. съ англ. 1903. В. Желѣзновъ. Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы. 1904. Salz. Beiträge zur Geschichte u. Kritik der Lohnfondstheorie. 1905.

Формы заработной платы. Böhmert. Die Gewinnbeteiligung. 1878. Frommer. Gewinnbeteiligung 1886. С. и Б. Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма. 1900—1901. Шлоссъ. Формы заработной платы. Пер. съ англ. 1900. Zwiedinek-Südenhorst. Beiträge zur Lehre von den Lohnformen. 1904. Ллойдъ. Копартнершипъ. Пер. съ англ. 1909.

Исторія заработной платы. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи. Пер. съ англійск. В. Каткова. 1899. Levasseur. L'histoire des classes ouvrières en France. 2-е изд. 2 т. 1900—1901. R. Giffen. The progress of the Working Classes in the last half Century. 1884. E. Chevallier. Les Salaires au 19 siècle. 1887. Шульце-Гевернитцъ. Крупное производство. Пер. съ нѣм. подъ ред. П. Струве. 1897. С. Веббъ. Положеніе труда въ Англіи за послѣднія 60 лѣтъ. Пер. съ англ. 1899. Bowley. Changes in Average Wages in the United Kingdom between 1860 und 1891. Journal of the Royal Statistical Society. T. 48.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ III.

1) Опредѣляя такимъ образомъ заработную плату, я желаю подчеркнуть, что подъ заработной платой слѣдуетъ понимать не всякую оплату труда, но лишь оплату труда въ процессѣ капиталистическаго хозяйства. Поэтому не составляетъ заработной платы плата за трудъ чиновниковъ на службѣ государства (обычно называемая содержаніемъ или жалованьемъ), плата за разнаго рода высшій интеллектуальный трудъ представителей такъ назыв. либеральныхъ профессій — врачей, писателей, адвокатовъ и т. п. (обычно называемая гонораромъ). Плата за трудъ прислуги (также обычно называемая жалованьемъ), какъ и вообще за всякій чернорабочій трудъ, уже ближе къ заработной платѣ въ собственномъ смыслѣ слова, но все же

отличается отъ нея въ томъ отношеніи, что прислуга нанимается для домашняго хозяйства, а не для извлеченія изъ ея труда барыша.

2) W. Thornton. Die Arbeit. Нѣм. пер. Hugo Schramm. 1870. Стр. 76 и слѣд.

3) Брентано — а еще раньше его Гаррисонъ — указывалъ на то, что особенностью рабочей силы, сравнительно съ другими товарами, является ея неразрывная связь съ личностью рабочаго. Однако, утверждая это, Брентано имѣлъ въ виду совершенно не то, на что указывается мною въ текстѣ. Подчеркивая связь работы съ условіями жизни рабочаго, Брентано хотѣлъ отмѣтить невыгодное положеніе рабочаго сравнительно съ другими продавцами: другіе продавцы не продаютъ себя, рабочій же продаетъ себя, и это дѣлаетъ его экономическую позицію болѣе слабой. Союзы рабочихъ, по мнѣнію Брентано, устраняютъ эту слабость рабочаго и благодаря имъ рабочая сила „становится такимъ же товаромъ, какъ и всякій другой... Только благодаря союзамъ трудъ становится настоящимъ товаромъ, а рабочій—настоящимъ продавцемъ товаровъ". (Brentano. Die Arbeitergilden der Gegenwart. Ч. II. Стр. 25). Отсюда видно, какъ далекъ былъ Брентано отъ мысли, что рабочая сила принципіально, по самой своей природѣ, отличается отъ всѣхъ другихъ товаровъ.

4) Зелигманъ признаетъ, что рабочая сила принципіально отличается отъ всѣхъ другихъ товаровъ, такъ какъ „товары производятся для извѣстныхъ цѣлей, человѣческое же существо есть цѣль само по себѣ" (Основы политической экономіи. Пер. Твердохлѣбова, 1908. Стр. 388), но, несмотря на это признаніе, разсматриваетъ заработную плату, какъ обычное явленіе цѣны.

5) „Въ каждомъ родѣ труда должно происходить и дѣйствительно происходитъ, что заработная плата рабочаго ограничивается тѣмъ, что ему необходимо для существованія". Turgot. Reflexions sur la formation et la distribution des richesses. Oeuvres de Turgot. Ed. Daire. 1844. T. I. Стр. 10.

6) Lassalle's Gesammtwerke. T. I. Стр. 15.

7) Капиталъ. Т. I. Стр. 544. Каутскій въ своихъ статьяхъ по поводу моей книги „Современный соціализмъ" говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Не можетъ быть худшаго извращенія точки зрѣнія Маркса, чѣмъ когда ему навязываютъ утвержденіе, будто бы рабочій регрессируетъ въ физическомъ, умственномъ и моральномъ отношеніи, все болѣе погружается въ невѣжество и нравственное одичаніе" (Карлъ Каутскій. Обнищаніе и крушеніе. По поводу книги М. Туганъ-Барановскаго „Современный Социализмъ" Пер. Д. Лященко. 1908. Стр. 44). Предлагаю любому читателю сравнить мое утвержденіе съ приведенной цитатой изъ Маркса и рѣшать, кто виновенъ въ извращеніи мыслей Маркса, я или Каутскій. Правда, Каутскій приводитъ въ своихъ статьяхъ цитаты изъ одной ранней брошюры Маркса, въ которыхъ условно допускается возможность прочнаго повышенія заработной платы. Но, во-первыхъ, условное допущеніе того или иного далеко не равносильно признанію реальности и неизбѣжности допускаемаго; во-вторыхъ—и это самое главное — если бы Марксъ въ своихъ болѣе раннихъ работахъ и высказывалъ другіе взгляды, это нисколько не уничтожаетъ значенія того, что онъ высказывалъ значительно позже. Для меня, какъ и для

Каутскаго, Марксъ, прежде всего, творецъ „Капитала" и потому взгляды, развитые въ „Капиталѣ", а не какіе-либо иные, должны считаться истинными взглядами Маркса. Замѣчу кстати, что и В. Я. Желѣзновъ усматриваетъ въ теоріи заработной платы Маркса доктрину минимума средствъ существованія. См. его интересную книгу „Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы". 1904. Стр. 79 и слѣд.

8) „Не слѣдуетъ думать, — говоритъ Рикардо, — что естественная цѣна труда, даже по отношенію къ съѣстнымъ припасамъ и другимъ предметамъ необходимости, вполнѣ неподвижна и постоянна. Она измѣняется въ различныя эпохи въ одной и той же странѣ и весьма значительно различается въ разныхъ странахъ. Различіе это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ нравовъ и обычаевъ народа... Многія изъ тѣхъ удобствъ, которыми въ настоящее время располагаетъ жилище англійскаго рабочаго, считались бы предметами роскоши въ отдаленныя времена нашей исторіи". Сочиненія Давида Рикардо. Пер. И. Зибера. Стр. 49.

9) Вотъ, напр., какъ формулируетъ эту теорію Фаусеттъ: „Оборотный капиталъ въ странѣ образуетъ собой фондъ заработной платы. Если мы хотимъ опредѣлить среднюю заработную плату, то мы должны раздѣлить этотъ капиталъ на число всѣхъ рабочихъ въ странѣ. Отсюда ясно, что средній уровень заработной платы можетъ повыситься лишь тогда, когда увеличивается оборотный капиталъ или уменьшается число рабочихъ". Цитир. въ книгѣ Торнтона „Die Arbeit." Стр. 92.

10) Неожиданный для его послѣдователей отказъ Милля отъ теоріи фонда подъ вліяніемъ очень слабой критики Торнтона дискредитировалъ въ общественномъ мнѣніи Англіи всю школу Рикардо, а, до извѣстной степени, и всю экономическую науку. Послѣ отказа Милля теорія фонда заработной платы получила дурную репутацію въ ученыхъ кругахъ и стало модой (особенно въ Германіи) относиться къ ней съ большимъ пренебреженіемъ. Но такъ какъ теоретическія основанія для ея отверженія были мало солидны, то неудивительно, что она снова воскресла, и именно въ трудахъ экономистовъ съ большимъ теоретическимъ интересомъ и самостоятельностью мысли—Бемъ-Баверка и Таусига.

12) Милль соглашается, что при оживленіи промышленности спросъ на рабочія руки возрастаетъ, хотя величина общественнаго капитала не испытываетъ перемѣнъ, но не усматриваетъ въ этомъ противорѣчія съ теоріей фонда, такъ какъ „капиталъ, не употребляемый собственникомъ его на покупку работы и остающійся безъ примѣненія на рукахъ у послѣдняго, для рабочихъ будетъ въ это время имѣть такъ же мало значенія, какъ если бы его вовсе не существовало". (Основанія политической экономіи, пер. Остроградскаго, I. Стр. 305). Иными словами, не функціонирующій капиталъ для Милля какъ бы совсѣмъ не капиталъ. При помощи такой интерпретаціи Милль приводитъ доктрину фонда въ согласіе съ фактами. Но эта интерпретація лишаетъ разсматриваемую доктрину всякаго внутренняго содержанія: если фондъ заработной платы измѣняется въ зависимости отъ того, какая доля общественнаго капитала функціонируетъ въ данный моментъ, какъ капиталъ-значитъ, величина общественнаго капитала не опредѣляетъ, сама по себѣ, фонда заработной платы.

11) См. рецензію Милля въ Fortnightly Review, 1869, на книгу

Торитона. Цитир. у В. Я. Желѣзнова. „Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы". Стр. 162—164.

13) Теорія фонда заработной платы подвергалась критикѣ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Въ новѣйшее время рѣзкими критиками ея выступали Ф. Уокеръ и Генри Джорджъ. Однако, критика ихъ, при нѣкоторыхъ правильныхъ соображеніяхъ, содержала въ себѣ и значительную долю недоразумѣній, била мимо цѣли. Новѣйшій защитникъ теоріи фонда, Таусситъ, настаиваетъ на эластичности фонда заработной платы: фондъ этотъ, по его мнѣнію, не представляетъ собой въ каждый данный моментъ неизмѣнной величины, но можетъ быть расширенъ или сокращенъ въ зависимости отъ условій рабочаго рынка. При такой интерпретаціи размѣръ фонда заработной платы становится не опредѣляющей причиной средняго уровня заработной платы, а опредѣляемымъ результатомъ этого средняго уровня. Получается простая тавтологія: средняя заработная плата опредѣляется суммой заработныхъ платъ, раздѣленныхъ на число рабочихъ. Ср. Taussig. Wages and Capital. Стр. 83 и слѣд. Исторію и критикѣ теоріи фонда посвящена книга Salz'a „Beiträge zur Geschichte und Kritik der Lohnfondstheorie" (1905), страдающая, однако, неопредѣленностью собственной точки зрѣнія автора.

14) „Проблема отнесенія продукта должна быть для правильнаго разрѣшенія совершенно отдѣлена отъ проблемы распредѣленія дохода". Wieser. Der natürliche Wert. Стр. 78. Визеръ разсматриваетъ проблему отнесенія при предположеніи коммунистическаго государства, въ которомъ весь продуктъ принадлежитъ рабочему и о заработной платѣ въ современномъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи.

15) Clark. The distribution of Wealth. 1899. Стр. 181. Буквально то же повторяетъ за Кларкомъ и Зелигманъ—„заработная плата зависитъ отъ предѣльной производительности". Основы политической экономіи. 392.

16) Въ данномъ случаѣ мы касаемся очень важнаго пункта, на которомъ нужно остановиться. Допустимъ, напримѣръ, что фабрика извѣстнаго рода требуетъ для полнаго хода производства 1000 чел. рабочихъ. Пусть рабочіе требуютъ прибавки платы въ 10%, угрожая фабриканту отказомъ отъ работы, причемъ фабрикантъ не имѣетъ возможности замѣнить ихъ другими. Если это повышеніе платы не уменьшаетъ прибыли фабриканта настолько существенно, что онъ предпочтетъ фабрику закрыть, онъ вынужденъ будетъ согласиться на повышеніе платы. Число рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ по повышенной платѣ, будетъ по прежнему 1000 — и въ этомъ-то и заключается вся суть дѣла: повышеніе платы не уменьшило спроса на рабочія руки. Въ данномъ случаѣ ни предложеніе рабочихъ рукъ, ни спросъ не испытали ни малѣйшаго измѣненія, а заработная плата измѣнилась. Правда, повышеніе заработной платы могло бы побудить фабриканта ввести новыя машины и, такимъ образомъ, сократить число занятыхъ рабочихъ. Однако, замѣна рабочихъ машинами возможна далеко не всегда, а лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и является далеко не общимъ правиломъ. Иначе всякое повышеніе платы сопровождалось бы увеличеніемъ безработицы, чего отнюдь не наблюдается.

17) Я считаю возможнымъ не останавливаться подробнѣе на критикѣ новѣйшихъ теорій заработной платы, построенныхъ на принципахъ теоріи

предѣльной полезности по той причинѣ, что теоріи эти кажутся мнѣ идущими по принципіально ложному пути, почему и разсмотрѣніе ихъ не можетъ содѣйствовать пониманію истинныхъ факторовъ заработной платы. Теоріи эти исходятъ изъ представленія, что рабочая сила есть товаръ, подобный прочимъ товарамъ, а заработная плата есть цѣна этого товара и должна быть выведена изъ общей теоріи цѣны. Стремясь къ этой недостижимой цѣли и болѣе или менѣе игнорируя соціальные моменты образованія заработной платы, теоретики этого направленія приходятъ къ крайне искусственнымъ построеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ дѣйствительной жизнью. Теорія предѣльной полезности имѣетъ свою совершенно опредѣленную сферу—цѣнность и цѣну товаровъ и вообще предметовъ хозяйства; явленія же распредѣленія суть явленія соціальной борьбы, принципіально игнорируемой теоріей предѣльной полезности.

18) Серговскій. Стоимость и оцѣнка машинъ. Стр. 15.

19) Шульце-Геверницъ. Крупное производство. Пер. съ нѣм. 1897. Стр. 159.

20) И. Янжулъ. Фабричный бытъ Московской губерніи. 1884. Стр. 44 и слѣд.

21) Тамъ же, 108.

22) О формахъ заработной платы см. Шлоссъ. „Формы заработной платы" и С. и Б. Веббъ „Теорія и практика англійскаго трэдъюніонизма".

23) Bowley. Changes in average Wages in the United Kingdom. Journal of the Royal Statistical Society. T. 48. Стр. 248.

25) S. Webb. Labour in the longest reign. Стр. 18.

24) Отдѣльныя цифры заработной платы въ разныхъ отрасляхъ труда еще и потому не могутъ характеризовать общаго измѣненія экономическаго положенія рабочаго класса, что нужно принимать въ разсчетъ не только заработную плату рабочихъ того и другого рода, но и относительную численность рабочихъ каждаго рода. Заработная плата во всѣхъ отрасляхъ труда можетъ понизиться, а средній заработокъ рабочаго класса возрасти. Пусть, напр., 20 рабочихъ въ одной отрасли труда получаютъ по 10 руб., а 5 рабочихъ, занятыхъ въ другой отрасли, получаютъ по 20 руб. Предположимъ, что заработная плата и тѣхъ и другихъ понизилась и что рабочіе перваго рода стали получать по 8 руб., а рабочіе второго рода по 18 руб.; но въ то же время число рабочихъ второго рода увеличилось до 20, а перваго рода упало до 5. Въ такомъ случаѣ, раньше общій заработокъ всѣхъ рабочихъ равнялся 300 руб., а средній заработокъ одного рабочаго—12 руб. Теперь же общій заработокъ рабочихъ достигъ 400 руб., а средній заработокъ одного рабочаго — 16 руб. При пониженіи заработной платы обѣихъ группъ рабочихъ произошло повышеніе ихъ средняго заработка благодаря тому, что процентъ высокооплачиваемыхъ рабочихъ увеличился.

26) См. Charles Booth. Life and Labour of the People of London. 1892. Vol. II.

27) Charles Booth. The Aged Poor in England and Wales. 1894. Стр. 42, 420.

28) Hutton. Народонаселеніе и общественный строй. Пер. Д. Коропчевскаго. 1898. Стр. 7 и слѣд.

ГЛАВА IV.

Рабочіе союзы.

I. Англійскіе трэдъ-юніоны. Исторія рабочихъ союзовъ Средневѣковыя организаціи подмастерьевъ. Возникновеніе трэдъ-юніоновъ въ Англіи. Четыре періода въ исторіи трэдъ-юніоновъ. Борьба съ фабрикой. Революціонная эпоха тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Эпоха успокоенія и господства буржуазныхъ идеаловъ. Новый трэдъ-юніонизмъ. II. Функціи трэдъ-юніоновъ. Операціи взаимопомощи Различіе трэдъ-юніона отъ страхового учрежденія. Помощь безработнымъ. Стачка. Коллективный рабочій договоръ. Цѣли трэдъ-юніоновъ. III. Рабочіе союзы въ Германіи. Различные виды ихъ. Соціалъ-демократическіе союзы и партія. IV. Рабочее движеніе во Франціи. Биржи труда и ихъ функціи. „Всеобщая конфедерація труда". Отношеніе этой организаціи къ объединенной соціалистической партіи. V. Теорія и практика французскаго синдикализма. Критика парламентарнаго соціализма. Почему парламентарный соціализмъ неизбѣжно принимаетъ оппортунистическій характеръ. Рабочій союзъ—единственная классовая организація пролетаріата. Методы борьбы пролетаріата. Всеобщая стачка. Критика синдикализма. Его сильныя и слабыя стороны. Марксистскіе и анархическіе элементы въ синдикализмѣ. Дополнительныя замѣчанія. Революціонная фраза во французскомъ синдикализмѣ. Защита Сорелемъ идеи всеобщей стачки.

I.

Рабочимъ союзомъ называется такая организація рабочихъ, которая ставитъ себѣ цѣлью защиту интересовъ рабочихъ, какъ продавцевъ своей рабочей силы, иначе говоря, стремится къ регулированію условій продажи труда, въ интересахъ рабочихъ. Поэтому рабочіе союзы по необходимости являются боевыми организаціями — они ведутъ борьбу съ нанимателями труда, предпринимателями. Кромѣ этой главной цѣли, рабочіе союзы, обыкновенно, преслѣдуютъ и цѣли взаимопомощи при разнаго рода несчастіяхъ, угрожающихъ рабочему, напр. пособія при болѣзни, на случай смерти, неспособности къ труду и т. п. Но существен-

ными для рабочаго союза, какъ таковаго, являются лишь цѣли перваго рода и этимъ онъ отличается отъ простого о б щ е с т в а в з а и м о п о м о щ и рабочихъ, которое преслѣдуетъ лишь цѣли взаимопомощи, а не борьбы съ нанимателями труда.

Что касается исторіи рабочихъ союзовъ, то она распадается, прежде всего, на два періода. Первыя рабочія организаціи выросли въ своеобразной экономической и соціальной обстановкѣ средневѣковой городской промышленности въ періодъ ея начинавшагося упадка. Съ 14 и 15 вѣковъ наблюдается медленное перерожденіе цеховаго ремесла въ домашнюю систему крупной промышленности. Въ связи съ этимъ возникаетъ антагонизмъ между цеховыми мастерами и подмастерьями; послѣдніе обособляются въ особый классъ и объединяются въ общества подмастерьевъ для защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ, какъ наемныхъ рабочихъ[1]). Общества подмастерьевъ достигли въ 15 и 16 вѣкахъ значительнаго развитія; борьба ихъ съ мастерами была настолько успѣшна, что общественная власть, бывшая, въ значительной мѣрѣ, въ рукахъ мастеровъ, принимала самыя суровыя мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать развитію этихъ организацій. Апогеемъ развитія обществъ подмастерьевъ былъ 16 вѣкъ; затѣмъ они начинаютъ клониться къ упадку подъ вліяніемъ все болѣе быстраго разложенія цеховаго строя, на основѣ котораго они возникли. Въ падавшихъ промыслахъ наемный рабочій не могъ съ успѣхомъ развивать свою профессіональную организацію.

Новая эпоха развитія рабочихъ союзовъ начинается съ 18 вѣка и начинается, во многихъ случаяхъ, совершенно заново—такъ, напр., въ Англіи никакой связи между новыми союзами рабочихъ и старыми обществами подмастерьевъ замѣтить нельзя[2]). Отличіе старыхъ и новыхъ союзовъ заключалось въ томъ, что старые союзы возникли въ падавшей формѣ промышленности — цеховомъ ремеслѣ—а новые въ развивающемся капиталистическомъ производствѣ. Въ теченіе всего 18 вѣка по мѣрѣ роста капиталистическаго производства (которое въ эту эпоху имѣло характеръ домашней системы крупной промышленности) въ Англіи растутъ и рабочіе союзы. Гдѣ продолжала господствовать мелкая промышленность, тамъ рабочихъ союзовъ не замѣчалось. Такъ, въ сѣверной части Англіи, въ Іоркширѣ, гдѣ мелкое самостоятельное производство сукна удержалось до 19 вѣка, рабочихъ союзовъ въ первой половинѣ 18 вѣка совсѣмъ не было. Въ западной же Англіи, гдѣ уже въ началѣ 18 вѣка распространяется въ суконномъ производствѣ домашняя система крупной промы-

шленности (и, отчасти, мануфактура) рабочіе союзы достигли уже въ началѣ вѣка значительнаго развитія.

Однако, первая широко развѣтвленная рабочая организація, которая по своему обширному распространенію походила на современные рабочіе союзы, такъ какъ охватывала десятки тысячъ рабочихъ, возникла не въ западныхъ графствахъ Англіи, а именно въ Іоркширѣ, среди рабочихъ мелкаго производства. Организація эта охватила суконныхъ рабочихъ почти всего Іоркшира и создалась подъ вліяніемъ особыхъ условій іоркширской промышленности конца 18 вѣка. Въ это время іоркширская мелкая суконная промышленность стала страдать отъ конкуренціи капиталистическаго производства сукна. Задачей организаціи и явилась борьба съ новыми формами промышленности. Рабочіе поставили себѣ цѣлью возстановить рабочее законодательство Елизаветы, номинально сохранявшее силу, регулировавшее условія труда и предоставлявшее назначеніе заработной платы мировымъ судьямъ. Фактически, эти законы давно уже не исполнялись. Союзу удалось настоять на нѣсколькихъ судебныхъ приговорахъ въ пользу рабочихъ и мировыми судьями было даже издано расписаніе заработной платы. Но практическаго значенія это не имѣло, такъ какъ судъ не принялъ никакихъ мѣръ для приведенія своего рѣшенія въ исполненіе. Въ концѣ концовъ, рабочимъ пришлось перенести дѣло въ парламентъ, куда стали поступать многочисленныя петиціи о возстановленіи законодательства Елизаветы. Дѣло получило, однако, совсѣмъ не то окончаніе, котораго ожидали рабочіе. Парламентъ сталъ на сторону капиталистовъ и новыхъ формъ промышленности, и въ 1814 г. елизаветинское рабочее законодательство было отмѣнено — рабочій договоръ былъ признанъ совершенно свободнымъ.

Итакъ, рабочіе потерпѣли пораженіе, что было вполнѣ естественно, такъ какъ они являлись въ данномъ случаѣ врагами промышленнаго прогресса. Въ концѣ концовъ, пораженіе ихъ было не такъ велико—они вынесли изъ этой борьбы опытъ профессіональныхъ организацій.

Исторію англійскаго трэдъ-юніонизма въ 19 вѣкѣ (трэдъ-юніонъ—рабочій союзъ) можно раздѣлить на 4 періода[8]). Первый періодъ, охватывавшій первыя десятилѣтія закончившагося вѣка, характеризовался тѣмъ, что рабочіе стремились бороться не только съ капиталистами, но и съ новыми формами промышленности, съ самымъ капиталистическимъ способомъ производства, какъ таковымъ. Рабочіе стремятся возстановить уже отжившее законода-

тельство, регулировавшее условія труда, и вообще не понимаютъ смысла происшедшей экономической революціи. Еще въ 1826 г. произошло движеніе ручныхъ ткачей противъ ткацкихъ фабрикъ, причемъ цѣлый рядъ фабрикъ былъ разрушенъ. Но это движеніе уже было послѣднимъ въ своемъ родѣ [4]).

Второй періодъ охватываетъ собой революціонное время 30-хъ и 40-хъ годовъ. Въ 1824 г. были отмѣнены законы 1799 г., запрещавшіе, по политическимъ соображеніямъ, рабочіе союзы. Хотя это запрещеніе и не могло остановить роста рабочихъ союзовъ, тѣмъ не менѣе оно было очень тягостно для рабочихъ и тормозило ростъ ихъ организацій. Свобода устройства союзовъ повела къ быстрому увеличенію числа ихъ членовъ, причемъ рабочее движеніе двухъ послѣдующихъ десятилѣтій приняло весьма своеобразный характеръ. Это было время революціонныхъ движеній въ Англіи, причемъ рабочій классъ былъ подъ вліяніемъ, съ одной стороны, политическаго радикализма (чартизмъ), съ другой—соціализма (оуэнизмъ). Среди рабочихъ распространяется взглядъ, что конечной цѣлью профессіональныхъ организацій должно быть созданіе такого порядка, при которомъ данная организація могла бы руководить хозяйственными предпріятіями соотвѣтствующаго рода, иначе говоря, стать собственникомъ средствъ производства — союзы бумагопрядильщиковъ должны стать хозяевами бумагопрядильныхъ фабрикъ, союзы ткачей—ткацкихъ фабрикъ, рудокоповъ—рудниковъ и т. д. Это станетъ возможнымъ, когда вся масса рабочаго класса объединится въ одинъ національный союзъ, подраздѣляющійся на отдѣлы соотвѣтственно родамъ общественнаго труда. Оуэну удалось достигнуть образованія „Великаго Національнаго Объединеннаго Рабочаго Союза", который насчитывалъ около полумилліона членовъ. Но организація эта оказалась крайне непрочной и рухнула въ томъ же 1834 г., когда и возникла. Однако, не смотря на это крушеніе, идеи Оуэна наложили глубокій отпечатокъ на все рабочее движеніе Англіи 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Съ начала 50-хъ годовъ въ исторіи англійскаго рабочаго движенія начинается новая эпоха, продолжавшаяся, приблизительно, до половины 80-хъ годовъ. Рабочіе союзы развивались; однако, они не захватывали широкихъ массъ рабочихъ и были дѣломъ исключительно высшихъ слоевъ рабочаго населенія, представителей такъ назыв. искуснаго труда (skilled labour). Въ союзахъ получили особенное развитіе операціи взаимопомощи—помощь при болѣзняхъ, безработицѣ, на случай смерти и т. д. Но именно въ силу того, что союзы скопили въ своихъ рукахъ

очень значительные капиталы, они утратили свою прежнюю революціонную энергію, стали менѣе склонны къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ капиталистическаго класса. Прежнія увлеченія соціализмомъ Оуэна прошли и англійскіе трэдъ-юніоны проникались совершенно другимъ отношеніемъ къ капиталистическому обществу — усвоили въ большей или меньшей степени идеалы буржуазнаго либерализма. Фабричное законодательство встрѣчало поддержку съ ихъ стороны лишь постольку, поскольку оно распространялось на дѣтей, несовершеннолѣтнихъ и женщинъ; но союзы были рѣшительно враждебны регулированію государствомъ продолжительности труда взрослыхъ мужчинъ.

Въ 80-е годы въ исторіи англійскаго трэдъ-юніонизма слѣдуетъ новый поворотъ. 50-е и 60-е годы были временемъ наибольшаго расцвѣта англійской промышленности. Фабрика окончательно побѣдила и Англія становится страной крупнаго капитала, который въ другихъ странахъ еще не достигъ такого же развитія, благодаря чему Англія быстро завоевываетъ міровой рынокъ, пользуясь наступившимъ въ большей части важнѣйшихъ государствъ ослабленіемъ протекціонизма. Ко времени 80-хъ годовъ положеніе, однако, рѣзко измѣняется: капитализмъ во всемъ мірѣ дѣлаетъ огромные успѣхи, у Англіи появляются все болѣе опасные конкуренты въ лицѣ Америки и Германіи, и даже на Востокѣ, въ Индіи и Японіи, растетъ фабричное производство. Новый поворотъ къ протекціонизму закрываетъ для англійской промышленности многіе рынки и англійская промышленность начинаетъ развиваться значительно замедленнымъ темпомъ. Чтобы удержаться въ прежнемъ уровнѣ и даже подвигаться впередъ, рабочій классъ Англіи долженъ былъ значительно усилить энергію своей классовой борьбы. Оптимистическій либерализмъ смѣняется возвратомъ къ соціалистическимъ идеаламъ, такъ глубоко захватывавшимъ англійскаго рабочаго въ 30-е и 40-е годы. Наступаетъ новая революціонная эпоха англійскаго рабочаго движенія и возникаетъ такъ называемый новый трэдъ-юніонизмъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминавшій трэдъ-юніонизмъ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Эпохой появленія въ англійскомъ рабочемъ движеніи новаго трэдъ-юніонизма можно считать знаменитую стачку докеровъ (рабочихъ на докахъ) 1889 г. Стачка эта впервые показала рабочему классу Англіи, что возможны новыя формы организаціи труда, выгодами которыхъ могутъ пользоваться не только лучше оплачиваемые рабочіе, но и чернорабочіе. Старые трэдъ-юніоны твердо усвоили убѣжденіе, что сила рабочаго союза всецѣло

основывается на денежныхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ. Стачка докеровъ опровергла это мнѣніе, такъ какъ докеры — простые чернорабочіе, представлявшіе собой самый низшій слой англійскаго пролетаріата—безъ наличности какого бы то ни было денежнаго фонда сумѣли одержать блестящую побѣду надъ капиталистами. Докеры побѣдили всеобщимъ сочувствіемъ рабочаго класса въ своей борьбѣ, которое они сумѣли вызвать. Оказалось, что сила общественнаго мнѣнія можетъ побѣдить силу капитала.

Съ этого времени возникаетъ въ Англіи новый трэдъ-юніонизмъ—рабочіе союзы чернорабочихъ, построенные по другому типу, чѣмъ старые трэдъ-юніоны. Старые трэдъ юніоны, надѣявшіеся только на свои капиталы, требовали значительныхъ взносовъ отъ своихъ членовъ. Этими взносами они пользовались для разнообразныхъ операцій взаимопомощи и лишь въ незначительной мѣрѣ для стачечной борьбы. Напротивъ, новые трэдъ-юніоны, охватывающіе бѣднѣйшую часть рабочаго класса, не могутъ требовать значительныхъ взносовъ отъ своихъ членовъ. Ихъ денежныя средства незначительны и потому союзы не могутъ ихъ тратить на операціи взаимопомощи — главнымъ назначеніемъ этихъ средствъ является поддержка рабочихъ во время стачекъ. Денежныя средства союза образуютъ собой, такимъ образомъ, стачечный фондъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу своей денежной слабости, новые трэдъ-юніоны не только не враждебны принципу государственнаго вмѣшательства въ условія рабочаго договора, но горячо отстаиваютъ этотъ принципъ. Они на сторонѣ законодательнаго установленія 8-часового рабочаго дня и болѣе или менѣе склоняются къ соціализму.

Однако, успѣхи новаго трэдъ-юніонизма оказались довольно эфемерными. Факты показали, что трэдъ-юніоны новаго типа такъ же легко распадаются, какъ и возникаютъ. И теперь, какъ и раньше, въ англійскомъ рабочемъ движеніи руководящую роль играютъ трэдъ-юніоны стараго типа, начинающіе, правда, проникаться за послѣднее время новымъ духомъ, какъ свидѣтельствуютъ соціалистическія резолюціи на конгрессахъ трэдъ-юніоновъ и образованіе особой политической рабочей партіи („Independent Labor Party“), являющейся партіей умѣреннаго соціализма. Общая численность членовъ рабочихъ союзовъ въ Англіи достигаетъ теперь почти 2 мил.

II.

Трэдъ-юніоны (стараго типа) преслѣдуютъ двѣ основныхъ задачи: во-первыхъ, защиту рабочаго, какъ продавца своей рабочей силы, и во-вторыхъ, различныя операціи взаимопомощи—страхованіе рабочихъ на случай смерти, болѣзни, неспособности къ труду. Отъ общества взаимопомощи рабочихъ (того, что англичане называютъ „friendly society") трэдъ-юніонъ, какъ сказано, отличается тѣмъ, что онъ всегда преслѣдуетъ и задачи перваго рода. Можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ трэдъ-юніонъ, — организація, нерѣдко охватывающая очень небольшое число лицъ—можетъ удовлетворительно справляться со своими операціями взаимнаго страхованія. Какъ было указано въ главѣ о страхованіи, страхованіе можетъ устранить элементъ случайности изъ своихъ операцій лишь тогда, когда оно охватываетъ очень обширный кругъ лицъ. Только тогда становится возможнымъ точный учетъ вѣроятности наступленія въ будущемъ тѣхъ случайныхъ событій, съ послѣдствіями которыхъ борется страхованіе. Трэдъ-юніонъ, казалось бы, слишкомъ небольшая организація, чтобы брать на себя страховыя операціи. Дѣйствительно, страховыя операціи трэдъ-юніона ведутся совершенно несогласно съ правильной техникой страховаго дѣла. Трэдъ-юніонъ не производитъ точныхъ разсчетовъ для опредѣленія размѣра страховыхъ премій и вообще мало заботится о томъ, чтобы всегда имѣть въ наличности денежныя средства для выполненія своихъ обязательствъ по отношенію къ своимъ членамъ. И тѣмъ не менѣе, трэдъ-юніоны, какъ общее правило, удачно справляются со своими страховыми операціями. Дѣло въ томъ, что, въ отличіе отъ другихъ страховыхъ учрежденій, трэдъ-юніонъ является вполнѣ товарищеской организаціей, члены которой тѣсно связаны между собой солидарностью интересовъ; въ силу этого трэдъ-юніонъ можетъ, въ случаѣ надобности, облагать своихъ членовъ добавочными взносами, если это необходимо для выполненія его обязательствъ, и такимъ способомъ, мало доступнымъ для учрежденія, стоящаго на чисто коммерческой почвѣ, справляться со своими задачами. Соединеніе же страховыхъ операцій съ главными задачами трэдъ-юніона—борьбой съ предпринимателями—объясняется тѣмъ, что для этой борьбы нужны денежныя средства, которыя и привлекаются въ трэдъ-юніонъ его операціями взаимнаго страхованія. Вотъ почему трэдъ-юніонъ стремится развивать свои операціи взаимопомощи — собранныя

такимъ образомъ денежныя средства могутъ, съ согласія членовъ, быть обращены въ стачечный фондъ.

Помощь рабочимъ въ случаѣ болѣзни, семьѣ рабочаго въ случаѣ его смерти и т. п. не составляетъ специфической функціи трэдъ-юніона, какъ таковаго. Но среди его страховыхъ операцій есть одна, которая является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и средствомъ борьбы съ предпринимателями — помощь безработнымъ. Когда трэдъ-юніоны оказываютъ помощь своимъ больнымъ членамъ, они помогаютъ только потерпѣвшимъ; при помощи же безработнымъ они оказываютъ поддержку не только потерпѣвшимъ, но и тѣмъ, кто имѣетъ работу, ибо, избавляя рабочаго отъ опасности очутиться на улицѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію, они этимъ самымъ усиливаютъ позицію рабочаго въ борьбѣ съ предпринимателемъ за лучшія условія труда. Иногда помощь отдѣльнымъ безработнымъ по своимъ результатамъ для рабочихъ равняется коллективной стачкѣ. Такъ, С. и Б. Веббъ указываютъ на примѣръ одного небольшого, но прекрасно организованнаго трэдъ-юніона, который въ теченіе 50 лѣтъ не устраивалъ ни одной стачки и, тѣмъ не менѣе, держалъ въ своихъ рукахъ предпринимателей при помощи слѣдующей политики: если только предприниматель не уступалъ требованіямъ союза, то рабочіе по одиночкѣ бросали у хозяина работу (пользуясь при этомъ пособіемъ отъ союза въ качествѣ безработныхъ), и эта постоянная смѣна рабочихъ такъ разстраивала производство, что хозяева неизмѣнно должны были уступать. Такая стачка въ розницу оказывалась, такимъ образомъ, столь же дѣйствительной, какъ и обычная стачка.

Основная задача всякаго рабочаго союза—противопоставить капиталисту организованнаго рабочаго. Союзъ стремится къ тому, чтобы отдѣльнаго рабочаго, какъ договаривающейся стороны, при рабочемъ договорѣ совсѣмъ не было,—его мѣсто заступаетъ группа рабочихъ той же профессіи, имѣющая возможность отстоять болѣе выгодныя условія договора. Такимъ образомъ, благодаря рабочимъ союзамъ индивидуальный рабочій договоръ замѣняется коллективнымъ рабочимъ договоромъ. Интересы отдѣльнаго рабочаго защищаются общими силами болѣе или менѣе обширной рабочей группы.

Крайней угрозой рабочаго союза является угроза с т а ч к о й— коллективнымъ отказомъ рабочихъ отъ работъ. Стачка является, однако, обоюдоострымъ оружіемъ,—отъ нея страдаютъ какъ хозяева, такъ и рабочіе. Поэтому союзъ прибѣгаетъ къ стачкѣ только въ крайнемъ случаѣ—если нельзя уладить спора съ пред-

принимателемъ другимъ способомъ. Факты западно-европейской жизни показываетъ, что развитіе рабочихъ союзовъ ведетъ не къ умноженію, а къ уменьшенію числа стачекъ—союзъ не станетъ легкомысленно вызывать стачекъ, которыя тяжело ложатся на его кассу, ибо содержаніе стачечниковъ черпается изъ нея.

Стачкѣ рабочихъ хозяева могутъ противопоставить локаутъ—прекращеніе работы въ цѣломъ рядѣ предпріятій, принадлежащихъ хозяевамъ, заключившимъ соглашеніе. Если, напримѣръ, происходитъ стачка на одной фабрикѣ и рабочіе другихъ фабрикъ поддерживаютъ стачечниковъ, то путемъ локаута фабриканты могутъ лишить возможности рабочихъ, имѣющихъ занятіе, поддерживать своихъ товарищей, прекратившихъ работу. За послѣднее время, благодаря быстро растущимъ организаціямъ капиталистическаго класса, локауты становятся обычнымъ орудіемъ борьбы капиталистовъ съ рабочими.

Однако, въ виду разорительности какъ стачекъ, такъ и локаутовъ для обѣихъ сторонъ, и рабочіе и капиталисты заинтересованы въ улаживаніи своихъ конфликтовъ болѣе мирными способами. Этимъ цѣлямъ служатъ различнымъ образомъ организуемые третейскіе суды, состоящіе изъ представителей хозяевъ и рабочихъ. Слабая сторона, однако, такихъ третейскихъ судовъ заключается въ томъ, что для всякаго третейскаго суда требуется извѣстное правовое основаніе. Такого правового основанія для рѣшенія спора между хозяевами и рабочими нѣтъ, такъ какъ обѣ стороны одинаково защищаютъ свои противоположные экономическіе интересы и чей интересъ побѣдитъ, это рѣшается, въ концѣ концовъ, силой.

Однако, кромѣ разрѣшенія спора о новыхъ условіяхъ рабочаго договора, между рабочими и хозяевами нерѣдко возникаютъ споры объ истолкованіи уже принятыхъ, старыхъ условій рабочаго договора. Въ такомъ случаѣ правовое основаніе для третейскаго разбирательства есть и третейскій судъ оказывается осуществимымъ. Практика англійскихъ трэдъ-юніоновъ выработала очень совершенныя организаціи такихъ третейскихъ судовъ, состоящихъ изъ экспертовъ, выбираемыхъ обѣими спорящими сторонами—какъ рабочими, такъ и капиталистами; эти эксперты имѣютъ полную возможность наилучшимъ образомъ разрѣшить споръ объ истолкованіи уже состоявшагося соглашенія рабочихъ съ хозяевами. Но, конечно, если одна изъ сторонъ желаетъ это соглашеніе нарушить, то, въ такомъ случаѣ, третейскій судъ теряетъ свое значеніе, и споръ рѣшается силой.

Таковы пріемы и средства борьбы рабочихъ союзовъ. Цѣли

рабочихъ союзовъ заключаются въ поднятіи экономическаго уровня рабочаго класса—сокращеніи рабочаго дня, повышеніи заработной платы, вообще улучшеніи условій труда. Одно время экономисты, опираясь на теорію фонда заработной платы, отрицали, чтобы рабочіе союзы могли достигать этихъ цѣлей. Но теперь никто въ этомъ не сомнѣвается. Чѣмъ болѣе сплочены рабочіе, чѣмъ болѣе они объединены въ одно цѣлое, тѣмъ они экономически сильнѣе по отношенію къ капиталистамъ и тѣмъ большую долю своего трудового продукта они могутъ отстоять въ борьбѣ съ послѣдними. Улучшеніе экономическаго положенія рабочаго класса Англіи во второй половинѣ 19 вѣка несомнѣнно вызвано, въ весьма значительной степени, трэдъ-юніонами, которые хотя и охватываютъ, сравнительно, незначительную часть рабочаго класса всей страны (около $^1/_4$ взрослыхъ рабочихъ мужчинъ), но регулируютъ условія труда и остальной, неорганизованной части рабочихъ и, такимъ образомъ, могущественнымъ образомъ содѣйствуютъ общему подъему рабочаго класса.

III

Что касается рабочихъ союзовъ въ другихъ странахъ, то въ Германіи рабочее движеніе шло обратнымъ путемъ сравнительно съ Англіей. Въ Англіи политическая партія рабочихъ возникла недавно на основѣ мощнаго развитія рабочихъ союзовъ. Въ Германіи же политическая партія рабочихъ — соціалъ-демократическая рабочая партія—существуетъ уже болѣе 40 лѣтъ, а профессіональные рабочіе союзы пріобрѣли большое значеніе лишь въ послѣднее десятилѣтіе. Соціалъ-демократія долгое время относилась къ рабочимъ союзамъ вполнѣ равнодушно. Лассаль, стоя на почвѣ своего мнимаго „желѣзнаго закона заработной платы“, совсѣмъ отрицалъ возможность для рабочихъ союзовъ поднять заработную плату въ предѣлахъ капиталистическаго строя. Марксисты больше понимали значеніе профессіональнаго движенія, но и они цѣнили союзы преимущественно, какъ средство соціалистической пропаганды. Германскіе законы также очень затрудняли ростъ рабочихъ союзовъ—до сихъ поръ Германія не знаетъ полной свободы рабочихъ союзовъ. Все это тормозило ростъ союзовъ, число членовъ которыхъ въ началѣ 90-хъ годовъ не превышало 300 тысячъ. Затѣмъ начинается быстрый ростъ союзовъ и теперь число членовъ ихъ превышаетъ 1.800 тыс.

Германскіе рабочіе союзы слагаются въ нѣсколько особыхъ

организацій. Самой старой организаціей является организація Гиршъ-Дункеровскихъ союзовъ, основанныхъ либеральными дѣятелями Гиршемъ и Дункеромъ съ цѣлью создать противовѣсъ въ рабочемъ классѣ соціалъ-демократіи. Союзы эти и до настоящаго времени относятся враждебно къ соціалъ-демократической партіи. Въ 90-хъ годахъ закончившагося вѣка возникли различнаго рода христіанскіе (католическіе и протестантскіе) рабочіе союзы. Но главная масса рабочихъ принадлежитъ къ соціалъ-демократическимъ рабочимъ союзамъ (число членовъ которыхъ превышаетъ 1.400 тыс.). Союзы эти, хотя члены ихъ частью принадлежатъ къ соціалъ-демократической партіи, частью сочувствуютъ ей, представляютъ собой организаціи, формально совершенно независимыя отъ партіи. Германская соціалъ-демократія твердо стоитъ на томъ принципѣ, что рабочіе союзы должны быть политически нейтральны, такъ какъ политическій нейтралитетъ даетъ возможность объединенія въ союзахъ рабочихъ различныхъ политическихъ партій. Однако, на практикѣ германскіе рабочіе союзы далеко не соблюдаютъ такого нейтралитета—всѣ они имѣютъ ту или иную партійную окраску.

Въ германскихъ рабочихъ союзахъ операціи взаимопомощи развиты вообще гораздо слабѣе, чѣмъ въ англійскихъ—отчасти потому, что въ Германіи нѣкоторыя изъ этихъ операцій исполняются органами государства (принудительное страхованіе отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, инвалидности и старости). Но за послѣднее время, по мѣрѣ роста союзовъ, стали развиваться и операціи взаимопомощи. Соціалъ-демократическіе союзы, охватывающіе собой значительное большинство организованныхъ рабочихъ Германіи, пріобрѣтаютъ все больше и больше вліянія на рабочій классъ Германіи. Представляя собой организацію, независимую отъ соціалъ-демократической партіи, они преслѣдуютъ болѣе оппортунистическую политику и вообще стоятъ по своей тактикѣ правѣе партіи. На этой почвѣ между ними и партіей возникало за послѣднее время не мало конфликтовъ, разрѣшавшихся путемъ взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ.

IV

Весьма любопытныя и своеобразныя формы имѣетъ рабочее движеніе Франціи, идущее подъ флагомъ такъ назыв. революціоннаго синдикализма. Французское рабочее движеніе развивалось въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ германское и англійское. Крушеніе Коммуны въ 1871 г. на-

несло тяжелый ударъ французскому соціализму; соціалистическое движеніе должно было во Франціи начаться заново, причемъ единственными соціалистическими рабочими организаціями, пережившими во Франціи кризисъ Коммуны, были нѣкоторые профессіональные рабочіе союзы. Геду, вождю французскихъ соціалистовъ марксистскаго направленія, и его друзьямъ удалось въ 1879 г. организовать на основѣ объединившихся рабочихъ союзовъ (синдикатовъ) политическую соціалистическую партію. Партія эта пыталась стать во главѣ французскихъ синдикатовъ и съ этой цѣлью въ 1886 г. основала „Національную федерацію синдикатовъ". Однако, синдикаты очень скоро разошлись съ партіей, благодаря тому, что она усматривала въ нихъ лишь орудіе для своихъ политическихъ цѣлей.

Въ томъ же 1886 г. въ Парижѣ возникло новое рабочее учрежденіе, которому было суждено явиться образцомъ для учрежденій подобнаго рода во всей Франціи и сыграть очень крупную роль во французскомъ рабочемъ движеніи — „Биржа труда". Французскія б и р ж и т р у д а являются весьма интересными и своеобразными учрежденіями. Ихъ основной задачей является посредничество между спросомъ и предложеніемъ труда, содѣйствіе тому, чтобы рабочіе могли находить на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ покупателей своей рабочей силы. Для этого биржи труда ведутъ детальную статистику спроса на трудъ и предложенія его, оказываютъ разнообразную помощь ищущимъ работы, выдаютъ рабочимъ пособія на путевыя издержки, вообще, принимаютъ всевозможныя мѣры къ облегченію нахожденія рабочими занятія. Но понятно, все это выполнимо лишь въ томъ случаѣ, если биржа находится въ живой связи съ рабочими союзами, объединяющимъ центромъ которыхъ она и стремится стать. Вмѣстѣ съ этимъ биржа выполняетъ цѣлый рядъ другихъ второстепенныхъ функцій — организовываетъ профессіональное обученіе рабочихъ, промышленные музеи, библіотеки, спеціальные курсы и лекціи для рабочихъ и т. п. Поддерживая связи и съ кооперативными организаціями, биржа труда стремится стать связующимъ звеномъ всѣхъ разнообразныхъ учрежденій, преслѣдующихъ цѣли улучшенія положенія рабочаго класса.

Биржи труда имѣли во Франціи большой успѣхъ и теперь ихъ считается во всей странѣ 135. Къ нимъ примыкаетъ множество рабочихъ союзовъ, число членовъ которыхъ доходитъ до 350 тыс. (т. е. менѣе половины всего числа членовъ рабочихъ союзовъ Франціи, достигающаго, приблизительно, 800 тысячъ). Успѣхъ этотъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что во

французскихъ рабочихъ союзахъ очень слабо развиты операціи взаимопомощи. Исполненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ операцій и взяли на себя биржи труда, которыя и явились, поэтому, необходимымъ дополненіемъ рабочихъ союзовъ. Въ Англіи почти всѣ эти операціи исполняются трэдъ-юніонами.

Въ 1892 г. на конгрессѣ биржъ труда въ Сентъ-Этьенѣ была основана „Національная федерація биржъ труда", стоявшая на вполнѣ соціалистической почвѣ, но относившаяся съ рѣзкимъ отрицаніемъ къ стремленію Геда и его партіи подчинить экономическую борьбу рабочихъ съ предпринимателями политической борьбѣ и превратить экономическія организаціи рабочихъ въ простой придатокъ соціалистической партіи. На этой почвѣ возникла ожесточенная борьба гедистской „Національной федераціи синдикатовъ" и „Національной федераціи биржъ труда". Главнымъ предметомъ разногласія былъ вопросъ о всеобщей стачкѣ, которую гедисты отвергали, но въ которой представители биржъ труда (выражавшіе то теченіе, которое называютъ „революціоннымъ синдикализмомъ") усматривали могущественнѣйшее орудіе борьбы пролетаріата. На Нантскомъ конгрессѣ 1894 г., въ которомъ приняли участіе обѣ соперничавшія рабочія организаціи, рѣшительно побѣдило второе теченіе: огромнымъ большинствомъ голосовъ была принята резолюція, благопріятная всеобщей забастовкѣ. Послѣ Нантскаго конгресса „Національная федерація синдикатовъ" приходитъ въ упадокъ и лишается своихъ членовъ. Вмѣсто этой федераціи, сошедшей со сцены, возникла въ 1895 г., по иниціативѣ руководителей биржъ труда, новая организація—„Всеобщая конфедерація труда", включившая въ себя въ 1902 г. и „Національную федерацію биржъ труда". Въ настоящее время она является центромъ, объединяющимъ все французское профессіональное рабочее движеніе соціалистическаго направленія.

Такимъ образомъ, французское соціалистическое движеніе имѣетъ, въ настоящее время, два центра: съ одной стороны, объединенную соціалистическую партію, для которой политическая борьба стоитъ на первомъ планѣ, а, съ другой стороны, экономическую организацію рабочаго класса, „Всеобщую конфедерацію труда", которая на первый планъ выдвигаетъ экономическую борьбу.

V.

Французскій революціонный синдикализмъ сложился въ цѣлое своеобразное идейное теченіе, глубоко отличающееся отъ обычнаго маркситскаго соціализма, соотвѣтственно иному характеру французскаго рабочаго движенія. Въ Англіи руководящую роль въ рабочемъ движеніи продолжаютъ сохранять трэдъ-юніоны прежняго типа—соединяющіе съ функціями рабочихъ союзовъ также и операціи обществъ взаимопомощи; именно этимъ соединеніемъ и опредѣляется миролюбивый характеръ англійскихъ трэдъ-юніоновъ, не желающихъ подвергать риску свои операціи взаимопомощи и крупные капиталы, которые были скоплены ими для этой цѣли. Въ Германіи рабочіе союзы были первоначально преимущественно боевыми организаціями; но мало по малу они стали расширять свои операціи взаимопомощи и въ настоящее время приближаются къ типу англійскихъ трэдъ-юніоновъ. Соотвѣтственно этому и общее настроеніе германскихъ рабочихъ союзовъ стало менѣе боевымъ, и въ настоящее время они стоятъ значительно правѣе соціалъ-демократической партіи, какъ это обнаруживается на всѣхъ конгрессахъ партіи и союзовъ за послѣдніе годы.

Напротивъ, французскіе синдикаты, входящіе въ составъ „Всеобщей конфедераціи труда“, стоятъ по своей готовности къ боевымъ выступленіямъ лѣвѣе соціалистической партіи. Экономическія организаціи, стоящія лѣвѣе самой лѣвой изъ всѣхъ существующихъ политическихъ партій— это, несомнѣнно, нѣчто своеобразное и отличающееся отъ того, что мы видимъ въ Англіи и Германіи.

Французскій синдикализмъ представляетъ собой не только своеобразное направленіе рабочаго движенія, но и своеобразную теорію, которая выросла непосредственно изъ жизни. Въ центрѣ этой теоріи мы находимъ весьма любопытное представленіе о роли парламентаризма въ общественной жизни. Марксистскій соціализмъ свелся на практикѣ преимущественно къ парламентской борьбѣ за интересы рабочаго класса. По мнѣнію же теоретиковъ революціоннаго синдикализма, парламентская борьба по самому существу дѣла не можетъ ничего дать рабочему классу. Стремясь къ созданію чисто классовой политической партіи, которая защищала бы его интересы въ парламентѣ, пролетаріатъ обманываетъ себя иллюзіей, будто политическія партіи могутъ имѣть чисто классовой характеръ. Но чисто классовыхъ партій никогда не было и не будетъ, по очень простой причинѣ:

классъ — это общность интересовъ, партія же — общность мнѣній. Принадлежность къ тому или иному классу опредѣляется всѣми условіями жизни человѣка, а принадлежность его же къ той или иной партіи — только его мнѣніями. Но люди съ разными экономическими интересами могутъ имѣть сходныя мнѣнія по цѣлому ряду вопросовъ; поэтому партія неизбѣжно переливается за предѣлы класса. И это не можетъ не происходить, такъ какъ партія не можетъ не включать въ себя всѣхъ лицъ, ей сочувствующихъ, къ какому бы классу они ни принадлежали.

Итакъ, чисто классовая партія есть внутренняя невозможность. Но этого мало. И въ другихъ отношеніяхъ политическая партія не пригодна для защиты пролетарскихъ интересовъ. Всякая партія предполагаетъ управляющихъ и управляемыхъ, вождей и толпу; парламентское представительство стоитъ слишкомъ далеко отъ массы рабочаго класса, чтобы непосредственно подчиняться его контролю. Парламентская дѣятельность требуетъ такого уровня образованія, который недоступенъ обыкновенному рабочему. Поэтому управленіе партіей естественно сосредоточивается въ рукахъ людей или совсѣмъ не имѣющихъ ничего общаго съ пролетаріатомъ и принадлежащихъ по своимъ экономическимъ интересамъ къ буржуазіи, или же изъ выходцевъ пролетаріата, совершенно порвавшихъ съ условіями жизни пролетаріата. Крупный политическій дѣятель всегда стоитъ по своимъ условіямъ жизни далеко отъ пролетаріата, даже если онъ въ молодые годы и принадлежалъ къ его составу.

Далѣе, парламентъ по самому своему существу есть не борьба, а сотрудничество классовъ. Какъ бы революціонно ни была настроена та или иная парламентская фракція, парламентская машина не можетъ не потушить ея революціонный пылъ. Парламентская дѣятельность слагается изъ мелочей повседневной парламентской работы; работа эта не только не отрицаетъ существующаго общественнаго строя, но, напротивъ, укрѣпляетъ его. Принимая участіе въ этой повседневной парламентской работѣ, партія отказывается отъ революціоннаго отношенія къ существующему обществу, и никакія революціонныя фразы не могутъ затушевать этого несомнѣннаго факта. Всякая парламентская партія должна стремиться увеличить свое вліяніе въ парламентѣ; это ведетъ къ тому, что партія вступаетъ въ соглашенія для тѣхъ или иныхъ парламентскихъ цѣлей съ другими парламентскими партіями—и, значитъ, вмѣсто борьбы съ буржуазными партіями, сотрудничаетъ съ ними.

Поэтому, всякой парламентской партіи присущъ оппортуни-

стическій характеръ, какъ бы она ни стремилась этого избѣгнуть. Вотъ основная причина, почему, несмотря на все стремленіе марксистской соціалъ-демократіи сохранить вѣрность своему революціонному знамени, несмотря на многократныя осужденія реформистскаго соціализма (т. е. такого соціализма, который разсчитываетъ не на революцію, а на соціальныя реформы въ предѣлахъ существующаго буржуазнаго общества), реформистскій соціализмъ не только не уступаетъ своихъ позицій, а фактически безусловно господствуетъ во всѣхъ соціалистическихъ партіяхъ міра. Съ практической точки зрѣнія нѣтъ никакого различія между революціоннымъ и реформистскимъ соціализмомъ — и Бебель и Бернштейнъ, и Гедъ и Жоресъ въ равной мѣрѣ реформисты.

Вотъ почему, несмотря на то, что соціалистическія партіи принимаютъ участіе въ парламентской дѣятельности уже многіе десятки лѣтъ, трудно указать какіе бы то ни было положительные результаты этой дѣятельности для рабочаго класса. Парламентскій соціализмъ оказался не въ силахъ провести ни одной серьезной мѣры въ интересахъ пролетаріата и, такимъ образомъ, невозможность использовать парламентъ для цѣлей рабочаго класса можетъ считаться доказанной на опытѣ.

Но этого мало. Не только парламентскій соціализмъ безплоденъ, какъ сухая смоковница, но онъ и положительно вреденъ: онъ питаетъ въ рабочемъ классѣ совершенно несбыточную иллюзію, какъ будто бы возможно достигнуть цѣлей соціализма безъ всякихъ усилій и борьбы, просто путемъ парламентскаго вота. Парламентскій соціализмъ привелъ къ тому, что массы перестали вѣрить въ революцію и совершенно утратили революціонное настроеніе. Особенно это замѣтно въ той странѣ, гдѣ парламентскій соціализмъ получилъ наибольшее развитіе — въ Германіи; германская соціалъ-демократія совершенно неспособна къ революціоннымъ выступленіямъ при какомъ бы то ни было случаѣ. Это очень ярко обнаружилось, когда въ „Красномъ королевствѣ", Саксоніи, въ которой соціалистическая партія всего сильнѣе, былъ проведенъ новый избирательный законъ, лишившій рабочія массы участія въ выборахъ въ ландтагъ; соціалъ-демократія подчинилась этому нарушенію народныхъ правъ безъ малѣйшей попытки борьбы.

При господствѣ парламентскаго соціализма соціалистическая дѣятельность рядового соціалиста сводится только къ тому, что онъ отъ времени до времени подаетъ голосъ за соціалистическаго депутата. Этотъ тайный вотъ ни къ чему не обязываетъ и не

требуетъ никакого самопожертвованія. Рабочій привыкаетъ къ мысли, что борьба за соціалистическій идеалъ лежитъ не на немъ, а на его вождяхъ, и становится равнодушенъ къ соціализму.

Итакъ, политическая организація, по самой своей природѣ, не пригодна для революціоннаго соціализма. На какую же общественную организацію долженъ опереться революціонный соціализмъ? На ту, которая является единственной чисто классовой пролетарской организаціей въ современномъ обществѣ—на рабочіе союзы, синдикаты. Въ противность партіи, рабочій союзъ, по самой своей сущности, не можетъ включать никого, кромѣ рабочихъ. Опасность буржуазнаго перерожденія нисколько не грозитъ рабочему союзу. Рабочій союзъ не оторванъ отъ рабочаго класса, какъ партія, а составляетъ съ нимъ одно цѣлое. Въ рабочемъ союзѣ нѣтъ вождей и толпы, такъ какъ дѣла рабочаго союза непосредственно интересуютъ рядового рабочаго и ему совершенно доступны и понятны; жизнь рабочаго союза протекаетъ въ непосредственномъ взаимодѣйствіи съ массой рабочаго класса. Наконецъ, что самое главное, рабочій союзъ занятъ не сотрудничествомъ съ буржуазіей, а непосредственной борьбой съ ней. Поэтому, не только рабочій союзъ есть единственная чисто классовая организація рабочаго класса, но это и единственная организація, ведущая классовую борьбу съ капиталистами.

Итакъ, дѣйствительно классовой соціализмъ не можетъ быть нечѣмъ инымъ, какъ синдикальнымъ соціализмомъ. Въ противоположность парламентарному соціализму, онъ долженъ опираться не на партію, а на рабочіе союзы. Соотвѣтственно этому и методы его борьбы, его тактика должны быть совершенно иными.

Парламентарный соціализмъ разсчитываетъ на законодательныя мѣры въ интересахъ рабочихъ. Синдикальный соціализмъ не вѣритъ въ помощь парламента. Поэтому, онъ можетъ разсчитывать только на самопомощь рабочаго класса; рабочему нечего разсчитывать на кого-либо, кромѣ самого себя—онъ имѣетъ лишь то, что въ состояніи захватить или отстоять собственной силой. Отсюда тактика „прямого дѣйствія“ (action directe), провозглашаемая революціоннымъ синдикализмомъ. Путемъ непосредственной классовой борьбы съ капиталистами рабочіе должны завоевать себѣ лучшія условія существованія. Чѣмъ лучше будетъ ихъ организація, чѣмъ значительнѣе ихъ экономическая и соціальная

мощь, тѣмъ большаго рабочіе будутъ въ силахъ достигнуть уже въ предѣлахъ существующаго строя.

Средства борьбы съ капиталистами могутъ быть весьма разнообразны. Не только классическая стачка, которая признается и самыми миролюбивыми трэдъ-юніонами, но и другіе, менѣе распространенные методы борьбы могутъ пускаться въ ходъ, напр. бойкотъ (борьба съ той или иной фирмой путемъ отказа отъ покупки товаровъ этой фирмы), лебель (покупка, по возможности, только тѣхъ товаровъ, на которыхъ имѣется клеймо соотвѣтствующаго рабочаго союза, удостовѣряющаго, что при производствѣ этого товара соблюдаются требованія союза), саботажъ (умышленно небрежная работа или даже прямая порча товара той фирмы, съ которой ведется борьба). Впрочемъ, саботажъ защищается далеко не всѣми сторонниками революціоннаго синдикализма.

Все это методы борьбы за улучшеніе положенія рабочаго класса въ предѣлахъ существующаго строя. Но они имѣютъ лишь подготовительное значеніе по отношенію къ окончательной борьбѣ, имѣющей разрушить капиталистическій строй и создать новый. Эта окончательная борьба возможна лишь въ формѣ всеобщей стачки всей массы рабочихъ, всеобщаго прекращенія производительной дѣятельности рабочихъ, что должно сдѣлать невозможнымъ существованіе капиталистическаго общества. Эта всеобщая стачка должна сыграть роль соціальнаго катаклизма, который поглотитъ старый міръ и приведетъ къ переходу средствъ производства въ руки рабочихъ синдикатовъ.

Не надѣясь ни въ какомъ отношеніи на современное государство, синдикалисты являются его наиболѣе непримиримыми врагами. Но на чемъ основана сила государства? Прежде всего, на арміи. И вотъ, одной изъ характернѣйшихъ особенностей синдикализма является вражда къ арміи и милитаризму. Именно въ качествѣ антимилитаристовъ синдикалисты преимущественно и извѣстны широкой публикѣ. Они стремятся разрушить армію путемъ уничтоженія въ ней дисциплины, пропаганды среди солдатъ вражды къ офицерамъ и самой идеѣ отечества. Въ случаѣ войны, говорятъ они, солдаты должны стрѣлять не въ непріятеля, а въ своихъ офицеровъ; война съ внѣшнимъ врагомъ является самымъ подходящимъ моментомъ для внутренняго возстанія.

Такова теорія и практика синдикализма. Въ своей критикѣ марксистскаго соціализма синдикалисты во многихъ случаяхъ совершенно правы. Такъ, нельзя не согласиться съ ихъ центральнымъ положеніемъ, что всякая политическая партія, по

самой своей природѣ, не можетъ быть только классовой организаціей и что чисто-классовый пролетарскій характеръ имѣетъ лишь рабочій союзъ. Но практическія заключенія, которыя синдикалисты дѣлаютъ изъ этого вполнѣ вѣрнаго положенія, несостоятельны. Доводя до крайнихъ выводовъ тезисъ Маркса, что освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ его самого, синдикалисты приходятъ къ отрицанію партіи. На самомъ же дѣлѣ, слѣдовало бы прійти къ выводу, что тезисъ Маркса, въ своей абсолютной формѣ, несостоятеленъ—что кромѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата, соціализмъ не можетъ не опираться и на интересы другого порядка. Въ своемъ отрицаніи партіи и исключительномъ признаніи рабочаго союза синдикалисты оказываются наиболѣе послѣдовательными марксистами; но эта послѣдовательность есть не что иное, какъ reductio ad absurdum марксизма.

Совершенно ясно, что рабочій союзъ внѣ партіи не можетъ быть борцомъ за соціалистическую идею: рабочій союзъ охватываетъ рабочихъ лишь опредѣленной профессіи и ведетъ борьбу за ближайшіе и очень узкіе интересы рабочихъ этой профессіи. Поэтому, рабочіе союзы, выдвигая на первый планъ ближайшія нужды отдѣльныхъ рабочихъ группъ въ ущербъ болѣе отдаленнымъ цѣлямъ всего рабочаго класса, не могутъ не вносить извѣстнаго разъединенія въ рабочій классъ. Только партія объединяетъ всю массу рабочихъ и ведетъ борьбу за конечныя цѣли соціализма. И если французскіе синдикаты, объединенные во „Всеобщей конфедераціи труда", оказались лѣвѣе партіи, то это объясняется лишь незрѣлостью всего рабочаго движенія Франціи. Профессіональное движеніе во Франціи развито гораздо слабѣе, чѣмъ въ Англіи и Германіи, а революціонные синдикаты составляютъ лишь меньшинство французскихъ рабочихъ синдикатовъ. Революціонность ихъ объясняется тѣмъ, что они мало функціонируютъ въ качествѣ синдикатовъ; они почти не практикуютъ операцій взаимопомощи, располагаютъ лишь совершенно ничтожными денежными средствами и вообще по своему типу приближаются къ такъ назыв. новымъ трэдъ-юніонамъ Англіи, которые оказались весьма нестойкими организаціями. Не выполняя существенныхъ функцій, съ которыми связаны жизненные интересы рабочихъ, и не имѣя, что терять, они легко склоняются къ боевымъ выступленіямъ. Но будучи очень слабы на экономической почвѣ, они рѣдко достигаютъ успѣха въ своихъ выступленіяхъ и легко распадаются при неуспѣхѣ. Совсѣмъ другое положеніе превосходно организованныхъ и богатыхъ денежными средствами трэдъ-юніоновъ стараго типа, продолжающихъ играть руководящую

роль въ профессіональномъ движеніи Англіи. Эти трэдъ-юніоны не легко рѣшаются на боевыя выступленія, грозящія въ случаѣ неудачи опустошеніемъ кассы союза, на которой лежатъ чрезвычайно серьезныя обязательства по отношенію къ операціямъ взаимопомощи среди членовъ союза. Съ другой стороны, располагая капиталами въ десятки и сотни тысячъ ф. с., такой трэдъ-юніонъ представляетъ собой грозную экономическую силу, и въ борьбѣ съ предпринимателемъ можетъ вполнѣ реально защищать интересы своихъ членовъ. Къ этому же типу направляется развитіе и германскихъ рабочихъ союзовъ и, безъ сомнѣнія, направится развитіе и французскихъ союзовъ, когда эти союзы достигнутъ большой силы.

Тактика французскаго синдикализма сводится къ такъ наз. „прямому дѣйствію"—непосредственному захвату пролетаріатомъ нужныхъ ему правъ въ борьбѣ съ капиталистами, оставляя въ сторонѣ воздѣйствіе на законодательство. Но эта борьба можетъ имѣть успѣхъ лишь при извѣстномъ положеніи рынка: какъ общее правило, стачки рабочихъ бываютъ успѣшны въ восходящемъ фазисѣ капиталистическаго цикла — въ періодъ подъема промышленности; напротивъ, въ нисходящемъ фазисѣ, въ періодъ промышленнаго застоя, стачки рѣдко имѣютъ успѣхъ по той простой причинѣ, что въ это время сами капиталисты принуждены условіями рынка сокращать производство и увольнять рабочихъ. При массовой безработицѣ рабочіе не могутъ путемъ стачки серьезно угрожать предпринимателямъ. Что же касается другихъ пріемовъ борьбы, то бойкотъ и лебель рѣдко могутъ имѣть существенное значеніе, а саботажъ есть слишкомъ опасное орудіе борьбы съ точки зрѣнія интересовъ самихъ рабочихъ и отвергается многими изъ представителей синдикализма. Саботажъ не только убыточенъ для предпринимателя, но въ корнѣ разрушаетъ самую возможность производства и приводитъ къ уничтоженію предпріятія, что отнюдь не въ интересахъ рабочихъ.

Поэтому, презрѣніе синдикалистовъ къ законодательнымъ мѣрамъ по охранѣ интересовъ труда всего менѣе обосновано. Какъ ни мало сдѣлано въ этой области современнымъ государствомъ, и это немногое чрезвычайно цѣнно для рабочаго класса. Если бы рабочій былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ предпринимателями, то его положеніе въ настоящее время было бы несравненно хуже, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Государственная охрана интересовъ рабочаго представляетъ собой настолько существенное дополненіе къ его самоохранѣ, что отказываться отъ помощи государства

значитъ совершенно не понимать дѣйствительнаго положенія дѣлъ.

Наконецъ, всеобщая стачка, проповѣдуемая синдикалистами, отнюдь не можетъ быть выдвигаема въ противовѣсъ политической борьбѣ рабочаго класса. Всеобщая стачка можетъ имѣть успѣхъ лишь при наличности цѣлаго ряда условій и, прежде всего, при наличности политической организаціи рабочихъ. Всеобщая стачка не устраняетъ необходимость въ партіи, а предполагаетъ послѣднюю.

Въ общемъ, теорія синдикализма представляетъ собой любопытное соединеніе идей марксизма и анархизма. Отъ марксистовъ синдикалисты заимствовали свою классовую точку зрѣнія; доведя ее до крайняго развитія, они тѣмъ самымъ вскрыли и ея недостаточность. Отъ анархистовъ синдикалисты заимствовали свое презрѣніе къ парламентаризму и свою непримиримую вражду къ государству; ихъ антимилитаризмъ и антипатріотизмъ точно также внушены духомъ анархизма.

По своимъ конечнымъ цѣлямъ, которыя сводятся, по представленію теоретиковъ синдикализма, къ передачѣ въ распоряженіе рабочихъ синдикатовъ средствъ производства — синдикализмъ воскрешаетъ оуэнистскій трэдъ-юніонизмъ 30-хъ годовъ. Эта форма соціализма, которую можно назвать корпоративнымъ соціализмомъ, является самымъ несовершеннымъ видомъ соціализма. Корпоративный соціализмъ имѣетъ въ виду раздѣлить общество на отдѣльныя рабочія группы, между которыми должна начаться такая-же борьба, какая теперь идетъ между отдѣльными капиталистическими предпріятіями; только переходъ средствъ производства въ руки всего общества, какъ цѣлаго (а не отдѣльныхъ частей его), можетъ установить гармонію интересовъ всѣхъ общественныхъ группъ, къ чему стремится соціализмъ [6]). Такимъ образомъ, идеалъ синдикализма не есть истинный соціалистическій идеалъ, а тактика синдикализма, заключая въ себѣ извѣстныя сильныя стороны, какъ противовѣсъ чрезмѣрному увлеченію политикой, въ цѣломъ грѣшитъ непониманіемъ необходимости для рабочаго класса политической и, въ частности, парламентской борьбы.

Историкъ французскаго рабочаго движенія Поль Луи даетъ слѣдующее опредѣленіе рабочаго союза (синдиката): «синдикатъ есть ассоціація рабочихъ одного ремесла или одной отрасли промышленности, которая сначала заботится объ улучшеніи условій рабочаго класса въ рамкахъ существующаго строя; въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эта

организація стремится къ разрушенію этихъ рамокъ, подготовляя матеріальные и моральные элементы для будущей новой экономической организаціи». 7). Въ этомъ опредѣленіи очень ярко выражена основная точка зрѣнія синдикалистовъ. По ихъ представленію рабочіе союзы достигши извѣстной ступени развитія, неизбѣжно принимаютъ революціонный характеръ и начинаютъ вести борьбу не съ отдѣльными капиталистами, а съ капиталистическимъ строемъ, какъ таковымъ. Но, какъ было указано, обобщеніе Луи далеко не оправдывается фактами. Исторія рабочихъ союзовъ не только не доказываетъ, что по мѣрѣ своего развитія союзы принимаютъ болѣе революціонный характеръ, а свидѣтельствуетъ скорѣе объ обратномъ. Именно на первыхъ ступеняхъ своего развитія союзы обычно обнаруживаютъ всего больше революціоннаго пыла, который исчезаетъ по мѣрѣ усиленія ихъ экономическаго могущества.

Что касается до революціонности французскихъ синдикатовъ, входящихъ въ составъ «Всеобщей конфедераціи труда», то не нужно упускать изъ виду, что синдикаты эти составляютъ лишь меньшинство французскихъ рабочихъ союзовъ. Изъ 800 т. организованныхъ французскихъ рабочихъ къ конфедераціи принадлежитъ, по послѣднему отчету, всего, 293 тысячи, т.-е. немногимъ болѣе трети.

Но иногда революціонность синдикалистовъ сводится къ революціонной фразѣ, которой они сами не вѣрятъ. Руководящее мѣсто среди теоретиковъ синдикализма занимаетъ Ж. Сорель, котораго другой выдающійся теоретикъ того же направленія, А. Лабріола, называетъ „величайшимъ соціалистическимъ мыслителемъ современной Европы“ 8). Какъ единственное средство разрушенія капиталистической системы хозяйства и созданія соціалистическаго строя, синдикалисты выдвигаютъ, какъ извѣстно, всеобщую стачку. Краснорѣчивымъ защитникомъ всеобщей стачки является и Сорель. Но онъ же при этомъ оговаривается, что для него „совершенно не важно, есть ли всеобщая забастовка нѣчто реально осуществимое или только плодъ народнаго воображенія“. Для него важно лишь то, что идея всеобщей забастовки есть наиболѣе революціонная идея—и потому онъ всѣми силами поддерживаетъ эту идею. „Даже въ томъ случаѣ, если бы революціонеры во всемъ ошибались, рисуя себѣ фантастичную картину всеобщей забастовки, эта картина можетъ быть факторомъ великой силы во время подготовки къ революціи, если только она включаетъ въ себя всѣ стремленія соціализма и выражаетъ совокупность революціонныхъ идей съ такой опредѣленностью и яркостью, какихъ имъ не могли придать другіе методы мышленія“ 9).

Итакъ, Сорель утверждаетъ, что для общественнаго дѣятеля совершенно не важно, осуществимо или нѣтъ то, къ чему онъ призываетъ общество. Пусть разрушеніе капиталистическаго строя посредствомъ всеобщей стачки есть просто миѳъ; но если этотъ миѳъ возбуждаетъ революціонныя страсти, то революціонеры должны содѣйствовать распространенію этого миѳа. Въ этомъ удивительномъ разсужденіи поражаетъ прежде всего глубокое презрѣніе къ толпѣ; почему Сорель убѣжденъ, что толпа не въ силахъ, подобно ему, разсмотрѣть миѳическій характеръ всеобщей стачки? А если это случится, то какимъ образомъ этотъ миѳъ будетъ возбуждать революціонныя страсти? Сорель прово-

дитъ примѣры огромнаго историческаго вліянія такихъ мнѣній, какъ вѣра первыхъ христіанъ въ близкое второе пришествіе Христа. Но вѣдь христіане вѣрили во второе пришествіе, а Сорель не вѣритъ во всеобщую стачку, объявляетъ это во всеуслышаніе и продолжаетъ ее пропопѣдывать...

ЛИТЕРАТУРА.

Рабочіе союзы, ихъ исторія и теорія. Шёнланкъ. Союзы подмастерьевъ во Франціи. (Сборникъ „Исторія труда". Пер. съ нѣм. 2-е изд. 1905). С. и Б. Веббъ. Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Пер. съ англ. 1899. Ихъ же. Теорія и практика трэдъ-юніонизма. 1900—1901. Кулеманъ. Профессіональное движеніе. Пер. съ нѣм. 1901. Поль де-Рузье. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Пер. съ франц. 1898. Ностицъ. Рабочій классъ въ Англіи въ XIX столѣтіи. пер. съ нѣм. 1902. Шмёле. Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи. Пер. съ нѣм. 1904. В. Зомбартъ. Организація труда и трудящихся. Пер. съ нѣм. 1901. Вигуру. Рабочіе союзы въ сѣверной Америкѣ. 1900. Прокоповичъ. Рабочее движеніе въ Германіи. 2-е изд. 1908. Святловскій. Профессіональные рабочіе союзы. 2-е изд. 1906. В. Тотоміанцъ. Формы рабочаго движенія. 2-е изд. 1907.

Стачки. Л. Скаржинскій. Забастовки и рабочія сотоварищества. 1905. В. Поссе. Рабочія стачки (3 выпуска). 1906. E. Bernstein. Der Streik, sein Wesen und Wirken. 1906. (русск. пер). R. Vermault. Les grèves. 1901. А. Миклашевскій. Стачки и соціальный вопросъ. 1905. Ph. Stein. Ueber Streiks und Aussperrungen. 1907. Полянскій. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. 1907.

Революціонный синдикализмъ. Лягарделль. Революціонный синдикализмъ. Пер. съ франц. 1906. Л. Козловскій. Очерки синдикализма во Франціи. 1907. Поль Луи. Исторія синдикальнаго движенія во Франціи. Пер. съ франц. 1908. А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ. Пер. съ итальянск. 1907. А Сорель. Размышленія о насиліи. Пер. съ франц. 1907. Е. Сталинскій. Новое теченіе въ соціализмѣ. 1907. П. Стрѣльскій. Новая секта въ рядахъ соціалистовъ. 1907.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ IV.

1) І. М. Кулишеръ въ своей книгѣ „Очерки изъ исторіи формъ промышленности въ западной Европѣ съ XIII до XVIII стол." стремится доказать, что подмастерья съ самаго возникновенія цеховъ составляли особый классъ, враждебный мастерамъ. Но фактически обосновать своего тезиса ему не удалось, какъ это было указано оппонентами на его магистерскомъ диспутѣ.

2) „Если мы будемъ изслѣдовать документы, касающіеся возникновенія (рабочихъ) соглашеній въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, — говорятъ С. и Б. Веббъ, — то увидимъ, что трэдъ-юніоны возникали не изъ какого либо особаго учрежденія, а изъ любого обстоя-

тельства, сближавшаго наемныхъ рабочихъ той же отрасли промышленности". S. u. B. Webb. Die Geschichte des britischen Trade Unionismus. Deutsch von R. Bernstein. 1895. Стр. 19. Описывая исторію возникновенія отдѣльныхъ союзовъ, С. и Б. Веббъ ни разу не отмѣчаютъ связи ихъ съ обществами подмастерьевъ прежняго времени.

3) С. и Б. Веббъ не проводятъ въ своей исторіи трэдъ-юніонизма яснаго и опредѣленнаго разграниченія этихъ періодовъ — и въ этомъ недостатокъ ихъ превосходнаго изслѣдованія.

4) Объ этомъ движеніи см. мою книгу „Промышленные кризисы". Изд. 2-е. Ч. II. Гл. II.

5) С. и Б. Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма. Пер. подъ ред. В. Ильина. Т. I. Стр. 133.

6) Вопросъ о стачкахъ теоретически разработанъ еще мало. Нерѣдко утверждаютъ, что стачки невыгодны для рабочихъ, такъ какъ процентъ удавшихся стачекъ невеликъ. Вотъ, напр., данныя для Германіи:

	Процентъ стачекъ, имѣвшихъ полный успѣхъ для рабочихъ.		
1901 г.	10,4	1904 г.	24
1902 »	21,5	1905 »	22
1903 »	22,3	1906 »	18,4

Локауты предпринимателей, обычно, болѣе успѣшны. (См. W. Stieda. Arbeitseinstellungen. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3-е изд. Т. I. Стр. 922). Но значеніе стачекъ для рабочаго класса отнюдь нельзя опредѣлять процентомъ удавшихся стачекъ. И неудавшаяся стачка оказываетъ, обычно, очень сильное вліяніе на предпринимателей и побуждаетъ ихъ къ уступчивости въ будущемъ, такъ какъ стачка есть оружіе борьбы, особенно разорительное, именно, для капиталистовъ. Для рабочихъ стачка —временное сокращеніе дохода, для предпринимателей же она нерѣдко равносильна прекращенію предпріятія. И потому стачекъ гораздо больше боятся предприниматели, чѣмъ рабочіе: рабочимъ нечего терять капиталисты же находятся въ другомъ положеніи. Какъ справедливо замѣчаетъ А. Боровой, „вся законодательная охрана труда, все фабричное законодательство является, прежде всего, плодомъ именно стачечнаго движенія". (А. Боровой. Популярный курсъ политической экономіи. 1908. Стр. 304).

7) См. мою книгу „Современный соціализмъ". 1906. Глава V.

8) Поль Луи. Исторія синдикальнаго движенія во Франціи. Пер. Спивакъ. 1907. Стр. 6.

9) Ж. Сорель. Размышленія о насиліи. Пер. подъ ред. В. М. Фриче. 1907. Стр. 57.

ГЛАВА V.

Законодательство по охранѣ труда.

I. Фабричное законодательство. Исторія англійскаго фабричнаго законодательства. Регулированіе труда горнозаводскихъ рабочихъ. Фабричное законодательство въ другихъ странахъ. Вопросъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. II. Страхованіе рабочихъ и пенсіи для престарѣлыхъ. Германское страхованіе рабочихъ. Его результаты. Пенсіи для престарѣлыхъ въ Англіи и австралійскихъ колоніяхъ. III. Страхованіе отъ безработицы. Попытки общественной организаціи страхованія отъ безработицы. Гентская система. Государственная помощь страховчію отъ безработицы во Франціи, Норвегіи и Даніи. IV. Государственное регулированіе заработной платы. Регулированіе заработной платы общественными властями въ прежнее время. Государственное регулированіе заработной платы въ австралійскихъ колоніяхъ. Можетъ ли оно явиться образцемъ для Европы?

I.

Рабочіе союзы являются средствомъ охраны интересовъ рабочаго класса. Той же цѣли служитъ законодательство по охранѣ труда, среди котораго наибольшую роль играетъ такъ назыв. фабричное законодательство. Родиной фабричнаго законодательства является Англія, что вполнѣ естественно, такъ какъ въ Англіи раньше всего создались новыя экономическія отношенія—фабричное производство,—которыя настоятельно требовали вмѣшательства государства въ условія труда. Затрудняясь находить рабочихъ, первые англійскіе и шотландскіе фабриканты широко пользовались трудомъ приходскихъ учениковъ—дѣтей, бывшихъ на попеченіи учрежденій для призрѣнія бѣдныхъ. Учрежденія эти предоставляли фабрикантамъ за самое ничтожное вознагражденіе право пользованія трудомъ приходскихъ учениковъ и фабриканты довели до крайней степени эксплоатацію дѣтскаго труда.

Закономъ 1802 г. ночной трудъ этой категоріи малолѣтнихъ рабочихъ на бумагопрядильныхъ и шерстопрядильныхъ фабрикахъ былъ запрещенъ, а дневной ограниченъ 12-ю часами въ сутки. Въ 1819 г. дѣйствіе закона 1802 г. было распространено на всѣхъ несовершеннолѣтнихъ въ бумагопрядильной промышленности, причемъ былъ впервые опредѣленъ возрастъ, съ котораго дѣти могутъ работать на фабрикахъ—съ 9 лѣтъ. Но эти законы фактически почти не соблюдались по отсутствію надзора за ихъ исполненіемъ, который былъ созданъ только въ 1833 г. учрежденіемъ фабричной инспекціи. Законъ этого года раздѣлилъ на двѣ возрастныя группы охраняемыхъ рабочихъ—малолѣтнихъ (9—13 лѣтъ) и подростковъ (13—18 лѣтъ), причемъ продолжительность рабочаго дня малолѣтнихъ была ограничена 8 часами, а подростковъ—12 часами въ сутки. Ночная работа тѣмъ и другимъ была запрещена. Дѣйствію этого закона подчинялись всѣ прядильныя и ткацкія фабрики.

Первые фабричные законы были изданы помимо участія рабочаго класса. Только съ конца 20-хъ годовъ прошлаго вѣка среди рабочаго класса Англіи начинается движеніе, ставящее себѣ цѣлью дальнѣйшее развитіе фабричнаго законодательства, причемъ выдвигается требованіе 10 часового рабочаго дня для женщинъ и подростковъ. Движеніе это увѣнчалось успѣхомъ благодаря тому, что требованія рабочихъ были поддержаны землевладѣльческимъ классомъ, не заинтересованнымъ экономически въ условіяхъ фабричнаго труда и желавшимъ отомстить фабрикантамъ за отмѣну въ 1846 г. хлѣбныхъ законовъ (пошлинъ на ввозной хлѣбъ). Благодаря этой поддержкѣ, въ 1847 г. въ парламентѣ прошелъ билль, ограничившій 10 часами въ сутки работу подростковъ и женщинъ на текстильныхъ фабрикахъ (условія работы женщинъ на фабрикахъ были еще въ 1844 г. приравнены, по общему правилу, къ условіямъ работы подростковъ).

Законъ 1847 г. вызвалъ пониженіе рабочаго дня до 10 час. въ сутки не только подростковъ и женщинъ, но и взрослыхъ мужчинъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда на фабрикѣ работали на ряду съ мужчинами женщины и дѣти, такъ какъ фабриканту было невыгодно исполнять работу только при помощи взрослыхъ мужчинъ. Большинство экономистовъ того времени полагало, что сокращеніе рабочаго дня на текстильныхъ фабрикахъ съ 12 часовъ (какъ это было до 1847 г.) до 10 должно было нанести тяжелый ударъ интересамъ фабрикантовъ; нѣкоторые экономисты — напр. Сэніоръ—утверждали даже, что при такомъ сокращеніи рабочаго времени станетъ невозможно продолженіе фабричнаго производ-

ства, въ виду полнаго исчезновенія прибыли фабриканта [1]). Однако, именно десятилѣтія, слѣдующія за закономъ 1847 г., отмѣчены чрезвычайнымъ подъемомъ англійской промышленности; процентъ прибыли не только не понизился, но, по общему мнѣнію, въ 50-ые и 60-ые годы стоялъ въ Англіи выше, чѣмъ въ 30-е и 40-е годы. Объясняется это тѣмъ, что неблагопріятное вліяніе сокращенія рабочаго времени на прибыль фабриканта было съ избыткомъ компенсировано увеличеніемъ производительности и напряженности труда рабочихъ. Техника производства сдѣлала большіе успѣхи, были поставлены новыя болѣе совершенныя машины, и, въ результатѣ, въ 10 часовъ рабочій сталъ вырабатывать не меньше, а больше продукта, чѣмъ онъ раньше вырабатывалъ въ 12 часовъ. И это увеличеніе производительности труда было такъ значительно, что прибыль фабриканта возросла, несмотря на одновременное повышеніе заработной платы.

Для рабочихъ выгоды сокращенія рабочаго дня были еще значительнѣе. Уже само по себѣ сокращеніе времени работы равносильно увеличенію досуга рабочаго, а, значитъ, и увеличенію для него возможности участвовать въ культурной жизни современнаго человѣчества, подняться на болѣе высокій интеллектуальный уровень. Но кромѣ этого, сокращеніе рабочаго дня имѣетъ весьма важное косвенное вліяніе на заработную плату. Увеличеніе производительности труда является факторомъ благопріятствующимъ повышенію заработной платы. Если же производительность труда не повышается пропорціонально сокращенію времени работы, то для исполненія данной работы требуется большее количество рабочихъ; спросъ на рабочія руки, слѣдовательно, возрастаетъ, сокращается резервная безработная армія капитализма, наличность которой всего больше затрудняетъ борьбу рабочаго класса за повышеніе заработной платы. Въ результатѣ, сокращеніе рабочаго дня вызываетъ всесторонній подъемъ рабочаго класса.

Дальнѣйшая исторія англійскаго фабричнаго законодательства выражалась, главнымъ образомъ, въ распространеніи его на все новыя отрасли труда. Въ 1867 г. оно было распространено на мелкое производство и въ настоящее время охватываетъ не только фабричное производство, но и ремесленное производство, а также, съ извѣстными ограниченіями, и домашнюю систему крупной промышленности. Но до послѣдняго времени англійское законодательство стояло на своей первоначальной точкѣ зрѣнія, что законъ долженъ регулировать рабочій день только

малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ, а отнюдь не взрослыхъ мужчинъ. Малолѣтними дѣйствующее англійское законодательство признаетъ дѣтей въ возрастѣ 12 — 14 лѣтъ; подростками — несовершеннолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 14—18 лѣтъ. Работа дѣтей до 12 лѣтъ воспрещается, работа малолѣтнихъ ограничивается, по общему правилу, $6^{1/2}$ часами въ сутки, работа подростковъ на текстильныхъ фабрикахъ и нѣкоторыхъ другихъ—56 часами въ недѣлю, на прочихъ—60 часами въ недѣлю. Ночная работа (равно какъ и работа въ воскресные и особо указанные праздничные дни) воспрещается, по общему правилу, для всѣхъ категорій охраняемыхъ рабочихъ. Трудъ женщинъ приравнивается, по общему правилу, къ труду подростковъ.

Для горнорабочихъ дѣйствуютъ особыя правила. Женщины не могутъ работать подъ землей (въ угольныхъ копяхъ и мальчики до 13 лѣтняго возраста). На поверхности земли запрещается работа дѣтей до 12 лѣтняго возраста. Законъ регулируетъ въ различныхъ горныхъ производствахъ различно продолжительность труда малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ не свыше 54 часовъ въ недѣлю). Въ 1908 г. закономъ установлена максимальная продолжительность рабочаго дня въ $8^{1/2}$ часовъ (включая время на опусканіе и поднятіе) для взрослыхъ рабочихъ въ шахтахъ и рудникахъ. Такимъ образомъ, англійскій парламентъ отступилъ отъ своего стараго принципа—не регулировать продолжительности дня взрослыхъ мужчинъ—почему этотъ законъ пріобрѣтаетъ особо важное и принципіальное значеніе.

Помимо продолжительности рабочаго дня, англійское законодательство по охранѣ труда регулируетъ и много другихъ условій наемнаго труда—санитарныя и гигіеническія условія рабочихъ помѣщеній, мѣры для предупрежденія несчастныхъ случаевъ и пр. Еще въ 1831 г. была запрещена выдача заработной платы не деньгами, а товарами (такъ назыв. truck-system).

Въ Германіи воспрещается фабричная работа дѣтямъ до 13 лѣтняго возраста, работа малолѣтнихъ (13—14 лѣтъ) ограничена 6 часами въ сутки, работа подростковъ (14—16 лѣтъ)—10 часами въ сутки; съ 1 января 1910 г. работа женщинъ должна быть также ограничена 10 часами въ сутки (теперь—11 час.). Ночная, воскресная и праздничная работа всѣхъ категорій охраняемыхъ рабочихъ запрещена. Во Франціи начало защитнаго возраста—13 или 12 лѣтъ (для кончившихъ школу). Работа малолѣтнихъ и подростковъ (до 18 лѣтъ) ограничена 10 часами въ сутки, такъ же ограничена работа женщинъ. Ночная, воскресная и праздничная работа всѣхъ этихъ категорій рабочихъ

воспрещена. Что касается работы взрослыхъ мужчинъ, то она также регулируется во Франціи закономъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мужчины работаютъ вмѣстѣ съ несовершеннолѣтними и женщинами, продолжительность ихъ рабочаго дня ограничена 10 часами въ сутки; если же совмѣстной работы съ женщинами и несовершеннолѣтними нѣтъ, то работа взрослыхъ мужчинъ ограничивается 12-ю часами (въ каменноугольныхъ копяхъ 8-ю часами). Кромѣ Франціи, рабочій день взрослыхъ мужчинъ регулируется изъ европейскихъ странъ въ Швейцаріи (11 час. въ сутки, 10 час. въ суб. и кан. праздн.), въ Австріи (11 час. въ сутки, 10 час. въ горн. пром. и 9 часовъ—въ каменноуг. коп.) и въ Россіи.

Дальше всего проведена законодательная охрана труда въ австралійскихъ колоніяхъ. Въ большинствѣ колоній уже давно установленъ 8-ми часовой рабочій день для женщинъ и подростковъ. Трудъ взрослыхъ мужчинъ въ большинствѣ колоній не ограничивается закономъ, но фактически и для нихъ господствуетъ 8 часовой рабочій день. Въ Новой Зеландіи трудъ взрослыхъ мужчинъ ограниченъ 48 часами въ недѣлю, а трудъ женщинъ и подростковъ—45 часами.

Одной изъ важнѣйшихъ цѣлей современнаго рабочаго движенія въ Европѣ является достиженіе 8 часового рабочаго дня. Противники 8 часового рабочаго дня выдвигаютъ противъ этой мѣры тѣ же соображенія, которыя выдвигались при всякомъ сокращеніи рабочаго времени—опасность уменьшенія количества продукта, вырабатываемаго рабочимъ, что можетъ неблагопріятно повліять на общее положеніе промышленности. Но, во первыхъ, многочисленные опыты примѣненія 8 часового рабочаго дня не оправдываютъ на практикѣ этихъ опасеній, а, во вторыхъ, не нужно забывать, что именно въ періоды пониженія прибыли и вводятся техническія усовершенствованія. Пониженіе процента прибыли представляетъ собой самый могущественный стимулъ промышленнаго прогресса, такъ какъ пока процентъ прибыли высокъ, предприниматель не думаетъ о нововведеніяхъ. Исторія англійской промышленности показываетъ, что всѣ существенныя техническія улучшенія вводились въ періоды пониженія прибыли. Поэтому, введеніе 8 часового рабочаго дня, если и понизитъ процентъ прибыли, то такое пониженіе, само по себѣ, должно явиться стимуломъ промышленнаго прогресса и ростъ производительности труда можетъ вполнѣ возмѣстить сокращеніе времени работы.

Въ концѣ 19 вѣка уже около полумилліона англійскихъ рабочихъ работали не болѣе 8-ми часовъ. Въ Австраліи 8 часо-

вой рабочій день достигнутъ уже болѣе полустолѣтія тому назадъ. Результаты короткаго рабочаго дня въ Австраліи оказались вполнѣ благопріятны — австралійскій рабочій классъ стоитъ по своему умственному уровню во главѣ рабочаго класса всего міра. И нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы для остального капиталистическаго міра 8 часовой рабочій день не оказался такимъ благодѣяніемъ, съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, какимъ онъ оказался для Австраліи. Вообще, сокращеніе рабочаго дня требуется далеко не одними хозяйственными интересами. Необходимо дать возможность рабочему пользоваться благами современной цивилизаціи, не быть только рабочимъ животнымъ, а для этого его жизнь не должна наполняться только трудомъ заработка. Но, конечно, не всѣ страны одинаково доросли до значительнаго сокращенія рабочаго времени, которое можетъ осуществиться, безъ ущерба для національной промышленности, только постепенно.

Законодательная охрана труда рабочихъ въ высшей степени важна, но было бы большой ошибкой думать, что законодательная охрана рабочихъ можетъ замѣнить ихъ самоохрану. Только опираясь на организаціи самихъ рабочихъ, законъ можетъ быть дѣйствителенъ и не превращаться въ мертвую букву. Поэтому, развитіе фабричнаго законодательства предполагаетъ, какъ свое естественное основаніе и дополненіе, развитіе рабочихъ союзовъ.

II.

Фабричное законодательство регулируетъ условія труда въ промышленныхъ заведеніяхъ, но не регулируетъ непосредственно заработка рабочаго. Между тѣмъ, заработокъ наемнаго рабочаго при существующихъ условіяхъ хозяйства не только недостаточенъ, но и подверженъ всевозможнымъ случайностямъ. Всякая потеря работоспособности рабочаго лишаетъ его заработка и обрекаетъ его, при отсутствіи у него сбереженій, на нужду. Продолжительность рабочаго дня регулируется, въ настоящее время, въ большей или меньшей степени, закономъ. Напротивъ, высота заработной платы предоставляется свободному соглашенію рабочихъ съ предпринимателями. И только для ослабленія гибельнаго вліянія на заработокъ рабочаго разнаго рода случайностей въ нѣкоторыхъ государствахъ принимаются опредѣленныя законодательныя мѣры.

Эти цѣли преслѣдуютъ различныя системы принудительнаго

страхованія рабочихъ, классической страной котораго является Германія. Соціальное законодательство Германіи явилось, какъ результатъ борьбы германскаго правительства съ соціалъ-демократіей. Бисмаркъ понималъ, что однѣхъ мѣръ репрессіи недостаточно и что что-либо положительное нужно дать рабочему классу. Такимъ положительнымъ дѣломъ въ области соціальнаго законодательства и явилось въ глазахъ Бисмарка принудительное страхованіе рабочихъ, идея котораго была внушена Бисмарку Шеффле.

Въ Германіи существуетъ три вида принудительнаго страхованія рабочихъ: въ 1883 г. было введено страхованіе отъ болѣзней, въ 1884 г.—отъ несчастныхъ случаевъ и въ 1889 г.—отъ инвалидности и старости. Страхованіе отъ болѣзней организовано слѣдующимъ образомъ. Рабочимъ предоставляется свобода выбора учрежденія, въ которомъ они желаютъ себя застраховать. Къ такимъ учрежденіямъ относятся различнаго рода больничныя кассы, нѣкоторыя изъ которыхъ организованы на публично-правовыхъ основаніяхъ, а другія представляютъ собой свободныя организаціи самихъ рабочихъ. Законъ предоставляетъ рабочимъ дѣлать выборъ любой изъ этихъ кассъ, но оказываетъ извѣстное предпочтеніе кассамъ перваго рода, въ которыхъ $^1/_3$ взносовъ падаетъ на предпринимателей, и лишь остальныя $^2/_3$ на рабочихъ, между тѣмъ какъ въ вольныхъ кассахъ рабочій долженъ за свой счетъ дѣлать весь страховой взносъ. Поэтому въ вольныхъ кассахъ принимаетъ участіе лишь меньшинство рабочихъ.

Обязанности кассъ по отношенію къ застрахованнымъ въ нихъ рабочимъ выражаются въ даровой медицинской помощи и даровой же выдачѣ лекарствъ, а также и въ денежномъ пособіи больному рабочему въ теченіе извѣстнаго времени въ размѣрѣ 50% его заработка.

Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ при работѣ въ томъ или иномъ предпріятіи тѣмъ существенно отличается отъ предыдущаго вида страхованія, что въ этомъ случаѣ рабочему не предоставлено выбора учрежденія, гдѣ онъ могъ бы себя застраховать. Вся сумма страхового взноса падаетъ въ этомъ случаѣ на предпринимателей.

Страхованіе этого рода стремится вознаградить рабочаго за утрату имъ работоспособности, вызываемую несчастными случаями при работѣ по найму въ томъ или иномъ предпріятіи. Естественно, что отвѣтственность за эти несчастные случаи долженъ нести не рабочій, а предприниматель, въ пользу котораго совершается работа. До извѣстной степени, тѣ же цѣли могутъ

достигаться, вмѣсто государственнаго страхованія рабочихъ, признаніемъ принципа отвѣтственности предпринимателей передъ рабочими, принципа, принятаго многими государствами и съ 1898 г. и Англіей. Принципъ этотъ заключается въ томъ, что отвѣтственность за послѣдствія отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ данномъ предпріятіи признается падающей на предпринимателей, на которыхъ ложится и onus probandi—обязанность доказать, что несчастный случай произошелъ по винѣ рабочаго, въ каковомъ только случаѣ предприниматель освобождается отъ своей отвѣтственности. Если же предприниматель этого не докажетъ, то онъ обязанъ вознаградить рабочаго за утрату послѣднимъ работоспособности. Этотъ принципъ даетъ извѣстное обезпеченіе рабочему, но значительно менѣе полное, чѣмъ при государственномъ страхованіи, ибо какъ бы ни были строги законы объ отвѣтственности предпринимателей, они дѣйствительны лишь постольку, поскольку предприниматель платежеспособенъ. Банкротство предпринимателя лишаетъ рабочаго возможности получить вознагражденіе, на которое онъ имѣетъ право, между тѣмъ какъ при государственномъ страхованіи вопросъ о состоятельности или несостоятельности предпринимателя теряетъ всякое значеніе.

Согласно германскому закону, рабочій получаетъ при утратѣ отъ несчастнаго случая работоспособности до 60% своего прежняго заработка. Рабочій лишается права на вознагражденіе только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что несчастный случай произошелъ по его винѣ.

Третій видъ германскаго принудительнаго страхованія—страхованіе отъ инвалидности (неспособности къ труду) и старости. Въ этомъ случаѣ рабочіе получаютъ опредѣленную пенсію, если они утратили работоспособность внѣ связи съ работой въ томъ или иномъ предпріятіи. При страхованіи на случай старости рабочій получаетъ пенсію по достиженіи 70 лѣтъ. Пенсія эта колеблется въ размѣрѣ отъ 110—230 марокъ въ годъ. Расходы по этому страхованію падаютъ въ равной мѣрѣ на рабочихъ и предпринимателей. Кромѣ того, государство прибавляетъ отъ себя по 50 марокъ на каждую пенсію, что составляетъ, въ среднемъ, почти столько же, какъ взносъ рабочихъ или предпринимателей — страховые взносы почти поровну распредѣляются между государствомъ, рабочими и предпринимателями.

Въ настоящее время въ Германіи вырабатывается новый законъ о принудительномъ страхованіи, причемъ предполагается ввести страхованія на случай смерти—пенсіи для вдовъ и сиротъ.

Германскія учрежденія принудительнаго страхованія понимаютъ свою задачу очень широко—не только какъ помощь при утратѣ трудоспособности рабочаго, но и какъ борьбу со всѣмъ тѣмъ, что вызываетъ потерю рабочимъ трудоспособности. Съ этой цѣлью, располагая огромными денежными средствами (резервы ихъ превышаютъ 1 милліардъ марокъ), они широко поддерживаютъ всякія предпріятія, способствующія оздоровленію рабочаго населенія, какъ напр., устройство водопроводовъ, дренированіе почвы, устройство гигіеническихъ квартиръ, санаторій, больницъ и т. п. Съ чисто экономической точки зрѣнія выгоднѣе поддерживать здоровье населенія, чѣмъ лѣчить людей тогда, когда они уже заболѣли. Германскія страховыя учрежденія твердо усвоили эту истину. Они организовали напр., въ широкихъ размѣрахъ борьбу съ чахоткой, затративъ на это многіе десятки милліоновъ марокъ; еще большія суммы они тратятъ на устройство жилищъ для рабочихъ, санаторій, пріютовъ и т. п.

Въ Англіи страхованіе рабочихъ отъ случайностей ихъ заработка выполняется трэдъ-юніонами. Однако, операціи трэдъ-юніоновъ далеко не могутъ замѣнить принудительнаго страхованія, организуемаго государствомъ, хотя бы уже потому, что только небольшая часть рабочаго класса входитъ въ составъ трэдъ-юніоновъ. Кромѣ того, съ точки зрѣнія страховой техники, только широкая постановка дѣла можетъ поставить его на правильную почву.

Съ 1 января 1909 г. въ Англіи вступилъ въ дѣйствіе законъ, имѣющій огромное принципіальное значеніе—законъ о пенсіяхъ для престарѣлыхъ. Согласно этому закону, каждый англійскій подданный, по достиженіи 70-лѣтняго возраста, получаетъ право на пенсію въ размѣрѣ до 5 шил. въ недѣлю, если только его еженедѣльный доходъ не превышаетъ 10 шил. въ недѣлю. Полученіе этой пенсіи не требуетъ какихъ бы то ни было предварительныхъ взносовъ со стороны пенсіонера — это не страхованіе отъ старости, какъ въ Германіи, а признаніе государствомъ своей обязанности оказывать поддержку своимъ сочленамъ, неспособнымъ по своему возрасту къ самостоятельному зарабатыванію средствъ къ жизни. Ограничительныя условія для полученія пенсіи, имѣющіяся въ законѣ, (какъ напр., неполученіе пенсіонеромъ пособій въ качествѣ паупера) направлены къ тому, чтобы пенсію получали только достойныя лица, т.-е. добросовѣстные работники.

Законъ этотъ знаменуетъ собой совершенно новый принципъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ: государство признаетъ (хотя и частично), что всякій гражданинъ имѣетъ право тре-

бовать отъ государства обезпеченія ему существованія, если онъ, не по своей винѣ, не можетъ самъ зарабатывать свои средства къ жизни. Государство разрываетъ съ прежними правовыми воззрѣніями, провозглашавшими, что каждый самъ отвѣчаетъ за себя, и признаетъ новый правовой принципъ—право каждаго гражданина на существованіе и вытекающую отсюда обязанность государства обезпечить своимъ подданнымъ осуществленіе этого права.

Англійскій законъ о пенсіяхъ для престарѣлыхъ возникъ по образцу гораздо дальше идущаго австралійскаго соціальнаго законодательства. Съ 1 января 1909 г. для всѣхъ государствъ австралійскаго союза дѣйствуютъ слѣдующія нормы. Право на полученіе пенсіи для престарѣлыхъ начинается съ достиженія мужчинами 65-лѣтняго, а женщинами 60-лѣтняго возраста. Но въ случаѣ неспособности къ труду и мужчины съ 60 лѣтняго возраста начинаютъ получать старческую пенсію. Размѣръ старческой пенсіи опредѣляется въ 10 шил. въ недѣлю. Никакихъ предварительныхъ взносовъ со стороны пенсіонера не требуется. Лица, имѣющія имущества не менѣе, какъ на 300 ф. с., не могутъ получать пенсіи.

III.

Страхованіе на случай безработицы представляетъ особую трудность въ томъ, что безработица можетъ быть добровольная—въ случаѣ нежеланія работать. Страхованіемъ отъ безработицы въ настоящее время занимаются рабочіе союзы, оказывающіе помощь своимъ безработнымъ членамъ. Но средства рабочихъ союзовъ очень ограничены и въ случаѣ массовой и продолжительной безработицы рабочій союзъ оказывается нерѣдко не въ силахъ справиться съ ложащейся на него задачей — поддерживать своихъ безработныхъ членовъ при помощи взносовъ рабочихъ, имѣющихъ работу, такъ какъ рабочихъ послѣдней категоріи остается слишкомъ мало. Главное же дѣло въ томъ, что рабочіе союзы охватываютъ даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ они достигли наибольшаго развитія, только незначительное меньшинство рабочаго класса—представителей искуснаго труда, — а отъ безработицы страдаетъ въ очень сильной степени вся масса рабочаго класса.

Отсюда слѣдуетъ, что раціональная организація страхованія отъ безработицы невозможна безъ вмѣшательства общественной власти. Въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка въ нѣкоторыхъ

швейцарскихъ кантонахъ дѣлаются попытки организовать на публично-правовыхъ основахъ страхованіе отъ безработицы. Въ С.-Галленѣ организуется даже принудительное страхованіе отъ безработицы; но этотъ опытъ оказался совершенно неудачнымъ и черезъ нѣсколько лѣтъ городская касса обязательнаго страхованія на случай безработицы была закрыта.

Въ 1901 г. городской совѣтъ Гента (Бельгія) организовалъ дѣло общественной помощи страхованію отъ безработицы на новыхъ началахъ. А именно, городской совѣтъ призналъ, что общественная власть не имѣетъ никакой возможности непосредственно руководить распредѣленіемъ пособій безработнымъ, такъ какъ общественная власть не можетъ отличить дѣйствительно безработныхъ отъ лицъ, уклоняющихся отъ работы. И потому городъ учредилъ фондъ, изъ котораго должны получать опредѣленныя пособія рабочіе союзы, оказывающіе изъ своихъ средствъ поддержку безработнымъ, а также и неорганизованные рабочіе, поскольку они дѣлаютъ сбереженія для поддержанія себя въ случаѣ безработицы. Впослѣдствіи было предоставлено право пользоваться пособіями изъ городского фонда также и всѣмъ другимъ организаціямъ, помогающимъ безработнымъ.

Итакъ, основной принципъ гентской системы помощи безработнымъ заключается въ передачѣ дѣла помощи безработнымъ въ руки самихъ рабочихъ, при денежной поддержкѣ соотвѣтствующихъ учрежденій со стороны общественной власти. Гентская система страхованія отъ безработицы оказалась настолько практичной и удобной, что явилась предметомъ многочисленныхъ подражаній. Въ 1904 г. во Франціи былъ изданъ законъ о ежегодномъ ассигнованіи 100 тыс. фр., какъ субсидіи на помощь безработнымъ. Право на полученіе субсидіи изъ этого фонда имѣютъ, на извѣстныхъ условіяхъ, всѣ профессіональныя кассы, практикующія помощь безработнымъ. Въ 1906 г. и Норвегія приступила къ государственной помощи страхованію отъ безработицы. По закону этого года, всѣ существующія въ Норвегіи кассы помощи безработнымъ получаютъ, при соблюденіи извѣстныхъ требованій, пособія изъ средствъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ $^1/_4$ части расходовъ, произведенныхъ ими на помощь безработнымъ. $^2/_3$ этихъ пособій государство раскладываетъ на извѣстныхъ основаніяхъ между мѣстными общинами. Наконецъ, въ Даніи, согласно закону 1907 г., государство оказываетъ поддержку спеціальнымъ кассамъ для помощи безработнымъ въ размѣрѣ $^1/_3$ страховыхъ взносовъ; кромѣ того, органамъ мѣстнаго самоуправленія разрѣшается принимать на себя еще $^1/_6$ взносовъ.

Таковы первыя слабыя попытки современнаго государства придти на помощь рабочему классу въ бѣдствіяхъ безработицы. Интересны онѣ не столько по своему непосредственному значенію, которое пока очень ограничено, сколько въ принципіальномъ отношеніи: признавая себя обязаннымъ приходить на помощь рабочимъ въ случаѣ безработицы, государство частично признаетъ принципъ „права на трудъ", провозглашенный парижскимъ пролетаріатомъ въ 1848 г.

Въ смыслѣ осуществимости, гентская система помощи безработнымъ представляется наиболѣе удачной. Она нисколько не ограничиваетъ самодѣятельности рабочихъ и въ то же время представляетъ достаточныя гарантіи, что общественныя средства получатъ должное назначеніе. И потому слѣдуетъ ожидать, что дальнѣйшее развитіе государственной помощи безработнымъ произойдетъ на основахъ гентской системы.

IV.

Современное государство регулируетъ многія условія рабочаго договора, но высота заработной платы предоставляется свободному соглашенію предпринимателей и рабочихъ. Однако, дѣло было не всегда такъ. Регулированіе заработной платы общественной властью въ прежнее время было правиломъ. Въ средніе вѣка—особенно въ 14 и 15 вѣкахъ—заработная плата обычно регулировалась городскими властями. Но при этомъ имѣлись въ виду интересы не рабочаго, а потребителя, заказчика, пользующагося трудомъ рабочаго, и назначался не минимумъ, а максимумъ заработной платы.

Классической страной государственнаго регулированія заработной платы была въ прежнее время Англія. Свое окончательное завершеніе система эта получила въ Англіи въ знаменитомъ законѣ Елизаветы, предоставившимъ назначеніе заработной платы мировымъ судьямъ, назначавшимъ, опять таки, не минимумъ, а максимумъ заработной платы, за нарушеніе котораго полагалось опредѣленное наказаніе. Законъ этотъ соблюдался въ 16 и 17 вѣкахъ, въ 18-мъ вѣкѣ сталъ постепенно выходить изъ употребленія, но былъ окончательно отмѣненъ только въ1814 г.

Однако, въ концѣ 19 вѣка возникаетъ новый видъ регулированія заработной платы—уже въ интересахъ не потребителей и работодателей, но рабочихъ. Назначается не максимумъ, а минимумъ заработной платы. Этотъ видъ регулированія заработ-

ной платы возникъ на нашихъ глазахъ въ странѣ, изумляющей весь міръ смѣлостью своего соціальнаго законодательства—Австраліи. Австралійскія колоніи выработали два различныхъ типа государственнаго регулированія заработной платы—типъ Новой Зеландіи и Викторіи. Въ Новой Зеландіи еще съ 1894 г. заработная плата регулируется третейскими судами, въ составъ которыхъ входятъ представители государства, рабочихъ и хозяевъ. Въ случаѣ возникновенія спора между хозяевами и рабочими, по требованію одной изъ спорящихъ сторонъ, заработная плата назначается третейскимъ судомъ и является обязательной какъ для хозяевъ, такъ и для рабочихъ. Напротивъ, въ Викторіи съ 1896 г. заработная плата въ особо указанныхъ въ законѣ отрасляхъ труда непосредственно назначается правительственными комиссіями, устанавливающими минимумъ заработной платы, обязательный для предпринимателей.

Результаты австралійскаго законодательства по регулированію заработной платы могутъ быть, въ общемъ, признаны благопріятными. Несмотря на практическую трудность такого новаго дѣла, оно выполняется до сихъ поръ настолько успѣшно, что общественное мнѣніе въ этихъ колоніяхъ относится сочувственно къ дальнѣйшему развитію принципа государственнаго регулированія заработной платы.

Но при оцѣнкѣ австралійскаго законодательства не нужно упускать изъ виду экономическихъ и соціальныхъ особенностей той страны, гдѣ это законодательство возникло. Австралійскія колоніи представляютъ собой самыя молодыя государства міра. Еще до настоящаго времени онѣ обладаютъ очень немногочисленнымъ и рѣдкимъ населеніемъ. Австралійская промышленность почти не конкурируетъ на міровомъ рынкѣ. Регулированіе заработной платы десятковъ тысячъ рабочихъ, продуктъ которыхъ имѣетъ вполнѣ обезпеченный рынокъ (австралійскія колоніи, какъ извѣстно, держатся строго покровительственнаго тарифа), является дѣломъ несравненно болѣе легкимъ, чѣмъ регулированіе платы милліоновъ рабочихъ, производящихъ продукты для мірового рынка. Вотъ почему успѣхъ австралійскаго законодательства еще не доказываетъ, что оно должно явиться образцомъ для аналогичнаго законодательства въ Европѣ и Америкѣ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно важны различія соціальнаго и политическаго строя Австраліи отъ политическаго и соціальнаго строя другихъ странъ. Государства Европы представляютъ собой аристократическія государства, въ которыхъ политическая власть принадлежитъ землевладѣльческому и капита-

листическому классамъ; не менѣе сильно политическое преобладаніе капитала и въ Соединенныхъ Штатахъ. При такомъ положеніи дѣла назначеніе заработной платы органами современнаго государства могло бы представить для рабочихъ ту опасность, что государство могло бы воспользоваться этой властью для защиты интересовъ капиталистовъ противъ рабочихъ. Но установленіе минимума заработной платы общественной властью въ отдѣльныхъ отрасляхъ труда, гдѣ трудъ особо эксплоатируется капиталомъ, было бы вполнѣ желательно.

ЛИТЕРАТУРА.

Фабричное законодательство. Марксъ. Капиталъ. T. I. Alfred. The History of the Factory Movement. 1857. E. v. Plener. Die englische Fabrikgesetzgebung. 1871. Янжулъ. Очерки и изслѣдованія. 1882. Hutchins and Harrison. A History of Factory Legislation. 1903. G. Howell. Labour legislation, labour movement and labour leaders. 1905 (2-е изд.). Reicher. Der Kinderschutz in England. 1904. Законодательная охрана труда. Перев. статей изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1901.

Страхованіе рабочихъ. Гольдендейзеръ. Соціальное законодательство Германіи. 1890. В. Яроцкій. Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей. 1895. Е. Дементьевъ. Страхованіе рабочихъ. 1906. М. Герценштейнъ. Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. 1905. Н. И. Сувировъ. Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. 1905.

Восьмичасовой рабочій день. С. Веббъ и Х. Коксъ. Восьмичасовой рабочій день. Пер. съ англ. 2-е изд. 1904. Джонъ Ре. 8-мичасовой рабочій день. Пер. съ англ. 1906. Мижуевъ. 8-мичасовой рабочій день. 1907. Каутскій. Законодательная охрана труда и восьмичасовой рабочій день. Пер. съ нѣм. 1906. Кричевскій. Восьмичасовой рабочій день. 1906.

Страхованіе отъ безработицы. Georg Adler. Die Aufgaben des Staats angesichts der Arbeitslosigkeit. 1894. Schanz. Zur Frage der Arbeitslosenversicherung. 1895. Его же. Neue Beiträge zur Frage der Arbeitslosenversicherung. 1895. Его же. Dritter Beitrag zur Frage der Arbeitslosenversicherung. 1901. Varlez. L'assurance contre le chomâge. 1903. M. Wagner. Beiträge zur Frage der Arbeitslosenfürsorge. 1904. Н. Сувировъ. Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ западной Европѣ. 1907.

Регулированіе заработной платы въ Австраліи. П. Мижуевъ. Передовая демократія современнаго міра. Изд. 4-е. 1906. Кларкъ. Рабочее движеніе въ Австральазіи. Пер. съ англ. 1908. W. Reeves. State Experiments in Australia and New Zealand. 1902. A. Métin. Legislation ouvrière et sociale en Australie et Nouvelle-Zélande. 1901. Gregor. Compulsory arbitration; is it a Success? 1901. S. Loyd. A country without strikes. 1900. Robert Schachner. Schiedsgerichte u. Lohnausschüsse n Australien. (Archiv für Socialwissenschaft. XXVII—XXVIII Band).

ГЛАВА VI.

Рабочее движеніе и законодательство по охранѣ труда въ Россіи.

I. Рабочее движеніе. Ростъ численности нашего фабричнаго пролетаріата. Что такое нашъ фабричный рабочій. Связь нашего фабричнаго рабочаго съ землей. Движеніе заработной платы. Стачечное движеніе. Рабочіе союзы. Отношеніе правительства къ рабочему движенію. II. Законодательство по охранѣ труда. Факторы, создавшіе наше фабричное законодательство. Волненія рабочихъ. Конкуренція московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ. Роль министерства внутреннихъ дѣлъ. Новѣйшее законодательство.

Рабочее движеніе въ Россіи возникаетъ одновременно съ возникновеніемъ фабрики. Волненія посессіонныхъ рабочихъ заполняютъ собой какъ 18 вѣкъ, такъ и первую половину 19 вѣка. Волненія эти отличались чрезвычайнымъ упорствомъ—рабочіе не соглашались признавать себя несвободными и настойчиво домогались свободы, несмотря на самыя строгія мѣры репрессій, которыя принимались по отношенію къ нимъ.

Именно эти волненія, богатыя самыми драматическими эпизодами, и были одной изъ причинъ разложенія посессіонной фабрики и освобожденія посессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ. Эти то посессіонные, а также и крѣпостные фабричные рабочіе, и явились зерномъ нашего фабричнаго безземельнаго пролетаріата. Хотя численность посессіонныхъ и крѣпостныхъ рабочихъ на фабрикахъ не была велика (не болѣе 100 тысячъ), но такъ какъ посессіонныя и вотчинныя фабрики были собраны преимущественно въ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ, то вліяніе этого первоначальнаго контингента нашихъ фабричныхъ рабочихъ было очень замѣтно на дальнѣйшемъ ходѣ развитія нашей фабричной промышленности.

По мѣрѣ этого развитія росла и численность нашего фабричнаго пролетаріата. Въ нашей экономической литературѣ долгое

время господствовало странное мнѣніе, будто капиталистическое развитіе имѣетъ тенденцію не увеличивать, а уменьшать численность промышленнаго пролетаріата. Факты, однако, показали, что и въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, численность персонала, занятаго въ крупной капиталистической промышленности, и абсолютно и относительно (по отношенію ко всему населенію) быстро растетъ:

Годы.	Число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, необложенныхъ акцизомъ, въ 50 губерніяхъ Евр. Россіи (въ тысячахъ).
1863	358
1873	498
1883	669
1893	860

	Число рабочихъ на всѣхъ фабрикахъ, заводахъ и рудникахъ Россійской Имперіи (въ тысячахъ).
1887	1.318
1893	1.582
1897	2.098
1902	2.556

За періодъ отъ 1887 по 1897 г. число фабрично-заводскихъ и горныхъ рабочихъ въ Россіи возрастало въ годъ приблизительно на 6%, за время отъ 1897 по 1902 г.—приблизительно на 4% въ годъ. Такъ какъ годовой приростъ населенія въ Россіи считается въ среднемъ около 1,35%, то, слѣдовательно, приростъ промышленнаго пролетаріата значительно обгонялъ общій приростъ населенія. Что же касается замедленія роста числа фабрично-заводскихъ и горныхъ рабочихъ за пятилѣтіе 1897—1902 г., то это зависѣло отъ наступившаго въ 1900 г. промышленнаго кризиса. Подъ вліяніемъ этого кризиса число горно-заводскихъ рабочихъ даже сократилось—въ 1900 г. ихъ считалось 715 тыс., а въ 1902 г.—626 тыс. Всѣ капиталистическія страны подвергаются такимъ періодическимъ кризисамъ и Россія въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія.

Что же такое представляетъ собой по своему экономическому типу нашъ фабричный рабочій? Является ли онъ чистымъ пролетаріемъ или еще наполовину крестьяниномъ-земледѣльцемъ?

Г. Дементьевъ изслѣдовалъ въ половинѣ 80-хъ годовъ 3 уѣзда московской губерніи, причемъ оказалось, что процентъ фабричныхъ рабочихъ, уходящихъ на полевыя работы, не превышаетъ

18. Если исключить мелкія рогожныя фабрики, то процентъ этотъ понижается до 14. При этомъ, чѣмъ крупнѣе фабрика и чѣмъ большее значеніе имѣетъ на ней машина, тѣмъ менѣе процентъ рабочихъ, уходящихъ на полевыя работы. Такъ, на мелкихъ ручныхъ ткацкихъ фабрикахъ 82% рабочихъ уходили на полевыя работы. Но изъ суконныхъ ткачей, работавшихъ на механическихъ станкахъ, на полевые работы не уходилъ никто [1]).

Въ прежнее время фабриканты должны были принимать разнообразныя мѣры, чтобы удержать рабочаго лѣтомъ на фабрикѣ. Теперь эти мѣры вышли изъ употребленія, такъ какъ рабочіе сами перестаютъ возвращаться въ деревню. Шульце Гевернитъ далъ удобную схему постепеннаго ослабленія связи фабричнаго рабочаго съ деревней. На первой ступени рабочіе—крестьяне окрестныхъ деревень, которые приносятъ на фабрику свою пищу, на фабрикѣ не ночуютъ, а возвращаются къ себѣ въ деревню. Это еще въ полномъ смыслѣ слова мужики, для которыхъ фабрика является подсобнымъ занятіемъ, всѣ интересы которыхъ сосредоточены въ деревнѣ. На лѣто такіе рабочіе покидаютъ фабрику для полевыхъ работъ, но втеченіе всего года они находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи со своимъ домашнимъ хозяйствомъ въ деревнѣ. Вторая ступень характеризуется тѣмъ, что рабочій уже ночуетъ на фабрикѣ и столуется въ артельныхъ фабричныхъ столовыхъ. На этой ступени связь рабочаго съ деревней не порывается окончательно, а лишь ослабляется; такіе рабочіе лѣтомъ покидаютъ фабрику, но это уже не рабочіе окрестныхъ деревень,—домашнее хозяйство ихъ далеко и они не могутъ находиться въ постоянной связи со своей деревней. Третья ступень—рабочій не только самъ живетъ на фабрикѣ, но уже на фабрикѣ и его жена, онъ старается жить въ особой коморкѣ и столоваться отдѣльно отъ артели. Но съ деревней связь еще порвана не окончательно—въ деревню отсылаются дѣти, въ деревнѣ еще есть общее хозяйство съ другими членами семьи. Наконецъ, послѣдняя ступень, когда связь съ деревней окончательно порывается—вся семья рабочаго живетъ съ нимъ въ особой квартирѣ при фабрикѣ, рабочій превращается въ совершеннаго пролетарія [2]).

Главная масса русскихъ фабричныхъ рабочихъ находится на третьей ступени, когда связь съ землей уже очень ослабѣла, но далеко не исчезла окончательно. На полевыя работы уходятъ лишь немногіе, но большинство имѣетъ въ деревнѣ экономическіе интересы,—въ деревню посылаются деньги, въ деревнѣ живетъ бо́льшая или меньшая часть семьи, въ деревню возвраща-

ются въ случаѣ безработицы. Слѣдующія данныя, относящіяся къ одной крупной московской фабрикѣ (Цинделя), повидимому, типичны для всего московскаго района [8]):

	Всего числа рабочихъ.
1) Рабочіе, уходящіе на полевыя работы . . .	11,9%
2) Не уходящіе на полевыя работы, но ведущіе въ деревнѣ сельское хозяйство при помощи семьи	61,4 „
3) Не ведущіе сельскаго хозяйства, но имѣющіе надѣлы, сдаваемые въ аренду . . .	12,3 „
4) Не имѣющіе надѣловъ, но имѣющіе усадьбу .	3,6 „
5) Не имѣющіе съ деревней никакой связи .	10,8 „

Такимъ образомъ, огромное большинство рабочихъ такъ или иначе связано съ деревней. Съ теченіемъ времени эта связь неизбѣжно должна порваться и нашъ фабричный рабочій превратится въ такого же пролетарія, какъ и его собратъ на западѣ.

Заработная плата нашего фабричнаго рабочаго въ первыя десятилѣтія послѣ освобожденія крестьянъ понизилась подъ вліяніемъ упадка крестьянскаго хозяйства и наплыва дешеваго труда изъ деревни въ городъ. Понизилась, разумѣется, только реальная плата, денежная же значительно возросла. Такъ напр. въ шуйскомъ уѣздѣ за время 1856—83 г. средняя денежная заработная плата повысилась на 50%, но такъ какъ цѣна хлѣба за то же время возросла на 95%, то реальная заработная плата упала на 20—30%. Въ половинѣ 80-хъ годовъ заработная плата упала еще больше подъ вліяніемъ тяжелаго промышленнаго кризиса этого времени. Обнаружилась даже обратная тяга изъ города въ деревню—многіе фабричные рабочіе стали возвращаться на свои надѣлы и пытались вернуться къ земледѣлію. Но это продолжалось не долго и въ 90-хъ годахъ наступилъ новый подъемъ промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружился поворотъ въ сторону повышенія заработной платы. По даннымъ относительно фабрики Цинделя за періодъ отъ 1886-го года по 1896-й годъ средняя денежная заработная плата повысилась на 15%. По цѣлому ряду фабрикъ московской и владимірской губерній можно констатировать за время 1883—96 г. повышеніе денежной платы на 10—15%. Къ концу 90-хъ годовъ повышеніе денежной платы достигло 20—25%. А такъ какъ стоимость жизни за это время мало измѣнилась, то повышеніе денежной заработной платы явля-

лось повышеніемъ и реальной заработной платы. Въ тѣхъ районахъ, гдѣ въ 90-е годы промышленность развивалась особенно быстро (какъ напр. екатеринославская губернія, харьковская, донецкая область), денежная заработная плата возросла гораздо больше—что сопровождалось значительнымъ повышеніемъ и реальной заработной платы.

Затѣмъ наступилъ новый и уже очень затяжной кризисъ, не закончившійся еще и теперь. Однако, кризисъ этотъ, какъ можно думать, несмотря на порожденную имъ безработицу, не привелъ къ тому, что заработная плата спустилась на низшій уровень сравнительно съ 90-ми годами. Объясняется это тѣмъ, что за послѣднее десятилѣтіе весьма значительно возросла экономическая сила нашего пролетеріата—это было время чрезвычайно энергичнаго стачечнаго движенія, что и помѣшало паденію заработной платы [4]).

Стачки были среди нашихъ рабочихъ еще въ дореформенное время, но новѣйшее стачечное движеніе начинается лишь въ 70-ые годы прошлаго вѣка. Въ 1872 году была очень крупная стачка на Кренгольмской мануфактурѣ, въ которой приняло участіе нѣсколько тысячъ рабочихъ, прекращенная только вооруженной силой. Поводомъ къ стачкѣ было требованіе рабочихъ сократить рабочее время. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ другихъ стачекъ, слѣдствіемъ чего явилось усиленіе строгости законовъ, карающихъ за стачку. Втеченіе послѣдующихъ годовъ стачечное движеніе нѣсколько ослабѣло, чтобы вспыхнуть въ половинѣ 80-хъ годовъ съ новой силой. Въ 1885 г. произошла историческая стачка въ Орѣховѣ-Зуевѣ на Никольской мануфактурѣ, замѣчательная своей стройной организаціей и упорствомъ рабочихъ. Стачка эта оказала очень значительное вліяніе на наше законодательство въ двухъ различныхъ направленіяхъ—съ одной стороны, послѣдовало новое усиленіе уголовной репрессіи за участіе рабочихъ въ стачкахъ, а, съ другой стороны, былъ изданъ въ 1886 г. очень важный фабричный законъ, имѣвшій въ виду дать удовлетвореніе нѣкоторымъ требованіямъ рабочихъ (однимъ изъ главныхъ поводовъ къ стачкѣ было неудовольствіе рабочихъ на вычеты изъ ихъ платы подъ видомъ штрафовъ; законъ 1886 г. подчинилъ весь внутренній распорядокъ на фабрикѣ, а также и штрафы, контролю фабричной инспекціи). Въ 1885 г. въ Ивановѣ-Вознесенскѣ произошли солидарныя забастовки рабочихъ на цѣломъ рядѣ фабрикъ. Подобныя же солидарныя забастовки произошли и въ Шуѣ въ 1888 г.

Слѣдующимъ фазисомъ нашего стачечнаго движенія была

солидарная забастовка рабочихъ петербургскихъ бумагопрядиленъ въ 1896 г. Рабочіе выставили требованіе сокращенія рабочаго дня до 10½ ч. Въ стачкѣ участвовало 19 фабрикъ и до 30 тыс. рабочихъ. Въ январѣ 1897 г. она повторилась. Наконецъ, съ 1903 г. наступилъ періодъ массовыхъ, всеобщихъ забастовокъ, причемъ первой такой забастовкой явилась забастовка въ Баку, гдѣ бросило работу около 45 тыс. рабочихъ. Массовыя забастовки (преимущественно на политической почвѣ) прокатились широкой волной по всей Россіи и заполнили собой 1903 г. и 1905 г. Въ нихъ принимали участіе сотни тысячъ, напослѣдокъ даже милліоны рабочихъ. Это мощное стачечное движеніе, въ концѣ концовъ, привело къ принципіальному признанію правительствомъ свободы стачекъ [5]).

Стачки были важнѣйшимъ проявленіемъ нашего рабочаго движенія. Для рабочихъ союзовъ у насъ долгое время почвы не было. И только въ концѣ прошлаго вѣка у насъ начинаютъ появляться зачатки рабочихъ союзовъ.

Съ одной стороны, въ сѣверозападномъ краѣ, въ непосредственной связи съ соціалъ-демократической агитаціей, возникаютъ и быстро получаютъ широкое распространеніе стачечныя кассы среди еврейскихъ ремесленниковъ. Кассы эти, по необходимости, были тайными организаціями; но, ограничивая свои дѣйствія узкимъ мѣстнымъ райономъ, онѣ очень существенно вліяли на условія рабочаго договора и помогли еврейскимъ рабочимъ добиться значительнаго сокращенія рабочаго дня. Съ другой стороны, въ разныхъ городахъ Россіи въ 90-ыхъ годахъ возникаютъ среди фабричныхъ рабочихъ легальныя общества взаимопомощи, которыя стремились исполнять нѣкоторыя функціи рабочихъ союзовъ. Особенно широко развило свои операціи харьковское общество взаимопощи, членами котораго явились преимущественно рабочіе харьковскаго машиностроительнаго завода Гельфериха-Саде. Общество это возникло въ 1898 г. и въ 1902 г. учредило особое бюро для пріисканія работы; оно организовало также и правильную выдачу пособій безработнымъ.

Въ началѣ 20 вѣка организаціонное движеніе рабочаго класса получаетъ у насъ значительный толчекъ благодаря новому направленію нашей правительственной политики. А именно, наши полицейскія власти дѣлаютъ попытку направить рабочее движеніе по желательному для нихъ руслу путемъ созданія среди рабочихъ экономическихъ организацій подъ непосредственнымъ руководительствомъ органовъ полиціи. Такимъ образомъ возникаетъ въ 1902 г. въ Москвѣ, по иниціативѣ начальника

московскаго охраннаго отдѣленія Зубатова, „Общество взаимопомощи рабочихъ механическихъ мастерскихъ“. Во главѣ этого общества стояли рабочіе, бывшіе одновременно агентами охраннаго отдѣленія. Тѣмъ не менѣе, общество развило очень энергичную дѣятельность и вызвало нѣсколько стачекъ, изъ которыхъ особенно нашумѣла стачка на фабрикѣ Гужона, организованная руководителями общества. Вообще, результаты начинанія московской полиціи далеко не соотвѣтствовали ея ожиданіямъ—вмѣсто отвлеченія рабочихъ отъ противоправительственной агитаціи получилось возбужденіе рабочихъ противъ фабрикантовъ и широкое организаціонное движеніе въ рабочей средѣ.

Между тѣмъ, дѣятельность органовъ полиціи пріобрѣтала все большій и большій размахъ. Въ Минскѣ жандармскій офицеръ Васильевъ организуетъ „Еврейскую независимую рабочую партію“. Въ Одессѣ Шаевичъ приступаетъ съ помощью мѣстной администраціи къ организаціи мѣстныхъ рабочихъ, что заканчивается всеобщей забастовкой, вспыхнувшей въ Одессѣ въ 1903 г. Наконецъ, въ Петербургѣ Гапонъ въ 1904 г. становится во главѣ „Собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга“. Общество это быстро пріобрѣтаетъ широкую популярность среди петербурскихъ рабочихъ. Оно устраиваетъ лекціи и бесѣды на общественныя темы. Хотя руководители его находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ, но, чтобы не утратить популярности среди рабочихъ, они должны были приспособляться ко вкусамъ и требованіямъ рабочихъ. Собранія принимаютъ все болѣе агитаціонный характеръ, число членовъ общества растетъ и достигаетъ 9 тысячъ; все заканчивается грандіознымъ движеніемъ петербургскихъ рабочихъ 9 января 1905 г.

Эти опыты полицейскаго соціализма сыграли видную роль въ развитіи нашего рабочаго движенія [6]). 4 марта 1906 г. издается законъ относительно рабочихъ союзовъ. Законъ этотъ далеко не даетъ свободы устройства рабочихъ союзовъ, но все же допускаетъ ихъ при извѣстныхъ условіяхъ. Правда, законъ, по своей буквѣ, относится лишь къ профессіональнымъ обществамъ взаимопомощи; но такъ какъ невозможно на практикѣ строго разграничить функціи общества взаимопомощи и рабочаго союза, то, допустивши общества взаимопощи рабочихъ, законъ допустилъ и рабочіе союзы. Какъ ни стѣснительны рамки, въ которыя законъ ставитъ союзы, все же союзы могли бы въ нихъ существовать и развиваться. Гораздо гибельнѣе для дальнѣйшей судьбы нашихъ рабочихъ союзовъ оказалось то обстоятельство,

что административной власти было предоставлено закономъ право закрытія союзовъ, „если дѣятельность общества угрожаетъ общественной безопасности и спокойствію".

Какъ справедливо замѣчаетъ изслѣдователь нашего рабочаго движенія г. В. Гриневичъ, „въ сравненіи съ практикой въ жизни примѣненія закона 4 марта, послѣдній можетъ показаться идеально гарантирующимъ свободу союзовъ" [7]). Администрація безъ всякаго серьезнаго основанія отказывала въ регистраціи союзовъ и безъ всякаго повода ихъ закрывала. Каждый шагъ нашихъ союзовъ наталкивался на противодѣйствіе мѣстной власти. И тѣмъ не менѣе, это не погубило въ самомъ зародышѣ нашего профессіональнаго движенія, ведущаго свое начало съ революціоннаго 1905 года.

Рабочіе союзы начинаютъ у насъ быстро развиваться еще до закона 1906 г. Митинги въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ осенью 1905 г. всего болѣе содѣйствовали громадному увеличенію интереса рабочихъ къ профессіональнымъ организаціямъ. Среди самыхъ разнообразныхъ профессій союзы стали расти, какъ грибы, въ особенности въ крупныхъ центрахъ нашей политической жизни, въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ значительныхъ городахъ. Затѣмъ послѣдовали репрессіи и закрытія администраціей множества союзовъ. Тѣмъ не менѣе, по даннымъ отчета центральнаго бюро профессіональныхъ союзовъ, число членовъ союзовъ достигло въ 1907 г. 246 тыс. При этомъ, среди рабочихъ печатнаго дѣла 43% были организовано въ союзы, среди рабочихъ по металлу организовано было 8,6%, среди рабочихъ по обработкѣ питательныхъ веществъ—7,2% и т. д. Слабѣе всего были организованы рабочіе въ горной промышленности—всего 1,1% ихъ принадлежало къ союзамъ.

Дальнѣйшія репрессіи, а также и общій упадокъ нашего общественнаго движенія, повели къ сокращенію числа союзовъ и ихъ членовъ. Однако, за послѣдніе мѣсяцы наблюдается въ дѣятельности ихъ нѣкоторый подъемъ. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что каковы бы ни были трудности, которыя приходится преодолѣвать нашему рабочему движенію, оно съ ними справится и профессіональныя союзы займутъ въ жизни нашего рабочаго такое же прочное мѣсто, какое они давно уже заняли на западѣ.

II.

Первый русскій фабричный законъ, регулировавшій условія труда на фабрикахъ, относится къ 1845 г. Этимъ закономъ была воспрещена ночная работа на фабрикахъ малолѣтнимъ до 12-лѣтняго возраста. Законъ этотъ былъ изданъ въ связи съ волненіями въ 1844 г. на Вознесенской бумагопрядильнѣ въ дмитровскомъ уѣздѣ московкой губерніи. Однако, законъ 1845 г. практическаго значенія не получилъ и очень скоро былъ совершенно забытъ.

Съ конца 50-хъ годовъ начинаются попытки создать у насъ нѣчто аналогичное западноевропейскому фабричному законодательству. Цѣлый рядъ правительственныхъ комиссій проектируетъ фабричные законы, но, вплоть до 80-хъ годовъ, безуспѣшно. Первой изъ такихъ комиссій была комиссія подъ предсѣдательствомъ Штакельберга, которая предполагала перенести къ намъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, фабричное законодательство Англіи. Однако, предположенія комиссіи Штакельберга законодательной санкціи не получили. Въ 70-хъ годахъ двѣ комиссіи (одна подъ предсѣдательствомъ Игнатьева, другая Валуева) точно также намѣчали довольно широкія мѣры по регулированію условій нашего фабричнаго труда. Но и эти комиссіи имѣли успѣха не болѣе комиссіи Штакельберга. Главной или даже единственной причиной неудачи всѣхъ этихъ законодательныхъ предположеній было упорное сопротивленіе имъ со стороны фабрикантовъ центральнаго, особенно московскаго района. Напротивъ, петербургскіе фабриканты поддерживали эти проекты. Такимъ образомъ, уже съ 50-хъ годовъ въ средѣ нашихъ фабрикантовъ намѣчаются по отношенію къ фабричному законодательству двѣ группы: фабриканты центральнаго района относятся враждебно къ вмѣшательству государства въ условія фабричнаго труда, а фабриканты западной окраины, напротивъ, сочувствуютъ таковому.

Сопротивленіе московскихъ фабрикантовъ оказывалось достаточно сильнымъ, чтобы долгое время разрушать всѣ попытки создать у насъ фабричное законодательство. Въ концѣ 70-хъ годовъ положеніе мѣняется. Ростъ стачечнаго движенія рабочихъ побуждалъ правительство настойчиво стремиться къ уменьшенію причинъ недовольства рабочихъ и въ 1878 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждается комиссія для урегулированія отношеній между фабрикантами и рабочими. Съ начала 80-хъ

годовъ въ Россіи наступаетъ промышленный кризисъ; этотъ кризисъ, ослабившій сопротивленіе фабрикантовъ законодательному сокращенію рабочаго времени, такъ какъ и безъ того приходилось, по условіямъ рынка, сокращать работу, далъ рѣшительный толчекъ къ развитію нашего фабричнаго законодательства. Закономъ 1882 г. была воспрещена фабричная работа дѣтей до 12 лѣтняго возраста, продолжительность фабричной работы малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ была ограничена 8 часами въ сутки, ночная, а также праздничная и воскресная работа малолѣтнихъ была воспрещена. Вмѣстѣ съ тѣмъ была учреждена фабричная инспекція. Въ 1885 г. на хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ была запрещена ночная работа женщинъ и подростковъ (до 17 лѣтъ). Въ 1886 г. вышелъ законъ о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы, подчинившій весь внутренній распорядокъ фабрики контролю фабричныхъ инспекторовъ и опредѣлившій порядокъ заключенія и расторженія рабочаго договора.

Факторы, вызвавшіе къ жизни это законодательство, были весьма разнообразны. Съ одной стороны, большую роль въ этомъ отношеніи сыгралъ, какъ сказано, промышленный кризисъ. Затѣмъ, петербургскіе фабриканты были, какъ и раньше, на сторонѣ законодательнаго регулированія фабричнаго труда. По поводу закона 1882 г. представители петербургскихъ бумагопрядилень подали даже особое заявленіе министру финансовъ, въ которомъ шли гораздо дальше закона. Такъ, по ихъ мнѣнію, работа дѣтей въ возрастѣ 12—14 лѣтъ должна была бы ограничиваться 6 часами въ сутки, ночная работа женщинъ и подростковъ до 18-лѣтняго возраста должна была бы быть на всѣхъ фабрикахъ воспрещена, а также должна была бы быть нормирована фабричная работа взрослыхъ мужчинъ.

Совершенно иначе отнеслись къ закону 1882 г. московскіе фабриканты. Они противились его введенію и были очень далеки отъ того, чтобы требовать, вмѣстѣ съ петербургскими фабрикантами, дальнѣйшаго развитія принциповъ закона. И только благодаря кризису противодѣйствіе московскихъ фабрикантовъ новому фабричному закону нѣсколько ослабѣло, хотя далеко не исчезло.

Что касается закона 1885 г., то непосредственными иниціаторами его были петербургскіе фабриканты, подавшіе въ 1884 г. петербургскому градоначальнику Грессеру прошеніе, въ которомъ ходатайствовали объ изданіи закона, запрещающаго ночные работы несовершеннолѣтнимъ и женщинамъ. И опять та-

ки, московскіе фабриканты были противъ этого закона и признавали его для себя крайне стѣснительнымъ.

Чѣмъ же объясняется такое различное отношеніе къ фабричному законодательству разныхъ представителей одного и того же класса фабрикантовъ? Основная причина этого различія коренилась въ различіи заработной платы въ Москвѣ и Петербургѣ. Заработная плата въ Петербургѣ значительно выше, чѣмъ въ Москвѣ; въ связи съ этимъ въ Петербургѣ машинный трудъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочій день въ Петербургѣ былъ короче, чѣмъ въ Москвѣ, и была гораздо менѣе распространена ночная работа, (которая въ Петербургѣ была исключеніемъ, а въ Москвѣ правиломъ).

А такъ какъ московскія фабрики конкурируютъ съ петербургскими, то, понятно, для петербургскихъ фабрикантовъ новые фабричные законы (тяжести которыхъ они почти не чувствовали) были тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ разорительнѣе они были для Москвы.

Но самымъ могущественнымъ факторомъ развитія нашего фабричнаго законодательства были волненія рабочихъ. Поэтому неудивительно, что инициатива нѣкоторыхъ важнѣйшихъ законовъ этого рода принадлежала министерству внутреннихъ дѣлъ, руководившемуся при этомъ чисто политическими и полицейскими соображеніями. Изданіе закона 1886 г. было вызвано, главнымъ образомъ, стачкой на Никольской мануфактурѣ въ 1885 г. Предсѣдателемъ комиссіи, которая выработала этотъ законъ, былъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве. Точно также и законъ 1885 г. былъ изданъ по соображеніямъ сходнаго рода.

Со второй половины 80-хъ годовъ положеніе нашей промышленности измѣнилось—начался промышленный подъемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣло на время стачечное движеніе. Это отразилось и на ходѣ нашего фабричнаго законодательства, которое стало дѣлать попятные шаги. При оживленіи промышленности сокращеніе времени труда стало стѣснительнымъ для московскихъ фабрикантовъ и они начали агитацію противъ фабричныхъ законовъ. Результатомъ этой агитаціи явился уходъ болѣе энергичныхъ фабричныхъ инспекторовъ [1]) и изданіе закона 1890 г., измѣнившаго предшествовавшіе фабричные законы въ томъ смыслѣ, что административнымъ органамъ было предоставлено право разрѣшать фабрикантамъ очень важныя изъятія изъ этихъ законовъ: съ разрѣшенія администраціи могла быть допускаема ноч-

ная работа (а также праздничная и воскресная) женщинъ, подростковъ и малолѣтнихъ. Закономъ 1893 г. власть администраціи была еще болѣе расширена.

Можно было думать, что всѣ завоеванія 80-хъ годовъ въ области фабричнаго законодательства будутъ взяты обратно. Однако, этого не произошло. Напротивъ, въ 1897 г. законодательство сдѣлало очень важный шагъ впередъ, ограничивъ продолжительность рабочаго дня взрослыхъ мужчинъ ($11^1/_2$ часами въ сутки при дневной работѣ въ обычные дни, 10 часами въ сутки въ субботу и наканунѣ праздниковъ, и 10 часами въ ночное время; работа въ воскресные и праздничные дни была воспрещена).

Изданіе этого закона было опять вызвано борьбой между фабрикантами западнаго и центральнаго районовъ, а также волненіями рабочихъ. Въ 1894 году лодзинскіе фабриканты выработали проектъ законодательной нормировки рабочаго дня на фабрикахъ, заводахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ Россіи. По этому проекту рабочій день долженъ былъ ограничиваться на рудникахъ и копяхъ—10 часами въ сутки, на фабрикахъ, обрабатывающихъ металлы—11 часами, въ прочихъ промышленныхъ заведеніяхъ—12 часами. Иниціатива лодзинскихъ фабрикантовъ встрѣтила горячую поддержку со стороны петербургскихъ, которые пошли даже дальше и предлагали установить на всѣхъ фабрикахъ 11-ти-часовой рабочій день. Московскіе фабриканты требовали болѣе высокихъ нормъ рабочаго дня—12-ти-часового рабочаго дня. Изданіе новаго закона могло бы затянуться, если бы не послѣдовало давленія со стороны рабочихъ. Стачки петербургскихъ бумагопрядильщиковъ 1896 и 1897 г.г. быстро двинули дѣло впередъ и новый законъ былъ изданъ съ необычной у насъ быстротой.

Законъ 1897 г. только до нѣкоторой степени удовлетворилъ требованія рабочихъ. Онъ является компромиссомъ между пожеланіями петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ. Допущеніемъ сверхурочныхъ работъ дѣйствіе этого закона на практикѣ было очень ослаблено.

Въ 1903 году былъ изданъ законъ объ отвѣтственности предпринимателей, согласно которому рабочій получаетъ право иска къ предпринимателю при несчастныхъ случаяхъ въ работѣ, причемъ на фабриканта ложится бремя доказательства, что несчастный случай произошелъ не по его винѣ. И этотъ законъ, какъ видно изъ его оффиціальной мотивировки, былъ изданъ въ связи съ рабочими волненіями.

На горнозаводскихъ рабочихъ распространяется фабричное законодательство съ нѣкоторыми дополненіями. Такъ, женщинамъ воспрещается ночная работа и работа подъ землей. Работа подъ землей воспрещается и всѣмъ малолѣтнимъ до 15 лѣтъ Въ ремеслѣ продолжительность рабочаго дня ограничена 10 часами дѣйствительной работы. Въ торговыхъ предпріятіяхъ рабочій день не можетъ превышать, какъ общее правило, 12 часовъ въ сутки (включая сюда 2 часа для принятія пищи); но нѣкоторымъ, особо поименованнымъ, торговымъ предпріятіямъ разрѣшается удлинять продолжительность времени, въ теченіе котораго они открыты, до 15 часовъ въ сутки. Отъ этихъ общихъ нормъ для торговыхъ предпріятій законъ допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ отступленія.

Судьба нашихъ профессіональныхъ союзовъ очень существенно зависитъ отъ того, удастся ли имъ сложиться въ чисто экономическія организаціи при соблюденіи полнаго политическаго нейтралитета. Дѣло въ томъ, что только политически нейтральные союзы могутъ существовать у насъ легально, а рабочіе союзы могутъ исполнять свои функціи лишь при условіи открытаго существованія. Правда, въ Англіи союзы долгое время существовали и энергично развивались, не будучи признаны закономъ; но нужно имѣть въ виду особенности англійскаго строя общественной жизни, — и до легальнаго признанія ихъ англійскіе рабочіе союзы дѣйствовали открыто и лишь въ рѣдкихъ отдѣльныхъ случаяхъ наталкивались на противодѣйствія со стороны общественныхъ властей. У насъ положеніе совершенно иное и рабочій союзъ, не признанный закономъ, долженъ скрываться въ подполье; но подпольный союзъ не можетъ имѣть сколько-нибудь значительнаго числа членовъ и неизбѣжно перерождается въ организацію совершенно иного характера. Рабочіе союзы должны дѣйствовать открыто или совершенно не дѣйствовать.

Легальные же партійные союзы у насъ невозможны. Сознавая это, объединительный съѣздъ русской соціалъ-демократической партіи вынесъ резолюцію, что „партія должна поддерживать стремленіе рабочихъ къ профессіональной организаціи и всѣми мѣрами содѣйствовать образованію безпартійныхъ профессіональныхъ союзовъ". Но уже на слѣдующемъ, лондонскомъ съѣздѣ партія отступила отъ своего рѣшенія и приняла резолюцію совершенно иного характера, находящуюся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ предыдущей. А именно, съѣздъ постановилъ „напомнить партійнымъ организаціямъ и соціалъ-демократамъ, работающимъ въ профессіональныхъ союзахъ, объ одной изъ основныхъ задачъ соціалъ-демократической работы въ нихъ — содѣйствіи признанію профессіональными союзами идейнаго руководства соціалъ-демократической партіи, а также установленію организаціонной связи съ ней, и о необходимости тамъ, гдѣ мѣстныя условія позволяютъ, проводить эту задачу въ жизнь".

Если бы эта тенденція возобладала, то рабочіе союзы стали бы у насъ въ настоящее время совершенно невозможны. Но, судя по всему, лондонская резолюція никакихъ практическихъ результатовъ имѣть не будетъ: она была встрѣчена очень несочувственно дѣятелями нашего профессіональнаго движенія и самими организованными рабочими, прекрасно понимающими, что вопросъ о политической нейтральности союзовъ есть вопросъ самой возможности существованія ихъ у насъ при данномъ политическомъ положеніи дѣлъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Флеровскій. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. 1869. И. Янжулъ. Фабричный бытъ Московской губ. 1884. Песковъ. Фабричный бытъ Владимірской губ. 1884. Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Изд. 2-е. 1897. Шестаковъ. Рабочіе на мануфактурѣ товарищества Эмиль Циндель. 1900. Шульце-Геверницъ. Очерки обществ. хозяйства и экономической политики Россіи. Пер. съ нѣм. 1901. М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. 3-е изд. 1907. Погожевъ. Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи. 1906. Пажитновъ. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. 2-е изд. 1908.

Рабочее движеніе въ Россіи. С. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи. 1905. К. Дмитріевъ. Профессіональные союзы въ Москвѣ. 1906. Его же. Изъ практики профессіональнаго движенія въ Россіи. 1907. Л. Мартовъ. Пролетарская борьба въ Россіи. 1906. Данъ. Изъ исторіи рабочаго и соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи. 1906. Григорьевскій. Полицейскій соціализмъ въ Россіи. 1906. И. Озеровъ. Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. 1906. Таръ. Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ. 2-е изд. 1906. В. Варзаръ. Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за десятилѣтіе 1895—1904 гг. 1905. В. Поссе. Русскія стачки. 1907. В. Святловскій. Профессіональное движеніе въ Россіи. 1907. Его же. Современное законодательство о профессіональныхъ рабочихъ союзахъ. 1907. Его же. Указатель литературы по профессіональному рабочему движенію. 1907. В. Гриневичъ. Профессіональное движеніе рабочихъ въ Россіи. 1908.

Фабричное законодательство въ Россіи. М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика. В. Литвиновъ-Фалинскій. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи. 1900. А. Микулинъ. Очерки изъ исторіи примѣненія закона 3 іюня 1886 г. 1893. Его же. Фабричная инспекція въ Россіи. 1906. Янжулъ. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. 1907. Л. Эліассонъ. Законы объ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими. 1908.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ VI.

1) Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она беретъ. Изд. 2-е. 1897. Стр. 4—26.

2) Шульце-Геверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. Пер. подъ ред. Б. Авилова и П. Румянцева. 1901. Стр. 120 и слѣд.

3) Составлено по даннымъ работы П. М. Шестакова: „Рабочіе на мануфактурѣ товарищества Эмиль Циндель". 1900.

4) По даннымъ, недавно опубликованнымъ московскимъ городскимъ управленіемъ, денежная заработная плата строительныхъ рабочихъ въ Москвѣ увеличилась въ среднемъ за десятилѣтіе 1897—1906 г., сравнительно съ десятилѣтіемъ 1887—1896 г., на 7,5%. Въ 1908 г. плата повысилась, сравнительно съ десятилѣтіемъ 1897—1906 г., еще на 13%. Но цѣна на пищевые продукты возросла за послѣдніе два года еще больше. Экономистъ Россіи. 1909. № 7—8. Стр. 22.

5) Описаніе стачечнаго движенія въ Россіи за послѣднія десятилѣтія можно найти въ цѣнной работѣ С. Н. Прокоповича: „Къ рабочему вопросу въ Россіи". 1905. Глава II и V.

6) Крайне любопытный матеріалъ по исторіи нашего „полицейскаго соціализма" содержится въ книгѣ И. Х. Озерова: „Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы". 1906.

7) В. Гриневичъ. Профессіональное движеніе рабочихъ въ Россіи. 1908. Стр. 83.

8) Выдающуюся роль при введеніи у насъ фабричной инспекціи сыгралъ И. И. Янжулъ, бывшій первымъ фабричнымъ инспекторомъ московскаго фабричнаго округа. Московскіе фабриканты оказывали на первыхъ порахъ самое упорное противодѣйствіе надзору фабричныхъ инспекторовъ; съ уходомъ Бунге долженъ былъ оставить свою должность и И. И. Янжулъ. См. объ этомъ его интересную книгу: „Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва". 1907.

ГЛАВА VII.

Прибыль.

I. Теорія производительности капитала. Методологическій характеръ проблемы прибыли. Теорія производительности. Наивная форма этой теоріи. Мотивированная форма ея. Критика теоріи производительности со стороны Бемъ-Баверка. Несостоятельность этой критики. Проблема прибыли не есть проблема цѣнности. Основанія, по которымъ теорія производительности должна быть отвергнута. II. Теорія воздержанія и трудовая теорія прибыли. Теорія воздержанія. Какимъ образомъ пассивное воздержаніе капиталистовъ вліяетъ на сумму общественнаго продукта. Двойной счетъ теоріи воздержанія. Какимъ образомъ при условіяхъ капиталистическаго хозяйства отсрочка полученія продукта производства превращается въ объективный расходъ. Почему теорія воздержанія должна быть отвергнута. III. Соціальная природа прибыли и факторы, опредѣляющіе высоту процента прибыли. Соціальная эксплоатація, какъ основа прибыли. Объективные факторы, опредѣляющіе высоту процента прибыли. Прибыль и заработная плата. Противоположное и параллельное движеніе прибыли и заработной платы. Какимъ образомъ могутъ одновременно повышаться прибыль и заработная плата, какъ доли общественнаго продукта. Истина и ложь теоріи производительности и теоріи Рикардо. Производительность общественнаго труда, доля капиталистовъ въ общественномъ продуктѣ и скорость оборотовъ капитала, какъ объективные факторы процента прибыли. IV. Составныя части прибыли и ея историческія измѣненія. Ссудный процентъ. Предпринимательская прибыль. Наблюдается ли паденіе процента прибыли. Прибыль въ странахъ малоразвитаго капиталистическаго хозяйства. Дополнительныя замѣчанія. Теорія прибыли Маркса. Сущность ея. Прибыль въ отдѣльномъ предпріятіи и во всемъ общественномъ хозяйствѣ. Цѣны производства. Отклоненіе общественнаго процента прибыли отъ предполагаемаго Марксомъ. Несостоятельность теоріи прибыли Маркса.

I.

Проблема прибыли имѣетъ существенно иной характеръ, чѣмъ проблема заработной платы. Фактъ оплаты содержанія рабочаго, занятаго въ процессѣ производства, не представляетъ собой никакой научной проблемы: вполнѣ очевидно, что содержаніе рабочаго есть необходимое условіе самой возможности произ-

водства. Проблема заработной платы заключается, преимущественно, въ выясненіи того, какія соціальныя условія препятствуютъ рабочему получать свой полный трудовой продуктъ —почему заработная плата никогда не достигаетъ всего того, что вырабатываетъ рабочій. Напротивъ, проблема прибыли требуетъ объясненія самаго факта существованія прибыли. Почему послѣ оплаты труда остается нѣкоторый избытокъ въ пользу капиталиста? Это не только не ясно само собой, но представляетъ собой одинъ изъ тѣхъ вопросовъ экономической науки, которые вызываютъ среди экономистовъ до настоящаго времени всего болѣе споровъ. Правда, если смѣшивать капиталъ съ капиталистомъ, то необходимость прибыли можетъ казаться такой же очевидной, какъ и необходимость заработной платы, ибо производство невозможно безъ средствъ производства совершенно такъ же, какъ и безъ участія труда. Но, какъ выше было показано, такое смѣшеніе капитала и капиталиста представляетъ собой грубѣйшую логическую ошибку: необходимость средствъ производства доказываетъ необходимость затратъ на поддержаніе и воспрозведеніе средствъ производства, но отнюдь не необходимость класса капиталистовъ и ихъ нетрудового дохода.

Наоборотъ, изъ самаго понятія прибыли слѣдуетъ, что она не представляетъ собой необходимаго условія производства. Что такое прибыль? Излишекъ, остающійся въ распоряженіи капиталиста за покрытіемъ всѣхъ расходовъ его предпріятія. Прибыль не можетъ быть однимъ изъ элементовъ расхода предпріятія, такъ какъ въ такомъ случаѣ это не была бы прибыль. Прибыль можно опредѣлить, какъ нетрудовой доходъ, вытекающій изъ обладанія хозяйственными предметами, созданными трудомъ человѣка. Прибыль есть нѣчто постороннее самому процессу производства, фактъ соціальнаго происхожденія, связанный съ опредѣленнымъ распредѣленіемъ въ обществѣ имущества. Производство можетъ не давать никакой прибыли, даже при самой высокой степени производительности труда—въ томъ, именно, случаѣ, когда средства производства принадлежатъ рабочему.

Проблема прибыли—какъ и всякаго нетрудового дохода—слагается изъ трехъ болѣе частныхъ проблемъ: во-первыхъ, должно быть разъяснено самое происхожденіе прибыли, должны быть выяснены ея соціальныя предпосылки, ея соціальная природа; во-вторыхъ, должны быть выяснены объективные факторы, опредѣляющіе высоту прибыли; и въ третьихъ, должна быть

дана оцѣнка прибыли съ соціально-политической точки зрѣнія. Всякая законченная теорія прибыли должна разъяснить проблему прибыли съ этихъ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Фактически, однако, эти три различныя точки зрѣнія тѣсно переплетаются между собой и только логически могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Всего болѣе споровъ среди экономистовъ возбуждаетъ вопросъ о соціальной природѣ прибыли, къ которому тѣсно примыкаетъ вопросъ о соціально-политическомъ отношеніи къ прибыли, имѣющій совершенно исключительную важность въ смыслѣ оцѣнки всего существующаго общественнаго строя.

Одной изъ наиболѣе распространенныхъ теорій прибыли является теорія производительности капитала, названная такимъ образомъ Бемъ-Баверкомъ, которому принадлежитъ лучшая работа, посвященная исторіи различныхъ теорій прибыли на капиталъ. Въ первоначальной формѣ теорія эта была высказана Ж. Б. Сэ. Въ нѣсколько болѣе разработанной, но по существу той-же формѣ она является и у Рошера. Рошеръ иллюстрируетъ происхожденіе и соціальную природу прибыли на примѣрѣ рыбака, который, ловя рыбу голыми руками, можетъ поймать въ день только три рыбы; но, сдѣлавши лодку и сѣти, тотъ же рыбакъ можетъ поймать въ день уже не три, а тридцать рыбъ. Это увеличеніе добычи рыбака представляетъ собой, очевидно, созданіе новыхъ средствъ производства: двадцать семь рыбъ составляютъ собой продуктъ капитала рыбака. Если рыбакъ передастъ свою лодку и сѣти въ распоряженіе другого лица и потребуетъ за свой капиталъ платы въ размѣрѣ 27 рыбъ, то лицо, пользующееся капиталомъ перваго, можетъ вносить эту плату, не теряя никакого ущерба. Такимъ образомъ, источникомъ прибыли на капиталъ (которая въ данномъ случаѣ равнялась бы 27 рыбамъ) является производительная сила капитала[1]).

Бемъ-Баверкъ называетъ эту теорію наивной теоріей производительности капитала—наивной потому, что она оставляетъ безъ всякаго объясненія именно то, что прежде всего требуетъ объясненія. Не подлежитъ сомнѣнію, что при помощи улучшенныхъ средствъ производства можно произвести большее количество продуктовъ, чѣмъ безъ ихъ помощи; но это еще ни малѣйшимъ образомъ не дѣлаетъ яснымъ, откуда возникаетъ прибыль. Прибыль есть нѣкоторый избытокъ дохода даннаго предпріятія надъ расходами производства. „Вполнѣ допустимо—говоритъ Бемъ-Баверкъ,—и понятно, что тридцать рыбъ имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ прежнія три

рыбы. Но что тридцать рыбъ имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ доля лодки и сѣтей, использованная въ процессѣ ихъ ловли, это есть предположеніе, которое отнюдь не объясняется, а тѣмъ менѣе является очевиднымъ изъ обстоятельствъ разсматриваемаго случая“ [2]). Изъ умноженія продуктовъ, вызываемаго введеніемъ улучшенныхъ средствъ производства, никоимъ образомъ еще не вытекаетъ, что умноженное количество продуктовъ должно имѣть высшую цѣнность, чѣмъ новыя средства производства— иначе говоря, не вытекаетъ необходимость прибыли.

И, дѣйствительно, нельзя не согласиться съ Бемъ-Баверкомъ, что теорія производительности капитала въ той формѣ, какъ она была формулирована Сэ и Рошеромъ, оставляетъ этотъ кардинальный вопросъ теоріи прибыли безъ всякаго отвѣта. Но другіе теоретики того же направленія дали отвѣтъ на вопросъ, формулированный Бемъ-Баверкомъ, почему Бемъ-Баверкъ и признаетъ ихъ представителями мотивированной теоріи производительности.

Въ наиболѣе разработанной формѣ мотивированная теорія производительности развита Тюненомъ и, въ новѣйшее время, Визеромъ. Но все существенное находится уже у Тюнена, почему и можно остановиться только на немъ.

Тюненъ предполагаетъ гипотетическій случай первобытнаго хозяйства, когда впервые вводятся новыя средства производства. Дикарь приготовляетъ лукъ, стрѣлы и сѣти и съ этими новыми орудіями труда получаетъ возможность, за вычетомъ всего того количества труда, которое требуется на воспроизведеніе и поддержаніе въ одинаково хорошемъ состояніи своихъ новыхъ орудій труда, добывать значительно большее количество предметовъ потребленія. Если собственникъ этихъ улучшенныхъ орудій труда передастъ ихъ въ пользованіе лица, не располагающаго ими, и потребуетъ за это въ свою пользу всего того увеличенія количества добываемыхъ продуктовъ, которое остается за вычетомъ доли труда, необходимой на воспроизведеніе и поддержаніе въ исправности данныхъ орудій труда (причемъ трудъ этого послѣдняго рода ляжетъ на того, кто пользуется новыми орудіями), то лицо, получающее послѣднія, можетъ согласиться на требованіе перваго лица безъ всякаго убытка для себя; такимъ образомъ, первое лицо, владѣющее новыми орудіями труда, получаетъ возможность извлекать изъ нихъ нетрудовой доходъ, безъ всякаго ущерба для лица, пользующагося послѣдними, ибо этотъ нетрудовой доходъ является не чѣмъ инымъ, какъ создаваемымъ этими орудіями труда доба-

вочнымъ продуктомъ. Этотъ добавочный продуктъ болѣе совершенныхъ средствъ производства и является источникомъ прибыли на капиталъ [3]).

Однако, и мотивированная теорія производительности капитала кажется Бемъ-Баверку неспособной дать удовлетворительный отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ—почему продуктъ имѣетъ высшую цѣнность, чѣмъ средства производства. А именно, Тюненъ разсматриваетъ случай, при которомъ капиталъ (средства производства) производится тѣмъ же рабочимъ, который производитъ и предметы потребленія. Въ современномъ же мѣновомъ хозяйствѣ капиталъ и предметы потребленія производятся въ различныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ и становятся сравнимыми между собой только при посредствѣ цѣны. Можно себѣ представить, что дикарь производитъ лукъ и стрѣлы и, сверхъ этого, при помощи того же лука и стрѣлъ, охотится на дичь; оговорившись, что не весь избытокъ дичи, который можетъ быть полученъ при помощи употребленія лука и стрѣлъ, а только та часть этого избытка, которая остается за вычетомъ времени, необходимаго для воспроизведенія лука и стрѣлъ и поддержанія ихъ въ исправности, образуетъ собой чистый продуктъ новыхъ орудій труда, Тюненъ избѣгнулъ ошибки Рошера и, вмѣсто наивной, далъ мотивированную теорію производительности. Но все же и мотивированная теорія производительности безсильна объяснить, говоритъ Бемъ-Баверкъ, прибыль въ современномъ хозяйствѣ, такъ какъ въ современномъ хозяйствѣ прибыль есть категорія цѣнности, а почему цѣнность продукта превышаетъ цѣнность затраченныхъ средствъ производства—на это мотивированная теорія не даетъ опредѣленнаго отвѣта.

Вообще „проблема прибыли—говоритъ Бемъ-Баверкъ,—есть въ конечномъ счетѣ проблема цѣнности“ [4])—и въ этомъ совершенно сходится съ Марксомъ, который также разсматриваетъ проблему прибыли, какъ проблему цѣнности. Напротивъ, съ точки зрѣнія соціальной теоріи распредѣленія, которая развивается въ настоящемъ курсѣ, проблема прибыли должна быть признана самостоятельной проблемой, никоимъ образомъ не сводимой къ проблемѣ цѣнности.

Не трудно показать, что, вопреки утвержденію Бемъ-Баверка, мотивированная теорія производительности совершенно удовлетворительно объясняетъ, почему цѣнность продукта превышаетъ цѣнность средствъ производства. Не будемъ говорить о первобытномъ хозяйствѣ, а предположимъ современное мѣновое капиталистическое хозяйство. Предположимъ, напр., что вводится

какое-либо усовершенствованное орудіе производства—хотя бы бумагопрядильная машина. Въ результатѣ этого получается слѣдующее измѣненіе условій общественнаго хозяйства. Съ одной стороны, увеличивается количество производимой пряжи—только для этого и вводится машина; но, съ другой стороны, для того, чтобы машина имѣла примѣненіе къ производству, сама она должна воспроизводиться въ процессѣ общественнаго хозяйства—машина есть не только средство производства, но и продуктъ производства. Если мы обозначимъ количество пряжи до введенія машины, какъ A, то добавочное количество пряжи послѣ введенія машины можно будетъ обозначить, какъ a; общая сумма пряжи послѣ введенія машины выразится, какъ A+a. Кромѣ этого, общественный продуктъ увеличится послѣ введенія машинъ этими самыми машинами, которыя должны воспроизводиться въ процессѣ общественнаго производства; обозначимъ эти машины буквой b. Такимъ образомъ, все увеличеніе общественнаго продукта послѣ введенія машинъ выразится, какъ a (добавочное количество пряжи) +b (новыя орудія труда). Общественный продуктъ увеличился на a+b, а общественные расходы производства увеличились на b; благодаря введенію новыхъ средствъ производства при увеличеніи расходовъ производства на b продуктъ увеличился на a+b. Но сумма всегда болѣе одного изъ слагаемыхъ; слѣдовательно, и цѣнность увеличенія общественнаго продукта, вызваннаго введеніемъ новыхъ средствъ производства, не можетъ не превышать цѣнности этихъ средствъ производства.

Такимъ образомъ, вопреки утвержденію Бемъ-Баверка, мотивированнная теорія производительности указываетъ, изъ какого источника можетъ быть оплачена прибыль капиталиста при введеніи улучшенныхъ пріемовъ и средствъ производства. Очевидно, что прядильная машина плюсъ добавочное количество пряжи (производимое при помощи этой машины) представляетъ собой по своей цѣнности нѣчто большее, чѣмъ сама эта машина—ибо добавочное количество пряжи во всякомъ случаѣ имѣетъ нѣкоторую цѣнность.

Ошибочная критика Бемъ-Баверка вытекаетъ изъ того, что онъ разсматриваетъ проблему прибыли съ точки зрѣнія единичнаго хозяйства. Въ современномъ хозяйствѣ, основанномъ на раздѣленіи труда, продуктъ производства каждаго единичнаго хозяйства отличается, какъ общее правило, по своей природѣ отъ средствъ производства, затрачиваемыхъ въ этомъ хозяйствѣ; затрата и получка становятся, поэтому, сравнимыми лишь при посредствѣ цѣнности. Поэтому, Бемъ-Баверкъ и приходитъ къ выводу, что

проблема прибыли есть проблема цѣнности. Но если взять все общественное хозяйство въ совокупности, то затрата и получка выразятся не въ продуктахъ, различныхъ по своей природѣ, а въ тѣхъ же самыхъ продуктахъ, только различнаго количества. Средства производства постоянно воспроизводятся въ общественномъ хозяйствѣ и составляютъ такую же необходимую часть общественнаго продукта, какъ и предметы потребленія. Введеніе новыхъ, болѣе производительныхъ средствъ производства имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что эти самыя средства производства воспроизводятся съ нѣкоторымъ избыткомъ общественнаго продукта, откуда общество и получаетъ средства для оплаты добавочной прибыли капиталистовъ. Никакой теоріи цѣнности для объясненія всего этого процесса не требуется [5]).

Итакъ, данную Бемъ-Баверкомъ критику теоріи производительности капитала нужно признать совершенно неосновательной. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что теорія производительности должна быть принята. Наоборотъ, она должна быть отвергнута, но по мотивамъ совершенно иного рода.

Прежде всего, теорія эта грѣшитъ тѣмъ, что отожествляетъ капиталъ съ орудіями труда. На самомъ же дѣлѣ, первичнымъ капиталомъ являются не орудія труда, а средства существованія рабочаго. Рабочій есть болѣе основной и первичный дѣятель производства, чѣмъ созданныя его трудомъ средства производства; слѣдовательно, и капиталъ въ формѣ средствъ существованія рабочаго имѣетъ болѣе первичный характеръ, чѣмъ капиталъ въ формѣ средствъ производства. Всякая теорія, желающая дать научное объясненіе доходу капиталистовъ, должна объяснить его въ самой основной и чистой формѣ,—въ формѣ дохода, вытекающаго изъ обладанія средствами существованія рабочихъ.

Если рабочій лишенъ средствъ существованія, то онъ попадаетъ въ экономическую зависимость отъ лица, владѣющаго средствами существованія, и это послѣднее лицо получаетъ возможность принудить рабочаго уступить ему большую или меньшую часть произведеннаго продукта. Въ этомъ случаѣ прибыль возникаетъ помимо какихъ бы то ни было усовершенствованныхъ орудій труда. Итакъ, теорія производительности, прежде всего, совершенно не достаточна—она не объясняетъ многихъ явленій прибыли, и притомъ явленій, имѣющихъ наиболѣе основной характеръ.

Во-вторыхъ, она прямо противорѣчитъ многимъ явленіямъ прибыли. Совершенно невѣрно, что прибыль отъ пользованія усовершенствованнымъ орудіемъ труда опредѣляется

всецѣло производительностью послѣдняго. Одинъ и тотъ же ткацкій станокъ даетъ, напр., въ Россіи гораздо большую прибыль, чѣмъ въ Англіи. Машины, употребляемыя въ различныхъ странахъ, могутъ быть совершенно тожественными, а процентъ прибыли совершенно различнымъ. Это доказываетъ, что прибыль далеко не совпадаетъ съ прибавочнымъ продуктомъ, создаваемымъ употребленіемъ усовершенствованнаго орудія труда.

Наконецъ, въ третьихъ, теорія производительности неправильно классифицируетъ экономическія явленія, неправильно истолковываетъ экономическіе факты, приписывая капиталу (орудіямъ труда) самостоятельную производительную силу. Орудія труда не первичный, а вторичный агентъ производства,— ихъ создаетъ человѣкъ, который является единственнымъ активнымъ дѣятелемъ производства (ср. первую главу II отдѣла). Стоя на точкѣ зрѣнія трудящагося человѣка, слѣдуетъ относить весь продуктъ на счетъ труда человѣка, а не на счетъ средствъ производства, которыя суть простыя условія производства, создаваемыя и измѣняемыя человѣкомъ. Только съ точки зрѣнія капиталиста, для котораго машина такое же средство производства, какъ и рабочій, капиталъ обладаетъ самостоятельной производительной силой.

Итакъ, теорія производительности капитала, во-первыхъ, не достаточна, во-вторыхъ, противорѣчитъ многимъ фактамъ, и, въ третьихъ, окрашена интересами капиталистическаго класса и, какъ таковая, въ цѣломъ должна быть безусловна отвергнута.

II.

Не меньшее распространеніе среди экономистовъ имѣетъ и теорія воздержанія капиталистовъ. Теорія эта сложилась въ Англіи въ тридцатыхъ годахъ 19 вѣка. Въ это время среди англійскихъ экономистовъ пользовалась рѣшительнымъ преобладаніемъ школа Рикардо, которая разсматривала явленія распредѣленія подъ угломъ зрѣнія трудовой теоріи цѣнности. Цѣны товаровъ, по совершенно вѣрному представленію школы Рикардо, должны соотвѣтствовать издержкамъ производства. Но съ этой точки зрѣнія становилось непонятнымъ, почему товарныя цѣны не равны издержкамъ производства, а, какъ общее правило, превосходятъ ихъ на большую или меньшую величину, образующую собой прибыль капиталиста. Чтобы справиться съ этимъ затрудненіемъ, нѣкоторые экономисты (Маль-

тусъ) стали разсматривать прибыль, какъ составную часть издержекъ производства. Однако, это было слишкомъ неудачнымъ способомъ справиться съ трудной экономической проблемой, такъ какъ противоположность прибыли и издержекъ производства вполнѣ очевидна. Теоретическая мысль не могла примириться съ такимъ рѣшеніемъ и въ лицѣ Сеніора выдвинула новую теорію прибыли, въ которой на тотъ же вопросъ дается отвѣтъ болѣе остроумный и продуманный.

Сеніоръ нашелъ въ условіяхъ производства элементъ, который не могъ быть сведенъ къ трудовымъ затратамъ и, тѣмъ не менѣе, составлялъ, повидимому, такую же реальную затрату, какъ и затрата труда. Всякій владѣлецъ имущества можетъ дать послѣднему употребленіе двоякаго рода: или употребить его на свои собственныя нужды, превратить его въ предметы своего собственнаго потребленія, или же употребить это имущество, какъ капиталъ, для полученія прибыли. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, лицо, пользующееся такимъ образомъ своимъ имуществомъ, приноситъ извѣстную жертву, оно воздерживается отъ немедленнаго потребленія. Слѣдовательно, реальная затрата въ процессѣ производства слагается изъ элементовъ двоякаго рода: во-первыхъ, изъ затраты труда производства, и, во-вторыхъ, изъ в о з д е р ж а н і я тѣхъ лицъ, которыя скопили капиталъ и, путемъ отсрочки своего личнаго потребленія, сдѣлали возможнымъ производство. Прибыль капиталиста и есть не что иное, какъ вознагражденіе капиталиста за приносимую имъ жертву воздержанія. Если бы прибыль исчезла, то исчезъ бы и стимулъ для накопленія капитала; а такъ какъ накопленіе капитала необходимо для того, чтобы производство имѣло мѣсто, то, слѣдовательно, и прибыль капиталиста является необходимымъ условіемъ производства.

Съ точки зрѣнія этой теоріи высота процента прибыли опредѣляется платой, которую лица, накопляющія капиталъ, требуютъ себѣ за то, чтобы отсрочивать свое потребленіе. Чѣмъ выше процентъ прибыли, тѣмъ больше и вознагражденіе за накопленіе капитала, и, значитъ, тѣмъ сильнѣе и стимулъ къ накопленію капитала. Пониженіе процента прибыли уменьшаетъ энергію накопленія капитала. Это и регулируетъ среднюю высоту процента прибыли на капиталъ. Если, напр., вознагражденіе, требуемое лицами, накопляющими капиталъ, за воздержаніе отъ немедленнаго потребленія равняется 5% капитала, то и средній уровень прибыли долженъ установить на этомъ уровнѣ. Ибо, если прибыль упадетъ ниже этого уровня, накопленіе капитала уменьшится

и соотвѣтственно уменьшится приростъ всего общественнаго капитала. Но относительное уменьшеніе предложенія общественнаго капитала не можетъ не вызвать уменьшенія спроса на рабочія руки, а, слѣдовательно, и пониженія заработной платы, что должно привести къ повышенію прибыли. Обратное произойдетъ при повышеніи прибыли выше уровня вознагражденія, требуемаго за накопленіе капитала; въ этомъ случаѣ увеличеніе энергіи накопленія капитала должно повести къ увеличенію предложенія капитала, увеличенію спроса на рабочія руки и паденію прибыли. Такимъ образомъ, средній уровень прибыли устанавливается платой за накопленіе капитала, необходимой для побужденія соотвѣтствующихъ лицъ къ накопленію капитала.

Теорія воздержанія освѣщаетъ проблему прибыли со всѣхъ трехъ сторонъ этой проблемы. Что касается до источника прибыли, ея соціальной природы, то теорія воздержанія признаетъ источникомъ прибыли воздержаніе лицъ, накапливающихъ капиталъ, которое является самостоятельнымъ элементомъ затраты производства наряду съ затратой труда. Факторомъ, опредѣляющимъ высоту процента прибыли, является, съ этой точки зрѣнія, размѣръ вознагражденія, необходимаго для побужденія соотвѣтствующихъ лицъ накапливать капиталъ. Что касается до соціально-политической оцѣнки прибыли, то теорія воздержанія усматриваетъ въ прибыли такую же правомѣрную и справедливую форму общественнаго дохода, какъ и заработная плата, ибо лицо, накапливающее капиталъ, получаетъ въ видѣ прибыли вознагражденіе за очень важную услугу, оказываемую имъ обществу

Теорія воздержанія много разъ подвергалась критикѣ, но въ большинствѣ случаевъ такой, которая не задѣвала самаго существа разсматриваемой доктрины. Такъ, противъ центральнаго положенія теоріи, что прибыль создается воздержаніемъ лицъ, скапливающихъ капиталъ, легко возразить, что воздержаніе, какъ актъ совершенно пассивный, по самой своей природѣ неспособно создавать что бы то ни было, а, значитъ, и прибыль капиталистовъ. Однако, это возраженіе далеко не такъ убѣдительно, какъ кажется. Конечно, воздержаніе, само по себѣ, никакой новой цѣнности не создаетъ. Но косвенно воздержаніе лицъ, накапливающихъ капиталъ, самымъ существеннымъ образомъ вліяетъ на количество продуктовъ общественнаго производства. Отъ доброй воли этихъ лицъ, зависитъ дать то или иное употребленіе своему имуществу—употребить его на свои нужды или превратить въ капиталъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ данное имущество становится производительнымъ фондомъ общества и сумма общественнаго продукта соотвѣтственно уве-

личивается. Значитъ, въ результатѣ такого чисто пассивнаго акта, какъ воздержаніе, получилось вполнѣ реальное приращеніе общественнаго богатства, которое и можетъ быть источникомъ вознагражденія лицъ, накапливающихъ капиталъ.

Гораздо глубже и сильнѣе критикуетъ теорію воздержанія Бемъ-Баверкъ. Теорія воздержанія разсматриваетъ воздержаніе, какъ дополнительный элементъ расхода рядомъ съ трудовой затратой. Отсрочка потребленія на болѣе или менѣе продолжительный срокъ не можетъ не разсматриваться нами, какъ извѣстная дополнительная жертва; а такъ какъ всякое накопленіе капитала есть отсрочка потребленія, то, слѣдовательно, всякое накопленіе капитала представляетъ собой извѣстное пожертвованіе со стороны лица, накопляющаго капиталъ, и, подводя итогъ суммѣ пожертвованій со стороны общества для полученія того или иного продукта, мы должны къ трудовымъ усиліямъ работавшихъ людей прибавить и воздержаніе лицъ, накопившихъ капиталъ. Какъ ни странно говорить о воздержаніи, какъ о положительной жертвѣ, но приведенное разсужденіе не допускаетъ, повидимому, никакого иного вывода.

По мнѣнію Бемъ-Баверка, въ этомъ разсужденіи, дѣйствительно, скрывается доля истины, но, лишь доля, а не вся истина. Разсмотримъ, напр., слѣдующій случай. Въ моемъ распоряженіи находится день труда и я могу дать своему трудовому дню двоякое употребленіе: или затратить его такимъ образомъ, что я на другой же день получу возможность воспользоваться плодами своего труда, или же затратить его такимъ образомъ, что плодами своего труда я начну пользоваться только черезъ десять лѣтъ. Спрашивается, какое употребленіе своего рабочаго времени я предпочту, если абсолютная сумма пользы, которую я извлеку изъ своего трудового продукта, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ будетъ та же самая?

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ отвѣтѣ. Всякій предпочтетъ затратить свой трудъ въ разсматриваемомъ случаѣ такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность немедленно воспользоваться его плодами. Продолжительная отсрочка пользованія плодами нашего труда отнюдь не является въ нашихъ глазахъ обстоятельствомъ, въ хозяйственномъ отношеніи безразличнымъ, а обычно разсматривается нами, какъ обстоятельство весьма неблагопріятное.

Итакъ, повидимому, теорія воздержанія имѣетъ право разсматривать отсрочку потребленія, какъ добавочную жертву? Сумма жертвы въ первомъ случаѣ, когда плоды труда получаются

немедленно послѣ затраты труда, выражается только трудовой затратой; во второмъ же случаѣ, когда полученіе плодовъ труда отсрочивается на долгое время, сумма жертвы выражается трудовой затратой плюсъ нѣкоторое добавочное пожертвованіе, которое тѣмъ больше, чѣмъ на большій срокъ отсрочивается полученіе продукта.

Этотъ способъ разсмотрѣнія природы хозяйственнаго пожертвованія кажется совершенно естественнымъ. Если я сажаю дерево, которое дастъ мнѣ плоды только черезъ много лѣтъ, то я дѣлаю большее хозяйственное пожертвованіе, чѣмъ, когда я то же количество труда затрачиваю на рыбную ловлю, плодами которой я пользуюсь немедленно. Но предположимъ, что буря уничтожила мою посадку и я никогда не получу плодовъ своихъ трудовъ; какъ велика будетъ въ такомъ случаѣ моя хозяйственная потеря? Если моя затрата опредѣляется затраченнымъ мною трудомъ плюсъ отсрочка пользованія плодами труда, то въ этомъ случаѣ, когда такое пользованіе совсѣмъ устраняется, отсрочивается какъ бы на безконечность, можно было бы ожидать, что и мое хозяйственное пожертвованіе соотвѣтственно возрастетъ. Но совершенно ясно, что никто не исчисляетъ своихъ затратъ такимъ образомъ: если буря на другой день послѣ посадки моего дерева уничтожила его, то свой хозяйственный ущербъ я признаю равнымъ безполезно затраченному мною труду посадки, а никоимъ образомъ не этому труду плюсъ отсрочка пользованія плодами этого дерева на безконечное время. Слѣдовательно, въ расчетѣ расходовъ производства отсрочка потребленія фигурируетъ неправильно.

Этотъ запутанный и тонкій вопросъ вполнѣ удовлетворительно разъясненъ Бемъ-Баверкомъ. Дѣло въ томъ, что хозяйственное пожертвованіе при той или иной затратѣ хозяйственныхъ средствъ можетъ быть опредѣляемо двоякимъ образомъ. Или можно учитывать положительный ущербъ отъ этого пожертвованія, или же отрицательную потерю отъ возможной пользы, которая могла бы быть получена при иномъ употребленіи тѣхъ же хозяйственныхъ средствъ. Такъ, напримѣръ, если я колеблюсь, затратить ли мнѣ триста рублей на поѣздку за границу или на покупку персидскаго ковра, и рѣшаю, въ концѣ концовъ, въ пользу ковра, то я могу опредѣлить величину хозяйственной жертвы, которую я понесъ для пріобрѣтенія ковра, двоякимъ способомъ: я могу выразить эту жертву или въ той суммѣ денегъ, которой я лишился при покупкѣ ковра, или же въ томъ удовольствіи, отъ котораго я долженъ былъ отказаться для пріі-

обрѣтенія ковра—въ данномъ случаѣ, отъ поѣздки за границу. Я могу сказать, что коверъ мнѣ стоитъ триста рублей, но съ такимъ же правомъ я могу сказать, что коверъ мнѣ стоитъ отказа отъ заграничной поѣздки. Но чего я совершенно не могу сказать, это того, что коверъ мнѣ стоитъ и затраты трехсотъ рублей и отказа отъ заграничной поѣздки: я не могу опредѣлять размѣръ своего хозяйственнаго пожертвованія одновременно и положительно, по ущербу отъ этого пожертвованія для своего хозяйства, и отрицательно, по выгодѣ, которую я могъ бы получить, но не получилъ, при иномъ употребленіи своихъ хозяйственныхъ средствъ. Нужно остановиться на какомъ либо изъ двухъ возможныхъ методовъ опредѣленія размѣра понесенной жертвы; пользоваться же одновременно этими обоими методами, значитъ дважды считать различными способами одно и то же.

Именно въ такомъ двойномъ счетѣ и виновна теорія воздержанія. Отсрочка потребленія не можетъ считаться затратой производства рядомъ съ затратой труда, ибо отсрочка потребленія, сама по себѣ, вовсе не есть затрата. Но, несомнѣнно, продолжительная отсрочка потребленія не можетъ считаться въ хозяйственномъ отношеніи фактомъ безразличнымъ—она является обстоятельствомъ, уменьшающимъ въ данный моментъ цѣнность предмета, которымъ можно будетъ воспользоваться только по прошествіи продолжительнаго времени. Если мнѣ предстоитъ выборъ между двоякимъ употребленіемъ моего труда, причемъ при одномъ употребленіи я воспользуюсь своимъ трудовымъ продуктомъ немедленно, а въ другомъ случаѣ только черезъ десять лѣтъ, то, конечно, при обычныхъ условіяхъ, я предпочту первое, но не потому, что во второмъ случаѣ затрата больше (какъ предполагаетъ теорія воздержанія), а потому, что въ этомъ случаѣ цѣнность получки, благодаря продолжительной отсрочкѣ потребленія, меньше. Теорія же воздержанія, разсматривая отсрочку потребленія, какъ расходъ дополнительный къ расходу труда, совершаетъ двойной счетъ—опредѣляетъ величину затраты и положительно, по реальной затратѣ, и отрицательно, по неполученной выгодѣ (которая получилась бы, если бы пользованіе продуктомъ было возможно немедленно по его изготовленію). [6])

Итакъ, слѣдуетъ совершенно отказаться отъ мысли, что отсрочка потребленія составляетъ собой самостоятельную жертву рядомъ съ затратой труда. Отсрочка потребленія можетъ уменьшать цѣнность будущаго продукта, но никакого элемента расхода не представляетъ.

Нельзя не признать всего этого разсужденія Бемъ-Баверка весьма остроумнымъ. Однако, въ примѣненіи къ условіямъ

капиталистическаго производства оно требуетъ весьма существенныхъ ограниченій.

Предположимъ, что передъ нами два капиталистическихъ предпріятія съ одинаковой суммой годового оборота, но въ одномъ изъ нихъ капиталъ оборачивается разъ въ годъ, а въ другомъ два раза въ годъ. Въ такомъ случаѣ, въ первомъ предпріятіи для веденія дѣла требуется затрата изъ средствъ капиталиста всего годового капитала, во второмъ же предпріятіи капитала въ два раза меньшаго. Капиталистъ расчитываетъ процентъ своей прибыли не на весь обернувшійся капиталъ, а лишь на капиталъ авансированный — затраченный имъ изъ своихъ собственныхъ средствъ—только эта затрата и представляетъ для него то, съ чѣмъ онъ долженъ считаться. Если сумма средствъ производства—сырого матеріала, инструментовъ, машинъ—и рабочихъ силъ, затрачиваемыхъ въ теченіе года, въ первомъ и во второмъ случаѣ одна и та же, то, съ точки зрѣнія всего общества, сумма расхода въ первомъ и второмъ предпріятіи должна быть признана равной. Въ совершенно другомъ видѣ дѣло представляется съ точки зрѣнія отдѣльнаго капиталиста. Расходъ производства капиталистъ опредѣляетъ не суммой израсходованныхъ въ теченіе года средствъ производства и рабочихъ силъ, представляющей собой единственный реальный расходъ съ общественной точки зрѣнія, но размѣромъ авансированнаго капитала. Поэтому, съ точки зрѣнія капиталиста, расходы производства въ первомъ предпріятіи, въ которомъ капиталъ оборачивается разъ въ годъ, должны быть признаны въ два раза высшими, чѣмъ во второмъ предпріятіи, въ которомъ капиталъ оборачивается два раза въ годъ.

Такимъ образомъ, въ капиталистическомъ хозяйствѣ расходы производства, съ точки зрѣнія интересовъ капиталистовъ, оказываются находящимися въ самой непосредственной связи съ продолжительностью того срока, который проходитъ между затратой капитала и моментомъ реализаціи прибыли—чѣмъ этотъ срокъ больше, тѣмъ больше и вполнѣ реальная затрата авансируемаго капитала, хотя бы это и не выражалось въ увеличеніи затраты за тотъ же срокъ общей суммы средствъ производства. Въ данномъ случаѣ мы видимъ весьма любопытное рѣзкое расхожденіе оцѣнки одного и того же явленія съ точки зрѣнія единичнаго и общественнаго хозяйства: единичное хозяйство проводитъ очень глубокое различіе между двумя видами затраты, которые существенно не различаются общественнымъ хозяйствомъ.

Вотъ почему критика теоріи воздержанія, данная Бемъ-Ба-

веркомъ, при всемъ ея остроуміи, не можетъ считаться правильной по отношенію къ капиталистическому хозяйству. Это хозяйство, по самой своей природѣ, должно расчитывать стоимость производства не по дѣйствительно израсходованнымъ въ теченіе извѣстнаго производственнаго періода средствамъ производства, а по размѣрамъ капитала, авансируемаго капиталистомъ. А такъ какъ капиталъ, авансируемый капиталистомъ, долженъ быть тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе періодъ оборота капитала, то отсрочка полученія результатовъ хозяйственной дѣятельности превращается въ капиталистическомъ хозяйствѣ въ добавочный расходъ производства.

Тѣмъ не менѣе, теорія воздержанія, какъ теорія прибыли, должна быть, въ цѣломъ, рѣшительно отвергнута, и по слѣдующимъ основаніямъ. Разсматривая прибыль, какъ продуктъ воздержанія капиталистовъ, теорія эта стремится оправдать прибыль, представить ее, какъ созданіе самихъ капиталистовъ. Но если и согласиться съ тѣмъ, что превращеніе имущества въ капиталъ или въ фондъ потребленія зависитъ отъ усмотрѣнія капиталистовъ, то отсюда еще ни малѣйшимъ образомъ не слѣдуетъ, что доходъ, получаемый капиталистомъ, является справедливымъ вознагражденіемъ за услуги, оказываемыя этимъ послѣднимъ обществу. „Капиталистическая прибыль,—говорилъ Лассаль,—есть плата за воздержаніе! Счастливое слово, неоцѣнимое слово! Европейскіе милліонеры—аскеты, индійскіе кающіеся, столпники, стоящіе на столпѣ на одной ногѣ и протягивающіе народу съ согнутой спиной и блѣднымъ лицомъ тарелку, чтобы собирать плату за воздержаніе! И посреди нихъ, высоко возвышаясь надъ своими кающимися товарищами, какъ самый главный кающійся и наиболѣе воздерживающійся, домъ Ротшильда! Таково состояніе общества!“ [7]). Рабочіе же являются, съ этой точки зрѣнія, эпикурейцами, которые не желаютъ воздерживаться отъ потребленія и ведутъ роскошную жизнь.

Нечего и говорить, что иронія Лассаля вполнѣ попадаетъ въ цѣль и что въ современномъ строѣ воздерживаться приходится не капиталистамъ, а рабочимъ. Но сколько бы ни воздерживался, по необходимости, рабочій, это ни въ малѣйшей степени не дастъ ему возможности получать прибыль, источникомъ которой, такимъ образомъ, является не воздержаніе, а владѣніе достаточно значительнымъ имуществомъ, которое могло бы быть превращено въ капиталъ. Распредѣленіе же въ обществѣ имущества лишь въ очень незначительной и отдаленной степени находится въ связи съ личными качествами и личной дѣятельностью того или

иного человѣка. Въ большинствѣ случаевъ, кто родился бѣднымъ, и умираетъ въ бѣдности, а кто имѣетъ счастье родиться среди имущихъ, тотъ и умираетъ имущимъ. Только отдѣльныя личности переходятъ въ теченіе своей жизни изъ одного класса въ другой—повышаются изъ среды рабочаго класса до уровня капиталистовъ или опускаются изъ среды капиталистовъ до уровня рабочихъ. Капиталисты, какъ классъ, отнюдь не потому стали капиталистами, что они воздерживались отъ потребленія, а потому, что получили капиталы или по наслѣдству или другимъ путемъ, во всякомъ случаѣ не путемъ воздержанія. Сколько бы голодающій рабочій ни воздерживался, капиталистомъ онъ не будетъ. Процентъ на капиталъ находится въ соотношеніи съ размѣромъ капитала, а отнюдь не съ размѣрами воздержанія капиталиста. Если милліонеръ получаетъ въ десятки разъ высшіе доходы, чѣмъ мелкій капиталистъ, то, очевидно, не потому, что милліонеру приходится во много разъ больше воздерживаться, чѣмъ мелкому капиталисту. Соціальная природа прибыли изображается теоріей воздержанія, такимъ образомъ, въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ и попытка оправданія прибыли при помощи теоріи воздержанія должна быть признана рѣшительно неудавшейся.

Такъ же неудачно и даваемое теоріей воздержанія объясненіе объективныхъ факторовъ, регулирующихъ процентъ прибыли. Съ точки зрѣнія этой теоріи, пониженіе процента прибыли понижаетъ энергію накопленія, а повышеніе процента усиливаетъ эту энергію. На самомъ же дѣлѣ, пониженіе процента имѣетъ тенденцію не ослаблять, а усиливать энергію накопленія капитала, а повышеніе процента ослаблять эту энергію. Въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ почти вся масса населенія (въ томъ числѣ и большая часть рабочаго класса) сберегаетъ часть своего дохода и превращаетъ ее въ капиталъ. Цѣлью этихъ сбереженій является увеличеніе дохода. Какой-нибудь французскій служащій десятки лѣтъ откладываетъ свои сбереженія, чтобы на склонѣ лѣтъ достигнуть положенія рантьера—имѣть возможность жить на скопленный капиталъ. Высота процента прибыли опредѣляетъ величину необходимаго для этого капитала. Если, напр., для существованія рантьера необходимо 5.000 фр. въ годъ, а средній процентъ прибыли въ странѣ равняется 5, то, чтобы обезпечить себѣ этотъ доходъ, необходимо скопить 100.000 фр. капитала, если процентъ прибыли достигаетъ лишь 4, то 125.000 фр. и т. д. Допустимъ теперь, что процентъ прибыли понижается съ 5 до 4. Теорія воздержанія предполагаетъ, что это понизитъ энергію накопленія: если раньше данное лицо

накапливало, за извѣстный періодъ времени, капиталъ въ 100.000 фр., то, съ пониженіемъ процента прибыли, накопленіе капитала утратитъ для этого лица свою прежнюю привлекательность, оно станетъ большую часть своего дохода затрачивать на свои личныя нужды и скопитъ, положимъ, не 100.000, а 80.000 фр. На самомъ же дѣлѣ пониженіе процента прибыли должно подѣйствовать на энергію накопленія капитала обратно: чтобы обезпечить себѣ доходъ въ 5.000 фр. при 4 процентахъ прибыли требуется большій капиталъ, чѣмъ при 5 процентахъ прибыли—не 100.000, а 125.000 фр.—и нашъ служащій станетъ больше сберегать, чтобы обезпечить себѣ тотъ же доходъ. Иными словами, произойдетъ совершенно обратное сравнительно съ тѣмъ, что предполагаетъ теорія воздержанія. И, дѣйствительно, мы видимъ, что энергія накопленія всего больше именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ процентъ прибыли всего ниже. Капиталъ приноситъ, напр., во Франціи гораздо меньшій процентъ прибыли, чѣмъ въ Россіи. Но энергія накопленія капитала въ Россіи гораздо слабѣе, чѣмъ во Франціи. Изъ этого ясно, что причина той или иной высоты процента на капиталъ не находится ни въ какомъ опредѣленномъ соотношеніи съ платой, которую капиталисты якобы требуютъ за воздержаніе отъ непроизводительнаго потребленія.

Такъ называемая трудовая теорія прибыли объясняетъ прибыль производительной дѣятельностью самого капиталиста. Капиталистъ, съ точки зрѣнія этой теоріи, отнюдь не праздный собственникъ: онъ тоже исполняетъ работу—и чрезвычайно важную—работу руководительства капиталистическимъ предпріятіемъ. Прибыль представляетъ собой оплату этой производительной работы капиталиста.

Теорія эта, указывая на трудовые элементы капиталистическаго дохода, отрицаетъ существованіе нетрудовыхъ элементовъ прибыли. Однако, наличность послѣднихъ есть фактъ безспорный. Правда, весьма часто капиталистъ бываетъ руководителемъ своего предпріятія и, въ качествѣ такового, принимаетъ участіе въ трудѣ производства. Но и не принимая никакого участія въ этомъ трудѣ, онъ все же получаетъ свою прибыль. Современныя формы капиталистическихъ предпріятій даютъ возможность самымъ строгимъ образомъ раздѣлить трудовые и нетрудовые доходы. Возьмемъ, напримѣръ, акціонерное общество, гдѣ всѣ руководители предпріятія (директора, члены правленія, совѣта и т. д.), получаютъ опредѣленное жалованье (которое, обыкновенно, достигаетъ очень большихъ размѣровъ). Однако, за вы-

платой всѣхъ этихъ жалованій остается дивидендъ акціонерамъ, который они получаютъ помимо какого бы то ни было труда. Столь же мало труда требуется кредиторамъ для полученія слѣдуемаго имъ ссуднаго процента. Именно этотъ нетрудовой доходъ и составляетъ то, что называютъ прибылью на капиталъ, для объясненія которой трудовой теоріей прибыли сказать совершенно нечего [8]).

III.

Итакъ, чѣмъ же объясняется капиталистическая прибыль? По своей соціальной природѣ прибыль, какъ и всякій нетрудовой доходъ, есть результатъ эксплоатаціи труда. Капиталистъ, какъ таковой, не принимаетъ никакого участія въ хозяйственномъ трудѣ. Продуктъ производства создается не имъ, но рабочимъ, работающимъ при помощи средствъ производства, капитала [9]). Однако, въ пользу капиталиста поступаетъ значительная часть создаваемаго рабочимъ трудового продукта. Это присвоеніе неработающимъ человѣкомъ продукта труда работающаго человѣка не можетъ не разсматриваться, какъ эксплоатація рабочаго капиталистомъ.

Такова соціальная природа прибыли, и это должна признать всякая теорія прибыли, кромѣ только что разсмотрѣнной трудовой теоріи прибыли, принципіально отрицающей нетрудовую природу капиталистической прибыли. Но эта послѣдняя теорія опровергается уже самымъ фактомъ процента прибыли—тѣмъ, что прибыль расчисляется въ процентахъ на капиталъ и, слѣдовательно, находится въ связи съ величиной послѣдняго; иными словами, „заработная плата“ капиталистовъ опредѣляется не ихъ личной дѣятельностью, а размѣрами ихъ владѣнія, иначе говоря, она является нетрудовымъ доходомъ. Но всякій нетрудовой доходъ трудоспособнаго человѣка есть эксплоатація трудящагося, такъ какъ всякій доходъ требуетъ съ чьей-либо стороны приложенія труда, и если лицо, получающее данный доходъ, само не принимаетъ участія въ трудѣ созданія своего дохода, то оно присваиваетъ себѣ трудъ какого-либо другого лица.

Но признаніе прибыли результатомъ эксплоатаціи рабочаго капиталистомъ далеко не исчерпываетъ собой теоретической проблемы прибыли. Оно лишь устанавливаетъ соціальную природу прибыли, возникающей при наличности особыхъ соціальныхъ условій, дѣлающихъ возможнымъ капиталистическую эксплоатацію труда. Соціальными предпосылками такой эксплоатаціи является, съ одной стороны, невозможность для рабочаго

класса поддерживать свое существованіе иначе, какъ продажей своей рабочей силы капиталистамъ, а, съ другой стороны, сосредоточеніе въ рукахъ этого послѣдняго класса достаточныхъ имущественныхъ средствъ для капиталистическаго производства, иначе говоря, капиталистической эксплоатаціи труда. Признаніе прибыли выраженіемъ соціальной эксплоатаціи равносильно этическому и соціально-политическому осужденію этой формы общественнаго дохода; поскольку современное правосознаніе протестуетъ противъ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, постольку оно должно протестовать и противъ нетрудовыхъ доходовъ.

Но проблема прибыли требуетъ еще выясненія объективныхъ факторовъ, регулирующихъ высоту прибыли. Чѣмъ опредѣляется высота прибыли въ капиталистическомъ хозяйствѣ, т. е. въ хозяйствѣ, основанномъ на капиталистическомъ производствѣ? Мы должны разсмотрѣть факторы, вліяющіе на прибыль именно въ процессѣ капиталистическаго производства, такъ какъ въ этой сферѣ и заключена, по преимуществу, проблема распредѣленія.

Поскольку дѣло идетъ о капиталистическомъ производствѣ, прибыль представляетъ собой доходъ, соотносительный съ заработной платой. Заработная плата предполагаетъ прибыль, и обратно. Поэтому тѣ же объективные факторы, которые устанавливаютъ высоту заработной платы, должны устанавливать и сумму прибыли, поступающей въ распоряженіе капиталистовъ. Если заработная плата опредѣляется производительностью общественнаго труда и долей рабочаго класса въ общественномъ доходѣ, то и прибыль, по своей абсолютной величинѣ, должна опредѣляться тѣми же двумя моментами.

Какъ и заработная плата, доходъ капиталистовъ, прибыль, зависитъ, прежде всего, отъ производительности общественнаго труда. Чѣмъ эта производительность больше, тѣмъ больше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, и доходъ капиталистическаго класса. Поэтому, все то, что увеличиваетъ производительность общественнаго труда, имѣетъ тенденцію повышать и прибыль.

Введеніе новыхъ, улучшенныхъ орудій труда имѣетъ тенденцію повышать прибыль. Въ этомъ заключается та немаловажная доля истины, которая содержится въ теоріи производительности капитала. Теорія прибыли Рикардо сводилась къ тому, что производительность общественнаго труда не можетъ оказывать ровно никакого вліянія на прибыль; высота прибыли, по его мнѣнію, опредѣляется только высотой заработной платы и больше ничѣмъ. Съ этой точки зрѣнія, повышеніе прибыли возможно лишь въ томъ случаѣ, если понижается заработная плата, на

чемъ постоянно и настаивалъ Рикардо [10]). Благодаря этому, ученіе Рикардо о прибыли (хотя самъ онъ отнюдь не былъ сторонникомъ идеи классовой борьбы) съ особенной рѣзкостью выдвигало неустранимую противоположность интересовъ рабочихъ и капиталистовъ. Для солидарности интересовъ тѣхъ и другихъ въ этой концепціи мѣста совершенно не оставалось.

На самомъ же дѣлѣ, повышеніе прибыли вовсе не предполагаетъ неизбѣжнаго пониженія заработной платы. Если, благодаря, напр., введенію улучшенныхъ орудій труда, производительность общественнаго труда повышается, то увеличивается сумма общественнаго продукта, подлежащаго раздѣленію между рабочими и капиталистами, и заработная плата и прибыль могутъ подняться одновременно; повышеніе прибыли будетъ достигнуто въ этомъ случаѣ не насчетъ паденія заработной платы, а насчетъ повышенія производительности общественнаго труда.

И при этомъ прибыль и заработная плата могутъ одновременно повыситься не только по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ, какъ совокупность продуктовъ, поступающихъ въ распоряженіе капиталистическаго и рабочаго классовъ, но и какъ доли общественнаго продукта. Доля капиталистовъ въ общественномъ продуктѣ можетъ возрасти при повышеніи производительности общественнаго труда, и въ то же время можетъ возрасти и доля въ общественномъ продуктѣ рабочаго класса, какъ ни кажется это страннымъ.

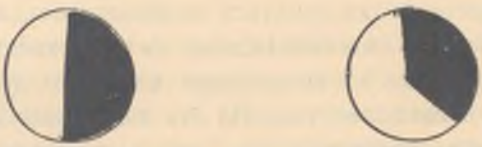
Для современной политической экономіи, которая не пошла въ этомъ отношеніи дальше Рикардо, одновременное повышеніе долей въ общественномъ продуктѣ капиталистовъ и рабочихъ (и, притомъ, не насчетъ пониженія долей въ общественномъ продуктѣ какихъ-либо другихъ общественныхъ классовъ) должно казаться совершенной невозможностью. Но эта кажущаяся невозможность возникаетъ лишь вслѣдствіе того, что современная наука разсматриваетъ весь общественный продуктъ, какъ состоящій лишь изъ предметовъ потребленія. Современная наука все еще не можетъ постичь той несложной истины, что въ составъ общественнаго продукта входятъ не только предметы потребленія, но и средства производства.

Въ общественномъ продуктѣ нужно строго различать двѣ части. Одна часть распредѣляется между общественными классами и составляетъ доходъ этихъ классовъ. Другая же часть идетъ на возстановленіе израсходованныхъ въ процессѣ производства средствъ производства и не составляетъ ничьего дохода, не переходитъ ни въ чье потребленіе. Только нѣкоторая часть

общественнаго продукта составляетъ общественный доходъ — вотъ простая истина, до сихъ поръ не усвоенная наукой. Непониманіе же этой истины мѣшаетъ понять и законы распредѣленія общественнаго продукта.

Если же мы будемъ помнить, что цѣнность всего совокуннаго общественнаго дохода никогда не достигаетъ цѣнности всего общественнаго продукта, то намъ будетъ понятна возможность одновременнаго возрастанія и прибыли и заработной платы, какъ долей общественнаго продукта. Ростъ производительности общественнаго труда приводитъ къ тому, что общая сумма общественнаго продукта возрастаетъ. Этотъ избыточный продуктъ соотвѣтственно увеличиваетъ общую сумму общественнаго дохода и, благодаря этому, всѣ общественные доходы могутъ одновременно возрасти, насчетъ сокращенія доли средствъ производства. Возьмемъ конкретный примѣръ. Вводятся улучшенные пріемы производства стали, благодаря чему сокращается общественная трудовая затрата производства пуда стали; благодаря этому освобождается извѣстная доля общественнаго труда, которая пойдетъ на увеличеніе общественнаго дохода. Чѣмъ меньше доля общественнаго труда, которая идетъ на возстановленіе единицы израсходованныхъ средствъ производства, тѣмъ больше труда тратится на нужды общества.

Этотъ процессъ роста общественнаго дохода насчетъ сокращенія доли израсходованныхъ въ процессѣ производства средствъ производства можетъ быть графически изображенъ слѣдующимъ образомъ:



Эти круги должны изображать собой продукты одинаковой затраты общественнаго труда при различныхъ условіяхъ общественнаго производства. Бѣлая часть круговъ изображаетъ собой долю общественнаго дохода, зачерненная —долю общественныхъ средствъ производства. Ростъ производительности общественнаго труда приводитъ къ сокращенію общественныхъ расходовъ на возстановленіе израсходованныхъ средствъ производства—зачерненная часть круга уменьшается—и доля общественнаго дохода въ продуктѣ той же трудовой затраты возрастаетъ—увеличивается бѣлая часть круга. При этомъ заработная плата и прибыль, какъ доли общественнаго продукта, могутъ повышаться одновременно [11]).

Отсюда слѣдуетъ, что прибыль можетъ измѣняться какъ параллельно, такъ и въ обратномъ отношеніи сравнительно съ заработной платой. Возможны слѣдующія комбинаціи прибыли и заработной платы (какъ долей продукта): высокая заработная плата и низкая прибыль, высокая заработная плата и высокая прибыль, низкая заработная плата и высокая прибыль, низкая заработная плата и низкая прибыль. Эти комбинаціи мы и наблюдаемъ въ дѣйствительности; высокая прибыль идетъ, напр., въ Америкѣ рядомъ съ высокой, въ Россіи съ низкой заработной платой. Благодаря высокой производительности труда, трудовая стоимость единицы средствъ производства въ Америкѣ низка и самихъ средствъ производства на единицу продукта требуется меньше—поэтому доля капиталистовъ и рабочихъ въ общественномъ продуктѣ высока. Иное мы видимъ въ Россіи, гдѣ, при низкой производительности труда, высокая прибыль достигается путемъ крайняго угнетенія труда капиталомъ.

Теперь намъ не трудно установить, въ чемъ заключается истина и ложь двухъ столь противоположныхъ теорій, какъ теорія производительности и теорія Рикардо. Обѣ онѣ заключаютъ зерно истины, но, признавая значеніе лишь одного изъ двухъ факторовъ, регулирующихъ высоту прибыли, въ равной мѣрѣ односторонни. Что касается до теоріи производительности, то совершенно вѣрно, что кромѣ пониженія заработной платы имѣется и другой источникъ для повышенія прибыли — именно, повышеніе производительности общественнаго труда. Техническій прогрессъ создаетъ естественную тенденцію къ повышенію прибыли.

Но, съ другой стороны, вѣрно и то, что прибыль можетъ повышаться и помимо роста производительности труда — насчетъ сокращенія заработной платы. Всякое измѣненіе заработной платы, предполагая производительность общественнаго труда неизмѣнной, неизбѣжно должно вызывать обратныя измѣненія прибыли. Истинная же теорія прибыли должна признать вліяніе на прибыль обоихъ моментовъ, какъ чисто-хозяйственнаго (высоты производительности общественнаго труда), такъ и соціальнаго (распредѣленія трудового продукта между различными общественными классами) [12]).

Итакъ, вотъ какими факторами опредѣляется прибыль, какъ опредѣленная сумма цѣнностей, получаемыхъ капиталистомъ. Но прибыль обычно выражается не абсолютно, а относительно, въ процентахъ къ капиталу, который авансируется капиталистомъ. Чѣмъ же опредѣляется общественный процентъ прибыли?

Процентъ прибыли есть частное отъ дѣленія прибыли на авансированный капиталъ. Какъ сказано, общественная прибыль опредѣляется производительностью общественнаго труда и долей капиталистовъ въ общественномъ доходѣ. Что же касается капитала, въ процентахъ къ которому выражается прибыль, то размѣры авансируемаго капитала опредѣляются скоростью его оборотовъ. Чѣмъ быстрѣе оборачивается капиталъ, тѣмъ меньше капиталъ, авансируемый для устройства предпріятія, и. тѣмъ выше процентъ прибыли. Такимъ образомъ, скорость оборотовъ общественнаго капитала является третьимъ факторомъ, вліяющимъ на общественный процентъ прибыли, который опредѣляется, слѣдовательно, тремя моментами: производительностью общественнаго труда, долей капиталистовъ въ общественномъ доходѣ и скоростью оборотовъ общественнаго капитала.

V.

Прибыль на капиталъ распадается на двѣ составныя части— ссудный процентъ и предпринимательскую прибыль. Ссудный процентъ есть плата за пользованіе ссужаемымъ капиталомъ. Если предпріятіе ведется при помощи капитала, полученнаго въ кредитъ, то обѣ составныя части капиталистической прибыли рѣзко обособляются: кредиторъ получаетъ ссудный процентъ, а остальная часть капиталистической прибыли, за вычетомъ ссуднаго процента, образуетъ собой барышъ предпринимателя, предпринимательскую прибыль.

Величина ссуднаго процента опредѣляется условіями спроса и предложенія ссуднаго капитала. Чѣмъ больше капиталъ, предназначающійся для отдачи въ ссуду, тѣмъ ниже долженъ быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ссудный процентъ. Ссудный капиталъ (наряду съ торговымъ) является одной изъ древнѣйшихъ формъ капитала. Ростовщичество составляетъ одну изъ язвъ возникающаго денежнаго хозяйства; въ это время денежные капиталы имѣются въ странѣ въ ничтожномъ количествѣ, а, въ то же время, благодаря разложенію натуральнаго хозяйства, возникаетъ сильный спросъ на деньги. Такимъ образомъ создается почва для ростовщичества — отдачи въ ссуду денежныхъ капиталовъ (преимущественно, для потребительныхъ цѣлей или же мелкимъ производителямъ) по непомѣрно высокимъ процентамъ. Въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ кредитъ служитъ цѣлямъ не потребленія, а, главнымъ образомъ,

производства, и должникъ является, какъ общее правило, такимъ же капиталистомъ, какъ и кредиторъ. Происходитъ дѣленіе капиталистической прибыли между предпринимателемъ и кредиторомъ, причемъ ссудный процентъ спускается до значительно болѣе низкаго уровня, какъ часть общей прибыли капиталистическаго предпріятія.

Капиталистическое развитіе приводитъ къ тому, что основной капиталъ растетъ насчетъ оборотнаго, почему обороты общественнаго капитала имѣютъ тенденцію дѣлаться болѣе медленными. Съ другой стороны, то же развитіе сопровождается быстрымъ ростомъ производительности общественнаго труда. Такимъ образомъ, капиталистическое развитіе заключаетъ въ себѣ тенденціи какъ къ повышенію, такъ и къ пониженію процента прибыли, и какая тенденція перевѣшиваетъ,—сказать въ общей формѣ нельзя. Все зависитъ отъ конкретной обстановки капиталистическаго развитія. Во всякомъ случаѣ, не существуетъ общаго закона тенденціи процента прибыли къ паденію, который предполагался Марксомъ [13]). Факты рѣшительно говорятъ противъ существованія такого закона. Уже въ 18 вѣкѣ ссудный процентъ въ Англіи падаетъ, по словамъ Ад. Смита, до 3, а въ Голландіи даже до 2; средняя прибыль въ это время, по словамъ того же автора, превышавшая вдвое ссудный процентъ, считалась нормальной [14]). Можно думать, что въ первыя десятилѣтія 19 вѣка средняя прибыль въ Англіи была болѣе значительной. Послѣдующее измѣненіе процента прибыли точно также вовсе не характеризовалось постоянной тенденціей къ пониженію. По мнѣнію Шмоллера „для большинства средне—и западно-европейскихъ странъ можно утверждать, что предпринимательская прибыль за 1895—1900 годы была такъ же высока или даже выше, чѣмъ за 1860—73 гг. или 1820—40 гг.“ [15]).

Изложенная теорія прибыли относится къ прибыли въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ; она исходитъ изъ предположенія, что общественный продуктъ создается въ процессѣ капиталистическаго производства и распредѣляется (за вычетомъ доли средствъ производства) между тремя общественными классами, предполагаемыми самой природой капиталистическаго производства—рабочими, капиталистами и землевладѣльцами. Прибыль является въ этомъ случаѣ вычетомъ въ пользу капиталистовъ изъ продукта, создаваемаго рабочими. Но если мы предположимъ (что соотвѣтствуетъ дѣйствительности), что капиталистическое производство охватываетъ лишь часть общественнаго производства, и что извѣстная часть общества находится внѣ

отношеній капиталистическаго производства, образуя собой классъ мелкихъ некапиталистическихъ производителей, то для возникновенія прибыли явится и другой источникъ. Капиталистъ, стоящій во главѣ капиталистическаго предпріятія, имѣетъ возможность въ этомъ случаѣ извлекать прибыль путемъ эксплоатаціи не только рабочихъ, занятыхъ въ его предпріятіи, но и не принадлежащихъ къ рабочему классу потребителей, пріобрѣтающихъ его продукты. Если капиталистическое производство охватываетъ собой все общественное производство, то капиталисты, какъ классъ, не могутъ извлекать прибыль изъ обмѣна, а только изъ производства, такъ какъ совокупность покупателей совпадаетъ въ этомъ случаѣ съ совокупностью классовъ, связанныхъ между собой процессомъ капиталистическаго производства. Напротивъ, если извѣстная часть общества стоитъ внѣ капиталистическаго производства, то капиталистъ можетъ извлекать свою прибыль путемъ продажи этой части общества продуктовъ капиталистическаго производства по цѣнѣ, значительно превышающей ихъ стоимость производства. Продавая продукты своего предпріятія по высшей цѣнѣ, капиталистъ извлекаетъ свою прибыль изъ доходовъ покупателей его издѣлій.

Въ странахъ, лишь начинающихъ свое капиталистическое развитіе, капиталистическія предпріятія обычно пользуются въ большей или меньшей степени монопольнымъ положеніемъ; они не встрѣчаютъ конкуренціи другихъ капиталистическихъ предпріятій и, пользуясь этимъ, могутъ держать цѣны своихъ издѣлій на очень высокомъ уровнѣ. Поэтому, процентъ прибыли, выручаемый ими, можетъ быть очень высокъ и обычно стоитъ на значительно высшемъ уровнѣ, чѣмъ въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ. Но этотъ высокій уровень прибыли возникаетъ на совершенно другой основѣ, чѣмъ прибыль при полномъ развитіи капиталистическаго производства. При развитомъ капиталистическомъ производствѣ капиталисты, какъ классъ, извлекаютъ прибыль лишь изъ эксплоатаціи рабочихъ; при неразвитомъ—кромѣ того, и изъ эксплоатаціи покупателей. Этотъ послѣдній источникъ прибыли, по необходимости, исчезаетъ, когда капиталистическое производство становится господствующимъ.

Вотъ почему процентъ прибыли въ странахъ съ малоразвитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ обычно значительно выше, чѣмъ въ странахъ развитого капитализма. Въ Россіи фабриканты и заводчики могутъ выручать такую высокую прибыль потому, что помимо эксплоатаціи своихъ рабочихъ, они эксплоа-

тируютъ еще и своихъ покупателей. Продавая свои издѣлія (въ силу слабости конкуренціи) по непомѣрно высокой цѣнѣ, они облагаютъ данью въ свою пользу все населеніе, пользующееся ихъ товарами. Крестьянинъ, покупающій желѣзо по цѣнѣ, вдвое превышающей стоимость производства, еще больше участвуетъ въ созданіи прибыли желѣзозаводчика, чѣмъ рабочій, произведшій это желѣзо.

Въ этомъ двойномъ источникѣ прибыли въ молодыхъ капиталистическихъ странахъ и лежитъ причина столь часто замѣчающагося паденія процента прибыли при распространеніи въ странѣ капиталистическаго производства, что подало поводъ къ мнѣнію, будто процентъ прибыли вообще имѣетъ тенденцію понижаться по мѣрѣ развитія капитализма; на самомъ же дѣлѣ паденіе процента прибыли замѣчается лишь при переходѣ страны къ развитому капитализму и можетъ совершенно прекращаться или даже замѣняться противоположнымъ движеніемъ процента при дальнѣйшемъ развитіи капиталистической системы хозяйства.

Теорія прибыли Маркса представляетъ собой логическое завершеніе его теоріи цѣнности. Исходя изъ теоріи абсолютной трудовой цѣнности, Марксъ совершенно послѣдовательно приходитъ къ заключенію, что прибыль капиталистовъ, какъ и вообще всякій доходъ, не основанный на трудѣ, вытекаетъ изъ присвоенія капиталистами и другими имущими классами неоплаченнаго труда рабочихъ. Рабочую силу Марксъ называетъ *перемѣннымъ капиталомъ* (такъ какъ цѣнность этой части капитала въ процессѣ производства возрастаетъ), а средства производства—*постояннымъ капиталомъ*. Распаденіе капитала на постоянную и перемѣнную часть Марксъ называетъ *строеніемъ капитала*; тѣ капиталы, въ которыхъ постоянный капиталъ играетъ большую роль, являются капиталами *высшаго строенія*, капиталы съ преобладаніемъ перемѣнной части — капиталами *низшаго строенія*. Сущность теоріи прибыли Маркса заключается въ утвержденіи, что только перемѣнный капиталъ есть источникъ прибыли, а постоянный капиталъ играетъ при этомъ пассивную роль; именно этимъ утвержденіемъ теорія Маркса отличается самымъ рѣзкимъ образомъ отъ всѣхъ тѣхъ теорій прибыли, которыя не приводятъ по отношенію къ прибыли никакого различія между заработной платой и средствами производства.

Между тѣмъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что на поверхности капиталистическаго міра нельзя замѣтить, по отношенію къ образованію прибыли, никакого различія между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ. Прибыль отнюдь не выше въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ перемѣнный капиталъ играетъ относительно большую роль, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ преобладаетъ постоянный капиталъ. Марксъ не оспариваетъ этого факта, но старается при помощи слѣдующаго разсужденія согласовать его со своей теоріей. „Въ различныхъ отрасляхъ про-

изводства,—говоритъ онъ,—производятся весьма различныя массы прибавочной цѣнности, благодаря различіямъ строенія капитала. Поэтому и проценты прибыли первоначально весьма различны въ различныхъ отрасляхъ производства. Но эти различные проценты прибыли выравниваются конкуренціей въ одинъ общій процентъ прибыли, являющійся среднимъ процентомъ изъ всѣхъ ихъ". Отдѣльные капиталисты „не получаютъ въ свою пользу всей прибавочной цѣнности, а, слѣдовательно, и прибыли, возникающей въ ихъ собственной отрасли производства, но лишь столько прибавочной цѣнности и прибыли, сколько приходится при равномъ распредѣленіи на всѣ капиталы той цѣнности или прибыли, которая создается всѣмъ общественнымъ капиталомъ въ совокупности, во всѣхъ отрасляхъ производства. Поскольку дѣло идетъ о прибыли, различные капиталисты являются какъ бы простыми акціонерами акціонернаго общества, между которыми прибыль распредѣляется пропорціонально внесеннымъ паямъ" [16]).

Противъ этихъ соображеній нужно прежде всего указать, что предполагаемый Марксомъ процессъ выравниванія первоначально различныхъ процентовъ прибыли, вслѣдствіе различія строенія капитала, измышленъ Марксомъ ad hoc и ни малѣйшимъ образомъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ, какъ оно есть въ дѣйствительности, не существуетъ никакихъ основаній ко всему этому процессу, ибо и „первоначальные" проценты прибыли въ разныхъ отрасляхъ производства не зависятъ отъ строенія капитала. Товарныя цѣны, а, слѣдовательно, и процентъ прибыли, складываются на основѣ не абсолютной трудовой стоимости, но капиталистическихъ издержекъ производства; а, вѣдь, съ этой послѣдней точки зрѣнія нѣтъ никакой разницы между затратой капитала въ формѣ заработной платы или средствъ производства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, поскольку дѣло идетъ объ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, нельзя замѣтить никакой связи между строеніемъ капитала и процентомъ прибыли. Но, по мнѣнію Маркса, хотя прибыль отдѣльныхъ капиталистовъ столько же зависитъ отъ постояннаго, какъ и перемѣннаго капитала, прибыль всего класса капиталистовъ создается исключительно перемѣннымъ капиталомъ. Законъ прибавочной цѣнности господствуетъ въ основной области общественнаго распредѣленія, именно въ области распредѣленія общественнаго дохода между отдѣльными общественными классами. Что же касается до распредѣленія общественнаго дохода въ предѣлахъ того же класса, то оно подчиняется инымъ законамъ.

Если взять совокупность всѣхъ отраслей производства, то сумма товарныхъ цѣнъ—говоритъ Марксъ—сравняется съ суммой ихъ трудовыхъ цѣнностей; прибыли въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, не совпадающія съ соотвѣтствующими суммами прибавочной цѣнности, не въ силахъ поколебать общій законъ прибавочной цѣнности, такъ какъ „все разрѣшается тѣмъ, что если въ цѣнѣ одного товара прибавочная цѣнность поступаетъ капиталисту не полностью, зато въ цѣнѣ другого товара она поступаетъ съ избыткомъ, почему и всѣ уклоненія цѣнъ производства отъ цѣнностей взаимно уничтожаютъ другъ друга" [17]).

Итакъ, общественный процентъ прибыли всецѣло опредѣляется, по мнѣнію Маркса, трудовой цѣнностью, поступающей въ распоряженіе капитали-

стическаго класса. Однако, не трудно показать, что теорія прибыли Маркса находится въ противорѣчіи съ его собственнымъ ученіемъ о цѣнахъ производства. Реальныя цѣны товаровъ, согласно ученію о цѣнѣ, развитому въ III томѣ „Капитала", не совпадаютъ съ трудовыми цѣнностями, а опредѣляются издержками производства. Если на производство двухъ товаровъ затрачены равные капиталы, строеніе которыхъ различно, то трудовыя цѣнности обоихъ товаровъ будутъ различны (такъ какъ при затратѣ капитала высшаго строенія количество занятыхъ рабочихъ меньше, чѣмъ при затратѣ капитала такой же величины, но низшаго строенія). Но, несмотря на различіе трудовыхъ цѣнностей, цѣны этихъ товаровъ будутъ равны—цѣна каждаго товара опредѣлятся, какъ сумма затраты производства даннаго товара плюсъ средняя прибыль. Эту цѣну Марксъ называетъ цѣной производства. Реальныя цѣны товаровъ и суть цѣны производства.

Но отсюда слѣдуетъ не только то, что прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста отклоняется отъ соотвѣтствія съ трудовой прибавочной цѣнностью, но и то, что вся общественная прибыль отклоняется отъ соотвѣтствія съ трудовой прибавочной цѣнностью.

Обозначимъ трудовую цѣнность всего общественнаго продукта буквой A, а трудовую цѣнность всего общественнаго капитала буквой K; цѣну производства общественнаго продукта обозначимъ буквой A_1, а цѣну производства общественнаго капитала буквой K_1. Въ такомъ случаѣ общественный процентъ прибыли въ трудовыхъ единицахъ выразится какъ $\frac{A-K}{K}$, а тотъ же общественный процентъ прибыли въ цѣнахъ производства — какъ $\frac{A_1-K_1}{K_1}$. По мнѣнію Маркса, $\frac{A-K}{K} = \frac{A_1-K_1}{K_1}$. Это равенство предполагаетъ, въ свою очередь, что $A : K = A_1 : K_1$ — только при наличности этого послѣдняго равенства первое равенство можетъ имѣть мѣсто. Но, согласно теоріи цѣны производства для соотвѣтствія трудовой цѣнности съ цѣной производства требуется отсутствіе различій въ строеніи капитала: только въ томъ случаѣ трудовая цѣнность всего общественнаго продукта можетъ такъ же относиться къ трудовой цѣнности общественнаго капитала, какъ цѣна производства всего общественнаго продукта относится къ цѣнѣ производства общественнаго капитала, если строеніе капитала въ производствѣ всего общественнаго продукта ничѣмъ не отличается отъ строенія капитала въ производствѣ общественнаго капитала. Но такъ какъ для послѣдняго никакихъ экономическихъ основаній нѣтъ, то нѣтъ основаній и для того, чтобы общественный процентъ прибыли, выраженный въ трудовыхъ цѣнностяхъ, совпадалъ съ общественнымъ процентомъ прибыли, выраженнымъ въ цѣнахъ производства[18]).

Такимъ образомъ, въ силу отклоненія цѣнъ производства отъ трудовыхъ цѣнностей, и общественный процентъ прибыли долженъ отклоняться отъ отношенія трудовой цѣнности дохода капиталистическаго класса къ трудовой цѣнности общественнаго капитала. При такомъ положеніи дѣла вся теорія прибыли Маркса теряетъ какой-либо реальный смыслъ,— она не объясняетъ ни прибыли въ единичномъ капиталистическомъ предпріятіи, ни въ цѣломъ капиталистическаго хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА.

Прибыль вообще. Рикардо. Начала политической экономіи. Маркс Капиталъ. Т. I, II и III. Lassalle. Kapital und Arbeit. Wieser. Der natürliche Wert. Бемъ-Баверкъ. Капиталъ и прибыль. Исторія и критика теорій процента на капиталъ. Пер. Л. Форберта. 1909. Его же. Positive Theorie des Kapitals. 2-е изд. 1900. Marshall. Principles of Economics. 4-е изд. 1898. П. Георгіевскій. Политическая экономія. 4-е изд. 1904. Залѣскій. Цѣнность и прибыль. 1898. М. Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма. Его же. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen. 1901. Его же. Gesunder Menschenverstand und wissenschaftliche Wahrheit. (Die neue Zeit. 1908). L. Bortkiewicz. Статьи о теоріи Маркса въ „Archiv für Socialwissenschaft" и „Jahrbücher für Nationalökonomie" за 1907 г. І. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала. Т. I. 1906. Т. II. 1908.

Предпринимательская прибыль. Mangoldt. Die Lehre vom Unternehmergewinn. 1855. Pierstorf. Die Lehre vom Unternehmergewinn. 1875. Mataja. Der Unternehmergewinn. 1884. Gross. Die Lehre vom Unternehmergewinn. 1884. Wirminghaus. Das Unternehmen, der Unternehmergewinn. 1886. Цитовичъ. Обзоръ ученій о предпринимательской прибыли. 1889.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ VII.

1) Roscher. Grundlagen der Nationalökonomie. Изд. 18-е. Стр. 493

2) Böhm-Bawerk. Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien. 2-е изд. Стр. 165.

3) Thünen. Der isolierte Staat. 3-е изд. 1875. Ч. II. Стр. 89—95.

4) Böhm-Bawerk. Цитир. сочин., 604.

5) Тюненъ это понималъ совершенно ясно. „Какимъ же образомъ,— говоритъ онъ,— можно сохранять и возвращать одолженный предметъ въ одинаковой исправности и одинаковой цѣнности? Это, конечно, невозможно для отдѣльныхъ предметовъ, но возможно для совокупности всѣхъ одолженныхъ предметовъ въ предѣлахъ цѣлой націи. Если кто-либо отдаетъ въ наемъ 100 зданій, могущихъ просуществовать 100 лѣтъ, съ условіемъ, что наниматель долженъ ежегодно выстроить новое зданіе, то цѣнность этихъ 100 зданій остается неизмѣнной, несмотря на ежегодную порчу. При нашемъ изслѣдованіи мы обязательно должны имѣть въ виду цѣлое, и если въ нашемъ примѣрѣ представлены только два дѣйствующихъ лица, то это для того, чтобы нагляднѣе представить движеніе, происходящее одновременно во всей націи". Der isolierte Staat. Стр. 94—95. Любопытны возраженія Бемъ-Баверка противъ совершенно яснаго и не допускающаго, казалось бы, никакого оспариванія хода мыслей Тюнена. „Нѣтъ ничего невѣроятнаго,—говоритъ онъ,—въ предположеніи, что охотникъ, при помощи стрѣлы и лука, не только имѣетъ возможность убить въ теченіе года 40 головами дичи больше, чѣмъ безъ этого оружія, но что у него остается еще достаточно времени на починку

или возстановленіе стрѣлъ и лука, и что, такимъ образомъ, его возстановленный капиталъ обладаетъ въ концѣ года тою же цѣнностью, что и въ началѣ. Но можно ли дѣлать аналогичныя предположенія и для болѣе сложнаго состоянія хозяйства? Особенно для такого состоянія, когда капиталъ слишкомъ разнообразенъ, а раздѣленіе труда слишкомъ развито для того, чтобы рабочій, пользующійся капиталомъ, могъ самъ его возстановить? Неужели и для того случая, когда рабочій долженъ оплатить возстановленіе капитала, очевидно, что излишекъ продуктовъ, произведенный благодаря содѣйствію капитала, превышаетъ собой издержки возстановленія послѣдняго или цѣнность затраченнаго капитала? Конечно, нѣтъ". (Böhm-Bawerk. Стр. 201—202). Нѣсколькими страницами далѣе Бемъ-Баверкъ касается и рѣшающаго указанія Тюнена, что дѣло идетъ не объ отдѣльномъ хозяинѣ, а обо всемъ обществѣ. „Тотъ фактъ,—говоритъ Бемъ-Баверкъ,—что общество въ своемъ цѣломъ въ состояніи при содѣйствіи капитала возстановить таковой и сверхъ того произвести еще извѣстный излишекъ, еще ничего не говоритъ въ пользу существованія процента на капиталъ. Вѣдь этотъ излишекъ продуктовъ могъ бы также идти не на уплату процентовъ капиталисту, а на увеличеніе заработной платы рабочихъ, которые такъ же необходимы въ производствѣ, какъ и капиталъ". (Тамъ же, 204). Слабость возраженій обычно столь остроумнаго и сильнаго Бемъ-Баверка поразительна. Прежде всего, онъ соглашается, что для первобытнаго хозяйства Тюненъ совершенно правъ. Существуютъ, значитъ, хозяйственныя системы, для которыхъ проблема прибыли не есть проблема цѣнности. Затѣмъ, что отвѣчаетъ Бемъ-Баверкъ на указаніе Тюнена относительно необходимости относить проблему прибыли къ цѣлому общественнаго хозяйства? Онъ говоритъ, что не ясно, почему излишекъ, создаваемый капиталомъ, долженъ идти капиталисту, а не рабочему. Это совершенно вѣрно, но относится въ одинаковой мѣрѣ къ современному хозяйству, какъ и къ первобытному. Вопросъ, однако, заключается не въ томъ, кому достается излишекъ цѣнности, составляющій нынѣ прибыль капиталиста, а какъ возникаетъ этотъ самый излишекъ. Признавъ, что возникновеніе излишка вполнѣ удовлетворительно объясняется теоріей Тюнена и что остается лишь неяснымъ, почему этотъ излишекъ достается капиталистамъ, а не рабочимъ, Бемъ-Баверкъ сложилъ оружіе передъ теоріей производительности. Что касается до Маркса, то и для Маркса проблема прибыли является проблемой цѣнности лишь по той причинѣ, что Марксъ разсматриваетъ возникновеніе прибыли не въ цѣломъ общественнаго хозяйства, а на примѣрѣ отдѣльнаго предпріятія. Достаточно вспомнить знаменитую 5 главу I тома „Капитала" гдѣ съ такимъ блескомъ развивается теорія прибавочной цѣнности на примѣрѣ прибыли бумагопрядильнаго фабриканта. Конечно, понять прибыль бумагопрядильнаго фабриканта нельзя иначе, какъ на основѣ теоріи цѣнности. Но для пониманія генезиса прибыли всего класса капиталистовъ никакой теоріи цѣнности не требуется.

6) Böhm-Bawerk. Стр. 338 и слѣд.

7) Lassalle. Capital und Arbeit. 1864. Стр. 110.

8) Я считалъ себя въ правѣ остановиться надъ разсмотрѣніемъ лишь тѣхъ теорій прибыли, критическій анализъ которыхъ подви-

гаетъ, по моему мнѣнію, пониманіе истинной природы прибыли. По этой причинѣ я не касался напр. теоріи Бемъ-Баверка. Основная мысль этой теоріи, что предметы будущаго пользованія мы цѣнимъ ниже, чѣмъ настоящаго, заключаетъ въ себѣ долю истины—но лишь долю, а не всю истину. Если пользованіе извѣстнымъ предметомъ отсрочивается на очень долгій срокъ, то, конечно, это не можетъ не вліять на нашу оцѣнку (какъ напр. въ разобранномъ въ текстѣ примѣрѣ посадки плодоваго дерева). Но если срокъ отсрочки непродолжителенъ, то основаній для различій оцѣнки не существуетъ. Хорошій хозяинъ думаетъ о завтрашнемъ днѣ столько же, сколько и о сегодняшнемъ—но, конечно, о томъ, что будетъ черезъ десять лѣтъ, онъ думаетъ меньше. Такимъ образомъ, основной тезисъ Бемъ-Баверка не обладаетъ той общностью, которая необходима для объясненія такого общаго явленія, какъ прибыль. И вообще попытка объяснить такой глубоко соціальный фактъ, какъ прибыль, психологическими условіями процесса оцѣнки не можетъ быть удачной. По этой же причинѣ несостоятельны теоріи прибыли Ландри, Ирвина Фишера и другихъ авторовъ, трактующихъ прибыль, какъ явленіе цѣнности.

9) Въ болѣе широкомъ смыслѣ слѣдуетъ сказать, что общественный продуктъ создается всѣми группами населенія, трудъ которой прямо или косвенно содѣйствуетъ росту общественнаго богатства. Въ этомъ смыслѣ можно говорить, какъ это дѣлаетъ П. И. Георгіевскій, объ „общественности", какъ источникѣ чистаго продукта. См. его книгу Политическая Экономія" Отд. III. Гл. 8.

10) „На прибыль, кромѣ возвышенія задѣльной платы, ничто не можетъ оказывать вліянія". (Рикардо. Сочиненія. Стр. 64). „Уровень прибыли возрастаетъ единственно вслѣдствіе пониженія задѣльной платы". (Тамъ же, 74). „Прибыль — и это слѣдуетъ повторять безсчетное число разъ — зависитъ отъ задѣльной платы". (Тамъ же, 82). Въ то же время производительность труда, по представленію Рикардо, не оказываетъ непосредственнаго вліянія на прибыль. „Уровень прибыли, — говоритъ онъ, — никогда не возрастаетъ вслѣдствіе лучшаго раздѣленія труда, механическихъ изобрѣтеній, устройства дорогъ и каналовъ или вслѣдствіе какихъ бы то ни было способовъ сокращенія труда какъ въ производствѣ, такъ и въ перевозкѣ товаровъ. Причины эти дѣйствуютъ на цѣны .. но на прибыль онѣ никакого вліянія не имѣютъ. Съ другой стороны, всякое уменьшеніе въ задѣльной платѣ увеличиваетъ прибыль, но не оказываетъ никакого дѣйствія на цѣны товаровъ". (Тамъ же, 75). Такимъ образомъ, по взгляду Рикардо, высота производительности труда вліяетъ лишь на цѣну продукта, а не на прибыль, а высота заработной платы вліяетъ лишь на прибыль, а не на цѣну продукта. Это рѣзкое противопоставленіе другъ другу двухъ факторовъ, въ дѣйствительности вліяющихъ на цѣну и прибыль совершенно сходнымъ образомъ, объясняется у Рикардо слѣдующимъ образомъ. Говоря объ измѣненіяхъ производительности труда, Рикардо во всѣхъ своихъ конкретныхъ примѣрахъ имѣетъ въ виду измѣненіе производительности труда въ производствѣ того или иного отдѣльнаго продукта; напротивъ, измѣненіе высоты заработной платы онъ предполагаетъ общимъ для всего народнаго хозяйства. Именно потому онъ и приходитъ къ своей теоріи. Если допустить, напр., что понижается, вслѣдствіе повышенія производительности

труда, трудовая стоимость производства хотя бы стали, то это непосредственно вызоветъ пониженіе цѣны стали, а прибыль владѣльцевъ металлургическихъ заводовъ испытаетъ мало перемѣнъ; наоборотъ, общее повышеніе уровня заработной платы должно привести къ пониженію прибыли, а не цѣнъ всѣхъ продуктовъ. Но если мы, обратно, предположимъ, что повышеніе производительности труда имѣетъ общій характеръ, а измѣненіе уровня заработной платы частный, то дѣйствіе этихъ факторовъ на прибыль и цѣну будетъ какъ разъ противоположнымъ. При общемъ повышеніи производительности труда (включая сюда и производство денежнаго металла) нѣтъ никакихъ причинъ для общаго измѣненія товарныхъ цѣнъ: если трудовая стоимость хотя бы стали повизится вдвое и вдвое же понизится трудовая стоимость золота, то цѣна стали останется безъ перемѣнъ. Какое же дѣйствіе на народное хозяйство окажетъ общее повышеніе производительности труда? Общее количество общественнаго продукта возрастетъ, а количество продукта, расходуемаго въ процессѣ производства, не увеличится; возрастетъ, слѣдовательно, чистый продуктъ, остающійся за покрытіемъ расходовъ производства, возрастетъ и прибыль. Напротивъ, при частичномъ повышеніи заработной платы въ одной отрасли производства и при неизмѣнности заработной платы въ другихъ отрасляхъ производства, измѣнится не уровень прибыли въ данной отрасли производства, а цѣна продукта: если бы при частичномъ повышеніи заработной платы въ одной отрасли производства цѣна продукта не возрасла, то капиталъ сталъ бы отливать изъ даннаго производства, и это, въ концѣ концовъ, привело бы къ повышенію цѣны. Вообще, повышеніе цѣны какъ рабочей силы, такъ и средствъ производства дѣйствуетъ на прибыль капиталиста совершенно одинаково: капиталистъ стремится въ этомъ случаѣ поднять цѣну продукта— переложить свои добавочные расходы на потребителя, — а если это, по условіямъ рынка, невозможно, то ему приходится примириться съ паденіемъ прибыли. Противопоставленіе дѣйствія на прибыль измѣненія производительности труда и уровня заработной платы ни на чемъ не основано.

11) Противъ этого можно возразить, что развитіе капиталистическаго хозяйства приводитъ къ замѣщенію живого труда машиннымъ и, слѣдовательно, къ увеличенію значенія средствъ производства. Но въ текстѣ идетъ рѣчь о долѣ средствъ производства въ *продуктѣ* данной трудовой затраты, а не о долѣ средствъ производства въ данной затратѣ *капитала*. Хотя средства производства составляютъ все большую долю затраты производства, они могутъ сокращаться, какъ доля общественнаго продукта данной трудовой величины, ибо увеличеніе производительности труда уменьшаетъ трудовую стоимость единицы средствъ производства и количество средствъ производства, требующихся для производства единицы продукта.

12) Весьма любопытно, что и Марксъ въ III томѣ „Капитала" призналъ, что, помимо измѣненія заработной платы, измѣненіе трудовой стоимости средствъ производства (иначе говоря, измѣненіе производительности труда) непосредственно вліяетъ на процентъ прибыли. Такимъ образомъ, и Марксъ порвалъ съ теоріей прибыли Рикардо, въ которой антагонизмъ интересовъ капиталистовъ и рабочихъ находилъ себѣ

наиболѣе рѣзкое выраженіе. См. это интересное мѣсто, совершенно не обратившее на себя вниманіе критики, въ „Das Kapital". Т. III. Ч. I. Стр. 81 и слѣд.

13) Мнимость этого закона доказывалась мною неоднократно. См. мою нѣмецкую книгу „Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen", стр. 206 и слѣд., и „Теоретическія основы марксизма", стр. 159. Доказательство въ моей нѣмецкой книгѣ о кризисахъ имѣетъ болѣе общій характеръ, чѣмъ въ „Теоретическихъ основахъ марксизма".

14) Смитъ. Богатство народовъ. I. Стр. 235, 238, 246.

15) Schmoller, Grundriss, II, 437. На то же указываютъ и другіе авторы. „Паденіе процента прибыли на капиталъ — говоритъ, напр' Эйленбургъ—отнюдь не кажется мнѣ доказаннымъ фактомъ. На основаніи цифръ Вагона я вычислилъ по пятилѣтіямъ за 1871—900 гг. дивиденды германскихъ акціонерныхъ обществъ и обнаружилось противоположное—именно, увеличеніе дивидендовъ. „Jahrbücher für Nationalökonomie. III. F. Томъ 27. Стр. 259.

16) Das Kapital. Т. III, ч. I. Стр. 136—137.

17) Тамъ же. 140—141.

18) Это соображеніе, высказанное мною въ нѣсколько иной и болѣе разработанной, но зато менѣе общей формѣ въ „Теоретическихъ основахъ марксизма", было развито затѣмъ В. І. Борткевичемъ въ цѣломъ рядѣ статей въ „Archiv für Socialwissenschaft" и „Jahrbücher für Nationalökonomie". Оно мнѣ кажется совершенно неопровержимымъ; подтвержденіемъ этого является въ моихъ глазахъ и то обстоятельство, что на мою статью „Gesunder Menschenverstand und wissenschaftliche Wahrheit", помѣщенную въ научномъ органѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи „Die neue Zeit" въ февралѣ 1908 г., въ которой былъ воспроизведенъ приводимый въ текстѣ аргументъ противъ теоріи прибыли Маркса, никакихъ отвѣтовъ съ марксистской стороны, насколько мнѣ извѣстно, не послѣдовало, хотя передъ этимъ въ томъ же органѣ былъ помѣщенъ рядъ статей по поводу моей критики Маркса.

ГЛАВА VIII.

Земельная рента.

I. Условія возникновенія земельной ренты. Почему земельная рента подчинена своему особому закону. Пространственная ограниченность земли. Законъ падающей производительности земледѣльческаго труда. Различія плодородія земли. Законы дифференціальной земельной ренты. II. Теорія земельной ренты Родбертуса. Несостоятельность этой теоріи. III. Историческое движеніе земельной ренты. Земельная рента въ сельскомъ хозяйствѣ и въ городѣ. Движеніе въ пользу земельной реформы. IV. Продовольственная аренда. Продовольственная аренда въ Россіи. Движеніе арендныхъ платъ. Чѣмъ обусловливается ихъ высота. Общее значеніе продовольственной аренды. Дополнительныя замѣчанія. Ирландское арендное законодательство, его смыслъ и вызвавшія его причины.

I.

Земельная рента есть нетрудовой доходъ, вытекающій изъ пользованія устойчивыми полезными свойствами земли. Земельная рента является, наряду съ прибылью, вторымъ основнымъ видомъ нетрудового дохода. Но между капиталомъ и землей существуетъ глубочайшее различіе въ томъ отношеніи, что капиталъ продуктъ человѣческаго труда, между тѣмъ какъ земля не создана человѣкомъ. Отсюда вытекаетъ соотвѣтствующее различіе и между прибылью и рентой. Въ то время, какъ прибыль опредѣляется соціальной борьбой класса рабочихъ и капиталистовъ, повышается и понижается въ зависимости отъ этой борьбы, земельная рента подчиняется своимъ законамъ, стоящимъ, въ извѣстномъ смыслѣ, внѣ и выше соціальной борьбы. Нѣтъ особаго закона прибыли, опредѣляющаго, какъ высока должна быть прибыль при данномъ состояніи производства, но такой законъ существуетъ по отношенію къ земельной рентѣ. Объясняется это тѣмъ, что въ об-

ласти земельныхъ отношеній въ соціальныя отношенія вторгается внѣшняя, несоціальная сила—внѣшняя природа, земля.

Поскольку человѣкъ сталкивается въ своей хозяйственной дѣятельности съ внѣшней природой, неизмѣненной его трудомъ, онъ подчиняется въ своей дѣятельности естественнымъ условіямъ его труда. Но естественныя условія хозяйственнаго труда въ различныхъ пунктахъ производства чрезвычайно различны. Эти различія естественныхъ условій производства не могутъ не приводить къ различіямъ производительности труда—гдѣ естественныя условія благопріятнѣе, тамъ трудъ производительнѣе и обратно. Различія же производительности труда приводятъ, въ свою очередь, къ различіямъ доходовъ: въ пунктахъ большей производительности трудъ создаетъ добавочные, избыточные продукты, а, слѣдовательно, и добавочные, избыточные доходы сравнительно съ пунктами меньшей производительности. Кому же достанутся эти доходы?

Доходы эти находятся въ непосредственной связи съ естественными различіями условій производства. Но земля, при существующемъ строѣ общества, является частной собственностью тѣхъ или иныхъ лицъ. Владѣя землей, эти лица имѣютъ возможность присваивать себѣ и тѣ доходы, которые вытекаютъ изъ естественныхъ преимуществъ даннаго земельнаго участка. Если земля сдается въ аренду, то избыточные доходы, связанные съ большей производительностью труда на данномъ земельномъ участкѣ, не могутъ достаться арендатору; въ противномъ случаѣ доходы арендаторовъ различныхъ земельныхъ участковъ, при одинаковой затратѣ труда и капитала, были бы различны, а это естественно привело бы къ тому, что со стороны арендаторовъ явился бы усиленный спросъ на участки лучшаго качества, и земельные собственники получили бы возможность повысить арендную плату до того уровня, при которомъ весь избыточный доходъ съ даннаго участка перешелъ бы въ руки землевладѣльца. Такимъ образомъ, въ силу владѣнія землей, землевладѣльческій классъ получаетъ возможность присваивать себѣ и всѣ избыточные доходы, связанные съ естественными различіями производительности труда въ различныхъ пунктахъ производства. Эти доходы и образуютъ собой земельную ренту.

Естественныя различія производительности труда находятся въ связи, прежде всего, съ различіями земельныхъ участковъ по ихъ положенію въ пространствѣ. Каждый земельный участокъ занимаетъ опредѣленное положеніе

въ пространствѣ, которое не можетъ быть измѣнено никакими усиліями человѣка. Различія мѣстоположенія земельныхъ участковъ и являются первымъ источникомъ земельной ренты. Въ самомъ чистомъ видѣ такая земельная рента пространственнаго происхожденія обнаруживается въ такъ назыв. городской рентѣ — рентѣ съ участковъ городской земли. Чѣмъ ближе данный участокъ къ центру города, тѣмъ выше его преимущества въ хозяйственномъ отношеніи, и, значитъ, тѣмъ выше плата, которую можетъ потребовать за пользованіе участкомъ его собственникъ. На окраинахъ города (т. е. тамъ, гдѣ прекращаются городскія постройки) специфически городская рента спускается до ноля, въ центрѣ же города достигаетъ своего максимума. Эта рента всецѣло обусловливается различіями мѣстоположенія земельныхъ участковъ.

Тѣ же различія мѣстоположенія являются чрезвычайно важнымъ источникомъ земельной ренты и въ области сельскаго хозяйства. Сельскохозяйственные продукты въ мѣновомъ хозяйствѣ изготовляются для сбыта, продаются; чѣмъ дальше данный участокъ земли отъ мѣста сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, тѣмъ больше приходится затрачивать труда на перевозку продуктовъ отъ мѣста ихъ производства къ мѣсту ихъ сбыта. Если мы предположимъ, что сельскохозяйственные продукты сбываются лишь въ извѣстномъ центральномъ пунктѣ, то чѣмъ дальше расположены участки земли отъ этого пункта, тѣмъ тяжелѣе ложатся на нихъ расходы перевозки продуктовъ. Но цѣна всѣхъ продуктовъ того же рода въ томъ же мѣстѣ сбыта должна быть одна и та же, независимо отъ того, насколько удалены отъ мѣста сбыта участки, на которыхъ добыты эти продукты. Отсюда слѣдуетъ, что цѣна сельскохозяйственныхъ продуктовъ на мѣстѣ производства должна быть тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе удаленъ отъ мѣста сбыта данный участокъ. На наиболѣе отдаленныхъ участкахъ цѣна будетъ только покрывать съ обычной прибылью издержки производства продукта—ниже она спуститься не можетъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, прекратилось бы производство продукта. Но чѣмъ ближе будетъ участокъ отъ мѣста сбыта продукта, тѣмъ выше будетъ цѣна послѣдняго на всю сумму сберегаемыхъ расходовъ по перевозкѣ и тѣмъ выше будутъ доходы съ даннаго участка.

Такимъ образомъ, въ силу различной отдаленности различныхъ участковъ отъ мѣста сбыта, цѣна продукта въ различныхъ пунктахъ его производства будетъ различна и столь же различны будутъ денежные доходы съ участковъ. На границѣ того района,

съ котораго сельскохозяйственный продуктъ подвозится къ данному мѣсту сбыта, денежный доходъ съ земельнаго участка будетъ, какъ сказано, только покрывать, съ обычной прибылью, расходы производства продукта; на всѣхъ ближе лежащихъ участкахъ денежные доходы превысятъ эту норму, возникнутъ добавочные денежные доходы съ земельныхъ участковъ, тѣмъ болѣе значительные, чѣмъ ближе данный участокъ къ мѣсту сбыта. Доходы эти составятъ земельную ренту землевладѣльцевъ, которая будетъ равняться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разницѣ между денежнымъ доходомъ съ даннаго участка и денежнымъ доходомъ съ участка, наиболѣе отдаленнаго изо всѣхъ, съ которыхъ продукты доставляются въ данному мѣсту сбыта.

И въ этомъ случаѣ причиной возникновенія земельной ренты являются естественныя различія земельныхъ участковъ по ихъ положенію въ пространствѣ—участки, ближе лежащіе къ мѣсту сбыта, даютъ соотвѣтственно большую ренту. По этой причинѣ пригородныя земли даютъ очень высокую ренту, а земля, очень отдаленная отъ мѣста сбыта (напр., нашъ Уссурійскій край), не даетъ никакой ренты, даже если она чрезвычайно плодородна [1]).

Такимъ образомъ, первымъ источникомъ возникновенія земельной ренты являются различія земельныхъ участковъ по ихъ положенію въ пространствѣ. Вторымъ источникомъ земельной ренты въ области земледѣлія является обусловленная естественными причинами падающая производительность земледѣльческаго труда. Сущность закона падающей производительности земледѣльческаго труда заключается въ слѣдующемъ. Если увеличивать приложеніе труда къ земледѣлію, то, за извѣстнымъ предѣломъ, каждая послѣдующая затрата труда будетъ все менѣе производительной, будетъ давать все меньше продукта. Пусть, напр., первая единица труда, приложеннаго къ обработкѣ даннаго участка земли, даетъ 6 единицъ продукта; вторая единица труда, приложеннаго къ обработкѣ того же участка, можетъ дать, допустимъ, не 6, а 8 единицъ продукта; третья единица труда можетъ дать, положимъ, 10 единицъ продукта. Но рано или поздно будетъ достигнутъ предѣлъ, за которымъ каждая послѣдующая затрата труда будетъ давать все меньшее увеличеніе продукта. Если этотъ предѣлъ достигается, допустимъ, на 3-ей единицѣ труда, то 4-я единица труда дастъ, допустимъ, не 10, а 8 единицъ продукта, 5-я единица—6 единицъ продукта, 6-я—4 единицы и т. д., пока, наконецъ, не будетъ достигнутъ абсолютный предѣлъ, за кото-

рымъ никакое увеличеніе приложенія труда не будетъ въ силахъ вызвать увеличенія продукта.

Допустимъ теперь, что, по условіямъ рынка, требуется съ даннаго участка 42 единицы продукта. Для производства этого количества продуктовъ требуется затрата шести единицъ труда, производительность которыхъ выразится цифрами 6+8+10+8+6+4. Цѣна продукта должна быть такова, чтобы окупалась послѣдняя, наименѣе производительная затрата труда, ибо только въ этомъ случаѣ будетъ выгода производить эту затрату. Значитъ, цѣна единицы продукта должна соотвѣтствовать трудовой стоимости въ $^1/_4$ (такъ какъ въ послѣднюю единицу труда произведено 4 единицы продукта). Если всѣ 42 единицы продукта будутъ проданы по этой цѣнѣ, то ихъ общая цѣна будетъ соотвѣтствовать трудовымъ единицамъ $42 \times {}^1/_4 = 10^1/_2$ Между тѣмъ, дѣйствительная затрата труда производства этихъ 42 единицъ продукта равна, по предположенію, только 6 единицамъ труда. Продуктъ будетъ проданъ, слѣдовательно, по цѣнѣ значительно высшей сравнительно съ той, которая соотвѣтствовала бы сдѣланной трудовой затратѣ. Это превышеніе цѣны продукта образуетъ избыточный доходъ, поступающій въ распоряженіе землевладѣльца, образуетъ его земельную ренту. Очевидно, земельная рента въ этомъ случаѣ будетъ тѣмъ выше, чѣмъ больше единицъ труда прилагается къ землѣ, чѣмъ интенсивнѣе обработка земли [2]).

Источникомъ возникновенія ренты являются въ этомъ случаѣ различія производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго труда — то обстоятельство, что производительность труда въ области земледѣлія, за извѣстнымъ предѣломъ, падаетъ по мѣрѣ увеличенія приложенія труда къ одному и тому же участку почвы.

Наконецъ, третьимъ источникомъ возникновенія земельной ренты являются различія плодородія различныхъ земельныхъ участковъ. Болѣе плодородные земельные участки даютъ большій доходъ, чѣмъ менѣе плодородные—и этотъ добавочный доходъ болѣе плодородныхъ участковъ образуетъ собой земельную ренту собственниковъ этихъ участковъ.

Итакъ, существуютъ три основныхъ источника земельной ренты: естественныя различія земельныхъ участковъ по ихъ положенію въ пространствѣ, естественныя различія производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго труда и различія естественнаго плодородія земельныхъ участковъ. Въ силу всѣхъ этихъ естественныхъ, неустранимыхъ и устойчивыхъ разли-

чій производительности труда въ различныхъ пунктахъ производства, возникаетъ особый видъ общественнаго дохода—земельная рента, поступающая собственнику земли. Нетрудовой характеръ этого дохода выступаетъ съ еще большей ясностью, чѣмъ нетрудовой характеръ прибыли, ибо капиталъ все же продуктъ труда, а земля не создана человѣкомъ, и, слѣдовательно, собственникъ ея, извлекающій изъ обладанія землей доходъ (уплачиваемый другими членами общества), никакихъ этическихъ основаній для оправданія своего дохода, кромѣ права силы, фактическаго владѣнія землей, привести не можетъ. Земельная рента есть дань, платимая обществомъ землевладѣльцу, который, какъ таковой, никакого участія въ созданіи своего дохода не принимаетъ [3]).

Земельная рента тѣмъ существенно отличается, по своимъ размѣрамъ, отъ арендной платы, что въ составъ арендной платы входитъ, обыкновенно, не только рента, но и плата за пользованіе капиталами, принадлежащими землевладѣльцу—напр., плата за пользованіе постройками, иногда живымъ и мертвымъ инвентаремъ землевладѣльца и т. п. Земельная же рента есть плата только за устойчивыя полезныя свойства земли. Высота земельной ренты опредѣляется, какъ видно изъ сказаннаго, разницей между производительностью труда въ данномъ пунктѣ производства и производительностью труда въ предѣльномъ пунктѣ производства, гдѣ производство не даетъ никакого избыточнаго дохода и только возстановляетъ, съ обычной прибылью, затраченный капиталъ. Эта разница и составляетъ земельную ренту, которую можно назвать дифференціальною рентою, такъ какъ рента въ этомъ случаѣ опредѣляется различіями производительности труда въ разныхъ пунктахъ производства, въ зависимости отъ естественныхъ различій, и въ предѣльномъ пунктѣ производства спускается до ноля.

Законы дифференціальной ренты установлены Рикардо. Земельная рента должна быть тѣмъ выше, чѣмъ больше разница между производительностью труда въ данномъ пунктѣ и въ предѣльномъ пунктѣ производства. Чѣмъ менѣе плодородные участки земли поступаютъ въ обработку, чѣмъ интенсивнѣе обработка земли (чѣмъ больше труда прилагается къ ея обработкѣ), чѣмъ съ болѣе далекихъ разстояній приходится подвозить хлѣбъ для нуждъ даннаго потребительнаго центра, тѣмъ выше земельная рента и тѣмъ большую долю всего общественнаго дохода (при прочихъ равныхъ условіяхъ) она составляетъ.

Рикардо представлялъ себѣ, что при первоначальномъ заселеніи страны сначала поступаютъ въ обработку болѣе плодородные участки, затѣмъ вводятся въ обработку все менѣе и менѣе плодородные участки. Этого можетъ и не быть. Какъ указалъ Кэри и Родбертусъ, нерѣдко болѣе плодородныя земли всего позже поступаютъ въ обработку вслѣдствіе того, что эти земли представляютъ большія трудности для земледѣльческой культуры (напр., тяжелая земля долинъ); дренированіе почвы превратило въ превосходныя поля заболоченные участки земли, которые раньше совсѣмъ не обрабатывались. Поэтому не существуетъ той неизмѣнной тенденціи къ повышенію земельной ренты, по мѣрѣ роста населенія, которую предполагалъ Рикардо.

Въ общемъ, производительность труда въ области земледѣлія за послѣднее столѣтіе не уменьшилась, а возрасла. Улучшеніе агрономической техники привело къ тому, что, несмотря на увеличеніе интенсивности обработки почвы (что, въ силу закона падающей производительности земледѣльческаго труда, имѣетъ тенденцію повышать трудовую стоимость земледѣльческаго продукта), трудовая стоимость производства хлѣба въ Европѣ понизилась [4]). Это нисколько не противорѣчитъ закону падающей производительности земледѣльческаго труда, смыслъ котораго заключается въ томъ, что при каждомъ данномъ уровнѣ техники производительность земледѣльческаго труда, за извѣстнымъ предѣломъ интенсивности обработки, падаетъ. Повышеніе уровня техники увеличиваетъ абсолютную производительность земледѣльческаго труда, но не уничтожаетъ различій производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго труда. И именно благодаря дѣйствію названнаго закона повышеніе производительности труда въ земледѣліи, достигнутое въ 19 вѣкѣ, совершенно ничтожно, несмотря на весь прогрессъ агрономіи, сравнительно съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ промышленности.

II.

Теорія дифференціальной ренты Рикардо болѣе или менѣе общепринята въ современной наукѣ. Очень немногіе экономисты послѣ Рикардо пытались противопоставить этой теоріи другую и изъ такихъ попытокъ всего болѣе заслуживаетъ вниманія попытка Родбертуса. Попытка эта интересна тѣмъ, что она показываетъ, къ какимъ выводамъ приводитъ абсолютная трудовая теорія цѣнности, усматривающая въ трудѣ не важнѣйшій объективный факторъ цѣнности (что совершенно

вѣрно), а самую субстанцію цѣнности. Теорія ренты Родбертуса является необходимымъ логическимъ выводомъ этой теоріи цѣнности. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ.

Въ общественномъ производствѣ земледѣліе представляетъ собой болѣе раннюю ступень производства, чѣмъ обрабатывающая промышленность. Продуктъ сначала добывается земледѣльцемъ, а затѣмъ обрабатывается промышленникомъ. Но такъ какъ въ промышленности обрабатывается продуктъ земледѣлія, то затрата капитала въ промышленности должна быть относительно больше, чѣмъ въ земледѣліи: въ земледѣліи отсутствуетъ затрата на сырой матеріалъ, каковая затрата неизбѣжна въ обрабатывающей промышленности, а это, въ свою очередь, приводитъ къ тому, что процентъ прибыли въ земледѣліи выше, чѣмъ въ промышленности; эта избыточная прибыль въ земледѣліи и образуетъ собой ренту землевладѣльца.

Пусть, напр., половина общественнаго труда тратится на земледѣліе и половина на промышленность. Въ такомъ случаѣ, новая цѣнность (предполагая, что цѣнность продукта опредѣляется всецѣло трудовой затратой), создаваемая въ промышленности должна равняться цѣнности, создаваемой въ промышленности. Владѣлецъ средствъ производства получитъ на свою долю такую же часть трудовой цѣнности въ промышленности, какъ и въ земледѣліи. Но въ промышленности та же трудовая цѣнность, образующая собой долю владѣльца средствъ производства, должна быть отнесена къ большему капиталу, чѣмъ въ земледѣліи, ибо промышленникъ долженъ былъ затрачивать свой капиталъ не только на заработную плату и орудія труда (какъ земледѣльческій капиталистъ), но и на пріобрѣтеніе сырья—продукта земледѣлія. Поэтому процентъ прибыли въ промышленности долженъ быть ниже, чѣмъ въ земледѣліи.

Однако, основнымъ закономъ капиталистическаго хозяйства является законъ равенства прибылей. Процентъ прибыли въ земледѣліи не можетъ быть выше, чѣмъ въ промышленности; значитъ, избыточный доходъ въ земледѣліи не можетъ достаться земледѣльческому предпринимателю. Кому же онъ достанется? Очевидно, землевладѣльцу — онъ составитъ земельную ренту [5]).

Все это разсужденіе вполнѣ логично и совершенно неопровержимо, поскольку вѣрно его исходное положеніе, что цѣнность пропорціональна трудовымъ затратамъ. Между тѣмъ легко показать, что разсужденіе это, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, приводитъ къ экономическимъ нелѣпостямъ. Вѣдь съ этой точки

зрѣнія добавочный доходъ долженъ возникать не только въ земледѣліи сравнительно съ промышленностью, но и на каждой послѣдующей ступени промышленности. Вѣдь ступеней производства не двѣ — земледѣліе и промышленность,—а гораздо больше. Если бы теорія Родбертуса была вѣрна, то рента возникала бы на каждой ступени производства—прядильщикъ имѣлъ бы добавочный доходъ по сравненію съ ткачомъ, а послѣдній сравнительно съ ситценабивнымъ фабрикантомъ и т. д. Словомъ, на каждой послѣдующей ступени производства получался бы относительно все меньшій и меньшій процентъ прибыли. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не наблюдается—и по очень простой причинѣ: потому, что цѣны пропорціональны не затратамъ труда, а затратамъ капитала—при увеличеніи затраты капитала пропорціонально возрастаютъ и цѣны, а, значитъ, никакого добавочнаго дохода въ силу меньшей затраты капитала на болѣе раннихъ ступеняхъ производства не возникаетъ. Товары, на которые затраченъ одинаковый капиталъ, должны имѣть и одинаковую цѣну потому, что для капиталиста нѣтъ разницы между затратой на заработную плату и затратой на средства производства [6]).

Такимъ образомъ, теорія ренты Родбертуса безусловно несостоятельна; своими разсужденіями Родбертусъ опровергъ не теорію ренты Рикардо, а абсолютную трудовую теорію цѣнности, приведеніемъ къ абсурду которой является его теорія ренты.

III.

Рикардо полагалъ, что естественное движеніе земельной ренты заключается въ ея непрерывномъ повышеніи по мѣрѣ роста населенія. И дѣйствительно, за три первыя четверти 19 вѣка въ западной Европѣ произошло огромное повышеніе земельной ренты. Такъ, напр., въ Англіи, по приблизительному подсчету, сельскохозяйственная рента измѣнялась слѣдующимъ образомъ [7]).

	Общая сумма сельскохозяйской ренты.
въ 1798 г.	6½ милл. фунт. стерл.
„ 1860 „	42,9 „ „ „
„ 1872 „	48,9 „ „ „

Но затѣмъ послѣдовало въ Англіи и вообще западной Европѣ значительное паденіе сельскохозяйственной ренты на 15—20 и болѣе процентовъ. Причиной этого паденія было пониженіе цѣны

хлѣба подъ вліяніемъ удешевленія транспорта и наплыва въ центральную Европу дешеваго хлѣба изъ Америки, Россіи, Индіи и другихъ странъ экстенсивнаго земледѣлія. Два десятилѣтія отъ половины 70-хъ до половины 90-хъ годовъ были временемъ значительнаго пониженія сельскохозяйственной ренты. Затѣмъ, паденіе цѣны хлѣба и сельскохозяйственной ренты пріостановилось и, такъ какъ запасъ дѣвственныхъ земель, пригодныхъ для культуры пшеницы и другихъ хлѣбовъ, быстро истощается, а населеніе повсемѣстно быстро растетъ, то можно думать, что мы находимся наканунѣ новаго значительнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ и земледѣльческой ренты [8]).

Что касается ренты городскихъ земель, то она непрерывно и быстро растетъ въ теченіе всего 19 вѣка. Въ городахъ, населеніе которыхъ быстро увеличивается, ростъ городской ренты прямо колоссаленъ—за десятки лѣтъ рента растетъ въ десятки разъ.

Ростъ земельной (преимущественно, городской) ренты является главнымъ стимуломъ въ западной Европѣ и Америкѣ движенія въ пользу націонализаціи земли, требующаго уничтоженія частной собственности на землю и передачи земли въ собственность всего общества. Самымъ выдающимся теоретикомъ этого движенія былъ американецъ Генри Джорджъ. Сущность его теоріи сводится къ тому, что корень соціальнаго зла заключается въ повышательномъ движеніи земельной ренты, благодаря чему плоды общественнаго прогресса достаются одному общественному классу, ничѣмъ не участвующему въ производствѣ — землевладѣльцамъ. Какъ средство борьбы съ этимъ, Джорджъ выдвигаетъ націонализацію земли путемъ конфискаціи земельной ренты (обложеніемъ земли налогомъ, равнымъ земельной рентѣ).

Большихъ практическихъ результатовъ движеніе въ пользу націонализаціи земли пока не достигло. Въ Европѣ оно имѣетъ преимущественно городской характеръ. Только въ австралійскихъ колоніяхъ идеи Джорджа существенно повліяли на законодательство—такъ, напр., въ Новой Зеландіи и другихъ колоніяхъ введено прогрессивное обложеніе земельной собственности, причемъ болѣе мелкіе земельные участки совсѣмъ освобождаются отъ налога, а обложеніе болѣе крупныхъ участковъ прогрессивно возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія размѣра участка [9]).

IV.

Теорія дифференціальной ренты Рикардо имѣетъ въ виду капиталистическую ренту, т.-е. ренту, получаемую землевладѣльцемъ при капиталистической обработкѣ земли. Земельная рента, какъ ее понимаетъ Рикардо, есть избыточный доходъ землевладѣльца, остающійся за покрытіемъ, съ обычной прибылью въ пользу капиталистическаго предпринимателя, всѣхъ издержекъ земледѣльческаго производства. Въ наиболѣе чистомъ видѣ такая капиталистическая земельная рента выступаетъ при отдачѣ земли въ аренду капиталисту-фермеру, какъ это напр., практикуется въ Англіи. Земельная рента есть та часть арендной платы такого фермера, которая уплачивается за самую землю, а не за постройки и другой капиталъ землевладѣльца.

Однако, аренда далеко не всегда имѣетъ капиталистическій характеръ. Если арендаторомъ является трудовой земледѣлецъ, арендующій землю не для прибыли, а для собственнаго пропитанія, то высота его арендной платы регулируется существенно иными моментами. А именно, арендная плата при некапиталистической, продовольственной арендѣ можетъ подыматься значительно выше капиталистической ренты. Такъ какъ арендаторъ въ этомъ случаѣ арендуетъ отнюдь не ради полученія прибыли, то, естественно, что арендная плата можетъ поглощать прибыль на земледѣльческій капиталъ. Но этого мало. Если нужда мелкаго арендатора въ землѣ очень велика, то арендная плата за землю можетъ поглотить значительную часть его заработной платы. Арендаторъ можетъ урѣзывать оплату своего труда, лишь бы получить въ аренду участокъ земли, безъ котораго онъ не можетъ обойтись. Особенно тяжелы условія продовольственной аренды въ томъ случаѣ, когда арендаторъ лишенъ своей земли или имѣетъ ея недостаточно для своего пропитанія и въ то же время лишенъ возможности найти другой заработокъ, кромѣ аренды земли. Классическими странами продовольственной аренды являются Россія и Ирландія.

Въ Россіи арендный вопросъ является однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ крестьянскаго хозяйства. По подсчетамъ А. А. Мануилова, около 37% крестьянскихъ дворовъ арендуютъ въ Россіи землю на сторонѣ, причемъ арендуемая ими площадь земли равняется приблизительно 20% всей площади надѣльной крестьянской земли [10]).

Малоземелье приводитъ къ необходимости для крестьянина арендовать помѣщичью землю; а такъ какъ наше земледѣльческое населеніе быстро растетъ и отливать ему изъ деревни некуда, то естественно, что нужда въ землѣ чувствуется все острѣе и острѣе. Предпринимательская аренда является у насъ исключеніемъ; преобладающій типъ—аренда крестьянина для продовольственныхъ цѣлей, такъ называемая продовольственная аренда. Высота арендныхъ цѣнъ при продовольственной арендѣ опредѣляется, какъ сказано, не чистой доходностью сельскохозяйственнаго предпріятія на данномъ участкѣ земли, а степенью нужды въ землѣ со стороны арендатора-земледѣльца. Чѣмъ гуще земледѣльческое населеніе, тѣмъ больше и спросъ на землю со стороны земледѣльца, а, слѣдовательно, тѣмъ выше можетъ быть поднята и арендная плата. Повышеніе арендной платы вызывается въ этомъ случаѣ не увеличеніемъ интенсивности земледѣльческаго хозяйства и не улучшеніемъ условій сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, а ухудшеніемъ положенія арендатора-земледѣльца, принужденнаго довольствоваться меньшей долей вырабатываемаго имъ продукта.

Для новѣйшей исторіи русскихъ аграрныхъ отношеній крайне характеренъ ростъ цѣнъ именно продовольственной аренды. Такъ, напр., въ полтавской губ., по свѣдѣніямъ текущей земской статистики, арендныя цѣны измѣнялись въ 90-хъ годахъ закончившагося вѣка слѣдующимъ образомъ[11]):

Годы.	При продовольственной арендѣ.	При предпринимательской арендѣ.	Разница между ними.	Въ % къ платѣ при предпринимательской арендѣ.
	въ рублях за десятину:			
1890	8,61	6,56	2,05	31
1895	7,93	5,96	1,97	33
1900	12,60	8,68	3,92	45

Рѣзкое повышеніе платы за арендуемую крестьянами землю лишь въ небольшой мѣрѣ обусловливалось увеличеніемъ производительности земледѣльческаго хозяйства; главнымъ же образомъ повышеніе это было вызвано ростомъ нужды крестьянина въ землѣ, соглашавшагося платить за землю какую угодно цѣну, лишь бы не ликвидировать своего собственнаго хозяйства.

Эта тѣсная связь высокой арендной платы съ крестьянской нуждой замѣчается повсемѣстно въ Россіи. Чѣмъ меньше обез-

ценъ крестьянинъ землей, чѣмъ ниже его надѣлъ, чѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ больше онъ принужденъ платить за землю. Въ рязанскомъ уѣздѣ крестьяне, имѣющіе надѣльной пашни 1,5—3 десятинъ платили, въ среднемъ, за десятину арендуемой земли 11 р. 21 к., имѣющіе 3—5 десятинъ платили 6 р. 49 к., а имѣющіе свыше 5 десятинъ платили за десятину, въ среднемъ, лишь 5 р. 77 к. Въ орловскомъ уѣздѣ арендная плата за десятину подъ озимое въ районѣ худшихъ почвъ, производительность которыхъ равнялась 50—75 (принимая за 100 производительность наилучшихъ почвъ уѣзда), достигала 20 р. 70 к., а арендная плата подъ озимое въ районѣ лучшихъ почвъ съ производительностью въ 75—100 спускалась до 19 р. 70 к. Такой странный фактъ—болѣе высокая плата за худшія земли—находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что въ орловскомъ уѣздѣ въ районахъ худшихъ почвъ крестьянскій надѣлъ меньше и, слѣдовательно, крестьянская нужда въ землѣ острѣе, чѣмъ въ районѣ лучшихъ почвъ.

Подобные же факты наблюдаются и въ другихъ губерніяхъ. Неудивительно, что при такомъ положеніи дѣла продольственная аренда, по сообщеніямъ земскихъ статистиковъ изъ различнѣйшихъ мѣстъ Россіи, сплошь и рядомъ не только не даетъ арендатору никакой прибыли, но нерѣдко далеко не обезпечиваетъ и нормальной оплаты его труда. Такъ, въ херсонской губерніи крестьяне „снимаютъ землю не столько ради чистой выгоды съ нея, сколько для того, чтобы имѣть возможность примѣнить куда нибудь свой трудъ". Въ орловскомъ уѣздѣ „крестьяне говорятъ, что отъ аренды имъ остается одна солома. Они не ведутъ бухгалтерскихъ счетовъ, а если бы вели ихъ, то, можетъ быть, замѣтили бы, что при арендныхъ цѣнахъ, регулируемыхъ не производительностью почвы и доходностью земли, а все возрастающей нуждою самихъ крестьянъ въ землѣ, и при той высотѣ арендной платы, которую застало мѣстное изслѣдованіе, даже не вся солома остается въ ихъ распоряженіи". Въ саратовской губерніи доходъ со снимаемой крестьянами земли не достигаетъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нормальной стоимости обработки этой земли. Въ симбирской губерніи „трудъ крестьянъ по обработкѣ (снимаемой) земли и уборкѣ хлѣба окупается лишь въ урожайные годы и только при достаточно высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ". Въ различныхъ уѣздахъ полтавской и херсонской губерній съемная плата за землю, по разсчетамъ земскихъ статистиковъ, значительно превышаетъ чистую доходность земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстно конста-

тируется, что плата за землю при продовольственной арендѣ значительно превышаетъ таковую же плату при арендѣ предпринимательской [12]).

Таковъ общій характеръ нашихъ крестьянскихъ арендъ. Но во многихъ случаяхъ онѣ обставляются для крестьянина еще болѣе тягостными условіями.

При освобожденіи крестьянъ крестьянскій надѣлъ вообще былъ урѣзанъ, но особенно были урѣзаны выгоны и сѣнокосы. Между тѣмъ, эти угодья безусловно необходимы крестьянину для того, чтобы онъ могъ вести свое земледѣльческое хозяйство, онъ принужденъ поэтому во что бы то ни стало арендовать названныя угодья, если онъ ихъ лишенъ, у своего бывшаго помѣщика. Зависимость крестьянина отъ помѣщика еще нерѣдко увеличивается тѣмъ, что крестьянскіе надѣлы сплошь и рядомъ расположены очень неудобно относительно частновладѣльческихъ земель. Помѣщичья земля, напр., врѣзывается клиномъ въ крестьянскую, дѣлитъ ее на части, помѣщается въ центрѣ крестьянскихъ надѣловъ, отрѣзываетъ ихъ отъ рѣки или дороги. Въ подобныхъ случаяхъ крестьяне волей неволей должны арендовать „отрѣзы“ помѣщичьей земли, мѣшающіе имъ вести свое хозяйство.

На ростѣ крестьянскаго малоземелья, крестьянской бѣдности и нищеты, основывается ростъ арендной платы при продовольственной арендѣ. Соціальный смыслъ и значеніе роста дифференціальной ренты и продовольственной арендной платы не только различенъ, но даже противоположенъ. Ростъ дифференціальной ренты указываетъ на прогрессъ земледѣлія, на переходъ къ болѣе интенсивному и производительному хозяйству, иначе говоря, на ростъ народнаго богатства. Напротивъ, ростъ продовольственной арендной платы свидѣтельствуетъ лишь о растущей нуждѣ крестьянина въ землѣ, объ отсутствіи у него посторонникъ заработковъ, о слабомъ развитіи промышленности, о народномъ обѣднѣніи.

Сходныя арендныя отношенія наблюдаются и въ Ирландіи, интересныя тѣмъ, что въ этой странѣ арендныя отношенія нормируются за послѣднее время закономъ. Ирландскія земельныя отношенія тѣмъ отличаются отъ русскихъ, что въ Россіи крестьянинъ-арендаторъ ведетъ хозяйство также и на своей собственной землѣ, которую онъ обычно имѣетъ, въ Ирландіи же мелкій арендаторъ ведетъ свое хозяйство цѣликомъ на арендуемой землѣ. Поэтому въ Ирландіи арендный вопросъ имѣлъ еще болѣе жгучій характеръ, чѣмъ въ Россіи.

Образцомъ для ирландскаго арендnаго законодательства явилось фермерское обычное право въ ирландской провинціи Ольстерѣ. Это право требовало признанія такъ назыв. «трехъ ф». Первое «ф» (fair rent) заключалось въ принципѣ «справедливой» арендной платы, т. е. устанавливаемой не просто спросомъ и предложеніемъ: землевладѣлецъ не долженъ злоупотреблять своимъ экономическимъ могуществомъ въ ущербъ арендатору — арендная плата должна быть подъ силу послѣднему. Второе «ф» (fixity of tenure) состояло въ принципѣ обезпеченности арендnаго владѣнія — землевладѣлецъ не могъ лишить фермера его фермы, пока фермеръ исправно платитъ арендную плату. Третье «ф» (free trade)—право свободной перепродажи фермеромъ своего фермерскаго права третьему лицу.

Законъ 1881 г. есть не что иное, какъ законодательская санкція трехъ «ф» ольстерскаго фермерскаго права. Согласно этому закону, фермеру было предоставлено право требовать, чтобы его арендныя отношенія были нормированы закономъ. Въ этомъ случаѣ, общественная власть (особо учрежденныя для этого земельныя коммиссіи или судъ) опредѣляетъ высоту арендной платы, которая должна быть «справедливой» арендной платой. Плата эта устанавливается на 15 лѣтъ, по истеченіи которыхъ можетъ вновь быть установлена (въ томъ же или иномъ размѣрѣ) по требованію заинтересованныхъ сторонъ. Пока фермеръ исправно выполняетъ свои обязательства, землевладѣлецъ не имѣетъ права лишить его фермы. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ признаетъ и право фермера перепродажи своего фермерскаго права третьему лицу (съ извѣстнымъ огражденіемъ интересовъ землевладѣльцевъ).

Законъ совершенно не опредѣлилъ самой трудной стороны дѣла— что нужно понимать подъ «справедливой» арендной платой, давая въ этомъ отношеніи лишь два указанія: 1) размѣры арендной платы не должны повышаться вслѣдствіе меліорацій, произведенныхъ фермеромъ; 2) на высоту арендной платы не должна вліять сумма, уплоченная фермеромъ своему предшественнику за покупку фермерскаго права. Такимъ образомъ, передъ земельными коммиссіями стала трудная задача установить, что слѣдуетъ считать справедливой арендной платой. Въ большинствѣ случаевъ земельныя коммиссіи стремились опредѣлить капиталистическую дифференціальную ренту, которая и признавалась ими «справедливой» арендной платой. А такъ какъ арендная плата въ Ирландіи стояла значительно выше капиталистической ренты, то результатомъ новаго законодательства явилось сильное пониженіе арендной платы. За первый пятнадцатилѣтній періодъ арендная плата была понижена, въ среднемъ, на 20,9%; въ 1896-мъ году, когда наступилъ срокъ новаго арендnаго договора, арендная плата была вновь понижена, въ среднемъ, на 21%.

Въ результатѣ получилось, что арендаторы очутились въ положеніи собственниковъ, такъ какъ они имѣли возможность свободно располагать своими фермами и даже перепродавать ихъ. При перепродажѣ новые фермеры уплачивали старымъ крупныя суммы за фермерское право и, такимъ образомъ, вся выгода пониженія арендной платы досталась только старымъ фермерамъ. Регулированіе арендной платы фактически явилось экспропріаціей крупныхъ землевладѣльцевъ въ пользу ихъ арендаторовъ, которые стали фактически новыми собственниками. Неудивительно, поэтому, что такое положеніе дѣла было только переход-

ной стадіей и въ странѣ возникло движеніе въ пользу признанія за фермерами полнаго права собственности на землю. Законъ 1903 г. по шелъ навстрѣчу этому движенію и предоставилъ фермерамъ возможность на льготныхъ условіяхъ выкупать землю въ полную собственность чѣмъ они и поспѣшили широко воспользоваться.

Отсюда видно, что регулированіе арендной платы, по самому существу, есть переходная мѣра, которая неизбѣжно должна вести къ перемѣщенію земельной собственности въ другія руки—въ данномъ случаѣ, въ собственность фермеровъ. Не трудно понять, почему въ Ирландіи не возникло сильнаго движенія въ пользу національзаціи земли. Характерной особенностью Ирландіи является продолжающееся уже болѣе полустолѣтія паденіе численности населенія, благодаря огромной эмиграціи въ Америку. Земельная тѣснота въ Ирландіи не растетъ, а падаетъ, что создаетъ естественную тенденцію къ паденію и земельной ренты. При такомъ положеніи дѣла аграрный вопросъ Ирландіи сводился не къ расширенію землевладѣнія мелкихъ фермеровъ, а къ закрѣпленію за ними земли, которая состояла въ ихъ фактическомъ пользованіи, каковая цѣль всего лучше достигается выкупомъ этой земли въ ихъ собственность, что и произошло въ Ирландіи.

ЛИТЕРАТУРА.

Земельная рента вообще. Рикардо. Начала политической экономіи Thünen. Der isolierte Staat. 3 изд. 1875. Янсонъ. Значеніе теоріи ренты Рикардо. 1864. Rodbertus Zur Beleuchtung der socialen Frage Schäffle. Theorie der ausschliessenden Absatzverhältnisse. 1867. Behrens. Versuch einer kritischen Dogmengeschichte der Grundrente. 1868. Кэри. Руководство къ соціальной наукѣ, пер. съ анг. 1869. Cliffe Leslie. Landsystems. 1870. Вощининъ. Изложеніе и критическій разборъ важнѣйшихъ теорій ренты. 1882. Марксъ. Капиталъ. Т. III Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе. Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. Скворцевъ. Основы экономики земледѣлія. Essen. Das Gesetz des abnehmenden Bodenertrags seit Liebig. 1905.

Продовольственная аренда въ Россіи. Карышевъ. Крестьянская внѣнадѣльная аренда. 1892. Каблуковъ. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. 2 изд. 1908. Мануиловъ. Аренда земли въ Россіи и друг. статьи въ „Очеркахъ по крестьянскому вопросу". Вып. II. 1905. Брейеръ. Сдача и съемъ надѣльныхъ земель. (Въ томъ же сборникѣ). Косинскій. Къ аграрному вопросу. 1906. Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи.

Аренда въ Ирландіи и ирландское арендное законодательство. Мануиловъ. Аренда земли въ Ирландіи. 1895. M. Bonn. Die irische Agrarfrage. Archiv für Socialwisenschaft. T. XX. Туганъ-Барановскій. Земельная реформа. 1905.

Движеніе въ пользу земельной реформы. Wallace. Land nationalisation. 1882. Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Пер. съ англ. 1896. Его-же. Избранныя рѣчи и статьи. Пер. съ анг. 1905. Дамашке. Аграрная реформа. Пер. съ нѣм. 1907. М. Туганъ-Барановскій Земельная реформа.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ VIII.

1) Значеніе пространственнаго момента для возникновенія земельной ренты было разъяснено преимущественно Тюненомъ въ его знаменитой работѣ „Der isolierte Staat“ (перв. изд. 1826 г.). Тюненъ желаетъ изслѣдовать вліяніе пространственнаго момента въ наиболѣе чистомъ видѣ и для этого предполагаетъ „изолированное государство“, съ землей одинаковаго плодородія, въ центрѣ котораго помѣщается городъ, куда сбываются производимые въ государствѣ земледѣльческіе продукты. Поэтому, чѣмъ дальше отъ центральнаго города тотъ или иной районъ, тѣмъ ниже въ немъ цѣна земледѣльческихъ продуктовъ. Но не только земельная рента въ различныхъ районахъ оказывается при этомъ различна — и самая система сельскаго хозяйства должна быть различна въ зависимости отъ различій цѣны продукта. Въ непосредственной близости къ городу располагается районъ садовъ и огородовъ, производящихъ быстро портящіеся продукты. Земельная рента въ этомъ районѣ будетъ всего выше. Затѣмъ идетъ районъ лѣсного хозяйства, производящаго такой тяжелый, громоздкой продуктъ, какъ лѣсъ, не выдерживающій перевозки на большое разстояніе. Слѣдующій концентрическій поясъ характеризуется интенсивнымъ плодопеременнымъ хозяйствомъ. Въ болѣе отдаленныхъ поясахъ земледѣліе становится все менѣе интенсивнымъ, такъ какъ при низкой цѣнѣ продукта, обусловливаемой отдаленностью отъ мѣста сбыта, интенсивное земледѣліе не окупаетъ расходовъ—въ силу закона падающей производительности земледѣльческаго труда интенсивное земледѣліе возможно лишь при высокой цѣнѣ продукта. Наконецъ, за предѣлами земледѣлія, въ томъ районѣ, гдѣ и самое экстенсивное земледѣліе становится невозможнымъ въ виду высокой стоимости перевозки продукта и вытекающей отсюда низкой цѣны продукта, располагается поясъ скотоводства. См. Der isolierte Stat. 3 изд. 1875. T. I.

2) Законъ падающей производительности земледѣльческаго труда обыкновенно фигурируетъ подъ названіемъ закона падающей производительности почвы. Я называю этотъ законъ иначе въ виду того, что разсматриваю земледѣльческій продуктъ, слѣдуя своей общей точки зрѣнія на исключительную производительность труда, какъ продуктъ труда, а не почвы. Впервые этотъ законъ былъ установленъ Тюрго. (См. Oeuvres de Turgot. Изд. E. Daire. T. I. Стр. 420 и слѣд.), причемъ формулировка, данная Тюрго, была правильнѣе, чѣмъ послѣдующихъ писателей, напр. Мальтуса, который истолковалъ законъ въ томъ смыслѣ, что въ своемъ историческомъ развитіи земледѣльческій трудъ становится все менѣе производительнымъ. Послѣднее совершенно невѣрно и отнюдь не вытекаетъ изъ правильно понятаго закона падающей производительности земледѣльческаго труда: и въ томъ случаѣ, если бы исторически требовалась все меньшая и меньшая затрата труда на добычу того же количества земледѣльческаго продукта, законъ сохранялъ бы всю свою силу, такъ какъ при всякомъ данномъ уровнѣ техники послѣднія затраты земледѣльческаго труда, за извѣстнымъ предѣломъ, должны быть менѣе производительны, чѣмъ болѣе раннія. Тюрго чуждъ этого смѣшенія различій производительности земледѣльческаго труда

при данномъ уровнѣ техники и измѣненія самаго уровня техники. Объ этомъ законѣ см. также у David'a. Socialismus und Landwirtschaft. Стр. 612—621.

3) Своеобразіе земельной ренты среди другихъ видовъ общественнаго дохода заключается въ томъ, что земельная рента (капиталистическая) подчинена своему особому закону, стоящему внѣ и выше соціальной борьбы, между тѣмъ какъ распредѣленіе продукта между капиталистомъ и рабочимъ опредѣляется соціальной борьбой. Напротивъ, школа предѣльной полезности, принципіально отвергающая значеніе момента соціальной борьбы въ распредѣленіи народнаго дохода, стремится отыскать для прибыли и заработной платы естественные законы, подобные тѣмъ, какимъ подчинена земельная рента. „Законъ убывающей доходности земли—говоритъ, напр., Зелигманъ—универсаленъ и примѣнимъ ко всякой вещи, обладающей цѣнностью. Если этотъ законъ объясняетъ поземельный доходъ, то имъ... можно объяснить и процентъ на капиталъ и заработную плату" (Зелигманъ. Основы политической экономіи. Стр. 340). Законъ убывающей доходности кажется Зелигману не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ закона убывающей полезности единицъ продукта и имѣющимъ такое же универсальное значеніе. Это, однако, совершенно невѣрно. И въ земледѣліи падающая производительность далеко не представляетъ собой всеобщаго закона, такъ какъ явленіе это начинаетъ обнаруживаться лишь *за извѣстнымъ предѣломъ*: если земли имѣется въ избыткѣ, то нѣтъ никакой естественной необходимости для земледѣльца доводить обработку ея дальше того предѣла, за которымъ производительность земледѣльческаго труда начинаетъ падать. Поэтому земельная рента возникаетъ лишь при извѣстной степени земельной тѣсноты. Что же касается до обрабатывающей промышленности, то здѣсь, при нормальныхъ условіяхъ, никакого закона убывающей доходности не проявляется. Шитье лишняго сюртука или обработка лишняго пуда желѣза вовсе не требуютъ большей затраты труда, чѣмъ шитье предшествующаго сюртука или обработка предшествующаго пуда желѣза. Работая надъ матеріаломъ и въ обстановкѣ, создаваемыми его трудомъ, человѣкъ не сталкивается съ ограниченностью силъ природы—эта ограниченность даетъ себя чувствовать на болѣе ранней стадіи процесса производства, на добычѣ сырья. Расширеніе производства на фабрикѣ вовсе не приводитъ къ паденію производительности на ней труда (какъ это вытекаетъ изъ „универсальнаго закона", изобрѣтеннаго Зелигманомъ), а, наоборотъ, обычно увеличиваетъ производительность труда, благодаря техническимъ выгодамъ крупнаго производства. Если проводить аналогію между земледѣльческимъ и промышленнымъ производствомъ, то промышленное производство слѣдуетъ признать сходнымъ съ земледѣльческимъ производствомъ на той стадіи, когда до предѣла, за которымъ слѣдуетъ паденіе производительности труда, еще далеко, и каждая послѣдующая трудовая затрата приводитъ не къ паденію, а къ повышенію производительности. Вообще же все это стремленіе искать естественные законы прибыли и заработной платы по аналогіи съ естественнымъ закономъ земельной ренты въ высшей степени не научно и указываетъ лишь на непониманіе отличій земельной ренты отъ прибыли и заработной платы.

4) „Не можетъ быть сомнѣнія, что въ настоящее время благодаря прогрессу науки и техники въ земледѣліи возможно съ той же затратой труда произвести большее количество продукта, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ“ David. Socialismus und Landwirtschaft, 644.

5) Rodbertus. Zur Beleuchtung der socialen Frage. Изд. 1875. Особенно III соціальное письмо къ Кирхману.

6) Ср. Böhm-Bawerk. Kritische Geschichte der Kapitalzinstheorien 485 и слѣд.

7) Schmoller, Grundriss, II. стр. 442, 443.

8) „Все заставляетъ думать—писалъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—что мы находимся наканунѣ новой эпохи въ области аграрныхъ отношеній, новаго подъема земледѣлія, подъ вліяніемъ повышенія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ. Аграрный кризисъ западной Европы приходитъ къ концу—за самые послѣдніе годы почти повсемѣстно наблюдаются признаки подъема земледѣльческаго хозяйства и, соотвѣтственно этому, подъема земельной ренты и земельныхъ цѣнъ“ (Земельная реформа. 1905. Стр. 107). Высокій уровень хлѣбныхъ цѣнъ за послѣдніе два года является подтвержденіемъ этого. На то же указывалъ недавно и П. Б. Струве въ докладѣ, прочитанномъ въ февралѣ 1909 г. въ В. Э. О-вѣ и посвященномъ доказательству тезиса, что въ „новую экономическую эпоху“ мы уже вступили.

9) О движеніи въ пользу земельной реформы см. мою книгу „Націонализація земли“ 1906 г.

10) А. А. Мануиловъ. Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи. Очерки по крестьянскому вопросу. Выпускъ II. 1905. Стр. 75.

11) См. „Сводъ данныхъ о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 15 лѣтъ 1886—1900“ Изд. Полтавскаго губернскаго земства.

12) Обо всемъ этомъ см. цитированную интересную работу А. А. Мануилова.

ГЛАВА IX.

Движеніе общественнаго дохода въ цѣломъ.

Взгляды Родбертуса и Маркса. Движеніе общественнаго дохода въ Саксоніи и Пруссіи. Ростъ богатыхъ классовъ. Новый средній классъ. Англійскія данныя.

Родбертусъ и Марксъ думали, что развитіе капиталистическаго хозяйства сопровождается одновременнымъ ростомъ богатства и нищеты. „Общество,—писалъ, напр. Родбертусъ,—все болѣе и болѣе развивается въ противоположныхъ направленіяхъ. Все возрастающая неимущая масса внизу! Все болѣе накопляющая огромныя богатства относительно сокращающаяся небольшая группа наверху! Соединяющіе эти противоположности, промежуточные, примирительные классы въ быстромъ паденіи и по своей численности и по своему доходу“ [1]). Пользуясь данными англійскаго статистика Бакстера, относящимися къ 1867 г., Родбертусъ далъ слѣдующій рисунокъ соціальнаго сложенія англійскаго общества. Внизу, на самыхъ низахъ, залегаетъ какъ бы придавленный тяжестью соціальнаго зданія толстый пластъ пауперовъ, нищихъ, безполезныхъ элементовъ для общества, содержимыхъ на его счетъ въ состояніи крайней скудости и нужды. На нихъ приходилось въ 1867 г. около 10% населенія Соединеннаго Королевства. Затѣмъ возвышается мощный фундаментъ, въ которомъ сосредоточивается истинная сила націи—классъ рабочихъ, которыхъ Родбертусъ изображаетъ трудолюбивыми муравьями, питающими остальные классы общества и воздвигающими своимъ трудомъ національное зданіе. Этотъ классъ составлялъ, вмѣстѣ съ пауперами, около 77% всего населенія, но на его долю приходилось только 40% національнаго дохода. На долю имущихъ классовъ съ небольшимъ доходомъ (отъ 60 до 300 ф. с.

въ годъ) приходилось 22% населенія съ 24% дохода; имущіе классы со среднимъ доходомъ (отъ 300 до 1000 ф. с.) охватывали немногимъ болѣе 1% населенія съ доходомъ свыше 10% національнаго дохода. Эти столь слабо развитые средніе классы современнаго общества Родбертусъ изображаетъ въ видѣ узкой подставки, поддерживающей золотой мѣшокъ—богатые классы, составляющіе по своей численности совершенно ничтожную группу въ нѣсколько десятковъ тысячъ семействъ, но сосредоточивающіе въ своихъ рукахъ около 26% національнаго дохода.

Капиталистическое развитіе неизбѣжно приводитъ, думалъ Родбертусъ, къ тому, что общество все больше и больше удаляется, по своему сложенію, отъ типа пирамиды, въ которой размѣры послѣдовательныхъ пластовъ равномѣрно убываютъ по мѣрѣ восхожденія кверху, и все больше и больше приближается къ фигурѣ осы, съ тонкимъ стебелькомъ среднихъ классовъ, соединяющихъ собой соціальныя противоположности пролетаріата и богатыхъ классовъ.

Совершенно такова была точка зрѣнія и Маркса. „Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ,—писалъ онъ,—увеличивается масса нищеты, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплоатаціи, но, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталистическаго способа производства“ [2]). Численное сокращеніе капиталистическаго класса должно, по мнѣнію Маркса, облегчить побѣду пролетаріата въ грядущей соціальной революціи—дѣло будетъ идти лишь объ „экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народными массами“.

Каковъ же дѣйствительный ходъ капиталистическаго развитія? Наблюдается ли относительное сокращеніе среднихъ группъ доходовъ, ростъ малыхъ доходовъ и уменьшеніе численности капиталистическаго класса? Правда, развитіе капиталистическаго хозяйства приводитъ къ аккумуляціи капитала и концентраціи промышленности. Но концентрація производства совершенно иное, чѣмъ концентрація дохода. Промышленныя предпріятія могутъ становиться крупнѣе и крупнѣе, число ихъ относительно сокращаться благодаря сліянію нѣсколькихъ предпріятій въ одно и въ то же время число лицъ, получающихъ крупные доходы, можетъ абсолютно и относительно увеличиваться. Ростъ акціонерныхъ предпріятій дѣлаетъ возможнымъ увеличеніе числа капиталистовъ при одновременномъ сокращеніи числа капиталистическихъ предпріятій. Вытѣсненіе мелкой промышленности и торговли

крупной знаменуетъ собой пролетаризацію населенія. Но пролетаризація населенія не равносильна его обнищанію: доходъ наемнаго рабочаго можетъ не уступать или даже превышать доходъ мелкаго самостоятельнаго хозяина.

Единственнымъ опорнымъ пунктомъ для рѣшенія столь же важнаго, сколько и труднаго вопроса относительно направленія движенія общественнаго дохода, являются статистическія данныя подоходнаго налога. Къ сожалѣнію, данныя подоходнаго налога въ Англіи не даютъ возможности установить численность лицъ, получающихъ доходъ опредѣленной величины. Для Германіи такія данныя имѣются.

Эти данныя показываютъ, прежде всего, что число богатыхъ *не только не уменьшается*, какъ думалъ Марксъ, а *быстро растетъ*. „Гдѣ бы ни проводить границу,—справедливо говоритъ Зомбартъ,—на 10000, 20000, 50000, 100000 марокъ дохода, вездѣ мы приходимъ къ результату, что лица съ такимъ доходомъ увеличиваются въ своей численности быстрѣе, чѣмъ какая либо другая группа получающихъ доходъ“ [3]). Число милліонеровъ не сокращается, а во всѣхъ капиталистическихъ странахъ увеличивается съ удивительной быстротой.

Высшія группы доходовъ растутъ значительно быстрѣе, чѣмъ среднія, и притомъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ выше доходъ. Вотъ, напр., данныя для Пруссіи [4]).

Доходы (въ маркахъ).

3000—6000	6000—9600	9600—28800	28800—100000	свыше 100000
увеличеніе за 1870—1902 гг. въ % числа лицъ, получающихъ соотвѣтствующій доходъ.				
284	345	487	591	1288

Точно также совершенно невѣрно мнѣніе Родбертуса и Маркса, что средніе классы населенія *уменьшаются* по своей численности. Наоборотъ, въ новѣйшее время и эти классы *растутъ значительно быстрѣе населенія, хотя и не столь быстро, какъ богатые классы*. Вотъ, напр., какъ увеличивалось въ Пруссіи число лицъ съ доходомъ въ 3000 марокъ и выше [5]):

1873 г.	1894 г.	1902 г.
123.284	319.317	449.741

Наконецъ, что касается бѣднѣйшихъ классовъ общества, то по отношенію ко всему населенію они по своей численности падаютъ. Такъ, напр., въ Саксоніи лица съ доходомъ ниже 800 марокъ составляли въ процентахъ ко всему населенію:

1879	1894	1904
76,9	65,3	54,8

Въ Пруссіи число получающихъ ниже 900 марокъ составляло въ 1896 г. 70,7%, а въ 1906 г. только 61,7% всего населенія [6]).

Въ общемъ, распредѣленіе дохода измѣнилось въ Пруссіи за 1853—82 г. слѣдующимъ образомъ [7]):

Число лицъ, получающихъ соотвѣтствующій доходъ, въ % ко всему числу лицъ, получающихъ доходы:

	до 900 марокъ	900—3000	свыше 3000
1853	83	16,1	0,9
1882	71,6	24,9	3,5

За новѣйшее время о характерѣ происшедшихъ измѣненій въ распредѣленіи дохода въ Пруссіи можно судить по слѣдующимъ даннымъ [8]):

		Число лицъ (въ тысячахъ), получающихъ соотвѣтствующій доходъ. 1893 г.	1902 г.	Приростъ въ %
Доходы	900— 3000 марокъ	2118	3310	56
„	3000— 6000 „	204	291	43
„	6000— 9500 „	55	77	
„	9500— 30500 „	46	64	39
„	30500—100000 „	9	13	44
свыше	100000 „	1,6	2,7	69

Быстрѣе всего возросло число милліонеровъ. Средніе классы возросли по своей численности больше населенія, но менѣе, чѣмъ группа лицъ, имѣющихъ дохода 900—3000 марокъ, и соотвѣтствующая среднимъ и высшимъ слоямъ рабочихъ классовъ и служащихъ. Относительно понизилось число лицъ, получающихъ менѣе 900 марокъ дохода—наиболѣе бѣдныхъ слоевъ населенія.

Правда, не нужно упускать изъ виду, что общее повышеніе денежнаго дохода, которое, несомнѣнно, наблюдается по отно-

шенію почти ко всѣмъ слоямъ населенія, отчасти зависитъ отъ вздорожанія жизни. Во всякомъ случаѣ, реальная картина измѣненія дохода различныхъ группъ населенія совершенно не походитъ на ту, которую рисовали Родбертусъ и Марксъ.

Но если среднія группы доходовъ далеко не сокращаются по своей численности и суммѣ дохода, а, напротивъ, быстро растутъ, то по своему соціальному составу среднія группы испытываютъ глубокое измѣненіе. Мѣсто прежнихъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей и торговцевъ заступаютъ высшіе слои пролетаріата. Такимъ образомъ, ростъ среднихъ классовъ идетъ одновременно съ растущей пролетаризаціей населенія.

Доходы пролетаріата растутъ, но это не обозначаетъ собой уменьшенія эксплоатаціи рабочаго капиталистомъ. Напротивъ, можно думать, что степень капиталистической эксплоатаціи рабочаго не только не падаетъ, а скорѣе увеличивается. Получая все болѣе значительный денежный доходъ, рабочій сохраняетъ за собой все меньшую долю создаваемаго имъ продукта. Вотъ, напр., результаты, къ которымъ приходитъ такой тщательный изслѣдователь, какъ Боули [9]):

	Общая сумма заработной платы въ Соединенномъ Королевствѣ.	Доходъ остальныхъ классовъ населенія.	Доходы нерабочихъ классовъ въ % по отношенію къ доходамъ рабочихъ классовъ.
	(въ милліонахъ ф. с.)		
1860	392	440	112
1866	464	566	122
1870	486	606	125
1874	609	735	121
1877	591	782	132
1880	567	778	137
1883	609	818	134
1886	605	840	138
1891	699	912	130

Доходъ рабочаго класса, правда, растетъ, но растетъ слабѣе доходовъ другихъ общественныхъ классовъ. Пропасть между рабочимъ и капиталистомъ не исчезаетъ, а становится все глубже—разстояніе между рабочимъ и капиталистомъ увеличивается.

ЛИТЕРАТУРА.

Dudley Baxter. National Income. 1868. Rodbertus. Zur Beleuchtung der socialen Frage. Theil II. 1885. Марксъ. Капиталъ. Т. I. Giffen. The Progress of the Working classes in the last half-century. Essays in Finance. Second Series. 1890. Bowley. Changes in Average Wages in the United Kingdom. Journal of the Royal Statistical Society. T. 58. Bernstein. Die Voraussetzungen des Socialismus. Пер. изд. 1898 (нѣсколько русск. перев.) Kautsky. Bernstein und das socialdemokratische Programm (русск. перев.) Nitshke. Einkommen und Vermögen in Preussen. 1902. A. Wagner. Zur Methodik der Statistik des Volkseinkommens und Volksvermögens. Zeitschrift des königlichen preussischen statistischen Bureaus. 1904. Курсы Шмоллера и Филипповича.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ IX.

1) Rodbertus. Zur Beleuchtung der socialen Frage. Theil II. Стр. 88.

2) Марксъ. Капиталъ. Т. I. Стр. 645—646.

3) Sombart. Socialismus und sociale Bewegung. 5 изд. 1905. Стр. 85—86.

4) A. Wagner. Zur Methodik der Statistik des Volkseinkommens und Volksvermögens. (Zeitschrift des königlichen preussischen statistischen Bureaus, 1904).

5) Schmoller, Grundriss, II, 460.

6) Philippovich, Grundriss, I, 343.

7) A. Wagner, цитир. соч. стр. 81.

8) Schmoller, Grundriss, II, 461.

9) Bowley. Changes in Average Wages in the United Kingdom. Journal of the Royal Statistical Society. T. 58. стр. 248.

Отдѣлъ V.

Капиталистическое хозяйство въ цѣломъ.

ГЛАВА I.

Круговоротъ общественнаго капитала и теорія рынка.

Круговоротъ общественнаго капитала. Товарная, денежная и производственная формы капитала. Рынокъ. Огромная роль рынка въ современномъ хозяйствѣ. Проблема рынка. II. Теорія рынка классической школы. Взгляды Сэ. Товары обмѣниваются на товары. Тезисъ Смита о распаденіи цѣнности общественнаго продукта на элементы общественнаго дохода. Ученіе о накопленіи капитала Смита и Рикардо. Непонятность фактовъ капиталистическаго развитія съ точки зрѣнія этой теоріи. III. Теорія рынка Сисмонди. Сущность ея. Избыточный продуктъ. Внѣшній рынокъ. Взгляды Маркса и его школы. Сильныя и слабыя стороны теоріи Сисмонди. IV. Разрѣшеніе проблемы рынка. Почему это разрѣшеніе не удавалось экономической наукѣ. Методъ разсмотрѣнія цѣлаго общественнаго хозяйства. Кенэ. Марксъ. Схемы воспроизводства общественнаго капитала въ тѣхъ же самыхъ и расширяющихся размѣрахъ. Накопленіе капитала. V. Парадоксы капиталистическаго хозяйства. Ростъ общественнаго производства при сокращеніи общественнаго дохода. На какой почвѣ возникаютъ эти парадоксы. Капитализмъ, какъ антагонистическая система хозяйства. Цѣль и средство въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства. VI. Эластичная повязка капитализма. VII. Фактическая повѣрка теоріи рынка. Сокращеніе доли населенія, занятаго производствомъ предметовъ потребленія. Внутренній и внѣшній рынокъ въ капиталистическихъ странахъ. Почему необходимъ внѣшній рынокъ? Возрастающее значеніе внутренняго рынка. Колоніи. Предметы англійскаго вывоза. VIII. Международное передвиженіе капитала и рынокъ въ молодыхъ капиталистическихъ странахъ. Чѣмъ вызывается международное передвиженіе капитала. Различія уровня прибыли. Болѣе благопріятныя условія рынка въ молодыхъ капиталистическихъ странахъ. Россія. Крестьянское потребленіе и рынокъ для русской капиталистической промышленности. Дополнительныя замѣчанія Теорія рынка и марксизмъ.

Продукты производятся въ капиталистическомъ хозяйствѣ не для собственнаго потребленія, а для сбыта. Если продуктъ не находитъ себѣ сбыта, то капиталистъ не только не полу-

чаетъ прибыли, но теряетъ и свой капиталъ. Для возможности возстановленія послѣдняго требуется безостановочный сбытъ продуктовъ капиталистическаго производства; если этотъ сбытъ по какой либо причинѣ пріостанавливается на болѣе или менѣе продолжительное время, то, по необходимости, пріостанавливается и капиталистическое производство.

Такимъ образомъ, процессъ капиталистическаго производства предполагаетъ постоянную смѣну формъ общественнаго капитала. Эта смѣна формъ общественнаго капитала образуетъ собой круговоротъ общественнаго капитала. Если мы начнемъ этотъ круговоротъ съ того момента, когда товары поступаютъ въ продажу, то первымъ актомъ названнаго круговорота будетъ превращеніе товаровъ въ деньги: товарный капиталъ превращается въ денежный. Затѣмъ слѣдуетъ второй актъ— превращеніе денегъ въ предметы, необходимые для возобновленія производства: на деньги, вырученныя отъ продажи изготовленныхъ продуктовъ, капиталистъ закупаетъ средства производства и рабочую силу. Но такъ какъ въ цѣнности товаровъ, создаваемыхъ въ процессѣ капиталистическаго производства, содержится и прибавочная цѣнность, то извѣстная доля ихъ цѣнности превращается не въ средства дальнѣйшаго капиталистическаго производства, а въ предметы потребленія капиталистическаго класса. Эта часть цѣнности произведенныхъ товаровъ заканчиваетъ свое обращеніе обратнымъ превращеніемъ въ товары, переходящіе въ потребленіе капиталистическаго класса. Напротивъ, та часть цѣнности, которая превратилась въ средства производства и рабочую силу, продолжаетъ свой круговоротъ; въ процессѣ производства она превращается въ новые товары, причемъ создается прибавочная цѣнность и этимъ заканчивается круговоротъ капитала, чтобы опять возобновиться въ томъ же видѣ.

Весь этотъ процессъ можетъ быть схематически изображенъ слѣдующимъ образомъ: [1])

$$\begin{array}{ccccccc} Т & — & Д & — & \overset{С}{\underset{Р}{\cdot\cdot}} & \cdot\cdot\ П & \ldots\ Т \\ + & & + & & & & + \\ т & — & д & — & т & & т \end{array}$$

Т выражаетъ собой цѣнность той части товаровъ, которая возстановляетъ собой израсходованный въ процессѣ производства капиталъ, т—ту часть цѣнности товаровъ, которая соотвѣтствуетъ прибавочной цѣнности; тѣ же самыя части цѣнности,

превращенныя въ деньги, выражается буквами Д и д. Буквы С и Р выражаютъ собой цѣнность средствъ производства и рабочей силы. Буква П и ряды точекъ выражаютъ собой процессъ производства.

Верхній рядъ буквъ схематизируетъ круговоротъ самаго капитала, нижній—круговоротъ создаваемой въ процессѣ капиталистическаго производства прибавочной цѣнности. Верхній рядъ буквъ показываетъ, какъ товарный капиталъ превращается въ денежный, затѣмъ въ средства производства и рабочую силу, послѣ чего слѣдуетъ процессъ производства, въ результатѣ котораго возстановляется въ товарномъ видѣ затраченный капиталъ и создается прибавочная цѣнность. Нижній рядъ буквъ показываетъ круговращеніе прибавочной цѣнности. Возникши въ товарномъ видѣ, прибавочная цѣнность принимаетъ денежную форму и затѣмъ опять превращается въ товары, потребляемые капиталистами.

Такимъ образомъ, въ процессѣ своего круговорота общественный капиталъ появляется послѣдовательно въ трехъ различныхъ формахъ—въ формѣ товарнаго, денежнаго и производственнаго капитала. Въ процессѣ производства капиталъ измѣняетъ свою матеріальную форму, но не мѣняетъ своего владѣльца: тотъ же самый капиталистъ, который пріобрѣлъ въ свое распоряженіе рабочую силу и средства производства, руководитъ и процессомъ превращенія средствъ производства въ новые продукты, долженствующіе затѣмъ перейти въ обмѣнъ. Но въ процессѣ превращенія товарнаго капитала въ денежный и денежнаго въ производственный происходитъ перемѣщеніе капитала изъ рукъ одного владѣльца въ руки другого.

Изъ этихъ двухъ актовъ—продажи и покупки—покупка не представляетъ по условіямъ капиталистическаго хозяйства никакихъ трудностей. Лишь были бы деньги, а купить товары легко.

Иное слѣдуетъ сказать о другомъ актѣ круговращенія капитала—продажѣ. Продать въ капиталистическомъ хозяйствѣ гораздо труднѣе, чѣмъ купить. Совокупность пунктовъ сбыта даннаго товара называется его рынкомъ. Характернѣйшей особенностью капиталистическаго хозяйства является то, что рынокъ для каждаго товара, какъ общее правило, заполненъ и даже переполненъ предложеніемъ. Только временно предложеніе товаровъ можетъ, при современныхъ условіяхъ хозяйства, отстать отъ спроса. Напротивъ, избытокъ предложенія товаровъ, сравнительно со спросомъ на нихъ, не только не представляетъ собой рѣдкаго явленія совре-

менаго хозяйственнаго строя, а является общимъ правиломъ. Обычное, нормальное состояніе товарнаго рынка характеризуется въ наше время трудностью сбыта товаровъ вслѣдствіе крайняго переполненія рынка товарами.

Отсюда возникаетъ борьба за рынокъ, составляющая столь выдающуюся особенность хозяйственной жизни нашего времени.

При условіяхъ капиталистическаго хозяйства трудность заключается не въ томъ, чтобы произвести товаръ, а въ томъ-чтобы его сбыть, найти для него рынокъ. Эта вторая задача по своей важности совершенно оттѣснила на задній планъ первую. Извѣстно, какъ сложна организація сбыта въ наше время, какія усилія долженъ дѣлать каждый предприниматель, чтобы втолкнуть свой товаръ въ густую толпу всевозможныхъ товаровъ, переполняющихъ рынокъ. Предложеніе, какъ общее правило, всегда идетъ впереди спроса, обгоняетъ его, и товаропроизводитель готовъ пойти на что угодно, лишь бы стимулировать спросъ. Современный предприниматель создалъ сложную сѣть торговаго посредничества, экономическое значеніе которой трудно преувеличить. Эта сѣть, какъ паутина, охватила своими петлями весь міръ. Всякая крупная фирма располагаетъ многочисленными агентами, осѣдлыми и странствующими, исключительно занятыми пріисканіемъ покупателей или заказчиковъ для товаровъ фирмы. Если мы прибавимъ къ сѣти частнохозяйственныхъ посредниковъ разнообразныя общественныя предпріятія и учрежденія, спеціально существующія для пріисканія рынковъ для товаровъ— консульскія агентства за границей, мѣстныя, національныя и международныя выставки, торговые музеи, всевозможныя общества развитія торговли, экспорта и т. д. и т. д., то намъ будетъ ясно, какую огромную, подавляющую роль въ современномъ хозяйствѣ играетъ организація товарнаго сбыта — иначе говоря, рынокъ.

Рынокъ — это узелъ, гдѣ сплетаются нити современной хозяйственной жизни. Рынокъ управляетъ производствомъ, а не производство управляетъ рынкомъ, — таково непосредственное впечатлѣніе, производимое строемъ капиталистическаго хозяйства. Капиталистическое хозяйство располагаетъ огромнымъ запасомъ производительныхъ силъ, только часть которыхъ находитъ себѣ примѣненіе. Всякая капиталистическая страна во всякое время могла бы значительно расширить свое производство, если бы нашли себѣ примѣненіе всѣ ея производительныя силы. Что же мѣшаетъ такому примѣненію, что задерживаетъ ростъ общественнаго производства въ капиталистическомъ хозяйствѣ? Не

что иное, какъ трудность найти сбытъ для производимыхъ товаровъ, иначе говоря, недостатокъ рынка. Рынокъ является, такимъ образомъ, центральной силой, управляющей всѣмъ капиталистическимъ хозяйствомъ, а недостатокъ его, постоянно чувствуемый капиталистическимъ производствомъ, эластичной повязкой, задерживающей развитіе послѣдняго.

На какой же почвѣ возникаетъ этотъ недостатокъ рынка, эта трудность сбыта товаровъ, благодаря чему капиталистическое производство всегда напираетъ на рынокъ, всегда стремится произвести болѣе, чѣмъ допускаетъ рынокъ? Въ этомъ и заключается важная и трудная проблема рынка, разрѣшеніе которой долгое время было не подъ силу экономической наукѣ.

II.

Проблема рынка была впервые поставлена въ наукѣ однимъ изъ самыхъ слабыхъ теоретиковъ политической экономіи, Ж. Б. Сэ, совершенно лишеннымъ способности теоретическаго углубленія, всегда скользившимъ лишь по поверхности явленій. Объясняется это тѣмъ, что центральная идея теоріи рынка крайне проста и элементарна, и вся трудность заключается въ пониманіи логическихъ выводовъ изъ этой идеи, въ объясненіи съ ея точки зрѣнія конкретныхъ фактовъ капиталистическаго развитія. Обыкновенно думаютъ, что роскошь богатыхъ классовъ, такъ назыв. непроизводительное потребленіе, исполняетъ необходимую функцію въ народномъ хозяйствѣ, поддерживая общественный спросъ на продукты, создавая рынокъ. Это мнѣніе Сэ признаетъ ошибочнымъ и противопоставляетъ ему свой собственный тезисъ, что „каждый продуктъ находитъ тѣмъ болѣе покупателей, чѣмъ болѣе растетъ количество остальныхъ продуктовъ“ [2]), ибо, чтобы купить продуктъ, нужно какой либо другой продуктъ продать. Товары, въ концѣ концовъ, обмѣниваются на товары, а деньги—простой посредникъ мѣноваго акта. Обычная точка зрѣнія предполагаетъ, что безъ непроизводительнаго потребленія извѣстная часть товаровъ не найдетъ рынка за отсутствіемъ покупателей, товары окажутся произведенными въ избыткѣ, общественное предложеніе превыситъ спросъ. Но развѣ возможно нѣчто подобное? Уже одинъ тотъ фактъ, что данное лицо производитъ товаръ, свидѣтельствуетъ, что у него имѣются какія-то неудовлетворенныя потребности—иначе, зачѣмъ бы оно стало заниматься производствомъ? Каждый

товаръ несетъ съ собой спросъ на другіе товары; рынокъ для каждаго товара создается не чѣмъ инымъ, какъ другими товарами же. Товары могутъ производиться не тѣ, которые требуются рынкомъ (и въ такомъ случаѣ требуется измѣнить распредѣленіе общественнаго производства), но такого положенія вещей, при которомъ совокупное предложеніе всѣхъ товаровъ превысило бы совокупный общественный спросъ на товары, быть не можетъ. Если предложеніе одного товара превышаетъ общественный спросъ, это значитъ, что предложеніе другого товара не достигаетъ общественнаго спроса.

Въ этомъ и заключалась сущность теоріи рынка Сэ. Крайне любопытна судьба этой теоріи. Она обратила на себя общее вниманіе и вызвала оживленную полемику. Въ результатѣ этой полемики (главнымъ образомъ, съ Мальтусомъ) Сэ далъ несравненно болѣе обширное изложеніе своей теоріи (на сотняхъ страницъ вмѣсто прежнихъ нѣсколькихъ страницъ), но это болѣе обширное изложеніе теоріи было замаскированнымъ отказомъ отъ нея. Сэ оказался не въ силахъ возразить противъ аргументовъ Мальтуса, доказывавшаго возможность общаго превышенія предложенія товаровъ сравнительно со спросомъ на нихъ (такъ назыв. общаго товарнаго перепроизводства) и призналъ, что не только непропорціональное распредѣленіе общественнаго производства, но и недостатокъ общественнаго спроса можетъ дѣлать невозможнымъ сбытъ части товаровъ. Иными словами, Сэ самъ отказался отъ теоріи, которая составила его славу[3]).

Однако, отказъ Сэ отъ его теоріи рынка не помѣшалъ тому, что вся школа Рикардо, со своимъ учителемъ во главѣ, твердо отстаивала первоначальное утвержденіе Сэ, что общественный спросъ создается самимъ производствомъ, производство само создаетъ себѣ рынокъ. Аргументація школы Рикардо покоилась на опредѣленномъ представленіи о процессѣ накопленія капитала. Именно накопленіе капитала и должно вызывать, по обычному мнѣнію, общее перепроизводство, такъ какъ при этомъ капиталистъ сберегаетъ часть своихъ средствъ и не расходуетъ ихъ на свое личное потребленіе. Этому мнѣнію еще Смитъ противопоставилъ тезисъ, что „общая масса годовой производительности земли и труда каждой страны, или, что то же, общая сумма ихъ цѣнности, разбивается на три части: поземельную ренту, заработную плату и прибыль на капиталъ и составляетъ доходъ трехъ различныхъ классовъ населенія“[4]). Этотъ тезисъ Смитъ повторяетъ много разъ, какъ нѣчто совершенно очевидное и безспорное. Точно также и Рикардо говоритъ, почти тѣми же сло-

вами, что „весь продуктъ почвы и труда каждой страны раздѣляется на три части: одна изъ нихъ посвящается на задѣльную плату, другая на прибыль и третья на ренту“ [5]).

Изъ этого тезиса непосредственно вытекаетъ, что накопленіе капитала нисколько не уменьшаетъ потребительнаго спроса. „То, что ежегодно сберегается,—говоритъ Смитъ,—такъ же правильно потребляется, какъ и то, что ежегодно расходуется, и даже почти въ тотъ же промежутокъ времени, только другимъ классомъ людей. Та часть годового дохода, которая ежегодно расходуется человѣкомъ, потребляется чаще всего безполезными людьми и прислугой, которые ничего не создаютъ взамѣнъ того, что потребляется ими. Но часть, ежегодно сберегаемая имъ и поступающая въ капиталъ, чтобы приносить пользу, тоже потребляется почти такъ же быстро, какъ и первая, но другимъ классомъ людей, работниками, фабрикантами и ремесленниками, которые воспроизводятъ съ прибылью то, что ежегодно потребляется ими“ [6]). Такъ же представляетъ себѣ процессъ накопленія капитала и Рикардо. „Не слѣдуетъ упускать изъ виду,—замѣчаетъ онъ,—что потребляется все производство страны; но составляетъ огромнѣйшую разницу, которую только можно себѣ представить, потребляется ли оно тѣми, кто производитъ, или тѣми, кто не воспроизводитъ его цѣнности. Когда мы говоримъ, что доходъ сбереженъ и присоединенъ къ капиталу, то мы думаемъ при этомъ, что часть дохода, о которой говорятъ, что она присоединена къ капиталу, потребляется, вмѣсто непроизводительныхъ, производительными рабочими“ [7]).

Итакъ, накопленіе капитала является не чѣмъ инымъ, какъ потребленіемъ капитала рабочими, занятыми въ процессѣ производства. Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно, почему накопленіе капитала, какъ быстро бы оно ни шло, никогда не можетъ вызвать превышенія общественнаго производства сравнительно съ общественнымъ потребленіемъ, превышенія предложенія сравнительно со спросомъ: при накопленіи капитала размѣры общественнаго потребленія нисколько не сокращаются, а только потребленіе одного общественнаго класса заступаетъ мѣсто другого.

Въ такомъ же видѣ рисовался процессъ накопленія капитала и Д. С. Миллю, равно какъ и вообще всей школѣ Рикардо. Теорія рынка Сэ, утверждавшая невозможность общаго перепроизводства, получила, такимъ образомъ, теоретическое обоснованіе

въ ученіи о капиталѣ, основаніе которому было положено Смитомъ [8]).

Такова была аргументація сторонниковъ теоріи рынка Сэ, аргументація, сводившаяся къ утвержденію, что накопленіе капитала есть умноженіе доходовъ рабочаго класса. Но съ точки зрѣнія этой теоріи былъ непонятенъ цѣлый рядъ фактовъ капиталистическаго хозяйства—и, прежде всего, обнищаніе въ 19 вѣкѣ народныхъ массъ одновременно съ ростомъ народнаго богатства. Если накопленіе капитала равнозначуще превращенію имущества капиталиста въ заработную плату, то чѣмъ быстрѣе идетъ накопленіе капитала, тѣмъ большая доля національнаго богатства должна переходить въ распоряженіе рабочаго класса. Но никто не отрицаетъ, что въ 19 вѣкѣ накопленіе капитала шло гораздо энергичнѣе, чѣмъ когда либо раньше. Согласно теоріи школы Рикардо, это должно было вызвать превращеніе въ заработную плату соотвѣтственно болѣе значительной доли національнаго богатства. Нужно было ожидать, такимъ образомъ, чрезвычайнаго подъема благосостоянія рабочаго класса. Однако, первая половина 19 вѣка характеризовалась не подъемомъ, а паденіемъ уровня жизни рабочаго класса—и именно въ той странѣ, въ которой капиталъ накоплялся всего быстрѣе, въ Англіи. Это очевиднѣйшимъ образомъ противорѣчило ученію школы Рикардо.

Не менѣе непонятна была, съ точки зрѣнія этого ученія, другая характерная особенность развивающагося капиталистическаго хозяйства—періодичность промышленныхъ кризисовъ. Въ первыя десятилѣтія 19 вѣка, когда промышленные кризисы повторялись безъ большой правильности, можно было думать, что они объясняются случайными разстройствами товарнаго обращенія, напр. войнами; но когда обнаружилось, что каждое десятилѣтіе Англія переживаетъ тяжелый промышленный кризисъ, и всѣ способы борьбы съ ними оказались безуспѣшными, тогда потребовалась уже теорія кризисовъ, объясненіе ихъ закономѣрности въ современномъ хозяйственномъ строѣ. Теорія же рынка классической школы, отрицавшая возможность общаго перепроизводства товаровъ — отличительной черты всякаго промышленнаго кризиса, — не только не могла дать объясненія необходимости и періодичности промышленныхъ кризисовъ, но даже была склонна отрицать наличность послѣдней. Именно эта бросавшаяся въ глаза слабость данной теоріи — ея неспособность объяснить реальные факты капиталистическаго хозяйства—и повела къ тому, что въ экономической наукѣ водворилась противоположная теорія рынка, господствующая и въ на-

стоящее время. Эта послѣдняя теорія всего полнѣе была развита Сисмонди.

III.

Подобно тому, какъ спросъ отдѣльнаго лица опредѣляется его доходомъ, говоритъ Сисмонди, такъ и весь общественный спросъ опредѣляется общей суммой общественнаго дохода, ибо общество есть аггрегатъ индивидовъ. Но развитіе капиталистическаго хозяйства ведетъ къ тому, что общественный доходъ растетъ гораздо слабѣе роста производства. Заработная плата не возрастаетъ, а даже падаетъ. Падаютъ доходы и мелкихъ самостоятельныхъ производителей. Что касается доходовъ капиталистическаго класса, да и эти доходы не растутъ пропорціонально росту производства, такъ какъ съ ростомъ послѣдняго капиталисту все труднѣе найти сбытъ для своихъ товаровъ, и поэтому ему приходится понижать цѣны товаровъ и тѣмъ самымъ уменьшать предпринимательскую прибыль. Поэтому процентъ прибыли понижается по мѣрѣ расширенія оборотовъ капиталиста. Въ результатѣ, капиталистическое развитіе неизбѣжно ведетъ къ тому, что ростъ народнаго дохода отстаетъ отъ роста національнаго производства. А такъ какъ общественный спросъ опредѣляется общественнымъ доходомъ, то, значитъ, національное производство обгоняетъ ростъ общественнаго спроса, рынка. На рынкѣ образуется избыточный продуктъ, который не можетъ найти сбыта по недостаточности народнаго дохода. Возникаетъ перепроизводство товаровъ, имѣющее не частичный, но всеобщій характеръ— какъ бы ни измѣнялось распредѣленіе общественнаго производства, все равно на рынкѣ будетъ избыточный продуктъ, ибо общественный доходъ слишкомъ малъ сравнительно съ общественнымъ производствомъ.

Средствомъ борьбы съ этимъ положеніемъ дѣла для капитализма является внѣшній рынокъ. Избыточный продуктъ, для котораго нѣтъ мѣста на внутреннемъ рынкѣ, вывозится за границу. Всѣ капиталистическія страны стремятся захватить себѣ внѣшній рынокъ для помѣщенія на немъ своего избыточнаго продукта. Но, очевидно, рано или поздно и внѣшній рынокъ будетъ исчерпанъ капиталистической промышленностью и тогда ей будетъ негдѣ помѣщать свой избыточный продуктъ. [2])

Теорія Сисмонди есть очень стройная логическая конструкція, дающая, что самое главное, вполнѣ правдоподобное объясненіе фактамъ капиталистическаго развитія. Съ точки зрѣнія этой

теоріи становится вполнѣ понятной борьба капиталистическихъ странъ за внѣшній рынокъ, становятся понятными промышленные кризисы, обнищаніе народа наряду съ ростомъ національнаго богатства. Поэтому нисколько неудивительно, что теорія эта произвела глубокое впечатлѣніе на умы и вплоть до настоящаго времени остается господствующей. Въ своихъ основахъ она была воспринята и марксизмомъ. Марксъ и Энгельсъ такъ же, какъ и Сисмонди, думали, что размѣръ капиталистическаго рынка опредѣляется размѣромъ общественнаго дохода и что сокращеніе потребительныхъ доходовъ приводитъ къ созданію избыточнаго продукта. На той же точкѣ зрѣнія марксисты стоятъ и теперь въ лицѣ, хотя бы, Каутскаго [10]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на различіе во многихъ существенныхъ пунктахъ, обѣ изложенныя теоріи рынка сходятся между собой въ томъ отношеніи, что въ равной мѣрѣ признаютъ потребительный спросъ границей рынка. Рикардо стоитъ на этомъ такъ же твердо, какъ и Сисмонди, и если Рикардо отвергаетъ возможность болѣе быстраго роста общественнаго производства, чѣмъ растетъ общественный спросъ на товары, то лишь потому что, съ точки зрѣнія Рикардо, общественное потребленіе всегда растетъ параллельно спросу и отстать отъ него никогда не можетъ. Накопленіе капитала является, вѣдь, не чѣмъ инымъ, какъ замѣной потребленія капиталиста потребленіемъ рабочаго—значитъ, какъ быстро бы ни шло накопленіе капитала, сокращенія общественнаго потребленія получиться не можетъ. Точно также и Сисмонди видитъ границу общественнаго спроса въ общественномъ потребленіи, но, въ противность Рикардо, полагаетъ, что накопленіе капитала сопровождается сокращеніемъ общественнаго потребленія, такъ какъ общественный доходъ при этомъ относительно падаетъ, а возможность потребленія ограничивается величиной дохода.

И, безъ сомнѣнія, въ этомъ пунктѣ Сисмонди былъ болѣе правъ, чѣмъ Рикардо. Школѣ Рикардо было нечего возразить на доводы Сисмонди и нисколько не удивительно, что въ общественномъ мнѣніи побѣдителемъ остался Сисмонди, теорія котораго на долгое время стала господствующей. Опровергнуть эту послѣднюю теорію можно только однимъ способомъ—доказавъ, что ея исходный пунктъ—тезисъ относительно необходимой связи между размѣромъ рынка и размѣромъ потребительнаго спроса—невѣренъ. Но, конечно, нѣчто подобное было не подъ силу школѣ Сэ-Рикардо, какъ не подъ силу и господствующей политической экономіи, такъ какъ вся она стояла и стоитъ на этомъ самомъ тезисѣ.

И, однако, этотъ тезисъ не только не составляетъ собой очевидной истины, а является несомнѣннымъ заблужденіемъ, чрезвычайно укоренившимся и имѣющимъ всю видимость истины. Тезисъ этотъ вытекаетъ изъ неправильнаго представленія относительно процесса накопленія капитала. Накопленіе капитала вовсе не является замѣной потребленія капиталиста потребленіемъ рабочаго—по той простой причинѣ, что накопляющійся капиталъ превращается не только въ заработную плату, но и въ средства производства, которыя не составляютъ элемента потребленія какого бы то ни было класса населенія.

IV.

Чтобы удовлетворительно разрѣшить трудную проблему рынка, необходимо, прежде всего, дать научный анализъ процесса накопленія капитала и при томъ не единичнаго частнаго капитала, а всего общественнаго капитала въ цѣломъ. Если проблема рынка оказалась не подъ силу экономистамъ, то лишь потому, что они никогда и не пытались охватить въ одной картинѣ все общественное хозяйство въ совокупности.

Такую задачу поставилъ себѣ на самой зарѣ исторіи экономической науки Кенэ. Его знаменитая „Экономическая таблица“ именно потому и произвела такое огромное впечатлѣніе на современниковъ, что Кенэ посмотрѣлъ на общественное хозяйство, какъ на нѣчто цѣлое, въ предѣлахъ котораго совершаются перемѣщенія товаровъ и возстановляются части общественнаго продукта, уничтоженныя въ процессѣ потребленія и производства. Послѣ Кенэ никто изъ экономистовъ въ теченіе болѣе столѣтія не дѣлалъ ни малѣйшей попытки пойти по его пути и примѣнить къ изслѣдованію народохозяйственныхъ явленій его методъ. Именно этимъ и объясняется неудовлетворительное состояніе экономической теоріи во всѣхъ отдѣлахъ, соприкасавшихся съ явленіями, захватывавшими цѣлое народнаго хозяйства, какъ напр. ученіе о распредѣленіи, накопленіи общественнаго капитала и реализаціи продуктовъ общественнаго производства. И только Марксъ опять поднялъ нить, оборванную послѣ Кенэ, и далъ во второмъ томѣ своего „Капитала“ схемы капиталистическаго производства въ цѣломъ общественнаго хозяйства. Только на основѣ этого метода Кенэ и Маркса — метода разсмотрѣнія цѣлаго общественнаго хозяйства—возможенъ научный анализъ процесса накопленія капитала и установленіе законовъ реализаціи общественнаго продукта.

Но анализъ Маркса остался незаконченнымъ и неиспользо-

ваннымъ имъ самимъ для какихъ-либо общихъ выводовъ. Его знаменитыя схемы остались безъ своего логическаго завершенія, какъ бы совершенно инороднымъ тѣломъ въ стройной системѣ марксизма. А такъ какъ логическіе выводы, вытекающіе изъ нихъ и совершенно не указанные Марксомъ, находятся въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ собственными воззрѣніями Маркса, которыхъ онъ держался раньше, до построенія этихъ схемъ [11]), то нисколько неудивительно, что школа Маркса оказалась не въ силахъ продолжить дѣло своего учителя, и проблема рынка осталась неразрѣшенной.

Капиталистическое производство предполагаетъ превращеніе денежнаго капитала въ средства производства и затѣмъ обратное превращеніе товарнаго капитала въ деньги. Но при абстрактномъ анализѣ общественнаго воспроизводства капитала можно игнорировать пертурбаціи круговорота капитала, вызываемыя трудностями превращенія товара въ деньги. Общественное воспроизводство капитала состоитъ въ воспроизведеніи различныхъ элементовъ капитала и замѣщеніи путемъ обмѣна однихъ изъ нихъ другими. Въ результатѣ этого воспроизведенія и обмѣновъ получается реализація какъ прибыли капиталиста (точнѣе говоря, всѣхъ доходовъ, не основанныхъ на трудѣ—ренты, по терминологіи Родбергуса), такъ и составныхъ частей самаго капитала.

Нижеслѣдующая схема изображаетъ воспроизводство общественнаго капитала въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ.

I отдѣлъ.

производство средствъ производства

$720c + 360p + 360n = 1440.$

II отдѣлъ

производство предметовъ потребленія рабочихъ

$360c + 180p + 180n = 720.$

III отдѣлъ

производство предметовъ потребленія капиталистовъ

$360c + 180p + 180n = 720.$

Эта схема иллюстрируетъ, какимъ образомъ распредѣляется капиталистическое производство въ цѣломъ общественнаго хозяйства въ томъ случаѣ, когда потребляется весь прибавочный продуктъ. Первый членъ каждаго трехчлена выражаетъ собою въ какихъ-либо единицахъ цѣнности (милліонахъ рублей, марокъ, франковъ и т. д.) цѣнность средствъ производства, занятыхъ въ данномъ производствѣ; второй—цѣнность рабочей силы (рабочую

плату); третій—цѣнность прибавочнаго продукта (которая въ данномъ случаѣ отождествляется съ прибылью капиталистовъ). Отношеніе средствъ производства къ заработной платѣ и прибыли принято во всѣхъ трехчленахъ однимъ и тѣмъ же. Первый отдѣлъ выражаетъ собой производство средствъ производства, второй — производство предметовъ потребленія рабочихъ, и третій—производство предметовъ потребленія капиталистовъ (точнѣе, всѣхъ классовъ, потребляющихъ прибавочный продуктъ). Абсолютныя числа взяты произвольно. Различіе основного и оборотнаго капитала, для простоты, игнорировано въ схемѣ: въ то время, какъ въ дѣйствительности только часть средствъ производства уничтожается въ теченіе года и требуетъ замѣщенія, въ схемѣ предполагается, что средства производства за годъ уничтожаются цѣликомъ и цѣликомъ замѣщаются,—иными словами, что основной капиталъ обращается такъ же, какъ оборотный.

Въ третьемъ отдѣлѣ производства, согласно схемѣ, изготовляются предметы потребленія капиталистовъ. Какимъ образомъ могутъ быть реализированы на рынкѣ товары этого рода (цѣнностью въ 720)? Схема даетъ на это ясный отвѣтъ. Четверть этихъ товаровъ будетъ потреблена капиталистами этого же отдѣла (180); такая же часть требуется капиталистами второго отдѣла (прибыль которыхъ равна также 180); остальная часть будетъ пріобрѣтена капиталистами I отдѣла (ихъ прибыль—360). Въ обмѣнъ на отчуждаемые продукты рабочіе III отдѣла получатъ на 180 предметовъ своего потребленія,—продуктовъ II отдѣла, а капиталисты на 360 средствъ производства—продуктовъ III отдѣла. Такимъ образомъ совершится реализація всѣхъ товаровъ III отдѣла.

Товары II отдѣла (предметы потребленія рабочихъ, цѣнностью также въ 720) будутъ реализованы слѣдующимъ образомъ: четверть этихъ товаровъ (180) будетъ потреблена въ предѣлахъ этого же отдѣла рабочими, занятыми въ немъ; другая четверть (180)—рабочими III отдѣла; и половина (360)—рабочими I отдѣла. Въ обмѣнъ на это капиталисты II отдѣла получаютъ изъ III отдѣла на 180 предметовъ своего потребленія и изъ I отдѣла на 360 средствъ производства.

Изъ товаровъ I отдѣла (средства производства цѣнностью въ 1440) половина (720) потребляется въ этомъ же отдѣлѣ; четверть (360) требуется производствомъ II отдѣла и четверть (360) производствомъ III отдѣла. Въ обмѣнъ на это капиталисты I отдѣла получаютъ изъ III отдѣла на 360 предметовъ своего по-

требленія, а рабочіе—изъ II отдѣла на такую же сумму предметовъ, удовлетворяющихъ ихъ потребностямъ.

Спросъ на всѣ товары равенъ предложенію. Цѣнность изготовленныхъ средствъ производства — 1440 — равна цѣнности средствъ производства, требуемыхъ общественнымъ производствомъ (720 + 360 + 360). Цѣнность предметовъ потребленія рабочаго—720—равна суммѣ заработной платы (360+180+180), а цѣнность предметовъ потребленія капиталистовъ — также 720 — равна суммѣ прибыли (360+180+180). Товары каждаго отдѣла частью потребляются и обмѣниваются въ предѣлахъ этого же отдѣла, частью же вступаютъ въ обмѣнъ съ товарами двухъ другихъ отдѣловъ.

Въ этой схемѣ нужно обратить вниманіе на то, что средства производства изготовляются и обращаются на рынкѣ рядомъ и одновременно съ предметами потребленія рабочихъ и капиталистовъ. Это кажется вполнѣ очевиднымъ; однако, именно это и не понималось, какъ школой Смита-Рикардо, такъ и школой Сисмонди, для которыхъ весь общественный продуктъ распадался на элементы общественнаго дохода. Между тѣмъ, въ приведенной схемѣ общественный продуктъ равенъ по своей цѣнности 2880, а общественный доходъ только 1440—половинѣ цѣнности общественнаго продукта. Общественный продуктъ вдвое превосходитъ сумму всего общественнаго дохода и, тѣмъ не менѣе, закупается на рынкѣ безъ остатка, никакого превышенія общественнаго предложенія сравнительно съ общественнымъ спросомъ не возникаетъ.

Но для такого равновѣсія спроса и предложенія требуется, чтобы общественное производство было распредѣлено пропорціонально, въ соотвѣтствіи со спросомъ. При непропорціональномъ же распредѣленіи производства нѣкоторые продукты окажутся произведенными въ избыткѣ, а спросъ на другіе будетъ превышать предложеніе.

Въ разсмотрѣнной схемѣ накопленія капитала не происходитъ—весь прибавочный продуктъ потребляется капиталистами.

Нижеслѣдующая схема изображаетъ собой накопленіе общественнаго капитала при предположеніи, что половина прибавочнаго продукта капитализируется капиталистами.

Воспроизводство общественнаго капитала въ расширяющихся размѣрахъ (накопленіе капитала).

1-й годъ.

I отдѣлъ

производство средствъ производства
840с + 420р + 420п = 1680.

II отдѣлъ

производство предметовъ потребленія рабочихъ
420с + 210р + 210п = 840.

III отдѣлъ

производство предметовъ потребленія капиталистовъ
180с + 90р + 90п = 360.

2-й годъ.

I отдѣлъ

производство средствъ производства
980с + 490р + 490п = 1960.

II отдѣлъ

производство предметовъ потребленія рабочихъ
490с + 245р + 245п = 980.

III отдѣлъ

производство предметовъ потребленія капиталистовъ
210с + 105р + 105п = 420.

3-й годъ.

I отдѣлъ

производство средствъ производства
$1143^{1}/_{3}$с + $571^{2}/_{3}$р + $571^{2}/_{3}$п = $2286^{2}/_{3}$.

II отдѣлъ

производство предметовъ потребленія рабочихъ
$571^{2}/_{3}$с + $285^{5}/_{6}$р + $285^{5}/_{6}$п = $1143^{1}/_{3}$.

III отдѣлъ

производство предметовъ потребленія капиталистовъ
245с + $122^{1}/_{2}$р + $122^{1}/_{2}$п = 490.

Общая сумма общественнаго производства за 1-й годъ принята такой же, какъ и въ первой схемѣ—точно также и всѣ отношенія между цѣнностью средствъ производства, заработной платой и прибылью приняты прежнія. Но распредѣленіе общественнаго производства принято инымъ, такъ какъ отказъ капиталистовъ отъ потребленія половины своего дохода и превращеніе ея въ капиталъ измѣняетъ характеръ общественнаго спроса. Спросъ на предметы потребленія капиталистовъ сокращается

вдвое, а спросъ на средства производства и предметы потребленія соотвѣтственно возрастаетъ. Приводимая схема изображаетъ такое распредѣленіе общественнаго производства, при которомъ спросъ на всѣ продукты общественнаго производства равенъ предложенію, хотя прибавочный продуктъ только на половину потребляется капиталистами, на половину же капитализируется.

Общая сумма прибыли за первый годъ во второй схемѣ остается такой же, какъ и въ первой, а именно 420+210+90=720. Но предметовъ потребленія капиталистовъ изготовлено только 360—сравнительно съ первой схемой вдвое меньше. Зато другихъ продуктовъ произведено больше, при чемъ средствъ производства произведено сравнительно съ первой схемой больше на 240 единицъ и предметовъ потребленія рабочихъ больше на 120 единицъ. Схема второго года объясняетъ, какимъ образомъ можетъ быть производительно употребленъ этотъ добавочный капиталъ, несмотря на сокращеніе вдвое спроса на предметы потребленія капиталистовъ.

А именно, этотъ добавочный капиталъ будетъ употребленъ на расширеніе производства второго года. Спросъ на средства производства во второмъ году превышаетъ на 240 таковой же спросъ перваго года (въ первомъ году занято было 1440 средствъ производства, а во второмъ году 980+490+210=1680); спросъ на предметы потребленія рабочихъ во второмъ году на 120 больше, чѣмъ въ первомъ (рабочая плата перваго года: 420+210+90=720; рабочая плата второго года: 490+245+105=840). Такимъ образомъ, избыточныя средства производства и избыточные предметы потребленія рабочихъ, изготовленные въ первомъ году, будутъ, поглощены производствомъ второго года. Реализація продуктовъ, изготовленныхъ въ теченіе перваго года, будетъ произведена слѣдующимъ образомъ. Предметовъ потребленія капиталистовъ (отдѣлъ III) изготовлено 360. Согласно нашему предположенію, капиталисты потребляютъ только половину своей прибыли. Такъ какъ прибыль капиталистовъ I отдѣла за первый годъ—420, то, слѣдовательно, ихъ спросъ на предметы потребленія выразится цифрой 210; спросъ на предметы потребленія капиталистовъ II отдѣла будетъ равенъ 105, а III отдѣла — 45. Общая сумма спроса равна 360, т.-е. вполнѣ покрываетъ предложеніе этихъ продуктовъ. Предметовъ потребленія рабочихъ изготовлено въ первомъ году 840. Для расширеннаго производства 2-го года требуется товаровъ этого рода: для перваго отдѣла — 490, для второго — 245 и для третьяго — 105, т.-е. опять столько же, сколько изготовлено. Точно такъ же спросъ на средства произ-

водства для производства второго года (980—производство перваго отдѣла, 490 — второго и 210 — третьяго) равенъ цѣнности средствъ производства, изготовленныхъ въ первомъ году (1680). Такимъ образомъ всѣ продукты 1-го года нашли себѣ сбытъ въ теченіе второго года.

Но для чего служитъ расширенное производство второго года? Какое право мы имѣли принимать, что спросъ на средства производства и предметы потребленія рабочихъ во второмъ году больше, чѣмъ въ первомъ? Мы исходили, попрежнему, изъ предположенія, что капиталисты половину своей прибыли (во второмъ году, какъ и въ первомъ) не потребляютъ лично, а превращаютъ ее въ капиталъ. Распредѣленіе производства во второмъ году таково, что половина прибыли продолжаетъ накопляться. Спросъ на продукты второго года создается расширеннымъ производствомъ 3-го года.

Въ концѣ 2-го года произведено на 1960 средствъ производства, на 980 предметовъ потребленія рабочихъ и на 420—предметовъ потребленія капиталистовъ. Разсмотримъ же, какимъ образомъ могутъ быть реализированы эти продукты.

Общая прибыль за второй годъ равна 840 (490+245+105). Согласно нашему предположенію, капиталисты половину этой прибыли затрачиваютъ на свое потребленіе. Такимъ образомъ рынокъ для 420 предметовъ потребленія капиталистовъ, произведенныхъ въ теченіе 2-го года, найденъ. Средства производства 3-го года ($1143^{1}/_{3}+571^{2}/_{3}+245$) равны 1960—цѣнности средствъ производства, изготовленныхъ во 2-мъ году; рабочая плата 3-го года ($571^{2}/_{3}+285^{5}/_{6}+122^{1}/_{2}$) равна 980 — предметамъ потребленія рабочихъ, произведеннымъ во 2-мъ году. Такимъ образомъ, всѣ продукты второго года реализуются въ третьемъ году — рынокъ для нихъ создается расширеннымъ производствомъ третьяго года.

Нѣтъ необходимости продолжать анализъ распредѣленія производства въ 4-мъ, 5-мъ и слѣдующихъ годахъ. Приведенныя схемы должны были съ очевидностью доказать мысль, которая сама по себѣ очень проста, но легко вызываетъ возраженія при недостаточномъ пониманіи процесса воспроизведенія общественнаго капитала, а именно, что капиталистическое производство само для себя создаетъ рынокъ. Если только можно расширить производство, если хватитъ для этого производительныхъ силъ, то, при пропорціональномъ распредѣленіи общественнаго производства, можно соотвѣтственно расширить и спросъ, ибо, при этомъ условіи, каждый вновь произведенный товаръ есть вновь появившаяся покупательная сила для пріобрѣтенія другихъ товаровъ.

V.

Уже первая схема показала всю несостоятельность обычнаго представленія, что общественный продуктъ разлагается безъ остатка на элементы народнаго дохода. Вторая схема дѣлаетъ ясной ошибочность всего ученія классической школы о процессѣ накопленія капитала. Накопленіе капитала вовсе не равносильно замѣщенію одного вида общественнаго потребленія другимъ. Накопляющійся капиталъ превращается, правда, въ заработную плату; но далеко не только въ заработную плату, а также и въ средства производства. Только часть капитала, соотвѣтствующая заработной платѣ, превращается, такимъ образомъ, въ элементы общественнаго потребленія, а другая часть совсѣмъ изъемлется изъ общественнаго потребленія и представляетъ собой такую долю общественнаго расхода, которая не становится ничьимъ доходомъ.

Всякое ускореніе темпа накопленія капитала равносильно абсолютному сокращенію общественнаго потребленія. Когда капиталистъ затрачиваетъ свое имущество для своихъ личныхъ цѣлей, оно превращается цѣликомъ въ предметы общественнаго потребленія; когда же имущество капитализируется, то только часть его превращается въ предметы общественнаго потребленія, а другая часть совсѣмъ изъемлется изъ фонда общественнаго потребленія и переходитъ въ фондъ общественнаго производства. Спросъ на средства производства замѣщаетъ въ этомъ случаѣ спросъ на предметы потребленія.

Это обнаруживается въ приведенныхъ схемахъ. Въ первой схемѣ капиталъ совершенно не накопляется; спросъ на всѣ товары выражается при этомъ 2880 единицами цѣнности, а спросъ на предметы потребленія—1440 единицами. Во второй схемѣ половина дохода капиталистовъ капитализируется; благодаря этому, въ теченіе перваго года изготовлено предметовъ потребленія значительно меньше—только на 1200 (840—предметовъ потребленія рабочихъ+360—предметовъ потребленіе рабочихъ); втеченіе втораго года изготовлено предметовъ потребленія на 1400 (980+420), между тѣмъ какъ общая сумма изготовленныхъ продуктовъ достигаетъ въ этомъ году 3360 ед. Всѣ продукты втораго года, какъ предметы потребленія, такъ и средства производства, поглощаются, какъ видно изъ схемы, потребленіемъ и производствомъ третьяго года. Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ *расширеніе общественнаго производства при одновременномъ сокра-*

щенія общественнаго потребленія, безъ всякаго нарушенія равновѣсія между общественнымъ предложеніемъ и общественнымъ спросомъ.

Въ приведенной схемѣ накопленія капитала спросъ на рабочія руки предполагается растущимъ параллельно росту общественнаго производства. На самомъ же дѣлѣ, по мѣрѣ прогресса техники, рабочій все болѣе и болѣе замѣщается въ процессѣ производства средствами производства—машиной. Въ данной затратѣ капитала затрата на заработную плату составляетъ все меньшую часть, а затрата на средства производства все большую. Рабочій отступаетъ на задній планъ сравнительно съ машиной—и соотвѣтственно этому отступаетъ на задній планъ рынокъ, создаваемый потребленіемъ рабочаго, сравнительно съ рынкомъ, создаваемымъ производительнымъ потребленіемъ средствъ производства. Рынокъ отъ этого нисколько не сокращается и только характеръ общественнаго спроса измѣняется—спросъ на предметы потребленія замѣщается спросомъ на средства производства.

Заработная плата есть одинъ изъ видовъ общественнаго дохода, между тѣмъ какъ машина никакого дохода не получаетъ. Поэтому, замѣщеніе рабочаго машиной равносильно относительному сокращенію общественнаго дохода; чѣмъ большую долю капитала представляютъ средства производства, тѣмъ меньшая доля капитала превращается въ элементы общественнаго дохода. Сумма общественнаго производства и, слѣдовательно, общественнаго богатства при этомъ растетъ, а сумма общественнаго дохода, относительно (а, при извѣстной быстротѣ процесса замѣщенія рабочаго машиной, и абсолютно) падаетъ. Но никакого избыточнаго продукта при этомъ не возникаетъ, такъ какъ спросъ на средства производства вполнѣ замѣщаетъ въ этомъ случаѣ спросъ на предметы потребленія; вѣдь машина требуетъ для своей работы извѣстныхъ хозяйственныхъ затратъ, какъ и рабочій. Если, напр., въ производствѣ извѣстнаго продукта машина замѣстила рабочаго, то общественный спросъ на предметы потребленія рабочаго класса соотвѣтственно сокращается, но зато соотвѣтственно возрастаетъ спросъ на самыя машины и все необходимое для того, чтобы машина могла работать—топливо, смазочныя масла и т. п. Въ общемъ итогѣ, рынокъ для товаровъ нисколько не сокращается и только измѣняется родъ товаровъ, спрашиваемыхъ рынкомъ. Такимъ образомъ становится возможнымъ увеличеніе общественнаго богатства (выражающагося въ количествѣ продуктовъ, которымъ располагаетъ общество)

при одновременномъ паденіи общественнаго дохода [12]).

Какъ ни парадоксально звучатъ эти выводы, къ нимъ естественно приводитъ анализъ круговорота капитала въ цѣломъ капиталистическаго хозяйства. И только потому, что экономисты никогда не пользуются методомъ разсмотрѣнія цѣлаго капиталистическаго хозяйства, въ наукѣ могъ утвердится взглядъ, что размѣръ рынка въ капиталистическомъ хозяйствѣ опредѣляется размѣромъ общественнаго потребленія.

Однако, именно отъ этого тезиса отправлялась какъ школа Смита—Рикардо, такъ и школа Сисмонди во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ относительно проблемы рынка. И потому ни той, ни другой школѣ не удалось разрѣшить этой проблемы.

Но развѣ потребленіе не представляетъ собой естественной цѣли производства? Развѣ производить не значитъ изготовлять предметы человѣческаго потребленія? На это нужно отвѣтить, что хозяйственныя системы бываютъ различныхъ типовъ и что цѣли общественнаго производства въ антагонистическихъ хозяйственныхъ системахъ иныя, чѣмъ въ хозяйствахъ гармоническаго типа.

Относительно гармоническаго хозяйства не можетъ быть сомнѣнія, что цѣлью такого хозяйства является потребленіе. Гармоническое хозяйство характеризуется тѣмъ, что владѣльцами средствъ производства являются сами рабочіе, которые производятъ предметы, нужные для ихъ собственнаго потребленія. Въ антагонистическихъ же хозяйствахъ (рабовладѣльческомъ, феодальномъ, капиталистическомъ) руководителемъ хозяйственнаго предпріятія является не рабочій, а постороннее лицо, владѣлецъ средствъ производства. Рабочіе же являются въ роли средствъ производства. Для капиталиста-предпринимателя нѣтъ разницы между затратами на рабочихъ и затратами на средства производства. Хлѣбъ, потребляемый рабочимъ, и овесъ, потребляемый лошадью, въ его глазахъ ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Правда, могутъ сказать, что предметы потребленія рабочихъ покупаются самими рабочими, тогда какъ предметы потребленія скота покупаются капиталистомъ. Но съ точки зрѣнія размѣщенія продуктовъ на рынкѣ совершенно не важно, кто является покупателемъ; важно лишь то, откуда берутся покупательныя средства, и рабочій покупаетъ свои предметы потребленія на тѣ средства, которыя ему даетъ капиталистъ, подобно тому какъ каменный уголь для машины покупается на средства капиталиста. И потому спросъ на предметы потребленія рабочаго точно также

регулируется потребностями капиталистическаго производства, какъ и спросъ на каменный уголь.

Конечно, самъ-то рабочій видитъ въ себѣ человѣка, самоцѣль, а не средство производства; все же для капиталиста онъ является только средствомъ производства. На этой почвѣ возникаетъ соціальная борьба рабочаго съ капиталистомъ, но борьба эта ведется за предѣлами товарнаго рынка, для котораго предметы потребленія рабочаго ничѣмъ не отличаются отъ предметовъ потребленія рабочаго скота и вообще средствъ производства.

Марксъ указалъ, что въ товарномъ хозяйствѣ товаръ, вещь какъ бы одухотворяется и становится повелителемъ создавшаго его человѣка. Въ этомъ заключается то, что Марксъ называетъ фетишизмомъ товарнаго хозяйства. Фетишизмъ капиталистическаго хозяйства, природа котораго Марксу была не вполнѣ ясна, идетъ дальше. Если въ товарномъ хозяйствѣ вещь превращается какъ бы въ человѣка, то капиталистическое хозяйство дѣлаетъ человѣка вещью. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ человѣкъ низводится на степень орудія труда, становится эквивалентомъ машины.

На этой почвѣ и создается непонятный для современной политической экономіи парадоксъ капиталистическаго хозяйства—то, что не общественное потребленіе управляетъ въ немъ общественнымъ производствомъ, является его цѣлью, а, наоборотъ, общественное производство управляетъ общественнымъ потребленіемъ, является для послѣдняго цѣлью. Не капиталъ для человѣка, а человѣкъ для капитала—таковъ девизъ капиталистическаго хозяйства. И если школа Маркса приняла теорію рынка Сисмонди, то лишь по непослѣдовательности, невѣрности основнымъ принципамъ самого марксизма. Стимуломъ капиталистическаго хозяйства является не человѣческое потребленіе, а накопленіе капитала. Накопленіе капитала есть круговоротъ—товарный капиталъ превращается въ деньги, затѣмъ въ средства производства и рабочую силу, затѣмъ опять въ товаръ; въ этомъ круговоротѣ каждый отдѣльный моментъ его можетъ разсматриваться какъ средство (по отношенію къ послѣдующему) и какъ цѣль (по отношенію къ предыдущему). Что напримѣръ является цѣлью капиталистическаго производства—созданіе хлѣба (предмета потребленія человѣка) или чугуна (предмета производительнаго потребленія)? Все зависитъ отъ того пункта, съ котораго мы будемъ разсматривать процессъ круговорота капитала.

Если мы будемъ разсматривать, напримѣръ, земледѣльческое производство, то цѣлью его является созданіе хлѣба, а созданіе

чугуна (плуга) есть лишь средство къ этой цѣли. На чугуноплавильномъ заводѣ цѣлью производства является, наоборотъ, чугунъ, а созданіе хлѣба для рабочихъ, занятыхъ производствомъ чугуна, есть лишь средство къ этой цѣли. Значитъ, и хлѣбъ и чугунъ совершенно въ одинаковой мѣрѣ могутъ разсматриваться и какъ цѣль и какъ средство. Обычное же противопоставленіе хлѣба чугуну (какъ цѣли средству) доказываетъ лишь непониманіе законовъ капиталистическаго хозяйства.

Такіе парадоксы капиталистическаго хозяйства, какъ одновременный ростъ общественнаго богатства и сокращеніе общественнаго дохода, безъ всякаго нарушенія равновѣсія общественнаго спроса и предложенія, объясняются тѣмъ, что среди общественныхъ доходовъ капиталистическаго хозяйства имѣются доходы различной экономической природы: доходы нетрудовыхъ классовъ, управляющихъ общественнымъ производствомъ, и доходы рабочаго класса, фигурирующаго въ роли средства производства. Доходъ рабочаго есть расходъ съ точки зрѣнія капиталиста. Эта двусторонность дохода рабочаго объясняется двусторонностью экономической роли рабочаго, особенностью, послѣдняго, какъ, одновременно, и средства производства и потребителя. Какъ средство производства, рабочій можетъ быть, въ большей или меньшей мѣрѣ, замѣщенъ машиной. Отъ такого замѣщенія общественное богатство не сокращается, а увеличивается, ибо увеличивается общая сумма производимыхъ продуктовъ. Общественный же доходъ сокращается, ибо сокращается доходъ рабочаго класса. Сумма общественнаго производства при этомъ возрастаетъ, а сумма общественнаго потребленія падаетъ. Всѣ эти парадоксы капитализма возникаютъ на почвѣ антагонистическаго хозяйства. Понятное дѣло, что если бы рабочіе располагали средствами производства, то ничто подобное не могло бы имѣть мѣсто. Но руководителями капиталистическаго хозяйства являются не рабочіе, а тѣ, для кого рабочіе—простое средство производства.

VI.

Итакъ, при пропорціональномъ распредѣленіи общественнаго производства общественный спросъ и общественное предложеніе остаются въ равновѣсіи, какъ бы ни сокращался потребительный спросъ общества. Отсюда можно было бы, повидимому, сдѣлать выводъ, что капиталистическое хозяйство никогда не можетъ

страдать отъ недостатка рынка. Становится непонятнымъ, почему капиталистическимъ предпріятіямъ приходится испытывать такія трудности въ нахожденіи покупателей для изготовляемыхъ продуктовъ, почему борьба за рынокъ составляетъ такую характерную черту капиталистическаго хозяйства.

Объясняется это слѣдующимъ образомъ. Капиталистическое производство располагаетъ громадными производительными силами и всегда стремится къ расширенію количества производимыхъ продуктовъ. Но сбытъ этихъ продуктовъ возможенъ лишь при условіи пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства. Капитализмъ же не обладаетъ никакой организаціей для такого распредѣленія производства. На этой основѣ возникаютъ кризисы капиталистической промышленности, природа которыхъ будетъ выяснена въ слѣдующей главѣ. Пока же достаточно указать, что отсутствіе какой бы то ни было организаціи для пропорціональнаго распредѣленія производства играетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ роль эластичной повязки, которая постоянно давитъ на капиталистическое производство и препятствуетъ ему развернуть всѣ свои производительныя силы. Именно на этомъ и основана трудность реализаціи продуктовъ въ системѣ капиталистическаго хозяйства. Рынокъ всегда недостаточенъ для капитализма не потому, чтобы потребителей для капиталистическаго продукта было слишкомъ мало, а потому, что только пропорціональное распредѣленіе производства даетъ возможность сбыта всѣхъ товаровъ, вполнѣ же пропорціональное распредѣленіе производства совершенно не осуществимо при условіи капиталистическаго хозяйства, а приближеніе къ такой пропорціональности достигается капитализмомъ съ величайшимъ трудомъ, путемъ кризисовъ и уничтоженія чрезмѣрно разросшихся отдѣльныхъ предпріятій.

VII.

Всякая экономическая теорія лишь тогда можетъ считаться вполнѣ доказанной, когда она провѣрена на фактахъ. Тѣмъ болѣе требуется фактическая повѣрка для доктрины до такой степени расходящейся съ обычными взглядами и имѣющей такой парадоксальный видъ, какъ изложенная теорія рынка. Сущность этой теоріи, какъ видно изъ вышеизложеннаго, сводится къ тому, что спросъ на средства производства создаетъ такой же рынокъ для товаровъ, какъ и спросъ на предметы потребленія, благода-

ря чему никакое сокращеніе доли предметовъ потребленія не можетъ вызвать никакихъ новыхъ трудностей по отношенію къ реализаціи продуктовъ капиталистическаго производства.

И дѣйствительно, факты показываютъ, что характерной чертой капиталистическаго развитія является сравнительно медленный ростъ производства предметовъ потребленія и быстрый ростъ производства средствъ производства. Еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ руководящую роль въ капиталистической промышленности играла хлопчатобумажная промышленность, теперь же такую роль играетъ желѣзодѣлательная промышленность. Земледѣліе уже нѣсколько десятилѣтій находится въ западной Европѣ въ состояніи застоя. Въ такомъ же почти положеніи находится за послѣдніе время и текстильная промышленность. Напротивъ, чрезвычайно быстро растетъ производство чугуна, химическихъ продуктовъ, машинъ, каменнаго угля, вообще средствъ производства. Соотвѣтственно этому, доля населенія, занятаго производствомъ предметовъ потребленія, уменьшается, а доля населенія, занятаго производствомъ средствъ производства, возрастаетъ. Вотъ, напр. данныя относительно Германіи: [13]).

Число лицъ, занятыхъ производствомъ предметовъ потребленія. (въ тысячахъ).		Увеличеніе въ %	Число лицъ, занятыхъ производствомъ средствъ производства (въ тысячахъ).	Увеличеніе въ %
1882	11.669	—	2.784	—
1895	12.560	8	4.414	59

Данныя послѣдней германской промышленной переписи 1907 г., опубликованныя еще не въ полномъ объемѣ, показываютъ дальнѣйшій огромный ростъ населенія, занятаго производствомъ средствъ производства. Нижеслѣдующія данныя относятся къ Пруссіи:

	Число занятыхъ лицъ (въ тысячахъ).		Увеличеніе въ %
	1895	1907	
Текстильная промышленность	441,9	445,5	0,8
Приготовленіе предметовъ одежды . .	800,5	901,8	12,7
Обработка пищевыхъ веществъ . . .	586,4	706,7	20,5
Трактирный промыселъ	326,0	446,7	37,0
Обработка камня и глины	314,3	447,5	42,4
Горное дѣло	458,5	736,4	60,6
Обработка металловъ	383,9	573,4	49,3
Приготовленіе машинъ и инструментовъ	329,4	655,8	99,1
Химическая промышленность	66,7	106,0	59,0
Строительная промышленность . . .	596,7	919,7	54,1

Текстильная промышленность (не говоря уже о земледѣліи) почти перестала развиваться—доходъ рабочихъ классовъ увеличивается слишкомъ медленно, чтобы спросъ народныхъ массъ на предметы одежды могъ существенно возрастать. Доля населенія, занятаго въ текстильной промышленности, за 1895—1907 г.г. значительно сократилась. Напротивъ, производство средствъ производства увеличивается съ удивительной быстротой. Особенно возросло производство машинъ и инструментовъ—почти вдвое по числу занятаго персонала. Еще въ 1895 г. текстильная промышленность занимала въ Пруссіи большее число рукъ, чѣмъ производство машинъ и инструментовъ; въ 1907 г.—уже значительно меньшее.

Рынокъ для предметовъ потребленія почти стаціонаренъ, что объясняется бѣдностью народныхъ массъ; но стаціонарность производства предметовъ потребленія вовсе не приводитъ къ стаціонарности всего общественнаго производства. Напротивъ, оно растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ когда-либо, растетъ, направляясь, однако, все въ большей и большей мѣрѣ на созданіе средствъ производства. Что же дѣлаютъ, однако, эти машины, количество которыхъ такъ сильно увеличилось въ Пруссіи за 1895—907 г.? Отчасти онѣ служатъ производству предметовъ потребленія, но все въ возрастающей степени и производству новыхъ машинъ и иныхъ средствъ производства капиталистической промышленности, которая все больше и больше направляется на созданіе своихъ собственныхъ средствъ производства, на накопленіе капитала. Накопленіе капитала все больше становится самоцѣлью, которой подчиняется весь строй общественнаго производства. Рынкомъ для капиталистическаго производства все больше становится само капиталистическое производство—и этотъ рынокъ расширяется съ достаточной быстротой, чтобы поддерживать побѣдоносное шествіе капитала по лицу всего міра.

Процессъ этотъ происходитъ не въ одной Германіи, но и во всѣхъ капиталистическихъ странахъ міра. Тѣмъ не менѣе, капиталистическое хозяйство не наталкивается ни на какія новыя трудности по отношенію къ реализаціи изготавливаемыхъ продуктовъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ истекшаго столѣтія Энгельсъ, исходя изъ доктрины, признающей, что рынокъ для продуктовъ капиталистической промышленности опредѣляется потребительнымъ спросомъ со стороны населенія, предсказывалъ неизбѣжность замедленія въ будущемъ роста капиталистической промышленности и хроническій промышленный застой [15]). Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полустолѣтія; капиталистическое производство получило ги-

гантское развитіе, особенно производство средствъ производства, между тѣмъ какъ производство предметовъ потребленія увеличилось гораздо менѣе. Оправдалось ли, однако, предсказаніе Энгельса? Ни малѣйшимъ образомъ. Ничего похожаго на хроническій промышленный застой мы не наблюдаемъ и капитализмъ продолжаетъ находить рынокъ для все возрастающаго количества средствъ производства, несмотря на относительно сокращающійся общественный спросъ на предметы потребленія. Таковы факты—и легко видѣть, до какой степени они подтверждаютъ изложенную теорію.

Но, быть можетъ, рынокъ для продуктовъ капиталистической промышленности находится лишь потому, что капиталистическое хозяйство выбрасываетъ свой избыточный продуктъ за свои предѣлы, на внѣшній рынокъ? Дѣйствительно, всякая капиталистическая страна вывозитъ свои продукты въ большемъ или меньшемъ количествѣ на внѣшній рынокъ. Для многихъ отраслей англійской промышленности внѣшній рынокъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ внутренній. И конечно, безъ внѣшняго рынка англійская промышленность существовать бы не могла.

Доказываетъ ли это, однако, что капиталистическое производство создаетъ въ Англіи избыточный продуктъ, что покупательныя силы англійскаго капитализма слишкомъ ограничены, чтобы внутри страны находилось мѣсто для всего количества создаваемаго ею продукта? Несостоятельность этого мнѣнія очевиднѣе всего доказывается тѣмъ, что Англія, какъ извѣстно, ввозитъ изъ заграницы товаровъ на значительно большую сумму, чѣмъ вывозитъ. Цѣнность англійскаго ввоза превосходитъ за послѣдніе годы цѣнность вывоза на 150 и болѣе милліоновъ ф. с. въ годъ. Иными словами, англійскій внутренній рынокъ потребляетъ товаровъ на 150 милліоновъ ф. с. болѣе, чѣмъ ихъ производится внутри страны—покупательная сила англійскаго капиталистическаго хозяйства не только не отстаетъ отъ его производительныхъ силъ, но значительно превосходитъ послѣднія. Можно ли говорить объ избыточномъ продуктѣ капиталистическаго хозяйства, когда англійскій капитализмъ покупаетъ товаровъ на значительно большую сумму, чѣмъ продаетъ? [14])

Многіе думаютъ, что капиталистическая промышленность, по мѣрѣ своего развитія, все больше и больше нуждается во внѣшнихъ рынкахъ. И, дѣйствительно, по своему абсолютному размѣру, вывозъ на внѣшній рынокъ продуктовъ капиталистическаго производства быстро увеличивается. Однако, это еще отнюдь не

доказываетъ, что внутренній рынокъ въ капиталистическихъ странахъ по своему относительному значенію для реализаціи общественнаго продукта падаетъ. Наоборотъ, Зомбартъ доказалъ, что въ Германіи все меньшая доля чрезвычайно быстро растущей германской промышленности вывозится на внѣшній рынокъ и все большая доля находитъ въ себѣ выгодное помѣщеніе внутри страны. Особенно поучительно при этомъ то, что различныя отрасли промышленности развиваются въ этомъ отношеніи неодинаково. Такъ, избытокъ вывоза желѣзныхъ фабрикатовъ понизился, несмотря на колоссальный ростъ желѣзодѣлательнаго производства Германіи, за время 1880—1900 г.г. съ 29,3% всего производства желѣза въ Германіи до 7,8%, избытокъ вывоза каменнаго угля—съ 11% до 7,3%. Гораздо меньше понизилась доля вывоза продуктовъ хлопчато-бумажной, шерстяной и другихъ отраслей текстильной промышленности [16]). Такимъ образомъ, внутренній рынокъ Германіи расширяется очень быстро для угля и желѣза, гораздо медленнѣе для предметовъ одежды. Почему? Очевидно, потому, что развитіе капитализма создаетъ усиленный спросъ на средства производства, но не на предметы потребленія.

Нужно однако объяснить, съ точки зрѣнія изложенной теоріи, почему внѣшній рынокъ такъ необходимъ для промышленности большинства капиталистическихъ странъ. Объясненіе это никакой трудности не представляетъ. Если страна ввозитъ товары изъ за границы, то она должна и вывозить ихъ для оплаты своего ввоза. Для Англіи внѣшній рынокъ потому такъ важенъ, что ея внутренній рынокъ въ значительной части заполненъ иностранными товарами. Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что капиталистическая промышленность работаетъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, на внѣшній рынокъ. Для капиталиста нуженъ покупатель, а будетъ ли этимъ покупателемъ соотечественникъ или иностранецъ—это ему безразлично. Своего покупателя капиталистъ ищетъ во всемъ мірѣ—какъ у себя дома, такъ и заграницей.

Исторически капитализмъ развился на основѣ именно внѣшняго рынка — и по слѣдующей причинѣ. Первоначально капиталистическая промышленность изготовляла, преимущественно, предметы роскоши — шелковыя ткани, тонкія сукна, фарфоръ, стекло, дорогое оружіе и т. п. Потребителей предметовъ роскоши въ родной странѣ было мало—нужно было ихъ искать по всему свѣту, такъ какъ вездѣ богатые люди составляютъ ничтожную долю населенія. Вообще капиталъ—космополитъ,

онъ международенъ. Онъ стремится къ неограниченному расширенію производства и потому ищетъ своего покупателя вездѣ; въ результатѣ, страны всего капиталистическаго міра тѣсно сплетаются между собой торговыми узами. Каждая страна является рынкомъ для другихъ, а другія страны являются ея рынкомъ—каждая ввозитъ и вывозитъ товары и каждая не можетъ обойтись безъ рынка, которымъ являются для нея другія страны, по той причинѣ, что ея собственный рынокъ въ большей или меньшей степени заполненъ товарами другихъ странъ.

Вывозъ продуктовъ капиталистической промышленности одной страны въ другую капиталистическую страну не есть вывозъ за предѣлы капиталистическаго хозяйства и не можетъ дать мѣсто для избыточнаго продукта капиталистическаго производства, если бы такой избыточный продуктъ существовалъ. Поэтому, сторонники теоріи избыточнаго продукта, говоря о внѣшнемъ рынкѣ для капитализма, должны были бы подразумѣвать рынокъ не капиталистическихъ странъ. Съ точки зрѣнія этой теоріи слѣдовало бы думать, что развивающійся капитализмъ все болѣе и болѣе нуждается для реализаціи своихъ продуктовъ въ рынкѣ тѣхъ странъ, въ которыхъ система хозяйства не имѣетъ капиталистическаго характера. А такъ какъ капиталистическая система быстро развивается во всемъ мірѣ, то рынокъ для избыточнаго продукта капитализма долженъ бы съ каждымъ шагомъ впередъ капитализма сокращаться и капитализмъ долженъ бы давно прекратить свое развитіе за отсутствіемъ рынковъ.

Между тѣмъ, развитіе капитализма не только не прекращается, а уже много десятилѣтій идетъ все ускоряющимся темпомъ. Рынокъ для продуктовъ капиталистической промышленности, очевидно, не только не сокращается, а быстро ростетъ. Куда же сбываютъ капиталистическія страны ту часть своего продукта, которая не находитъ себѣ помѣщенія на внутреннемъ рынкѣ? Преимущественно, въ другія капиталистическія страны.

Вывозъ въ некапиталистическія страны имѣетъ особое значеніе, среди всѣхъ странъ міра, для Англіи. Именно поэтому Англія и должна такъ дорожить своими колоніями. Однако, было бы большой ошибкой думать, что большая часть англійскаго экспорта направляется въ колоніи. Вотъ, напр., распредѣленіе вывоза продуктовъ Соединеннаго Королевства въ 1906 г.:

Цѣнность вывоза произведеній Соединеннаго Королевства въ разныя страны (въ милліонахъ ф. с.).

Британскія колоніи.	Соединенные Штаты.	Германія.	Франція.	Бельгія.	Нидерланды.	Италія.	Весь вывозъ.
121,3	27,7	33,6	20,4	11,6	11,7	11,2	375,6

Колоніи даютъ мѣсто менѣе одной трети британскаго экспорта—почти на такую же сумму Англія вывозитъ продуктовъ въ центральную Европу и Соединенные Штаты—т. е. въ страны капиталистическаго хозяйства.

Среди предметовъ англійскаго вывоза огромную и притомъ все возрастающую роль играетъ вывозъ средствъ производства капиталистической промышленности—желѣза, машинъ, инструментовъ, каменнаго угля:

Цѣнность предметовъ вывоза Соединеннаго Королевства въ 1906 г. (въ мил. ф. ст.).

Хлопчатобумажныя ткани.	Шерстяныя ткани.	Желѣзо и фабрикаты его (включая машины).	Каменный уголь.
90	29	73	31

За время 1868—70 г.г. годовая цѣнность вывоза хлопчатобумажныхъ тканей изъ Соединеннаго Королевства достигала 54 м. ф. с., шерстяныхъ—21 м. ф. с., желѣза и его фабрикатовъ—26 м. ф. с., и каменнаго угля—5,4 м. ф. с. Такимъ образомъ, съ конца 60-хъ годовъ закончившагося вѣка по 1906 г. цѣнность вывоза бумажныхъ тканей возросла на 66%, шерстяныхъ тканей—на 28%, желѣза и его фабрикатовъ—на 181% и каменнаго угля—на 474%. Англійскій экспортъ все болѣе и болѣе начинаетъ направляться на удовлетвореніе потребностей въ средствахъ производства развивающейся капиталистической промышленности другихъ странъ; вывозъ же предметовъ потребленія относительно падаетъ.

VIII.

Однако, съ точки зрѣнія изложенной теоріи рынка представляетъ, повидимому, большія трудности объясненіе факта отлива капитала изъ странъ старой капиталистической культуры въ страны молодой капиталистической культуры. Отливъ этотъ совершается въ огромныхъ размѣрахъ. Такъ напр. считаютъ, что изъ Англіи уходитъ ежегодно для помѣщенія за границей до 50 милліоновъ

ф. с. капитала, причемъ еще въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка за границей было помѣщено около 2,5 милліардовъ ф. с. англійскаго капитала; Франція помѣщаетъ ежегодно до 1,5 милліарда фр. своихъ сбереженій за границей, причемъ въ настоящее время за границей помѣщено до 40 милліардовъ фр. французскаго капитала, Германія помѣстила за границей до 26 милліардовъ мар. своего капитала и т. д. Эта постоянная и все возрастающая эмиграція капитала изъ странъ старой капиталистической культуры представляетъ собой факторъ огромной важности въ дѣлѣ распространенія капиталистической системы хозяйства по всему міру. Именно благодаря приливу капитала въ молодыя страны капиталъ такъ быстро завоевываетъ въ новѣйшее время одну страну за другой — эмигрируя за границу капиталъ остается капиталомъ и всюду разноситъ новую систему хозяйства.

Чѣмъ же вызывается эмиграція капитала? Не доказываетъ ли она, что въ старыхъ капиталистическихъ странахъ наблюдается перепроизводство капитала, что въ нихъ нѣтъ мѣста для помѣщенія новаго капитала? Но если такъ, то какъ можно утверждать, что капиталъ самъ создаетъ для себя рынокъ?

Однако, фактъ отлива капитала можетъ быть вполнѣ удовлетворительно объясненъ и не прибѣгая къ совершенно несостоятельной теоріи избыточнаго продукта. Капиталъ притекаетъ въ молодыя страны подъ вліяніемъ, прежде всего, болѣе высокаго уровня прибыли, господствующаго въ этихъ странахъ, причины чего были выяснены выше, въ главѣ о прибыли. Капиталъ, по самому своему существу, международенъ; смыслъ и цѣль всего круговорота капитала заключается въ реализаціи возможно болѣе высокаго процента прибыли. Если процентъ прибыли въ одной странѣ выше, чѣмъ въ другой, то это не можетъ не приводить къ тому, что капиталъ уходитъ изъ той страны, гдѣ капиталъ оплачивается ниже, въ ту страну, гдѣ капиталъ даетъ большую прибыль. Процессъ этотъ такъ же закономѣренъ и неизбѣженъ, какъ и передвиженіе воды въ двухъ сообщающихся сосудахъ съ различнымъ уровнемъ воды.

Кромѣ того, на международное перемѣщеніе капитала вліяютъ и факторы другого порядка. Въ старыхъ капиталистическихъ странахъ расширеніе общественнаго производства возможно лишь при пропорціональномъ распредѣленіи добавочнаго капитала, помѣщаемаго въ промышленности. Эта необходимость пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства составляетъ, какъ выше было указано, эластичную повязку капитализма—

постоянно дѣйствующій тормозъ, задерживающій ростъ капиталистическаго производства. Напротивъ, въ молодыхъ странахъ, въ которыхъ капиталистическія предпріятія вкраплены въ систему хозяйствъ иного типа, ростъ капиталистическихъ предпріятій возможенъ за счетъ вытѣсняемыхъ ими формъ некапиталистическаго хозяйства. Поясникъ это на конкретномъ примѣрѣ. Для того, чтобы на внутреннемъ рынкѣ Англіи нашлось мѣсто для добавочнаго количества сукна, для этого необходимо, чтобы соотвѣтственно увеличилось производство какихъ либо другихъ товаровъ, которые могли бы быть обмѣнены на добавочное сукно. Это и затрудняетъ расширеніе въ Англіи суконнаго производства. Напротивъ, въ Россіи расширеніе капиталистическаго суконнаго производства можетъ вовсе не сопровождаться расширеніемъ производства какихъ либо другихъ продуктовъ.

Добавочное сукно, производимое на суконной фабрикѣ, можно просто замѣщать сукно, производившееся раньше некапиталистическимъ образомъ—напр. крестьяниномъ для своихъ собственныхъ нуждъ. Въ этомъ случаѣ капиталистическое производство можетъ быстро расти насчетъ некапиталистическихъ формъ производства, не испытывая на себѣ дѣйствія тормоза, задерживающаго ростъ капиталистическаго хозяйства въ странахъ старой капиталистической культуры. Рынокъ для возрастающаго количества продуктовъ данной отрасли капиталистической промышленности создается въ этомъ случаѣ не пропорціональнымъ расширеніемъ другихъ отраслей капиталистической промышленности, что представляетъ собой очень сложный и трудный процессъ, а разрушеніемъ натуральнаго хозяйства и упадкомъ мелкаго некапиталистическаго производства, съ которымъ конкурируетъ капиталистическое хозяйство.

Такъ напр., г. Николай—онъ высчитывалъ, что за время 1886—1891 г. общее количество льняного волокна и хлопка, перерабатываемаго въ Россіи, сократилась съ 18,5 мил. пуд. до 13,8 мил. пуд.: количество пеньки, собираемой въ Россіи, сократилось за то же время съ 9,4 мил. пуд. до 6 мил. пуд. Это доказывало сильное сокращеніе нашего внутренняго рынка по отношенію къ продуктамъ текстильной промышленности. Но рынокъ для продуктовъ капиталистической текстильной промышленности въ Россіи не только не сократился, а значительно расширился: въ 1886 г. въ Россіи было переработано хлопка 8,3 мил. пуд., а въ 1891 г.—уже 9,9 мил. пуд. Объяснялось это тѣмъ, что бумажная ткань, изготовлявшаяся капиталистическимъ производителемъ, вытѣсняла крестьянскую льня-

ную и пеньковую ткань—рынокъ для капиталистическаго хлопчатобумажнаго производства создавался разрушеніемъ крестьянскаго производства льняныхъ и пеньковыхъ тканей [17]).

Поэтому въ молодыхъ странахъ рынокъ для продуктовъ капиталистической промышленности расширяется съ большей легкостью, чѣмъ въ старыхъ. И въ этомъ заключается важное условіе, благопріятствующее приливу капитала изъ старыхъ странъ въ молодыя.

Однако, отсюда не слѣдуетъ, что въ старыхъ странахъ капиталистическое производство не можетъ развиваться и расти. Эластичная повязка только тормозитъ, а не прекращаетъ ростъ капитализма. На нашихъ глазахъ происходитъ поразительно быстрое развитіе капиталистическаго хозяйства Германіи на основѣ, преимущественно, внутренняго рынка. Вообще, никакихъ границъ для развитія капиталистическаго хозяйства, кромѣ производительныхъ силъ общества, не существуетъ, такъ какъ капиталъ самъ себѣ создастъ рынокъ; но процессъ этого созданія, въ виду необходимости пропорціональнаго распредѣленія общественнаго труда, не можетъ не прерываться задержками и остановками развитія—хозяйственными кризисами, разсмотрѣнію которыхъ посвящена слѣдующая глава.

Въ такой странѣ, какъ Россія, въ которой еще сохранилось натуральное хозяйство и капиталистическое производство охватываетъ лишь меньшинство населенія, размѣръ рынка для продуктовъ капиталистической промышленности очень существенно зависитъ отъ благосостоянія массы населенія, стоящей внѣ капиталистическаго производства. Хорошій урожай увеличиваетъ покупательныя силы массы крестьянства и это увеличиваетъ спросъ на продукты капиталистическаго производства. Напротивъ, разореніе крестьянства сокращаетъ рынокъ для фабричныхъ продуктовъ. Все это совершенно безспорно и не находится ни въ какомъ противорѣчіи съ изложенной въ текстѣ теоріей рынка. Эта теорія должна была разъяснить процессъ реализаціи продукта въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства; поэтому, она должна была исходить изъ предположенія, такъ сказать, замкнутаго капитализма—капиталистической системы, реализующей общественный продуктъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ. Оказалось, что единственнымъ препятствіемъ для такой реализаціи является непропорціональность распредѣленія общественнаго производства, но отнюдь не недостатокъ общественнаго спроса на предметы потребленія. Но препятствіе это все же остается препятствіемъ, дающимъ себя чувствовать вполнѣ реальными

задержками капиталистическаго развитія. Въ молодыхъ странахъ это препятствіе чувствуется гораздо слабѣе благодаря наличности некапиталистическаго рынка. Разореніе массы некапиталистическихъ слоевъ населенія сокращаетъ этотъ некапиталистическій рынокъ и приближаетъ молодыя капиталистическія страны по отношенію къ условіямъ развитія капиталистическаго хозяйства къ старымъ странамъ. Но какъ въ старыхъ странахъ развитіе капиталистическаго производства, несмотря на огромное треніе, создаваемое непропорціональностью общественнаго производства, не прекращается, такъ и разореніе некапиталистическаго населенія въ молодыхъ странахъ не можетъ воспрепятствовать въ нихъ росту капиталистическаго производства.

Разореніе русскаго крестьянства является, конечно, обстоятельствомъ, замедляющимъ развитіе капиталистической промышленности въ Россіи (поскольку, впрочемъ, это разореніе не составляетъ, само по себѣ, одного изъ проявленій роста капитализма—въ вытѣсненіи пеньковой и льняной ткани бумажной выражается упадокъ крестьянскаго хозяйства, но вмѣстѣ ростъ хлопчатобумажной фабрики). Но, несмотря на это, нашъ капитализмъ развивается уже многіе годы и будетъ, конечно, развиваться и впредь. И если развитіе это идетъ не столь быстро, какъ этого можно было бы ожидать, то не по причинѣ недостатка рынка,—рынка для продуктовъ капиталистической промышленности у насъ все же гораздо больше, чѣмъ въ странахъ старой капиталистической культуры—а, какъ это было указано раньше, по причинѣ низкой производительности у насъ общественнаго труда, недостатка капиталовъ и свободы общественной предпріимчивости.

Проблема капиталистическаго рынка имѣетъ для Россіи совершенно особый интересъ, такъ какъ въ связи съ нею рѣшается вопросъ о будущности русскаго капитализма. Наши народники, поэтому, давно обратили вниманіе на эту проблему и въ лицѣ г.г. В. В., Николая—она и др. пришли къ построенію теоріи рынковъ, почти вполнѣ воспроизводившей теорію Сисмонди. А такъ какъ воззрѣнія Маркса на проблему рынка не были вполнѣ ясны, повидимому, ему самому и онъ нерѣдко высказывался по данному вопросу вполнѣ въ духѣ Сисмонди, то нисколько не удивительно, что, отстаивая доктрину избыточнаго продукта, наши народники были убѣждены въ своемъ согласіи съ ученіемъ Маркса. И дѣйствительно, если не самъ Марксъ, то Энгельсъ высказывался именно въ этомъ смыслѣ въ своихъ раннихъ статьяхъ, съ которыми широкая публика познакомилась значительно позже, послѣ изданія Мерингомъ въ 1902 г. собранія болѣе раннихъ работъ Маркса и Энгельса. Если срав-

нить напр. рѣчь Энгельса въ Эльберфельдѣ (Gesammelte Schriften von Marx und Engels. Т. II) или его статью «Die englische Zehnstundenbill» (Тамъ же, Т. III) со статьей В. П. Воронцова «Излишекъ снабженія рынка товарами» въ «Отечественныхъ Запискахъ», то сходство всей аргументаціи прямо поражаетъ. Энгельсъ въ сороковыхъ годахъ доказывалъ невозможность значительнаго развитія въ Германіи капиталистической промышленности и неизбѣжность застоя англійской промышленности совершенно тѣми же аргументами, которыми В. П. Воронцовъ доказывалъ сорокъ лѣтъ спустя невозможность развитія русской капиталистической промышленности.

Изложенная въ текстѣ теорія рынка, впервые развитая въ моей книгѣ «Промышленные кризисы въ современной Англіи", естественно встрѣтила возраженія со стороны народниковъ [18]). Что же касается русскихъ марксистовъ, то для нихъ эта теорія явилась аргументомъ въ въ пользу возможности дальнѣйшаго роста въ Россіи капиталистическаго производства на основѣ внутренняго рынка. И потому, изложенная теорія была вначалѣ признана большинствомъ изъ нихъ теоріей Маркса [19]), для чего имѣлись извѣстныя объективныя основанія, такъ какъ она, дѣйствительно, является логическимъ завершеніемъ анализа круговорота общественнаго капитала, даннаго Марксомъ во второмъ томѣ «Капитала».

Затѣмъ, послѣ выхода въ свѣтъ моей нѣмецкой книги о кризисахъ, съ этой теоріей познакомилась западноевропейская публика. Нѣмецкіе марксисты самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергли, чтобы моя теорія имѣла что-либо общее съ теоріей Маркса; ревизіонисты, какъ Бернштейнъ или Конрадъ Шмидтъ, въ этомъ совершенно сошлись съ ортодоксами, какъ Каутскій или Роза Люксембургъ. Каутскій посвятилъ ея опроверженію рядъ статей, въ которыхъ отвергалъ ее на основаніи почти тѣхъ же доводовъ, которые въ Россіи выдвигалъ противъ нея В. П. Воронцовъ. Тоже нужно сказать и о Конрадѣ Шмидтѣ [20]).

Въ новѣйшее время и русскіе марксисты стали склоняться къ точкѣ зрѣнія своихъ германскихъ собратьевъ. Все это убѣдило меня, что, если изложенная теорія рынка и соотвѣтствуетъ духу марксизма, то она, несомнѣнно, противорѣчитъ его буквѣ. Во всякомъ случаѣ, если даже такіе знатоки марксизма, какъ Каутскій, не въ силахъ найти ее у Маркса, она не можетъ быть приписываема автору «Капитала». Лескюръ правъ, упрекая меня въ томъ, что я напрасно отказываюсь отъ авторскихъ правъ на свою теорію и приписываю ее Марксу [21]). Правы и наши народники, настаивая на томъ, что моя теорія не укладывается въ рамки правовѣрнаго марксизма. Но отъ этого она нисколько не становится хуже

ЛИТЕРАТУРА.

Sismondi. Nouveaux Principes d'économie politique. Его-же. Études sur l'économie politique. Марксъ. Капиталъ. Т. I и III. В. В, Излишекъ снабженія рынка товарами. (Отечественныя Записки. 1883). Его-же. Очерки теоретической экономіи. 1895. Его-же. Производство и потребленіе въ капиталистическихъ обществахъ. 1907. Николай—онъ. Очерки нашего общественнаго пореформеннаго хозяйства. 1893. М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы. Его-же. Теоретическія основы марксизма. С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталисти-

ческомъ производствѣ. 1897. В. Ильинъ. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты. (Сборникъ его статей «Экономическіе этюды и статьи». 1899). Его-же. Развитіе капитализма въ Россіи. 1899. Каутскій. Теоріи кризисовъ. Пер. съ нѣм. 1907. K. Schmidt. Zur Theorie der Ueberproduktion. (Socialistische Monatshefte. 1901). A. Spiethoff. Die Krisentheorien von Tugan-Baranowsky und Pohle. (Jahrbuch für Gezetgebung und Verwaltung des deutschen Reichs. 1903).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ I.

1) Эта схема представляетъ собой нѣсколько измѣненную схему Маркса. См. Капиталъ. Т. II. Стр. 48. Круговоротъ капитала можно начать съ любой формы капитала—напр. съ денежной или производственной. Но разсматривая круговоротъ капитала въ цѣломъ общественнаго хозяйства, мы должны принять исходнымъ, а, значитъ, также и конечнымъ пунктомъ круговорота именно товарную форму по той причинѣ, что общественный процессъ производства заканчивается созданіемъ товара, деньги же являются простымъ орудіемъ обращенія товаровъ. «Форма Т—Т—справедливо замѣчаетъ Марксъ—лежитъ въ основѣ «Tableau économique» Кенэ, проявившаго огромный и вѣрный тактъ, выбравъ именно эту форму» (Капиталъ, II, стр. 58). Схема, приведенная въ текстѣ, предполагаетъ воспроизводство капитала въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ. При воспроизводствѣ же капитала въ расширяющихся размѣрахъ, накопленіи капитала, часть прибавочной цѣнности капиталиста превращается не въ предметы потребленія капиталиста, а въ средства производства и, въ результатѣ, цѣнность товарнаго капитала въ концѣ круговорота оказывается высшей, чѣмъ въ началѣ.

2) J. B. Say. Cours complet d'économie politique pratique. 3 изд. 1852. Т. I. Стр. 339.

3) Объ этомъ см. мою книгу „Промышленные кризисы въ современной Англіи" перв. изд. Стр. 378 и слѣд.

4) Богатство народовъ. Т. I. Стр. 477.

5) Начала политической экономіи, 221.

6) Богатство народовъ. Т. II. Стр. 111.

7) Начала политической экономіи, 87—88.

8) Цѣна каждаго продукта—утверждалъ А. Смитъ—разлагается безъ остатка на ренту, прибыль и заработную плату. Но развѣ цѣнность средствъ производства не входитъ въ цѣнность продуктовъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Смитъ. „Въ цѣнѣ хлѣба, напр. одна часть оплачиваетъ ренту поземельнаго собственника, другая—заработную плату или содержаніе работника и рабочаго скота, а третья часть составляетъ прибыль фермера. Эти три части непосредственно и окончательно составляютъ всю цѣну хлѣба. Повидимому, можно было бы думать, что къ нимъ можно присоединить еще четвертую часть, необходимую для возвращенія капитала фермера и для вознагражденія за его рабочій скотъ и земледѣльческія орудія. Но если вникнуть хорошенько въ этотъ предметъ, то нетрудно замѣтить, что цѣна каждаго орудія для земледѣльца, какъ напр. лошади, сама состоитъ изъ этихъ же трехъ частей: изъ дохода съ земли, на которой она взрощена, изъ труда работника,

который кормилъ и присматривалъ за нею, и изъ прибыли фермера, который оплатилъ доходъ съ земли и содержаніе работника. Поэтому, хотя хлѣбъ долженъ оплатить также и цѣну лошади и ея содержаніе, тѣмъ не менѣе полная цѣна его всегда можетъ быть разложена, непосредственно или въ окончательномъ результатѣ, на однѣ и тѣ же составныя части, — ренту, трудъ и прибыль. (Богатство народовъ, I-171—172) Это разсужденіе представляетъ собой любопытный образчикъ наивнаго софизма и Марксъ имѣлъ полное основаніе назвать его „изумительнымъ". Вѣдь совершенно съ тѣмъ же основаніемъ, съ какимъ Смитъ скидываетъ со счетовъ одну составную часть расхода производства—расходъ на средства производства,—онъ могъ бы скинуть со счетовъ и любую другую часть, могъ бы напр. утверждать, что только средства производства составляютъ окончательный расходъ производства, а заработная плата совсѣмъ не является статьей расхода. Можно было бы напр. сказать, что, хотя заработная плата входитъ въ составъ цѣны продукта, но вѣдь предметы потребленія рабочаго созданы при помощи средствъ производства, которыя и являются, поэтому, окончательнымъ элементомъ цѣны. Съ такимъ же правомъ можно было бы утверждать, что предки каждаго человѣка только мужчины, а не женщины: хотя каждый и имѣетъ мать, но вѣдь мать существовала лишь потому, что она имѣла отца и т. д. Но что всего болѣе изумительно, это то, что нелѣпость разсужденія Смита вплоть до настоящаго времени совершенно не сознается экономистами, которые, какъ и Смитъ, продолжаютъ утверждать, что средства производства не являются составной частью общественнаго продукта, цѣликомъ разлагающагося на элементы народнаго дохода—ренту, прибыль и заработную плату.

9) Теорія рынка Сисмонди изложена имъ въ „Nouveaux Principes d'économie politique" 1827, 2 и 4-я книга и въ „Études sur l'économie politique" въ 1, 2, 13 и 14 этюдѣ.

10) Объ этомъ см. въ моей книгѣ „Теоретическія основы марксизма" Глава IX.

11) Теорія рынка, положенная въ основу III тома „Капитала", находится въ полномъ противорѣчіи со схемами воспроизводства общественнаго капитала, данными во II томѣ. Но нужно имѣть въ виду, что третій томъ, какъ указываетъ Энгельсъ, былъ написанъ значительно раньше II тома, представляющаго собой послѣднюю работу Маркса, его самый зрѣлый трудъ. (объ этомъ см. предисловіе Энгельса ко II тому „Капитала").

12) Въ „Теоретическихъ основахъ марксизма" я даю схемы накопленія капитала при предположеніи абсолютнаго сокращенія общественнаго потребленія. Никакого избыточнаго продукта при этомъ не образуется по той причинѣ, что сокращеніе спроса на предметы потребленія компенсируется увеличеніемъ спроса на средства производства. Можетъ показаться непонятнымъ, на что будутъ употребляться средства производства, если спросъ на предметы потребленія сокращается. Отвѣтъ труденъ. Средства производства затрачиваются въ этомъ случаѣ во все возрастающей степени на производство новыхъ средствъ производства. Пусть всѣ рабочіе вплоть до одного будутъ замѣщены машинами; въ такомъ случаѣ, этотъ единственный рабочій будетъ приводить въ движеніе всю колоссальную массу машинъ и съ ихъ помощью производить

новыя машины и предметы потребленія капиталистическаго класса. Рабочій классъ исчезнетъ, но это нисколько не затруднитъ реализаціи продуктовъ капиталистической промышленности. Капиталисты будутъ получать въ свое распоряженіе все большую массу предметовъ потребленія и весь общественный продуктъ одного года будетъ поглощаться производствомъ и потребленіемъ капиталистовъ слѣдующаго года. Если же капиталисты, въ своей страсти къ накопленію, пожелаютъ сократить и свое собственное потребленіе, то и это вполнѣ осуществимо; въ этомъ случаѣ сократится производство предметовъ потребленія капиталистовъ и еще большая часть общественнаго продукта будетъ состоять изъ средствъ производства, предназначенныхъ для дальнѣйшаго расширенія производства. Будутъ производиться, напр., уголь и желѣзо, которые будутъ идти на дальнѣйшее расширеніе производства угля и желѣза. Расширенное производство угля и желѣза за каждый послѣдующій годъ будетъ поглощать уголь и желѣзо, произведенные въ предыдущемъ году, и такъ до безконечности, пока не будутъ исчерпаны естественные запасы соотвѣтствующихъ минераловъ. Цѣлью же производства въ этомъ случаѣ будетъ накопленіе капитала въ чистомъ видѣ—капиталистъ будетъ руководиться въ своемъ образѣ дѣйствій тѣми же мотивами, которые заставляютъ скрягу собирать сокровища, которыми онъ фактически не пользуется, но въ каждый моментъ можетъ воспользоваться, если пожелаетъ; точно также и капиталистъ можетъ всегда, когда пожелаетъ, оборвать этотъ процессъ накопленія капитала и воспользоваться колоссальными производительными силами, которыми онъ располагаетъ въ силу предшествовавшаго накопленія, для производства предметовъ своего потребленія—дворцевъ и шелковыхъ тканей, а не угля и желѣза.. Все это звучитъ очень странно и можетъ показаться величайшей нелѣпостью. Быть можетъ—истина не всегда легко доступна пониманію; все же она остается истиной. Само собой разумѣется, что я называю истиной не совершенно произвольное и отнюдь не соотвѣтствующее дѣйствительности предположеніе, будто замѣщеніе ручного труда машиннымъ ведетъ къ абсолютному сокращенію числа рабочихъ (предположеніе это нужно мнѣ лишь для доказательства того, что моя теорія сохраняетъ всю свою силу даже въ своихъ самыхъ крайнихъ выводахъ), но положеніе, что, при пропорціональномъ распредѣленіи общественнаго производства, никакое сокращеніе общественнаго потребленія не можетъ повести къ образованію избыточнаго продукта.

13) Къ первой группѣ отнесены рабочіе въ сельскомъ хозяйствѣ, садоводствѣ, рыболовствѣ, текстильной промышленности, обработкѣ кожи, пищевыхъ веществъ, изготовленіи предметовъ одежды, трактирномъ промыслѣ, ко второй группѣ рабочіе въ горномъ дѣлѣ, обработкѣ камня и глины, производствѣ машинъ и инструментовъ, химической промышленности, производствѣ освѣтительныхъ веществъ, мыла и маслъ, писчебумажномъ, обработкѣ дерева, строительномъ, полиграфическомъ производствѣ. Конечно, эта группировка ни малѣйшимъ образомъ не претендуетъ на точность и служитъ лишь для цѣлей иллюстраціи.

14) Этотъ избытокъ ввоза надъ вывозомъ объясняется, какъ было разъяснено выше, тѣмъ, что Англія является кредиторомъ другихъ странъ, уплачивающихъ Англіи проценты по своимъ долгамъ товарами.

15) „Съ тѣхъ поръ, какъ Китай доступенъ міровой торговлѣ—писалъ Энгельсъ въ 40-хъ годахъ—нѣтъ новыхъ рынковъ, которые можно было бы завоевать, а нужно увеличивать использованіе старыхъ рынковъ, благодаря чему ростъ промышленности въ будущемъ долженъ быть, по необходимости, болѣе медленнымъ". „Англійскіе промышленники—говоритъ онъ въ то же время въ другомъ мѣстѣ—средства производства которыхъ расширяются несравненно быстрѣе, чѣмъ рынки, идутъ быстрыми шагами къ тому моменту, когда ихъ средства помощи будутъ исчерпаны, когда періоды процвѣтанія, раздѣляющіе теперь одинъ кризисъ отъ другого, совершенно исчезнутъ подъ давленіемъ производительныхъ силъ, достигнувшихъ чрезмѣрнаго развитія, когда кризисы будутъ отдѣлены другъ отъ друга короткими періодами вялой, „едва оживляющейся промышленной дѣятельности" Gesammelte Schriften von Marx und Engels. Т. II. Стр. 393 и Т. III. Стр. 389.

16) Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im 19 Jahrhundert Стр. 430—431.

17) Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства, 239.

18) Въ новѣйшее время эти возраженія сгруппированны въ книгѣ г. В. В. „Производство и потребленіе въ капиталистическихъ обществахъ" 1907.

19) См. напр. книги С. Булгакова „О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ" 1897. В. Ильина. „Развитіе капитализма въ Россіи" и статьи В. Ильина, Неждановa, Изгоева и др. по вопросу о рынкахъ и развитіи капитализма въ Россіи въ марксистскихъ журналахъ „Новое Слово", „Жизнь" „Научное обозрѣніе" „Начало" въ 90-хъ годахъ.

20) См. Каутскій. Теоріи кризисовъ. Пер. съ нѣм. 1907. K. Schmidt. Zur Theorie der Handelskrisen und der Ueberproduktion (Socialistische Monatshefte. 1901).

21) Жанъ Лескюръ. Пер. съ французскаго Н. И. Сувирова. 1948. Стр. 433.

ГЛАВА II.

Кризисы капиталистическаго хозяйства.

I. Капиталистическій циклъ. Фазисы этого цикла. Подъемъ. Кризисъ. Упадокъ. II. Капиталистическій циклъ въ Англіи. Кризисы второй четверти 19 вѣка. Колебанія англійской промышленности въ послѣднія десятилѣтія. Замѣна острыхъ кризисовъ періодами промышленнаго застоя. III. Теоріи кризисовъ. Колебанія урожая и кризисы. Теорія Джевонса. Теорія Лавеле. Теорія Жюглара. Теорія Милльса. Теорія Сисмонди и Родбертуса. IV. Объясненіе капиталистическаго цикла и періодичности кризисовъ. Какъ возникаетъ общее перепроизводство изъ частичнаго перепроизводства. Какія особенности капиталистическаго хозяйства дѣлаютъ кризисы необходимыми. Періодичность колебаній цѣнъ желѣза. Почему основной капиталъ расширяется толчками. Періодичность накопленія и расходованія капитала. Механизмъ капиталистическаго цикла. Почему въ Англіи прекратились кризисы прежняго типа. Дополнительныя замѣчанія. Американскій кризисъ 1907 г. Почему въ Америкѣ не было кризиса въ 1903 г. Почему въ Россіи промышленный застой такъ устойчивъ. Связь теоріи кризисовъ и теоріи рынка.

II.

Самой загадочной и поражающей особенностью капиталистическаго развитія является свойственная ему цикличность. Ростъ капиталистическаго производства идетъ не по прямой, а по волнообразной линіи, причемъ послѣдовательные подъемы и паденія этихъ волнъ совершаются съ такой правильностью, которая напоминаетъ явленія не соціальнаго, а біологическаго, даже неорганическаго порядка. Были даже попытки привести въ связь эту періодичность съ періодичностью астрономическихъ явленій (теорія кризисовъ Джевонса). И хотя эти попытки были неудачны, самая возможность ихъ крайне характерна, доказывая особую закономѣрность капиталистическаго цикла.

Въ наиболѣе яркой и опредѣленной формѣ капиталистическій циклъ выраженъ въ капиталистическомъ развитіи Англіи. Начиная съ двадцатыхъ годовъ закончившагося вѣка и вплоть до нашего времени Англія каждое десятилѣтіе переживаетъ фазисы подъема и упадка промышленности. Эти правильно чередующіеся періоды промышленнаго подъема и упадка своей совокупностью образуютъ то, что можно назвать капиталистическимъ цикломъ.

Капиталистическій циклъ закономѣрно проходитъ нѣсколько неизмѣнно смѣняющихъ другъ друга фазисовъ. Фазисъ промышленнаго подъема характеризуется общимъ расширеніемъ хозяйственной дѣятельности, расширеніемъ производства, основаніемъ новыхъ капиталистическихъ предпріятій, ростомъ торговли, подъемомъ духа торговой спекуляціи и цѣлымъ рядомъ закономѣрныхъ измѣненій въ области кредита и денежнаго обращенія. Въ области кредита замѣчается расширеніе ссудныхъ операцій — банки обильно кредитуютъ своихъ кліентовъ хранящимися у нихъ капиталами, благодаря чему уменьшается кассовая наличность банковъ; подъ вліяніемъ этого послѣдняго обстоятельства учетный процентъ повышается.

Чрезвычайно характернымъ симптомомъ промышленнаго подъема является повышательное движеніе товарныхъ цѣнъ. Общій уровень цѣнъ значительно подымается, что указываетъ на значительное увеличеніе общественнаго спроса. Повышательное движеніе цѣнъ повышаетъ предпринимательскую прибыль и является непосредственнымъ стимуломъ расширенія производства и спекулятивной горячки.

Въ то же время, въ области денежнаго обращенія наблюдаются свои закономѣрныя измѣненія. Въ странѣ, которая охвачена промышленной горячкой, обычно наблюдается продолжительный отливъ звонкой монеты за границу. Вексельный курсъ становится упорно неблагопріятнымъ. Этотъ отливъ звонкой монеты отражается на кассахъ банковъ, которые съ тревогой видятъ сокращеніе золотыхъ запасовъ въ ихъ рукахъ.

И вотъ, когда кассы банковъ очень ослаблены, съ одной стороны, расширеніемъ ссудной операціи, а съ другой уходомъ золота за границу, когда учетный процентъ стоитъ значительно выше обычнаго уровня и кредитъ крайне напряженъ — слѣдуетъ внезапное крушеніе кредита, крахъ, паника и кризисъ. Какъ общее правило, промышленному кризису предшествуетъ биржевой кризисъ. Еще задолго до общей паники на биржѣ происходитъ паденіе курсовъ биржевыхъ бумагъ и прежнее повышательное движеніе биржевыхъ курсовъ смѣняется понижательнымъ движеніемъ. Однако, биржевой кризисъ первое время обычно оказывается локализированнымъ на биржѣ и не препятствуетъ повышательному ходу промышленности. Но черезъ нѣкоторое время за биржевымъ крахомъ слѣдуетъ и крахъ на товарномъ рынкѣ, приводящій къ общему параличу всей хозяйственной жизни страны. Этотъ общій кризисъ выражается, прежде всего, въ стремительномъ паденіи товарныхъ цѣнъ и,вытекаю-

щими отсюда, массовыми банкротствами промышленныхъ, торговыхъ и кредитныхъ предпріятій. Одновременно дѣлаетъ огромный скачекъ вверхъ дисконтный процентъ, что указываетъ на крайнее сокращеніе кредита; каждый предприниматель, чтобы избѣгнуть разоренія, стремится до послѣдней степени использовать свой кредитъ—всѣмъ нужны наличныя деньги, реальный, а не фиктивный капиталъ, и дисконтный процентъ достигаетъ огромной высоты. Слѣдствіемъ всего этого является сокращеніе промышленной и торговой дѣятельности страны. Фабрики и заводы не работаютъ и массовая безработица довершаетъ картину общаго хозяйственнаго застоя. Паника проходитъ, но въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени промышленность остается въ застоѣ. Товарныя цѣны остаются низкими, производство не расширяется, въ банкахъ скопляется много капитала, не находящаго себѣ примѣненія, спросъ на ссудный капиталъ не достигаетъ предложенія, почему дисконтный процентъ держится на низкомъ уровнѣ.

Въ области денежнаго обращенія наступленіе промышленнаго кризиса и паника выражаются тѣмъ, что деньги перестаютъ уходить изъ страны, вексельный курсъ становится благопріятнымъ и мало-по-малу золото начинаетъ возвращаться въ страну обратно. Подобно тому, какъ для фазиса промышленнаго подъема характеренъ отливъ золота за границу, и неблагопріятный вексельный курсъ, такъ для фазиса промышленнаго застоя характеренъ приливъ золота изъ за границы и благопріятный вексельный курсъ.

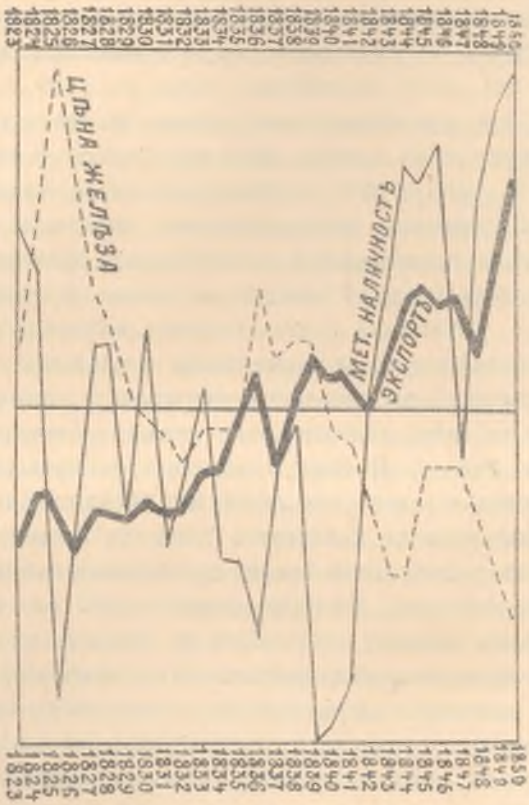
Такимъ образомъ, капиталистическій циклъ слагается изъ трехъ фазисовъ промышленнаго подъема, кризиса и промышленнаго застоя. Однако, кризисъ не есть неизбѣжный фазисъ капиталистическаго цикла—подъемъ можетъ переходить въ застой и постепенно, безъ остраго кризиса. Въ такомъ случаѣ капиталистическій циклъ слагается изъ двухъ фазисовъ—подъема и застоя промышленности.

II.

Конкретнымъ примѣромъ капиталистическаго цикла можетъ служить, какъ сказано, промышленная исторія Англіи со времени двадцатыхъ годовъ закончившагося вѣка. При этомъ, для характеристики какъ общей цикличности развитія англійской промышленности, такъ и происшедшихъ измѣненій въ условіяхъ этого развитія, поучительно сравненіе промышленныхъ колебаній въ Англіи во второй четверти прошедшаго вѣка съ данными

новѣйшаго времени. Нижеслѣдующая діаграмма характеризуетъ эти колебанія за время 1823—1850 г.г. [1]).

Наиболѣе закономѣрно колебалась кривая цѣны желѣза (прерывистая линія): на ней ясно видны за разсматриваемое время



три волны, причемъ первая волна достигаетъ максимума въ 1825 г., за которымъ слѣдуетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ быстрое паденіе, вторая волна достигаетъ максимума въ 1836 г. и опять слѣдуетъ паденіе, а третья волна достигаетъ максимума въ 1845—47 гг. и падаетъ въ послѣдующіе годы. Что касается до кривой экспорта, то въ 1825 г. она также достигаетъ максимума, а въ слѣдующемъ году падаетъ; 1836 г. также отмѣченъ повышеніемъ, а слѣдующій годъ пониженіемъ экспорта; наконецъ, 1844—47 г. характеризуются значительно возросшимъ экспортомъ, а 1848 г.—паденіемъ экспорта.

На кривой металлической наличности Англійскаго банка точно также ясно отражаются три волны, которыя испытало движеніе цѣны желѣза. Въ 1825 г. металлическая

наличность Англійскаго банка сильно падаетъ, а въ послѣдующіе годы повышается; золото уходитъ изъ кассы Англійскаго банка и въ 1836 г., чтобы вернуться въ нее въ 1837; то же самое повторяется и въ 1847—1848 г. Но на ряду съ этими періодическими колебаніями разсматриваемая кривая, колеблющаяся вообще очень сильно, испытываетъ и непериодическія колебанія; особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе сильный отливъ золота изъ кассъ Англійскаго банка въ 1839 г., наиболѣе сильный за все разсматриваемое время, но не сопровождавшійся подъемомъ цѣнъ желѣза, какъ три періодическихъ отлива.

Годы 1825, 1836 и 1847 отмѣчены въ Англіи тяжелыми промышленными кризисами, повторявшимися, такимъ образомъ, черезъ одни и тѣже промежутки времени—черезъ одиннадцать лѣтъ. Остановимся надъ исторіей каждаго изъ этихъ кризисовъ.

Въ 1823 г. англійская промышленность вступаетъ въ фазисъ подъема, выражавшагося въ возрастаніи товарныхъ цѣнъ (особенно цѣнъ желѣза), расширеніи производства и вывоза товаровъ заграницу. Особенно значительный подъемъ товарныя цѣны испытали въ 1825 г. Именно повышеніе товарныхъ цѣнъ и привело къ отливу золота изъ кассъ Англійскаго банка.

Чѣмъ выше уровень товарныхъ цѣнъ на томъ или иномъ опредѣленномъ рынкѣ, тѣмъ больше привлекаетъ данный рынокъ иностранныхъ товаровъ. Высокій уровень цѣнъ въ Англіи въ 1825 г. привелъ къ тому, что ввозъ въ Англію иностранныхъ товаровъ увеличился гораздо значительнѣе, чѣмъ возросъ вывозъ англійскихъ товаровъ заграницу. За этотъ добавочный ввозъ Англія должна была заплатить звонкой монетой—и вотъ причина, почему съ половины 1824 г. золото начинаетъ непрерывно отливать изъ Англіи заграницу.

Этотъ отливъ продолжается до конца сентября 1825 г. Затѣмъ отливъ золота изъ Англіи заграницу совершенно прекратился; но, однако, золото не возвращалось въ кассу банка. Наоборотъ, банкъ сталъ терять свое золото съ еще большей быстротой. Зависѣло это отъ того, что въ октябрѣ разражается общій промышленный кризисъ—слѣдуютъ массовыя банкротства банковъ и торговопромышленныхъ фирмъ. Наступившая паника и всеобщее сокращеніе кредита вызвали внутри страны чрезвычайный спросъ на наличныя деньги—и деньги стали отливать изъ кассы Англійскаго банка для удовлетворенія внутренняго спроса. Но это самое обстоятельство вызвало и прекращеніе отлива золота заграницу: появившійся внутри страны усиленный

спросъ на золото препятствовалъ вывозу его заграницу и даже создалъ обратный приливъ золота изъ за границы.

За кризисомъ послѣдовалъ продолжительный застой промышленности и торговли. Сокращеніе въ странѣ торговыхъ оборотовъ уменьшило спросъ внутри страны на наличныя деньги—и вотъ почему деньги, по миновании паники, быстро вернулись въ кассу Англійскаго банка: дѣлать имъ внутри страны было нечего.

Непосредственной причиной массовыхъ банкротствъ и паники было паденіе курсовъ биржевыхъ бумагъ и товарныхъ цѣнъ, начавшееся еще въ половинѣ 1825 г. Это разорило всѣхъ спекулянтовъ, игравшихъ на повышеніе, а также и множество вполнѣ солидныхъ кредитныхъ и торговопромышленныхъ учрежденій, которыя не могли выдержать удара, нанесеннаго паденіемъ курсовъ и цѣнъ.

Такимъ образомъ, за фазисомъ промышленнаго подъема послѣдовалъ фазисъ кризиса, а за фазисомъ кризиса—фазисъ промышленнаго застоя, охватившаго собой конецъ двадцатыхъ годовъ. Этимъ капиталистическій циклъ двадцатыхъ годовъ закончился—за подъемомъ послѣдовалъ застой, раздѣленный между собой нѣсколькими мѣсяцами острой паники и кризиса.

Новый промышленный подъемъ начинается въ Англіи въ 1833—34 годахъ. Опять послѣдовало огромное повышеніе товарныхъ цѣнъ, расширеніе производства и вывоза. Одновременно съ этимъ сталъ наблюдаться и отливъ англійскаго золота заграницу—и по той же причинѣ: повышеніе общаго уровня товарныхъ цѣнъ, благодаря непропорціонально быстрому повышенію ввоза, сдѣлало платежный балансъ неблагопріятнымъ для Англіи. Съ 1836 г. отливъ англійскаго золота заграницу прекращается, но слѣдуетъ кризисъ, паника и золото начинаетъ отливать изъ Англійскаго банка внутрь страны для удовлетворенія острой потребности въ наличныхъ деньгахъ, чтобы затѣмъ, по минованію паники, опять вернуться въ кассы банка. Паника произошла въ ноябрѣ (въ 1825 г. въ октябрѣ). Непосредственной причиной, вызвавшей крушеніе торговопромышленныхъ фирмъ, было паденіе товарныхъ цѣнъ, начавшееся, какъ и въ 1825 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до паники. Паденіе курса биржевыхъ бумагъ началось еще раньше: уже въ 1835 г. Англія пережила биржевой кризисъ — крушеніе курсовъ биржевыхъ цѣнностей, явившееся сигналомъ приближавшагося общаго промышленнаго кризиса.

Конецъ тридцатыхъ годовъ характеризуется такимъ же об-

щимъ промышленнымъ застоемъ, какъ и конецъ двадцатыхъ годовъ. Однако, въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ денежномъ обращеніи Англіи происходятъ явленія, не имѣвшія ничего аналогичнаго въ двадцатыхъ годахъ. Въ 1839 г. возникаетъ чрезвычайно сильный отливъ золота изъ кассы Англійскаго банка—болѣе сильный, чѣмъ передъ кризисами 1825 и 1836 гг. При этомъ, золото отливаетъ при совершенно иной экономической обстановкѣ, чѣмъ въ годы передъ кризисами: отливу не предшествуетъ повышеніе цѣны желѣза и расширеніе вывоза товаровъ заграницу. Въ 1838 г. промышленность Англіи вовсе не находилась въ томъ состояніи общаго возбужденія, которое неизбѣжно заканчивается кризисомъ. Наоборотъ, промышленность была въ застоѣ, такъ какъ еще не была закончена ликвидація предшествовавшаго кризиса. И, тѣмъ не менѣе, отливъ золота изъ кассъ банка былъ сильнѣе, чѣмъ когда либо раньше.

Отливъ этотъ былъ вызванъ не закономѣрнымъ движеніемъ капиталистическаго цикла, а причиной совершенно случайной по отношенію къ этому циклу: Англія испытала въ 1838 и 1839 г.г. сильные неурожаи, слѣдствіемъ чего явился необычайно значительный подвозъ хлѣба въ Англію изъ за границы. Необходимость оплатить звонкой монетой этотъ экстраординарный ввозъ и привела къ опустошенію кассы Англійскаго банка.

Итакъ, отливъ золота въ 1839 г. возникъ на совершенно иной почвѣ, чѣмъ отливы 1825 и 1836 гг. И потому, за нимъ не послѣдовало тѣхъ явленій, которыя слѣдовали за предшествовавшими отливами—паники и сжатія кредита. Въ 1839 г. не было ничего похожаго на промышленный кризисъ; былъ только денежный кризисъ, явившійся фактическимъ доказательствомъ, что отливъ золота заграницу есть с и м п т о м ъ приближающагося промышленнаго кризиса, но не п р и ч и н а послѣдняго.

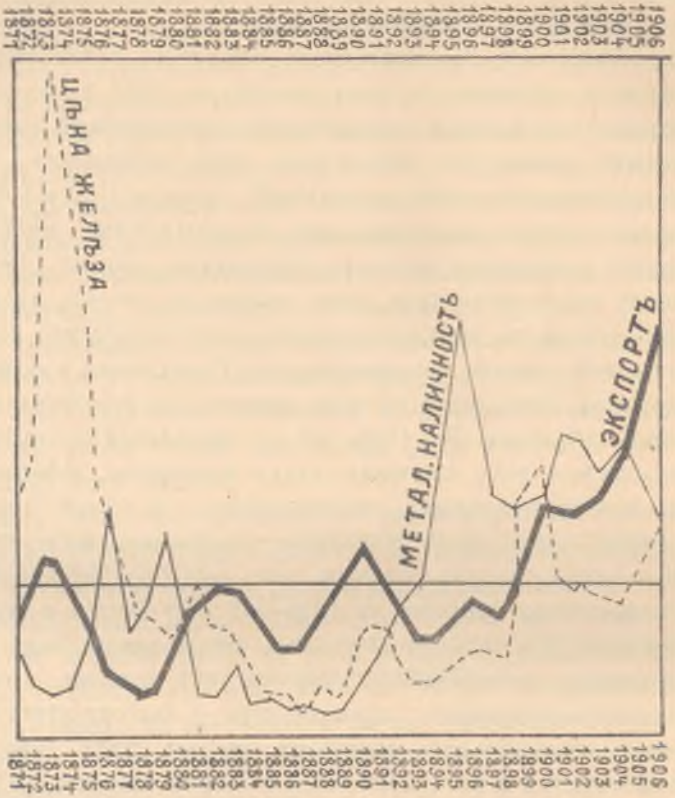
Послѣ кризисовъ 1825 и 1836 гг. касса Англійскаго банка очень быстро пополнялась деньгами; напротивъ, послѣ денежнаго кризиса 1839 г. металлическая наличность банка болѣе года стоитъ на томъ же низкомъ уровнѣ. Объясняется это все тѣмъ же: такъ какъ промышленнаго кризиса въ 1839 г. не было, то не было и причины для того рѣзкаго сокращенія торговопромышленной дѣятельности, которое неизмѣнно слѣдуетъ за промышленнымъ кризисомъ и которое приводитъ къ сокращенію потребности страны въ звонкой монетѣ, скопляющейся въ этихъ случаяхъ въ своихъ запасныхъ резервуарахъ—кассахъ банковъ. Въ 1840 г. торговля и промышленность не испытали значитель-

наго сокращенія и потому для обратнаго прилива звонкой монеты въ кассы банка основаній не было.

Слѣдующая волна промышленнаго оживленія начинается съ 1843—44 г. и доходитъ до своего апогея въ 1847 г. Въ этомъ году разражается обычный періодическій промышленный кризисъ, происшедшій, однако, въ значительно иной обстановкѣ, чѣмъ кризисы предшествовавшихъ десятилѣтій. Кризисы 1825 и 1836 гг. происходили въ годы максимальнаго поднятія цѣнъ желѣза и наибольшаго расширенія экспорта. Напротивъ, кризисъ 1847 г произошелъ послѣ того, какъ цѣны желѣза въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ стояли на высокомъ уровнѣ—непосредственно передъ кризисомъ, онѣ, однако, не повышались. Точно также и экспортъ не обнаружилъ расширенія въ годъ кризиса. Все это объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ 1846—47 гг. англійская промышленность находилась подъ вліяніемъ двухъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны, въ это время происходило усиленное желѣзнодорожное строительство—Англія строила большую часть своей желѣзнодорожной сѣти. Съ другой же стороны, въ 1845—46 году Англія и Ирландія пострадали отъ сильнаго неурожая—въ Ирландіи былъ даже сильный голодъ, потребовавшій общественной помощи. Первый факторъ—желѣзнодорожное строительство — благопріятствовалъ расширенію общественнаго спроса на товары, такъ какъ постройка желѣзныхъ дорогъ требовала огромной затраты средствъ производства; напротивъ, неурожай и голодъ сокращали покупательныя силы населенія и размѣръ общественнаго спроса. Именно благодаря дѣйствію этого втораго фактора промышленный подъемъ не шелъ нарастающимъ темпомъ передъ кризисомъ 1847 г. Но, во всякомъ случаѣ, желѣзнодорожное строительство въ Англіи повело къ тому, что, несмотря на неурожай, 1846—47 гг. были годами промышленнаго подъема.

Отливъ золота изъ кассъ Англійскаго банка въ 1847 г. былъ вызванъ, главнымъ образомъ, усиленнымъ подвозомъ хлѣба изъ за границы по крайне высокой цѣнѣ. Осенью этого года цѣна хлѣба сильно упала подъ вліяніемъ хорошаго урожая. Это паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и явилось толчкомъ, непосредственно вызвавшимъ кризисъ: за крушеніемъ хлѣбныхъ фирмъ послѣдовали крушенія банковъ и общая паника.

Таковы были періодическіе кризисы второй четверти истекшаго вѣка. Нижеслѣдующая діаграмма характеризуетъ собой колебанія англійской промышленности за время 1871—1906 гг. Періодическія колебанія англійской промышленности не прекра-



тились, но характеръ ихъ существенно измѣнился. Различіе сравнительно съ колебаніями прежняго времени заключается въ томъ, что колебанія прежняго времени были связаны съ очень рѣзкими потрясеніями кредита, теперь почти прекратившимися.

1871—1873 годы характеризуются значительнымъ промышленнымъ подъемомъ и огромнымъ повышеніемъ цѣнъ желѣза. Затѣмъ слѣдуетъ паденіе цѣнъ желѣза и сокращеніе экспорта, но кривая металлической наличности Англійскаго банка вовсе не дѣлаетъ того рѣзкаго скачка внизъ, который въ прежнее время неизмѣнно слѣдовалъ за промышленнымъ подъемомъ. Отсутствіе отлива металла изъ кассы банка внутрь страны указываетъ, что паденіе волны промышленнаго подъема не сопровождалось на этотъ разъ разстройствомъ кредита и паникой. Дѣйствительно, хотя въ 1873 г. произошелъ міровой промышленный кризисъ, отъ котораго особенно пострадала Германія и Америка, въ Англіи въ 1873 г. ничего похожаго на промышленные кризисы прежняго типа не было—не было ни массовыхъ банкротствъ, ни пріостановки пла-

тежей банковыми учрежденіями и пр. Однако, несмотря на то, что паники не было, волна промышленнаго оживленія упала и продолжала падать въ теченіе цѣлаго ряда послѣдующихъ лѣтъ.

Съ начала восьмидесятыхъ годовъ слѣдуетъ новый промышленный подъемъ, но очень слабый; максимумъ поднятія промышленной волны приходится на 1882—1883 гг., причемъ, однако же, цѣнность вывоза въ эти годы не достигаетъ уровня 1873 г. Цѣны желѣза въ 1880 г. также подымаются, но еще слабѣе, чѣмъ цѣнность экспорта. 1884—1886 годы характеризуются паденіемъ экспорта и низкимъ уровнемъ желѣзныхъ цѣнъ. Капиталистическій циклъ заканчивается, за подъемомъ слѣдуетъ упадокъ, но на этотъ разъ уже безъ всякаго признака потрясенія кредита: металлическая наличность Англійскаго банка не испытываетъ почти никакихъ колебаній. Волна экспорта подымается и опускается правильно и постепенно, безъ рѣзкихъ подъемовъ и паденій.

Конецъ восьмидесятыхъ годовъ отмѣчается новымъ подъемомъ промышленной волны—расширяется экспортъ и повышаются цѣны желѣза. Въ 1890 г. слѣдуетъ довольно рѣзкое паденіе—но опять-таки внѣ связи съ разстройствомъ кредита: металлическая наличность Англійскаго банка не только не падаетъ въ 1890 г., а значительно увеличивается.

Наступаетъ промышленный застой, продолжавшійся до 1895 г. Затѣмъ слѣдуетъ новая волна повышенія, достигающая максимума въ 1900 г. Застой 1901—1903 г. выражается очень слабымъ сокращеніемъ экспорта и довольно рѣзкимъ паденіемъ цѣны желѣза. Съ 1904—1905 г. устанавливается опять повышательное движеніе, которое оборвалось въ 1908 г.

III.

Таковы факты капиталистическаго развитія передовой страны капитализма—Англіи. Капиталистическій циклъ выраженъ въ Англіи съ наибольшей опредѣленностью, но и во всѣхъ другихъ капиталистическихъ странахъ наблюдаются періодическія колебанія промышленности. Со времени 70-хъ годовъ закончившагося вѣка фазисы подъема и застоя охватываютъ собой одновременно или почти одновременно весь капиталистическій міръ. Промышленные застои конца 70-хъ, половины 80-хъ, начала 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, равно какъ и начала текущаго столѣтія имѣли вполнѣ міровой характеръ; разница была лишь въ томъ,

что въ различныхъ странахъ промышленный застой имѣлъ различную степень интенсивности. То же нужно сказать и о промышленныхъ подъемахъ, причемъ, какъ общее правило, сила потрясенія народнаго хозяйства той или иной страны при переходѣ отъ подъема къ упадку была прямо пропорціональна интенсивности подъема. Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ промышленные подъемы были выражены не рѣзко, не наблюдалось и рѣзкаго потрясенія кредита при переходѣ къ застою; наоборотъ, въ странахъ съ большей энергіей подъема упадокъ промышленной волны сопровождался острыми кризисами и паниками. Такъ, Англія за это время не испытала ни одного типичнаго промышленнаго кризиса: ихъ мѣсто заступили продолжительные періоды промышленнаго застоя, не сопровождавшіеся паниками и рѣзкими разстройствами кредита. Напротивъ, Германія и Соединенные Штаты испытали за это время рядъ періодическихъ промышленныхъ кризисовъ, нисколько не менѣе интенсивныхъ, чѣмъ англійскіе кризисы прежняго времени.

Чѣмъ же объясняется это загадочное явленіе капиталистическаго развитія—его цикличность, періодическая смѣна фазисовъ подъема и упадка? Экономическая наука долгое время была не въ силахъ удовлетворительно отвѣтить на этотъ трудный вопросъ.

Различныя теоріи, которыя въ прежнее время предлагались въ наукѣ для объясненія проблемы кризисовъ, могутъ быть подраздѣлены на три группы. Къ первой группѣ можно отнести теоріи, искавшія причинъ кризисовъ въ сферѣ общественнаго производства, ко второй—въ сферѣ общественнаго обмѣна, къ третьей—въ сферѣ общественнаго распредѣленія.

Особенностью промышленныхъ кризисовъ новѣйшаго времени является ихъ періодичность. Если причина кризисовъ коренится всецѣло въ сферѣ производства, то періодичность промышленныхъ кризисовъ можетъ зависѣть лишь отъ того, что въ той или иной сферѣ общественнаго производства происходятъ подъ вліяніемъ своихъ особыхъ причинъ, свойственныхъ именно данной сферѣ производства, періодическія колебанія. Какая же сфера общественнаго производства подвержена своимъ самостоятельнымъ колебаніямъ? Прежде всего, вся область хозяйственнаго труда, связаннаго съ состояніемъ погоды, земледѣліе. Урожаи земледѣльческихъ продуктовъ сильно колеблются и соотвѣтственно колеблются цѣны земледѣльческихъ продуктовъ. Въ связи съ этимъ колеблется спросъ, предъявляемый со стороны земледѣльческаго населенія на продукты промышленности. Не могутъ ли поэтому періодическіе

промышленные кризисы находятся въ связи съ періодическими колебаніями урожаевъ?

И, дѣйствительно, многіе экономисты пытались найти такую связь, но совершенно безуспѣшно. Волны капиталистическаго цикла движутся по своимъ собственнымъ законамъ, не считаясь съ движеніемъ урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ. Такъ напр. въ Англіи волна промышленнаго подъема двадцатыхъ годовъ приходится какъ разъ на годы плохаго урожая—промышленный застой на годы хорошаго урожая. Промышленный подъемъ сороковыхъ годовъ совпадаетъ съ сильными неурожаями, а застой 1848 г. съ прекраснымъ урожаемъ. Міровой кризисъ 1857 г. приходится на годъ превосходнаго урожая. Промышленному подъему начала семидесятыхъ годовъ не помѣшали высокія цѣны на хлѣбъ, вызванныя плохими урожаями, точно такъ же какъ послѣдующаго застоя промышленности не предотвратили прекрасные урожаи середины семидесятыхъ годовъ. Промышленный застой половины восьмидесятыхъ годовъ приходится на годы низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Вообще, сличеніе измѣненія хлѣбныхъ цѣнъ изъ года въ годъ съ движеніемъ фазисовъ капиталистическаго цикла доказываетъ съ полной очевидностью, что ни о какой причинной зависимости между явленіями того и другого порядка не можетъ быть и рѣчи [2]).

Однако, нельзя не упомянуть объ одной попыткѣ объяснить періодичность промышленныхъ кризисовъ именно условіями земледѣльческаго производства. Попытка эта принадлежитъ Джевонсу.

Джевонсъ не отрицаетъ того, что періодическіе промышленные кризисы не могутъ находиться въ связи съ колебаніями урожая въ Англіи и другихъ европейскихъ странахъ. Но не можетъ ли эта періодичность вызываться періодическими неурожаями въ неевропейскихъ странахъ, куда Англія вывозитъ свои продукты? Въ частности, Индія очень страдаетъ отъ періодическихъ неурожаевъ, повторяющихся каждое десятилѣтіе и вызываемыхъ засухами. Эти періодическія засухи въ Индіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, могутъ находиться въ связи съ періодическими колебаніями количества тепла, получаемаго землей отъ солнца. Эти послѣднія колебанія объясняются, въ свою очередь, періодическими колебаніями числа пятенъ на солнцѣ. Такимъ образомъ, Джевонсъ приходитъ къ своему смѣлому выводу, что періодичность промышленныхъ кризисовъ обусловливается періодичностью появленія наибольшаго числа пятенъ на солнцѣ.

Доказательствомъ этого является, по мнѣнію Джевонса, почти

полное совпаденіе продолжительности періода появленія наибольшаго числа пятенъ на солнцѣ и періода наступленія кризисовъ. Изучая за два столѣтія колебанія англійской промышленности, Джевонсъ пришелъ къ тому выводу, что капиталистическій циклъ охватываетъ собой въ среднемъ 10,466 лѣтъ; этотъ періодъ удивительнымъ образомъ совпадаетъ съ періодомъ наибольшаго появленія пятенъ на солнцѣ, выражающагося также цифрой 10,45 лѣтъ. Такое близкое совпаденіе не можетъ быть, полагаетъ Джевонсъ, случайнымъ—періодичность колебаній англійской промышленности должна опредѣляться періодичностью появленія солнечныхъ пятенъ.

Такова теорія Джевонса. Она очень остроумна и оригинальна, но совершенно не выдерживаетъ повѣрки фактами. Прежде всего, совершенно невѣрно, что капиталистическій циклъ охватываетъ собой строго опредѣленное число лѣтъ. Чтобы получить свою цифру періодичности кризисовъ, Джевонсъ долженъ былъ сдѣлать рядъ натяжекъ. Нѣкоторые кризисы онъ совершенно отбрасываетъ, какъ неперіодичные, въ другихъ случаяхъ онъ утверждаетъ, что кризисы происходили въ годы, требуемые его теоріей, хотя на самомъ дѣлѣ никакихъ кризисовъ въ эти годы не было. Въ 18 вѣкѣ не наблюдалось ничего похожаго на періодичность промышленныхъ кризисовъ, такъ какъ и вообще не было типичныхъ промышленныхъ кризисовъ. Въ теченіе двухъ первыхъ десятилѣтій 19 вѣка было три промышленныхъ кризиса, но не періодичныхъ —въ 1810, 1815 и 1818 г.г. Періодичность кризисовъ еще не успѣла къ этому времени установиться. Во второй четверти 19 вѣка слѣдуютъ въ Англіи три совершенно періодичныхъ кризиса въ 1825, 1836 и 1847 гг., отдѣляющіеся другъ отъ друга однимъ и тѣмъ же періодомъ въ 11 лѣтъ; слѣдующіе кризисы происходятъ въ 1857 г.—черезъ 10 лѣтъ, и въ 1866 г.—черезъ девять лѣтъ. Затѣмъ въ Англіи промышленные кризисы прежняго типа прекращаются и капиталистическій циклъ начинаетъ выражаться въ чередованіи фазисовъ подъема и застоя промышленности. Промышленный подъемъ достигаетъ наивысшаго уровня въ 1873, 1882, 1890, 1900 и 1907 гг. Въ общемъ, капиталистическій циклъ не представляетъ собой неизмѣнной математической величины, но растягивается и сокращается въ предѣлахъ отъ 7 до 11 лѣтъ. Отсюда слѣдуетъ, что капиталистическій циклъ не можетъ возникать на основѣ какихъ бы то ни было явленій, подчиняющихся въ своемъ наступленіи строгой математической періодичности, какъ астрономическія явленія.

Вообще, періодичность колебаній промышленности коренится въ соціальныхъ условіяхъ современнаго строя хозяйства и потому

принципіально несводима къ какимъ бы то ни было условіямъ внѣшней природы. Что касается, въ частности, теоріи Джевонса, то она совершенно не согласуется съ дѣйствительными, конкретными условіями происхожденія отдѣльныхъ кризисовъ. Вывозъ англійскихъ товаровъ въ Индію колеблется гораздо меньше, чѣмъ вывозъ тѣхъ же товаровъ въ различныя страны развитаго капитализма. Нерѣдко даже наблюдалось, что англійскій вывозъ въ Индію въ періоды, непосредственно слѣдующіе за кризисами, не только не падалъ, а возрасталъ, что наблюдалось, напр. въ 1826, 1858 и 1867 гг. Объяснялось это тѣмъ, что именно индійскій рынокъ менѣе всего связанъ съ циклическими колебаніями англійской промышленности, возникающими на совершенно иной основѣ, почему въ періоды кризисовъ англійскій экспортъ, для котораго не находилось мѣста на рынкахъ другихъ странъ, устремлялся именно въ Индію [3]).

Итакъ, попытки объяснить капиталистическій циклъ періодическими колебаніями хозяйственныхъ условій внѣшней природы совершенно неудачны. Другая группа теорій ищетъ причины промышленныхъ кризисовъ въ области условій обмѣна, кредита и денежнаго обращенія. Изъ этихъ теорій можно остановиться на теоріяхъ Лавеле, Жюглара и Милльса.

Лавеле обращаетъ вниманіе на то, что кризисамъ неизмѣнно предшествуетъ отливъ золота за границу. Какъ бы ни были разнообразны прочія обстоятельства, въ этомъ отношеніи всѣ кризисы походятъ другъ на друга. Поэтому, вполнѣ естественно и признать отливъ золота за границу истинной причиной кризисовъ.

Противъ этого можно возразить, что въ такой странѣ, какъ Англія, уменьшеніе запасовъ золота на нѣсколько милліоновъ ф. с. не можетъ имѣть большого значенія въ виду громадности ея капиталовъ и колоссальныхъ размѣровъ ея внутренней и внѣшней торговли. Но не надо забывать, что вся эта торговля построена въ Англіи на самомъ широкомъ развитіи кредита. Кредитъ же, въ свою очередь, основывается на извѣстномъ запасѣ наличной звонкой монеты. Чѣмъ совершеннѣе организація кредита, чѣмъ въ меньшемъ количествѣ звонкой монеты страна нуждается, тѣмъ большее значеніе имѣетъ то наличное количество денегъ, которымъ страна располагаетъ. Все сложное зданіе англійской торговли и англійскаго кредита покоится на зыбкомъ фундаментѣ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, а иногда и нѣсколькихъ милліоновъ ф. с. золота, которые хранятся въ Англійскомъ банкѣ. Эти немногіе милліоны существенно необходимы

для того, чтобы сотни милліоновъ англійскаго капитала могли правильно циркулировать. Если только запасъ золота въ кассахъ Англійскаго банка уменьшается, тревога распространяется по всей странѣ, кредитъ сокращается, товарныя цѣны падаютъ, по той причинѣ, что всѣ прекрасно сознаютъ необходимость для торговли и промышленности всей страны достаточнаго запаса звонкой монеты, хранящейся въ Англійскомъ банкѣ.

Чѣмъ меньше металлическіе резервы страны, тѣмъ сильнѣе на нее дѣйствуетъ отливъ золота за границу. Поэтому, отъ промышленныхъ кризисовъ болѣе страдаетъ Англія, чѣмъ Франція.

Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ существованія связи промышленныхъ кризисовъ съ денежнымъ обращеніемъ служитъ замѣчательный фактъ, что кризисы обыкновенно происходятъ осенью. Именно осенью спросъ на наличныя деньги бываетъ особенно великъ; въ это время продается главная масса земледѣльческихъ продуктовъ, уплачивается арендная плата, совершаются закупки на зиму и т. д. Металлическіе запасы банковъ осенью сильно уменьшаются, и потому вполнѣ естественно, что въ это время обыкновенно происходятъ промышленные кризисы [4]).

Таково предлагаемое Лавеле объясненіе причины кризисовъ. Съ перваго взгляда оно можетъ показаться довольно остроумнымъ; въ дѣйствительности же оно ничего не объясняетъ. Отливъ золота за границу есть обычный симптомъ промышленныхъ кризисовъ, но никоимъ образомъ не важнѣйшая причина ихъ. Въ 1839 г. металлическіе запасы Англійскаго банка уменьшились гораздо больше, чѣмъ въ 1836 или 1847 гг., а, между тѣмъ, въ 1839 г. не было промышленнаго кризиса.

Далѣе, если бы даже уменьшеніе кассовой наличности Англійскаго банка было непосредственной причиной промышленнаго кризиса, то нужно показать, отчего же зависитъ періодическое повтореніе отливовъ золота за границу. Измѣненіе торговаго баланса есть производное явленіе, которое само требуетъ объясненія. Кромѣ того, новѣйшимъ колебаніямъ англійской промышленности не предшествуютъ отливы золота за границу. Отливы эти, дѣйствительно, обычно предшествуютъ острымъ кризисамъ—но не продолжительнымъ промышленнымъ застоямъ, характеризующимъ собой новѣйшую эпоху развитія англійской промышленности.

Точно также не объясняетъ скрытаго механизма, вызывающаго капиталистическій циклъ, и Жюгларъ. Его заслугой является то, что онъ впервые доказалъ періодичность промышленныхъ колебаній въ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ. Изу-

чивши отчеты Англійскаго и Французскаго банковъ, а также важнѣйшихъ банковъ Соединенныхъ Штатовъ, Жюгларъ пришелъ къ слѣдующему заключенію. „Не исходя ни изъ какой теоріи, ни изъ какой гипотезы, а основываясь только на наблюденіи дѣйствительныхъ фактовъ, можно установить законъ періодичности кризисовъ. Существуютъ эпохи оживленія, благополучія и повышенія цѣнъ, заканчивающіяся всегда кризисомъ; за ними слѣдуютъ годы замедленія торговли и пониженія цѣнъ, приводящіе промышленность въ болѣе или менѣе угнетенное состояніе“ [5]).

Войны, неурожаи, злоупотребленія кредитомъ, чрезмѣрные выпуски банковыхъ билетовъ — всѣ эти причины не могутъ вызвать промышленнаго кризиса, если общее положеніе народнаго хозяйства не благопріятствуетъ этому. Какъ послѣдняя капля, переполняющая чашу, они могутъ ускорить наступленіе промышленнаго кризиса, но только въ томъ случаѣ, когда состояніе денежнаго и товарнаго рынка дѣлало промышленный кризисъ неизбѣжнымъ. Промышленный кризисъ никогда не наступаетъ внезапно: ему всегда предшествуетъ особое возбужденное состояніе промышленности и торговли, симптомы котораго настолько характерны, что промышленный кризисъ можетъ быть предсказанъ заранѣе.

Отчего же зависитъ эта правильная смѣна періодовъ возбужденія и упадка? Жюгларъ указываетъ одну основную причину— періодическое колебаніе товарныхъ цѣнъ. Благополучная эпоха, предшествующая кризису, всегда характеризуется повышеніемъ цѣнъ. Это повышеніе цѣнъ вызывается ростомъ сбереженій въ хозяйствѣ развивающихся капиталистическихъ странъ. Оно является естественнымъ состояніемъ рынка. „Кризисъ приближается, когда повышательное движеніе замедляется, кризисъ разражается, когда оно прекращается. Однимъ словомъ, главная, можно сказать, единственная причина кризисовъ есть пріостановка повышенія цѣнъ“ [6]).

Весь механизмъ развитія кризиса Жюгларъ представляетъ слѣдующимъ образомъ.

Повышеніе товарныхъ цѣнъ имѣетъ естественную тенденцію затруднять продажу товаровъ. Поэтому, по мѣрѣ того, какъ цѣны растутъ, торговый балансъ дѣлается менѣе и менѣе благопріятенъ для страны. Золото начинаетъ отливать за границу въ уплату за товары, вывозъ которыхъ перестаетъ покрывать ввозъ. Сначала этотъ отливъ очень незначителенъ и не обращаетъ ничьего вниманія. Наконецъ, товарныя цѣны достигаютъ такой вы-

соты, что сбытъ товаровъ за границу становится крайне затруднителенъ. Товарныя цѣны сразу падаютъ, затѣмъ слѣдуютъ банкротства банковъ и торговцевъ, и наступаетъ промышленный кризисъ.

Дѣйствительно, нельзя отрицать, что непосредственной причиной кризисовъ является паденіе товарныхъ цѣнъ. Причина отлива звонкой монеты за границу въ періодъ, непосредственно предшествующій кризису, также прекрасно объяснена Жюгларомъ: повышеніе товарныхъ цѣнъ внутри страны одновременно задерживаетъ вывозъ туземныхъ товаровъ за границу и поощряетъ ввозъ иностранныхъ товаровъ; вполнѣ понятно, что недостатокъ вывоза товаровъ покрывается вывозомъ золота.

Тѣмъ не менѣе, теорія Жюглара не рѣшаетъ проблемы кризисовъ. Сравнительно съ Лавеле, Жюгларъ сдѣлалъ одинъ шагъ дальше — онъ показалъ, что нарушенія въ области денежнаго обращенія, характеризующія приближеніе и наступленіе кризиса, суть производныя явленія, вызываемыя измѣненіемъ относительнаго уровня товарныхъ цѣнъ внутри страны и за границей. Но отчего цѣны товаровъ испытываютъ такія періодическія повышенія, заканчивающіяся промышленными кризисами? Этого Жюгларъ не объяснилъ и его ссылка на сбереженія страны крайне неудачна. Если возрастаетъ спросъ на товары, то вѣдь возрастаетъ и ихъ предложеніе. Въ капиталистической странѣ не спросъ идетъ впереди предложенія, а предложеніе всегда идетъ впереди спроса. Обычно имѣется много избыточнаго капитала и избыточныхъ товаровъ, не находящихъ себѣ помѣщенія на рынкѣ. Естественнымъ состояніемъ рынка является тенденція не къ повышенію, какъ это утверждалъ Жюгларъ, а къ пониженію цѣнъ. Такимъ образомъ, теорія Жюглара оставляетъ безъ удовлетворительнаго отвѣта центральный вопросъ проблемы кризисовъ—колебательное движеніе цѣнъ.

Интересной попыткой объяснить періодичность кризисовъ является теорія Милльса.

Непосредственныя причины кризисовъ, говоритъ онъ, такъ разнообразны, что въ нихъ нельзя искать общей причины кризисовъ, дѣлающей ихъ правильными, періодическими явленіями. Нельзя видѣть этой причины и въ той или иной системѣ денежнаго обращенія, ибо кризисы происходятъ при всевозможныхъ денежныхъ системахъ.

Объясненіе кризисовъ слѣдуетъ искать въ душевныхъ переживаніяхъ человѣка, такъ какъ кредитъ, колебанія котораго соста-

вляютъ самую характерную черту кризисовъ, есть явленіе духовнаго порядка.

Говоря вообще, паника на денежномъ рынкѣ не разрушаетъ капитала, а между тѣмъ дѣйствіе ея бываетъ такъ губительно для всего народнаго хозяйства. Что же разрушается во время паники и оставляетъ послѣ себя пустоту? Кредитъ. Паника есть смерть кредита. Но кредитъ обладаетъ способностью воскресенія и жизненный циклъ его и есть циклъ современной промышленности.

Первый періодъ кредитнаго цикла непосредственно слѣдуетъ за окончаніемъ паники. Въ это время дисконтный процентъ всегда бываетъ низокъ, а ссудный рынокъ бываетъ переполненъ капиталами. Періодъ этотъ обыкновенно длится года 2—3. Все это время процентъ прибыли остается низокъ, а резервы банковъ—высоки.

Мало-по-малу кредитъ оживаетъ и наступаетъ средній періодъ или періодъ оживленія. Цѣны и прибыль повышаются, торговые обороты расширяются. Въ торговлѣ начинаютъ принимать участіе новые люди, не испытавшіе предшествовавшей паники и естественно склонные оптимистически смотрѣть на будущее. Все это содѣйствуетъ дальнѣйшему улучшенію состоянія рынка. Мало-по-малу капиталисты начинаютъ искать новыхъ путей для выгоднаго помѣщенія своихъ барышей.

Наступаетъ третій, спекулятивный, періодъ. Кредитъ возрастаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и цѣны, и, наконецъ, все зданіе, основанное на слишкомъ хрупкомъ фундаментѣ, рушится. Естественный ростъ кредита, основанный на измѣненіи душевнаго состоянія капиталистовъ и предпринимателей, приводитъ къ смерти и уничтоженію кредита, другими словами, къ промышленному кризису, послѣ котораго кредитный циклъ опять начинается въ прежнемъ видѣ [7]).

Теорія Милльса представляетъ собой описаніе фазисовъ капиталистическаго цикла, а не объясненіе ихъ. Ссылка на измѣненіе душевнаго состоянія предпринимателей и капиталистовъ не даетъ ровно ничего—нужно объяснить самыя эти измѣненія, а именно этого Милльсъ и не дѣлаетъ. Проблема капиталистическаго цикла остается неразрѣшенной.

Послѣдняя группа теорій кризисовъ ищетъ причины ихъ въ области распредѣленія общественнаго дохода. Теорія рынка Сисмонди является вмѣстѣ съ тѣмъ и теоріей кризисовъ. Кризисы возникаютъ, съ точки зрѣнія этой теоріи, потому, что капиталистическое хозяйство производитъ избыточный продуктъ, который не

можетъ быть потребленъ обществомъ въ виду бѣдности народныхъ массъ. Рынокъ для продуктовъ капиталистической промышленности, согласно этой теоріи, слишкомъ узокъ для тѣхъ производительныхъ силъ, которыми располагаетъ капитализмъ.

Теоретическое опроверженіе этой теоріи уже дано въ предыдущей главѣ. Но она находится въ явномъ противорѣчіи и съ исторіей кризисовъ. Съ точки зрѣнія этой теоріи совершенно непонятенъ промышленный подъемъ, неизбѣжно слѣдующій за кризисомъ. Вѣдь кризисъ и промышленный застой дѣлаютъ народную массу не богаче, а бѣднѣе; какимъ же образомъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ промышленнаго застоя, наступаетъ промышленный подъемъ и рынокъ оказывается въ силахъ дать мѣсто гораздо большему количеству товаровъ, чѣмъ до кризиса? Если бы названная теорія была вѣрна, то слѣдовало бы ожидать, что капиталистическая промышленность совсѣмъ не будетъ итти впередъ. Всякая попытка расширить производство наталкивалась бы на стѣну народной бѣдности и, въ общемъ, капиталистическая промышленность пребывала бы въ состояніи хроническаго застоя. Но капиталистическій міръ представляетъ иную картину — чрезвычайно быстраго роста производства, несмотря на временные перерывы этого роста въ періоды промышленнаго застоя.

Это простое соображеніе показываетъ всю несостоятельность теоріи недостаточности народнаго потребленія, какъ причины промышленныхъ кризисовъ. Періодическое повтореніе кризисовъ совершенно противорѣчитъ этой теоріи, ибо, исходя изъ нея, слѣдовало бы ожидать хроническаго застоя капиталистическаго производства.

Къ этой же группѣ теорій относится и теорія кризисовъ Родбертуса, построенная на такъ назыв. „желѣзномъ законѣ заработной платы“, безусловнымъ сторонникомъ котораго былъ Родбертусъ. Согласно этому „закону“, заработная плата всегда ограничивается минимумомъ средствъ существованія. Между тѣмъ, говоритъ Родбертусъ, производительность труда по мѣрѣ прогресса промышленности растетъ. Новыя техническія усовершенствованія увеличиваютъ количество продукта, производимаго рабочимъ, но изъ этого увеличеннаго количества самому рабочему остается прежнее абсолютное количество. Такимъ образомъ, доля рабочаго въ трудовомъ продуктѣ, по мѣрѣ успѣховъ техники, должна падать; иными словами, рабочіе оказываются въ состояніи потребить все меньшую долю общественнаго продукта. Отсюда слѣдуетъ, что, при успѣхахъ техники, извѣстная доля общественнаго капитала, занятаго въ производствѣ предметовъ

потребленія рабочаго класса, освобождается и должна переходить въ другія отрасли производства. Но такой переходъ не можетъ совершиться быстро и безъ потрясеній. При наличности же препятствій къ отливу капитала отъ отраслей промышленности, изготовляющихъ предметы потребленія рабочаго класса, эти отрасли промышленности не будутъ въ силахъ сбыть весь произведенный продуктъ. Такимъ образомъ возникаетъ частичное товарное перепроизводство, которое, въ силу зависимости, существующей между всѣми отраслями промышленности, превращается въ общее перепроизводство; произойдетъ то, что называютъ промышленнымъ кризисомъ [8]).

Теорія Родбертуса построена логически совершенно правильно. Родбертусъ не стоитъ на почвѣ теоріи рынка Сисмонди и отнюдь не думаетъ, что бѣдность рабочаго класса дѣлаетъ невозможной реализацію общественнаго продукта. Съ его точки зрѣнія кризисы вызываются не тѣмъ, что доля рабочихъ классовъ абсолютно м а л а, а тѣмъ, что она п а д а е т ъ при всякомъ прогрессѣ техники. Вообще, теорія Родбертуса признаетъ причиной кризисовъ не избытокъ общественнаго производства, а непропорціональное распредѣленіе его.

Недостаткомъ же этой теоріи является то, что ея основныя посылки не согласованы съ фактами. Прежде всего, невѣренъ „желѣзный законъ заработной платы", изъ котораго исходитъ Родбертусъ. Въ эпохи промышленнаго подъема повышается реальная плата рабочаго, а не остается неизмѣнной, какъ предполагаетъ Родбертусъ. Эпохи промышленнаго подъема отнюдь не являются эпохами техническаго прогресса — наоборотъ, техническія усовершенствованія обыкновенно вводятся въ періоды промышленнаго застоя, когда паденіе прибыли принуждаетъ предпринимателей изыскивать всякіе способы понизить издержки производства. Отъ кризисовъ всего болѣе страдаютъ отрасли промышленности, производящія средства производства, а не тѣ, которыя производятъ предметы потребленія рабочаго класса. Вообще, теорія Родбертуса, при всей своей логической стройности, построена совершенно апріорно и не находитъ себѣ ни малѣйшей опоры въ фактахъ.

Въ концѣ концовъ, ни одна изъ разсмотрѣнныхъ теорій не въ силахъ объяснить механизма капиталистическаго цикла, сохраняющаго всю свою загадочность и непонятность.

IV.

Проблема кризисовъ можетъ быть удовлѣтворительно разрѣшена лишь на основѣ правильной теоріи рынка. А такъ какъ современная экономическая наука, въ лицѣ огромнаго большинства

своихъ представителей, стоитъ на почвѣ ложной теоріи рынка, то нисколько неудивительно, что и проблема кризисовъ оказалась ей не подъ силу.

Теорія рынка доказала, что представленіе объ избыточномъ общественномъ продуктѣ, возникающемъ въ капиталистическомъ обществѣ вслѣдствіе невозможности потребить весь произведенный продуктъ, совершенно ложно. Однако, наличность общаго перепроизводства въ эпохи промышленнаго застоя не можетъ быть отрицаема. Изъ изложенной теоріи рынка какъ бы вытекаетъ, что перепроизводство можетъ быть лишь частичнымъ; въ дѣйствительности же перепроизводство въ эпоху кризисовъ имѣетъ всеобщій характеръ—и это прежде всего требуетъ объясненія. На какой почвѣ можетъ возникать общее товарное перепроизводство, если спросъ на товары опредѣляется товарами же и предложеніе каждаго новаго товара есть появившійся на рынкѣ новый спросъ?

Чтобы понять природу общаго товарнаго перепроизводства, нужно сравнить капиталистическое хозяйство съ условіями болѣе примитивныхъ хозяйственныхъ системъ. Возьмемъ, напр., натуральный обмѣнъ—обмѣнъ продукта на продуктъ безъ посредства денегъ. Пусть, напр., сукно непосредственно обмѣнивается на хлѣбъ. Въ этомъ случаѣ, если хлѣбъ произведенъ въ избыткѣ сравнительно съ сукномъ, то цѣна его по отношенію къ сукну понизится, но цѣна сукна по отношенію къ хлѣбу повысится: избыточное производство хлѣба будетъ равнозначуще недостаточному производству сукна, пониженіе цѣны одного продукта будетъ компенсировано повышеніемъ цѣны другого. Общаго перепроизводства обоихъ продуктовъ, очевидно, быть не можетъ, ибо не можетъ одновременно упасть цѣна какъ хлѣба по отношенію къ сукну, такъ и сукна по отношенію къ хлѣбу. Перепроизводство, какъ и паденіе цѣны, можетъ быть въ этомъ случаѣ только частичнымъ.

Предположимъ теперь денежный обмѣнъ. Пусть цѣна хлѣба и сукна выражается въ третьемъ товарѣ—деньгахъ. Допустимъ, что хлѣба произведено больше, чѣмъ нужно производителю сукна; денежная цѣна хлѣба въ этомъ случаѣ понизится. Сокращеніе это можетъ быть такимъ значительнымъ, что общая денежная сумма, выручаемая производителемъ хлѣба, уменьшится: за большее количество хлѣба производитель его получитъ меньше денегъ. Такимъ образомъ, покупательныя средства производителя хлѣба уменьшатся. А такъ какъ на эти средства производитель хлѣба покупаетъ сукно, то, значитъ, уменьшится денежный спросъ и на сукно, что вызоветъ пониженіе цѣны и сукна. И

сукно понизится въ своей денежной цѣнѣ вслѣдъ за пониженіемъ денежной цѣны хлѣба.

Произойдетъ, иными словами, общее превышеніе предложенія товаровъ сравнительно съ денежнымъ спросомъ на нихъ, общее пониженіе цѣнъ; а общее пониженіе цѣнъ чувствуется рынкомъ, какъ выраженіе общаго товарнаго перепроизводства.

Но въ основѣ общаго товарнаго перепроизводства лежитъ, въ этомъ случаѣ, частичное перепроизводство, непропорціональное распредѣленіе народнаго труда. Одного товара произведено больше, чѣмъ нужно—это вызываетъ паденіе его денежной цѣны, а такъ какъ между денежными цѣнами товаровъ существуетъ извѣстная связь, то пониженіе цѣнъ охватываетъ и другіе товары. Такимъ образомъ, общее перепроизводство въ данномъ случаѣ не что иное, какъ своеобразное выраженіе, въ условіяхъ денежнаго обмѣна, частичнаго перепроизводства, непропорціональнаго распредѣленія общественнаго труда.

Итакъ, при простомъ товарномъ хозяйствѣ общее товарное перепроизводство возможно—но отнюдь не необходимо. Наоборотъ, такъ какъ при простомъ товарномъ хозяйствѣ потребительныя нужды населенія регулируютъ общественное производство (накопленіе капитала не является самоцѣлью), то общественное производство при системѣ простаго товарнаго хозяйства такъ же консервативно и мало измѣнчиво, какъ консервативно общественное потребленіе. Общественное производство, при устойчивомъ характерѣ спроса, легко достигаетъ пропорціональнаго распредѣленія—распредѣленія въ соотвѣтствіи со спросомъ. Нарушеніе этой пропорціональности вызывается не столько соціальными, сколько внѣшними, матеріальными причинами—напр. неурожаями въ зависимости отъ атмосферическихъ вліяній и т. п. Итакъ, въ простомъ товарномъ хозяйствѣ мелкихъ товаропроизводителей, относящемся къ типу гармоническаго хозяйства, общее товарное перепроизводство есть случайное нарушеніе нормальнаго хода хозяйственной жизни.

Другое наблюдается въ антагонистическомъ капиталистическомъ хозяйствѣ, гдѣ не нужды населенія, а движеніе накопленія капитала опредѣляетъ размѣры общественнаго производства. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ накопленіе капитала создаетъ постоянную тенденцію къ расширенію производства. Капиталъ, такъ сказать, постоянно давитъ на производство, стремится двигать его впередъ. Но для возможности сбыта товаровъ требуется пропорціональное распредѣленіе общественнаго производства. Капиталистическое же хозяйство въ цѣломъ хаотично и неорга-

низовано. При такой неорганизованности общественнаго производства расширеніе его, подъ вліяніемъ накопленія капитала, создаетъ постоянную тенденцію къ перепроизводству, выраженіемъ которой и является та постоянная трудность найти рынокъ для товаровъ, то постоянное превышеніе производительныхъ силъ капитализма сравнительно съ возможностью ихъ примѣненія, которое такъ характерно для капитализма даже въ нормальное время. Эта трудность сбыта есть выраженіе, слѣдовательно, не чего другого, какъ трудности достигнуть пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства при условіяхъ капиталистическаго хозяйства. Въ нормальное время эта трудность не препятствуетъ расширенію производства. Но отъ времени до времени она обостряется и тогда капиталистическое производство временно приходитъ какъ бы въ состояніе общаго паралича—происходитъ то, что называютъ промышленнымъ кризисомъ.

Обстоятельствомъ, усиливающимъ эти кризисы, является своеобразное орудіе обращенія капиталистическаго хозяйства—кредитъ. Если деньги устанавливаютъ связь между цѣнами товаровъ, то кредитъ дѣлаетъ эту связь несравненно болѣе тѣсной. Кредитъ такъ же легко растетъ, какъ и падаетъ, во много разъ увеличиваетъ покупательную силу общества въ благопріятное время и моментально разрушается въ трудную минуту. Благодаря кредиту всѣ колебанія хозяйства пріобрѣтаютъ гораздо большій размахъ и общественное хозяйство подымается болѣе высоко, чтобы затѣмъ съ тѣмъ большей высоты упасть.

Но кредитъ есть только условіе, усиливающее кризисы, а отнюдь не ихъ основная причина. Кризисы капитализма заложены глубже, въ самой природѣ капиталистическаго хозяйства. Необходимость ихъ вытекаетъ изъ трехъ особенностей этой хозяйственной системы—изъ того, что 1) капиталистическое хозяйство есть хозяйство антагонистическое, въ которомъ рабочій является простымъ средствомъ производства для руководителя капиталистическаго предпріятія; 2) что капиталистическое хозяйство, въ отличіе отъ другихъ антагонистическихъ хозяйствъ, имѣетъ тенденцію къ неограниченному расширенію производства (какъ средству накопленія капитала) и 3) что капиталистическое хозяйство въ цѣломъ есть хозяйство неорганизованное, въ которомъ отсутствуетъ планомѣрное распредѣленіе общественнаго производства между различными отраслями труда. На основѣ этихъ трехъ

характерныхъ особенностей хозяйственной системы капитализма неизбѣжно возникаютъ хозяйственные кризисы.

Однако, это еще не объясняетъ періодичности промышленныхъ кризисовъ, капиталистическаго цикла. Почему фазисы подъема и упадка промышленности съ такой удивительной правильностью смѣняютъ другъ друга? Отвѣтъ на это можно найти въ фактической исторіи кризисовъ.

Одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей промышленныхъ колебаній является удивительно закономѣрное и совпадающее съ фазисами капиталистическаго цикла движеніе цѣнъ желѣза: въ фазисѣ промышленнаго подъема цѣна желѣза неизмѣнно высока, въ фазисѣ промышленнаго застоя неизмѣнно низка. Цѣны другихъ товаровъ колеблются далеко не такъ закономѣрно. Это указываетъ на то, что условія спроса на желѣзо находятся въ особенно тѣсной связи съ фазисами капиталистическаго цикла. Фазисъ промышленнаго подъема есть періодъ усиленнаго спроса на желѣзо, фазисъ застоя—ослабленія спроса на желѣзо. Но желѣзо есть важнѣйшій матеріалъ орудій труда. По состоянію спроса на желѣзо можно судить о спросѣ вообще на средства производства. Значитъ, восходящій фазисъ капиталистическаго цикла характеризуется усиленіемъ спроса на средства производства, нисходящій—ослабленіемъ спроса на таковыя.

Но средства производства (желѣзо, уголь, дерево и пр.) находятся въ усиленномъ спросѣ тогда, когда создается новый основной капиталъ страны—строятся новыя желѣзныя дороги, фабрики, заводы, дома и т. д. Фазисъ подъема—это періодъ усиленнаго строительства и устройства новыхъ промышленныхъ предпріятій. Въ новѣйшее время фазисы подъема обычно соединяются съ усиленнымъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Желѣзнодорожная сѣть во всемъ мірѣ расширялась толчками, причемъ періоды усиленнаго строительства во всемъ капиталистическомъ мірѣ совпадаютъ съ фазисами промышленнаго подъема, въ фазисы же застоя желѣзнодорожное строительство почти прекращается.

Созданіе новаго основного капитала страны—строительство и грюндерство разнаго рода—не можетъ не сопровождаться общимъ оживленіемъ промышленности, ибо всякое крупное расходованіе капитала (напр., постройка желѣзной дороги) создаетъ усиленный спросъ не только на элементы основнаго капитала (желѣзо, машины, дерево и пр.), но и на предметы общественнаго потребленія, такъ какъ рабочіе, занятые на постройкѣ,

предъявляютъ усиленный спросъ на предметы потребленія, равно какъ и капиталисты, барыши которыхъ во время промышленнаго подъема особенно велики. Поэтому строительство вызываетъ усиленный спросъ на всю совокупность товаровъ, производимыхъ обществомъ.

Съ другой стороны, прекращеніе строительства сокращаетъ спросъ, прежде всего, на средства производства, а затѣмъ и на предметы потребленія рабочаго класса (такъ какъ число рабочихъ и ихъ плата сокращаются), и на предметы потребленія капиталистовъ (въ виду паденія прибыли). Поэтому, прерывистое расширеніе основного капитала страны не можетъ не вызывать смѣны подъема и упадка всей промышленности страны, не можетъ не вызывать смѣны фазисовъ капиталистическаго цикла.

Но почему же основной капиталъ общества создается не непрерывно, а толчками? Объясняется это общими условіями капиталистическаго хозяйства. Капиталистическое хозяйство въ цѣломъ анархично и неорганизовано. Между тѣмъ, расширеніе производства въ разныхъ отрасляхъ труда возможно безъ нарушенія равновѣсія общественнаго спроса и предложенія лишь въ томъ случаѣ, если производство расширяется пропорціонально. Поэтому, расширеніе общественнаго производства при условіи капиталистическаго хозяйства встрѣчаетъ значительныя препятствія. Въ особенности затруднительно пропорціональное расширеніе производства въ томъ случаѣ, когда капиталъ притекаетъ къ промышленности извнѣ—не помѣщается въ той же отрасли промышленности, гдѣ возникаетъ, а появляется сначала на рынкѣ въ видѣ свободнаго капитала и затѣмъ уже находитъ себѣ помѣщеніе въ той или иной отрасли промышленности.

Между тѣмъ, капиталистическое хозяйство неизбѣжно ведетъ къ образованію такихъ свободныхъ капиталовъ. Капиталъ накопляется въ тысячахъ различныхъ пунктовъ постоянно и непрерывно, какъ въ годы промышленнаго подъема, такъ и упадка. Въ фазисы промышленнаго застоя накопленіе капитала не прекращается уже по одному тому, что доходы многихъ общественныхъ классовъ почти не зависятъ или совсѣмъ не зависятъ отъ фазисовъ капиталистическаго цикла. Такъ, рента землевладѣльцевъ, доходы владѣльцевъ государственныхъ бумагъ, чиновниковъ и пенсіонеровъ и т. д., и т. д., какъ общее правило, поступаютъ такъ же исправно въ годы застоя, какъ и подъема промышленности. Въ Англіи такіе неколеблющіеся доходы составляютъ около половины всѣхъ доходовъ, об-

ложенныхъ подоходнымъ налогомъ. Сбереженія всѣхъ классовъ, получающихъ неколеблющіеся доходы, продолжаютъ въ годы промышленнаго застоя итти обычнымъ темпомъ. Но весь этотъ огромный накопляющійся капиталъ въ фазисѣ промышленнаго застоя не находитъ себѣ помѣщенія въ промышленности, ибо промышленность его, такъ сказать, не принимаетъ—для помѣщенія капитала въ промышленности нужно его пропорціонально размѣстить между различными отраслями труда, а это при неорганизованности общественнаго производства крайне трудно осуществимо.

Такимъ образомъ, на рынкѣ скопляется свободный, незанятый капиталъ, который помѣщается на время въ банки. Именно поэтому фазисъ промышленнаго застоя характеризуется огромнымъ приливомъ свободнаго капитала въ банки и низкимъ уровнемъ дисконтнаго процента, указывающимъ на то, что капиталъ ищетъ и не находитъ себѣ помѣщенія.

Но чѣмъ больше скопляется въ банкахъ такого свободнаго капитала, тѣмъ сильнѣе стремленіе найти ему помѣщеніе въ промышленности. Низкій дисконтный процентъ поощряетъ спекуляцію, легкая возможность получить въ ссуду капиталъ поощряетъ устройство новыхъ предпріятій. И вотъ, мало-по-малу, капиталъ начинаетъ проникать въ промышленность. Фазисъ промышленнаго застоя проходитъ и начинается промышленный подъемъ.

Разъ начавшись, промышленное возбужденіе быстро охватываетъ всѣ отрасли труда. Проникающій въ промышленность капиталъ ведетъ къ созданію новыхъ предпріятій, начинается горячка, грюндерство и строительство. Промышленный подъемъ продолжается до тѣхъ поръ, пока въ странѣ имѣется большое количество свободнаго, незанятаго капитала.

Итакъ, чѣмъ же вызывается промышленный подъемъ? Тѣмъ, что для промышленности открывается новый рынокъ въ видѣ расходованія огромныхъ капиталовъ, накопленныхъ въ годы застоя. О размѣрѣ накопленія капиталовъ въ разныхъ странахъ капиталистическаго міра можно судить по капиталамъ, ежегодно помѣщаемымъ на биржахъ въ разнаго рода цѣнныя бумаги (акціи, облигаціи, займы государства и общественныхъ учрежденій и т. д.). Вотъ, напр., данныя о выпускахъ цѣнныхъ бумагъ во всѣхъ странахъ міра:

	Общая цѣнность выпусковъ.
1903 г.	9.568 милліоновъ франковъ
1904 „	12.599 „ „
1905 „	17.433 „ „
1906 „	16.239 „ „
1907 „	15.117 „ „

За три года 1903—905 размѣръ помѣщеній капитала увеличился почти на 8 милліардовъ фр. Эти 8 милліардовъ франковъ были новымъ рынкомъ, открывшимся для капиталистической промышленности міра. Это и было основной причиной, выведшей міровую промышленность изъ состоянія застоя, въ которомъ она была въ 1903 г., и создавшей промышленный подъемъ 1905—1907 г.г. Вообще, каждый промышленный подъемъ характеризуется усиленіемъ помѣщенія капитала въ разнаго рода цѣнности; колебанія этихъ помѣщеній и являются движущей силой капиталистическаго цикла. Вотъ напр. данныя выпусковъ цѣнныхъ бумагъ въ Англіи:

Годы.	Милліоны ф. с.	Годы.	Милліоны ф. с.	Годы.	Милліоны ф. с.	Годы.	Милліоны ф. с.	Годы.	Милліоны ф. с.
1870	92,3	1879	56,5	1887	111,2	1895	104,7	1904	123,0
1872	151,6	1880	122,2	1888	160,3	1896	152,7	1905	167,2
1873	151,7	1881	189,4	1889	207,0	1897	157,3	1906	120,2
1874	114,2	1882	145,6	1890	142,6	1898	150,3	1907	123,6
1875	62,7	1883	81,2	1891	104,6	1899	133,2	1908	192,2
1876	43,2	1884	109,0	1892	81,1	1900	165,5		
1877	51,5	1885	78,0	1893	49,1	1901	159,4		
1878	59,2	1886	101,0	1894	91,8	1902	153,8		
						1903	108,5		

Въ этой таблицѣ годы расположены по фазисамъ капиталистическаго цикла, такъ что съ каждаго новаго столбца начинается новый циклъ. Первые годы каждаго цикла характеризуются увеличеніемъ выпусковъ цѣнныхъ бумагъ; послѣдніе годы—низшими размѣрами выпусковъ. Циклъ обнимаетъ собой періодъ отъ 8 до 9 лѣтъ. Въ настоящее время Англія и вообще капиталистическій міръ прошли восходящій фазисъ капиталистическаго цикла и вступили въ нисходящій—1907-8 годы были поворотными годами и съ нихъ начинается новый фазисъ промышленнаго застоя, который долженъ охватить собой ближайшіе 2—3 года.

Почему же, однако, промышленный подъемъ всегда заканчивается новымъ упадкомъ? Потому, что свободный капиталъ въ теченіе фазиса подъема мало по малу исчерпывается. Показателемъ уменьшенія свободнаго ссуднаго капитала является повышеніе дисконтнаго процента, обычно наблюдающееся въ послѣднія стадіи промышленнаго подъема. На рынкѣ и, прежде всего, на биржѣ начинаетъ все сильнѣе чувствоваться недостатокъ свободнаго капитала. Это приводитъ къ тому, что прежнее повышательное движеніе биржевыхъ курсовъ пріостанавливается и

начинается обратное движеніе. Въ это время нерѣдко разражается биржевой кризисъ—иногда задолго до настоящаго промышленнаго кризиса.

Недостатокъ свободныхъ капиталовъ дѣлаетъ невозможнымъ возникновеніе новыхъ предпріятій и полученіе новаго капитала старыми предпріятіями. Становится все затруднительнѣе поддерживать непомѣрно напряженный кредитъ, и кредитъ начинаетъ давать первыя трещины, за которыми иногда слѣдуетъ паника и общее крушеніе. Иногда же до общей паники дѣло не доходитъ, но, во всякомъ случаѣ, волна промышленнаго подъема спадаетъ и наступаетъ фазисъ промышленнаго застоя. Застой этотъ вызывается тѣмъ, что пріостанавливается помѣщеніе новаго капитала въ промышленности. Распредѣленіе общественнаго производства становится непропорціональнымъ: въ годы промышленнаго подъема быстро возрастало производство средствъ производства, сокращеніе же учредительства сокращаетъ спросъ на средства производства и, прежде всего, на желѣзо. Средства производства оказываются произведенными въ избыткѣ и, въ результатѣ, возникаетъ общее товарное перепроизводство. Больше всего и непосредственнѣе всего страдаютъ отъ перепроизводства отрасли промышленности, изготовляющія средства производства, но кризисъ захватываетъ и отрасли промышленности, изготовляющія предметы потребленія.

Весь этотъ механизмъ можно сравнить съ работой паровой машины. Роль пара играетъ капиталъ. Роль сопротивленія поршня—трудность пропорціональнаго распредѣленія производства при неорганизованности капиталистическаго хозяйства. Чѣмъ больше накопляется капитала, тѣмъ сильнѣе онъ давитъ на промышленность, подобно тому, какъ, чѣмъ больше пара въ цилиндрѣ, тѣмъ сильнѣе паръ давитъ на поршень. Непомѣщенный капиталъ безполезенъ и не даетъ никакого дохода своему владѣльцу. Поэтому собственники капитала не могутъ не стремиться къ тому, чтобы дать ему производительное помѣщеніе. Но, съ другой стороны, промышленность сопротивляется принятію новаго капитала, такъ какъ при непропорціональномъ распредѣленіи капитала продуктъ оказывается произведеннымъ въ избыткѣ. Чѣмъ больше накопляется капитала, тѣмъ сильнѣе его давленіе на промышленность. Наконецъ, давленіе капитала преодолѣваетъ сопротивленіе промышленности, капиталъ приводитъ ее въ движеніе, вызываетъ промышленный подъемъ, расходуется при этомъ—и промышленность опять приходитъ въ состояніе застоя. Точно также, когда давленіе пара въ цилиндрѣ достигаетъ извѣстнаго предѣла, поршень приходитъ

въ движеніе, паръ исполняетъ работу, теряетъ свою силу, и поршень возвращается на прежнее мѣсто. Понятно, что весь этотъ процессъ, пока накопляется капиталъ, долженъ происходить періодически.

Причины перемѣны характера промышленныхъ колебаній въ Англіи заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что Англія утратила свою прежнюю промышленную гегемонію въ капиталистическомъ мірѣ; фазисъ промышленнаго подъема выражается въ ней въ настоящее время не такъ рѣзко, какъ раньше, и потому послѣдующее паденіе происходитъ болѣе постепенно. Страны съ быстро развивающейся промышленностью, какъ напр. Соединенные Штаты и Германія, испытываютъ и теперь такіе же острые промышленные кризисы, какіе Англія переживала въ прежнее время. Такъ, Германія перенесла очень тяжелый кризисъ въ 1900 г., а Соединенные Штаты въ 1907 г.

Разрѣшеніе проблемы кризисовъ долгое время не удавалось экономической наукѣ потому, что экономисты искали причинъ кризисовъ въ той или иной отдѣльной сферѣ общественнаго хозяйства—въ области производства, обмѣна или распредѣленія; на самомъ же дѣлѣ кризисы возникаютъ на основѣ всей совокупности явленій общественнаго хозяйства и потому не могутъ быть пріурочены ни къ одной отдѣльной сферѣ его. Круговоротъ общественнаго капитала, неизбѣжно приводящій къ капиталистическому циклу и кризисамъ, включаетъ въ себя какъ производство, такъ и обмѣнъ и распредѣленіе. Капиталъ послѣдовательно превращается изъ одной формы въ другую, преодолѣвая при этомъ специфическія трудности, свойственныя именно данной системѣ хозяйства—капитализму. На почвѣ преодолѣнія этихъ трудностей возникаютъ кризисы и капиталистическій циклъ, благодаря процессамъ, природа которыхъ только что была разъяснена.

Въ частности, нельзя отрицать, что извѣстная доля истины заключается и въ распространенномъ мнѣніи, что основная причина кризисовъ коренится въ бѣдности народныхъ массъ. Кризисы являются, какъ разъяснено, неизбѣжнымъ спутникомъ накопленія общественнаго капитала въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства. Но быстрое накопленіе капитала, столь характерное для нашего времени, вызывается тѣмъ, что въ распоряженіе капиталистическаго класса переходитъ огромная доля общественнаго продукта—иначе говоря, тѣмъ, что рабочій классъ получаетъ лишь небольшую часть своего трудового продукта. Такимъ образомъ, неполная оплата труда, бѣдность рабочихъ

массъ и есть основная причина стремительнаго накопленія общественнаго капитала, приводящаго къ кризисамъ.

Послѣдній промышленный кризисъ, перенесенный осенью 1907 г Соединенными Штатами и ознаменовавшій собой переломъ въ движеніи промышленной волны во всемъ капиталистическомъ мірѣ, является блестящимъ подтвержденіемъ теоріи кризисовъ, изложенной въ текстѣ. Соединенные Штаты остались почти незатронутыми промышленнымъ застоемъ начала вѣка. Въ то время, какъ въ Германіи разразился въ 1900 г. типичный и очень тяжелый промышленный кризисъ, въ Соединенныхъ Штатахъ ничего похожаго на кризисъ не было, хотя американская промышленность развивалась еще стремительнѣе, чѣмъ въ Германіи. Въ 1901 г., когда европейская промышленность уже во всѣхъ руководящихъ странахъ была въ очень угнетенномъ состояніи, въ Америкѣ продолжался промышленный подъемъ. Впрочемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Лескюръ, въ Соединенныхъ Штатахъ вообще подъемы продолжаются дольше чѣмъ въ Европѣ, и переломъ промышленной волны обычно наступаетъ на два-три года позже, чѣмъ въ Европѣ [9]). Но что было совсѣмъ необычнымъ, это отсутствіе въ Америкѣ кризиса и въ послѣдующіе годы. Правда, второе полугодіе 1903 г. отмѣчено въ Соединенныхъ Штатахъ несомнѣннымъ застоемъ и сокращеніемъ производства, но крайне слабо выраженнымъ и непродолжительнымъ. Производство чугуна въ 1904 г. сократилось почти на 9%, но число несостоятельностей увеличилось очень незначительно и уже во второй половинѣ 1904 г. промышленный подъемъ возобновляется и идетъ все нараставшимъ темпомъ до 1907 г. Однако, уже въ концѣ 1906 г. запасъ свободнаго капитала въ Америкѣ сократился такъ значительно, что нѣкоторыя крупныя желѣзнодорожныя линіи оказались совершенно не въ силахъ помѣстить на биржѣ свои займы. Подъ вліяніемъ этого недостатка свободнаго капитала курсы биржевыхъ цѣнностей съ марта 1907 г. начали падать и на биржѣ водворилась вмѣсто прежней повышательной понижательная тенденція. Недостатокъ капитала чувствовался все интенсивнѣе и интенсивнѣе и въ августѣ того же года города Бостонъ и Нью-Іоркъ оказались въ невозможности помѣстить на биржѣ свои новые четырехъ-процентные займы, хотя никакого сомнѣнія въ финансовой солидности этихъ займовъ возникать не могло [10]).

Уже съ лѣта цѣны товаровъ и, особенно, металловъ, стали падать къ сентябрю цѣна желѣза упала болѣе, чѣмъ на 20%. Еще болѣе понизилась цѣна мѣди вслѣдствіе неудачи обширныхъ спекуляцій съ этимъ металломъ, имѣвшихъ международный характеръ и направленныхъ къ къ монополизаціи міроваго производства мѣди. Въ октябрѣ совершенно неожиданно для огромнаго большинства дѣловыхъ людей (хотя состояніе американскаго рынка уже въ началѣ 1907 г. доказывало неизбѣжность кризиса [11]) разражается прежде всего въ Нью-Іоркѣ паника, вызванная крушеніемъ одной крупной фирмы, принимавшей самое дѣятельное участіе въ спекуляціяхъ съ мѣдью; затѣмъ послѣдовала пріостановка платежей цѣлаго ряда банковъ какъ въ Нью-Іоркѣ, такъ и въ другихъ американскихъ городахъ. О размѣрахъ паники можно судить по тому,

что въ концѣ октября процентъ за наличныя деньги достигаетъ въ Нью-Іоркѣ 125 и болѣе, но и по этимъ чудовищнымъ процентамъ не находится желающихъ открывать кредитъ. Этотъ необычайно интенсивный спросъ на наличныя деньги былъ вызванъ почти полнымъ исчезновеніемъ кредита. Правительство прибѣгло къ экстраординарнымъ мѣрамъ для того, чтобы снабдить кредитныя учрежденія страны средствами для удовлетворенія потребности въ кредитѣ. Черезъ мѣсяцъ довѣріе стало возстанавливаться и многіе банки, пріостановившіе свои операціи въ моментъ паники, опять возстановили свои платежи. Но промышленность Соединенныхъ Штатовъ жестоко пострадала отъ этого кризиса и весь послѣдующій годъ былъ отмѣченъ крайнимъ промышленнымъ застоемъ и массовой безработицей, выразившейся, между прочимъ, и въ томъ, что сотни тысячъ эмигрантовъ, прибывшихъ въ Америку изъ Европы, должны были, за отсутствіемъ работы, вернуться къ себѣ обратно на родину.

Каковы же были внутреннія причины американскаго кризиса? По этому вопросу разногласія почти не существуетъ. „Промышленный подъемъ (Америки) — читаемъ, напр., въ „народохозяйственной хроникѣ" руководящаго нѣмецкаго экономическаго журнала—былъ слишкомъ быстръ, чтобы образованіе капиталовъ могло итти такимъ же темпомъ. Въ этомъ заключается основная причина происшедшей катастрофы. Другіе факторы не могли вызвать такого могучаго потрясенія хозяйственнаго организма Сѣверной Америки, какъ то, которое произошло осенью 1907 г. вслѣдствіе несоотвѣтствія между образованіемъ и потребленіемъ капитала" [12]). „Поворотъ, который начался до паники, былъ вызванъ тѣмъ — говоритъ авторъ книги объ американскомъ кризисѣ Газенкампфъ — что въ послѣднее десятилѣтіе хозяйственное развитіе обогнало образованіе капитала. Слишкомъ много оборотнаго капитала было превращено въ основной... Далѣе, слишкомъ значительныя массы капитала были фактически уничтожены" [13]. Вообще, почти во всѣхъ многочисленныхъ статьяхъ въ спеціальной періодической прессѣ Англіи, Америки, Германіи и Франціи, посвященныхъ американскому кризису, указывается съ удивительнымъ единодушіемъ, что наиболѣе глубокой причиной кризиса былъ недостатокъ свободнаго капитала.

Итакъ, не избытокъ капитала, не находящаго себѣ помѣщенія, а недостатокъ капитала — вотъ что вызвало послѣдній міровой кризисъ (равно какъ и предшествовавшіе кризисы). Отсюда видно, какъ несостоятельна теорія избыточнаго продукта капиталистическаго производства. Даже Америка, которая привлекаетъ къ себѣ капиталы старыхъ капиталистическихъ странъ, имѣетъ капитала не слишкомъ много, а слишкомъ мало, чтобы питать свою промышленность въ восходящемъ фазисѣ капиталистическаго цикла.

Однако, съ точки зрѣнія изложенной теоріи кризисовъ, представляется, повидимому, затруднительнымъ объяснить отсутствіе въ Америкѣ въ началѣ этого вѣка промышленнаго кризиса и вообще тотъ фактъ, что въ Америкѣ фазисы промышленнаго подъема длятся обыкновенно дольше, чѣмъ въ Европѣ. Вѣдь въ Америкѣ развитіе промышленности идетъ гораздо болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ въ Европѣ. Это должно было бы, повидимому, приводить и къ болѣе частымъ кризисамъ. Между тѣмъ, Америка справляется съ кризисами съ большей

легкостью, чѣмъ Европа и даже почти совсѣмъ избѣжала обычнаго кризиса въ началѣ этого вѣка.

Однако, именно здѣсь изложенная теорія и находитъ свое подтвержденіе. Кризисы вызываются тѣмъ, что въ фазисѣ подъема потребленіе капитала идетъ быстрѣе, чѣмъ его образованіе; поэтому, чѣмъ меньшимъ капиталомъ для поддержанія своей промышленности въ фазисѣ подъема располагаетъ страна, тѣмъ скорѣе долженъ закончиться подъемъ. Но страны старой капиталистической культуры помѣщаютъ у себя дома только часть своихъ капиталовъ — остальная же часть уходитъ заграницу. Напротивъ, Соединенные Штаты работаютъ не только своимъ, но и чужимъ капиталомъ — капиталъ къ нимъ притекаетъ изъ другихъ странъ. Въ этомъ приливѣ иностраннаго капитала и заключается существенное преимущество въ разсматриваемомъ отношеніи Америки передъ Европой. Именно приливъ европейскаго капитала, какъ указываетъ Лескюръ, и помогъ Америкѣ избѣгнуть въ началѣ настоящаго вѣка кризиса.

Устойчивость промышленнаго застоя въ Россіи также находитъ себѣ вполнѣ удовлетворительное теоретическое объясненіе. Въ Россіи образуется внутри страны ничтожное количество капиталовъ; поэтому промышленный подъемъ въ Россіи возможенъ лишь на основѣ прилива иностраннаго капитала. Но иностранный капиталъ пересталъ за послѣдніе годы притекать въ Россію, вслѣдствіе неустойчивости нашего политическаго положенія — и вотъ почему у насъ съ 1899 г. продолжается промышленный застой, между тѣмъ, какъ остальной капиталистическій міръ успѣлъ за это время пережить фазисъ подъема и вступить въ новый фазисъ упадка.

Изложенная въ текстѣ теорія кризисовъ находится въ органической связи съ развитой въ предыдущей главѣ теоріей рынковъ — обѣ теоріи стоятъ и падаютъ вмѣстѣ. Между тѣмъ, успѣхъ ихъ въ научныхъ кругахъ былъ весьма различенъ. Теорія рынка не встрѣтила сочувствія и была принята очень немногими[14]); напротивъ, теорія кризисовъ очень быстро пріобрѣла сторонниковъ и легла въ основаніе изслѣдованій Шпитгоффа, Поле, Эйленбурга и др., воспринявшихъ ее цѣликомъ или въ значительной части. Лескюръ въ своемъ обширномъ изслѣдованіи исторіи кризисовъ попытался объяснить, исходя изъ нея, промышленные кризисы въ другихъ странахъ, кромѣ Англіи. И даже несогласный съ ней Зомбартъ въ своемъ рефератѣ о германскомъ кризисѣ 1900 г., прочитанномъ на собраніи „Союза соціальной политики" въ 1903 г., призналъ ее „чрезвычайнымъ шагомъ впередъ и, безъ сомнѣнія, высшей формой теорій кризисовъ"[15]). Между тѣмъ, какъ сказано, одна теорія предполагаетъ другую—если принимать изложенную теорію кризисовъ, то слѣдуетъ принять и ея логическую основу, теорію рынковъ, какъ ни кажется парадоксальна при недостаточномъ проникновеніи въ законы капиталистическаго хозяйства эта послѣдняя теорія.

ЛИТЕРАТУРА.

Sismondi. Nouveaux Principes d'économie politique. Его-же. Etudes sur l'économie politique. Марксъ. Капиталъ. Т. II и III. Родбертусъ. Соціальныя письма. Jevons. Investigations in Currency and

Finances. 1884. Laveleye. Le marché monétaire et ses crises depuis cinquante ans. 1865. Juglar. Des crises commerciales et de leur retour périodique. 1889. М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи. 1894. Его-же. Промышленные кризисы. 1900. Его-же. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England. 1901. Bergmann. Geschichte der nationalökonomischen Krisentheorien. 1895. Jones. Economic Crises. 1900. Eulenburg. Die gegenwärtige Wirtschaftskrise. Jahrb. für Nationalökonomie. 1902. May. Das Grundgesetz der Wirtschaftskrisen. 1902. Pohle. Bevölkerungsbewegung, Kapitalbildung und periodische Wirtschaftskrisen. 1902. Spiethoff. Vorbemerkungen zu einer Theorie der Ueberproduktion. Jahrbuch für Gesetzgebung und Verwaltung des Deutschen Reichs. 1902. Его-же. Die Krisentheorien von Tugan-Baranowsky und Pohle. Тамъ-же. 1903. Каутскій. Теорія кризисовъ. Пер. съ нѣм. 1907. Обсужденіе германскаго кризиса 1900 г. Союзомъ соціальной политики см. Schriften des Vereins für Socialpolitik. Т. 113. Брандтъ. Торговопромышленный кризисъ. 1902—1904. Мигулинъ. Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ. 1902. Bouniatian. Studien zur Theorie und Gechichte der Wirtschaftskrisen. 1908. Лескюръ. Общіе и періодическіе промышленные кризисы. Пер. съ франц. Н. И. Сувирова. 1908.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ II.

1) Діаграмма эта, взятая изъ моей книги «Промышленные кризисы», построена слѣдующимъ образомъ. На діаграммѣ помѣчены за соотвѣтствующіе года отклоненія вверхъ и внизъ отъ средней, которой соотвѣтствуетъ горизонтальная линія посреди діаграммы. Толстая линія выражаетъ собой цѣнность вывоза произведеній Соединеннаго Королевства; тонкая линія — количество звонкаго металла въ кассахъ Англійскаго банка въ осенніе мѣсяцы; прерывающаяся линія—цѣны въ Англіи желѣза. Цифры внизу и вверху діаграмы обозначаютъ собой соотвѣтствующіе годы.

2) Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить съ движеніемъ цѣны желѣза, строго слѣдующимъ фазисамъ капиталистическаго цикла движеніе хлѣбныхъ цѣнъ—никакого параллелизма между обоими движеніями не наблюдается. См. таблицу хлѣбныхъ цѣнъ въ Англіи и движеніе англійскихъ урожаевъ въ моей книгѣ «Промышленные кризисы въ современной Англіи» (первое изданіе). Стр. 444—446.

3) Теорія Джевонса изложена авторомъ въ статьяхъ «The Solar Period and the Prices of Corn», «The Periodicity of Commercial Crises» и «Commercial Crises and Sun-spots» (см. его «Investigations in Currency and Finances»). Теорія Джевонса нашла послѣдователей—извѣстный итальянскій экономистъ Боккардо предлагалъ въ своей книгѣ Economia Politica (1877) организовать для окончательнаго рѣшенія вопроса рядъ астрономическихъ, ботаническихъ и статистическихъ наблюденій.

4) E. de Laveleye. Le marché monétaire et ses crises depuis cinquante ans. 1865. Стр. 148 и слѣд.

5) C. Juglar. Des crises commerciales et de leur retour périodique. 1889. Стр. XV.

6) Тамъ же, 33.

7) John Mills. On Credit Cycles and the Origin of Commercial Panics. (Transactions of the Manchester Statistical Society. 1867—68).

8) Теорія кризисовъ Родбертуса изложена авторомъ преимущественно въ его четырехъ «соціальныхъ письмахъ» къ Кирхману. В. П. Воронцовъ признаетъ себя послѣдователемъ Родбертуса, но по очевидному недоразумѣнію—онъ является послѣдователемъ Сисмонди.

9) Жанъ Лескюръ. Общіе и періодическіе промышленные кризисы. Пер. съ франц. Н. Сувирова. 1908. Стр. 241.

10) Hasenkampf. Die wirtschaftliche Krisis des Jahres 1907 in den Vereinigten Staaten von Amerika. 1908. Стр. 12.

11) Это было отмѣчено мною весной 1907 г. въ моихъ лекціяхъ. См. мою книгу «Лекціи по политической Экономіи» 1907. Стр. 346.

12) Jahrbücher für Nationalökonomie. III. F. T. 35. 3 книга. Стр. 832—33.

13) Hasenkampf, Цитир. сочин. 51—52.

14) Среди нихъ слѣдуетъ отмѣтить проф. Шпитгоффа. См. его статью «Die Krisentheorien von Tugan-Baranowsky und Pohle». Jahrbuch für Gesetzgebung und Verwaltung des Deutschen Reichs. 1903.

15) См. Schriften des Vereins für Socialpolitik T. 113. Verhandlungen der Generalversammlung in Hamburg. 1904. Стр. 130.

20059

Списокъ цитированныхъ авторовъ*).

Анфантенъ 448.
Аппыферовъ 320, 447.
Аристотель 103.
Афанасьевъ 260.

Базаровъ 87, 148.
Базаръ 520.
Балакшинъ 320.
Бакстеръ 680.
Бемъ-Баверкъ 65, 349, 367, 369, 370, 530, 532, 572, 573, 630, 631, 632, 635, 638, 639, 640, 641, 653, 657, 658, 679.
Бернгарди 121, 129.
Бернштейнъ 515, 520, 719.
Белль 551.
Белонъ 112, 128.
Берлинъ 521.
Бланкъ 516, 517, 521.
Боденъ 381, 386, 387.
Боккардо 756.
Бороной 598.
Бородаевскій 448.
Борткевичъ 660.
Боули 566, 574, 684, 685.
Бржесскій 295, 296.
Брентано 551, 571.
Брэсси 551.
Булгаковъ 319, 723.
Бутсъ 567, 574.
Быховскій 319.
Бѣляевъ 267.
Бюхеръ 9, 27, 102, 108, 109, 112, 113, 128, 134, 146, 156, 167, 168, 170, 171, 172, 174, 177, 183, 187, 190, 522, 531.

Вагнеръ 8, 23, 26, 28, 83, 88, 412, 685.
Вальрасъ 59.
Веберъ 86.
Веббъ 506, 582, 597, 598.
Вениаминовъ 296.
Вибе 387, 390, 419.
Виверъ 23, 27, 39, 53, 65, 72, 86, 87, 530, 544, 545, 631.
Виндельбандъ 50, 55, 85.
Воронцовъ 240, 241, 718, 719, 723.
Вундтъ 17, 27, 40, 53, 55, 56, 85.

Газенкампфъ 754, 757.
Гансенъ 262.
Гаррисонъ 571.
Гакстгаузенъ 289, 290, 296.
Генкель 52.
Гельдъ 210.
Гельмгольцъ 140.
Георгіевскій 8, 26, 143, 144, 658.
Германъ 14, 27.
Герценъ 290.
Герцка 427.
Герцъ 319.
Геффдингъ 56, 85.
Гильдебрандъ 58, 86, 128, 262, 294, 445, 446.
Гиффенъ 418.
Годенъ 216, 217.
Гольдгаммеръ 148.
Гольдштейнъ 260.
Госсенъ 59, 61.
Гоффманъ 140.
Гошенъ 418.
Гриневичъ 620, 627.
Гурнэ 458.

Давидъ 319, 678, 679.
Демевтьевъ 615, 627.
Денъ 208, 211.
Джевонсъ 59, 80, 81, 87, 147, 418, 419, 724, 735, 736, 737, 756.
Дженксъ 260.
Джорджъ 572, 670.
Диль 81, 87.
Дитцель 9, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 43, 51, 53, 81, 83, 84, 86, 87, 88, 101.
Дмитріевъ 81.
Дьяконовъ 129.
Дюрингъ 172, 144, 148, 167, 520.

Еврскій 211.
Ефименко 264, 270, 294, 295, 296.

*) Въ этотъ списокъ не вошли авторы, произведенія которыхъ были указаны лишь въ обзорахъ литературы предмета.

Желѣзновъ 22, 27, 167, 571, 572.
Жюгларъ 737, 739, 740, 757.

Закъ 242, 244.
Зальцъ 573.
Зелигмановъ 571, 573, 678.
Зетберъ 380.
Зельгеймъ 486.
Зиберъ 103, 151, 170, 294, 368.
Зигвартъ 53.
Зомбартъ 82, 88, 113, 147, 148, 178, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 211, 260, 685, 723, 755.
Зиммель 169, 172.
Зинзинъ 139.

Игнатовичъ 129.
Изгоевъ 723.
Ильинъ 211, 244, 345, 723.
Исаевъ 8, 26, 148, 170.

Каблуковъ 187.
Кантъ 6, 38, 58, 80, 85, 87.
Каутскій 316, 319, 320, 520, 517, 695, 719, 723.
Кауфманъ А. А. 268, 288, 291, 292, 294, 297, 345.
Кауфманъ И. И. 447.
Качоровскій 275, 291, 296.
Кенэ 457, 502, 503, 504, 505, 520, 696.
Кери 667.
Кирилловъ 188.
Кларкъ 545, 546, 570.
Кнаппъ 374, 395, 418, 421.
Ковалевскій 221, 223.
Ковалевскій М. М. 294.
Консидеранъ 470.
Конштедтъ 320, 321.
Контъ 146.
Конъ 455, 469.
Корсакъ 209, 211.
Косинскій 447.
Кофодъ 296.
Кулишеръ 128, 210, 243, 447, 597.
Кэрнсъ 27, 46, 53.

Лабріола 596.
Лавеле 737, 738, 756.
Лавровъ 50, 53.
Ландри 658.
Лассаль 476, 537, 571, 584, 642, 657.
Лаутленъ 418, 419.
Лексисъ 83, 88, 386, 390, 421.
Леруа-Болье 551.
Лескюръ 719, 755, 757.
Либкнехтъ 300, 316.
Линнертъ 128, 147.
Лисенко 188.
Листъ 106, 459.
Литвиновъ-Фалинскій 241.
Луи-Поль 595, 596, 598.
Лучицкій 270.
Люксембургъ 719.
Лященко 126, 129.

Майеръ 112, 128.
Маклеодъ 448.
Макрости 260.
Мальтусъ 469, 537, 568, 635.
Мануиловъ 671, 679.
Марксъ 26, 40, 66, 80, 81, 82, 87, 88, 90, 91, 94, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 137, 138, 140, 147, 148, 166, 167, 172, 231, 242, 243, 244, 300, 308, 315, 316, 320, 321, 356, 363, 363, 370, 418, 470, 476, 477, 486, 505, 507, 511, 516, 520, 531, 538, 576, 593, 632, 651, 654, 655, 656, 658, 659, 660, 680, 681, 682, 684, 685, 696, 697, 706, 718, 719, 720.
Маршаллъ 27, 81, 87, 418.
Масловъ 344.
Мауреръ 262.
Менгеръ 23, 24, 27, 28, 48, 53, 59, 62, 66, 67, 81, 86, 530.
Мерингъ 718.
Меркуловъ 320.
Миклашевскій 404, 421.
Миллъ, Джемсъ 158.
Миллъ, Джонъ 42, 53, 79, 87, 185, 382, 419, 487, 492, 541, 542, 572.
Мильеръ 737, 740, 741, 757.
Милюковъ 291, 296.
Михайловскій 50, 168, 169, 172, 291.
Монтескье 569.
Морганъ 128, 506.

Нассе 386, 390.
Нейманъ 103.
Неждановъ 723.
Николаевъ 214, 223, 319.
Николай—онъ 87, 716, 718, 723.
Никольсонъ 418.
Нитти 574.

Огановскій 325, 344.
Озеровъ 627.
Оппенгеймеръ 218, 223.
Оуенъ 415, 416, 421, 472, 485, 496, 578, 579.

Павловъ-Сильванскій 120.
Петражицкій 49, 53, 85.
Платовъ 171, 532.
Платтеръ 22, 27.
Плехановъ 320.
Погожевъ 244.
Поле 755.
Посниковъ 296.
Потресовъ 223, 320.
Поттеръ 486.
Прейсъ 94.
Прокоповичъ 627.
Прудонъ 58, 86, 379, 416, 418, 421.

Ратцель 128, 147.
Раухбергъ 243.
Рѣло 141.
Рикардо 40, 53, 59, 65, 67, 68, 71, 72, 80, 81, 87, 88, 97, 99, 347, 363, 368, 370, 381, 392, 419, 531, 532, 537, 541, 543, 572, 635, 646, 647, 649, 658, 659, 662, 666, 667, 669, 671, 691, 692, 695.
Риккертъ 30, 50, 51, 52.
Рихтеръ 325, 344.
Родбертусъ 54, 73, 74, 75, 80, 85, 87, 108, 667, 668, 669, 679, 680, 681, 682, 684, 685, 742, 743, 757.
Роджерсъ 419, 564.
Рожковъ 126, 129.
Рошеръ 8, 26, 87, 630, 631, 632, 657.
Рэ 158.

Саксъ 492.
Семевскій 123, 129.
Сеніоръ 600, 636.
Сенъ-Симонъ 160, 289, 448, 505.
Серг[illegible]скій 170, 244, 574.
Сергѣевичъ 291, 296.
Сисмонди 693, 694, 695, 718, 721, 742.
Сиджвикъ 27.
Слобожанинъ 486.
Смитъ 82, 87, 88, 146, [illegible], 158, 166, 167, 170, [illegible], 387, 457, 459, 462, 469, [illegible], 505, 520, 565, 640, 651, [illegible], 720, 721.
Сорель 596, 597, 598.
Спенсеръ 147, 161, 162, 164, 166, 168, 171.
Степановъ 87.
Столяровъ 86.
Струве 81, 103, 126, 169, 172, 207, 209, 222, 679.
Суворовъ 516.
Сэ 82, 143, 145, 526, 527, 532, 630, 631, 690, 691, 692, 720.

Таусситъ 572, 573.
Тацитъ 262, 263.
Торнтонъ 534, 535, 571, 572.
Тотоміанцъ 223, 320, 486.
Тукъ 419.
Тюненъ 302, 631, 632, 657, 558, 677.
Тюрго 504, 505, 520, 537, 571, 677.

Уокеръ 418, 573.
Уэтли 347.

Фаусетъ 572.
Филипповичъ 22, 27, 685.
Фишеръ 301.
Фишеръ Ирвинъ 658.
Фуллартонъ 419.
Фурье 24, 28, 147, 216, 289, 465, 467.
Фюстель де Куланжъ 262.

Цезарь 262, 263.

Чернышевскій 268, 290, 296.
Черновъ 520.
Чичеринъ 267, 268, 291.
Чупровъ А. А. 296.
Чупровъ А. И. 7, 26, 145, 148, 277, 296, 319, 345.

Шенбергъ 419.
Шенгофъ 551.
Шеффле 605.
Шестаковъ 627.
Шлоссъ 574.
Шми[illegible] 719, 723.
Ш[illegible] 7, 26, 40, 42, 53, 129, 171, 172, [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Шульце Геверницъ 244, 551, 573, [illegible]

Э[illegible]бургъ 660, 755.
Эккаріусъ 316.
Энгельсъ 7, 18, 26, 27, 103, 114, 128, 171, 505, 516, 521, 718, 719, 721, 722.
Эренфельсъ 56.
Эффертцъ 87.

Янжулъ 574, 627.
Яроцкій 193, 211.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строки	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
8	20 сн.	Шоура	Шора
153	16—17 св.	четыре	три
213	17 св.	артелей можетъ	артели могутъ
352	21 св.	е[illegible]ложенія	предложенія
574	2 сн.	Huttu	Нитти

№ 40 c/IV
35
БП—3
20060